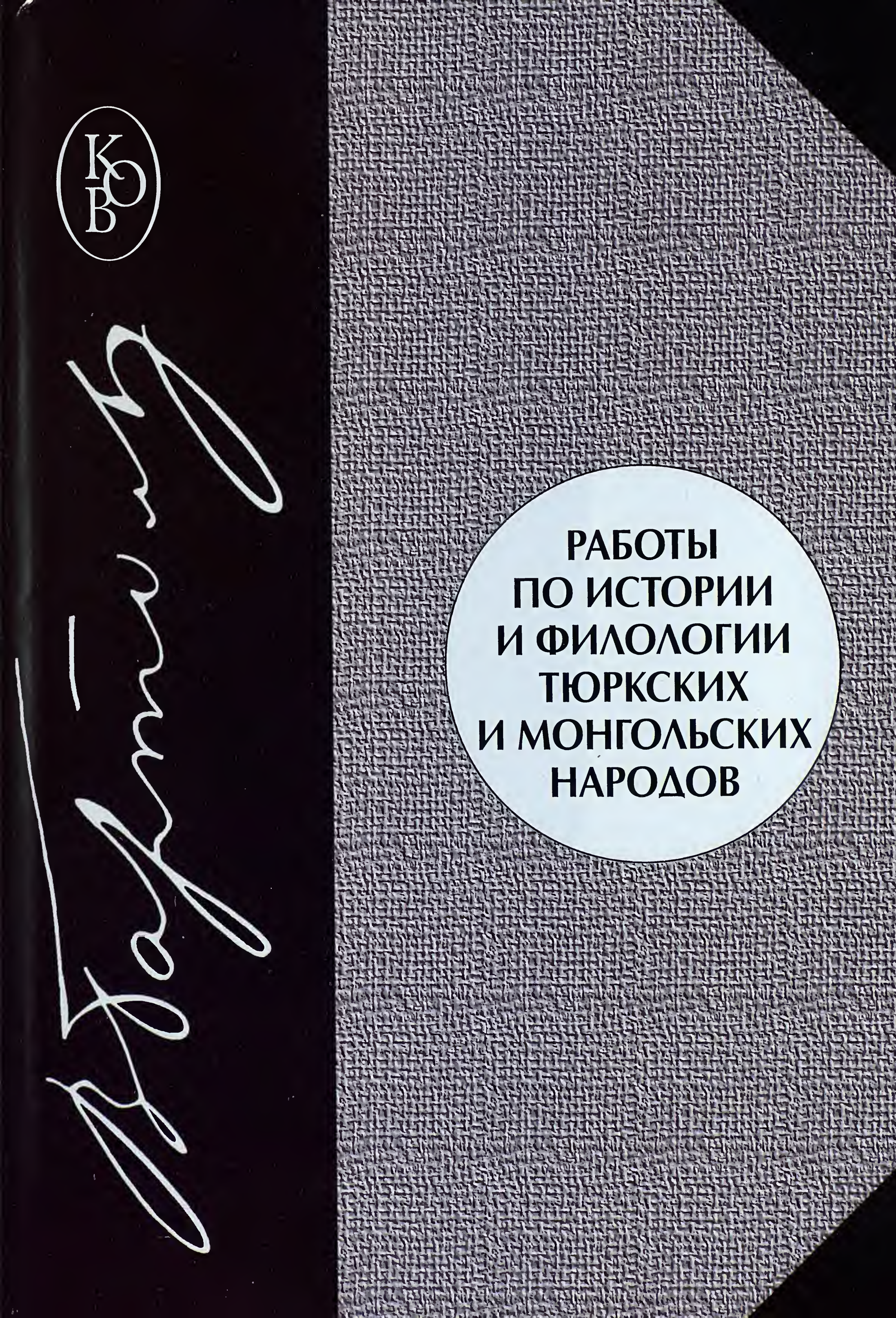
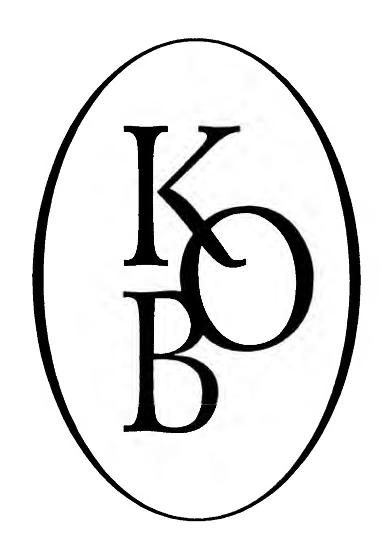

КОВ
РАБОТЫ
ПО ИСТОРИИ
И ФИЛОЛОГИИ
ТЮРКСКИХ
И МОНГОЛЬСКИХ
НАРОДОВ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Отделение историко-филологических наук

КЛАССИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ



Серия основана в 2001 году

В.В.Бартольд
(1860—1930)

В.В.БАРТОЛЬД

Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов

МОСКВА
Издательская фирма
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН
2002

УДК [94+80]=811.512
ББК 63.3(0)+80(=Монг+Тюрк)
Б26

Подготовил к изданию
С.Г. КЛЯШТОРНЫЙ

Ответственный редактор
А.Н. КОНОНОВ

Редактор издательства
Ю.Э. БРЕГЕЛЬ

Бартольд В.В.
Б26 Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов / В.В. Бартольд ; Подгот. к изд. С.Г. Кляшторный ; Отв. ред. А.Н. Кононов. — Перепеч. с изд. 1968 г. — М.: Вост. лит., 2002. — 757 с. — (КОВ : Классики отеч. востоковедения : Осн. в 2001 г.). — ISBN 5-02-018339-3 (в пер.), 1000 экз.

В книгу, являющуюся одним из выпусков серии «Классики отечественного востоковедения», включены работы выдающегося российского востоковеда акад. В.В.Бартольда, посвященные истории и филологии тюркских и монгольских народов, а также некоторые статьи и рецензии, относящиеся к истории Центральной Азии и Дальнего Востока и в той или иной мере затрагивающие историю тюркских и монгольских народов или созданных ими государственных образований.
Текст воспроизводится по изданию: *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. V. М., 1968.

ББК 63.3(0)+80(=Монг+Тюрк)

ISBN 5-02-018339-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

В V том «Сочинений» В. В. Бартольда включены работы, посвященные истории и филологии тюркских и монгольских народов, а также некоторые статьи и рецензии, относящиеся к истории Центральной Азии и Дальнего Востока и в той или иной мере затрагивающие историю тюркских и монгольских народов или созданных ими государственных образований.

Наряду с общей историей Средней Азии история тюркских и монгольских народов занимает в научном наследии В. В. Бартольда едва ли не главное место. Этой теме полностью или частично посвящены и многие значительные работы, вошедшие в другие тома «Сочинений» («Очерк истории Семиречья», «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», «Улугбек и его время», «Очерк истории туркменского народа», «Киргизы», «История культурной жизни Туркестана», «Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира» и др.). В настоящем томе собраны те работы, где названная тема получила либо наиболее обобщенное освещение, либо, напротив, узкоспециальную трактовку, в связи с рассмотрением отдельных проблем тюркологии и монголоведения.

В деятельности В. В. Бартольда можно выделить два периода, когда история тюркских и монгольских народов разрабатывалась им особенно интенсивно, — это 1892—1899 и 1925—1930 гг. Именно в эти годы была написана им бóльшая часть работ, публикуемых ниже, но при оценке творчества ученого оба периода нельзя признать равнозначными.

К первому периоду относятся работы, связанные главным образом с несколькими интересовавшими тогда В. В. Бартольда или по разным причинам выдвинутыми на передний край науки проблемами: предпосылки и последствия образования монгольской империи, формирование и характер огузского эпоса, историографическое значение впервые прочтенных тогда орхонских надписей. Одновременно В. В. Бартольд формулирует, главным образом в серии рецензий, свое отношение к вопросам методики и методологии научного исследования. Продолжая работать над теми же темами в течение первых двух десятилетий XX в., В. В. Бартольд редко выходил за пределы намеченных им ранее сюжетов, лишь углубляя и обогащая новыми материалами свои прежние работы.

Работы 20-х годов отличаются более широким проблемным и хронологическим диапазоном, в них реализуется огромная эрудиция и опыт исследователя, результаты более чем тридцатилетнего детального изучения самых разнообразных источников, относящихся к истории тюркских и монгольских народов; здесь синтезируются итоги длительной работы по выявлению и многосторонней оценке самых разнообразных исторических фактов, которые в совокупности, в системе, оказываются необходимыми элементами реконструируемой картины событий. В обобщающих трудах В. В. Бартольда, несмотря на многообразие сюжетов, не только не утрачиваются, но, напротив, находят наиболее полное воплощение качества, характерные для его более специальных и узких по теме работ: стремление к максимальной полноте используемых материалов, строгие критические оценки источников, скрупулезность в подходе к любому вопросу, возникающему в процессе исследования; этими обстоятельствами в немалой степени объясняется непреходящая ценность обобщающих работ В. В. Бартольда в области тюркологии, где быстрое накопление новых фактов не раз отодвигало на задний план и делало предметом лишь истории науки аналогичные попытки, предпринятые с более скромным научным багажом.

Проявившийся в середине 20-х годов интерес В. В. Бартольда к обобщающим темам, прежде всего тюркологическим, неразрывно связан с теми великими социальными изменениями, которые потрясли Туркестанский край после Октябрьской революции, и, более того, был их прямым следствием. Культурные преобразования и национальное строительство, начавшиеся в Туркестане, едва завершилась гражданская война, быстро меняли лицо бывшей азиатской окраины Российской империи. Естественно, что русский ученый, отдавший многие годы жизни восстановлению исторического и культурного прошлого народов, населявших Среднюю Азию, не мог оказаться в стороне от разработки тех вопросов, решение которых предопределяло последующую историческую жизнь этих народов.

Не следует, конечно, упускать из виду, что даже самые смелые предположения В. В. Бартольда о возможном будущем народов Средней Азии, о мерах, необходимых для улучшения их настоящего положения и для изучения их прошлого, появлявшиеся в некоторых дореволюционных работах и письмах ученого, не выходили за рамки гуманистических идей, распространенных среди прогрессивной части русской научной интеллигенции. Не всё и не сразу в происходивших после 1917 г. событиях было понято и принято В. В. Бартольдом. Но осознания своего долга ученого-патриота, не мыслившего сойти с пути служения отечественной науке, перед которой революция выдвинула новые задачи, В. В. Бартольд не утратил ни на мгновение.

Уже в 1920 г., во время своей поездки в Ташкент, куда он был командирован для организации кафедры истории Востока в Туркестанском

государственном университете, В. В. Бартольд правильно оценил широкие перспективы, открывавшиеся в новых условиях перед учеными-востоковедами. Его тогдашние выступления в Ташкенте в противоположность выступлениям предреволюционных лет отличаются уверенностью в быстром прогрессе исследовательской работы на местах. Стремление В. В. Бартольда принять самое активное участие в этой работе стимулировал огромный интерес к национальной истории и национальным культурным традициям, пробудившийся в Средней Азии в период революционных событий и особенно усилившийся во время национального размежевания 1924 г. Стало очевидным, что изучение истории среднеазиатских народов, главным образом тюркоязычных, и немедленный ответ на главные вопросы, касающиеся их прошлого, являются насущно необходимой частью культурного и национального строительства. Всякое промедление в этой области означало уступку националистической реакции, стремившейся использовать в борьбе с советской властью в Туркестане острое оружие этнических предрассудков, национальной и религиозной нетерпимости, разжигаемых с помощью фальсифицированной истории. Пером В. В. Бартольда молодая советская историческая наука дала первый ответ неведению одних и злонамеренности других.

После 1924 г. В. В. Бартольд создает серию исторических очерков, посвященных отдельным среднеазиатским народам, и не случайно, что аспект политической истории не заслоняет в них аспектов истории этнической и культурной. В дальнейшем эти очерки стали основой для разработки истории отдельных республик Средней Азии, и советская историография этих республик закономерно видит в них свои исходные позиции. Но уже в 1926 г. В. В. Бартольд не ограничивал своих задач серией очерков; тогда им была предпринята первая научно обоснованная попытка достигнуть более высокой ступени обобщения — рассмотрения истории тюркоязычных народов как сложного процесса, в котором родственные по языку, но часто различные по своему экономическому быту народы на протяжении по меньшей мере двух тысячелетий прошли путь самостоятельного социального, политического и культурного развития, путь, который во многих случаях приводил к созданию устойчивых национальных и государственных образований в разных частях Азиатского континента.

Публикуемые ниже работы отражают эволюцию научных представлений В. В. Бартольда в его взглядах на историю тюркских и монгольских народов.

Интерес к тюркологической тематике возник у В. В. Бартольда еще в студенческие годы, когда им был начат перевод замечательного памятника огузского героического эпоса — *Китāб-и Деде Коркут* («Книга моего деда Коркута»). В течение 1894—1904 гг. В. В. Бартольд опубликовал в оригинале (по дрезденской рукописи) четыре главы «Книги», снабдив их русским переводом и краткой вступительной статьей. Лишь

в мае 1922 г. В. В. Бартольд завершил полный перевод памятника, который предназначался для руководимого А. М. Горьким издательства «Всемирная литература», но не вышел в свет при жизни автора [1]. По словам А. Ю. Якубовского, перевод В. В. Бартольда обладает «не только научными, но и художественными достоинствами. В. В. Бартольду удалось так перевести этот памятник народного творчества, что даже самый искушенный и строгий читатель получит подлинное наслаждение и почувствует аромат кочевой жизни и кочевого быта» [2].

Детальное знание и глубокое понимание памятника, стремление найти его древнейшие фольклорные истоки, воссоздать историю бытования в народной тюркоязычной среде, охарактеризовать исторический фон, а в отдельных случаях и хронологическую канву эпических сказаний — все это нашло отражение в четырех специальных статьях В. В. Бартольда, первая из которых появилась в 1895 г., а последняя — в 1930 г. [3]. Особый интерес вызывают выводы ученого об общем источнике огузских (туркменских) и казахских преданий о Коркуде, унаследованном от раннесредневекового тюркоязычного населения низовьев Сыр-Дарьи, о решающей роли политической обстановки и этнокультурной среды Кавказа XI—XV вв. для окончательного оформления всего эпического цикла и, наконец, вывод о необходимости отнести «Книгу» не к творчеству одного автора, а к творчеству целой школы рапсодов. Значение работ В. В. Бартольда о «Книге моего деда Коркута» теперь наиболее полно оценено В. М. Жирмунским и А. Н. Кононовым: «Работы В. В. Бартольда и его учеников. . . создали прочное научное основание для исторического и фольклорного истолкования огузского эпоса. Исследования турецких, немецких, итальянских ученых, опубликованные в большом числе за последнее двадцатилетие, шли по тем путям, которые в свое время проложил В. В. Бартольд» [4].

Открытие, дешифровка и прочтение древнетюркских рунических надписей из бассейна реки Орхон в Северной Монголии (1889—1894 гг.) определили еще одно направление тюркологических интересов В. В. Бартольда, которому он оставался верен в течение тридцати лет. Его первой работой, посвященной новой тогда теме (1897 г.) [5], была по существу начата историографическая интерпретация орхонских памятников на широком фоне исторических событий, охвативших в конце VII—начале VIII в. Восточную и Западную Азию. Однако после того как В. Банг и И. Маркварт исправили неверную систему хронологического отсчета

---

[1] См. теперь *Китāб-и Деде Коркут*, пер. Бартольда, изд. 2.

[2] Там же, стр. 121.

[3] *Коркуд* (см. ниже, стр. 236—237); *Еще известие о Коркуде* (см. ниже, стр. 377—381); *Султан Синджар и гузы* (см. наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 414—416); *Турецкий эпос и Кавказ* (см. ниже, стр. 473—485).

[4] *Китāб-и Деде Коркут*, пер. Бартольда, изд. 2, стр. 6.

[5] *Die historische Bedeutung.*

событий, предложенную первыми переводчиками надписей, В. В. Бартольд пересмотрел изложение и отождествление фактов, принятое в этой статье, и в других работах вновь вернулся к сравнительному изучению источников (1899 г.) [6].

Главными результатами этих работ В. В. Бартольда были определение места древнетюркских памятников среди других источников по истории Средней и Центральной Азии, синхронизация событий, описываемых в разных источниках, определение различных аспектов изучения надписей. Вместе с тем В. В. Бартольд привлек к интерпретации надписей значительное число впервые вводимых им в научный оборот сведений из арабских и персидских источников, что позволило ему дать широкую трактовку событий, до того рассматривавшихся как частные эпизоды истории Средней Азии накануне и в период арабского завоевания этой страны. Известным этнографическим дополнением к первым работам об орхонских надписях была небольшая статья (1906 г.) [7], где В. В. Бартольд отмечает существование системы счета, принятой в древнетюркских памятниках, в одном из современных уйгурских диалектов Восточного Туркестана.

К орхонской теме В. В. Бартольд вновь возвращается в своих лекциях 1926—1927 гг.; три минувших десятилетия позволили ученому вновь оценить эти памятники, рассмотрев их в панораме тех сдвигов, которыми характеризовалось — в немалой степени благодаря трудам самого В. В. Бартольда — состояние исследования источников по истории Средней и Центральной Азии. «Орхонские надписи. . . представляют совершенно исключительное явление в истории граничивших с Китаем кочевых государств домонгольского периода» [8], — пишет он в 1926 г., но, уточняя эту высокую оценку, В. В. Бартольд решительно предостерегает против легкомысленного отношения к трудностям историографической интерпретации памятников: «Помимо своего лингвистического значения, надписи имеют не меньше значения и для историка, как рассказ турок VIII в. о себе, во многом дополняющий сведения китайских источников. Необходимо, однако, помнить, что, хотя со времени открытия датским лингвистом Томсеном ключа к чтению надписей прошло уже более 30 лет, дело разбора далеко не закончено и толкование многих мест остается спорным. Попытки без знания языка, на основании существующих переводов, пользоваться надписями как историческим источником могут привести и часто приводили к совершенно ошибочным историческим выводам» [9].

---

[6] *Die alttürkischen Inschriften*; *Новые исследования об орхонских надписях* (см. ниже, стр. 284—328).

[7] *Система счисления орхонских надписей в современном диалекте* (см. ниже, стр. 363—364).

[8] См. ниже, стр. 32.

[9] См. ниже, стр. 455.

Эта оценка сохраняет свое значение и поныне, так же как и другой вывод В. В. Бартольда, впервые указавшего, что древнетюркские памятники позволяют пересмотреть существовавшие в науке представления о системе культурного взаимодействия народов Дальнего Востока, Центральной и Передней Азии: «До последнего времени существовало мнение, будто мир дальневосточной культуры почти не подвергался западному влиянию, что Монголия и жившие в ней народы подвергались только влиянию китайской культуры. . . Наиболее веский довод против этого мнения — существование как у турок VIII в., так и у монголов в XIII в. алфавитов переднеазиатского происхождения» [10].

Проблема культурных контактов между Западом и Востоком, иногда далеко выходящих за пределы азиатской ойкумены, не миновала внимания В. В. Бартольда и стала сюжетом его первой печатной работы (1892 г.) [11], впоследствии значительно дополненной (1914 г.) [12]. И много позднее, в 1924 г., отвечая на возражения П. Пельо, В. В. Бартольд пишет: «Для культурной истории не только Востока, но и Европы представлял бы интерес факт, что европеец XIII в., притом недуховного звания, мог. . . наравне с мусульманами быть членом китайских ученых учреждений» [13].

Вскоре после появления «Пизанца Исола» В. В. Бартольд обращается к иному, исторически более широкому аспекту той же проблемы, где на первый план выдвигается вопрос о роли культурных иноплеменников в монгольской империи. Уже в предшествовавшей «Туркестану» (там этот аспект рассмотрен особенно подробно) пробной лекции об образовании империи Чингиз-хана ученый замечает: «Число монголов, способных занимать культурные должности, всегда было очень незначительно, и эти должности до конца монгольского владычества остались в руках уйгуров, персов и китайцев» [14]. А в 1909 г., в отклике на работу П. М. Мелиоранского, В. В. Бартольд, анализируя определенную литературную традицию, показывает те конкретные формы, в которых проявлялось воздействие на монголов и их тюркских предшественников, Караханидов, одной из древних цивилизаций Центральной Азии — уйгурской, отметив при этом сословный аристократический характер уйгурской грамотности в монгольской империи [15].

Изучение связей между Западной Европой и Восточной Азией на фоне событий, касающихся не только истории Востока, не могло не привлечь внимания В. В. Бартольда к вопросу о роли Востока во всемирной

[10] См. ниже, стр. 24—25.

[11] *Пизанец Исол* (см. ниже, стр. 233—235); близким по проблематике вопросам посвящены и две другие ранние работы В. В. Бартольда — *О христианстве в Туркестане* и *К вопросу о Чингизидах-христианах.*

[12] *Европеец XIII в. в китайских ученых учреждениях* (см. ниже стр. 382—391).

[13] *Научная поездка*, стр. 13.

[14] См. ниже, стр. 264.

[15] *К вопросу об уйгурской литературе* (см. ниже, стр. 365—368).

истории — вопросу, который в XIX в. отнюдь не казался ясным [16]. К этому вопросу В. В. Бартольд не раз возвращался в разные годы, но уже в публикуемой ниже ранней работе он ясно сформулировал свое отношение к проблеме в целом, отмечая, что «признание прав истории Востока на включение в круг дисциплин, составляющих науку всемирной истории, неразрывно связано с распространением на труды по истории Востока тех же научных требований, какие вообще предъявляются к историческим работам» [17]. Для В. В. Бартольда в этом смысле «нет промежутка между Востоком и Западом», но есть серьезный разрыв между состоянием источниковедения и исторической критики применительно к истории Европы и применительно к истории Востока [18]. Поэтому уже в ранних статьях и в особенности в рецензиях на работы по истории тюркских народов В. В. Бартольд уделяет методическим вопросам не меньшее внимание, чем остальным научным проблемам.

Особенно резко В. В. Бартольд выступает против обыкновения делать широкие заключения и создавать громоздкие исторические построения, исходя из совершенно случайных и недостоверных фактов. Отмечая слабую разработку источников, на которые мог бы опереться историк, и как следствие необходимость знания исследователем восточных языков, В. В. Бартольд пишет: «Между тем все авторы-неориенталисты, писавшие о тюрках, от Риттера до г-на Каёна включительно, за отсутствием точных исторических данных сближали между собой различные народы на основании звукового (обыкновенно случайного) сходства в их названиях и других собственных именах» [19]. Такого рода приемы В. В. Бартольд считал несовместимыми «с современным понятием о научном исследовании» [20], и их применение в русской науке вызвало у него понятное беспокойство.

Наиболее полно и четко формулирует В. В. Бартольд требование строгости научного метода в дискуссии с Г. Е. Грум-Гржимайло, в труде которого особенно ясно проявились дилетантизм и произвол в обращении с фактами. «Под научной подготовкой, филологической и исторической, — отмечает в этой связи В. В. Бартольд, — я понимаю то же самое, что и все прочие, т. е. известный запас фактических знаний (независимо от изучения литературы предмета в тесном смысле), знакомство с главными научными методами и умение применять их, т. е. прежде всего для филолога — не делать лингвистических сближений без знания языков, на основании простого языкового сходства (или по крайней мере не считать этих сближений несомненной истиной), а для историка — не противополагать устарелых теорий известиям первоисточников и в своем изложении

---

[16] Бартольд, *История изучения Востока*, изд. 2, стр. 22, 34—35.
[17] См. ниже, стр. 362.
[18] Бартольд, *История изучения Востока*, изд. 2, стр. 34—35.
[19] См. ниже, стр. 267.
[20] Там же.

везде строго отличать подлинные свидетельства источников от своих и чужих дополнений и комментариев к ним» [21].

Наиболее успешным опытом реализации отстаиваемого В. В. Бартольдом тезиса, что «история Востока может быть объяснена только путем применения тех же научных методов, как история Европы» в рамках всемирной истории [22], — применительно к истории тюркских, а отчасти и монгольских народов стали его «Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии».

Названный курс, изданный в 1927 г. на турецком, в 1935 г. — на немецком, а в 1945 г. — на французском языке, в своих отдельных частях складывался в течение ряда лет. Впервые мысли, связанные с возможностью создания подобной работы, появились в рецензиях конца 1890-х — начала 1900-х годов на труды Каёна, Аристова, Грум-Гржимайло, Шаванна. Однако лишь через много лет состояние науки, в особенности ее источниковедческой базы, позволило В. В. Бартольду вернуться к прежнему проекту. В рецензиях на труды де Грота о хуннах и Маркварта о половцах (начало 20-х годов) впервые находит отражение напряженная работа В. В. Бартольда над наиболее трудными для него разделами истории кочевников евразийских степей, мало привлекавшими его внимание ранее.

Во время первой после революции поездки в Западную Европу, в 1922 г., В. В. Бартольд по предложению Лондонского университета прочел в King's College курс из шести лекций, посвященный истории тюркских и монгольских племен Центральной Азии. Этот курс, основное содержание которого было изложено В. В. Бартольдом в докладе «Кочевники Средней Азии, их прошлое и настоящее», прочитанном на английском языке 27 марта 1923 г. в Лондоне, в Королевском антропологическом институте [23], а затем — в приложении к курсу лекций, прочитанных в Баку в 1924 г. [24], стал той основой, на которой вырос наиболее значительный труд ученого, посвященный тюркским народам.

В феврале 1926 г. В. В. Бартольд принял участие в Первом всесоюзном туркологическом съезде в Баку, где выступил с докладом «Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей» [25]. По оценке С. Ф. Ольденбурга, «доклад В. В. Бартольда говорил о прошлом тюркских народов и о степени нашего знакомства с ним. В мастерски сжатом изложении докладчик сумел дать полную картину современного знания истории тюркских народов и указать на ближайшие задачи тюркологии в этой области» [26].

---

[21] См. ниже, стр. 340.

[22] Бартольд, *История изучения Востока*, изд. 2, стр. 34.

[23] Текст этого доклада хранится в архиве В. В. Бартольда — Архив АН СССР (Ленинград), ф. 68, оп. 1, № 28.

[24] См. ниже, стр. 425—437 (*Обзор истории тюркских народов*).

[25] См. ниже, стр. 454—465.

[26] Ольденбург, *Первый Всесоюзный туркологический съезд*, стр. 2.

В том же году была завершена работа В. В. Бартольда над наиболее полным курсом лекций по истории тюркских народов, который по просьбе турецкого правительства был предназначен для чтения студентам Стамбульского университета. Однако, как пишет сам В. В. Бартольд, «предполагавшийся курс мог быть приготовлен только к июню, когда университетский учебный год был уже закончен; потому лекции читались мною в университете не для студентов, но для всех желающих. Лекций всего было двенадцать, и они обнимали историю среднеазиатских турецких народов от первого народа, называвшего себя турками, выступившего в VI в., до новейшего времени; эти лекции были прочитаны от моего имени молодым ученым Рагибом Хулуси, получившим высшее образование в Венгрии; он же был переводчиком второй части курса (переводчиком первой части был известный Академии наук ученый башкирского происхождения Ахмед Заки Валиди). Я присутствовал при чтении и отвечал после каждой лекции на предлагавшиеся мне вопросы» [27].

Вскоре после лекций в Стамбуле В. В. Бартольд зимой 1926/27 г. прочел в Ташкенте шесть лекций об истории тюркских и монгольских народов (изданы в 1928 г.) [28]. Здесь наряду с некоторыми дополнениями и уточнениями к стамбульскому курсу рассмотрены и такие аспекты истории кочевых народов Средней Азии, которых В. В. Бартольд в «Двенадцати лекциях» почти не затрагивал; значительно большее внимание уделено истории казахского и киргизского народов, рассмотрены отношения России со своими степными соседями, приведены некоторые сведения об истории изучения кочевых народов русскими путешественниками. Вместе с тем в этом курсе В. В. Бартольд почти не касался истории тюркоязычных народов, перешедших к оседлой жизни.

В 1929 г. вышла в свет статья В. В. Бартольда «Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов» [29], в которой он наиболее полно изложил свои взгляды на проблемы социально-экономического развития кочевых народов.

Своего рода резюме всех этих работ представляет собой статья «Тюрки» в «Энциклопедии ислама»; интересно отметить, что даже в этой относительно краткой статье справочного характера В. В. Бартольд привел также ряд новых фактов, отсутствующих в других его работах.

Выше мы уже останавливались на общем значении и отдельных аспектах изучения тюркских народов, отраженных в обобщающих работах 20-х годов и прежде всего в «Двенадцати лекциях». В некоторых случаях оказалось возможным установить преемственность между работами конца XIX в. и отдельными разделами «Двенадцати лекций». Но наиболее ярко эта преемственность сказалась в аспекте, которому сам В. В. Бартольд, особенно в поздних работах, уделял пристальное внимание — речь идет

[27] Бартольд, *Отчет о командировке в Турцию*, стр. 1833.

[28] *История турецко-монгольских народов* (см. ниже, стр. 195—229).

[29] См. ниже, стр. 468—472.

об оценке им социальных и политических процессов, результатом которых было образование обширных кочевых империй Центральной и Средней Азии.

Впервые взгляды В. В. Бартольда, относящиеся к этой теме, нашли отражение в работах 1896—1899 гг. Отвергая распространенную в конце XIX—начале XX в. расистскую апологию тюркских и монгольских завоеваний (Л. Каён, Г. Ховорс), сложившуюся не без зависимости от реакционной «этносоциальной» школы Л. Гумпловича, полемизируя с неокантианской индивидуализацией исторических явлений, В. В. Бартольд считал правильным такой подход к истории Востока, который «все более и более приводит к сознанию тех простых истин, что на Востоке, как и на Западе, обширные движения вызывались интересами обширного круга лиц, что в Азии и в Европе действуют одни и те же законы исторической эволюции» [30].

Из числа «законов исторической эволюции» применительно к истории кочевых народов В. В. Бартольд выделяет, хотя бы и в самом общем виде, два, по его мнению, важнейших: а) движение за образование «обширных кочевых империй» вызывается «различными причинами, главным образом экономического свойства» [31]; хотя возникающая империя и сохраняет структуру, при которой род остается «основной экономической единицей», а распадение ханского рода неизбежно порождает опасный для государства сепаратизм, все же нельзя объяснять, как это делал Н. А. Аристов, образование кочевых империй усилением отдельных родов или племен [32]; б) главным фактором, способствующим образованию степных государств, является не развитие родовой структуры, а возникновение сословной или классовой борьбы внутри кочевого общества; при возникновении как тюркского (VII—VIII вв.), так и монгольского (XIII в.) государств «переворот в жизни кочевников находился в связи с борьбой между степной аристократией и демократическими элементами. . . Отсутствие подробных данных об образовании других кочевых империй заставляет нас оставить открытым вопрос, происходили ли и там явления, более соответствующие понятию о классовой борьбе, чем понятию о борьбе между отдельными родами и племенами» [33].

К этим взглядам В. В. Бартольд вновь обращается в «Двенадцати лекциях», когда он формулирует основные положения концепции, наиболее соответствовавшей, по его мнению, ходу исторического процесса в степи. Во многом разделяя представления В. В. Радлова о характере и эволюции кочевого общества [34], В. В. Бартольд отмечает «только одну новую черту, на которую Радловым не было обращено внимание: одним

[30] См. ниже, стр. 278—279.
[31] См. ниже, стр. 253.
[32] См. ниже, стр. 278.
[33] См. там же.
[34] См. Бартольд, *Памяти В. В. Радлова.*

из чрезвычайных обстоятельств, под влиянием которых создавалось государство, могло быть обострение сословной борьбы между богатыми и бедными, между беками и простым народом. В кочевом обществе имущественные и сословные различия уже достигают таких пределов, что такое обострение вполне возможно»[35].

Через несколько лет, в 1929 г., В. В. Бартольд уточняет и универсализирует свое представление о закономерностях возникновения кочевого государства: «Без момента обострения классовой борьбы даже в условиях кочевого быта нет почвы для возникновения сильной правительственной власти»[36]. Это положение по праву оценено А. Ю. Якубовским как «обобщающее завершение взглядов, которые проводились в течение всей долгой работы В. В. Бартольда как гражданского историка»[37].

Неоднократно отмечалось воздействие марксизма на историографические представления В. В. Бартольда, в том числе и на представления о закономерностях сложения кочевых империй. Все же было бы ошибкой видеть в концепции, изложенной В. В. Бартольдом, сколько-нибудь последовательное отражение его перехода на подлинно материалистические позиции — марксизм как единая и цельная концепция исторического мировоззрения оставался ему чужд. Это видно, в частности, и из того, что само возникновение имущественного и сословного неравенства, классовой борьбы и государства В. В. Бартольд был склонен рассматривать не как закономерное, а как спорадическое явление в родовом обществе, обусловленное теми или иными чрезвычайными обстоятельствами. Он считал, что при сильной государственной власти могут быть ликвидированы сословные противоречия и может укрепиться или возродиться родовой строй в результате примирения классовых противоположностей. Этим, в частности, объясняется его убеждение, что в те времена, когда Радлов наблюдал жизнь кочевников, т. е. во второй половине XIX в., «среди них уже не было резкой социальной дифференциации»[38]. Тем не менее стремление В. В. Бартольда объяснять изучаемые им явления, выдвигая на первый план внутренние закономерности общественной жизни (экономические и социальные), выгодно отличало его от большинства современных ему исследователей Азии.

* * *

Из числа работ В. В. Бартольда, посвященных изучению истории тюркских и монгольских народов, в настоящее издание не включены популярная статья «Из прошлого турок» и краткая рецензия на первую —

---

[35] См. ниже, стр. 23.
[36] См. ниже, стр. 471.
[37] Якубовский, *Проблема*, стр. 67.
[38] Бартольд, *Томсен и история Средней Азии*, стр. 11.

журнальную — публикацию работы К. А. Иностранцева «Хунну и гунны» (1900), утратившая значение после выхода в свет второго издания этого труда (1926).

Работы, вошедшие в состав V тома «Сочинений», публикуются по тексту их прижизненных изданий без каких-либо изменений (за исключением унификации библиографического аппарата и транскрипции). Текст русского издания доклада «Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей» сверен с авторизованным немецким переводом 1929 г., и в него внесены некоторые дополнения в соответствии с последним.

Текст «Двенадцати лекций по истории турецких народов Средней Азии» публикуется по рукописи В. В. Бартольда (лекции 1—3 написаны от руки, остальные отпечатаны на машинке), принадлежащей профессору Стамбульского университета А. З. В. Тогану [39], и авторизованному немецкому переводу этой работы, изданному Т. Менцелем в 1935 г. (на основании этого перевода, в частности, в текст внесены дополнения и изменения, сделанные самим В. В. Бартольдом, когда он в 1930 г. просматривал присылавшуюся ему корректуру перевода).

Текст V тома «Сочинений» подготовлен к изданию С. Г. Кляшторным под редакцией А. Н. Кононова. Примечания (в угловых скобках) составлены С. Г. Кляшторным (особо не отмечены). Перевод с немецкого двух работ В. В. Бартольда — «Двенадцати лекций по истории турецких народов Средней Азии» и статьи «Древнетюркские надписи и арабские источники» — выполнен К. Д. Цивиной; перевод с немецкого статей из «Энциклопедии ислама» и с английского статьи «Богра-хан, упомянутый в *Кутадгу билик*» выполнен В. В. Гребенщиковым. Библиография (список цитированной литературы) составлена В. Б. Португалем, указатели — Л. И. Николаевой. В работе при подготовке тома большую помощь оказали О. Ф. Акимушкин, Д. Е. Бертельс, О. Г. Большаков, Ю. Э. Брегель, К. В. Васильев, Л. Н. Меньшиков, В. А. Ромодин, которым составитель приносит свою искреннюю благодарность.

С. Кляшторный

[39] Ответственный редактор и составитель настоящего тома пользуются случаем выразить свою признательность проф. А. З. В. Тогану, предоставившему в их распоряжение для издания эту рукопись (с которой были сделаны турецкий перевод 1927 г. и немецкий перевод 1935 г.)

ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕКЦИЙ ПО ИСТОРИИ ТУРЕЦКИХ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

I

Предлагаемые вам лекции будут иметь целью ознакомить вас, насколько позволит находящееся в нашем распоряжении время, с результатами, достигнутыми русской и западноевропейской наукой по истории турецких народностей. Вы увидите, что эти результаты пока не очень значительны и многие вопросы остаются недостаточно выясненными. Отчасти это объясняется тем, что изучение истории турок по первоисточникам требует таких знаний, которые редко соединяются в одном лице. Разумеется, для понимания истории народа и его культурной жизни нужно знать его язык; но письменные источники по истории турок большей частью написаны не на турецком языке, и в этом отношении специалист по истории турок находится в совершенно ином положении, чем, например, специалист по русской истории или по истории одного из западноевропейских народов. История кочевых турецких племен нам известна, конечно, преимущественно по рассказам их культурных соседей, но даже там, где турки в завоеванных ими культурных странах переходили к оседлости и где возникали культурные государства под властью турецких династий, влияние культуры побежденных было настолько сильно, что языком литературы, в особенности прозаической, становился их язык, а не турецкий. История турок, живших в Восточной Азии, особенно в Монголии, откуда они были вытеснены, вероятно, в X в. н. э., нам известна почти исключительно по китайским источникам; о турках, переселившихся в западную часть Средней Азии [1] и подчинившихся влиянию мусульманской культуры, мы получаем сведения из арабских и больше всего из персидских источников. Сверх того, в Туркестане в средние века вообще не было или по крайней мере не дошло до нас никаких произведений собственной исторической литературы; например, история монгольских ханов Средней Азии, история Тимура и его потомков нам известны почти исключительно по сочинениям, написанным в пределах Ирана. Более значительная историческая литература появилась в Туркестане только с XVI в., при узбеках. Из трех ханств, основанных узбеками, в Бухарском ханстве языком делопроизводства и исторической литературы был до конца, за немногими исключениями, персидский,

[1] ⟨В этой работе, как и во многих других, В. В. Бартольд называет Средней Азией как Центральную Азию, так и собственно Среднюю Азию.⟩

в Хивинском — среднеазиатско-турецкий; в Кокандском ханстве писали иногда по-турецки. Из всех турецких государств только историю бывшей Османской империи можно изучать преимущественно по турецким историческим сочинениям, но и язык османских историков заключает в себе гораздо больше арабских и персидских слов, чем турецких, почти непонятен большинству турецкого народа и представляет мало привлекательного для турколога. Исторических сочинений, написанных сколько-нибудь чистым турецким языком, нет почти совсем, вследствие чего турколог, как и иранист (известно, что историю Ирана домонгольского периода также приходится изучать по источникам, написанным не на иранских языках, а на греческом и арабском), редко становится историком. Во всяком случае, для изучения истории турецких народностей недостаточно быть туркологом; необходимо также, смотря по тому, какой эпохой интересуешься, быть синологом, арабистом или иранистом.

К числу немногих памятников, представляющих одинаковый интерес для турколога-лингвиста и для историка, принадлежит древнейший датированный памятник турецкого языка, исторические орхонские надписи VIII в., открытые и разобранные во второй половине XIX в.[2]. Эти надписи принадлежат первому по времени народу, называвшему себя турками, выступившему в VI в. и сразу подчинившему своей власти все степи от границ Китая до границ Персии и Византии. Об этих турках мы поэтому располагаем более разнообразными источниками, чем о прежних кочевых государствах, о которых знали только китайцы. Турецкое происхождение завоевателей VI в. считалось вполне установленным еще до разбора оставленных ими надписей. Если толкование китайской транскрипции *тукюе* как *тӳрк* возбуждало некоторые споры, то не могло быть спора о толковании слова Τοῦρκοι византийских источников [3].

От большей части кочевых государств империя VI в. отличалась тем, что с самого начала находилась под властью только одной династии, но не одного лица. Ханы, правившие в западной половине империи, с самого начала были совершенно самостоятельны, даже принимали иностранных послов и заключали с ними договоры, не посылая их на восток, как впоследствии, в эпоху монгольской империи, первые ханы Золотой Орды. Европейские ученые, даже синологи, преимущественно интересовались государством западных турок, имевшим более разнообразные культурные связи и до некоторой степени служившим посредником между культурой Дальнего Востока и культурой переднеазиатских стран,

---

[2] ⟨Об истории открытия и изучения древнетюркских рунических («орхонских» или «орхоно-енисейских») памятников см.: Бернштам, *Социально-экономический строй*, стр. 11—29; Малов, *Памятники*, стр. 11—16.⟩

[3] ⟨О китайской передаче этнонима см.: Поливанов, *Ту-кюэ*; Pelliot, *Origine*; Clauson, *Turkish and Mongolian studies*, pp. 84—88; Pulleyblank, *The Chinese name*. Современное чтение китайской транскрипции — туцзюе. О других иноязычных транскрипциях этнонима тӳрк см. Кляшторный, *Древнетюркские памятники*, стр. 18—19.⟩

хотя далеко не в таком размере, как впоследствии монгольская империя. Западным туркам посвящена обширная работа французского синолога Шаванна, напечатанная в начале XX в. в изданиях русской Академии наук; в этой работе китайские известия о западнотурецком государстве VI—VIII вв. сопоставлены с известиями византийских, армянских и мусульманских источников [4]. Рассказов о себе западные турки не оставили; от них остались, насколько известно до сих пор, только небольшие надгробные надписи [5].

Орхонские надписи говорят почти исключительно о продолжавшемся полвека, с 630-х до 680-х годов, подчинении восточных турок китайскому правительству и о восстановлении независимости под властью новых ханов, которым на короткое время удалось подчинить себе даже своих западных соплеменников [6]. Несмотря на то что со времени открытия датским ученым Томсеном ключа к чтению надписей прошло уже более тридцати лет, разбор надписей еще не закончен и толкование некоторых мест до сих пор остается спорным; при пользовании существующими переводами, без знания языка подлинника, для каких-нибудь исторических выводов необходимо соблюдать большую осторожность. Более всего способствовали объяснению надписей переводы Радлова и самого Томсена [7]; Томсен после издания своего первого перевода объявил, что не рассчитывает вернуться к надписям, но, к счастью, не остался верен этому намерению и посвятил надписям еще несколько работ; последний до настоящего времени сделанный им опыт перевода напечатан в «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft» за 1924—1925 гг. [8]. Но и в этом опыте, рядом с остроумными и удачными поправками к прежним переводам, встречаются крайне рискованные предположения, которые могут ввести в заблуждение читателей. Сюда относится перевод описания одного из военных подвигов брата хана, Кюль-тегина, когда враги выпустили в Кюль-тегина более ста стрел. Стрелы, по словам надписи, поразили Кюль-тегина *јарыкында јалмасында*, что Томсен переводит словами: «Seine Rüstung und seinem Monddiamanten-Schmuck» (вместо *јалмасында* Томсен предлагает читать *ај алмасында*) — и предполагает, что у Кюль-тегина на шлеме было алмазное украшение с изображением луны [9]. Та-

[4] Chavannes, *Documents*; рецензия: Бартольд, ЗВОРАО, т. XV, стр. 0162—0185; ⟨см. ниже, стр. 342—362⟩.

[5] ⟨О древнетюркских рунических надписях в Средней Азии см.: Массон, *К истории открытия рунических надписей*; Малов, *Таласские эпиграфические памятники*; его же, *Древнетюркская письменность Монголии*; Бернштам, *Древнетюркские рунические надписи*; его же, *Древнетюркский документ.*⟩

[6] ⟨Здесь имеется в виду содержание только главных, «царских» надписей из Северной Монголии: памятников в честь Бильге-кагана и Кюль-тегина, надписи Тоньюкука.⟩

[7] Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*; Thomsen, *Déchiffrement des inscriptions*; idem, *Inscriptions de l'Orkhon*; idem, *Turcica*; idem, *Samlede Afhandlinger*, III.

[8] Thomsen, *Alttürkische Inschriften.*

[9] Ibid., S. 151. ⟨Ср. Малов, *Памятники*, стр. 40—41.⟩

кой факт представлял бы большой интерес для историка, но, к сожалению, такое толкование текста более чем спорно.

Не будучи турокологом-лингвистом, я не решаюсь высказываться о спорном толковании отдельных слов и спорных приемах перевода. Упомяну только об одном, как мне кажется, недостатке, сохранившемся и в последнем переводе Томсена. Совершенно одинаково написанные слова иногда читаются и переводятся различно, что, по моему мнению, можно делать только в случае крайней необходимости; между тем Томсен иногда прибегает к этому приему и в тех случаях, когда получается совершенно удовлетворительный смысл, если везде читать и переводить соответствующее слово одинаково. Так, в надписях часто встречается слово *ölмек* 'умереть', в том числе и в применении к целому народу, причем в этом случае имеется в виду не смерть в буквальном смысле, т. е. безвозвратное уничтожение, но временный упадок, за которым могло следовать возрождение. Так понимает в этих случаях слово *ölмек* и Томсен, который переводит его словами «zugrunde gehen», но в некоторых местах он без всякой надобности читает вместо *ölмек—ÿlмек* и переводит его словами «geteilt werden» — 'разделиться', 'распадаться', хотя чтение *ölмек* и перевод «zugrunde gehen» — 'погибнуть' — дают и в этих местах гораздо лучший смысл. Особенно характерно выражение *jaңылып ölмек* 'согрешив, погибнуть', где гибель является непосредственным и естественным результатом преступления; перевод Томсена «wie du geteilt wurdest, als du treulos warst» — «как ты (народ) был разделен, когда был вероломным» [10], по моему мнению, несомненно ошибочен, тогда как в старом переводе Радлова эти слова переведены правильно. Последний перевод Томсена первоначально появился на датском языке и был переведен на немецкий язык с его согласия и с некоторыми новыми сделанными поправками. Немецкий переводчик считает перевод Томсена настолько удовлетворительным, что после него перевод Радлова должен быть признан «совершенно устаревшим» («völlig antiquiert») [11], однако приведенный пример показывает, по моему мнению, что в некоторых случаях читатель найдет у Радлова более правильное толкование текста, чем у Томсена.

Несмотря на спорность отдельных мест, надписи в общем дают ясную картину жизни кочевого народа и кочевого государства. Насколько ход образования и падения кочевой империи отличается от того, что привыкли понимать под государственной жизнью европейцы, еще раньше было выяснено Радловым в его книге «Aus Sibirien» и в предисловии к его изданию *Кутадгу билик*, переведенном и на русский язык под заглавием «К вопросу об уйгурах». Как признает и Томсен, взгляды Радлова в общем нашли в надписях полное подтверждение. Кочевой народ при нормальных условиях не стремится к политическому объединению; отдельная

---

[10] Thomsen, *Alttürkische Inschriften*, S. 142; ⟨Малов, *Памятники*, стр. 34.⟩
[11] Thomsen, *Alttürkische Inschriften*, S. 135.

личность находит для себя полное удовлетворение в условиях родового быта и в тех связях, которые создаются жизнью и обычаем между отдельными родами, без каких-либо формальных договоров и без создания определенного аппарата власти. Общество располагает на этой стадии развития народа такой силой, что его воля исполняется, не нуждаясь для этого в поддержке со стороны властей, которые бы располагали определенными законными полномочиями и определенной внешней силой принуждения. Представители государственной власти, ханы, которым при благоприятных условиях удается подчинить себе весь народ или даже несколько народов, появляются только при чрезвычайных обстоятельствах, причем и в этих случаях ханы берут власть сами, никем не назначаются и не выбираются; народ или народы только примиряются с существующим фактом, часто только после тяжелой борьбы, и объединение под властью хана его собственного народа часто бывает связано с более продолжительным кровопролитием, чем потом походы кочевников, с ханом во главе, на культурные земли; эти походы и связанная с ними военная добыча — единственный способ примирить народ с установлением ханской власти.

Такую же картину представляют и надписи. Ханы происходят из турок-огузов или токуз-огузов [12] и в то же время ведут с огузами и другими турецкими народами продолжительные войны, о которых надписи говорят гораздо подробнее, чем о войнах с китайцами и другими культурными соседями; на эти последние войны сам хан и, конечно, его подданные смотрят только как на средство дать голодному народу пищу, дать нагому народу одежду. Надписи внесли в историю образования кочевых государств только одну новую черту, на которую Радловым не было обращено внимание: одним из чрезвычайных обстоятельств, под влиянием которых создавалось государство, могло быть обострение сословной борьбы между богатыми и бедными, между беками и простым народом. В кочевом обществе имущественные и сословные различия уже достигают таких пределов, что такое обострение вполне возможно. Из надписей видно, что во время китайского владычества аристократия, как бывало и в культурных странах, ради сохранения своих сословных привилегий легче мирилась с иноземным игом и легче изменяла своим народным обычаям, чем простой народ; то же самое происходило, например, в западнорусских областях в эпоху польского владычества. Принятие беками китайских нравов усилило ненависть к ним народных масс, и этим воспользовались представители ханской династии, чтобы поднять народ против китайского владычества и восстановить турецкое государство.

История кочевых народов Средней Азии представляет еще один пример политического объединения народа после сословной борьбы —

[12] Ср. Barthold, *Ghuzz*, S. 178; <см. ниже, стр. 524; о токуз-огузах ср.: Pulleyblank, *Some remarks*; Hamilton, *Toquz-oγuz*>.

образование монгольской империи Чингиз-хана. Только в этом случае образование государства было последствием победы аристократии, и Чингиз-хан [13] говорил не о своих трудах на благо народных масс, как турецкий хан VIII в., а о своих заслугах перед своими аристократическими приверженцами, которым он доставил обеспеченное положение на родине и богатую добычу во время походов. И в этом случае известие о сословной борьбе сохранилось только в эпическом сказании самих монголов [14]; ни один из многочисленных китайских, мусульманских, армянских и европейских источников, говорящих об образовании монгольской империи, об этом не упоминает, как ни в китайских, ни в других источниках не говорится о сословной борьбе среди турок. Если бы до нас дошло больше рассказов кочевников о себе, то, вероятно, случаев, когда в истории образования кочевого государства имела значение сословная борьба, оказалось бы больше.

Надписи дают довольно много сведений об устройстве турецкого государства, о названиях должностей и т. п. Может быть, не все эти названия правильно прочитаны, но уже теперь ясно, что многие из них не турецкого происхождения. Титул *шад*, как назывались члены ханской династии, стоявшие во главе отдельных турецких племен, по всей вероятности, иранский, одного происхождения с персидским *шах*; некоторые другие титулы обращают на себя внимание монгольским окончанием множественного числа на *-т*. Проф. Пельо в лекции, прочитанной осенью 1925 г. в Ленинграде, высказал мнение, что эти титулы заимствованы турками у своих предшественников — аваров, жужаней [15] китайских источников, которых он считает монголами. Аварам турки, по мнению Пельо, были обязаны всем своим государственным устройством. Этот вопрос находится в связи с более общим вопросом об отношении турок, с одной стороны, к культурным народам Запада, с другой — к выступавшим до них кочевым народам Средней Азии.

До последнего времени существовало мнение, будто мир дальневосточной культуры почти не подвергался западному влиянию, что Монголия и жившие в ней народы подвергались только влиянию китайской культуры. Еще Э. Блоше в своем введении к истории монголов Рашид ад-дина, вышедшем в 1910 г., находил возможным утверждать, что в орхонских

---

[13] Barthold, *Čingiz-Khān*, S. 894 b; ⟨см. ниже, стр. 617⟩.

[14] Имеется в виду так называемая «Секретная история династии Юань». Согласно Пельо, монгольское название сочинения было *Mongolun niguča tobčiyan* (Pelliot, *Le titre mongol*); полный перевод сочинения имеется только на русском языке — *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова. Эпический характер этого источника был отмечен впервые В. Бартольдом (*Образование империи Чингиз-хана*, стр. 107; ⟨см. ниже, стр. 255⟩). ⟨О новейших изданиях и переводах памятника см. наст. изд., т. I, стр. 90.⟩

[15] Относительно этого названия см., например, Marquart, *Ērānšahr*, S. 54. ⟨Об отождествлении жужаней с аварами существуют различные мнения; см.: Chavannes, *Documents*, pp. 221—223; Boodberg, *Marginalia*, p. 230; Haussig, *Quelle*; Samolin, *Some notes*.⟩

надписях все не чисто турецкое объясняется китайским влиянием [16] и что даже монголы впервые ознакомились с мусульманской культурой во время своих походов на мусульманские страны [17], тогда как китайская культура была известна им с самого начала. Наиболее веский довод против этого мнения — существование как у турок в VIII в., так и у монголов в XIII в. алфавитов переднеазиатского происхождения.

Орхонские надписи написаны тем же алфавитом, как известные еще в XVIII в. надписи на верхнем Енисее, причем уже тогда было обращено внимание на сходство некоторых букв с европейскими алфавитами. В общем енисейские надписи по форме букв должны быть признаны несколько более ранними, чем орхонские [18], и могут быть отнесены к VII в.; более точно установить их дату нельзя [19]. Замечательно, что ни одна из этих надписей не датирована хотя бы по употреблявшемуся и орхонскими турками двенадцатилетнему животному циклу; между тем на верхнем Енисее, по китайским и мусульманским известиям, тогда жили киргизы, которым поэтому приходится приписать енисейские надписи, хотя китайцы именно о киргизах говорят, что ими употреблялся животный цикл, так что некоторые ученые даже полагали, что этот цикл был изобретен киргизами [20].

Самое подробное исследование о происхождении енисейских и орхонских письмен принадлежит финскому ученому Доннеру [21], который находил больше всего сходства между этими письменами и письменами аршакидских монет (династия Аршакидов, как известно, правила в Иране с III в. до н. э. до III в. н. э.). С тех пор экспедициями, работавшими в Китайском Туркестане и в пограничных с ним местностях собственно Китая, были найдены документы на восточноиранском языке, который обыкновенно называют согдийским (Согд — название местности по реке Зеравшан, где находятся города Самарканд и Бухара) [22]; эти документы относятся к I в. н. э. [23]. Более всего занимавшийся памятниками согдий-

---

[16] Blochet, *Introduction*, p. 183 («cette civilisation rudimentaire. . . dans laquelle tout ce qui n'était pas purement turk était chinois»).

[17] Ibid., p. 178.

[18] Так Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, p. 153 («sans aucun doute»); менее категорически — Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, S. 300 («offenbar zum größten Teil»).

[19] ⟨О датировке енисейских надписей ср.: Кызласов, *Новая датировка*; его же, *О датировке памятников*.⟩

[20] Abel-Rémusat, *Recherches*, p. 300. ⟨О системах летосчисления в древнетюркских памятниках см. Gabain, *Alttürkische Datierungsformen*; специально о двенадцатилетнем животном цикле см.: Захарова, *Двенадцатилетний животный цикл*; Turan, *On iki hayvanlı türk takvimi*.⟩

[21] *Sur l'origine*. ⟨О происхождении древнетюркского рунического письма см. Кляшторный, *Древнетюркские памятники*, стр. 44—50.⟩

[22] Barthold, *Soghd*; ⟨наст. изд., т. III, стр. 487—488.⟩

[23] ⟨Согдийские документы из Восточного Туркестана датируются теперь В. Хеннингом IV в. н. э. (Henning, *The date*).⟩

ского языка покойный иранист Готьо[24] считал возможным производить енисейско-орхонский алфавит от согдийского, но доказывал, что енисейско-орхонские буквы должны восходить к более древней форме согдийского алфавита, чем та, которая сохранилась в древнейших согдийских документах, т. е. в документах I в.; между тем открытые до сих пор турецкие надписи относятся к эпохе не ранее VII в. Едва ли поэтому удастся научно установить происхождение древнейшего турецкого алфавита и процесс его постепенного видоизменения, пока не будут найдены какие-нибудь турецкие надписи, которые бы стояли ближе по времени к своему согдийскому образцу.

Турки, по-видимому, не только заимствовали готовый алфавит, но прибавили к нему некоторые новые знаки, как знак ↓ для передачи звука *ok* или *yk*, представляющий изображение стрелы (по-турецки *ok*)[25]. Сверх того, алфавит был приспособлен турками к фонетическим особенностям своего языка, особенно к закону звуковой гармонии; вследствие этого самый старый из турецких алфавитов в то же время должен быть признан самым совершенным из алфавитов, когда-либо употреблявшихся турками. Можно думать, что этим алфавитом писали много и помимо надписей; в надписях, составленных от имени хана одним из членов ханского рода, орфография строго выдержана, более строго, чем в надписи, принадлежащей турецкому государственному деятелю Тоньюкуку, сподвижнику и министру трех ханов. Слог и выражения надписей заставляют полагать, что состояние культуры народа было не так низко, как можно было бы ожидать по обстановке кочевой жизни. Хан даже приглашает весь народ читать оставленные им надписи, чтобы вспоминать как о своих успехах, так и о неудачах, вызванных его преступлениями против своих ханов; едва ли можно думать, что грамотность была так распространена, но все-таки эти слова свидетельствуют о более широком понимании задач правителя, чем можно было бы думать по словам Шаванна, что хан выразил в надписях только свою «мечту о зверской славе» («rêve de gloire brutale»)[26]. Говорится о том, как в дни несчастия рекой лилась кровь турецкого народа, но ничего не говорится о пролитии чужой крови в дни побед, не говорится ни о числе убитых, ни о каких-либо зверских жестокостях, как, например, в надписях ассирийских царей.

Для понимания психологии народа было бы важно знать его религиозные верования. Надписи не говорят об этом почти ничего. Говорится о культе неба и земли, причем иногда употребляется выражение 'турецкое небо' и 'турецкая земля и вода'. Одно и то же слово *täңri* обозначает небо в материальном смысле и небо как божество[27]. Из тех мест, где

[24] См. в особенности его *Essai*; там же о предшествующей литературе.
[25] ⟨Ср. Поливанов, *Идеографический мотив.*⟩
[26] Chavannes, *Notice*, p. 384.
[27] ⟨Ср. Roux, *Tängri*; idem, *La religion.*⟩

говорится о земле и воде (*jäр суб*), тоже можно вывести заключение, что имеется в виду земля и вода как единое божество, а не как собрание духов земли; последний перевод Томсена «die türkischen heiligen Yer-sub» и в этом случае может вызвать недоразумение. Из отдельных божеств упоминается только Умай, дух покровитель младенцев, с которым хан сравнивает свою мать. Почитание Умай сохранилось и в новейшее время у последних турецких шаманистов в Алтае [28]. Несомненно, что турки были шаманистами, хотя турецкое слово для обозначения шамана, *кам*, нигде не встречается [29]. В енисейских надписях рядом со словом *тäңрi* встречается слово *бäl*, по-видимому, в смысле духа, почитаемого шаманистами; в орхонских надписях этого слова нет [30]. Нет и следа того распространения культурных религий, о котором мы имеем некоторые сведения в китайских источниках; по словам китайцев, хан даже хотел построить у себя буддийский храм, но его советник Тоньюкук отговорил его и сказал, что учение Будды может вредно отразиться на военных качествах турок [31]. Еще меньше мы знаем о религиозной пропаганде с запада. Распространение иранского алфавита, как в древности распространение финикийского, первоначально вызывалось только торговыми сношениями и не было связано с религиозной пропагандой. Национальная религия Ирана, зороастризм, не была связана с международным миссионерством. После похода Александра Македонского восточноиранские области были надолго оторваны от западных и подчинились влиянию согдийской культуры и буддизма. Буддийские миссионеры иногда пользовались среди иранцев и турок индийскими алфавитами; благодаря европейским археологическим экспедициям в Туркестан мы имеем турецкие буддийские тексты, написанные индийскими буквами, но скоро буддистами был усвоен согдийский национальный алфавит, нашедший себе потом применение, как мы увидим, и среди турок [32]. Свои алфавиты привезли с собой и представители двух западных религий, распространявшихся в Средней Азии начиная, вероятно, с III в. н. э., — манихейства и христианства. Манихейство возникло после христианства и представляет попытку соединения зороастрийских идей с христианскими и буддийскими, но пропаганда манихейства в Средней Азии началась, по-видимому, раньше, чем пропаганда христианства. В это время уже начинает устанавливаться связь между религией и алфавитом; у манихеев был свой алфавит, у христиан свой, известный под названием «сирийский», причем впоследствии у каждого из восточнохристианских исповеданий была своя разновидность

---

[28] ⟨Ср. Дыренкова, *Умай.*⟩

[29] ⟨Ср. Roux, *Le nom du chaman.*⟩

[30] ⟨Слово *бäl* в енисейских надписях возникло в результате ошибки чтения; правильное чтение *äl.* Ср. Самойлович, *Не «идол», а «племя».*⟩

[31] ⟨Бичурин, *Собрание сведений*, т. I, стр. 274.⟩

[32] ⟨Об алфавитах и искусстве письма у древних тюрков и уйгуров см. Gabain, *Alttürkische Schreibkultur.*⟩

общего сирийского алфавита. Обращенные в манихейство и христианство иранцы и турки долго употребляли манихейские и сирийские буквы, но вместе с тем встречаются манихейские и христианские тексты, написанные национально-согдийским алфавитом; иногда мы имеем текст одного и того же манихейского турецкого сочинения в двух списках, из которых один написан манихейскими буквами, другой — национально-согдийскими [33].

Немного после исчезновения государства турок-огузов манихейство, как мы увидим в следующей лекции, получило широкое распространение среди турок; но для периода господства ханов VI—VIII вв. мы еще не имеем сведений о том, насколько успехи согдийской торговли в степях сопровождались успехами религиозной пропаганды. Естественно, что главным поприщем деятельности согдийских купцов и миссионеров был торговый путь в Китай; на этом пути, вплоть до Лоб-Нора, возникали согдийские колонии; благодаря Пельо мы знаем, что на Лоб-Норе согдийская колония была основана в VII в. и еще сто лет спустя пользовалась некоторой автономией [34]. Но в то же время купцы могли выгодно сбывать свои товары в турецких степях, особенно в ханской орде, где тоже возникали согдийские поселения. Благодаря рассказу буддийского паломника Сюань Цзана, проезжавшего через Среднюю Азию около 630 г., мы знаем, что такие города были уже в то время в стране западных турок, до берегов Чу [35]. Сюань Цзан еще ничего не говорит о городах вдоль южного берега Иссык-Куля, где он также проехал, но и эти города упоминаются уже в истории китайской династии Тан [36]. Сведения этой истории о Средней Азии прерываются на первых годах IX в.

Шаманские верования особенно проявились в погребальных обрядах турок [37]. Мы знали из китайских источников, что турками около могил воинов ставились статуи убитых ими врагов; орхонские надписи вполне подтвердили это известие и сообщили нам термин для обозначения таких статуй — *балбал*; этому слову приписывают китайское происхождение. Надписи не говорят, была ли установка балбалов связана с исполнением

---

[33] Так, мы располагаем так называемой «покаянной молитвой» манихеев, написанной как уйгурским (согдийским), так и манихейским письмом (Radloff, *Chuastuanit*; idem, *Nachträge zum Chuastuanit*; Le Coq, *Chuastuanift*). ⟨О манихействе, его распространении в Средней и Центральной Азии, а также иранских и тюркских вариантах «покаянной молитвы» см.: Asmussen, *Xᵘāstvānīft*; Widengren, *Mani.*⟩

[34] Pelliot, *Le «Cha tcheou tou* [*tou*] *fou t'ou king»*, p. 111 sq. ⟨О согдийских поселениях на Лоб-Норе и согдийских колониях в Центральной Азии см. также: Giles, *Chinese geographical text*, p. 827; Кляшторный, *Древнетюркские памятники*, стр. 94—101.⟩

[35] ⟨О согдийских колониях в Семиречье см.: Бернштам, *Согдийская колонизация*; Распопова, *Гончарные изделия согдийцев*; в последней статье — подробная библиография по истории изучения согдийских поселений Семиречья.⟩

[36] Barthold, *Issik-Kul*, S. 593; ⟨наст. изд., т. III, стр. 437⟩.

[37] ⟨См. также Бартольд, *К вопросу о погребальных обрядах*; наст. изд., т. IV, стр. 377—396.⟩

каких-нибудь обрядов; но из византийских источников мы знаем, что у могил турецких ханов иногда убивались взятые в плен вожди врагов [38]. В основе этого обычая лежит, несомненно, верование, которое мы встречаем и у других шаманистов: что убитые будут на том свете служить тем, которыми или ради которых они были убиты. В этом веровании резче всего выразилась разница между примитивным язычеством и культурными религиями. Религия на той ступени развития, которой соответствует шаманизм, еще не связана с этической идеей; вера в будущую жизнь не предполагает веры в загробный суд и загробную ответственность; человек не только не боится загробной кары за уничтожение чужой жизни, но полагает, что, чем больше людей им убито, тем лучше его участь в будущей жизни.

Надписи и открытые вместе с ними памятники и в некоторых других отношениях подтвердили письменные известия и опровергли высказывавшиеся против них возражения. Оказалось, что балбалы турок VIII в. вполне соответствуют по внешнему виду тем статуям, которые находили на большом пространстве, начиная от южнорусских степей, и которые русский народ называет «каменными бабами». Кроме китайского известия о постановке турками статуй, был известен также рассказ католического миссионера середины XIII в. Рубрука, что такие статуи, обращенные лицом на восток, ставились и в его время современными ему турецкими обитателями южнорусских степей, команами (половцами русских летописей). Несмотря на такое совпадение китайских известий с независимыми от них европейскими, Радлов в книге «Aus Sibirien» высказал мнение, что ошибались и китайцы, и Рубрук и что статуи в действительности ставились, например, в России за много веков до вторжения туда турок [39]. Возможность такого мнения объясняется тем, что тогда еще не был открыт ключ к чтению енисейских надписей; на многих енисейских балбалах, как и на некоторых орхонских, сохранились надписи, теперь, после открытия ключа к ним, прочитанные по-турецки, и в турецком происхождении так называемых «каменных баб» теперь уже не может быть сомнения.

Радловым делались возражения и против некоторых других китайских известий о турках. По мнению Радлова, известие, будто турки до своего возвышения занимались в горах кузнечным мастерством, не могло соответствовать действительности; ему казалось, что кочевой быт и металлическое производство — факты несовместимые [40]. В этом отношении орхонские надписи ничего не говорят ни за, ни против китайского известия, но в пользу соединения кочевого быта с выделкой железного ору-

---

[38] ⟨О древнетюркских намогильных изваяниях см.: Евтюхова, *Каменные изваяния*; Грач, *Древнетюркские изваяния*, стр. 73—94; Кызласов, *О назначении древнетюркских изваяний*; Шер, *Каменные изваяния.*⟩

[39] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd II, S. 122.

[40] Ibid., Bd I, S. 128.

жия говорят, как известно, турецкие и монгольские предания. Противоречие между письменными известиями и вещественными памятниками Радлов видит еще в том, что китайцы говорят о существовании у турок обычая трупосожжения, между тем в раскопанных Радловым могилах следов такого обычая не оказалось [41]. Из надписей видно только, что по турецким народным верованиям душа обращалась в птицу или насекомое; об умерших говорится, что они улетают (*учду*); известно, что на западе у турок еще долго после принятия ислама в смысле 'умер' употреблялось выражение 'стал соколом' (*шункар болды*). Сохранению тела, по-видимому, не придавали значения. Есть известие, что, когда во время войн турок с арабами в руках арабов остался труп турецкого предводителя, это считалось еще более тяжелым бедствием, чем самая смерть предводителя [42]; но, может быть, здесь имели значение не религиозные представления, но чувство позора, как считался позором захват врагами женщин. Больше сведений о погребении умерших у орхонских турок, чем надписи, могли бы дать раскопки около мест ханского погребения; такие раскопки велись как Радловым и его сотрудниками, так и после них, в последний раз в 1925 г. проф. Владимирцовым [43]; но до сих пор раскопки не привели к обнаружению могил; очень вероятно, что, как у многих других народов, при погребении вырывали несколько ям и старались скрыть, в какую именно яму положено тело хана или его пепел, чтобы враги не могли осквернить могилу. Самым интересным результатом раскопок проф. Владимирцова является обнаружение в земле статуи турецкого воина, превосходно сохранившейся и представляющей все черты турецкого расового типа. Статуи были находимы и раньше на поверхности земли, но всегда без головы; головы нарочно отбивались монголами, веровавшими, что иначе эти изображения людей прошлого могут приносить вред живущим теперь людям; этот пример показывает, что головы древних статуй уничтожаются и там, где не было мусульманского религиозного фанатизма, которым обыкновенно объясняют такие факты. Дальнейшие раскопки, вероятно, обнаружат новый материал; до тех пор едва ли есть основание отвергать китайское известие о сожжении трупов, тем более что после Радлова были случаи находки в степи могил со следами трупосожжения [44]. Китайцы имели возможность много раз близко видеть турецкое погребение; некоторые ханы, бежавшие от своих врагов в Китай и там умершие, были погребены там на глазах населения по обычаям своего народа, так что возможность ошибки почти исключается [45].

---

[41] Ibid., Bd II, S. 121.

[42] Табари, II, 1691_{13}.

[43] ⟨О новых раскопках орхонского комплекса древнетюркских памятников см. Jisl, *Vorbericht.*⟩

[44] См. теперь в особенности Kotwicz—Samoïlovitch, *Le monument turc*, p. 84. ⟨Об обряде трупосожжения у тюрков см. Киселев, *Древняя история Южной Сибири*, стр. 509.⟩

[45] ⟨Ср. Liu Mau-tsai, *Die chinesischen Nachrichten*, Buch I, S. 9—10, 197, 464.⟩

Я постарался в этой лекции изложить главные результаты исследования надписей и других памятников, оставленных первым по времени народом, называвшим себя турками. Остается рассмотреть, насколько эти результаты могут способствовать выяснению вопроса, какие из живших ранее народов находились в близком или более отдаленном родстве с этими турками и насколько факты жизни турецкого государства VI—VIII вв. могут способствовать выяснению дальнейших судеб турецкого народа. Этим вопросам будут посвящены следующие лекции.

II

Кроме тех причин, о которых я говорил в первой лекции, изучение истории турок и вообще среднеазиатских народов затрудняется еще крайне неравномерным освещением отдельных периодов. Если мы о каком-либо периоде и какой-либо стране для известного периода располагаем сравнительно подробными сведениями, то о том, какую жизнь вели тот же народ или та же страна раньше или после, часто приходится довольствоваться несколькими словами в каком-нибудь одном источнике. Между тем для понимания исторического процесса необходимо иметь возможность наблюдать этот процесс на всех стадиях его развития. При отсутствии сведений в источниках остается слишком много простора для произвольных догадок и предположений, что не может не причинять вреда интересам научной точности.

Орхонские надписи, как мы уже видели, представляют совершенно исключительное явление в истории граничивших с Китаем кочевых государств домонгольского периода. О государствах, возникавших в степи раньше турецкого государства VI—VIII вв., мы принуждены довольствоваться краткими сведениями китайских источников; сами народы сошли со сцены, не оставив нам даже слов своего языка.

Главным источником для решения вопроса, на каком языке говорил тот или другой народ, до сих пор считались приводившиеся китайскими историками, в транскрипции китайскими иероглифами, отдельные слова, преимущественно имена и титулы; на основании звукового произношения иероглифов решался вопрос, к какому языку принадлежит то и другое слово и как оно произносилось. Орхонские надписи дали материал для проверки таких выводов ученых, и результат оказался малоутешительным. Даже в тех случаях, когда исследователи имели дело с несомненно турецкими языками и когда предположения высказывались лучшими знатоками этих языков, эти предположения были довольно далеки от действительности. Почти накануне открытия ключа к надписям Радлов в нескольких работах, в том числе в предисловии к изданию *Кутадгу билик*, сделал попытку установить, на основании китайской транскрипции, значение и произношение ханских титулов [1]. Надписи показали, что многие из предполо-

[1] *Кутадгу билик*, изд. Радлова, I, стр. LXIV и сл. Кроме того, в особенности Радлов, *Титулы*.

жений Радлова были неосновательны, что китайские иероглифы, в которых он видел транскрипцию слова *бек*, передают слово *bilгe*, что слова *ајдын* 'блеск' в турецком языке того времени не было и вместо предполагавшегося Радловым *ајдынлыҕ* надо читать *ај täңрi* и многое другое.

Из надписей также видно, что в некоторых случаях китайцы произвольно давали известному им народу то или другое китайское название, не имевшее ничего общего с тем названием, которое давал себе сам народ. Так, вместе с народом китай у китайцев постоянно называется народ хи; в орхонских надписях, также вместе с народом китай, выступает народ татабы; все европейские исследователи согласны, что *хи* китайских источников и *татабы* надписей — одно и то же, несмотря на полное отсутствие между этими словами какого-либо звукового сходства. Работа ученых затрудняется еще тем, что синологами, по-видимому, еще не вполне выяснено, как произносился тот или другой китайский иероглиф в то время, к которому относятся государства кочевников.

Попытки разгадать по китайским транскрипциям язык того или другого народа делались много раз, начиная с языка древнейшего из этих народов, хуннов, основавших сильное государство на границах Китая во II в. до н. э. и впоследствии передвинувшихся в Европу, где они особенно прославились в V в. н. э. Обыкновенно хуннов считали и считают турками, тем более что сами китайцы называют турок VI в. потомками хуннов. Из попыток установить турецкое произношение слов языка хуннов, встречающихся в китайских источниках, особенно известна попытка японского профессора истории Ширатори [2]; как малоудовлетворительна была эта попытка, видно уже из того, что сам проф. Ширатори впоследствии отказался от предложенных им сближений и пришел к выводу, что те же слова хуннов лучше объясняются при помощи тунгусских языков [3].

Более несомненным считалось тунгусское происхождение следующего по времени кочевого народа, господствовавшего в Восточной Монголии, имя которого нам известно только в китайской транскрипции — сяньби [4]; они упоминаются как восточные соседи и враги хуннов, занявшие их место в Монголии в конце I в. н. э. и впоследствии основавшие, как и хунны, несколько династий в северных областях собственно Китая. В противоположность хуннам, сяньбийцев, кажется, не считал турками ни один из писавших до сих пор исследователей; между тем в китайской литературе, как сообщил проф. Пельо в своей лекции, прочитанной в Ленинграде, сохранился словарь сяньбийского языка, не оставляющий сомнения в том, что этот язык был турецким. Факт, сообщенный Пельо, имеет большое зна-

---

[2] *Über die Sprache der Hiung-nu.* Ср. также его *Über die Sprache des Hiung-nu-Stammes.*

[3] Shiratori, *L'origine.* ⟨Новейшую характеристику языка хуннов см. Pulleyblank, *The consonantal system.*⟩

[4] ⟨О сяньби, их языке и происхождении см.: Schreiber, *Das Volk der Hsien-pi*; Bazin, *Appartenances linguistiques*; Лигети, ВЯ, 1955, № 5, стр. 137—138.⟩

чение и показывает, что в китайской литературе можно найти более точные, чем полагали до сих пор, сведения о языке кочевых соседей Китая, тем более что этот факт не единственный в своем роде; еще раньше проф. Пельо в печатной статье [5] упомянул о существовании словаря языка одного из народов, упоминаемых в орхонских надписях, именно народа китаев; этот словарь показывает, что китаи, которых до сих пор обыкновенно считали тунгусским народом, в действительности говорили на монгольском языке.

Не вполне ясно для меня, на чем основано мнение проф. Пельо, упомянутое мною в прошлой лекции, которое он сам считает несомненным [6], о монгольском происхождении предшественников турок, аваров, подчинивших себе не такое обширное пространство, как впоследствии турки, но все же господствовавших в V в. и в первой половине VI в. в восточной части Средней Азии. И в этом случае народ носит в китайских источниках название, придуманное китайцами и не имеющее ничего общего с действительным народным названием. Китайцы говорят только о народе жужань, или жуань-жуань; это слово обозначает каких-то червей и должно было выразить презрение китайцев к кочевому народу. Слово *авары* в китайских источниках не встречается; встречается ли оно в орхонских надписях, остается спорным; было высказано мнение, что так должно быть объяснено загадочное народное название *пар-пурум*, или *апар-апурум*, встречающееся в надписях только в одном месте, где говорится о прошлой, а не о современной автору надписей жизни. В последнем своем переводе Томсен рассматривает слова *апар* и *апурум* как названия двух отдельных народов, и при каждом из них ставит вопросительный знак [7]. Слово *авары* в разных видах встречается в византийских, западноевропейских и русских источниках (в русской летописи в форме *обры*); византийцы отличают настоящих аваров, погибших, по их словам, на востоке, от народов, принявших имя аваров и под этим именем явившихся в Европу [8]; но, по-видимому, мы имеем здесь или один и тот же народ, или, во всяком случае, народы, близко родственные между собой.

Есть некоторые обстоятельства, как будто говорящие в пользу мнения проф. Пельо. Сюда относятся так называемые древнеболгарские слова, сохранившиеся в славянской хронике и относящиеся к царствованию древних князей дунайских болгар [9]. Известно, что эти болгары первоначально не были славянами и до сих пор сохранили в своем типе следы неславян-

[5] Pelliot, *A propos des Comans*, p. 174 («maigre vocabulaire»); все то, что Пельо пишет о языке китаев (ibid., p. 146 sq.), основано на том же источнике.

[6] Ср., однако, и более осторожное выражение: «Bien plus, il est possible que les Avares eux-mêmes aient été de langue mongole» (ibid., p. 147).

[7] ⟨Thomsen, *Alttürkische Inschriften*, S. 171; ср. Кляшторный, *Древнетюркские памятники*, стр. 72—73.⟩

[8] ⟨См. Феофилакт Симокатта, *История*, стр. 159—160; Macartney, *On the Greek sources*, pp. 266—267.⟩

[9] ⟨См. Pritsak, *Bulgarische Fürstenliste.*⟩

ского происхождения; загадочные слова, явно не имеющие ничего общего со славянскими языками, поэтому старались объяснить из турецких или близких к турецким языков. Особенный успех имело мнение финляндского профессора Миккола, что в загадочных словах мы имеем определение дат по эре двенадцатилетнего животного цикла; при этом, однако, оказывалось, что лошадь обозначалась не турецким, а монгольским словом *морин* [10]. Такой факт прежде был бы совершенно непонятен; если авары были монголами, то слово *морин* могло быть принесено на запад ими. Я ограничусь этим примером и не буду останавливаться на более сомнительных и менее заслуживающих внимание попытках некоторых ученых найти на западе монгольские слова задолго до появления исторических монголов. Какие смелые предположения высказывались об этом даже крупными учеными, можно видеть из попытки Маркварта сблизить название области Чаганиан в бассейне верховьев Аму-Дарьи [11] с монгольским *цаган* 'белый', причем Маркварт на основании этого более чем спорного сближения называет слово *Чаганиан* первым по времени достоверно засвидетельствованным (mit Sicherheit belegte) монгольским словом [12].

С другой стороны, против мнения Пельо могут быть сделаны веские возражения. Господство жужаней, или аваров, простиралось еще в V в. довольно далеко на запад, по крайней мере до Карашара в Китайском Туркестане; ими же было вызвано движение дальше на запад, в бассейн Аму-Дарьи, народа хайталов, или белых гуннов, покоренных впоследствии турками; при таком значении монгольского народа в событиях этой эпохи трудно объяснить, почему археологические экспедиции в Среднюю Азию не привели до сих пор к открытию каких-либо монгольских текстов, которые бы относились к времени до образования империи Чингиз-хана. Впрочем, не исключается возможность, что во время господства аваров торговля иранцев и других западных народов с кочевниками Средней Азии еще не достигла такого развития, как впоследствии при турках, хотя мы знаем, что в V в. купцами поддерживались сношения между хуннами, переселившимися в Европу, и хуннами, владевшими небольшим государством в пределах Китая.

Во всяком случае сообщения проф. Пельо показывают, что наука имеет право ожидать от синологов более точных и ценных, чем известные до сих пор данные, материалов для решения вопроса об этнографическом происхождении исторических кочевых народов. Ценных для истории выводов или, по крайней мере, устранения прежних ошибок можно ожидать и от успеха лингвистических исследований, после которых станут невозможными прежние, совершенно ненаучные лингвистические сближения. До сих пор считали возможным сближать слова хуннов или других старых ко-

---

[10] Mikkola, *Die Chronologie*, S. 12.

[11] Barthold, *Čag͟hāniyān*; <наст. изд., т. III, стр. 558—559.>

[12] Marquart, *Komanen*, S. 71, Anm. 2.

чевых народов со словами современных турецких наречий, даже не ставя вопроса, могло ли данное слово в данной форме относиться к древнему периоду. В работах Ширатори, например, для объяснения титула правителей одного из народов, известия о котором относятся к времени нашей эры, привлекается среднеазиатское слово *бий*, представляющее очень позднее видоизменение старого *бек* и не встречающееся нигде раньше XV в. Маркварт для объяснения китайских известий о народе телэ в Монголии думал привлечь слово *итиль* в смысле 'река' [13], тогда как это слово заимствовано из чувашского языка и не встречается ни у одного из других турецких народов, кроме татар, т. е. приволжских турок. Надписи и открытые в Средней Азии памятники старотурецкой религиозной литературы, может быть, дадут возможность поставить на научную почву вопрос о постепенном развитии словарного состава турецкого языка, также и о том, каким наречиям и каким местностям принадлежат те или другие слова. Если бы удалось открыть такие же древние памятники монгольского языка, то и работы по сопоставлению турецкого языка с монгольским, вероятно, по методам исследования приблизились бы к работам по индоевропейской и семитской филологии. До тех пор пока нет монгольских памятников древнее XIII в., история монгольского языка остается еще более темной, чем история турецкого [14].

Кроме привлечения древних памятников, история языков до некоторой степени может быть изучена посредством привлечения живых наречий. Во всех языках бывают примеры, что живое наречие сохранило древние формы, давно утраченные в литературном языке. Турколог и монголист и в этом отношении находятся в менее выгодном положении, чем специалисты по индоевропейской или по семитской филологии. Монгольские наречия, насколько мне известно, настолько сходны между собой, что не дают материала для каких-либо исторических выводов. Несколько большее разнообразие турецких наречий определяется уже тем, что турки расселились на гораздо большем пространстве; но и турколог, кроме большего числа сравнительно близких друг к другу турецких наречий, располагает только двумя резко обособленными турецкими языками, якутским и чувашским. Сопоставление этих языков с остальными турецкими наречиями может дать некоторый материал для выяснения истории языка и в связи с этим истории народа.

Якутский язык принадлежит народу, ушедшему на далекий север и не принимавшему после этого участия в общетурецкой исторической жизни; зато чувашский язык сохранился в бассейне Волги, в местности, куда шло переселение турок из Средней Азии, и есть основание полагать, что этот язык в средние века был гораздо более распространен, чем теперь.

---

[13] Marquart, *Die Chronologie*, S. 95.

[14] ⟨О предполагаемой монголоязычности киданьских памятников см. Таскин, *Опыт дешифровки*; ср. также Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, — наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 48, прим. 2.⟩

Арабские географы отмечают сходство между различными наречиями турок от печенегов в Южной России до соседей Китая и прибавляют, что на особом языке, непонятном для других, говорили болгары и хазары, жившие по среднему течению Волги; этот язык отличался также от языка финских народностей. В таком же положении находится теперь чувашский язык, ближе стоящий к турецким, чем к финским, но одинаково непонятный для турок и финнов. Волга носила и у болгар, и у хазар название *Итиль*, что значит по-чувашски ʻрека’. Все это привело туркологов к заключению, что чувашский язык представляет остаток языка, на котором говорили прежде болгары и, вероятно, хазары.

О характере чувашского языка долго велись споры. Радлов еще считал этот язык продуктом смешения турецких элементов с финскими; впоследствии другие ученые старались доказать, что в чувашском языке сохранились утраченные в большей части турецких наречий остатки более древней стадии турецкого языка. К такому выводу пришел и последний исследователь этого вопроса, Поппе, напечатавший об этом статью в «Известиях» русской Академии наук [15]. По мнению Поппе, чувашский язык принадлежит к той же группе языков, как турецкие и монгольские наречия, но не может быть отнесен ни к тем, ни к другим, а составляет особую, третью ветвь этой группы. Во время происходивших по этому вопросу в Ленинграде споров Поппе соглашался признать чувашский язык турецким, но остатком более древней стадии языка, когда монгольский уже успел отделиться, но еще не определились характерные свойства ныне известных письменных и живых турецких наречий [16].

Этот вывод, если он будет окончательно принят наукой, может иметь большое значение для историка. Болгары и хазары не упоминаются раньше VI в., но, несомненно, пришли в бассейн Волги независимо от образования турецкой империи VI в., в более ранний период. Почти несомненно, что их привело в эту страну переселенческое движение, связанное с именем хуннов; уже во II в., при географе Птолемее, хунны находились в небольшом расстоянии от Волги. Чувашское и потом турецкое название Волги, Итиль, в то время еще не упоминается, но река Яик уже тогда носила это турецкое название, которое упоминается у Птолемея в форме *Даикс*. Употребление начального *д-* вместо начального *j-* в языке местного населения, по-видимому, замечалось и после; византийцы VI в. говорят, что поминки по умершем назывались у турок *дохия*; в орхонских надписях мы имеем то же слово в форме *joӯ* [17]. Такое явление не вполне соответствует

---

[15] Поппе, *Чувашский язык*, II, стр. 23—42, 404—426.

[16] ⟨Об отношении чувашского языка к другим тюркским языкам см.: Егоров, *Современный чувашский язык*; Серебренников, *Происхождение чуваш*; Баскаков, *Введение*, стр. 188—200; Benzing, *Das Tschuwaschische*.⟩

[17] ⟨О словах *даикс* и *дохия* см. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, Bd II, S. 116, 119; о древних формах названия р. Яик и этимологии топонима см.: Бернштам, *О древнейших следах джекания*, стр. 18; Абулгази, *Родословная туркмен*, изд. Кононова, стр. 81, прим. 20.⟩

фонетическим особенностям нынешнего чувашского языка, где, как в якутском, турецкое начальное *j*- заменяется звуком *с*-; но история этого звукового явления еще недостаточно выяснена. Во всяком случае *Даикс* Птолемея может считаться древнейшим хронологически установленным турецким словом.

Исторические факты заставляют полагать, что если чувашский язык представляет остаток более ранней стадии развития турецкого языка, то на этой стадии находился язык хуннов, который, следовательно, не был турецким в том смысле, как теперь обыкновенно понимают это слово, т. е. не тем языком, на котором говорят теперь все турецкие народности, кроме якутов и чувашей. Этот язык, вероятно, был принесен хуннами далеко на запад, и остатки его имеются во всех языках, прямо или косвенно связанных с движением хуннов, до турецких элементов в венгерском языке включительно. Так далеко на запад были принесены и некоторые культурные слова, заимствованные от китайцев, может быть, еще хуннами; в венгерском языке мы имеем тот же корень для обозначения слова 'писать', как в турецком *бітімäк*, и этому слову приписывают китайское происхождение [18]. Древнейшую стадию развития собственно турецкого языка представляли, по всей вероятности, восточные соседи хуннов, сяньбийцы; для выяснения этого вопроса надо желать скорейшего обнародования того сяньбийско-китайского словаря, о существовании которого сообщил проф. Пельо.

Совершенно недоказанными остаются пока предположения о более ранних, до нашей эры и в первые века нашей эры, действиях турецких народностей в западной части Средней Азии. Из античной литературы (особенно важно в этом отношении сочинение Гиппократа о климатах и местах) мы только можем вывести заключение, что рядом с индоевропейскими народностями грекам были известны народы какой-то другой расы [19]; но были ли среди них турки, остается сомнительным. Шаванн в связи со своей теорией о турецком происхождении двенадцатилетнего животного цикла был склонен считать турками завоевателей II в. до н. э., известных у греков под общим названием «индоскифы» и основавших государство, просуществовавшее несколько веков, в состав которого вошли многие области Индии. Когда Шаванну указывали на то, что в состав цикла входят животные, которых не было в стране турок, как обезьяна, он отвечал, что с обезьяной турецкие завоеватели Индии могли ознакомиться еще в эпоху около нашей эры [20]. В настоящее время, кажется, уже не имеют защитников ни теория о турецком происхождении животного цикла, ни теория о турецком происхождении индоскифов, хотя в пользу последнего мнения высказался после Шаванна еще другой великий синолог, Фридрих Хирт [21]. Животный

---

[18] Shiratori, *Über die Sprache der Hiung-nu*, S. 016; Chavannes, *Les livres chinois*, p. 65 sq. 〈Cp. Gabain, *Alttürkische Grammatik*, S. 303.〉

[19] Гиппократ, изд. Джонса, I, 65 и сл.

[20] Chavannes, *Le cycle turc*, p. 122; 〈см. ниже, стр. 286, прим. 19〉.

[21] *Nachworte*, S. 48.

цикл, по-видимому, происходит из Индии, откуда его заимствовали китайцы; от китайцев он в очень раннюю эпоху перешел к туркам. Среди индоскифов первое место занимали тохары, название которых сохранялось в средние века в названии области Тохаристан, в верховьях Аму-Дарьи, хотя мусульманские авторы уже ничего не знали об этнографическом происхождении этого названия [22]. Прежде тохары жили также в Китайском Туркестане; среди литературных языков буддизма в Средней Азии упоминается и тохарский язык. До сих пор еще возбуждает споры вопрос, к какому из языков, известных нам по находкам, сделанным в Китайском Туркестане европейскими археологическими экспедициями, принадлежит это название; но спор идет только о двух индоевропейских языках, из которых на одном найдены памятники близ Хотана, на другом — близ Кучи [23].

Турки в смысле людей, говоривших на языке, который мы теперь называем турецким, несомненно, были гораздо раньше; но пока нет основания полагать, что самое слово *турки* существовало раньше VI в. н. э. О происхождении этого слова пока возможны только догадки. В своем последнем труде Томсен высказывает мнение, что так называлось отдельное племя или скорее отдельная ханская династия [24]. Самое слово *тӱрк*, или *тӱрӱк*, по мнению Томсена, «наверное», имело первоначально значение 'сила', 'крепость' (Kraft, Stärke). Этому предположению, однако, не соответствует единственное место надписей, где слово *тӱрк* как будто употреблено не в смысле народного названия; хан называет кагана народа тюргешей «своим турком, своим народом» (*тӱркім будуным*); Томсен переводит это место «gehörte zu meinen Türken, meinem Volk». Если слово *тӱрк* имеет здесь нарицательное значение, то скорее можно предполагать значение 'созданное', 'устроенное'; хан хочет сказать, что возмутившийся против него хан тюргешей был обязан ему своей властью. Возможно предположить связь между словом *тӱрк* и часто встречающимся в надписях словом *тӱрӱ* — 'закон', 'обычай', но также «объединенная законом народная масса». Хан говорит, что ему отдавали свой труд и свою силу (*іш кӱч*) его народ (*будун*) и его держава (*тӱрӱ*) [25].

Надписи не дают ясного ответа на вопрос, какие народы уже в то время назывались турками; столь же мало известно, как постепенно распространялось это название на разные народы и как оно приобрело то значение, которое имеет теперь. Хан называет свой собственный народ турками и в то же время огузами или токуз-огузами, хотя в некоторых местах огузы или токуз-огузы называются врагами хана. Еще до открытия ключа к чтению надписей Радлов пришел к выводу, что турки VI—VIII вв. принадле-

---

[22] Barthold, *Ṭokhāristān*; ⟨наст. изд., т. III, стр. 514⟩.

[23] ⟨О тохарах и тохарском языке см.: Бартольд, *К вопросу об языках*, — наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 461, прим. 1; Schwentner, *Tocharische Bibliographie*.⟩

[24] ⟨Thomsen, *Alttürkische Inschriften*, S. 122.⟩

[25] ⟨О термине *тӱрк* и его связи с *тӧрӱ* см.: Кононов, *Опыт*; Абулгази, *Родословная туркмен*, изд. Кононова, стр. 81, прим. 21.⟩

жали к народу огуз [26], и надписи вполне подтвердили это мнение [27]. Огузы, или турки, в свою очередь разделялись на несколько народностей, как тёлесы и тардуши на востоке, тюргеши на западе [28]; кроме огузов упоминается еще несколько турецких, в нашем смысле, народов, из которых впоследствии получили наибольшую известность карлуки, уйгуры и киргизы; но нет доказательств, чтобы эти народы уже тогда называли себя турками. Присвоение слову *тӱрк* того лингвистического значения, которое оно имеет теперь, было, по-видимому, делом мусульман. Арабы заметили, что многие народы говорят на том же языке, как те турки, с которым они имели дело в VII и VIII вв., и стали называть их всех турками; по мере принятия ислама и сами турецкие народы стали так называть себя, хотя и до сих пор даже не все мусульманские турецкие народы называют себя турками и свой язык турецким. Вне сферы ислама слово *тӱрк* мало распространено; редкое исключение представляет один из памятников буддийской литературы, язык которого называется турецким-уйгурским (*тӱрк уӡӯур mili*) [29]. Ни русские, ни западные европейцы не называли турками печенегов или половцев, и слово *турки* широко употреблялось в Европе только для обозначения народа сельджукской и впоследствии Османской империи, вышедшего из того же народа огузов, как орхонские турки. В русских летописях встречается название *торки*, вероятно имеющее такое же значение, как *турки*, но употребляющееся только для обозначения того народа, который в византийских источниках называется *узами*, т. е. огузами.

Из всех народных названий, встречающихся в орхонских надписях, только одно встречается в китайских источниках в гораздо более ранний период, именно название *киргиз* [30]. Киргизы упоминаются еще в рассказах о событиях эпохи хуннов, т. е. времени незадолго до и немного после начала нашей эры. Древнейшую китайскую транскрипцию слова *кыргыз* — *гяньгунь* [31] — проф. Пельо объясняет монгольской формой единственного числа — *кыркун*, из чего можно было бы заключить, что китайцы впервые получили сведения о киргизах от какого-то монгольского народа [32]. Более точные китайские сведения о киргизах и их стране, т. е. верховьях Енисея, относятся только к эпохе турецкого государства; в то же время появилась неточная транскрипция *хакас*, представляющая только неправильную передачу очень точной транскрипции *киликисы*. Когда нынешние ту-

[26] *Кутадгу билик*, изд. Радлова, I, стр. LXXVII.

[27] ⟨Ср., однако, Pulleyblank, *Some remarks*; Hamilton, *Toquz-oɣuz*.⟩

[28] ⟨О тёлесах и тардушах см. Клюкин, *Новые данные*.⟩

[29] *Сутра Золотого блеска*, стр. V.

[30] ⟨Ср. также Бартольд, *Киргизы*, — наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 475—543; там же указана новейшая литература о киргизах.⟩

[31] ⟨Совр. транскрипция — *цзянькунь*.⟩

[32] Pelliot, *A propos des Comans*, p. 137. ⟨Об этнониме *киргиз* и его китайской транскрипции см. также: Зуев, *Термин кыркун*; Петров, *К этимологии термина «кыргыз»*; Баскаков, *О происхождении этнонима «кыргыз»*.⟩

рецкие обитатели местности по верхнему Енисею, т. е. прежнего Минусинского уезда, после революции вместе с другими прежними русскими инородцами получили национальную автономию, им понадобилось народное название, которого у них в то время не было и в котором прежде не чувствовалось необходимости; минусинская интеллигенция тогда извлекла из китайских источников слово *хакас*, зная, что так называли китайцы народ, живший прежде в Минусинском крае и имевший некоторое политическое значение, но не зная, что этим названием неправильно обозначались киргизы, которых теперь в Минусинском крае уже нет.

В китайской «Истории династии Тан» приводятся некоторые киргизские слова, по которым видно, что киргизы уже тогда говорили по-турецки; сюда относится, например, слово *aj* 'месяц'. В то же время из описания наружности киргизов видно, что они тогда антропологически отличались от других турок; у них были светлые волосы и голубые глаза. Свидетельство китайцев в этом случае вполне подтверждается свидетельством мусульман; персидский автор XI в. Гардизи, по каким-то не дошедшим до нас более ранним источникам, также говорил о светлых волосах киргизов; из его слов видно, что по этому признаку предполагалось родство между киргизами и славянами [33]. Указывает ли этот факт, как полагает Маркварт [34], на какое-то народное движение из Европы, не может быть доказано. Более поздние известия о киргизах не дают также материала для решения вопроса, как постепенно исчезали эти признаки и как образовался тип настоящих киргизов, которых до недавнего времени называли кара-киргизами.

Раннее упоминание киргизов в китайских источниках показывает, что их страна рано вошла в круг международных торговых сношений; о том же самом свидетельствуют найденные в Минусинском крае древности; по богатству материала для археологических исследований Минусинский край превосходит все другие местности Сибири [35]. Большие трудности, как везде, представляет датировка памятников; даже вопрос о том, какие из них могут быть приписаны киргизскому или вообще турецкому населению и какие относятся к гораздо более отдаленному прошлому, возбуждает споры. Страна киргизов посещалась караванами и в мусульманский период; главным предметом вывоза из нее был мускус, которому тогда придавали большое значение. Сравнение ранних мусульманских известий о киргизах с более поздними заставляет думать, что культура в этот период постепенно развивалась. Первые мусульманские известия, как и китайские, говорят только об одном городе киргизского кагана; кроме того в стране киргизов оседлых поселений не было; народ частью вел кочевую жизнь, частью даже оставался на уровне охотничьего быта. С другой сто-

---

[33] Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 85 и сл.

[34] *Kotanen*, S. 67.

[35] 〈Об археологических памятниках киргизского периода в Минусинской котловине см. Киселев, *Древняя история Южной Сибири*, стр. 559—636.〉

роны, в монгольскую эпоху Рашид ад-дин говорит, что в стране киргизов было много городов и деревень [36]. Кроме торговых сношений, успеху земледельческой культуры должно было содействовать плодородие Минусинского края.

Киргизы представляют один из первых примеров народа, первоначально, по всей вероятности, нетурецкого и впоследствии отуреченного. Таких примеров потом было несколько как среди кочевых, так и среди оседлых народов. Из пяти племен, которых прежде объединяли под названием урало-алтайцы (в порядке с запада на восток: финны, самоеды, турки, монголы и тунгусы), отуречению особенно подверглись самоедские народности на южной окраине мест своего расселения [37]. Этот процесс не закончен и до сих пор. Сравнительно недавно отуреченными самоедами считаются карагасы; не вполне еще отуречены камасинцы, последний к востоку народ в Сибири, кроме якутов, говорящий по-турецки. Кастрен в 1848 г. еще застал там самоедский язык; Радлов в 1863 г. нашел камасинцев отуреченными, но этот процесс тогда еще не был настолько закончен, как можно было бы заключить из его слов; исследователь, бывший у камасинцев много позже, финляндский ученый Кай Доннер, еще нашел там стариков, знавших по-самоедски [38]. Турецкое название самоедов, *туба*, не встречается в надписях, но встречается в современных им китайских источниках.

Среди народов, упоминаемых в надписях, нетурецкого происхождения был, может быть, народ *аз*, часто упоминаемый вместе с киргизами. Прежде сомневались в том, надо ли понимать слово *аз* в смысле народного названия; мною с самого начала отстаивалось это мнение, и к нему теперь присоединился и Томсен в своем последнем переводе. Томсен называет азов «народом неизвестного происхождения». На низовьях Енисея, в Туруханском крае, теперь живут последние остатки народа, которого русские назвали по ошибке енисейскими остяками; на самом деле этот народ не имеет ничего общего ни с живущими на Оби остяками, принадлежащими к финскому племени, ни вообще с уральскими и алтайскими народностями. Сами «енисейские остяки» называют себя коттами или ассанами; первые сведения об их языке собрал в конце 40-х годов Кастрен; впоследствии язык и быт этого

---

[36] Рашид ад-дин, изд. Березина, I, текст, 168 снизу.

[37] ⟨Об урало-алтайской лингвистической гипотезе, предполагающей генетическое родство уральских (финно-угорских, самодийских) и алтайских (тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских) языков, см. Poppe, *Introduction*, pp. 125—129. В настоящее время не принято объединять уральские и алтайские языки в одну лингвистическую группу, хотя ряд исследователей (Б. Коллиндер, М. Рясянен, К. Менгес и др.) остаются сторонниками гипотезы об урало-алтайском родстве; ср. также Щербак, *О характере лексических взаимосвязей*.⟩

[38] ⟨К племенам Южной Сибири, первоначально говорившим на самодийских языках и утратившим свою языковую самобытность под влиянием тюркоязычных соседей, относятся камасинцы, маторы, койбалы, котовцы, тайги, карагасы; о самодийских языках см. Терещенко, *Самодийские языки*.⟩

народа были подробно исследованы Анучиным [39]. Возможно, что «енисейские остяки», подобно самоедам, занимали некогда гораздо более обширную территорию, чем теперь, и что к этому племени принадлежали азы орхонских надписей. Кроме азов, вместе с киргизами упоминается также народ *чик*, о котором впоследствии, по-видимому, нет никаких известий.

Сами киргизы уже тогда имели некоторое политическое значение, во главе их стоял особый каган, и надписи посвящают им гораздо больше внимания, чем тем народностям, уйгурам на востоке и карлукам на западе, которым было суждено через очень короткое время занять место турок-огузов. Возвышение этих народностей, по-видимому, произошло очень быстро. Уйгуры упоминаются в надписях только в одном месте; однако это место совершенно ясно, и нет никаких оснований сомневаться в чтении этого слова и в существовании в то время особого народного названия *уйгур*, не имевшего ничего общего с названием *огуз*. Во главе уйгуров стоял владетель с более скромным, чем *kaҕан*, титулом *älтебір* (так по чтению Томсена). Томсен полагает, что этим словом обозначалось нечто вроде турецкого наместника («türkischer Gouverneur oder dergleichen»); но нигде не говорится, например, о назначении эльтебира каким-либо каганом; народ с эльтебиром во главе (*älтебірліг будун*) только отличался, как менее значительный, от народа с каганом во главе (*kaҕанлыҕ будун*). У карлуков тоже не было кагана.

Из народов, по-видимому, нетурецких упоминаются татары, как впоследствии называли себя монголы; в надписях встречаются термины *токуз-татар* и *отуз-татар*, из чего можно заключить, что были две группы татарского народа, из которых одна разделялась на 9, другая на 30 родов [40].

Сложнее всего вопрос об отношении турок к оседлой культуре. По-видимому, турки тогда все или почти все были кочевниками, хотя и находились под влиянием оседлой культуры не только китайцев, но и народов запада, особенно согдийцев. Из слов согдийского происхождения встречается уже в надписях и впоследствии получило широкое распространение у турок и монголов слово *хатун* 'ханша', 'госпожа'. Согдийцы и их страна упоминаются в надписях под названиями *Соҕд* и *Соҕдаk*; эти слова нам еще встретятся в более поздних мусульманских известиях. В одном месте вместе со словом *Соҕд* находятся еще слова *бäрчäкäр буkарак улус* (чтение сомнительно) [41]. Маркварт переводил эти слова: «народы (*улус*) персов и

---

[39] ⟨Kastren, *Versuch*; материалы В. И. Анучина, изучавшего кетский язык в 1904—1908 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, опубликованы не были. Группа так называемых енисейских племен (кеты, котты, ассаны, арины) утратила свои первоначальные, родственные между собой языки к концу XIX в. Эту «енисейскую» группу языков относят иногда к палеоазиатским языкам, хотя и отмечают отсутствие прямых связей между ней и другими палеоазиатскими языками; см. также Каргер, *Кетский язык.*⟩

[40] ⟨Об употреблении этнонима татар см. *Сведения о черных татарах*, стр. 133.⟩

[41] ⟨Ср. Малов, *Памятники*, стр. 33, 43.⟩

бухарцев»[42]; слово *улус* в смысле 'народ' в надписях не встречается, хотя встречается в старых турецких религиозных текстах; употребление его в данном случае тем менее вероятно, что тут же стоит слово *будун*; очень малоправдоподобно, чтобы были поставлены вместе слова *улус* и *будун*, имеющие приблизительно одно и то же значение. Переделка персидского *пāрсӣк* (у китайцев *босы*) в *бäрчäкäр* филологически тоже неправдоподобна; тем не менее толкование Маркварта принято, хотя и с вопросительным знаком, в последнем переводе Томсена[43].

Переход кочевников к земледелию совершается везде только под давлением экономической необходимости; такая необходимость больше всего проявлялась в Восточном Туркестане, где почти нет пастбищ и почти все неорошаемое и не отведенное под пашни пространство представляет песчаную пустыню, одинаково непригодную для скотоводства, как и для земледелия. После новейших археологических открытий уже не может быть сомнения, что Восточный Туркестан, как и Западный, первоначально не был турецкой страной и только постепенно был отуречен; процесс отуречения оседлого населения должен был сопровождаться процессом перехода самих турок к оседлости, причем тот и другой процессы шли с востока на запад. Мы увидим, что Восточный Туркестан получил больший приток турецкого населения после падения в Монголии государств сначала турок-огузов, потом уйгуров; но уже в надписях встречается слово *балык* в значении 'город' и название Бешбалык 'Пять городов' для города, находившегося на крайнем востоке нынешнего Китайского Туркестана, близ современного Гучэна[44]. Из слов автора XI в. Махмуда Кашгарского, о котором у нас еще будет речь, мы знаем, что слово *балык* по-турецки значило 'глина'[45]; «город», следовательно, получил название по материалу, из которого воздвигались постройки, подобно тому как арабы в смысле 'кочевники' и 'оседлые' употребляли термины 'люди войлока' и 'люди глины'.

Турецким народом, жившим тогда в Бешбалыке, был народ басмыл, упоминающийся и в китайской истории. Из европейского средневекового словаря Дюканжа мы знаем, что слово *басмыл* значило 'метис', человек смешанного происхождения[46]; вполне естественно, что первый турецкий народ, перешедший к оседлости, не был уже по крови чисто турецким и смешался с прежним оседлым населением той же местности. Даже у Махмуда Кашгарского басмылы причисляются к народам не чисто турецким.

Вопрос о более значительном отуречении Восточного Туркестана связан с вопросом о последствиях падения государств сначала турок-огузов, потом уйгуров. Об этом мне придется говорить в следующей лекции.

---

[42] Marquart, *Die Chronologie*, S. 32 sq.

[43] 〈*Alttürkische Inschriften*, S. 156; ср. новую интерпретацию этих слов — Kljachtornij, *A propos des mots.*〉

[44] Barthold, *Bishbalik*; 〈наст. изд., т. III, стр. 374—377〉.

[45] Махмуд Кашгарский, I, 316.

[46] Du Cange, *Glossarium Graecitatis*, 〈I, 182〉.

III

В надписях, составленных от имени хана турок-огузов, власть и могущество хана считаются вполне обеспеченными, между тем всего через десять лет после его смерти, в 745 г., первенство в Монголии перешло к другому турецкому народу, уйгурам. Несколькими годами раньше, в борьбе с арабами, утратила свое политическое единство и своих каганов западная ветвь огузского народа.

Из китайских источников мы знаем, что западные турки-огузы разделялись на десять родов, из которых пять жили к северу и пять к югу от реки Или [1]. В надписях, по переводу Томсена, эти десять родов называются *он ok* 'десятью стрелами' [2]. Среди них на некоторое время возвысился род тюргеш, из которых происходили последние каганы западных турок. Арабы в то время только отражали вторжения турок в культурные земли и не предпринимали походов в глубину степей и не доходили до ставки каганов, находившейся около реки Чу; но поражение и смерть кагана в борьбе с арабами на Сыр-Дарье имели последствием распадение его государства. Смуты продолжались еще несколько лет, уже независимо от действий арабов, и только в 766 г. место турок-огузов на берегах Чу заняла другая турецкая народность, карлуки.

Главные успехи арабов в Средней Азии относятся к тому времени, от 705 до 715 г., когда наместником Хорасана был Кутейба б. Муслим. Из надписей мы знаем, что во второй половине этого периода восточные турки на короткое время завоевали государство тюргешей и доходили до Железных ворот, т. е. до прохода Бузгала, отделившего в то время Согд от Тохаристана, т. е. культурную область рек Зеравшана и Кашка-Дарьи от областей по верхним притокам Аму-Дарьи; Томсен [3] правильно помещает этот проход на пути между Самаркандом и Балхом, но тут же дает неверное определение «между Согдианой и Ферганой»; известно, что путь из Согдианы, или Согда, в Фергану идет к северо-востоку, а не к югу, как путь в Балх.

По обстоятельствам, следовательно, вполне возможно, что с арабами пришли в столкновение не только западные, но и восточные турки; в таком

---

[1] 〈Chavannes, *Documents*, pp. 27—28.〉

[2] 〈Thomsen, *Turcica*, pp. 4—17.〉

[3] 〈*Inscriptions de l'Orkhon*, pp. 137—138.〉

смысле и толкуются некоторые места надписей; но другие ученые сомневаются в таком толковании; оно отвергается и в последней по времени работе, посвященной арабским вторжениям в Среднюю Азию, в работе молодого английского ученого Гибба [4]. Самого слова *арабы* в надписях нет; нет, по-видимому, и того слова, которым называли арабов сначала персы, потом китайцы и, вероятно, турки, — именно слова *тажик*, или, по турецкому произношению, *täзік*, или *теджик* [5]. Известно, что это слово теперь имеет совсем другое значение, и уже в XI в. оно обозначало людей иранской, а не арабской национальности. По-видимому, сначала так называли арабов, потом — вообще людей мусульманской культуры, потом — иранцев как народ, составлявший большинство среди известных туркам мусульман [6].

В отличие от иранцев, турки и впоследствии не были покорены мусульманским оружием. После завоевания культурных областей по Аму-Дарье, Зеравшану и Сыр-Дарье арабы еще в VIII в. перешли к оборонительной политике и, подобно своим предшественникам, для защиты культурных областей от кочевников строили длинные стены или валы [7]. Известно, что такие сооружения для защиты от вторжений варваров воздвигались некогда на всем пространстве культурного мира, от Великобритании до Китая и Маньчжурии. В Средней Азии первое сооружение этого типа относится к эпохе задолго до ислама и было выстроено в III в. до н. э. для защиты культурной области Мерва, вероятно против кочевников нетурецкого происхождения [8]; до арабов был построен вал для защиты северо-восточной области Согда, уже против турок; остатки этого вала сохранились до сих пор, как и остатки валов, построенных арабами для защиты Бухарской области и области окрестностей Ташкента. После арабов, начиная с иранской династии Саманидов, такие валы уже больше не строились и не поддерживались; Саманиды перешли к наступательной политике, но их походы большей частью носили характер набегов, и область завоеванной исламом территории и при них увеличилась незначительно; к мусульманским владениям были присоединены только местности от долины Чирчика до Таласа.

Если турки мало подвергались действию мусульманского оружия, то влияние культуры с запада после мусульманского вторжения в Среднюю Азию значительно усилилось. Еще раньше, в эпоху Сасанидов, влияние Персии на Среднюю Азию постепенно усиливалось за счет влияния Индии.

---

[4] *The Arab conquests*, p. 45 sq. ⟨О походах восточных тюрков в Среднюю Азию см. Кляшторный, *Древнетюркские памятники*, стр. 141—161.⟩

[5] Слово *täзік* 'арабы', как теперь установлено, упомянуто в надписи Тоньюкука и еще в одной надписи VIII в. ⟨надпись Кули-чура⟩; см.: Самойлович, *Старейшие упоминания*; Kotwicz—Samoïlovich, *Le monument turc*; ⟨Малов, *Памятники*, стр. 429⟩.

[6] ⟨О термине *täзік*, его происхождении и семантике см.: Schaeder, *Türkische Namen*, S. 16—33; Лившиц, *Согдийские документы*, стр. 87—88.⟩

[7] См. об этом Бартольд, *Туркестан*; ⟨наст. изд., т. I, стр. 128⟩.

[8] См. Страбон, § 516.

Персии в эпоху Сасанидов принадлежало господство над путями мировой торговли на суше и на море, причем государство Сасанидов и в этом отношении, как во всех других, достигло величайшего блеска накануне своего падения. Сасанидская Персия не представляет, подобно большинству других восточных империй, картины постепенного развития и упадка; как в новейшее время в истории Германской империи, так и в истории Сасанидов падение наступило разом, тотчас после величайших внешних успехов, как результат крайнего напряжения сил. Эти успехи были одержаны преимущественно на западе, в борьбе с Византией; на востоке на короткое время были достигнуты некоторые успехи благодаря союзу с турками; но потом с турками произошел разрыв; кроме того, и в эпоху Сасанидов, как в эпоху Ахеменидов, войны на западе не давали возможности охранять восточную границу. У персов была отнята турками область по реке Гюрген, впадающей в Каспийское море; захватив эту область, турки здесь подчинились влиянию персидской культуры и приняли зороастризм [9].

Этот пример показывает, что сасанидская Персия, благодаря своему культурному и экономическому значению, могла оказывать влияние на своих соседей даже без военных успехов. Этим же, вероятно, объясняется факт вытеснения из Согда буддизма и восстановление значения зороастризма. Благодаря описанию путешествия китайского паломника Сюань Цзана, проезжавшего через Среднюю Азию в 630 г.[10], мы можем установить, что этот факт относится к концу эпохи Сасанидов. При Сюань Цзане в Согде буддизма уже не было; покинув Восточный Туркестан, где буддизм тогда был в полном расцвете, Сюань Цзан снова нашел буддийские монастыри, только переехав южную границу Согда и приехав в Тохаристан. В главном городе Согда, Самарканде, еще стояли два пустых монастыря, но зороастрийцы не давали отшельникам собираться там и прогоняли их горящими головнями; только Сюань Цзану удалось, конечно на короткое время, восстановить монастыри. Рассказ Сюань Цзана о Самарканде показывает, что вытеснение буддизма из Согда произошло только незадолго до его путешествия.

Археологические экспедиции в Туркестане установили, что на согдийском языке была буддийская литература, что произведения этой литературы переводились на турецкий язык и вообще имели влияние на турок. Главный исследователь этих памятников, покойный иранист Готьо, относил их ко времени не раньше VII в. Если так, то они не могли быть написаны в Согде, но этим еще не опровергается предложенная Готьо датировка; возможно, что в многочисленных колониях, основанных в Средней Азии согдийцами, буддизм еще некоторое время продолжал существовать.

---

[9] *Китāб ал-аг̣āнӣ*, IX, 21.
[10] См. Сюань Цзан, пер. Жюльена.

В эпоху влияния буддизма к туркам приезжали не только индийские миссионеры, но и индийские купцы. Отголоском этой эпохи является слово *сарт*, первоначально употреблявшееся турками в смысле 'торговец' и еще в XI в. имевшее только это значение; теперь доказано, что это слово перешло к туркам из Индии — очевидно, в то время, когда приезжавшие к туркам торговцы были преимущественно индийского происхождения [11]. Постепенно торговля с турками переходила от индийцев к иранцам, но только в мусульманскую эпоху, притом после XI в., слово *сарт* получило у турок и монголов этнографическое значение и стало обозначать тех среднеазиатских иранцев, на которых турки, очевидно, смотрели как на народ купцов.

Влияние Персии на Среднюю Азию в эпоху ислама должно было значительно увеличиться. Теперь уже Персия имела на Среднюю Азию не только культурное влияние; впервые после Александра Македонского и Селевкидов иранцы Средней Азии и иранцы Персии объединились в одно государство. Вместе с арабами в Туркестан, очевидно, проникли в большом числе персы; среднеазиатскими иранцами были усвоены предания о древних персидских царях; иранские наречия Средней Азии постепенно были вытеснены персидским языком, образовался общий для иранцев в Иране и Туркестане персидский литературный язык; прежние языки среднеазиатских иранцев, в том числе и литературный согдийский язык, уступили место тому языку, который теперь называется таджицким и очень мало отличается от персидского. Единственным соперником персидского языка был турецкий, и борьба с этим соперником большей частью была для персидского языка неудачной. С первых веков ислама начались два процесса, продолжающиеся до сих пор: 1) постепенное вытеснение иранских живых наречий персидским литературным языком; 2) постепенное вытеснение иранских наречий, не исключая литературного персидского языка, турецким языком. Замечено, что в самой Персии область распространения турецкого языка все более расширяется; если в одной и той же деревне живут персы и турки, общим языком населения постепенно становится турецкий [12].

Тотчас после утверждения в Средней Азии ислама мусульмане стали пользоваться прежними торговыми путями. Из китайской истории мы знаем, что мусульманские караваны уже в VIII в. ходили через страну карлуков к верхнему Енисею, в страну киргизов; в мусульманской литературе также сохранились сведения о путях в эту страну, отчасти совпадающие со сведениями орхонских надписей; Саянский хребет носит одно и то же название — Кёгмен — в надписях и в мусульманском рассказе. Существуют также сведения о двух путях к Иртышу. Иртыш также упо-

---

[11] *Kuan-ši-im Pusar*, 37; Barthold, *Sart*; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 527—529⟩.

[12] Ср. замечание В. А. Иванова о деревнях в окрестностях Хамадана (Ivanov, *Notes*, p. 143).

минается в орхонских надписях, где говорится о нескольких походах туда восточнотурецких ханов, но ни надписи, ни китайские источники не сообщают сведений о живших на Иртыше турецких народностях; названия этих народностей впервые приводятся в мусульманской литературе. Больше всего арабы, конечно, интересовались путем в Китай; об этом пути и о живших вдоль его турецких народах в мусульманской литературе есть большое число сведений. О народах Монголии и о происходивших там событиях мусульманская литература домонгольского периода почти ничего не сообщает, хотя мы знаем из китайских источников, что уже в 924 г. в Монголии были мусульманские купцы [13]. Крайним пределом сведений мусульманских авторов была страна киргизов; по их представлению, эта страна простиралась до Восточного океана.

Вообще сведения мусульман о Средней и Восточной Азии менее ясны и отчетливы, чем можно было бы ожидать по значительности мусульманской торговли и обширности мусульманской географической литературы; пользование этими сведениями представляет большие трудности, на которые часто не обращают внимания и потому приходят к неверным выводам. Больше всего трудностей представляет определение времени, к которому относятся отдельные известия. Как все отрасли арабской письменности, арабская географическая литература была по преимуществу книжной; по крайней мере до нас дошли не столько рассказы путешественников, которые бы описывали то, что видели сами, сколько сочинения, составленные на основании письменных источников. Часто один и тот же рассказ повторяется бесконечное число раз авторами, жившими в разное время, без оговорки, что этот рассказ относится не к тому времени, когда жил приводящий его автор, но ко времени за сто или больше лет до него. Иногда автор соединяет в одну картину сведения, собранные им самим и его современниками, со сведениями, заимствованными из книг, не делая никакой разницы между отдельными категориями сведений; читатель выносит ошибочное впечатление, что все, что сказано в такой книге, относится к одному времени, именно ко времени автора. Часто даже выдающиеся ученые без всякой надобности прибегали к рискованным предположениям, стараясь объяснить, каким образом автор такого-то времени мог высказать такое-то мнение, когда это мнение в действительности буквально выписывалось из составленной гораздо раньше книги. Еще недавно такое недоразумение произошло со словами писавшего в XIII в. географа Якута, где турки упоминались рядом с византийцами как враги мусульман, причинившие исламу много вреда. В сочинении, относящемся к XIII в., когда туркам уже принадлежало значительное место среди мусульманских народов, эти слова казались странными; чтобы объяснить их, в них видели указание на широкое распространение среди турок шиитства и других ересей. На самом деле слова Якута оказались буквально заимствованными

[13] Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 265.

из сочинения автора конца X в. Макдиси, который, вероятно, также взял их из письменного источника [14]; следовательно, слова о вреде, принесенном турками исламу, были написаны в то время, когда, кроме турецкой гвардии халифов и других мусульманских властителей, еще не было турок-мусульман и турки, наравне с византийцами, были внешними врагами мусульманского мира, какими они вообще являются у авторов X в.

Если для каждого известия приходится ставить вопрос, к какому времени оно относится, то решение этого вопроса затрудняется почти полным отсутствием в мусульманской литературе сведений о происходивших в степи исторических событиях. Арабы мало интересовались войнами, происходившими между отдельными турецкими народностями, и заменой одного кочевого государства другим; без китайских, отчасти также греческих источников мы не имели бы о ходе этих событий никакого представления. По той же причине нам гораздо яснее события, происходившие на востоке, в пределах Монголии и Китайского Туркестана, чем события, происходившие в западной части среднеазиатских степей.

Только благодаря китайским источникам мы знаем, что государство турок-огузов было сменено в Монголии в 745 г. государством уйгуров. Главная ставка уйгурского кагана находилась также на Орхоне, приблизительно в той же местности, где впоследствии был построен монголами город Каракорум; около ставки уйгурского кагана, как показывают развалины, тоже возник город, притом гораздо более обширный, чем город монгольского периода [15]. Уйгурское государство просуществовало около ста лет, до 840 г., когда было уничтожено нашествием с запада киргизов. Китайские же источники сообщают нам, что борьба между кочевниками сопровождалась переселением вытесненных из Монголии кочевников в пределы Китайского Туркестана, где они постепенно переходили к оседлости и к городской жизни. В восточной части этой области, несмотря на смену народов, сохранялись, по-видимому, традиции, установленные первыми турецкими поселенцами, басмылами. В орхонских надписях упоминается титул басмыльского владетеля *идук кут*, букв. 'священное счастье' или 'величие'; слово *кут* в турецком языке употреблялось, когда говорили о государе, в смысле европейского 'величества'. Тот же самый титул, в форме *идикут*, носил уйгурский владетель той же местности в XIII в.

Часть турок-огузов, переселившаяся в Китайский Туркестан, носила у китайцев название *шато*, т. е. 'степные'. Эти турки владели Бешбалыком еще в начале IX в. и потом под давлением своих соплеменников с запада должны были уйти дальше на восток, в пределы Китая, где они во второй половине IX в. приняли участие в происходивших в Китае смутах и спасли престол китайского императора от мятежников. Среди мелких династий,

---

[14] Nöldeke, *Zur Ausbreitung*, S. 74; Barthold, *Zu Islam, XIII*, S. 74.

[15] ⟨О раннесредневековых городах Монголии см. Киселев и др., *Древнемонгольские города.*⟩

владевших северо-западными областями Китая в первой половине X в., были и династии, вышедшие из турок-шато [16].

Во второй половине IX в. в местность с городом Бешбалыком пришли уйгуры, вытесненные из Монголии киргизами; это произошло в 860 г. Здесь образовалось уйгурское княжество, существовавшее до монгольского периода, до XIV в.; другое княжество было основано уйгурами в пределах собственно Китая, где теперь город Ганьчжоу; перед этим за эту местность происходила борьба между китайцами и тибетцами, и власть большей частью принадлежала тибетцам. В XI в. одному тибетскому народу, тангутам, удалось отнять эту область у уйгуров и основать здесь свое государство, которое впоследствии было покорено монголами; области с тех пор было присвоено наименование Тангут. Уйгуры, живущие в Тангуте, с тех пор не имели политического значения, но остались там до сих пор и отчасти сохранили свой язык, представляющий одно из старых турецких наречий; только здесь отчасти сохранился известный нам по орхонским надписям и по уйгурским текстам своеобразный счет, с присоединением единиц к слову, означающему следующий десяток: *бір jiгiрмi*, букв. 'один-двадцать', значит не 21, а 11, *бір отуз* — не 31, а 21, и т. д.[17].

Подобно туркам-огузам, уйгуры тоже оставили несколько исторических надписей, причем, однако, самая длинная и интересная надпись сделана на китайском языке [18]. Надписи подтверждают свидетельство китайских источников, что уйгуры не остались шаманистами, как турки-огузы, и подвергались влиянию не буддийской пропаганды, а приняли одну из религий запада, манихейство [19]. Как до них буддисты и одновременно с ними христиане, манихеи имели успех у согдийцев, а потом воспользовались торговыми успехами этого народа для распространения своей религии [20]; вместе с длинной китайской надписью, где, между прочим, говорится о принятии уйгурами манихейства [21], сохранилась и небольшая

---

[16] О трех династиях шато см. Chavannes, *Documents*, p. 272. ⟨Подробнее об истории и культуре тюрков-шато, а также их роли в истории Китая см. Eberhard, *Conquerors and rulers*, pp. 140—156.⟩

[17] Бартольд, *Система счисления*; ⟨см. ниже, стр. 363—364⟩.

[18] ⟨Известны два каменнописных рунических памятника уйгурской эпохи: 1) так называемый Селенгинский камень (также «надпись из Шине-усу», или «памятник Моюн-чуру»); см. Малов, *Древнетюркская письменность Монголии*, стр. 30—44; 2) Карабалгасунская надпись, составленная также на китайском и согдийском языках; тюркский текст см. Orkun, *Yazıtları*, I, 85—96; согдийский текст см. Hansen, *Zur soghdischen Inschrift*; полный китайский текст см.: Schlegel, *Chinesische Inschrift*; В. Васильев, *Китайские надписи*, стр. 18—26. Об исторических надписях уйгурской эпохи см. также Бернштам, *Социально-экономический строй*, стр. 50—57.⟩

[19] ⟨О манихействе у тюркских племен Центральной Азии см. Pestalozza, *Il manicheizmo*.⟩

[20] ⟨О распространении манихейства согдийцами см. Asmussen, *Xᵘāstvānīft*, pp. 130—150.⟩

[21] Перевод относящейся к манихейцам части надписи см. Chavannes — Pelliot, *Un traité*, pt. II, pp. 190—199, с подробным комментарием.

надпись на согдийском языке, из чего видно, что уйгуры были обращены в манихейство согдийскими миссионерами. Из китайских источников мы знаем, что миссионеры не пришли к кочевникам из Согда, но встретились с ними в Китае во время похода туда уйгурского кагана в 762 г. Из этого видно, насколько торговля с Китаем была для западных народов важнее торговли с кочевниками. Только после основания торговых колоний в самом Китае и на пути туда согдийцы могли оказывать более значительное влияние на турецких кочевников, тем более что именно в это время происходили частые вторжения турок как в Китай, так и в нынешний Китайский Туркестан [22]. В области религиозной пропаганды влияние на турок согдийцев было более разнообразно, чем влияние индоевропейских народностей, живших в Китайском Туркестане. На двух индоевропейских языках, известных нам по находкам, сделанным в Куче и Хотане, сохранились только памятники буддийской литературы, тогда как на так называемом согдийском языке (пределы географического распространения этого языка не установлены; возможно, что на нем говорили тоже в Кашгаре и в соседних с ним городах) сохранились, кроме буддийских произведений, произведения манихейские и христианские; все три религии представлены тоже в переводных и оригинальных произведениях на турецком языке [23].

Главные успехи манихейства и христианства относятся к концу VII и к началу VIII в., т. е. к тому времени, когда в Западной Азии уже установилось политическое господство ислама. Ислам первоначально не был религией индивидуального миссионерства и распространялся преимущественно посредством сношений мусульманской державы, военных и мирных, с чужими государствами и обществами. Вполне естественно, что открывшимися после мусульманских завоеваний возможностями другие религии воспользовались раньше, чем ислам.

В истории турок принятие манихейства уйгурами имело большое значение. Каковы бы ни были успехи буддийского и христианского миссионерства, мы не имеем известий о том, чтобы какой-нибудь турецкий народ в VIII в. или раньше принял буддизм или христианство. В первый раз турецкий народ переходил от шаманизма к религии, основанной на этических принципах; по учению шаманистов, даже убийство приносило человеку только пользу в будущей жизни; по учению манихеев, запрещалось не только убийство людей, но и убиение животных и употребление в пищу их мяса. Противоположность между старым и новым учением сознавалась и самими турками — в надписи говорится, что народ, питав-

---

[22] ⟨О тюрко-согдийских отношениях в Китае и Центральной Азии в связи с процессами согдийской колонизации см. Кляшторный, *Древнетюркские памятники*, стр. 114—122.⟩

[23] ⟨См.: Малов, *Памятники*, стр. 95—198; наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 272, прим. 53.⟩

шийся прежде мясом, будет теперь питаться рисом, что страна, где совершались убийства, будет теперь страной, где проповедуется добро.

Небольшая согдийская надпись, найденная вместе с китайской надписью уйгурского кагана и вместе с несколькими строками на турецком языке орхонскими буквами, должна быть признана первым хронологически определенным фактом (надпись относится к первой половине IX в.), свидетельствующим о распространении среди турок нового алфавита. Манихеи принесли с собой из Вавилонии (арабского Ирака) свой алфавит, но вместе с тем пользовались согдийским национальным алфавитом, и этот алфавит употреблен в согдийской надписи на камне уйгурского кагана. У согдийцев-иранцев этот алфавит скоро был вытеснен арабским; употреблялся ли он вообще когда-нибудь для записи мусульманских текстов, неизвестно. С другой стороны, полученный от согдийцев алфавит сохранялся среди уйгуров и стал известен в науке под названием «уйгурский» [24]. Мы знаем, что он у турок не сразу был вытеснен арабским и после принятия ислама; вместе с тем уйгуры распространили этот алфавит в Монголии, и вместе с монголами он снова пришел на запад; несколько позже тот же алфавит был заимствован у монголов маньчжурами [25]. Таким образом, алфавит семитского происхождения, благодаря согдийцам, уйгурам и монголам, дошел до Великого океана. Согдийское происхождение этого алфавита не подлежит сомнению и было известно и мусульманам; об этом вполне определенно говорит мусульманский автор начала XIII в. Фахр ад-дин Мубарекшах Мерверруди [26]. Для самих турок замена орхонского алфавита уйгурским была шагом назад; уйгурский алфавит гораздо меньше, чем орхонский, был приспособлен к передаче звуков турецкого языка.

После вытеснения уйгуров из Монголии манихейство было принесено ими в основанные ими княжества в Китайском Туркестане и Ганьчжоу [27]. Возможно, что в первом манихейство распространилось и раньше, в эпоху турок-огузов или их преемников, живших там до прибытия уйгуров. На это как будто указывают слова арабских географов.

Классическим веком в истории арабской географической литературы был X век н. э. До нас дошел целый ряд арабских географов этого периода,

---

[24] ⟨О согдийском письме и времени заимствования его тюрками см.: Henning, *Mitteliranisch*, S. 55; Le Coq, *Kurze Einführung*, S. 93—109.⟩

[25] ⟨Ср. Jensen, *Die Schrift*, S. 382—395.⟩

[26] ⟨Ross, *The genealogies*, p. 405.⟩

[27] ⟨В 840—845 гг. разгромленные киргизами уйгуры по большей части переселились в Ганьчжоу (Ганьсу) и Турфанский оазис (Восточный Туркестан). Уйгурское государство в Ганьчжоу было уничтожено в 1028—1038 гг. тангутами; другое уйгурское государство, в Восточном Туркестане, утратило политическую самостоятельность в середине XIII в., во время войн между монгольскими ханами. Об истории и культуре этих государств см.: Кычанов, *Из истории тангутско-уйгурских войн*; Малявкин, *Уйгурское Турфанское княжество*; Gabain, *Das Uigurische Königreich*; Hamilton, *Les Ouïghours*; Тихонов, *Хозяйство*.⟩

оставивших подробное описание мусульманского мира и вместе с тем краткие сведения о пути из мусульманских стран через страны, населенные турками, в Китай. По этому описанию, все пространство от Каспийского моря до Китая находилось под господством трех турецких народов: гузов, т. е. огузов, от Каспийского моря до среднего течения Сыр-Дарьи; карлуков, через страну которых приходилось ехать от Ферганы к востоку в течение двадцати дней; тугузгузов, или токуз-огузов, — дальше к востоку, до Китая [28].

Это описание сохранилось у авторов, писавших в то время, когда, по китайским известиям, в восточной части Китайского Туркестана господствовали уйгуры; даже говоря о самом раннем арабском авторе, у которого мы находим этот маршрут, Ибн Хордадбехе, можно сомневаться, писал ли он до или после 860-х годов, т. е. времени вторжения в Китайский Туркестан уйгуров [29]. Отсюда было выведено заключение, что уйгуры китайских источников и тугузгузы арабских источников — одно и то же. Одно время даже предлагали читать вместо *тугузгуз* — *токуз-уйгур*, но от этого чтения потом пришлось отказаться [30]. Отожествление тугузгузов с уйгурами опровергается также арабскими историческими известиями. Ибн ал-Асир сохранил известие, что западные гузы вышли из тугузгузов [31]; Табари приводит известие о вторжении тугузгузов скоро после 820 г. в Усрушану, область между нынешними городами Джизаком и Ходжентом [32], из чего видно, что тугузгузами тогда назывались и непосредственные соседи мусульманских владений, а не только жители восточной части Китайского Туркестана. О том же свидетельствует факт, что тугузгузы попадали, в качестве пленных, в мусульманские области; из тугузгузов происходил Тулун, отец Ахмеда б. Тулуна, основателя династии Тулунидов в Египте [33].

Ибн Хордадбех, самый ранний из арабских авторов, у которых описывается маршрут сухим путем в Китай, сам не совершал туда путешествия и воспользовался уже готовым рассказом. Тот же рассказ, как у Ибн Хордадбеха, приводится у Якута со ссылкой на проехавшего этим путем Темима б. Бахра; к сожалению, Якут не говорит, к какому времени от-

---

[28] ⟨См. подробнее наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 280—284.⟩

[29] ⟨Обе сохранившиеся редакции труда Ибн Хордадбеха были написаны в 880-х годах; см. Булгаков, «*Книга путей и государств*».⟩

[30] Barthold, *Toghuzghuz*; ⟨см. ниже, стр. 568. Древнетюркские рунические тексты Монголии позволили установить правильное чтение этнонима — *токуз-огуз* 'девять (племен) огузов'. Господствующим племенем этой конфедерации были уйгуры. В арабских и персидских источниках термин *токуз-огуз* относится исключительно к уйгурам Восточного Туркестана. О соотношении обоих этнонимов см.: Minorsky, *Tamīm*, pp. 285—290; Hamilton, *Toquz-oγuz*.⟩

[31] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XI, 117.

[32] Табари, III, 1044.

[33] Макризи, *Хитат*, изд. Вьета, I, 313.

носится это путешествие [34]. По приведенным в нем фактам надо думать, что оно было совершено не раньше 760-х годов, когда установилось господство в Семиречье и в западной части Китайского Туркестана карлуков, и не позже IX в., когда турки-шато китайских источников, происходившие из турок орхонских надписей, т. е. из токуз-огузов, ушли из области Бешбалыка дальше на восток, в Китай [35]. Арабы, очевидно, ознакомились с этой областью в то время, когда там жили токуз-огузы, и продолжали употреблять то же самое название для обозначения ее жителей и впоследствии, не зная, что токуз-огузы оттуда ушли и что их заменили другие турецкие народы.

Самое наглядное доказательство, что название тугузгуз первоначально прилагалось не к уйгурам, а к туркам-шато, представляет рассказ Мас'уди о восстании в Китае во второй половине IX в. и об усмирении этого восстания китайским императором с помощью тугузгузов [36]. Это одно из немногих исторических событий, о котором мы имеем известия не только в китайских источниках, но и в арабских; арабы приписывают тугузгузам ту же роль, которую китайцы приписывают туркам-шато [37].

Во время поездки Темима б. Бахра ал-Муттавви'и в стране тугузгузов уже были зороастрийцы и манихеи; первые преобладали в стране вообще, последние — в столице. По всей вероятности, манихейство потом усилилось за счет зороастризма; арабы впоследствии называли манихеями весь тугузгузский народ [38]. Манихейству, как буддизму, приписывали влияние на смягчение народных нравов, что будто бы вредно отразилось на военных качествах тугузгузов. Умерший в 869 г. арабский писатель Джахиз говорит, что до принятия манихейства тугузгузы были воинственным и храбрым народом и обыкновенно одерживали победы в борьбе с карлуками, даже когда были в меньшем числе; после принятия манихейства они стали терпеть поражения. Маркварт относит слова Джахиза к кочевым уйгурам и видит в них доказательство, что до арабов дошло известие об уничтожении государства уйгуров киргизами [39]; между тем в приведен-

---

[34] Якут, *Му'джам*, I, 840 сверху. ⟨См. теперь Minorsky, *Tamīm* (публикация арабского текста, английский перевод и комментарии); см. также Крачковский, *Арабская географическая литература*, стр. 137—138.⟩

[35] ⟨Переселение тюрков-шато относится к 808 г.; см. Бичурин, *Собрание сведений*, изд. 2, I, 359—360. Согласно В. Ф. Минорскому, путешествие Темима б. Бахра относится ко времени около 821 г.; см. Minorsky, *Tamīm*, p. 303.⟩

[36] Мас'уди, *Мурӯдж*, I, 305 и сл. ⟨Ср. там же, 288, где царем тугузгузов назван Уйгур-хан.⟩

[37] ⟨Этот отрывок вследствие терминологической ошибки арабского источника не может служить доказательством распространения названия *тугузгуз* на тюрков-шато; см. Minorsky, *Tamīm*, pp. 288—289.⟩

[38] ⟨Разбор сведений Темима б. Бахра о религии тугузгузов см. Minorsky, *Tamīm*, p. 296; В. Ф. Минорский считает, что путешественник ошибочно назвал зороастризмом («религией магов») буддизм или древнюю религию тюрков. Ср., однако, данные о зороастризме в Китае и соседних районах: Eichhorn, *Materialien*.⟩

[39] Marquart, *Streifzüge*, S. 92, 95.

ном им же тексте Джахиза ясно говорится не о борьбе с киргизами, а только о борьбе с карлуками, из чего видно, что имеются в виду не события в Монголии, а события в Китайском Туркестане и что тугузгузы арабских источников жили там раньше, чем туда пришли уйгуры. Последние события произошли только за три года до смерти Джахиза; между тем из слов Джахиза видно, что тугузгузы, по его представлению, давно уже жили в той местности, где их знали арабы, и давно вели борьбу со своими западными соседями — карлуками.

Под влиянием книжных источников арабы продолжали говорить о тугузгузах в восточной части Китайского Туркестана в то время, когда там жили уйгуры. Из относящихся к этому народу немногих исторических известий, сохранившихся в арабских источниках, важнее всего известия авторов X в. Мас'уди и ан-Недима, показывающие, что уйгурский хан заступался за своих единоверцев как перед китайским императором, так и перед мусульманскими эмирами династии Саманидов. По словам ан-Недима, до тугузгузского хана дошли слухи, что саманидский владетель хочет подвергнуть преследованию манихейскую общину, жившую в Самарканде; он велел передать эмиру, что в стране тугузгузов гораздо больше мусульман, чем в стране Саманидов — манихеев, и что, если мусульмане начнут гонение против манихеев, он начнет гонение против мусульман. Под влиянием этой угрозы саманидский эмир отказался от своего намерения [40].

Эти рассказы показывают, что слова Джахиза об утрате принявшими манихейство турками прежних военных качеств преувеличены, как впоследствии преувеличивали влияние буддизма на изменение народного характера монголов; успешная борьба монголов с китайцами за свою независимость показала, что монголы не утратили прежних военных качеств. Таким же образом тибетцы именно после принятия буддизма, в VII в., выступили в роли завоевателей; в начале XX в., после долгих лет господства в Тибете буддизма, англичане все-таки встретили со стороны тибетцев упорное сопротивление. Пример христианской Европы в средние века показывает, что воинственные народы могут обратить религию любви и мира в религию войны. Таким же образом для кочевников-уйгуров принятие манихейства было новым предлогом угрожать Китаю; китайцам в своей политике по вопросу об иноверцах приходилось считаться с заступничеством уйгурских каганов за манихеев; только после поражения, нанесенного уйгурам киргизами, начинается ожесточенное преследование в Китае чужих религий, в том числе манихейства [41]. Угрозы уйгурских владетелей Китайского Туркестана уже не могли оказывать такое влияние, как прежде угрозы могущественных уйгурских каганов Монголии, но

---

[40] *Фихрист*, I, 337. ⟨О сведениях арабских и персидских источников, относящихся к тугузгузам, см. также Якубовский, *Турфанское княжество*.⟩

[41] Chavannes — Pelliot, *Un traité*, pt. II, p. 295 sq.

все-таки слова Мас'уди [42] и ан-Недима показывают, что уйгуры и в Восточном Туркестане защищали своих единоверцев в других странах, не останавливаясь перед применением силы, следовательно, не утратили своих военных качеств.

Открытые археологическими экспедициями в Средней Азии памятники манихейской литературы на персидском, согдийском, турецком и китайском языках впервые дали возможность европейским ученым изучить религию манихеев по их собственным произведениям; до тех пор эту религию знали по сочинениям христианских и мусульманских авторов, большей частью полемическим [43]. Манихейство, как и буддизм, рассчитывало на широкое распространение в народных массах; проповедь аскетизма была направлена против сословного строя, освященного религией Зороастра в ее позднейшей форме и господствовавшего в Персии в эпоху Сасанидов. Поэтому манихейские произведения писались так, чтобы они были доступны для простого народа. Из всех персидских рукописей того времени только в манихейских все слова написаны ясно по-персидски, без употребления семитских идеограмм, которыми полны так называемые пехлевийские рукописи и которыми пользовались и персидские христиане: многие слова произносились по-персидски, но вместо персидского слова писалось соответствовавшее семитское. Таким же простым и ясным языком манихеи писали по-турецки. Главный памятник манихейской литературы на турецком языке, покаянная молитва *Хуастуанифт*, чистотой языка, по мнению Радлова, превосходит едва ли не все дошедшие до нас памятники турецкой письменности [44].

Из того же памятника видно, что, как и следовало ожидать, манихейство более всего сблизилось с буддизмом; оскорбление буддийских святынь каралось так же, как оскорбление манихейских. Близость этих религий друг к другу доказывается и терминами той и другой, свидетельствующими о взаимном влиянии, так что по этим памятникам даже было трудно решить, которая религия распространилась среди турок раньше. Слово, которым турки называли Будду и буддийские статуи, *бурхан*, было заимствовано манихеями и служило для обозначения манихейских святых; с другой стороны, буддисты для своих священных книг приняли манихейский термин *ном*, и это слово до сих пор сохранилось в монгольском языке. Манихеи и буддисты, как впоследствии христиане и мусульмане, старались при распространении своей религии среди турок создавать религиозную терминологию на турецком языке, что не всегда было возможно. В области шаманизма можно было найти термины для выражения идей «бог» и «дьявол»; но такого представления, которое бы соответ-

---

[42] *Мурӯдж*, I, 300 и сл.

[43] ⟨Ср. Puech, *Le Manichéisme*.⟩

[44] ⟨Издания и переводы тюркского текста этого памятника см.: Radloff, *Chuastuanit*; Малов, *Памятники*, стр. 108—129 (с подробной библиографией); Дмитриева, *Хуастуанифт*.⟩

ствовало представлению об ангелах, в шаманских верованиях не было; в этом случае манихейские, христианские и мусульманские миссионеры среди турок должны были довольствоваться персидским словом *фиришmе*. Отсутствие у турок представления об ангелах отмечено и у Махмуда Кашгарского [45]. Арабские авторы не всегда ясно отличали манихейство от буддизма, оттого некоторые авторы, как Бируни, приписывают манихейству широкое распространение; с другой стороны, Мас'уди категорически говорит, что других манихеев, кроме тугузгузов, среди турок не было [46]. Под тугузгузами в этом случае, конечно, понимаются уйгуры. Впоследствии, по-видимому скоро после X в., манихейство и среди уйгуров уступило место буддизму и христианству; но как и когда это произошло, источники не сообщают. Даже у писавшего во второй половине XI в. Махмуда Кашгарского мы не находим указаний, чтобы в его время еще сохранялось манихейство, хотя Махмуд Кашгарский лучше других знал страну уйгуров. Замечательно, что этот едва ли не единственный арабский автор, пишущий о Средней Азии не по книжным источникам, а на основании личного знакомства с этой страной, совершенно не употребляет слова *тугузгуз*, а только слово *уйгур*. Этим лучше всего доказывается, что употребление слова *тугузгуз* в смысле «уйгур» объясняется только книжными традициями и что у самих турок, живших в то время в Китайском Туркестане, такого слова не было.

Уйгуры оставались при Махмуде Кашгарском если не манихеями, то буддистами и христианами; но их западные соседи уже подчинились в то время влиянию ислама. В следующей лекции я постараюсь дать ответ на вопрос, что можно сказать в настоящее время об этом важнейшем факте в истории турецкого племени.

---

[45] Махмуд Кашгарский, III, 9.

[46] Мас'уди, *Мурӯдж*, I, 288.

IV

Успехи ислама среди турок начались только со времени господства в Средней Азии иранской династии Саманидов, владевшей в IX—X вв., приблизительно с 820 до 1000 г., культурными областями нынешнего Русского Туркестана; у арабов эти области, расположенные за рекой Аму-Дарьей, получили общее название Мавераннахр, т. е. 'Заречье'. В истории мусульманских завоеваний население Мавераннахра иногда называлось турками; возможно, что некоторые области находились под властью династий турецкого происхождения; существует мнение, что в омейядском дворце Кусейр Амра вместе с изображениями сасанидского царя, византийского императора, вестготского короля Испании и абиссинского негуса находится изображение турецкой владетельницы Бухары [1]; но турецкий язык среди местного населения тогда еще не был распространен. По-видимому, арабы иногда ошибочно называли турецким язык местного иранского населения; только так можно объяснить слова Джахиза, будто между языками иранским и турецким существует только диалектическая разница, как, например, между мекканским и мединским диалектами [2].

В течение некоторого времени северная граница ислама и халифата в Средней Азии совпадала, по-видимому, с этнографической границей между племенами иранским и турецким и с культурной границей между областью земледелия и областью скотоводства. Были города к северу от этой границы, но это были колонии, основанные в степи населением культурных областей. Еще арабские географы X в. описывают турок как народ, совершенно чуждый исламу и находящийся во вражде с мусульманами, хотя в это время положение уже начало изменяться.

Саманиды, подобно везирам аббасидских халифов, Бармакидам, происходили из Балха, области, где до ислама господствовал буддизм [3].

---

[1] Wittek, *Eine türkische Fürstin*, S. 402 sq. ⟨Предположение Виттека, однако, было оспорено Херцфельдом и не получило признания в специальной литературе; см.: Herzfeld, *Archäologische Mitteilungen*, V, 149, 152; Нершахи, пер. Фрая, 111.⟩

[2] Джахиз, *Манāкиб ал-атрāк*, изд. Ван Флотена, 5; ⟨см. также Мандельштам, *Характеристика тюрок*⟩.

[3] ⟨О происхождении Саманидов ср. Семенов, *К вопросу о происхождении Саманидов.*⟩

Именно этой религии было труднее всего сохранить свое существование рядом с исламом; большое число статуй, находившихся в буддийских храмах, заставляло мусульман смотреть на буддизм как на идолопоклонство по преимуществу. В Индии брахманизм мог сохранить свое существование при мусульманском владычестве, тогда как буддизм, еще прежде пришедший в Индии в упадок, в эпоху мусульманского господства быстро исчез. Таким же образом исчез буддизм в Балхе и вообще в Тохаристане, тогда как зороастризм в Мавераннахре оставался еще в течение некоторого времени; были также общины манихеев, христиан и евреев, из которых только последние сохранили свою религию до сих пор [4]. Но буддизм исчез под влиянием ислама не бесследно; по-видимому, в подражение буддийской вихаре возник тип мусульманской высшей богословской школы — медресе, которая упоминается прежде всего на восточной окраине мусульманского мира и только в XI в. появляется в Западном Иране и в столице халифата, Багдаде. На влияние буддизма указывает большое число медресе в Балхе и его области [5].

Медресе, существовавшие в X в., насколько известно, только в Хорасане и Мавераннахре, были сильным средством для распространения ислама независимо от действий мусульманского правительства; может быть, этим следует объяснить, что мусульманская пропаганда за пределами халифата достигла в это время в Средней Азии таких успехов, как ни на одной из других окраин мусульманского мира. Как мы уже видели, Саманиды отказались от оборонительной политики прежних мусульманских наместников Хорасана и Мавераннахра, перестали поддерживать стены, построенные для защиты культурных областей от кочевников, и сами стали предпринимать походы в степь. Иногда эти походы приводили к завоеванию городов; так, в 893 г. был завоеван город Тараз, или Талас, на месте современного Аулие-Ата [6], причем говорится об обращении главной церкви в мечеть, из чего можно заключить, что мусульманской пропаганде здесь предшествовала христианская [7]. Но эти завоевания касались только ближайших пограничных областей, и даже здесь рядом с завоевательными походами Саманидов происходила, независимо от них, мирная колонизация степи переселенцами из Мавераннахра. Когда

---

[4] ⟨О распространении буддизма, христианства и манихейства в Средней Азии до арабского завоевания см. Беленицкий, *Вопросы*, стр. 36—52; главное место в религиозной жизни домусульманской Средней Азии занимал культ, связанный с почитанием огня и пантеона местных божеств. В. В. Бартольд определяет этот культ как зороастризм; однако его отличия от канонизированного зороастризма, господствовавшего в Иране, весьма значительны. В советской исторической литературе эта система религиозных воззрений условно именуется маздеизмом; ср., например, *История таджикского народа*, т. II, кн. 1, стр. 87—88.⟩

[5] Бейхаки, изд. Морлея, 248; ср.: Бартольд, *О погребении Тимура*, стр. 9 и сл.; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 431—432⟩; R. Hartmann, *Balkh*.

[6] ⟨Ныне Джамбул.⟩

[7] Нершахи, изд. Шефера, 84; Barthold, *Awliyā-Atā*; ⟨наст. изд., т. III, стр. 340⟩.

ислам сделался в Мавераннахре религией большинства, мусульмане стали продолжать колонизаторскую деятельность, производившуюся в домусульманскую эпоху согдийцами. Так возникли три мусульманских города на нижнем течении Сыр-Дарьи — Дженд, Хувара и «Новое поселение» (ал-Карьят ал-Хадиса по-арабски, Дих-и нау по-персидски, Янгикент по-турецки, причем слово *кент* перешло к туркам от согдийцев) [8]. Из них вполне установлено местоположение последнего, которому соответствуют развалины, носящие теперь название Джанкент. По словам арабских географов, эти города были населены мусульманами, но находились под властью немусульманских турок-огузов, из чего видно, что это не были города, основанные на завоеванной Саманидами территории, но колонии, основанные с согласия местных турок переселенцами из Мавераннахра. Как завоеванный Саманидами Талас, так и основанное мирными колонистами «Новое поселение» широко распространили свою торговую деятельность в Средней Азии; от каждого из этих городов вела дорога к Иртышу, в страну неизвестного китайцам турецкого народа кимаков (в турецком произношении, вероятно, *кимек*), из которого вышел занявший впоследствии огромную территорию кипчакский народ [9].

К числу пограничных областей мусульманской культуры принадлежал Хорезм. Окруженный степью с трех сторон, Хорезм издавна вел обширную торговлю с кочевниками; эта торговля должна была еще больше расшириться в мусульманский период. Хорезмийцы, вероятно, принимали участие в основании колоний на Сыр-Дарье; но главная их деятельность была направлена в сторону запада и северо-запада, к бассейну Волги, где тогда жили болгары и хазары. Деятельность хорезмийцев началась здесь еще до ислама; из хорезмийцев происходил предводитель хазарского войска, совершивший в 764 г. нашествие на мусульманские области Кавказа [10]; но впоследствии мы находим на службе у хазар хорезмийцев-мусульман, которые выговорили себе право оставаться нейтральными в тех случаях, когда будет происходить война с мусульманскими странами [11]. Кроме того, в стране хазар и в их главном городе Итиле, при устье Волги, было большое число мусульманских купцов; благодаря этой торговле мог вообще возникнуть большой город в стране, которая сама, по словам арабов, ничего не производила. На юго-западе, в Дагестане, страна хазар непосредственно граничила с халифатом; здесь часто происходили и военные столкновения; под влиянием этих столкновений хазарские каганы даже были вынуждены покинуть свою прежнюю столицу в Дагестане и основать новый город при устье Волги, хотя потом арабы и здесь,

---

[8] ⟨О раннесредневековых городах в нижнем течении Сыр-Дарьи и их основателях см.: Толстов, *Города гузов*; его же, *По древним дельтам*, стр. 273—294.⟩

[9] Barthold, *Kimäk*; idem, *Kipčak*; ⟨см. ниже, стр. 549—551⟩.

[10] Табари, III, 328,$_9$.

[11] ⟨Об отношениях между Хорезмом и государствами хазар и болгар в Поволжье см. Толстов, *По следам*, стр. 223—265.⟩

как в Туркестане, отказались от наступления и Дагестан, кроме Дербента и его ближайших окрестностей, остался в руках хазар [12]. На востоке между государством хазар и пограничными областями мусульман всегда было некоторое пространство, не принадлежавшее ни тем, ни другим; тем не менее из некоторых арабских известий можно заключить, что хорезмийские войска иногда переходили это пространство и принимали участие в происходивших на Волге событиях, из которых главным было наступление на бассейн Волги в X в. русских [13].

Наступлению русских на бассейн Волги предшествовало наступление хазар на восточнославянский мир; мы знаем из русских летописей, что несколько славянских народов до второй половины IX в. платили дань хазарскому кагану. Как далеко простиралось на север хазарское влияние, видно из того, что русский князь, живший далеко на севере, около Новгорода, когда русские еще были норманнами и говорили на шведском языке, носил титул *каган*, употреблявшийся иногда и впоследствии, когда к государю русских чаще применялся общеславянский титул германского происхождения *князь* [14].

Государство, образованное в IX в. русскими на пространстве от Балтийского до Черного моря, нанесло удар могуществу хазарского царства; непосредственное столкновение между обоими народами стало неизбежным, когда русские направили свои набеги, между прочим, и по Волге к Каспийскому морю. Известно, что об этих набегах русские летописи не дают никаких сведений; только о последнем из них, о походе на хазар Святослава, летопись сохранила несколько строк. Почти все наши сведения об этом движении русских заимствованы из арабских источников, причем самый подробный из них — рассказ Мас'уди о первом набеге, происшедшем, вероятно, между 910 и 915 гг., по-видимому, в 913 г. Этот набег был произведен с разрешения хазар, которым русские обещали отдать часть добычи, но потом тот же хазарский каган разрешил своим подданным-мусульманам (к ним присоединились и жившие в Итиле христиане, тоже заинтересованные в безопасности торговли от набегов) на обратном пути напасть на русских, которые были почти все истреблены.

---

[12] О Дербенте см. Barthold, *Derbend*; ⟨наст. изд., т. III, стр. 419—430; см. также Минорский, *История Ширвана и Дербенда*⟩.

[13] ⟨О русско-хазарских отношениях в Поволжье и на Кавказе см.: Бартольд, *Арабские известия о русах*; Якубовский, *О русско-хазарских отношениях*; Заходер, *Каспийский свод*; Артамонов, *История хазар*.⟩

[14] ⟨Современное состояние вопроса о происхождении термина *русь* и о шведской колонизации района Приладожья см. Шаскольский, *Норманская теория*, стр. 50—54, 203—206. Бартольд имеет в виду сообщения Бертинских анналов, где под 839 г. говорится о посольстве древнерусского князя, который назван хаканом (rex. . . chacanus vocabulo) — *Annales Bertiniani*, 19—20; однако нет доказательств, что речь идет здесь о норманнском князе из Приладожья; см. Шушарин, *Древнерусское государство*, стр. 420—421.⟩

В рассказе мусульман о втором набеге русских, 943—944 гг., когда был разграблен и разрушен главный в то время город мусульманского Кавказа, Берда'а, ничего не говорится о том, был ли он совершен с разрешения хазар или против их воли; неизвестно также, пострадали ли от этого набега, кроме мусульманских земель, также земли, принадлежавшие хазарам [15]. Третий поход, поход Святослава в 965 г., был направлен уже против хазарского царства, которое на несколько лет перешло полностью во власть русских, не исключая и местности, непосредственно граничившей с халифатом в Дагестане; но за пределы хазарского царства русские тогда не проникали, не трогали мусульманских областей и не преследовали бежавших из хазарского царства жителей, нашедших убежище на Апшеронском полуострове, около Баку. Как видно из рассказа Ибн Хаукаля, бывшего в это время на юго-восточной стороне Каспийского моря, современники смотрели на этот поход как на окончательное завоевание хазарского царства; беглецы вели с русскими переговоры, чтобы вернуться к себе на родину и жить там под русской властью [16]. Ибн Хаукаль и потом не знал, что русские покинули завоеванную ими страну и что хазарское царство было восстановлено.

Чтобы понять ход этих событий, нужно принять во внимание действия того же князя Святослава в других местах. Норманнские походы и в России, как в Западной Европе, первоначально предпринимались только для грабежа; таков был характер первых действий русских на Каспийском море. Потом походы приняли характер завоевательных предприятий, причем целью завоеваний было не присоединение новой территории к своим прежним владениям, но покорение богатой страны для того, чтобы остаться в ней. Когда Святослав потом пришел в дунайскую Болгарию, он решил остаться в этой стране, экономически и культурно стоявшей в то время гораздо выше России и бывшей центром торговых сношений; несмотря на все уговоры, он не хотел возвращаться в Киев. Очень вероятно, что Итиль, имевший не меньшее торговое значение, тоже понравился Святославу и тоже показался ему, сравнительно с Киевом, более значительным и богатым городом, более достойным быть столицей могущественного князя. Для России этот момент имел решающее значение; если бы Святослав остался в Итиле, русские, наверное, подчинились бы влиянию мусульманской культуры. Святослав ушел из страны хазар не для того, чтобы вернуться домой, но чтобы оказать помощь византийскому императору, по его просьбе, против дунайских болгар; византийский посол, по-видимому, застал Святослава не в Киеве, а в хазарских владениях. Ни из русских источников, ни из византийских не видно, покинул ли Святослав свои завоевания совершенно добровольно, увлекшись, под влиянием ви-

---

[15] Barthold, *Bardh̲a'a*; 〈наст. изд., т. III, стр. 372—373; см. также Якубовский, *Ибн-Мискавейх*〉.

[16] Ибн Хаукаль, 286.

зантийского предложения, мечтой о новых завоеваниях, или этому решению способствовали какие-нибудь неудачи на Волге или опасность, угрожавшая от каких-нибудь новых врагов. Ответ на этот вопрос дает, может быть, дошедший до Багдада слух, что именно в 965 г., в год похода Святослава, на хазар напал какой-то «турецкий» народ [17]; хазары обратились за помощью к хорезмийцам; те обещали оказать им помощь под условием принятия ими ислама; хазары согласились, и хорезмийцы освободили их от вражеского нашествия.

О принятии хазарами ислама говорится в мусульманских источниках еще по другому поводу, в рассказе о событиях другого периода; по этому рассказу, хазар будто бы заставили принять ислам походы против них Мамуна из города Гурганджа (нынешнего Куня-Ургенча). Имеется в виду не халиф Мамун, как ошибочно полагает Маркварт [18], а правивший в Гургандже эмир Мамун б. Мухаммед.

Несомненно, что в обоих случаях известие об обращении хазар в мусульманство было основано на неверных слухах. Государственной религией хазар оставался до конца иудаизм, принятый каганом и аристократией, вероятно, в эпоху Харуна ар-Рашида, т. е. в конце VIII в. Это событие было последним отголоском той широкой пропаганды иудаизма, о которой говорится в Евангелии и у многих античных писателей; только постепенно иудаизм как религия международной пропаганды уступил место христианству и исламу и сделался тем, чем он остается до сих пор: национальной религией, принятие которой людьми других народов представлялось бы совершенно неестественным. По мусульманским известиям, иудаизм был религией хазарского правительства, но не хазарского народа. Хазарское правительство отстаивало интересы иудаизма, и в 922 г. в ответ на известие о разрушении синагоги в одном из мусульманских государств был разрушен минарет в Итиле; но среди народа, по словам арабов, мусульман и христиан было больше, чем приверженцев иудаизма [19]. Поэтому остается темным вопрос о происхождении караимов в Крыму. Слово *караим* в средние века обозначало не народ, а одну из иудаистских сект, отличавшуюся от большинства иудаистов, как и крымские караимы, непризнанием Талмуда. Караимы говорят на турецком языке и имеют на этом языке перевод Библии, благодаря чему их язык сохранил большую чистоту. Часть Крыма принадлежала хазарам, и, может быть, здесь жил в начале XI в. последний хазарский владетель, хотя этот владетель, по-видимому, был христианином, так как его звали Георгием. Ясных свидетельств о том, чтобы хазары принадлежали к секте караимов, в источниках нет. Против отожествления караимов с хазарами говорят и лингви-

---

[17] Впервые у Ибн Мискавейха, изд. Амедроза—Марголиуса, текст, II, 209; перевод, II, 223.

[18] *Streifzüge*, S. 3.

[19] ⟨О религиозной ситуации в Хазарии см. Заходер, *Каспийский свод*, стр. 145—166.⟩

стические факты; язык хазар, подобно языку болгар, был непонятен для остальных турок и, вероятно, был тем же языком, остатком которого теперь является чувашский; язык караимов и караимской Библии мало отличается от большинства турецких наречий и не имеет ничего общего с чувашским [20]. При таких условиях такие факты, как иудаистская религия и турецкий язык караимов, недостаточны для решения вопроса об их происхождении и их отношении к хазарам.

Ислам, таким образом, не сделался государственной религией в хазарских владениях; но и независимо от успеха или неудачи мусульманской религиозной пропаганды у хорезмийцев было достаточно причин оказать хазарам помощь в борьбе с внешними врагами, тем более что на службе у хазарского кагана была хорезмийская гвардия, которая не могла не пострадать при разгроме хазарского царства русскими. Возможно, следовательно, что уход Святослава, по крайней мере отчасти, был вызван действиями хорезмийцев.

Более тесно, чем хазары, были связаны с Хорезмом и с мусульманской культурой их ближайшие родственники, волжские болгары. Мусульманские источники говорят об этом сравнительно мало. Говорится только о прибытии в 921 г. посольства от принявших ислам болгар к халифу Муктадиру с просьбой прислать им знатоков военного дела, которые могли бы построить для них крепость, и знатоков ислама, которые могли бы наставить их в новой вере. В ответном посольстве халифа принимал участие Ибн Фадлан, описавший свое путешествие из Багдада к болгарам и обратно через страну хазар. До последнего времени сочинение Ибн Фадлана было известно только по извлечению, сделанному в XIII в. географом Якутом; только недавно установлено, что в Мешхеде сохранилась рукопись, хотя и неполная, труда Ибн Фадлана в том виде, как с ним мог ознакомиться Якут (не хватает лишь нескольких страниц в конце) [21].

На Ибн Фадлана, по-видимому, была возложена обязанность содействовать ознакомлению болгар с предписаниями ислама; политическая сторона посольства его не интересовала, послом «от султана», т. е. от багдадского правительства, было другое лицо. Ибн Фадлан, насколько известно до сих пор, ничего не говорит о том, как это лицо исполнило свою обязанность и была ли построена для болгар та крепость, о которой они просили, и о том, как болгары первоначально ознакомились с исламом. Некоторый ответ на этот вопрос дает маршрут посольства; из Багдада оно проехало в Бухару, оттуда в Хорезм и только из Хорезма к болгарам. Выбор такого маршрута мог быть вызван только тем, что болгары вошли

---

[20] 〈О языке и литературе караимов в связи с вопросами их этногенеза см.: Баскаков, *Введение*, стр. 233—235; Pritsak, *Das Karaimische*; Zajączkowski, *Die karaimische Literatur*.〉

[21] Ср. Валидов, *Мешхедская рукопись*, стр. 243 и сл. 〈Издание, перевод и исследование мешхедской рукописи Ибн Фадлана см.: Ибн Фадлан, изд. Ковалевского (1939); Ибн Фадлан, изд. Ковалевского (1956).〉

в соприкосновение с мусульманской культурой через Хорезм и владения Саманидов; из Багдада на Волгу было бы ближе ехать через Кавказ. Тесными культурными связями между болгарами и хорезмийцами объясняется предположение русского летописца о родстве между этими народами. На влияние саманидского государства указывают и монеты, чеканившиеся в том же X в. мусульманскими болгарами. Был период, когда Саманиды не признавали халифа (ал-Мутиʿ), провозглашенного в Багдаде, и чеканили на монетах имя прежнего халифа (ал-Мустакфи); то же самое имя мы видим и на монетах, чеканенных в это время в стране болгар.

Помимо мирных сношений, между хорезмийцами и болгарами могли происходить и военные столкновения [22]. Есть известия о походах хорезмийцев на «славян»; едва ли тут может идти речь о настоящих славянах, живущих к западу от Волги. Ибн Фадлан называет царя волжских болгар царем славян [23]; прежде можно было объяснить это выражение ошибкой Якута, но теперь оказывается, что оно находится в подлинном сочинении Ибн Фадлана. По-видимому, волжские болгары, как и дунайские, произошли от смешения турецко-чувашской народности со славянской, с той разницей, что среди дунайских болгар одержал победу славянский язык, среди волжских — турецко-чувашский.

Помощь хорезмийцев, может быть, на короткое время спасла хазарское царство от гибели, но не придала ему новой жизни; после XI в. оно больше не упоминается, и монголы в XIII в. хазар уже не застали [24]. С другой стороны, разгромом хазарского царства воспользовались не столько русские, сколько болгары. По словам Ибн Хаукаля, русскими было разгромлено не только хазарское царство, но и болгарское, но об этом ничего не говорит русская летопись, и этому мало соответствуют последующие события. С XI до XIII в. болгары действовали на огромном пространстве от Великого Устюга до местности южнее Саратова и от Мурома до Уфимского края. В политическом отношении страна болгар, как и Россия, переживала, по-видимому, период распадения на уделы. Ибн Фадлан говорит об одном верховном государе болгар, хотя и не носившем ханского титула, как государь хазар; впоследствии русские летописи всегда говорят о болгарских князьях, а не об одном князе. С другой стороны, культура болгарского народа была в XIII в. значительно выше, чем в X в. По описанию арабских географов X в., болгарские города, Болгар и находившийся в 50 верстах от него Сувар (по-видимому, тоже название племени), в сущности были ставками кочевников, состояли из хижин и войлочных шатров и летом совершенно покидались, тогда как город Болгар монгольского периода, как показывают его развалины, был каменным городом с населением не менее 50 000 жителей. В X в. из страны болгар вывозили только продукты охоты (меха пушных зверей) и пчеловод-

[22] Ибн Хаукаль, 231, $_{13}$.

[23] Валидов, *Мешхедская рукопись*, стр. 244.

[24] Махмуд Кашгарский также не упоминает хазар.

ства; впоследствии у болгар возникло кожевенное производство, унаследованное потом русскими, и болгарские сапоги (موزۀ بلغرى) были предметом вывоза в мусульманские страны, где на них был большой спрос. Земледелие также сделало большие успехи, и в годы неурожая Россия могла получать хлеб из страны болгар. Военная борьба с русскими велась с переменным счастием; наступление русских вниз по Волге подвигалось медленно; только в XIII в., незадолго до монгольского нашествия, русские дошли до места впадения в Волгу Оки и основали здесь Нижний Новгород. С другой стороны, нет сведений о том, чтобы болгары достигли успехов в области духовной культуры и имели литературу на своем языке, хотя на этом языке сохранились надписи арабским алфавитом, относящиеся уже ко времени монгольского владычества, к XIV в.[25]. Вскоре после этого в бывшей стране болгар получил господство тот турецкий язык, который утвердился в Золотой Орде; прежний болгарский язык сохранился только в языке чувашей, происходящих, по-видимому, от наименее затронутых мусульманской культурой элементов болгарского народа, совершенно не знавших ни ислама, ни арабского алфавита и до принятия русского алфавита не имевших никакой письменности [26].

Известный нам теперь маршрут Ибн Фадлана наглядно показывает, что влиянию ислама более отдаленные от мусульманских стран народы иногда подвергались раньше, чем ближайшие соседи мусульман. На пространстве между Хорезмом и владениями принявших ислам болгар Ибн Фадлан видел турок, остававшихся при своих шаманских верованиях и ставивших у могил своих воинов камни по числу убитых покойным врагов [27].

Турецкие народы, жившие в то время в Средней Азии, находились на различных ступенях культуры; говорится и о таких турках, у которых даже не было железного оружия и стрелы выделывались из костей [28]. Пример болгар показывает, что влиянию ислама подвергались преимущественно те народы, у которых уже была некоторая культурная жизнь. Якут [29] сохранил нам рассказ об арабском посольстве к туркам (к сожалению, не сказано, к каким, и маршрут посольства не приводится) при халифе Хишаме (724—743) с предложением принять ислам. Каган устроил при после смотр своим военным силам и потом сказал ему, что таким людям, среди которых нет ни одного ремесленника, «ни цирюльников, ни кузне-

---

[25] ⟨См. Юсупов, *Введение.*⟩

[26] ⟨О древнеболгарском языке и его связи с чувашским см. Баскаков, *Введение*, стр. 192—200.⟩

[27] Валидов, *Мешхедская рукопись*, стр. 45; см. также: Kotwicz — Samoïlovitsch, *Le monument turc*, p. 87; Kotwicz, *Les tombeaux*, p. 3.

[28] Я'куби, *Китāб ал-булдāн*, II, 295, $_{11}$.

[29] Сообщение Якута, как теперь установлено, заимствовано у Ибн ал-Факиха (Валидов, *Мешхедская рукопись*, стр. 241).

цов, ни портных», неоткуда будет добывать себе средства к жизни, если они примут ислам и будут исполнять его предписания [30].

Нет, по-видимому, фактов в пользу предположения, что распространению ислама способствовала воинственность турок, что турки увлеклись идеей священной войны и райскими блаженствами, обещанными павшим в такой войне. Возникновение в исламе индивидуального миссионерства, внутри мусульманского мира и за его пределами, было связано с возникновением мусульманского мистицизма — суфизма. В биографиях известных суфиев обыкновенно говорится об обращении ими в ислам большого числа иноверцев; суфии отправлялись проповедовать ислам в степь, к туркам, и всегда, до последнего времени, пользовались среди турок гораздо большим успехом, чем представители книжного богословия. Проповедники-суфии говорили и говорят в степи не о священной войне и райских наслаждениях, а о грехе и адских муках; европейские путешественники в Средней Азии и Центральной Африке одинаково, независимо друг от друга, вынесли впечатление, что рассказы об аде больше всего способствуют распространению ислама. Но в этом отношении ислам не приносил с собой ничего нового; такие же рассказы турки слышали от проповедников буддизма, манихейства и христианства; между тем проповедь ислама имела успех и там, где турки раньше ознакомились с одной из этих религий.

Главное преимущество ислама заключалось, конечно, в культурном первенстве мусульманского мира, одинаково в области материальной и духовной культуры, среди образованных народов того времени. Кочевники всегда нуждались в произведениях культурных стран, особенно в предметах одежды. Везде, где происходила торговля между культурными народами и кочевниками, в Китае, в мусульманском мире и впоследствии в России, кочевникам больше всего были нужны ткани. Торговля с кочевниками была выгодна и для оседлых народов, которые могли получать от кочевников продукты скотоводства, особенно мясо, по более дешевым ценам, чем это было бы возможно при других условиях; но больше всего торговля была нужна кочевникам, которые везде сами пригоняли свои стада к пограничным селениям культурных стран, не дожидаясь, чтобы торговцы приехали к ним в степь. Для пограничных мусульманских стран в Средней Азии торговля с кочевниками имела большое значение; в Хорезме изготовлялись ткани специально для вывоза в степь. Знакомясь с товарами и вообще с жизнью мусульман, кочевники подвергались влиянию не столько ислама как религии, сколько вообще мусульманской культуры; но присоединение к мусульманскому культурному миру было возможно для кочевников только при условии принятия ислама.

В прочном распространении ислама среди турок проявилась та сила, которою, по-видимому, обладает ислам даже по сравнению с другими миро-

[30] ⟨Подробнее об этом эпизоде см. Marquart, *Skizzen*, S. 290—291.⟩

выми религиями. Несмотря на то что ислам по числу своих последователей уступал буддизму и христианству, можно сказать, что ислам теперь является единственной в настоящем смысле слова мировой религией, т. е. религией, распространение которой не ограничивается народами одного происхождения или одного культурного мира. Временно успехи других религий иногда были более замечательны, чем успехи ислама, но не приводили к прочным результатам. Манихейство тоже было некогда мировой религией и имело последователей от Южной Франции до Китая; это не помешало ему впоследствии совершенно исчезнуть. Буддизм начал свою мировую деятельность широкой пропагандой на западе, но остался религией одного только восточноазиатского культурного мира. Христианство имело многочисленных последователей среди турок до начала успехов ислама, впоследствии христианство воспринял целый ряд народностей в Западной, Восточной и Южной Монголии, где мусульманская пропаганда не имела почти никакого успеха; но эти успехи были только временными, и христианство является теперь религией преимущественно европейского человечества; по сравнению с европейскими христиане, живущие вне мира европейской культуры, совершенно ничтожны как по численности, так и по своему культурному развитию. Ислам является по существу религией переднеазиатского культурного мира, но число его последователей в Восточной Азии, особенно в Индии и на Зондских островах, теперь превосходит число переднеазиатских мусульман. В Китае мусульмане представляют самостоятельную силу, имеют духовную литературу на своем языке и не нуждаются в поддержке извне, тогда как все попытки христиан создать китайскую национальную церковь потерпели неудачу. В Африке христианство также не создало ничего подобного африканскому исламу; среди единственного африканского народа, имеющего свою национальную христианскую церковь, абиссинцев, еще в XIX в. имела успех мусульманская пропаганда. Вообще история знала много буддийских и христианских народов, принявших ислам, и не знала ни одного мусульманского народа, который бы принял буддизм или христианство.

После принятия ислама волжскими болгарами следующий крупный факт, указывающий на успехи ислама среди турок, — принятие ислама в 960 г., почти через 40 лет после прибытия болгарских послов в Багдад, многочисленным (200 000 шатров) турецким народом. К сожалению, это известие имеется только в багдадской историографии [31], а не в сочинениях, писавшихся в саманидском государстве, и не в арабской географической литературе. Этим отчасти объясняется крайняя неопределен-

[31] Впервые у Ибн Мискавейха (изд. Амедроза — Марголиуса, текст, II, 181; пер., II, 196). Здесь, как и вообще часто у Ибн Мискавейха, первоначальным источником является утраченное произведение Сабита б. Синана, в котором идет речь о периоде с 295 до 363 г. х. ⟨907-08—973-74 гг.⟩. См. Barthold, *Turkestan*, p. 7 sq., там же библиография; ⟨наст. изд., т. I, стр. 52⟩.

ность дошедшего до нас известия; ничего не говорится ни о том, как назывался турецкий народ, ни о том, где он жил. Только в более поздних среднеазиатских преданиях, из которых самая ранняя версия дошла до нас в сочинениях начала XIV в.[32], со ссылкой на сочинение XI в., говорится, что принявший тогда ислам вместе со своим народом турецкий хан, именно Сатук Богра-хан Абд ал-Керим[33], был членом той же династии, которая в конце того же X в. завоевала государство Саманидов и положила начало первому турецкому мусульманскому государству в Средней Азии. Даже в упомянутой древнейшей версии рассказ о Богра-хане и принятии им ислама имеет явно легендарный характер; еще больше легендарного элемента в распространенных в Средней Азии теперь различных версиях *Тазкира-йи Богра-хāн*.

Исторические и географические источники не дают нам даже ответа на вопрос, к какой турецкой народности принадлежала та династия, из которой вышел Сатук Богра-хан и которую в русской науке со времени проф. Григорьева обыкновенно называют Караханидами, по другому титулу того же Богра-хана; в западной науке чаще употреблялся термин *илек-ханы*, не вполне удачный, потому что титул *илек* далеко не всегда соединялся с титулом *хан*, к тому же илеками называли себя не все ханы этой династии[34].

Когда возникла династия Караханидов, с какими передвижениями турецких народностей связано ее возникновение, к какой народности принадлежали сами ханы, — все эти вопросы остаются совершенно неясными и теперь, после открытия и издания сочинения Махмуда Кашгарского. Махмуд Кашгарский писал в такое время, когда господство династии Караханидов давно уже установилось, и мало касается вопросов прошлого. Представители арабской географической литературы, даже те из них, которые писали после 960 г., еще ничего не знали о существовании на границах владений Саманидов мусульманского турецкого государства; все их сведения заимствованы из книжных источников и относятся к более раннему периоду. Кроме очень простой схемы арабских географов IX—X вв., по которой всю страну между владениями гузов (огузов) и тугузгузов занимали карлуки[35], мы находим более сложную картину в других арабских известиях, дошедших до нас только в двух персидских сочинениях, анонимном географическом сочинении 372/982-83 г., открытом в Бухаре в 1892 г. и по имени открывшего его получившем название «рукопись Туманского»[36], и в историческом труде Гардизи, написанном уже

[32] Джемаль Карши, текст у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 130 и сл.

[33] В оригинале ошибочно Абд ал-Мелик, ср. Barthold, *Turkestan*, p. 255; ⟨наст. изд., т. I, стр. 315⟩.

[34] Barthold, *Ilek-Khāne*; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 519—520; там же указана новая литература⟩; Zambaur, *Manuel*, p. 206.

[35] Ибн Хаукаль, 11 и 14.

[36] ⟨См. *Худӯд ал-'āлам*⟩.

в XI в., после 1040 г.[37]. Даже эти известия, относящиеся, по-видимому, к более позднему периоду, чем прежняя схема географов X в., не дают ясной картины, относятся, по-видимому, к разному времени, и их трудно привести в согласие как между собой, так и с тем распределением турецких народностей, которое мы находим у Махмуда Кашгарского.

Из рукописи Туманского и сочинения Гардизи мы, между прочим, узнаем, что часть страны, в которой, по словам арабских географов X в., жили карлуки, была занята народом ягма, выходцами из тугузгузов; народ ягма владел Кашгаром и частью Семиречья к югу от Нарына. Если поселение здесь народа ягма произошло после того времени, к которому относятся рассказы арабских географов, и если эти тугузгузы пришли с востока, то этим опровергались бы слова Джахиза, что после принятия тугузгузами манихейства перевес в борьбе между ними и карлуками перешел к карлукам [38]. Династия Караханидов была тесно связана с Кашгаром, который, как местопребывание хана и его двора, назывался также Ордукент, т. е. селение, где находится орда; об этом говорит и Махмуд Кашгарский [39]. Отсюда, естественно, должно было возникнуть предположение, что народ, владевший Кашгаром, создал и династию Караханидов, т. е. что Караханиды вышли из народа ягма, ветви тугузгузов или уйгуров. Махмуд Кашгарский ничего не говорит об этом и знает слово *ягма* только как название народа, жившего при нем дальше к северу, в долине реки Или. Махмуд Кашгарский помещает в той же долине и некоторые другие народности, которые, по рукописи Туманского и Гардизи, жили южнее, именно народы тухсийцев и чигилей [40]; первый помещается персидскими авторами в местности к северу от Чу, второй — на северном берегу Иссык-Куля. Название *чигиль*, с тех пор забытое, в XI в. применялось к большому числу турецких народностей. Из рассказа о походе на Мавераннахр сельджукского султана Меликшаха мы знаем, что чигилями называли военную силу Караханидов; по Махмуду Кашгарскому, огузы называли чигилями всех турок от Аму-Дарьи до Китая. Такой факт как будто указывал на политическое значение чигилей в Средней Азии или происхождение династии Караханидов из их среды; но и в пользу этого предположения у Махмуда Кашгарского нельзя было бы найти никаких данных. Сам Махмуд Кашгарский объясняет то значение, которое получило у огузов слово *чигиль*, только тем, что город Чигиль, где жила одна из ветвей этого народа, находился близ Тараза, т. е. современного Аулие-Ата [41], и что с этим городом рано ознакомились огузы, как с одним из самых западных восточнотурецких городов. Две другие ветви чигилей жили

---

37 Barthold, *Gardīzī*, S. 137.

38 Marquart, *Streifzüge*, S. 91.

39 Махмуд Кашгарский, I, 288.

40 Там же, 330.

41 ⟨Ныне Джамбул.⟩

в деревнях близ Кашгара и в долине Или [42], в местности около города Куяса; в монгольскую эпоху этот город, находившийся к югу от Или, получил известность как столица Чагатая, сына Чингиз-хана, и некоторых из его потомков [43]. Наконец, о карлуках Махмуд Кашгарский сообщает только, что они были кочевым народом и что их, как и огузов, называли также туркменами [44]. Рукопись Туманского и Гардизи помещают карлуков, название которых персидскими авторами переделано в *халлух*, по-соседству с мусульманскими владениями, в ближайшей местности к востоку от Тараза; им принадлежали и некоторые города в Китайском Туркестане, в том числе город Пенчул (кит. Выньсу) [45], находившийся близ нынешнего Уч-Турфана; об этом городе в рукописи Туманского говорится, что он находился в стране карлуков, но владетель его был в зависимости от тугузгузов, впоследствии им овладели киргизы [46]. На рубеже между областями карлуков, тугузгузов и киргизов находился, по рукописи Туманского, и Кашгар. Это известие рукописи Туманского о киргизах крайне интересно; из него можно было бы заключить, что движение киргизов на юг, в ту страну, где они живут теперь, началось не позже X в. Никаких данных об этом, однако, нет ни у Гардизи, ни у Махмуда Кашгарского, ни в других источниках. О передвижении на север карлуков, подобно чигилям и ягма, у Махмуда Кашгарского еще не говорится, но впоследствии, в эпоху Чингиз-хана, мы видим карлукское владение к северу от Или.

Таким образом, у Махмуда Кашгарского упоминаются все три народа — карлуки, ягма и чигили, из которых могла выйти династия Караханидов, но ни об одном народе не говорится, чтобы он ближе других стоял к династии. Интересны слова о карлуках, что их, как и огузов, называли туркменами. Происхождение этого слова, впервые встречающегося в X в. [47], до сих пор остается загадочным; персидская этимология ترک مانند, т. е. «похожие на турок», которую мы находим уже у Махмуда Кашгарского [48], конечно, не заслуживает доверия. Ясно только, что тип туркмен отличался от обычного турецкого типа и более приближался к иранскому. Карлуки, по-видимому, еще больше, чем огузы, подверглись влиянию иранского элемента и еще до принятия ислама ближе других турок стояли к мусульманской культуре. В XII в. туркменом называли владетеля города

---

[42] Barthold, *Ili*; ⟨наст. изд., т. III, стр. 433—434⟩.

[43] Barthold, *Čaghatāi-Khān*; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 538—544; о чигилях см. *Ҳудӯд ал-ʿāлам*, пер. Минорского, 297—300⟩.

[44] Махмуд Кашгарский, I, 393.

[45] ⟨Совр. чтение — Вэньсу.⟩

[46] ⟨Ср. *Ҳудӯд ал-ʿāлам*, пер. Минорского, 98, 283; о карлуках см. там же, 286—297.⟩

[47] Макдиси, 274 и сл. ⟨См. также Агаджанов, *Новые материалы*.⟩

[48] Махмуд Кашгарский, III, 307; сходная этимология (*тюрк-и мен* 'я тюрк') имеется у Нешри.

Баласагуна в Семиречье [49], происходившего из династии Караханидов; этот факт, может быть, говорит в пользу карлукского происхождения династии [50].

О том же городе Баласагуне есть рассказ персидского министра Низам ал-мулька, современника Махмуда Кашгарского, по которому этот город уже около 940 г. считался мусульманским и переход его в руки неверных мог быть поводом для объявления священной войны [51]. Возможно, что карлуки приняли ислам раньше народа ягма и что ханы народа ягма последовали их примеру только после занятия прежних владений карлуков, в том числе и долины реки Чу, где, вероятно, надо искать Баласагун; но все это остается недоказанным.

Первый турецкий хан, принявший ислам, Сатук Богра-хан, считался владетелем Кашгара, и могила его до сих пор находится в селении Артыш (в более ранних источниках Артудж), к северу от этого города [52]. По самой ранней версии рассказа об этом хане, он умер в 344 г. х., т. е. в 955-56 г., что, однако, находится в некотором противоречии с рассказом о принятии ислама турецким народом в 960 г.; этот последний рассказ находился, вероятно, уже в сочинении багдадского историка Сабита б. Синана, писавшего около этого времени, и его дата, вероятно, заслуживает больше доверия, чем дата заключающего в себе много анахронизмов и легендарных подробностей рассказа о Сатук Богра-хане.

В том же X в. приняла ислам часть огузского народа на нижнем течении Сыр-Дарьи; предводитель принявших ислам огузов начал свою деятельность с того, что освободил мусульманские города от дани, которую они до тех пор платили кафирам. Вообще добровольное принятие ислама двумя турецкими народами казалось, вероятно, торжеством мусульманства; прежние пограничные мусульманские области теперь имели мусульманских соседей на севере и на востоке, и могло казаться, что ислам приобрел новых союзников в борьбе с немусульманским миром. На самом деле обстоятельства сложились так, что оба принявших ислам турецких народа почти тотчас же обратили свое оружие против тех стран, откуда к ним пришел ислам. О причинах и последствиях этого явления я буду говорить в следующей лекции.

---

[49] В тексте Джувейни (изд. Казвини, II, 88) следует читать *туркмāн*, а не *туркāн*, так как завоеватели не имели оснований называть владетеля Баласагуна ‘князем турок’; так же у Мирхонда по переводу Г. Опперта (*Presbyter Johannes*, S. 132); Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 49. ⟨Подробнее см. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 549—552.⟩

[50] ⟨О карлукском происхождении династии Караханидов см.: Pritsak, *Die Karachaniden*, S. 21—22; idem, *Von den Karluk*.⟩

[51] Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 189.

[52] Barthold, *Bugh̠rā-K̠hān*, S. 803; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 506⟩.

V

О принятии ислама кашгарским Богра-ханом у мусульманских историков не сохранилось никаких сколько-нибудь достоверных известий. Предания о мусульманских ученых сохранили нам имя богослова Келимати, бывшего при дворе турецкого хана именно в то время, около 960 г.[1], к которому багдадская летопись относит принятие ислама многочисленным турецким народом, но в преданиях о Богра-хане этот богослов не упоминается. Из старых версий легенды в одной не говорится ни о каком земном просветителе, и принятие ислама ханом объясняется полученным им во сне приказанием с неба [2], в другой — просветителем вместо богослова назван бежавший к турецкому хану саманидский царевич, причем приводятся явно фантастические, несогласные с историей имена и даты, хотя рассказ заимствован из не дошедшего до нас сочинения кашгарского историка XI в. Интересны в этом рассказе подробности о том, как турецкому хану сперва понравились мусульманские товары, особенно ткани и сладости; уже потом он обратил внимание на мусульманское богослужение и начал спрашивать мусульман об их вере [3].

Мы видели, что местопребыванием принявшего ислам хана был Кашгар [4]; его внук, Богра-хан Харун б. Муса, жил в городе Баласагуне и оттуда предпринял завоевание Мавераннахра [5]; впоследствии Кашгар и Баласагун [6] часто упоминаются вместе как города, принадлежавшие одному и тому же хану из династии Караханидов. Замечательно, что город Баласагун, несмотря на то значение, которое он имел для ханской династии, редко упоминается в мусульманской литературе, и нет ни одного маршрута, который бы нам позволил точно установить местоположение этого города. Из географов X в. название Баласагун встречается только у Макдиси, притом без указания местоположения [7]; ни рукопись Туманского, ни Гардизи о нем совершенно не упоминают. Очень вероятно, что Баласагун

---

1 Сам'ани, изд. Марголиуса, л. 486.
2 Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XI, 54.
3 Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 131.
4 Barthold, *Kāshghar*; <наст. изд., т. III, стр. 456—457>.
5 Barthold, *Bughrā-Khān*; <наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 506—507>.
6 Barthold, *Balāsāghūn*; <наст. изд., т. III, стр. 355—357>.
7 Макдиси, 275, $_{17}$ (в написании *Валāсакӯн*).

носил прежде другое название и упоминается в маршрутах географов IX—X вв. под этим старым названием. Как главный город долины реки Чу у арабских и китайских авторов постоянно упоминается город Суяб (в китайской транскрипции Суй-е) [8]; у Махмуда Кашгарского этого названия нет [9]; упоминается крепость Шу близ Баласагуна, построенная царем Шу, будто бы современником Александра Македонского; при этом прибавляется, что это было в такое время, когда городов Исфиджаба, или Сайрама, Тараза и Баласагуна еще не было. Известно, что теперь у киргизов звук *ч* заменился звуком *ш* и река Чу называется Шу; так слышал название реки и Радлов [10]; очень вероятно, что такое же произношение было тогда у тех турок, которые жили на берегах Чу. Впоследствии название Чу относилось не только к реке, но и к бывшим здесь развалинам городов, остатком которых является теперь башня Бурана, причем это название, по-видимому, только искажение арабского *манара* 'башня мечети' [11]. Говорится еще, что к Баласагуну вел перевал Занби [12] «между Кочкар-баши (в печатном издании везде [13] قجنكار, но приводится значение الكبش 'баран') и Баласагуном». Название города Кочкар-баши было известно и раньше по персидским источникам [14], его искали к востоку от Таласа; но более вероятно, что он, как заставляет думать и его название, находился на верховьях реки Кочкар, как называется река Чу в своем верхнем течении. Перевал Занби, обращающий на себя внимание своим совершенно нетурецким названием, соответствует в таком случае перевалу Шамси, о котором существуют местные турецкие легенды [15].

Происхождение названия Баласагун пока не установлено; предлагавшееся прежде сближение его с монгольским словом *балгасун* 'город' теперь едва ли имеет сторонников. У Махмуда Кашгарского встречается слово *атасагун* в значении 'врач', очевидно образованное от слова *ата* 'отец' [16]; оставляем открытым вопрос, может ли быть образовано таким же образом слово *баласагун* от *бала* 'дитя' и в каком значении. У турок Баласагун носил также название Куз-улуш (слово *улуш* значило 'деревня' или 'город'), или Куз-орду [17]; название Орду носил также другой город около Баласагуна, упоминающийся и у географа конца X в. Макдиси как местопребывание местного туркменского правителя. Слово *Куз* в этом названии у Махмуда Кашгарского не объясняется.

---

[8] 〈См. Зуев, *Китайские известия.*〉

[9] Махмуд Кашгарский, III, 306. Название Суяб, по-видимому, имелось в рукописи (см. там же, 305), но не было узнано издателем.

[10] *Aus Sibirien*, Bd. I, S. 10 и в других местах.

[11] 〈См. Бернштам, *Архитектурные памятники Киргизии*, стр. 40—45.〉

[12] Махмуд Кашгарский, III, 325.

[13] Помимо упомянутого места еще III, 282.

[14] Tomaschek, WZKM, Bd III, 〈S. 103—108〉.

[15] Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 40; 〈наст. изд., т. IV, стр. 57〉.

[16] Махмуд Кашгарский, I, 81.

[17] Там же, 60, 112.

Баласагун принадлежал к числу городов, основанных согдийцами, и процесс их отуречения при Махмуде Кашгарском еще не был закончен; жители Исфиджаба, Тараза и Баласагуна говорили по-согдийски и по-турецки. Согдийцы, как в орхонских надписях, носят название *согдак*; так назывался, по словам автора, народ, вышедший из Согда, страны между Самаркандом и Бухарой; согдаки приняли турецкую одежду и турецкие обычаи [18]. Вся местность от Исфиджаба (в другом месте сказано «от Тараза») до Баласагуна называлась Аргу [19]; этого названия мы не встречаем ни в каких других источниках; по Махмуду Кашгарскому, под словом Аргу вообще понимали ущелье, расположенное между двумя горами [20], и, очевидно, область Аргу получила такое название по своему местоположению между Александровским хребтом и Чу-Илийскими горами. О согдийцах, живших дальше к востоку, не упоминается. При Махмуде Кашгарском согдийцы области Аргу, конечно, были мусульманами; совершенно нет сведений о том, приняли ли эти согдийцы ислам раньше турок, вообще в чем проявилось их культурное влияние на турецкий народ, прежде чем они сами сделались турками по языку и одежде [21].

Те же самые вопросы могут быть поставлены по отношению к первоначальному, нетурецкому оседлому населению Китайского Туркестана. Только из слов Махмуда Кашгарского мы узнали, что это население еще в его время рассматривалось как особый народ и носило название кенджек [22]; ни в каких других источниках этого названия нет. Кенджеки в то время были уже отуречены, но сохраняли остатки своего прежнего языка в виде некоторых слов и некоторых фонетических особенностей.

Не из Кашгара, а из Баласагуна произошло в конце X в. завоевание турками пограничного государства иранско-мусульманского мира — государства Саманидов. Упоминается сначала о занятии Богра-ханом Харуном, внуком принявшего ислам Сатук Богра-хана, Исфиджаба, или Сайрама, где, по-видимому, находилось небольшое турецкое владение или владение под управлением турецкой династии; потом, в 992 г., состоялся первый успешный поход Богра-хана на Самарканд и Бухару. Обстоятельства заставили завоевателей временно отказаться от своих завоеваний и вернуться в Баласагун, где Богра-хан в том же году умер; но по миру, заключенному несколько лет спустя, в руки Караханидов перешли все владения Саманидов к северу от долины Зеравшана. Еще через несколько лет, в 999 г., Караханиды снова заняли Самарканд и Бухару; попытки последнего Саманида восстановить власть своей дина-

---

[18] Там же, 391 и сл.

[19] Там же, 31, 114.

[20] Там же, 114. ⟨Подробнее о стране Аргу см. Кляшторный, *Древнетюркские памятники*, стр. 122—135.⟩

[21] ⟨См. также Кляшторный, *Согдийцы в Семиречье*.⟩

[22] Махмуд Кашгарский, I, 114.

стии (в начале XI в.) уже не могли сколько-нибудь серьезно поколебать установившееся в стране турецкое господство [23].

Вообще попытки Саманидов поднять народные массы для защиты иранской государственности от внешнего врага не имели успеха. Некоторыми представителями мусульманского духовенства даже был провозглашен принцип, что народ обязан принимать участие в защите страны только тогда, когда мусульманская страна подвергается нашествию кафиров. В духе этого принципа доказывалось, что раз Караханиды — мусульмане и не было никаких причин ожидать, что при их господстве мусульманскому населению будет хуже, чем при господстве Саманидов, то мусульманам нет никакого основания «подставлять себя для убиения».

И в других отношениях обстоятельства не были благоприятны для организации единодушного отпора иранского населения турецким завоевателям. Иранская Средняя Азия в домусульманский период не знала сильной монархической власти; власть находилась в руках землевладельческой аристократии; страна разделялась на множество мелких княжеств, причем князья были только первыми землевладельцами своего княжества и, подобно землевладельцам-аристократам, назывались дихканами; иногда княжеская власть временно исчезала совсем. Иранское дихканство оказывало влияние и на турок; встречаются дихканы с турецкими титулами. При исламе этот аристократический строй, как и в Персии, постепенно разлагался под влиянием развития городской жизни, установления сильной монархической власти и бюрократической централизации; вместе с вытеснением местных иранских наречий персидским языком в Среднюю Азию переносились традиции сасанидской государственности, и сами Саманиды приписывали себе происхождение от Сасанидской династии. Деспотические стремления Саманидов не могли не вызвать мятежного настроения в аристократии, и есть известие, что Богра-хан был призван в Мавераннахр дихканами [24]. Есть основание думать, что дихканы в первое время действительно извлекли пользу из завоевания страны турками. Мы знаем со слов географа Макдиси, что в конце X в. традиции дихканства в хозяйственной жизни больше всего сохранялись в области Илак, в долине Ангрена, к югу от Ташкента, но политического значения дихкан Илака уже не имел; при Караханидах появляются монеты, чеканенные илакским дихканом, что указывает на восстановление его политического значения.

Завоевав Мавераннахр, Караханиды в первое время не жили в главных городах этой области, ни в Бухаре, столице Саманидов, ни в Самарканде. Местопребыванием первых владетелей Мавераннахра из династии Кара-

[23] Об этих и последующих событиях см. Barthold, *Turkestan*, p. 257 sq.; ⟨наст. изд., т. I, стр. 315—329; см. также Гафуров, *О причинах возвышения и падения Саманидов*⟩.

[24] Утби—Манини, I, 163. ⟨О судьбе дихканства в караханидское время см. *История таджикского народа*, т. II, кн. 1, стр. 247—253.⟩

ханидов был не имевший прежде большого значения пограничный город Ферганы на востоке, Узгенд; здесь, в непосредственном соседстве со своими прежними владениями, Караханиды, очевидно, чувствовали себя безопаснее, чем в центре завоеванной ими области, где через несколько лет все-таки появились некоторые признаки народного движения в пользу Саманидов. Для названия Узгенд была придумана не совсем удачная турецкая этимология *уз кент* 'наш собственный город' [25], хотя город существовал и до турецкого завоевания. Турецкое название получил и главный город северной части Мавераннахра, где турецких элементов, конечно, было больше, чем в южной, именно Бинкет, главный город области Чач, или, по иранскому произношению, утвердившемуся впоследствии и в местной книжной литературе, Шаш. Вместо названия Бинкет уже в XI в., как мы знаем из сочинения Бируни, существовало турецкое название Ташкент — 'Каменный город', хотя каменных пород в этой местности почти совсем нет [26]; в литературе есть несколько попыток объяснить этот странный факт, но эти попытки остаются произвольными догадками. У Махмуда Кашгарского приводится также сокращенное турецкое народное название Ташкента — Теркен [27]; из того же сочинения видно также, что уже в то время существовала турецкая народная этимология названия Самарканд — *самизкент* 'жирный (т. е. богатый) город' [28].

Отказ от поселения в Самарканде и Бухаре не означал отказа Караханидов от дальнейших завоеваний на западе, откуда к ним пришла не только религия, но и материальная культура и материальные богатства. Движение на запад обещало гораздо больше выгод, чем борьба на востоке и севере с не принявшими ислама турками; религия при таких условиях не могла изменить общего направления турецких завоевательных движений, тем более что и в мусульманских странах, как мы видели, были отдельные партии и группы, встречавшие турок как союзников. Вследствие своего недавнего обращения, турки были более ревностными мусульманами, чем правители переднеазиатских областей; еще в X в. защитники веры ждали прибытия правоверных завоевателей с востока, которые бы уничтожили господство захватившей всю власть в Багдаде шиитской династии Буидов [29]. Турки на востоке, как берберы на западе, вообще выступали в роли защитников религии в тех странах, где представители религии вели борьбу с правительством. Махмуд Кашгарский приводит хадис, в котором, со слов пророка, самому Аллаху приписаны слова: «У меня есть

[25] Махмуд Кашгарский, I, 288.

[26] Бируни, *Индия*, изд. Захау, 149; пер. Захау, I, 298; ср.: Marquart, *Ērānšahr*, S. 155; Barthold, *Tashkent*; ⟨наст. изд., т. III, стр. 499—502⟩.

[27] Махмуд Кашгарский, I, 369.

[28] Там же, 288; ⟨см., однако, Marquart, *Analekten*, S. 94⟩.

[29] Макдиси, 472.

на востоке войско, которое называют турками; когда я разгневаюсь на какой-нибудь народ, я посылаю их на него» [30].

Караханиды тоже считались благочестивыми правителями и не пили вина, чем отличались от представителей турецкой по происхождению, но не связанной с турецкими народными движениями династии Газневидов, к которой перешло наследие Саманидов в области к югу от Аму-Дарьи. Газневидский султан Махмуд тоже считался исключительно благочестивым правителем, вел священную войну в Индии и преследовал еретиков в своем собственном государстве, но не отказывал себе лично в запрещенных религией удовольствиях.

Караханиды не имели намерения остановиться на Аму-Дарье и предприняли нашествие на государство Махмуда. Историк Махмуда по этому поводу вспоминает хадис, где говорится о наружном виде турок, об их маленьких глазах, плоских носах и т. п.[31]; этот хадис является одним из главных доводов против мнения, будто турки первоначально не принадлежали к народностям так называемого монгольского типа. Возможно, что в пределах Ирана борьба с турками рассматривалась и с точки зрения иранских национальных традиций. Именно в то время появилось написанное еще при Саманидах, но обнародованное при Махмуде *Шāх-нāме* Фирдауси, в котором отводится такое значительное место борьбе Ирана с Тураном, причем со времени появления турок в VI в. слово *Туран* стали употреблять в смысле *Туркестан*, страна турок, и героев этой борьбы со стороны Турана, несмотря на их чисто иранские имена, сделали турецкими царями. Применение этих традиций к Караханидам облегчалось тем, что сами Караханиды подчинились влиянию не только ислама, но и персидского эпоса и по имени мифического туранского царя стали называть себя «домом Афрасиаба», несмотря на совершенно нетурецкий звуковой состав этого имени. Только из сочинения Махмуда Кашгарского мы узнаем, что с Афрасиабом был отожествлен герой турецких песен Алп-Тонга. Махмуд Кашгарский приводит несколько таких песен, как всегда сопровождая их арабским переводом; в этом переводе слова *Алп-Тонга* заменяются словом *Афрасиаб* [32]. Эпизоды персидских преданий об Афрасиабе были приурочены к отдельным местностям Восточного Туркестана. Столицей Афрасиаба считался Кашгар [33]; Афрасиабу было также приписано основание города Барчук, где теперь Маралбаши; в Барчуке будто бы был заключен герой Бизен, или Биджен [34], по персидскому эпосу брошенный в колодец по приказанию Афрасиаба за тайный брак с его дочерью и освобожденный Рустемом. Вполне естественно, что Фирдауси и даже его предшественник, современник Саманидов Дакики, вносили в рассказы о мифических

---

[30] Махмуд Кашгарский, I, 294.

[31] Barthold, *Turkestan*, p. 273, по Утби; ⟨наст. изд., т. I, стр. 335⟩.

[32] Махмуд Кашгарский, I, 44 и в других местах.

[33] Там же, 288.

[34] Там же, 318, 388.

туранцах черты быта современных им турок. Сюда относятся, например, названия городов и отдельных турецких народностей; упоминается и турецкое письмо под названием по принятому теперь правописанию خطّ بيغوى [35]; слово بيغوى в этом случае, как во многих других, есть искажение известного из орхонских надписей титула *ябгу*, который носил, между прочим, карлукский владетель.

Борьба с Газневидами кончилась для Караханидов неудачно; все их нашествия были отражены с большими для них потерями. К Махмуду перешли и некоторые области к северу от Аму-Дарьи; сам Махмуд хотел, чтобы его признавали верховным государем всего востока и чтобы халиф сносился с Караханидами только через его посредство. Но в то же время сам Махмуд сносился с ханами Караханидов как равный с равными; об этом особенно ясно свидетельствует подробный рассказ историка Гардизи о свидании Махмуда в 1025 г., в местности к югу от Самарканда, с кашгарским владетелем Кадыр-ханом Юсуфом, сыном Богра-хана Харуна [36].

С именем Кадыр-хана Юсуфа, умершего в 1032 г., связано единственное завоевательное предприятие Караханидов в Восточном Туркестане, о котором говорят источники, именно завоевание Хотана. Насколько известно, только здесь успех ислама был связан с успехом мусульманского оружия, и турками-мусульманами был завоеван город, где учение Будды процветало уже много веков. В рассказе Гардизи о Хотане, относящемся, очевидно, ко времени до завоевания, упоминаются также христианские церкви и мусульманское кладбище, из чего видно, что мусульмане проникли туда еще в эпоху буддизма [37].

Интересно, что с Махмудом сносились не только Караханиды-мусульмане, но и языческие турецкие владетели. Гардизи говорит о прибытии к Махмуду в 1026 г. послов от двух турецких ханов (приводятся их титулы, произношение которых по единственной известной кембриджской рукописи, копию которой представляет оксфордская, не может быть вполне установлено) с просьбой дать согласие на установление родственных связей между ними и Газневидской династией. Махмуд ответил, что мусульмане не отдают своих дочерей за неверных, но что если они примут ислам, то их просьба может быть исполнена [38]. К сожалению, не сообщается, где правили эти ханы и принадлежали ли они к той же династии Караханидов, т. е. были ли среди Караханидов ханы, не принявшие ислама. Этих сведений нет и в единственном, кроме Гардизи, источнике, где упоминается об этом посольстве, — в труде Джемаль ад-дина Ибн Муханны о персидском, турецком и монгольском языках, составленном в XIV в.

---

[35] *Lexicon Sahnâmianum*, 52.

[36] Barthold, *Turkestan*, p. 282 sq.; ⟨наст. изд., т. I, стр. 344—346⟩; Гардизи, изд. Мухаммеда Назима, 82—85.

[37] Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 94.

[38] Barthold, *Turkestan*, p. 286; ⟨наст. изд., т. I, стр. 347—348⟩.

Две последние части этого труда изданы, с русским переводом и лингвистическим исследованием, покойным профессором Мелиоранским в 1900 и 1903 гг.[39]; весь труд издал в Константинополе в 1330—1340 гг. х. (1912—1922 г.) Килисли Рифʿат[40]. Турецкий издатель располагал новым материалом, которого не было у русского, и мог установить имя автора. К сожалению, интересующее нас место в турецком издании искажено пропусками, и пользоваться им можно только по русскому изданию.

Ибн Муханна по поводу двенадцатилетнего животного цикла ссылается на не дошедшее до нас сочинение врача Шереф аз-замана Мервези «О нравах животных» (*Ṭабāʾиʿ ал-ḥайāвāн*)[41]. Говорится о получении султаном Махмудом в 418/1027 г. письма от «государя Китая и государя турок» (صاحب الصين وصاحب الترک), датированного пятым месяцем года мыши; приводятся и остальные названия годов, причем год барса назывался также годом тигра (قپلان) или годом льва (صلان вместо آصلان; это слово не было понято Мелиоранским). Новый источник не дает, следовательно, никаких новых сведений о посольстве двух ханов и только вносит хронологическую неясность. Гардизи относит посольство к 417 г. х. (1026 г.), врач Мервези — к 418 г. х. (1027 г.); дата по циклу, год мыши, соответствует 1024 или 1036 г.

Сведения о границах мусульманских владений в Восточном Туркестане при Караханидах сообщает только Махмуд Кашгарский. Известно, что культурные области расположены в Восточном Туркестане вдоль двух главных путей, северного, ведущего к Гучэну[42] и Турфану, и южного, ведущего от Хотана к Лоб-Нору, куда впадает р. Тарим; у Махмуда Кашгарского Усми-Тарим — «название большой реки, текущей из области ислама к уйгурам и там теряющейся в песках»[43]. В XI в. ислам еще не доходил ни до Турфана, ни до Лоб-Нора; пограничными пунктами на северном пути были Куча[44] и Бугур[45], на южном — Черчен[46]. Не говорится, были ли на обширном пространстве от Кашгара до этих мест еще какие-нибудь ханы, кроме кашгарского. Дальше к востоку находились, по-видимому, владения уйгурского хана; приводится его титул *кюль бильге-хан*[47], но слова كان يسمّى (ʻего называлиʼ) показывают, что этот титул относится к прошлому; как назывался уйгурский владетель при жизни автора, не говорится. Слово *kÿl*, известное по имени главного героя орхонских надписей Кюль-тегина, встречалось еще в титуле карлукских

[39] ⟨Мелиоранский, *Араб филолог о монгольском языке*; его же, *Араб филолог о турецком языке.*⟩

[40] ⟨См. также: Малов, *Ибн Муханна*; Battal, *Ibn-ü Mühenna lûgati.*⟩

[41] ⟨См. теперь: Мервези; Храковский, *Шараф ал-Заман.*⟩

[42] ⟨В немецком переводе (стр. 89) исправлено: Куча.⟩

[43] Махмуд Кашгарский, I, 116.

[44] Там же, 229.

[45] Там же, 301.

[46] Там же, 364.

[47] Там же, 358.

вельмож (اكابر) *кюль-иркин* [48]; но значение слова *кÿl* автору было неизвестно, ему известно только слово *кÿl* в значении 'озеро', и потому он прибегает к крайне искусственному толкованию титула, который будто бы должен был обозначать, что ум хана или вельможи так же обширен, как озеро. У Гардизи титул *кÿl тегін* приводится в форме *кÿр-тегін* [49]; несомненно, что мы имеем здесь одно и то же слово, с часто встречающимся колебанием между звуками *l* и *р*. Слово *кÿр* известно и Махмуду Кашгарскому, который приводит выражение *кÿр äр* в смысле 'твердый, стойкий человек', но не узнал того же слова в титуле *кÿl* [50].

В распоряжении автора был какой-то рассказ о завоевании Хотана, но на это в его сочинении сохранился только намек. Приводится имя Дженкши, встречающееся и в монгольскую эпоху среди потомков Чингиз-хана, но прибавляется, что так назывался один из эмиров Хотана, который был причиной завоевания этого города [51]. Довольно много стихов, приведенных в труде Махмуда Кашгарского, относится к войнам между мусульманами и уйгурами [52], причем с представлением об уйгурах связывается представление о культе бурханов, т. е. о буддизме. С понятием о бурханах связывается понятие о их жреце — тойне (توين), как называется до сих пор часть буддийского духовенства у монголов. Этому слову приписывают китайское происхождение; что оно вместе со словом *ном* для обозначения священных книг (по Махмуду Кашгарскому, так называли всякий религиозный закон, в том числе, по-видимому, и мусульманский) [53] перешло к монголам от уйгуров, было известно и раньше, по рассказу персидского автора XIII в. Джувейни. Никаких ясных сведений о существовании среди уйгуров манихейства и христианства у Махмуда Кашгарского нет; намек на существование турецких христиан можно видеть только в его замечании о слове *баджак*, которое означает 'пост христиан' [54]. Замечательно, что то же самое слово в манихейских текстах означает пост манихеев [55].

Интересно, что в государстве Караханидов прилагали одно и то же название к мусульманам-иранцам и к уйгурам [56]. Происхождение этого названия (*тат*) остается спорным; в этнографическом смысле оно употребляется теперь преимущественно на Кавказе, где так называют евреев, говорящих на смешанном иранско-турецком языке; в Средней Азии слово *тат* встречается в языке туркмен, которые называют так людей оседлой

---

[48] Там же, 99.
[49] Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 90.
[50] Махмуд Кашгарский, I, 273.
[51] Там же, III, 279.
[52] Brockelmann, *Altturkestanische Volkspoesie*, I, S. 1 sq.
[53] Махмуд Кашгарский, III, 100.
[54] Там же, I, 345.
[55] Le Coq, *Chuastuanift*, S. 20 sq.
[56] Махмуд Кашгарский, II, 224.

культуры, в том числе хивинцев [57]. Такое же значение слово *тат*, очевидно, имело в XI в.; иначе трудно было бы объяснить существование одного и того же названия для иранцев и для культурных турок — уйгуров. Об уйгурских городах у Махмуда Кашгарского были довольно точные сведения. Из орхонских надписей и уйгурских текстов известен город Кочо, ныне Кара-Ходжа близ Турфана с развалинами Идикут-шари, т. е. 'Город идикута', главный город южной части области уйгуров; Махмуду Кашгарскому слово «Кочо» (قوجو и قجو) известно и как название города, и как название всей области [58]. Главным городом северной части той же области оставался, конечно, Бешбалык; кроме того, приводятся еще названия трех городов: Сульми, Джанбалык и Янгибалык ('Новый город'). Даже в то время, через три столетия после принятия манихейства, уйгуры не считались народом, утратившим военные качества; в искусстве стрельбы из лука они даже превосходили других кафиров [59].

Из труда Махмуда Кашгарского мы узнаем тоже, как уйгуры называли мусульман; в таком значении употреблялось слово *чумак* [60]. Известно, что так называли потом в Южной России торговцев, развозивших свои товары в телегах; о происхождении этого слова не было никаких данных, и только по звуковому составу его считали турецким. Очевидно, мусульмане и в области уйгуров, как во многих других странах, были главными представителями торговли.

Еще менее подробны сведения автора о народах, живших к северу от Восточного Туркестана. Мы видели, что границу распространения ислама на востоке можно, на основании его слов, установить довольно точно; менее ясны сведения о границах распространения ислама и турецкой народности на севере и на северо-востоке. Географы X в., по-видимому, хорошо знали только южную часть нынешней Джетысуйской области до гор, составляющих северную границу Чуйской долины. В рукописи Туманского упоминается и река Или, но автор имел об этой реке крайне неясное представление и заставляет ее впадать в Иссык-Куль. С другой стороны, Махмуд Кашгарский придает реке Или очень большое значение; с ней связывается даже происхождение двенадцатилетнего животного цикла. Рассказывается легенда о какой-то царской охоте, во время которой преследуемые царем животные переплывали реку Или в том порядке, как по ним потом были названы годы цикла [61].

Автор писал свой труд в Багдаде и приводит точную дату, когда он приступил к своему труду, — мухаррем 466 г. х., т. е. сентябрь 1073 г., но эта дата внушает сомнение по двум причинам: во-первых, тут же назван

---

[57] ⟨О значении термина см.: Minorsky, *Tāt*; Абулгази, *Родословная туркмен*, изд. Кононова, стр. 96—97; Кляшторный, *Древнетюркские памятники*, стр. 122—123.⟩

[58] Махмуд Кашгарский, III, 165, 180; ⟨ср. наст. изд., т. III, стр. 521—523⟩.

[59] Махмуд Кашгарский, I, 103.

[60] Там же, 319.

[61] Там же, 289 и сл.; Schacht, *Zwei Veröffentlichungen*, S. 272 sq.

халиф Муктади, вступивший на престол только в 467 г. х. (1075 г.); во-вторых, как год цикла назван год змеи, который соответствовал бы 1077 г. По записи в конце сочинения, оно было начато еще в начале джумада I 464 г. х. (январь—февраль 1072 г.), четыре раза переработано и переписано и окончено в понедельник 10 джумада II 466 г. х. (10 февраля 1074 г.), т. е. до вступления на престол того халифа, которому оно посвящено. Трудно объяснить эти хронологические противоречия, тем более что рукопись хорошая и старая, имеет точную дату (воскресенье 27 шавваля 664/1 августа 1266 г.) и представляет, по словам переписчика, копию с автографа автора. Едва ли, однако, есть основание сомневаться в том, что автор писал во второй половине XI в.[62].

Автор не говорит, по каким причинам он переселился в Багдад; из его слов мы знаем только, что он объездил области и степи турок, принадлежал к числу лучших знатоков турецкого языка, изучил языки турецкий и туркменский, огузский и чигильский, язык ягма и язык киргизов. Из этих слов даже не видно, был ли его родным языком турецкий или арабский; его сочинение показывает, что арабским языком он также владеет вполне. Однако отдельные места его сочинения свидетельствуют о его турецком происхождении. Автор вообще говорит о себе в третьем лице, иногда прибавляя к своему имени «автор этой книги» и т. п., иногда называя себя просто Махмудом, без дальнейшего прибавления. По-видимому, нет основания сомневаться в том, что везде, где в тексте говорится о Махмуде, имеется в виду автор. К автору, следовательно, относится известие, что отец Махмуда происходил из города Барсхана в местности около Иссык-Куля [63]. Местоположение Барсгана, или Барсхана, было установлено и раньше. Гардизи рассказывает легенду о том, как здесь были поселены Александром персидские воины во время его похода на Китай. Александр обещал увезти их домой на обратном пути, но вернулся на запад через Индию и потому не исполнил своего обещания. По объяснению Гардизи, Барсхан значит 'эмир персов', т. е. название города объясняется из слов *парс* и *хан* [64]. Махмуд Кашгарский приводит два других объяснения; по одному, так назывался сын Афрасиаба, по другому — погонщик коней уйгурского царя. Последнее объяснение интереснее, так как из него можно заключить, что уйгуры некогда доходили на запад до Иссык-Куля и что об этом еще сохранилась память в XI в.

Из одного места в первом томе (стр. 102) даже можно заключить, что автор происходил не только из турецкого народа, но даже из династии Караханидов. «Махмуд, автор книги» говорит: «Наши отцы-эмиры назывались *хамир*, потому что гузы не могут произнести *эмир*». Дальше даже упоминается «наш отец (предок), отвоевавший области турок от потомков Саманидов», но возможно, что здесь автор уже перестает говорить от себя

[62] ⟨См. теперь Bazin, *Les dates de rédaction.*⟩

[63] Махмуд Кашгарский, III, 308.

[64] Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 89.

и возвращается к словам того источника, на который делает ссылку несколько выше, где говорится: «Сообщил мне Низам ад-дин Исрафил Туган-тегин б. Мухаммед Чакыр-Тунка-хан со слов своего отца». Приводится еще имя одного эмира, تُمْشَق, которого автор некоторое время сопровождал [65].

Упомянутые выше народы, жившие в долине Или, именно народы тухси, ягма и чигиль, по-видимому, были тогда мусульманами, и передовые посты ислама находились к северу от Или и в местности, прилегающей к Балхашу. Балхаш упоминается под названием Теринг-куль, причем говорится, что у огузов слово *теринг* вообще употребляется для обозначения обилия чего-либо [66]; вероятно, Балхаш получил такое название как самое большое озеро в этом крае [67]. О впадении Или в Балхаш не говорится. Недалеко от озера был город Ики-ӱгӱз ʻДве реки', получивший такое название от своего местоположения между Или и другой рекой, Яфынч [68], хотя на приложенной к труду Махмуда карте Яфынч находится к югу от Или, а Ики-ӱгӱз — к северу [69]. В 1253 г. европейский путешественник Рубрук проехал к северу от Или через город Эквиус [70]; возможно, что Рубрук слышал название Ики-ӱгӱз и переделал его на латинский лад. Близ города Ики-ӱгӱз находился еще городок Камландж [71]. Вероятно, в той же местности надо искать город Кеми-Талас, на границах ислама (فى ثغر اسلام), помещенный на карте за рекой Или, хотя в другом месте сказано, что этот город был на границе с уйгурами (ثغر ايغر) [72]. Дальше к северу протекала река Ямар (يمار), вероятно Эмиль, в местности, где теперь город Чугучак [73]; здесь жил народ ябаку, хотя название Ябаку, может быть по случайному совпадению, носила также речка, протекавшая близ Узгенда, на границах Ферганы [74].

---

[65] Махмуд Кашгарский, I, 321. ⟨О Махмуде Кашгарском и его труде см.: Малов, *Памятники*, стр. 314—315 (библиография); Pritsak, *Mahmud Kâşgarî kimdir?*⟩

[66] Махмуд Кашгарский, III, 99, 273.

[67] Barthold, *Bal<u>kh</u>a<u>sh</u>*; ⟨наст. изд., т. III, стр. 360—361⟩. Брокельман произвольно различает название Теринг(Тарынг)-куль и слово *теринг* (Brockelmann, *Mitteltürkischer Wortschatz*, S. 204, 249).

[68] Махмуд Кашгарский, I, 58.

[69] ⟨О карте Махмуда Кашгарского см. Умняков, *Самая старая турецкая карта мира*.⟩

[70] ⟨См. Рубрук, изд. Мишеля—Райта, 280.⟩

[71] ⟨Камланчу⟩; Махмуд Кашгарский, III, 184.

[72] Там же, 177.

[73] Это отожествление вызывает сомнение из-за того, что Ямар большая и, как кажется, судоходная река (Махмуд Кашгарский, I, 75; II, 5). Не исключено, что здесь имеется в виду р. Обь, которую и посейчас тюркские народы называют Омар или Юмар. Возможно, что Махмуд Кашгарский не имел ясных представлений о географическом положении этой реки.

[74] ⟨Кара-Дарья⟩; Махмуд Кашгарский, III, 27.

С народом ябаку связано единственное военное предприятие мусульман против неверных, о котором рассказывается в сочинении Махмуда Кашгарского, именно победа сорокатысячного войска мусульман под начальством Арслан-тегина над 700 000 кафиров под начальством Бука-Будраджа [75]; в стихах об этом походе говорится о переправе мусульманского войска через Или и через Ямар, т. е. Эмиль. В войне на стороне противников ислама принимали участие и басмылы. Махмуд еще мог говорить с одним из участников этого похода, так что он произошел сравнительно незадолго до составления его труда; но все-таки вокруг этого события успел сложиться целый цикл легенд. К области легенды относится, конечно, и число кафиров, будто бы принимавших участие в сражении; существование таких многочисленных армий в степи по условиям кочевой жизни совершенно невозможно. Такие же фантастические цифры мы вообще находим, как известно, в рассказах о войнах с кочевниками, в том числе и о походах Чингиз-хана.

Народ ябаку принадлежал к числу тех народов, которым автор приписывает не чисто турецкое происхождение, хотя уверяет, что они кроме своего языка знали и турецкий. Сюда относится и народ басмыл, упоминаемый, как мы видели, в орхонских надписях в качестве населения местности в Восточном Туркестане с городом Бешбалыком, впоследствии занятой уйгурами. В печатном издании везде стоит يَسْمِل, но этой ошибки в рукописи Махмуда, по-видимому, не было; на это указывает алфавитный порядок на стр. 399, т. I, где слово بَسْمِل приводится среди слов, начинающихся с буквы ب, после بسبل и перед بشغل.

Среди не чисто турецких народностей упоминаются и татары; мы видели, что этим именем, встречающимся уже в орхонских надписях, впоследствии называли себя монголы. Очень вероятно, что монголами были и некоторые другие народы, которых Махмуд называет не чисто турецкими, в том числе и народ ябаку; если так, то монголы уже тогда доходили на запад до района, где соседями их с разных сторон были турецкие племена; киргизы, жившие по-прежнему главным образом на верхнем Енисее, считались тогда чисто турецкой народностью. Во всяком случае, словами Махмуда подтверждается факт вытеснения турок монголами из Монголии; горы Отюкен, где в эпоху орхонских надписей была главная ставка турецкого хана, теперь находились «в степях татар, недалеко от страны уйгуров» [76]. Последним турецким народом, господствовавшим в Монголии, были, насколько можно судить по китайским источникам, киргизы, победившие в 840 г. уйгуров; вытеснение их из Монголии было связано, по-видимому, с усилением в начале X в. монгольского народа китаев, основавшего сильное государство в Северном Китае и давшего этой стране свое имя, хотя это название употребляется теперь, как из-

[75] Там же, 173.

[76] Там же, I, 123.

вестно, только монголами, русскими и отчасти мусульманами, но не западными европейцами. Турки усвоили на западе арабское название Китая صين (вместо персидского چين; персидское چ вообще часто передается арабским ص) и, кроме того, принесли с собой с востока встречающееся в орхонских надписях название Табгач. При Махмуде [77] уже различали Син и Масин (по-персидски Чин и Мачин) как Северный и Южный Китай, и только за Масином, остававшимся под властью китайской национальной династии Сун, сохраняли название Табгач, у Махмуда — Тавгач. Тавгач или Масин называли также «верхним Сином»; Син в собственном смысле, или «средний Син», называли Хитай, по имени господствовавшего там народа; «нижним Сином» считалась Кашгария [78]. По-видимому, слово *тавгач* употреблялось и в другом смысле; китайцам, как и теперь, в Средней Азии приписывались предметы древней культуры, и в этом смысле Махмуд сопоставляет слово *тавгач* с названием древнеарабского, упоминаемого в Коране народа *ад*. Махмуд, вероятно ошибочно, связывал с этим последним значением употреблявшийся Караханидами титул *тавгач-хан*, что будто бы значило «великий и древний царь». Гораздо вероятнее, что этот титул остался от прежнего соседства с Китаем и увлечения турок идеей китайской империи; тот же титул приводится на монетах Караханидов и в арабском переводе (*малик ас-Син*).

Упоминаются и тангуты, завоевавшие около 1020 г. уйгурское владение в Ганьчжоу. Между Сином и Тангутом помещается город со странным турецким названием Катун-сыны ('Изображение женщины' или 'Могила царицы') [79]; это название не объясняется, и ни о какой статуе, по которой город получил свое название, не говорится. Рассказывается только о какой-то войне между жителями Катун-сыны и тангутами, кончившейся, по-видимому, поражением тангутов.

Вообще из многих кратких замечаний Махмуда о том или другом городе видно, что в его распоряжении был не дошедший до нас исторический материал, который представлял бы для нас большой интерес. Так, упоминается место Сигун-Самур, где был отравлен Богра-хан, но не сказано, о каком Богра-хане идет речь [80]. Упоминается городок Инджкенд, принадлежавший «людям Муканна'» и разрушенный, очевидно, при уничтожении еретиков арабскими войсками [81]. В известных до сих пор источниках о ереси Муканна' (во второй половине VIII в.), о его союзе с турками и борьбе с войсками халифа этого географического названия нет.

---

[77] Там же, 378.

[78] ⟨О различных названиях Китая и его частей в средние века см. Pelliot, *Notes on Marco Polo*, pp. 264—278.⟩

[79] Махмуд Кашгарский, III, 101, 240. По устному сообщению А. З. Валидова ⟨A. Z. Togan⟩, название Катун-сыны встречается уже у Бируни, в его астрономическом труде *ал-Ḳāнӯн ал-Мас'ӯдӣ* ⟨см. издание: Бируни, *Ḳāнӯн*⟩.

[80] Махмуд Кашгарский, I, 343.

[81] Там же, III, 323.

Собранный в труде Махмуда Кашгарского лингвистический материал заключает в себе много образцов турецкой поэзии, народной и искусственной, много культурных слов, дающих понятие о жизни турок в XI в., о степени развития их духовной и материальной культуры в то время, когда они уже приняли ислам, но когда влияние ислама и особенно Ирана еще не одержало полной победы над турецкими национальными традициями. Использовать весь этот материал в настоящих лекциях было бы невозможно; для этого необходимо самостоятельное исследование [82]; но на некоторых сторонах этого материала я постараюсь остановиться в следующих лекциях, после обзора сведений Махмуда об огузах и других западнотурецких народностях. Предпослать такой обзор общей оценке культурного состояния турок необходимо потому, что приводимые Махмудом образцы поэзии там, где они могут быть приурочены к определенным местностям, касаются почти всего района расселения турок, от Волги до границ Китая, и не всегда можно решить, какие стихотворения относятся к восточной и какие к западной части этого района. То же самое относится к культурным словам и к сведениям о различных сторонах культурной жизни, от порядков управления и устройства ханского двора до народных обычаев.

---

[82] 〈См. теперь: Ибрагимов — Храковский, *Материалы*; Ахаллы, *Словарь Махмуда Кашгарского*; Pritsak, *Kašgari's Angaben*; Mansuroğlu, *Das Karachanidische*, S. 87—88.〉

VI

Появление турок в областях к югу от Аму-Дарьи относится к гораздо более раннему времени, чем завоевательные движения X в., и возможно, что в некоторых случаях потомки этих турок живут в этих же местах и теперь. Арабские завоеватели уже в VII в. нашли в Бадахшане карлуков [1]; и теперь в Бадахшане из узбецких родов живет именно род карлук [2]; это совпадение заставляет полагать, что после завоевания Бадахшана узбеками в XVI в. в состав узбеков вошли турки, жившие там раньше. У арабских географов единственными турками, жившими к югу от Аму-Дарьи, кроме отдельных лиц и отрядов, служивших в гвардии халифов и наместников, считается народ халадж, и халаджи находятся и теперь среди живущих в Иране турок [3]. Самими турками название этого народа, по-видимому, произносилось *калач*; рассказ о происхождении этого названия, приведенный у Рашид ад-дина и основанный на народной этимологии *кал ач* 'останься и открой', находится уже у Махмуда Кашгарского [4]. Махмуд причисляет халаджей, или калачей, к огузам; вместо 24 огузских родов, как у Рашид ад-дина, у Махмуда приводится только 22, но при этом говорится, что первоначально всех родов было 24, потом из них отделились два рода халаджей [5]. Полагают, что часть халаджей утратила свой язык и вошла в состав афганского народа; так объясняют название афганского племени *гильзай*, хотя против этого были и возражения с точки зрения фонетических законов афганского языка. В Индии, где халаджи играли некоторое время большую роль в политической истории, их название, по-видимому, произносилось *хильдж*. В Иране некоторые из халаджей сохранили и теперь турецкий язык; вероятно, это оказалось возможным только после присоединения их к более многочисленным огузам [6].

---

[1] Или в VIII в. — Табари, II, 1612, $_{16}$. ⟨Ср.: Мандельштам, *Материалы*, стр. 159; Кляшторный, *Древнетюркские памятники*, стр. 143.⟩

[2] ⟨См. Шаниязов, *Узбеки-карлуки*.⟩

[3] Barthold, *Khaladj*; ⟨см. ниже, стр. 603⟩.

[4] Махмуд Кашгарский, III, 306. Другая этимология у Рашид ад-дина ('оставайся голодным!'); ⟨см. Рашид ад-дин, пер. в изд. ИВАН, т. I, кн. 1, стр. 85⟩.

[5] Махмуд Кашгарский, I, 56; III, 307. ⟨Сравнительный анализ сведений Махмуда Кашгарского и Рашид ад-дина об огузских родах см. Толстов, *Города гузов*, стр. 78—83.⟩

[6] ⟨О халаджах и их расселении см. также: наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 552; В. Массон — Ромодин, *История Афганистана*, т. I, стр. 21, 271, 276.⟩

Завоевательное движение огузов существенно отличалось от завоевательного движения Караханидов. Караханиды до завоевания государства Саманидов имели свое государство, к которому присоединяли завоеванные области. Предводители огузов ушли из своей страны, чтобы создать себе государство в завоеванных землях, и уже из этого государства потом покорили ту страну, откуда пришли.

В народе огузов, как в народе карлуков, не было хана; родоначальник династии, потом утвердивший свое господство в Иране, носит у Махмуда Кашгарского, как в некоторых других источниках, титул *сю-баши* 'предводитель войска'. Его имя, на основании арабского правописания سلجوق, произносилось европейскими учеными как *Сельджук*, и такое произношение, находящееся в противоречии с законами турецкой фонетики, именно с законом звуковой гармонии, утвердилось в европейской исторической науке. В новейшее время ученые, знакомые с требованиями турецкой фонетики, стараются исправить эту ошибку и пишут *Salğuq* или *Salğyq*; но турецкие тексты показывают, что правильное произношение *Сельджӱк* [7]. Такое произношение мы находим у Махмуда Кашгарского [8], в старотурецкой поэме *Китāб-и Деде Коркут* и в некоторых других источниках, в том числе даже в османском произведении XVI в., именно в анонимной стихотворной хронике, составленной при султане Сулеймане в в 950/1543-44 г. и сохранившейся в рукописи 954/1547-48 г., находящейся в библиотеке константинопольского университета (Халис-эфенди, № 7340).

О действиях Сельджука известно только, что он принял ислам и освободил жителей мусульманских колоний в низовьях Сыр-Дарьи от дани, которую они прежде платили огузам. При таких условиях казалось бы, что между жителями этих колоний и потомками Сельджука должно было произойти тесное сближение; между тем мы уже в XI в. находим в городе Дженде владетеля с мусульманским именем (Шах-Мелик), о котором говорится как об упорном наследственном враге сельджукского дома.

Переселившись на запад, огузы, по-видимому, совершенно утратили те начала государственности, которые были у них в Монголии, откуда ими в VI в. была образована одна из самых обширных когда-либо существовавших кочевых империй (занимающая в этом отношении второе место после монгольской) и где они несколько раз освобождались от ига китайцев и восстанавливали свое павшее государство. Правда, и на востоке эта государственность была им навязана силой, и хан в своих надписях чаще говорит о токуз-огузах, или просто огузах, как о врагах и мятежниках, чем как о своем народе. В степях к востоку от Каспийского моря ни огузы, ни их потомки туркмены уже не достигали политического объединения и постоянно сражались между собой. Отдельные части огузского народа совершали обширные завоевания и уходили в далекие страны, но

---

[7] Barthold, *K͟hʷārizm*, S. 975; ⟨наст. изд., т. III, стр. 548⟩.

[8] Махмуд Кашгарский, I, 397.

среди этих движений не было ни одного всенародного. По странному противоречию, именно огузами, никогда не соединявшимися в одно целое, были основаны самые могущественные и прочные турецкие государства, до нынешней Турции включительно.

После турецкой империи VI—VIII вв. самым ранним известием в истории движения огузов на запад было движение печенегов, относящееся к концу IX в.; писавший в половине X в. византийский император Константин Багрянородный говорит, что оно произошло лет за пятьдесят до него. Печенеги упоминаются у Рашид ад-дина и Махмуда Кашгарского среди огузских родов. Произношение *печенег* находится в русских летописях и не заимствовано у греков, правописание которых (Πατσινάκοι) несколько иное; вероятно, русские передали его так, как слышали непосредственно, и, как оказывается, передали правильно. Прежде предполагали, что мы имеем здесь турецкое слово *биджнак* 'зять'; но в рукописи Махмуда Кашгарского дана именно вокализация *печенег* [9].

Печенеги, по-видимому, рано отделились от остальных огузов и упоминаются как отдельный народ, еще до своего выселения, у арабских географов IX в. Тогда они были восточными соседями хазар и жили около Яика; в 922 г. Ибн Фадлан еще нашел в этой стране небольшие остатки печенегов [10]. Главная масса их прошла через владения хазар, с согласия или против воли хазарских владетелей, и основалась в Южной России, где они со времени Святослава угрожали самому Киеву. О печенежских набегах на Русь и борьбе с ними русских князей в летописи говорится часто. Константин Багрянородный также приводит о печенегах довольно много сведений и перечисляет печенежские роды.

К XI в., уже после падения хазарского царства, произошло новое движение огузов через Волгу, а оттуда через Южную Россию. На этот раз огузы упоминаются в византийских источниках под своим народным названием в форме *уз* (Οὖζοι); русские летописи называют их *торками*. Эти огузы, конечно, не соединились со своими близкими родственниками печенегами, а вступили с ними в борьбу; печенеги были вынуждены бежать на Балканский полуостров, куда за ними последовали огузы. Это было время, когда Византия в Малой Азии подвергалась нападениям других огузов, пришедших туда вместе с потомками Сельджука; в первый раз в истории турками, пришедшими туда с разных сторон независимо друг от друга, были наводнены византийские владения как в Малой Азии, так и на Балканском полуострове. К счастью для империи, объединения этих турецких элементов в одно целое не произошло; к концу XI в., ко времени начала крестовых походов, византийский император уже чувствовал себя

---

[9] Там же, 57 и в других местах. ⟨О раннем этапе истории печенегов см. Кляшторный, *Древнетюркские памятники*, стр. 163—166, 177—179.⟩

[10] Валидов, *Мешхедская рукопись*, стр. 246; ⟨Ибн Фадлан, изд. Ковалевского (1956), стр. 130⟩.

в безопасности и жалел, что сам призвал против угрожавших ему со всех сторон турок помощь с запада, которая теперь уже была ему не нужна.

Принимавшие участие в этих движениях огузы, по-видимому, совершенно не были затронуты исламом и его культурой. В арабской литературе есть рассказ, сохранившийся у автора XIII в., но относящийся, конечно, к гораздо более раннему времени, о том, что среди огузов были христиане [11]. Как с исламом, так и с христианством огузы могли ознакомиться в той культурной области, с которой у них были наиболее оживленные торговые сношения, именно в Хорезме. О том, что среди хорезмийцев были христиане, говорит хорезмийский ученый XI в. Бируни [12]. Замечательно, что эти христиане принадлежали не к несторианскому вероисповеданию, как бóльшая часть христиан в Персии и Туркестане, но к православному; в той же форме христианство, вероятно, было принято огузами [13].

После основания мусульманских колоний на Сыр-Дарье, в той же местности, где было местопребывание главного предводителя огузов, и здесь, как в других местах, должно было сказаться превосходство мусульманской культуры. Кроме того, часть туркмен поступила на службу к Саманидам, получила от них в свое распоряжение пастбища и обязалась защищать границы саманидских владений против своих немусульманских соплеменников. В числе турок, живших тогда в пограничных областях саманидского государства, были и люди, ознакомившиеся с мусульманской культурой; турок по происхождению был знаменитый арабский философ X в. Фараби. Во время борьбы между Саманидами и Караханидами огузы были то на одной, то на другой стороне; в начале XI в. они перешли в государство газневидского султана Махмуда. Персидские историки того времени проводят различие между первыми, совершенно неорганизованными пришельцами и более организованной силой потомков Сельджука, которые были уже «эмирами-завоевателями», а не только пастухами, как их предшественники [14]. Первые могли причинять владениям Газневидов и других династий только экономический ущерб своими грабежами, эти грабежи захватили огромный район, но не вызвали никаких политических перемен; кочевники переходили с места на место, нигде не оставляя гарнизонов, не восстанавливая разрушенных городов, не стараясь уничтожить существовавшие государства и заменить их своим собственным. С другой стороны, потомки Сельджука уже после своих первых побед в Хорасане при газневидском султане Мас῾уде, сыне Махмуда, начали при-

---

[11] Закария Казвини, II, 394 и сл.; этот же рассказ, но без христианских тенденций имеется и у Бируни (*Ал-Āс̱āр ал-бāк̣ийа*, изд. Захау, 264); быть может, рассказ Бируни следует считать источником для Казвини, который, вероятно, внес туда впоследствии христианскую тенденцию. Ср. также Marquart, *Komanen*, S. 101.

[12] Бируни, *Ал-Āс̱āр ал-бāк̣ийа*, изд. Захау, 296. 〈Ср. Толстов, *Новогодний праздник*.〉

[13] Barthold, *K̲h̲ʷārizm*, S. 974; 〈наст. изд., т. III, стр. 545〉.

[14] Бейхаки, изд. Морлея, 584.

сваивать себе права государей, вводить свои имена в хутбу, читавшуюся по пятницам в мечетях, и чеканить их на монетах, хотя при этом в первое время не заботились о единстве государственной власти. Как империя турок в VI в., так и государство потомков Сельджука в XI в. было основано двумя братьями, в последнем случае внуками Сельджука; в одно и то же время имя одного брата читалось в хутбе и чеканилось на монетах в Нишапуре [15], имя другого — в Мерве [16]. Только постепенно ими была усвоена идея единодержавия. Замечательно, что при турецких завоевателях впервые появился на монетах, чеканившихся в Хорасане, древнеиранский титул *шаханшах*; ни Саманиды, ни Газневиды не употребляли официально этого титула, оставаясь правоверными мусульманскими эмирами, подданными халифа, и отклоняя от себя всякое подозрение в желании воскресить домусульманские государственные традиции; шаханшахами называли себя только правившие в Багдаде и Западной Персии шииты Буиды. По мере своего движения на запад потомки Сельджука обратились из шаханшахов в «султанов ислама». Слово *султан* получило при них более определенное значение, чем оно имело прежде; так стали теперь называть только верховных, независимых государей; вассальным и удельным князьям были присвоены титулы *мелик* и *шах*. Мусульманский мир представляли себе как одно целое, во главе которого стоят халиф как глава религии и «султан ислама», которому халиф вручает всю светскую власть. Замечательно, что в своих государственных стремлениях потомки Сельджука встретили меньше всего сочувствия со стороны своих соплеменников, пришедших в Иран раньше их. На требование признать власть потомков Сельджука эти огузы ответили резким отказом и могли быть принуждены к повиновению только силой [17].

Вопрос об отношении представителей власти к тому народу, из которого они вышли, был в государстве потомков Сельджука еще более сложен, чем в государстве Караханидов. Караханиды называли себя только турками и домом Афрасиаба; ни одна из существовавших турецких народностей не имела в их государстве преобладания, и ни один источник не говорил, из какой народности вышла сама династия. Потомки Сельджука сделались сначала шаханшахами, потом «султанами ислама»; для них тоже, как для Караханидов, была сочинена и принята ими легенда о происхождении их от Афрасиаба; и все-таки они признавали себя не только огузами, или туркменами, но и выходцами из рода кынык (такое произношение указано у Махмуда Кашгарского), одного из 24

[15] С месяца ша'бана 428/мая—июня 1037 г.; Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 328. У Бейхаки (изд. Морлея, 676 и сл.) эти же события отнесены к следующему, 1038 г.

[16] С первой пятницы в месяце раджабе того же года (22 апреля 1037 г.); Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 327.

[17] Там же, 348.

(по Махмуду Кашгарскому из 22) огузских родов [18]. Одни и те же названия родов приводятся у Махмуда Кашгарского и в монгольскую эпоху у Рашид ад-дина с той разницей, что у Махмуда эти названия приводятся в более древней форме: род, из которого впоследствии вышла Османская династия, называется *кайыг*, а не *кайы*, название рода *язып* пишется *язгыр*. После Махмуда Кашгарского, как основательно разъяснено и в турецкой науке [19], должно отпасть мнение Маркварта, сблизившего название рода кайы с названием народа, жившего, по Бируни и некоторым другим источникам, на отдаленном востоке и носившего имя кай; на основании этого Марквартом была создана теория о монгольском происхождении османцев [20]. У Махмуда Кашгарского среди не чисто турецких народов упоминается народ кай [21], и это название, конечно, не имеет ничего общего с названием рода кайыг [22].

Среди огузов в то время уже не было преданий о господстве их народа в прежние времена в Монголии. Родиной Турка, мифического предка турок, считалась местность около Иссык-Куля, и дальше к востоку предания огузов не простирались [23]. С берегов Сыр-Дарьи огузами были принесены на запад предания о народном патриархе и певце Коркуде, выразителе и хранителе народной мудрости. Могилу Коркуда до сих пор показывают на Сыр-Дарье; в то же время предания о нем сохранились еще теперь у туркмен, в средние века были и в Малой Азии, даже в османскую эпоху, и до XVII в.[24] также у азербайджанских турок; в X в. имя Коркуд встречается у печенегов. Все это заставляет полагать, что предания о Коркуде были унаследованы принявшими ислам огузами от домусульманских времен и принесены ими на запад [25].

По уровню культуры огузы стояли ниже турок государства Караханидов, но зато более сохраняли национально-турецкие черты быта; сами предводители делили со своим народом все труды и подвиги и мало отличались от своих воинов по одежде. До нас дошло на сирийском языке сочинение автора XIII в. Абу-л-Фараджа, описание свадьбы султана Тогрул-бека (старшего из внуков Сельджука) с дочерью халифа [26]; при этом

---

[18] Махмуд Кашгарский, I, 56.

[19] Köprülüzade, *Oğuz*, s. 187 sq.

[20] Marquart, *Komanen*, S. 88, 187 sq.

[21] Махмуд Кашгарский, I, 30.

[22] 〈Современное состояние вопроса наиболее полно изложено В. Ф. Минорским (Мервези, 95—98); см. также Köprülü, *Kay kabîlesi*.〉

[23] Древнейшая версия этой легенды имеется в анонимном сочинении XII в. *Муджмал ат-тавāрӣх̮* (текст см. Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр.19).

[24] Ср. рассказ Олеария (Olearius, S. 721 sq.) о погребениях близ Дербента и имаме Хурхуде; 〈см. ниже, стр. 379〉.

[25] 〈Современное состояние вопроса охарактеризовано А. Ю. Якубовским и В. М. Жирмунским; см. *Китāб-и Деде Коркут*, пер. Бартольда, изд. 2.〉

[26] Kirsch, *Chrestomathia Syriaca*, S. 38; 〈см. также Гусейнов, *Сирийские источники*, стр. 73〉.

описывается танец турок, которые во время этого танца «садились и вставали»; по-видимому, речь идет об известной в России «пляске вприсядку», заимствованной, по всей вероятности, у турок. Несмотря на то что к огузам до ислама проникло христианство, у них, по-видимому, до принятия арабского алфавита не было письменности, тогда как в государстве Караханидов употреблялся уйгурский алфавит, только постепенно вытесненный арабским. Надписи уйгурским алфавитом встречаются и на могилах Караханидов; как впоследствии на монетах монгольских ханов, уйгурскими буквами писалось преимущественно имя хана, даже когда это имя было арабское. Незнакомством огузов с уйгурским алфавитом объясняется та разница в правописании среднеазиатских и переднеазиатских турок, на которую обратили внимание ленинградские ученые. Среднеазиатские турки привыкли обозначать в уйгурском алфавите все гласные и потому и при употреблении арабского алфавита широко пользуются для обозначения гласных буквами ى, و, ا; в турецких рукописях, написанных в Передней Азии, гласные ставились гораздо реже, даже форма прошедшего времени в третьем лице часто пишется через د, а не دى. Неясность правописания заставляла прибегать к вокализованию рукописей; среди турецких переднеазиатских рукописей вокализованных, по-видимому, гораздо больше, чем среди арабских и персидских.

Как «султаны ислама» потомки Сельджука были еще более ревностными защитниками правоверия, чем Караханиды. В истории они выступают как фанатичные приверженцы не только ислама, но и господствовавшего в государстве Саманидов и усвоенного турками ханифитского толка; при Тогрул-беке шафииты подвергались ожесточенному преследованию, отчасти в связи с тем, что ими был создан *калам*, правоверная догматика, направленная против ересей, но вводившая в веру элемент рассуждения и даже греческой науки, что казалось нарушением традиций религиозного предания. Иногда говорят, что преследование шафиитов прекратилось уже при преемнике Тогрул-бека, Алп-Арслане, везиром которого был шафиит Низам ал-мульк, но из слов самого Низам ал-мулька видно, что и Алп-Арслан был ревностным ханифитом, ненавидел шафиитов и жалел о том, что ему приходилось пользоваться услугами шафиитского везира [27].

Как «султаны ислама» потомки Сельджука должны были содействовать не только торжеству правоверия внутри своего государства, но также победе ислама над внешними врагами и расширению пределов мусульманского мира. Естественно, что эту обязанность они выполняли преимущественно в Западной Азии, где победы и завоевания были связаны с бóльшими экономическими выгодами. Сюда относится борьба с христианами в Малой Азии и на Кавказе и борьба с шиитами в Сирии и Египте. Торжество ислама в борьбе с Византией всецело связано с установлением в халифате турецкой власти. Перед этим, в эпоху господства иранской дина-

[27] Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 88.

стии Буидов, во второй половине X и первой половине XI в., византийцы воспользовались обострением розни между суннитами и шиитами для значительного распространения своих пределов в Сирии и Месопотамии; теперь они не только лишились этих завоеваний, но в первый раз ислам проник в глубь Малой Азии, где возникло мусульманское и в то же время турецкое государство [28]. Какое значение потомки Сельджука придавали пограничной войне в этой местности, видно из того, что именно сюда они направили своих соплеменников. Население восточных областей Ирана, географически находившихся ближе к той стране, откуда пришли огузы, в общем сохранило свой прежний этнографический состав, тогда как северо-западная область Персии, Азербайджан, и Анатолия сделались по языку постепенно чисто турецкими; вместе с тем в Анатолии религией большинства населения постепенно становился ислам. Проследить постепенный ход развития этого процесса мы пока не можем; как и следовало ожидать, распространение ислама в издавна привыкшей к христианству стране шло медленно; еще во второй половине XIII в. главной статьей дохода местного мусульманского правительства считалась джизья, т. е. налог с немусульман, из чего можно заключить, что последних тогда было еще очень много. Вопрос еще осложняется тем, что процесс туркизации, как прежде процесс арабизации, не совпадал с процессом распространения ислама. Известно, что арабский язык был принят и теми жителями Сирии и Египта, которые остались христианами или иудеями. В эпоху турецкого господства случалось не только, что люди, оставшиеся христианами, принимали турецкий язык, но случалось также, что люди, сохранявшие свой прежний язык, принимали ислам. Ислам в этих случаях применялся к языку населения; Султан-Велед, сын Джелаль ад-дина Руми, во второй половине XIII в. писал стихи не только по-персидски и по-турецки, но и по-гречески, и эти греческие стихи, написанные арабским алфавитом, представляют большой интерес для лингвистов как единственный памятник того греческого наречия, на котором тогда говорили в окрестностях Коньи [29].

На Кавказе победы ислама и турецкого языка в то время были менее значительны. Слово *азери*, означавшее прежде иранский диалект Азербайджана, означает теперь турецкое наречие, на котором говорит в Азербайджане почти все население и пределы распространения которого и на севере, и на юге идут гораздо дальше границ персидской области, сохранившей название Азербайджан; но известия о распространении здесь турецкого языка относятся только к послемонгольской эпохе, и можно сомневаться в том, получил ли бы здесь турецкий язык такое преобладание без этой новой турецкой волны, которую принесло с собой монгольское нашествие. Очень скоро после побед сельджукских султанов на Кавказе

---

[28] ⟨См. Гордлевский, *Государство Сельджукидов*⟩.
[29] Salemann, *Die Seldschukischen Verse*, S. 240 sq.

политический перевес перешел к христианам. XII в. и начало XIII в. были временем процветания могущественного грузинского царства; мусульманские соседи грузин переживали в это время такое унижение, как мусульманские соседи Византии во второй половине X—первой половине XI в., с той разницей, что грузинские цари не относились враждебно к мусульманской культуре, чеканили для мусульманских областей монеты с арабскими надписями [30] и даже, по словам одного арабского автора, среди своих подданных не делали различия между мусульманином и грузином.

Как «султаны ислама» потомки Сельджука старались подчинить своей верховной власти по возможности весь мусульманский мир и поэтому должны были обратить внимание на области Средней Азии, откуда они сами вышли и где в то время господствовали Караханиды. Уже султан Алп-Арслан, при котором началось завоевание турками Анатолии, совершал также победоносные походы на Сыр-Дарью и во владения Караханидов; его сын и преемник Меликшах (1072—1092), при котором сельджукская империя достигла высшей степени могущества, доходил до Узгенда в Фергане и принял выражение покорности от кашгарского хана, так что при нем власть «султана ислама» признавалась на всем пространстве мусульманской Азии от границ области уйгуров до Средиземного моря; независимыми оставались пока только Газневиды в Афганистане и Индии, где хутба читалась с именем сельджукского султана только при сыне Меликшаха, Санджаре. И в Средней Азии, как везде, сельджукские султаны достигли своих целей только силой; нет никаких признаков, чтобы турецкое население видело в них своих природных государей или чтобы они сами старались опираться на турецкую национальную идею. Сельджукские султаны могли сделать своими вассалами Караханидов, но прочного объединения всех мусульманских турок в одно государство не произошло и не могло произойти; слишком велика была уже тогда разница между турками Средней Азии и ушедшими на запад огузами. Даже огузы не были верноподданными сельджукских султанов; последний из могущественных потомков Сельджука, султан Санджар, как некогда турецкие ханы VIII в., должен был воевать «со своим собственным народом, с огузами»; султан даже провел некоторое время в плену у огузов и спасся из этого плена только бегством.

Помимо находившихся вне сферы влияния ислама культурных турок на востоке — уйгуров, было еще значительное число кочевых турок на северо-западе, также остававшихся в то время чуждыми если не мусульманской культуре, то исламу как религии. В XI в. быстро достиг большого распространения народ кипчаков, вышедший с берегов Иртыша. О переменах, происходивших среди живших там турецких народностей, мы можем судить только по изменению их названий. В орхонских надписях

[30] Ибн Хаукаль, 243 внизу.

несколько раз упоминается река Иртыш, но ничего не говорится о том, какие народы там жили; по-видимому, до Иртыша доходили владения западноогузского или тюргешского кагана. Название реки Иртыш, несомненно, нетурецкое, хотя есть несколько турецких народных этимологий. Арабские географы помещают на Иртыше народ кимаков, занимавший обширную территорию к северу от огузов, доходившую на запад до Волги или Камы (Кама считалась тогда верхним течением реки, носившей название Итиль). Кимаки разделялись на несколько родов, среди которых были роды кипчак и йемек; Маркварт, несомненно неудачно, объясняет слово *кимак* из ики-йемек, предполагая существование двух родов йемеков [31]. У Махмуда Кашгарского слова *кимак* уже нет; на Иртыше помещаются йемеки, которых автор называет племенем из кипчаков [32].

Впоследствии рядом с народом кыпчак часто упоминается народ канглы; у Махмуда Кашгарского слово *канглы* как народное название не встречается; говорится только, что Канглы — имя великого мужа из кипчаков [33]; кроме того, слово *канглы* известно автору в значении 'телега'. Из сочинения персидского историка Бейхаки мы знаем, что кипчаки задолго до сочинения Махмуда Кашгарского доходили на юг до границ областей ислама и были соседями Хорезма [34]. К движению кипчаков на юг относятся, по-видимому, слова Махмуда о какой-то турецкой народности булак или эльке-булак, уведенной в плен кипчаками (в тексте سباهم قفجاق [35],) но потом, с божьей помощью, освободившейся из этого плена; здесь мы опять, как во многих местах сочинения Махмуда, имеем темный намек на историческое событие, о котором нам было бы желательно иметь более подробные сведения, с указанием даты.

Возможно, что происходившее в XI в. движение огузов на запад и на юг отчасти было вызвано давлением кипчаков с севера; этим же, может быть, следует объяснить упоминаемое арабскими географами занятие огузами в X в. Мангышлакского полуострова, до тех пор безлюдного [36]. Мангышлакский полуостров с тех пор оставался туркменским до последних веков [37], когда туркмены здесь вынуждены были уступить новому давлению с севера, давлению казаков [38]; после революции Мангышлак был включен в состав Казакистана [39].

Происшедшая в XI в. этнографическая перемена выразилась в том, что обширная степь, которую географы X в. называют «гузской», по имени

[31] Marquart, *Komanen*, S. 96.
[32] Махмуд Кашгарский, I, 273.
[33] Там же, III, 280.
[34] Бейхаки, изд. Морлея, 91 внизу.
[35] Махмуд Кашгарский, I, 317, 116.
[36] Истахри, 219.
[37] ⟨Ср. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 609; в конце XVI в. туркмены были вытеснены с Мангышлака ногайцами, а в 1630-х годах — калмыками.⟩
[38] ⟨Казахов.⟩
[39] ⟨Казахстана.⟩

огузов, теперь стала называться кипчакской (Дешт-и Кипчак); название удержалось и тогда, когда кипчаков как народа больше не было, и сохраняется в мусульманской научной литературе до сих пор, как название Хазарское море — для Каспийского моря. К кипчакам, вместе с тесно связанным с ними народом канглы, перешло наследие огузов на Сыр-Дарье и наследие печенегов, вытесненных огузами, в Южной России, так что их владения заняли огромную территорию с востока на запад; по-видимому, и на севере в их владении, как теперь во владении казаков, оставалась вся степная полоса и новых народных движений с севера уже не было. На западе кипчаки вошли в соприкосновение с русскими и с западными европейцами, хотя ни те, ни другие не знали слова *кипчак*; русские назвали кипчаков половцами, западные европейцы — команами. Насколько мне известно, слово *команы* не встречается в мусульманской литературе, кроме писавшего в XII в. в Европе Идриси и тех авторов, которые пользовались его сочинением.

О происхождении половцев в новейшее время появился талантливый и ученый труд Маркварта [40], старающегося доказать, что в состав кипчаков вошел упоминаемый некоторыми мусульманскими авторами народ кун на отдаленном востоке и что это же название, Cuni, получило известность в Западной Европе. Вопреки всем доводам Маркварта, мне не представляется доказанным ни то движение с востка на запад, которое им предполагается, ни даже самое существование народа кун. В той же местности, к востоку от киргизов, у Гардизи помещается народ фури, находившийся на более низком уровне культуры, чем киргизы [41]; очень вероятно, что мы имеем здесь турецкое *бӧрї* 'волк'. Во многих рукописях тех сочинений, на которые ссылается Маркварт, именно сочинений Бируни и Ауфи, вместо قون стоит فوری; очень вероятно, что предпочтение должно быть отдано этому последнему варианту [42]. Столь же малоубедительны попытки Маркварта доказать, на основании некоторых китайских известий, что у кипчаков была династия, пришедшая в более позднее время, в XII в., с Дальнего Востока. Движение кипчаков представляет редкий пример занятия народом огромной территории без политического объединения и без создания своей государственности. Были отдельные кипчакские ханы, но никогда не было хана всех кипчаков. Огромный район, населенный кипчаками, оставался в то время вне мусульманского мира, и на Кавказе кипчаки в XII в. принимали участие в нашествиях на мусульманские земли, иногда в союзе с грузинами, иногда, наоборот, грузины и мусульмане соединялись для отражения нашествий с севера. Эти нашествия были не только грабительскими набегами; мусульмане лишились на некоторое время Дербента с городом Шабераном; возвратить себе эти

[40] ⟨*Komanen.*⟩

[41] Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 86.

[42] Возможно и чтение *кури*; см. Бартольд, *Киргизы*, стр. 23; ⟨наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 497⟩.

земли им удалось с помощью грузин. Среди врагов, нападавших с этой стороны на мусульманские области около 1175 г., упоминаются и русские. В русских летописях об этом нет известий; по-видимому, это были только вольные отряды, без участия какого-либо из тех княжеств, на которые тогда разделялась Россия [43].

Кипчакские ханы, даже в Южной России, имели у себя на службе представителей мусульманской культуры, особенно специалистов военного дела; но даже в непосредственном соседстве с мусульманскими областями были немусульманские кипчакские ханства, в состав которых входили и города. Столицей одного из таких ханств, с которым имели дело хорезмийцы во второй половине XII в., был город Сугнак (ныне развалины Сунак-курган), упоминаемый уже у Махмуда Кашгарского как город в области огузов [44]. Мусульманские источники вполне определенно говорят, что жившие здесь кипчаки и канглы (эти народы так часто упоминаются вместе, что трудно отличить один от другого) только во второй половине XII в., под влиянием сближения с Хорезмом, приняли ислам. При таких условиях едва ли имел большое значение тот факт массового принятия ислама турецким народом, который, по рассказу Ибн ал-Асира (пока, насколько мне известно, еще не подтвержденному в более ранних источниках), произошел в сафаре 435 г. х., т. е. в сентябре или октябре 1043 г.[45]. И в этом случае, как в рассказе о событии 960 г., не приводится название принявшего ислам народа; зато определяется район его кочевания; зимой он жил около Баласагуна, летом доходил до Итиля. Несмотря на такую обширность района, этот народ, по-видимому, был гораздо менее многочислен, чем народ, принявший ислам в 960 г.; говорится только о 10 000 шатрах, у писавшего после Ибн ал-Асира Абу-л-Фида — даже только о 5000 [46].

Из труда Махмуда Кашгарского не видно, как далеко простиралось влияние ислама на северо-запад; вообще не всегда ясно, к каким местностям и к каким турецким народностям относятся приводимые им образцы турецкой поэзии, народной и искусственной, сведения о турецких верованиях, обычаях, подробностях государственного управления и т. п. Приведенные автором стихи касаются самых различных местностей; среди них находятся стихи, относящиеся к борьбе города Катун-сыны с тангутами [47], и стихи, в которых описывается Волга: «Течет вода Итиля, ударяется о подножие скалы, много рыб и лягушек в пруду, наполняемом ее разливом» [48]. Кроме народной поэзии, у турок была и искусственная, даже при-

---

[43] Barthold, *Derbend*, S. 983; ⟨наст. изд., т. III, стр. 425—426⟩.

[44] Махмуд Кашгарский, I, 392.

[45] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 355 и сл.

[46] Абу-л-Фида, *Мухтасар*, III, 120.

[47] Махмуд Кашгарский, III, 240; Brockelmann, *Altturkestanische Volkspoesie*, I, S. 9.

[48] Махмуд Кашгарский, I, 70; Brockelmann, *Altturkestanische Volkspoesie*, II, S. 29.

дворная; в одном месте поэт называет себя слугой ханши (катун) и говорит, что подносит ей стихотворение, как новое произведение своей службы. Стихотворение называется *кошук*, и это слово передается арабским *касыда* [49]. Впоследствии от кошука отличали стихи другого размера, *туюг*; у Махмуда Кашгарского слова *туюг* нет [50]. Называется по имени только один поэт, Джуджу (или Чучу), причем говорится только, что это — имя турецкого поэта; не сказано, из какого турецкого народа происходил этот поэт, где и когда он жил [51].

Как влияние персидской культуры не могло сразу вытеснить прежнюю поэзию, так и принятие ислама не могло сразу уничтожить прежние верования. Сохранялся даже культ упоминаемого в орхонских надписях божества Умай; по словам Махмуда Кашгарского, так назывался дух покровитель (صاحب) младенцев в чреве матери; существовала поговорка: «Кто будет служить Умай, тот получит сына» [52]. Упоминается и старый термин *йог* (يوغ) в смысле 'поминки по умершем' [53]; в то время так называлось угощение, предлагавшееся людям после возвращения с похорон и продолжавшееся три дня или семь дней. Существовало поверие, что накануне битвы между двумя войсками сражаются между собой духи соответствующих местностей; воины в ночь накануне битвы боялись выходить из палаток, чтобы не попасть под стрелы духов. Эти стрелы духов назывались *джави*; победа того или другого отряда решала участь сражения между людьми [54]. Когда осведомлялись о новорожденном, то вместо того, чтобы спросить, родился ли мальчик или девочка, спрашивали: «Родился ли волчонок или лисичка» [55].

Из подробностей государственного управления говорится, например, о внешних знаках ханской власти. Одним из таких знаков было знамя (*туг* توغ); высшее число знамен, которое могло быть у одного хана, было девять; когда говорили о «хане с девятью знаменами» (*токуз туглуг хан*), то это вызывало представление о самых могущественных ханах [56]. Приводятся и некоторые подробности, относящиеся к ханам немусульманских турок, именно к уйгурскому хану. При слове *камду* [57] сказано, что так назывались куски хлопчатобумажной ткани длиною в четыре локтя (около 2 *м*) и шириной в один палец (*шибр*), на которые накладывалась печать уйгурского хана и которые служили мерилом ценности при торговых сделках; через каждые семь лет эти куски ткани зашивались, мылись,

---

[49] Махмуд Кашгарский, I, 314.
[50] ⟨О туюге см. Köprülü, *La métrique*, pp. 257—258.⟩
[51] Махмуд Кашгарский, III, 180.
[52] Там же, I, 111.
[53] Там же, III, 105.
[54] Там же, 171.
[55] Там же, I, 359.
[56] Там же, III, 92.
[57] Там же, I, 350.

и печать накладывалась вновь. Употребление кусков хлопчатобумажной ткани вместо денег часто встречалось в Китайском Туркестане и после, до новейших времен [58]. Иногда отмечается разница в государственной терминологии между государством Караханидов и государством огузов, т. е. потомков Сельджука. Так, у чигилей, т. е. восточных турок, уже тогда, как впоследствии в монгольской империи, был термин *ярлык*, которого огузы не знали [59]; с другой стороны, у огузов было слово *туграг* (теперь *тугра*) в смысле 'печать и накладывающий печать сановник', причем автор говорит об этом слове: «турки его не знают, и я не знаю его происхождения» [60]. Автор монгольской эпохи Ибн ал-Муханна приводит вместе, на одной и той же странице, слова *ярлык* и *тугра* [61], но известно, что слово *тугра* и потом употреблялось только сельджукскими и, после них, османскими турками и совершенно не было известно в Средней Азии. Вопрос о происхождении этого культурного слова, принесенного огузами в Западную Азию и совершенно неизвестного другим туркам, представлял бы большой интерес для историка.

О других сторонах культурной жизни турок нам придется говорить в следующей лекции, в связи с вопросом о культурных связях турок с Западом и Востоком в последние века до монгольского нашествия.

---

58 Бартольд, ЗВОРАО, т. XVII, стр. 0191 и сл.

59 Махмуд Кашгарский, III, 31.

60 Там же, I, 385.

61 Ибн ал-Муханна, изд. Рифʻата, 149; Мелиоранский, *Араб филолог о турецком языке*, стр. 51.

VII

Махмуд Кашгарский сообщает некоторые сведения о борьбе Караханидов на севере с народом ябаку, потом совсем не встречающимся в истории, и на востоке с уйгурами, но ничего не говорит о начавшейся еще в первой половине XI в. борьбе с китаями, которые тогда приобрели господство на Дальнем Востоке. Мы видели, что по имени этого народа главная культурная страна Дальнего Востока до сих пор носит у русских, монголов и отчасти у мусульман название Китай, хотя господство в этой стране китаев прекратилось уже в XII в., а народ и его язык, вероятно, прекратили свое существование в эпоху монгольской империи. Во время своего господства в Китае китаи дали своей династии название Ляо, и под этим именем она известна в китайской истории; в мусульманских источниках это династическое название не встречается. Народ носит у мусульманских историков название *хытай*, причем обыкновенно, иногда уже у Махмуда Кашгарского, это название пишется خطای.

Овладев Северным Китаем, императоры династии Ляо утвердили свою власть и в Монголии, где в 924 г. встретили мусульманских купцов; об этой встрече мы узнаем только из китайских источников [1], но не из мусульманских. Киргизы были вытеснены китаями из Монголии и вернулись, по-видимому, на Енисей, где мы встречаем их потом. Китаям подчинились и прежние владыки Монголии, уйгуры, жившие тогда в Китайском Туркестане. Китаи предлагали уйгурам вернуться в свои прежние земли, в Монголии, но этим предложением народ, успевший привыкнуть в Китайском Туркестане к земледельческой и городской жизни, не захотел воспользоваться [2].

Писавшие по-арабски историки, начиная с современника Махмуда Газневидского, Утби, часто говорят о нашествиях на государство Караханидов с востока, причем приписывают все эти нашествия китаям. Если бы это были военные походы, предпринимавшиеся китаями, то о них едва ли могла бы умолчать китайская «История династии Ляо», между тем никаких сведений о походах китаев на запад там не оказалось. Гораздо вероятнее, что в то время шли на запад не сами китаи, но приведенные ими в движение монгольские народы, занявшие сначала Восточную, потом Запад-

[1] Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 265.
[2] Ibid., p. 214.

ную Монголию. Такое впечатление производит письмо, посланное одним из несторианских епископов Средней Азии несторианскому католикосу в Багдад; в письме говорится о нашествии народа, разделявшегося на восемь родов [3]. Очень вероятно, что речь идет о найманах, монгольском народе, занимавшем в эпоху Чингиз-хана Западную Монголию. Слово *найман* значит по-монгольски 'восемь', что указывает на разделение этого народа на восемь родов.

Династия Ляо, может быть, более всех других инородческих династий, правивших в Китае, усвоила китайскую культуру; последним представителям ее, однако, пришлось уйти из Китая, когда в Маньчжурии усилились чжурчжэни, у мусульман *джурджи*, народ тунгусского происхождения. В 1125 г. чжурчжэни покорили государство династии Ляо и заняли ее место в Северном Китае, где основали «Золотую династию» (Цзинь по-китайски, Алтан-ханы по-монгольски, Алтун-ханы по-турецки). Последний представитель династии Ляо тогда ушел на запад, но за ним последовала только часть его народа; другие китаи остались в Китае, подчинились чжурчжэням и потом, во время усиления Чингиз-хана и его войны с чжурчжэнями, подняли против них восстание. Мусульманские источники впоследствии дают одно и то же название (кара-китай) как китаям, ушедшим на запад, так и китаям, подчинившимся власти чжурчжэней [4].

О движении китаев на запад мы находим в мусульманских источниках более ясные и полные известия, чем в китайских. Китайцы упоминают только о движении китаев, под властью родственника последнего императора династии Ляо, через страну уйгуров, оказавших им поддержку, в Восточный Туркестан. Только из мусульманских источников мы знаем, что это движение кончилось неудачно; китаи были совершенно разбиты кашгарским ханом, и об этой победе ислама сельджукский султан Санджар написал халифу [5]. Успех имело движение другой части кара-китаев, более северным путем, через Западную Монголию, где они у верховьев Енисея подверглись нападению со стороны киргизов, но счастливо миновали эту местность, прошли несколько дальше на юго-запад и основали город Эмиль в районе Чугучака, в местности, где в XI в. происходили войны Караханидов с народом ябаку [6]. По-видимому, эта местность оставалась и в XII в., как в XI в., вне влияния ислама; самым северным мусульманским владением с этой стороны была по-прежнему область города Баласагуна, находившаяся под властью одного из Караханидов. На этот раз Караханидам не удалось, как столетием раньше, когда враг был уже

---

[3] Из сирийской хроники Абу-л-Фараджа (см. Oppert, *Presbyter Johannes*, S. 91, 124).

[4] Barthold, *Ḳara Khitai*; <см. ниже, стр. 542—546; см. также Wittfogel — Fêng Chia-shêng, *Liao*>.

[5] Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 37—38. <Об истории кара-китаев в Средней Азии см. также наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 48—56>.

[6] Джувейни, изд. Казвини, II, 86 и сл.

в восьми днях пути от Баласагуна, отразить нашествие. Победе китаев содействовали раздоры между ханом и находившимися у него на службе кочевниками; китаи приняли сторону хана в этой борьбе, но, освободив его от его противников, устранили его самого и заняли его область, которая с тех пор сделалась местопребыванием главы кара-китайского государства. Оттуда кара-китаи подчинили себе Кашгарское ханство, которое им не удалось завоевать с востока, и предприняли поход на северо-восток для наказания своих прежних врагов — киргизов; под властью их оставались и уйгуры. В 1137 г. они вмешались в дела Западного Туркестана, где также происходила борьба между ханами и предводителями кочевников, причем на этот раз кара-китаи приняли сторону кочевников против хана, а не наоборот, как в Баласагуне. Самаркандский хан был разбит около Ходженда; в 1141 г. от кара-китаев потерпел поражение в степи Катван, к северу от Самарканда, сам султан Санджар. Это поражение могущественного сельджукского султана в борьбе с неверными произвело сильное впечатление на современников; темные известия о нем дошли до крестоносцев, которые в то время вели борьбу с мусульманами в Палестине и Северной Месопотамии. Событием 1141 г., по-видимому, была создана в Европе легенда, будто с востока нападает на мусульманский мир и идет на соединение со своими единоверцами в Палестине какой-то царь-священник Иоанн.

В действительности кара-китаи тогда остановились на Аму-Дарье, впоследствии подчинили себе еще область к югу от этой реки с городом Балхом; их верховной власти подчинился весь мусульманский Туркестан до Бухары включительно и Хорезм. Кара-китайские императоры, жившие около Баласагуна, назывались одинаково у мусульман и у монголов гурханами; этот титул не встречается, по-видимому, ни прежде, ни после, и происхождение его остается загадочным; мусульманские авторы придают ему значение «хан ханов» [7]. Возможно, что слово كور в этом титуле есть прежнее турецкое كور или كول, которое встречается в орхонских надписях, у Гардизи и у Махмуда Кашгарского. Под властью гурханов находилась огромная территория от Хорезма до страны уйгуров, но в Китае у них больше не было владений; тем не менее китайские историки причисляют и этих Западных Ляо к китайским императорским династиям, приводят названия «годов правления» отдельных императоров по принятому в Китае обычаю обозначать этими «годами правления» время отдельных событий, не употребляя собственного имени императора, вследствие чего иностранцы, мусульмане и европейцы, часто употребляли в смысле имени императора название его «годов правления». В истории это единственный случай, что инородческую династию, потерявшую свои владения в Китае, все-таки продолжали причислять к китайским императорским династиям; когда в XIV в. из Китая были вытеснены монголы,

---

[7] Barthold, *Gurkhan*; 〈см. ниже, стр. 528; также Menges, *Der Titel*〉.

то этим самым считалась прекратившейся династия Юань (так называли потомков Чингиз-хана) как китайская императорская династия, и ни о каких «годах правления» потомков Чингиз-хана, правивших в одной Монголии, не было речи. Факт, что только для династии Ляо было сделано исключение, наглядно показывает, насколько кара-китаями была усвоена культура «Поднебесной империи»; по-видимому, их почти перестали считать инородцами.

То немногое, что мы знаем из мусульманских источников об управлении гурханов, заставляет полагать, что они и на западе пользовались в делопроизводстве китайским языком и приносили с собой китайские принципы управления. Слово 'зять' обозначалось китайским словом *фума*; существовал также, как впоследствии у монголов, термин *пайза* для обозначения должностных знаков и грамот. От обычного типа кочевых государств империя кара-китаев отличалась тем, что в ней не произошло распадения на уделы; о первом гурхане даже говорится, что он никому не отдавал под начало более 100 всадников. Зато широко применялся принцип внутренней автономии вассальных государств. Кара-китаями было уничтожено только караханидское владение в Баласагуне, где гурхан стал управлять сам, хотя город по составу населения оставался и потом мусульманским; во всех остальных завоеванных областях, в Кашгаре и в Мавераннахре, по-прежнему оставались ханы из Караханидов; оставались также прежние династии на западе в Хорезме, на востоке в Уйгурии; подчинение гурхану выражалось в уплате дани; кроме того, при дворе отдельного князя иногда был представитель гурхана. Как впоследствии в монгольской империи, эта форма подчинения иногда заменялась более льготной; иногда представитель гурхана приезжал ко двору вассального владетеля только для сбора дани и потом уезжал; иногда вассальный владетель даже получал право сам отвозить дань гурхану. У кара-китаев, по китайскому образцу, была система подворного обложения; с каждого дома взималось по динару, т. е. по одной золотой монете. Эта система находилась в противоречии как с традициями мусульманского мира, так и с традициями кочевников; впоследствии монголы в самом Китае старались провести систему подушной подати, что вызвало энергичное сопротивление китайских чиновников. Однако нововведение кара-китаев, по-видимому, не прошло в Средней Азии бесследно, и случаи подворного обложения мы видим в среднеазиатских государствах даже в XIX в. С Ташкента при кокандских ханах взималась подать по числу домов, причем по какой-то старой ведомости, когда домов было гораздо меньше; как при гурханах в XII в., так и при кокандских ханах взималось по одной тилле, т. е. по одной золотой монете, с дома [8]. К сожалению, до сих пор известно слишком мало о системах податного обложения в промежутке между XII и XIX вв., так что остается неясным. можно ли уста-

---

[8] Маллицкий, *Несколько страниц*, стр. 176.

новить историческую связь между системами управления кара-китайских гурханов и кокандских ханов, или мы имеем здесь только случайное совпадение.

Вообще до сих пор остается спорным вопрос, как отразился факт установления в Средней Азии господства народа с дальневосточной культурой на истории среднеазиатских мусульман вообще и турок в особенности. Этот вопрос, в числе многих других, затронут в труде Маркварта о происхождении половцев [9], где государству гурханов придается очень большое значение; по словам Маркварта, культурное государство кара-китаев резко выделяется на фоне общей безотрадности истории XII и XIII вв.[10]. Никакими фактами Маркварт своего мнения не подтверждает, и, по-видимому, оно объясняется только его общими отрицательными суждениями об исламе и турках.

Прежде всего довольно безотрадную картину представляла жизнь самой династии Западных Ляо. Здесь не было, как в мусульманских и кочевых государствах, смут, связанных с родовым строем и удельной системой; зато, как в Китае, управление несколько раз переходило в руки женщин и их любовников; одна из таких правительниц должна была решиться собственноручно убить своего любовника на глазах народа, чтобы усмирить вызванное его действиями мятежное настроение. Нет также известий о каких-либо успешных попытках гурханов поднять культурный уровень своей державы. Если была сделана попытка обезоружить беспокойных кочевников, именно находившиеся на службе у Караханидов отряды карлуков, и приучить их к земледелию, то эта попытка не имела прочного успеха и Караханидам скоро опять пришлось усмирять восстания предводителей карлуков. Вообще едва ли был период, когда бы гурханам удалось установить на пространстве своей державы внешний и внутренний мир. Несмотря на подчинение Хорезма гурхану, Хорезм не получил помощи от кара-китаев, когда подвергся нападению со стороны султана Санджара, оправившегося от поражения; нет также известий о вмешательстве гурханов в другие смуты, происходившие в Туркестане. Наконец, не видно, чтобы кара-китаи представляли собой в Туркестане высшую культуру и чтобы в руки представителей этой культуры переходило управление; напротив, везиром последнего гурхана был Махмуд-бай, очевидно мусульманский купец.

Образование империи кара-китаев должно было, однако, оказать благоприятное влияние на успехи культуры в том отношении, что содействовало сближению входивших в состав империи различных культурных элементов. Подчинение мусульманских областей верховной власти немусульманских правителей содействовало, может быть, движению на запад немусульманских культурных элементов. Не вполне объяснено до сих

---

[9] Marquart, *Komanen*, S. 25 sq.
[10] Ibid., S. 209.

пор существование в Джетысуйской области, в долине р. Чу, христианских надписей на сирийском и турецком языках. Бо́льшая часть этих надписей, как и надписи на Иссык-Куле и в долине р. Чу, относятся к XIV в., к монгольскому периоду, но в долине р. Чу есть некоторые надписи, относящиеся к первым годам XIII в., т. е. еще к эпохе кара-китайского государства. Сравнивая христианские надписи Джетысуйской области с надписями, найденными в области Турфана, русский академик Коковцов находит, что турфанские христиане были образованнее джетысуйских и что в данном случае можно предполагать влияние одних христиан на других только в направлении с востока на запад, но не наоборот [11]. Кроме уйгурских христиан, свое влияние могли распространять на запад и уйгурские буддисты; для эпохи кара-китаев мы не имеем об этом известий, но уже в первые десятилетия монгольского владычества, в 1253 г., путешественник Рубрук нашел уйгурских буддистов к северу от Или, в городе Каялыке. Возможно, что уйгуры-буддисты также пришли сюда еще при кара-китаях, но доказательств этого нет, и вообще XI и XII вв. были временем усиленной христианской религиозной пропаганды. Мы знаем целый ряд монгольских народностей, принявших в это время христианство. Не только христианские, но и мусульманские источники называют христианами найманов в Западной Монголии и кераитов в Восточной Монголии; исследования проф. Пельо, кроме того, показали, что христианами были онгуты в Южной Монголии, на границе Китая [12]. Что в этой пропаганде христианства принимали участие уйгуры, видно из того, что Чингиз-хан нашел в стране найманов уйгурского хранителя печати и через него ознакомился с уйгурским алфавитом. В пользу того, что джетысуйские христиане были из уйгуров, говорит факт, что мы находим у них ту же систему счисления ('один-двадцать' в смысле 'одиннадцать' и т. п.), как в орхонских надписях и уйгурских текстах [13]. Центром уйгурских христиан было, по-видимому, селение Булаик к востоку от Турфана, где были найдены только христианские фрагменты, притом на различных языках — сирийском, согдийском и турецком [14]. Правда, джетысуйские христиане пользовались не уйгурским алфавитом, заимствованным у согдийцев, но алфавитом сирийского происхождения, с присоединением к нему некоторых новых знаков.

Как всегда, миссионерская деятельность соединялась с торговой; в сирийском рассказе о принятии христианства кераитами прямо говорится, что кераитский хан получил сведения о христианском учении от

---

[11] Коковцов, *К сиро-турецкой эпиграфике*, стр. 778 и сл.; ⟨см. также: наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 265—298; Малов, *Древнетюркская письменность Монголии*, стр. 75—86⟩.

[12] Pelliot, *Chrétiens*, p. 629 sq.

[13] Коковцов, *К сиро-турецкой эпиграфике*, стр. 789; ⟨см. также ниже, стр. 363⟩.

[14] F. Müller, *Uigurica*, I, S. 4.

христианских купцов [15]. Замечательно, однако, что, несмотря на полное отсутствие сведений о пропаганде ислама в Монголии, мусульманские купцы имели для поднятия в Монголии культурного уровня еще больше значения, чем христианские. Монголы заимствовали от турок слово *сарт* в смысле 'купец'; от *сарт* было образовано слово *сартак* (как *согдак* от *Согд*), и это слово сделалось у монголов названием того народа, из которого в Монголию преимущественно приходили купцы, т. е. иранцев-мусульман. К народным названиям монголы, для обозначения принадлежащих к данному народу мужчин, прибавляли слог *-тай* [16]; так образовалось слово *сартактай* 'мужчина из народа сартаков, или сартов'. О характере деятельности людей иранско-мусульманской культуры в Монголии свидетельствуют монгольские предания о богатыре Сартактае как искусном строителе, воздвигавшем чудесные плотины на больших реках и озерах [17]; очевидно, мусульмане знакомили монголов с системой искусственного орошения. Сартаки, или сартактаи, были для монголов не столько людьми определенной национальности, сколько людьми определенного культурного типа; Чингиз-хан называл сартактаем первого из подчинившихся ему мусульманских владетелей, карлукского Арслан-хана [18], в северной части Джетысуйской области, хотя карлуки были по языку, конечно, не иранцами, а турками. От того же корня *сарт* монголами было еще образовано слово *сартагул*, или *сартаул*, также встречающееся еще при Чингиз-хане. Впоследствии Рашид ад-дин переводил слово *сартаул* словом 'таджик' [19], Ибн ал-Муханна — словом «мусульмане» [20].

Предания о Сартактае, в связи с полным отсутствием сведений о религиозной пропаганде, наглядно показывают, что деятельность мусульманских купцов в Монголии в то время столь же мало была связана с распространением ислама, как теперь успехи европейской торговли с распространением христианства. В монгольскую эпоху богатыми торговцами строились медресе и ханаки, но между торговцами и представителями ислама как религии и в то время было мало общего, часто даже отношения между ними были явно враждебные [21].

Главное отличие мусульманской торговли от современной европейской заключается в том, что успехи мусульманской торговли не были связаны с политическими успехами мусульманских государств. После распадения халифата политические границы мусульманских государств опре-

---

[15] Так у Абу-л-Фараджа (Oppert, *Presbyter Johannes*, S. 89).

[16] Рашид ад-дин, изд. Березина, I, текст, 65.

[17] См. Потанин, *Очерки*, вып. II, стр. 170 и сл.; вып. IV, стр. 285 и сл.

[18] Рашид ад-дин, изд. Березина, I, текст, 171.

[19] Рашид ад-дин, изд. Блоше, $541_{,5}$.

[20] Мелиоранский, *Араб филолог о монгольском языке*, стр. 75; Ибн ал-Муханна, изд. Риф'ата, 194.

[21] Ср. стихи Сейф ад-дина Бахарзи, посвященные Хабаш-Амиду (Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 104), и историю Абу Я'куба Юсуфа Секкаки (Хондемир, тегеран. изд., III, 28); ⟨ср. наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 539—540⟩.

делялись только возвышением и упадком той или другой династии и были настолько изменчивы, что население должно было стараться устраивать свою культурную и экономическую жизнь независимо от этих перемен. Мы видели, что даже в эпоху сравнительно могущественной и прочной династии Саманидов в степи независимо от них возникали мусульманские колонии, подчинявшиеся не Саманидам, а местным турецким правителям. Были торговые товарищества, вступавшие в связь между собой; несмотря на отсутствие в то время крупных учреждений современного типа, по выдаваемому в одном месте документу можно было получить деньги в другом городе, находившемся под властью другого правительства. В недавно открытом и изданном сочинении историка XI в. Абу Шуджа' говорится, что по ассигновкам купцов было гораздо легче получать деньги, чем по ассигновкам, выдававшимся государственной властью[22]. Вследствие преобладания среди торговцев иранцев широкое распространение получило персидское слово *чек*, именно в этой, персидской, форме, а не в арабской (صكّ), перешедшее потом в Западную Европу и широко распространенное в коммерческом мире.

В Средней Азии в торговле, конечно, принимали участие и турки; впоследствии у монголов для обозначения купцов употреблялось турецкое слово *ортак* 'товарищ', 'участник товарищества' (по-арабски شريك), что указывает на значение для торговли товариществ купцов. Махмуд Кашгарский, по-видимому, знал еще слово *ортак* только в смысле 'товарищ' [23], а не в смысле 'торговец', так что развитие торговых товариществ среди турок произошло, вероятно, после XI в.

Вследствие первенства в то время мусульманской культуры всякое столкновение ислама с другими культурами должно было в конце концов привести к расширению области распространения мусульманства. Кара-китаи настолько подверглись воздействию китайской культуры, что не могли, как впоследствии монголы в Средней Азии, сами сделаться мусульманами; но и при кара-китайском владычестве, хотя и в меньшей степени, чем впоследствии при монгольском, подчинение мусульман господству иноверцев только расширило пределы распространения ислама. Еще при появлении кара-китаев, как при Махмуде Кашгарском, не было мусульманских владений севернее Баласагунского ханства; менее чем через сто лет, перед появлением монголов, в северной части Джетысуйской области упоминается владение карлукского Арслан-хана, мусульманина, с городом Каялыком, местоположение которого пока известно только приблизительно; Рубрук прошел через него через некоторое время после переправы через Или, на пути к озеру Ала-куль, причем дорога тогда, по-видимому, проходила ближе к Балхашу, чем теперь, так как Рубрук мог издали видеть Балхаш. Не только город Каялык, но и карлукское

[22] Абу Шуджа', I, 138 и сл.; II, 143.
[23] Махмуд Кашгарский, I, 91.

владение возникли еще при кара-китаях, и карлукский хан был вассалом гурхана. В другом городе, Алмалыке, к северо-западу от Кульджи, который тоже не упоминается ни у Махмуда Кашгарского, ни в рассказе о нашествии кара-китаев, незадолго до появления монголов получил власть не вассал гурхана, а мятежник против него, предводитель разбойничьей шайки, происходивший или из карлуков, или из народа канглы (такое противоречие мы видим в различных, одинаково старых рукописях одного и того же сочинения, главного первоисточника для изучения событий конца XII и начала XIII в., *Та'рӣх-и джаха̄нгуша̄й* Джувейни [24]). Во всяком случае, владетель Алмалыка тоже был мусульманином. Таким образом, к концу господства в Средней Азии иноверцев, кара-китайских гурханов, мусульмане были министрами немусульманского императора и возникали новые мусульманские владения там, где их прежде не было [25]. Трудно было расширить область распространения ислама к востоку, где преграду такому распространению представляли культурные уйгуры. К востоку от Кучи граница мусульманского мира проходила и во время образования монгольской империи там же, где при Махмуде Кашгарском, т. е. к востоку от Кучи; есть только известие, что один из турецких мусульманских богатырей в Куче, Хизр-бег, прославился победами над уйгурами, тогда уже считавшимися мирным народом, неспособным оказать сопротивление храбрым воинам; за помощь, оказанную кашгарскому хану против его врагов, Хизр-бег потом получил от него ханский титул [26]. Зато в южной части бассейна Тарима при Махмуде Кашгарском пограничным пунктом ислама был Черчен, а в XIII в., при Марко Поло, мусульманами были и жители местности около Лоб-Нора.

Остается еще сложный вопрос, насколько в культурной жизни мусульманской Азии в то время принимали участие турки. Полного подчинения турок арабско-персидской культуре нигде не произошло; нигде не было случая утраты турками своего языка; все же влияние арабской и персидской культуры было так сильно, что турецкий язык нигде не мог сделаться языком государственности и культуры. В самом западном из турецких государств, в Малой Азии, государственным языком до XIII в. был арабский; это известие находится в анонимном сочинении, написанном в Малой Азии в XIV в. на персидском языке, и казалось мне сомнительным [27], но в пользу его, как заметил покойный Макс ван Бершем, говорит эпиграфический материал. Что на султанов, как везде, оказывал влияние персидский эпос, видно из частого употребления таких имен, как Кайхусрау и Кайкубад; рядом с этим, однако, встречаются и чисто турецкие имена, ясно показывающие, что султаны не забывали своего турецкого происхо-

---

[24] Джувейни, изд. Казвини, I, $57_{,3}$.

[25] Там же, II, $89_{,17}$.

[26] Ауфи (Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 95 и сл.).

[27] Бартольд, *О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира*, стр. 0129. ⟨Автор сочинения — Керим ад-дин Аксараи.⟩

ждения. То же самое относится к сельджукским владениям в Иране, где языком делопроизводства и культуры все более становился персидский язык. Персидским языком все более вытеснялся арабский из области делопроизводства и литературы и в Туркестане, находившемся под властью династии Караханидов. Характерно, что в X в., при Саманидах, была составлена на арабском языке история Бухары; когда этот труд был переведен в XII в. на персидский язык, то появление такого перевода объяснялось, между прочим, тем, что люди не питают больше склонности к чтению арабских книг [28]. Арабский язык вытеснялся персидским даже из области преподавания богословия; были преподаватели, читавшие лекции в медресе на персидском языке [29]. То же самое относится к первоначальному преподаванию веры; об авторе продолжения истории Нишапура, Медж ад-дине Абд ал-Гафире, родившемся в 451/1059-60 г., говорится, что он в пятилетнем возрасте усвоил начала веры по-персидски [30]. Несмотря на это, в государственном делопроизводстве во владениях Караханидов, даже в Кашгарии, во второй половине XII в. еще употреблялся арабский язык; на этом языке составлен, между прочим, судебный приговор, напечатанный мною, с английским переводом, в журнале «Лондонской школы востоковедения» и относящийся к царствованию того Богра-хана, при котором была составлена в Кашгаре дидактическая поэма *Кутадгу билик* [31]. Документы этого же и последующего времени показывают, однако, что в государстве Караханидов, даже в Самарканде, где среди населения говоривших по-турецки, наверное, почти не было, не был совершенно исключен из государственной терминологии и турецкий язык. Турецкое прилагательное *улуг* прибавлялось, например, к слову *везир*, а на монетах, чеканившихся самаркандским ханом в конце XII в., даже к титулу хана سلطان السلاطين. Ханы продолжали носить до конца существования династии турецкие имена и в особенности турецкие титулы, причем сохранялся обычай, известный из истории правивших в Монголии огузских и уйгурских ханов, что хан при вступлении на престол менял свой прежний титул на новый, употреблявшийся вместо собственного имени. Этот обычай иногда причиняет затруднения историкам, которым не всегда легко решить, принадлежат ли различные титулы, встречающиеся приблизительно в одно и тоже время на монетах, чеканенных в одной и той же местности, одному лицу или нескольким.

В Самарканде, однако, насколько известно, не было речи о литературе на турецком языке; при дворе ханов жили и пользовались их покровительством персидские поэты [32]. Более благоприятное положение для

---

[28] Нершахи, изд. Шефера, 2.

[29] Сам'ани, изд. Марголиуса, л. 50b, s. v. الاهدغنى.

[30] Рук. Кёпрюлю 1152.

[31] Barthold, *The Bughra Khan mentioned in the Qudatqu Bilik*; ⟨см. ниже, стр. 421⟩.

[32] См. особенно рассказ о Хизр-хане и его придворных поэтах: Низами Арузи, *Чахāр макāла*, изд. Казвини, 46; пер. Брауна, 52; ⟨ср. Низами Арузи, *Собрание редкостей*, пер. Баевского—Ворожейкиной, 77—79⟩.

создания мусульманской литературы на турецком языке было в Кашгарии, хотя и туда проникло персидское влияние, постепенно усиливавшееся; еще в XVII в. в Кашгарии было составлено историческое сочинение на персидском языке, причем с такими синтаксическими ошибками, которые ясно показывают, что этот язык не был для автора ни родным, ни привычным [33].

В 462/1069-70 г. была написана в Кашгаре для местного хана уроженцем города Баласагуна Юсуфом, занимавшим придворную должность хаджиба, дидактическая поэма на турецком языке под турецким заглавием *Кутадгу билик*, т. е. «Знание, делающее счастливым» или «Знание, достойное царей»; слово *кут* 'счастие' часто употреблялось, в том числе и в самой поэме, в смысле современного 'величество', для обозначения царского звания. Этого рода литература, т. е. поучительные произведения об обязанностях государей, сановников и т. п., издавна была популярна на Востоке, в том числе и в иранском мире; самое ценное в таких произведениях — рассказы о событиях из истории или легенды, которыми подтверждаются или объясняются те или другие теоретические наставления. Именно этого элемента в произведениях Юсуфа Баласагунского нет совсем. Им не выводятся никакие исторические лица; его царь (*илиг*) — только безжизненная аллегорическая фигура, олицетворяющая справедливость; другие достоинства олицетворяются везиром, его сыном и братом. Вследствие этого *Кутадгу билик* стоит гораздо ниже своих персидских образцов [34].

В предисловии говорится, что у арабов и таджиков книг много, тогда как на турецком языке книг не было совсем. Из этого видно, как быстро были забыты после принятия ислама памятники буддийской, манихейской и христианской литературы на турецком языке. Очевидно, та турецкая мусульманская поэзия, о существовании которой мы узнали из сочинения Махмуда Кашгарского, еще не вызвала появления книг. Литература должна была появиться именно в Кашгаре, где население самого города говорило, по словам Махмуда, на «турецком хаканском языке», самом красноречивом (افصح) из турецких наречий, тогда как языком сельских местностей за Кашгаром был кенджекский язык, т. е. язык местного, первоначально нетурецкого, но отуреченного населения [35].

Остается вопрос, насколько *Кутадгу билик* было связано с турецкими традициями по стилю и форме изложения и насколько оно могло оказать влияние на современников. *Кутадгу билик* дошло до нас в трех рукописях, одной уйгурским алфавитом, написанной в 1439 г. в Герате, и двух арабским алфавитом, из которых одна была найдена в Египте, другая — в Фергане. Возбуждает до сих пор споры вопрос, как писал свой труд

---

[33] Валидов, *Восточные рукописи*, стр. 313 и сл.

[34] ⟨О *Кутадгу билик* см. Малов, *Памятники*, стр. 224, 299—302; текст и перевод отрывков — стр. 224—298; библиография — стр. 302—304⟩.

[35] Махмуд Кашгарский, I, 31.

сам автор, уйгурскими или арабскими буквами [36]. Самое заглавие и употребление слова *кут* в смысле 'величество' показывают, что в Кашгаре мусульманское и в частности персидское влияние не успело вытеснить турецкие традиции даже из области придворной жизни. Заглавие *Кутадгу билик* мы потом снова встречаем в монгольскую эпоху; так назывался сборник изречений, приписывавшихся Чингиз-хану [37], на который, как и на *Ясу*, ссылались как на источник действовавшего в монгольской империи и в государствах, образовавшихся после ее распадения, права. Из слов автора XV в. Ибн Арабшаха можно заключить, что название *Кутадгу* применялось и к употреблявшемуся монголами уйгурскому алфавиту, причем Ибн Арабшах ошибочно сближал это слово с названием племени, из которого вышел Чингиз-хан (Ибн Арабшах читал по ошибке قتات вместо قيات)[38]. Было высказано мнение, что уйгурский *Кутадгу билик* Богра-хана мог, по крайней мере по заглавию, оказать влияние на монголов и вызвать появление *Кутадгу билик* Чингиз-хана [39]. После издания труда Махмуда Кашгарского уже не подлежит сомнению, что подданные Караханидов не называли себя уйгурами и что для Юсуфа Баласагунского язык, на котором он писал, не был уйгурским [40]; столь же невозможно, чтобы такое произведение, как *Кутадгу билик* Богра-хана, проникнутое духом ислама, могло быть усвоено уйгурами, остававшимися буддистами и христианами и впоследствии оказавшими влияние на монголов.

Из слов Махмуда Кашгарского не видно, знал ли он произведение Юсуфа Баласагунского, написанное всего за два года до того, как он приступил к своему собственному лингвистическому труду, в котором он, по его собственным словам, не имел предшественников. Покойный Мартин Хартманн видел разницу между Юсуфом Баласагунским и Махмудом Кашгарским в том, что первый примыкал к придворным кругам, второй — к традициям народной поэзии [41]. Едва ли это мнение справедливо. Мы видели, что среди стихов, приведенных Махмудом Кашгарским, есть образцы придворной поэзии; с другой стороны, Юсуф Баласагунский пользовался для своих дидактических целей и народной мудростью. В *Кутадгу билик* есть отдельные места, в которых выражаются теми же словами те же мысли, как в образцах народной мудрости, приведенных в книге Махмуда Кашгарского. Каждому, читавшему *Кутадгу билик*, напомнит об этом произведении приведенная у Махмуда Кашгарского пословица:

---

[36] Второе более вероятно, см. выше.

[37] Мелиоранский, *О Кудатку Билике*, стр. 015 и сл.

[38] Ибн Арабшах, *Фāкихат ал-х̮улафā'*, егип. изд., 184.

[39] Мелиоранский, *О Кудатку Билике*, стр. 021.

[40] ⟨Современные исследователи определяют язык (диалект) Юсуфа Баласагунского как карлукский; ср. Щербак, *Грамматический очерк*, стр. 26.⟩

[41] ⟨M. Hartmann, *Die metrische Form.*⟩

اردم باشى تل «Высшая доблесть выражается в языке», т. е. в человеческой речи [42].

Что *Кутадгу билик*, несмотря на небольшое число известных до сих пор рукописей, пользовалась в свое время некоторой популярностью, видно из того, что в Сарайчике, близ устья Яика, был найден глиняный сосуд с надписью, содержавшей стихи из *Кутадгу билик* [43]. Кроме того, в Турции было найдено и издано несколько более позднее произведение в том же роде, *Хибат ал-ҳаḳā'иḳ*, или *'Ибат ал-ҳаḳā'иḳ*, Ахмеда б. Мухаммеда Югнеки, написанное на «кашгарском языке» для какого-то эмира Дад Испехсалар-бека и содержащее такие же сухие нравоучения и наставления, без какой-либо связи с событиями действительной жизни [44]. Открытие этого произведения показало, что *Кутадгу билик* не стоит совершенно одиноко и что в турецкой литературе был «кашгарский период», имевший, по-видимому, очень мало влияния на ее последующую судьбу.

В это время следы прежней близости турок к китайской культуре сохранялись не только в ханском титуле. Сочинение Махмуда Кашгарского показало, что уже тогда существовало встречающееся при каракитаях китайское название должности *таянгу* [45], соответствовавшей арабскому *хаджиб*, причем слово *таянгу* производилось из турецкого *теенмек* 'доверять', 'полагаться'. Сохранялось также известное из орхонских надписей слово *кунчуй* в смысле 'госпожа' (السيّدة) [46], причем слово *хату* тогда обозначало более высокое положение женщин, чем слово *кунчуй*.

Из многочисленных слов для обозначения предметов материальной культуры, приведенных у Махмуда Кашгарского, обращает на себя внимание слово اُلْاوْتُر 'кусок шелка, который человек носил у себя за пазухой (فرحجره), чтобы очищать им свой нос' [47]. Известно, что в древности и в средние века носовые платки не употреблялись ни в античной Греции, ни в мусульманском мире; в Западной Европе они вошли в употребление только в XV в., после ознакомления европейцев с дальневосточной культурой, где они, как в Китае, так и в Японии, употреблялись издавна; под влиянием Китая, мы встречаем их и в Монголии. Существование их у турок в XI в., вероятно, также должно быть признано одним из остатков влияния дальневосточной культуры, впоследствии утраченных.

Следующим после Кашгара центром мусульманской турецкой литературы сделалась местность по нижнему течению Сыр-Дарьи вместе с Хорезмом. К вопросу о значении в истории турок этой местности я перейду в следующей лекции.

---

42 Махмуд Кашгарский, I, 281 внизу. <По переводу Брокельмана: «Основа образования — язык»; см. Brockelmann, *Altturkestanische Volksweisheit*, S. 68.>

43 Самойлович, *Среднеазиатско-турецкие надписи*, стр. 042.

44 См. *Хибат ал-ҳаḳā'иḳ*, изд. Неджиба Асыма. <См. Малов, *Памятники*, стр. 316—322, издание и перевод отрывка, подробная библиография.>

45 Махмуд Кашгарский, III, 281.

46 Там же, 181. <Ср. Gabain, *Alttürkische Grammatik*, S. 331.>

47 Махмуд Кашгарский, I, 122.

VIII

Мы видели, что для Хорезма, по его географическому положению, торговля с кочевниками имела больше значения, чем для других культурных областей Средней Азии. То же географическое положение не могло не отражаться на этнографическом составе и языке населения Хорезма. По всей вероятности, это замечалось и в то время, когда соседями Хорезма были кочевники иранского происхождения; по крайней мере была попытка доказать, что хорезмийцы принадлежали к тому же аланскому народу, который владел степями от низовьев Сыр-Дарьи до низовьев Дона [1]. После отуречения степи Хорезм больше других областей подвергался влиянию турецкого элемента. В первые века ислама в Хорезме говорили на иранском наречии, хотя и непонятном для прочих иранцев; на этом языке не только говорили, но и писали еще в XI в. [2]; однако в персидских словарях «хорезмийскими» словами часто называются явно турецкие; в X в. отмечалось также сходство между хорезмийцами и турками по наружности [3]. В XIII в., в эпоху монгольского нашествия, о Хорезме уже говорится как о стране по языку совершенно турецкой [4]. Процесс отуречения совершился, следовательно, между XI и XIII вв., когда Хорезм находился под властью сельджукских наместников турецкого происхождения, сохранявших, однако, старый иранский титул *хорезмшах*. В последние годы XI в. здесь утвердилась наследственная династия хорезмшахов, представители которой почти все носили турецкие имена. Хорезм при них, в первый и последний раз за всю свою историческую жизнь, сделался ядром великой державы, в состав которой вошел целый ряд областей в Средней Азии и Персии. Из наместников сельджукских султанов хорезмшахи постепенно сделались верховными владыками восточной части мусульманского мира и как «султаны ислама» требовали признания за ними всех прав, прежде принадлежавших сельджукским султанам; они не хотели даже примириться с фактом восстановления

---

1 Herzfeld, *Khorasan*, S. 122. 〈Об этногенезе хорезмийцев и их этнических связях в древности см.: Толстов, *По следам*; его же, *По древним дельтам*.〉

2 Бейхаки, изд. Морлея, 842. 〈О хорезмийском языке и его памятниках см. наст. изд., т. III, стр. 546, прим. 4.〉

3 Макдиси, 285.

4 Плано Карпини, пер. Риша, 147; ср. теперь Togan, *Hwarezmische Sätze*, S. 190 sq.

в половине XII в. светской власти аббасидских халифов; последние хорезмшахи требовали, чтобы их власть, как прежде власть сельджукских султанов, признавалась в самом Багдаде.

Хорезм, конечно, находился под влиянием персидской культуры; среди ученых и поэтов, писавших по-персидски, были и хорезмийцы; при хорезмшахах персидский язык был языком государственного делопроизводства; но едва ли в Хорезме, как в Согде, местное иранское наречие, как язык массы населения, было вытеснено персидским языком. По всей вероятности, хорезмийский язык оставался языком населения и уступил место только турецкому языку.

Процессу отуречения еще раньше должны были подвергнуться колонии, основанные на Сыр-Дарье частью хорезмийцами, частью, вероятно, согдийцами. В XI в. здесь были и города, населенные турками; у Махмуда Кашгарского [5] упоминаются Сауран (у Махмуда — Сабран [6], некогда пограничный город государства Саманидов, существует и теперь) и Сугнак (в XII в. столица немусульманского кипчакского владения, теперь развалины Сунак-курган [7]) как города огузов.

К юго-востоку от Саурана, между ним и Фарабом, или Отраром. у географов X в. упоминается город Шавгар; судя по расстоянию, он по местоположению приблизительно соответствовал нынешнему городу Туркестану. Название Шавгар—иранское; был ли этот город в X в. населен иранцами или турками, неизвестно. По одному тексту (Ибн Хаукаля) к Шавгару относится известие о походе Саманида Насра б. Ахмеда (914—943) с войском в 300 000 человек (цифра, конечно, преувеличена) [8]; если так, то Шавгар был местопребыванием сильного владетеля; но в рукописях источника Ибн Хаукаля, сочинения Истахри, мы находим в соответствующем месте совсем другие чтения [9]; поэтому остается сомнительным, куда был направлен поход, тем более что других известий об этом событии нет. Кроме Шавгара по Сыр-Дарье был еще другой Шавгар в 4 фарсахах (около 25 верст) к юго-западу от Аулие-Ата. К обоим Шавгарам одинаково могут относиться слова Самʻани (в XII в., со ссылкой на автора XI в.) о «пограничной местности с турками» (ناحية من ثغر الترك)[10] и слова Якута (XIII в., со ссылкой на автора XII в. Имрани) об одном «из турецких городов» (من بلاد الترك)[11].

Ни Самʻани, ни Якут не знают на месте Туркестана города Ясы, или Еси (يسى), хотя это название существовало уже в XII в., когда

[5] Махмуд Кашгарский, I, 364 и 392.

[6] Там же, 364.

[7] О развалинах см. теперь Якубовский, *Развалины Сыгнака*, с иллюстрациями. ⟨См. подробнее Толстов, *Города гузов.*⟩

[8] Ибн Хаукаль, 340.

[9] Истахри, 291.

[10] Самʻани, изд. Марголиуса, 328.

[11] Якут, *Муʻджам*, III, 245.

прославился происходивший из того города или, по крайней мере, живший и умерший в нем святой Ахмед Есеви (или Ясеви); год его смерти — 562/1166-67 г. По некоторым известиям, Ахмед происходил из Сайрама, под которым, конечно, следует понимать не город в Восточном Туркестане, в то время под этим названием еще не существовавший (он был основан только в XVI в. переселенцами из западного Сайрама) [12], но город на небольшом расстоянии к востоку от нынешнего Чимкента [13], известный также под названиями Исфиджаб и Белый город (ал-Мадӣнат ал-байḍā'); этот Сайрам упоминается уже у Махмуда Кашгарского [14].

Ахмед, получивший от турок прозвание «отец Ясеви» (Ата Ясеви), имел, по-видимому, большое влияние на распространение среди турок ислама и мусульманского мистицизма. Его стихотворения в мистическом духе на турецком языке получили широкую популярность, и до сих пор им подражают среднеазиатские народные поэты. К сожалению, эти стихи, именно вследствие своей популярности, не дошли до нас в своем первоначальном виде; многочисленные переписчики изменяли язык подлинника в духе своего времени, делали и другие вставки. Таким же образом биография Ахмеда Ясеви известна нам почти исключительно по позднейшим легендарным рассказам. По этим легендам, у Ахмеда Ясеви был турецкий предшественник Арслан-баба или Баб-Арслан (известно, что в Туркестане слово *бāб*, по-арабски 'ворота', употреблялось для обозначения распространителей ислама); сын Арслана, Мансур-Ата, был первым халифом, или преемником, Ахмеда. Сам Ахмед был третьим халифом приехавшего из Хамадана в Туркестан персидского мистика Юсуфа Хамадани, умершего в 1140 г. в Мерве, где он много лет стоял во главе школы мистиков; Юсуф Хамадани, по словам его биографа [15], совершенно не знал по-турецки, что не помешало ему сделать своим учеником основателя турецкого мистицизма. Вторым халифом Юсуфа, т. е. непосредственным предшественником Ахмеда, был шейх Абу Мухаммед Хасан б. Хусейн ал-Андаки, умерший в 1157 г. Об ал-Андаки дает некоторые сведения его современник и знакомый Сам'ани, тогда как об Ахмеде Сам'ани ничего не было известно, и даже нисба Ясеви в словарь Сам'ани, специально посвященный нисбам, преимущественно богословов, не вошла [16].

Культ Ахмеда Ясеви, как турецкого святого по преимуществу, прочно держался на Сыр-Дарье, как показывает великолепное здание, построенное над его могилой в конце XIV в. Тимуром [17]. Среди учеников и преемников Ахмеда был целый ряд мистиков, писавших по-турецки и носивших

[12] Бартольд, ЗВОРАО, т. XVIII, стр. 0188 и сл.

[13] Barthold, *Čimkent*; ⟨наст. изд., т. III, стр. 563—564⟩.

[14] Махмуд Кашгарский, III, 133.

[15] *Рашаḥāт*.

[16] Barthold, *Zu Islam*, *XIII*, S. 106.

[17] ⟨О мавзолее Ахмеда Ясеви см. Засыпкин, *Архитектура Средней Азии*, стр. 89—92.⟩

турецкое прозвание *ата* 'отец', в том числе Хаким-Ата, или Сулейман Бакыргани, деятельность которого была связана с Хорезмом. Подобно Ахмеду, Хаким-Ата оставил сборник мистических наставлений на турецком языке, но не в стихах, как Ахмед, а в прозе. Изречения Хаким-Ата, подобно изречениям Ахмеда, были написаны простым языком и предназначены для широких масс [18].

Жизнь Хорезма в эти века, когда он подвергался процессу отуречения, представляет большой интерес в связи с вопросом, насколько постепенно установившееся в Туркестане преобладание турецкого элемента влекло за собой упадок культуры. Из европейских ориенталистов о роли турок как элемента, враждебного культуре, определеннее всего высказался знаменитый немецкий ориенталист Нёльдеке. По мнению Нёльдеке, завоевание турками государства Саманидов было «одной из самых печальных катастроф в истории этих стран». Нёльдеке вернулся к этому вопросу в недавнее время, в 1924 г., на страницах журнала «Der Islam» и снова подтвердил, что вообще считает вторжение турок в образованный мусульманский мир со времени падения иранского государства Саманидов «всемирно-историческим несчастием первой степени» [19]. В Хорезме мы имеем пример высококультурной страны, где не только установилась власть турок, но даже получил преобладание турецкий язык; между тем трудно было бы привести какие-нибудь факты, которые бы свидетельствовали о более низком культурном уровне Хорезма XIII в. сравнительно с Хорезмом X и XI вв. Сведения о Хорезме, сообщенные Якутом, бывшим там непосредственно перед монгольским нашествием, свидетельствуют о значительном развитии городской жизни и даже о расширении культурной площади, особенно в юго-западной части Хорезма. Из других известий мы знаем, что хорезмийские купцы совершали в Средней Азии еще более отдаленные путешествия, чем прежде, и приобретали влияние в еще более отдаленных странах; в 1218 г. к хорезмшаху Мухаммеду приезжал хорезмиец Махмуд в качестве посла от Чингиз-хана. Очень вероятно, что этот Махмуд — одно и то же лицо с «послом Махмудом», Махмудом Ялавачем, который в монгольскую эпоху был наместником Пекина, тогда как его сын Масʿуд-бек управлял культурными областями Средней Азии. Титул *бек* и чисто турецкие имена двух из сыновей Масʿуда, ستلمش и سیونج, заставляют полагать, что сам он и его отец Махмуд были по языку турками.

О высоте умственной культуры свидетельствует широкое распространение в Хорезме, еще в XI в., рационалистической богословской школы мутазилитов, процветавшей и в XIII в. При этом прибавляется, что богословские споры велись в Хорезме с большим тактом, без проявления

---

[18] ⟨Об Ахмеде Ясеви, Сулеймане Бакыргани и их стихах см.: Залеман, *Легенда про Хаким-Ата*; Боровков, *Очерки*.⟩

[19] Nöldeke, DI, Bd XIV, S. 158.

грубого фанатизма; если кто-нибудь пытался в слишком резких словах отстаивать свое мнение, его тотчас останавливали [20].

Насколько прочно утвердилась в Хорезме мутазилитская школа, видно из того, что она пережила монгольское нашествие, несмотря на то что именно Хорезм, вследствие оказанного им в 1221 г. упорного сопротивления, подвергся со стороны монголов особенно страшному опустошению. Сельскохозяйственная культура, по-видимому, не могла быть восстановлена в полной степени, и культурная площадь еще в XIV в. была менее значительна, чем в домонгольскую эпоху; но столица Хорезма Ургенч, ныне Куня-Ургенч, уже через несколько лет после 1221 г. была восстановлена приблизительно на том же месте и описывается путешественниками монгольской эпохи, мусульманскими и европейскими, как один из главных городов на торговом пути из Передней Азии и Европы на Дальний Восток. Арабский путешественник Ибн Баттута, бывший там в 1333 г., называет Ургенч «одним из самых больших, значительных и красивых турецких городов».

Хорезм и культурно связанные с ним города по нижнему течению Сыр-Дарьи были местом оживленной литературной и научной деятельности как до монгольского нашествия, так и после него. Большое число имен авторов, писавших в Хорезме и соседних с ним местностях, и заглавий их сочинений приводится в истории арабской литературы Брокельмана; насколько мне известно, константинопольские библиотеки дают возможность значительно пополнить эти сведения. Преобладают, конечно, памятники богословской литературы, но и эти памятники представляют интерес не для одних богословов; в одном из них, как мне сообщили, приводятся фразы на хорезмийском языке; надо надеяться, что эти данные скоро будут обнародованы [21]. Среди происходивших из Хорезма или действовавших там ученых XII в. мы видим таких ученых мирового значения, как Замахшари и Шахристани. Разумеется, от таких ученых в то время трудно было ожидать проявления местного или национального (турецкого) патриотизма; но любопытно, что для последнего хорезмшаха, Джелаль ад-дина (он покинул Хорезм в начале 1221 г., в ноябре того же года бежал в Индию, с 1223 г. действовал в Западной Персии и в 1231 г. погиб в войне с монголами), была составлена неким Мухаммедом б. Кайсом, о котором мы никаких других известий не имеем, «большая книга» о турецком языке, по-видимому по-арабски. После сочинения Махмуда Кашгарского это, насколько известно, первый труд о турецком языке; к сожалению, книга Мухаммеда б. Кайса не дошла до нас и существование ее известно только по двум ссылкам писавшего уже при монголах Джемаль ад-дина Ибн Муханны [22].

---

[20] Goldziher, *Aus der Theologie*, S. 222.

[21] 〈См. наст. изд., т. III, стр. 546, прим. 4.〉

[22] 〈О Мухаммеде б. Кайсе см. Köprülü, *Türk dili ve edebiyatı*, ss. 155—161.〉

По-видимому, турки в Хорезме не только усвоили ту высокую для этого времени культуру, которую они там нашли, но воспользовались тем, чему они научились, для дальнейшего развития турецко-мусульманской литературы. Без турецко-хорезмийской культуры домонгольского периода трудно было бы понять то значение, которое в монгольский период имели в истории турецкой литературы Хорезм и вообще Золотая Орда и которое теперь все больше выясняется. Произведение золотоордынского поэта хорезмийского происхождения, относящееся к 1353 г., уже написано на том же литературном языке, который потом, в эпоху Тимуридов, был назван чагатайским; притом оно написано не в Хорезме, откуда происходил автор (его прозвание — Хорезми), но на берегах Сыр-Дарьи [23]. Поэт Хорезми, как выяснилось для меня в Константинополе, имел предшественников; сохранилась рукопись поэтического сочинения, написанного не при Джанибеке, как произведения Хорезми, но для его старшего брата Тинибека (تینی بك خان), который назван царевичем (*шахзаде*), из чего видно, что автор писал еще при его отце Узбеке, т. е. до 1340 г. [24]. Даже в Крыму, где в домонгольский период мусульман, насколько известно, не было совсем, была написана поэма о Юсуфе и Зулейхе, известная нам по старому переводу на южнотурецкий литературный язык [25], возникший в монгольский период и впоследствии названный османским. Были и другие переводы; в Египте в XV в. было переведено на южнотурецкий язык богословское сочинение Абу Насра Серахси, причем и этот перевод был сделан с татарского, т. е. с литературного языка Золотой Орды. На нижнем течении Сыр-Дарьи, в городе Барчкенде, известном также под названиями Барчын и Барчынлыг, во второй половине XIII в. жил ученый факих Хусам ад-дин Хамиди ал-Асими Барчынлыги, писавший сочинения на трех языках, причем, по словам знавшего его лично Джемаля Карши, его сочинения на арабском языке были красноречивыми (*фаṣӣх̣*), на персидском — остроумными (*малӣх̣*), на турецком — правдивыми (*ṣах̣ӣх̣*) [26]. Насколько известно, это — первое в мусульман-

---

[23] Самойлович, *К истории среднеазиатско-турецкого языка*, стр. 17. ⟨Здесь упоминается поэма Хорезми *Мух̣аббат-нāме*; известна версия, записанная уйгурским письмом (Хорезми, *Мух̣аббат-нāме*, изд. Щербака), и версия, записанная арабским письмом (Хорезми, *Мух̣аббат-нāме*, изд. Наджипа); о рукописях *Мух̣аббат-нāме* см. Clauson, *The Muhabbat-nama*; более подробно о творчестве Хорезми и о всей тюркоязычной хорезмийской и золотоордынской литературе, а также библиографическую справку см. Eckmann, *Die kiptschakische Literatur*.⟩

[24] Самойлович, *К истории среднеазиатско-турецкого языка*, стр. 6. ⟨См. теперь Zajączkowski, *Najstarsza wersja turecka*, I—III (факсимильное издание, латинская транскрипция и глоссарий поэмы Кутба *Х̣усрау ва Шӣрӣн*, крупнейшего памятника тюркоязычной золотоордынской литературы).⟩

[25] Издана П. Фалевым по готской рук.; см. Фалев, *Старо-османский перевод*, стр. 139 и сл. ⟨См. также об этой поэме: Самойлович, *Очерки*, стр. 136—137, 149; Боровков, *Лексика тефсира*, стр. 19.⟩

[26] Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 151.

ской литературе сопоставление языков арабского, персидского и турецкого как трех литературных языков мусульманского мира. Сам Джемаль Карши был родом из Алмалыка, где он родился около 1230 г., и впоследствии большею частью жил в Кашгаре; с Хусам ад-дином он познакомился в Барчкенде, куда ездил в 672/1273-74 г.[27]. Рассказ Джемаля Карши показывает, что культура Золотой Орды оказывала влияние на культуру Туркестана еще в XIII в. Факт этого влияния до последнего времени оставался совершенно неизвестным как самим среднеазиатским туркам, так и европейским ученым. Бабур в начале XVI в. полагал, что произведения классического чагатайского поэта Мир Али-Шира Неваи написаны на том же языке, на котором при нем говорили в Фергане, в городе Андижане. Радлов в 1888 г. старался доказать, что Бабур ошибался и что чагатайский язык был искусственным литературным языком, не связанным с местной разговорной речью; но, по мнению Радлова, происхождение этого языка связано исключительно с культурными влияниями с востока на запад, начиная с литературного языка уйгуров (об орхонских надписях тогда не было сведений) и кончая составленной в 1310 г. и написанной, как полагал Радлов, «еще чистым уйгурским языком» книгой о пророках (*Ḳиṣаṣ-и анбийā'*); распространение того же литературного языка в Золотой Орде, о чем свидетельствует язык относящихся к концу XIV в. ярлыков Тохтамыша и Тимур-Кутлуга, Радлов относит, по-видимому, только к XIV в.; по его мнению, ярлыки были написаны человеком, «сведущим в литературном чагатайском языке»[28]. В то время еще нельзя было предполагать, что самый чагатайский язык образовался в связи с культурным влиянием Золотой Орды на Туркестан, а не наоборот[29].

Образование чагатайского литературного языка было бы невозможно без монгольского нашествия. Монгольские завоевания XIII в. занимают, как известно, совершенно исключительное место в мировой истории. Несмотря на частые случаи нашествия кочевников на культурные страны, мы не знаем другого примера, чтобы один и тот же народ в короткое время завоевал культурные государства Дальнего Востока, Передней Азии и Восточной Европы. Естественно, что о монголах писали во всех странах, завоеванных монголами, так что в источниках мы находим о монгольской империи больше материала, чем о большей части других исторических периодов; европейская наука также посвятила монгольской империи больше внимания, чем едва ли не всем прочим историческим государствам средневекового Востока; тем не менее далеко не все вопросы, связанные

---

[27] Бартольд, *Мулхакâт-ас-Сурâх*, стр. 287.

[28] Радлов, *Ярлыки Токтамыша*, стр. 1 и сл.

[29] ⟨В советской тюркологической литературе для тюркского языка, известного по среднеазиатским литературным памятникам XIV—XVI вв., принято название «староузбекский». Об этом языке и его памятниках см. теперь Щербак, *Грамматика староузбекского языка.*⟩

с образованием этой империи, могут считаться выясненными. Так, имеющий для нас самое большое значение вопрос о столкновении между государствами Чингиз-хана и хорезмшаха Мухаммеда рассматривался преимущественно в связи с воинственными планами победителя, Чингиз-хана, причем часто старались доказать, что эти планы были если не вызваны, то поддержаны посторонним влиянием, именно влиянием аббасидского халифа Насира; до сих пор в ученой литературе иногда высказывается мнение, что Чингиз-хана призвал против хорезмшаха халиф. Между тем сопоставление мусульманских известий об этой борьбе приводит к заключению, что война была если не вызвана, то ускорена воинственными планами не Чингиз-хана, а хорезмшаха.

В обязанности «султанов ислама», какими хотели быть последние хорезмшахи, входили не только защита веры и основанной на ней справедливости внутри мусульманского мира, но также, при благоприятных обстоятельствах, освобождение мусульман от владычества неверных. В царствование Мухаммеда этому способствовали упадок государства кара-китайских гурханов и восстания в некоторых из подчиненных им мусульманских областей. Ни о причине, ни о ходе этих восстаний мы не располагаем подробными сведениями. Одним из первых мусульманских владетелей, восставших против гурхана, был, по-видимому, султан Хотана; об этом несомненно турецком и мусульманском владении говорится только по этому случаю; монет, которые бы были чеканены в Хотане в домонгольский период, мы также не имеем. Приблизительно в то же время на противоположной окраине государства гурхана, в Бухаре, против господства гурхана и в то же время против своих местных владетелей выступило само население. Незадолго перед этим Бухара сделалась совершенно независимой от жившего в Самарканде турецкого хана; вся власть перешла к «семье Бурхан» (آل برهان), из которой происходили садры, главы местного мусульманского духовенства; садры были непосредственно подчинены кара-китаям и имели право сами отвозить дань в орду гурхана, т. е. к ним применялась самая мягкая из форм вассальной зависимости, известных в истории кара-китаев и потом в истории монгольской империи. Господство садров было уничтожено народным восстанием, вообще направленным против местной аристократии; во главе восставших был человек из ремесленного класса, которого обвиняют в жестоком преследовании вельмож, чем достаточно выясняется характер восстания. Замечательно, что садры, несмотря на религиозный авторитет, на котором основывалась их власть, обратились с просьбой о поддержке в орду языческих кара-китаев. Кара-китаи исполнили их просьбу, но вместо военной силы могли поддержать их только грамотами, не оказавшими, вследствие общего упадка могущества государства гурхана, никакого действия [30].

---

[30] Сообщения источников см. Barthold, *Turkestan*, p. 355; ⟨наст. изд., т. I, стр. 420; см. также наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 515—518 (там же о новых работах)⟩.

Бухарскими событиями воспользовался хорезмшах Мухаммед для своего первого похода против кара-китаев осенью 1207 г. Можно было ожидать, что им будет поддержано народное движение, также направленное против владычества гурхана, но этого не случилось; предводитель движения, по-видимому не имевший возможности оказать сопротивление войску хорезмшаха, был уведен в плен в Хорезм. Тогда же хорезмшах вступил в переговоры с вассалом гурхана, самаркандским ханом. Два последних владетеля Самарканда из династии Караханидов, Ибрахим и его сын Осман, носили громкий титул «султан султанов» (*султāн ас-салāтӣн*), причем на монетах Ибрахима к этому арабскому титулу присоединено турецкое прилагательное *улуг* 'великий'. Кроме этого и титула Ибрахима, *тамгач-хан*, на монетах обоих ханов нет других признаков турецкого происхождения династии; только из сочинения их персидского современника Ауфи нам известны полные турецкие титулы Ибрахима и Османа — Кылыч Тамгач-хан и Кылыч Арслан-хан хакан. Нет также сведений о том, насколько был значителен турецкий элемент среди войска и подданных обоих ханов. Любопытно, что озеро, куда впадают остатки Зеравшана, уже тогда носило название Кара-куль, из чего можно вывести заключение, что даже в Бухарской области, по крайней мере в местности, ближайшей к пустыне и к Хорезму, уже тогда был некоторый турецкий элемент.

Поход 1207 г. не имел больших результатов; по-видимому, временно завоеванные хорезмшахом области снова должны были подчиниться гурхану. Только осенью 1210 г. хорезмшаху Мухаммеду удалось недалеко от Таласа разбить войско кара-китаев. Победа не была вполне решительной и не привела к объединению вокруг хорезмшаха мусульманских подданных гурхана; хорезмшах даже не мог оказать поддержки восставшим против гурхана жителям Баласагуна. Тем не менее хорезмшах воспользовался своей победой для придания нового блеска своей державе. Он стал называть себя султаном Санджаром, по имени последнего могущественного сельджукского султана; кроме того, он принял имя Искендера, т. е. Александра Македонского, чем ясно показал, что стремится к завоеваниям в мировом масштабе, а не только в той степени, в какой это было необходимо для «султана ислама».

Участь государства кара-китаев, однако, была решена не столько действиями хорезмшаха, сколько прибытием монголов или, как их называли в то время, татар, причем сначала пришли, по выражению историка Ибн ал-Асира, «первые татары», вытесненные из Монголии Чингизханом, потом — войска самого Чингиз-хана.

Историк Рашид ад-дин связывает широкое распространение в домонгольский период народного названия *татар* с могуществом татар в собственном смысле слова, живших около озера Буир-Нор. Теперь мы знаем, что название *татар* было широко распространено гораздо раньше, начиная с эпохи орхонских надписей, т. е. с VIII в.; в X в. мы видим его в рукописи Туманского, в XI в. — у Махмуда Кашгарского. По всей

вероятности, так с самого начала назывались народы, говорившие на монгольском языке. Из данных, приведенных у Рашид ад-дина и в других источниках, можно заключить, что граница между районами господства языков монгольского и турецкого проходила тогда приблизительно там же, где проходит теперь. По-монгольски говорили найманы, владевшие Западной Монголией от Орхона до верхнего Иртыша, и даже их северные соседи ойраты у истоков Енисея, причем эти истоки назывались Секиз-мурэн, что указывает на смешение здесь монгольского языка с турецким (*секиз* — турецкое числительное 'восемь', *мурэн* — монгольское 'река'). К северу от ойратов на Енисее, или Кеме, как река всегда называлась турками, жили говорившие по-турецки киргизы; соседями найманов на Иртыше были говорившие по-турецки канглы и кипчаки, может быть карлуки, центром которых был возникший не ранее XII в. город Каялык в северной части Джетысуйской области. Монгольские народности занимали с юга на север пространство от китайской стены по крайней мере до Байкала и находились на различных степенях культурного развития; китайцы различают белых татар на юге, по соседству с Китаем, черных татар дальше к северу и диких татар, или, как их называли сами монголы, «лесные народы», на крайнем севере; в отличие от черных татар, эти народы были не кочевниками, а звероловами. В этом отношении сведения о монголах XIII в. богаче и разнообразнее, чем более ранние сведения о турках. Ни в китайских, ни в других источниках не говорится, были ли рядом с турками-кочевниками турки-звероловы, вообще каковы были в то время отношения между степняками и лесными народами; исключение представляют только несколько слов у Гардизи о киргизах и их восточных соседях. Из сочинения Рашид ад-дина мы узнаем, что шаманизм был первоначально религией не кочевников, а звероловов и еще в то время самыми искусными шаманами считались шаманы, жившие в северных, лесных областях. По поводу обладавшего особой шаманской силой племени лесных урянхитов у Рашид ад-дина приводится рассказ, из которого видно, что звероловy жизнь кочевника представлялась таким же невыносимым рабством, как кочевнику — жизнь оседлого земледельца [31].

Преимущественно среди кочевников Монголии происходили те междоусобия, которые предшествовали объединению Монголии под властью Чингиз-хана [32], хотя ими отчасти завоевывались и лесные народы. Основной чертой этих междоусобий, как теперь доказано, была борьба между степной аристократией, во главе которой стоял Чингиз-хан, и народными массами, объединившимися вокруг прежнего друга Чингиз-хана, потом разошедшегося с ним, Чжамухи, принявшего, по примеру кара-китайского государя, титул *гурхан*. Чжамухе удавалось создавать для

---

[31] Рашид ад-дин, изд. Березина, I, текст, 114.

[32] Подробно о Чингиз-хане см. Barthold, *Čingiz-Khān*; ⟨ниже, стр. 615—628⟩.

Чингиз-хана все новых врагов среди ханов и предводителей отдельных монгольских народностей; но борьба кончилась отчасти истреблением, отчасти бегством из Монголии всех приверженцев и союзников Чжамухи.

Последняя битва с Чингиз-ханом, в которой принимал участие Чжамуха, относится к 1204 г.; в 1205 г. Чжамуха, по монгольским известиям, был выдан Чингиз-хану и казнен. Любопытно, однако, что историк Джувейни говорит о каком-то богатыре Гурхане, находившемся на службе у Чингиз-хана, перешедшем на сторону мусульман и убитом при взятии монголами Бухары в 1220 г.[33]. Возможно, что Чжамуха, вопреки монгольскому преданию, нашел убежище во владениях хорезмшаха.

Из монгольских врагов Чингиз-хана на запад удалились мергиты, жившие на Селенге, и найманы. Те и другие в последний раз были разбиты самим Чингиз-ханом в 1208 г.; после 1209 г. они разделились; мергиты направились более северным путем и пришли в страну кипчаков, найманы — в страну кара-китаев. Как мергиты, так и найманы подверглись перед этим влиянию христианской пропаганды; найманы сверх того, как мы видели, усвоили от уйгуров письменность. О культурном влиянии турок на монголов говорят и многие другие факты, в том числе большое число турецких собственных имен и титулов у народов монгольского происхождения. О мусульманской пропаганде, несмотря на присутствие в орде Чингиз-хана мусульманских купцов, притом еще до его выступления из Восточной Монголии, известий нет. Едва ли не единственное указание, что уже при Чингиз-хане были монголы-мусульмане, мы находим в имени одного из мергитских предводителей, брата жены Чингиз-хана — Джемаль-ходжа [34].

Во время борьбы с мергитами и найманами Чингиз-хану в 1207 г. подчинился первый турецкий народ — киргизы на Енисее; впоследствии они восстали против него и в 1218 г. были усмирены старшим сыном Чингиз-хана, Джучи, перешедшим через Енисей по льду. В то время уже не было, как в VIII в. и по известиям арабских географов, киргизского хакана; народ разделялся на две части, имевшие каждая своего предводителя; ни тот, ни другой не назывался ханом. Впоследствии киргизы даже утратили воспоминание о том, что у них когда-либо были ханы. Радлов слышал у кара-киргизов предание, по которому киргизы обратились к «великому хану», т. е. Чингиз-хану, с просьбой дать им в князья своего сына Джучи; Джучи, в то время маленький мальчик, попал в стадо куланов (диких ослов) и был уведен ими; Аксак ('хромой') Кулан-Джучи-хан был первым и последним ханом киргизов. Несмотря на фантастичность рассказа, в нем сохранилось воспоминание о подчинении Чингиз-хану и его сыну Джучи. Даже рассказ о куланах, может быть, представляет отголосок предания о стихах, будто бы произнесенных Чин-

---

[33] Джувейни, изд. Казвини, I, 80 (чтение *Гурхан* ненадежное).

[34] Рашид ад-дин, изд. Березина, I. текст, 96; II, текст, 197.

гиз-ханом на турецком языке в 1227 г., после получения известия о смерти Джучи: «Подобно кулану, лишившемуся (вследствие преследования охотниками) своего детеныша, я разлучен со своим детенышем; подобно разлетевшейся в разные стороны стае уток, я разлучен со своим героем-сыном».

قولون الغان قولاندای * قلونومدن ایرلدیم
ایرلیشقان انقودی * ایر اولومدن ایرلدیم[35]

В 1209 г., за год до победы хорезмшаха над кара-китаями, Чингиз-хану подчинился предводитель другого, более культурного турецкого народа—идикут уйгурский, до тех пор находившийся в вассальной зависимости от кара-китайского гурхана. Этот факт находился в связи с преследованием бежавших на запад врагов Чингиз-хана; мергиты и найманы хотели пройти через владения идикута, но встретили с его стороны сопротивление и были разбиты, что более всего способствовало отделению друг от друга этих двух народов, до тех пор действовавших сообща. В 1211 г., через год после победы хорезмшаха, объявившего себя освободителем мусульман от ига неверных, подданным Чингиз-хана признал себя другой вассал гурхана, мусульманский владетель карлукский Арслан-хан.

Этот факт свидетельствует об упадке авторитета хорезмшаха даже среди мусульман Средней Азии. Вообще личные качества хорезмшаха как государя находились в полном противоречии с его громкими титулами и внешним блеском его державы; в покоренных странах он совершенно не был в состоянии сдерживать свое войско и защищать население от притеснений воинов. Этим объясняется такой характерный факт, как разрыв в 1212 г. между хорезмшахом и самаркандским ханом, вновь перешедшим на сторону кара-китаев. В рассказе Джувейни о переговорах, предшествовавших этому разрыву, интересна подробность, что после женитьбы самаркандского хана на дочери хорезмшаха мать хорезмшаха, желая подольше удержать хана в Ургенче, ссылалась на турецкий обычай, по которому зять первый год после брака должен был прожить в доме тестя. Вернувшись в Самарканд, хан в полном согласии с жителями своей столицы поднял восстание против своих мусульманских освободителей, и хорезмшаху пришлось подавить это восстание потоками крови.

После этого границей владений хорезмшаха сделалась местность по Сыр-Дарье (в том числе и правое побережье) на всем пространстве от Ферганы до Аральского моря; остальные мусульманские области, прежде подчинявшиеся кара-китаям, за исключением подчинившегося Чингиз-хану карлукского владения, перешли под власть предводителя пришедших с востока найманов, Кучлука, христианина, по некоторым известиям перешедшего в государстве кара-китаев к идолопоклонству, т. е., ве-

---

[35] Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 163 и сл.

роятно, к буддизму. По-видимому, Кучлук завладел государством гурхана в 1211 г., еще до восстания против хорезмшаха самаркандского хана. Хорезмшах вступил в борьбу с Кучлуком, но не имел успеха; по словам Ибн ал-Асира и Якута, он был вынужден отказаться в пользу Кучлука от некоторых уже занятых им областей, именно от Исфиджаба (Сайрама), Ташкента и северной части Ферганы; покидая эти области, он будто бы опустошил их и увел с собою население. Может быть, таковы были намерения хорезмшаха, но едва ли ему удалось вполне осуществить их; то состояние, в котором находились эти области менее десяти лет спустя, в эпоху монгольского нашествия, не свидетельствует о полном опустошении.

Замечательно, что, несмотря на отдаленность Монголии от Туркестана, несмотря даже на то, что монголы с 1211 г. были заняты войной с Китаем, авторитет Чингиз-хана оказывался в мусульманской Средней Азии сильнее авторитета «султана ислама». В это время образовалось новое мусульманское княжество в городе Алмалыке (в Кульджинском крае), возникшем, по-видимому, незадолго перед тем. Основатель этого княжества был прежде разбойником и конокрадом, что не помешало ему сделаться родоначальником династии, существовавшей еще в начале XIV в. С самого начала он подчинился Чингиз-хану; впоследствии Кучлуку удалось захватить его на охоте и убить, но вдове убитого удалось отстоять от войска Кучлука Алмалык до прибытия помощи из Монголии. Против другого вассала Чингиз-хана, Арслан-хана карлукского, Кучлук, по-видимому, ничего не предпринимал. Все свои силы он направил против Кашгарии; после завоевания им этой области там, в первый и последний раз в истории Средней Азии, произошло гонение против ислама; говорится о приказе мусульманам принять одежду кара-китаев, о запрещении мусульманского богослужения, о казни одного из имамов в Хотане, о помещении в мусульманских домах найманских воинов, которые, очевидно, должны были следить за строгим исполнением приказов правительства. И в этом случае мусульмане не получили никакой помощи от «султана ислама» и освободились от притеснителей только в 1218 г. благодаря приходу монгольского войска.

Хорезмшах в это время продолжал войну с неверными, но направлял свои удары против менее сильных и организованных врагов — кипчаков в местности к северу от Сыр-Дарьи. Здесь, около Иргиза, произошло более или менее случайное столкновение между хорезмийским войском и монголами под предводительством Джучи, преследовавшими остатки мергитов.

Несмотря на свои неудачи, хорезмшах продолжал мечтать о славе мирового завоевателя, надеялся со временем овладеть Китаем и потому был огорчен известием о взятии в 1215 г. Чингиз-ханом Пекина. Чтобы проверить это известие и вообще собрать известия об успехах Чингиз-хана, им был отправлен посол Беха ад-дин Рази, заставший Чингиз-хана

еще в Китае. Рассказ об этом посольстве передается историком Джузджани со слов самого посла и не вызывает никаких сомнений; следовательно, не халифом Насиром, а самим хорезмшахом было отправлено посольство к монгольскому завоевателю.

Известно, как сложились дальнейшие события, как к Чингиз-хану, независимо от посольства, пришел из государства хорезмшаха торговый караван, как потом были отправлены из Монголии ответное посольство и ответный караван, как хорезмшах принял посольство и потом ночью отдельно посла-хорезмийца, Махмуда, и как купцы, все мусульмане, были перебиты в пограничном городе владений хорезмшаха, Отраре. Особенно характерно требование хорезмшаха, чтобы Махмуд, как хорезмиец, признал себя естественным подданным султана и сообщил ему все нужные сведения о государстве Чингиз-хана. С точки зрения современного европейца, такое требование кажется вполне естественным, и, например, английское правительство не поколебалось бы предъявить его ко всякому англичанину, который бы случайно находился на службе в стране какого-нибудь дикого или полудикого народа; но средневековые мусульманские купцы не считали себя связанными с правительством тех областей, откуда они вышли, и не видели основания содействовать осуществлению воинственных планов мусульманских государей. Очень вероятно, что эти обстоятельства были одной из причин гибели в Отраре прибывших из Монголии мусульманских купцов. Во всяком случае, поход монголов на государство хорезмшахов после отрарского события был совершенно неизбежен, и ни в каком призывании монголов халифом Насиром или кем-нибудь другим не было надобности. При враждебных отношениях между халифом и хорезмшахом слухи о таких действиях халифа должны были возникнуть; мы знаем, что такое обвинение высказывал против халифа уже сын и преемник хорезмшаха Мухаммеда, Джелаль ад-дин, но доказательств у него не было. Поход Чингиз-хана на мусульманские земли был прямым последствием отрарского события; столь же естественно, что мусульманские купцы оказывали полное содействие Чингиз-хану и потом, как мы увидим, извлекли больше всего выгоды из порядков, создавшихся после победы монгольских войск.

IX

Известия о событиях, непосредственно предшествовавших монгольскому нашествию на Туркестан, несколько противоречивы; известия источников и мнения ученых расходятся даже по вопросу, произошло ли вооруженное столкновение между войском хорезмшаха и войском Джучи, кончившееся отступлением монголов, до или после отрарского события. В государстве хорезмшаха Мухаммеда была значительная поэтическая литература, преимущественно на персидском языке, касавшаяся и политических событий; но эта литература известна нам только по кратким ссылкам и цитатам. Сюда относятся: приведенные у Якута арабские стихи, сочиненные от имени самого хорезмшаха Мухаммеда, о разорении покинутых им окраин Мавераннахра [1]; слова Ауфи о составлявшейся поэтом Меджд ад-дином Мухаммедом Паизи в городе Неса (в нынешнем Туркменистане, к западу от Ашхабада) поэме в эпическом стиле (*Шāхāн-шāх-нāме*) о событиях царствования хорезмшаха [2]; приведенные тем же Ауфи стихи поэта Омара Хурремабади, с прославлением хорезмшаха как второго Александра, где, между прочим, говорится: «Знай, что со стороны Китая было бы ошибкой (игра слов خطاى и خطا) искать столкновения с твоим войском; если он искал его, то, без сомнения, он испытал последствия невежества. (Ясно), как день, что если татары не подчинятся твоему повелению, то для всех их день тотчас станет мрачной ночью» (игра слов: تتار и تار) [3]. Неизвестно, говорится ли здесь о столкновении с Чингиз-ханом и его монголами или о столкновении с «первыми татарами» — Кучлуком и найманами.

Столкновение около Иргиза не имело дальнейших последствий; нападающей стороной в этом случае был хорезмшах. Ни то, ни другое войско не ожидало этой встречи; хорезмшах воевал в этой местности с кипчаками, Джучи — с мергитами; Джучи даже велел передать хорезмшаху, что не имеет от своего отца поручений вступить с ним в борьбу, но получил ответ, что султан одинаково считает своими врагами всех неверных. Когда война сделалась для хорезмшаха оборонительной, она стала рас-

---

1 Якут, *Му'джам*, I, 250; III, 234.

2 Ауфи, *Лубāб ал-албāб*, II, 345.

3 Там же, I, 202.

сматриваться как защита областей ислама от нашествия неверных, хотя причиной войны было убиение в государстве хорезмшаха мусульманских купцов и хотя в 1218 г. монгольский полководец восстановил в Кашгарии свободу мусульманского богослужения; кроме того, в монгольском войске были мусульманские отряды из Каялыка и Алмалыка, не говоря уже о находившихся на службе у Чингиз-хана мусульманских купцах. Среди последних в то время, наверное, кроме таджиков, были и турки; монголы называли всех купцов турецким словом *ортак* [4] 'товарищ', очевидно потому, что купцы для снаряжения караванов соединялись в товарищества.

Войско хорезмшаха состояло из представителей разных национальностей. Характерно, что в гарнизоне главного города Мавераннахра, Самарканда, число турок и таджиков, по словам Джувейни, было почти одинаково (60 000 турок, 50 000 таджиков). Возможно, что на стойкости этого войска несколько отражалась национальная рознь. По поводу отношений в начале XIII в. между Хорезмом и чисто иранской областью, Мазандераном, один из историков замечает, что настоящей дружбы между турком и таджиком быть не может [5]. Еще более характерно столкновение в Газне между турками и уроженцами иранской горной области Гур; предводитель турок хотел достигнуть соглашения с предводителем гурцев, но получил ответ: «Мы — гурцы, а вы — турки, вместе жить мы не можем» [6].

Монголам турки, конечно, были ближе представителей других национальностей; кроме того, в войске Чингиз-хана было несколько турецких отрядов; наконец, турок сближали с монголами общие среднеазиатские кочевые традиции; тем не менее мы не видим со стороны монголов попытки объединиться с турками и сделать их участниками своих завоеваний. Если с турками иногда велись переговоры, то это была только обычная для монголов военная хитрость: посредством ложных уверений в дружбе они разъединяли своих врагов, чтобы потом уничтожить одних после других, в том числе и тех, которых раньше называли своими друзьями и союзниками. Чингиз-хан даже уверял в своей дружбе мать хорезмшаха Мухаммеда, в то время находившуюся во вражде со своим сыном, чтобы удержать царицу, в распоряжении которой были многочисленные отряды турок, от вмешательства в войну. Во время осады Самарканда монголы согласились принять к себе на службу турецкую часть гарнизона, во главе которой был дядя хорезмшаха, брат его матери; но после взятия города все эти турки, будто бы в числе 30 000 человек, под начальством 20 предводителей, были окружены на ровном месте и истреблены. Таким же образом монголы в Дагестане, где против них выступили аланы в союзе

---

[4] Barthold, *Čingiz-Khān*, S. 893; ⟨см. ниже, стр. 618⟩.

[5] Захир ад-дин Мар'аши, 253 и сл.

[6] Джувейни, изд. Казвини, II, 193; Barthold, *Turkestan*, p. 439; ⟨наст. изд., т. I, стр. 506—507⟩.

с кипчаками, сказали кипчакам, как туркам: «Мы и вы одного рода, а эти аланы не из ваших, так что вам нечего помогать им». Получив от монголов подарки, кипчаки покинули алан, но после победы над аланами монголы тотчас обратились против кипчаков и отняли у них вдвое больше, чем раньше дали. Когда половцы, т. е. кипчаки, нашли помощь у своих постоянных врагов, русских, монголы стали уверять и русских князей, что не собираются нападать на русскую землю, а пришли только против своих «холопов и конюхов, поганых половцев» (выражение русского летописца), причинивших и русским много зла. Таким же образом монголы в Передней Азии некоторое время вели переговоры с теми же владетелями, которые потом были уничтожены монгольским нашествием, например с исмаилитами и багдадским халифом. Султан Джелаль ад-дин, по-видимому в 1226 г., послал из Исфахана приказ своему везиру, действовавшему в Азербайджане, — обыскивать караваны, приходившие из Сирии, так как, по дошедшим до него сведениям, в Сирию отправился через Багдад вместе с исмаилитскими купцами татарский посол; Джелаль ад-дину нужны были доказательства, на основании которых он мог бы упрекать отдельных князей и правительство халифа в сношениях с татарами. Никаких доказательств добыто не было, хотя везир не остановился не только перед обысками, но и перед истреблением исмаилитских караванов, чем поставил потом в затруднительное положение своего государя [7]. Слухи о переговорах тем не менее могли соответствовать действительности.

Хорезмшах Мухаммед, погибший, как известно, в конце 1220 г. на одном из островов Каспийского моря, так мало проявил себя в борьбе с монголами, что монголам оставалось неизвестным даже его имя; все действия правительства хорезмшаха во время войны и до нее, в том числе и убиение купцов в Отраре, приписываются монгольскими источниками сыну и преемнику Мухаммеда, Джелаль ад-дину. Бегство Джелаль ад-дина в Индию в конце ноября 1221 г. в сущности положило конец борьбе, хотя еще в следующие годы говорится об усмирении некоторых восстаний и взятии некоторых горных крепостей. Летом 1223 г. Чингиз-хан покинул Туркестан и лето 1224 г. провел на Иртыше. Еще при жизни Чингиз-хана, умершего в 1227 г., Джелаль ад-дин вернулся в Иран; некоторое время спустя, в 1228 г., монголы одержали над ним победу недалеко от Исфахана, но понесли такие потери, что должны были очистить Иран; отряды Джелаль ад-дина преследовали их до Аму-Дарьи; но никаких попыток поколебать власть монголов в Хорезме и Мавераннахре сделано не было.

Монгольские завоевания, по всем известиям, были связаны со страшным избиением населения. Европейскими учеными обыкновенно принимается в расчет только избиение кочевниками жителей культурных стран;

---

[7] Несеви, *Сӣрат Джелāль ад-дӣн*, I. 158.

на самом деле политическое объединение кочевников и в этом случае, как во всех других, было достигнуто только после долгой и кровавой борьбы, иногда связанной с систематическим истреблением целой народности, так что трудно было бы сказать, было ли истреблено войском Чингиз-хана больше народа в степи или в культурных странах. Столь же трудно было бы доказать, что монгольские завоевания принесли только выгоду кочевникам и только ущерб оседлому населению. Монгольские походы не были связаны, как, например, сельджукское нашествие на Переднюю Азию, с переселением целого народа; подавляющее большинство монголов осталось в Монголии, куда вернулся и сын Чингиз-хана и где после него еще более тридцати лет было местопребывание его преемников. В области государственного права был перенесен господствовавший в частном праве принцип, по которому отец при жизни выделял одного за другим старших сыновей и оставлял свое основное имущество младшему сыну; поэтому коренной юрт [8] Чингиз-хана, Монголия, перешла к его младшему сыну, Тулую. Монгольская регулярная армия состояла из 129 000 человек, из которых Тулуй получил 101 000; эти цифры наглядно показывают, как ничтожно было число ушедших в другие страны монголов по сравнению с оставшимися в Монголии.

Обширные завоевания к западу от Монголии были поделены между тремя старшими сыновьями Чингиз-хана, причем каждый из них получил из регулярной армии всего 4000 человек (остальные 15 000 были розданы другим членам ханского рода). Границы владений каждого сына были определены только в самых общих чертах. Как к младшему сыну должен был перейти отцовский юрт, так старший сын, Джучи, должен был получить самые отдаленные из завоеванных земель; поэтому удел Джучи по мере успехов Чингиз-хана все более передвигался на запад. В то время, когда Чингиз-хан владел только Монголией, уделом Джучи были земли к западу от Селенги; во время побед на западе предполагалось, что в состав удела Джучи войдут земли «до тех пределов, до которых дойдут копыта монгольских коней». При жизни Чингиз-хана сюда вошли кипчакские степи к западу от Иртыша, в том числе и та местность, где были истреблены остатки мергитов, до границ царства волжских болгар. После смерти Чингиз-хана в состав владений потомков Джучи вошли также это царство и все русские княжества (вторжение монголов в Польшу, Венгрию и другие западноевропейские области не привели, несмотря на целый ряд побед, к прочным завоеваниям). Потомками Джучи предъявлялись также притязания на земли к югу от Кавказа и к западу от Каспийского моря; эти притязания были одной из причин частых войн между потомками

---

[8] Слово *юрт* означает 'страна', 'владение'; в современном османском ⟨турецком⟩ языке также 'родина'. Лишь в русском языке слово *юрта* получило значение 'кибитка кочевника'. ⟨Ср., однако, Малов, *Памятники*, стр. 390: *юрт* 'дом' в древнетюркском наряду с *юрт* 'земля', 'страна', 'родина'. О термине *юрт* в монгольском см. Владимирцов, *Общественный строй монголов*, стр. 57—58.⟩

Джучи и тем государством, которое в 1250-х годах было образовано монголами в Персии. Во время действий во владениях кара-китаев и хорезмшаха, от Иртыша и на запад до Аму-Дарьи и дальше, о присоединении этих земель к владениям Джучи не говорится, за исключением городов по нижнему течению Сыр-Дарьи и Хорезма. Именно потому, что Хорезм должен был войти в состав его владений, Джучи в 1221 г. старался, хотя и безуспешно, спасти Ургенч от угрожавшего ему разорения. Большой интерес представляет факт объединения под одной государственной властью бассейна Волги и низовьев Аму-Дарьи, между которыми и прежде была тесная культурная связь, но которые никогда, ни раньше, ни после (до завоевания Туркестана русскими), не входили в состав одного и того же государства. В первой половине XIV в. Хорезм был даже теснее связан с бассейном Волги, чем с местностью по Сыр-Дарье; при хане Узбеке монеты с именем этого хана одинаково чеканились в городах бассейна Волги и в Хорезме, тогда как в Сугнаке в это время чеканились монеты с именем другого хана, хотя тоже происходившего из рода Джучи. В состав владений Джучи и его дома первоначально входили также северные окраины империи кара-китаев: часть Джетысуйской области с городом Каялыком и вообще вся местность от Иртыша к оз. Ала-куль и дальше к Или и Сыр-Дарье. Во время путешествия Плано Карпини в 1246 г. в восточной части этого района, вероятно недалеко от Иртыша, жил старший сын Джучи, Орда; западная часть, вероятно область между Или и Сыр-Дарьей, принадлежала младшему сыну Джучи, Шибану; мусульманским преданием это имя впоследствии было переделано в Шейбан, вследствие чего в начале XVI в. потомок Шибана, основатель узбекского государства в Туркестане, принял поэтическое прозвище Шейбани, совпадающее с названием арабского племени, более известным как прозвище (нисба) знаменитого факиха ханифитского толка, ученика Абу Ханифы и Абу Юсуфа. Очень вероятно, что это популярное в мусульманском мире имя было причиной переделки имени Шибан в Шейбан и появления имени Шейбани [9].

По преданию, приведенному у Абулгази, Шибан получил от своего брата Батыя [10] земли между владениями самого Батыя и владениями Орды, с тем чтобы он проводил лето на берегах Иргиза, Ори, Илека и вообще к востоку от Яика и Уральских гор, зиму — в Кара-куме, Ара-куме (?), на берегах Сыр-Дарьи, Чу и Сары-су.

Абулгази — поздний автор (XVII в.) и не называет своих источников; но в общем его известия, как мы видели, находятся в согласии со словами современника Орды, Батыя и Шибана — Плано Карпини. Потомки Шибана действовали и в других местах; по Рашид ад-дину, внук

---

[9] О Шейбанидах см. Barthold, *Shaibaniden*; <наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 545—548>.

[10] О нем см. Barthold, *Batu-Khān*, S. 709; <ниже, стр. 496—500>.

Шибана стоял во главе караула на Тереке[11]; но владения Шибана оставались до XV в. в руках его потомков, генеалогия которых приводится, без особенно значительных разногласий, у Абулгази и у анонимного историка XV в., автора генеалогического сочинения *Му'изз ал-ансāб*. Из всех частей, на которые распались владения Джучи, во владениях потомков Шибана более всего преобладала кочевая жизнь; тем не менее и здесь в течение более 200 лет власть могла оставаться в руках членов одного и того же ханского рода — явление довольно редкое у кочевников. Менее всего затронутые городской культурой, потомки Шибана остались более всего верны воинственным традициям кочевников и потому могли выступать в роли завоевателей в такое время, когда могущество династии Чингиз-хана почти везде находилось в полном упадке.

Вместе с некоторыми другими аналогичными фактами этот факт говорит против мнения Радлова, объясняющего продолжительность существования монгольской империи, сравнительно с другими кочевыми государствами, только тем, что в состав этой империи вошло много значительных государств оседлых народов и потому она распалась не на союзы кочевых племен, но на культурные государства, стоявшие под властью потомков Чингиз-хана: Китай, Среднюю Азию, Персию и т. п.[12]. На самом деле господство потомков Чингиз-хана оказалось прочнее всего там, где они менее всего могли опираться на государственные традиции домонгольского периода — в кипчакских степях, в бассейне Волги и в Крыму. По-видимому, для прочности государственного порядка созданная гением Чингиз-хана военная организация имела не меньше значения, чем те советы в области гражданского управления, которые могли быть получены от представителей оседлой культуры.

Последние были, конечно, склонны преувеличивать то влияние, которое они имели на ханов, и благодетельные последствия этого влияния. В особенности это относится к китайцам, не признававшим культуры, кроме своей собственной, и представлявшим себе прогресс только в виде усвоения начал китайской культуры. Этим объясняется та роль, которую приписывают китайские известия министру Елюй Чу-цаю, китайцу по образованию, но не по происхождению (он был из кара-китаев). Из китайских источников можно было бы вывести заключение, что Елюй Чу-цай был истинным устроителем монгольской империи; взгляд китайцев, несмотря на полное отсутствие сведений о Елюй Чу-цае в некитайских источниках, был принят и новейшим европейским издателем Рашид ад-дина, Блоше; по его представлению, только Елюй Чу-цай объяснил монгольским ханам, что нельзя ограничиваться избиением и порабощением населения культурных стран. Влиянию Елюй Чу-цая и вообще представителей китайской культуры, по словам Блоше, не подверглось

---

[11] Рашид ад-дин, изд. Блоше, 117.

[12] *Кутадгу билик*, изд. Радлова, I, стр. LVI.

только государство Джучи, и потому оно осталось погруженным в «невыразимое варварство» (dans une barbarie sans nom) [13].

На самом деле западная часть владений Джучи, где правил его второй сын Батый (Бату), считавшийся также верховным владыкою всего удела своего отца, достигла при монголах значительной степени культуры. Довольствуясь взиманием дани с русских князей и назначением при них, в первое время, своих представителей, монголы поселились в уничтоженном ими государстве волжских болгар. При возвращении из России к Чингиз-хану в 1223 г. монголы были окружены болгарами и должны были проложить себе путь с большими потерями; за это они отомстили в 1236 г., когда им удалось завоевать государство болгар и разрушить их столицу. Разрушенный город скоро был восстановлен; все постройки и надписи, сохранившиеся в нем теперь, относятся к эпохе монгольского владычества. Город Болгар был некоторое время единственным во владениях дома Джучи, где чеканились монеты монгольских ханов. Из надписей видно, что население еще в начале XIV в. сохраняло свой прежний, домонгольский язык, остатком которого является теперь чувашский; но постепенно оно должно было подвергнуться влиянию турецкого языка кипчаков, постепенно сделавшегося государственным языком и здесь, как в монгольской Средней Азии. Города, основанные в XIV в. на среднем течении Волги при монголах, как Казань, по всей вероятности, с самого начала были чисто турецкими. На нижнем течении Волги новые города устраивались уже при Батые. Монах Рубрук на пути в Монголию в 1253 г. видел на Волге «новый поселок, который татары устроили вперемежку из русских и сарацинов (мусульман), перевозящих послов как направляющихся ко двору Батыя, так и возвращающихся оттуда». Имеется в виду известный впоследствии Укек близ Саратова. При возращении из Монголии, в 1254 г., Рубрук упоминает «новый город, построенный Батыем на Этиле» (Волге), — Сарай. Сам Рубрук проехал через Сарай, но говорит только, что «Сарай и дворец Батыя находились на восточном берегу»; ни город, ни дворец не описываются. Вблизи тех же мест, на среднем рукаве Волги, был какой-то город домонгольского периода Суммеркент; монголы будто бы осаждали этот город восемь лет.

Город Суммеркент не упоминается ни в каких других источниках; остается неизвестным, какой национальности он принадлежал и можно ли отожествить его, как иногда предлагалось, с Саксином, городом, находившимся, по словам автора XII в. Абу Хамида Гарнати, в руках огузов [14]. Местоположение Саксина также остается спорным, но чаще всего его искали при устье Яика или Волги (Саксин XII в. в таком случае не имеет

---

[13] Blochet, *Introduction*, p. 217. ⟨О Елюй Чу-цае и его деятельности см. теперь Мункуев, *Китайский источник*.⟩

[14] Закария Казвини, II, 402 и сл. Этого известия нет в тексте Гарнати, опубликованном Г. Ферраном.

ничего общего с тем Саксином, который упоминается у Махмуда Кашгарского как болгарский город, тождественный с Суваром)[15]. Нигде, впрочем, не говорится, чтобы монголы встретили в Саксине продолжительное сопротивление.

Сарай — персидское слово, рано перешедшее к туркам и встречающееся уже в *Кутадгу билик*. При монголах так обыкновенно назывались ханские дворцы, и это же название переносилось на возникавшие около дворцов города. Так возникли селение Сарай на Аму-Дарье, выше Термеза, Сарай на Волге и Бахчисарай в Крыму. О местоположении приволжского Сарая в научной литературе были споры; в связи с упоминанием на монетах и в некоторых письменных источниках Нового Сарая обсуждался также вопрос, принадлежало ли название Сарай двум городам или только одному. Судя по данным Рубрука, первоначальный Сарай, построенный Батыем, находился там, где теперь развалины вокруг селения Селитренного, другой Сарай, связывавшийся с именем брата Батыя, Берке, находился на месте Царева[16] и имел, судя по сохранившимся там развалинам и по сделанным во время раскопок находкам, гораздо большее значение в истории. Еще в настоящее время делаются попытки доказать[17], что на месте Селитренного находился не только Сарай Батыя, но и Сарай Берке и что Новый Сарай на месте Царева возник только при Узбеке и получил дальнейшее развитие при Джанибеке; между тем в источниках Сараем Берке называется именно Сарай, существовавший при Узбеке. До нас дошла монета, чеканенная в Новом Сарае в 710/1310-11 г. до воцарения Узбека; кроме того, в Константинополе, как мне сообщили, имеется рукопись богословского сочинения, написанного в Новом Сарае в 705/1305-06 г. Эпитет «новый» (по-арабски الجديد) встречается на монетах в эпоху монгольского владычества в Южной России при таком большом числе городов, что трудно предположить, что во всех этих случаях были два города, старый и новый, носившие одно и то же имя; гораздо более вероятно, что при расширении города новые кварталы рассматривались как «новый» город.

В противоположность восточным областям владений Джучи, в государстве преемников Батыя и Берке все более развивалась городская жизнь. Мы видим целый ряд городов, в которых чеканились монеты; особенно замечательно, что каждый город выработал свой тип монеты. Ценность монеты была приблизительно одинакова, и в этом отношении мы видим в монгольский период больше единообразия, чем когда-либо

---

[15] Махмуд Кашгарский, I, 365. См. также Marquart, *Ein arabischer Bericht*, S. 275. Вопрос о местоположении Саксина оставил нерешенным и французский ученый Г. Ферран, издавший в 1925 г. текст Гарнати (см. JA, t. CCVII). ⟨О Гарнати и его сочинениях см.: Крачковский, *Арабская географическая литература*, стр. 299—302; Монгайт, *Абу Хамид ал-Гарнати*; Hrbek, *Arabico-Slavica*, I.⟩

[16] ⟨Ныне Ленинск.⟩

[17] Литературу см. Barthold, *Sarāy*; ⟨наст. изд., т. III, стр. 483—484⟩.

раньше или после. Во всех государствах, образованных монголами, кроме Китая, постепенно установилась серебряная монетная система, причем большие серебряные монеты назывались динарами, мелкие дирхемами; динар равнялся шести дирхемам. В государстве потомков Джучи для дирхема был установлен вес в $^1/_3$ золотника (мискаль), и этот же вес был потом принят в Средней Азии и в Персии, в чем особенно наглядно проявляется то значение, которое имели в то время для международной торговли области государства потомков Джучи, в особенности Хорезм. Но по отношению к внешнему виду монет, характеру надписей, внешней форме букв, орнаменту и т. п. в каждом городе были свои традиции. В связи с этим возникает вопрос, насколько по культурной жизни отдельных городов можно судить о культурном состоянии государства потомков Джучи в целом. На основании находок, сделанных за последнее время в Сарае и в других местах, стали говорить о культуре Золотой Орды, как называется государство Батыя в русских летописях (в восточных источниках этого названия, насколько мне известно, нет), и даже о культуре татарского народа. Потребуются, вероятно, еще продолжительные исследования, прежде чем можно будет сказать с уверенностью, какая национальность преобладала в том или другом городе или местности и как произошла культурная эволюция, окончившаяся победой ислама и турецкого языка.

Монгольский элемент не мог быть в Золотой Орде значителен, и преобладание турецкого языка, вероятно, установилось довольно скоро, особенно с тех пор, как прекратилась связь Золотой Орды с Монголией. Батый и при его жизни Берке еще принимали участие в решении дел, касавшихся всей империи, и ездили для этой цели в Монголию. Рубрук в 1253 г. говорит о разделении всей империи на области влияния Батыя и жившего в Монголии императора Мункэ; граница между этими областями проходила между реками Талас и Чу. Мусульманские авторы тоже говорят о подчинении власти Батыя и потом Берке городов Мавераннахра; только после 1260 г. в Средней Азии утвердилась власть Алгуя, потомка второго сына Чингиз-хана, Чагатая, и даже распространилась на некоторые области, с самого начала входившие в состав Золотой Орды; Алгуй занял Хорезм, через несколько лет также отнял у Берке и разрушил город Отрар. Эти области потом снова вошли в состав Золотой Орды, но дальше к востоку власть золотоордынских ханов не простиралась; уже в царствование Берке (1257—1266) золотоордынский хан из второго лица в монгольской империи сделался владетелем самостоятельного государства [18], хотя только следующий хан, Менгу-Тимур (1266—1280), стал чеканить монеты со своим именем. Номинально золотоордынскому хану подчинялись все другие ханы из дома Джучи, в том числе потомки Орды и Шибана, но это подчинение не имело действительного значения. Некоторые историки называют Золотую Орду Синей, владения потомков Орды — Белой, при-

[18] См. Barthold, *Berke*; ⟨ниже, стр. 503—507⟩.

чем употребляются не монгольские слова, а турецкие — *кöк* и *ак*. Однако в некоторых источниках термин «Синяя орда» прилагается к владениям потомков Орды; один анонимный историк начала XV в.[19] даже утверждает, будто деление на орды Белую (восточную) и Синюю (западную) образовалось только при хане Тохте (1290—1312; настоящая монгольская форма этого имени, как видно из письма монгольского хана Персии французскому королю в 1305 г., — Тогтага) после борьбы между ним и мятежным царевичем Ногаем (Ногай был убит в 1300 г.); по этому источнику, ханы Белой орды были потомками Ногая, что совершенно не соответствует действительности и показывает, как неверно представляли себе уже в XV в. в Персии (где писал аноним) историю потомков Джучи. Абулгази называет Белой ордой владения Шибана. Если не принимать в расчет владений потомков Орды и Шибана, то Золотая Орда с самого начала была более сплоченным государством, чем владения других потомков Чингиз-хана. В отдельных местах были царевичи, имевшие свои орды и располагавшие особыми военными отрядами, хотя и признававшие над собой власть хана; о торговом городе Судаке в Крыму один из египетских авторов говорит, что доходы его делились между четырьмя татарскими царями [20]; но никаких всесильных династий домонгольского происхождения на всем пространстве Золотой Орды от Дуная до Хорезма и низовьев Сыр-Дарьи не было [21].

Монголы принесли с собой и в Золотую Орду, как везде, уйгурскую письменность, которая до них в стране кипчаков едва ли была известна. До нас дошли написанные уйгурскими буквами золотоордынские ярлыки конца XIV в.; к этому же периоду относятся последние монеты хана Тохтамыша [22], где уйгурскими буквами написано имя хана. Употребление уйгурского шрифта мы видим только на монетах, чеканенных в Сарае, притом не всегда. Эти монеты показывают, что имя хана иногда произносилось монголами, вероятно и некоторыми турками, иначе, чем оно писалось арабским шрифтом; так, имя хана Джанибека (1341—1357) писалось уйгурскими буквами *Чамбек*. По словам Абулгази, монгольский язык даже в XV в. еще не вполне вышел из употребления; но доказательств этого нет. Монет с монгольскими надписями в Золотой Орде не было, тогда как встречаются монеты с турецкой надписью *кутлуг болсун*, хотя только анонимные и, вероятно, поздние. Ибн Баттута, посетивший орду хана Узбека, слышал там только турецкие слова; так, среди женщин придвор-

---

[19] Об этом анонимном сочинении (предположительно автором его был упоминаемый у Даулетшаха, изд. Брауна, 371, $_{15}$ Му'ин ад-дин Натанзи) см.: Rieu, *Pers. MSS*, vol. III, p. 1062 sq.; Бартольд, *Определение «анонима Искендера»*; его же, *Еще об анониме Искендера*.

[20] Христианский автор Муфаддаль, продолжатель ал-Макина (см. Brockelmann, GAL, Bd I, S. 348). Текст — СМИЗО, I, 184.

[21] ⟨Об истории и культуре Золотой Орды см. Греков — Якубовский, *Золотая Орда*.⟩

[22] См. Barthold, *Toktamish*; ⟨ниже, стр. 564—567⟩.

ного штата упоминаются *улу хатун* и *кӳчӳк хатун*, т. е. большая и малая *хатун*. Сам же хан называл своего духовного наставника из сейидов турецким словом *ата* 'отец'. Турецкий язык употреблялся и в мусульманском богослужении; в городе Азаке в присутствии Ибн Баттуты проповедник произнес проповедь по-арабски, молясь за султана (т. е. хана Узбека), за эмира (эмир Азака был про происхождению хорезмиец) и за присутствующих, потом он же перевел свою речь на турецкий язык. Правда, это происходило не в мечети, а на пиру; после чтения Корана пели песни, сначала по-арабски, потом по-персидски и по-турецки. Ибн Баттута прибавляет, что арабские песни назывались قَوْل, персидские и турецкие المُلَمَّع. Арабское слово الملمّع собственно значит 'разноцветный', 'пестрый'; так впоследствии называлась речь, в которой арабские слова смешивались с персидскими и турецкими.

Распространение ислама, может быть, было больше связано с влиянием турок Хорезма и Средней Азии, чем с влиянием волжских болгар. Местные турки, кипчаки, еще в домонгольский период подвергались влиянию христианства с двух сторон, из России и Западной Европы; что эта пропаганда продолжалась и в монгольский период, видно из относящегося к концу XIII в. команского (кипчакского) словаря, где приводятся в переводе на турецкий язык тексты Евангелия и католические гимны (так называемый Codex Comanicus) [23]. Перевод сделан очень удачно и свидетельствует о хорошем знании языка миссионерами. Еще Ибн Баттута видел кипчаков-христиан в Крыму, между Керчью и Кафой. В Крыму были и местные христиане других национальностей. В начале 1382 г. в Каире умер Анас, отец будущего султана Баркука, черкес, происходивший из Крыма; о нем говорится, что он прежде был христианином, потом принял ислам. Он и в Египте не научился хорошо говорить ни по-арабски, ни по-турецки и говорил только по-черкесски, так что при нем должен был быть переводчик [24].

Под влиянием культурного превосходства в то время мусульманского мира ислам принимали представители и таких народностей, где традиции христианства были продолжительнее и прочнее, чем среди кипчаков. Аланы, или асы, всегда, в том числе у Рубрука, описываются как христиане; между тем Ибн Баттута видел в Сарае асов-мусульман. Насильственных мер для обращения христиан в мусульманство не принималось; христианское духовенство наравне с мусульманским освобождалось от податей; в самом Сарае в 1261 г., в царствование хана-мусульманина Берке, была основана православная епархия.

О принятии Берке ислама впоследствии проводились разные известия; так, по Абулгази, он был обращен в мусульманство, уже будучи

[23] ⟨Об этом памятнике и посвященной ему литературе см. Gabain, *Komanische Literatur*.⟩

[24] Рук. Кёпрюлю 1081, под 783 г. х. (продолжение *Та'рӣх ал-ислāм* Захаби; см. Brockelmann, GAL, Bd I, S. 47).

ханом, двумя купцами, прибывшими с караваном из Бухары; по другим известиям, он еще до вступления на престол подвергся влиянию мусульманских шейхов в Ходженде или в Бухаре (называют знаменитого Сейф ад-дина Бахарзи, умершего в 1261 г.).; на Берке даже была перенесена легенда, рассказанная у Рашид ад-дина об Огуз-хане, об отказе пить молоко матери-язычницы. Из рассказа Рубрука видно, что Берке был мусульманином еще при жизни Батыя, в 1253 г., и в его орде не употреблялось свиное мясо; известно, что это требование ислама и теперь больше всего проводится в жизнь даже там, где всего труднее его соблюдать, именно в Китае, где свиное мясо составляет главную мясную пищу населения. Орда Берке находилась тогда между Дербентом и Волгой, где, по словам Рубрука, «лежал путь всех сарацинов (мусульман), едущих из Персии и Турции»; направляясь к Батыю, они привозили дары Берке. Рубрук прибавляет, что в 1254 г. Батый велел Берке переселиться в местность к востоку от Волги, не желая, чтобы Берке доставалась часть даров, привозившихся послами. На почве общей вражды с персидскими монголами Берке впоследствии сблизился с египетскими султанами и принимал несколько египетских посольств, которым мы обязаны подробным описанием орды Берке и его наружности. Мусульманином был не только сам хан, но и его жены и приближенные; у каждой из его жен и у каждого эмира были имам и муэззин; были школы, где детей учили читать Коран; и в то же время языческие обычаи соблюдались с такой же строгостью, как в Монголии, в том числе и обычай, более всего находящийся в противоречии с требованиями ислама: не употреблять речной воды для мытья. Египетских послов предупредили, чтобы они «не мыли платья в орде, а если уж случится мыть его, то делать это тайком». В большей степени должны были усвоить мусульманскую культуру те из современников Берке, которые прибыли из Золотой Орды в Египет. Известно, что Берке выдал свою дочь за султана Бейбарса (1260—1277); от этого брака родился первый преемник Бейбарса, Саʿид-хан Мухаммед, которого называли также Насир ад-дин Берке-хан; очевидно, он кроме мусульманского имени носил монгольское. Египетский историк Кутуби, автор *ʿУйӯн ат-тавāрӣх* (рукопись этой части сочинения Кутуби имеется в Константинополе) [25], относит его рождение к 658 г. х. (1260 г.), что едва ли возможно; сношения между Берке и египетским правительством начались только в 1262 г. В апреле 1279 г. молодой султан вместе со своей матерью, дочерью Берке-хана, прибыл в Дамаск. Вскоре после этого в Сирии произошло восстание; султан послал свою мать уговаривать мятежников; при ее приближении вельможи вышли ей навстречу, поцеловали землю перед ее носилками и разложили под копытами мулов ткани, согласно обычаю. Переговоры, по вине приближенных царицы, кончились безуспешно; султан отправил свою мать в крепость Карак и потом сам был

---

[25] Рук. Кёпрюлю 1121; ср. Brockelmann, GAL, Bd II, S. 48.

сослан туда же. По словам Кутуби, он отличался щедростью и милосердием и был чужд жестокости; его щедрость проявилась и в Караке, что вызвало подозрение его тестя Калавуна, к которому перешла власть. В марте 1280 г. султан умер, причем полагали, что он был отравлен по приказу Калавуна; его жена Газия-хатун, дочь Калавуна, не переставала плакать о нем до своей смерти (она прожила до 1288 г.). В 1281 г. мать султана привезла тело своего сына в Дамаск, где оно было похоронено в мавзолее Бейбарса.

Египетские послы, бывшие в орде Берке, вполне определенно говорят, что у хана не было сына, а были только дочери; между тем, по Кутуби, в феврале 1280 г. умер в Каире дядя султана со стороны матери, эмир Бедр ад-дин Мухаммед, сын Берке-хана; говорится, что он писал арабские стихи, составившие два тома; кроме того, ему приписывается целый ряд богословских сочинений, в том числе толкование Корана. Он умер в Каире скоропостижно (упал с высокого места), не достигнув пятидесяти лет.

После смерти Берке в Золотой Орде снова правили ханы-язычники; окончательное утверждение ислама произошло только при Узбеке (1312 или 1313—1340). По Ибн Баттуте, наставником Узбека был один из сейидов, Абд ал-Хамид. Есть рассказ, по которому Узбека обращал в ислам и дал ему имя Султан Мухаммед Узбек-хан туркестанский шейх Сейид-Ата (его собственное имя было Ахмед), ученик похороненного близ Ташкента Зенги-Ата; это будто бы произошло в 720 г. х., в год курицы (1321 г.) [26]. При этом рассказывается легенда, как святой потом увел народ Узбек-хана в Мавераннахр, где он по имени хана стал называться узбеками, тогда как не послушавшиеся шейха и оставшиеся в Туркестане получили название *калмак* (будто бы от глагола *калмак* 'оставаться'). Эта легенда, конечно, фантастичная, но народное название узбеков производят от имени Узбек-хана и другие источники, в том числе Абулгази; по аналогичным примерам эту этимологию, по-видимому, надо признать правильной, вместо принятого многими учеными, в том числе Радловым, толкования *öз бег* в смысле 'сам себе господин'. Историки XV в. часто называют государство, или улус, потомков Джучи улусом Узбека; в Средней Азии впоследствии слову *узбек*, как народному названию, противополагалось слово *чагатай*, как, по имени второго сына Чингиз-хана, назывались составлявшие военную силу местных ханов кочевники Туркестана.

Среднеазиатские шейхи оказывали влияние на золотоордынских ханов и после принятия ими ислама. В 1360-х годах в Сарае некоторое время правил Азиз-хан (на монетах Азиз-шейх); хан вел развратный образ жизни, за что подвергся упрекам другого Сейид-Ата, именно сейида Махмуда Ясеви, потомка Ахмеда Ясеви. Хан послушался сейида, выдал

---

[26] *Шаджарат ал-атрāк*, рук. Брит. муз. Ad. 26190; см.: Rieu, *Pers. MSS*, vol. I, p. 163 sq.; Barthold, *Turkestan*, p. 56 sq.; ⟨наст. изд., т. I, стр. 106⟩. Ср. пер. Майлса, 232.

за него свою дочь и выразил раскаяние, но через три года вернулся к прежнему образу жизни и был убит [27].

В первой половине XV в., по-видимому, все воинское население улуса Узбека рассматривалось как один народ; по мере распадения Золотой Орды и утраты самостоятельности отдельными ее частями слово *узбек* как народное и государственное название совершенно исчезло из употребления в Южной России и осталось только за теми племенами, которые перешли в Туркестан. Русские всегда продолжали называть население Золотой Орды татарами, как в то время, когда государственным языком был монгольский, так и после отуречения всей страны. «Татарскими» были все ханства, с которыми имели дело русские в XV и XVI вв., — Крымское, Казанское, Астраханское и Сибирское. Из этих ханств дольше всего, как известно, существовало Крымское, и здесь, казалось, прочнее всего установился термин *татары*; так называли крымцев, кроме русских, и турки-османы, подчинившие себе Крым в 1475 г. Известно, что теперь именно крымцы отказываются от названия *татар* и называют себя турками, тогда как на Волге местная интеллигенция, после некоторых споров, приняла слово *татар* как название своего народа, вследствие чего возникла Татарская республика. Русские некоторое время употребляли название *татары* очень широко; еще Радлов иногда называл татарами узбеков и вообще говорящих по-турецки жителей Средней Азии. С тех пор этому названию старались придать более определенное значение, но и теперь едва ли можно считать установленными этнографические и лингвистические признаки татарской народности среди других турецких народов.

В XV и в особенности XVI в. упоминается, кроме татар, еще народ ногайцы, составлявший не только этнографическую, но и политическую единицу и имевший своих князей; центром ногайцев тогда был город Сарайчик (т. е. Малый Сарай) при устье Яика, место погребения золотоордынских ханов. Начиная с Абулгази Сарайчик часто смешивали с Сараем; в русской науке тоже была сделана попытка отожествить Сарайчик с Новым Сараем. Политическому значению ногайцев здесь положило конец образование во второй половине XVI в. яицкого казачьего войска, сначала независимого от Москвы, в XVII в. подчинившегося московским царям. Замечательно, что термин *ногайцы* употребляли в то время только русские; в восточных источниках, в том числе у Абулгази, ногайцы называются *мангытами*, по имени одного из отуреченных монгольских народов. Теперь, наоборот, слово *ногай* употребляется в Средней Азии в более широком значении, чем в России, и ногаями там называют и волжских татар. В Южной России теперь называют ногайцами определенную народность в Крыму и на Северном Кавказе, причем диалект ногайцев, как на-

---

[27] Эти известия находятся в упомянутом выше (стр. 139, прим. 19) анонимном сочинении, написанном, вероятно, Му'ин ад-дином Натанзи.

родности, образовавшейся уже в монгольский период, отличают от более старых и более близких языку домонгольских кипчаков диалектов кумыков, карачаевцев и балкарцев [28].

Еще менее выяснен до сих пор вопрос, как сложилась в XIII и XIV вв. этнографическая и политическая жизнь турок и отуреченных монголов в Средней Азии. К этому вопросу мы обратимся в следующей лекции.

[28] Самойлович, ЗВОРАО, т. XXI, стр. 0155.

X

Если золотоордынские ханы, по отдаленности их владений от Монголии, с самого начала были до некоторой степени самостоятельными государями, то гораздо менее определенным было политическое устройство завоеванных монголами областей Туркестана и вообще Средней Азии. Несомненно, что Чингиз-хан хотел предоставить свои завоевания к западу от Монголии своим трем старшим сыновьям и что все три царевича осуществляли свои права еще при жизни своего отца; но совершенно неясен вопрос как о границах владений каждого из них, так и об объеме их прав по сравнению с правами главы империи. Замечательно, что, несмотря на обширность империи, орды всех трех царевичей находились сравнительно близко одна от другой. Орда Джучи находилась на верхнем Иртыше, и там же он, по более ранним источникам, был похоронен, хотя впоследствии его могилу показывали гораздо западнее, на Сары-су, во владениях Шибана [1], что было бы более согласно с монгольским обычаем, по которому орда отца переходила к младшему сыну; на Иртыше после Джучи жил его старший сын, Орда. Несколько южнее, на берегу реки Эмиль, впадающей в Ала-куль, была орда третьего царевича, впоследствии императора, Угэдэя [2]; место погребения Угэдэя было, по словам Рашид ад-дина, на высокой горе в двух днях пути от Иртыша, откуда вытекал один из притоков этой реки [3]. Китайский отшельник Чан-чунь, проезжавший здесь в 1221 г., упоминает о дороге через Алтай, проведенной во время прохода монгольского войска по приказу Угэдэя [4], из чего можно заключить, что Угэдэй при жизни своего отца считался владетелем и этой местности. Точного определения границ владений Угэдэя мы не находим ни в одном из источников; Джувейни говорит только, что *юрт* Угэдэя при жизни его отца находился «в пределах Эмиля и Кобука» [5]; известно, что эти две реки вытекают приблизительно в одном и том же месте и текут одна

---

[1] Barthold, *Turkestan*, p. 392; ⟨наст. изд., т. I, стр. 459⟩.

[2] Barthold, *Čingiz-Khān*, S. 898; ⟨см. ниже, стр. 627⟩.

[3] Текст: Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 122; ср. Barthold, *Turkestan*, p. 393; ⟨наст. изд., т. I, стр. 460⟩.

[4] Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 62.

[5] Джувейни, изд. Казвини, I, 31; вместо *ḳонāḳ* здесь следует читать *ḳобāḳ*; ср. Barthold, *Turkestan*, p. 393; ⟨наст. изд., т. I, стр. 460, прим. 4⟩.

на запад, другая на восток. Гораздо определеннее говорится у того же Джувейни об орде и владениях второго царевича, Чагатая; его орда была «в месте Куяш, по соседству с Алмалыком»; его владения простирались «от границ области уйгуров до Самарканда и Бухары» [6]. По словам Чанчуня, Чагатай первый провел дорогу мимо оз. Сайрам и через перевал Талки; он же в 1222 г. восстановил разрушенные во время войны мосты на Аму-Дарье. О местоположении Куяша и орды Чагатая мы знаем по другим источникам, что они находились в Кульджинском крае, к югу от р. Или; мы видели, что Куяс упоминается уже у Махмуда Кашгарского как город, расположенный «за Барсханом» [7]; в другом месте сказано, что название Каяс, или Куяс, носит вся область тухсийцев и чигилей, причем были три крепости с этим названием: Саблыг-Куяс, Урунг-Куяс и Кара-Куяс [8]. Орда Чагатая и его ближайших потомков упоминается у Джувейни также под турецким названием Улуг-Йв, т. е. 'Большой дом' [9]; появление турецкого названия для орды монгольского хана в такой ранний период представляет интерес. О месте погребения Чагатая и его потомков нет никаких сведений.

Таким образом, орды трех старших сыновей Чингиз-хана находились сравнительно на небольшом пространстве от верхнего Иртыша до местности к югу от Или. Уже из этого видно, что на эти орды нельзя смотреть как на столицы трех отдельных государств. Особенно неясным остается положение владений Чагатая и Угэдэя по отношению к Монголии. После смерти Чингиз-хана Угэдэй был избран императором и переехал в Монголию, где построил город Каракорум и несколько дворцов как в самом городе, так и в его окрестностях и где, очевидно, осуществлял все права государя, не считаясь с правами Тулуя как наследника отцовского юрта, т. е. Монголии. Несмотря на подчинение Чагатаю земель до Самарканда и Бухары, Мавераннахром управлял Махмуд Ялавач, живший в Ходженде и назначенный не Чагатаем, а Угэдэем; таково было положение еще в 636/1238-39 г., во время народного, преимущественно крестьянского восстания против монголов в Бухаре. Вскоре после этого Чагатай, не посоветовавшись с братом, низложил Махмуда и назначил вместо него другого наместника; когда Махмуд пожаловался Угэдэю, Чагатай в ответ на запрос послал брату извинительное письмо; Угэдэй удовлетворился этим, утвердил распоряжение Чагатая и пожаловал ему Мавераннахр во владение (употреблен монгольский термин *инджу*) [10]. Можно было бы

---

[6] Джувейни, изд. Казвини, I, 31; вместо *ḳуйāс* здесь *ḳанāс*.

[7] Махмуд Кашгарский, I, 330.

[8] Там же, III, 129.

[9] Джувейни, изд. Казвини, II, указатель. ⟨Ср. также наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 539, где, по-видимому, неверное чтение в рукописи.⟩

[10] Рашид ад-дин, изд. Блоше, 196. *Инджу* — доход, удовлетворяющий потребности двора и войска монгольского царевича (Barthold, *Čingiz-Khān*, S. 898; ⟨см. ниже, стр. 627⟩). Наряду с этим каждый царевич претендовал на *улус* (определенное количество родов) и *юрт* (земли).

думать, что после этого Мавераннахром будут управлять наместники по назначению Чагатая; между тем еще при Угэдэе, по словам Рашид ад-дина, наместником Кара-Ходжа и Бешбалыка (т. е. Уйгуристана, Хотана, Кашгара, Алмалыка, Каялыка), Самарканда и Бухары до берега Джейхуна был назначен, опять-таки Угэдэем, Мас'уд-бек, сын Махмуда Ялавача (сам Махмуд Ялавач был назначен губернатором Пекина и в этой должности умер в 1254 г.)[11]. Персидский историк Джузджани не мог представить себе таких государственных порядков и потому ошибочно называет Мас'уд-бека министром Чагатая. Мы имеем известия, что Мас'уд-бек осуществлял права на всем обширном пространстве своего наместничества, от Бешбалыка до Самарканда и Бухары; особое предпочтение им было оказано Бухаре, где им было построено обширное медресе Мас'удийе; это здание было разрушено в 1273 г. персидскими монголами, но потом восстановлено, и в 1289 г. в нем был похоронен его строитель. Другое Мас'удийе было построено им в Кашгаре, куда в начале XIV в. перенес свое местопребывание третий сын Мас'уд-бека. Замечательно, что мусульманский купец-хорезмиец мог сохранить свою власть при политических переменах, происшедших при его жизни в Средней Азии, и передать ее своим сыновьям.

Одной из причин смут в монгольской империи было отсутствие закона о престолонаследии. После смерти каждого хана подвергался долгому обсуждению вопрос о его преемнике; требовалось признание его всеми членами ханского рода и торжественное возведение его на престол при их участии, для чего созывался курултай[12]; воля предшествующего хана принималась во внимание, но не связывала безусловно царевичей. Между смертью хана и курултаем, на котором происходило восшествие на престол его преемника, проходило несколько лет; правительницей в это время считалась вдова умершего, но ее власть признавалась не всеми, и многие царевичи произвольно распоряжались в своих областях, не считаясь с правами главы империи.

Таким смутным периодом был уже период после смерти Угэдэя (1241 г.) и до возведения на престол (вопреки воле умершего, назначившего другого наследника) его сына Гуюка (1246 г.). Среди прочих в это время почувствовал себя небезопасным в своем наместничестве Мас'уд-бек и ушел к Батыю; но еще до избрания Гуюка он мог вернуться, и, как наместник, явился на курултай 1246 г. Гуюк утвердил его наместником «Мавераннахра, Туркестана и других областей».

Гуюк умер уже в 1248 г.; после него престол перешел к потомству другого сына Чингиз-хана, Тулуя, и в 1251 г. был провозглашен главой империи старший сын Тулуя, Мункэ. Тотчас после его вступления на пре-

[11] Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 139 (текст Джемаля Карши).

[12] Со времени съезда туркологов в Баку в 1926 г. это слово вновь стало живым во всех турецких языках. ⟨О правильном чтении слова см. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»*, p. 52.⟩

стол возникло дело о действительном или мнимом заговоре против него многих царевичей из рода Чагатая и Угэдэя; обвиненные в заговоре царевичи частью были казнены, частью подвергнуты изгнанию; произошел почти полный разгром улусов Чагатая и Угэдэя. Формально эти улусы не были уничтожены; вдова Гуюка осталась в его орде в Эмиле, вдова Кара-Хулагу, внука Чагатая, Эргэнэ[13]-хатун, осталась владетельницей орды Чагатая; но в действительности вся власть перешла к домам Тулуя и Джучи, а Мункэ-хан в 1253 г. говорил Рубруку: «Как солнце распространяет повсюду лучи свои, так повсюду распространяется владычество мое и Батыя»[14]. По словам Рубрука, граница между сферами влияния Мункэ и Батыя проходила к востоку от Таласа, так что часть земель улуса Джучи входила в сферу влияния Мункэ.

О действиях Масʿуд-бека во время смутного периода и заговора сведений нет; говорится только, что жизнь его подвергалась опасности из-за его привязанности к Мункэ. После установления порядка границы наместничества Масʿуд-бека были еще более расширены: ему были подчинены Мавераннахр, Туркестан, Отрар, область уйгуров, Хотан, Кашгар, Дженд, Хорезм и Фергана. Осенью 1253 г. из Монголии выступил с войском брат Мункэ, Хулагу, которому было суждено завоевать Багдад, уничтожить династию аббасидских халифов и образовать новое монгольское государство в Передней Азии. Войско Хулагу, как прежде Чингизхана, двигалось медленно и только в начале 1256 г. переправилось через Аму-Дарью. В 1254 г. его встретила в Алмалыке и Улуг-Йве Эргэнэхатун; около 1255 г. оно провело сорок дней в окрестностях Самарканда, где его угощал Масʿуд-бек[15].

После смерти Мункэ-хана (1259 г.) положение снова изменилось. Произошла борьба за престол между его братьями Хубилаем и Арик-Букой; первый был провозглашен великим ханом в Китае, второй — в Монголии. Вследствие этого прекратился подвоз хлеба из Китая, в котором нуждалась Монголия; Арик-Бука решился отправить на запад чагатайского царевича Алгуя, чтобы устроить подвоз провианта и необходимых товаров, в том числе оружия, из Туркестана. Алгуй быстро подчинил своей власти все бывшие области чагатайского улуса, даже захватил Хорезм, входивший в состав улуса Джучи, но, разумеется, сделал все это для себя и не думал выполнять поручений Арик-Буки. Эргэнэ-хатун отправилась к Арик-Буке с жалобой на Алгуя; туда же, вероятно, уехал

---

[13] ⟨Оркына.⟩

[14] Barthold, *Bātū-Khān*, S. 711a; ⟨см. ниже, стр. 498⟩; Рубрук, изд. Мишеля—Райта, 307 [«Sicut sol est ubique diffundens radios suos, ita mea potencia et ipsius Baatu diffundit se undique (ubique)»]; пер. Рокхилла, 174. Аудиенция состоялась не в 1253 г., а «in octavis Innocentium», т. е. 3 января 1254 г. (Рубрук, изд. Мишеля—Райта, 304; пер. Рокхилла, 171).

[15] Все изложение — по Джувейни; ⟨см. Джувейни, изд. Казвини, III, 98⟩; ср. Рашид ад-дин, изд. Блоше, 272 и сл., особенно 308 и сл.

и Мас'уд-бек. Арик-Бука потом вступил в борьбу с Алгуем, но после некоторых успехов потерпел поражение. Покидая Туркестан, он послал к Алгую Эргэнэ и Мас'уд-бека; Алгуй женился на Эргэнэ и послал Мас'уд-бека наместником в Самарканд и Бухару. С помощью денег, собранных Мас'уд-беком, Алгуй до своей смерти, последовавшей, вероятно, в 1266 г., успел еще завоевать Отрар, входивший в состав владений Берке.

После смерти Алгуя чагатайским ханом был провозглашен на берегу Ангрена сын Эргэнэ от первого брака, Мубарек-шах, мусульманин; у него потом отнял престол посланный Хубилаем, одержавшим победу в Монголии, другой чагатайский царевич, Борак [16]; Борак в свою очередь должен был подчиниться Хайду, внуку Угэдэя, сначала находившемуся в войске Арик-Буки, потом, после его ухода, самостоятельно продолжавшему войну против Алгуя и его преемников. Хайду в 1269 г. созвал курултай на берегу Таласа. Между прочим были приняты меры для защиты культурных земель от кочевников; царевичи обязались жить в горах и степях и не выпускать своих стад на пашни. Управление культурными областями было поручено тому же Мас'уд-беку. Он и его два старших сына получили назначение от Хайду, третий сын Мас'уд-бека — от сына и преемника Хайду, Чапара, возведенного на престол в местности около Эмиля в 1303 г.

Из последнего известия [17] видно, что местопребыванием Хайду и его преемника оставалась местность, с самого начала принадлежавшая Угэдэю, хотя место погребения Хайду находилось в горах между Чу и Или. Несмотря на то что верховная власть принадлежала потомкам Угэдэя, возводились на престол и чагатайские ханы; дольше всего (1282—1306) ханом был сын Борака, Тува, переживший Хайду. Нет никаких известий о том, были ли установлены границы между улусами Угэдэя и Чагатая.

Даже вопрос о границах в Средней Азии между улусами четырех сыновей Чингиз-хана в это время остается неясным. На севере в состав улуса Тулуя, по-видимому еще в первой половине XIII в., вошли некоторые земли, причислявшиеся прежде к владениям Джучи, в том числе земля киргизов. Об этом ясно говорится в истории Хубилая; кроме того, мы имеем у Абулгази интересный рассказ, правда не подтверждаемый никакими другими источниками, о походе монголов из страны киргизов к устью Енисея, в страну Алакчин. Поход был произведен по распоряжению вдовы Тулуя, царицы Сурхуктани, следовательно, в промежуток времени между смертью Тулуя (год змеи, 1233) и смертью царицы (в феврале 1252 г.). На северо-западе владения Хубилая, по-видимому, доходили до Иртыша. Есть известие, что граница между владениями Хубилая и Хайду проходила близ Каялыка [18], но с этим трудно было бы при-

16 ⟨Барак.⟩

17 Из *Мулх̣аḳāт ас̣-С̣урāх̣* Джемаля Карши (текст см. Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 138).

18 D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, p. 516 (по Вассафу).

вести в согласие известие о возведении на престол Чапара в местности около Эмиля.

При описании областей нынешнего Китайского Туркестана Марко Поло причисляет к владениям Хубилая Хотан и области к востоку от него [19]; но тут же сказано, что земли «от Кашгара досюда и еще далее принадлежат к Великой Турции», как называется у самого Марко Поло государство Хайду. О Яркенде определенно говорится, что он принадлежал племяннику великого хана, как Марко Поло называет по ошибке того же Хайду. Интересно известие Рашид ад-дина, что область уйгуров во время борьбы между Хубилаем и Хайду оставалась нейтральной; уйгуры старались поддерживать хорошие отношения с обеими сторонами [20]. По-видимому, там правила все еще династия идикутов. Подчинившийся Чингиз-хану в 1209 г. идикут Барчук принимал участие в походе 1218 г. против Кучлука, потом в походе на государство хорезмшаха Мухаммеда и в последнем походе Чингиз-хана, на Тангут. Барчуку, умершему в царствование Угэдэя, наследовали один за другим три его сына; первый умер во время правления вдовы Угэдэя Туракины (1241—1246), второй был казнен в начале царствования Мункэ по обвинению в намерении убить в одну из пятниц в соборной мечети всех мусульман в Бешбалыке; ему отрубил голову его брат, потом назначенный его преемником [21]. Дальнейших сведений о династии идикутов, по-видимому, нет [22].

Если государство великого хана несколько расширило свои пределы на счет государства Хайду, то государство среднеазиатских монголов при Хайду могло расширить свои пределы на юг и на запад на счет государств потомков Хулагу и потомков Джучи. В государство Хайду входила северная часть Афганистана от Бадахшана до берегов Мургаба, где стоял с войском один из его 24 сыновей, Сарбан. Улус Джучи, по-видимому, постепенно лишился своих восточных окраин, именно областей к востоку от низовьев Сыр-Дарьи, хотя точных сведений о том, где было во второй половине XIII в. местопребывание потомков Орды, мы не имеем. По рассказу Рашид ад-дина, один из среднеазиатских монгольских отрядов на пути в орду Кончи, потомка Орды, проходил через Дженд и Узгенд [23], из чего можно заключить, что местопребывание Кончи было еще дальше к западу или северо-западу. Марко Поло помещает страну Кончи где-то далеко на север, где люди «живут как звери», где нет никакого хлеба и где в некоторых местностях вместо лошадей ездят на собаках [24]. Кончи умер еще при жизни Хайду; власть перешла к его сыну Баяну, против

[19] Марко Поло, изд. Потье, I, 143; изд. Юла (2), I, 196.

[20] Рашид ад-дин, изд. Блоше, 502.

[21] См. подробное описание суда над ним у Джувейни, изд. Казвини, I, 34 и сл.

[22] ⟨О более поздних китайских сообщениях, относящихся к династии идикутов, см. Малявкин, *Уйгурское Турфанское княжество.*⟩

[23] Рашид ад-дин, изд. Блоше, 443.

[24] Марко Поло, изд. Юла (2), II, 478 и сл.

которого выступил, с помощью Хайду, другой правнук Орды, Куйлюк; борьба между ними еще продолжалась во время составления труда Рашид ад-дина. Арабские историки, писавшие в Египте и Сирии, начиная с Абу-л-Фида, говорят, что Кончи и его потомки правили в Газне и Бамиане; это известие, совершенно не подтвержденное более осведомленными персидскими авторами, вошло и в европейские книги, в том числе в книгу Лэн-Пуля о мусульманских династиях (в русском переводе оно исправлено) [25]. Арабские авторы, вероятно, смешали имя Кончи с именем Кули, сына Орды, принимавшего участие в завоевании Персии Хулагу; впоследствии он был казнен в Персии, его отряды во время борьбы между Хулагу и Берке ушли на восток, овладели Газной и Бамианом и там подчинились чагатайским царевичам.

Помимо разделения Средней Азии между членами ханского рода, здесь, в противоположность Золотой Орде, еще в начале XIV в. был целый ряд местных династий домонгольского происхождения. Сведения о них мы находим частью у писавшего в начале XIV в. Джемаля Карши, частью в надгробных надписях, исключительно на арабском языке. Все правители носят арабский титул *мелик*, как и в домонгольский период назывались вассальные князья в Персии и Средней Азии; иногда к этому присоединяются более громкие титулы — *султан* и *хан*. В одном из рассказов Джемаля Карши упоминается, со слов узгендского святого Бурхан ад-дина Кылыча, владетель Ферганы Ильчи Меликшах [26]; в Узгенде сохранилась могила его сына и преемника, Сатылмыш Меликшаха, умершего в 665/1266-67 г.[27]. Судя по их именам и титулам, все князья были турецкого происхождения; некоторые имена и титулы производят впечатление глубокой старины; так, в Аулие-Ата похоронен умерший в 1262 г. местный князь Балыг Бӳльге Улуг Бильге Икбал-хан [28]. Надписи сочинялись по-арабски учеными; Джемаль Карши приводит сочиненную им самим в Дженде арабскую надпись над могилой турецкого святого Кемаль ад-дина Хорезми Сугнаки, известного у туркмен под именем Шейх-Баба, умершего в Дженде в конце ноября 1273 г., 85 лет от роду [29]. Джемаль Карши приводит персидский перевод, также в стихах, арабского стиха над одной могилой на берегу Сыр-Дарьи, недалеко от Ходженда [30]. Кроме того, приводятся персидские стихи в честь хотанского султана (неизвестно, какого времени) Мунмыш-тегина, где сказано: «Живи так долго, шах, чтобы сказал турок: очень старым стал Мӳнмыш-тегин»; последние слова приведены по-турецки [31]: يغلاق قرى بولميش منميش تكين.

[25] Лэн-Пуль, *Мусульманские династии*, стр. 188, прим. 4.
[26] Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 149.
[27] Надпись на его могиле издана (см. *Надписи на могильных камнях*).
[28] Бартольд, ЗВОРАО, т. XII, стр. V; ⟨наст. изд., т. IV, стр. 307⟩.
[29] Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр 151 и сл.
[30] Там же, стр. 147.
[31] Там же.

О существовании в XIII в. вассальных династий свидетельствуют и чеканенные в разных городах Средней Азии (например, в Отраре) монеты; обыкновенно они чеканились от имени местного мелика, причем имя его не называется. Нет ни одной монеты, где бы находились имена Хайду, Тувы и других, тогда как в Золотой Орде монету со своим именем чеканил уже хан Менгу-Тимур. Нет никаких указаний, чтобы существовала граница между территорией, которая бы непосредственно управлялась ханами, и территорией, оставленной прежним местным династиям. Ближе всего к чагатайской орде находился город Алмалык, хотя между ними протекала большая река Или; между тем даже в Алмалыке продолжала править династия, основатель которой подчинился Чингиз-хану. С другой стороны, династия карлукского Арслан-хана почему-то рано лишилась Каялыка; уже сын Арслан-хана по неизвестной причине получил от Менгу-хана не Каялык, а Узгенд, тогда главный город Ферганы [32]. Удалось ли его потомству сохранить за собой этот город и был ли потомком карлукского Арслан-хана упомянутый выше Ильчи Меликшах, неизвестно.

Каялык, как известно, был посещен в 1253 г. Рубруком, который провел там двенадцать дней. Рубрук описывает Каялык как большой город с оживленным базаром [33]; интересно, что в этом мусульманском городе было три буддийских храма, принадлежавшие уйгурам. Было бы крайне интересно, если бы удалось найти какие-нибудь остатки города, где были такие разнообразные культурные элементы; но пока даже местоположение Каялыка остается неустановленным. В небольшом расстоянии к северу от Каялыка Рубрук проехал через поселение, где жили исключительно христиане-несториане, у которых там была церковь [34]. Христианских надписей в северной части Джетысуйской области до сих пор найдено не было.

В местности к северу от Или, несколько южнее Каялыка, Рубрук видел еще хороший город с мусульманским населением, но говорившим не по-турецки, а по-персидски [35]; по всей вероятности, это были недавние переселенцы из южной части Мавераннахра. Вообще, однако, городская жизнь в равнине к северу от Или уже тогда находилась в полном упадке. Прежде там было много городов, но татары разрушили бо́льшую часть их, чтобы воспользоваться превосходными пастбищами этой местности;

---

[32] Джувейни, изд. Казвини, I, 58.

[33] Рубрук, изд. Мишеля—Райта, 281: «Invenimus ibi unam magnam villam nomine Cailac, in qua erat forum, et frequentabant eam multi mercatores». См. также: Рубрук, изд. Бизли, 178; пер. Рокхилла, 140.

[34] Рубрук, изд. Мишеля—Райта, 293: «Egressi autem sumus in festo sancti Andree a predicta civitate, et invenimus ibi prope ad tres leucas unum casale totum nestorinorum». См. также пер. Рокхилла, 159.

[35] Рубрук, изд. Мишеля — Райта, 281: «Et post hoc invenimus quandam bonam villam, que dicitur Equius, in qua erant Saraceni loquentes persicum». См. также пер. Рокхилла, 139.

тут же сказано, что земля большею частью занята туркменами. Трудно сказать, следует ли понимать эти слова Рубрука в смысле указания на определенный турецкий народ, носивший это имя, или под туркменами понимали и тогда, как теперь на Кавказе, особенно в арабской форме множественного числа *теракиме*, наиболее отсталые в смысле хозяйства и умственной культуры элементы населения, особенно турецкого. На это указывают и слова Джемаля Карши о теракиме близ Барчкенда и Дженда [36], где тогда едва ли жили туркмены. Слова Рубрука об упадке культуры подтверждаются словами китайского современника Рубрука, Чан Дэ, проехавшего здесь в 1259 г. [37]. Чан Дэ говорит, что в местности, где прежде жили кара-китаи, было многочисленное население и много каналов, орошавших пашни, и в то же время он видел здесь много развалин [38].

Нет основания связывать разрушение городов с политикой монгольских ханов или с установлением преобладания турецкой национальности. Мы видели, что ханы, в том числе Хайду, принимали меры для защиты земледельческой культуры от кочевников; кроме того, Хайду и Тува построили новый город в Фергане, Андижан [39], которому была суждена большая будущность, и этот новый город сделался турецким по преимуществу; в начале XVI в. в Андижане, по словам Бабура, не было никого, ни в городе ни на базаре, кто бы не знал по-турецки. В противоположность большей части городов монгольского периода, в этом случае ничего не говорится ни о ханских дворцах, ни вообще о местопребывании ханов. Ханы, по-видимому, построили этот город исключительно в интересах населения, а не для самих себя.

На интересах торговли и в связи с этим на городской жизни должны были крайне гибельно отразиться рано начавшиеся в монгольской империи смуты. Помимо других причин, эти смуты вызывались также разнообразием культурных элементов, оказывавших влияние на монголов; были примеры, что в одной и той же ханской семье одни сыновья получили христианское воспитание, другие — мусульманское. Представители различных культурных народов, покоренных монголами, постоянно интриговали в ханской орде друг против друга, то же самое относится к людям, соперничавшим между собою за власть в какой-нибудь одной стране. Исследователями русской истории доказано, что главной причиной гибели многих русских князей и вельмож в Золотой Орде были интриги против них других князей и вельмож; смертный приговор произносился

---

[36] Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 151.

[37] Китаец Чан Дэ в 1259 г. был отправлен монгольским императором к своему брату Хулагу, в Западную Азию. Описание его путешествия было переведено и снабжено комментарием Бретшнейдером: *Researches*, vol. I, pp. 109—156.

[38] Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 129.

[39] Об основании этого города см. Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-кулӯб*, изд. Лэ Стрэнджа, I, 246.

и приводился в исполнение татарами, но они в этом случае были только орудием в руках врагов осужденных. Тот же самый вывод можно распространить и на другие страны, покоренные монголами. Только первый преемник Чингиз-хана, Угэдэй, умел стоять выше этих интриг и своими беспристрастными решениями восстанавливать мир среди враждовавших между собой царевичей и вельмож. Тотчас после его смерти началась эпоха жестоких казней в орде; десять лет спустя таким казням стали подвергаться в большом числе (единичные случаи были и раньше) члены ханского рода, еще десять лет спустя начались войны между отдельными монгольскими государствами и случаи избиения в одной стране ни в чем не повинных купцов, прибывших из другой. После своего поражения в 1262 г. на Тереке в битве с войском Берке Хулагу велел перебить всех купцов, прибывших из государства его врага; Берке ответил на это избиением купцов из государства Хулагу.

Во время смут, как всегда, временные и частные интересы должны были получить преимущество перед общими интересами империи. Таковы были, по рассказу историков, уже те действия, к которым прибегал в 1260-х годах Алгуй для утверждения своей власти в Средней Азии; еще более характерно сознательное разорение в 1273 г. персидскими монголами Бухары как опорного пункта для наступления на Персию из Туркестана. Бухара не только быстро оправилась от монгольского нашествия 1220 г., но достигла в первые десятилетия монгольского владычества такого процветания, какого не достигала прежде. Джувейни называет Бухару городом, подобного которому не было в мусульманском мире [40], Марко Поло (его отец и дядя провели в Бухаре три года, 1262—1265) — лучшим городом по всей Персии, т. е. в странах, где говорили по-персидски [41]. Даже восстание против монгольского владычества в 1238—1239 гг. не отразилось на благосостоянии города; Махмуд Ялавач сумел убедить монголов и в особенности хана Угэдэя, что уничтожать богатый город из-за преступления нескольких мятежников было бы не в интересах правительственной власти [42]. Иначе действовали во время смут отдельные ханы и царевичи, для которых были важны не столько доходы, которые мог доставить город за долгий период, сколько возможность немедленно получить в свое распоряжение значительные средства. С 1260-х годов Бухара несколько раз подвергалась поборам и разграблению; даже после события 1273 г. город все еще мог привлекать грабителей, и остатки его доставили большую добычу двум мятежным царевичам, сыновьям Алгуя. После этого Бухара в течение семи лет (вероятно, 1275—1282 гг. не существовала вовсе, и только со вступлением на престол Тувы могли быть приняты меры для ее восстановления.

---

[40] Джувейни, изд. Казвини, 84.

[41] Марко Поло, изд. Потье, I, 9: «La cité estoit la meilleur de toute Perse».

[42] Джувейни, изд. Казвини, I, 90.

То, что говорится в источниках о Бухаре, наверное, повторялось и в других местах, о которых наши сведения еще более скудны. Много интересных сведений о городах Средней Азии ждали от «Прибавлений» (*Мулхакāт ас-Сурāх*) Джемаля Карши (начало XIV в.) к переведенному им арабскому словарю X в. Автор XVI в. Мухаммед-Хайдер обвиняет Джемаля Карши в пристрастии к своему родному городу, Баласагуну; перечисляя выдающихся деятелей каждого города, он будто бы называет менее десяти имен самаркандцев, тогда как уроженцев Баласагуна у него названо столько, что даже трудно понять, как в одном городе в одно и то же время могло быть столько замечательных людей [43]. Пока не было известно ни одной рукописи этих «Прибавлений», можно было ожидать, как и было заявлено в печати [44], что в них найдется ценный историко-литературный материал об умственной жизни Баласагуна, но открытые с тех пор рукописи не оправдали этих ожиданий. Баласагун в них даже не упоминается, из уроженцев его упоминается только шейх автора Шемс ад-дин Эйюб Баласагуни и его сын Рукн ад-дин Ахмед Баласагуни [45]. Упоминается город Куз-балык, где в 1259 г. умер один из князей Алмалыка [46]; можно было бы думать, что имеется в виду Баласагун, который по Махмуду Кашгарскому носил также название Куз-орду (это название приводится также в китайской транскрипции XIII в.) и Куз-улуш [47], но странно было бы, если бы автор назвал Баласагун не тем именем, от которого получил свою нисбу его шейх. Кроме того, мы находим у Джемаля Карши еще одно географическое название, которого нет в других источниках, — Иль-Аларгу [48]; так называлась местность, где находилась орда Чагатая. От этого названия получил свою вторую нисбу (Иль-Аларгуви) мусульманский министр Чагатая, купец Кутб ад-дин Хабаш-Амид, умерший в начале царствования Алгуя, в 1260 г., в одном из городов области Алмалыка и похороненный там же, в построенной им ханаке.

Джемаль Карши посвящает отдельные главы различного размера нескольким городам (Алмалык, Кашгар, Хотан, Ходженд, ферганские города, Шаш, т. е. Ташкент, Барчкенд и Дженд) с краткой характеристикой каждого города и кратким перечислением происходивших из него ученых и других замечательных людей. Автор родился в Алмалыке (из Баласагуна происходил его отец), потом переселился в Кашгар, посещал и некоторые другие города [49]. Следы упадка отмечаются в Кашгаре, который в то время был разорен, и в Дженде, который «в прежнее время был боль-

---

[43] Мухаммед-Хайдер, 364.

[44] Петровский, *Башня «Бурана»*, стр. 353.

[45] Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 141.

[46] Там же, стр. 140.

[47] Махмуд Кашгарский, I, 60 и 112; китайскую транскрипцию названия см. Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 18.

[48] Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 140.

[49] Сведения о нем см. Бартольд, *Мулхакâт-ас-Сурâх*, стр. 286.

шим городом», хотя и в то время в нем происходила оживленная торговля. Только о Кашгаре сообщается, что он подвергся нашествию *джута* (*джете*) — термин, который встречается здесь впервые [50] и потом употреблялся в Китайском Туркестане в том же смысле, как в Западном Туркестане слово *казак*, т. е. для обозначения отрядов кочевников, отделившихся от своего рода и племени и обратившихся в разбойничьи шайки. Нападение *джута* произошло зимой, год не указывается; было перебито много народа и уведено в плен до 4000 малолетних. В культурно-историческом отношении интересно сообщение, что в Кашгарской области при обработке полей не пользовались ни быками, ни коровами, довольствуясь огородными инструментами (слово, употребленное в тексте, собственно, имеет значение 'топор') [51]. Теперь в Кашгарии, по-видимому, такого недостатка в рабочем скоте нет.

В XIII в. продолжались, хотя и очень медленно, успехи исламизации и отуречения Туркестана. Еще при Чингиз-хане произошло обратное тому, на что рассчитывал Кучлук: те из кара-китаев, которые уцелели во время занятия края монголами, приняли мусульманскую одежду [52]. Положение мусульман теперь было лучше в бывших владениях кара-китаев, чем в бывшем государстве хорезмшаха Мухаммеда, вследствие упорного сопротивления, которое в некоторых городах было оказано монголам. В Самарканде в 1221 г. старшины были поставлены из представителей разных народов; главный начальник был из кара-китаев и был человеком китайской культуры; мусульмане могли владеть садами и пашнями только сообща с китайцами, кара-китаями или другими. Несколько лет спустя, при Угэдэе, наместником Самарканда и Бухэры был назначен человек с китайским именем или титулом (Чонсан-тайфу), упоминающийся еще в 1268 г.[53]; этим, вероятно, следует объяснить факт чеканки в Бухаре, единственный раз в истории этого города, медной монеты с китайскими иероглифами. В последующее время мы уже не видим в мусульманских областях правителей из немусульман, хотя говорится о прибытии в мусульманские города переселенцев с востока. По словам Чан Дэ, в Алмалыке вместе с мусульманами жили китайцы и даже постепенно получали преобладание китайские нравы [54].

Гонение на ислам, происходившее при Кучлуке, при монголах, конечно, не возобновлялось, хотя Чагатай, как ревнитель монгольского обычного права, иногда привлекал мусульман к ответственности за соблюдение обрядов ислама. По поводу смерти Чагатая (1242 г.) Джувейни приводит персидское стихотворение одного поэта, оканчивающееся стихом: «Тот, из страха перед кем никто не входил в воду, потонул в океане, очень

---

[50] Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 146.
[51] Там же, стр. 144.
[52] Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 29.
[53] Бартольд, *Самаркандский дирхем*, стр. 03 и сл.; <наст. изд., т. IV, стр. 345>.
[54] Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 127.

широком» (т. е. в пучине смерти) [55]. Но и при Чагатае был врач-мусульманин Меджд ад-дин; кроме того, при нем пользовался влиянием богатый купец (происходивший, по Джемалю Карши, из Кермине, по Рашид ад-дину [56] — из Отрара) Кутб ад-дин Хабаш-Амид; это влияние было так велико, что Хабаш-Амид мог приставить к каждому сыну Чагатая одного из своих сыновей. Правда, Хабаш-Амид, хотя он был мусульманином и даже, как мы видели, строителем ханаки, не пользовался расположением мусульманского духовенства и сам не питал к нему расположения; его даже называли виновником смерти одного из самых известных ученых того времени, Юсуфа Секкаки, по происхождению хорезмийца. От этого ученого сохранилось на арабском языке, кроме необыкновенно популярной в мусульманском мире филологической энциклопедии «Ключ наук» (*Мифтāх̣ ал-ʿулӯм*), еще послание к одному из его учеников, Мухаммеду Сачаклы-заде, очевидно западному турку [57].

О научной деятельности мусульманских ученых этого периода в Туркестане нам мало известно; мы не знаем даже, кто был наставником первых чагатайских ханов, принявших ислам, Мубарек-шаха и Борака; Джемаль Карши называет мусульманкой и мать Мубарек-шаха — Эргэнэ-хатун. Хайду не был мусульманином и был похоронен, по монгольскому обычаю, на высокой горе между Чу и Или; по его распоряжению даже мусульманин Борак-хан был похоронен на горе, т. е. как монгол. Но вражды к исламу и к мусульманам Хайду ничем не проявлял; Джемаль Карши говорит о нем, что он был ханом справедливым, щедрым, милостивым, расположенным к мусульманам [58]. Сам Джемаль Карши видел его два раза, в начале и в конце его царствования, и получил от него милостивую грамоту (неизвестно, на каком языке). Более всего было бы любопытно знать, насколько мусульманские ученые Туркестана в то время знакомились со знаниями других культурных элементов государства. В этом отношении совершенно одиноко стоит известие об ученом туркестанце Хейбеталлахе, переселившемся потом в Персию и умершем в царствование Газан-хана (1295—1304). Хейбеталлах, по словам Рашид ад-дина, знал языки турецкий и сирийский, имел познания во всех науках и говорил речи «подобно шейхам», но Газан-хан будто бы причислял его к ученым второго сорта и сравнивал его с чиновниками, принимающими участие в государственных делах, но не имеющими доступа в самое помещение царской казны. «Я не удивляюсь, — прибавил Газан-хан, — что он и

[55] Джувейни, изд. Казвини, I, 228. Этот стих Седида Аʿвара приведен также в статье: Barthold, *Čag͟hatai-K͟hān*, p. 847; 〈наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 539〉.

[56] Изд. Блоше, 197.

[57] Brockelmann, GAL, Bd I, S. 296. 〈О Юсуфе Секкаки см. также наст. изд., т. I, стр. 542—544.〉

[58] Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 138: وكان هو خانًا عادلًا باذلًا سليمًا حليمًا عارفًا بالمصالح عليمًا عاطفًا على المسنمين رحيمًا.

ему подобные не знают сокровенного, но то, что они знают, мне понравилось, и за это я их ценю» [59]. По-видимому, из этого можно заключить, что Хейбеталлах был более светским ученым, чем богословом. К сожалению, до нас не дошло ничего из его трудов.

О значении турецкого языка в то время можно судить по тому, что, например, у Рашид ад-дина даже там, где говорится о семье Чингиз-хана, вместе с монгольскими терминами употребляются турецкие. Монгольский термин *нойон* 'князь' (в значении турецкого *бег*) для обозначения военной аристократии употреблялся в Туркестане до времени Тимура; при Чингиз-хане главным нойоном, как руководитель военного дела, был его сын Тулуй; это звание обозначается по-монгольски словами *еке нойон* 'великий нойон', но рядом приводится вместо монгольского прилагательного турецкое в том же значении (*улуг нойон*). Мы не видим, однако, со стороны мусульман попытки сделать турецкий язык языком государства. Когда Плано Карпини в 1246 г. уезжал из Монголии, ему дали для папы грамоту, написанную «по-сарацински» [60]. В последние годы проф. Пельо удалось установить, что в архиве Ватикана до сих пор сохранилась эта грамота, написанная на персидском языке [61]. Грамота (дата ее — конец джумада II 644 г. х., т. е. ⟨начало⟩ ноября 1246 г.) написана настолько безграмотно, что персидский язык не мог быть родным языком составлявших ее. Заглавие грамоты написано по-турецки; замечательно, что имени Гуюк-хана нет и грамота послана от имени «хана великого улуса и вселенной» (الوغ الوس‌ننک تالوی‌نونک خان یرلغمز); встречаются и турецкие слова и выражения в тексте грамоты. Надо думать, что составителями грамоты были среднеазиатские купцы турецкого происхождения, старавшиеся писать по-персидски, как на принятом в их стране литературном языке.

От политических смут и связанного с ними перерыва торговых сношений среднеазиатские монголы должны были страдать больше других монгольских государств, для которых, не исключая и Золотой Орды, был открыт доступ к морю. Этим, может быть, объясняется, что именно в Средней Азии возник грандиозный план восстановления единства монгольской империи в той форме, в которой это тогда только было возможно, — в форме федерации монгольских государств, с тем чтобы купцы свободно, не подвергаясь никаким поборам, могли переезжать из одного государства в другое. Историки приписывают инициативу в этом деле чагатайскому хану Туве, которому удалось убедить Чапара, после чего были отправлены послы в другие монгольские государства; везде было выражено согласие. Послы из Средней Азии прежде всего прибыли в Китай, к внуку

---

[59] Бартольд, МИ, т. I, стр. 82 и сл.; цитированная фраза там же стр. 83.

[60] Плано Карпини, изд. д'Авезака, 594 и 745; Плано Карпини, пер. Риша, 47; персидский оригинал этого письма с печатью Гуюка был найден в архивах Ватикана. См. также Komroff, *Contemporaries of Marco Polo*, pp. XVI—XVII.

[61] Pelliot, *Les Mongols et la Papauté*, pp. 3—30.

и преемнику Хубилая (умершего в 1294 г.), Тэмуру; в сопровождении посла Тэмура послы Чапара и Тувы прибыли в сентябре 1304 г. в Персию, в Мерагу, где тогда находился вновь вступивший на престол султан Улджэйту [62]. В 1305 г. Улджэйту послал письмо на монгольском языке французскому королю Филиппу IV с извещением о достигнутом соглашении; это письмо дошло до нас и является единственным известным нам подлинным монгольским документом, относящимся к этому договору Прежние войны объясняются в этом письме не злой волей и не корыстолюбием ханов, но клеветническими речами злых подданных (*караджу*); теперь, говорится дальше, мир восстановлен, все члены ханского рода, старшие и младшие, пришли к соглашению, все дороги открыты, и первый, кто бы нарушил договор, будет иметь против себя всех остальных. В письме высказывается наивное мнение, чтобы «франкские султаны», т. е. европейские государи, установили между собой такой же мир и также поднялись бы все вместе против его нарушителя; между тем в Европе в то время происходили такие события, как борьба Филиппа IV с папой и завоевание англичанами Шотландии. По поводу такого же письма, полученного английским королем Эдуардом I (1272—1307), новый король, Эдуард II, в своем ответе в 1307 г. мог только выразить надежду, что, с помощью божьей, возникшие в разных местах ссоры уступят место согласию и миру [63].

Пункт договора об общих действиях против всякого нарушителя мира остался, конечно, и в монгольской империи такой же мертвой буквой, каким он был всегда и раньше, и после. Мы увидим в следующей лекции, что первая половина XIV в. была для Туркестана временем еще более ожесточенных междоусобий и еще большего культурного упадка.

---

[62] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 483.

[63] Ibid., p. 593. ⟨О сношениях монголов со странами Запада см.: Sinor, *Introduction*, pp. 314—318; Mostaert — Cleaves, *Les lettres*.⟩

XI

Мы не располагаем, к сожалению, ни одним среднеазиатским источником, где бы говорилось о восстановлении мира между монгольскими государствами и о его нарушении. Джемаль Карши, сведения которого доходят до весны 1303 г., ничего не знает о договоре; им только высказывается убеждение, что «наши хаканы» располагают достаточной военной силой для отражения всех попыток Тэмура (внука Хубилая) и его потомков завоевать города Средней Азии. Тот же автор еще называет Туву 'крепким столпом' (الركن الوثيق) державы Чапара; очевидно, эти слова написаны еще до происшедшей в 1305—1306 гг. войны между этими ханами.

Об этой войне и дальнейших событиях, как почти обо всем, что происходило в мусульманской Средней Азии до начала XIV в., мы располагаем только источниками, написанными в Персии. По этим известиям [1], столкновение произошло между царевичами домов Угэдэя и Чагатая, между Самаркандом и Ходжентом; Тува отправил послов к Чапару, объяснил столкновение «легкомыслием юношей» и предложил прекратить военные действия, а для разбора причин столкновения созвать третейский суд в Ташкенте. Чапар согласился, но чагатайские царевичи скоро нарушили это перемирие, вероятно, не без согласия Тувы, хотя сам он не выступал. Кроме Мавераннахра, были произведены грабежи на Таласе. В это время войско Тэмура напало на пограничные посты Чапара у Иртыша и Алтая; при этом определенно говорится, что эти войска призвал Тува. Покинутый почти всеми, Чапар всего с 300 всадников пришел к Туве и подчинился ему; таким образом восстановилось преобладание в Средней Азии дома Чагатая. Междоусобия продолжались еще некоторое время, до курултая, созванного летом 1309 г. царевичем Кебеком, сыном Тувы (Тува умер еще в 1306 г.). Почти все царевичи дома Угэдэя частью ушли, частью лишились своих владений; из всех сыновей Хайду только один, Шах, сохранил особую тысячу и особый юрт.

С этими междоусобиями персидский историк Вассаф связывает полный упадок земледелия и торговли в Мавераннахре и Туркестане. В Мавераннахре культурные традиции были настолько продолжительны, что о пол-

[1] Источник — Вассаф; об этом см. Бартольд, *Очерк истории Семиречья* (отд. отт.), стр. 60 и сл.; 〈наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 72—73〉.

ном исчезновении городов и земледельческих поселков не могло быть и речи; но в более северных областях постепенно установилось то положение, о котором говорит арабский автор Омари (1301—1348), писавший со слов человека, бывшего в Туркестане: «В Туркестане теперь можно найти только развалины, более или менее хорошо сохранившиеся. Издали видишь хорошо построенное селение, окрестности которого покрыты цветущей зеленью. Приближаешься к нему в надежде встретить жителей, но находишь дома совершенно пустыми. Все жители страны — кочевники и нисколько не занимаются земледелием» [2].

Курултай 1309 г. не прекратил бедствий Туркестана. Ханом был провозглашен старший брат Кебека, Эсен-Бука (первая часть имени — монгольское слово); при нем Туркестан подвергся нашествию монгольских войск из Китая; местность по Кобуку и притокам верхнего Иртыша тогда была пограничной областью государства великого хана; войска, вторгшиеся оттуда в чагатайские владения, разграбили ставки Эсен-Буки, зимнюю (около Иссык-Куля) и летнюю (около Таласа) [3]. Из рассказа анонимного историка начала XV в. можно заключить, что грабежи производились не только войсками врагов, но и войсками самого чагатайского хана. По этому рассказу, Эсен-Бука и Кебек выступили со своими войсками против врагов, вторгшихся со стороны Кара-Ходжа; Эсен-Бука шел из Кашгара, Кебек — из Алмалыка. Первый опустошал все на своем пути, в расчете, что таким образом в случае поражения врагу ничего не достанется, а в случае победы можно будет легко восстановить культуру. Кебек, наоборот, заботился о поддержке благосостояния областей, через которые проходил, чтобы в случае победы население враждебного государства, под влиянием слухов о его справедливости, легче перешло на его сторону, а в случае поражения его собственные подданые были на его стороне и облегчили ему отступление. Эсен-Бука был разбит, вследствие чего и Кебек должен был отступить. Во время отступления войско Эсен-Буки терпело большие бедствия и было вынуждено есть своих коней, тогда как войско Кебека везде находило все необходимое.

Преемником Эсен-Буки был Кебек (1318—1326), царствование которого, по-видимому, имеет большое значение в истории постепенного подчинения среднеазиатских монгольских ханов мусульманской культуре. Подобно своим предшественникам, Кебек оставался язычником, но переселился в Мавераннахр, даже в южную часть его, и построил для себя дворец на расстоянии двух с половиной фарсахов, т. е. около 15 верст, от города Нахшеба, по нижнему течению Кашка-Дарьи. В смысле 'дворец' монголами, даже в самой Монголии, употреблялось слово *карши*, и авторы того времени называют это слово монгольским, хотя оно встречается уже

[2] Омари, извлеч. в пер. Катрмера, 257 и сл.

[3] По рассказу продолжателя *Джāми' ат-таварйх* Рашид ад-дина. ⟨Рук ИНА D 66, л. 473 и сл.; автором этого дополнения к труду Рашид ад-дина был, по-видимому, Хафиз-и Абру; ср. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 72, прим. 56.⟩

в *Кутадгу билик* и у Махмуда Кашгарского, причем последний даже не говорит, употреблялось ли оно только восточными турками или также западными [4]. Турки, по-видимому, заимствовали его из языка коренного населения Китайского Туркестана. По этому дворцу город Нахшеб получил название Карши, сохраненное им и до сих пор, хотя местоположение нынешнего города не соответствует местоположению ни Нахшеба домонгольского периода, ни города XIV в.[5]. Таким образом, и в Туркестане мы видим пример обычного в монгольской империи перенесения названия ханского дворца на город.

Другим нововведением Кебека была чеканка монеты с именем хана; как и в Персии, чеканились серебряные монеты большие и малые, динары и дирхемы, причем динар равнялся шести дирхемам. Монеты по-прежнему чеканились в больших торговых городах Мавераннахра: Бухаре, Самарканде, Отраре, Термезе. По имени Кебека эти монеты и потом назывались *кебекӣ*, и с этим словом иногда ошибочно сближали русское *копейка*. Были примеры чеканки, как в Золотой Орде, анонимной монеты с турецкой надписью *кутлуг болсун*, но уйгурскими буквами. Насколько известно, нет примера употребления на монетах чагатайских ханов монгольских слов; тем более удивительно, что впоследствии мы на некоторых монетах Тимура встречаем написанные арабскими буквами монгольские слова *ӱге ману* (اوكى منو) 'мое слово' (турецкое *сӧзӱм*)[6].

Переселение в Мавераннахр и постройка дворца не означали отказа от кочевой жизни; западная часть долины Кашка-Дарьи привлекала кочевников, преимущественно в летнее время, еще со времени Чингиз-хана, который провел там лето 1220 г. Еще больше, чем Кебек, усвоил мусульманскую культуру один из его ближайших преемников, его брат Тармаширин (1326—1334), принявший ислам; но и Тармаширин даже зимой принимал путешественника Ибн Баттуту в шатре.

Нет никаких указаний на то, чтобы чагатайские ханы того времени знали монгольский язык. Ибн Баттута представляет себе Кебека говорившим по-турецки; Тармаширин встретил Ибн Баттуту приветствием по-турецки. Духовный руководитель хана, имам Хусам ад-дин ал-Яги, говорил по-персидски, но хан каждый день после ранней утренней молитвы до восхода солнца произносил зикр по-турецки. Некоторые турецкие термины, приведенные у Ибн Баттуты, перешли и в монгольский язык из уйгурского и употреблялись во всех монгольских государствах, например термин *ал тамга* (в Персии иногда сокращенно *ал*) 'алая печать'; хранитель печати заведовал всем письменным делопроизводством и знал, по-видимому, и арабский язык, так как служил для Ибн Баттуты переводчиком. Интересно, что Ибн Баттута употребляет турецкое *той* 'пир'

---

[4] Махмуд Кашгарский, I, 354; также 215, 376.

[5] Barthold, *Turkestan*, p. 136; ⟨наст. изд., т. I, стр. 190⟩.

[6] Тизенгаузен, ЗВОРАО, т. VII, стр. 366. ⟨О денежном обращении в государстве Чагатаидов и реформах Кебека см. М. Массон, *Исторический этюд*.⟩

в смысле *курултай*. По словам Ибн Баттуты, *той* был ежегодно устраивавшимся собранием, куда приходили потомки Чингиз-хана, эмиры, знатные женщины и начальники войск. В это время той не созывался, что было одним из тех обвинений, которыми оправдывалось восстание против Тармаширина.

По словам Омари, принятие ислама Тармаширином содействовало оживлению торговых сношений между Мавераннахром и другими мусульманскими областями [7]; но тот же факт увеличил отчуждение между Мавераннахром и восточными областями чагатайских владений. По словам Ибн Баттуты, существовал обычай, по которому хан раз в год ездил на восток, в области, пограничные с Китаем, где был Алмалык, все еще считавшийся столичным городом; между тем Тармаширин четыре года кряду оставался в областях, смежных с Хорасаном. Из преданности исламу Тармаширин отнюдь не отказывался от войн с мусульманскими государствами; в самом начале своего царствования, в 1326 г., он совершил неудачный поход на Хорасан, после чего персидские монголы взяли и разграбили Газну; в 1329 г. он вторгся в мусульманскую Индию и дошел почти до Дели. Но во внутреннем управлении он, как видно из приведенных выше слов Ибн Баттуты, был нарушителем монгольского обычного права (*ясака*) [8], даже независимо от принятия им ислама. Нарушителем ясака называет Тармаширина и мусульманский анонимный автор начала XV в., хорошо знавший степные предания.

Вследствие этого в Туркестане возобновились смуты, продолжавшиеся до 1346 или 1347 г. и окончившиеся фактическим уничтожением ханской власти в Мавераннахре и полным отделением Мавераннахра от восточных областей. Как происходили военные действия и отразились ли они на дальнейшем упадке городской жизни, не может быть установлено; рассказ о военных действиях мы находим только у Ибн Баттуты, и этот рассказ как по хронологическим датам, так и в других отношениях находится в полном противоречии с рассказами историков. Несомненно, что в ближайшие годы после низложения и убиения Тармаширина местопребывание хана вновь было перенесено на восток и что вместе с этим на некоторое время уменьшилось влияние ислама. При хане Дженкши (до 1338 г.), монеты которого чеканились и в Мавераннахре, католические миссионеры могли построить около Алмалыка прекрасную церковь. По словам мусульманского анонима, Дженкши «советовался о делах с бахшиями», т. е. буддийскими жрецами. Антимусульманская реакция, однако, не могла иметь прочного успеха, и уже в начале 1340-х годов в Мавераннахре был возведен на престол один из шейхов турецкого происхождения, очевидно считавшийся потомком Чингиз-хана. Этот шейх, потом сделавшийся султаном, был некоторое время наставником известного бухар-

---

[7] Омари, извлеч. в пер. Катрмера, 238 и сл.

[8] Ср. Barthold, *Turkestan*, p. 41, n. 4; ⟨наст. изд., т. I, стр. 89, прим. 1⟩.

ского святого Беха ад-дина Накшбенда (1318—1389). В биографии этого святого рассказывается, что он видел во сне турецкого святого Хаким-Ата (сам Беха ад-дин, несомненно, был таджиком) и этот сон был истолкован ему в том смысле, что его наставником будет дервиш из турок; когда Беха ад-дин встретил турецкого дервиша Халиля, этот дервиш произвел на него сильное впечатление, и он понял, что предсказание относилось к нему. Беха ад-дин оставался при Халиле до и после возведения его на престол; после смерти Халиля он понял ничтожность земных благ и стал вести жизнь подвижника.

В исторических сочинениях мы среди имен чагатайских султанов не находим имени Халиля; у Ибн Баттуты упоминается среди правителей смутного времени Халиль, сын чагатайского царевича Ясавура; ему будто бы удалось победить Бузана, первого преемника Тармаширина (ни Дженкши, ни другие ханы, о которых говорят историки, у Ибн Баттуты не упоминаются), взять не только Алмалык, но даже Каракорум и Бешбалык; впоследствии он заключил мир с китайским императором и вернулся в Самарканд и Бухару. Его главным сподвижником был владетель Термеза Ала ал-мульк, сейид, носивший титул Худавенд-заде; впоследствии Халиль по наущению клеветников из турок казнил Ала ал-мулька, и этот поступок был причиной утраты им власти; он был взят в плен гератским владетелем Хусейном и будто бы жил в плену еще весной 1347 г., когда Ибн Баттута покинул Индию.

Несмотря на фантастичность рассказа, существование Халиля доказывается монетами с именем султана Халилаллаха, чеканенными в Бухаре в 742 и 743 гг. х. (1342—1344). Историки знают только одного султана из сыновей Ясавура, Казана (монеты с его именем мы также имеем), жившего, подобно Кебеку и Тармаширину, в долине Кашка-Дарьи и построившего для себя дворец Зенджир-сарай, в двух стоянках (*манзил*) от Карши, и погибшего в 1346 или 1347 г. в борьбе в восставшими главарями кочевников. Можно ли признать имена Казан и Халилаллах двумя именами одного и того же хана, пока не может быть доказано.

Власть в Мавераннахре после смерти Казана перешла к турецким эмирам; так они называются в персидских источниках; в том же значении турками употреблялось слово *бег*, иногда также монгольское *нойон*. Первым из таких эмиров был Казаган; его зимним местопребыванием было место Сали-Сарай на Аму-Дарье (ныне селение Сарай, выше Термеза); вероятно, оно имело такое же значение при чагатайских ханах; по словам анонима начала XV в., там был похоронен хан Казан. Судя по названию, там был ханский дворец; берег Аму-Дарьи издавна был местом зимовки для кочевников; в 1220/21 г. там проводил зиму Чингиз-хан. Летом Казаган переходил в горную местность около города Мунка, или Бальджуана. Казаган и его преемники возводили на престол подставных ханов, сначала из рода Чагатая, потом также из рода Угэдэя; монеты с именами этих ханов чеканились только в Мавераннахре, от Термеза до Отрара и Исфиджаба.

или Сайрама, включительно. Мы знаем, что власть эмиров Мавераннахра распространялась и на северную часть Афганистана, но нумизматических доказательств этого факта, по-видимому, нет. Восточные области бывшего чагатайского ханства политически совершенно отделились от Мавераннахра; там были свои ханы и свои верховные, или улусные, эмиры, некоторое время возводившие на престол ханов. Дальнейшая история Средней Азии сложилась так, что в Мавераннахре эмиры держали власть в своих руках; из их среды вышла такая исключительная личность, как Тимур, создавший обширную державу, которую наследовали, хотя и в меньшем размере, его потомки, постепенно отказавшиеся от обычая прикрывать свою власть подставными ханами. С другой стороны, на востоке возникла династия ханов, постепенно лишивших всякой власти эмиров. Первый из этих ханов, Туклук-Тимур, родился в 730/1329-30 г. и сделался ханом 18 лет от роду, т. е. в 748/1347-48 г. Это хронологическое совпадение заставляет предполагать причинную связь между низложением Казан-хана и возведением на престол Туклук-Тимура, хотя в источниках никаких указаний на такую связь нет и вообще время окончательного распадения бывшего чагатайского государства не определяется. Нет точных данных о том, когда произошло политическое отделение Алмалыка от Мавераннахра; миссионер Мариньолли, проезжавший через Алмалык в 1341 г., говорит, что он там построил церковь и свободно проповедовал, несмотря на гибель нескольких миссионеров незадолго перед этим, но не приводит имени хана, которому тогда принадлежал Алмалык [9]. После гонителя христиан, царевича из потомков Угэдэя, Али-султана (впрочем, его называют жестоким тираном и мусульманские историки), правил Мухаммед-Пулад; есть монета с именем «Мухаммед», чеканенная в Алмалыке в 1345 г. (шаʿбан 746 г. х.). Насколько известно, это последняя монета из Алмалыка. Имена всех этих ханов впоследствии настолько были забыты монголами, что пользовавшийся монгольскими преданиями в XVI в. Мухаммед-Хайдер, автор *Таʾрӣх-и Рашӣдӣ*, называет Туклук-Тимура сыном Эсен-Буки, едва ли бывшего в живых после 1318 г. В более ранних источниках отцом Туклук-Тимура назван другой сын Тувы, Эмиль-ходжа; чтобы примирить разногласие источников, Абулгази предполагает, что Эмиль-ходжа, или, как он пишет, Иль-ходжа, носил также прозвание Эсен-Бука. Как по более ранним, так и более поздним источникам, о ханском происхождении Туклук-Тимура ничего не было известно; его мать после смерти своего мужа-царевича или, по другим известиям, еще при его жизни вышла за какого-то эмира; Туклук-Тимур вырос в доме этого эмира и считался его сыном. Очень вероятно, что рассказ о ханском происхождении Туклук-Тимура был придуман тем эмиром из рода дуглат, которым он был возведен на престол, за отсут-

[9] Yule, *Cathay*, 2nd ed., vol. III, p. 190; Мариньолли был в Армалеке (Алмалыке), главном городе Чагатайской династии Средней Азии, в 1340—1341 гг.

ствием в восточной части чагатайского улуса подлинного отпрыска ханского рода.

По всей вероятности, мы совершенно не могли бы представить себе, даже в самых общих чертах, строй жизни Средней Азии в XIV—XV вв., если бы не такое историческое событие, как образование империи Тимура, вызвавшее, отчасти по почину самого Тимура, обширную историческую литературу [10]. Рассказы о походах Тимура заключают в себе большое число имен его сподвижников, с указанием, из какого рода они происходили, где жили они сами и их предки; известия о словах и действиях самого Тимура, его друзей и врагов также дают ценный материал для характеристики той среды, из которой вышел Тимур. К сожалению, этот материал до сих пор не только еще не исследован, но даже не приведен в известность. Составленная по почину самого Тимура уроженцами Персии на персидском языке история его царствования дошла до нас в трех редакциях; из них первоначальная была издана в 1915 г. в Петрограде Академией наук по единственной рукописи, находящейся в Ташкенте. Вторая редакция, принадлежащая Низам ад-дину Шами, доведенная до 1403 г. и уже носящая придуманное самим Тимуром заглавие *З̣афар-на̄ме*, до сих пор полностью не издана; кроме рукописи, находящейся в Лондоне, существует полный список, включенный в историческую компиляцию, составленную в 1417 г. Хафиз-и Абру, рукопись которой имеется в Константинополе [11]. Более всего известна третья редакция *З̣афар-на̄ме*, Шереф ад-дина Йезди, начатая в 1419 г. и законченная в 1425 г.; но и это сочинение доступно до сих пор только в совершенно некритическом индийском издании и совершенно устарелом, сделанном еще в XVIII в. французском переводе [12]. Введение, заключающее в себе краткое изложение мировой истории до выступления Тимура, в том числе историю монгольской империи, до сих пор не издано. Остается в рукописи также целый ряд других трудов, относящихся к истории Тимура, в том числе анонимный труд по всеобщей истории, составленный около 1412 г. для одного из внуков Тимура, султана Искендера. Этот труд, сохранившийся, насколько известно до сих пор, только в двух рукописях, находящихся в Лондоне и Ленинграде, цитуется в моем исследовании об Улугбеке как «Аноним Искендера» [13]. Подобно Шереф ад-дину, автор писал в Фарсе, но был лучше знаком со среднеазиатскими преданиями, обычаями и взгля-

---

[10] ⟨О Тимуре и источниках, содержащих относящиеся к нему сведения, см. подробнее Бартольд, *Улугбек*; наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 27—62.⟩

[11] Библиотека Дамад Ибрахим-паша, № 919 (Бартольд, *О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира*, стр. 0138 и сл.). ⟨*З̣афар-на̄ме* Низам ад-дина Шами издано в 1937—1956 гг. Ф. Тауэром.⟩

[12] ⟨Новое издание (однако без указателей) выпущено в 1957 г. в Тегеране Мухаммедом Аббаси.⟩

[13] ⟨Определен Бартольдом как сочинение Му‘ин ад-дина Натанзи; см.: Бартольд, *Определение «анонима Искендера»*; его же, *Еще об анониме Искендера*. Извлечение из этого труда издано в 1957 г. Ж. Обеном.⟩

дами. Этим сочинением, наравне с трудом Низам ад-дина Шами, пользовался Хафиз-и Абру при составлении своего обширного исторического труда *Зубдат ат-тавāрӣх*, начатого в 1423 г. для другого внука Тимура, Байсункара. Полного экземпляра этого труда до сих пор не получено; экземпляров той части, которая относится к царствованию Тимура, пока еще нигде не оказалось, и содержание этой части нам известно преимущественно по сочинению более позднего историка, Абд ар-Раззака Самарканди (1413—1482), доведенному до 1471 г. Сочинение Абд ар-Раззака также не издано [14], хотя имеется в большом числе хороших списков.

Кроме этих и других сочинений на персидском языке, упоминается еще хроника *Та'рӣх-и хāнӣ*, написанная по распоряжению Тимура уйгурскими бахши уйгурским алфавитом, на уйгурском языке. Так говорит узбецкий автор начала XVI в., по-видимому еще имевший в руках экземпляр этой книги [15]. Под словом *бахши* в этом случае следует понимать, конечно, не буддийских жрецов, но составляющих документы, написанные уйгурским шрифтом, чиновников [16]; мы знаем, что такие чиновники были не только у чагатайских ханов и Тимура, но также у потомков Тимура во второй половине XV в. По-видимому, в этой книге, как и в тех степных преданиях, которыми пользовались аноним Искендера и Мухаммед-Хайдер, излагались не столько исторические рассказы, сколько легенды и эпические сказания. Очень вероятно, что уйгурскими секретарями Тимура была придумана легенда о том значении, которое будто бы имели в Средней Азии предки Тимура еще со времени Чингиз-хана и даже раньше.

Европейские ученые часто выражали сожаление об утрате «Истории четырех улусов», будто бы составленной внуком Тимура, Улугбеком, на персидском языке. Ссылки на это сочинение мы находим у Хондемира, историка XVI в.[17]; кроме того, автор, писавший, вероятно также в XVI в., по-персидски в Мавераннахре (две рукописи этого труда находятся в Лондоне, по одной напечатан еще в 1838 г. малоудовлетворительный английский перевод) [18], называет свой труд сокращением труда Улугбека, хотя, несомненно, вносит в него и некоторые добавления. Из слов Хондемира видно, что «История четырех улусов» в действительности была составлена не Улугбеком, а только от его имени [19] и вообще воспроизводила труд Рашид ад-дина и введение к труду Низам ад-дина Шами [20] с незначитель-

---

[14] 〈Том II издан Мухаммедом Шафи' в 1941—1949 гг.〉

[15] Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902)*, стр. 188.

[16] Barthold, *Turkestan*, p. 388: *бахши*, санскр. *бхикшу* — 'буддийский отшельник', у монголов — 'писец', 'чиновник'; 〈наст. изд., т. I, стр. 454〉.

[17] Хондемир, *Хабӣб ас-сийар*.

[18] *Шаджарат ал-атрāк*, пер. Майлса; 〈ср. наст. изд., т. I, стр. 105—106, прим. 6〉.

[19] Ср. Бартольд, *Улугбек*, стр. 113. Ср., однако, Barthold, *Turkestan*, p. 56; 〈наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 141〉.

[20] *Зафар-нāме*. Ср.: Barthold, *Turkestan*, p. 54, n. 1; 〈наст. изд., т. I, стр. 102, прим. 3〉; Бартольд, *О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира*, стр. 0138 и сл.

ными дополнениями. Утрата этого труда, таким образом, не составляет большой потери для науки.

Вообще нет основания полагать, чтобы среднеазиатская историография эпохи монголов и Тимуридов создала или могла создать такой труд, который мог бы быть поставлен наравне с трудом Рашид ад-дина. Вероятно, и в Средней Азии были известны те сказания монгольской «Золотой книги», которые, кроме Персии, получили литературную обработку в Китае; но сведений об использовании тех же сказаний в Средней Азии мы не имеем. Яркие картины кочевой жизни, казалось бы, должны были обеспечить труду Рашид ад-дина популярность среди турецких народностей; но, по-видимому, эта сторона его труда была оценена среди западных турок, в Малой Азии, раньше, чем в Туркестане. В Туркестане труд Рашид ад-дина, вместе с историей Тимура Шереф ад-дина Йезди [21], был переведен на турецкий язык только в начале XVI в. для узбецкого хана Кучкунчи [22]; в Малой Азии уже в XV в. труд Рашид ад-дина был в широкой степени использован для «Истории сельджукского дома», написанной (некоторые части этого труда были только переводом персидских трудов Равенди и Ибн Биби) для турецкого султана Мурада II (1421—1451). Между прочим, автор воспользовался приведенными у Рашид ад-дина изречениями Чингиз-хана, перевел их на турецкий язык и смело приписал их мифическому предку своего народа, Огуз-хану. Одним из турецких ученых было высказано предположение, что в *Огуз-нāме* отразилось подлинное турецкое законодательство, которому будто бы подражал Чингиз-хан [23]; но из сопоставления персидского текста с турецким ясно видно, что подлинником является первый, переводом — второй. В одном месте турецкий автор читал в персидской рукописи سگک ‘собака’ вместо سنگک ‘камень’, вследствие чего в турецком тексте вместо упавшего в воду камня говорится об упавшей в воду собаке.

Сопоставление сведений Рашид ад-дина с тем, что рассказывали в Туркестане в XIV и XV вв. о событиях XIII в., ясно показывает, что эти рассказы не основывались ни на каких действительных происшествиях и только придумывались для того, чтобы объяснить и оправдать фактически установившееся положение. Это происходило одинаково в государстве Тимура и в отделившихся от Мавераннахра восточных областях. Тимур происходил из отуреченного монгольского племени барлас (по-монгольски барулас), владевшего тогда местностью по Кашка-Дарье. Мы знаем от Рашид ад-дина, что одним из эмиров Чагатая был Карачар из рода барлас, считавшийся потом предком Тимура; но ни о Карачаре, ни о его ближайших потомках не говорится у Рашид ад-дина, чтобы они принимали сколько-нибудь выдающееся участие в управлении государ-

[21] *Ẓафар-нāме*, написанное в 828/1425 г. Ср. Barthold, *Turkestan*, p. 53; ⟨наст. изд., т. I, стр. 102—103⟩.

[22] Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902)*, стр. 257.

[23] Неджиб Асым, цит. по: M. Hartmann, *Der islamische Orient*, Bd III, S. 37, 198.

ством; между тем предание, как оно сложилось при Тимуре, говорит о Карачаре и его потомках как о таких же полновластных правителях чагатайского государства, каким потом был Тимур. Эта власть будто бы основывалась на письменном договоре, впервые заключенном еще между прадедом Чингиз-хана, Кабул-ханом, и его братом Качули, предком Карачара, и потом возобновлявшемся несколько раз; говорится даже о письменном документе, будто бы исчезнувшем во время смут XIV в. Таким же образом представители другого отуреченного монгольского племени, дуглатов, владевшие в середине XIV в. обширной областью, заключавшей в себе, кроме Китайского Туркестана, Фергану и южную часть Семиречья до Иссык-Куля, утверждали, что их предок Уртубу получил эту область еще от Чагатая; между тем Рашид ад-дин говорит о племени дуглат, что среди его представителей вплоть до времени самого Рашид ад-дина не было никого, кто бы достиг почета и славы.

Обращает на себя внимание то значение, которое имели как в западной, так и в восточной части Средней Азии в то время отуреченные монгольские племена. Историки не дают нам перечисления родов, на которые делились кочевники обоих государств; но среди отдельных названий родов почти нет названий прежних турецких народностей. В государстве Тимура упоминается род кипчак, но не упоминается род карлук; уйгуры упоминаются как род или народность, из которой происходили турецкие секретари (*бахши*) Тимура и его потомков; но ничего не говорится о территории, которая была бы занята уйгурами, как некоторыми другими родами. Рашид ад-дин говорит только о четырех тысячах монгольского регулярного войска, данных Чингиз-ханом Чагатаю; большое число названий монгольских народностей, встречающихся среди названий кочевых родов Средней Азии в XIV в., заставляет полагать, что впоследствии в Туркестан пришло более значительное число монголов. По-видимому, представители одной и той же народности поселялись в нескольких местах; часто мы встречаем одно и то же название среди родов, подчиненных Тимуру, и родов, живших в восточных областях. К числу таких родов принадлежит и род дуглат; из этого рода происходил пользовавшийся полным доверием Тимура эмир Давуд, муж его сестры Кутлуг-Туркан [24]. Таким же родом в восточных областях был род барлас.

Замечательно, что название *чагатай* сохранялось только за кочевниками государства Тимура, хотя в восточных областях имели гораздо больше значения ханы, считавшиеся потомками Чагатая. Кочевники этих областей назывались моголами, их страна — Моголистаном. Так, без *н*, произносилось народное название монголов в Средней Азии с самого начала, хотя в монгольских текстах всегда писалось *монгол*; единственные из переселившихся на запад монголов, до сих пор сохранивших свой язык (это племя живет в Афганистане), тоже называют себя могол. Считая

[24] ⟨Теркен.⟩

себя чистыми представителями среднеазиатских кочевых традиций, моголы с презрением называли чагатаев людьми смешанного происхождения, метисами (*караунас*); с другой стороны, чагатаи, как представители традиций среднеазиатской монгольской государственности, называли моголов разбойниками (*джете*). Это название, которое в европейской науке иногда пытались толковать в смысле названия древних гетов, в действительности употреблялось, как мы видели, в том же смысле, как в XV в. в турецкой Средней Азии слово *казак* — в смысле отрядов кочевников, отделившихся от того государства, к которому они принадлежали, и находившихся с ним в состоянии войны.

Не вполне ясно, в какой степени моголы XIV—XV вв. еще были монголами по языку и можно ли считать вражду между монголами и чагатаями национальной враждой между монголами и турками. Есть некоторые указания, что язык моголов был монгольским; еще в начале XVI в. Бабур говорит, что его дядя Ахмед-хан могольский носил прозвание *алачи* и что это слово «на языке моголов и калмыков» значит ʿубийца' [25] С другой стороны, Мухаммед-Хайдер считал моголов и киргизов одним и тем же народом и видел всю разницу между ними в том, что моголы приняли ислам, тогда как киргизы оставались в то время язычниками. Потомки Ахмед-хана во всяком случае были по языку турками; уже сын Ахмед-хана, Саʿид-хан, умерший в 1533 г., писал стихи по-персидски и по-турецки. Мухаммед-Хайдер отличает моголов от коренного населения Восточного Туркестана и понимает под Моголистаном преимущественно степи от Балхаша, составлявшего границу между Моголистаном и Узбекистаном, на западе и до страны калмыков на востоке; на севере границу составляли Эмиль и Иртыш, на юге — Фергана и области Восточного Туркестана от Кашгара до Баркуля (собственно, Барс-куль). В XVI в. моголы были вытеснены оттуда калмыками и киргизами, но оставались в Кашгарии, где их, по словам Мухаммед-Хайдера, считалось около 30 000. Условия в Кашгарии неблагоприятны для сохранения кочевой жизни, и после исчезновения, в конце XVII в., ханской династии моголы должны были скоро слиться с местным оседлым населением и утратить свое название. По языку в Кашгарии, по-видимому, давно уже не было разницы между кочевниками и оседлыми поселенцами; название *кенджек*, существовавшее в XI в. при Махмуде Кашгарском [26], по-видимому, давно было забыто. В стране моголов поэтому с самого начала не было, как в стране чагатаев, противоположности между турками и таджиками, или сартами, хотя бытовые отличия на востоке, где кочевники меньше подчинились влиянию мусульманской культуры, были еще больше. У моголов особенным уважением пользовались воины, проводившие в молодости некоторое время в полном одиночестве, в пустынях, горах

---

[25] *Бāбур-нāме*, изд. Беверидж, л. 116.

[26] Махмуд Кашгарский, I, 399 и др.

или лесах, на расстоянии одного или двух месяцев пути от ближайшего жилья, питаясь мясом и одеваясь в шкуры убитых ими животных. У чагатаев такого обычая, конечно, не могло быть.

Чагатаи при Тимуре считали себя вполне мусульманским войском, хотя по своей внешности и по своему военному устройству оставались верны традициям Чингиз-хана. Связанное с именем Чингиз-хана обычное право кочевников обозначалось старотурецким словом *тӧрӱ*, переделанным в *тура*, может быть под влиянием известного еврейского слова, находящегося и в Коране. Тимура и чагатаев обвиняли даже в том, что для них *тура* Чингиз-хана стояла выше шариата; на этом основании сирийскими богословскими авторитетами была издана фетва, по которой Тимур и его подданные не признавались мусульманами. В 1372 г. послу Тимура было сказано в Хорезме: «Ваше царство — область войны (*дāр ал-ḥарб*), и долг мусульман — сражаться с вами». Резким внешним отличием Тимура и его воинов от прочих мусульман были сохраненные ими, по монгольскому обычаю, косы, что подтверждается и некоторыми среднеазиатскими иллюстрированными рукописями того времени. Когда войско Тимура осаждало Дамаск (1400—1401 гг.), его внук Султан-Хусейн изменил своему деду и перешел на сторону осажденных; ему прежде всего отрезали косу и заставили его переменить одежду.

Понимание подробностей деления чагатаев на племена и роды несколько затрудняется неясностью терминологии; в одном и том же значении употребляются термины *улус* [27], имевший, как мы видели, и гораздо более обширное значение (говорится об улусе Джучи или улусе Чагатая), *иль* и *тюмень*, по-видимому также монгольское *аймак* (пишется часто اويماق) [28]. Слово *тюмень* в значении 'множество, десять тысяч' перешло в турецкий язык из языка коренного населения Кашгарии; впоследствии термин *тюмень* чаще, чем к кочевникам и войску, применялся к массе оседлого населения. Мухаммед-Хайдер различает в Кашгарии (по его выражению, в Кашгаре и Хотане) четыре класса: *тюмень* — крестьянство, *каучин* — войско, *аймак* — кочевников, имевших право на определенное количество хлеба, тканей и т. п., и класс чиновников и духовенства. Вероятно, второй и третий класс вместе составляли моголов [29]. Термин *тюмень* в новейшее время в Бухаре употреблялся для обозначения жителей равнин, в противоположность горцам — *кухистани*. Положение чагатаев в государстве Тимура сравнительно с оседлым населением яснее, чем у восточных авторов, определяется у испанского посла Клавихо, видевшего их в августе 1404 г.: «Они могут ходить везде, где хотят, со своими стадами, пасти их, сеять и жить, где хотят, и зимой и

---

27 Ср. Barthold, *Čingiz-Khān*, S. 898 〈см. ниже, стр. 627〉: «некоторое количество племен».

28 Ср. Радлов, *Словарь*, I, 63.

29 〈В немецком издании этой фразы нет.〉

летом; они свободны и не платят податей царю, потому что служат ему на войне, когда он их призовет»[30].

Особенным значением среди чагатаев пользовались четыре рода: арлат, джалаир, каучин и барлас. Слово *каучин*, как мы видели, первоначально не было названием отдельного рода или племени, но названием привилегированной части войска; по словам Шереф ад-дина Йезди, так называлась собственная тысяча хана. Очень вероятно, что из каучинов происходил первый правитель Мавераннахра из чагатайских эмиров, Казаган (1346—1358), внук которого впоследствии был побежден и убит Тимуром. Названия трех остальных родов были первоначально названиями монгольских национальностей; в чагатайском государстве каждый из этих родов владел определенной территорией; арлаты жили в северной части Афганистана, джалаиры — на Сыр-Дарье около Ходженда, барласы — в местности по Кашка-Дарье. Наравне с родовыми единицами упоминаются, как отдельные части чагатаев, имевшие своих предводителей и свою территорию, отряды, образовавшиеся в свое время вокруг отдельных ханов или царевичей и после их смерти сохранившие их имя. Так, около Балха упоминается «кебекский тюмень»; по словам анонима Искендера, Кебек в царствование своего брата Эсен-Буки получил право собрать вокруг себя богатых людей (очевидно, кочевников, владевших наибольшим количеством стад) из каждого улуса; от этих людей, по словам историка, происходили те, «которые теперь с гордостью называют себя собственными людьми Кебека» (تا که امروز مفاخرت بانجو کری کبک میکنند). По словам того же источника, к Кебеку присоединился потом улус его побежденного врага, царевича Ясавура; но при Тимуре *ясавури* упоминаются отдельно как род, живший около Самарканда; глава ясавуриев, эмир Хизр, владел Самаркандом и по словам анонима Искендера.

Самая тесная связь была, конечно, между Тимуром и родом барлас, к которому он сам принадлежал; отдельные представители этого рода часто называются «братьями» Тимура. С эмирами арлатов и джалаиров Тимур долго боролся за власть, даже после своего провозглашения главой чагатайского государства; улус джалаиров даже был объявлен в 1376 г. уничтоженным, и его остатки были распределены по отрядам других эмиров. Среди особенно близких Тимуру эмиров упоминаются, однако, не только барласы, но и представители других родов; одним из них был Акбуга из рода найман, подобно многим другим сподвижникам Тимура заранее определивший для себя место погребения около предполагавшегося (в Шахрисябзе) места погребения самого Тимура. Замечательно, что эти местные кладбища называются тем же словом (*мурчал*), как место отряда или отдельного воина во время битвы.

Этот рассказ и многие другие свидетельствуют о популярности Тимура среди чагатаев вообще, особенно среди их главарей. К военному элементу

[30] Клавихо, изд. Срезневского, 220.

своей страны Тимур, несомненно, чувствовал себя гораздо ближе, чем к городскому и сельскому населению, хотя и Тимур совершил поступок, который в глазах кочевников обоих среднеазиатских государств, чагатайского и могольского, был особенным преступлением: сделал если не своим постоянным местопребыванием, то своей столицей большой город и стал воздвигать в нем постройки. Переход кочевников, их царевичей и главарей в города считался нарушением ясака Чингиз-хана. Предписание «всегда кочевать, никогда не становиться оседлыми» приписывалось и малоазиатскими турками Огуз-хану [31], причем в этом случае употреблен термин *отурак*, этимологически ближе стоящий к современным европейским словам с этим значением (русск. «оседлый», франц. «sédentaire», нем. «seßhaft»), чем употребляемое теперь в Средней Азии слово *джатак*. Ненависть к городам была в Моголистане, конечно, упорнее, чем на западе. Еще во второй половине XV в., когда потомки Тимура давно успели прославиться своими постройками в Самарканде и Герате, могольский Юнус-хан из-за неудовольствия своих моголов должен был отказаться от своего намерения поселиться в Аксу, хотя этот пункт тогда «только по сравнению с Моголистаном мог считаться городом». Когда Юнус-хан несколько лет спустя занял Сайрам и потом Ташкент и поселился там (в Ташкенте, как известно, и теперь находится его могила), часть моголов ушла от него вместе с сыном самого хана, Ахмедом, остававшимся и впоследствии, в противоположность своему отцу и старшему брату, настоящим степным воином по привычкам и наружности. Таковым видел его еще в 1502 г. его племянник Бабур [32].

В чагатайском государстве о возмущении на этой почве кочевников против своего властителя говорится только в рассказах о событиях XIV в. Историки хвалят Казагана за то, что он оставался верен кочевой жизни, зимовал на берегу Аму-Дарьи, проводил лето в горах около Бальджуана, не трогал земель оседлого населения. Его сын Абдулла, не спросив позволения у отца, совершил набег на Хорезм; хорезмийцы откупились от него за 200 томанов (2 000 000 серебряных динаров); Казаган, узнав об этом, выразил сыну резкое порицание за беспричинное нападение на земли мусульман. О правлении Казагана говорится, что при нем и турки, и таджики пользовались полным благоденствием. Абдулла после отца тоже правил хорошо, но вызвал неудовольствие некоторыми действиями, как, например, решением сделать своим местопребыванием Самарканд; поэтому он был низложен эмирами меньше чем через год после смерти Казагана. После нескольких лет смуты власть перешла к внуку Казагана, эмиру Хусейну. Он задумал сделать своей столицей Балх; Тимур уговаривал его не делать этого, указывая на судьбу

---

[31] *Тавāрӣх̱-и Āл-и Сельджӯк̣*, рук. Аз. муз. 590 ba, стр. 28: دايم كوچ ايدهلر اوتراق اولميالر.

[32] *Бāбур-нāме*, изд. Беверидж, лл. 103а-б, 107б.

его дяди; Хусейн не послушался; произошло восстание, в котором принял участие сам Тимур. Хусейн был убит; власть перешла к Тимуру, который тотчас сделал сам то, за что упрекал Абдуллу и Хусейна: избрал своей столицей большой город, именно Самарканд, и построил в нем стены и цитадель. Из всего этого можно заключить, что помимо нежелания самих кочевников переменить свою жизнь на жизнь оседлых поселенцев и помимо предписаний Чингиз-хана в интересах коренного населения, таджиков, также признавалось желательным, чтобы кочевники оставались в степи. Ханы и эмиры переходили в города, конечно, не одни, но с некоторым числом своих соплеменников; трудно было примирить интересы пришельцев с интересами прежних жителей, на которых, несомненно, и без того вредно отражалось управление главарей кочевников и происходившие среди них междоусобия. Об основании при Хайду и Туве города Андижана аноним Искендера говорит, что ханы привели туда много народа из всех своих владений; еще в эпоху автора представители каждого народа (قوم), т. е., вероятно, каждого рода бывших кочевников, имели в этом городе свой квартал.

Тимур кроме турецкого языка знал персидский, имел некоторое понятие не только об исламе как религии, но также о мусульманской науке и искусстве, привлекал отовсюду в Самарканд ученых и художников, проводил новые каналы, строил в Самарканде великолепные здания, вообще старался производить на современников своей созидательной деятельностью не менее сильное впечатление, чем разрушительной. К этой стороне его деятельности турецкие элементы его государства не имели почти никакого отношения. Наиболее турецкой страной из покоренных Тимуром культурных стран был Хорезм; мастера из Хорезма выстроили для Тимура великолепный дворец Ак-сарай в Шахрисябзе; но в этом здании, кроме названия, по-видимому, не было ничего турецкого; среди надписей на стенах есть много персидских стихов, но ни одного турецкого. Сам Тимур, по-видимому, не интересовался поэзией, ни турецкой, ни даже персидской; нет никаких указаний на то, чтобы он знал персидских поэтов, если не считать анекдотического рассказа о встрече его с Хафизом, может быть в 1387 г. Заботу о духовных интересах своих турецких подданных Тимур проявил только постройкой великолепного здания над могилой главного турецко-мусульманского святого, Ахмеда Ясеви (других построек Тимура вне Самарканда и его окрестностей не было); но грамота о вакфе в пользу этого здания, дошедшая до нас, составлена по-персидски.

В следующей лекции я постараюсь собрать данные об экономическом и культурном уровне среднеазиатских турок при Тимуре, при его потомках и при узбецких ханах.

XII

Тимур при образовании своей империи не имел в виду, конечно, турецких национальных целей. Целью Тимура было подчинить своей власти как можно большее число стран, по возможности весь мир. Нет указаний на то, чтобы Тимур знал историю Александра Македонского; но его историк приписывает ему те же слова, которые приписывались Александру и завоевателям его типа, в том числе самому могущественному представителю иранской династии Буидов в X в. Адуд ад-дауля: «Весь мир не стоит того, чтобы иметь двух царей». Как завершение своей завоевательной деятельности Тимур представлял себе завоевание Китая, как до него хорезмшах Мухаммед, а после него Надир-шах, с той разницей, что для этих завоевателей поход на Китай был только отдаленной мечтой, тогда как Тимур успел собрать войско для похода, который был остановлен только его смертью; в Китае знали о военных приготовлениях Тимура и принимали меры для отражения нашествия. Есть даже известие, что начальники войска после смерти Тимура сперва хотели продолжать поход и только вследствие наступивших в царстве Тимура смут отказались от своего намерения.

Из всего этого видно, какое значение придавалось и в то время мусульманскими турками Китаю. Бабур говорит в своих записках, что всегда мечтал о путешествии в Китай и некоторое время, когда ему казалось, что военные неудачи освободили его от всяких политических обязанностей, думал осуществить свою мечту, хотя он, конечно, мог бы быть в Китае только гостем, а не завоевателем, как Тимур [1]. Самарканд оставался при Тимуре и его преемниках крупным торговым центром, куда проникали и китайские товары, хотя, насколько известно, в Туркестане в монгольский период не было таких научных сведений о Китае, какие мы находим в этот период в Персии, особенно в трудах Рашид ад-дина. Подробный рассказ о посольстве в Китай Шахруха в 1419—1422 гг., в котором принимали участие и послы из Самарканда, принадлежит одному из персидских участников посольства.

Предметом завоевательных стремлений Тимура были прежде всего области иранской культуры, раньше других, по географическим причи-

---

[1] *Бāбур-нāме*, изд. Беверидж, л. 101б.

нам, Хорезм, область турецкая по составу населения, но в то время едва ли сколько-нибудь уступавшая в культурном отношении чисто иранским областям. Тимур вывез из Хорезма в Самарканд большое число ученых и художников; хорезмийские мастера построили для Тимура дворец в Шахрисябзе, Ак-сарай, остатки которого до сих пор производят сильное впечатление в художественном отношении, особенно по подбору изразцов; это здание стоит едва ли не выше самаркандских построек Тимура. Обстоятельства сложились так, что от войн Тимура больше всего пришлось пострадать Хорезму. Незадолго перед этим Хорезм освободился от подчинения Золотой Орде и находился под властью собственной династии, происходившей, как и династия Тимура, от отуреченных монголов; тем не менее хорезмийский владетель Хусейн Суфи не допускал никакого сравнения между вполне усвоившими мусульманскую культуру хорезмийцами и походившими по внешности и нравам на язычников чагатаями. Когда в 1372 г. в Хорезм прибыл для переговоров посол Тимура, Хусейн Суфи отказался от всяких переговоров и резко сказал послу: «Ваше царство — область войны (т. е. владение неверных), и долг мусульман — сражаться с вами». После покорения чагатаями в 1379 г. Хорезм несколько раз поднимал восстание; во время борьбы между Тимуром и золотоордынским ханом Тохтамышем Хорезм несколько раз переходил на сторону Тохтамыша и чеканил монеты с его именем. Поэтому Хорезм и в особенности его столица Ургенч подверглись более тяжкой участи, чем другие завоеванные Тимуром области. Во время походов Тимура было много случаев избиения в большом числе жителей городов, но никаких мер не принималось к тому, чтобы эти города оставались пустыми и после. Те же города, где было перебито несколько десятков тысяч людей, потом снова имели большое число жителей и были местопребыванием сыновей и внуков Тимура. Только один Ургенч был совершенно уничтожен как город, и на его месте, чтобы выразить внешним образом уничтожение города, был посеян ячмень. Через три года было разрешено восстановить Ургенч, но только в размерах одного квартала. Хорезм после Тимура так и не вернул себе своего прежнего торгового и культурного значения, тем более что хорезмийская область, по своему географическому положению, более всего страдала от продолжительных войн между узбеками, т. е. турками Золотой Орды, и чагатаями.

Сам Тимур, как мы видели, был воином чагатайского типа, и его турки-чагатаи были ему, конечно, гораздо ближе, чем его иранские подданные — таджики. В войске Тимура рядом с турками были иранцы; историк-хорасанец Хафиз-и Абру даже утверждает, что Тимур из всех отрядов своего войска более всего доверял хорасанцам; но в то же время Тимуру приписываются изречения, в которых военные качества признаются только за турками. Когда Тимур в 1404 г., незадолго до своей смерти, давал наставления своим сыновьям и внукам, он говорил им, что владевший прежде Западной Персией Султан-Ахмед, Джалаир (и эта династия

вышла из отуреченных монголов), не внушает беспокойства, как человек «с характером таджика» (تاجيك مزاج). Но в то же время Тимур, как все турки, должен был подчиниться влиянию иранской культуры. Тимур был неграмотен, но не был чужд культуре, хорошо играл в шахматы, находился в постоянном общении с учеными и из бесед с ними вынес основательные познания в нескольких науках; своими познаниями в истории он удивил одного из величайших арабских историков того времени — Ибн Халдуна [2]. Тимур заботился не только о военных успехах, но и о привлечении в свое государство и в свою столицу ученых, об увековечении своей славы грандиозными постройками и оросительными работами; во всем этом он находился в зависимости от людей иранской культуры и, по крайней мере большею частью, иранского происхождения.

Только в последние годы жизни Тимура, в связи с задуманным походом на Китай, мы видим с его стороны те действия, к которым правитель нашего времени приступил бы с самого начала. Принимаются меры к прочному подчинению тех турецко-монгольских народностей, против которых до тех пор предпринимались только набеги; в степи строятся крепости, причем передовым пунктом была крепость на Иссык-Куле; вообще проявляется забота о восстановлении земледелия и городской жизни. Все, что в этих отношениях было достигнуто перед походом Тимура на Китай, было утрачено тотчас после смерти Тимура, и попытки его преемников вновь подчинить кочевников не имели почти никакого успеха.

Тимур не был так счастлив в своих сыновьях и внуках, как Чингиз-хан, и после его смерти не могло быть и речи о сохранении границ империи, не говоря уже о дальнейшем расширении их. Очень скоро после смерти Тимура его династия лишилась всех своих владений, кроме Туркестана и восточных и частью южных областей Ирана; но на этом ограниченном пространстве, благодаря установлению сравнительного спокойствия и уменьшению размеров военных предприятий, могла происходить более оживленная культурная работа, чем при Тимуре. Главным городом империи вместо Самарканда сделался Герат, местопребывание того сына Тимура, Шахруха, к которому после некоторых междоусобий перешла верховная власть над всеми областями, оставшимися под властью династии Тимура; но и Самарканд, где сорок лет (1409—1449) правил старший сын Шахруха, Улугбек, оставался блестящим городом, и постройки Улугбека по технической прочности, размерам и внешнему великолепию даже превзошли постройки его деда. Ни в гератских, ни в самаркандских постройках не было ничего национально-турецкого. Кроме мечетей и медресе строились также здания общеполезного назначения, как бани, караван-сараи и т. п., но и среди них, по-видимому, не было ничего подобного единственной из построек Тимура, имевшей национальное значение, именно зданию над гробницей Ахмеда Ясеви с его огромным

---

[2] ⟨Ср. Fischel, *Ibn Khaldūn and Tamerlane.*⟩

котлом для угощения местных дервишей и приезжих гостей. Эта принадлежность здания соответствовала мусульманским понятиям о назначении обители дервишей, ханегаха (в документах встречается выражение «ханегах — убежище странников»), и вместе с тем турецким представлениям об обязанности начальника заботиться о щедром угощении своих подчиненных. Зато при потомках Тимура получила значительное развитие турецкая литература, о которой в истории самого Тимура почти ничего не говорится. Турецкая поэзия была в чагатайском государстве и раньше; дервиш Кабул-шах, провозглашенный ханом в 1366 г. и скоро после этого низложенный, писал стихи, пользовавшиеся известностью еще в XV в.; как хан, он должен был считаться потомком Чингиз-хана; очевидно, что его язык был турецким; на этом же языке им, по всей вероятности, сочинялись стихи. Один из сподвижников Тимура, эмир Сейф ад-дин, барлас, писал стихи персидские и турецкие. Но после смерти Тимура появляются более популярные поэты Секкаки [3] и Лутфи; за последним признавал поэтические достоинства и классический поэт Мир Али-Шир Неваи, со времени рождения которого в нынешнем году прошло 500 лет по мусульманскому счету. Секкаки прославлял в своих стихах уже внука и ближайшего преемника Тимура в Самарканде, Халиль-Султана (1405—1409), впоследствии еще более прославлял Улугбека; в стихах, посвященных Улугбеку, автор говорит также о себе, как турецком поэте: «Небо еще много лет должно совершать свой кругооборот, прежде чем оно вновь создаст такого турецкого поэта, как я, и такого ученого царя, как ты» [4]. Лутфи также говорит, что Улугбеку известны достоинства его стихов, не уступавших, по его мнению, популярным в то время стихам персидского поэта XIV в. Сельмана из Савы. Был также, уже при Шахрухе и Улугбеке, турецкий поэт из представителей династии Тимуридов, Сиди-Ахмед б. Мираншах; написанное им в 839/1435-36 г. для Шахруха *Таʿашшуḳ-нāме* в некоторых отношениях представляет, как видно из заглавия, подражание *Муḥаббат-нāме* золотоордынского поэта середины XIV в. Хорезми. В самом конце эпохи Тимуридов, в конце XV и в начале XVI в., писал сочинения на турецком языке другой потомок Мираншаха, Бабур; из слов Бабура мы знаем, что популярным поэтом был также его двоюродный брат, Байсункар, владевший некоторое время Самаркандом [5]. Всех других чагатайских поэтов затмил во второй половине XV в. Мир Али-Шир Неваи [6]. Только произведения Неваи пережили своего автора и получили широкую известность далеко за пределами владений Тимуридов; даже произведения Бабура, несмотря на их несом-

---

[3] Köprülü-Zade, *Sakkākī*. ⟨См. также Рустамов, *Узбекская поэзия*.⟩

[4] ⟨См. наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 140.⟩

[5] *Бāбур-нāме*, изд. Беверидж, л. 68б. ⟨О среднеазиатской тюркоязычной поэзии тимуридского времени см. ниже, стр. 606—610.⟩

[6] ⟨См. Бартольд, *Мир-Али-Шир*; наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 199—260; там же (стр. 202, прим. 21) — о новой литературе, посвященной Навои.⟩

ненные достоинства, сохранились только в небольшом числе списков и были настолько забыты, что должны были быть вновь открыты европейскими учеными [7]. Мир Али-Шир был человеком персидской культуры, вводил в турецкую поэзию персидские сюжеты, даже написал историю древнеперсидских царей. Нет известий, чтобы он интересовался, например, сочинением Рашид ад-дина, вообще историей турок и монголов. В то же время он, однако, придавал значение турецкой поэзии и турецкому языку; в одном из своих сочинений, написанных в самом конце его жизни, он даже старается доказать преимущества турецкого языка перед персидским, на что не решался, насколько известно, ни один из других турецких писателей, по крайней мере в Средней Азии [8].

Турецкие поэты писали преимущественно в Самарканде и Герате, т. е. в городах, где огромное большинство населения составляли таджики и где турецкий элемент был представлен династией и войском. Политическое господство турок должно было придать некоторое значение их языку; мы знаем, что даже в Египте, где турок вне военного элемента, вероятно, не было совсем, в эпоху мамлюков образовалась некоторая турецкая литература, преимущественно переводная. Разумеется, не все представители династии чувствовали себя турками и дорожили традициями своего народа: к тому же чисто турецкие традиции были вытеснены турецко-монгольскими. Турецкое военное устройство того времени было наследием империи Чингиз-хана, и кроме турецких военных терминов употреблялись монгольские, впоследствии забытые, например слово *хошун* в смысле 'военный отряд'. Степень преданности государя турецким национальным традициям определялась тем значением, которое придавалось законам Чингиз-хана по сравнению с нормами мусульманского права — шариата. Шахрух в Герате хотел быть только мусульманским султаном и халифом и решительно отказывался признавать законы Чингиз-хана, тогда как в то же самое время Улугбек в Самарканде старался соблюдать, по крайней мере в военных делах, все законы, связывавшиеся с именем Чингиз-хана, назначая, по примеру Тимура, подставных ханов, вообще старался править в духе своего деда.

В противоположность Тимуру, Улугбек при жизни своего отца не мог совершать походов на Переднюю Азию; оттого при нем походы на Золотую Орду и Моголистан должны были получить больше значения, чем при Тимуре. Улугбек, однако, не имел возможности вернуться к тем планам, которые были у Тимура в последние годы его жизни; мечты Улугбека, как и прежние планы Тимура, не шли дальше возведения на престол своих ставленников из местных царевичей. Эта цель не была достигнута Тимуром и не могла быть достигнута Улугбеком, не унаследовавшим, по-видимому, военных талантов своего деда и не обладавшим темпераментом завоевателя; даже самое крупное из военных предприятий

---

[7] Самойлович, *Собрание стихотворений Бабура.*

[8] *Муха̄камат ал-луг̣атайн*, константиноп. изд.

Улугбека, его поход в Моголистан в 1425 г., осталось без всяких результатов. Владения Улугбека к концу его правления были менее обширны, чем в начале; моголы отняли у него области к востоку от Сайрама, узбеки — области по Сыр-Дарье ниже Туркестана. Могущество узбеков в то время усилилось под властью хана Абулхайра, сыновьям и внукам которого было суждено впоследствии положить конец государству Тимуридов. Абулхайр зимой 1430/31 г. захватил на некоторое время северную часть Хорезма с городом Ургенчем; осенью 1448 г., когда Улугбек после смерти Шахруха старался подчинить своей власти Хорезм, Абулхайр совершил набег на Мавераннахр и разграбил окрестности Самарканда; в 1451 г. Абулхайр вмешался в происходившие в Мавераннахре междоусобия среди Тимуридов; с его помощью потомок Мираншаха Абу Са'ид победил потомка Шахруха Абдуллу, племянника Улугбека. Победа Абу Са'ида была в то же время победой ходжи Ахрара, стоявшего во главе среднеазиатского дервишизма и религиозной оппозиции против Улугбека и его системы управления. Почитатель своего деда Тимура, Улугбек в то же время был приверженцем турецко-монгольских военных традиций и до некоторой степени турецким патриотом. На это указывают монеты, чеканенные им в Герате и Самарканде в течение тех двух лет (1447—1449), когда он стоял во главе государства Тимуридов (до 1447 г. монеты и в Самарканде, где фактически управлял Улугбек, чеканились с именем Шахруха). Улугбек едва ли не единственный из Тимуридов (среди монет самого Тимура такие монеты есть), чеканивший монеты и надписи на турецком языке. Надпись монет Улугбека: *Эмир Тимур гурган химметидин Улугбек гурган сӧзӱмӱз*, т. е. «По духовному благословению эмира Тимура гургана слово наше Улугбека гургана» (формула *сӧзӱм* или *сӧзӱмӱз* употреблялась, как известно, в ханских ярлыках до последнего времени и представляет перевод монгольского *ӱге ману*, встречающегося на монетах Тимура; *гурган* — монгольское слово 'зять', как называл себя Тимур и некоторые из его потомков, породнившихся, по его примеру, с домом Чингиз-хана).

Турецкий патриотизм не мешал Улугбеку усвоить еще в большей степени, чем Тимур, иранскую культуру. Улугбек не только беседовал, как Тимур, с учеными, но сам занимался наукой, особенно астрономией, и представлял довольно редкий в истории ислама пример ученого на престоле; современники сравнивают Улугбека в этом отношении только с Александром, учеником Аристотеля, очевидно не находя подходящего примера в мусульманской истории. Астрономические труды Улугбека и его ближайших преемников признаются последним словом мусульманской астрономической науки.

Отношение Улугбека к науке наглядно показывает, какой прогресс представлял Самарканд Улугбека по сравнению с Самаркандом Тимура. Среди приближенных Тимура были как ученые, так и представители турецкого военного сословия, но между теми и другими не было ничего

общего; не было примера, чтобы турецкий приближенный Тимура сделался ученым. Улугбек не только сам сделался ученым-астрономом, но создал себе ученика и преемника среди своих приближенных турок — Али Кушчи. Прозвание *Кушчи* показывает, что он занимал должность, соответствующую сокольничьему русских царей; на этой почве, вероятно, произошло первоначально его сближение с Улугбеком, который был большим любителем охоты, так что Бабур называет его *кушчи падишах*. По примеру своего государя Али увлекся астрономией и принимал участие в трудах по сооружению самаркандской обсерватории Улугбека и составлению астрономических таблиц. Очевидно, он был моложе Улугбека, который в своих астрономических таблицах называет его своим «сыном» (*фарзанд*). Али Кушчи остался верен науке и после смерти Улугбека; впоследствии он работал в Константинополе, где умер в 1474 г. В государстве Тимуридов он ходил в турецкой одежде, в чем можно видеть лишнее доказательство в пользу его турецкого происхождения; очевидно. при Улугбеке еще сохранялись те же внешние отличия турецких воинов (чагатаев) от местного таджицкого населения, как при Тимуре. Появление среди людей, говоривших на турецком языке, таких ученых, как Али Кушчи и сам Улугбек, представляет большой интерес; конечно, ни тот, ни другой еще не делали попыток говорить о науке на турецком языке и писали только по-персидски и по-арабски. Улугбек в своем сочинении увлекается не столько местным, сколько международным значением точных наук и видит их превосходство перед филологическими и богословскими трудами в том, что на их значении не отражаются ни замена одного языка другим, ни перемена веры [9].

Помимо влияния иранской науки, Тимур, несмотря на свою близость к турецким военным кругам, стоял и к своим иранским подданным настолько близко, что даже придумал для своего царствования персидский девиз — *рāстӣ рустӣ* 'в справедливости сила'. Улугбек, по-видимому, несмотря на свою ученость, был еще более турком, чем его дед, но, конечно, владел и персидским языком и, вероятно, на этом языке говорил с представителями местной богословской науки, среди которых были и наследственные шейх ал-исламы Самарканда, потомки жившего в XII в. автора *Хидāи*, Бурхан ад-дина Маргинани. Замечательно, что этих шейх ал-исламов, наравне с самим Улугбеком (при жизни Тимура такие обвинения против государя громко не могли высказываться), обвиняли в нарушении предписаний ислама и в увлечении запрещенными религией удовольствиями. Действительно, такой факт, как устройство шейх ал-исламом пира с приглашением певиц, с точки зрения ислама представлялся совершенно необычным и недопустимым; в то же время этот факт наглядно показывает, как мало жизнь Самарканда при Тимуре и Улугбеке стеснялась предписаниями религии. Разумеется, возможностями, открывавшимися

[9] ⟨Подробнее об Улугбеке см. наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 25—196.⟩

этой свободой и культурным прогрессом, преимущественно пользовались представители правящего и богатого класса; но и народные массы не были устранены от участия в этой жизни. Из рассказа Клавихо о пирах Тимура видно, что во время этих пиров заботились также об угощении народа [10]. По свидетельству историка Ибн Арабшаха, дворцы Тимура с их обширными садами в то время, когда сам Тимур там не жил, были доступны всем жителям Самарканда, богатым и бедным. Замечателен также обычай по случаю больших праздников в царской семье объявлять жителей столицы тарханами, т. е. освобождать их от податей и повинностей. Для кочевых завоевателей масса населения была податным сословием, обязанным платить деньги и работать в пользу кочевников, как в мусульманском государстве податным сословием были иноверцы. Эти условия не могли измениться и после принятия кочевниками ислама, несмотря на противоречие с мусульманскими традициями; во время народного движения в Самарканде в 1365 г. против турецких владетелей высказывалось обвинение, что они берут подушную подать (*джизью*) с мусульман. Тем не менее освобождение населения от этой незаконной с точки зрения ислама подати происходило не на почве подчинения мусульманскому праву, но на почве применения к оседлым жителям другой нормы кочевого права — тарханства. Пожалование отдельному лицу тарханства было исключением данного лица из податного сословия и возведением его в дворянство; такие тарханные грамоты сохранились в числе документов, издававшихся от имени хана в государствах, на которые распались монгольские государства; в Поволжье возведение в тарханство продолжалось и при русской власти, до времени Александра II. Массовое тарханство жителей целого города, конечно, первоначально не имелось в виду кочевым правом; но этот способ освобождения жителей столицы от податей и повинностей применялся и впоследствии, даже при узбеках. В конце XVIII в. Шах-Мурад, или эмир Маʿсум, ревностный приверженец шариата, в начале своего царствования для освобождения жителей Бухары от податей и повинностей объявил их тарханами, т. е. прибег в этом случае не к норме шариата, а к норме кочевого права. Эта привилегия ставила жителей столицы в выгодное положение по сравнению с жителями других городов и в особенности по сравнению с крестьянским сословием, положение которого под властью кочевников было особенно тяжело.

Государству Тимуридов, как и другим государственным образованиям в Средней Азии, не было предоставлено достаточно времени, чтобы на прочных основаниях создать культурную жизнь на национальной почве; смуты переходного периода вызвали кризис, которым воспользовались иноземные завоеватели. Торжество ходжи Ахрара и дервишизма не было связано с национальной борьбой иранцев против турок. Сам

[10] Клавихо, изд. Срезневского, 265.

ходжа Ахрар был из горных таджиков и среди его ближайших приверженцев, насколько известно, не было турок; но дервишизм всегда имел успех и среди турецких кочевников, и Абу Саʿид своим союзом с ходжей Ахраром не порывал с национальными традициями. На это указывает и легенда, что Абу Саʿид видел во сне Ахмеда Ясеви и ходжу Ахрара, причем первый указывал ему на второго [11]. Как правитель Абу Саʿид продолжал традиции Тимуридов; на монетах изображался герб Тимура — три кружка.

Тимуриды погибли в борьбе с другими турками, вышедшими из степи, — узбеками. Узбеки гораздо менее чагатаев были затронуты иранской городской культурой и потому в большей степени сохраняли кочевые нравы. Узбецким ханам не приходилось, как Тимуру и Улугбеку, искусственно возбуждать среди своих кочевников турецкий военный патриотизм; легенды о военных подвигах богатырей слагались в степи совершенно независимо от ханов, часто против них. Легенды о военных событиях XIV—XV вв. в узбецком освещении включались даже в сочинения тимуридских историков и отличались гораздо большей жизненностью, чем придуманные для Тимура легенды о его предках. В Мавераннахре о Тимуре рядом с историческим повествованием сложилась и легенда, но на персидском языке; как видно и из монет Улугбека, воспоминания о Тимуре рано обратились в полурелигиозный культ «духа великого эмира». Более живой образ «Аксак-Тимура» как воина и полководца мы находим в татарских и ногайских легендах, чем в туркестанских.

Национальным турецким патроном был и для узбеков, как для турок государства Тимуридов, Ахмед Ясеви. Город, где был похоронен Ахмед Ясеви и где на некоторое время утвердили свою столицу узбеки, получил название Туркестана, чем особенно красноречиво доказывается значение культа Ахмеда Ясеви для турок и значение турецкой национальной идеи для узбеков. В здании, построенном Тимуром над могилой Ахмеда Ясеви, находятся могилы многих узбецких ханов и ханш. Сюда же, в город Туркестан, удалились узбеки, когда они на короткое время, после поражения и смерти Шейбани в войне с персами (1510 г.), лишились Самарканда, Бухары и прочих своих завоеваний.

Шейбани, внук Абулхайра, завоеватель государства Тимуридов, был и чувствовал себя турком, но именно в своих завоевательных стремлениях руководился не турецкими национальными целями [12]. Как все кочевые завоеватели, он овладевал одной областью после другой, останавливаясь только перед непреодолимыми препятствиями. По словам одного из своих

---

[11] ⟨О ходже Ахраре и оценке его деятельности в трудах В. В. Бартольда см. наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 121, прим. 11; стр. 167—168, прим. 121—122.⟩

[12] ⟨Об Абулхайре и Шейбанидах см. наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 489—490, 545—548; там же указана новая литература; см. также Ахмедов, *Государство кочевых узбеков.*⟩

персидских историков, он прославился военными подвигами и в Туране, и в Иране; он завоевал Хорасан и, конечно, не ограничился бы одной этой иранской областью, если бы не его поражение в войне с Исмаʻилом Сефевидом, основателем новоперсидского государства. Незадолго до этого Шейбани потерпел поражение в северных степях от части узбецкого народа, отделившейся от главной массы узбеков при Абулхайре и за это получившей название *казак*, как называли среди кочевников людей, отделившихся от своего государства и находившихся с ним в состоянии войны. В первое время употреблялся термин *узбек-казак*. Существование такой группы показывает, что узбеки так же мало, как прежние кочевые народы, были склонны добровольно объединиться под властью своих ханов для завоевательных целей.

Факт завоевания Мавераннахра новым турецким народом, притом почти совсем не затронутым персидской культурой, должен был способствовать дальнейшему развитию литературы на турецком языке, особенно переводной; говорится о целом ряде таких трудов, написанных для первых узбецких ханов. Еще около 1530 г. о самаркандском хане Абу Саʻиде, двоюродном брате Шейбани, говорится как о турке, совершенно не знавшем по-персидски. Но такое отчуждение завоевателей от покоренного населения не могло долго продолжаться. Умерший в 1539 г. племянник Шейбани, бухарский хан Убейдулла, считался идеальным правителем не с точки зрения кочевых традиций, но с точки зрения мусульманского права — шариата. В таком же духе старался править самый знаменитый из узбецких ханов XVI в., бухарский хан Абдулла, умерший в 1598 г., объединивший под своей властью, кроме Мавераннахра, Хорезм и Хорасан. При провозглашении Абдуллы ханом в 1583 г. (фактически вся власть была в его руках и раньше) был совершен старый монгольский обряд поднятия хана на куске белого войлока, но за четыре угла этого куска держались не главари кочевых родов, как требовалось кочевыми традициями, а главы бухарских дервишских орденов; в этом мы видим любопытный пример, как старались примирить чисто языческий обряд с духом мусульманской государственности.

Абдулла достиг своих целей такими же средствами, как другие монгольские и турецкие государи в Средней Азии. Его правление было благодетельным преимущественно в глазах оседлого населения, для которого было выгодно существование сильной власти; его имя до сих пор прославляется в Туркестане как насадителя порядка и культуры; ему приписываются все общеполезные сооружения: проведение новых каналов, постройка в степи караван-сараев и т. п. Но кочевники так же мало, как прежде, нуждались в объединении под сильной властью, и победы Абдуллы были куплены кровавым истреблением всех его противников. Истреблялись не только члены враждебных владетельных родов, до грудных младенцев включительно, но и народные массы, особенно во время походов Абдуллы на север, в степь. Рассказывают, что во время одного

из таких избиений нарочно погнали толпу избиваемых мимо хана, чтобы этим вызвать его жалость и побудить его остановить избиение; но хан остался неумолим, и избиение было доведено до конца. К тому же это кровопролитие оказалось бесцельным. Несмотря на понесенные потери, казаки еще до смерти Абдуллы снова произвели нашествие на Мавераннахр и дошли до Самарканда. После смерти Абдуллы и его сына Абд ал-Мумина государство, основанное Абдуллой, быстро распалось, все завоевания были утрачены, в самой Бухаре власть перешла к новой династии, под властью которой находилась только часть бывших владений хана. Ни один из последующих ханов не объединял под своей властью такого числа областей, как Абдулла.

Отсутствие среди узбеков политического единства и стремления к нему особенно ясно сказалось в судьбе Хорезма. Хорезм при последних Тимуридах входил в число владений султана, правившего в Герате, совершенно независимого от султана, правившего в Самарканде. Шейбани завоевал Хорезм уже после Самарканда, почти одновременно со своим походом на Хорасан, и при жизни Шейбани Хорезм вошел в состав того же узбецкого ханства, как Самарканд и Бухара. Но после битвы 1510 г. победитель, персидский шах Исмаʻил, предоставил Самарканд и Бухару последнему Тимуриду, Бабуру, а в Хорезм послал наместников от себя. Бабур был вытеснен из Мавераннахра родственниками Шейбани, персидских наместников вытеснили из Хорезма другие узбеки, тоже вышедшие из потомков Шибана, но из другой ветви, чем Абулхайр. В XVI в. Хорезм два раза, при Убейдулле и Абдулле, на короткое время подчинялся бухарским ханам; но в конце концов династия потомков Шибана в Хорезме оказалась долговечнее, чем узбецкая династия в Самарканде и Бухаре, и правила почти до конца XVII в., тогда как господство дома Абулхайра прекратилось уже в конце XVI в. Хорезмийский историк, хан Абулгази (ум. в 1663 г.) склонен считать гибель дома Абулхайра наказанием за произведенное Абдуллой избиение представителей хорезмийской династии; вообще он видит в действиях Абдуллы в Хорезме признаки «недомыслия», хотя в общем высоко ставил Абдуллу как правителя, упоминает и о высокой ценности на международном денежном рынке чеканившейся при Абдулле монеты. Между тем сам Абулгази первым из хорезмийских ханов стал производить набеги на Бухару; при сыне и преемнике Абулгази, Ануше, Бухара даже находилась короткое время во власти хорезмийцев.

С тех пор начались кровавые междоусобия среди турецких народов Средней Азии, продолжавшиеся до завоевания Туркестана русскими и китайцами. Борьба происходила не только между отдельными государствами, но и между отдельными элементами каждого государства. В XVI—XVII вв. под властью турок находилось огромное пространство от Каспийского моря на западе до Хами на востоке, от Гиндукуша и Куэнь-Луня на юге до границ русских владений в Сибири на севере. Все эти об-

ласти находились в состоянии, указывающем на упадок культуры по сравнению с недавним прошлым.

При объяснении этого явления историк, как во многих других случаях, находится в затруднении, что́ признавать причиной и что́ следствием. Завоевание значительной части Средней Азии таким отсталым в культурном отношении народом, как узбеки, должно было уменьшить значение Средней Азии для международной торговли; деятельность купцов еще более затруднялась отсутствием в отдельных государствах единства политической власти; так, в Хорезме каждый представитель династии старался взимать с товаров пошлину в свою пользу. Вместе с тем, однако, эти затруднения, вероятно, были бы преодолены легче и быстрее, если бы караванный путь через Среднюю Азию сохранял то значение, которое он имел еще в первой половине XV в., при Тимуре и Улугбеке, и которое он постепенно утрачивал со второй половины XV в. — со времени открытия европейцами Америки и морского пути в Индию, когда преобладающее значение перешло к морской торговле, находившейся в руках европейцев. Кроме того, утверждение русской власти в Сибири создало и на суше новый торговый путь из Европы на Дальний Восток. Еще во второй половине XVII в. сибирские купцы принимали участие в караванной торговле с Китаем через Среднюю Азию и пограничный китайский город Сучжоу; в первой половине XVIII в. договорами между Россией и Китаем была создана кяхтинская торговля; образовался новый путь в Китай — сибирский тракт, в начале XX в. закрепленный железной дорогой, и значение Туркестана для мировой торговли еще более уменьшилось. Если господство в Средней Азии культурно отсталого народа — узбеков — могло способствовать изменению торговых путей, то еще более изменение торговых путей способствовало культурной отсталости и неблагоприятно отражалось на культурном прогрессе. Нет никакого основания утверждать, чтобы узбеки и другие среднеазиатские турки XVI и XVII вв. были менее способны к усвоению культуры, чем средневековые турки.

Самым западным из турецких владений в Средней Азии был Хорезм. Население его состояло, кроме узбеков, из сартов и туркмен. При узбеках слово *сарт* уже не употреблялось, как при Тимуридах, в значении 'иранец', в противоположность слову 'турок'; в Хорезме в это время сартами называли городских жителей, говоривших, как и узбеки, на турецком языке, но резко отличавшихся от них в бытовом и культурном отношении. Узбеки, например у Абулгази, противополагаются сартам не только как кочевники, сохранявшие племенной и родовой строй, но и как сельские жители, земледельцы. В военной и политической истории Хорезма сарты в это время не играли роли; зато между туркменами и узбеками много раз, с XVI в. до событий последних лет, возобновлялась кровавая борьба; несколько раз сами хорезмийские ханы в борьбе с узбецкой родовой аристократией призывали туркмен и с помощью их устраивали кровавое избиение среди узбеков. Какое значение придавалось турк-

менам, видно из того, что хорезмийский историк, хан Абулгази, кроме сочинения по истории турок, в котором главное место было отведено истории узбеков, написал также особое сочинение по истории туркмен [13]. Туркмены в большей степени, чем узбеки, сохраняли свой воинственный быт и свою поэзию; из всех турецких народностей только туркмены имели своего национального поэта, Махтум-Кули. В глазах туркмен хорезмийские узбеки были не турками, а татами, как еще при Махмуде Кашгарском называли культурное население в противоположность турецким кочевникам. Туркмены жили в это время в том же состоянии политической анархии, как на всем протяжении своей истории; характерно, что народ, из среды которого вышли основатели самых могущественных турецких империй, сельджукской и османской, никогда не имел собственной государственности. С XVI в. отдельные части туркмен подчинялись то хорезмийским узбекам, то бухарским, то персам; во время войн между этими государствами присоединялись то к одной, то к другой стороне, боролись и между собой и тем не менее одерживали победы над своими врагами; даже русские встретили со стороны туркмен более упорное сопротивление, чем со стороны всех других, и только в борьбе с туркменами были случаи потери русскими войсками знамен и пушек [14].

Узбеки Хорезма сохраняли свою государственность, несмотря на крайне неблагоприятные условия. Во второй половине XVI в. Хорезм был постигнут стихийным бедствием: река Аму-Дарья на некоторое время совершенно перестала питать свой левый рукав, орошавший главный город области, Ургенч, и все течение ее направилось к Аральскому морю. Образовалась новая столица, Хива, и новые города в дельте Аму-Дарьи, где некоторое время даже существовала особая, независимая от Хивы политическая власть [15]. Менее подвергаясь влиянию персидской культуры, хорезмийцы более дорожили своим языком и преданиями, чем бухарские ханы; в XVI в. для одного из ханов, Дост-хана, был составлен свод народных преданий; в XVII в. хан Абулгази написал свой замечательный исторический труд, в котором старался писать так, чтобы его мог понять и пятилетний мальчик, и избегать не только арабских и персидских выражений, но и чагатайских [16]. Абулгази провел десять лет в Персии и потому был гораздо образованнее своих соплеменников; он высоко ставил ханскую власть и для оправдания идеи деспотизма проводил такую же теорию, как его английский современник Гоббс: для сохране-

---

[13] ⟨О туркменах после XIII в. см. также наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 584—623; о туркменах в Хорезме см.: Брегель, *Хорезмские туркмены*; Г. Марков, *Очерк*.⟩

[14] При вылазке туркмен во время осады Геок-Тепе (около Ашхабада) Скобелевым 28 декабря 1880 г. русские потеряли две пушки и знамя Апшеронского полка. См. *Осада Геок-Тепе*. Литературу см. Межов, *Библиография Азии*, т. I, стр. 355 и сл.

[15] ⟨Об этом см. наст. изд., т. III, стр. 549—550; более подробно о динамике русла Аму-Дарьи в позднем средневековье — там же, стр. 75—94.⟩

[16] ⟨См. Абулгази, *Родословная туркмен*, изд. Кононова, стр. 7—25.⟩

ния порядка в обществе необходимо, чтобы все члены общества отказались от своей воли в пользу одного лица. Не невозможно, что в Персии в то время были англичане, разделявшие взгляды Гоббса, и что таким образом эта теория, через третьи руки, дошла до Абулгази. Преемник Абулгази, Ануша, увлекся идеей персидского деспотизма и после завоевания Мешхеда принял титул *шах*; проведенному им новому большому каналу хан дал название Шахабад, из чего видно, как он дорожил своим новым титулом. Для создания блестящего престола в небольшом Хорезме, однако, не было подходящих условий; вскоре после смерти Ануши династия прекратилась, вся власть перешла в руки главарей кочевых родов, причем, однако, сохранялся принцип, что право на престол имеют только потомки Чингиз-хана; возводились на престол подставные ханы, чаще всего призывавшиеся из казакских степей; историки говорят об этом обычае, как об «игре в ханы» (خانبازی). Хорезмийские узбеки в глазах бухарских были своевольными людьми, не склонными подчиняться произвольным распоряжениям своих властей. Анархия достигла высшего предела во второй половине XVIII в., и даже город Хива совершенно опустел. С 1770 г. порядок постепенно был восстановлен под властью новой, Кунгратской династии, представители которой потом приняли и ханский титул и с успехом старались установить в своей стране сильную власть. Еще около 1840 г. хивинский хан владел обширным государством от Мургаба до низовьев Сыр-Дарьи; впоследствии пределы этого государства значительно уменьшились под влиянием восстаний туркмен и казаков [17]. После завоевания Хивы русскими (1873 г.) хивинскому хану был оставлен Хорезм, хотя и в значительно уменьшенных пределах; при национальном размежевании 1924 г. Хорезм как государство был совершенно уничтожен, большая часть его вошла в состав Узбекистана, остальная — в состав Туркменистана. Насколько было желательным такое последовательное проведение национального принципа, об этом можно спорить; Хорезм не имел уже с XI в. своей национальности, но по своим историческим традициям, бытовым и экономическим особенностям, оставался вполне жизненным и своеобразным организмом, и уничтожение этого организма, существовавшего с древнейших времен, может быть, не пройдет бесследно [18].

Менее сложной была жизнь других государств [19]. Во владениях бухарского хана различались, по-видимому, только узбеки и таджики; политическое господство находилось в руках узбеков; во время ослабления

---

[17] ⟨Казахов.⟩

[18] ⟨Опасения В. В. Бартольда не получили исторического подтверждения, и национальное размежевание Средней Азии в 1924 г. не затормозило развития Хорезма. Ныне основная часть территории Хорезма входит в состав Узбекской ССР (Каракалпакская АССР и Хорезмская область) и Туркменской ССР.⟩

[19] ⟨Общий очерк истории государств Средней Азии в XVI — середине XIX в. см. в книге П. П. Иванова *Очерки*.⟩

ханской власти во второй половине XVII в. отдельные местности перешли во власть главарей отдельных узбецких родов, и установилась та удельная система, которая была в Туркестане в XIV в. в конце монгольского периода, до установления власти Тимура. Кроме того, приходилось отражать нашествия казаков [20], совершенно разоривших Самарканд, на некоторое время переставший существовать, тогда как Бухара, в противоположность Хиве, не подвергалась вражескому нашествию, и даже в эпоху величайших неудач в борьбе с внешними и внутренними врагами власть бухарских ханов в конце XVIII в. при новой династии Мангытов, принявших титул эмиров, в их столице не подвергалась колебаниям. Эмиры из династии Мангытов вступили в беспощадную борьбу с узбецкой родовой аристократией, или, по выражению ученого Ханыкова, с бухарским феодализмом; борьба не привела к полному успеху, но власть бухарского эмира значительно усилилась; некоторым эмирам удавалось на короткое время подчинить себе даже Коканд. Эмирами производились оросительные работы для восстановления пришедшего в упадок земледелия; вновь орошенные земли в равнинной части долины Зеравшана были заняты перешедшими к оседлости узбеками; в руках таджиков оставались, за немногими исключениями, только горные селения. Тем не менее население главных городов, Самарканда и Бухары, оставалось таджицким и сами эмиры были более таджиками, чем узбеками; хивинские историки называли даже бухарское войско таджицким, хотя военным элементом и в Бухарском ханстве оставались узбеки.

В Фергане, где турецкий элемент еще в монгольскую эпоху проник и в города, в эпоху кокандских ханов таджики также были оттеснены в горы. Зато здесь, как в Хорезме, от узбеков и таджиков отличались сарты, как, по-видимому, называли и там в это время говорившее по-турецки городское население. Сарты в Фергане представляли даже политическую силу и вели вооруженную борьбу с узбеками, особенно с захватившим на некоторое время власть родом кипчак. В ином значении, вероятно, употреблялось слово *сарт* казаками; в их поговорках постоянно сопоставляются слова *казак*, в смысле 'кочевник', и *сарт*, в смысле 'оседлый житель', городской и сельский, на каком бы языке он ни говорил. Кокандские ханы XIX в. значительно увеличили культурную площадь Ферганы грандиозными оросительными работами, содействовавшими также развитию городской жизни, кроме того, они вели войну с Бухарой и с успехом распространяли свои владения на северо-запад, вниз по Сыр-Дарье, и на северо-восток, в Джетысуйской области. Для этого они старались подчинить себе кочевников — казаков и киргизов.

В русской литературе эти два народа, совершенно отличные один от другого, получили одно и то же название — киргизы; настоящих киргизов, чтобы отличить их от казаков, стали называть кара-киргизами. Мы видели, что казакский народ образовался только в XV в., из части

[20] ⟨Казахов.⟩

узбеков, ушедших из-под власти хана Абулхайра; киргизы упоминаются издавна, хотя нельзя установить, когда и как они заняли южную часть Джетысуйской и восточную часть Сыр-Дарьинской области, где мы находим их теперь. В известиях о походах Тимура и Улугбека нет ни слова о киргизах; они впервые упоминаются в Джетысуйской области в начале XVI в., когда во главе их стал Халиль-Султан, один из сыновей монгольского хана Ахмеда; ничего не сказано о том, откуда они пришли [21]. В XVI в. киргизы часто находились под властью казакских ханов и вместе с ними вели борьбу с монгольскими ханами, в то время уже отуреченными, владевшими Кашгарией; в XVII—XVIII вв. они одновременно с казаками, но отдельно от них вели войны с новыми монгольскими пришельцами — калмыками, на некоторое время подчинившими себе Среднюю Азию. Ими в XVIII в. были завоеваны принадлежавшие тогда казакам города Ташкент, Сайрам и Туркестан, и в зависимости от них находился даже бухарский хан. Среди калмыков прочно утвердился буддизм, и потому калмыки не могли, подобно потомкам монголов Чингиз-хана, принять ислам; мусульманами сделались только немногие калмыки, потомки которых известны теперь под названием *сарт-калмак*. Могущество калмыкской державы было сокрушено скоро после 1758 г. китайцами, причем благодаря жестокому способу ведения войны погибла и значительная часть калмыцкого народа; новый удар был нанесен этому народу казаками во время ухода части калмыков, против воли русского правительства, из бассейна Волги на восток. После уничтожения калмыцкого государства китайцы старались подчинить себе казаков и киргизов; против китайских притязаний выступила Россия, в конце концов одержавшая верх в этом споре.

В первой половине XIX в. русскими была уничтожена среди казаков ханская власть; у киргизов своих ханов не было, и, как мы видели, сами киргизы обращали внимание на эту сторону своего быта. Киргизы позже, чем казаки, подчинились русским и потому дольше сохраняли свое военное устройство; борьба с калмыками оставила след в киргизском народном эпосе, особенно в цикле сказаний о Манасе [22]. Борьба в этом эпосе изображается как религиозная война, хотя киргизы и в XIX в., как в XVI, почти совершенно не были знакомы с догматами и обрядами ислама. Подобно казакам, и киргизы теперь получили возможность образовать свою национальную республику. По разным причинам судьба киргизов в XIX в. сложилась гораздо хуже, чем судьба казаков, и теперь состояние киргизского народа, как культурное, так в особенности санитарное, крайне печально [23].

---

[21] ⟨См. подробнее наст. изд., т. II, ч., 1, стр. 511—543.⟩

[22] ⟨Ср. теперь Ахсикенди, извлеч. в изд. Тагирджанова, стр. 3—55 (введение А. Т. Тагирджанова).⟩

[23] ⟨Слова В. В. Бартольда относятся к середине 20-х годов; о процессах экономического, социального и культурного развития киргизского народа в те годы см.:

Турки Алтая и верхнего Енисея не имели своей государственной жизни и вошли в состав калмыцкой державы; турки Алтая даже теперь, после образования своей национальной республики, приняли название *ойрат*, собственно принадлежащее калмыкам. Еще в XVII в. калмыки завоевали и Восточный Туркестан, где в то время господствовали ханы отуреченных монголов, называвших себя *могол*. Мы видели, что это название, как название *чагатай* в государстве Тимура и Тимуридов, относилось не ко всему населению страны, но только к военному сословию; после изменения политических условий и это название, как слово *чагатай* в Западном Туркестане, постепенно вышло из употребления. Под властью калмыков и потом под властью китайцев турки Восточного Туркестана не имели своего народного названия и не нуждались в нем; отдельные части народа называли себя по городам и местностям, где они жили (*кашгарлык*, *турфанлык* и т. п.). Местные мусульманские князья часто носили китайский титул *ван*; кроме того, политическое значение, начиная с эпохи монгольских ханов, имели духовные вожди, ходжи, происходившие из Ферганы, именно из ее северной, таджицкой части. В Западном Туркестане некоторые движения ходжей, может быть, носили национально-таджицкий характер, направляясь против узбеков и казаков; в Восточном Туркестане, где отуречение было более полным, ходжи примыкали к туркам и носили турецкие названия. Ходжей иногда называли распространителями ислама в Восточном Туркестане; в источниках на это указания нет; напротив, господство ислама вполне установилось еще в XV в., и монгольские ханы усердно распространяли его, даже насильно; ханы насильно заставляли своих монголов носить чалму, непослушным вбивали в голову гвозди; говорится тоже, что монголы должны были срезывать себе волосы — вероятно, косы. Ходжи для укрепления своего влияния боролись с культом местных святых, также считавшихся мусульманскими, хотя очень вероятно, что, как бывало везде, эти места были предметом культа еще до ислама и потом были искусственно присвоены мусульманским святым, как в Европе христианские святые почитаются в местах языческого культа.

Культурное состояние Восточного Туркестана было еще печальнее, чем состояние государства узбеков. Сюда еще менее проникало влияние Европы и Передней Азии, хотя и тут языком культуры отчасти был персидский язык; на персидском языке написан и исторический труд Мухаммед-Хайдера (в середине XVI в.), по отзыву европейских ученых единственный замечательный литературный труд, написанный в Кашгарии; потом этот труд был несколько раз переведен на турецкий язык. С XVIII в. литературным языком был исключительно турецкий, но замечательных произведений больше не появлялось. Картину крайней дикости представ-

---

Современный аул; Погорельский—Батраков, *Экономика кочевого аула*; Сахаров, *Оседание кочевых хозяйств*; Ильясов, *Пережитки*. Об экономике и культуре социалистической Киргизии см. *Народы Средней Азии*, т. II, стр. 154—320.〉

ляет и политическое движение 1860-х годов, благодаря которому Восточный Туркестан именно в то время, когда Западный Туркестан был завоеван русскими, на короткое время вернул себе свою политическую самостоятельность. Все движение представляет картину кровопролитной и часто бессмысленной борьбы местного населения не только с китайцами, но и между собой; по признанию местного мусульманского историка, мусульманское население могло только радоваться восстановлению китайской власти [24].

Восточный Туркестан остался под властью Китая и после свержения маньчжурских императоров и учреждения Китайской республики; но, под влиянием событий в России, должна была явиться потребность в национальной автономии, по крайней мере культурной, и в народном названии. Интеллигенция Восточного Туркестана теперь склонна называть свой народ уйгурами, хотя владения уйгуров никогда не заходили до западной части Кашгарии и хотя еще теперь гораздо дальше на восток, уже в пределах собственного Китая, существуют остатки уйгуров, до сих пор сохраняющие верность буддизму, пользовавшиеся уйгурским шрифтом, окончательно забытым мусульманскими турками после XV в., и имевшие религиозную литературу, по крайней мере переводную, на своем языке; теперь уйгурская грамотность среди них совершенно вытеснена тибетской [25].

Будущность среднеазиатских турок, как всякого другого народа, в значительной степени зависит от их участия в мировом культурном общении. Нет основания ожидать проведения железной дороги через Восточный Туркестан и восстановления таким образом средневекового торгового пути из Передней Азии в Китай, хотя об этом проекте и говорилось в печати; при существовании железнодорожного пути в Китай через Сибирь маловероятно создание второго, к тому же связанного с большими техническими трудностями. Гораздо более вероятно, что для Туркестана, особенно Западного, будет иметь значение европейско-индийский железнодорожный путь, когда вопрос о нем, давно уже поставленный, будет наконец решен. Известно, что русские уже в XVII в. через Туркестан искали пути в Индию.

---

[24] 〈О причинах восстания 1864 г. в Восточном Туркестане, его социально-политическом характере и источниках для его изучения см.: Тихонов, *Восстание 1864 г.*; его же, *Характер народно-освободительных движений*; его же, *Уйгурские исторические рукописи*; его же, *Некоторые вопросы*; Юдин, *Некоторые источники*.〉

[25] 〈О процессах национальной консолидации уйгуров Восточного Туркестана, их национальной культуре и их языке см.: *Народы Восточной Азии*, стр. 616—630; Наджип, *Современный уйгурский язык*. О происхождении, истории и культуре других местных тюркоязычных этнических групп (саларов и юйгу), которые В. В. Бартольд генетически связывает с древними уйгурами, см. *Народы Восточной Азии*, стр. 641—651.〉

ИСТОРИЯ ТУРЕЦКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

1

Турецко-монгольские (или тюрко-монгольские) кочевники принадлежат к числу народов, занимавших области к северу от искони культурных земель Восточной и Западной Азии, со включением степей Восточной Европы. Свои нападения на культурные земли эти народы совершали как конные воины, вооруженные луком и стрелами. Восточной границей полосы, благоприятной для коневодства и вообще для скотоводства, является хребет Хинган в Маньчжурии, западной — степи Венгрии. На этом пространстве совершались, помимо набегов на культурные земли, т. е. на юг, передвижения кочевых народов большею частью в направлении с востока на запад. В Венгрии поселился впоследствии первый из народов, образовавших кочевую империю на границах Китая, хунны; более ранние кочевники, которых греки называли скифами, также доходили до Венгрии, где поселился один из скифских народов, языги [1]; современные обитатели Венгрии, поселившиеся там в X в. н. э.[2], сохранили в своем языке следы влияния на их предков дальневосточной культуры: понятие 'писать' обозначается в венгерском языке словом китайского корня [3]. Вопрос о западном или восточном происхождении кочевого коневодства тесно связан с вопросом о происхождении лошади [4]. Северное происхождение лошади теперь может считаться доказанным, но вопрос о восточном или западном происхождении остается невыясненным.

---

[1] ⟨Языги, или язиги, — одно из сарматских племен, во II в. н. э. поселившееся в Паннонии.⟩

[2] ⟨Переселение мадьярских племен в Паннонию относится к 895 г.⟩

[3] ⟨Обзор основной литературы, относящейся к древней истории венгров, см. Sinor, *Introduction*, pp. 274—279.⟩

[4] ⟨Доместикация лошади на Переднем Востоке и в степной зоне Евразии может быть отнесена к III —началу II тысячелетия до н. э. В степях Восточной Европы, Поволжья и Казахстана появление всадничества археологически засвидетельствовано для середины II тысячелетия до н. э.; см.: Дьяконов, *История Мидии*, стр. 122—125; Витт, *Лошади Пазырыкских курганов*; К. Смирнов, *Древние всадники*; Боголюбский, *Происхождение*, стр. 473—495; Hančar, *Das Pferd*; Zeuner, *A history of domesticated animals*, pp. 299—337. Однако возникновение кочевого коневодства и сложение кочевого скотоводческого хозяйства относятся к первым векам I тысячелетия до н. э., см.: Грязнов, *Вопросы сложения кочевых обществ*; Черников, *О термине «ранние кочевники»*; К. Смирнов, *Хозяйство ранних сарматов*.⟩

В статье М. В. Фармаковского [5] обращено внимание на сходство изображения лошади на древней скифской вазе с породой дикой лошади, сохранившейся только на востоке и получившей название «лошади Пржевальского».

Первыми известиями о кочевых государствах на востоке и о движении кочевников с востока на запад мы обязаны китайским историкам, из которых самый ранний — Сыма Цянь, закончивший свои «Исторические записки» в 99 г. до н. э. Сыма Цянь и последующие историки сообщают сведения о государстве хуннов, образовавшемся в Монголии в III в. до н. э.[6]. Власть в Монголии перешла к другому народу, сяньбийцам, в конце I в. н. э. Еще раньше началось движение хуннов на запад, но в Восточной Европе они появились только во второй половине IV в. Часть хуннов оставалась и потом на востоке; в Восточном Туркестане и в Китае хуннские княжества были еще в V в.[7]. Китайцы сообщают некоторые сведения о нравах, обычаях и государственном устройстве хуннов; замечательно, что некоторые черты этого устройства повторяются и в новейшей истории Средней Азии; так, число 24 имело значение как в политической жизни хуннов (24 должности) [8], так и в жизни последней независимой кочевой общины в истории Средней Азии — общины мервских туркмен (по 24 старшины у обоих главных текинских племен, тохтамышцев и отамышцев) [9]. Отношения между кочевниками и народами оседлой культуры везде получали приблизительно одинаковый характер; везде кочевники больше нуждались в товарах культурных народов, преимущественно в тканях, чем наоборот, и пригоняли свои стада к границам культурных стран, не дожидаясь, пока купцы из этих стран придут в их степи. При благоприятных условиях кочевники вместо приобретения товаров путем торговли старались захватить их силой; мирные торговые сношения уступали место набегам и завоевательным походам. Для защиты от набегов кочевников и вообще варваров культурные народы, на пространстве от Маньчжурии до Великобритании, строили длинные стены; китайская стена была только одним из таких сооружений, притом не самым древним [10]; уже в начале III в. до н. э. были построены длинные

---

[5] *Горит*, стр. 40.

[6] ⟨Относительно китайских сведений о гуннах и их переводах на европейские языки см. ниже, стр. 409.⟩

[7] ⟨О позднегуннских государствах, существовавших на территории Китая в 308—460 гг., см.: Cordier, *Histoire*, vol. I, pp. 340—384; Franke, *Geschichte*, Bd II, S. 117—250.⟩

[8] ⟨См. об этом Pritsak, *Die 24 Ta-ch'ên.*⟩

[9] ⟨О 24 родовых (племенных) подразделениях у гуннов, туркмен и некоторых других тюркоязычных народов Средней Азии см. Толстов, *Города гузов*, стр. 78—99.⟩

[10] ⟨О Великой китайской стене как стратегическом и политическом факторе см.: Бернштам, *Из истории гуннов*, стр. 55—56; Переломов, *Империя Цинь*, стр. 169—171.⟩

стены для ограждения от кочевников мервского оазиса [11]. Стенами защищались также от набегов кочевников торговые пути; в то же время, однако, купцы по мере укрепления в степях государственного порядка находили выгодным возить свои товары к самим кочевникам в их степи, и торговые пути получали более северное направление. О значительном развитии торговли между востоком и западом уже в первые века нашей эры свидетельствуют археологические находки в Монголии [12].

События, связанные с образованием кочевых государств, рассматриваются в китайских и вообще иностранных источниках только в связи с действиями отдельных лиц. О значении для политической жизни кочевников таких факторов, как сословная борьба, мы получаем представление только в тех случаях, когда мы имеем такие рассказы кочевников о самих себе, как рассказы о падении и восстановлении государства турок в VII в. и в особенности о возникновении государства монголов в XIII в. Только в монгольских преданиях XIII в. мы находим сведения об отношениях между кочевниками и звероловами, причем жизнь кочевника-скотовода была в глазах звероловов таким же невыносимым рабством, как в глазах самих кочевников жизнь оседлого земледельца. Те же монгольские предания показывают, что религия кочевников — шаманизм — была наследием охотничьего периода; самыми искусными шаманами еще в то время считались шаманы монголов-звероловов.

Установить зависимость бытовых черт от этнографического происхождения тех или иных народов до сих пор не удается; самый вопрос о том, к каким этнографическим и лингвистическим группам принадлежали первые упоминаемые в истории кочевые народы, какие из них были турками, монголами или тунгусами, остается спорным [13]. Крайне сомнительны попытки определить характер языка народа по отдельным словам, большею частью именам и титулам, дошедшим до нас только в китайской транскрипции. Проф. Пельо в своих лекциях, читанных в Ленинграде, упомянул о существовании в китайской литературе более достоверного материала для решения таких вопросов — именно о составлении китайцами словарей нескольких инородческих языков, в том числе сяньбийского, причем этот словарь, по словам Пельо, ясно доказывает, что сяньбийцы были турками [14]. Предшественников и западных соседей сяньбийцев, хуннов, Пельо склонен считать монголами, как и тот народ, которому

---

[11] ⟨О мервской стене см. Вязигин, *Стена Антиоха Сотера*.⟩

[12] ⟨В. В. Бартольд имеет в виду результаты раскопок в Ноин-Уле; см. ниже, стр. 458.⟩

[13] ⟨О современном состоянии проблемы см.: Bazin, *Appartenances linguistiques*; Clauson, *Turk*, *Mongol*, *Tungus*.⟩

[14] ⟨Китайские транскрипции слов языка одного из сяньбийских племен, тоба, исследованы Л. Базэном (*Recherches*). Нельзя, однако, признать полученные результаты, как и вывод о тюркоязычии сяньбийцев, вполне надежными.⟩

в V в. и до выступления в VI в. турок принадлежало преобладание в степях и который китайцы называли жужанями, европейцы — аварами. Мнение Пельо о раннем появлении монголов на западе и о том, что турки первоначально жили восточнее монголов, находится в полном противоречии с мнениями, господствовавшими в науке в последнее время. Материал, на котором основывается Пельо, до сих пор не издан и не доступен исследованию; до его обнародования желательно воздерживаться от решения вопроса об этнографическом происхождении хуннов, сяньбийцев и других кочевых народов до VI в.

Некоторый материал для суждения о прошлом кочевых народов, как и всяких других, дают лингвистические факты. Особенно важны в этом отношении исследования проф. Поппе о чувашском языке, как языке, сложившемся в тот период, когда еще не установились характерные черты языков турецкой группы [15]. В таком случае предки чувашей пришли в Европу до прибытия настоящих турок, т. е. турок VI в. При таких условиях возможно, что языком хуннов, вопреки мнению Пельо, был не монгольский, а тот язык, от которого происходит чувашский. В пользу этого мнения говорит и сходство турецких элементов в венгерском языке с чувашским [16].

---

[15] ⟨Поппе, *Чувашский язык.*⟩

[16] ⟨О тюркских заимствованиях в венгерском языке см.: Gombocz, *Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter*; Poppe, *On some Altaic loanwords*; Ligeti, *A propos des éléments «altaiques»*.⟩

2

Турки VI—VII вв. были первым кочевым народом, оставившим нам данные о себе на своем языке, в так называемых орхонских надписях VIII в. Формы языка надписей представляют, по словам Поппе, полное сходство с формами турецкого праязыка, как мы должны предполагать их по лингвистическим основаниям [1]. Из этого не следует, чтобы турецкий язык образовался только в это время. В эпоху орхонских надписей, несомненно, было уже несколько турецких наречий, из которых одно сохранило древнейшие формы [2].

Алфавит надписей, как и последующие алфавиты, употреблявшиеся турками, был принесен с запада, но был превосходно приспособлен к турецкому языку, особенно к закону сингармонизма, и в этом отношении представляется гораздо более совершенным, чем сменившие его алфавиты уйгурский и арабский. Этот алфавит известен нам по надписям, найденным в Монголии и на Енисее (по формам букв енисейские надписи признаются более древними, чем подтверждается западное происхождение алфавита), и по некоторым текстам, найденным в местности около Турфана. Алфавит, вероятно, был заимствован турками у среднеазиатских иранцев; вопрос о времени и месте заимствования остается спорным [3]. Заимствование алфавита в этом случае, как в древности принятие семитского алфавита греками и индийцами, было результатом торговых сношений, а не результатом религиозной пропаганды, как впоследствии принятие турками алфавитов уйгурского (полученного уйгурами от согдийцев)

---

[1] ⟨Имеется в виду относительная архаичность лишь некоторых форм языка орхоно-енисейских надписей, а отнюдь не вся система этих форм; см. Поппе, *Чувашский язык*, II, стр. 307—308; IV, стр. 408. Определение языка орхоно-енисейских надписей как древнетюркского указывает лишь на хронологическую принадлежность памятников, но не на архаический характер фонетической или грамматической системы языка; см., например, Poppe, *Introductions* pp. 59—60. О положении языка древнетюркских памятников среди других тюркских языков см.: Малов, *Памятники* стр. 5—7; Баскаков, *Введение*, стр. 123—131, 275—277, 311; Батманов, Арагачи, Бабушкин, *Современная и древняя енисеика*.⟩

[2] ⟨О диалектальных особенностях в языке орхоно-енисейских памятников см.: Малов, *Енисейская письменность*, стр. 6; Батманов, Арагачи, Бабушкин, *Современная и древняя енисеика*, стр. 45—62.⟩

[3] ⟨О происхождении древнетюркского рунического письма см. выше, стр. 25.⟩

и арабского. На Енисее сохранились почти исключительно могильные надписи, не представляющие исторического интереса; рассказы об исторических событиях встречаются только в надписях Монголии.

Разбором алфавита надписей наука обязана недавно скончавшемуся датскому лингвисту Томсену, которому принадлежит также последняя до сих пор попытка перевода надписей. Несмотря на все достоинства этого перевода, он не может считаться окончательным; встречаются даже места, где один из прежних переводов, перевод Радлова, должен быть признан более удачным. Так, у Томсена одно и то же слово читается то *ölmäk* в значении 'умирать, погибать', то *ÿlmäk* в значении 'разделяться': у Радлова везде принято первое значение, и оно вполне подходит во всех случаях [4].

Надписи только в очень кратких словах говорят об образовании турецкой кочевой империи в VI в. и о ее судьбах. В этом отношении мы по-прежнему должны довольствоваться известиями китайских, греческих и персидских источников. Из греческих источников мы знаем, что турки уже в VI в. пришли в Восточную Европу и осаждали византийский город Боспор у Керченского пролива. Из персидских источников, в арабском изложении, нам известно, что турки отняли у персов область к юго-востоку от Каспийского моря, на реке Гюрген, где они подчинились влиянию персов, даже приняли их язык и религию.

В надписях подробно рассказывается только о событиях на востоке и о походах восточных ханов на запад начиная с восстановления их господства в Монголии в 680-х годах после пятидесятилетнего китайского ига. Кроме турецкого народа ханы называли своим собственным народом народ огузов (встречается и название *токуз-огуз*, т. е. 'девять огузов', по числу огузских родов); очень вероятно, что оба термина относятся к одному и тому же народу. Огузы то подчинялись вышедшим из их среды ханам, то восставали против них; кроме того, в надписях говорится о войнах ханов с целым рядом других турецких народов. По-видимому, в это время произошло усиление западных народов. Первым двум ханам восстановленного турецкого государства приходилось иметь дело с двумя коалициями, с первой еще в 680-х годах, со второй около 710 г. В первый раз враги нападали на турок с юга (китайцы), с севера (враждебные новым ханам огузы) и с востока (китаи — как мы увидим, народ монгольского происхождения); во второй раз вместо северных и восточных врагов названы два западных народа, тюргеши (вышедшие, как видно из китайских известий, тоже из среды турок-огузов) и киргизы. Киргизы, жившие тогда на Енисее, упоминаются в китайских источниках еще в эпоху хуннов, в 201 г. до н. э. Древнейшая китайская транскрипция слова *кыргыз* — *гяньгунь* [5]; по мнению Пельо, ею передается монгольская форма един-

---

[4] ⟨См. выше, стр. 22.⟩

[5] ⟨Совр. чтение — *цзяньк унь.*⟩

ственного числа *кыркун* (это мнение, конечно, находится в связи с мнением того же ученого о хуннах как монголах). В VII в. для обозначения киргизов употреблялась китайская транскрипция *хягас*, и под влиянием этой транскрипции современные енисейские турки приняли для себя после революции название *хакас*. Сведений о том, на каком языке говорили киргизы в древности, мы не имеем; в VII в. они по языку, несомненно, были турками, но по физическому типу (рыжие волосы, румяное лицо и голубые глаза) резко отличались от прочих турок [6]. Усиление значения западных народов, может быть, находилось в связи с развитием караванной торговли Запада с Востоком. Эта торговля достигла значительных успехов еще при персидской династии Сасанидов (III—VII вв.); при турецком владычестве, с VI в., увеличилось торговое значение среднеазиатских иранцев, согдийцев; еще большее оживление торговых сношений произошло в VII и в начале VIII в., после завоевания Персии и Туркестана арабами. Турки из Монголии во время борьбы со второй коалицией доходили до страны согдийцев; возможно, что некоторые подробности в рассказе об этих событиях должны быть отнесены к борьбе между турками и арабами.

Турки-огузы не обращали никакого внимания на нападавших в то время на них с севера уйгуров; слово *уйгур* встречается в надписях только один раз; между тем уже через несколько лет, после 740 г., уйгуры разрушили государство турок-огузов и захватили первенство в Монголии. Несколько чаще упоминаются карлуки, к которым в том же VIII в. перешло от тюргешей господство на западе, по берегам Чу; разрушению государства тюргешей способствовали успехи арабов. С киргизами уйгуры вели более ожесточенную борьбу, чем до них турки-огузы. По китайским известиям, уйгуры в 758 г. завоевали государство киргизов, после чего прекратились непосредственные сношения киргизов с китайцами; в IX в. киргизы воспользовались ослаблением уйгурского государства для возобновления борьбы и не только вернули себе независимость, но около 840 г., после двадцатилетней борьбы, положили конец господству уйгуров в Монголии. Из надписей уйгурских ханов (одна, на турецком языке, орхонским алфавитом, относится к 750-м годам, другая, на китайском языке, — к царствованию хана, правившего с 808 по 821 г.) [7] мы видим, что борьба была продолжительнее. В первой надписи говорится о военных событиях 750 и 753 гг., во второй — о продолжавшейся еще тогда борьбе с киргизами и об окончательном уничтожении их государства, причем киргизы будто бы еще в то время располагали огромными военными силами — 400 000 человек (китайцы определяют численность киргизского войска всего в 80 000 человек). Если борьба перед падением уйгурского государства (около 840 г.) продолжалась

---

[6] 〈Анализ известий о енисейских киргизах см. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 474—510.〉

[7] 〈Селенгинская и Карабалгасунская надписи; см. выше, стр. 51. прим. 18.〉

20 лет, то для полного подчинения киргизов уйгурам почти не остается времени.

Как у китайских историков, так и в китайской надписи, посвященной уйгурскому хану, говорится о принятии уйгурами в 762 г. манихейства, религии, возникшей в III в. в Персии и представлявшей соединение национальной религии Персии, зороастризма, с христианством и в особенности с буддизмом. Манихейство получило широкое распространение в Средней Азии, особенно среди согдийцев; согдийцами оно было принесено в Китай, где с ним познакомились уйгуры во время одного из своих набегов. В том же месте, где находится китайская надпись, говорящая об этом событии, сохранилась и надпись на согдийском языке; вскоре после этого согдийский алфавит был применен и к турецкому языку, стал называться «уйгурским» и получил широкое распространение среди турецких и монгольских народностей. Среди согдийцев, кроме манихейства, были распространены христианство и буддизм; эти религии также распространялись среди турок, но известий о принятии их каким-либо турецким государством нет.

Последствием вытеснения из Монголии сначала турок-огузов, потом уйгуров было усиление турецкого элемента в Восточном Туркестане. В местности около Турфана и Гучэна поселилось племя, которое китайцы называют *шато* ('степь'); эти турки-шато вышли из собственно турок, т. е. огузов. В конце VIII в. и в начале IX в. они были вытеснены из занятой ими области и ушли дальше на восток, в собственный Китай, где принимали участие в политических смутах и в X в. образовали несколько династий. Арабы называют этих турок тугузгузами, т. е. токуз-огузами. В IX в. тибетцев вытеснили из Восточного Туркестана уйгуры и образовали два княжества, одно в местности около Турфана и Гучэна, другое в Ганьчжоу; первое княжество арабы продолжали называть тугузгузским; термин *уйгур* не встречается в арабских источниках раньше XI в. Тугузгузы, по словам арабов, были манихеями; возможно, что манихейство не только было принесено сюда уйгурами из Монголии, но существовало здесь еще до их прихода.

Киргизы после победы над уйгурами сделались первенствующим кочевым народом в Монголии и Средней Азии, но не вели войн с другими державами и поддерживали мирные торговые сношения с китайцами, тибетцами и арабами; тем не менее среди них, насколько известно, не получила распространения ни одна из культурных религий. В начале X в. они были вытеснены из Монголии китаями, народом, как полагают теперь, монгольского происхождения; по словам проф. Пельо, в китайской литературе есть словарь их языка. Китаи захватили Северный Китай и владели им до XII в.; от них страна получила то название, которое до сих пор употребляется монголами, русскими и отчасти мусульманами; в средние века оно употреблялось и западными европейцами. Киргизы вернулись на Енисей; победители предложили уйгурам из Ганьчжоу вернуться

в Монголию, но они уже успели привыкнуть к условиям земледельческой и городской жизни и не пожелали воспользоваться этим предложением. Место турецких народов в Монголии заняли монгольские. До сих пор в Монголии сохранилась память о последнем турецком народе, владевшем Монголией, — о киргизах: все древние могилы называются киргизскими, в том числе и те, которые в действительности принадлежат предшественникам киргизов — уйгурам.

Одним из последствий вытеснения турок из Монголии было сближение их с мусульманской культурой; известия о их дальнейшей судьбе мы находим преимущественно в мусульманских источниках.

3

Одной из главных культурных заслуг мусульман было создание обширной географической литературы, с которой произведения античных географов не могли бы выдержать никакого сравнения. Пользование этой литературой затрудняется, однако, ее книжным характером. Отдельные авторы выписывали из книг слова своих предшественников, большею частью без ссылки на источник и без оговорки, что эти слова относятся к более ранней эпохе. Это относится не только к эпохе упадка мусульманской географической науки, когда до XVII в. включительно иногда повторялись без критики слова авторов X в., но даже к географам классической эпохи — IX и X вв. Так, сохранивший нам самые подробные известия о Средней Азии персидский анонимный географ, автор так называемой «рукописи Туманского», писавший в 982 г., называет город Ганьчжоу предметом спора между китайцами и тибетцами; в действительности так было до завоевания Ганьчжоу уйгурами, что произошло в 840-х годах.

Самым западным турецким народом в то время были печенеги, жившие сначала в местности к востоку от Волги и потом, как мы знаем из византийских источников, переселившиеся в конце IX в. в Южную Россию; там их знают авторы X в., хотя есть авторы XI в., продолжающие помещать печенегов на их прежней родине. Среднее и нижнее течение Волги было занято болгарами и хазарами, говорившими на одном и том же языке, непонятном ни для турок, ни для финнов; по всей вероятности, имеется в виду язык, сохранившийся теперь только у чувашей. К востоку от Волги до границ Китая, в порядке с запада на восток, жили огузы (с центром на нижнем течении Сыр-Дарьи), карлуки (с центром на реке Чу) и тугузгузы (с центром в области Турфана и Гучэна). У некоторых авторов в нынешней Джетысуйской области [1] названы кроме карлуков еще остатки тюргешей, разделявшиеся на две ветви, тухси и аз, кроме того, чигили на северной стороне Иссык-Куля и народ ягма к югу от Нарына. К северу от тугузгузов жили киргизы, с центром на Енисее. Киргизам приписываются те же антропологические черты, как в более ранних китайских источниках (у автора XI в. Гардизи: «красные волосы и белая кожа»). В рукописи Туманского сохранились известия о распро-

[1] 〈Территория Семиречья.〉

странении господства киргизов гораздо дальше к юго-западу, вероятно относящиеся к эпохе киргизского великодержавия; говорится о занятии киргизами города Пенчула (произношение не вполне установлено), находившегося на месте современного Уч-Турфана; Кашгар помещался в пограничной полосе между владениями киргизов, тибетцев, китайцев и народа ягма. Западными соседями киргизов были кимаки, с центром на верхнем Иртыше; кимаки не упоминаются ни в китайских источниках, ни в орхонских надписях; известий о том, когда и откуда они пришли на запад, нет. Западной ветвью кимаков были кипчаки, соседи печенегов, впоследствии отделившиеся и образовавшие особый народ.

В географической литературе нет известий о распространении среди турок ислама; историки говорят о принятии ислама в 960 г. многочисленным турецким народом; это известие находится только в багдадской хронике, причем не сообщается никаких подробностей ни о том, каково было название этого народа, ни о том, где он жил. По всей вероятности, это были те турки, из которых вышла первая мусульманская турецкая династия — династия Караханидов; Караханиды владели Кашгаром и в самом конце X в. завоевали Самарканд и Бухару. Другой турецкий народ, менее многочисленный, принял ислам в 1043 г.; и на этот раз название народа не приводится, но указывается, где он жил; летом эти турки кочевали по соседству с землей болгар (волжских), зиму проводили около Баласагуна (главного города в местности по реке Чу), т. е. в западной части Джетысуйской области.

К эпохе Караханидов, именно ко второй половине XI в., относится сочинение о турецком языке Махмуда Кашгарского. Это сочинение написано на арабском языке в Багдаде, но автор был по происхождению турком, хорошо знал Среднюю Азию, особенно южную часть ее, до долины реки Или включительно, и турецкие наречия. Его труд едва ли не единственный из дошедших до нас арабских трудов о Средней Азии, написанный не по книгам, а на основании непосредственного знакомства автора со страной. Оттого мы у него, например, вместо названия *тугузгуз* находим название *уйгур*.

Махмуд Кашгарский причисляет к туркам в обширном смысле и те народы, которые, по его словам, говорили на другом языке, но знали и по-турецки. Все турецкие народы разделяются на две группы, северную и южную, по десять в каждой; народы каждой группы перечисляются, по словам автора, в порядке с запада на восток. Северная группа: печенеги, кипчаки, огузы, йемеки, башгурты, басмылы, кай, ябаку, татары и киргизы; южная: чигили, тухси, ягма, играки, чаруки, джумулы, уйгуры, тангуты [2], китаи, табгачи. Порядок перечисления народов южной группы не внушает сомнений. Старое турецкое название Китая и китайцев, *табгач*, встречающееся в орхонских надписях, сохранено за

[2] ⟨В первом издании слово «тангуты» пропущено; ср. ниже, стр. 586.⟩

Южным Китаем, находившимся под властью национальной китайской династии Сун (с 960 г.). Это был Масин, или «верхний Син» (арабская передача персидского названия Китая — Чин); «средним Сином» была страна китаев, т. е. Северный Китай, «нижним Сином» — владения Караханидов в Кашгарии. Тангуты были народом тибетского происхождения, отнявшим у уйгуров в XI в. княжество Ганьчжоу и основавшим царство, известное в китайской истории под названием «царство династии Ся». Уйгуры по-прежнему владели областью около Турфана и Гучэна. К западу от этой области уже начинались владения мусульманской династии Караханидов; пограничными пунктами были в северной части Восточного Туркестана Куча и Бугур, в южной — Черчен. Дальше к западу указывается местоположение области чаруков, жителей города Барчука, на месте современного Маралбаши. Народы тухси, ягма и часть чигилей помещаются в долине Или; другие чигили жили в селениях близ Кашгара и в небольшом укрепленном городе Чигиль, близ Таласа (Аулие-Ата) [3]. Эта крепость находилась по соседству с областью огузов и в прежнее время часто осаждалась ими; поэтому огузы иногда называли чигилями всех, кроме себя, турок на пространстве от Аму-Дарьи до Китая.

Гораздо меньше соответствует действительному географическому порядку порядок перечисления народностей северной группы. Кимаки совершенно не упоминаются ни здесь, ни в других местах; вместо них на Иртыше помещаются йемеки, упоминаемые в более ранних источниках как одна из ветвей кимаков; Махмуд Кашгарский называет их ветвью кипчаков. Башгурты, или башкиры, всегда жили гораздо западнее Иртыша: Ибн Фадлан еще в X в. проезжал через их страну на пути в страну болгар (волжских); следовательно, башкиры жили приблизительно там же, где живут теперь. Под страной огузов имеется в виду их прежняя родина на Сыр-Дарье: не принимается в расчет ни уже совершившееся в то время завоевательное движение их на юго-запад, в Переднюю Азию, где ими была образована империя Сельджукидов, ни движение их же на запад через Россию, на Балканский полуостров. Кроме чигилей соседями огузов были карлуки, не упоминаемые в этом перечне, но упоминаемые во многих других местах; Махмуд Кашгарский называет туркменами не только огузов, как другие авторы, но и карлуков. Приводится легенда о происхождении слова *туркмен*; из нее видно, что уже в то время существовала персидская этимология, по которой *туркмен* значило *турк маненд* 'похожий на турка', и приводилось различие между туркменами и настоящими, т. е. более восточными, турками. В этом смысле, вероятно, должны быть поняты слова самого Махмуда Кашгарского, что он изучил наречия огузов и чигилей, туркмен и турок; к этому прибавлено еще: ягма и киргизов, названных здесь, вероятно, как народы, географически отдаленные один от другого. О стране киргизов у автора не было яс-

[3] ⟨Ныне Джамбул.⟩

ного представления, и река Енисей не упоминается. Киргизы, как у географов X в., помещаются на крайнем востоке; по другим, более точным известиям, народ *кай* жил восточнее их. То же самое, по-видимому, относится к татарам, как можно заключить из слов Махмуда Кашгарского, что татарам принадлежало место Öтюкен; из орхонских надписей известно, что так называлась горная цепь в Монголии, близ Орхона. Западнее киргизов жил народ ябаку. В XI в. (Махмуд Кашгарский еще не видел людей, принимавших участие в этой войне) произошла война между этим народом и мусульманами, под начальством Арслан-тегина; мусульман было всего 40 000, кафиров, во главе которых стоял Бука-Будрадж, 700 000, союзниками ябаку были басмылы и джумулы. Мусульмане во время похода против кафиров переправились сначала через Или, потом через большую реку Ямар и нанесли врагам полное поражение. О реке Ямар говорится еще в другом месте, как о большой реке в степях народа ябаку; по-видимому, имеется в виду большая река, через которую переправлялись на судах; такой реки между Или и Иртышом нет; возможно, что такое название носила часть Иртыша.

Автор называет чистыми турками киргизов, кипчаков, огузов, народы тухси и ягма, чигилей, играков и чаруков; иной, не турецкий язык был у джумулов, басмылов, у народов кай и ябаку и у татар. Татары упоминаются уже в орхонских надписях; в XIII в. таково было народное название монголов; очень вероятно, что и прежде татарами назывались народы монгольского происхождения. Если таково же было происхождение народа ябаку, то народы монгольского племени уже в то время проникали далеко на запад. Некоторые другие народности могли принадлежать к остаткам прежнего, дотурецкого населения Восточного Туркестана. Слово *басмыл* приводится и в словарях средневекового греческого[4] языка в значении 'человек смешанного происхождения'. Басмылы упоминаются уже в орхонских надписях; в то время им принадлежал город Бешбалык (около современнего Гучэна), где впоследствии жили токуз-огузы и уйгуры; вполне естественно, что эти едва ли не первые оседлые турки произошли от смешения турок с прежним оседлым населением. Замечательно, что уже владетель басмылов носил тот же титул (*идикут*), как впоследствии уйгурский владетель той же местности. Даже об уйгурах Махмуд Кашгарский говорит, что у них кроме чисто турецкого языка был еще другой, на котором они говорили между собой. От языка чистых турок отличался и тогда, как теперь, своими фонетическими особенностями язык отуреченного оседлого населения. Отуреченное сельское население Кашгарии называлось тогда кенджеками; это название не встречается ни в каких других источниках. Отмечаются некоторые особенности языка области Аргу, простиравшейся от Сайрама до Баласагуна. Основателями городов и селений в этой местности были согдийцы, которые у Махмуда Кашгар-

[4] ⟨В первом издании ошибочно — «латинского»; ср. ниже, стр. 276 и 580.⟩

ского, как в орхонских надписях, называются согдаками; эти согдийцы в то время еще не вполне забыли свой язык; даже в Баласагуне говорили не только по-турецки, но и по-согдийски.

У Махмуда Кашгарского несколько раз упоминается река Итиль (Волга), даже приводятся стихи, в которых описывается Итиль, но его сведения о народах волжского бассейна скудны. Хазары не упоминаются совсем; из других источников известно, что ударами врагов хазарское царство было ослаблено в X в. и окончательно сокрушено в начале XI в. Волжские болгары сохранили свое значение до монгольского нашествия. Махмуд Кашгарский считает их турками и сближает их язык с печенежским. Вместе с болгарами упоминаются, как часть болгар, суворы; подобно слову *болгар*, слово *сувар* было в одно и то же время названием народности и названием города; известно, что развалины города Сувара сохранились до сих пор верстах в 50 от развалин Болгара. Существует мнение, что слово *чуваш* есть лингвистически правильное видоизменение слова *сувар* [5]. По Махмуду Кашгарскому, город Сувар носил также название Саксин; это известие стоит совершенно одиноко; по более поздним источникам, Саксин находился гораздо южнее, вероятнее всего при устье Волги [6].

Махмуд Кашгарский приводит довольно много сведений об отдельных турецких наречиях; из этих сведений видно, что уже тогда существовали лингвистические особенности, свойственные той группе турецких народностей, которую академик Радлов называл западной; главным народом этой группы являются казаки. Говорится об употреблении *дж* вместо *j* в начале слова у огузов и кипчаков, об употреблении *ш* вместо *ч* у ягма, тухси, кипчаков и ябаку. Огузам и кипчакам приписываются и такие фонетические черты, которые теперь составляют особенность наречий южной группы (туркменского и переднеазиатских): замена звука *м* звуком *б*, звука *т* звуком *д*. У огузов, кипчаков и особенно халаджей (раньше других турок, не позднее начала X в., перешедших через Аму-Дарью в пределы Ирана) отмечается замена звука *к* звуком *х*, что теперь составляет особенность азербайджанского наречия [7].

Из немусульманских турок политическое целое составляли в то время, по-видимому, только уйгуры. Махмуд Кашгарский приводит титул уйгурского хана, но не современного ему (о нем говорится в прошедшем времени). Мы видели, что Махмуд Кашгарский еще не говорит о несом-

---

[5] ⟨Ср.: Ковалевский, *Чуваши и булгары*, стр. 13—14, 10—21, 49; Каховский, *Происхождение чувашского народа*, стр. 365—366.⟩

[6] ⟨См. ниже, стр. 601; ср. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 588—589, 706. О местоположении и названии Саксина см. еще: Якубовский, *К вопросу о топографии*, стр. 255—257; *Ḫудӯд ал-ʿālам*, пер. Минорского, 453 (комментарий); Артамонов, *История хазар*, стр. 445.⟩

[7] ⟨Русский перевод и анализ цитируемого текста Махмуда Кашгарского см. Ибрагимов—Храковский, *Материалы*.⟩

ненно происходившем уже в его время движении кипчаков, которым было суждено занять огромное пространство. На Сыр-Дарье он еще помещает огузов и называет город Сугнак (ныне развалины Сунак-курган) огузским городом [8]; впоследствии, в XII в., мы видим здесь кипчаков, вместе с которыми упоминается народ канглы; у Махмуда Кашгарского этого слова, как названия народа, еще нет; слово *канглы* есть по его словам, «имя (может быть, титул) великого человека из кипчаков» [9]. На западе кипчаки, как известно, носящие в русских летописях название «половцы», совершенно вытеснили из Южной России печенегов и огузов. Во время этих передвижений кипчаки, насколько известно, не находились под властью сильной династии, как огузы во время завоевания Передней Азии и основания империи Сельджукидов или монголы во время образования империи Чингиз-хана. Были отдельные кипчакские ханы, но хана всех кипчаков никогда не было.

Даже на Сыр-Дарье, по соседству с Хорезмом, кипчаки до конца XII в. не были мусульманами; вообще ислам до монгольского нашествия еще не был религией большинства турок и был мало распространен за пределами государств Караханидов и Сельджукидов.

В государстве Караханидов арабским алфавитом только постепенно вытеснялся уйгурский (о существовании орхонского алфавита Махмуд Кашгарский уже ничего не знал). От Махмуда Кашгарского мы узнаем, что уже в его время у турок-мусульман была значительная поэзия на своем языке, потом исчезнувшая почти бесследно; главным литературным центром был Кашгар, столица Караханидов. Ни один источник, не исключая Махмуда Кашгарского, не говорит, из какой именно турецкой народности вышла эта династия; везде Караханиды и их народ называются только турками [10]. Сельджукиды более сознавали свою связь с огузским или туркменским народом, но для них имели еще меньше значения турецкие традиции в области культуры; нет следа употребления в их государстве другого алфавита, кроме арабского; из всех их областей только в Хорезме, где в XII в. из сельджукских наместников вышла особая турецкая династия хорезмшахов, и по соседству с ним, на Сыр-Дарье, происходила литературная деятельность на турецком языке.

Соперниками ислама среди турок были буддизм и христианство (ясных доказательств, чтобы в эпоху Махмуда Кашгарского где-нибудь еще сохранилось манихейство, мы не имеем). Кипчаки кроме мусульманской культуры подвергались влиянию христианской; в Южной России христиане среди кипчаков упоминаются еще в XIV в. Среди уйгуров, по-видимому, преобладал буддизм, но были и христиане. В XII в., около

---

[8] ⟨О местоположении и городище Сугнака (Сыгнака) см. Агеева—Пацевич. *Из истории оседлых поселений*, стр. 72—73.⟩

[9] ⟨Об этнониме *канглы* см. Кляшторный, *Кангюйская этно-топонимика*, стр. 62—63.⟩

[10] <См. выше, стр. 72—73>.

1125 г., государство китаев, или, как их называли турки-мусульмане, кара-китаев, в Северном Китае было уничтожено народом северного происхождения, чжурчжэнями; часть китаев перешла на запад, где им удалось в 1141 г. нанести поражение около Самарканда главе Сельджукидов, султану Санджару, и основать империю, простиравшуюся от области уйгуров до Каспийского моря. Точных сведений о религиозных верованиях китаев мы не имеем; во всяком случае они не приняли ислама. Существенных последствий ни в этнографическом, ни в культурном отношении это продвижение на запад монгольского элемента и китайской культуры, по-видимому, не имело; мусульманская культура сохраняла свое первенство; министром последнего государя из китаев был мусульманский купец. Возникшее в Туркестане и поддержанное хорезмшахами восстание мусульман против владычества неверных не привело к ожидавшимся результатам; поражением китаев воспользовался другой монгольский народ, найманы, вытесненный в то время из Монголии победами Чингиз-хана. Предводитель найманов, Кучлук, был христианином и потом совратился в язычество, вероятно в буддизм; в Кашгарии им было начато гонение против ислама, причем старались заставить мусульман принять буддизм или христианство. Этому гонению положило конец только в 1218 г. уничтожение государства Кучлука Чингиз-ханом.

Христианство вообще в то время, может быть при участии уйгуров, получило широкое распространение в Монголии. Кроме западных монголов, найманов, христианами были кераиты на Толе и даже южные монголы, онгуты, у китайской Великой стены. Несомненно, что главными представителями торговли и распространителями культуры среди монголов были мусульмане; в орде Чингиз-хана были мусульманские купцы еще до его выступления из Восточной Монголии, но, как в Китае, так и в Монголии, успехи мусульманской торговли и культуры в то время не были связаны с успехами мусульманской религиозной пропаганды.

4

Образование монгольской империи было единственным в своем роде событием в мировой истории; никогда ни раньше, ни после не объединялись под властью одной династии культурные страны Дальнего Востока и Передней Азии. Самому монгольскому народу эти завоевания совершенно не были нужны, и он не извлек из них никаких выгод. Огромное большинство монголов вернулось в Монголию; оставшиеся в завоеванных странах монголы быстро утратили свою национальность. Как перед походами Чингиз-хана, так и теперь местностью, где монгольский элемент сталкивается с турецким, является область истоков Енисея. Единственные потомки монголов Чингиз-хана, до сих пор сохранившие свой язык, — небольшое число монголов в пределах Афганистана [1]; калмыцкое, или ойратское, движение произошло гораздо позже и не имело к монгольской империи никакого отношения.

Монгольские завоевания имели больше влияния на судьбы турок, чем на судьбы монголов. Языком государств, образованных монголами к западу от Монголии, постепенно сделался турецкий. Кроме отдельных небольших княжеств, под властью династии Чингиз-хана находились три великие державы — в Средней Азии, в Южной России и в Персии; везде в монгольскую эпоху замечается усиление турецкого элемента; последствием монгольского происхождения династии и окружавших ее военных отрядов было образование турецких родов, племен и целых народностей с монгольскими названиями. Название *монгол*, или *могол* (так в Средней Азии всегда произносилось слово *монгол* и так до сих пор называют себя афганские монголы), дольше всего держалось в Средней Азии, где преобладание в государстве, после некоторых колебаний, осталось за потомками второго сына Чингиз-хана, Чагатая. После распадения чагатайского государства на две части, западную и восточную, название *Чагатай* осталось за западной частью, где преобладал турецкий элемент, и чагатайским стал называться образовавшийся в Средней Азии турецкий литературный язык, хотя в то время, в XIV в. и после, государственная

---

[1] ⟨О монгольских (могольских) племенах в Афганистане и их языке см.: Лигети, *О монгольских и тюркских языках*; Петрушевский, *Земледелие*, стр. 42; В. Массон—Ромодин, *История Афганистана*, т. I, стр. 290—291; Schurmann, *The Mongols*; Ferdinand, *The Mongols*.⟩

власть уже не принадлежала потомкам Чагатая. За кочевым населением восточной части осталось название *могол*, за страной — название Моголистан, хотя именно там оставались ханы из потомков Чагатая, действительных или мнимых. Названия *могол* и *Моголистан* продолжали употребляться и тогда, когда в этой стране уже не было следов монгольского языка, и исчезли только после падения монгольской династии в конце XVII в. В Южной России, или в Золотой Орде, где правили потомки старшего сына Чингиз-хана, Джучи, по-видимому, раньше произошло отуречение монголов: образовались турецкие народности, с именами монгольских ханов — Узбека (при котором в этой части монгольской империи окончательно утвердился ислам) и Ногая. Слово *узбек*, как народное название, впоследствии, в XV в., перестало употребляться в Южной России и осталось только за одной из среднеазиатских областей, с центром на Сыр-Дарье, хотя ханы этой области не происходили от хана Узбека. Чагатайское государство, достигшее высшего могущества при Тимуре (1370—1405), при потомках Тимура было завоевано узбеками; изгнанные из Туркестана потомки Тимура образовали для себя новое государство в Индии, куда перенесли и термин *Чагатай*. После этого границей между «Узбекистаном» и «Моголистаном» считалось озеро Балхаш. От узбеков в том же XV в. отделились казаки [2], восставшие против хана Абулхайра и за это получившие свое название. Казаком тогда называли человека, отделившегося от своего рода и племени, в том числе члена династии, потерпевшего неудачу в борьбе за престол, но не отказывавшегося от своих прав и во главе шайки приверженцев пользовавшегося каждым случаем для нападения на своих счастливых соперников. Несмотря на такое происхождение, казаки, подобно узбекам, имели своих ханов из рода Чингизхана; уже в начале XVI в. между казаками и узбеками, несмотря на близкое родство между ними, была ожесточенная вражда.

Слово *ногай*, как народное название, сначала встречается только в русских источниках; в восточных источниках ногаи называются мангытами, по имени одной из народностей монгольского происхождения, некогда живщей в Восточной Азии. В XVI в. центром ногаев, или мангытов, была местность по нижнему течению Яика, или Урала; впоследствии мы видим их в северной части Крыма, к северу от Кавказа и в Туркестане. Теперь казаки и узбеки называют ногаями волжских татар; неизвестно, когда слово *ногай* стало употребляться в этом смысле. Название *татар*, как прежде называли всех монголов одинаково в Китае, в мусульманском мире и в России, удержалось в России для обозначения турецкого населения Крыма, приволжских областей и Сибири (Тобольского края). Насколько известно, сами себя называли татарами только крымские турки, потом упорнее других отвергавшие это название, официально принятое для себя теперь, после некоторых колебаний, приволжскими

[2] ⟨Казахи.⟩

турками. Неизвестно, можно ли установить какие-нибудь общие признаки татарской нации, лингвистические или этнографические, по сравнению с другими турецкими народностями.

Медленнее всего, по-видимому, происходило отуречение монголов в Иране; персидское монгольское государство было единственным, где делались попытки создать переводную литературу на монгольском языке. Кроме сохранивших до сих пор свой язык монголов на юго-востоке, в Афганистане, монголы, по-видимому, долго оставались и на северо-западе; есть известие, что кайтаки в Дагестане, говорящие теперь на лезгинском наречии, еще в XVII в. говорили по-монгольски [3]. Тем не менее и здесь в эпоху монгольского владычества усилился турецкий элемент. Только теперь Азербайджан и области к северу от него до Кавказа окончательно сделались турецкими; в домонгольскую эпоху, например, нет известий о турецком языке в Дербенте, где долгое время оставалось арабское население. Турки подходили к Кавказу не только с юга, но и с севера; кроме ногаев из отуреченных лезгин образовалась народность кумыков. Рядом с этими народностями, образовавшимися в послемонгольский период, существуют другие, как балкары и карачаевцы, язык которых обнаруживает следы более древнего происхождения и сближается с кипчакским. Слово *кипчак* как народное название совершенно исчезло, но сохранилось в названии многих новых турецких народностей, в том числе и казаков, ядро которых составляли кипчаки.

Победа турецкого элемента сопровождалась победой ислама и мусульманской культуры. Уже в XIV в. ислам был государственной религией на всем пространстве, завоеванном монголами, от Южной России до границ Монголии и Китая. Мусульманскими были и все государственные образования последующего времени, ханства Крымское, Казанское и Астраханское в Южной России, ханства казацкое, узбецкое и другие в Средней Азии. На Волге и Яике ислам утвердился так прочно, что впоследствии мог распространяться в нынешних киргизских (или казацких) степях не только с юга, но и с севера. Вне сферы распространения ислама, кроме занимающих и в лингвистическом отношении особое положение чувашей и якутов, остались только народности Алтая и бассейна Енисея, где происходил не вполне законченный и до сих пор процесс отуречения самоедов.

В рассказах о войнах между казаками, узбеками и монголами в начале XVI в. впервые упоминаются в Джетысуйской области [4] киргизы, если не считать известия рукописи Туманского о действиях киргизов в северной Кашгарии. Потерпевший поражение от узбеков Ахмед-хан могольский умер зимой 1503/04 г. в Аксу; один из его сыновей, Султан-Халиль, ушел к киргизам, которые поставили его во главе своего народа.

---

[3] ⟨См. *ниже*, стр. 369—375.⟩

[4] ⟨Семиречье.⟩

Его управление продолжалось только несколько лет, после чего киргизы подчинялись сначала Абу Бекру дуглатскому, долгое время (1480—1514) владевшему Кашгарией (дуглаты были народом монгольского происхождения, остатки которого потом вошли в состав монголов, чагатаев, узбеков и казаков), потом Султан-Саʿид-хану могольскому, брату Султан-Халиля, завоевавшему Кашгарию, потом Тахир-хану казацкому, появившемуся в южной части Джетысуйской области в 1524 г. Часть киргизов, не успевшая присоединиться к Тахиру, была уведена моголами на Атбаш; в 1526 г. моголы покинули Джетысуйскую область и увели с собой 100 000 киргизских баранов, вследствие чего этот поход получил название «бараний», как в XIX в. было названо «бараньим делом» дело 5 апреля 1866 г. при Мурзарабате, когда захваченные ген. Романовским стада баранов должны были служить доказательством его победы над войском бухарского эмира. Весной 1527 г. на Атбаш пришел Тахир и увел оттуда киргизов вместе с оставленными Султан-Саʿид-ханом табунами. Этим было положено начало политическому объединению киргизов с казаками, продолжавшемуся всего около 30 лет[5].

Историк того времени Мухаммед-Хайдер дуглатский ничего не говорит о том, когда и откуда пришли киргизы в ту местность, где они жили в начале XVI в. По его словам, киргизы были одним и тем же народом с моголами; главное различие между ними заключалось в том, что моголы приняли ислам, киргизы оставались кафирами. Уже этот один факт заставляет сомневаться в том, чтобы киргизы могли жить в Джетысуйской области непрерывно с того времени, к которому относятся известия рукописи Туманского. Ислам окончательно утвердился среди моголов при Мухаммед-хане, умершем в 1416 г.; этот хан насильно заставлял своих подданных носить чалму; непослушным вбивались в голову гвозди. Мухаммед-хан действовал и в южной части Джетысуйской области, где им было выстроено известное здание Таш-Рабат. Трудно допустить, чтобы киргизы могли уклониться от принятия ислама, если бы они уже в то время жили в этой местности. До нас дошли подробные описания походов в Джетысуйскую область Тимура в конце XIV в. и его внука Улугбека в 1425 г.; в этих рассказах о киргизах нет ни слова, так что становится очень вероятным, что их прибытие должно быть отнесено к более позднему времени. Возможно, что переселение части киргизов с берегов Енисея в южную часть Джетысуйской области находилось в связи с первым движением на запад ойратов, или калмыков (термин *калмык*, или *калмак*, каково бы ни было его происхождение, употребляется мусульманскими авторами в несколько более обширном значении, чем термин *ойрат*). Ойраты первоначально жили около истоков Енисея, следовательно, были близкими соседями киргизов; походы их на Моголистан начались в 1420-х годах и были прерваны в 1470-х годах, когда калмыки очистили

5 ⟨Подробнее см. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 515—517.⟩

Моголистан и вернулись в свою страну. Возможно, что принимавшие участие в этом движении киргизы поселились в то время в южной части Моголистана, в горах Тянь-Шань [6].

Совершенно чуждыми исламу киргизы, вопреки словам Мухаммед-Хайдера, уже в начале XVI в. не были; киргиз, поставленный Султан-Саʿид-ханом во главе киргизского народа, носил имя Мухаммед. Сближение с казаками должно было содействовать укреплению ислама; тем не менее османский автор Сейфи, писавший о Средней Азии в 1582 г., говорит о киргизах только, что они «не кафиры и не мусульмане» [7]. Даже и те киргизы, которые зимой 1635/36 г. пришли в Каратегин, по словам рассказывающего об этом событии историка, не были мусульманами, и их предводители только потом приняли ислам. Известно, что в XIX в. киргизы были мусульманами только по имени и почти совсем не были знакомы с обрядами ислама [8].

Борьба моголов с казаками за обладание южной частью Джетысуйской области велась с переменным счастьем. Союзниками моголов часто были узбеки. Особенно тяжелое поражение было нанесено казакам в 1537 или 1538 г., причем погибло 37 султанов, вместе с ханом Тугумом, братом Тахира; Мухаммед-Хайдер, писавший в 1543 или 1544 г., говорит о полном уничтожении казацкого народа. Вскоре после этого, без точного обозначения времени, говорится о поражении моголов в битве с Хакк-Назаром, «ханом казацким и киргизским»; потом тот же Хакк-Назар-хан пал в битве с моголами, причем мы находим об этой битве в различных источниках совершенно противоречивые известия. По двум источникам, во главе казаков был Хакк-Назар-хан, однако, по одному источнику, местом битвы было селение Артыш в Кашгарии, по другому — река Эмиль в северной части Джетысуйской области. В третьем источнике местом битвы назван берег озера Иссык-Куль, предводителем казаков — Буйдаш-хан, брат Тахира; еще по другому источнику, Буйдаш погиб в 1559 или 1560 г., во время нашествия на Туркестан. Несколько источников согласны между собой в том, что в битве, окончившейся гибелью Хакк-Назар-хана, казаки потеряли несколько знамен, и после этого они в своих сражениях знамен больше не употребляли.

По-видимому, ни казаки, ни киргизы не были надолго ослаблены этим поражением; по словам англичанина Дженкинсона, бывшего в Туркестане в 1558 г., казаки в то время снова угрожали Ташкенту, киргизы — Кашгару. Из этих слов можно заключить, что со смертью Хакк-Назар-хана политическое объединение киргизов с казаками прекратилось;

---

[6] 〈Иную интерпретацию сообщения Мухаммеда-Хайдера и оценку этнических связей моголов с киргизами см. Юдин, *О родоплеменном составе могулов*, стр. 57—61.〉

[7] 〈Абд ал-Керим Бухари, прилож., 302—303; ср. также наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 517.〉

[8] 〈Сообщение мусульманского агиографического сочинения о киргизах-«язычниках» и характере их верований см. Ворожейкина, *Доисламские верования*.〉

по-видимому, оно больше не возобновлялось. Сейфи говорит о киргизах как об отдельном народе, жившем в трудно доступных горах; в случае нападения врагов они отсылали свои семьи в глубь гор, а сами защищали горные проходы. Царей (ханов) у киргизов не было, были только беки, которых называли *кашка* [9]; тот же титул мы находим потом у калмыков. Как при Дженкинсоне, так и потом казаки воевали преимущественно с узбеками, киргизы — с моголами. В XVII в. и в первой половине XVIII в. те и другие терпели поражения от калмыков, или ойратов, вновь двинувшихся на запад и образовавших сильное кочевое государство, последнее в истории Средней Азии, с центром в долине реки Или. Калмыки — единственный народ, имевший дело в одно и то же время с обеими ветвями киргизского народа, енисейской и тяньшаньской. Насколько известно, киргизы одной ветви не знали о существовании другой; нет также документов, в которых самими калмыками или приезжавшими в их страну людьми упоминалось бы о делении киргизов на две ветви и приводилось бы сравнение между ними. Как в Южной Сибири, так и в Туркестане интересы калмыков сталкивались с интересами России; поэтому мы находим некоторые сведения о енисейских киргизах и о казаках, впоследствии также о тяньшаньских киргизах, в русских источниках.

---

[9] ⟨Абд ал-Керим Бухари, прилож., 302—303; о термине *кашка* см. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 517, прим. 12.⟩

5

Через некоторое время после утраты енисейскими киргизами великодержавного значения прекратилось и политическое единство киргизского народа; монгольские завоеватели уже не застали киргизских ханов. Киргизы были окончательно покорены в 1218 г. старшим сыном Чингиз-хана, Джучи; после передвижения удела Джучи на запад страна киргизов вошла в состав удела потомков младшего сына Чингиз-хана, Тулуя, местопребывание которых было сначала на Орхоне, потом в Пекине. Страна киргизов в то время еще посещалась торговцами и промышленниками; культурное состояние ее было выше, чем в эпоху киргизского великодержавия; говорится о большом числе городов и селений. Никаких сведений о жизни енисейских киргизов в XV и XVI вв., по-видимому, не имеется [1]; киргизы снова упоминаются только в XVII в., в связи с действиями русских в Южной Сибири [2]. В 1604 г. был основан город Томск; уже в 1606 г. туда пришли для переговоров с русскими представители киргизов. Русские уже не застали на Енисее никакой оседлой культуры; не было даже земледелия; средства к жизни добывались только охотой и скотоводством. Было четыре киргизских княжества: Тубинское (на реке Тубе, в Красноярском уезде, и по левую сторону Енисея до Абакана), Езерское (по левую сторону Енисея от Абакана до Батеневского горного кряжа), Алтырское (от Езерского к западу и юго-западу) и Алтысарское (от Езерского к востоку и северо-востоку). Первые русские известия говорят об одном из князей как о главе всей киргизской земли; по-видимому, это был князь алтырский. Ниже всего был уровень благосостояния Тубинского княжества; у тубинцев не было ни коров, ни овец, были только лошади и олени.

Кроме киргизов, русские на Енисее имели дело с тумэтами в Западной Монголии, глава которых носил титул Алтан-хан, впоследствии с калмыками; киргизы, в зависимости от обстоятельств, переходили то на сторону одного, то на сторону другого народа. После неудачи первых переговоров с русскими, вследствие корыстолюбия и притязаний русских воевод, киргизы были склонны подчиниться Алтан-хану; но в 1616 г.

[1] 〈См. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 509—510.〉

[2] 〈Литературу о енисейских киргизах в XVII в. см. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 520, прим. 1; также Абдыкалыков, *О расселении.*〉

сам Алтан-хан вступил в сношения с русскими, отверг просьбу киргизов о помощи и даже принял на себя перед русскими обязательство усмирять беспокойных киргизов. В 1620 г. в Тобольск (тогда главный город Сибири) и оттуда в Москву вместе с послами Алтан-хана прибыли послы киргизов с дарами. В 1620-х годах положение Алтан-хана укрепилось вследствие его побед над калмыками; он прервал переговоры с русскими и согласился принять киргизов в свое подданство; киргизы могли возобновить набеги на русские пределы. В 1630-х годах в борьбе между Алтан-ханом и калмыками счастье перешло на сторону последних; сам Алтан-хан в 1634 г. перешел через Саянские горы и прибыл на Енисей и Абакан, где принял русское подданство. Часть киргизов перешла на сторону калмыков; в начале 1640-х годов глава калмыков Батур, принявший титул *хунтайчжи* (у русских «контайша»), называл киргизов своими подданными; вскоре после этого оправившийся Алтан-хан вновь обложил киргизов данью и в 1652 г. предпринял против них поход; на этот раз киргизы обратились с просьбой о помощи к русским в Красноярск. Самое благоприятное для русских положение создалось в 1660-х годах; в 1666 г. сам хунтайчжи Сэнгэ принял русское подданство; но скоро положение изменилось в пользу калмыков, которыми был побежден и взят в плен сын и преемник Алтан-хана, Лочжан. Киргизы подчинились калмыкам, сначала Сэнгэ, потом его брату и преемнику Галдану.

В 1660-х годах в первый и последний раз появилась сильная личность среди самих киргизов, Иренак, из рода алтысарских князей. По выражению русского историка, автора книги «Хакасы», проф. Козьмина, Иренак «свыше 20 лет (он умер в средине или во второй половине 1680-х годов) был грозою Красноярска, Ачинска, Кузнецка, Томска, Канска и даже Енисейска и Удинска» (Нижнеудинска) [3]. Самостоятельно действовать он не мог, он считался подданным сначала Лочжана, потом калмыков. Галдан старался, но без успеха, создать такое положение, чтобы ни русские воеводы из Красноярска и Тюмени не беспокоили киргизов, ни киргизы не совершали набегов на русские земли. Иренак сносился с русскими и непосредственно, отправлял в Москву и принимал у себя русские посольства. Собственной грамоты у киргизов не было, и документы писались Иренаком на калмыцком языке, хотя сами калмыки, по примеру русских, иногда прибегали к татарскому языку, иногда даже к персидскому. Русские в переписке с калмыками в первый раз прибегли к калмыцкому языку вместо татарского в 1696 г.

По выражению русского историка XVIII в. Г. Ф. Миллера, «киргизов, сколько в том старания с российской стороны ни прилагалось, совершенно покорить не могли». Русских избавили от киргизов калмыки; осенью 1703 г. до русских дошло известие, что «приехали 2500 калмыков в киргизскую землицу и киргиз к себе загнали всех, и ныне в киргизской

---

[3] ⟨Козьмин, *Хакасы*, стр. 63.⟩

землице киргиз никого нет». Г. Ф. Миллер полагал, что киргизы тогда «совсем из Сибири убрались». Было высказано мнение, что в действительности была уведена только небольшая часть киргизов, с князьями и аристократией, и даже из той части многие вернулись, так что состав населения не изменился, исчезло только название *киргиз*. Однако в преданиях самого населения о киргизах говорится как об исчезнувшем сильном народе. Один из туземных исследователей, покойный С. Д. Майнагашев, записал на своей родине стихи: «В сорока славных котловинах есть ли котловина, где бы не лежали кости киргиза? В сорока березах, растущих на хребте, есть ли береза, которой бы не коснулся топор киргиза?»

О судьбе уведенных калмыками киргизов точных сведений нет. Прежде полагали, что их потомками являются тяньшаньские киргизы; но теперь мы знаем, что киргизы жили около гор Тянь-Шань гораздо раньше. Нет никаких оснований полагать, чтобы калмыки поселили киргизов, уведенных ими с Енисея, в стране их соплеменников. Часть бывших енисейских киргизов появилась в 1746 г. на Иртыше, близ русской пограничной крепости Усть-Каменогорск.

Вся страна между владениями тяньшаньских и енисейских киргизов была в то время занята казаками. Этим объясняется, почему калмыки, имевшие сношения с киргизами раньше, чем с казаками, и называвшие киргизов бурутами, перенесли это название и на казаков и создали термин *казак-бурут*, в русской передаче «казак-киргиз», или «киргиз-казак». Обыкновенно такое перенесение названия киргизов на казаков приписывалось русским; Г. Ф. Миллер говорит, что впервые встретил его в «СПб. ведомостях» за 1734 г.; между тем термин «киргиз-казаки» встречается уже в переводе донесения калмыцкого посла Борокургана канцлеру графу Головкину 7 сентября 1721 г. Русские знали казаков гораздо раньше, чем киргизов, и уже поэтому маловероятно, чтобы они по собственному почину назвали казаков киргизами. Более правдоподобно, что это было сделано под влиянием калмыков.

Сношения русских с казаками начались тотчас после завоевания русскими Сибири [4]. В то время продолжались войны между узбеками и казаками; узбеками в XVI в. были образованы в Туркестане два ханства, Бухарское и Хорезмское, или Ургенчское, впоследствии называвшееся Хивинским. Могущество узбеков достигло высшей степени во второй половине XVI в., во время царствования Абдулла-хана бухарского, которому удалось подчинить себе и Хорезм и образовать сильное государство, в состав которого входил и Хорасан [5]. Абдулла-хан совершил несколько походов на север, против казаков, причем доходил до Улуг-тага (гора Улу-тау, близ которой теперь город Улутавск в Акмолинской об-

---

[4] ⟨Русские архивные материалы, освещающие начальный этап казахско русских отношений, ныне изданы; см. *Казахско-русские отношения.*⟩

[5] ⟨Об Абдулла-хане см. наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 487—488.⟩

ласти); эти походы сопровождались страшным кровопролитием, о чем говорится и в надписи на скале в Джизакском [6] ущелье, сделанной после одного из этих походов в 1571 или 1572 г. [7]. Тем не менее сила казаков не была сломлена; еще до смерти Абдулла-хана казацкий хан Тевеккель совершил нашествие на узбецкое государство, причем доходил до Самарканда. Тот же хан в 1594 г. отправил посла в Москву, предлагая свое подданство царю Феодору; в деле об этом Тевеккель назван «царем казацким и калмыцким», из чего можно заключить, что ему подчинялись и некоторые калмыцкие роды.

Вскоре после смерти Абдулла-хана (1598 г.) прекратилось и господство династии первых узбецких завоевателей Туркестана, потомков Абулхайра; следующая династия, правившая в Бухаре (Джаниды, или Аштарханиды), располагала гораздо меньшими силами, и ей было еще труднее выдерживать борьбу с казаками. Большею частью в руках казацких ханов находились как Ташкент и другие города по среднему течению Сыр-Дарьи, так и Фергана; иногда эти казацкие владения номинально признавали себя вассалами узбецких ханов. В конце XVII в. уже существовало деление казакского народа на 3 орды, Большую (восточную), Среднюю и Малую (западную); все три орды были еще объединены под властью хана Тявки, считавшегося законодателем своего народа и имевшего в каждой орде своего представителя [8]. Тявка принимал в городе Туркестане в 1694 г. русское посольство, в 1698 г. калмыцкое. В 1717 г. безуспешно велись переговоры о подчинении всех трех орд Петру Великому. В 1723 г. казакам был нанесен сокрушительный удар калмыками, взявшими города Сайрам, Ташкент и Туркестан. После этого произошло сначала объединение всех казаков под властью хана Малой орды Абулхайра, потом принятие Абулхайром и всеми казаками русского подданства; но ни тот, ни другой факт не имели реального значения [9].

Несколько раньше, в 1721 г., русскому правительству предлагали свое подданство сами калмыки, под влиянием опасности, угрожавшей им со стороны китайского императора Канси (1662—1722); но после смерти Канси эта опасность считалась устраненной; переговоры о подданстве прекратились, и калмыки достигли в Средней Азии высшей степени своего могущества [10]. Из Джетысуйской области были совершенно вытеснены как казаки, так и киргизы. Один из последних могольских владетелей

---

[6] 〈Джиланутинском.〉

[7] 〈Дата ошибочна; поход относится к первой половине 1582 г.〉

[8] 〈О хане Тявке (Тауке) и его законодательстве («Уложение Тауке») см.: Культелеев, *Уголовное обычное право казахов*, стр. 87—91; Аполлова, *Присоединение*, стр. 115—129.〉

[9] 〈О деятельности хана Абулхайра и его переговорах с русским правительством см. Аполлова, *Присоединение*, стр. 129—147.〉

[10] 〈О калмыках (ойратах) и их миграциях в XVIII в. см. Златкин, *Джунгарское ханство*.〉

Кашгарии Абдулла-хан (1638—1670) в начале своего царствования еще имел дело в южной части Джетысуйской области с киргизами; при описании его последующих походов на Атбаш и Аксай упоминаются только калмыки; киргизов больше не было. Капитан Унковский, ездивший в 1722 г. послом от Петра к калмыкам на Или и оттуда в 1723 г. на Тюп и Джаргалан, еще говорит, что «буруты» кочуют около озера Иссык-Куль и «с казачьею ордою граничат». На так называемой карте Рената (в действительности, как теперь доказано, представляющей копию карты, полученной шведским пленным Ренатом от калмыков, у которых он пробыл с 1716 до 1733 г.) буруты помещены только в Фергане, к югу от Сыр-Дарьи [11]; из других источников известно, что часть киргизов ушла в Кашгарию.

Положение изменилось после уничтожения калмыцкого государства китайцами в 1756—1758 гг. Джетысуйская область вновь была занята казаками и киргизами; замечательно, что у киргизов сохранилась память только о движении из Ферганы в эту область; народ совершенно не помнит ни о том, что это движение было только возвращением на старое место, ни вообще о более ранних передвижениях и считает Фергану своей родиной. Как Джетысуйская область, так и некоторые другие сделались предметом спора между империями Российской и Китайской, впоследствии поделившими между собой всю Среднюю Азию с явной выгодой в пользу России. Соперников у этих держав не могло быть. Несколько раньше, в 1740 г., в Туркестане утвердил свою верховную власть последний крупный завоеватель, вышедший из Персии, Надир-шах, но после его смерти (1747 г.) ни о каком возрождении персидского могущества не могло быть и речи. Значение походов Надир-шаха, по-видимому, заключается только в том, что они ознакомили среднеазиатцев, особенно узбеков, с западным военным искусством и таким образом способствовали укреплению узбецкой государственности.

---

[11] ⟨Об интерпретации В. В. Бартольдом данных карты Рената см. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 527, прим. 3; подробнее о Ренате и его карте см. Макшеев, *Карта Рената.*⟩

6

В начале XVII в. государственная власть на всем протяжении от Каспийского моря до границ собственного Китая еще находилась в руках турецких народностей, воевавших между собой; только на крайнем западе, в Туркмении [1] и Хорезме, приходилось считаться с притязаниями усилившейся в то время династии Сефевидов в Персии. Первый более решительный удар извне последовал с востока, со стороны калмыков; под власть сначала калмыков, затем китайцев перешла Кашгария вместе с соседними степями. С последних лет XVII в., в царствование Петра Великого, начинается более последовательная политика России, хотя вначале не особенно успешная. Даже на границе между Сибирью и Средней Азией Россия в XVIII в. ограничилась устройством укрепленной линии от устья Яика вверх по этой реке, оттуда к Тоболу, Ишиму и Иртышу и вверх по Иртышу до Усть-Каменогорска. Еще в 1830-х годах была речь о дальнейшем усовершенствовании этой оборонительной линии на границе со степью. Попытка привести в русское подданство узбецкие ханства не имела успеха, хотя эти ханства переживали в то время период крайней политической слабости. В противоположность сильной власти, установленной, хотя и крайне жестокими средствами, в XVI в. Абдулла-ханом, мы с XVII в. видим усиление узбецкой родовой аристократии в ущерб ханской власти; главари отдельных родов становятся самостоятельными, иногда наследственными правителями отдельных областей, только номинально признавая над собой власть ханов, правивших в Бухаре. В Хорезме ханская власть в XVIII в. потеряла всякое значение; за немногими исключениями ханы были только подставными лицами. Людям не ханского происхождения, в руках которых была фактическая власть, для удовлетворения требования формальной законности было необходимо иметь при себе мнимых ханов из потомков Чингиз-хана. Такие лица иногда приглашались из степи, обыкновенно занимали престол только короткое время, отсылались обратно (иногда они уходили сами) и заменялись другими.

Узбецкие родовые деления не были постоянной величиной. Сперва как в Бухарском, так и Хивинском ханстве считалось всего 32 рода; из них главными признавались обыкновенно четыре, иногда только три, причем

[1] ⟨В первом издании явная опечатка — «Туркестане».⟩

в различных источниках приводятся различные названия. Возникали и новообразования, как показывают названия *ети урук* ('семь родов'), *онг* и *сол* ('правые' и 'левые') и т. п. В отдельных областях главарям отдельных родов удавалось утвердить свою власть на долгое время; сюда относится род кенегес в Шахрисябзе и в особенности род катаган в северной части Афганистана. В 30-х и 40-х годах XIX в. Мурад-бек катаганский управлял из Кундуза целым государством, в состав которого входили области по обе стороны Аму-Дарьи; название Катаган сохранилось до сих пор за соответствующей провинцией Афганистана. Родовые деления постепенно становились более мелкими, и число их увеличивалось; со второй половины XVIII в. официальное число родов было уже не 32, а 92. Мы можем приблизительно установить, когда произошла эта перемена. В 1756 г., при вступлении на престол в Бухаре первого хана из династии Мангытов, Мухаммед-Рахима, еще считалось 32 рода; преемник Мухаммед-Рахима, аталык (ханского титула он не носил) Даниял-бий, в 1781 г. говорил русскому посланцу Бекчурину о 92 родах.

Благосостояние Туркестана разрушилось в XVIII в., во-первых, междоусобной борьбой среди узбецких родов; особенное значение имела борьба между мангытами и кунгратами, причем мангыты одержали верх в Бухаре, кунграты в Хиве, вследствие чего возникли ханские династии; во-вторых, происходила борьба между узбеками и образовавшейся в период узбецкого владычества замкнутой аристократией ходжей, считавшихся потомками пророка. Помимо долговременного господства династий ходжей в Кашгарии, ходжам удавалось на короткое время отнимать власть в Туркестане у узбеков и казаков, например в Фергане и Ташкенте. Ходжи не причисляли себя ни к узбекам, ни к таджикам, ни к сартам. Слово *сарт* в доузбецкий период противополагалось слову *турок*, как название иранцев; при узбеках сартами, в противоположность узбекам, сначала в Хиве, потом также в Фергане, где в борьбе с ходжами узбеки образовали новую ханскую династию, стали называть прежнее оседлое население завоеванных узбеками областей. В Хиве деление жителей на узбеков и сартов имело и политическое значение; в Фергане политическими противниками сартов были в XIX в. кипчаки, считавшиеся одним из узбецких родов, но, по всей вероятности, среди них были казаки, и впоследствии они теснее примыкали к казакам и киргизам, чем к узбекам. По мере перехода узбеков к оседлости бытовые различия между сартом и узбеком теряли значение и в этом отношении сарту чаще стали противополагать казака.

Наконец, культурные земли в XVIII в. при ослаблении государственной власти стали разоряться набегами кочевников, особенно казаков и туркмен. В Хорезме подверглась полному разорению даже столица, Хива; в Бухарском ханстве столица сохраняла свое значение, но был совершенно разорен и на некоторое время даже перестал существовать Самарканд.

Совершенно иную картину представляет политическая жизнь Туркестана в XIX в. Кунграты в Хиве, Мангыты в Бухаре и Минги в Коканде создали сравнительно сильную государственную власть и в общем успешно вели борьбу как с узбецкой родовой аристократией, так и с соседними кочевниками. Хивинцами и кокандцами строились крепости в степях, чтобы держать в подчинении казаков и киргизов и заставлять их платить дань. Вследствие этого в борьбе между узбецкими ханствами и Россией казаки и киргизы большею частью принимали сторону России и пользовались русскими победами для разрушения хивинских и кокандских крепостей.

Договоры о подданстве, заключенные русскими с кочевниками при Петре Великом и после, большею частью имели целью только обеспечение интересов русской торговли. В числе договоров, заключенных при Петре, был и договор с народом, история которого до сих пор менее всего выяснена, — каракалпаками [2]. Говорится о поездке в ставку каракалпацкого хана дворянина Вершинина и о заключении там договора в сентябре 1722 г.; но при этом не сообщается никаких географических подробностей. Совершенно неизвестно, можно ли сблизить современных каракалпаков с «черными клобуками» средневековых русских летописей. По-видимому, каракалпаки жили в начале XVIII в. западнее, чем теперь, т. е. говорится о соглашении между ними и башкирами и о вражде между ними и волжскими калмыками из-за пастбищ. Каракалпаки упоминаются и в XVII в. в рассказах о сношениях русских с казацким ханом Тявкой. Калмыки в сношениях с русскими еще называли ногаев мангытами. Замечательны переговоры 1745—1746 гг. с туркменами, выражавшими желание вступить в русское подданство; исполнение этой просьбы было признано несвоевременным; туркменам был дан ответ, что они должны заслужить эту милость «через безобидную с астраханскими купцами торговлю, через пропуск и вспоможение проезжающих от Мангышлака с товарами в Хиву и Бухару и через всегдашнее возвращение российских пленных». Известно, что пленные русские попадали на невольничьи рынки Средней Азии благодаря набегам туркмен и казаков и захвату ими отдельных лиц.

Важнее всего были для России сношения с казаками, соседями России на всем пространстве от Яика до Иртыша. Ханов, которые бы владели всем этим пространством, в XVIII в. уже не было, но в отдельных местностях были ханы, располагавшие довольно значительной военной силой; самым могущественным из ханов XVIII в. был хан Средней орды Аблай (1771—1781), совершавший набеги на киргизов [3]. Центром русских торговых сношений со степью, кроме построенного в 1740-х годах Оренбурга, были города на Иртыше, особенно Семипалатинск.

---

[2] ⟨См. теперь: Иванов, *Каракалпаки*; его же, *Новые данные*; *Материалы по истории каракалпаков*; Жданко, *Очерки*; *Очерки истории Каракалпакской АССР*.⟩

[3] ⟨О Казахстане в XVIII в. см. Вяткин, *Батыр Срым*.⟩

Русские сначала старались сделать ханов орудиями своей политики, потом способствовали уничтожению в степи ханской власти [4]. Внешним выражением подчинения казаков русской власти было изданное в 1822 г. «Положение о сибирских киргизах» (известно, что так называли до последних лет казаков), оставившее, однако, управление в руках казацкой аристократии — султанов, считавшихся потомками Чингиз-хана. Тогда же была сделана попытка распространить положение о киргизах на настоящих киргизов, или кара-киргизов, которых русские уже тогда называли «дикокаменными». Сношения этих киргизов с русскими начались несколько раньше; в 1814 г. киргиз Койчибек, сын кочевавшего около Иссык-Куля бия Ширали, был у сибирского генерал-губернатора Глазенапа (вероятно, в Тобольске) и получил «чин капитана, золотую медаль и саблю за содействие при проходе караванов». Такие награды были даны нескольким киргизам после переговоров 1824—1825 гг. о распространении на киргизов положения 1822 г. Цель и в этом случае была не столько политическая, сколько торговая; одним из посредников при переговорах между русскими и киргизами был казанский татарин Файзулла Сейфуллин, приказчик семипалатинского купца Попова. Киргизских послов в 1825 г. проводил на Иссык-Куль отряд русских казаков, при котором был лекарь Зибберштейн, составивший после этого «Описание о дикокаменных киргизах», которое представляло бы большой интерес; мне неизвестно, было ли оно когда-нибудь напечатано, и если нет, сохранилось ли в рукописи [5].

В дошедших до нас материалах ничего не говорится о *манапах*. В отличие от казаков, у киргизов не было ханов (по киргизскому преданию, первым и последним киргизским ханом был сын Чингиз-хана, Джучи, будто бы бывший тогда еще мальчиком и пропавший среди стада куланов). Манапы как главари отдельных киргизских родов и племен упоминаются впервые, насколько мне известно, в рассказе о событии 1847 г. — убиении киргизами мятежного казацкого султана Кенисары Касимова. По сведениям, собранным русскими впоследствии, манапы были уже в XVIII в., сначала у племени сарыбагышей, в западной части прибрежья Иссык-Куля, потом и у других киргизов. Так назывались люди, «происходившие от целого ряда биев», выделявшиеся «храбростью и щедростью»; «их не выбирали, но если бы стали выбирать, то выбрали бы их». Здесь говорится только о политическом и военном значении манапов; в действительности манапы, каково бы ни было их происхождение, сделались таким же аристократическим сословием, как султаны у киргизов и зайсаны у калмыков, и народные массы (*бухара*, т. е. арабское *фукара*, мн. ч. от *факир* 'бедняк';

---

[4] ⟨О присоединении Казахстана к России см.: Аполлова, *Присоединение*; Бекмаханов, *Присоединение*.⟩

[5] ⟨См. теперь Зибберштейн, *Путевые замечания*, изд. Вяткина.⟩

с названием города Бухара это слово не имеет ничего общего) находились от них в полной зависимости [6].

Подчинение киргизов русским происходило постепенно с 1830-х и до 1860-х годов, в связи с военным движением на юг и занятием сначала Семиреченского, а потом Заилийского края. В Семиреченском крае русские еще имели дело не с киргизами, а с казаками Большой орды; слово «Семиречье» было переводом с турецкого Джеты-су, но тогда распространялось не на всю область, потом получившую такое название, но только на часть ее к северу от Или. «Семь рек», давшие название местности, определяются различно; река Или то включается в это число, то нет; было даже высказано мнение, что киргизы (казаки) перенесли на эту местность «представление о какой-то блаженной стране, по которой текут семь рек» [7].

Только после занятия Заилийского края русские получили более подробные сведения о настоящих, или «дикокаменных», киргизах, о делении их на племена и роды и о бытовых условиях их жизни. Родовой строй имел для киргизов еще большее значение, чем для казаков; киргизы еще жили целыми родами, не распадавшимися, как у казаков, на отдельные небольшие аулы. Больше значения имели военные традиции; перед каждой юртой стояло копье. По той же причине киргизы, кроме ногаев, — единственный турецкий народ, создавший свой национальный эпос; возможно, что у киргизов эпос возник под ногайским влиянием; главному герою киргизского эпоса, Манасу, приписывается ногайское происхождение [8]. Русские застали киргизский эпос еще в стадии развития; эпос еще не получил законченной формы, и в отдельные песни, в зависимости от характера аудитории, вносились прибавления и переделки. Несмотря на сохранение кочевых традиций, киргизы не были чужды земледельческой культуре; вопреки сказанному в одном из русских официальных отчетов, что киргизы «до подчинения края русскому владычеству почти не занимались земледелием», академик Радлов видел искусственно орошенные пашни как у казаков, так и у киргизов, причем у последних оросительные работы производились еще тщательнее.

Последствием русского завоевания было сокращение пастбищ и вынужденный переход населения к оседлости. Ради интересов русской колонизации у кочевников иногда отнимались земли, даже орошенные; бывали также случаи насильственного переселения жителей из одной местности в другую. Полезным нововведением, принесенным в степь русской колонизацией, было употребление косы, которая в некоторых местностях называлась «русским серпом» (*урус урак*). В общественной жизни русское управление принесло с собой упадок значения султанов и начало разложе-

---

[6] ⟨О происхождении и социальном значении термина см. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 530—532.⟩

[7] ⟨О названии Семиречье см. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 320, прим. 3.⟩

[8] ⟨О Манасе, герое киргизского эпоса, и о связях этого эпоса с ногайским см. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 541, прим. 55; стр. 542, прим. 56.⟩

ния родового строя. Такой характер имело как положение 1868 г., введенное для областей Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской, так и положение 1886 г. об управлении Туркестанского края.

В узбецких ханствах, вследствие преобладания религиозного принципа, оказанное русским сопротивление было более религиозным, чем национальным. Русское управление и здесь, помимо развития городской жизни, содействовало установлению более демократических порядков [9]. Значение аристократии, уменьшившееся еще при ханском управлении, еще более ослабело; почти исчезла крупная земельная собственность, как светская (имения служилой аристократии), так и духовная (так называемые вакуфные имения).

Более своеобразный национальный характер имела в эпоху русского завоевания жизнь туркмен. Некоторые туркменские предания и названия указывают на бывшую когда-то связь с улусом Джучи (Золотой Ордой), но отчетливой памяти об этой связи не сохранилось. Не имея собственной государственности, туркмены номинально подчинялись то персидскому шаху, то хивинскому хану, то бухарскому эмиру; в тех случаях, когда это подданство принимало более реальный характер, туркмены были самыми беспокойными подданными этих государей, и при русском владычестве хивинский хан и бухарский эмир усмиряли своих подданных с помощью русских войск. Средства к жизни добывались, кроме грабительских набегов, скотоводством и земледелием; городская жизнь в занятых туркменами областях исчезла совершенно, и даже после восстановления городской жизни русскими туркмены почти не селились в городах. И теперь [10] туркмены составляют, как известно, огромное большинство (не менее 90%) населения Туркменистана в целом и совершенно ничтожный процент городского населения. Несмотря на существование у туркмен ханов, вернее, отдельных предводителей, называвших себя ханами, у туркмен не было ни аристократии, ни определенного порядка управления. Несмотря на частые войны между туркменскими племенами и даже различными родами одного и того же племени, туркменский народ составлял в духовном отношении одно целое; подражательная, но все же своеобразная поэзия была достоянием всего народа, и один и тот же поэт Махтум-Кули был национальным поэтом для всех туркмен, не исключая ставропольских, давно отделившихся от своих соплеменников и географически совершенно обособленных.

Своеобразную особенность туркмен составляли крепости, в которых они дольше других жителей Туркестана оборонялись от русских завоевателей. Возбуждался вопрос, могли ли вообще быть крепости у кочевников. Обыкновенно кочевники пользовались для защиты от нападения силь-

---

[9] 〈В. В. Бартольд имеет в виду ограничение деспотической власти местных правителей.〉

[10] 〈В 1928 г.〉

ного врага обширностью своей территории и быстротой передвижения; никакая крепость не могла бы укрыть главное богатство кочевников — их стада. Крепости в степях обыкновенно строились культурными завоевателями, например узбеками и русскими; узбецкие крепости, кроме того, строились главарями отдельных родов для защиты своей власти и для захвата нужной для орошения пашен воды. В Туркмении крепости строились и хивинцами; хивинцами была построена крепость, названная потом по имени туркменского предводителя Коушут-хана, составившая впоследствии ядро русского Мерва. Иногда туркмены приспосабливали для оборонительных целей старые крепости, например Байрам-Али, около Мерва. Все же те большие крепости, с которыми имели дело русские, были, по-видимому, построены туркменами.

В то же самое время, когда Западный Туркестан переходил во власть русских, населению Восточного (Китайского) Туркестана удалось на время освободиться от китайского владычества и создать независимую турецкую государственность. Для самого населения это не было счастием; кровавая борьба с китайцами сопровождалась такой же кровавой борьбой между отдельными мусульманскими народностями, предводителями и претендентами [11]. Культурная отсталость Кашгарии, наиболее отдаленной от европейской культуры части мусульманского мира, делала совершенно невозможным создание государственности, которая бы по условиям экономической и духовной жизни удовлетворяла современным требованиям. Вполне правдоподобен рассказ туземного историка о том, как население радовалось восстановлению в 1877 г. китайского господства. «Все были вне себя от радости, им казалось, что вернулись к жизни их умершие родственники и предки». Борьба велась только под знаменем ислама; национального самосознания не было; жители называли себя по имени своего города: *кашгарлык*, *турфанлык* и т. п.; кроме того, были термины *таранчи* (собственно «земледельцы», так называли колонистов, переведенных китайцами в XVIII в. из Кашгарии в долину Или) и *дунгане* (мусульмане, вероятно, турецкого происхождения, но говорящие по-китайски). После усмирения восстания часть кашгарлыков, таранчей и дунган ушла в Россию; в Советской России они не совсем удачно присвоили себе название *уйгуры*: исторические средневековые уйгуры никогда не доходили так далеко на запад; кроме того, еще в настоящее время есть уйгуры, живущие в пределах Китая, около городов Ганьчжоу и Сучжоу, исповедующие, подобно средневековым уйгурам, не ислам, а буддизм и только в XVIII в. заменившие уйгурскую письменность тибетской.

Как в единственном самостоятельном турецком государстве, Турции, так и среди турецких народностей России (теперь СССР) поставлена задача усвоения европейский культуры и создания национальной школы европейского типа, низшей, средней и высшей. В дореволюционной России

[11] ⟨См. выше, стр. 192.⟩

ставился только вопрос о привлечении туземной молодежи в русскую школу; первым русским деятелям казалось, что оседлое население, как более культурное, подготовлено для этого лучше, чем кочевое; жизнь опровергла это предположение; казаки поступали в русские учебные заведения в большем числе, чем «сарты». Когда после революции был поднят вопрос о школьном преподавании на родном языке, то в первое время казалось, что таковым может быть только так называемый «тюркский» литературный язык, т. е. несколько видоизмененный, под влиянием живых наречий, чагатайский. Впоследствии восторжествовал принцип национального размежевания, с которым связано допущение в школу большего числа языков и наречий. В Турции и в некоторых советских республиках (в Азербайджанской и отчасти Татарской) уже теперь признается возможным переход к преподаванию даже в высшей школе на местном языке; большей части турецких народностей СССР еще долго придется довольствоваться, по крайней мере в высшей школе, русским языком преподавания [12].

---

[12] ⟨О национальной культуре и национальной интеллигенции в республиках Средней Азии и Закавказья см. Гафуров, *Строительство коммунизма и национальный вопрос.*⟩

СТАТЬИ И РЕЦЕНЗИИ

ПИЗАНЕЦ ИСОЛ[1]

В китайской «Истории династии Юань» (*Юань-ши*) мы между прочим находим биографию вельможи Ай-се, происходившего из Фулина (Константинополя). Ай-се начал служить монгольским императорам при Гуюке; он пользовался общим уважением за свою правдивость и не боялся в глаза упрекать государя. В 1263 г. Хубилай поручил ему управление астрономическим и медицинским департаментами Западного края (Си-ю). Вскоре после 1276 г. он был отправлен с поручением в Персию, к ильхану Аргуну; по возвращении оттуда был назначен членом правления Чун-фу-сы (которому подлежали дела местных христиан), академии ученых и комитета составления государственной истории; он получил титул *фулин-вана*, т. е. фулинского князя. По словам китайского историка, он знал языки всех народов западных стран и был сведущ в астрономии и медицине; по-видимому, он был противником астрологии, так как в 1307 г., при вступлении на престол нового императора (после смерти Тэмура), наотрез отказался от составления гороскопа. Если не предполагать хронологической ошибки со стороны автора *Юань-ши*, то приходится заключить, что Ай-се служил монгольским императорам в течение 80 лет.

О. Палладий и д-р Бретшнейдер старались угадать имя этого европейца (Иосия, Иосиф) на основании китайской транскрипции; но естественнее обратиться к европейским источникам; католические миссионеры XIII в. не могли не упомянуть о европейце, достигшем такого влияния при монгольском дворе и имевшем близкое отношение к местным христианам.

Иоанн де Монте-Корвино и его товарищи, возвратившись в Рим в 1289 г., рассказали папе, что во время своего десятилетнего пребывания в Азии пользовались покровительством знатного пизанца Исола, который много лет пребывал среди монголов и приобрел там большое влияние. Папа Николай IV снова отправил Монте-Корвино в Среднюю Азию, дав ему письма к Аргуну, Хубилаю, Хайду и Исолу. В 1291 г. папа в ответ на по-

---

[1] Палладий, *Старинные следы христианства*, стр. 35—37; Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 144; Abel-Rémusat, *Recherches*, p. 198; Мосхейм, 77—80, прилож. № XXXIV, XXXX. ⟨О правописании имени см. ниже, стр. 382. Полемику по поводу основных выводов статьи см.: Pelliot, *Chrétiens*, pp. 638—641; Бартольд, *Научная поездка*, стр. 13.⟩

сольство ильхана отправил других францисканцев с письмами к Аргуну, к некоторым членам его семейства, к начальнику его войск Тагарпару и к Исолу, из чего можно заключить, что последний жил при дворе Аргуна. В обоих письмах папа хвалит Исола за ревность к распространению христианства и за покровительство миссионерам и просит его продолжать свою деятельность.

Тождество Исола и Ай-се, на наш взгляд, не подлежит сомнению. Прежде всего это доказывается сходством имен; во-вторых, Исол — единственный европеец, о котором католические миссионеры говорят, что он приобрел большое значение среди монголов; в-третьих, он, как мы видели, жил при дворе Аргуна; Ай-се также был отправлен с поручением к этому ильхану. Только хронологическое указание китайского историка не совсем точно, так как Аргун правил с 1284 по 1291 г.

Личность Исола интересна не только для ориенталистов, но и для всякого историка как единственный пример в истории средневековой Европы. Европейцев при дворе великого хана было довольно много; отчасти они приехали туда добровольно, отчасти были переселены монголами из завоеванных областей; первые состояли преимущественно из купцов и миссионеров, вторые — из ремесленников; кроме того, некоторые искатели приключений имели успех и занимали разные должности; Марко Поло участвовал в посольствах, управлял провинцией, был членом комиссии для разбора одного уголовного дела; но ни один европеец, кроме Исола, не был членом китайских ученых учреждений.

Из китайского известия о происхождении Исола можно заключить, что он получил образование в Византии; энциклопедическое образование, которым он, по-видимому, обладал, вполне согласно с господствующим направлением византийских ученых. По всей вероятности, он принадлежал к числу военнопленных, а не добровольных переселенцев: он не был ни торговцем, ни миссионером; честолюбие авантюриста противоречит характеру средневековых энциклопедистов-ученых; с другой стороны, если бы он отправился к монголам из научной любознательности, он не стал бы занимать государственные должности. При завоевании городов монголы щадили ремесленников и ученых, переселяли их в свою страну и пользовались их услугами; эти ученые большей частью состояли из китайцев и мусульман; из них как по личному характеру, так и по судьбе больше всего напоминает Исола китаец Елюй Чу-цай, взятый в плен монголами в Пекине.

Если верить Абель-Ремюза, то Исол знал несколько восточных языков и основательно изучил тибетскую литературу; из этого пришлось бы заключить, что он занимался изучением буддизма; мы не решаемся утверждать это, так как о. Палладий и д-р Бретшнейдер, непосредственно пользовавшиеся китайскими источниками, говорят только, что он «знал языки всех народов западных стран».

После 1291 г. мы не находим у католиков никаких известий об Исоле;

даже Монте-Корвино в своих письмах 1305 и 1306 гг., где он подробно описывает свою деятельность в Китае с 1294 г., не говорит о нем ни слова. Деятельность Исола, как мы видели, простиралась больше на западные владения монголов; возможно, что он вернулся в Китай не ранее 1306 г.; но возможно также, что, вопреки китайскому известию, он умер еще до прибытия Монте-Корвино и что его отказ составить гороскоп относится к смерти Хубилая (февраль 1294 г.); Монте-Корвино прибыл уже в царствование Тэмура, так как в своих письмах не говорит о смерти великого хана. Хронологически эта догадка правдоподобнее китайского известия, из которого выходит, что Исол служил монгольским императорам в течение 80 лет.

У Исола было несколько сыновей, которые все носили европейские имена: Е-ли-я — Илья, Лу-гэ — Лука, Ань-дунь — Антоний. Сыновья не были похожи на своего отца; Илья отличался взяточничеством и склонностью к интригам, причем прибегал к разным суеверным средствам. В 1330 г. Илья, его сестра А-на-симу-сы (?) и Мар (очевидно, несторианин), правитель области Шанду, были уличены в заговоре против царствовавшего императора: они «совершили обряд заклинания, принесли жертву созвездию Северной Медведицы, господствующей над смертью людей, и заворожили зелье во вред и гибель царствовавшего хана»; само собой разумеется, мы не можем теперь судить о том, насколько это обвинение было справедливо. Илья, А-на-симу-сы и Мар были казнены; дом первого был обращен в казенное помещение, его братья подверглись опале, и фамилия Исола таким образом потеряла всякое значение.

КОРКУД

В статье о старотурецкой поэме *Китāб-и Деде Коркут* я между прочим высказал предположение о тожестве героя поэмы с киргизским [1] святым Хорхутом, гробница которого находится на низовьях Сыр-Дарьи, где в X в. была столица огузов [2]. Уже после напечатания статьи я узнал, что у туркмен, прямых потомков средневековых огузов [3], до сих пор сохраняется предание о Коркуде; сличение этого предания с киргизским преданием о Хорхуте не оставляет никакого сомнения в тожестве обеих личностей.

Сообщением туркменского предания я обязан любезности А. Г. Туманского. Позволю себе привести отрывок из его письма: «Имя Коркуда даже и до сих пор живет среди туркмен, о чем может свидетельствовать поговорка, записанная мною от одного эрсаринского муллы: قورقودينك كورينى قازما („не рой могилы Коркуду"), смысл которой станет понятен, если принять во внимание, что, по народной легенде, Коркуд является богатырем, который не мог долгое время найти себе могилу, а потому и рыть таковую для него бесполезно».

Для сравнения приведем киргизское предание, слышанное в степи В. В. Вельяминовым-Зерновым [4]:

«Хорхут был ростом в 2 сажени (в полуразвалившемся памятнике его, над тем местом, где он положен, сделан действительно глиняный гроб в 2 сажени, и, так как весь гроб по величине своей не мог поместиться внутри памятника, то часть его оставлена наружи за стеной). Жил он прежде

---

[1] ⟨Здесь и далее в этой статье под «киргизами» имеются в виду казахи.⟩

[2] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, I, 204; ⟨теперь опубликован полный перевод этого эпического сказания, завершенный В. В. Бартольдом в мае 1922 г. — *Китāб-и Деде Коркут*, пер. Бартольда, изд. 2; там же, стр. 6—8 (предисловие В. М. Жирмунского — А. Н. Кононова) см. о рукописях, изданиях текста и переводах поэмы. Анализ казахской легенды о святом Хорхуте, сведения о его гробнице в низовьях Сыр-Дарьи, сопоставление казахской легенды и огузского эпоса см.: Жирмунский, *Следы огузов*; его же, *Огузский героический эпос*, стр. 158—174.⟩

[3] Любопытно, что еще теперь многие туркмены называют предком своего народа Уз-хана, т. е. Огуз-хана (см. М. Галкин, *Материалы*, стр. 5). Переход слова *огуз* в *уз*, как известно, прямо вытекает из законов тюркской фонетики; в русских и византийских летописях огузы называются узами.

[4] *Памятник в Башкирии*, стр. 283.

на одном краю света и раз ночью увидел во сне, что несколько человек роют там могилу. „Для кого вы роете?" — спросил аулия. „Для святого Хорхута", — отвечали работники. Встревоженный Хорхут, желая избежать грозившей смерти, на другой же день переехал жить на второй край света. Тут он увидал тот же сон. Опять с рассветом пустился он в дорогу. Таким образом аулия, преследуемый видением, обошел все четыре угла мира. С отчаяния, не зная куда деться, решил он переселиться в центр земли. Как было задумано, так и сделано. Центром оказался берег реки Сыра, именно в том месте, где теперь лежит тело Хорхута. Но перекочевкой на Сыр не кончились похождения знаменитого святоши. На средине земли ему опять приснилось то же самое. Аулия задумал тогда перехитрить судьбу. Рассудив, что на суше ему нет нигде спасения, он перебрался жить на воду, разостлал свой курне (одеяло) по Сыру, и на нем поместился. Тут он сидел 100 лет, постоянно играя на домбре (балалайке); наконец умер. Набожные мусульмане взяли его тело и похоронили».

Едва ли может быть сомнение в том, что туркменское и киргизское предания имеют один общий источник и что культ Хорхута перешел к киргизам от прежних обитателей низовьев Сыр-Дарьи.

Léon Cahun, Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405

Paris, 1896

Nous en sommes bien loin de pouvoir écrire l'histoire de l'Orient musulman.
Houtsma, RTHS, t. I, p. VI.

Со времени давно устаревшего труда Дегиня не было попытки дать полный обзор истории тюркских и монгольских народов; книга г-на Каёна имеет целью пополнить этот пробел. В рецензиях на этот труд, появившихся во французских журналах, между прочим, указывалось на то, что автор в течение пяти лет читал курс истории Средней Азии в Сорбонне и таким образом был вполне подготовлен к своей работе. О курсе г-на Каёна говорилось и в «Журнале Министерства народного просвещения» [1], в статье С. Ф. Ольденбурга, из которой видно, что в 1893/94 учебном году г-н Каён читал своим слушателям курс истории и географии Средней Азии начиная с XIII в. н. э.; вероятно, в другие года его курс касался также более ранних периодов. Автор не говорит о том, в каком отношении находится его книга к лекциям, читанным им в Сорбонне [2]; но во всяком случае мы по ней можем составить себе некоторое представление об этом курсе, имеющем для нас большой интерес: сколько нам известно, г-н Каён — единственный из западноевропейских профессоров, признавший возможным читать общий курс истории Средней Азии. К вопросу о значении книги г-на Каёна в этом отношении мы позволим себе вернуться в конце нашей рецензии.

Уже первые страницы книги заставляют нас признать в авторе выдающиеся достоинства лектора и преподавателя. С замечательным литературным талантом он соединяет умение схватывать характерные черты и посредством нескольких фактов дать характеристику целого народа или эпохи. Перед нами рисуется живая и увлекательная картина истории среднеазиатских кочевников; остается вопрос, насколько эта картина верна действительности, другими словами, насколько автор исследовал

[1] Ольденбург, *Очерки преподавания восточных языков*, стр. 265.

[2] По распределению материала, характеру изложения и т. п. книга вполне соответствует общераспространенному представлению о печатном университетском курсе.

письменные источники и вообще произвел всю ту черную работу, относительно которой он не мог опираться на труды предшественников и без которой самые блестящие обобщения остаются только остроумными догадками.

Судя по заглавию, книга г-на Каёна представляет только начало другого сочинения, задуманного еще гораздо шире; но о плане этого сочинения автор в предисловии ничего не говорит, и остается невыясненным вопрос, каким образом обзор истории тюрков и монголов, посредников между китайской и мусульманской культурой [3], может служить введением в историю Азии.

В предисловии г-н Каён в кратких словах высказывает свой взгляд на историческую роль тюрков и монголов и на те причины, по которым эти даровитые народы, при своей превосходной военной организации, при довольно стройной системе управления и при полном уважении к знанию, не создали ничего в области культуры. «Все, что можно сделать саблей, тюрки и монголы сделали»; но пожать плоды своих побед им не удалось. При столкновении с культурными народами кочевники уже не были дикарями и, даже при продолжительном влиянии оседлой культуры, могли сохранить свою национальность; но в то же время они еще слишком были варварами для того, чтобы самим оказать влияние на покоренных и ассимилировать их себе. Сложная умственная работа, необходимая для переработки в национальном духе и для дальнейшего развития культурных идей, была не по силам кочевникам, воспитанным в духе строгой военной дисциплины и привыкшим только действовать, не рассуждая. Цивилизация действовала разлагающе на природные достоинства кочевников и в то же время не дала им ничего взамен утраченного; вместо более высоких сторон умственной культуры они восприняли только расслабляющий мистицизм, буддийский и мусульманский. Вместе с воинственным духом тюрки утратили также национальное самосознание в более высоком смысле, которое заменилось самым узким и фанатичным национализмом. Упадок степных доблестей ярче всего выражается в контрасте между всемирной империей Чингиз-хана и жалкими, проникнутыми духом деспотизма и религиозной нетерпимости ханствами Бухарским, Хивинским и Кокандским.

Соответственно этому взгляду на ход исторической жизни среднеазиатских народов г-н Каён разделяет свой труд на пять книг: 1) с древнейших времен до возникновения ислама; 2) от начала арабского завоевания до Чингиз-хана; 3) Чингиз-хан и его первые преемники; 4) эпоха монгольского владычества; 5) Тимур и торжество ислама. Собственно исторической части книги предпослан географический обзор Средней Азии, главным образом на основании рассказов новейших путешественников.

---

[3] Так определяет их историческую роль сам г-н Каён.

Уже в этом географическом очерке, как во всей книге г-на Каёна, нас неприятно поражает пристрастие автора к этимологическим объяснениям личных, географических и этнографических названий. Более чем сомнительные догадки (большей частью принадлежащие Вамбери) везде приводятся в качестве несомненной истины; столь же категорическим тоном высказываются еще более сомнительные толкования самого г-на Каёна. Ограничимся приведением нескольких наиболее ярких примеров. Слова *кипчак* и *Коби* 〈= Гоби〉, по мнению г-на Каёна (стр. 15) происходят от общего тюрко-монгольского корня, означающего 'пустоту', 'пространство'; на основании этого автор дальше (стр. 41—42) утверждает, что слово *кипчак* первоначально было названием страны и только впоследствии получило этнографическое значение. Упоминаемый в орхонских надписях загадочный народ *пар-пурым* (или *апар-апурым*) г-н Каён (стр. 105) отожествляет с хорасанцами, так как в армянских источниках страна, где был основан город Нишапур, носит название *Апар* На основании этимологических догадок Чингиз-хан оказывается родственником Сельджукидов (стр. 204). Иногда этимологические толкования обличают недостаточность лингвистических познаний автора. О слове *алп* говорится (стр. 159): «*Алп*, *улуп* на древнетюркском наречии, впоследствии *улуг*, *олуг*, означает 'великий'»; вследствие этого имя султана Алп-Арслана переводится «Grand Lion» (стр. 178). Так же неудачны объяснения других сельджукских имен (на стр. 171 и дальше имена *Тогрул* и *Чакыр*, на самом деле бывшие названиями птиц, переводятся: «le Pourfendeur» и «l'Étincelle, ou l'Éclair»). Известный титул Тимура и Тимуридов — *гурган* (зять) у г-на Каёна (стр. 444) обращается в название рода Keurékène; этому слову приписывается значение «le Bel», и оно сближается с названием племени курыкан, упомянутого в орхонских надписях.

Мы вынуждены отметить еще другой прием, к которому почти столь же часто прибегает г-н Каён и который на читателя, несколько знакомого с источниками по истории Средней Азии, производит еще менее приятное впечатление. Автор далеко не всегда отделяет то, что было на самом деле, от того, что по его расчету должно было быть; несколько раз приводятся фактические известия (без всяких оговорок), которых мы тщетно стали бы искать в каких бы то ни было источниках. Так, мы узнаем от г-на Каёна, что среди народа найманов были последователи трех вер — христианства, буддизма и «манихейской формы старой национальной религии» (?) — и что борьба между найманами и кераитами иногда принимала религиозный характер (стр. 227); что Кучлук [4] был гонителем не только мусульман, но и христиан и, приказав распять муфтия «перед кашгарской мечетью» [5], в то же время велел повесить христианского епи-

---

[4] Найманский предводитель, завладевший Туркестаном незадолго до монгольского нашествия.

[5] На самом деле имам Ала ад-дин был казнен в Хотане и пригвожден к воротам своего медресе.

скопа перед собором (стр. 250); что при приближении монголов население восстало против Кучлука во имя Христа, Мухаммеда, Мани и Будды (стр. 268); что отряд Джэбэ-нойона [6] пришел из Кашгарии в Фергану, разбил около Оша и Маргелана некоторые отряды врагов, пытавшихся преградить ему путь, и двинулся дальше по левому берегу Сыр-Дарьи (стр. 281). Читатели-неспециалисты едва ли поверят, что всеми этими сведениями мы обязаны только фантазии г. Каёна.

Едва ли г-н Каён прибег к таким приемам, если бы располагал достаточным фактическим материалом. По мнению французских рецензентов, г-н Каён непосредственно пользовался китайскими, арабскими, персидскими и тюркскими источниками. При чтении книги мы, однако, убеждаемся, что автор писал исключительно на основании печатных источников и что даже выбор последних определялся только случайностью. Мы не заметили в книге г-на Каёна никаких признаков сколько-нибудь научной критики источников, вообще никаких следов той кропотливой, часто мелочной работы, без которой, к сожалению, невозможно выяснение истины. Чаще всего г-н Каён ссылается на составленную в XVII в. компиляцию Абулгази; зависимость Абулгази от Рашид ад-дина ему, по-видимому, известна, так как, по его замечанию (стр. 41), легенды, изложенные у Абулгази, «были собраны и получили окончательную форму в первой половине XIII в.» [7]. Несмотря на это, г-н Каён в другом месте (стр. 94—95) утверждает, что у тюрков еще в XVII в. сохранялись предания об отношениях их предков к китайцам, и в доказательство приводит рассказ Абулгази о народе онгутов, буквально заимствованный у Рашид ад-дина [8]. Арабская географическая литература, доступная, благодаря прекрасным изданиям де Гуе, каждому ориенталисту, осталась совершенно неизвестной г-ну Каёну. Говоря об эфталитах, или абделах, византийских писателей, г-н Каён повторяет давно опровергнутое мнение Дегиня, по которому это слово есть искажение персидского *аб-телит*, т. е. «речные телиты», и сближает этот народ с тюркским племенем тёлес (стр. 101), теория, которая опровергается употребляемой арабскими и персидскими писателями формой *хайтал* [9] (мн. ч. *хаятила*). Говоря о походе Саманида Исмаʻила против тюрков и о взятии им города Тараза, г-н Каён (стр. 158) не понимает этого названия и предлагает читать Tavaz, сближая это слово с тюркским названием китайцев (*табгач*); между тем у арабских географов постоянно упоминается город Тараз (Талас), около нынешнего Аулие-Ата [10].

---

[6] Полководец Чингиз-хана.

[7] На самом деле Рашид ад-дин писал в первые годы XIV в.

[8] Изд. Березина, I, пер., 114—115.

[9] Г-н Каён узнал об этой форме, по-видимому, уже после напечатания книги, так как приводит ее только в указателе; тем не менее он и здесь не отказывается от своего мнения.

[10] ⟨Современный Джамбул.⟩

При таких условиях вполне естественно, что г-н Каён прибегает к догадкам гораздо чаще, чем это было бы необходимо при более основательном изучении источников. Догадки иногда очень удачны и лишний раз свидетельствуют в пользу блестящего исторического таланта автора. Так, по мнению г-на Каёна (стр. 242), Темучин, наверное, не подверг своего соперника Чжамуху той жестокой казни, о которой говорят мусульманские источники, но, по монгольскому обычаю, дал ему умереть «без пролития крови»; и действительно, мы находим такое известие в монгольском сказании XIII в.[11], о котором г-н Каён знал только по немногочисленным цитатам, приведенным в сочинениях доктора Бретшнейдера. Но даже при таком таланте невозможно дать правдивую картину исторической жизни нескольких народов на основании одних догадок. Мы остановимся только на тех промахах г-на Каёна, которые имели существенное влияние на его представление о ходе этой исторической жизни, оставляя без внимания мелкие хронологические и другие неточности.

Критического исследования легенд о происхождении тюркских племен мы у г-на Каёна не находим. Автор ограничивается тем, что выписывает из Абулгази имена мифических предков тюрков и сближает их с названиями исторических народов; насколько эти сближения произвольны, можно видеть из того, что имя *Минг* сближается с названием монгольского племени *мангут* (стр. 83), появляющегося в истории только в XII в. В качестве древнейших тюркских народов Абулгази называет кипчаков, уйгуров, канглов, калачей и карлуков (у Рашид ад-дина приводится еще народ агачери, который у Абулгази не упоминается и на который наш автор поэтому тоже не обращает внимания). Из этих пяти народов в орхонских надписях VIII в., по замечанию самого г-на Каёна (стр. 41), названы только карлуки и уйгуры; зато как в этих надписях, так и у мусульманских писателей IX и X вв. мы находим целый ряд других этнографических названий, так что нет никакого основания полагать, что названные у Абулгази народы действительно были древнее всех прочих. Между тем г-н Каён (стр. 112—113), говоря о делении тюркской империи на «четыре гегемонии» (по византийским источникам), прибавляет: «Здесь мы находим деление на кипчаков (северо-запад), канглов, калачей и карлуков (центр и восток); уйгуры Шестиградия (т. е. Алты-шехра, Кашгарии) и Пятиградия (Бешбалык, т. е. Урумчи и Турфан) не идут в счет, так как они непосредственно подчинены одному из китайских государств». Относительно уйгуров г-н Каён (стр. 40) разделяет мнение Вамбери, по которому слово *уйгур* употреблялось для обозначения «образованного, культурного человека»; такое название, по предположению г-на Каёна (стр. 45), получили тюрки, поселившиеся в бассейне Тарима и там принявшие оседлый образ жизни. Между тем, как известно, уйгуры жили не только в Восточном Туркестане и уже в VIII в. стояли во главе об-

[11] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 113—114.

ширного кочевого государства, центром которого была местность по Орхону.

Рассказ г-на Каёна о внутреннем устройстве кочевых государств тоже нельзя признать вполне точным. Об отношении тюркского кагана к народу автор мог составить себе довольно ясное представление на основании орхонских надписей; оттого черты, которыми предводитель кочевого народа отличался от обыкновенных азиатских деспотов, отмечены верно; сравнение проведено с большим талантом: «В противоположность остальным народам, у тюрков царь кормит свой народ, одевает его, дает ему содержание (стр. 79). . . Не только для того, чтобы кормить и одевать своих неимущих подданных, тюркский хан ночью не спит, днем не отдыхает; ради величия имени тюрков, ради национальной славы он трудится и сражается ночью и днем. Египетские фараоны, персидские или ассирийские цари избивали массы народа для прославления своего собственного имени или для возвеличения своих богов; тюркский каган думает только о славе своего народа» (стр. 78).

Столь же удачно определение г-на Каёна, по которому тюркские народы скорее могут быть названы военными отрядами: «. . . их великие нации принимают имя своего начальника» (стр. 79). Несмотря на это, г-н Каён приписывает тюркам пристрастие к китайскому бюрократическому устройству: «В этом военном обществе есть иерархия, но нет кастовой аристократии; вельможи (т. е. беки) скорее могут быть названы высшими чиновниками, чем аристократами. Даже в тех случаях, когда тюрки подвергались иному влиянию, чем китайское, они сохранили чисто китайское уважение к мандаринству. Некоторые народы стремились к аристократическому, другие — к демократическому идеалу; идеалом тюрков было правление бюрократическое» (стр. 82). Сколько нам известно, военное устройство всегда благоприятствует развитию и сохранению аристократических привилегий. В орхонских надписях беки в качестве высшего сословия очень определенно противополагаются «черному народу», причем верховная власть не всегда становится на сторону первых; подробно описывается, как тюркские беки примирились с китайским владычеством, приняли китайские титулы и китайский образ жизни; но «черный народ» не мог забыть своей прежней империи, своих прежних каганов и поднял восстание во имя тюркской национальности [12]. Киргизское [13] представление о «черной» и «белой» кости еще яснее показывает, с какой резкостью идея наследственной аристократии иногда выражалась у тюрков. С другой стороны, мы не замечаем никаких следов «мандаринства». Термин *буюрук* В. В. Радлов переводит посредством слова 'Beamte', которое г-н Каён (стр. 80) прямо заменяет словом «мандарины». Между тем в надписях от буюруков, как и от каганов, требуется не только мудрость, но

[12] Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, S. 440; Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, pp. 99—100.

[13] ⟨Казахское.⟩

и храбрость, из чего можно заключить, что эти 'повелители' (буквальное значение слова *буюрук*) тоже принадлежали к числу военных начальников; вероятно, слово *буюрук* — собирательное название для шадов и других подчиненных кагану начальников отдельных родов. По-видимому, у древних тюрков, как у западных монголов в эпоху Чингиз-хана [14], была только одна «культурная должность» (если можно так выразиться) — должность хранителя печати (*тамгачи*), которому придается исключительно эпитет *бильге* 'мудрый' [15]. Вопреки мнению г-на Каёна, мы не знаем ни одного примера, чтобы тюрки ввели бюрократическое управление там, где его раньше не было; не только в Китае, но и в мусульманской Средней Азии тюрки нашли бюрократическое устройство уже готовым.

Вообще недостаточное изучение истории арабского халифата и образовавшихся после его распадения персидских государств не позволило г-ну Каёну дать правильной оценки роли тюрков в мусульманском мире. Автор не признает в арийском населении Персии и Средней Азии никаких военных доблестей; даже своими успехами при Абу Муслиме персы были обязаны исключительно «тюркскому мечу» (стр. 147). Серьезное сопротивление арабы встретили только со стороны тюрков; арийцы охотно подчинились арабам, и только распространение ислама среди них представляло некоторые трудности, так что арабы должны были решиться на «неслыханную» уступку — допустить богослужение на персидском языке (стр. 125). На самом деле уступки, сделанные арабами согдийцам, были гораздо значительнее; по договору 741 г. согдийцам, раньше принявшим мусульманство, вопреки основным постановлениям ислама, было разрешено вернуться к своей прежней религии. После долгих колебаний халиф утвердил этот договор; его убедили, что только посредством таких невероятных уступок можно примирить с арабским господством воинственное население [16].

Как известно, первые тюркские династии в Средней Азии образовались благодаря возвышению начальников султанской гвардии, состоявшей главным образом из тюрков. Г-н Каён, по-видимому, полагает, что все эти тюрки были добровольными наемниками и искателями приключений (стр. 143); о существовании торговли невольниками и о приобретении гулямов путем покупки нет ни слова. На самом деле даже основатель славной династии Газневидов, в котором г-н Каён видит только предводителя наемников (стр. 159, 161), некогда был привезен торговцем рабами и жаловался на свою несчастную судьбу, что никто его не покупает [17].

В противоположность этим бывшим рабам предводителями первых самостоятельных тюркских народов, завладевших мусульманскими зем-

---

[14] Ср. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, p. 88.

[15] Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, S. 446; Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, p. 114.

[16] Табари, II, 1717—1718.

[17] Бейхаки, изд. Морлея, 237.

лями, были Сельджукиды и Караханиды. Как известно, те и другие приняли ислам еще до своего вступления на мусульманскую почву. Г-н Каён утверждает, что Сельджук получил от Саманида Мунтасира в удел город Дженд (в низовьях Сыр-Дарьи) и уже там принял ислам (стр. 171); между тем Дженд не принадлежал Саманидам даже в эпоху их наибольшего могущества, а Мунтасир, которому только на самое короткое время удавалось захватить в свои руки тот или другой город, не мог раздавать никаких земель. Караханид Илек, завоеватель Мавераннахра, у г-на Каёна назван язычником (стр. 174), хотя до нас дошли монеты с его мусульманскими именами.

Г-н Каён справедливо полагает, что во владениях Караханидов тюркские и китайские идеи сохраняли бо́льшую силу, чем в государстве Сельджукидов, всецело подчинившихся влиянию ислама и персидской культуры. Устройство сельджукского государства описывается по «Книге об управлении» (*Сийāсат-нāме*) знаменитого везира Низам ал-мулька, которой противополагается тюркское сочинение *Кутадгу билик*, составленное в Семиречье. Внимательное чтение *Сийāсат-нāме* показало бы г-ну Каёну, что взгляды главы персидской бюрократии далеко не всегда тожественны с взглядами его государя, особенно в последних главах, которые должны были быть переданы властителю только после смерти автора. Если везир настаивает на том, что женщинам не следует позволять вмешиваться в государственные дела, то это, вопреки мнению г-на Каёна (стр. 182), отнюдь не является признаком упадка положения тюркской женщины; очевидно, везир не привел бы в доказательство своей мысли «свидетельство Камбиза, Дария, Александра, Бузурджмихра (министра при Хосрое Ануширване), пророка и святых, Талмуда и раввинов», если бы в действительной жизни не было фактов противоположного свойства, что вполне подтверждается историей Сельджукидов. Содержание *Кутадгу билик* излагается по переводу Вамбери, который уже сам по себе очень сомнителен. Кроме того, вопрос о том, насколько на *Кутадгу билик* отразилось влияние персидских идей и персидской литературы, еще остается открытым, и уже теперь есть большие основания полагать, что это влияние окажется несравненно значительнее, чем полагали Вамбери и другие. Г-н Каён видит чисто китайское воззрение даже в сопоставлении «людей меча» и «людей пера» (стр. 186), столь часто встречающемся в мусульманской литературе.

При дальнейшем изложении истории тюрков г-н Каён прямо смешивает Сельджукидов с Караханидами, как видно из следующего места его книги (стр. 192): «Могила Меликшаха еще теперь пользуется уважением в Бухаре. После его смерти (1087 г.) ему наследовал Арслан-хан самаркандский, после смерти Арслан-хана — его сын Санджар». Последний из Караханидов, Осман, царствовавший в такое время, когда имя Чингиз-хана едва ли было известно кому-нибудь в Мавераннахре, назван «креатурой Чингиз-хана и одним из предводителей тюркско-национальной партии» (312—313).

Все легенды о предках Чингиз-хана и о детстве будущего завоевателя принимаются г-ном Каёном на веру. По свидетельству историка Джувейни, приведенному уже д'Оссоном, монголы до Чингиз-хана не имели письменности и сам Чингиз-хан только впоследствии заимствовал алфавит у уйгуров и велел обучать ему знатных юношей. У г-на Каёна (стр. 234) Чингиз-хан уже во время борьбы с кераитами не только переписывается со своими врагами, но даже издает, под видом писем, манифесты, предназначенные для всего народа. Разумеется, такое освещение событий дает читателю совершенно неверное представление об условиях быта в Монголии в эпоху Чингиз-хана.

Автор справедливо отвергает старое представление о монгольских завоеваниях как о «нашествии бесчисленных диких полчищ» или «бессознательном движении огромных волн народов» (стр. 279). Мы находим в его книге довольно верную картину гениальных стратегических планов Чингиз-хана и его сподвижников. С другой стороны, дела управления при Чингиз-хане еще не были приведены в такой порядок, как полагает г-н Каён; как известно, почта была введена у монголов только при сыне Чингиз-хана, Угэдэе; г-н Каён категорически утверждает, что во время похода Чингиз-хана на запад часть его канцелярии находилась с ним в Трансоксиане, часть — в Пекине; одним из «курьеров», поддерживавших сообщение между обеими канцеляриями, назван китаец Чан-чунь (стр. 314) — мирный отшельник, совершивший путешествие из Китая на запад по особому приглашению Чингиз-хана.

Борьба национальностей и религий в монгольской империи, объединившей самые различные культурные народы, несомненно представляет большой интерес; но для правильного понимания этой борьбы было необходимо изучить не только историю того времени, но и ход культурной жизни каждого народа в домонгольский период.

Сведения г-на Каёна и в этом случае отрывочны и случайны. В эпоху монгольского нашествия в Кульджинском крае ислам уже был господствующей религией, к которой принадлежали местные владетели [18]; г-н Каён считает Алмалык чисто христианским городом, называет хана Озара «князем алмалыкских христиан» (стр. 265) и считает его «добрым тюрком и добрым христианином» (стр. 253). Мусульманским министрам Чингиз-хана и его преемников приписывается фанатичный тюркский и монгольский патриотизм (стр. 727); на самом деле эти богатые купцы, захватившие в свои руки выгодную торговлю с кочевниками, снабжавшие монголов деньгами по высоким процентам и вообще бывшие главными представителями капитала, руководились только финансовыми расчетами. Благодаря своему богатству они могли дороже других платить за откуп податей; естественно, что финансовое управление везде мало-помалу перешло в их руки. Г-н Каён полагает, что такие люди, как Ялавач и дру-

[18] Чан-чунь, пер. Кафарова, 304.

гие, не могли быть без дальних слов переведены куда-нибудь в Китай или в Россию, что они были необходимы на своей родине (стр. 411); на самом деле именно Ялавач должен был покинуть свою родину из-за столкновения с Чагатаем и получил место в Китае [19].

Как известно, институт епископов совершенно чужд исламу и власть главных муфтиев, казиев и т. п. определяется политическими границами отдельных государств. Главе бухарского духовенства (садру) некоторое время принадлежала и светская власть в его родном городе; но нет никаких оснований полагать, что его авторитет признавался и в других местностях. Г-н Каён из того, что во время пребывания в Бухаре путешественника Ибн Баттуты садр возвращался из Герата, делает вывод, что «епархия» бухарского садра простиралась до этого города (стр. 416). В связи с таким представлением г-н Каён приписывает тюркским мусульманам мечту о «тюркском правоверном папе, который бы жил в Мавераннахре» (стр. 326).

Значение курултая, т. е. монгольского народного собрания, сильно преувеличено г-ном Каёном. Съезд монгольских царевичей и вельмож, подобно первоначальному германскому рейхстагу, более походил на парад, в котором во всем блеске проявлялось могущество властителя, чем на представительное собрание, созывавшееся для решения государственных вопросов или избрания нового государя. Правильные выборы с собиранием голосов и т. п. совершенно неизвестны кочевникам [20]; провозглашение хана на курултае было одной формальностью. Самый факт приезда того или другого царевича на курултай был равносилен признанию прав соответствующего кандидата на престол; лица, не желавшие признать нового хана, не являлись на курултай. Таким образом, на курултае происходил не акт избрания, а только акт провозглашения хана, торжественной присяги и торжественного восшествия его на престол; все это сохранилось до конца монгольского владычества, и, вопреки мнению г-на Каёна (стр. 396), в отдельных случаях борьбы за престолонаследие отнюдь нельзя видеть борьбу «за избирательную систему и древнемонгольское право». Такие же собрания существовали в чагатайском государстве; по словам Ибн Баттуты, монгольские и тюркские князья ежегодно собирались на *той* (пир), где производился суд над преступлениями знатных эмиров, иногда и самого хана; последнего, если признавали его виновным, торжественно смещали с престола. Разумеется, обряд смещения хана мог происходить только тогда, когда власть фактически уже находилась в руках другого лица, так что и здесь все сводилось к простой обрядности.

---

[19] О роли Махмуда Ялавача в Китае говорят как мусульманские историки (Джувейни, Вассаф и Рашид ад-дин), так и монгольское сказание XIII в. (*Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 149). О столкновении Ялавача с Чагатаем говорит Рашид ад-дин в главе о «наибах» (министрах) Чагатая.

[20] См. также: *Кутадгу билик*, изд. Радлова, I, стр. LIII; Радлов, *К вопросу об уйгурах*, стр. 69.

Г-н Каён (стр. 420) серьезно называет *той* «ежегодно созывавшимся парламентом».

Уничтожение старых вольностей и окончательное утверждение мусульманского деспотизма г-н Каён приписывает Тимуру. Характеристику знаменитого завоевателя нельзя признать удачной. С одной стороны, нам говорят, что Тимур в своих действиях руководился только холодным расчетом и что ему были совершенно чужды «эпические замыслы» Темучина (стр. 452); с другой стороны, мы узнаем, что не только сам Тимур (стр. 447), но и его сподвижники (стр. 456) находились под влиянием прочитанных ими рыцарских романов. По мнению г-на Каёна (стр. 463), представление о жестокостях Тимура возникло только благодаря преувеличениям его врагов — османов, персов, кипчаков и арабов; между тем достаточное число примеров крайней жестокости мы находим в официальной истории Тимура, написанной по приказанию его преемника Шереф ад-дином Йезди. Г-н Каён, по-видимому, совершенно не пользовался этим сочинением и все свои сведения заимствовал из так называемой автобиографии Тимура, не считая нужным опровергнуть веские доводы против ее подлинности, высказанные д-ром Рьё.

Несомненно, что Тимур везде оказывал особенное внимание мусульманскому духовенству и этим привлекал его на свою сторону; но и эта сторона деятельности Тимура значительно преувеличена нашим автором. Из слов его (стр. 473) можно бы заключить, что только при Тимуре имамы и сейиды были признаны первенствующим сословием; между тем в приказах Газан-хана, царствовавшего на 100 лет раньше Тимура, сейиды названы даже впереди членов ханского рода [21]. Столь же несправедливо было бы полагать, что только при Тимуре «гражданское судопроизводство вполне слилось с духовным» (стр. 475). Известное прозвание Тимура *Сахиб-кыран*, т. е. 'обладатель счастливой звезды', г-н Каён читает *Сахиб-Коран* и переводит: «possesseur de Sainte-Ecriture» (стр. 470)!

Переустройство государства на религиозных началах, по мнению г-на Каёна, было связано с нарушением тюркских привилегий. Тимур, по словам нашего автора, в этом отношении действовал осторожно и, чтобы не оскорбить слишком усердных приверженцев ханского рода, устроил обряд своего торжественного восшествия на престол вне пределов чагатайского государства, в Балхе (стр. 469); на самом деле Балх уже давно принадлежал чагатайским ханам. Никакими фактами не подтверждаются слова г-на Каёна, что при Тимуре тюркское дворянство, лишенное земельной собственности, вернулось к кочевой жизни (стр. 476).

В военных предприятиях Тимура г-н Каён видит только ряд отдельных войн, более или менее случайных, без всяких обширных завоевательных планов (стр. 464—465); даже поход против Китая был предпринят

---

[21] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 422.

не для завоевания этой страны, а только для защиты Туркестана от китайского нашествия (стр. 500). На каких основаниях Тимур мог предполагать подобный замысел со стороны богдыхана, об этом не говорится. На наш взгляд, идея всемирного владычества при Тимуре еще не была оставлена; только при сыне Тимура, Шахрухе, заботы о мирном развитии страны, о процветании науки и литературы окончательно получили преобладание и грандиозные завоевательные планы больше не возобновляются. Говоря о сношениях Шахруха с китайским императором (стр. 500), г-н Каён оставляет без внимания характерный факт, что богдыхан в своих письмах обращается к Шахруху, как к своему вассалу, и Шахрух, владевший почти такою же обширной империей, как его отец, не оскорблялся таким тоном и отвечал богдыхану самыми почтительными письмами и посольствами.

При Тимуре и Тимуридах внешняя культура Трансоксианы достигла высшей степени развития; везде восстановлялись прежние оросительные каналы и города, строились новые, возводились великолепные здания, принимались меры к развитию промышленности. В последнем г-н Каён видит желание подорвать «промышленную гегемонию» Китая (стр. 506); между тем описание Мавераннахра, которое мы находим у арабских географов X в., показывает, что уже тогда производство различных тканей, бумаги и т. п. достигло широкой степени развития и о «гегемонии» Китая в этом отношении уже тогда не могло быть речи.

В литературе времен Тимуридов г-н Каён видит признаки широкого развития тюркского национального чувства. По его словам, «люди трансоксанского возрождения» писали на чагатайском языке, а не на персидском, как прежде; отдельные тюркские писатели были и раньше, но «языком двора и языком ученых» был персидский язык, как видно из написанных по повелению монгольских ханов исторических сочинений Джувейни, Рашид ад-дина, Вассафа и др. (стр. 507—508). Между тем по повелению Тимура и Тимуридов также по-персидски были написаны исторические сочинения Шами, Шереф ад-дина Йезди, Хафиз-и Абру, Абд ар-Раззака Самарканди, и вообще персидский язык до новейших времен остался языком среднеазиатской исторической литературы.

Несмотря на это, тюркская литература времен Тимуридов представляет много характерного и даже заслуживала бы более подробного рассмотрения, чем то, которое мы находим в книге г-на Каёна. Связь со степными преданиями была порвана принятием ислама, и Бабур в своих «Записках» очень определенно вооружается против слепого повиновения завету предков; но столь же невозможно было слепое подражание мусульманским образцам; слишком еще было живо тюркское национальное чувство. Не увлекаясь риторическими красотами персидского слога, тюркские писатели вполне сознательно [22] стремились к простоте и ясности выраже-

---

[22] Ср. слова Бабура, приведенные в *Бāбур-нāме*, пер. Лейдена — Эрскина, 392.

ний; в лице Бабура мы видим писателя, которому основательное мусульманское образование не мешало сохранить в своих произведениях простоту и безыскусственность тюркской разговорной речи. Уже один этот факт показывает, что тюрки не были неспособны к самостоятельной переработке культурных идей и что объяснение культурной отсталости Средней Азии следует искать в тех исторических условиях, на которые указывал еще Риттер; прочное развитие цивилизации невозможно в стране, которая в течение всей своей исторической жизни не переставала быть полем битвы самых различных народов. Г-н Каён не говорит ни слова о завоевании культурных государств Тимуридов полудикими узбеками; из его слов можно заключить, что упадок трансоксанской культуры был вызван только пресыщением: «В XVI столетии жертва была совершена; тюрк всецело отказался от духовной власти в пользу пира [23], от светской — в пользу султана. Независимые и непокорные люди удалились вместе с Бабуром искать счастья в Индию. . . В XV в. церковь еще не выступала прямо против искусств и веселой жизни; она позволяла тюркам строить, рисовать и напиваться до тех пор, пока они не убедились в суетности всего этого» (стр. 503—504). Как известно, удаление Бабура в Индию было вызвано именно успехами узбеков и вовсе не имело характера протеста против религиозного и политического деспотизма.

Мы привели только очень незначительную часть фактических неверностей, допущенных г-ном Каёном, может быть, нам не везде удалось выбрать наиболее крупные из них; но уже из сказанного, как мы надеемся, ясно, что блестящая в чисто литературном отношении книга г-на Каёна отнюдь не пополняет пробела в научной литературе. Мы не считаем труд г-на Каёна совершенно бесполезным; в его книге иногда высказываются широкие и плодотворные идеи, которыми, наверное, воспользуются будущие историки; от внимания ученых исследователей часто ускользают такие явления, истинное значение которых может выяснить только художник. Но с точки зрения той цели, которую поставил себе г-н Каён, мы можем только пожалеть о том, что он употребил свое блестящее дарование на дело, заранее обреченное на неудачу.

В качестве эпиграфа к своей рецензии мы привели мнение известного голландского ориенталиста о невозможности дать в настоящее время полный обзор истории мусульманского мира. «История ислама» покойного А. Мюллера нисколько не опровергает этого взгляда. А. Мюллер, как видно уже из его предисловия, не задался целью дать всестороннюю оценку культурной жизни мусульманского мира; он хотел только составить руководство, которое должно было «представить читателю верную картину достигнутых до сих пор наукой результатов» [24]. Относительно истории Средней Азии даже эта скромная задача оказалась неосуществимой;

[23] Пирами, как известно, называются главы мусульманских духовных орденов.
[24] Розен, *Август Мюллер*, стр. 332.

добросовестный автор не скрыл от нас и этого обстоятельства и при изложении истории монгольского нашествия оговорился, что не берет на себя полной ответственности за эту часть своей книги [25]. Даже для составления подробной справочной книги по истории Средней Азии было бы необходимо обратиться к рукописным источникам; г-н Каён имел в виду несравненно более широкую задачу, но материал для ее осуществления в настоящее время не могли бы доставить ему даже самые добросовестные труженики.

Книга г-на Каёна, как мы сказали выше, имеет для нас еще другое значение; она является результатом его университетских чтений, представляющих собой единственную известную нам попытку общего курса истории Средней Азии. Поэтому нашим приговором об этой книге определяется также наше отношение к идее такого курса. Мы вполне признаем, что современный университетский преподаватель истории не может ограничиваться перечнем внешних фактов, что для него главное значение имеет ход исторической эволюции и вообще те обобщения, к которым приводит нас ряд фактических данных. Мы утверждаем только, что для таких обобщений по истории Средней Азии еще не настало время. Преподаватель всеобщей или русской истории имеет возможность указывать своим слушателям руководства и пособия, где они могут найти необходимые фактические данные, повторение которых не входит в программу лекций; для истории Средней Азии подобных руководств до сих пор нет, и слушатели знакомятся с внешними фактами только из лекций преподавателя. Поэтому издание подобной справочной книги (не претендующей, подобно книге г-на Каёна, на широкие обобщения) несомненно было бы очень полезно для дела университетского преподавания истории Востока.

Мы не будем касаться принципиального спора между приверженцами лекционной системы и приверженцами системы «семинарий» (т. е. практических упражнений) в университетском преподавании. Первые, наверное, согласятся с тем, что для общих обзоров необходимы детальные исследования; между тем мы не знаем ни одной монографии, в которой была бы удовлетворительно (с точки зрения современных научных требований) разработана какая-нибудь эпоха истории мусульманской Средней Азии. Таким образом, вопрос о преимуществах той или другой системы в данном случае разрешается сам собой.

Строго научного исследования прошлого среднеазиатских народов ученый мир вправе ожидать преимущественно от представителей науки в России, для которой выяснение хода истории Средней Азии имеет не только чисто теоретическое значение. Значительная часть тех стран, где проходила историческая жизнь этих народов, находится теперь в русских пределах; другие страны исследованы в географическом отношении русскими путешественниками; в Петербурге сосредоточены богатейшие собрания рукописных источников для истории Средней Азии. Интерес к изуче-

[25] A. Müller, *Der Islam*, Bd II, S. 211.

нию прошлого наших окраин замечается и теперь, особенно со стороны той части русской интеллигенции, которая непосредственно призвана там действовать; но для успешности работ людей, живущих вдали от научных центров, необходимы такие условия, которых до сих пор нет. В этом отношении мы вполне разделяем взгляд, недавно высказанный на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» [26] проф. Н. И. Веселовским по поводу одной книги, напечатанной в Ташкенте: «Есть знание местных языков и местных обстоятельств, есть трудолюбие, есть нравственная и материальная поддержка высшей администрации края, но недостает школы, которая дала бы направление ученым работам, которая научила бы, как надо работать, показала бы, над чем стоит трудиться, над чем трудиться не стоит». Пишущий эти строки на основании своего личного опыта может засвидетельствовать, что подобный взгляд вполне разделяется лучшими из местных деятелей; но, к сожалению, образование подобной школы на окраине, где люди могут посвящать науке только часы досуга, совершенно невозможно. Наиболее действительными мерами к удовлетворению этой потребности были бы, по нашему убеждению, издание справочной книги по истории Средней Азии для студентов и местных деятелей (с потребными библиографическими указаниями) и некоторые изменения в постановке преподавания истории Востока с усилением преподавательского персонала, причем прежде всего было бы необходимо введение практических занятий в том виде, в каком эти занятия уже применяются преподавателями русской и всеобщей истории. Образование подобной «школы» в Петербурге несомненно оказало бы влияние на ход работ местных деятелей, хотя бы благодаря тем воспитанникам факультета восточных языков, которые будут приведены судьбой в Туркестанский край. В случае успеха дела добросовестные исследователи, прошедшие эту школу, несомненно произведут те детальные исследования, без которых невозможны более широкие обобщения, и если тогда к составлению общего обзора истории Средней Азии приступит человек с таким талантом, как г-н Каён, его труд, наверное, будет иметь иной результат.

---

[26] Веселовский, ЖМНП, ч. СССIII, 1896, январь, отд. 2, стр. 226—227.

ОБРАЗОВАНИЕ ИМПЕРИИ ЧИНГИЗ-ХАНА

Быстрое образование обширной кочевой империи — явление, часто повторявшееся в истории Средней Азии [1]. Вследствие условий кочевой жизни движение, вызванное различными причинами, главным образом экономического свойства, в короткое время могло охватить целый ряд народов и распространиться на много тысяч верст, останавливаясь только перед непреодолимым препятствием. Успех борьбы с встречными преградами и вместе с тем границы кочевой империи в каждом отдельном случае определялись количеством военных сил кочевников, степенью энергии и дарований их предводителей и степенью могущества тех политических организаций, которые им приходилось встретить на своем пути.

Насколько известно, только три такие империи простирались одновременно на восточную и западную часть Средней Азии: империя хуннов во II в. до н. э., империя тюрков в VI в. и империя монголов в XIII в. н. э.; во всех остальных случаях народы переходили в нынешний Туркестан только после того, как были вытеснены из Монголии новыми завоевателями. Из названных государств первые два ограничились объединением кочевых народов и захватом тех культурных областей, которые всегда больше всего подвергались нападениям кочевников; монгольское нашествие разрушило целый ряд культурных государств на всем пространстве Азии, и империя монголов своей обширностью превосходит все до сих пор существовавшие государства в мире.

Чем объясняются такие исключительные успехи монгольского оружия? В настоящее время можно считать окончательно доказанным, что монгольские завоевания не были беспорядочным нашествием диких полчищ, подавлявших все своею численностью; монгольские отряды передвигались по вполне определенным стратегическим планам, разбивая на пути гораздо более многочисленные войска культурных народов. Еще труднее, конечно, было сохранить единство империи, состоявшей из стольких разно-

---

[1] ⟨Здесь, как и в дальнейшем, В. В. Бартольд понимает под названием «Средняя Азия» как Среднюю, так и преимущественно Центральную Азию. Ниже автор выделяет восточную часть Средней Азии (Центральную Азию) и западную часть Средней Азии, или Туркестан (собственно Средняя Азия по современной географической терминологии).⟩

образных элементов, — задача, которая в таком объеме еще не предлагалась ни одному народу и которая казалась бы совершенно непосильной для полудиких монголов; между тем единство империи было сохранено не только при Чингиз-хане, но и при его сыновьях и старших внуках; после распадения империи в отдельных государствах преобладание монгольского элемента сохранялось еще в течение нескольких поколений. Естественно было предположить, что по крайней мере в деле организации империи личность предводителя полудиких кочевников не играла большой роли, т. е. что это дело было совершено под именем Чингиз-хана его советниками из представителей культурных народов. Исходя из такого взгляда, проф. В. П. Васильев в своей книге «История и древности восточной части Средней Азии» [2] и в некоторых мелких статьях [3] старался доказать, что Темучин всецело находился под влиянием китайцев и принявших китайскую культуру так называемых киданей [4]. Другие, как покойный проф. И. Н. Березин в своем прекрасном для того времени исследовании «Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева», отводили главное место гениальным дарованиям Чингиз-хана и придавали больше значения «здравому смыслу дикаря», чем наставлениям его культурных советников. Исторические данные, по нашему мнению, говорят скорее в пользу второй теории. Как ни скудны и сомнительны дошедшие до нас известия о детстве, юности и первых военных подвигах Чингиз-хана, все-таки они нам дают возможность восстановить, по крайней мере в общих чертах, историческую истину. Эти источники следующие:

1. Официальная редакция монгольского предания в том виде, в каком оно, на основании не дошедшего до нас монгольского сочинения «Золотая книга» (*Алтан-дэптэр*), вошло в официальную историю монголов, составленную в Персии (именно «Сборник летописей» Рашид ад-дина) [5] и в Китае (*Юань-ши*, т. е. «История династии Юань») [6].

2. Монгольское сказание XIII в., обнародованное в Китае в конце XIV в., при династии Мин, под названием *Юань-чао би-ши*, т. е. «Секрет-

---

[2] ТВОРАО, ч. IV.

[3] Ср. В. Васильев, *Вопросы*.

[4] После открытия орхонских надписей можно считать окончательно установленным, что форма *кидань* есть только китайская транскрипция слова *китай* — названия народа, по всей вероятности, маньчжурского происхождения; как известно, этот народ в X, XI и XII вв. владел Северным Китаем, и впоследствии название его было перенесено некоторыми народами на всю страну.

[5] Введение (обзор тюркских и монгольских племен) и история Чингиз-хана изданы в тексте и в русском переводе проф. Березиным. В наших ссылках мы имеем в виду перевод, причем согласно указателю, составленному проф. В. А. Жуковским, обозначаем цифрой I введение, цифрами II и III — части 1-ю и 2-ю истории Чингиз-хана (ТВОРАО, ч. XIII и XV).

[6] На европейские языки до сих пор переведены только сокращенные издания *Юань-ши*; на русском языке см. *Юань-ши*, пер. Бичурина. ⟨См. подробно наст. изд., т. I, стр. 90—92.⟩

ная история династии Юань» [7]. Покойный проф. Березин не совсем удачно назвал этот крайне любопытный памятник «монголо-китайской летописью». На самом деле он скорее всего может быть отнесен к героическому, богатырскому эпосу; в фантастической окраске здесь изложена легендарная история монголов и история образования монгольской империи, причем автор имеет в виду прославление не столько царствующей династии, сколько ее сподвижников из степной аристократии, к которой он относится с явным пристрастием [8] и к которой, по-видимому, принадлежал сам.

3. Рассказ китайского современника Чингиз-хана, Мэн Хуна, переведенный проф. Васильевым [9].

4. Известия мусульманских современников Чингиз-хана, главным образом собранные персидским историком Джузджани, сочинение которого (*Табаḳāт-и Нāṣирӣ*) издано в английском переводе Раверти [10].

Монгольский или, как он сам себя называл в то время [11], татарский народ разделялся на множество племен, среди которых китайцы различали три группы по степени культурности: белых, черных и диких татар [12]. Первые, жившие в Южной Монголии, около Китайской стены, наиболее были проникнуты влиянием китайской цивилизации. Черные татары, занимавшие бо́льшую часть нынешней Монголии, не находились под непрерывным воздействием культурных народов, представители которых проникали в эту страну только в качестве торговцев. Меновая торговля с кочевниками находилась в руках туркестанских купцов, уйгурских и мусульманских, всегда отличавшихся большей предприимчивостью в этом отношении, чем китайцы. Уйгуры и мусульмане захватили в свои руки даже торговлю между Монголией и Китаем, т. е. закупали товар в Китае и перепродавали его кочевникам; в руках подобных купцов иногда сосредоточивались значительные капиталы [13]. Благодаря этому обстоятельству и благодаря своей сравнительной образованности купцы, конечно, могли оказывать влияние на ханов и через их посредство на народ; кроме того, за буддийскими, несторианскими и мусульманскими купцами, как всегда, следовали миссионеры их религий. Ислам в то время еще не достиг полного господства в Средней Азии, и деятельной мусульманской пропаганды в Мон-

---

[7] Русский перевод архимандрита Палладия, помещенный в IV томе ТЧРДМ, сделан с китайского; о монгольском подлиннике см. Позднеев, *О древнем памятнике*. ⟨О новых изданиях и переводах см. наст. изд., т. I, стр. 90, прим. 4.⟩

[8] См. особенно *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 129.

[9] Приложение к кн.: В. Васильев, *История и древности*. ⟨Действительный автор рассказа — Чжао Хун; см. наст. изд., т. I, стр. 84—85, прим. 5.⟩

[10] ⟨См. также Джузджани, изд. Нассау-Лиса.⟩

[11] В Китае, в мусульманском мире и в Европе монголы одинаково сделались известными прежде всего под именем татар; еще полководец Мухули, происходивший из племени джалаиров, в присутствии Мэн Хуна называл себя «татарским человеком» (В. Васильев, *История и древности*, стр. 220).

[12] Там же, стр. 216.

[13] Там же, стр. 219, 228; *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 95.

голии не было; среди ближайших туркестанских соседей монголов, уйгуров, преобладали буддизм и христианство несторианского толка; несторианским миссионерам удалось обратить в свою веру некоторые сильные племена черных татар, как найманов и кераитов. Тюркские имена и титулы мы встречаем во всей Монголии, даже у собственно татар, живших на границе Маньчжурии, около озера Буир-Нор [14]; может быть, это объясняется влиянием не только тюркских современников, но и степных преданий о тюркских каганах, владевших Монголией в прежние века.

Дикие татары, которых монголы называли «лесными народами», большею частью вели бродячий образ жизни в лесах нынешней Забайкальской области и северо-западной Монголии. В глазах этих дикарей, судя по словам Рашид ад-дина [15], даже жизнь кочевника была таким же невыносимым рабством, каким самому кочевнику кажется жизнь земледельца. Шаманизм сохранялся здесь во всей своей чистоте; еще в эпоху монгольского владычества Забайкалье считалось классической страной шаманизма [16].

На берегах Онона, на границе владений черных и диких татар, около 1155 г.[17] родился Темучин. Китайцы причисляют его к черным татарам; по монгольскому преданию, Темучин происходил из рода кыят, принадлежавшего к племени тайджиютов, одному из лесных племен [18]. По тем же легендам, Темучин и его братья в молодости вели жизнь охотников и рыболовов. Известия об отце Темучина, Есугай-багатуре, крайне противоречивы; по словам Мэн Хуна [19], он был простым десятником; по монгольскому преданию [20], он стоял во главе чуть ли не всех монгольских племен. Последнее во всяком случае преувеличено, но некоторая доля исторической истины, вероятно, все-таки заключается в рассказах о подвигах Есугая и о его борьбе с буир-норскими татарами, в которой он наконец нашел свою смерть [21]. Во всяком случае он совершал отдаленные походы, так как взял себе жену из племени хункират, жившего около Китайской стены, т. е. принадлежавшего к белым татарам [22]; от этой жены родились Темучин и его братья.

---

[14] Ввиду этого мы никак не можем согласиться с мнением Ховорса, который в таких именах и титулах видит доказательство тюркского происхождения того или другого племени (см. Howorth, *History of the Mongols* pt I, pp. 20—25, 693—700).

[15] Изд. Березина, I, 90.

[16] Там же, 142.

[17] Так по всем источникам, кроме китайской официальной истории и позднейшего монгольского предания (у Санан Сэцэна). См.: Рашид ад-дин, изд. Березина, II, 85; В. Васильев, *История и древности*, стр. 217; Джузджани, пер. Раверти, II, 1077.

[18] Рашид ад-дин, изд. Березина, I, 89.

[19] 〈Чжао Хуна.〉В. Васильев, *История и древности*, стр. 217.

[20] Историк Джузджани (пер. Раверти, II, 935—936) тоже говорит, что отец Чингиз-хана был «главой монгольских племен», но из его слов видно, что он смешивает родного отца Чингиз-хана с его названым отцом, кераитским ханом Тогрулом.

[21] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 36.

[22] Рашид ад-дин, изд. Березина, I, 149; II, 54.

Каково бы ни было положение Есугая среди тайджиютов, после его смерти его малолетние сыновья (старшему, Темучину, было 13 лет) были оставлены всеми и некоторое время вели вместе со своей матерью самую тяжелую жизнь, питаясь кореньями, дичью и рыбой [23]. Но смутное время благоприятствовало возвышению даровитых личностей; подвиги Темучина, может быть также память о военной славе его отца, привлекли к нему нескольких молодых людей знатного происхождения, из которых впоследствии составилась его дружина. Во время малолетства Темучина было сокрушено могущество рода монгол, усилившегося в XII в. и некоторое время казавшегося опасным даже для маньчжурской династии Цзинь [24], т. е. «Золотой», которая в то время владела Северным Китаем. Против монголов цзиньцы вооружили буир-норских татар; но после уничтожения общих врагов татары, как всегда было в степи, не замедлили стать во враждебные отношения к своим прежним союзникам и возобновили нападения на Китай. Цзиньцы теперь вооружили против них других кочевых владетелей, из которых самым могущественным был Тогрул, хан христианских кераитов; становище его находилось на берегах Толы [25]. Темучин со своими приверженцами присоединился к кераитскому хану и был его деятельным помощником в борьбе с буир-норскими татарами, с найманами, владевшими Западной Монголией, и с меркитами, господствующим народом в Забайкалье. Когда китайский император отправил войско в Монголию, чтобы нанести решительный удар буир-норским татарам, и пригласил кераитского хана содействовать уничтожению общих врагов, Темучин принимал в этой войне настолько деятельное участие, что после успешного окончания предприятия китайское правительство пожаловало ему почетный титул.

Первым лицом в Восточной Монголии теперь сделался кераитский хан, получивший от китайского императора титул *вана*, т. е. царя. Повидимому, он не обладал способностями, необходимыми для того, чтобы сплотить кочевые орды в сколько-нибудь прочный государственный организм. Довольствуясь внешней покорностью Темучина, он не препятствовал его дальнейшему возвышению и дал свое согласие даже тогда, когда Темучин объявил себя преемником монгольских каганов, восстановил название рода *монгол* и принял ханский титул. По богатырскому сказанию, которому не противоречат ни официальное предание [26], ни дальнейший ход событий, Темучин был возведен на престол группой аристократов, среди которых был и Алтан, сын последнего из монгольских каганов, Хутула-кагана. По монгольскому преданию, отец Темучина, Есугай-багатур, был племянником Хутула-кагана; очень возможно, что это род-

---

[23] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 38.

[24] Там же, 172—173.

[25] Там же, 49.

[26] У Рашид ад-дина (изд. Березина, II, 139) даже есть прямое указание на это событие; также в китайской истории (*Юань-ши*, пер. Бичурина, 28).

ство было придумано Темучином только теперь, с целью большего обоснования своих прав. Любопытна формула присяги богатырей Темучину, приведенная в богатырском сказании [27]: «Когда ты будешь царем, то в битвах с многочисленными врагами мы будем передовыми и, если возьмем в плен прекрасных девиц и жен, да добрых коней, то будем отдавать их тебе. В облавах на зверей мы будем выступать прежде других и пойманных нами зверей будем отдавать тебе». В таких же словах сам Темучин, по преданию, определял свои заслуги по отношению к своим приверженцам: «Я брал много табунов, стад, кибиток, жен и детей народа и отдавал их ва́м; для вас я на степной охоте устраивал переход и облаву и гнал в вашу сторону горную дичь» [28]. Таким образом права и обязанности предводителя монгольской аристократии определены совершенно ясно: хан ведет своих сподвижников к победам, начальствует над ними в походах и на общей охоте и за это получает лучшую часть добычи.

В то время как степная аристократия провозгласила своим предводителем Темучина, простой народ, искавший не богатства и славы, а дневного пропитания, сплотился вокруг другой личности, именно вокруг Чжамухи, одного из начальников племени джаджират. В официальном предании Чжамуха является только ловким интриганом, который отовсюду возбуждает врагов против Темучина и наконец подвергается варварской казни, которую он сам предназначал Темучину, если бы тот попал в его руки [29]. Иначе изображены отношения обоих соперников в богатырском сказании, которое вообще относится к личности монгольского народного вождя с явной симпатией, несмотря на его отступничество от интересов аристократии.

Темучин и Чжамуха в детстве заключили между собою союз тесной дружбы и считались *андами*, т. е. названными братьями (об этом, впрочем, говорится и в официальном предании). Однажды Чжамуха обратился к своему другу со следующими словами: «Если мы остановимся у горы, то пасущие коней достанут юрты; если подле потока, то пасущие овец и ягнят достанут пищи для горла» [30]. По словам автора сказания, Темучин не понял настоящего смысла этих слов, но они возбудили в нем невольное подозрение, и по совету матери он покинул своего друга. На наш взгляд, смысл пророчества, приписанного Чжамухе, ясен: пасущие коней — степная аристократия; пасущие овец и ягнят, думающие только о «пище для горла» — простой народ, на сторону которого, в противоположность Темучину, становится Чжамуха [31]. Таким же образом в приписанных

---

[27] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 62.

[28] Рашид ад-дин, изд. Березина, II, 139; перевод исправлен по тексту (там же, стр. 225—226).

[29] Там же, I, 201—204.

[30] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 59.

[31] Что касается противопоставления потока горе, то Темучин действительно был провозглашен ханом в горном урочище (там же, 45, 61), Чжамуха — на берегу

Чингиз-хану изречениях [32] «ловкие и проворные» табунщики противопо-лагаются «несведущим» овечьим пастухам, которые всегда составляли низший слой в кочевом обществе. Темучина провозгласили ханом богатыри различных племен; вокруг Чжамухи в 1201 г. собрались улусы, не желавшие подчиниться ни Темучину, ни его названому отцу — Ван-хану кераитскому; они присягнули Чжамухе, который принял титул *гурхана* [33], принадлежавший кара-китайскому императору, владетелю страны от границ Китая до Аральского моря, от Иртыша до Аму-Дарьи.

Демократическое движение было подавлено, и предводитель его стал вести жизнь искателя приключений; но вскоре произошли раздоры среди самой аристократии. На стороне Темучина оставались его первые приверженцы, возвысившиеся вместе с ним; но Алтан, сын Хутула-кагана, и другие лица, которые по происхождению были знатнее Темучина и добровольно уступили ему первенство (вероятно, в расчете, что это первенство останется номинальным), теперь почувствовали себя обманутыми в своих ожиданиях; такой человек, как Темучин, не мог править иначе как самовластно и должен был требовать безусловной покорности даже от самых знатных своих подданных. Алтан и другие недовольные соединились с Чжамухой; им удалось склонить на свою сторону кераитского хана и его сына, носившего китайский титул *сенгуна*. Между Темучином и кераитским царствующим домом еще раньше произошло охлаждение, так как Ван-хан и его сын отказались вступить в родство с Темучином и этим окончательно утвердить его положение. Теперь союзники убедили Ван-хана, что Темучин тайно сносится с его врагами, найманами. Положение Темучина некоторое время было очень трудно; с небольшой кучкой приверженцев он должен был удалиться к озеру Балчжуна, около низовьев Аргуни, где терпел большие лишения. Впоследствии эти верные сподвижники Темучина получили название *балчжунту* и их потомки пользовались различными привилегиями [34]. Эта кучка приверженцев состояла не только из монголов; среди них были и мусульманские купцы, находившиеся на службе у Темучина, как Джа'фар-ходжа, упомянутый в китайской истории [35], и Хасан, упомянутый в богатырском сказании [36]. Не без хитрости и вероломства Темучину удалось и из этой борьбы выйти побе-

---

реки Аргуни. Как известно, и теперь все сколько-нибудь состоятельные кочевники удаляются на лето в горы и только беднейшая часть населения остается круглый год на берегах рек.

[32] Рашид ад-дин, изд. Березина, III, 121.

[33] Там же, II, 124; *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 69—70.

[34] Рашид ад-дин, изд. Березина, II, 133.

[35] О нем см.: Douglas, *The life*, p. 38; В. Васильев, *История и древности*, стр. 223, где по ошибке сказано уйгур вместо мусульманин (китайское слово, как известно, имеет то и другое значение); *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 210—211; Джузджани, пер. Раверти, II, 954.

[36] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 95, 210.

дителем; Ван-хан и его сын бежали в страну найманов, где были убиты, и в Восточной Монголии Темучин уже не имел соперников.

Чжамуха сделал попытку вооружить против Темучина западных монголов, найманов; с своей стороны Таян-хан найманский предложил союз против Темучина онгутам, т. е. белым татарам, которые, однако, предпочли добровольно покориться повелителю Восточной Монголии. Силы найманов через несколько лет тоже были сокрушены; Чжамуха сделался атаманом разбойничьей шайки и наконец был выдан собственными людьми Темучину. В противоположность Рашид ад-дину, монгольское богатырское сказание придает этой встрече бывших друзей и последним дням жизни Чжамухи тот же романический ореол, которым вообще окружена личность народного вождя монголов. С тяжелым чувством Чжамуха поднял оружие против Темучина, но и тут тайно оказывал услуги своему *анде* и предупреждал его о намерениях врагов; оттого Темучин хотел теперь помиловать его и предлагал ему, забыв прошлое, возобновить старую дружбу. Чжамуха ответил, что не может быть искренним товарищем Темучина и поневоле всегда останется предметом беспокойства для *анды*; поэтому ему лучше умереть, и он просит себе только одной милости: пусть Темучин позволит ему умереть без пролития крови; тогда его душа, сохранившая свою целость (душа, по монгольскому верованию, заключалась в крови), будет гением-покровителем потомков Темучина. Желание его было исполнено, после чего Темучин устроил своему сопернику торжественные похороны [37].

После разгрома найманов и пленения Чжамухи объединение монгольского народа и образование кочевой империи Чингиз-хана могло считаться совершившимся фактом; покорение «лесных народов» и других мелких племен было совершено без труда отдельными монгольскими полководцами. О том, в какое время Темучин впервые назвал себя Чингиз-ханом и когда произошел обряд его торжественного восшествия на престол, до нас дошли противоречивые известия. Официальное предание [38] относит этот факт к 1206 г., после поражения найманов, хотя приводится также известие некоторых летописей, по которым событие произошло в 1203 г., после победы над кераитами [39]. По богатырскому сказанию [40], Темучин принял титул Чингиз-кагана еще тогда, когда небольшая кучка его аристократических приверженцев провозгласила его своим главой; но, и по этому источнику [41], Чингиз-хан в 1206 г. «водрузил знамя с де-

---

[37] Там же, 112—114.

[38] Рашид ад-дин, изд. Березина, III, 8, 112; *Юань-ши*, пер. Бичурина, 35.

[39] Рашид ад-дин, изд. Березина, III, 110—111.

[40] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 62, 174; слово *каган* есть в монгольском тексте, как мне сообщил проф. А. О. Ивановский.

[41] Там же, 114.

вятью белыми хвостами и воссел царем»[42], так как к этому времени он «собрал под свою власть народы разных улусов». Тогда же получила окончательное устройство личная гвардия Чингиз-хана, составлявшая главную опору его власти.

Таким образом, Чингиз-хан не был «народным вождем» в настоящем значении этого слова и созданный им государственный строй носил строго аристократический характер. В этом отношении любопытно сравнить приписанные Чингиз-хану изречения с орхонскими надписями, в которых оставили свой завет народу каганы, обязанные своим возвышением демократическим элементам[43]. Автор надписей несколько раз повторяет, что при вступлении на престол кагана народ не имел пищи в желудке, не имел одежды на теле, что благодаря трудам и подвигам кагана бедный народ стал богатым, малочисленный народ — многочисленным[44]. С другой стороны, Чингиз-хан настаивает на том, что до него в степи не было никакого порядка; младшие не слушали старших, подчиненные не уважали начальников, начальники не исполняли своих обязанностей относительно подчиненных; Чингиз-хан, вступив на престол, ввел строгий порядок и указал каждому свое место[45]. Во всех своих наставлениях Чингиз-хан обращается только к членам ханского рода, к вельможам и начальникам, а не ко всему народу, подобно тюркскому кагану.

Сближение с культурными народами не изменило основных начал этого государственного строя. Мы видели, что в войске Чингиз-хана еще во время борьбы с кераитами были отдельные представители культурных народов из купцов, торговавших в степи, причем предание называет два мусульманских имени; кроме того, Темучин в стране найманов нашел уйгурского «хранителя печати» (по-тюркски *тамгачи*, от слова *тамга* 'печать'), который познакомил его с употреблением печати и вообще с началом письменного делопроизводства; обо всем этом Темучин до тех пор не имел понятия. Теперь он принял этого уйгура к себе на службу и велел ему обучать уйгурской письменности знатных монгольских юношей, между прочим сыновей самого Чингиз-хана[46]. Что касается влияния китайцев, то о нем в монгольском предании не говорится ни слова. Рассказ Мэн Хуна показывает только, что уже китайские современники Чингиз-хана, по всегдашнему обыкновению китайцев, старались объяснить успехи монгольского завоевателя китайским влиянием и с этой целью придумы-

[42] 〈Согласно поправке П. Пельо — «белое знамя с девятью хвостами»; см. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»*, p. 32; там же объяснение значения этого выражения.〉

[43] *Тӱрк кара камыв будун* (Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, S. 9; Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, p. 100; 〈Малов, *Памятники*, стр. 29〉).

[44] Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, S. 13, 17, 19; Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, pp. 103, 106—108; 〈Малов, Памятники, стр. 35〉.

[45] Рашид ад-дин, изд. Березина, III, 120—121.

[46] Abel-Rémusat, *Tha-tha-toung-'o*, p. 61. Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 9) тоже говорит, что по приказанию Чингиз-хана монгольские юноши должны были учиться уйгурской грамоте.

вали факты; такой характер имеет известие [47], что Темучин в молодости был взят в плен цзиньскими войсками и более 10 лет провел в Китае; едва ли возможно, чтобы монгольское предание не сохранило ни одного намека на период в жизни Чингиз-хана, продолжавшийся целых 10 лет. Проф. В. П. Васильев [48] приписывает Мэн Хуну мнение, что самое слово *Чингиз* есть искажение китайских слов *Тянь-цзи* ('дарованный небом'); но Мэн Хун не высказывает этого мнения от своего имени, а только приводит его с прибавлением слов: «некоторые говорят» [49]; очевидно, мы имеем здесь только китайскую народную этимологию. Если бы этот титул, согласно мнению проф. Васильева, был заимствован Темучином непосредственно от китайских перебежчиков, то едва ли он мог бы так скоро исказиться в произношении настолько, что его еще при жизни Чингиз-хана перестали понимать сами китайцы; между тем уже в то время этот титул в китайской транскрипции является в форме *Чэн-цзи-сы* [50]. Как поздно стало проявляться непосредственно влияние китайской культуры на монголов, видно из слов самого Мэн Хуна [51], что монголы только в 1219 г., т. е. через 8 лет после своего первого похода на Китай, начали употреблять китайские письмена в переписке с китайскими правительствами; раньше даже эти документы писались исключительно по-уйгурски. Разница между монголами и народами, находившимися под непосредственным и исключительным влиянием китайской культуры, нагляднее всего видна из следующего примера: кара-китаи приняли китайскую систему подворного обложения и принесли ее с собой в мусульманские страны [52]; монголы в самом Китае, несмотря на сопротивление китайской бюрократии, старались ввести подушную подать [53].

О слове *Чингиз* у самих монголов было предание, слышанное еще предшественником Рашид ад-дина, Джувейни [54], по которому Темучин получил такой титул от шамана Кокчу, носившего прозвание Теб-тенгри, т. е. 'восходящего на небо'. Ввиду этого получает большое вероятие мнение Банзарова; по этой гипотезе, слово Чингиз было названием одного из духов, которым поклонялись шаманы: в одной монгольской рукописи Банзаров нашел название духа Хаджир-Чингиз-тенгри [55].

---

[47] В. Васильев, *История и древности*, стр. 218.

[48] Там же, стр. 140; *Вопросы*, стр. 379.

[49] В. Васильев, *История и древности*, стр. 218.

[50] Там же, стр. 229. По мнению проф. Васильева, Темучин дал название Тянь-цзи «годам своего правления»; между тем сам Мэн Хун категорически утверждает, что монголы «вовсе не знали, что такое название династии и лет правления» (там же, стр. 220).

[51] Там же, стр. 219.

[52] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XI, 56.

[53] *Юань-ши*, пер. Бичурина, 264.

[54] Рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 14.

[55] Банзаров, *Черная вера*, стр. 12—13.

Союз Чингиз-хана с Теб-тенгри, выразившийся в том, что мать Чингиза, Олун-эхэ, вышла за отца Кокчу, несомненно был приятен аристократическим приверженцам Чингиз-хана. Фантастические рассказы, проникнутые суеверным поклонением этому шаману, Джувейни слышал именно от знатных монголов [56]; по происхождению Кокчу, по-видимому, тоже принадлежал к высшей аристократии. Разумеется, Чингиз-хан лично был свободен от суеверного почитания шаманов и руководился только политическим расчетом; когда влияние Кокчу настолько усилилось, что грозило ослабить авторитет самого хана, последний устранил шамана так же просто, как прежде устранил своих соперников из высшей аристократии. Из таких же политических расчетов Чингиз-хан, несмотря на свое личное сближение с мусульманами, с христианскими и буддийскими уйгурами, остался ревностным последователем народных обычаев, которые пользовались одинаковым уважением у всех монголов, даже у тех, которые называли себя христианами [57]; между тем во имя культурных религиозных идей Темучин мог бы собрать вокруг себя только незначительное число приверженцев. Даже принятие уйгурской письменности прежде всего послужило не для перевода на монгольский язык памятников чужой литературы, но для кодификации монгольского обычного права. Совершенно в духе аристократического строя империи как свод обычного права, так и хроника монгольских племен, составленная по приказанию Чингиз-хана или его ближайших преемников, хранились в величайшей тайне от непосвященных, и доступ к этим книгам был открыт только членам ханского рода и немногим вельможам [58].

Для управления оседлыми народами Чингиз-хану были необходимы образованные люди, которых он не мог найти среди своих монголов; постоянные войны и дела управления не оставляли ему также довольно времени, чтобы самому усвоить необходимые знания и руководить чиновниками из уйгуров, мусульман и китайцев; до нас дошло свидетельство современников, что Чингиз-хан до конца жизни не знал ни одного языка, кроме монгольского [59]. Но он принял меры к тому, чтобы его преемники

---

[56] از مغولان معتبر شنیده ام

[57] В монгольском предании кераиты, найманы и их государи везде являются такими же степняками, как остальные жители Монголии.

[58] Во время чтения лекции мне было замечено, что такой обычай искони существовал у китайцев. Во всяком случае не лишено значения, что Чингиз-хан принял этот обычай, которого не было у народов, в гораздо большей степени, чем монголы, подчинившихся влиянию китайской культуры. В орхонских надписях каган (о демократическом происхождении этой династии см. выше) ставит могильный памятник при участии китайцев, но на памятнике пишет историю успехов и неудач своего народа и приглашает весь народ читать ее (Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, S. 36; Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, p. 118). Очевидно, эти тюрки, в противоположность монголам, не скрывали от народа ни могил ханов, ни преданий родной старины.

[59] Джузджани, пер. Раверти, II, 1114. С китайцем Чан-чунем Чингиз-хан объяснялся при посредстве переводчика (Чан-чунь, пер. Кафарова, 331) — лучшее дока-

не находились в такой зависимости от иноплеменных чиновников; с этой целью он позаботился о доставлении образования своим сыновьям и вообще юному поколению монгольской знати. Итак, по мысли Чингиз-хана, в следующем поколении гражданское управление должно было быть устроено на тех же началах, на которых при нем было устроено управление военное. По справедливому замечанию проф. Березина [60], гениальные планы монгольского хана потерпели крушение вследствие одного обстоятельства, которого он не мог предвидеть, именно вследствие несовместимости цивилизации с кочевым бытом. Эта несовместимость отвергалась некоторыми учеными, например Григорьевым [61], который указывал на то, что у кочевников больше досуга, чем у оседлых народов, т. е. больше остается времени для умственных интересов; но, с другой стороны, кочевнику недостает привычки к упорному труду, которая вырабатывается целыми поколениями и без которой невозможно усвоение умственной культуры. Еще при жизни Чингиз-хана были отдельные монгольские юноши, усвоившие себе внешнюю сторону цивилизации и говорившие на нескольких языках [62]; но число монголов, способных занимать культурные должности, всегда было очень незначительно, и эти должности до конца монгольского владычества остались в руках уйгуров, персов и китайцев. Вопреки мысли Чингиз-хана, его преемники по-прежнему нуждались в услугах культурных иноплеменников, не умея в то же время пользоваться ими с такою осмотрительностью и систематичностью, как гениальный основатель империи. Чингиз-хан отдал предпочтение уйгурской цивилизации, очевидно, потому, что она была ближе всего кочевникам; среди уйгуров было много остатков кочевых преданий и степных обычаев [63]. Уйгурской письменности одинаково обучалось все молодое поколение монгольской знати; итак, усвоение этой культуры не разрушало ни единства этого сословия, ни его преданности степным традициям. Преемники Чингиз-хана, продолжая давать образование своим сыновьям, не следовали в этом отношении никакой системе; в некоторых семьях, между прочим даже в семье второго кагана, Угэдэя [64], одни сыновья получали христианско-уйгурское воспитание, другие — мусульманское, что, конечно, могло

зательство, что китайское известие о десятилетнем пребывании Темучина в Китае несогласно с истиной.

[60] *Очерк внутреннего устройства*, стр. 21.

[61] *Саки*, стр. 61 и сл.

[62] В. Васильев, *История и древности*, стр. 222.

[63] См. уйгурские легенды (по Джувейни) у Радлова (*Кутадгу билик*, I, стр. XLI и сл.; *К вопросу об уйгурах*, стр. 56 и сл.). Из степных обычаев, сохранявшихся у уйгуров, укажем на обычай жениться на вдове отца: см. Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 184: رسم مغولان وايغوران بر آنست كه پسر برزن پدر حاكم باشد وبزوجيّت تصرّف نمايد.

[64] Христианское воспитание, как известно, получил преемник Угэдэя, Гуюк, мусульманское — младший сын Угэдэя, Мелик (о нем см. Рашид ад-дин, рук. Аз. муз. а 566, л. 174).

только содействовать раздорам и междоусобиям, и без того вызванным расширением пределов империи и отсутствием солидарности интересов. Единство империи сохранялось до тех пор, пока еще было живо влияние личности ее основателя, пока еще действовали воспитанные им люди, что продолжалось еще лет 30 после его смерти: Чингиз-хан прожил 72 года и выбирал себе помощников из своих младших современников с таким же умением, как из своих сверстников. Только после того, как сподвижники Чингиз-хана окончательно сошли со сцены и вместо них появились новые люди, воспитанные при иных условиях, империя подверглась влиянию разлагающих элементов.

Это распадение империи, на наш взгляд, находится в связи с распадением рода, основной экономической единицы у кочевых племен. Понятие о родовой собственности, господствовавшее в частной жизни, было перенесено и на государство, которое считалось собственностью всего ханского рода [65]. Такое обогащение рода, при котором отдельный член его уже не нуждался в других, по необходимости ослабляло родовую солидарность; так, в орхонских надписях каган, желая изобразить богатство своего народа, говорит: «Младший брат не знал старшего, сын не знал отца» [66]. Вследствие расширения пределов империи, т. е. общей собственности Чингизидов, такой момент наступил и для ханского рода; отдельные царевичи получили возможность поддерживать свою власть в покоренных областях без помощи своих родичей; не сдерживаемые больше влиянием такой могучей, одинаково авторитетной для всех личности, какой был Чингиз-хан, они скоро сделались главами самостоятельных государств, между которыми не замедлили начаться братоубийственные войны.

---

[65] Это понимал уже Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 15: هرچند از روی ظاهر حکم ومملکت یک کس راست که باسم خانیّت موسوم باشد امّا از روی حقیقت همه اولاد و احفاد و اعمام در ممالك و مال و ملك مشترکند.

[66] Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, S. 54; Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, p. 105. Кажется, наше толкование проще и более согласно с контекстом, чем толкование проф. Томсена (стр. 150): «Les Turcs avaient causé, parmi les peuples soumis, de ces bouleversements qui font dire, dans un poème téléoute sur la fin du monde et les révolutions dont elle est témoin: Le père ne connaîtra pas son enfant, l'enfant ne connaîtra pas son père».

Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности

СПб., 1897 (отдельный оттиск из «Живой старины», вып. III и IV, 1896 г.). 182 стр. 8°

Книга г-на Аристова представляет несомненно одно из самых отрадных явлений в нашей литературе по востоковедению. История Средней Азии до сих пор так мало разработана и так мало знакома нашему образованному обществу, что даже в серьезных журналах можно встретить очерк истории той или другой среднеазиатской области, составленный каким-нибудь путешественником на основании случайных рассказов и догадок, без всяких справок с источниками. Тем более уважения заслуживает труд бескорыстного исследователя (к тому же не принадлежащего к официальным представителям науки), написанный с полным знанием литературы предмета и, очевидно, потребовавший нескольких лет кропотливой работы.

Задачу своего исследования автор определяет в следующих словах: «Пользуясь имеющимися данными о настоящем родовом составе и историческими сведениями по тому же предмету, выяснить племена и роды, а также иноплеменные примеси, из которых составились ныне существующие тюркские народности» (стр. 14). За весьма немногими исключениями, автор действительно изучил все подобные «исторические сведения», переведенные на европейские языки, и все труды европейских ученых по интересующим его вопросам. Сравнительное значение различных источников и пособий определено в общем правильно, без преклонения перед авторитетами, но и без полемических излишеств. Благодаря обширной эрудиции автора его труд, вероятно, долго останется необходимым пособием для будущих исследователей, из которых каждый найдет для себя в нем полезные библиографические указания. Если тем не менее, как мы постараемся показать, непосредственные результаты труда г-на Аристова главным образом отрицательного свойства, то это прежде всего объясняется характером того материала, которым ему приходилось пользоваться и который дал ему возможность рассеять целый ряд установившихся заблуждений, но оказался недостаточным для замены их положениями, построенными на более прочных основаниях. Несмотря на отдельные плодотворные, иногда блестящие гипотезы, в большинстве случаев утверждения автора остаются столь же спорными, как и опровергнутые им теории.

Отчасти это признает и сам автор, как видно из его слов, что «выяснение этнического состава тюркских народностей, при помощи между прочим современного их племенного и родового состава и исторических известий, остается задачею будущего», так как «главные препятствия успехам науки в данной области», именно «скудость сведений о современном племенном и родовом составе сохраняющих родовой быт или значительные его остатки тюркских народностей и малодоступность и неразработанность китайских исторических известий о древних тюркских народах и племенах», только «начинают со временем устраняться» (стр. 15). К этому можно прибавить, что и мусульманские источники еще далеко нельзя признать достаточно разработанными; при таких условиях незнание восточных языков не могло не отразиться на книге г-на Аристова. Знание языков необходимо, конечно, прежде всего для филологических соображений и теорий; между тем все авторы-неориенталисты, писавшие о тюрках, от Риттера до г-на Каёна [1] включительно, за отсутствием точных исторических данных сближали между собой различные народы на основании звукового (обыкновенно случайного) сходства в их названиях и других собственных именах. К сожалению, этот прием, несовместимый, как нам кажется, с современным понятием о научном исследовании, широко применяется и г-ном Аристовым (укажем в особенности на стр. 137 и 143). Наконец мы должны указать еще на одно обстоятельство, отразившееся на трудах автора, именно на его недостаточное знакомство с методами исторической науки. Мы увидим, что среди теорий г-на Аристова встречаются и такие, которые покажутся невозможными каждому историку, независимо от знания языков и быта восточных народов.

Вопрос «о начальном происхождении тюрков и их прародине» автор справедливо отказывается решить и полагает только, что «большая часть главных тюркских племен первоначально обитала в Алтае, как это свидетельствуют древние тюркские народные предания и удостоверяют племенные имена, получившие свое начало от названий местностей (рек, урочищ) в Алтае» (стр. 46). Древнейшим тюркским государством считается империя хуннов, хотя вполне ясных доказательств в пользу тюркского происхождения этого народа мы не имеем; г-н Аристов, как и его предшественники, приводит только тот довод, что «по китайским известиям гаогюйцы и тюрки были потомками хуннов и язык гаогюйцев был сходен с хуннуским, хотя и была небольшая разница». Этот довод признается им вполне доказательным (стр. 16), хотя известно, как мало доверия заслуживают теории средневековых писателей о происхождении народов и сходстве языков, притом существовавших в разное время; этнографическое различие между монголами и тюрками одинаково мало сознавали китайские и мусульманские писатели. Хуннские имена и титулы, сохранившиеся

---

[1] *Introduction*. См. нашу рецензию на эту книгу: Бартольд, ЖМНП, ч. CCCV, 1896; ⟨выше, стр. 240⟩.

в китайской транскрипции, не поддаются толкованию из тюркских языков; «единственная сохранившаяся на хуннском языке фраза» (стр. 18), также, впрочем, не вполне понятная, относится к IV в. н. э. и поэтому еще не доказывает, что и в III в. до н. э. хунны говорили по-тюркски. Из современников хуннов автор считает тюрками кангюйцев (канглы), усуней и вытесненных последними из Семиречья саков [2] (у китайцев сэ). Всего сомнительнее, конечно, тюркское происхождение последних, в пользу которого приводится (стр. 135—136) только звуковое сходство со словами *саха* (народное название якутов), *сагай* (название енисейских тюрков) и *саяк* (одно из кара-киргизских поколений). Усуни, по мнению автора, еще ранее III в. до н. э. отделились от енисейских киргизов, кочевали между Танну-Ола и восточным Тянь-Шанем [3] и около половины II в. до н. э. двинулись в западный Тянь-Шань (стр. 121). «Истинное их народное имя было всегда Кыргыз» (стр. 24); название усуней они, вероятно, получили «по имени рода, которому принадлежала властвовавшая династия» до V в. н. э. В тюркской империи те же усуни, или киргизы, составляли пять аймаков нушиби (происхождение этого названия, по справедливому замечанию автора, еще не выяснено); названия двух аймаков (асиги и гэшу) можно сблизить с названиями кара-киргизских родов (ассыг и кучук). Хотя киргизы (т. е. наши кара-киргизы) упоминаются на своей теперешней родине только в XVI в. (стр. 40), все-таки автор отрицает возможность движения их на юго-запад в средние века; в X и XI вв. этого не допустили бы «могущественные карлыкские ханы», в XII в. кара-кидани (т. е. кара-китаи), позднее монголы (стр. 121). Как усуни, так и киргизы антропологически резко отличались от прочих тюрков; г-н Аристов объясняет эти антропологические признаки смешением тюрков с динлинами китайских писателей; в динлинах он видит предков так называемых енисейских остяков (стр. 48—54). Последнее мнение очень любопытно и, как нам кажется, основательно; но остальные теории автора об усунях и киргизах едва ли могут быть приняты. Г-н Аристов (конечно, не по своей вине) не мог воспользоваться самыми подробными мусульманскими сведениями о Семиреченской области, именно рукописью Туманского (до сих пор не изданной) и главой о тюрках из сочинения Гардизи, помещенной в приложении к моему «Отчету о поездке в Среднюю Азию» (вышедшему

---

[2] Юечжийцев г-н Аристов, подобно Вивьен де Сен-Мартену, справедливо считает тибетцами; приведенные им доказательства (стр. 17) кажутся нам вполне достаточными. Надо надеяться, что теперь окончательно отойдет в область предания фантастическое сближение юечжийцев с массагетами, впервые предложенное Абель-Ремюза (*Sur peuples du Tibet*, p. 200), отвергнутое Вивьен де Сен-Мартеном (*Les Huns Blancs*, p. 38) и возобновленное Григорьевым (*Саки*, стр. 137). 〈См. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 25, прим. 2; о языке хуннов см. выше, стр. 33〉.

[3] По китайским известиям, первоначальные жилища усуней находились несколько южнее; ср. Бичурин, *Собрание сведений*, III, 65. 〈См. также наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 25—30.〉

в свет только в 1897 г.). Эти сведения настолько подробны, что, если бы киргизы в IX и X вв. жили в Семиречье, мы непременно имели бы известие об этом. Как мы знали уже из китайских источников, киргизы всегда были союзниками карлуков [4] (вероятно, также в борьбе с токуз-огузами); из рукописи Туманского мы узнаем, что город Пенчул (соответствовавший нынешнему Аксу), находившийся в пределах карлукских владений, перешел сначала в руки токуз-огузов, потом в руки киргизов. Итак, в X в. несомненно происходило движение киргизов на юго-запад, вероятно через Кульджинский край. В XII в. кара-китаи, двигаясь на запад, прошли через землю енисейских киргизов; очень возможно (хотя прямых известий об этом мы не имеем), что часть киргизов приняли участие в этом движении и впоследствии в движении монголов. Итак, вопрос о том, когда кара-киргизы поселились на своей теперешней родине, должен, по нашему мнению, остаться открытым [5].

После падения империи хуннов господство в Монголии на некоторое время перешло к тунгусским народам; часть хуннских родов переселилась на запад, где смешалась с финнами. Этим хуннам г-н Аристов приписывает основание царств хазарского и болгарского (стр. 126—127). Хазары (ܟܣܪ) и болгары (ܒܘܠܓܪ) упоминаются среди народов Южной России уже сирийским писателем VI в.[6]; но хазарского царства на низовьях Волги в это время, судя по рассказам византийцев, еще не было. Мы полагаем, что в этом случае г-н Иловайский [7] прав и что действительно существует аналогия между образованием этого царства (после распадения тюркской империи) и образованием золотоордынского ханства в монгольский период. Кроме упомянутых народов византийцы (как и названный сирийский писатель) говорят еще о сарагурах, оногурах и других; академик В. В. Радлов [8] думал видеть здесь следы имени уйгуров; г-н Аристов отвергает это сближение, но и предложенное им объяснение так же мало состоятельно. Тожество названия тюркских уйгуров с названием финских угров, или югров, еще до В. В. Радлова предположенное Кастреном [9], мы считаем более чем сомнительным; но еще менее вероятно, что все эти названия происходят от слова *гур* (по-монгольски ‘народ’), что

---

[4] Там же, I, 449.

[5] Не разделяя теории автора о происхождении усуней, мы, однако, не можем не согласиться с его словами, что «усуньской старине как-то суждено быть предметом ошибочных гипотез» и что остатки киргизских построек, находимые на берегах Иссык-Куля или на дне его, не могут принадлежать кочевникам-усуням (стр. 26). ⟨О формировании киргизского народа на территории Тянь-Шаня см. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 489—520.⟩

[6] Захарий Ритор, изд. Ланда, 337. Указанием на этот интересный источник я обязан проф. Нёльдеке.

[7] *Разыскания*, стр. 256, 260.

[8] *К вопросу об уйгурах*, стр. 108—116.

[9] *Ethnologische Vorlesungen*, S. 93—103.

это же слово скрывается в титуле *гурхан* и что оно «попало к древним тюркам, монголам и прочим из языка какого-нибудь более древнего народа».

Тюркские народы, оставшиеся в Монголии и в приалтайских областях, были известны китайцам под общим названием гаогюйцев, или телэ; это слово, по мнению автора, сохранилось в имени алтайских телеутов (монгольское мн. ч. от *телэ*) и теленгутов [10] (стр. 67). В VI в. образовалась новая тюркская империя. По мнению г-на Аристова, не только основатели империи, но и все их соседи были тюрками; таковыми признаются даже татары и татаби (хи китайских источников, впоследствии, как полагает автор, известные под названием онгутов, или белых татар, ныне омонголившийся аймак Ониют). Еще в том же VI в. империя тюрков распалась на два государства, восточное и западное; в состав западного вошли десять аймаков (поколений), именно пять аймаков дулу и пять нушиби [11]. Род дулу, или тулу, упоминается и в числе гаогюйских родов V в. н. э.; кроме того, автор сближает это название с именем рода Дуло, из которого происходили болгарские князья, и с названием современного поколения дулат (стр. 23—24). Первое сближение может быть основательно, но второе кажется нам совершенно немыслимым. Как в другом месте упоминает сам автор (стр. 42—43), название этого поколения до XVI в. включительно писалось дуглат; эти дуглаты, которые еще в XIII в. были ближайшими соседями живших на Селенге тайджиютов и которых Рашид ад-дин [12] считал чистыми монголами, едва ли имеют что-нибудь общее с тюркскими дулу.

Образование и распадение тюркской империи, как всегда было в подобных случаях, повлекло за собой значительное передвижение тюркских народов. В этом передвижении г-н Аристов отводит крайне незначительную роль народу огузов (гузов), что едва ли подтверждается историческими известиями. По его мнению, огузы и уйгуры — в сущности один и тот же народ, в разное время, в зависимости от преобладания того или другого рода, носивший разные названия; тюрки-тукю [13] не входили в состав огузов, но покорили их (стр. 21—22); на западе «имя гузов, т. е. огузов, появилось уже во времена арабских географов»; его приняли роды канглов и кипчаков в VIII—X вв., может быть для того, чтобы отличить себя от покоренной карлуками восточной части канглов (стр. 144—145).

---

[10] В другом месте (стр. 20) автор, кроме того, сближает слово *теленгет* с *далянь*, названием одного из гаогюйских родов.

[11] Среди названий поколений встречаются названия чу-юе, чуми, чумугунь и чубань, из чего г-н Аристов заключает, что некогда было «особое тюркское племя, которое следовало бы именовать чуйским». Конечно, это — только гипотеза, хотя автор считает свой вывод несомненным.

[12] Изд. Березина, I, пер., 207.

[13] 〈Совр. чтение — туцзюе.〉

Между тем в орхонских надписях хан, обращаясь к своему народу, называет его токуз-огузами [14] или просто огузами [15], из чего можно заключить, что слово *огуз* не только обозначало северных соседей тюрков-тукю, но употреблялось и в более широком смысле, в качестве синонима слова *тюрк*. На похороны Кюль-тегина с запада в качестве посла тюргешского хана прибыл «мудрый тамгачи огузов» [16]; из этого можно заключить, что термин *огуз* (в обширном значении) употреблялся и на западе. Итак, огузы, основавшие после падения западнотюркской империи новое государство, центр которого был на низовьях Сыр-Дарьи, и впоследствии двинувшиеся на юго-запад, были прямыми потомками тюрков-тукю и не имели ничего общего с канглами. Лингвистические данные, как нам кажется, также говорят скорее в пользу нашей теории, чем в пользу предположений автора. По мнению г-на Аристова, от канглов и кипчаков одинаково происходят как юго-западные тюрки [17], так и волжские татары, башкиры и другие; они же «принимали значительное участие в составе узбеков, сартов и киргиз-казаков, так что более двух третей всех ныне существующих тюрков происходит от канглов и кипчаков». Чем в таком случае объяснить близкое сходство южнотюркских наречий с языком орхонских надписей [18] и существенное отличие их от «западных диалектов» В. В. Радлова, т. е. от языка киргизов, башкиров и волжских татар? Изучение истории тюрков и памятников тюркского языка приводит нас к тому заключению, что, как и полагает В. В. Радлов, три главные группы тюркских наречий (среднеазиатские диалекты представляют смешение диалектов разных групп) несомненно существовали уже в период тюркской империи; в языке огузов орхонских надписей, предков южных тюрков, мы уже находим в смягченном виде многие звуки, сохранявшие твердое произношение еще в чагатайском литературном языке. Вследствие этого мы не

---

[14] Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, Neue Folge, S. 150; Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, p. 115.

[15] Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, Neue Folge, S. 136; Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, p. 105.

[16] Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, Neue Folge, S. 149; Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, p. 114.

[17] Утверждение автора, будто «Сельджук, по Рашид ад-дину, происходил из племени канглы» (стр. 137), вероятно, основано только на ошибочном чтении проф. Березина (Рашид ад-дин, изд. Березина, I, пер., 30); сам проф. Березин страницей выше читает *катык* (قتيق); по мнению проф. Хаутсмы (*Die Ghuzenstämme*, S. 226), правильное чтение *кынак*. Османы происходили из рода кайи, или кайи-ханлы; второе слово происходит от слова *хан* (г-н Аристов цитирует д'Оссона — *Histoire des Mongols*, t. I, p. 293, но и там стоит Khanli, а не Kanli), так что, вопреки мнению г-на Аристова (стр. 138), и османы не происходили из канглов. ⟨О правильном чтении этих родовых названий см. выше, стр. 94.⟩ Огузский род баят, из которого происходил патриарх Коркуд, вероятно, имеет так же мало общего с родом канглов баяут (стр. 143), как с монгольскими баяутами (Рашид ад-дин, изд. Березина, I, пер., 175).

[18] Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, Neue Folge, S. 44.

можем отожествить ни уйгуров с огузами [19], ни гузов с команами (стр. 127). С другой стороны, тожество команов с кипчаками и близкое родство последних с канглами не подлежит сомнению; мусульманские писатели XII и начала XIII в. употребляют слова *канглы* и *кипчак* почти как синонимы [20]. Если можно сблизить между собой названия кангюй и канглы, то канглы некогда были самым западным из тюркских народов (в пользу тюркского происхождения части европейских скифов до сих пор нет никаких доказательств); в пользу этого говорил бы факт (если бы он подтвердился), что тюркский элемент в мадьярском языке примыкает к западной группе тюркских диалектов [21]. После основания тюркской империи преобладание и на западе перешло к огузам, которые приняли участие в движении из Азии в Европу; сюда, может быть, следует отнести движение печенегов (среди огузских родов упоминается род бичне), также узов византийских писателей, торков (по мнению г-на Аристова — тюргеши) и берендеев (вероятно, огузский род баяндыр) наших летописей. Постепенно, однако, в нынешних киргизских степях снова получили преобладание кипчаки (канглы); они вытеснили огузов с низовьев Сыр-Дарьи, где мы в конце XII в. находим кипчакское владение [22], и из Южной России; им, как известно, принадлежит древнейший литературный памятник западнотюркских диалектов.

В Туркестане (по терминологии мусульманских писателей, т. е. в стране тюркских кочевников, простиравшейся от границы мусульманских владений до Китая) господство после распадения западнотюркской империи перешло к трем народам: гузам (огузам), карлукам и токуз-огузам (ветви этого народа, переселившейся на восток из западнотюркского государства). На основании известных до сих пор данных г-н Аристов, подобно Григорьеву, должен был прийти к заключению, что Караханиды, в конце X в. объединившие под своей властью почти весь Туркестан, были карлуками; между тем данные, приведенные в рукописи Туманского, показывают, что в борьбе между токуз-огузами и карлуками первые

---

[19] В пользу этого отожествления г-н Аристов, между прочим, приводит следующее соображение: «Легенды об Угуз-хане встречаются не только у туркменов, но и у уйгуров, судя по изданному В. В. Радловым переводу отрывка рукописи уйгурского письма из библиотеки Шефера» (стр. 144). Язык этого отрывка, однако, существенно отличается от восточнотюркских наречий; автором легенды, вероятно, был не уйгур, а житель киргизских ⟨=казахских⟩ степей, где, как известно, долго жили огузы. ⟨О современной историко-лингвистической классификации тюркских языков см. Баскаков, *Введение*, стр. 176—306.⟩

[20] Известно, что мать хорезмшаха Мухаммеда, по Джувейни, происходила из канглов; другие источники называют ее кипчакской царевной; ее родственники тоже часто называются кипчаками; ⟨ср. Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 27; наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 294⟩.

[21] Vámbéry, *Das Türkenvolk*, S. 281; ⟨ср. выше, стр. 38 и 195⟩.

[22] О нем и его отношениях к Хорезму подробно говорит Джувейни. В качестве соседей Хорезма кипчаки упоминаются уже у Бейхаки (изд. Морлея, 91), т. е. в XI в.

постоянно одерживали верх [23] и что передовая ветвь токуз-огузов, именно поколение ягма, в конце IX или в начале X в. уже владела частью Восточного Туркестана с городом Кашгаром (будущей столицей Караханидов) и частью Семиречья к югу от Нарына. Из другого, тоже еще не напечатанного источника [24] мы знаем, что начальник этого поколения носил титул Богра-хана (очень обыкновенный у Караханидов); кроме того, сельджукский везир XI в. Низам ал-мульк упоминает о взятии Баласагуна языческими тюрками около 940 г. [25]. К этому времени мы, следовательно, можем отнести падение карлуков и начало господства Караханидов в Чуйской долине. Карлуки, по-видимому, должны были удалиться в северную часть Семиречья, где еще в XIII в. существовало карлукское владение. Итак, Караханиды и их народ, по нашему мнению, происходили из токуз-огузов [26]. Пребывание в течение двух столетий в стране уйгуров Восточного Туркестана, уже в V в. н. э. имевших письменность, не могло не отразиться на языке огузов; кроме того, как указывает и г-н Аристов (стр. 164), в Восточный Туркестан после разрушения уйгурского царства на Орхоне (IX в.) удалилась часть уйгурских родов. Этим объясняется, что язык составленной в государстве Караханидов поэмы *Кутадгу билик* существенно отличается от языка орхонских надписей и принадлежит к восточнотюркским наречиям.

О том, какое влияние на передвижение тюркских народов имело образование империи кара-китаев (Западных Ляо) в XII в., мы не имеем почти никаких известий. Гораздо важнее по своим последствиям было усиление монголов в XIII в. Ориенталисты начала нашего века большею частью полагали, что этнографические условия Монголии в XIII в. были почти такие же, как теперь, и что еще до Чингиз-хана вся нынешняя Монголия была населена народами монгольского происхождения [27]. Впоследствии некоторые этнографы старались доказать тюркское происхождение многих из этих народов; дальше всех в этом направлении пошел Ховорс, признавший тюрками целый ряд могущественных народов Монголии, в особенности кераитов, найманов и мергитов. Г-н Аристов, однако, идет еще дальше и считает тюрками даже те народы, в которых Ховорс видел монголов или тунгусов, как татар [28] и онгутов [29]. По теории автора, Монголия вплоть до Чингиз-хана была занята тюрками, «за исключением

---

[23] Впрочем, указание на этот факт (со слов Кудамы) уже было приведено (Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 22; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 289⟩).

[24] *Муджмал ат-тавāрӣх*, 273. ⟨Об издании этого сочинения см. наст. изд., т. I, стр. 72, прим. 7.⟩

[25] Это известие теперь приведено в моем *Отчете о поездке в Среднюю Азию*, стр. 35; ⟨наст. изд., т. IV, стр. 52⟩.

[26] ⟨О происхождении Караханидов см. выше, стр. 73.⟩

[27] Abel-Rémusat, *Recherches*, pp. 237—240.

[28] Howorth, *History of the Mongols*, pt I, pp. 700—703.

[29] Ibid., pt I, p. 26.

ее крайней северо-восточной части, где появились монголы»; тем не менее монголы покорили тюрков и отняли у них лучшие земли; при этом «значительная часть тюрков Монголии осталась на своих местах, но омонголилась окончательно вероятно еще в XIII столетии» (стр. 31—32). Если монголы до Чингиз-хана действительно занимали только ту небольшую область, которую им отводит г-н Аристов, то число их в сравнении с тюрками не могло не быть крайне незначительным. При благоприятных обстоятельствах и при гениальных дарованиях Чингиз-хана такая малочисленность, может быть, не исключала бы возможности военных успехов монголов, даже не помешала бы им наложить на покоренных свое имя; но при таких условиях было бы совершенно немыслимым не только «омонголение» нескольких сильных народов в период времени меньше ста лет, но и сохранение монголами своего языка; неизбежным последствием побед Чингиз-хана было бы образование нового тюркского народа, хотя бы под названием монголов.

Определить, какие из перечисленных у Рашид ад-дина народов Монголии были тюрками, какие монголами, — задача в настоящее время едва ли разрешимая; еще проф. Березин [30], указывая на географическое название Секиз-мурэн ('Восьмиречье'), обратил внимание на то, «до какой степени смешивались здесь языки». Мнение Ховорса о тюркском происхождении кераитов, найманов и других основывается главным образом на их тюркских именах и титулах [31]; между тем это явление гораздо проще объясняется культурным влиянием уйгуров, которому христианские кераиты и найманы, естественно, подвергались в большей степени, чем остальные народы. Влияние других культурных народов также проявлялось главным образом в именах и титулах; так, брат кераитского хана носил тибетский титул *Чаханьбо*; сын того же хана известен только под своим китайским титулом *Сенгун*; впоследствии младший сын каана Угэдэя, получивший мусульманское воспитание, носил имя Мелик. С другой стороны, ввиду того низкого культурного уровня, на котором стояли монголы, можно объяснить только монгольским происхождением монгольские личные имена, все-таки встречающиеся у кераитов и найманов. Дед Ван-хана носил имя Маргуз, в форме Маргус встречающееся у монголов [32] и едва ли, вопреки высказывавшемуся иногда мнению [33], имеющее что-нибудь общее с христианским Марк; имя его жены Хутухтай (орфография допускает также чтение Хутухту) также чисто монгольское. Сами монголы, как показывает написанное еще в первой половине

---

[30] Рашид ад-дин, изд. Березина, I, пер., 249.

[31] Howorth, *History of the Mongols*, pt I, p. 693 sq. Такого же взгляда Ховорс держался и впоследствии; ср. его статью о кераитах (Howorth, *The northern frontagers*, pt VIII, p. 379): «These names will suffice to prove that the Keraits were Turks and not Mongols».

[32] Как указал еще проф. Березин (Рашид ад-дин, I, пер., 259).

[33] Между прочим Ховорсом (*History of the Mongols*, pt I, p. 697).

XIII в. героическое сказание, считали своими кераитов и мергитов [34]. Еще менее данных можно привести в пользу тюркского происхождения татар; самый титул татарского Нор-Буюрук-хана [35] является красноречивым свидетельством в пользу факта, что тюркские титулы встречались и у народов, говоривших по-монгольски.

Из народов Западной Монголии монголами несомненно следует признать ойратов, живших у верховьев Енисея, непосредственно к югу от киргизов; по прямому свидетельству Рашид ад-дина [36], язык ойратов отличался от монгольского только некоторыми диалектическими особенностями. Монголами, вероятно, были также найманы, которым принадлежало господство в Западной Монголии. Вопреки мнению г-на Аристова нам, по историческим аналогиям, кажется гораздо правдоподобнее видеть в названии этого народа монгольское числительное *найман* (ʻвосемь'), чем производить его от названия реки Найма (приток Катуни). По мнению автора, «что найманы были искони тюрками, это удостоверяется нынешним тюркским языком этого многочисленного племени; отуречение первоначально монгольских найманов было бы несогласно со всем ходом истории Средней Азии» (стр. 87). Этот «ход истории» основан, однако, только на более чем сомнительных гипотезах самого автора. Мы решительно не понимаем, почему г-н Аристов считает невозможным отуречение некоторых монгольских элементов, переселившихся в западную часть Средней Азии. Это явление особенно заметно в истории узбеков [37], и нет основания полагать, что его не было в истории родственных им казаков. Из «многочисленных племен», вошедших в состав казацкого союза, одно, именно кунграты, носит имя, которое сам г-н Аристов справедливо считает именем первоначально монгольского племени (стр. 96). Автор и тут не хочет верить в отуречение монголов; по его мнению, «вероятно часть четырех тысяч, данных Джучию отцом, состояла из конгратов; они несомненно имели большое значение при дворе Джучидов и в управлении подвластными народами. Все это делает понятным образование в уделе джучиевом, в кипчакской орде, союза местных тюркских родов с именем конграт». Даже если принять такое объяснение, все-таки естественно возникает вопрос: не мог ли образоваться таким же образом союз тюркских родов с именем найман?

В период монгольского владычества образовались важнейшие из существующих тюркских народностей. Из них в книге г-на Аристова подробнее всего рассматривается киргиз-казацкий [38] народ, занимающий по численности второе, по пространству своих земель первое место среди

---

[34] Ср. *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 54, 57, 171—172. В подлиннике, как мне сообщил проф. А. О. Ивановский, вместо *дада* стоит *манхол*.

[35] Рашид ад-дин, изд. Березина, I, пер., 96—97.

[36] Там же, 79.

[37] См. намеки на него у Абулгази (*Родословная тюрок*, изд. Демезона, II, 196).

[38] 〈Казахский.〉

современных тюрков; кроме того, этот народ «больше всех тюркских народностей сохранил скотоводческий и кочевой образ жизни и родовой быт, почему родовые и племенные деления и их имена держатся у него с наибольшею силою и ясностью» (стр. 76). Автор приходит к заключению, что «народ киргиз-казацкий сложился главным образом из племен канглы, кипчак, чу (дулат), аргын, найман, кирей и алчин» (стр. 120). Дулатов, найманов и киреев (кераитов), по нашему мнению, следует причислить к монгольским элементам; слово *аргын*, по интересной и очень правдоподобной догадке г-на Аристова, означало «помесь». Такое значение Марко Поло придавал слову Argon и отожествлял его со словом Gasmul; г-н Аристов, ссылаясь на Потье, приводит свидетельство Дюканжа («Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis»), что «Basmoule или Gasmoule именовались в Византийской империи потомки отца француза и матери гречанки» [39]; отсюда делается вывод, что басмылы орхонских надписей (басими китайских источников) также были «смесью многих, вероятно разного происхождения родов» (стр. 91—92). Термин с таким значением мы, как известно, имеем и в новейшей истории тюрков (курама). Название племени алчин, главного племени Малой орды, сближается с названием «пегого народа», *ала*, и полумифической страны Алакчин, где «все лошади пегие, а очаги золотые»; кроме того, приводится, со слов Казанцева, малоордынское сказание о хане Алача, или Алачене, во владениях которого стали рождаться «пегие или чубарые люди» (стр. 106—107). На основании всего этого автор приходит к заключению, что «в основе племени алчин лежала помесь тюрков с западными динлинами» (енисейскими остяками). Итак, чисто тюркскими элементами, вошедшими в состав киргиз-казацкого народа и, как видно из его нынешнего тюркского языка, составлявшими главную часть его, можно признать только канглов и кипчаков; естественно, что язык киргиз-казаков принадлежит к западной группе тюркских наречий. Влиянием тех же канглов, вероятно, следует объяснить факт, что кара-киргизское [40] наречие стоит гораздо ближе к киргиз-казацкому, чем к языку енисейских тюрков. О канглах и кипчаках, вошедших в состав кара-киргизского народа, говорится и у г-на Аристова (стр. 122); кроме того, можно привести ряд исторических свидетельств, показывающих, что жилища канглов некоторое время простирались довольно далеко на восток. В начале XII в. канглы, вместе с карлуками, угрожали Баласагуну [41]; тюркское владение в Алмалыке, образовавшееся в XIII в., может быть, было основано канглами [42]; наконец, по Рашид ад-дину, канглы жили также

[39] Марко Поло, изд. Потье, I, 216.

[40] ⟨Киргизское.⟩

[41] См. рассказ Джувейни у d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, p. 442.

[42] Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 29. Вопреки сказанному там, вопрос о том, стояло ли у Джувейни قنقليان или قرلغان, далеко не так ясен. Ближайшее исследование ханыковской рукописи показало мне, что она

в земле найманов, около верховьев Иртыша[43]. Последнее свидетельство показывает, что киргизы могли подвергнуться влиянию канглов еще до своего переселения в Семиречье, даже если это переселение произошло не до рождества Христова, как полагает г-н Аристов, а уже в монгольский период.

Из остальных событий истории тюрков самыми важными, на наш взгляд, являются переселение нескольких тюркских орд в Китай, вытеснение части тюрков на отдаленный северо-восток, где они образовали якутский народ, и постепенное отуречение оседлого населения Восточного и Западного Туркестана (в последнем этот процесс, как известно, еще не совсем закончен). Потомками в разное время переселившихся в Китай и окитаившихся хуннов, тюрков и уйгуров автор считает дунган (стр. 18, 172). Якутов г-н Аристов, на основании исторических и этнографических данных, считает потомками енисейских тюрков и сближает народное название якутов (саха) с названием енисейских сагайцев; переселение якутов с берегов Енисея на берега Лены произошло, по его исследованию, вероятно, в XIII в. (стр. 57—59). Отуречение туркестанских иранцев приписывается главным образом карлукам (стр. 165, 172), хотя начало этого процесса г-н Аристов, считая тюрками усуней и саков, относит к гораздо более раннему времени (стр. 163). Теперь отуреченные таджики известны под названием сартов — термин, который в средние века был синонимом слова *таджик*. Происхождение слова *сарт* до сих пор не выяснено; в обсуждении этого вопроса принимал участие и пишущий эти строки, ошибочно полагавший, что сарты не упоминаются у писателей домонгольского периода[44]; г-н Аристов (стр. 157) напоминает приведенный еще у Вамбери[45] факт, что термин *сарт* уже употреблен в поэме *Кутадгу билик* (XI в.). Очень вероятно, что монголы, в числе многих других терминов, заимствовали его у уйгуров. В настоящее время слово *сарт* даже в официальной статистике не имеет определенного, всеми признанного значения и сарты часто смешиваются с узбеками. Статистика Самаркандской области не признает сартов, а только узбеков и таджиков; с другой стороны, «в ферганской статистике почти нет узбеков, и все оседлое население именуется сартами» (стр. 156). Г-н Аристов предлагает «называть сартами лишь говорящее по-тюркски оседлое и утратившее родовые быт и деления население Сыр-Дарьинской и Ферган-

---

в большинстве случаев достовернее и, вероятно, древнее долгоруковской. Если чтение Шереф ад-дина Йезди указывает на форму قنقليان, то Вассаф, также пользовавшийся Джувейни, пишет قرلغان (ср. Вассаф, рук., 392). ⟨Соответствующая оговорка была сделана В. В. Бартольдом в немецком издании его работы *О христианстве в Туркестане*; ср. наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 296, прим. 234.⟩

[43] Рашид ад-дин, изд. Березина, I, пер., 108; текст, 137.

[44] Бартольд, *Еще о слове «сарт»*. ⟨См. также наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 310—314, 527—529.⟩

[45] *Das Türkenvolk*, S. 371.

ской областей» (стр. 157). Автор знает, что «для перешедших к оседлой жизни кочевников утрата родового быта и родовых делений есть только вопрос времени», но, по его мнению, для этого «большею частью время все-таки требуется немалое» (стр. 155). Если предложение г-на Аристова будет принято, то слово *сарт* будет иметь скорее бытовое, чем этнографическое значение; по замечанию самого автора, сюда войдут, кроме отуреченных таджиков, еще «помеси тюрков разных племен между собой и с другими сверх таджиков инородцами (напр. с афганцами, потомками арабов и пр.)». Такое соображение не останавливает автора, полагающего, что «это не помешает сартам быть или сделаться довольно однородной народностью, так как единство языка, религии, занятий и быта неизбежно повлечет за собою и антропологическое слитие путем браков и метисации». Против этого можно возразить, что для такого антропологического (и лингвистического) слития также «время все-таки требуется немалое». Так как основным признаком народа является язык, то, как нам кажется, точное разграничение сартов и узбеков возможно только путем точного определения тех признаков, по которым наречие сартов отличается от узбекского.

В заключение мы должны отметить еще одно крупное недоразумение, проходящее через всю историческую часть книги. Г-н Аристов едва ли не все явления истории тюрков выводит из родового быта; образование кочевых империй объясняется усилением отдельных родов или племен, распадение их — стремлением родов и племен к самостоятельности (стр. 10). Исторические известия показывают, что в двух случаях, именно при восстановлении восточнотюркского государства (VIII в.) и при образовании империи монголов (XIII в.), переворот в жизни кочевников находился в связи с борьбой между степной аристократией и демократическими элементами, причем борьба в первом случае кончилась победой демократии, во втором — победой аристократии [46]; к тому же, по прямому свидетельству источников, приверженцы Чингиз-хана, как и приверженцы его главного соперника, состояли из представителей различных родов и племен [47]. Отсутствие подробных данных об образовании других кочевых империй заставляет нас оставить открытым вопрос, происходили ли и там явления, более соответствующие понятию о классовой борьбе, чем понятию о борьбе между отдельными родами и племенами. Отвергаемый г-ном Аристовым (стр. 15) взгляд г-на Каёна, что перевороты в жизни Азии производились «живыми нациями», а не мелкими родовыми единицами, может быть и не так далек от истины. Пишущего эти строки изучение истории Востока все более и более приводит к сознанию тех простых

---

[46] Ср. Бартольд, *Образование империи Чингиз-хана*, стр. 111—114; ⟨см. выше, стр. 257—259⟩.

[47] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 59—62, 69—70; Рашид ад-дин, изд. Березина, II, пер., 124.

истин, что на Востоке, как и на Западе, обширные движения вызывались интересами обширного круга лиц, что в Азии и в Европе действуют одни и те же законы исторической эволюции, что о восточном человеке с таким же правом, как о западном, можно сказать, что «ничто человеческое ему не чуждо», хотя в обоих случаях, в зависимости от бытовых условий, отдельные стороны человеческой натуры могли на более или менее продолжительное время получить почти исключительное преобладание. Под влиянием трудов европейских ориенталистов (особенно немецких) «златой Восток, страна чудес», Восток «Тысячи и одной ночи» постепенно отходит в область легенд; зато перед нами развертывается картина действительной жизни восточных народов и выясняются причины, определившие ход их истории и их роль в истории человечества. В новейших обзорах всемирной истории уже приняты во внимание результаты исследований этих ученых; но для истории Средней Азии подобных трудов до сих пор почти не существует; походы тюрков и монголов описываются в том же фантастическом освещении, в каком до появления трудов Шпренгера, Вейля, Дози, Кремера и других рассказывалась история Мухаммеда и арабов. Ввиду близости к Средней Азии как нашего прошлого, так и нашей современной жизни пополнение этого пробела во всемирно-исторической литературе возможно только при деятельном участии русских ученых. Приветствуя книгу Н. А. Аристова в качестве крупного шага на пути к этой цели, мы в то же время позволяем себе выразить надежду, что ни сам автор, ни будущие исследователи не остановятся на той точке зрения, на которой он стоит в этой книге.

Г. Е. Грум-Гржимайло, Историческое прошлое Бэй-шаня в связи с историей Средней Азии

СПб., 1898. II + 127 стр. 4°

Задачу своего труда автор определяет в следующих словах: «Пользуясь своим знакомством с некоторыми частями Средней Азии, вынесенным из путешествий, совершавшихся, впрочем, с иными целями, я взял на себя труд помочь историкам разобраться в некоторых наиболее запутанных вопросах, которые ставит нам историческая география Средней Азии». Предлагаемая книга «явилась плодом изучения исторической литературы Азии и должна будет составить первые три главы приготовляемого к печати второго тома „Описания путешествия в Западный Китай“»; поэтому она печатается только в 100 экземплярах. В конце предисловия автор выражает благодарность Н. А. Аристову, «который любезно делился с ним своими обширными сведениями по истории Средней Азии». Зависимость от взглядов г-на Аристова, действительно, проявляется в книге г-на Грум-Гржимайло очень часто; между прочим, мы находим у него ту же теорию о тюркском происхождении огромного большинства народов, населявших Монголию до Чингиз-хана. В некоторых вопросах (например, в вопросе о происхождении киргизов) автор, однако, расходится с г-ном Аристовым, от исследования которого книга г-на Грум-Гржимайло, кроме того, существенно отличается категоричностью выводов и резкостью полемических приемов.

Под названием Бэйшань автор понимает всю страну между Тянь-Шанем и «горами системы Куэн-луня, до меридиональной долины р. Эцзина-гола и даже до Ала-шаня». У китайцев этот термин не имеет такого обширного значения, но автор счел себя вправе поступить с ним «точно так же, как прежние географы поступили с местными же китайскими названиями Нань-шань, Тянь-шань и Куэн-лунь, распространив их с одного кряжа гор на целую систему последних» (стр. 2).

Как известно, Восточный Туркестан первоначально был населен арийцами, причем, по мнению автора, здесь господствовал тот же «древний арийский строй общественной и государственной жизни», как в Западном Туркестане (стр. 11). A priori это надо признать очень вероятным, хотя никаких фактических данных в пользу этого, кроме разделения Восточного Туркестана на множество мелких владений, мы не знаем. В во-

просе о постепенном отуречении Восточного Туркестана (стр. 66—67) автор придерживается приблизительно тех же взглядов, как г-н Аристов; кроме того, он старается проследить процесс «заселения свободных земель Джунгарии, Восточного Туркестана и Нань-шаня монголами и омонголенными тюрками». Как из этих слов, так и из приведенных в книге известий (ср. особенно стр. 72) каждый читатель придет к заключению, что население страны в эпоху монгольского владычества должно было увеличиться; между тем сам автор в конце книги приписывает этой эпохе совсем иное значение: «Эпоха Чингиз-хана имела огромное влияние на дальнейшую судьбу Бэй-шаня. Увлеченные этим великим полководцем в его стремлении покорить весь мир, волны кочевников уже не вернулись обратно. Бэй-шань опустел» (стр. 127). Как примирить такое противоречие, мы не знаем; Бэйшань во всяком случае принадлежал к числу завоеванных монголами, а не коренных монгольских земель, и монгольскому завоевателю не было никакого основания «увлекать» население именно этой области. В другом месте очищение кочевниками Бэйшаня приводится в связь с усилением Китая: «Бэй-шань играл у них (кочевников) видную роль до тех только пор, пока в их власти находились и северные подгорья Нань-шаня; когда же здесь осели китайцы, когда вдоль южных пределов Бэй-шаня протянулась стена, остановившая их перекочевки на юг, чем и была, по выражению китайской летописи, „отсечена правая рука у кочевых“, то последние должны были отхлынуть на север и навсегда покинуть пустынный Бэй-шань» (стр. 2—3). И эту теорию (которая сама по себе кажется нам наиболее состоятельной) едва ли можно примирить с предыдущей.

Из частных взглядов, которыми автор расходится с большинством других исследователей, отметим, во-первых, совершенно справедливое указание, что под народом хой-хэ, имевшим сношения с китайцами с начала X в. по 1125 г., нет основания всегда понимать тяньшанских уйгуров (стр. 61); во-вторых, его мнение о дунганах, которых он считает «потомками уроженцев Самарканда, Бухары и других городов турано-иранского Запада, уведенных в качестве пленных и насильно поселенных монголами в пределах Китая» (стр. 65). Трудно согласиться со взглядом автора, что его теория «вполне удовлетворительно разъясняет одну из этнических загадок»; мы не знаем никаких фактов, указывающих на антропологическое родство дунган с таджиками и сартами. Но, как гипотеза, мнение г-на Грум-Гржимайло несомненно имеет такое же право на существование, как столь же мало доказанные взгляды прежних исследователей. Интересно указание автора на развалины города Эцзины, упоминаемого, между прочим, у Марко Поло и бывшего некоторое время важным административным и торговым центром; эти развалины, «известные у современных монголов под именем Харчеджи-хана-хото, и до сих пор еще сохранились на левом берегу (в нескольких верстах от реки и к северу от уроч. Харамогты) р. Эцзин-гола» (стр. 62). В другом месте автор выражает

предположение, что местность Токуз-Эрсен, упоминаемая в орхонских надписях как крайний предел походов Бильге-хана на юге, может быть тожественна с долиною Эцзин-гола (стр. 46).

История страны (очерк доведен до последнего завоевания Восточного Туркестана китайцами и до возвращения Китаю Кульджи) излагается, конечно, главным образом на основании китайских источников, подробно изученных автором по переводам и пересказам как русских, так и французских синологов. Для истории «тукиэсцев» (по правописанию Иакинфа, сохраненному автором) он, кроме того, пользовался византийскими источниками и литературой об орхонских надписях. Автор самым решительным образом отвергает взгляды пишущего эти строки и вместе с проф. Томсеном полагает, что под Железными воротами надписей можно разуметь только проход Бузгала, под народом согдак — только население Согдианы [1] (стр. 37—38). В другом вопросе автор полемизирует и с проф. Томсеном, который не решился отожествить Бумын-кагана и Эситми-кагана [2] надписей с Тумынем и Исиги китайских историков (стр. 38). Очевидно, для автора не существует филологических затруднений, вроде вопроса, почему китайцы или тюрки переделали звук *б* в *т* или обратно и как слово *Эситми* могло обратиться к *Исиги*.

Менее всего автор, по-видимому, изучил мусульманские источники, даже переведенные на европейские языки; этим объясняются некоторые из сделанных им промахов. Особенно странной кажется нам теория о двух местностях Суй-е, одной в Чуйской долине, другой в долине верховий Джанарта, где будто бы находилась некоторое время главная орда тюргешей (стр. 37). Между тем арабский географ Ибн Хордадбех [3], подробно описывающий маршрут через Чуйскую долину, там же помещает «город тюргешского хана»; китайские известия о местности Суй-е тоже не дают основания предполагать две местности с этим названием, если не признать непогрешимыми китайские определения стран света, вопреки вопросительным знакам, которыми эти определения снабжаются почти во всех европейских переводах [4]. Иногда события рассказываются автором в не-

[1] Отвечать автору на резкую критику моих взглядов ⟨высказанных в статье Barthold, *Die historische Bedeutung*⟩ здесь, конечно, не место; кроме того, мне теперь приходится изменить эти взгляды под влиянием других, более существенных возражений, ответ на которые будет помещен в новом выпуске книги В. В. Радлова *Die alttürkischen Inschriften* ⟨Zweite Folge; см. Barthold, *Die alttürkischen Inschriften*, а также ниже, стр. 284 и сл.⟩. Здесь позволю себе только заметить для читателей, незнакомых с моей немецкой статьей, что г-н Грум-Гржимайло не приводит двух существенных доводов в пользу моей теории: во-первых, чтение *Самарканд* имеется во всех известных мне рукописях Джувейни и в сочинениях авторов, пользовавшихся этим трудом; во-вторых, согдийские колонии, по свидетельству персидского географа X в. ⟨см. *Худӯд ал-ʻāлам*⟩, были еще восточнее, чем Джунгария, именно в стране токуз-огузов.

[2] ⟨Истеми-кагана.⟩

[3] Ибн Хордадбех, пер., 21.

[4] Более вероятно другое предположение автора, что у китайцев некогда носила название Суй-е вся местность «между Алатау—Кок-шалом, между верховьями Чу и

верном освещении; так, мы знаем из слов Мухаммед-Хайдера, что в конце царствования Юнус-хана монголы большею частью отделились от него и признали своим государем его младшего сына Ахмеда; но этот факт не вызвал междоусобной войны, так как Юнус не преследовал удалившихся [5], а Ахмед, насколько известно, всегда признавал себя в зависимости от отца, впоследствии от старшего брата. Между тем, по словам г-на Грум-Гржимайло, Ахмед «пошел войной на отца и овладел всем Могулистаном» (стр. 90). Недостаточное знакомство с мусульманскими источниками или невнимательное отношение к ним проявляется также в искажении собственных имен; так, чагатайского хана Казана автор называет Хассаном (стр. 85), моголистанского хана Махмуда, сына Юнуса, — Мохаммедом (стр. 90—91).

Сам автор называет свой труд «кропотливым и мало благодарным», и мы не решаемся возражать ни против того, ни против другого эпитета. Из этого, конечно, не следует, чтобы мы не признавали за работой трудолюбивого автора никакого значения. История Средней Азии еще так мало разработана, что труд, составленный на основании кропотливых изысканий, хотя и без настоящей исторической и филологической подготовки, не может пройти бесследно; автор в этой книге обнаружил несравненно более обширное знакомство с литературой предмета, чем в своих прежних работах. Не можем не заметить, однако, что «помощь», полученная историками от автора, при других условиях могла бы быть гораздо значительнее. От путешественников мы прежде всего ждем подробных географических и этнографических, по возможности также археологических сведений; такими работами путешественники лучше всего могут помочь рассеять «тот туман, в котором ходили и продолжают ходить кабинетные ученые». В письменных источниках, только отчасти доступных автору (притом только в переводах, иногда сомнительных и противоречивых, см. стр. 83, 94 и другие), «кабинетные ученые», вероятно, разобрались бы и без помощи г-на Грум-Гржимайло. Поэтому мы не можем не пожалеть о том, что «изучение исторической литературы Азии» на время отвлекло нашего автора от гораздо более «благодарной» задачи.

Хан-Тенгри». Приблизительно такой же взгляд высказывает теперь проф. Хирт (*Nachworte*).

[5] Мухаммед-Хайдер, 113.

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ НАДПИСИ И АРАБСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Надписи, открытые Ядринцевым и расшифрованные проф. В. Томсеном, уже породили значительную литературу и все еще продолжают давать материал для новых исследований, как об этом свидетельствуют работы, появившиеся после «новой серии» Радлова [1]. В своей рецензии на Радлова [2] проф. В. Банг удостаивает несколькими замечаниями, на которые я до сих пор еще не ответил, и мою статью об историческом значении надписей [3]. Банг [4] отрицает интерпретацию Радловым слов *iði уксыз* [5], так как в надписях «на каждом шагу встречаются тарканы, беги и шады», и далее замечает: «Рассуждения Бартольда о демократичности ханов или, по крайней мере, Бильге-хана, хотя и весьма хороши, однако никоим образом не соответствуют действительности — и именно по приведенным выше причинам». Относительно отрывка *jäг iði jok äрміш* сделано следующее замечание: «Если бы хан был таким убежденным демократом, каким его изображает Бартольд, то эпитет *jäг* „хороший“, который Бартольд, правда, переводит „могучий“, был бы вряд ли уместен» [6]. Где именно я называю хана «убежденным демократом» — не сказано, да и трудно было бы найти в моей работе такое место. Как доказывают слова *тӱрк кара камыӈ будун*, династия была обязана своим троном низшим классам, народу; поэтому в надписях высказываются некоторые демократические идеи, «сплоченность племенной общины» приписывается всему народу и народ не рассматривается с тем пренебрежением, которое характерно для более позднего монгольского периода. Однако я говорю совершенно отчетливо: хан считал, что обязан троном не воле народа, но божьей милости [7], и новый царствующий дом окружил свой трон «высшей аристократией» [8]. Следовательно, новые ханы вели себя точно так же, как и правители демократического происхождения в Европе.

---

[1] ⟨*Die alttürkischen Inschriften*, Neue Folge.⟩

[2] Bang, *Inschriften.*

[3] Barthold, *Die historische Bedeutung.*

[4] *Inschriften*, S. 5.

[5] ⟨«Не имеющие правящего благородного рода» — Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, Neue Folge, S. 131, 166.⟩

[6] Bang, *Inschriften*, S. 6.

[7] ⟨Barthold, *Die historische Bedeutung*, S. 8.⟩

[8] ⟨Ibid., S. 18.⟩

Оба Наполеона были обязаны своей властью народной революции; оба были менее всего «убежденными демократами» и окружили свой трон высшей военной аристократией; и тем не менее в своих публичных выступлениях Бонапарты и по сей день держатся идеи empire démocratique.

В другом месте [9] Банг пытается доказать, что выражение «если ты не захочешь поселиться на равнине» я понял неверно [10]: под «равниной» понимается не Китай, а та равнина, которая «простирается к северо-северо-востоку от Байкала»; ибо «если бы тюрки выразили намерение направиться в Китай, то китайцам больше не нужно было бы подстрекать их к этому» [11]. Такое толкование полностью противоречит смыслу надписи. Вытеснить кочевников (как, например, в более поздний период якутов) на негостеприимный север могла только какая-то force majeure; на юг (не в самый Китай, а в граничащую с ним область Монголии) тюрков потянуло по вполне понятным соображениям («живущим далеко дают плохие товары, живущим близко дают хорошие товары»). Тяготение к «хорошим товарам» разжигалось приверженцами китайской цивилизации; напротив, хан и его приближенные старались доказать народу, что только в горах своей родины он может сохранить могущество. Народ, последовав советам тех, кто разжигал их алчность, отправился в «разные места» области, граничащей с Китаем, а затем, признав свою вину и покаявшись, вернулся к хану.

Я надеюсь, читатели поймут, что мне не казалось необходимым опровергать замечания Банга; я воздержался бы от всякой полемики, если бы талантливо и остроумно написанная работа И. Маркварта [12] не заставила меня еще раз рассмотреть историческое содержание надписей. Величайшая заслуга Маркварта заключается в доказательстве того, что целый ряд приведенных в надписях дат «увеличен на десять» [13]. После объяснения Маркварта Бангу не трудно было доказать, что мы имеем дело не с рядом непонятных хронологических ошибок, а со своеобразной системой счисления, которую до сих пор понимали неверно. Тем самым полностью опровергается многократно высказывавшаяся (в том числе и мною) [14] точка зрения, что в надписях не всегда строго соблюдается хронологический порядок. В работе Маркварта мало затрагиваются внутренние отношения империи тюрков; напротив, внешняя история тюркского народа, особенно последовательность его военных походов, теперь должна пониматься совершенно иначе. В свое время мне пришлось затратить так много труда на обработку исторического материала, содержащегося в надписях, что для меня не может быть безразличен вопрос о том, насколько должен

---

9 Bang, *Inschriften*, S. 19.
10 Barthold, *Die historische Bedeutung*, S. 27.
11 Bang, *Inschriften*, S. 19.
12 *Die Chronologie*.
13 ⟨Ibid., S. V.⟩
14 Barthold, *Die historische Bedeutung*, S. 32.

я теперь изменить мои вгляды, высказанные в ту пору. Только это обстоятельство — а отнюдь не полемические высказывания Маркварта [15] — побудило меня воспользоваться дружеским предложением Радлова и в приложении к его работе о вновь открытой надписи еще раз проанализировать историческое значение древних надписей.

Несмотря на остроумное, хотя отнюдь не «гениальное» [16] открытие Маркварта и Банга, хронология событий, упомянутых в надписях, далеко не установлена и по сей день. Ответить на вопрос о том, насколько тюркское определение времени совпадает с китайским, мы вместе с Бангом [17] предоставим «тому, кто хорошо знаком с китайской хронологией». Разумеется, весьма сомнительно, можно ли при этом привлекать, как полагает Маркварт [18], данные Бируни о тюркском календаре, так как эти данные относятся к более позднему времени и к совершенно другому народу; а так как, по замечанию самого Маркварта, у Бируни «явно нарушена» последовательность названий месяцев, то возможно также, что *улуђ aj* и *кічіг aj* обозначают не первый и второй месяцы, а одиннадцатый и двенадцатый. Вероятно, новые надписи дадут нам большее количество древнетюркских названий месяцев и вообще более точные сведения о древнетюркском летосчислении. На основании известных до сих пор исторических фактов мы вынуждены были считать, что наши тюрки находились под влиянием китайской культуры и, подобно уйгурам, приняли китайский календарь. Мы располагаем точными данными [19] об уйгурском календаре,

[15] Опровержение этих высказываний я должен, раз и навсегда, предоставить фактам. Вести полемику на том же уровне в данном случае для меня невозможно; в том кругу, которому я обязан своим научным образованием, такой способ полемики считается устаревшим и недостойным ученого нашего времени.

[16] По-моему, Маркварт (*Die Chronologie*, S. 14) чрезмерно злоупотребляет словом «гениальный». На такой эпитет может претендовать только тот, кто расшифровал надписи и потому всегда останется непревзойденным, какие бы изменения ни вносили в его перевод. Мы, все прочие, можем лишь стараться, каждый в меру своих данных, способствовать дальнейшему пониманию надписей. Каждый добросовестный исследователь найдет нечто такое, что ускользнуло от его предшественников; но, разумеется, с каждой новой попыткой толкования будет возрастать и число ошибок. Решение вопроса о том, кто из нас дал наибольшее количество правильных толкований, а кто допустил больше всего ошибок, мы можем спокойно предоставить будущему.

[17] Marquart, *Die Chronologie*, S. VII. К сожалению, теперь Хирт ⟨*Nachworte*, S. 94⟩ сообщает, что сопоставление китайских источников и сравнение их данных с данными наших надписей не приводит ни к каким положительным результатам. Хирт также не рискует решать вопрос о том, «лежит ли вина на летосчислении, приведенном в китайских источниках, или на плохой памяти Бильге-кагана». ⟨Как показали позднейшие исследования, мнение Хирта о несопоставимости сведений китайских источников и надписей в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана ошибочно. См.: Pelliot, *Neuf notes*, pp. 229—248; Kljaštornyj, *Die chinesischen Nachrichten*, S. 155—156.⟩

[18] *Die Chronologie*, S. 29—30.

[19] Sédillot, *Prolégomènes*, II, p. 32 sq.; названия месяцев — p. 53; ср. Радлов, *Словарь*, s. v. *ai*; также Будагов, *Словарь*, s. v. ایکرمی. ⟨Мнение о принятии тюрками китайского календаря ошибочно. О системах летосчисления в древнетюркских и древне-

но, к сожалению, данные эти относятся только к монгольскому периоду; однако, по-видимому, названия месяцев, особенно название одиннадцатого месяца *бір јігирмінч*, относятся к более раннему времени. Для первого и двенадцатого месяцев у уйгуров были особые названия неизвестного происхождения; прочие месяцы обозначались соответствующими порядковыми числительными. У Рашид ад-дина мы находим несколько точных хронологических данных об уйгурском календаре, которые свидетельствуют о том, что у уйгуров год начинался тогда же, когда и у китайцев [20]:

Год курицы, арам=раджаб 671=январь-февраль 1273.

Год лошади, 21 икинди=среда 20 зу-л-ка'да 680=2 марта 1282 (собственно говоря, понедельник).

Год курицы (первый год обезьяны) 29 алтынч=пятница 27 джумада I 683=11 августа 1284.

Год барса, 2 икинди=среда 9 раби' I 689=29 марта 1290.

Год зайца, 13 икинди=четверг 12 раби' I 690=15 марта 1291.

Очевидно, Маркварт не всегда правильно понимает также и данные, содержащиеся в надписях. Уже Томсен [21] указал на то, что разница в возрасте обоих братьев должна быть больше года, но менее двух лет. Напротив, по Маркварту, Кюль-тегин родился «самое позднее в начале 685 года», а хан в первой половине 684 г.; согласно переводу Марквартом слов *отуз јашыма*, во втором (китайском) месяце (по Хирту — в третьем) 714 г.[22], когда произошло нападение на Бешбалык, хану могло еще не быть полных тридцати лет. Мне совершенно непонятно, как в таком случае Маркварт может утверждать, что в 701 г. «могли еще совпасть конец шестнадцатого года Кюль-тегина и начало восемнадцатого года Мегрена» [23]. Мы предложили бы различать при переводе выражения *отуз јашыңа* и *отуз јашајур äртi* и переводить первое выражение «когда ему было 30 лет» [24], а второе — «на тридцатом году своей жизни» [25]. В объяснении слов *кырк*

уйгурских памятниках см.: Захарова, *Двенадцатилетний животный цикл*; Turan, *On iki hayvanlı türk takvimi*; Gabain, *Alttürkische Datierungsformen.*⟩

[20] Ср. также приводимые этим же историком сведения о начале некоторых лет цикла (Рашид ад-дин, изд. Березина, III, пер., 105—119; текст, 157—177).

[21] *Inscriptions de l'Orkhon*, p. 95.

[22] Marquart, *Die Chronologie*, S. 20, 29. Следовательно, на пятом или шестом месяце тюркского года, если последний, как предполагает Маркварт (ibid., S. 30), начинался почти на четверть года раньше, чем китайский.

[23] ⟨Бильге-кагана⟩. Это имя ⟨Мегрен⟩ обязано своим появлением весьма неудачной теории Банга (*Inschriften*, S. 5), принятой Марквартом.

[24] Может показаться, что нашему толкованию противоречит употребление дательного падежа в названиях дней месяцев (например, *токузунч ај јäтi отузка*). Однако числительное употреблено здесь без существительного; там, где оно стоит с существительным, оно всегда употребляется как числительное количественное: *бір јылка* значат 'в один год', а не 'в первый год'; *јäтi öдÿшкä* — 'в семь дней', а не 'на седьмой день'.

[25] Различать это не только возможно, но, очевидно, и необходимо. Речь идет здесь именно об установлении значения, которое присуще в орхонско-тюркском языке

артуkы jäті jашын болты (впрочем, это место очень неясное, и, как известно, Томсен читает его иначе; возможно, здесь также *jашаjур*) я согласен с Марквартом; Кюль-тегин вступил тогда в сорок седьмой год своей жизни. Итак, я считаю, что в действительности Кюль-тегин родился в начале 685 г. (год курицы), а хан уже в конце 683 г. (год овцы). При этом предположении с момента его провозглашения шадом до его смерти прошло лишь 37 лет; однако, когда хан утверждает, что он был 19 лет шадом и 19 лет ханом, он, вероятно, имеет при этом в виду годы животного цикла, в течение которых он носил эти титулы. Первый ряд охватывает

формам на *-ур*, *-ӱр*, *-ыр*, *-ір* (resp., при вокализованном окончании — на *-jур*, *-jӱр*), и я думаю, что эти формы имеют значение с о б с т в е н н о презенса в противоположность форме на *-р* (resp. *-ар*, *-äр*?). Хотя эта последняя форма и встречается в надписях только один раз, однако в этом единственном случае она несомненно имеет значение о б щ е г о презенса — я имею в виду предложение *öд тäңрі jасар* (Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, p. 113; Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, S. 100). Как ни переводить это предложение, речь в нем идет о деятельности или свойстве, так сказать присущем небу, и именно поэтому не употреблено *jасаjур* (resp. *jашаjур*). В турецком османском языке общий презенс (т. е. аорист) образуется на *-ур*, *-ӱр*, *-ыр*, *-ір*, *-ар*, *-äр*, *-р*, т. е. формы на *-р* с предыдущим узким гласным н е о т л и ч а ю т с я по значению от форм на *-р* с предыдущим широким гласным. Однако легко заметить, что, во-первых, хотя аорист образуется л и б о с узким, л и б о с широким гласным, обе формы отнюдь не употребляются параллельно, одна наряду с другой и, во-вторых, в турецком османском языке для с о б с т в е н н о презенса развилась особая форма (см. Schlottman, *Über die Bedeutungen*, S. 8—9). Напротив, в азербайджанском языке с о б с т в е н н о презентными являются формы на *-ыр*, *-ір* и т. д. (resp. *-jыр*, *-jір*), а форма на *-ар*, *-äр* (в корнях, оканчивающихся на гласный, *-р*) — аорист со значением будущего времени (см. уже Казембек, *Грамматика*, стр. 250—251, более отчетливо у Будагова, *Руководство*, стр. 38, 41 и 113, 88; см. также многочисленные примеры во вновь собранных азербайджанских текстах: Калашев, *Пословицы*). Далее, в азербайджанском языке отрицательная форма собственно презенса оканчивается на *-мыр*, *-мір*, а отрицательная форма аористно-будущего времени на *-маз*, *-мäз*; короче говоря, формы на *-р* с узким гласным строго отличны от форм с широким гласным. Мы не можем окончательно решить вопрос о том, существовал ли подобный же закон в тюркско-орхонском языке: имеющегося языкового материала для этого недостаточно. Однако мне кажется, что формы на *-ур*, *-ӱр* и т. д. следует рассматривать всюду как с о б с т в е н н о презентные; очевидно, они сохраняют это значение и во временны́х формах, образованных с *-äрміш*, *-äрті*. Следовательно, *отуз -jашаjур äрті* значит: «(как раз точно в это время) (он) (еще) был живущим тридцать», т. е. он еще н е дожил тридцатого года. В заключение я хочу заметить, что и в других известных мне тюркских диалектах о б щ и й презенс (т. е. аорист, часто со значением футурума) как-то отличается от с о б с т в е н н о презенса — различными ли окончаниями, посредством ли образования сложных или перифрастических форм и т. д. [Я вынужден, кроме того, заметить, что более краткие формы глагола *тä-* 'говорить' (например, *тäрман*, Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, Zweite Folge, S. 7), быть может, употребляются как собственно презентные, что, казалось бы, опровергает мою теорию; однако чрезвычайно употребительное *тäмäк* отличается в тюркском различными особенностями и неправильностями в спряжении, так что я не отказываюсь окончательно от своей гипотезы. Впрочем, можно предположить, что различие между обеими формами на *-р* в тюркско-орхонском языке хотя и наметилось, но еще полностью не осуществилось]. — *П. Мелиоранский.*

697—715 гг. (с года курицы до года зайца), а второй — 716—734 гг. (с года дракона до года собаки). Год его вступления на престол, когда он был сперва шадом, а затем ханом, учитывается только во втором ряду.

Рассмотрим военные походы тюрков, исходя из этой хронологии. Походы против китайцев и их восточных соседей Хирт теперь осветил лучше, чем смог это сделать я на основании несовершенных переводов; в работе же Маркварта большое внимание уделяется походам на запад, в особенности борьбе за уничтожение могущества тюргешей. По Маркварту [26], тюрки должны были столкнуться во время этих походов с арабами, предводительствуемыми Кутейбой; тождество событий, упоминаемых в надписях и у Табари, несомненно; тот, кто отрицает это тождество, по-видимому, никогда не читал Табари. Теперь посмотрим, что сообщают нам о событиях этих лет арабские источники. Как упоминается в моей работе [27], это было время наибольших успехов арабского оружия при Кутейбе б. Муслиме. В арабских источниках перечисляются следующие походы Кутейбы в Трансоксанию [28].

86/705 г. Кутейба, выступив из Балха, подчиняет себе Саганиан (долина Сурхана) и заключает мир с владетелями Шумана и Ахаруна [29].

87/706 г. Кутейба выступает из Мерва против Бейкенда [30], завоевывает этот город и заключает мир с населением Бухары. Население Бейкенда получило помощь от согдийцев; согдийское войско окружило Кутейбу, так что Хаджжадж два месяца не получал от него никаких известий и велел возносить в мечетях молитвы за арабское войско; наконец Кутейбе удалось отбросить врага и принудить город сдаться. Кутейба оставил в Бейкенде наместника и отправился назад. Едва он отошел на 5 фарсахов, как узнал, что жители Бейкенда убили его наместника; город был снова подвергнут осаде, захвачен и разрушен, причем победителям досталась огромная добыча [31].

88/707 г. Кутейба выступает против Бухары и заключает мир с населением Нумиджкета (столица области) [32] и Рамитана. На обратном пути

---

[26] *Die Chronologie*, S. 8—9.

[27] Barthold, *Die historische Bedeutung*, S. 3.

[28] ⟨О походах Кутейбы б. Муслима и арабском завоевании Мавераннахра см. также: Бартольд, *К истории арабских завоеваний;* Gibb, *The Arab conquests*, pp. 36—48; Kurat, *Kuteybe.*⟩

[29] Табари, II, 1180—1181. Об Ахаруне см.: Tomaschek, *Sogdiana*, S. 42; Ибн Хордадбех, текст, 37.

[30] У Маркварта (*Die Chronologie*, S. 34, 61) *Пайканд*; вероятно, следует читать *Бекенд* (Я'куби, *Китāб ал-булдāн*, 292: باكند). В хорезмийском языке *пекенд* означало 'хлеб' (Якут, *Му'джам*, II, $485,_{15}$). ⟨В арабском написании *Бейкенд*; общепринятое чтение Пейкенд. Ср. Бартольд, *Туркестан*, — наст. изд., т. I, стр. 169—170.⟩

[31] Табари, II, 1185—1190.

[32] ⟨Нумиджкет — одно из древних названий Бухары; ср.: Наршахи, пер. Фрая, 21; *Ҳудӯд ал-'āлам*, пер. Минорского, 352. По мнению Гибба (*The Arab conquests*, pp. 33—34), у Табари здесь идет речь не о Бухаре (Нумиджкете), а об одном из селений в окрестностях Бухары, Тумушкете.⟩

на арьергард арабского войска, возглавляемый братом Кутейбы, Абд ар-Рахманом, напали союзники: тюрки, согдийцы и ферганцы. Верховным командующим этой мощной армии численностью якобы в 200 тыс. человек был тюркский князь كوربغانون, сын сестры китайского императора. Кутейба вовремя пришел на помощь брату, и тюрки были отброшены [33]. У Нершахи эти события отождествляются с событиями 87 г. х.[34], причем последние отнесены к 88 г. х. Нершахи сообщает [35], что в 88 г. х. Кутейба после пятидесятидневной осады города Бейкенда заставил его сдаться и назначил там наместником Варку б. Насра [36]. На пути в Бухару он узнал, что Варка убит жителями Бейкенда; он немедленно вернулся и, вновь захватив город, разрушил и разграбил его. Во время боев с князем вардан-худатом Кутейбу, между Тарабом, Хунбуном [37] и Рамитаном [38], окружила армия врага под командованием Тархуна — государя Согда, Хунук-худата [39] — государя Бухары — и вардан-худата; с ними был также

---

[33] Табари, II, 1194—1195.

[34] Маркварт (*Die Chronologie*, S. 63), по-видимому, не заметил этого отождествления.

[35] Нершахи, изд. Шефера, 42—45.

[36] У Я'куби, *Та'рӣх*, II, 342, он назван наместником Бухары. 〈Варка б. Наср Бахили не был в 707 г. арабским правителем Пейкенда, убитым там восставшими жителями. Он упоминается Табари (II, 1294, 1420) и Ибн ал-Асиром (изд. Торнберга, V, 68) под 102/720-21 г. как лицо, близкое тогдашнему арабскому правителю Хорасана и Средней Азии Са'иду б. Абд ал-Азизу.〉

[37] Это место находится в 4 фарсахах от Бухары, по дороге в Хорасан; ср. Якут, *Му'джам*, II, 474. 〈Ср. также Бартольд, *Туркестан*, — наст. изд., т. I, стр. 169.〉

[38] Как известно, этот пункт существует по сей день и называется Чаршамбе; ср. Tomaschek, *Sogdiana*, S. 108. 〈О Рамитане, древней резиденции правителей Бухары, см. также Бартольд, *Туркестан*, — наст. изд., т. I, стр. 167—168.〉

[39] «Счастливый государь» (Justi, *Iranisches Namenbuch*, S. 178), следовательно, не Ханг〈-худат〉, как у Маркварта (*Die Chronologie*, S. 63). Тождество этого владетеля с упомянутым у Я'куби (*Та'рӣх*, II, 342) جيل (cod. جنل) правильно установлено Марквартом (*Die Chronologie*, S. 63). Однако утверждение Маркварта об идентичности этого владетеля и вардан-худата, выдвинутое им вопреки данным Нершахи, остается спорным. 〈Как считал Бартольд, Хунук-худат был одним из государей Бухары (бухар-худатов), непосредственным предшественником Тухшады. Но в конце VII—начале VIII в. Бухарой правила его мать, известная в арабских и персидских источниках под именем Хатун (тюрк. *катун*; в Бухаре обычный титул правящей государыни; ср. Chavannes, *Documents*, p. 203). Позднее сам Тухшада в письме китайскому императору отмечает, что его семья правила Бухарой без каких-либо перерывов. По мнению А. Ю. Якубовского и О. Г. Большакова (*Борьба*, стр. 421), Хунук-худат — титул одного из мелких владетелей, правившего западной частью Бухарского оазиса, подобно тому как владетель Варданы (на севере оазиса) носил титул вардан-худат. Однако в таком случае трудно объяснить сообщение Нершахи (пер. Фрая, стр. 17) о восстановлении Хунук-худатом дворца бухар-худатов в Варахше, если только не предположить, что в 707—709 гг. Хунук-худат исполнял должность регента при малолетнем Тухшаде (год смерти Хатун неизвестен; по Нершахи, пер. Фрая, стр. 9, Хатун правила 15 лет). По Ибн ал-А'саму, имя правительницы Бухары, матери Тухшады, было Хутак-хатун; поэтому Р. Фрай выдвинул еще одну гипотезу: вместо حنك Ханук читать حتك Хутак. Тогда Хутак(Ханук)-худат было бы собственным именем Хатун

царь كورمغنون, сын сестры китайского императора. Осада длилась 4 месяца; в течение этого времени Хаджжадж не получал от Кутейбы никаких известий и велел молиться в мечетях о нем и его войске. Наконец набатейцу Хайяну удалось вызвать у согдийских князей недоверие к тюркам и заставить их отступить. По совету Хайяна Тархун отправил арабам небольшой подарок (2000 дирхемов) и велел сказать тюркам, что арабы ожидают прибытия большого вспомогательного войска, посланного Хаджжаджем. Тюркский князь также ушел, опустошая страну. По-видимому, Я'куби [40] пользовался теми же источниками, что и Нершахи. Владетеля тюрков он называет كُرمعانون الموفسى; здесь, несомненно, следует читать الترقشى, как и у Табари, II, 1613; следовательно, это был государь тюргешей [41]. Я'куби также заставляет Кутейбу заключить мир с врагами благодаря набатейцу Хайяну.

89/708 г. Кутейба завоевывает Рамитан, затем по приказу Хаджжаджа, возобновляет войну против вардан-худата, разбивает в пустыне армию, состоящую из жителей Согда, Кеша и Несефа, а под Нижней Харканой — другую армию [42].

90/709 г. Кутейба вновь выступает против вардан-худата; последний обращается за помощью к согдийцам и тюркам. В сражении тюрки разбиты, хакан и его сын ранены; Кутейба заключает мир с Тархуном, царем Согда [43].

91/710 г. После завоевания Шумана Кутейба проходит через Железные ворота, завоевывает Кеш и Несеф и вновь заключает мир с Тархуном. Тархун свергнут недовольными им подданными и бросается на свой меч; вместо него царем Согда становится Гурек; другие авторы относят эти события к следующему году [44]. В Бухаре Кутейба оставляет в качестве властителя (бухар-худата) юного Тухшаду [45].

93/711-12 г. После завоевания Хорезма Кутейба внезапно нападает на Согд. Жители Согда обращаются за помощью к владетелю Шаша и их-

(Нершахи, пер. Фрая, 118, 131). Однако контекст источников не дает оснований для этого предположения. Ср. Barthold — Frye, *Bukhara*, p. 1293.〉

[40] *Та'рӣх*, II, 342. Рассказ Балазури (42), напротив, совпадает с рассказом Табари.

[41] 〈Имя этого тюргешского (?) военачальника различно реконструируется разными исследователями. Так, А. Ю. Якубовский и О. Г. Большаков (*Борьба*, стр. 421) предлагают чтение *Курбаганун* (Куль Бага Чур?); Ф. Альтхейм (*Geschichte der Hunnen*, Bd II, S. 85) реконструирует имя как *Кер-багатур*, полагая вместе с тем, что речь идет об одном из предводителей армии восточных тюрков.〉

[42] Табари, II, 1198. О местоположении Нижней Харканы см. Marquart, *Die Chronologie*, S. 62, 〈также Бартольд, *Туркестан*, — наст. изд., т. I, стр. 165〉.

[43] Табари, II, 1201—1204. 〈О Тархуне и событиях, связанных с ним, см.: Крачковская — Крачковский, *Древнейший арабский документ*, стр. 189—190; Лившиц, *Согдийские документы*, стр. 66—70.〉

[44] 〈Смерть Тархуна и начало правления Гурека относятся, как показал О. Г. Большаков, к 711 г. (Якубовский — Большаков, *Борьба*, стр. 422—423).〉

[45] Табари, II, 1229—1230; Нершахи, изд. Шефера, 8.

10 — 6841

шиду Ферганы, а согласно одному сообщению[46] — еще и к тюркскому хакану. По-видимому, согдийские послы вручили этим владетелям следующее послание: «Мы живем между вами и арабами и служим вам защитой; если б они у нас укрепились, вы стали бы слабее и ничтожнее; поэтому окажите нам помощь». Владетели направили в Согд великолепный отряд всадников, состоящий исключительно из юношей знатных родов; согласно одному из источников, во главе этого отряда стоял сын хакана. Молодые всадники должны были ночью напасть на арабский лагерь. Против этого врага Кутейба бросил сильный отряд арабов численностью в 300 или 600, а по другому источнику, в 400 человек под предводительством своего брата Салиха; для этой цели были отобраны лучшие воины. Перед началом похода Кутейба обратился к ним со следующими словами: «Ваши враги уже убедились, что во всех сражениях с вами бог; теперь они хотят напасть на вас ночью, тайком; для этого они избрали своих царей и дихкан. Вы — дихкане и герои арабов; кроме того, вы — избранники бога; будьте же достойны этого, дабы получить за это награду и отпущение грехов ваших». Этому отряду удалось заманить врагов в засаду и почти полностью истребить их[47]. Согласно другому источнику, Кутейба встретил под Арбинджаном[48] армию, состоящую из тюрков и жителей Шаша и Ферганы, под предводительством владетеля Согда Гурека (здесь также ничего не говорится о хакане); непрерывно сражаясь, враги отступили к Самарканду, где сражение было проиграно; неверные потерпели поражение и должны были искать защиту в стенах города. При осаде города Кутейбу поддерживали жители Бухары и Хорезма. Город вынужден был капитулировать; Кутейба нарушил договор, Гуреку и его подданным пришлось сдать город арабам. Кутейба назначил наместником Самарканда своего брата Абдаллаха и вернулся в Мерв[49]. В следующем году Кутейба вновь пошел на Согд, причем жители Бухары, Кеша и Несефа должны были дать ему 20 000 человек; эта армия была послана из Шаша в Согд, в то время как сам Кутейба выступил против Ферганы[50].

Согласно нашим надписям, в конце 710 г. или в начале 711 г. был предпринят поход против тюргешей; войско тюргешей было разбито

---

46 Табари, II, 1247. Напротив, ⟨в другом месте⟩ у Табари (II, 1242—1243) не упомянуты ни хакан, ни его сын. Балазури (421) также говорит только о владетеле Шаша.

47 Вопреки утверждению Маркварта (*Die Chronologie*, S. 8), у Табари ничего не говорится о «полном истреблении» этого отряда. Ср. Табари, II, 1243: فلم يفلت منهم الّا نفر يسير; 1248: فلم يفلت منهم الّا الشريد.

48 Вопреки утверждению Маркварта, этот город находился не «в Бухаре», а на основном пути из Бухары в Самарканд, значительно ближе к Самарканду. Ср:. Истахри, 334; Ибн Хордадбех, пер. 19; Кудама, пер., 156.

49 Табари, II, 1241—1252. ⟨К анализу тех же событий Бартольд вернулся позднее (*К истории арабских завоеваний*, — наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 380—387).⟩

50 Табари, II, 1256. ⟨Ср. Якубовский — Большаков, *Борьба*, стр. 423—425⟩.

и разбежалось, их хан, его ябгу и шад были убиты, после чего принцы Могилян и Кюль-тегин перешли вместе[51] реку Йенчу и продвинулись до Железных ворот, чтобы покорить народ согдак (или согдык)[52]. Лишь после этого (*анда кісрä*) наступил перелом не в пользу тюрков; перед ними оказался новый враг — кара-тюргеши, выступившие против[53] кенгересов (очевидно, союзников завоевателей). Лошади тюрков были тощими[54], запасы продовольствия иссякли; «храбрые мужи» атаковали их. Принц Могилян раскаялся (в том, что зашел так далеко) и послал против кара-тюргешей своего брата с небольшим отрядом (очевидно, чтобы прикрыть отступление). Завязалось большое сражение, в котором народ кара-тюргешей был истреблен; на обратном пути Кюль-тегин (все еще без своего брата) одержал победу над Кошу-тутуком. В конце 714 г. оба брата сражались под Тамагом с карлуками, которые выступили в качестве врагов еще двумя годами ранее.

Если вместе с Марквартом предположить, что «в надписях и у Табари речь идет об одних и тех же событиях»[55], то возникает ряд затруднений, которые Маркварт не только не устраняет, но о которых он даже и не упоминает. В своем рассказе хан в общем мало отклоняется от истины; он в основном не умалчивает о поражениях, нанесенных его народу, и соответственно говорит о своем тяжелом положении во время боев с «храбрыми мужами». Почему он здесь пускается, как говорит Маркварт, в «хвастовство», рассказывает о походе к Железным воротам, куда он в действительности никогда не доходил, и ни одним словом не упоминает о своей (или своего брата) неудачной войне с арабами? Почему Могилян или Кюль-тегин бросают основную часть своей армии в только что завоеванной стране, чтобы стать во главе небольшого отряда иранских дихкан?

---

[51] На это указывает форма *сÿлäдімiз* (Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, Neue Folge, S. 105).

[52] Вопреки Бангу и Маркварту ⟨*Die Chronologie*, S. 5⟩, вопрос о том, следует ли читать *согдык* или *согдак*, остается спорным. Если тюрки слышали слово в иранских областях, то, по-видимому, правильнее первое чтение (ср., однако, соображения о форме *сугдак* у Томашека, *Sogdiana*, S. 11); однако форма *согдак* могла возникнуть и в Центральной Азии, подобно тому как в монгольский период возникло слово *сартак* (из *сарт*). Ср. Рашид ад-дин, изд. Березина, I, текст, 171; пер. 132 (где чтению *сартакты* безусловно следует предпочесть другое известное в рукописях написание — *сартактай*. Об окончании на *-тай* в монгольских этнонимах ср. там же, I, текст, 65; пер., 51—52). ⟨Ср. Бартольд, *Еще о слове «сарт»*, — наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 310—314.⟩

[53] По-видимому, послелог *тапа* имеет только это значение, по крайней мере в рукописях; там, где должно быть выражено только направление, употребляется casus directivus (ср. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, Neue Folge, S. 65) или аффикс *-ру*, *-рÿ* (ibid., S. 84).

[54] По-видимому, слово *турук* употребляется здесь в том же значении, что и в надписи Тоньюкука (строки 5 и 6); ср. ⟨Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, Zweite Folge⟩, S. 34.

[55] ⟨Marquart, *Die Chronologie*, S. 8.⟩

Наконец (last not least), почему в арабских источниках говорится только о том, что согдийцы обращались за помощью к своим соседям, безопасности которых также угрожали арабы, а хакан, несравненно более могущественный, чем незначительные князья Шаша и Ферганы, владетель всей Центральной Азии, упоминается в одном из источников на последнем месте, а в остальных вообще не упомянут? По Маркварту, этим хаканом мог быть только Мочжо, «так как в этот период никаких других хаканов западных тюрков не было»[56]. Однако так ли уж уверен в этом Маркварт? Кажется, действительно у китайцев такой хан не упоминается; незадолго до этого хан Ашина Синь, царствовавший в области западнее Чу, после неудачного исхода своей борьбы с владетелем тюргешей Согэ вынужден был бежать в китайские земли [57]. Однако мы не находим ни слова и о современнике Кутлуга, Баз-кагане токуз-огузов, несмотря на его титул и на связи с китайцами [58], о которых упоминает Тоньюкук; разумеется, еще более вероятно, что на Дальнем Востоке смог принять ханский титул какой-то властитель, который остался неизвестен китайцам [59].

Конечно, теперь, после замечаний Маркварта [60] о китайских и иранских названиях Сыр-Дарьи [61], я вынужден отказаться от своей прежней точки зрения относительно реки Йенчу и Железных ворот. Так как под Йенчу может подразумеваться только Сыр-Дарья, то и Железные ворота, несомненно, тождественны проходу Бузгала. Еще в XII в. Несефи [62] называл Сыр-Дарью и Железные ворота границами области, подвластной самаркандскому владетелю. Следовательно, Могилян и Кюль-тегин после одержанной ими победы над тюргешами действительно дошли до самой Согдианы. С небольшим отрядом иранских всадников, во главе которого стоял, очевидно, какой-то местный тюркский принц, завоевателям, вероятно, не трудно было справиться; напротив, у Я'куби [63] мы находим другой рассказ, чрезвычайно важный для понимания нашей надписи, но на который Маркварт, к сожалению, не обратил внимания.

Согласно этому рассказу, Гурек в 94/⟨712-13⟩ г. заключил мир с Кутейбой (Гурек носит здесь титул «ихшид Согда, афшин Самарканда»); брат Кутейбы Абд ар-Рахман [64] был оставлен в Самарканде в качестве

---

[56] ⟨Ibid., S. 8—9.⟩

[57] Бичурин, *Собрание сведений*, I, 364—365.

[58] Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, Zweite Folge, S. 6.

[59] Согласно Хирту, китайские источники называют каганом лишь тех тюркских владетелей, за которыми признало этот титул китайское правительство.

[60] *Die Chronologie*, S. 5—6.

[61] ⟨Ср. Кляшторный, *Яксарт — Сыр-Дарья*.⟩

[62] *Ḳандӣйа*, рук. Аз. муз., л. 14; рук. ун-та, л. 25: پادشاه از آب خجند است تا در آهنين.

[63] *Та'рӣх̱*, II, 344.

[64] Как мы уже видели, Табари в этом месте рассказа называет другого брата, Абдаллаха. Однако сразу вслед за этим он говорит об отправлении Абдаллаха в Хо-

наместника. После ухода Кутейбы жители Самарканда нарушили договор; на помощь им пришел «хакан, царь тюрков»; Абд ар-Рахман написал об этом своему брату. Тот выждал до конца зимы (حتّى انحسر الشتاء), затем выступил против тюрков, одержал победу над их армией и восстановил в стране прежний порядок. Нам кажется, что этот рассказ полностью соответствует рассказу наших надписей [65]. Поздней осенью 712 г. (начало 94 г. х.), после ухода Кутейбы, тюрки по желанию согдийцев вторглись в Согд и без сопротивления заняли всю страну, за исключением города Самарканда. Осажденные в Самарканде арабы отправили военачальникам сообщение о своем бедственном положении; Кутейба выжидал до весны, вероятно, потому, что весна — самое тяжелое для кочевников время. Весной 713 г. Кутейба перешел Аму-Дарью; по сообщению Табари, жители Бухары, Кеша, Несефа и Хорезма вынуждены были, как мы видели, дать ему 20 тыс. человек, с которыми он и пошел на Согд. Следовательно, в то время Согд и его владетели, и согласно Табари, не были подвластны арабам; правда, это же сообщение говорит о том, что тюрки заняли лишь собственно Согд (область Самарканда), а не всю страну вплоть до Железных ворот; следовательно, «привирает» все-таки составитель надписи. Тюрки находились в тяжелом положении; их лошади за зиму отощали, а так как за год до этого арабы опустошили страну, то трудно было достать продовольствие и для войска. При таких обстоятельствах тюрки не могли сопротивляться «смелым мужам» (*алп äр*), как здесь по праву названы воины Кутейбы [66]. По-видимому, большого сражения не произошло, в противном случае Табари упомянул бы о нем; тяжелое положение, в котором находилось войско Могиляна, и полученные с севера вести об угрозе со стороны кара-тюргешей и карлуков вынудили Могиляна оставить страну. Конечно, отступление тюрков явилось большой удачей для арабов, что показывает и опустошение Кутейбой Шаша и Ферганы.

Кара-тюргеши, против которых Могилян, отступая, послал своего брата, напали на народ или страну кенгерес. Маркварт [67] отождествляет

резм (Табари, II, 1253). Поэтому версия Я'куби заслуживает, по-видимому, большего доверия.

[65] ⟨Сопоставление рассказа надписей и данных Табари, Балазури, Я'куби, Ибн ал-А'сама см. Кляшторный, *Древнетюркские памятники*, стр. 149—155.⟩

[66] На возможность такого понимания слов *алп äр* еще раньше обратил мое внимание мой друг П. М. Мелиоранский. В лакуне на конце 39-й строки надписи Кюль-тегину упоминались, по-видимому, арабы (*тазык*, или *täзiк*). ⟨Арабы (*täзiк*) упомянуты в памятнике Тоньюкука и памятнике Кули-чуру, в рассказе о событиях, связанных с теми, о которых говорится в 39-й строке памятника Кюль-тегину; это делает предположение В. В. Бартольда весьма вероятным. О значении слова *täзiк* в рунических текстах см. Самойлович, *Старейшие упоминания*; см. также Лившиц, *Согдийские документы*, стр. 87—88.⟩

[67] *Die Chronologie*, S. 10. ⟨Подробно о кангарах (кенгересах) см. Кляшторный, *Кангюйская этно-топонимика*.⟩

кенгересов с Κάγγαρ или Κάγχαρ Константина Багрянородного, т. е. с печенегами [68]. Так как и река Сыр-Дарья в арабских и китайских источниках носит название Кангар (كنكر, Kan-k'it), то Маркварт предполагает «что имя кангаров-печенегов, или кенгересов, связано с этим названием Яксарта и в VIII в. кангары жили еще по нижнему Яксарту и на Аральском море»[69]. Эти же сочетания звуков, иногда в мягком, а иногда в твердом произношении, очень часто встречаются в географических и этнографических названиях, относящихся к области Сыр-Дарьи. Рено [70] и Томашек [71] приводят древнеперсидские сообщения о Кангхе или Канге; согласно Томашеку, арабские географы также, очевидно, упоминают «какую-то область Кангдих (или Кангдиз)» по ту сторону Яксарта. Географические сочинения, изданные де Гуе, этих сведений, кажется, не содержат; напротив, к западу от Исфиджаба упоминается округ Кенджида (как известно, арабское *дж* соответствует персидскому *г*), столица которой, Субаникет (Усбаникет, Арсубаникет), находилась в двух днях пути от Исфиджаба [72]. На Чирчике, на расстоянии 1 фарсаха от Худайнкета (который находился в 2 фарсахах от Бенакета, расположенного в устье р. Ангрен), стоял город Кенкрак (كنكراك) [73]. Развалины около Ак-Кургана в нижнем течении Ангрена, приблизительно в 10 *км* от правого берега Сыр-Дарьи, по сей день носят название Канга или Канка [74]. В древнейших китайских источниках кочевой народ, обитавший в районах нынешней Сыр-Дарьи, назван кангюй [75]. Так как более поздние китайские источники (*Суй-шу* и *Тан-шу*) называют словом *Канг* Самарканд и долину Зеравшана, то Томашек приходит к выводу, что и в слове *Кангюй* мы должны видеть древнеиранское слово *Канг*, которое могло применяться также по отношению к «прекрасной долине Согда» [76]; эту же точку зрения высказывает теперь Хирт [77]. Напротив, другие, как, например, Радлов [78], сопоставляют Кангюй с тюркским племенем канглы. Так как кангюйцы описываются как типичные кочевники, последняя

---

[68] ⟨Constantinus Porphyrogenitus, *De administrando imperio*, 171.⟩

[69] ⟨Marquart, *Die Chronologie*, S. 10.⟩

[70] Абу-л-Фида, *Таквим*, пер. Рено, I, стр. CCXX—CCXXIV.

[71] *Sogdiana*, S. 72.

[72] Истахри, 346; Ибн Хаукаль, 39; Макдиси, 273. ⟨О Кенджиде и Субаникете см. Бартольд, *Туркестан*, — наст. изд., т. I, стр. 233.⟩

[73] Истахри, 344; Ибн Хаукаль, 405.

[74] Е. Смирнов, *Древности*, стр. 114, 134. 16 (28) ноября 1898 г. г-н Е. Смирнов прочитал на заседании Археологического общества в Ташкенте ⟨имеется в виду Туркестанский кружок любителей археологии⟩ доклад «О следах древнего города Канка». Содержание этого доклада мне еще неизвестно. ⟨См. Е. Смирнов, *Развалины города Канки*.⟩

[75] ⟨Совр. чтение — канцзюй.⟩

[76] ⟨Tomaschek, *Sogdiana*, S. 72.⟩

[77] *Nachworte*, S. 47.

[78] *Кутадгу билик*, изд. Радлова, LXXXI.

точка зрения имеет больше прав на существование [79]. Трудно сказать, каково соотношение слов *канга*, *кангар* и *канглы* и их отношение к смягченным формам *кенкрак*, *кенджида* и нашему *кенгерес*. Согласно Томашеку, «отнюдь не следует отвергать ссылку Вамбери на уйгурское *кäнг* (уменьш. *кäнгäс*, наречие *кäнгрÿ*), чагат. *кäн*- 'далекий', 'широкий', 'просторный'» [80]. Кажется, подобную этимологию (*кäнг*+*äр*) выдвигал уже Константин, как позволяют предположить его слова, приведенные у Маркварта (ὡς ἀνδρειότεροι καὶ εὐγενέστεροι τῶν λοιπῶν· τοῦτο γὰρ δηλοῖ ἡ τοῦ Κάγγαρ προσηγορία) [81]. Мы ограничимся лишь сопоставлением этих сообщений и высказываний, предоставив филологам дальнейшее обсуждение вопроса о том, происходят ли упомянутые слова от общего корня, иранский ли это корень или тюркский и как следует объяснять появление звука *-с* в конце слова *кенгерес*. Последний вопрос Маркварт не затрагивает.

После победы над кара-тюргешами Кюль-тегин одерживает победу над Кошу-тутуком и одним из его союзников (в надписи здесь лакуна). Очевидно, эти сражения преследовали лишь одну цель: прикрыть отступление Могиляна; поэтому теперь мы не думаем, что здесь, как предполагал Паркер, может идти речь о китайском начальнике города Хэчжоу (к востоку от Турфана) [82]. По-видимому, Могилян вернулся раньше своего брата; весной 714 г. мы застаем его с тюркским войском уже у Бешбалыка (Бэйтин китайцев).

Итак, из своего похода на далекий запад — поступка, в котором он впоследствии сам вынужден был «раскаяться», — Могилян вернулся благополучно. Не впервые отважились наши тюрки зайти так далеко на запад. Уже при первом хане нашей династии, Кутлуге или Ильтересе, Юань-чжэнь, которого Хирт отождествляет с Тоньюкуком надписей, в 689 г. предпринял по приказу хáна такой поход. Этот поход описан и в надписи Тоньюкука [83]. Каган тюргешей был взят в плен, его ябгу и шад были умерщвлены; тюрки дошли до Железных ворот. Текст надписи обнаруживает поразительное сходство с походом, под предводи-

---

[79] Название Самарканда Канг ⟨правильнее Кан⟩ впервые отождествили с Кангюй древних источников позднейшие авторы; ср. также Vivien de St.-Martin, *Les Huns Blancs*, pp. 39—40. ⟨Отождествление неверно. О древнем Канге (Кангюе), раннесредневековых вариантах этого названия и их соотношении с этнонимами *кангар*, *кенгерес*, *канглы* см. Кляшторный, *Древнетюркские памятники*, стр. 161—179.⟩

[80] ⟨Tomaschek, *Sogdiana*, S. 71—72; ср. *Кутадгу билик*, изд. Вамбери, 215.⟩

[81] ⟨Marquart, *Die Chronologie*, S. 10; ср. Constantinus Porphyrogenitus, *De administrando imperio*, pp. 170—171.⟩

[82] ⟨Barthold, *Die historische Bedeutung*, S. 34; Паркер цит. в Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, p. 197.⟩

[83] ⟨Поход, описанный в надписи Тоньюкука, относится не к 689 г., а к 711—712 гг. В 689 г. Тоньюкук совершил лишь недалекий поход за Монгольский Алтай против тюргешей, но столкновение с последними не было удачно для него; ср. Кляшторный, *Из истории борьбы народов Средней Азии*, стр. 55—57.⟩

тельством Мочжо, описанным Йолыг-тегином. Создается впечатление, будто бы Йолыг-тегин при составлении своей надписи использовал рассказ Тоньюкука и без долгих размышлений включил подробности того похода в описание подвигов своего героя. Вероятно, этим объясняется и «вранье» по поводу того, что они якобы дошли до Железных ворот [84]. В надписи Тоньюкука названо много имен; к сожалению, нам не представляется возможным разъяснить эти имена и сопоставить их с именами, известными нам с более ранних времен. Мы не рискуем также решать вопрос о том, идентичны ли упомянутые в надписи тезики арабам [85]. Арабским наместником Хорасана в то время был Абдаллах б. Хазим, который после окончания гражданской войны на западе отказался принести присягу халифу Абд ал-Мелику и был умерщвлен в 72/691-92 г. Еще раньше, после битвы при Фертена против темимитов в 66/685-86 г., Абдаллах послал в Трансоксанию своего сына Мусу, чтобы занять там какую-нибудь крепость. С горсточкой людей Мусе удалось около 70/689-90 г. укрепиться в Термезе и удержаться там; даже тюркам он внушал такой страх, что они не отважились предпринять что-либо, направленное против него. При наместнике Умейе б. Абдаллахе упоминается в 77/⟨696-97⟩ г. поход в Трансоксанию, причем наместник дошел только до Бухары. Несколько раньше, примерно в 75/⟨694-95⟩ г., Умейя послал против Мусы отряд арабов под предводительством Хузаʿи; в это же время тюрки осадили Термез. Во время ночного нападения армия тюрков была разбита; Хузаʿи был убит одним из сторонников Мусы, проникшим в лагерь, после чего отряд арабов распался [86]. Разумеется, наши тюрки в этих событиях не участвовали.

В 80/699 г. наместник Мухаллаб б. Аби Суфра осадил Кеш. Осада длилась два года. В течение этого времени Мухаллаб послал своего сына Йезида на Хутталь, а своего другого сына, Хабиба, — на Бухару; последнему удалось под Арбинджаном принудить владетеля Бухары с армией в 40 тыс. воинов отступить [87]. В раджабе 82/11 августа — 9 сентября 701 г., когда Мухаллаб стоял еще под Кешем, пришло известие о смерти его сына Мугиры; Мухаллаб послал другого своего сына, Йезида, с отрядом в 60 или 70 человек в Мерв. По пути туда, в пустыне у Несефа, он встретил отряд из 500 тюрков, потребовавших от него выкуп; Йезид платить выкуп отказался, но сопровождавший его Муджаʿа дал разбойникам несколько кусков ткани и лук. С этими подарками они удалились, но вскоре вернулись с новыми требованиями. Завязался жестокий бой, грозивший кончиться истреблением арабов; Йезид и на этот

[84] ⟨О совпадении рассказов надписи Тоньюкука и памятников Кюль-тегину и Бильге-кагану, написанных Йолыг-тегином, см. Кляшторный, *Древнетюркские памятники*, стр. 140—141.⟩

[85] Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, Zweite Folge, S. 21.

[86] Табари, II, 1145—1151.

[87] Там же, 1040—1041.

раз отказался платить какой бы то ни было выкуп; в конце концов Муджа'а швырнул тюркам желтый тюрбан, с которым они и удалились, утомленные длительным сражением [88].

Вскоре после этого Мухаллаб заключил мир с жителями Кеша, которые должны были уплатить ему контрибуцию и дать заложников. Мухаллаб возвратился в Балх; в Кеше был оставлен Хурейс б. Кутба, чтобы получить деньги. После получения контрибуции Хурейс б. Кутба также отправился в Балх; он встретил тех же тюрков, которые напали на Йезида, и они потребовали с него также выкуп. Хурейс победил их в бою и взял некоторых из них в плен; пленных выкупили их сотоварищи; Хурейс отпустил их и великодушно вернул им полученный выкуп [89].

Согласно нашим надписям, во второй половине 701 г., когда Могиляну было уже 18 лет, а Кюль-тегину еще только 15, был предпринят поход против «шести чубов (и) согдаков» (или: «согдаков шести чубов») и народ согдаков был побежден. Не исключена возможность, что 500 тюркских разбойников, с которыми вынужден был сражаться Йезид, а затем Хурейс, являлись одним из отрядов войска Могиляна или, что еще вероятнее, частью западных тюрков, разбитых Могиляном и Кюль-тегином [90]. Нет никакого сомнения в том, что и во время этого похода основная масса восточнотюркской армии не достигла Железных ворот, так как никто не помешал арабам при осаде ими Кеша. Точно так же ничто, видимо, не потревожило армию арабов при отходе их от Кеша к Балху; тюрки отважились напасть лишь на небольшие отряды Йезида и Хурейса. Вопреки утверждению Маркварта [91], у Табари ни слова не сказано о какой бы то ни было «поддержке», якобы оказанной тюрками жителям Кеша; точно так же и надписи рисуют тюрков в этой стране врагами. В слове *чуб* Маркварт усматривает титул *чжаову*, который, согласно китайским источникам, носили в Трансоксании многие владетели [92]. Маркварт исходит из традиционного выражения «девять госу-

---

[88] Там же, 1077—1079.

[89] Там же, 1080—1081.

[90] По аналогии с походами 689 и 712 гг. мы склоняемся к тому, чтобы видеть и в событиях 701 г. скорее результат победы над тюргешами, нежели, как думает Маркварт, доказательство, «что западные тюрки и особенно тюргеши были тогда покорены восточными тюркамп» (Marquart, *Die Chronologie*, S. 16). Правда в наших надписях не упоминается победа над тюргешами в тот период, но это следует объяснить, очевидно, тем, что оба молодых принца могли сыграть исключительную роль лишь во время похода против согдаков. ⟨Поход восточных тюрков против «согдийцев шести чубов» (*алты чуб согдак*) в 701 г. не имел отношения к самому Согду; нападению подверглись шесть согдийских колоний в Ордосе (Северный Китай). Поэтому вся цепь предположений И. Маркварта и В. В. Бартольда, связанная с этим походом, ошибочна; см. Кляшторный, *Согдийцы в Центральной Азии.*⟩

[91] *Die Chronologie*, S. 15.

[92] Ibid., S. 68—72. ⟨Слово *чуб* отражает тюркскую фонетическую интерпретацию древнекитайского произношения китайского административного термина *чжоу* 'округ'; см. Кляшторный, *Согдийцы в Центральной Азии*, стр. 31.⟩

дарств чжаову» и причисляет Кеш к тем шести государствам, которые здесь якобы имеются в виду, что, конечно, невозможно, так как именно в то время Кеш был осажден арабами. Кроме того, в высшей степени сомнительно тождество *чжаову* и *чуб*; на основании встречающегося на монетах слова ZAOOY, или ZAEOY, Маркварт принимает *чжаову* за форму именительного падежа; итак, это слово тюрки (обычно весьма точно передающие чужие имена) якобы и превратили в слово *чуб*, в то время как китайцы, несмотря на свою неудобную письменность, применяют значительно более точную транскрипцию! То же самое слово *чжаову* Томашек [93] считает именем иранского героя Сиявуша, что, очевидно, не соответствует легендам монет; в противоположность этому, мы имеем две другие теории тех ученых, которые знакомы с упомянутыми монетами. Аристов [94] видит в этом слове тибетский титул *чжаву*, или *чжову* ('князь', 'господин'), а Хирт [95] — слово, возникшее из тюркского *ябгу* (*джабгу*). Во всяком случае, с *чуб*, фигурирующим в надписях, это слово не имеет ничего общего; однако никакого другого объяснения мы предложить не можем.

Несколько позднее, вероятно в 83/⟨702⟩ г., Муса, который все еще правил в Термезе, подвергся нападению армии хайталов, тибетцев и тюрков численностью в 70 тыс. человек; в этой армии находился и Тархун, царь Самарканда. Несмотря на превосходство сил врага, арабский полководец одержал блестящую победу [96]. Вероятно, предводителем тюрков был связанный с тибетцами хан Ашина Суй-цзы [97].

Поражение наших тюрков в Согдиане в 712 г., так же как и поражение 689 г., явилось следствием длительных боев на западе. Когда Могиляну было 26 лет (т. е. в 709 г. или в первой половине 710 г.), он перешел через Кем и напал на народ чиков; когда ему было 27 лет (вероятно, поздней осенью 710 г.), он, вместе с Кюль-тегином перейдя через покрытые снегом горы Кёгмен, напал на киргизов, убил их хана и покорил народ. Теперь я, вместе с Радловым и Хиртом, считаю, что Кёгмен — это Саянские горы, а не Танну-Ола, как я полагал раньше. Моя ошибка возникла вследствие того, что я искал места расселения киргизов только по верхнему Кему, а между тем они, как доказал теперь Хирт [98], селились преимущественно по Абакану и Енисею. В этом случае Танну-Ола может быть тождествен горам Манбеклу (مانبكلو), упомянутым у Гардизи [99].

В 711 г., вероятно осенью, тюргеши были разбиты, после чего Моги-

---

[93] *Sogdiana*, S. 73.
[94] *Этнический состав*, стр. 291.
[95] *Nachworte*, S. 50.
[96] Табари, II, 1153—1155.
[97] Бичурин, *Собрание сведений*, I, 364.
[98] *Nachworte*, S. 42.
[99] Ср. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 86, 110.

лян и Кюль-тегин достигли Согдианы [100]. После неудачной зимы 712/13 г. Могилян, «полный раскаяния», начал отступление. Это отступление стало возможным благодаря победам Кюль-тегина над кара-тюргешами и Кошу-тутуком. Осенью 714 г. (относительно хронологии см. выше, стр. 287) оба брата, объединившись, сражались у Тамага с карлуками. Вероятно, Кюль-тегин в тот момент возвращался на родину; его брат, весной этого года принимавший участие в наступлении на Бешбалык, летом, очевидно, находился в тех же местах (наверно, на верхнем Иртыше, как Чингиз-хан в 1219 г.) и поэтому смог без труда соединиться со своим братом. Следовательно, гору (или источник) Тамаг, вероятно, следует искать в Тарбагатае. После победы над карлуками остался еще один враг восточных тюрков — народ аз, над которым была одержана победа в в 715 г. у озера Кара-куль. Банг [101] и Маркварт [102] отвергают существование такого народа, но, по-видимому, существование его бесспорно; об этом говорит в особенности отрывок Кв 3: *аз älтiбäрlіг тутды, аз будун анда jok болты* [103]. Почему хан должен был с такой скромностью

---

[100] Вероятно, от Иртыша до Сыр-Дарьи братья шли тем же путем, что и Тоньюкук в 689 г. Я не думаю, что Хирт определил этот путь правильно; во всяком случае, все известные нам завоеватели шли не через безотрадную пустыню к западу от Балхаша, а через Семиречье (данные Джувейни о походе кара-китаев см. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, p. 442; данные о походе Чингиз-хана см. Bretschneider, *Researches*, vol. I, pp. 13—18; Чингиз-хан, как и Тоньюкук, переправился через Иртыш; ср. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, p. 216). Очевидно, равнина Ярыш, место сбора армии тюргешей, находилась в местности к северу от Или, которую еще Рубрук (изд. Мишеля — Райта, 281) назвал pulcherrima planicies. Путь через долину Чу и равнину к северу от Александровского ⟨Киргизского⟩ хребта описан в китайских и арабских путеводителях; арабские описания (ср.: Ибн Хордадбех, пер., 21; Кудама, пер., 157—158) отличаются величайшей подробностью и точностью. Положение двух городов, упомянутых Хиртом, а именно Ашибулай (Ашпара, нынешний Чалдывар на р. Ашпара) и Цзюлань (араб. Кулан, недалеко от Тарты), может быть точно установлено. Конечно, расстояния, приводимые китайцами (70 ли от Ашпары до Кулана и 60 ли от Кулана до Тараза), абсолютно неверны. Согласно совершенно определенным указаниям Гардизи (ср. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 102, 125), город Суяб был расположен, по крайней мере в более поздний период, не к югу от Токмака, а к северу от Чу, прямо к югу от гор, где еще в XIII в. упоминается маленький мусульманский город (ср. Bretscheider, *Researches*, vol. I, p. 72). Приведенные у Хирта китайские данные позволяют предположить, что этот город находился раньше к югу от Чу, а после его разрушения китайцами (748 г.) был вновь отстроен на другом месте. Из-за противоречивых сведений относительно Суяба Маркварт (*Historische Glossen*, S. 164) также предполагает, что под упомянутым названием существовало два пункта, но при этом повторяет ошибочное утверждение Томашека о нахождении арабского Суяба «на западном берегу Иссык-Куля, где берет свое начало Чу», что, как известно, вообще неверно.

[101] *Zur Erklärung*, S. 37.

[102] *Die Chronologie*, S. 17.

[103] ⟨Малов, *Памятники*, стр. 32, 42, строка 43: «схватил эльтебера азов; народ азов тогда погиб». Слово *аз* можно понимать как этноним и как прилагательное 'немногочисленный' (так переводят Банг и Маркварт). Теперь установлено, что здесь следует видеть этноним.⟩

подчеркнуть, что его брат взял в плен лишь немногих эльтеберов? По-видимому, *älmibär* (или *älmäbär*) у некоторых племен являлось титулом главы племени; почему же среди незначительной части карлуков этот титул носили многие? Гардизи делит тюргешей на تخسیان и اردان[104]; очень возможно, что следует читать ازیان и что имеются в виду *аз* наших надписей.

Вслед за этими сражениями начинается рассказ о волнениях, вспыхнувших в последний год правления Мочжо. Часть народа покинула своего хана и отправилась в Китай; в это же время хан вынужден был воевать со своими соплеменниками, жившими на севере. Надписи сообщают сперва о войне с народом изгиль[105], а затем о пяти сражениях с токуз-огузами[106]. По Маркварту[107], эти бои произошли уже в 714 г., так что здесь должно было бы быть нарушение хронологии. Это утверждение основано только на якобы «несомненном» тождестве упоминаемого в надписях Тонга-тегина, похоронам которого помешало нападение Могиляна и Кюль-тегина, убивших при этом десять человек, с тегином Тунво китайцев, который в 714 г. принимал участие в нападении на Бешбалык, был взят китайцами в плен и обезглавлен ими. Вслед за этим китайский летописец говорит о смерти Янвочжи; по этому поводу император выразил родственникам умершего свое соболезнование. По Маркварту, этот Янвочжи также «тождествен тегину Тунво»[108].

Итак, мы должны думать, что Могилян с чудовищным кощунством нарушил нападением и убийством похороны своего соратника, на стороне которого он сражался у Бешбалыка за несколько месяцев до этого, и что китайский император, обезглавив тюркского принца и не наказав своего наместника (о подобном наказании нигде и речи нет), с бестактной иронией выражает соболезнование родственникам казненного. Нам кажется, что нет никаких оснований осквернять память обоих владетелей столь чудовищными обвинениями. Вероятно, Тонга-тегин — это не имя, а титул, который мог употребляться по отношению ко многим лицам[109]. Так же мало общего имел обезглавленный тюркский принц с Янвочжи, который,

---

[104] Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 102.

[105] Всякий ученый-тюрколог согласится, что предложенное Бангом и, к сожалению, принятое Марквартом (*Die Chronologie*, S. 17) чтение *iз äгil будун* в лингвистическом отношении невозможно. Вообще, постоянные ссылки Маркварта на Банга как на авторитет в вопросах языка производят странное впечатление. Возможно, этноним *изгиль* тождествен *исгил* — как известно, так называлась часть болгар (ср. также Marquart, *Die Chronologie*, S. 90).

[106] ⟨Малов, *Памятники*, стр. 33, 42.⟩

[107] *Die Chronologie*, S. 20—22.

[108] Ibid., S. 21.

[109] Это слово встречается в *Кутадгу билик* (изд. Вамбери, стр. 236) в качестве хвалебного эпитета, точное значение которого неизвестно. Там же, между прочим, приводятся слова *тон* и *тоңга*. На основании орхонско-тюркского *тоңа* я бы сделал вывод о правильности второго варианта. — *П. Мелиоранский.*

согласно Бичурину [110] и Жюльену [111], являлся сыном Мочжо и незадолго до того был принят в лейб-гвардию китайского императора. Кроме того, едва ли можно согласиться, что Могилян и Кюль-тегин в год войны с токуз-огузами, поставившими царствующий дом в очень тяжелое положение и даже приведшими его в следующем году на край гибели, имели время для победоносного похода против карлуков.

Итак, пять сражений с огузами произошли в 715 г. после возвращения обоих принцев из похода против азов; осаду орды, поражение огузов и победу Могиляна над огузами и токуз-татарами [112] следует отнести к весне 716 г. Вслед за тем говорится о гибели какого-то хана и о вступлении на престол Могиляна. Как известно, к концу царствования Мочжо часть его подданных покинула его вследствие его жестокости, а оставшимися он был вскоре убит. В прологе, который Маркварт считает эпилогом, и в «резюме правления Мочжо» [113] хан совершенно определенно принимает сторону своего дяди и бросает народу упреки в глупости, неблагодарности и трусости. Поэтому мне, вопреки Томсену [114] и Маркварту [115], и теперь еще [116] кажется невозможным, чтобы здесь хан изображал своего дядю «грешником, отвергнутым всеми божественными силами», и я остаюсь при своем мнении: под этим грешником имеется в виду не Мочжо, а его сын, «малый хан», убитый Кюль-тегином.

После смерти Мочжо в стране тюргешей возвысился хан Сулу, при котором государство тюргешей вновь достигло прежних размеров. Очевидно, Могилян ничего против него не предпринимал и старался сохранить мир с этим владетелем; поэтому он отдал в жены Сулу свою дочь и женил своего сына на дочери Сулу. Вообще в царствование Могиляна упоминается только одна война с западными народами, а именно отправка военного отряда «на юг» против карлуков. В этот же период хан вынужден был воевать с китайцами. В надписи в этом месте много лакун, так что предложенное Марквартом [117] восстановление *отуз артуkы алты jашыма* (памятник Бильге-кагану, конец 38-й или начало 39-й строки) [118] вполне возможно; в этом случае события, о которых здесь повествуется, были бы тождественны созданию коалиции, предпринятому китайцами

---

[110] *Собрание сведений*, I, 330.

[111] *Documents historiques*, p. 453.

[112] Мнение Хирта (*Nachworte*, S. 43—44), будто уч-огузы (по-видимому, совсем не упомянутые в надписях) тождественны карлукам, а токуз-татары (совершенно ясно названные союзниками огузов) тождественны токуз-огузам, представляется мне более чем невероятным.

[113] Ср. Marquart, *Die Chronologie*, S. 1—2.

[114] *Inscriptions de l'Orkhon*, p. 181.

[115] *Die Chronologie*, S. 20.

[116] Ср. Barthold, *Die historische Bedeutung*, S. 25.

[117] *Die Chronologie*, S. 27.

[118] 〈Ср. Малов, *Древнетюркская письменность Монголии*, стр. 18.〉

около 720 г.; только вместо карлуков у китайцев названы басмылы. Басмылы были истреблены у Бешбалыка.

Итак, дружественные отношения между Могиляном и Сулу не были нарушены, хотя в 730 г. послы обоих ханов при китайском дворе оспаривали друг у друга первенство [119]. В следующем году в Монголии на похоронах Кюль-тегина рядом с послами китайского императора и владетеля Тибета появились и представители обоих западнотюркских ханов, кагана киргизов и кагана тюргешей (Сулу). Между тибетскими послами и послами тюргешей [120] упоминаются еще два посла (один из которых носит китайский, а другой тюркский титул) от «народов, живущих на западе, где заходит солнце»; названия этих народов написаны тремя словами *соҕд брчкр бук̡рк̡улс*. Согласно разъяснению Томсена [121], здесь упомянуты согдийцы, персы и бухарцы; в моей работе [122] я указал, совершенно не касаясь персов, что мне не кажется возможным, «чтобы город Бухара в 731 г., когда он уже находился в полной зависимости от арабов, должен был направлять послов в Монголию». Маркварт [123], основываясь на арабских источниках, оспаривает это утверждение. Подобно тому как это было сделано выше, мы попытаемся и здесь подвергнуть эти источники несколько более тщательному исследованию, чем это сделал наш столь же остроумный, сколь и бесцеремонный оппонент.

Прежде всего Маркварт, по-видимому, совершенно игнорирует разницу в характере «зависимости от арабов», существовавшую между Бухарой и Согдом. В Бухаре жители были вынуждены уступить арабам половину своих домов; лишь часть населения, а именно купцы, которых называли кеш-кушаны [124] (в издании Нершахи کشکشان), предпочли отдать арабам все свое движимое и недвижимое имущество и построить для себя 700 замков в окрестностях города. Там же они поселили и зависимых от них людей, так что по размерам новый город вскоре перерос старый. Бухар-худат также остался жить в Бухаре [125]. Напротив, Гурек и его подданные должны были по приказу Кутейбы уйти из Самарканда [126]. В качестве резиденции последующих владетелей Согда Балазури [127] называет город Иштихан в 7 фарсахах от Самарканда, к северу от Зеравшана; деревня

---

[119] Бичурин, *Собрание сведений*, I, 369.

[120] По-видимому, здесь соблюдается тот же географический принцип, что и в 4-й строке памятника Кюль-тегину (=5-й строке памятника Бильге-кагану). 〈Ср. Малов, *Памятники*, стр. 29, 36.〉

[121] *Inscriptions de l'Orkhon*, pp. 114, 165.

[122] Barthold, *Die historische Bedeutung*, S. 36.

[123] *Die Chronologie*, S. 32—37.

[124] Согласно Томашеку, это были «потомки кушанов и хайталов» (Tomaschek, *Sogdiana*, S. 106). 〈Ср. Нершахи, пер. Фрая, 30—31, 125—126.〉

[125] Нершахи, изд. Шефера, 27—29, 62.

[126] Табари, II, 125.

[127] Балазури, 321.

с этим названием существует и по сей день. Несефи [128] рассказывает, что Гурек, покинув Самарканд, построил новый город в 4 фарсахах от Самарканда и в честь своего брата Афаруна назвал его Ференкет; в источниках встречается также название Афаринкет и Афарункет; вплоть до самого недавнего времени Афаринкентом назывался один тюмень на острове Миянкаль, который образуется двумя главными рукавами Зеравшана; этому району соответствуют нынешние земельные общины Дахбид, Шахаб и Джу-и Диванин. Это сообщение о происхождении города находит подтверждение в *Фихристе* [129]; там как раз говорится, что город Фаранкет [130] населен тюрками и что жители его частью дуалисты, частью христиане. Следовательно, в то время как назначенный Кутейбой Тухшада (хотя он и не был всей душой предан исламу) вынужден был вести себя как верный вассал арабов, Гурек мог чувствовать себя в своих землях значительно свободнее и примыкал то к арабам, то к тюркам; согласно китайским источникам, он уже в 713 г. просил у китайского императора помощи против арабов [131].

Впрочем, внешне Гурек сохранял верность арабам значительно дольше, чем большинство его подданных. При наместнике Абдаллахе б. Шу'айбе, назначенном халифом Омаром II (717—720), население Согда восстало; арабский гарнизон Самарканда не смог подавить восстание, и поэтому в 102/720-21 г. вновь назначенный наместник Шу'ба б. Зухейр обвинил его в трусости [132]. В 102—103/720—722 гг. наместником всего

---

[128] *Кандūйа*, рук. Аз. муз., л. 8; рук. ун-та, л. 6: چون قتيبه آمد ملك سمرقند غورك موغ بود آورده اند كه غوركرا دو برادر بود يكىرا نام طرخون و يكىرا افارون افارون خورد بود و كم مايه‌تر بود غورك از شهر بيرون آمد در چهار فرسنك شهر قصابچه بنا كرد كورا فرنكت نام نهادند و برادررا بخشيد واين زمان بهمان نام برادر غورك فرنكت ميخوانند. О فرنكت ср. Якут, *Му'джам*, III, 885. У Сам'ани (рук., л. 321) стоит еще: و هى من اعمال اشتيغن.

[129] *Фихрист*, I, 18.

[130] Маркварт (*Historische Glossen*, S. 159, 162) хочет, как и *Фихрист* (I, 337), читать здесь نويكت, хотя этот город, согласно тексту, находился в Согде. Правда, Маркварт полагает, что слово *Сули*, которым Сюань Цзан называет язык и письменность населения целой области от Чу до Железных ворот, передает персидскую форму *Сулик* для местного *Согд*. Возможна ли такая форма с точки зрения языка, могли бы решить иранисты; во всяком случае, трудно было бы объяснить, почему китайские путешественники передают именно эту форму, а не местную. Мы не знаем ни одного случая, чтобы какой-либо мусульманский автор назвал Согдом всю область до самого Чу. Название حاضرة الترك для населения فرنكت говорит лишь о существовании в Согде тюркской династии (ср. также титул *тархун*). ⟨Относительно имени Тархун см. выше, стр. 291.⟩ *Фихрист* (I, 337) равным образом позволяет читать فرنكت или, возможно, تونكت (столица Илака); упомянутый в моей первой работе (*Die historische Bedeutung*, S. 4, Anm. 1) персидский автор называет сельское население Илака سبيذ جامكان.

[131] Tomaschek, *Sogdiana*, S. 78; Marquart, *Die Chronologie*, S. 36.

[132] Табари, II, 1418.

Согда был Саʿид б. Абд ал-Азиз, который старался умиротворить население милосердием и справедливостью, но лишь стяжал за это бранное прозвище Худейна (ʿГоспожа') [133]. От назначения нового наместника, Саʿида б. Амра ал-Хараши (103/⟨721-22⟩ г.), согдийцы не ожидали ничего хорошего; поэтому дихкане решили покинуть родину. Эта попытка эмиграции, предпринятая вопреки совету Гурека, имела вследствие предательства со стороны владетеля Ферганы очень печальный конец [134]. По-видимому, и в войнах против тюрков Гурек сражался вначале на стороне арабов. При поражении, которое потерпел наместник Муслим б. Саʿид в 106/⟨724-25⟩ г. в сражении с армией хакана, погиб также один из братьев Гурека; в преследовании разбитых арабов участвовали среди прочих и согдийцы [135].

В 110/728-29 г. начались войны, вызванные тем, что наместник Ашрас б. Абдаллах ас-Сулами нарушил свое слово. Когда наместник отказался от своего обещания освободить от подушной подати тех местных жителей, которые примут ислам, 7000 согдийцев покинули Самарканд и разбили лагерь в 7 фарсахах от города (очевидно, около Иштихана); к ним присоединились те арабы, которые раньше особенно усердно вели пропаганду и не одобрили отказ наместника от своего обещания. Вновь назначенные податные чиновники самым беспощадным образом и не считаясь ни с чем требовали от населения неуплаченные деньги; честь дихкан была оскорблена; поэтому население почти всего Согда и Бухары восстало против арабов и обратилось к тюркам за помощью [136]. Какую роль играл при этом бухар-худат — неясно; Табари наряду с Гуреком упоминает только «дихканов Бухары». Ван Флотен [137] отождествляет с событиями, о которых рассказывает Табари, другой случай, который, согласно Наршахи [138], произошел при Асаде б. Абдаллахе (106—109 или 117—120 гг. х.). Один мусульманин, насаждавший в Бухаре ислам, был назван в письме бухар-худата Тухшады к наместнику зачинщиком беспорядков, из-за которого вера ничего не выигрывает, а доходы правительства становятся значительно меньше. Асад велел выдать новообращенных бухар-худату, по приказу которого было убито в мечети 400 человек. На основании этого отождествления, сделанного Ван Флотеном, Маркварт считает себя вправе без долгих размышлений втиснуть Тухшаду в рассказ Табари. Нам

---

[133] Там же, 1418, 1421.

[134] Там же, 1439—1446. ⟨Подробнее об этом эпизоде см. Джалилов, *Согд*, стр. 134—135.⟩

[135] Табари, II, 1478—1479. Мне совершенно непонятно, как может Маркварт (*Die Chronologie*, S. 33) утверждать, что «хакан западных тюрков» снова выступил против арабов лишь в 108/726-27 г. Того самого Курсуля (Кюль-чура), которого упоминает Маркварт (*Die Chronologie*, S. 34), хакан послал против арабов уже в 102/720-21 г. (Табари, II, 1421); ср. также Marquart, *Historische Glossen*, S. 181. ⟨О событиях в Согде в 728—732 гг. см. также Джалилов, *Согд*, стр. 146—160.⟩

[136] Табари, II, 1509—1510.

[137] *Recherches*, pp. 24—25.

[138] Изд. Шефера, 58.

кажется, что то движение, о котором рассказывает Нершахи, было гораздо менее значительным, чем движение при Ашрасе; подобные же местные конфликты, основанные на противоречиях между интересами веры и интересами государственной казны, будут встречаться часто; кроме того, Нершахи ссылается здесь на два арабских источника, в том числе на ал-Мадаини [139], основной источник Табари, и, следовательно, заслуживает, по-видимому, доверия. Столь же мало обоснованным кажется мне и другое положение Ван Флотена [140], также заимствованное у Маркварта, согласно которому местные владетели тоже терпели убыток вследствие взимания хараджа. Согласно Ван Флотену, арабские чиновники и местные владетели взимали налог сообща; арабы получали определенную сумму согласно мирному договору, все остальное шло князю. Эта теория основана исключительно на рассказе Нершахи [141] об убийстве бухар-худата Тухшады и арабского наместника Васила б. Амра, которые, по свидетельству убийц, объединились, чтобы забирать у людей их достояние; в том же отрывке, несколькими строками выше, бухар-худат обвиняется в том, что силой присвоил имущество упомянутых дихкан. Таким образом, в этом отрывке мы видим только то, что местный князь и представитель власти арабов могли поддерживать друг друга в противозаконных действиях. Очень возможно, что бухар-худат как первый дихкан страны [142] ущемлял права мелких землевладельцев, пользуясь при этом поддержкой арабского эмира (или амиля), за что он со своей стороны оказывал эмиру содействие во взимании налогов. Не приходится, пожалуй, сомневаться в том, что налоговые чиновники не придерживались сумм, указанных в мирном договоре, и взыскивали значительно больше; но едва ли можно думать, что они великодушно отдавали эти излишки местным владетелям. Однако распространение ислама могло быть нежелательным для этих владетелей и независимо от финансовых соображений; весь их авторитет держался на старых традициях; когда все население, по выражению Табари [143], «стало арабами», местный владетель рядом с эмиром утратил какое бы то ни было значение. Правда, это произошло позднее.

Убийство Тухшадой 400 новообращенных не могло произойти в 110/⟨728-29⟩ г.; это видно из того, что к началу восстания город Бухара находился в руках не арабов и их союзников, а во власти восставших

---

139 Вместо میدانی (строка 4) несомненно следует читать مدائنی. На то обстоятельство, что Нершахи использовал не только местное предание, как замечает Ван Флотен (*Recherches*, p. 25), но и старые арабские источники, указывает в особенности рассказ о Мухаллабе (Нершахи, изд. Шефера, 40—41), полностью выдержанный в стиле источников Табари и, кажется, не обнаруженный у дошедших до нас арабских авторов.

140 *Recherches*, pp. 20—22.

141 Изд. Шефера, 59.

142 Там же, 6.

143 Табари, II, 1508: وقد صار الناس كلّهم عربا.

и был осажден Ашрасом [144]. Как вел себя при этом Тухшада — неизвестно; Гурек во время одного сражения оказался отрезанным от арабской армии и вынужден был перейти к тюркам, однако вскоре вернулся к арабам и был вместе с ними осажден в крепости Кемерджа [145]; только его сын ал-Мухтар, несмотря на свое мусульманское имя, остался на стороне тюрков [146]. В армии хакана, державшего арабов в осаде внутри Кемерджи [147], были жители Ферганы, Тарбенда (главный город Шаша), Афшины (город неподалеку от Бухары) [148], Несефа, несколько отрядов из Бухары, а также персидский принц Хосрой, один из сыновей Йездигерда III или, согласно Ибн ал-Асиру [149], племянник Йездигерда и сын Хосроя, что хронологически, конечно, значительно вероятнее. После осады, длившейся 59 дней, арабы получили возможность отойти в Дабусию (нынешний Зияуддин); по-видимому, наряду с Самаркандом этот город был единственным в Согде и Бухаре укрепленным пунктом, оставшимся в руках арабов.

О событиях 111/729-30 г. Маркварт пишет очень кратко. Он сообщает, что новый наместник Джунейд б. Абдаллах ал-Музани одержал около Зермана, вблизи Самарканда, победу над хаканом; однако Маркварт умалчивает о крайне существенном для моих «выдумок» факте [150] — о том, что еще до этого сражения Васил б. Амр ал-Кайси прочно утвердился в Бухаре, установив там, таким образом, арабское владычество. Новый наместник назначил правителем Бухары Катана б. Кутейбу.

В 112 или 113 г. х. (730—732 гг.) арабы потерпели в горах между Кешем и Самаркандом «тяжелое поражение», подробно описанное Марквартом. Гурек в этот момент вновь перешел на сторону тюрков. Рассказ о походе Джунейда из Самарканда в Мерв через Бухару очень краток и, к сожалению, весьма неточен. До сражения под Тавависом арабам пришлось вынести еще одно сражение под Кермине, исход которого остался неясным. Под Тавависом тюрки были разбиты. В день михрджана Джунейд мог с триумфом войти в Бухару, жители которой, по восточному обычаю, встретили его бухарскими дирхемами; Джунейд приказал выдать каждому жителю 10 дирхемов [151]. Маркварт умалчивает и об этом факте;

---

[144] Там же, 1514.

[145] Согласно Сам'ани (рук., л. 371), Кемерджа находилась в 7 фарсахах от Самарканда.

[146] Табари, II, 1523.

[147] Там же, 1517.

[148] Ср. Нершахи, изд. Шефера, 14. В этом городе имелась старая мечеть, построенная еще Кутейбой; вероятно, это тот же город, что и упоминаемый у Табари (II, 1516) Месджид (в 1 фарсахе от Бухары); согласно Макдиси (282), Афшина находилась западнее Бухары.

[149] Изд. Торнберга, V, 112. Таким образом, здесь у Маркварта не было необходимости ограничиваться всего лишь предположением (*Die Chronologie* S. 34: «правильнее, пожалуй, внук»).

[150] Табари, II, 1529: و واصل فی اهل بخارا و کان ینزلها.

[151] Там же, 1550—1552.

очевидно, это неизбежно, если нужно назвать «выдумкой» мои слова о «полной зависимости» города от арабов.

Итак, посольство из города Бухары в Монголию в тот период было действительно невозможно; в сущности, Маркварт и сам не утверждает, что это возможно. Маркварт [152] читает: *соӷд бäрчiк äр букарык улыс будунда* — и переводит: «народ иранских (*пāрсūк*) мужей Согда и бухарских людей». Согласно Маркварту, выражение *бäрчiк äр* должно обозначать «согдийцев по национальности, придерживающихся старой религии», в противоположность стоящим на стороне арабов мусульманам, а возможно, и в противоположность тюркам. С исторической точки зрения против этого перевода можно возразить лишь одно: едва ли восточные тюрки так хорошо разбирались в отношениях на далеком западе, чтобы понимать эту «противоположность». Намного значительнее трудности языкового характера. Форма *бäрчiк* для *пāрсūк* почти так же невероятна, как *чуб* для *чжаову*. Как любезно сообщил мне академик К. Залеман, весьма вероятно, что гласный первого слога в слове *пāрсūк* произносился как *ō*; это подтверждается и китайской транскрипцией *босы*, так что едва ли он мог перейти в *ä*. Под «бухарскими людьми» Маркварт понимает, очевидно, восставших дихкан и их приверженцев. Слово *улыс* (*улус*) больше нигде в надписях не встречается; в остальных диалектах оно постоянно употребляется, когда говорится о кочевых народах и войсках кочевников, почти с тем же значением, что и *будун* надписей; употребление рядом обоих слов было бы более чем странно. Поэтому мне и теперь отнюдь не кажется невозможным, что упомянутые здесь народы не имеют ничего общего с Согдом и Бухарой [153].

Мы находим у Маркварта и некоторые сведения из более отдаленной истории западных тюрков. В 119/737 г. хакан, который жил у Невакета (на р. Чу) и благодаря своим опустошительным военным набегам получил у арабов прозвище Абу Музахим ('Слон' или 'Бык'), предпринял поход против арабов и дошел до Тохаристана, где он объединился с джабгу карлуков; тюрки были там разбиты, а самого хакана вскоре после этого убил владетель тюргешей Курсуль (Кюль-чур) [154].

---

[152] *Die Chronologie*, S. 32—33.

[153] ⟨Мнение В. В. Бартольда подтвердилось — в надписях речь идет о согдийских колониях в Семиречье. См. Кляшторный, *Согдийцы в Семиречье*.⟩

[154] Табари, II, 1593—1613. Разумеется, упомянутые здесь карлуки не имеют ничего общего с основной массой этого народа, который вскоре после описанных событий завоевал область нынешнего Семиречья. جبغوية الخرلخىّ, упомянутый Табари (II, 1612), несколькими строками выше и на стр. 1604 назван جبغوية الطخارىّ. Джабгу из Тохаристана упоминается у Табари (II, 1206, 1224) уже во времена Кутейбы; итак, эта часть карлуков, очевидно, обосновалась на Аму-Дарье очень рано. Правда, Маркварт (*Historische Glossen*, S. 184) хочет видеть в слове الخرلخى у Табари «более позднее добавление». Нам отнюдь не кажется невозможным, что области по верхнему течению Аму-Дарьи находились в то

Как отмечает и сам Маркварт [155], этот хакан, по-видимому, тождествен Сулу китайцев; убийство Сулу китайцы относят к 738 г. Это событие повело к полному распаду империи тюрков, особенно после того, как в в 121/739 г. на Сыр-Дарье арабы под предводительством Насра б. Сейяра взяли Курсуля в плен и казнили его [156]. Распад тюркской империи и успехи арабского оружия при Насре [157] побудили восставших согдийцев заключить мир с арабами и вернуться на родину (128/741 г.); для них были созданы исключительно благоприятные условия; было даже установлено, что те, кто принял ислам, а потом отрекся от него, не должны подвергаться за это преследованиям [158].

Прежние земли тюргешей постепенно заняли карлуки, во владение которых в 766 г. перешла и резиденция хана тюргешей (на р. Чу). Племена огузов, из которых раньше состояли «десять орд» империи западных тюрков, основали в Восточном Туркестане [159] государство токуз-огузов, а на Сыр-Дарье — государство гузов. У нас нет точных данных относительно времени основания обоих государств, особенно второго. Вопреки Маркварту, мы можем утверждать, что в событиях в Трансоксании в конце VIII—начале IX в. наряду с карлуками принимали участие и огузы. Тех тюрков, которых в 205/⟨820-21⟩ г. призвал в свои земли один из владетелей Усрушаны [160], Табари называет совершенно определенно токуз-огузами [161].

Согласно Маркварту [162], «в 162 г. х. ябгу (جبغوية) карлуков присягнул на верность ал-Махди и принял ислам»; это сообщает Я'куби, который, однако, в том же отрывке [163] заставляет приносить арабам присягу также владетеля Тибета, хакана токуз-огузов и даже китайского императора,

---

время во владении одной из ветвей карлуков; очевидно, название этого народа сохранилось в названии реки Каллук (как известно, خلّخ является персидской формой слова *карлук*, которая, между прочим, часто встречается у Фирдауси), впадающей в Сурхан; один русский исследователь вместо Каллук пишет даже Карлук (Галкин, *Сурханская долина*, стр. 369).

155 *Die Chronologie*, S. 39. Мне кажется также правильным отождествление Марквартом Кюль-чура с Мохэ-даганем китайцев и толкование титула этого последнего как *бага-тархан*.

156 Табари, II, 1689—1691.

157 Высказывание Ван Флотена о больших заслугах этого наместника (Van Vloten, *Recherches*, p. 30) тем справедливее, что незадолго до его назначения положение арабов в Трансоксании было очень тяжелым. Кажется, на короткое время арабы потеряли даже Самарканд, так как в 117 или 118 г. х. ⟨735—736 гг.⟩ наместник Асад велел возвести у Варагсера плотину, чтобы лишить город воды (Табари, II, 1586).

158 Табари, II, 1717.

159 Китайцы называли их *шато туцзюе* (собств. 'тюрки пустыни'); ср.: Parker, *A thousand years*, p. 246; Бичурин, *Собрание сведений*, I, 452.

160 Ср. Балазури, 430—431.

161 Табари, III, 1044 (التغزغزيّة).

162 *Die Chronologie*, S. 25.

163 Я'куби, *Та'рӣх*, II, 479.

что, конечно, делает весь рассказ крайне сомнительным. Однако впоследствии карлуки, кажется, действительно приняли ислам, так как завоевание города Баласагуна тюрками-язычниками в 330/⟨941-42⟩ г. послужило поводом к священной войне [164]. Вероятно, тогдашние завоеватели Семиречья принадлежали к династии илек-ханов, которые в конце этого же столетия завоевали еще и империю Саманидов. Илек-ханы приняли ислам только после завоевания Семиречья; действительно, Ибн ал-Асир [165] рассказывает, что в 349/960-61 г. принял ислам один многочисленный народ (200 000 кибиток); вероятно, это сообщение относится к илек-хану и его подданным.

В заключение, суммируя все сказанное мною о работе Маркварта, я вовсе не намерен отрицать, что я, как и любой другой читатель, кое-что извлек из этой работы. Несмотря на это, указанная работа, независимо от причин личного характера, произвела на меня тяжелое впечатление. Когда к таким средствам прибегает псевдоученый, который только грубостью и может обратить на себя внимание, то это, в общем, естественно. Печально, когда профессиональный — в лучшем смысле этого слова — представитель науки, которому даны все возможности выдвинуться при помощи ума и таланта, ищет скандального успеха, бесцеремонно выступая против живых и умерших коллег.

Суждение о высказываниях, затрагивающих меня лично, я должен, разумеется, предоставить кому-либо другому. Однако я должен взять под защиту от Маркварта давно уже покоящегося в могиле заслуженного ученого, которому бесконечно многим обязан каждый, занимающийся историей Средней Азии. Вероятно, Станислав Жюльен иногда допускал в своих переводах ошибки; перевод с китайского, особенно перевод древних произведений, связан с большими трудностями даже для крупных синологов. У него могут встречаться также ошибки вследствие рассеянности, от которых, к сожалению, не свободен ни один ученый. Однако это ни в коей мере не оправдывает упрека в «невероятной рассеянности» [166]. Сам богатый идеями, Маркварт, при чтении не оригинального текста, а французского перевода «рассеянного» Жюльена, умудрился вовсе не заметить примечания, находящегося в цитируемом им самим тексте, и спутать две совершенно разные личности [167]. Будем надеяться, что Маркварт, испытав все на собственном опыте, станет несколько снисходительнее судить об ошибках другого и будет осмотрительнее в своих выражениях, по крайней мере в отношении тех, кто уже не может себя защитить.

---

[164] Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 189; пер., 277. Высказанное Нёльдеке (ZDMG, Bd XLVI, S. 767) сомнение в достоверности этого рассказа везира сельджуков опровергнуто *Фихристом* (I, 188).

[165] Изд. Торнберга, VIII, 396.

[166] Marquart, *Die Chronologie*, S. 12.

[167] ⟨См. выше, стр. 302.⟩.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБ ОРХОНСКИХ НАДПИСЯХ

Еще в 1894 г. (апрель) проф. Н. И. Веселовский познакомил читателей «Журнала Министерства народного просвещения» с результатами гениального открытия копенгагенского профессора В. Томсена, благодаря которому был найден ключ к чтению сибирских рунических надписей [1]. В последующие годы содержание двух больших орхонских надписей вызвало целый ряд лингвистических и исторических исследований, на основании которых П. М. Мелиоранский в прошлом году (июнь) постарался дать обзор заключающихся в надписях исторических, географических и этнографических сведений [2]. С тех пор орхонские надписи были предметом еще нескольких новых работ, вследствие чего взгляды, изложенные в статье П. М. Мелиоранского, теперь нуждаются в некоторых существенных изменениях и дополнениях. Особенное значение имеет превосходная работа д-ра И. Маркварта [3], который на основании сравнения исторических известий, заключающихся в надписях, с данными китайских и арабских источников доказал, что рассказанные в надписях события большею частью произошли на десять лет раньше, чем полагали прежние переводчики и комментаторы. Собранные Марквартом данные позволили проф. Бангу предложить новое, несомненно правильное толкование употреблявшейся орхонскими турками системы счисления. Двузначные числа обозначались двумя способами: или десятки ставились впереди единиц (например, *отуз артуkы бір*, буквально — «больше тридцати один»), или единицы впереди десятков (например, *бір kырk*, буквально — «один—сорок»); но в последнем случае имелись в виду десятки следующего высшего порядка, так что *бір kырk* значит не 41, как думали прежде, а 31. Открытие Маркварта и Банга устраняет все хронологические противоречия и несообразности, вызывавшие недоумение прежних исследователей, и, конечно, существенно изменяет наше представление о хронологии и последовательности соответствующих исторических событий; оказывается, что события излагаются в надписях в строгом хронологическом порядке. Из других теорий Маркварта для нас важнее всего приведенные им решающие доводы в пользу того, что

[1] ⟨Веселовский, *Орхонские открытия.*⟩
[2] Мелиоранский, *Об орхонских памятниках.*
[3] *Die Chronologie.*

под рекой Йенчу можно понимать только Сыр-Дарью, под Железными воротами (Темир-капыг) — только проход Бузгала в горах Байсун-тау. Итак, орхонские турки в своих войнах с тюргешами заходили гораздо дальше на запад, чем полагали пишущий эти строки и г-н Мелиоранский [4].

Изданный в текущем году новый выпуск книги В. В. Радлова *Die alttürkischen Inschriften* [5] также заключает в себе ценный исторический материал. В книге помещены: 1) текст и перевод новой большой надписи [6] (открытой летом 1897 г. г-жой Клеменц в Байн-Цзокто, между почтовой станцией Налайхой и правым берегом реки Толы) с приложением лингвистического исследования В. В. Радлова; 2) «послесловие» к этой надписи, принадлежащее известному синологу проф. Ф. Хирту, где подробно излагаются китайские известия о царствовании первого из турецких ханов новой династии, Ильтереса, или Кутлуга; 3) статья пишущего эти строки, где, в связи с открытием Маркварта и Банга, вновь рассматривается внешняя история турок и хронология событий VII и VIII вв., причем сделана попытка дать более тщательное исследование арабских источников, чем то, которое мы находим в книге Маркварта.

Особенное научное значение имеет статья проф. Хирта, резко отличающаяся от прежних работ синологов по истории Средней Азии. Тогда как последние обыкновенно ограничивались переводом какого-нибудь одного сочинения, причем основывали свою транскрипцию собственных имен исключительно на современном произношении, труд проф. Хирта удовлетворяет всем требованиям исторической и филологической науки. Ввиду трудностей, с которыми соединено подобное исследование, переводчики и комментаторы китайских текстов, по мнению проф. Хирта, не должны задавать себе слишком широких задач: тщательный перевод отдельной главы, с подробными и строго научными объяснениями, часто приносит больше пользы, чем спешный перевод целой книги. Следуя такой системе, сам проф. Хирт дает текст и перевод только одной главы из «Истории династии Тан» (*Тан-шу*); выбранная им глава обнимает только царствование Ильтереса (Кутлуга). Эти данные объясняются, проверяются и дополняются на основании других доступных автору источников, из которых самый ранний (*Тун-дянь*, сочинение Ду Юя, 733—812 гг. н. э.) относится еще к VIII в. Многие сведения заимствованы из биографических и этнографических приложений к *Тан-шу*; впоследствии проф. Хирт надеется подвергнуть такой же обработке главы, касающиеся царствований Мочжо и Могиляна.

В предлагаемой статье мне хотелось вкратце изложить результаты упомянутых исследований Маркварта, Банга, Радлова и Хирта, насколько ими изменены и дополнены прежние взгляды, положенные в основу статьи

---

[4] *Об орхонских памятниках*, стр. 264, 267, 284, 290.
[5] 〈*Die alttürkischen Inschriften*, Zweite Folge.〉
[6] Мелиоранский, *Об орхонских памятниках*, стр. 273, 283.

г-на Мелиоранского [7]. Подобно этой статье, наша статья предназначена не для специалистов, имеющих возможность изучать в подлиннике названные исследования, а для более обширного круга читателей.

Надпись, открытая г-жою Клеменц, принадлежит упомянутому как в орхонских надписях, так и в китайских источниках Тоньюкуку, ближайшему советнику трех ханов и тестю Бильге-хана. В китайских источниках Тоньюкук упоминается только с 716 г.; что касается его роли в царствование Ильтереса, то те подвиги и заслуги, которые Тоньюкук приписывает себе, по словам китайцев, были делом некоего Ашиде Юань-чжэня, будто бы убитого в 689 г., в войне с тюргешами. Убедительными доводами проф. Хирт доказывает, что Юань-чжэнь и Тоньюкук — одно и то же лицо; слух о его смерти на отдаленном западе мог быть распущен ханом Мочжо и самим Тоньюкуком из политических видов: между ханом и китайским правительством временно установились хорошие отношения; исчезновение самого опасного врага китайцев, изменника Юань-чжэня, не могло не способствовать укреплению этой дружбы. Возможно также, что мы имеем здесь просто ошибку китайского историка, вызванную тем, что во главе восточнотурецкого войска в начале похода стоял Юань-чжэнь, потом — Мочжо; историк объяснил себе эту перемену смертью Юань-чжэня [8].

На основании надписи Тоньюкука и исследованных проф. Хиртом китайских источников мы получаем следующее представление о царствовании Ильтереса. Восстание против китайского владычества произошло в 682 г. [9]; предводитель восстания происходил из ханского рода Ашина; при китайском владычестве его отец стоял во главе одного из подчиненных китайцам племен; сын наследовал отцу в этой должности; надпись называет его шадом племени ыдат [10]. Патриотическое воодушевление турок, о котором говорится в надписи Кюль-тегина [11], вызвало уже несколько попыток свергнуть чужеземное иго; неудачный исход этих попыток Тоньюкук объясняет непостоянством самих турок: еще не имея хана, они поднимали восстание; избрав хана, они покидали его и снова переходили на сторону китайцев. Все эти движения происходили в провинции Юнь-чжун, к северу от нынешнего города Датунфу, за Великой стеной. Область была населена покоренными турками; во главе граждан-

---

[7] Для удобства читателей я везде стараюсь придерживаться той же транскрипции собственных имен, какая была принята г-ном Мелиоранским. ⟨В настоящем издании эта транскрипция изменена в соответствии с транскрипцией, принятой в остальных статьях.⟩

[8] ⟨Об идентичности Юань-чжэня и Тоньюкука в свете новых материалов см.: Кляшторный, *Древнетюркские памятники*, стр. 25—37; его же, *Тоньюкук*.⟩

[9] Ср. Мелиоранский, *Об орхонских памятниках*, стр. 264.

[10] ⟨Чтение В. В. Радлова (*Die alttürkischen Inschriften*, Zweite Folge, S. 3, 90), которому следует В. В. Бартольд, здесь ошибочно. Следует читать не *idatšdi* 'шад ыдатов', а *ыда ташда* 'среди деревьев и камней'. Ср. Малов, *Памятники*, стр. 61.⟩

[11] Мелиоранский, *Об орхонских памятниках*, стр. 283.

ского управления стояла семья Ашиде. Незадолго до восстания Ильтереса один из членов этой семьи, Юань-чжэнь (Тоньюкук), получивший основательное китайское образование, был посажен в тюрьму за какую-то провинность; теперь он попросил позволения действовать против мятежников будто бы для того, чтобы загладить свою вину. Его просьба была исполнена, но он воспользовался своей свободой только для того, чтобы вступить в сношения с Ильтересом и сделаться его главным советником. Такая роль довольно часто принадлежала представителям рода Ашиде, знакомым со всеми тонкостями китайской политики, при князьях из рода Ашина. Если в надписях, составленных от имени Бильге-хана, источником всякой истинной мудрости, всякого правильного понимания блага народа является хан [12], то Тоньюкук признает за своим ханом только военную доблесть, а о его умственных способностях отзывается довольно нелестно: «Если он знает, что за его спиной тощий бык и жирный бык, он не умеет отличить жирного быка от тощего» [13]. С другой стороны, ему, Тоньюкуку, «бог дал мудрость»; военной доблестью хана и мудростью его советника объясняется возвышение турецкого народа. Хан, как в прежних надписях, носит титул Ильтерес-кагана; китайцы называют его Гудулу (Кутлуг 'Счастливый'); то же самое название, как видно из данных, приведенных проф. Хиртом, прилагалось также ко многим другим членам ханского рода. Вследствие этого проф. Хирт считает слово Кутлуг «чем-то вроде второго фамильного имени, может быть служившего для обозначения особой ветви большого рода Ашина». Вернее, кажется, видеть в термине *кутлуг* просто титул членов царской семьи, вроде нашего «высочества».

Местопребыванием нового кагана и его советника первоначально была местность Каракум ('Черный песок', по-китайски Хэй-ша), т. е. степь между горами Иньшань и Хангай. Их воины питались главным образом дичью. В этой местности турки подверглись нападению коалиции огузов, китайцев и китаев; инициатива заключения этого союза в надписи Тоньюкука приписывается главе той ветви огузов, которая жила к северу от наших турок, т. е. Баз-кагану надписи Кюль-тегина [14]. По совету Тоньюкука хан одновременно отправил отряды на восток, на юг, на запад и на север и этим предупредил соединение врагов.

---

[12] Там же, стр. 271—272.

[13] Несмотря на возражения В. В. Радлова (*Die alttürkischen Inschriften*, Zweite Folge, S. 117), такое толкование этого места представляется мне единственно возможным и вполне согласным с контекстом. Возможно, что Тоньюкук этими словами указывает не на умственную ограниченность хана, а на его неукротимую храбрость, не разбиравшую, который враг силен и который слаб, вследствие чего «мудрому советнику» приходилось сдерживать (*кыс-*) своего государя. ⟨Перевод В. В. Бартольда правильнее передает здесь содержание надписи, чем перевод В. В. Радлова. Ср. Малов, *Памятники*, стр. 65.⟩

[14] Мелиоранский, *Об орхонских памятниках*, стр. 283.

Огузы были разбиты на реке Толе; после этого турки перенесли свою столицу дальше на север, в Ötюкенскую чернь, т. е., по определению В. В. Радлова и проф. Хирта, в горную страну к западу от Орхона, между Хангаем и Кэнтэем [15]. О нападении на огузов говорится и в китайских источниках, по которым оно произошло еще до присоединения Тоньюкука к Ильтересу. В Ötюкенской черни вокруг нового хана собрался народ с разных сторон, с юга, запада, севера и востока.

О делении образовавшегося таким образом эля на колена тёлесов и тардушей [16] у Тоньюкука не говорится; термин *тёлес* у него не встречается; имя тардушей встречается при упоминании хана Мочжо, который при жизни брата был шадом этого колена. С другой стороны, Тоньюкук часто употребляет не встречающийся в более поздних надписях термин «турецкий народ сир» (или «народ турок и сиров»; грамматически возможно то и другое). В. В. Радлов и проф. Хирт приходят к заключению, что имя часто упоминаемого в китайских источниках колена сеяньто [17] представляет только транскрипцию слов *сир-тардуш*. Остатки этого некогда сильного колена жили в степи Каракум, где присоединились к Ильтересу; после усиления нового эля, когда в состав его вошли и другие элементы турецкого народа, имя сир утратило значение и потому не встречается в надписях Кюль-тегина и Бильге-хана.

В следующие годы (683—687) турки произвели целый ряд набегов на китайские области. В надписи Тоньюкука, как и в открытых прежде надписях [18], говорится о походах на область Шаньдун; проф. Хирт доказывает, что такое название в то время прилагалось не к нынешней провинции этого имени, а к провинции Чжили [19]. В конце царствования Ильтереса в союз с китайцами вступили западные турки, именно киргизы и тюргеши. И в этом случае Ильтерес, руководимый Тоньюкуком, расстроил планы врагов быстротой своих действий. Так как «единственный» известный проход через горы Кёгмен (под этим названием несомненно надо понимать Саянский хребет, а не горы Танну-Ола) [20] в то время был закрыт (вероятно, снегами), Тоньюкук повел турецкое войско через указанный ему проводником из народа азов неизвестный перевал, где проложил себе дорогу через высокий снег; благодаря этому ему удалось

[15] Ср. там же, стр. 270.

[16] Там же, стр. 275.

[17] Бичурин, *Собрание сведений*, I, 426—433.

[18] Мелиоранский, *Об орхонских памятниках*, стр. 284. Итак, под «Зеленой рекой» следует понимать Хуанхэ («Желтую реку»), а не «Голубую реку» (т. е. Янцзыцзян). ⟨В надписях река, через которую переправлялись тюрки во время походов на Китай (Хуанхэ), названа *јашыл ÿгÿз* ‘зеленая река’. Как установил теперь В. М. Наделяев (*Выступление*, стр. 195), слово *јашыл* обозначает в тюркских языках Сибири не только зеленый, но и светло-желтый цвет, а поэтому тюркское название реки — точная калька китайского названия.⟩

[19] ⟨Современная провинция Хэбэй.⟩

[20] Ср. Мелиоранский, *Об орхонских памятниках*, стр. 281.

застать врасплох киргизов, убить их хана и подчинить народ. Вернувшись на родину, он узнал, что тюргешский каган решил произвести вторжение в Монголию и что китайцы также готовы выступить против турок. В то время умерла жена Ильтереса, что заставило последнего вернуться домой для устройства похорон; начальство над войском он поручил своему брату Мочжо и Тоньюкуку, приказав им занять позицию около гор Алтун-йыш [21] (Южный Алтай). Здесь они узнали, что тюргеши собирают войско в равнине Ярыш (вероятно, в северной части Семиречья). Тоньюкук и здесь с успехом применил систему «стратегического наступления»: «без дороги» он перешел через хребет Алтун-йыш, «без брода» переправился через реку Иртыш и пришел в место Болчу; несмотря на такую быстроту действий, в равнине Ярыш все-таки успело собраться до 100 000 тюргешей. Это известие смутило бегов, которые уже стали говорить об отступлении; Тоньюкук, однако, сумел воодушевить их и повести на врагов. В двух битвах тюргеши были разбиты; их хан и с ним пятьдесят воинов были взяты в плен, их ябгу и их шад [22] были убиты; народ подчинился победителям. Присоединив к себе войско тюргешей, Тоньюкук повел свое войско на юго-запад, переправился через реку Йенчу (Сыр-Дарью), дошел до Железных ворот (проход Бузгала) и на обратном пути разбил войско согдийцев.

Китайские известия позволяют нам дополнить рассказ Тоньюкука некоторыми подробностями и точнее определить время совершения событий. Туркам действительно пришлось воевать одновременно с тюргешами и китайцами. Осенью 689 г., когда Тоньюкук повел войско к Алтаю, Мочжо выступил против китайцев (итак, поход против киргизов, вероятно, произошел зимой 688/89 г.) [23]. Во главе китайского войска стоял Сэ Хуай-и, любимец государыни; ему было поручено наказать «нарушивших неприкосновенность границы» турок. Он дошел до скалы Шаньютай (к северо-западу от Датунфу), не застал турок и ограничился тем, что поставил камень с надписью, в которой изобразил свои подвиги. Весь поход, по мчению проф. Хирта, был предпринят только для вида, чтобы дать фавориту возможность выступить в роли славного полководца и этим заранее оправдать ожидавшие его милости. Мочжо вследствие незначительности своего войска не желал столкновения с китайцами; Хуай-и, не обладая никакими военными дарованиями, не спешил идти на врага; прибыв на границу после ухода турок, он мог только радоваться такому благоприятному обороту дела и не думал преследовать ушедших. После отступления китайцев Мочжо поспешил соединиться с Тоньюкуком.

---

[21] Там же, стр. 264.

[22] Об этих титулах см. там же, стр. 274.

[23] 〈В действительности, как показал В. Томсен (*Turcica*, pp. 92—93), киргизский поход Тоньюкука состоялся зимой 710/11 г. О датировке событий, описанных в надписи Тоньюкука, см. выше, стр. 297, прим. 83.〉

В государстве западных турок уже несколько лет происходили смуты. Хан из рода Ашина, Хусэло, восстановил против себя народ своей жестокостью; этим воспользовался Учжилэ, начальник тюргешей, одного из десяти западнотурецких поколений [24], и постепенно привлек на свою сторону почти весь народ. В борьбе с восточными турками он потерпел поражение и был взят в плен, но потом заключил союз с завоевателями и уговорил их идти вместе с ним на ту часть народа, которая сохранила верность Хусэло; этим объясняется движение Тоньюкука и Мочжо на юго-запад. По китайским известиям, окончательная победа над западной ветвью дома Ашина была одержана Учжилэ в союзе с Мочжо; уже в конце 690 г. Хусэло со своими приверженцами должен был искать убежища в китайских пределах.

Вскоре после войны с тюргешами последовала смерть Ильтереса. Китайские источники указывают для этого события различные даты (690—693 гг.); по надписям, в год смерти Ильтереса его старшему сыну было восемь лет, второму сыну — семь лет, что как будто указывает на 692 или конец 691 г. (см. ниже); проф. Хирт оставляет вопрос открытым, но более склоняется в пользу другой даты, именно 693 г. По надписи Кюль-тегина, Ильтерес в своей жизни совершил сорок семь походов и дал двадцать битв [25]; Тоньюкук насчитывает двадцать девять битв, из них семнадцать с китайцами, семь с китаями и пять с огузами. Походы, как заметил еще проф. Томсен, обыкновенно носили характер набегов с целью грабежа; грабители спешили вернуться в степь со своей добычей до столкновения с военными силами; оттого естественно, что число походов значительно превышает число битв. Таковы были особенно походы на Китай; борьба с соплеменниками хана, огузами, по-видимому, имела более ожесточенный характер; на этой борьбе Тоньюкук останавливается особенно подробно; в ряду «балбалов» [26], поставленных у могилы Ильтереса (т. е. ряду изображений побежденных им врагов), первое место занимало изображение Баз-кагана огузов.

Ильтересу наследовал его брат Мочжо, которому в это время было двадцать семь лет; в надписях он носит титул Капган-кагана [27]. Он с успехом продолжал дело Ильтереса и довел могущество династии до высшей степени. По-видимому, подвиги Мочжо несколько затмили в глазах народа славу его предшественника; Тоньюкук считает нужным протестовать против такой несправедливости. Вполне признавая, что и новый хан,

---

[24] Замечание г-на Мелиоранского (*Об орхонских памятниках*, стр. 287), что «под тургешами надо разуметь западных тугю» китайских источников, не совсем точно.

[25] Мелиоранский, *Об орхонских памятниках*, стр. 283.

[26] Там же, стр. 270.

[27] До сих пор читали обыкновенно *Капаган* (ср. там же, стр. 265, 274, 286); но г-н Маркварт доказал, что тот же титул встречается в известиях о болгарах в форме *καυχάνος* или *καυκάνος*, в известиях об аварах — в форме *capcanus*. ⟨Об имени (титуле?) *Капаган* см.: Sinor, *Qapqan*; Clauson, *A note on Qapqan*.⟩

трудясь для блага народа, «не спал по ночам, не отдыхал в течение дня», престарелый государственный деятель, однако, настаивает на том, что без трудов Ильтерес-кагана и его, мудрого Тоньюкука, не было бы ни государства, ни народа, ни самого Капган-кагана. Свою славу Тоньюкук связывал исключительно со славой своего первого повелителя и потому, хотя пережил последнего более чем на тридцать лет, только в самых общих словах говорит о следующих царствованиях.

Известия о царствовании Мочжо мы, кроме китайских источников, находим также в надгробных надписях его обоих племянников; надписи, как известно [28], были сочинены другим членом ханского рода, царевичем Йолыг-тегином, причем последний говорит только о тех походах, в которых его герои лично принимали участие. Теперь оказывается, что в жизнеописании Кюль-тегина почему-то говорится только о тех подвигах этого героя, которые были совершены в царствование его дяди, хотя из китайских источников мы знаем, что Кюль-тегин и в царствование своего брата стоял во главе турецких военных сил [29]. Время совершения того или другого похода обыкновенно определяется возрастом одного из двух братьев, иногда обоих; сравнение этих данных с хронологическими указаниями китайцев заставляет полагать, что начало жизни Могиляна относили ко второй половине 683, начало жизни Кюль-тегина — к первой половине 685 г.; при этом возможно, что турки, как китайцы, считали возраст человека не со времени рождения, а со времени зачатия. Более точные хронологические определения (год животного цикла, месяц и день) встречаются очень редко. Двенадцатилетний цикл, в котором каждый год обозначается названием какого-нибудь животного, заимствован среднеазиатскими народами у китайцев [30]. В Китае эти названия первоначально служили для обозначения двенадцати месяцев, как у западных народов; китайские изображения животных цикла, по словам проф. Хирта, заставляют предполагать влияние греко-бактрийских художников; возможно, что и самый факт принятия китайцами животного цикла следует объяснить влиянием бактрийской культуры. После того как названия животных были приурочены к годам двенадцатилетнего цикла, отдельные месяцы стали обозначаться только числительными. Турки, приняв в 586 г. календарь от китайцев, заимствовали у них названия годов цикла; что касается названий месяцев у турок того времени, то полного списка их мы не имеем; надписи дают нам только несколько названий, с которыми можно сравнить список месяцев у западных турок, приведенный арабским ученым ал-Бируни (XI в.), и названия уйгурских месяцев в эпоху монгольского владычества (XIII—XV вв.). Г-н Маркварт доказывает, что, по Бируни, первые два месяца турецкого года носили названия *улуҕ ай* ('большой месяц') и *кічіг ай* ('малый месяц'); остальные

[28] Мелиоранский, *Об орхонских памятниках*, стр. 279.
[29] Там же, стр. 289; Бичурин, *Собрание сведений*, I, 335.
[30] ⟨Это — ошибочное мнение; см. выше, стр. 299, прим. 90.⟩

месяцы обозначались порядковыми числительными, от единицы до десяти, так что «десятый» по названию месяц, как в римском календаре, на самом деле был двенадцатым. Эта теория подтверждается данными, приведенными проф. Хиртом: похороны Кюль-тегина, по надписям, произошли в 9-м месяце, по китайским известиям — в 11-м; смерть Бильге-хана — по надписям, в 10-м месяце, по китайским известиям — в 12-м. Итак, год начинался у турок в то же самое время, как у китайцев, и только названия месяцев были различные. По мнению проф. Хирта, у турок еще до ознакомления с китайской культурой месяцы обозначались порядковыми числительными, от единицы до двенадцати, причем начало первого месяца приходилось на первое весеннее новолуние (от 20 марта до 19 апреля); чтобы привести год в полное соответствие с китайским, перед прежним «первым» месяцем были вставлены один «большой» и один «малый» месяц, причем эти названия также были заимствованы у китайцев и заменили прежние названия 11-го и 12-го месяцев. Некоторые сомнения возбуждает, однако, уйгурский календарь, в котором первый и последний месяцы обозначались особыми терминами, остальные — порядковыми числительными, от двух до одиннадцати, так что название каждого месяца вполне соответствовало его положению в ряду других. Древность этих названий видна уже из грамматического образования числительных: так, название второго месяца (*ікінді*) сходно с той формой, которая встречается в наших надписях, тогда как у Бируни мы имеем другую форму (*ікінч*); еще замечательнее название 11-го месяца — *бір йігірмінч*, букв. 'один двадцатый', указывающее на систему счисления наших надписей, не встречающуюся ни в каком более позднем источнике; между тем существование такого названия у орхонских турок разрушило бы теорию Маркварта и Хирта. Все-таки фактические данные, приведенные проф. Хиртом, позволяют нам пока придерживаться этой теории; следует надеяться, что открытие новых надписей позволит нам составить полный список названий месяцев у орхонских турок или, по крайней мере, выяснить, употреблялись ли у них термины *улуҕ ай*, *кічіг ай* и *бірінч*, как у турок Бируни, или термины *арам*, *бір йігірмінч* и *чакшабут*, как у уйгуров. Что касается обозначения отдельных дней, то теперь приходится отвергнуть прежнюю теорию проф. Томсена о принятии турками сложной системы китайского шестидесятидневного цикла [31]; проф. Томсен хотел объяснить этим упоминание «37-го» дня; теперь, когда вместо 37-го приходится читать 27, мы не имеем основания сомневаться в том, что этими числительными обозначались просто дни месяца, как у всех древних народов.

В надписях, составленных от имени Бильге-хана, говорится, что он и Кюль-тегин при жизни их дяди принимали участие в 25 походах и в 13 битвах. Участие обоих царевичей в политической жизни турок на-

---

[31] Мелиоранский, *Об орхонских памятниках*, стр. 268.

чалось с 697 г., когда старший из них, 14 лет от роду, был назначен шадом народа тардуш (китайцы относят это событие к 8-му месяцу 699 г.). Из походов, в которых они принимали участие, в надписях говорится о следующих [32]:

1) Поход Могиляна на Тангут в 700 г. (по китайским известиям — в 1-м месяце 702 г.).

2) Поход на запад против согдийцев во второй половине 701 г. Слова *алты чуб*, стоящие перед словом *соɣдак*, и теперь остаются загадочными. В надписях говорится только об «опустошении» страны турками, причем не сообщаются никакие подробности ни о причинах похода, ни о событиях, предшествовавших появлению орхонских турок в такой отдаленной стране, так что мы не знаем, действовали ли они в союзе с тюргешами или находились в войне с ними; в последнем случае вторжение в Согдиану пришлось бы объяснить преследованием разбитых врагов. Может быть, Мочжо поддерживал своего старого союзника Учжилэ против каких-нибудь претендентов из ханского рода, которые, как впоследствии Ашина Синь, могли утвердиться в западной части степи. Во всяком случае поход не имел больших результатов. Арабский наместник Мухаллаб с 699 г. осаждал город Кеш (ныне Шахрисябз в Бухарской области) и осенью 701 г. принудил город уплатить выкуп и дать заложников; в этой осаде ему турки не помешали; но на обратном пути из Кеша в Балх два незначительных арабских отряда, один за другим, подверглись нападению со стороны шайки турок, состоявшей из 500 человек. Возможно, что эта шайка принадлежала к войску орхонских турок или, что еще более вероятно, составляла часть разбитых и рассеянных ими врагов [33].

3) Победа над пятидесятитысячным китайским войском, во главе которого стоял Онг-тутук (вероятно, в 702 г.). По мнению г-на Маркварта, имеется в виду полководец Сян-ван, поставленный во главе пограничных областей, с титулом Анбода-дуду. Китайские источники, однако, ничего не говорят о его поражении и обвиняют его только в бездействии, вследствие которого турки во вверенных ему областях произвели большие опустошения.

4) Поход против идикута басмылов для наказания его за неплатеж дани (703 или 704 г.).

5) Новая битва с китайцами в 706 г.; на этот раз было разбито восьмидесятитысячное войско Чача-сенгуна. Китайцы относят поражение Шачжачуни к 12-му месяцу, т. е. к январю 707 г.

6) Победа при озере Турги-Яргун над народом йер-байырку, во главе которого стоял Улуг-иркин (707 г.?).

7) Походы на запад, 709—713 гг. Неизвестно, образовался ли и в этом случае союз западных народов против орхонских турок, как при

[32] Ср. там же, стр. 284 и сл.

[33] ⟨Об обстоятельствах и направлении походов 700—702 гг. см. подробно Кляшторный, *Древнетюркские памятники*, стр. 78—93; см. также выше, стр. 299, прим. 90.⟩

Тоньюкуке. В надписях тюргешский каган (Шагэ китайских источников, у Иакинфа Согэ, вступивший на престол в 706 г.) и предводитель киргизов Барс-бег, получивший от Мочжо титул кагана и руку сестры Могиляна, обвиняются в неблагодарности и в нарушении своего долга по отношению к своему сюзерену, но о союзе между ними не говорится; сходство дальнейших событий с действиями Тоньюкука, однако, указывает на существование такого союза. В 709 г. Могилян перешел через реку Кем и при Орпене разбил народ чик; в том же году, по китайским известиям, брат Шагэ, Чжэну, призвал Мочжо на помощь против своего брата. Как в 688 г. Тоньюкук, Могилян и Кюль-тегин в конце 710 и в начале 711 г. совершили зимний переход через горы Кёгмен (Саянский хребет); в черни Сунга (вероятно, часть Алтая) хан (Барс-бег) был убит, и его народ покорен. В том же 711 г. турки перешли через Алтун-йыш и реку Иртыш; при Болчу тюргеши были разбиты, их хан, ябгу и шад поплатились жизнью. По китайским источникам, хан Шагэ был взят в плен; Мочжо велел убить как его, так и его брата Чжэну, причем сказал им: «Вы, будучи родными братьями, не могли жить в согласии, могу ли я положиться на вашу преданность?» [34]. Часть народа, именно кара-тюргеши ('черные тюргеши') [35], ушла на запад; преследуя их, турки дошли до берега Сыр-Дарьи, перешли через реку, вторглись в Согдиану и будто бы дошли до Железных ворот. В надписи между известиями о преследовании кара-тюргешей и о походе в Согдиану есть небольшой пропуск; едва ли поход был вызван преследованием врагов, так как Могилян здесь говорит не об «опустошении» страны, как в рассказе о походе 701 г., а только об «устроении» согдийского народа. Находясь в Согдиане, Могилян узнал, что кара-тюргеши напали на народ кенгересов; в то же время его воины страдали от недостатка провианта и их лошади отощали; кроме того, они подверглись нападению «храбрых мужей». «Раскаявшись» (в том, что зашел так далеко), Могилян послал Кюль-тегина с небольшим отрядом против кара-тюргешей; в «большом сражении» последние были разбиты; на возвратном пути Кюль-тегин победил еще Кошу-тутука (эта личность остается загадочной) [36].

Так как к тем же годам относятся величайшие успехи арабов в Средней Азии под предводительством хорасанского наместника Кутейбы б. Муслима, то столкновение между арабами и турками было неизбежно. Покорение Согдианы и Самарканда Кутейбой произошло в 712 г.; во время войны самаркандский царь просил помощи у своих соседей; последние отправили в Согдиану блестящий конный отряд из молодых представителей аристократии; во главе отряда, по одному известию, стоял «сын ха-

---

[34] Бичурин, *Собрание сведений*, I, 368.

[35] ⟨Выражение *кара тӱргіс будун* здесь следует переводить не 'народ черных тюргешей', а 'масса тюргешского народа', 'весь народ тюргешей'; ср. Малов, *Памятники*, стр. 411.⟩

[36] ⟨О Кошу-тутуке см. Кляшторный, *Древнетюркские памятники*, стр. 162.⟩

кана» (кагана). Кутейба отправил против этой конницы отборный отряд (300—600 человек) арабских витязей; арабам удалось завлечь своих врагов в засаду и истребить почти весь отряд. Вопреки мнению г-на Маркварта, этот рассказ Табари едва ли может быть отнесен к нашим туркам; едва ли Могилян и Кюль-тегин покинули бы в только что завоеванной стране главную массу своего войска, чтобы стать во главе небольшого отряда местных аристократов. Гораздо более соответствует надписям рассказ другого историка, Я'куби [37]. Кутейба, завоевав Самарканд, оставил там во главе арабского гарнизона своего брата Абд ар-Рахмана, а сам вернулся в Мерв. Немедленно после его ухода согдийцы произвели восстание и призвали на помощь турецкого хакана, который вступил в страну; арабы были заперты в городе Самарканде. Получив от брата известие об этом, Кутейба подождал до весны 713 г., потом двинулся против турок, разбил их и восстановил порядок в области. Итак, вступление турок в Согдиану произошло поздней осенью 712 г., и вся область, за исключением занятого арабами города Самарканда, приняла их как освободителей. Зимовка в опустошенной арабами стране гибельно отозвалась на состоянии турецкого войска; Кутейба отложил поход до весны, зная, что это время года — самое тяжелое для кочевников. При таких условиях нападение «храбрых мужей», т. е. воинов Кутейбы, должно было увенчаться успехом. О движении Кутейбы на Согдиану в 713 г. говорит и Табари, по словам которого жители Бухары, Кеша (Шахрисябза) и Несефа (Карши) должны были выставить 20 000 человек на помощь арабам. Следовательно, вопреки тексту надписей, турки занимали только «Согд» в тесном смысле слова, т. е. область города Самарканда, а не всю страну до Железных ворот. Упоминание последних, может быть, следует объяснить подражанием надписи Тоньюкука, рассказ которого о походах 688 и 689 гг. имеет так много сходства с рассказом о подвигах Могиляна и Кюль-тегина в тех же странах.

«Раскаявшись» в том, что неосмотрительно завел свое войско в такую отдаленную страну, Могилян должен был подумать об отступлении. Последнее далеко не было безопасно; с юга турок теснили арабы и их союзники; с севера им угрожали кара-тюргеши; кроме того, уже в 712 г.

---

[37] Наша статья была уже набрана, когда мы познакомились с рецензией проф. Хаутсмы (GGA, 1899, № 5) на книгу г-на Маркварта; рецензент одинаково отвергает мнение г-на Маркварта и предложенное мною сближение рассказа надписей с рассказом Я'куби. Проф. Хаутсма ссылается на хронологию надписей, но отступление от строгого хронологического порядка в этом месте является совершенно естественным и даже необходимым. Рассказав о походе против тюргешей, автор излагает военные действия, происходившие в той же стране с 711 по 713 г., потом переходит к рассказу о войне с карлуками, начавшейся в 712 г. и окончившейся битвами 714 и 715 гг. ⟨Ср. Бартольд, *Туркестан*, — наст. изд., т. I, стр. 245, прим. 2. Правомерность сопоставления предложенного В. В. Бартольдом рассказа надписей с рассказом Я'куби подтверждена новыми материалами; см. Кляшторный, *Древнетюркские памятники*, стр. 152.⟩

начали враждебные действия против них карлуки, жившие в Алтае. Кюль-тегин был послан вперед с большим отрядом, очевидно для того, чтобы прикрыть отступление своего брата, и блестяще выполнил свою задачу. Победа над кара-тюргешами была одержана им, конечно, в стране кенгересов, которых г-н Маркварт отожествляет с печенегами (у Константина Багрянородного Κάγγαρ и Κάγχαρ). В некоторых арабских источниках река Сыр-Дарья носит название Кангар или Канкар (в китайской транскрипции Каньцзе, по древнему произношению K'ankit); поэтому г-н Маркварт полагает, что печенеги в то время еще жили около этой реки. Вообще географические названия, имеющие звуковое сходство со словом Κάγγαρ, встречаются в бассейне Сыр-Дарьи очень часто; напомним только о терминах Канха и Канг (в Авесте и *Шāх-нāме*) и городе Кенкраке на нижнем течении Чирчика (у арабских географов); и теперь на нижнем течении Ангрена есть возвышенность Канга, или Канка, где «находится весьма много остатков древнейшей культуры в виде бугров, насыпей и валов» [38]. Вследствие этого теория г-на Маркварта приобретает большую долю вероятности, хотя удовлетворительного лингвистического объяснения формы *кäңäрäс* (особенно заключительного *-с*) мы не имеем [39].

8) Неудачная осада Бешбалыка (китайского Бейтина) в 714 г., по китайским источникам — в 3-м месяце.

9) Победа над карлуками на горе или при источнике Тамаге во второй половине 714 г. В этой битве участвовали оба брата; очень вероятно, что Кюль-тегин только к этому времени вернулся из похода на запад и что с ним соединился Могилян, который после похода на Бешбалык мог проводить лето в этой местности, вероятно на Иртыше.

10) Победа Кюль-тегина над азами при озере Кара-куль (715 г.).

11) Внутренние смуты 715—716 гг. По китайским известиям, Мочжо в старости сделался «глупее и неистовее» [40] и подданные начали отпадать от него; часть их переселилась в Китай. Могилян также говорит об «ослаблении государства» (эля) своего дяди, но объясняет восстание, бывшее причиной смерти хана, исключительно неразумием и негодностью его подданных. В 715 г., очевидно после возвращения из похода на азов, Могилян и Кюль-тегин участвовали в одной битве с изгилями и в пяти битвах с огузами; как известно, турецкое войско некоторое время находилось в затруднительном положении, но в конце концов все-таки победило врагов и расположилось зимовать в Магы-Кургане (или Амгы-Кургане), где пострадало от гололедицы. Узнав об этом, мятежники весной 716 г. решили произвести нападение на самую орду хана. Могилян вы-

---

[38] Е. Смирнов, *Древности*, стр. 134.

[39] ⟨Опыт этимологии этнонима кенгерес см. Кляшторный, *Древнетюркские памятники*, стр. 164—165.⟩

[40] Бичурин, *Собрание сведений*, I, 331.

ступил против них с частью войска, оставив во главе орды Кюль-тегина [41]; мятежники также разделили свои силы и отправили один отряд «на битву», очевидно с войсками Могиляна, другой — для нападения на орду. Благодаря храбрости Кюль-тегина нападение было отбито; Могилян, несмотря на жалкое состояние своего войска, также разбил врагов и после этого еще раз победил огузов и их союзников татар в двухдневной битве при Агу. На обратном пути после победы над огузами Мочжо, по китайским известиям, подвергся неожиданному нападению со стороны народа йербайырку и был убит (22 июля 716 г.); его голова была передана китайскому посланнику, который отправил ее в Китай.

Смерть хана вызвала новые смуты, на этот раз среди членов ханского рода; Кюль-тегин убил сына Мочжо, носившего при жизни отца титул «малого хана» [42], и возвел на престол своего брата Могиляна, который в надписях называет себя Бильге-каганом («мудрым каганом»); в одном месте встречается более полный титул его: «Небу подобный, от Неба происшедший турецкий мудрый каган». О его вступлении на престол в надписях говорится неясно; к тому же вследствие многочисленных пропусков восстановление полного текста невозможно. Из сохранившихся слов, однако, видно, что хан говорит здесь не только о вине народа, но и о «проступке» какого-то кагана; под последним, вероятно, следует понимать не Мочжо, как полагают проф. Томсен и г-н Маркварт, а его сына. О царствовании своего дяди Могилян говорит с величайшим уважением. Тризна по почившем, как видно из употребления глагольной формы первого лица, была устроена Могиляном, очевидно, уже после его вступления на престол; как известно, у турок тризна устраивалась не менее чем через полгода после смерти хана [43]. В ряду изображений побежденных покойным врагов на первом месте было поставлено изображение кагана киргизов, т. е. Барс-бега; таким образом победа над киргизами была признана главным подвигом Мочжо.

Новый хан не походил на своих предшественников. Китайцы изображают его слабым и миролюбивым государем, только своей добротой привлекавшим к себе сердца подданных; о поддержании военного могущества должен был заботиться Кюль-тегин, о делах управления — Тоньюкук, тесть Могиляна, единственный из государственных людей Мочжо, пощаженный Кюль-тегином (очевидно, все они были сторонниками «малого кагана»). По мнению проф. Хирта, Тоньюкук при жизни Мочжо не играл выдающейся роли и только при Могиляне снова занял то положение, какое, если верить его собственным словам, принадлежало ему при дворе Ильтереса. Такое положение он занял не сразу; первоначально он

[41] Прежнее понимание этого места (ср. Мелиоранский, *Об орхонских памятниках*, стр. 289) было основано на неправильном чтении *бäг башлайу* вместо *äбiг башлайу*; на эту ошибку обратил мое внимание г-н Мелиоранский.

[42] Мелиоранский, *Об орхонских памятниках*, стр. 274.

[43] Там же, стр. 268.

подвергся опале и хотя не был убит, подобно другим деятелям предыдущего царствования, но должен был покинуть двор. К этому времени В. В. Радлов относит составление надписи Тоньюкука, которая, как видно из текста, была составлена по его приказанию и в которой о нем говорится как о живом человеке, так что мы не имеем основания видеть в ней надгробную надпись, подобно надписям на памятниках Кюль-тегина и Бильге-хана. По мнению В. В. Радлова, Тоньюкук воздвиг себе этот памятник в 716 г. под влиянием досады, возбужденной в нем опалой, и только впоследствии, после его смерти, этот камень был присоединен к его надгробным памятникам. Опала старого сановника, впрочем, продолжалась недолго; еще в том же 716 г. он был снова призван ко двору и сделался главным советником своего государя; по исследованию проф. Хирта, он, несмотря на свой преклонный возраст, в 722 и 725 гг. ездил послом в Китай. Время его смерти неизвестно; в надписи Могиляна он назван среди «буюруков» [44] этого хана.

Свидетельство китайцев о миролюбии Бильге-хана подтверждается незначительным числом совершенных им походов — всего двенадцать в течение 18 лет, тогда как его отец успел совершить 47 походов в течение 9—10 лет. В начале царствования печальное положение народа, не имевшего «ни пищи в желудке, ни одежды на теле», требовало войны: «поднять» народ, по турецким понятиям, можно было только посредством набегов на соседние области. Ввиду такой практической цели походы предпринимались только против ближайших соседей, против огузов на севере, против китаев и татабийцев на востоке, против китайцев на юге; походов на запад, как при Ильтересе и Мочжо, при Могиляне, очевидно, не было. Мы знаем от китайцев [45], что в 716 г., после смерти Мочжо, в стране тюргешей принял ханский титул Сулу, правивший до 738 г. Могилян называет тюргешского кагана «своим милым сыном» и говорит, что выдал за него свою дочь и женил своего сына на его дочери. Очевидно, Могилян заботился только о мире и союзе с западным турками, но не о покорении их; что ему удалось достигнуть этой цели, показывает присутствие представителей тюргешского и киргизского каганов на тризне по Кюль-тегине в 731 г., хотя при китайском дворе иногда происходили споры за первенство между послами Могиляна и послами Сулу. Что касается набегов на области соседей, то цель их также была вполне достигнута; Могилян уверяет, что сделал бедный народ богатым, немногочисленный народ — многочисленным и покорил всех своих врагов. В надписях описываются следующие походы:

1) После вступления на престол хана к нему вернулась часть бежавших в Китай огузов; по словам хана, они пришли «еле живые, пешие и

---

[44] О значении этого термина см. Мелиоранский, *Об орхонских памятниках*, стр. 275. ⟨См. также Györffy, *Die Rolle des buyuruq*.⟩

[45] Бичурин, *Собрание сведений*, I, 368—370.

нагие». Хан в 716 или 717 г. предпринял поход на север по Селенге, опустошил страну огузов, победил эльтебера уйгуров и «поднял» свой народ отбитыми у врага табунами.

2) В 717 или 718 г. часть огузов снова бежала в Китай; их увлекли «сладкие речи» китайцев и сторонников китайской культуры, несмотря на предостережения хана и его мудрых советников. Кроме того, говорится о войне с двумя народами, во главе которых стояли эльтеберы.

3) Борьба с коалицией 720 г., во главе которой стоял Ван-цзюнь, начальник трехсоттысячного китайского войска; в коалиции, по словам китайцев, принимали участие китаи, татабийцы и басмылы; вместо последних надпись, как известно, называет карлуков. Посредством искусного разделения своих сил турки нанесли своим врагам полное поражение.

4) Поход на китаев в 721 или 722 г.

5) Поход на татабийцев в 722 или 723 г.

6) Поход на татабийцев в 733 г. в союзе с китаями; на помощь первым пришел китайский полководец Куг-сенгун (у китайцев Го Инь-цзянь, вице-губернатор области Юйчжоу) с сорокатысячным войском, но был разбит. Китайцы относят поражение Го Инь-цзяня к вставочному месяцу (после третьего месяца) этого високосного года.

Итак, надписи подтверждают факт, что после 721 г., когда был заключен мир с китайцами, отношения турок к их соседям были сравнительно мирные; с 723 по 733 г. не было ни одного похода; турецкие посольства в Китай, судя по собранным проф. Хиртом известиям, были очень часты. Осенью 731 г. на тризне по Кюль-тегине присутствовали представители целого ряда народов: один посол от китаев и татабийцев, другой — от китайского императора (в надписях Исьи Ликенг, по китайским известиям Цзинь У-чжун Лю Сян [46]), третий — от тибетского кагана, четвертый — от кагана тюргешей, пятый — от киргизского кагана. В этом перечне, как при перечислении народов, оплакивавших легендарного Бумына-Истеми [47], соблюден географический порядок, с той разницей, что там перечисление начинается с южных народов, здесь — с восточных. Между послами тибетским и тюргешским названы еще два посла (из них один носит китайский, другой — турецкий титул) от неизвестных народов, живших «на западе, где заходит солнце». Произношение этих названий остается спорным. Г-н Маркварт предлагает читать *соҕд бäрчäк äр букарык улус будун* и переводить: «народы персидских мужей Согда (т. е. согдийцев, оставшихся верными национальным традициям, в противоположность сторонникам арабов и ислама) и бухарских людей». Против этой теории можно сделать серьезные возражения, как лингвистические, так

[46] ⟨Речь идет о двух китайских послах — полководце Чжан Цюй-и и сановнике Лю Сяне, именуемых в надписи Исьи и Ликенг. Ср. Pelliot, *Neuf notes*, pp. 246—248.⟩

[47] Ср. Мелиоранский, *Об орхонских памятниках*, стр. 266—267. ⟨Более достоверной следует считать гипотезу об отнесении этих имен к двум разным лицам. Ср. Chavannes, *Documents*, p. 219.⟩

и исторические; едва ли турки могли до такой степени исказить слово *пāрсӣк* (персидский), в котором гласный звук первого слога несомненно произносился почти как *ō* (ср. китайскую транскрипцию *босы*); употребление слова *улус* в соединении со словом *будун*, имевшим то же самое значение, также было бы очень странно. Хотя в Согдиане в то время происходило восстание туземцев против арабов, причем восставшим помогал тюргешский каган, но в Бухаре арабское владычество было восстановлено еще в 729 г.; в конце 730 или в конце 731 г. бухарцы устроили торжественную встречу арабскому полководцу. Ввиду этого посольство из Бухары в Монголию представляется маловероятным [48].

На девятнадцатом году своего царствования Могилян был отравлен своим родственником; по китайским источникам, это произошло 21 января 735 г. Летом того же года была совершена тризна, на которой опять присутствовали представители разных народов; как после смерти Кюль-тегина, так и теперь в устройстве надгробных сооружений приняли выдающееся участие художники, посланные китайским императором. Могиляну наследовал его сын (у китайцев Ижань), принявший титул «Небу подобного, Небом поставленного турецкого мудрого кагана».

[48] 〈Об интерпретации приведенного отрывка см. Кляшторный, *Древнетюркские памятники*, стр. 126—133.〉

ОТВЕТ Г. Е. ГРУМУ-ГРЖИМАЙЛО

Ко 2-му тому своего «Описания путешествия в Западный Китай», изданного Географическим обществом, г-н Грум-Гржимайло приложил статью «По поводу двух рецензий» [1], направленную против рецензентов (Н. Ф. Катанова и меня) [2], не вполне одобрительно отозвавшихся о I томе его труда и о вышедших отдельной книгой первых трех главах 2-го тома [3]. Как ответ г-ну Катанову, так и ответ мне написан в таких выражениях (особенно на стр. 385, 399 и 406), которые сильно затрудняют дальнейшую полемику; с своей стороны я, вероятно, оставил бы без внимания нападки против меня, если бы они не появились на страницах книги, изданной ученым обществом. Настоящая заметка предназначена именно для читателей изданий Географического общества, большинство которых, конечно, не имело случая ознакомиться с приведенными ниже фактическими данными, дающими возможность оценить по достоинству нападки моего оппонента.

Предоставляя самому г-ну Катанову ответить г-ну Грум-Гржимайло, если он найдет это нужным, я все-таки позволю себе сказать несколько слов и об этой части статьи, так как в ней особенно рельефно выступает то отношение автора к научным вопросам, против которого нельзя не восставать. В I томе своего «Описания» г-н Грум-Гржимайло поместил несколько таранчинских песен, записанных им по слуху, без знания языка; переводчиками, как он теперь (стр. 390) сообщает, ему служили казаки, «знавшие хорошо киргизский язык, но не успевшие усвоить себе таранчинское наречие»; от переводчиков он «прежде всего требовал изложения своими словами мысли певца и только тогда уже приступал к переводу песни, придерживаясь по возможности ее текста» (стр. 392). Каждому ясно, что издавать подобные тексты и переводы можно было только после предварительного просмотра их лицом, знающим язык. Так поступил в аналогичном случае другой собиратель песен, г-н Рыбаков; если г-н Грум-Гржимайло счел возможным довольствоваться своей транскрипцией, иногда с фанта-

[1] ⟨Грум-Гржимайло, *Описание путешествия*, т. II, стр. 385—408.⟩

[2] ⟨Бартольд, ЗВОРАО, т. XI, стр. 356—360 (см. выше, стр. 280—283); Катанов, УЗКУ, г. LXV, кн. 4, отд. III, стр. 1—31.⟩

[3] ⟨Грум-Гржимайло, *Описание путешествия*, т. I⟩; его же, *Историческое прошлое*.

стическим разделением слов, и своим переводом, иногда столь же фантастическим [4], то он этим обнаружил не только незнание, но и пренебрежение к знанию. Если специалист-тюрколог в самых определенных выражениях высказывается против такого приема, он не только пользуется своим правом, но даже исполняет свою обязанность. Никакие «резкости» г-на Грум-Гржимайло не изменят этого факта, хотя бы некоторые места рецензии г-на Катанова, как и мы склонны думать, давали повод к основательным возражениям.

Переходя теперь к ответу г-на Грум-Гржимайло на мою рецензию, я ограничусь указанием следующих фактических данных:

1) Работа д-ра И. Маркварта [5] не только «так или иначе задевает мои взгляды», но содержит в себе такие выражения по моему адресу, как «Flunkereien» [6]; в другом месте [7] автор высказывает предположение, что я совсем не читал арабских текстов, на которые ссылаюсь, а только латинское оглавление. В своем ответе [8] я ограничился спокойным изложением фактической стороны спорных вопросов, причем отдал полную справедливость [9] крупным научным достоинствам книги моего «оппонента». Итак, эта «полемическая статья» отнюдь не доказывает, что я не могу беспристрастно оценить достоинства работ, в которых мои взгляды подвергаются резкой критике.

2) Не буду спорить с г-ном Грум-Гржимайло по поводу вопросительного знака, поставленного после слова «Самарканд» и, как мне казалось, относившегося именно к этому названию; не буду также подробно останавливаться на вопросе о согдийских колониях в Джунгарии, так как этот вопрос теперь уже не имеет значения для разрешения того спорного пункта, ради которого он был поднят. Что касается опущения моей ссылки на географа X в., то читатели, конечно, поймут и без доказательств, что для решения вопроса, могли ли согдийцы иметь колонии в VII и VIII вв., отнюдь не безразлично, имеем ли мы известия о таких колониях только для XIII или также для X в.

По поводу поднятого автором вопроса о характере этих колоний я сообщу здесь перевод персидской фразы, приведенной в моей немецкой

---

[4] Ср., напр., стр. 398, где нет никакого сходства между переводом г-на Грум-Гржимайло и переводом г-на Катанова; каждый, кто сколько-нибудь знаком с тюркским языком, с первого взгляда увидит невозможность первого перевода. Всего удивительнее, что г-н Грум-Гржимайло и теперь защищает свой перевод, нисколько не интересуясь мнением лиц, знакомых с языком и грамматикой.

[5] *Die Chronologie.*

[6] Ibid., S. 87.

[7] Ibid., S. 9.

[8] Barthold, *Die alttürkischen Inschriften*; 〈см. выше, стр. 284 и сл.〉.

[9] Ibid., S. 2; 〈выше, стр. 285〉; ср. также выдержку, приведенную самим г-ном Грум-Гржимайло (стр. 406), и теперь мою статью *Новые исследования* 〈выше, стр. 312—328〉.

статье [10] только в подлиннике: «Селения Бег-тегина, числом пять, принадлежат согдийцам; там живут христиане, гебры и сабейцы». Пять торговых селений, во главе которых стоял князь с довольно высоким титулом, могли представлять внушительную силу или, по крайней мере, привлечь жажду кочевников к добыче; слова нашего географа о религии жителей, где мусульмане не названы совсем, показывают, что колония была основана согдийцами еще до окончательного утверждения ислама на их родине; последнее, как известно, произошло в первой половине IX в.

3) Более интересен вопрос о главной орде тюргешей. В опровержение мнения автора, помещающего эту орду в долине верховий Джанарта, я указал на свидетельство географа IX в. Ибн Хордадбеха, помещающего «город тюргешского хана» в Чуйской долине. По мнению автора (стр. 402), я только доказал, что «не сумел критически взвесить факты»: «Да, Ибн-Хордадбех сообщил сущую правду — Суй-е принадлежал тюргешскому хану. Но разве это значит, что в г. Суй-е находилась и резиденция этого хана?» Всего этого г-н Грум-Гржимайло, вероятно, не сказал бы, если бы воспользовался моим указанием и просмотрел сочинение Ибн Хордадбеха (во французском переводе) или хотя бы мою статью «О христианстве в Средней Азии в домонгольский период», где приведено известие арабского географа [11]. «Сущей правды», что город Суй-е (Суяб) принадлежал тюргешскому хану, Ибн Хордадбех вовсе не сообщил, но, как и сказано в моей рецензии, описывая «маршрут через Чуйскую долину, там же помещает город тюргешского хана» (Суяб назван отдельно), именно в в 4 фарсахах (около 25 верст) от Невакета [12] (не доходя до последнего). Несомненно, что тюргешскому хану принадлежала вся страна; но если бы г-н Грум-Гржимайло, описывая Китай, упомянул о «городе китайского императора», то, вероятно, каждый читатель отнес бы такое определение к Пекину, а не к любому из китайских городов. В арабской географической литературе такая терминология встречается очень часто; тот же Ибн Хордадбех [13] говорит о «городе хакана токуз-огузов». «Городу тюргешского хана» в китайском маршруте [14] соответствует «гора Цзедань, местопребы-

---

[10] Barthold, *Die historische Bedeutung*, S. 4. ⟨См. *Ҳудӯд ал-'āлам*, пер. Минорского, 95: «Селения Бек-тегина, числом пять, принадлежат согдийцам. В них живут христиане, зороастрийцы и язычники (? сабейцы)».⟩

[11] Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 15; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 281⟩; ср. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 31; ⟨наст. изд., т. IV, стр. 49⟩.

[12] О местоположении последнего см. Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, стр. 90; ⟨наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 37⟩. ⟨А. Н. Бернштам отождествляет Невакет с городищем у села Орловка, а Суяб — с городищем у села Новороссийского; см. *Чуйская долина*, стр. 19, 21—22.⟩

[13] Ибн Хордадбех, пер., 22; в переводе употреблено выражение capitale, но в тексте (30) стоит *медина* ('город'), как и в известии о столице тюргешей.

[14] Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 4; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 269⟩.

вание тюркского хакана» или, по более точному переводу проф. Хирта [15], «место, где происходит провозглашение нового хана десяти родов». Как это известие, так и целый ряд других, приведенных в моем «Очерке истории Семиречья» [16], совершенно ясно указывает на Чуйскую долину как на центр всех кочевых государств домонгольского периода в западной части Средней Азии. С другой стороны, мы не имеем никаких указаний на то, что тюргешский или какой-нибудь другой хан когда-нибудь жил в долине верховий Джанарта. Сам г-н Грум-Гржимайло (стр. 403) ссылается только на слова Иакинфа, который помещает Суй-е «в Илиском округе» и в то же время в местности, откуда «реки, текущие на юг, приходят в Срединное царство». Эти слова только показывают, что почтенный синолог не имел ясного понятия о географии Средней Азии, чего от ученого того времени нельзя было и требовать. Сам Иакинф и после него г-н Грум-Гржимайло были введены в заблуждение ошибочным толкованием китайского текста; Иакинф различает реку Суй-е, которая, «достигши гор Бода, простирается далее на юг до Срединного государства», и реку Си-е на севере [17] (Чу). Из исправленного перевода проф. Хирта [18] видно, что «за 1000 ли от Аньси на северо-западе» находились горы Бода (главная цепь Тянь-Шаня), а не река Суй-е; что горы, а не река составляли южную границу тюргешских владений и северную границу Китая; что вместо Си-е надо читать Суй-е. Однако уже из перевода Иакинфа было видно, что город Суй-е находился в Чуйской долине, где «землепашцы принадлежали на западе городу Хынлос [19]», в котором содержал гарнизон владетель Ши (Ташкента). Перевод проф. Хирта подтвердил это окончательно. Между тем г-н Грум-Гржимайло, формулировав свою мысль («под именем Суй-е нельзя разуметь один только город, расположенный в Чуйской долине [20], а всю страну между Алатау и Кокшалом, между верховьями р. Чу и Хан-

---

[15] *Nachworte*, S. 73.

[16] Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, стр. 84, 86, 105: ⟨наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 32, 33, 46⟩.

[17] Бичурин, *Собрание сведений*, III, 244.

[18] *Nachworte*, S. 70.

[19] ⟨Т. е. Тараз.⟩

[20] По-видимому, г-н Грум-Гржимайло и теперь еще отличает город Суй-е от китайского поста, или пикета, Суй-е, находившегося, по его мнению, «к югу от Кыргызын Алатау» (стр. 403). Таким образом, и теперь еще он остается при мнении о двух пунктах Суй-е. На стр. 37 этот взгляд высказан им совершенно независимо от толкования термина Суй-е в обширном смысле, которому он в то время придавал гораздо меньше значения: «Я думаю, что так называлась долина верховий Джанарта. . . Эту местность не следует смешивать с городом, носившим то же наименование и находившимся в Чуйской долине. Может быть, однако, вся местность между верховьями рр. Чу и Хан-Тэнгри (sic) носила некогда (при младших Ханях) название Суй-е?» Династия младших Ханей, как известно, прекратила свое существование за три века до образования тюркской империи. Из этих слов каждый читатель увидит, что в то время, когда они были написаны, г-н Грум-Гржимайло еще не соединил свои две теории о термине Суй-е в одну, как он это сделал теперь.

Тенгри; в более же тесном смысле так должна была называться долина Джанарта»), решается заявить: «Хирт, лучший из современных синологов, комментируя китайские известия, приходит ныне к подобному же заключению. Неужели и он ошибся?» К сожалению, автор не указывает, в каком сочинении Хирта он нашел такое «заключение»; вероятно, он был введен в заблуждение словами моей рецензии [21], что взгляд г-на Грум-Гржимайло на значение термина Суй-е в обширном смысле «приблизительно» разделяется проф. Хиртом. Я имел в виду следующее примечание проф. Хирта [22] к слову Суй-е: «Das Stromsystem des Sui-ye, worunter das Land am Nordabhang der Alexanderkette von der Ostspitze des Issyk-kul bis nach Aulie-ata und Itke-tschu zu verstehen sein dürfte». Нигде проф. Хирт не говорит, что в это определение можно включить также южный склон хребта Терскей-Алатау; что касается приурочения названия Суй-е «в более тесном смысле» к долине Джанарта, то этот взгляд не только не разделяется проф. Хиртом, но после его перевода окончательно сделался невозможным.

4) Автор замечает, что две из указанных мною ошибок, известие о войне Ахмед-хана монгольского [23] со своим отцом и превращение Махмуд-хана в Мохаммеда, уже исправлены им в настоящем томе; третью ошибку, оставшуюся неисправленной (переименование чагатайского хана Казана в Хассана, на стр. 85), он обходит молчанием.

5) Указанные мною ошибки, по мнению автора, еще не оправдывают моих слов о «недостаточном знакомстве автора с мусульманскими источниками или невнимательном отношении к ним». Автор отмечает грубый промах, допущенный мною в «Очерке истории Семиречья» (неверное определение местоположения областей Гибинь, Хюсюнь и Гуаньду), и прибавляет: «Надо думать, по отношению к себе г. Бартольд будет снисходительнее» (стр. 404). Мне кажется, что вопрос о снисходительности и строгости можно было бы оставить в стороне и остаться на почве фактов. Отмеченные мною три ошибки показывают, что автор недостаточно или невнимательно пользовался мусульманскими источниками, даже переведенными на европейские языки; моя ошибка, на которую указывает г-н Грум-Гржимайло, показывает, что я недостаточно или невнимательно пользовался литературой о домусульманском периоде среднеазиатской истории. Мой «Очерк истории Семиречья» представляет спешную и срочную работу, напечатанную в Верном без присылки мне корректурных листов; после получения оттисков статьи я тотчас заметил в ней несколько важных ошибок, тогда же

[21] ЗВОРАО, т. XI, стр. 359; ⟨выше, стр. 283, прим. 4⟩.

[22] *Nachworte*, S. 71.

[23] Г-н Грум-Гржимайло (стр. 403) ставит вопросительный знак после слова «монголы». Как я уже говорил в моем *Очерке истории Семиречья* (стр. 143; ⟨наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 80⟩), я имею в виду народ, который, как видно из многих свидетельств современников, назывался монголами, причем оставляю в стороне вопрос о его этническом составе, так как не имеют достаточно данных для его разрешения.

составил список их и вместе со списком опечаток отправил в редакцию «Памятной книжки Семиреченского Областного Статистического Комитета». с просьбой поместить его в ближайшем выпуске. Здесь был исправлен и тот промах, на который теперь указывает автор. Если моя просьба до сих пор не была исполнена, то в этом, конечно, не моя вина.

6) По словам автора, я настолько «невнимательно прочитал его книгу» (стр. 404), что приписал ему гипотезу о происхождении дунган, которая на самом деле, как у него ясно сказано, принадлежит арх. Палладию (стр. 311). Мне, действительно, следовало оговориться, что автор приписывает свою теорию этому синологу, который, однако, никогда не высказывал ее в такой определенной форме. У арх. Палладия мы читаем [24]: «Наконец, когда завоевания Чингиз-хана открыли широкий путь через Среднюю Азию между востоком и западом, вслед за завоевателями двинулись во вновь открытую страну, в Китай, из Сирии, Мавераннахра и Уйгурии арабы, персы, таджики и уйгуры, с семействами и целыми родами, в качестве военнопленных, добровольных переселенцев, ученых, ремесленников и торговых людей. . . Из этих-то *разноплеменных переселенцев* [25] магометанского исповедания образовалась главная масса китайских магометан». Легко видеть разницу между этим взглядом и взглядом автора (стр. 65), по которому дунгане «могут быть лишь потомками уроженцев Самарканда, Бухары и других городов турано-иранского запада, уведенных в качестве пленных и насильно поселенных монголами в пределах Китая». Ни о каком преобладании военнопленных из Самарканда, Бухары и других городов среди массы переселившихся в Китай мусульман [26] арх. Палладий не говорит. Дальше [27] он упоминает о том, что при монгольской династии духовные лица мусульман носили название *та-ши-мань*, во время династии Мин — *мулла*, а ныне носят персидское наименование *ахунд*, «вероятно, по численному превосходству мусульман персидского происхождения». Так как тюркских терминов для обозначения мусульманского духовенства вообще не существует, то эти слова могут только относиться к «численному превосходству» персов над арабами; правильнее было бы сказать, что термин *ахунд*, как и термин *та-ши-мань* (перс. *дāнишманд*), свидетельствует

[24] Палладий, *О магометанах*, стр. 439. Правда, г-н Грум-Гржимайло на стр. 65—66 приводил не это место, а другое, где, однако, только говорится о судьбе китайских мусульман после падения монгольского владычества и о том, как они «образовали замечательный народ или общину людей, без национального единства, но твердо связанных узами религии».

[25] Курсив мой.

[26] По историческим аналогиям (роль мусульман в Южном Китае, на юго-западном берегу Индии, на Зондских островах и т. п.) вполне возможно предположить, что там ⟨вследствие⟩ облегчения торговых сношений с Китаем мусульмане, добровольно переселившиеся на восток ради торговых целей, были гораздо многочисленнее нескольких тысяч уведенных в плен ремесленников.

[27] Палладий, *О магометанах*, стр. 453.

только о господстве персидского культурного влияния среди китайских, как вообще среди среднеазиатских мусульман.

Несомненно, что ислам получил значение в Китае после монгольского завоевания, когда сухопутная торговля между Средней Азией и Китаем получила такое развитие, какого никогда не достигала ни раньше, ни после, и совершенно затмила прежнюю морскую торговлю между Басрой и Кантоном. Вследствие этого в XIII в. бо́льшая часть мусульманских купцов переселилась из окрестностей Кантона в центральные и северо-западные области [28]. Богатые мусульманские купцы, имевшие влияние на Чингиз-хана еще до его возвышения [29], после образования монгольской империи захватили в свои руки откуп податей и финансовое управление между прочим и в Китае. Чиновники в Китае назначались из четырех наций: т а д ж и к о в, уйгуров, китайцев и аркаунов [30] (христиан [31] — вероятно, представителей несторианского духовенства). Мы видим мусульман также в качестве правителей отдельных областей, где они, конечно, оказывали покровительство своим единоверцам, добровольно или в качестве военнопленных переселившимся в Китай. Несомненно, что среди них были также переселенцы из Самарканда; так, Рашид-ад-дин [32] говорит о городе Семали (?), расположенном к северо-западу от Пекина, по дороге в Кайпин-фу; жители этого города большей частью происходили из Самарканда и устроили у себя сады в самаркандском стиле. Это известие было приведено еще Юлом [33]. Наибольшие успехи ислам, по свидетельству Рашид ад-дина, одержал в Юньнани и в Тангуте. В Юньнани, или, как область называлась в то время, в Караджанге, наместником был сначала бухарец Сейид Аджал, потом его сын Насир ад-дин. Об их управлении говорят также китайские источники; по рассказам последних [34], Сейид Аджал распространил цивилизацию среди инородцев Юньнани, до тех пор бывших совершенными дикарями; «он научил их земледелию и письму» и одновременно распространял среди них «религию Мухаммеда и уважение к Конфуцию», велел воздвигнуть мечети во всех городах, но строил также храмы в честь Конфуция. Распространителем ислама на северо-западе, по Рашид ад-дину [35], был царе-

[28] Dabry de Thiersant, *Le mahométisme en Chine*, t. I, p. 85. Вообще двухтомное исследование этого ученого, хотя далеко не свободно от крупных промахов, все-таки дает больше всего материала для изучения истории и современного быта китайских мусульман.

[29] Бартольд, *Образование империи Чингиз-хана*, стр. 112; 〈см. выше, стр. 255—256〉.

[30] Yule, *Cathay*, vol. II, p. 264.

[31] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, p. 264.

[32] Ibid., p. 636. Очень может быть, что на месте этого города находится существующая и теперь деревня Си-ма-ли (Позднеев, *Монголия и монголы*, т. II, стр. 25).

[33] Марко Поло, изд. Юла (2), I, 281.

[34] Dabry de Thiersant, *Le mahométisme en Chine*, t. I, pp. 118—119.

[35] Пользуюсь несколькими рукописями, из которых лучшая — рук. Публ. б-ки V, 3, 1 (л. 230). Отчасти эти известия приведены у д'Оссона (*Histoire des Mongols*, t. II, p. 532).

вич Ананда, внук Хубилая, получивший мусульманское воспитание. Он управлял областью Тангут, которая, по Рашид ад-дину, носила у китайцев название Хэси, т. е. «большая река запада». В этой области было 24 города, из которых названы пять (между ними Ганьчжоу-фу); жители большей частью были мусульманами; идолопоклонниками оставались только земледельцы и крестьяне. Войско Ананды, в числе 150 000 человек, большей частью также приняло ислам. Сколько нам известно, мы здесь имеем древнейшее [36] указание на существование многочисленного мусульманского населения в той местности, где впоследствии выступили дунгане. Но вопрос о том, как образовалась дунганская нация, находилось ли численное преобладание на стороне переселенцев с запада или на стороне новообращенных, должен быть оставлен открытым. Очень возможно, что и здесь, как в Юньнани, мусульманская пропаганда распространялась только на инородцев (например, на войско Ананды), не на природных китайцев. Вообще «этнические загадки» решаются не так просто, как думает г-н Грум-Гржимайло, но требуют целого ряда точных данных. Когда я говорил об отсутствии «фактов, указывающих на антропологическое родство дунган с таджиками и сартами», я имел в виду научно установленные факты, не личные впечатления путешественников или случаи атавизма, показывающие только, что среди предков дунган были и таджики, в чем и без того не может быть сомнения. Интересно было бы также проследить особенности местного характера в религиозной жизни и бытовых условиях китайских мусульман; в этих данных мы бы могли найти указания относительно их происхождения или, по крайней мере, относительно культурных влияний, которым они подвергались, и, может быть, относительно страны, откуда вышли их предки. Так, мы находим у Дабри де Тьерсана [37] любопытное известие, что все дунгане — шафииты, тогда как огромное большинство китайских мусульман придерживается ханифизма, вообще наиболее распространенного из четырех существующих мусульманских толков. Такой факт, конечно, должен иметь свои причины. Может быть, найдутся также известия о том, на каком языке говорило мусульманское население, пока не окитаилось окончательно. Еще в 1731 г. китайский император мог писать о мусульманах в провинции Шэньси, где они были многочисленнее, чем в других областях: «Их язык не тот же самый, как китайский» [38]. Многие сближают дунган с саларами, говорящими и до сих пор, как известно, на чисто тюркском наречии [39], не представляющем, кроме некоторых культурных слов, никаких следов таджицкого влияния [40].

[36] К той же эпохе относятся показания Марко Поло, на которые ссылается г-н Грум-Гржимайло (стр. 221.)

[37] *Le mahométisme en Chine*, t. II, p. 2.

[38] Ibid., t. I, p. 155.

[39] Список саларских слов и выражений см. в статье: Поярков — Ладыгин, *Салары*, стр. 32—36.

[40] Антропологическая метисация арийского населения Западного Туркестана

7) В моей рецензии было указано, что трудно примирить взгляды, высказанные автором в разных местах своей книги на общий ход истории Бэйшаня:

а) При Чингиз-хане жители Бэйшаня были «увлечены этим великим полководцем в его стремлении покорить весь мир»; после этого «волны кочевников уже не вернулись обратно. Бэй-шань опустел» (стр. 127).

б) В XIV в. «свободные земли Джунгарии, Восточного Туркестана и Нань-шаня» были заселены «монголами и омонголенными тюрками» (стр. 66—67).

в) Бэйшань играл у кочевников видную роль, «пока в их власти находились и северные подгорья Нань-шаня; когда же здесь осели китайцы, когда вдоль южных пределов Бэй-шаня протянулась стена, остановившая их перекочевки на юг, чем и была, по выражению летописи, „отсечена правая рука у кочевых", то последние должны были отхлынуть на север и навсегда покинуть пустынный Бэй-шань» (стр. 2—3).

Теперь автор разъясняет нам это противоречие; кочевники «навсегда»[41] покидали Бэйшань несколько раз, именно каждый раз, как китайцы «отсекали правую руку у кочевых», именно отнимали у них Хэси (и строили стену?). Самым блестящим временем в истории края было господство тангутской династии Ся (IX—XIII вв.). Чингиз-хану удалось сломить ее могущество только после упорной борьбы [42]. «Насколько упорно было сопротивление тангутов, настолько же жестоко было и поражение их; они были отданы на поголовное истребление. Так говорят китайцы, но монголы к этому добавляют, что большая часть народа „тан-у" была отдана супруге Чингиз-хана Есуй. Вот когда Бэй-шань опустел» (стр. 405). В эпоху династии Мин монголы и омонголенные тюрки снова проникли в Бэйшань, но образовали здесь только «ряд ничтожнейших княжеств», притом не в центральной части страны, которая заселилась, «и то крайне слабо», только «в эпоху калмыцких передвижений». На мое замечание, что «Бэй-шань принадлежал к числу завоеванных монголами, а не коренных монгольских земель» и что «монгольскому завоевателю не было никакого основания увлекать население именно этой области», автор возражает, что «во всех походах за пределы тогдашней Монголии мон-

---

с тюрками, вероятно, началась очень рано, но говорящие по-тюркски горожане упоминаются в Западном Туркестане (в Фергане), насколько мне известно, только в эпоху Тимуридов.

[41] Автору, конечно, известно, что при распадении кочевых государств и образовании новых в состав последних всегда входили по крайней мере некоторые из тех элементов, из которых состояло население павшей империи. Кроме того, если автор хотел сказать, что китайцы занимали страну несколько раз и возобновляли укрепления, он бы не должен был употребить глаголов «осели» и «протянулись» в совершенном виде.

[42] Кажется, это верно, хотя и противоречит словам самого автора (стр. 59): «Столь продолжительный мир значительно ослабил воинственный дух тангутского народа, сделав его неспособным оказать хотя бы сколько-нибудь серьезное сопротивление величайшему из среднеазиатских завоевателей — Чингиз-хану».

голы в войсках Чингиз-хана составляли меньшинство, главную же массу образовывали отряды, набранные среди покоренных народов». Против этого можно бы спорить, но несомненно, что в походах Чингиз-хана принимали участие покоренные или добровольно подчинившиеся ему народы (например, 30-тысячный отряд уйгуров); однако примеров «увлечения» целых народов мы не знаем. Может быть, есть известия, указывающие на выселение тангутов и других подданных дома Ся; но г-н Грум-Гржимайло их не приводит. По-видимому, он неправильно толкует слова монгольского эпического сказания, что «большая часть народа тан-у отделена была супруге Чингиса, Есуй» (стр. 63). Из этого только следует, что подати с уцелевших от погрома жителей взимались в пользу царицы, как вообще монголы при завоевании обширных областей отводили в них уделы отдельным представителям царского дома. Таково, например, было разделение китайских земель после падения государства чжурчжэней, причем «вдовствующая ханша получила крестьян в Чжэнь-дине». Из этого отнюдь не следует, что эти крестьяне были выселены; царица и другие представители династии не принимали даже участия в управлении ими, но были назначены особые «чиновники для сбора доходов в помянутых местах и для отписки их кому следует» [43].

8) Г-н Грум-Гржимайло касается вопросов, о которых уже существует обширная литература; поэтому вполне естественно желание отметить, в каких случаях он соглашается со своими предшественниками, в каких — спорит с ними. Вследствие этого я позволил себе заметить [44], что в вопросе о Железных воротах и о народе согдак орхонских надписей автор решительно отвергает мои взгляды и соглашается с проф. Томсеном, а в другом вопросе «полемизирует и с проф. Томсеном», т. е. вообще не стоит всецело на почве книги этого ученого. Я никак не думал, что мою невинную фразу можно будет истолковать так, как это сделал г-н Грум-Гржимайло (стр. 406): «Автор полемизирует не только со мной, но и с проф. Томсеном!». Я даже не понимаю, какими мотивами можно бы объяснить такие слова, не имеющие никакого смысла в устах ученого или желающего быть таковым. «Невыгодное для меня впечатление», по мнению г-на Грум-Гржимайло, производит также конец моего ответа д-ру Маркварту [45], в котором я говорю, что оценку грубых выходок по моему адресу я, конечно, должен предоставить другим [46], но считаю себя вправе восстать против обвинения такого заслуженного, к тому же давно умершего ученого, как Ст. Жюльен, в «невероятном легкомыслии» («unglaubliche Gedankenlosigkeit»). Если г-н Грум-Гржимайло понял мои слова в смысле

---

[43] *Юань-ши*, пер. Бичурина, 260.

[44] ЗВОРАО, т. XI, стр. 358.

[45] Barthold, *Die alttürkischen Inschriften*, S. 29; ⟨см. выше, стр. 311⟩.

[46] Теперь это исполнено беспристрастным лицом, проф. Хаутсма (см. его рецензию на книгу д-ра Маркварта в GGA, 1899, № 5).

«пристегивания» моего имени к имени известного ученого, то это, кажется, не моя вина.

9) Спор между г-ном Грум-Гржимайло и проф. Томсеном касается имен *Бумын* и *Иситми* орхонских надписей; тожество этих имен с именами упомянутых в китайских источниках ханов *Тумыня* и *Исиги* кажется автору настолько очевидным, что он даже «не вполне понимает», какой тут может быть вопрос (стр. 38). На это только и можно было ответить, что для автора, очевидно, не существует филологических затруднений [47]. Все имеет свои причины; даже описка г-на Скасси (*ф* вм. *р*), на которую указывает г-н Грум-Гржимайло, объясняется графическим сходством. Автор ссылается также на слово *Талас*, которое у Идриси, Ибн ал-Варди и многих других обратилось в *Таран* (стр. 407). За эту ссылку можно только благодарить г-на Грум-Гржимайло, так как ею он гораздо лучше, чем это мог бы сделать я, показывает свое отношение к научным вопросам. Каждый тюрколог привел бы ему множество примеров смешения звуков *л* и *р* [48]; каждый арабист объяснил бы ему, что в арабских рукописях *з* (мусульмане всегда писали *Тараз*; конечное *з* во всех языках в произношении мало отличается от *с*) очень часто, ввиду близкого сходства этих букв, смешивается с конечным *н*. Может быть, существуют фонетические или графические объяснения превращения *Бумына* в *Тумыня* и *Иситми* в *Исиги*, но ни синологи, ни тюркологи до сих пор не привели таковых.

10) Заключительные слова моей рецензии г-н Грум-Гржимайло называет «ядовитыми» и предлагает против них «противоядие» (стр. 408): эпитеты «кропотливый и малоблагодарный» относятся не к его напечатанному труду, а к другому, который еще «не закончен и будет посвящен исторической географии Средней Азии». Только этому труду, а не вышедшему в свет предстоит «рассеять туман, в котором ходили и продолжают ходить кабинетные ученые». В чем тут заключается элемент «противоядия», для меня и теперь неясно. Предисловие г-на Грум-Гржимайло я, как, вероятно, и другие читатели, понял в том смысле, что предлагаемый нашему вниманию труд является частью более обширной, еще не законченной работы (иначе не было бы никакого основания упоминать о последней), которая должна «помочь историкам разобраться в некоторых наиболее запутанных вопросах, которые нам ставит историческая география Средней Азии» (стр. VI). Если к этому более обширному труду приложимы эпитеты «кропотливый и малоблагодарный», то мы не видим основания не применять их к изучению истории и исторической географии области, до сих пор исследованной едва ли не менее всех прочих среднеазиатских областей. В приведенных нами словах автор говорил только о разработке «некоторых наиболее запутанных вопросов»; теперь он, по-видимому,

---

[47] Приблизительно так же выразился П. М. Мелиоранский (*Памятник в честь Кюль-Тегина*, стр. 94).

[48] Укажу только на общеизвестное народное название *Бургар* вм. *Булгар* (Marquart, *Die Chronologie*, S. 96—97).

обещает нам исследование «исторической географии Средней Азии» в ее целом. Признаться, от этого нисколько не увеличивается наша надежда на «помощь» со стороны г-на Грум-Гржимайло. Трудолюбивому автору уже удалось и несомненно удастся прийти к правильному решению некоторых частных вопросов и отметить отдельные промахи специалистов; но чем шире он будет ставить свою задачу, тем более на ней отразится недостаток научной подготовки [49]. Вообще автор приводит полностью мой заключительный отзыв о его книге, но читает между строк совсем другое. Никогда я не говорил, что автору вовсе не следовало браться за «изучение исторического прошлого исследованной страны» и что такое изучение должно быть монополией кончивших курс на восточном факультете. Под научной подготовкой, филологической и исторической, я понимаю то же самое, что и все прочие, т. е. известный запас фактических знаний (независимо от изучения литературы предмета в тесном смысле) [50], знакомство с главными научными методами и умение применять их, т. е. прежде всего для филолога — не делать лингвистических сближений без знания языков, на основании простого звукового сходства (или по крайней мере не считать этих сближений несомненной истиной), а для историка — не противополагать устарелых теорий известиям первоисточников и в своем изложении везде строго отличать подлинные свидетельства источников от своих и чужих дополнений и комментариев к ним. Не говорим уже о таких приемах, как ссылки г-на Грум-Гржимайло на Ибн Хордадбеха, на проф. Хирта и на арх. Палладия. До того, каким путем приобретена эта подготовка, критике нет никакого дела; как я уже имел случай гово-

---

[49] Г-н Грум-Гржимайло спрашивает, где преемники Клапрота, Вивьен де С.-Мартена, Риттера, Юла, Потье, Григорьева и других ученых, «посвятивших свои силы изучению исторической географии Азии» (стр. 407). Их не только нет, но и не может быть, и написать историческую географию Средней Азии, удовлетворяющую современным научным требованиям, не мог бы не только г-н Грум-Гржимайло, но и никто другой. Количество еще никем не разработанного материала (известия восточных авторов, рассказы путешественников и местных деятелей и т. п.) теперь так велико, что добросовестному исследователю поневоле приходится ограничиваться разработкой исторической географии какого-нибудь небольшого уголка. Таков, например, капитальный труд проф. В. А. Жуковского о Мерве 〈*Развалины старого Мерва*〉; не совсем бесполезны, может быть, и работы пишущего эти строки по исторической географии Семиречья и восточной части Сыр-Дарьинской области. Среди современных синологов, по-видимому, действительно нет лиц, интересующихся историко-географическими вопросами (кроме проф. Хирта); после отъезда Д. М. Позднеева в Китай мало надежды, что этот пробел будет пополнен русскими учеными, среди которых мы, впрочем, скорее желали бы видеть преемника д-ру Бретшнейдеру, чем преемника Клапроту и Потье.

[50] Автор требует, чтобы я ему «указал попросту, какие труды он просмотрел в исторической литературе о Бэй-шане, т. е. центральной части Гоби» (стр. 407). Однако читателям книги известно, что Бэйшань, несмотря на заглавие, занимает в ней очень незначительное место и что о вопросах, не имеющих отношения к Бэйшаню, автор говорит с таким же авторитетом, как о других. Если бы книга была всецело посвящена этой области, то я, вероятно, предоставил бы оценку ее синологам.

рить [51] (по поводу исследования г-на Аристова), добросовестный и талантливый труд ученого, занимающегося наукой только по влечению, а не по долгу службы, вызывает еще больше уважения к автору, чем работа профессионального ученого. Никто также не станет отрицать, что и бывший воспитанник факультета может написать плохую книгу; мы никогда не решились бы оскорбить книгу г-на Грум-Гржимайло, при всех ее недостатках, сравнением с книгой, недавно выпущенной в свет бывшим воспитанником факультета, профессиональным ученым [52]. Подготовить к научной деятельности можно только того, кто сам этого желает и не щадит трудов для достижения этой цели; оттого число кончивших курс восточного факультета не имеет никакого отношения к числу лиц, подготовленных к научной деятельности; кроме того, вопрос о достоинствах и недостатках факультета вовсе не находится в связи с вопросом о достоинствах и недостатках книги г-на Грум-Гржимайло. Что последняя и в своем настоящем виде принесет некоторую пользу, этого никто не будет отрицать [53], я только утверждал и продолжаю утверждать, что г-н Грум-Гржимайло как образованный и внимательный путешественник приносит науке вообще и исторической науке в частности гораздо больше пользы, чем как кабинетный ученый, каким он почти исключительно является в разобранной мною книге. Самыми компетентными судьями рассказов путешественника несомненно являются следующие путешественники, и этот суд, в лице г-на Клеменца [54], оказался очень благоприятным для г-на Грум-Гржимайло; с другой стороны, о научных приемах автора едва ли возможен другой отзыв, чем данный мною. С этой точки зрения я и позволил себе выразить сожаление, что «изучение исторической литературы Азии» на время отвлекло нашего автора от гораздо более благодарной задачи, т. е. прежде всего от обнародования результатов его путешествия; выход в свет его «Описания», конечно, значительно задерживается его историческими изысканиями. Вполне естественно желать, чтобы автор сначала дал нам то, что мы можем получить только от него одного, а потом, если чувствует к этому влечение, принялся за свой «кропотливый и малоблагодарный» труд.

---

[51] ЗВОРАО, т. XI, стр. 341; 〈выше, стр. 266〉.

[52] Мы имеем в виду книгу прив.-доц. А. Н. Грена *Учебник истории Древнего Востока*. Отзыв о ней дан Б. А. Тураевым (ЖМНП, ч. CCCXXVI, ноябрь).

[53] Это вполне определенно выражено в моей рецензии, в словах, приведенных самим автором. Кроме того, я и на своих лекциях рекомендовал студентам ознакомиться с книгой, хотя и советовал им осторожно относиться к взглядам автора.

[54] ЗВОРАО, т. XII, стр. XIII.

E. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. Recueillis et commentés par — . Avec une carte

St.-Petersbourg, 1903 (=Сборник трудов Орхонской экспедиции. VI). IV+378 p. 8°

Интерес, возбужденный в научном мире открытием и дешифровкой орхонских надписей, поставил на очередь вопрос о переводах китайских известий, посвященных народу, оставившему по себе этот единственный в своем роде памятник. Выяснилось, что существовавшие до тех пор переводы уже не удовлетворяют современным требованиям и что подлинные тексты должны быть предметом нового исследования со стороны специалистов-синологов, чтобы заключающийся в них материал сделался доступен в полном объеме всем интересующимся историей Средней Азии. После нескольких статей Шлегеля и Паркера выполнение этой задачи взял на себя Фр. Хирт, предполагавший в трех статьях дать нам свод и объяснение китайских известий о трех царствованиях, о которых говорят надписи; к сожалению, из этих статей появилась в печати только первая [1]. Лежащий перед нами труд Э. Шаванна посвящен другой ветви турецкого народа, так называемому западному дому тугю [2] китайских источников, о котором в надписях говорится только мимоходом, по поводу его столкновений с восточной ветвью. Для толкования надписей книга, таким образом, не могла иметь большого значения, но сама по себе история западных турков, образовавших обширное государство и имевших как мирные сношения, так и вооруженные столкновения с Китаем, Персией, Византией и халифатом, представляет значительный интерес.

Автор разделяет свой труд на четыре части: в первой мы находим генеалогию западнотурецких каганов, хронологию их царствований до 657 г. и перевод двух маршрутов, извлеченных из *Тан-шу* (от Турфана через Карашар и Кучу до Таласа и через Урумчи и Илийскую долину до реки Чу), с подробными комментариями; во второй — перевод известий из *Суй-шу*, *Цзю-тан-шу* и *Тан-шу* о западных турках; в третьей — перевод: 1) отрывков о народах хой-хэ (из *Цзю-тан-шу*), сеяньто и шато (из *Тан-шу*), 2) известий об областях так называемого Западного края (из *Тан-шу*, с дополнениями в примечаниях из более ранних сочинений

[1] Hirth, *Nachworte*.

[2] ⟨Совр. чтение — туцзюе.⟩

Цзю-тан-шу, *Суй-шу* и *Бэй-ши*); 3) биографий турецкого князя Ашина Шоэра и китайского полководца Го Юань-чжана (из *Цзю-тан-шу* и *Тан-шу*); 4) отрывков из описаний путешествий буддийских паломников; 5) официальных документов VIII в. (из энциклопедии XI в. *Цэ-фу юань-гуй*) Наконец, четвертая часть заключает в себе попытку связного изложения истории западных турков. Приложены алфавитный указатель исторических и географических имен и карта Средней Азии в эпоху западных тугю.

Уже из этого обзора видно, как обширны задачи, которые ставит себе автор. Не ограничиваясь составлением более полного, чем существовавшие до сих пор, свода китайских известий о западных турках и подчиненных им культурных областях Кашгарии, Западного Туркестана и Афганистана, автор дает нам также опыт разработки этого исторического материала и старается выяснить главные черты внешней и внутренней истории Средней Азии от половины VI до половины VIII в. н. э. Другими словами, книга г-на Шаванна представляет труд не только синолога, но и историка; поэтому мы постараемся определить, насколько она в том и другом отношениях представляет шаг вперед по сравнению с трудами предшественников и удовлетворяет тем требованиям, которые могли бы быть к ней предъявлены.

Оценку переводов г-на Шаванна с точки зрения точности мы, конечно, должны предоставить знатокам китайского языка; с своей стороны мы можем отметить только те черты его работы, которые выясняются и для неспециалиста при сравнении его переводов с другими переводами тех же текстов или отрывков из тех же сочинений. Некоторые из переведенных в книге текстов, если не ошибаемся, до сих пор не появлялись в переводах на европейские языки; особенный интерес представляют, на наш взгляд, документы, извлеченные из энциклопедии *Цэ-фу юань-гуй* [3]. В тех случаях, когда соответствующие тексты уже были доступны по другим переводам, перевод г-на Шаванна, по-видимому, оказывается полнее и надежнее. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить этот перевод хотя бы с переводом о. Иакинфа Бичурина [4], который для своего времени несомненно был выдающимся явлением и которым до сих пор преимущественно пользуются русские ученые [5]. Страницам 13—20, 52—86, 94—99 и 101—174 книги г. Шаванна соответствуют в книге о. Иа-

[3] Об этой энциклопедии, заключающей в себе «details of all state matters», см. Wylie, *Notes*, p. 147. Потье в своих ссылках (Pauthier, *Inscription nestorienne*, p. 79; idem, *Inscription syro-chinoise*, p. 75) называет это сочинение буддийской энциклопедией. Ссылки на ту же энциклопедию часто встречаются в упомянутой статье Хирта (*Nachworte*, S. 87, 93, 103—104, 107—109, 123—126, 139—140), который предполагал дать более подробные извлечения из нее в статье о Бильге-хане (ibid., S. 104). Экземпляры *Цэ-фу юань-гуй*, по замечанию Потье, находятся в Париже и Берлине.

[4] *Собрание сведений.*

[5] Ср. отзыв В. В. Радлова (*Кутадгу билик*, изд. Радлова, LVI): «. . . das reichste Material in den chinesischen Quellen, die in den wortgetreuen Uebersetzungen Bitschurin's auch dem Nichtsinologen erschlossen sind».

кинфа (ч. I) стр. 340—372, 426—428, 452—454 и (ч. III) стр. 208—266 [6]. При сравнении с переводом г-на Шаванна выясняются некоторые недоразумения русского перевода; так, в главе о Самарканде (Бичурин, *Собрание сведений*, III, 240, ср. в книге Шаванна стр. 135) фраза *ваньсуй тунтянь* (по русскому переводу: «благодарные гласы вознеслись до небес») не имеет самостоятельного значения, как полагал русский переводчик, а служит только для хронологического определения как китайское название соответствующего года, именно 696 г. н. э. [7]. Французский перевод оказывается полнее русского; довольно значительного числа небольших фраз и некоторых длинных отрывков перевода г-на Шаванна [8] в переводе о. Иакинфа нет; иногда текст был сокращен о. Иакинфом по соображениям благопристойности, но вследствие этого из русского перевода иногда совершенно не видно, что хотел сказать китайский автор [9]. Перевод г-на Шаванна принесет пользу и тем ученым, которые пользовались теми же текстами в переводе западноевропейских синологов; между прочим, г-н Шаванн (стр. 226—227) окончательно опровергает мнение, выражавшееся еще Гутшмидом [10], о тожестве кагана Дизавула византийских источников с никогда не существовавшим каганом Дитоубули и доказывает, что последнее имя обязано своим происхождением только ошибке в переводе Дегиня. В некоторых местах перевод г-на Шаванна дает возможность пополнять пропуски в переводах тех же текстов у Хирта [11].

Таким образом, мы должны быть благодарны г-ну Шаванну за сообщение нового материала и за исправление и дополнение сведений, уже бывших доступными в прежних переводах. Тем не менее сравнение но-

[6] Из этого сопоставления, между прочим, выясняется, что глава о западных турках, переведенная г-ном Шаванном (стр. 13—20) из *Суй-шу*, помещена в переводах о. Иакинфа (*Собрание сведений*, I, 340—346) в качестве извлечения из *Тан-шу*; соответствующий отрывок из *Тан-шу* (в книге г-на Шаванна стр. 47—52), где, между прочим, говорится о двух братьях, Тумыне (T'ou-men) и Шедеми (Che-tie-mi), не вошел в книгу о. Иакинфа, вследствие чего на это известие не было обращено достаточно внимания русскими исследователями, писавшими об орхонских надписях. Отвергавшееся П. М. Мелиоранским (*Памятник в честь Кюль-Тегина*, стр. 94) и мною мнение, что в словах надписи о Бумын-кагане (и) Истеми-кагане говорится о двух лицах, теперь, по-видимому, должно считаться окончательно доказанным.

[7] Ср. также Arendt, *Synchronistische Regententabellen*, II, S. 141.

[8] Например, стр. 124—125, начиная от слов «(le pays de) Kan-t'ang» до конца главы (ср. Бичурин, *Собрание сведений*, III, 225).

[9] Ср. рассказ о зверьке из страны Гибинь, который, по переводу о. Иакинфа (Бичурин, *Собрание сведений*, III, 237), «если будет ужален (змеей), то сам себя излечивает, и рана тотчас заживает»; по переводу г-на Шаванна (стр. 131): «il flairait sa blessure puis urinait dessus et elle se guérissait aussitôt».

[10] *Bemerkungen*, S. 156.

[11] Ср. Hirth, *Nachworte*, S. 81; Chavannes, *Documents*, p. 141, где пропуск у Хирта одной фразы (в переводе г-на Шаванна: «la vingt-huitième année (740) on lui donna par brevet le nom de „roi qui se conforme à la justice"») влечет за собой хронологическую ошибку на 27 лет. Соответствующая фраза находится также в переводе о. Иакинфа (Бичурин, *Собрание сведений*, III, 243).

вого перевода с предшествующими обнаруживает не только достоинства, но и недостатки первого и приводит нас к заключению, что и после перевода г-на Шаванна китайские известия о западных турках и о находившихся под их властью областях еще не вполне доступны для несинологов, что новая попытка сопоставления того же материала, более соответствующая требованиям исторической и филологической критики, не была бы лишней.

Ход развития различных отраслей исторической науки показывает нам, как медленно проникает в жизнь основное требование исторической критики, в теории никем не оспариваемое, по которому как при разработке, так и при собирании исторического материала в основу должен быть положен текст первоисточников и по которому позднейшие компиляции имеют право на наше внимание лишь настолько, насколько их авторы пользовались не дошедшими до нас источниками или лучшими, чем находящиеся в нашем распоряжении, рукописями и изданиями. В области синологии теоретическое признание этого требования до сих пор не сопровождалось практическим выполнением его; как теоретический принцип оно как нельзя лучше выражено Хиртом[12], который, однако, не нашел возможным руководствоваться им в своих собственных работах. В введении к своей статье по поводу орхонских надписей он перечисляет свои источники в хронологическом порядке и подчеркивает факт[13], что при таком перечислении *Тан-шу*, обыкновенный источник европейских ученых, является только на пятом месте; несмотря на это, все известия из более ранних источников сообщаются им, на с е м и д е с я т и д в у х страницах, только в виде примечаний к связному переводу главы из *Тан-шу*, занимающему в его книге только о д н у страницу с небольшим. Той же непрактичной, на наш взгляд, системе следует и г-н Шаванн в той части своей книги, где он дает нам перевод историко-географических глав из *Тан-шу*; этот перевод, по словам самого переводчика (стр. 99), должен составлять сруб (charpente), к которому присоединены в примечаниях все известия (tous les renseignements), находящиеся в более ранних сочинениях—*Цзю-тан-шу*, *Суй-шу* и *Бэй-ши*; там же сообщаются некоторые извлечения из интересной энциклопедии *Тун-дянь*[14] (*T'ung-tien*), оконченной, по словам г-на Шаванна (стр. 133), в 801 г., в которой, между прочим, сохранились отрывки из утраченного первоисточника *Цзин-син-цзи* (*King-hing-ki*), сочинение Ду Хуаня, взятого в плен арабами в 751 и вернувшегося в Китай в 762 г. Система пользования первоисточ-

---

[12] В его статье о китайских источниках для изучения Средней Азии в эпоху господства Сасанидов (*Ueber die chinesischen Quellen*). Ср. особенно его слова о позднейших компиляциях (ibid., S. 225): «Dieselben sind nur da zu berücksichtigen, wo es sich um Stellen handelt, die aus einem jetzt nicht mehr vorhandenen Text geschöpft waren».

[13] Hirth, *Nachworte*, S. 3: «Jetzt erst kommen wir zum 5) *T'ang-schu*».

[14] ⟨Совр. чтение — *Тун-цзянь.*⟩

никами только для дополнения и исправления текста позднейшего компилятора неизбежно влечет за собой, по нашему мнению, пропуски именно среди известий, извлеченных из более ранних, т. е. более важных и интересных, сочинений. Что в книге г-на Шаванна китайские известия о находившихся под властью турков областях собраны не без пропусков, в этом мы убеждаемся при рассмотрении хотя бы только одного разряда известий, представляющего, по нашему мнению, едва ли не наибольший интерес,—именно известий о религиозных обрядах и верованиях населения до принятия им ислама. В статье Хирта[15] приводится, со слов Ду Хуаня, известие о существовании в Самарканде капищ или ящиков с идолами[16] (Götzenschreine), носивших название *ба* (по мнению Хирта — *bäl* орхонских надписей, по кантонскому произношению *pat*); этого известия нет в книге г-на Шаванна, который зато сообщает нам (стр. 133) из той же энциклопедии *Тун-дянь* интересный рассказ посланника начала VII в. Вэй Цзе[17]; по этому рассказу, в Самарканде еще в то время сохранялся древнебактрийский обычай[18] воспитывать собак специально для пожирания мяса человеческих трупов; кости покойников зарывались в землю, но не клались в гробы. В статье Хирта это известие не приводится, вследствие чего невольно возникает предположение, что в энциклопедии *Тун-дянь* могли сохраниться еще другие интересные известия о Средней Азии в эпоху господства турков, опущенные обоими пользовавшимися этим сочинением синологами. Кроме того, в *Бэй-ши* и *Суй-шу*, по переводам о. Иакинфа [19], находится рассказ о почитании «золотой урны с пеплом покойников» в Ташкенте; это известие не вошло в соответствующую главу *Тан-шу*, и г-н Шаванн даже в примечаниях к переводу этой главы (стр. 140 и сл.) не приводит его.

В таких поздних компиляциях, как *Тан-шу* (XI в.), текст первоисточников, конечно, мог подвергаться искажениям; выяснение последних составляет одну из задач примечаний г-на Шаванна, и в этом отношении его труд, по нашему мнению, представляет шаг вперед по сравнению с трудом Хирта; в нескольких местах (стр. 120, 141, 146 и др.) он вносит

---

[15] *Nachworte*, S. 86.

[16] Слову «Götzenschrein» перевода Хирта соответствуют в переводе Шаванна слова «temple d'un dieu», в переводе о. Иакинфа — слово «храм» (Hirth, *Nachworte*, S. 86; Chavannes, *Documents*, p. 146; Бичурин, *Собрание сведений*, III, 247).

[17] Г-н Шаванн в этом месте замечает, что ему не удалось найти никаких известий об этом лице; в добавлениях (стр. 312) он приводит из *Бэй-ши* известие о посольстве Вэй Цзе и Ду Син-маня (ср. также Бичурин, *Собрание сведений*, III, 141: Вэй-Цьзе и Ду Хин-мань) при императоре Яне (605—616; у Иакинфа Ян-ди). Хирт (*Nachworte*, S. 38) относит это посольство к 610 г. ⟨О мнимом слове *bäl* в орхонских надписях см. выше, стр. 27⟩.

[18] Бартольд, *Еще о самаркандских оссуариях*, стр. 0100; ⟨наст. изд., т. IV, стр. 119⟩.

[19] *Собрание сведений*, III, 184 и 197—198; ср. Бартольд, *Еще о самаркандских оссуариях*, стр. 0103; ⟨наст. изд., т. IV, стр. 122⟩.

поправку в перевод и толкование своих предшественников посредством выяснения источника, из которого заимствовано соответствующее известие. Но и в этом случае он, как нам кажется, поступает не вполне последовательно; непонятно, почему глава о хой-хэ переведена из *Цзю-тан-шу*, глава о сеяньто — из более поздней компиляции *Тан-шу*, хотя соответствующая глава имеется и в первом сочинении[20]; непонятно также, почему оставлены без внимания уже указанные Хиртом[21] разноречия в тексте этих двух компиляций, как, например, упоминание г о р ы Цзюй-лунь в первой и р е к и того же имени во второй. В последнем случае Хирт отдает предпочтение тексту более раннего сочинения; г-н Шаванн (стр. 96, прим. 1), отзываясь с одобрением о «savante discussion» своего предшественника и не приводя ни слова в опровержение его доводов, тем не менее в указателе к своей книге (стр. 339) говорит только о реке Цзюй-лунь (Kiu-luen), или Керулен.

Еще в меньшей степени применялись до сих пор синологами основные требования филологической критики, между прочим и самое важное из них: установление текста путем сравнения между собой различных рукописей и редакций одного и того же сочинения. Нам кажется, что и г-н Шаванн в этом отношении недостаточно принимает во внимание интересы своих читателей; ограничимся приведением наиболее яркого примера. На стр. 217—218 упоминается известие Сюань Цзана об алфавите, употреблявшемся в Трансоксиане в VII в. и состоявшем, по переводу Ст. Жюльена, из 32 букв[22]; это число до сих пор затрудняло исследователей[23] и мешало им отожествить этот алфавит с сохранившимся на так называемых согдийских монетах (всего 22 буквы). Г-н Шаванн сообщает нам[24], что «la difficulté n'existe que dans la traduction de Julien», так как в китайском подлиннике, по «édition du Tripiṭaka japonais», сказано: «немного более 20 букв». При этом как бы забывается факт, что, кроме перевода Жюльена, существует еще перевод Била[25] (Beal), где сказано, что букв было «30 или около того», и при этом сделано примечание: «So my copy has it: Julien translates it thirty two»; также перевод соответствующего места у Терьена де Лакупери[26], где сказано: «my copy has *san shih yü*, thirty and odd». Ясно, что здесь решение вопроса связано не с исправлением ошибки в переводе Жюльена, как можно бы заключить из слов г-на Шаванна, а с критическим установлением текста. В этом случае вопрос о подлинном чтении настолько важен

---

[20] Ср. перевод Хирта (*Nachworte*, S. 135).

[21] Ibid., S 34.

[22] Сюань Цзан, пер. Жюльена, I, 13.

[23] Marquart, *Historische Glossen*, S. 160; ср. также Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 3; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 268⟩.

[24] Соответствующее сообщение уже было сделано им (Chavannes, RHR, t. XLV, pp. 123—124).

[25] Сюань Цзан, пер. Била, I, 27.

[26] *Beginnings of writing*, p. 123.

для историка, что мы имели бы право ожидать от специалиста-синолога указания на варианты всех приведенных до сих пор в известность списков подлинника [27] и ответа на вопрос, насколько обосновано чтение, принятое японскими издателями.

Особенному искажению со стороны переписчиков подвергаются непонятные им иностранные слова и собственные имена. В этом отношении китайское иероглифическое письмо, по-видимому, не имеет большого преимущества перед другими, например перед арабским буквенным; в различных переводах, основанных на различных редакциях одного и того же подлинника, мы встречаем крайне разнообразные чтения одних и тех же имен. Целый ряд подобных разночтений можно собрать при сличении перевода г-на Шаванна хотя бы с переводом о. Иакинфа [28], причем пользующийся обоими переводами неспециалист не располагает никакими данными, на основании которых он мог бы отдать предпочтение тому или другому варианту. У г-на Шаванна мы находим только очень немногие попытки критической оценки подобных вариантов; в одном месте (стр. 141) он доказывает, что упоминаемое в *Цзю-тан-шу* имя Дянь-чжи (Tien-tche) приняло в *Тан-шу* форму Фу-чжи [29] (Fou-tche); в другом месте (стр. 165) он замечает, что название столицы Вахана в большей части изданий *Тан-шу* читается Хань-цзя-шэнь (Han-kia-chen), но что в одном принадлежащем ему издании он нашел чтение Сай-цзя-шэнь, единственно правильное, так как этим названием обозначается, как показал Маркварт [30], город Ишкашим. Замечательно, что чтение Сай, которое переводчик не решился даже внести в текст, находится уже в переводе о. Иакинфа [31]. Этот пример показывает, что в тех случаях, когда собственные имена в переводе г-на Шаванна читаются иначе, чем

[27] Число последних, как известно, невелико; один из них, на который указывал уже С. Жюльен (*Mélanges*, p. 191), находится в России; на нем, вероятно, был основан перевод В. П. Васильева, оставшийся неизданным; перевод был сделан покойным синологом задолго до появления перевода Жюльена (ср.: Фойгт, *Обозрение*, стр. 33; Ольденбург, *Памяти В. П. Васильева*, стр. 048). Если этот перевод сохранился в бумагах покойного В. П. (из дел факультета восточных языков за 1865 г. мы знаем, что В. П. в то время еще надеялся издать этот труд), то было бы любопытно проверить, как в нем переведено соответствующее место.

[28] Напр., Chawannes, *Documents*, p. 102: *pe-tie*; Бичурин, *Собрание сведений*, III, 209: *бай-цзе*; Chavannes, p. 112: *Sou-p'o-tchoen*; Бичурин, III, 216: *Ли-по-чжунь*; Chavannes, p. 119: *To-tsa*; Бичурин, III, 223: *До-ши*; Chavannes, p. 137: *Se-kin* (причем толкование первого иероглифа «гипотетическое»; переводчик не нашел его ни в одном словаре); Бичурин, III, 241: *Иогань*. Одни и те же иероглифы читаются у Шаванна (стр. 10): *Ho-lie* и *Che-tche* (так же у Дегиня, ср. Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 4; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 269⟩), у Хирта (*Nachworte*, S. 72): *Ho-la* и *Ye-tschi*.

[29] Ср. также у Бичурина, *Собрание сведений*, III, 184 (Тянь-чжи) и 243 (Фучжи).

[30] *Ērānšahr*, S. 224. Маркварт приводит чтение Sai-kia-šen («alte Aussprache Sak-ka-sim»), со слов де Грота, «nach anderen Ausgaben». Иероглифический знак для звука *сай* почти не отличается от знака для звука *хань*.

[31] *Собрание сведений*, III, 259.

в переводе о. Иакинфа, мы не имеем права оставлять чтение русского переводчика без внимания.

После установления подлинного чтения инородческого имени в китайской транскрипции остается еще трудный вопрос о том, как произносилось это имя на том языке, которому оно принадлежит. При обсуждении этого вопроса неспециалист может основываться только на внешнем созвучии; специалисты-синологи со времени Ст. Жюльена делали попытки поставить вопрос на более научную почву посредством выяснения законов, которым подчинялась эта транскрипция. В последнее время некоторые синологи, особенно Шлегель и Хирт, старались при этом исходить не из современного литературного, так называемого мандаринского языка, а из древнего произношения, сохранившегося, по их мнению, в юго-восточных диалектах. Г-н Шаванн не следует этой системе и в транскрипции иероглифов руководится только современным мандаринским произношением. Мы не решились бы поставить ему это в упрек; насколько нам известно, среди синологов вопрос о древности юго-восточных диалектов считается спорным [32]; как специалист, г-н Шаванн, конечно, мог придерживаться в этом вопросе другого мнения, чем Хирт. Но на стр. 241 его книги мы читаем, что «лингвистика позволяет нам подтвердить предложенное уже Дегинем сближение имени Τάρδου византийских писателей с именем Датоу (Ta-t'eou) китайцев, так как слог *да* (*ta*) некогда произносился (se prononcait autrefois) *tat*, а конечное *т*, как доказывает Хирт, в транскрипции иностранных имен соответствует звуку *р*». Из этого можно заключить, что автор вполне разделяет лингвистические взгляды Хирта; при таких условиях трудно понять, почему эта ссылка на древнее произношение осталась в его книге единственной.

Лично нам кажется, что установленные Хиртом и другими синологами лингвистические законы, насколько мы могли познакомиться с ними по статье Хирта об орхонских надписях, едва ли могут иметь значение научных доказательств. Мы узнаём, что конечные звуки *р* и *л* выражались в китайской транскрипции конечными звуками *т*, *н* и *к* без различия [33]; бывают, однако, примеры, что звук *р* не передавался в транскрипции никаким согласным звуком [34]. Со своей стороны конечный согласный *т* употреблялся не только как эквивалент плавных, но и как эквивалент шипящих звуков [35]; бывают также случаи употребления как конечного *т*, так и конечного *к* в транскрипции таких иностранных слов, где в соответствующих слогах нет никаких конечных согласных [36]. Едва ли

[32] Ср. Котвич, ЗВОРАО, т. XV, стр. 047.

[33] Hirth, *Nachworte*, S. 6.

[34] Ibid., S. 130: «Po-ssï=Pars, Perser, in dessen erster Silbe auch nach der alten Aussprache kein *t* oder *k*, oder sonst etwas als Vertreter des *r* nachzuweisen ist».

[35] Ibid., S. 43: «Kié-ku, cant. Kit-Kwat, als Aequivalent für Kirkiz, oder A-p'o-lo-pat für Abu'l-Abbas».

[36] Ibid., S. 6: «Pa-si-mi, alter Laut Pat-sik-mit für Basmal»; S. 36: «Ko-sa, cant. Kot-sat (Khazar?)».

сближения, основанные на подобных «лингвистических законах», имеют какое-либо преимущество перед старыми сближениями, основанными только на звуковом сходстве и хронологическом совпадении. Сам Хирт и другие современные синологи прибегают к этому грубому приему гораздо чаще, чем к лингвистически обоснованным сближениям, и при этом обнаруживают, как нам кажется, не больше, если не меньше, осторожности, чем их предшественники. Еще не указано ни одного текста, в котором бы встретилось слово *тёлес* как название обширной группы народов; между тем мы благодаря Хирту [37] уже имеем, рядом с тёлесами орхонских надписей, одного из двух составных элементов народа Ильтерес-кагана и его преемников, еще «die Tölös im weiteren Sinne», соответствующих китайским телэ, «deren Stämme vom Schwarzen Meer ostwärts als führerlose Nomadenhorden bis zum Amurgebiet hie und da zerstreut lebten». В книге г-на Шаванна (стр. 14) о тожестве названий tie-le и tölös также говорится, с ссылкой на Томсена, как о бесспорном факте. Без критики принимается также еще более смелое толкование имени народа сеяньто, предложенное Хиртом, который видит в этом имени транскрипцию турецкого народного названия сир-тардуш. Высказывая это предположение, Хирт не мог привести в его пользу ни лингвистических [38], ни вполне ясных исторических доказательств; сложное название сир-тардуш в надписях нигде не встречается; встречаются только термин *тӱрк сір будун*, в надписи Тоньюкука, для обозначения всего народа Ильтерес-кагана и его преемников [39], и термин тардуш, в надписях Кюль-тегина и Бильге-кагана [40], для обозначения западной ветви того же народа; об участии народа сеяньто в восстании Ильтерес-кагана и в жизни основанной им державы китайцы также ничего не говорят. Несмотря на все эти затруднения, толкование Хирта было принято В. В. Радловым, который называет его «одним из важнейших открытий Хирта» [41]. У г-на Шаванна (стр. 358) мы уже читаем, что в народе сеяньто «Hirth a reconnu

---

[37] Ibid., S. 37. В надписях IΓYNh и IYNh, что, по мнению Томсена и П. М. Мелиоранского (ср. Мелиоранский, *Памятник в честь Кюль-Тегина*, стр. 20—24), указывает на существование во втором слоге переходного звука от *ä* к *i*. Чтение *tölös* у Томсена, Хирта и Шаванна основано на приведенном в книге В. В. Радлова (*Aus Sibirien*, Bd I, S. 179 и другие места) названии небольшого народа в Алтае, от которого получило название Телецкое озеро. Сближение китайских телэ с тёлесами было предложено уже В. В. Радловым (ibid., S. 126), Томсеном (*Inscriptions de l'Orkhon*, p. 146) и Л. Каёном (*Introduction*, p. 101).

[38] Хирт (*Nachworte*, S. 129) не мог привести ни одного примера транскрипции звука *tar* посредством *янь* (*yen*), не мог также доказать, что чтение *yen* было искажением первоначального чтения *t'an*; это искажение, по его словам, должно было произойти уже в VII в., так как чтение *yen* дает уже надпись 667 г.

[39] Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, Zweite Folge, S. 3, 6, 7, 25—27.

[40] Ср. Мелиоранский, *Памятник в честь Кюль-Тегина*, стр. 109.

[41] Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, Zweite Folge, S. XII: «Eine der wichtigsten Entdeckungen Hirth's».

les Syr-Tardouch des inscriptions de Koscho-tsaïdam»; таким образом, забыт даже факт, что самое сочетание *сир-тардуш* является плодом предположения Хирта, а не извлечено им из надписей. Как объяснение названия телэ, так и объяснение названия сеяньто в глазах г-на Шаванна являются настолько обоснованными научными теориями, что он считает возможным исходить из них при оценке других предположений той же категории. Так, Маркварт [42] в имени Σιλζίβουλος видел титул *сир-ябгу*, т. е. ябгу племени сиров; г-ну Шаванну (стр. 228) кажется невероятным, чтобы ябгу западных турков (тугю) носил титул ябгу сиров, так как китайцы причисляют народ сеяньто не к группе тугю (турков), а к группе телэ (тёлесов). Сопоставляя это мнение г-на Шаванна с мнениями других ученых, основанными на тех же лингвистических сближениях, мы принуждены прийти к следующему выводу: первоначально народ сир-тардуш входил в состав группы тёлесов, отличаемой китайцами от турков-тугю; впоследствии он, под названием тардушей [43], вошел в состав народа турков и составил в нем особую, западную ветвь, отличную от тёлесов как восточной ветви. О степени вероятности такого вывода предоставляем судить читателям.

Остается отметить еще одну трудность, с которой приходится бороться синологам и которая, по-видимому, связана с синтаксическими особенностями языка,—именно трудность определить конец одной фразы и начало следующей. В этом отношении мы встречаем различные толкования одного и того же текста не только у различных, часто одинаково авторитетных синологов, но даже в одном и том же сочинении [44]. В интересах читателей, конечно, было бы желательно, чтобы переводчик при передаче текста, уже бывшего доступным по другим переводам, в тех случаях, когда считает нужным отступить от толкования своего предшественника, упомянул о причинах, по которым он считает это толкование ошибочным. Сравнивая перевод г-на Шаванна с переводом тех же фраз в статье Хирта, мы убеждаемся в том, что г-н Шаванн не считает нужным объяснять нам причины своего разногласия со своим предшественником даже в тех

---

[42] *Ērānšahr*, S. 216.

[43] Так полагают Хирт (*Nachworte*, S. 34: «Die Sié-yen-t'o waren zur Zeit der Khane Ku-tu-lu, Mo-tscho und Bilgä zwar kein selbständiges Volk mehr, aber ich nehme an, daß ihre Ueberbleibsel zwischen Altai und Baikal mit den Tardusch der Inschriften identisch sind») и В. В. Радлов (*Die alttürkischen Inschriften*, Zweite Folge, S. XIII).

[44] Ср. в *Nachworte* Хирта перевод одного и того же текста из *Цзю-тан-шу* (вошедшего также в *Тан-шу*) в двух местах — S.34: «Es wird da u. A. gesagt, dass die Hui-ho (Uiguren), Bajyrku, Aedüd (A-tié), Tongra, Pu-ku und Pai-si, die beim Ütükän-Berge sassen, im Osten dem Schï-pi Kakhan (d. i. den Ost-Türken) unterthan waren»; (так же у г-на Шаванна, стр. 95, из *Тан-шу*); S. 135: «Damals nahmen die sechs Stämme der Hui-ho (Uiguren), u. s. w., das Land östlich vom Ütükän-Gebirge ein und gehorchten Schï-pi (dem Kakhan der Ost-Türken»); так же у Бичурина, *Собрание сведений*, I, 426—427 (из *Тан-шу*).

случаях, когда для незнакомых с языком перевод Хирта представляется, по смыслу фразы, несомненно более правдоподобным [45].

Приведенными замечаниями мы отнюдь не хотели умалить достоинство синологической части труда г-на Шаванна, которая значительно обогащает наши сведения об интересной эпохе и дает полное право на благодарность читателей как автору, так и Академии наук, давшей средства на напечатание его книги. Несколько иной отзыв мы принуждены дать о той части книги, где автор выступает перед нами уже не в качестве синолога, а в качестве историка. Сам г-н Шаванн (стр. 218) признаёт, что его труд не может исчерпать предмета, так как из различаемых им трех групп источников (известия китайские, византийские и почему-то соединяемые в одну группу известия арабские и армянские) ему были доступны только источники двух первых категорий; но так как наибольшим богатством сведений отличаются наиболее доступные ему китайские источники, он все-таки берет на себя задачу выяснить в кратких словах историческую роль западных турков. Если можно согласиться с таким взглядом, то трудно было бы оспаривать факт, что для выяснения исторической географии Средней Азии, занимающего в книге г-на Шаванна значительное место, мусульманские источники еще важнее китайских. Сверх того, автор не считает нужным даже упомянуть о том, что ему недоступны не только самые источники, но и значительная часть посвященной им литературы вследствие незнания русского языка; по крайней мере мы в книге г-на Шаванна не нашли не только ссылок на русские работы [46], но даже указаний на то, что ему известно существование таких работ. При таких условиях, несмотря на все преимущества, которые дают автору основательное изучение китайских источников и несомненный талант к историческим обобщениям, пассив его труда, как мы постараемся показать, значительно превышает актив; вопрос о том, заслуживала ли эта часть книги чести быть напечатанной в изданиях Академии наук, представляется нам по меньшей мере спорным. Каковы бы ни были недостатки русских работ, едва ли можно утверждать, что для изучения истории входящих в пределы России областей в России сделано так мало, а в Западной Европе — так много, чтобы Академия наук имела основание

---

[45] Ср. у г-на Шаванна (стр. 43, из *Цзю-тан-шу*): «il déplaca son campement et l'établit au nord-est. Il était limitrophe des Tou-kiue; au sud-ouest, il était voisin des Hou». У Хирта (*Nachworte*, S. 75, из того же сочинения): «und verlegte sein Ordu dahin. (Sein Gebiet) grenzte im Nordosten an die Ost-Türken, im Südwesten an die übrigen Türken (tschu-hu)». При переводе параллельного места из *Тан-шу* (где вместо северо-востока и юго-запада говорится о востоке и западе) о. Иакинф (*Собрание сведений*, I, 366) и сам г-н Шаванн (стр. 79) придерживаются такого же толкования текста, как Хирт.

[46] Исключение представляет, впрочем, 40-верстная карта Главного штаба, причем автор (стр. 5) воспользовался далеко не всеми листами этой карты, которые представляли бы для него интерес. Пользование листом № 19 позволило бы ему исправить ошибочное обозначение на карте города Касана (см. ниже).

печатать в своих изданиях работу западноевропейского ученого, для которого все написанное на русском языке как бы не существует.

Обратимся прежде всего к историко-географическим взглядам автора. Из сделанных им правильных замечаний можно признать новым в западноевропейской литературе, если не ошибаемся, только одно, именно указание (стр. 11) на «vue très neuve de l'auteur du *Si yu choei tao ki*», что город Бешбалык, или Бэйтин, находился не около Урумчи, как полагали «Клапрот и все европейские синологи», а в урочище Цзимуса, к западу от Гучэна. Это открытие, к которому автор возвращается несколько раз (например, стр. 272: «Bichbalik doit donc être placé à *Tsi-mou-sa* et non à Ouroumtsi, comme on l'a dit trop longtemps»), для русского читателя уже не ново; оно составляет бесспорную заслугу Г. Е. Грум-Гржимайло [47]. Что касается до ошибочных утверждений автора, нашедших себе место в тексте книги и на приложенной к ней карте, то число их довольно велико; отметим некоторые из них.

1) Автор полагает (стр. 9), что путь Сюань Цзана шел не по южному, а по северному берегу Иссык-Куля, по следующим двум причинам: а) таково направление главного пути в настоящее время; б) в описании путешествия Сюань Цзана сказано: «пройдя около 500 ли к северо-западу от озера, он прибыл к реке Суй-шэ» [48]. Второй довод уже был приведен автором в другом месте [49], но, как нам кажется, только опровергает его взгляд. Выражение «около 500 ли к северо-западу от озера» едва ли может быть понято иначе, чем оно понималось до сих пор, именно в смысле: «к северо-западу от того места на (юго-восточном) берегу озера», куда прибыл путешественник [50]. Даже взгляд на собственную карту мог бы показать г-ну Шаванну, что дорога только вдоль южного берега могла иметь северо-западное направление, что, если бы путешественник обогнул восточный и северный берег, его путь мог получить такое направление только уже в долине реки Чу. Что касается первого довода, то китайский маршрут, конечно, должен быть сопоставлен с другими средневековыми маршрутами, а не с современными. В этом случае мы имеем категорическое свидетельство Гардизи [51], что на пути в Восточный Туркестан имели озеро по левую руку, т. е. что путь шел вдоль южного берега. Что китайцы имели в виду

---

[47] См. Грум-Гржимайло, *Описание путешествия*, т. I, стр. 221—229, где приведен ряд доводов против Урумчи и в пользу местности около Гучэна, и т. II, стр. 42—43, где приведена выдержка из китайского сочинения *Мэнгу юму цзи* по переводу П. С. Попова (483—484), в которой более определенно указывается на урочище Цзимуса.

[48] Сюань Цзан, пер. Жюльена, I, 12.

[49] Chavannes, RHR, t. XLV, p. 124.

[50] Так понял это известие, если только перевод Ст. Жюльена верен, автор биографии Сюань Цзана. Ср. *Жизнеописание Сюань Цзана*, пер. Жюльена, 54-55: «Il suivit les bords de (cette) mer (de ce lac) dans la direction du nord-ouest, et après avoir fait environ cinq cent li, il arriva à la ville de Sou-che».

[51] Ср. мой *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 114 (текст на стр. 89).

тот же путь, видно уже из названия города Дунчэн (*чэн*='город'), у Гардизи—Тонг (تونك), очевидно находившегося в долине сохранившей это название речки Тон, где и теперь видны довольно значительные развалины [52].

2) Город Суйшэ, или Суй-е, Суяб мусульманских авторов, находился, по всей вероятности, по крайней мере до его разрушения китайцами в 748 г., недалеко от современного Токмака, но нет основания полагать, что местоположение Токмака до такой степени соответствует местоположению средневекового города, чтобы мы имели право употреблять одно название вместо другого и говорить о взятии Токмака китайцами в 748 г. или о «Токмаке и Таласе, двух столицах древних турецких ябгу» (стр. 286).

3) О городе Таласе в тексте книги (стр. 5, 10 и др.) говорится, без ссылки на источник, что он находился на месте современного Аулие-Ата; но в добавлениях (стр. 304) приведено без возражения мнение Томашека [53], по которому Талас «ne peut guère être Aoûlié-atâ» [54], а должен был находиться на 5 фарсахов южнее, где теперь селение Талас. Из этого можно заключить, что автор познакомился со статьей Томашека (напечатанной уже в 1889 г.) после напечатания своей книги и теперь отказался от своего прежнего мнения в пользу мнения этого ученого. Против мнения Томашека мною уже в 1897 г.[55] было сделано возражение, что такой важный пункт большого торгового пути, как Талас, не мог находиться в стороне от естественной дороги, в горах, куда купцам и в особенности другим путешественникам, вроде Сюань Цзана, не было никакого расчета заезжать на пути из Семиречья в Трансоксиану.

4) О городе Исфиджабе говорится (стр. 195), что местоположение его с точностью не определено [56], но что он должен был находиться в небольшом расстоянии к северо-востоку от Чимкента; на своей карте автор смело помещает Исфиджаб между истоками Угама и Майдантала, т. е. среди покрытых снегом гор, не задавая себе вопроса, как в подобной

---

[52] Там же, стр. 56; ⟨наст. изд., т. IV, стр. 72⟩. Это же сближение было сделано в немецком издании моей статьи *О христианстве в Средней Азии* (ср. Barthold, *Zur Geschichte des Christentums*, S. 71; ⟨см. наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 301⟩).

Эта работа была хорошо известна г-ну Шаванну и даже была удостоена им рецензии в RHR, t. XLV.

[53] WZKM, Bd III, S. 106.

[54] На самом деле Томашек говорит об этом менее решительно: «kann schwerlich Aulie-ata sein».

[55] Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 16; ⟨наст. изд., т. IV, стр. 35⟩. Ср. также Barthold, *Zur Geschichte des Christentums*, S. 35; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 281⟩; Бартольд, *Отчет о командировке в Среднюю Азию*, стр. 343; ⟨наст. изд., т. IV, стр. 114—115⟩.

[56] При этом сделана ссылка на: Richthofen, *China*, Bd I, S. 543, Anm. 1; Watters, *The shadow*, II, p. 123.

местности мог возникнуть такой значительный город [57]. Туземцы, как известно [58], приурочивают Исфиджаб к современному селению Сайраму, расположенному в небольшом расстоянии к востоку от Чимкента, и против этого определения едва ли можно сделать какие-либо возражения.

5) Из городов Ферганы на карте отмечен только Касан, притом совершенно ошибочно; автору известно только (стр. 273), что Касан был расположен «по ту сторону Шаша» (Яксарта) [59]. Как известно, селение Касан существует и теперь на берегу речки Касан-сай, впадающей в Сыр-Дарью около средневекового Ахсикета, в небольшом расстоянии к юго-западу от современного Намангана [60].

6) О городе Нумиджкете (Noumeschkath) мы в указателе к книге (стр. 349) читаем: «J'ai fait de cette ville la capitale du territoire de Boukhara sur la foi de Barthold, *Die alttürk. Inschr. und die arab. Quellen*, p. 7, mais cette assertion me parait sujette à caution». Каковы бы ни были причины сомнений, которыми автор не счел нужным поделиться со своими читателями, ему в этом случае не было никакого основания полагаться исключительно на меня; оспариваемое им утверждение считается установленным в науке со времени Лерха [61]; автор мог бы найти его у де Гуе [62] и даже в неоднократно цитуемых им работах Томашека [63] и Маркварта [64].

7) Страна Цзюй-ми-то (Kiu-mi-t'o) китайских источников, Κομηδῶν ὀρεινή Птолемея [65] и Кумед арабских географов, отожествляется с Каратегином, с ссылкой на мнение Северцова [66], причем заявляется (стр. 164, прим. 1), что «cette opinion est appuyée de si fortes raisons qu'elle paraît devoir être universellement acceptée». Между тем приводимые арабскими географами расстояния показывают, что Каратегину соответствовала не область Кумед, а расположенная выше нее по течению Вахша область Рашт [67]; главная «крепость Рашта» находилась там же, где теперь глав-

---

[57] Ср. слова Ибн Хаукаля (389—390), что город расположен «в равнине, в 3 фарсахах от ближайших гор».

[58] Бартольд, *Отчет о командировке в Среднюю Азию*, стр. 339; ⟨наст. изд., т. IV, стр. 111⟩; его же, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 9; ⟨наст. изд., т. IV, стр. 27⟩.

[59] При этом делается ссылка на географию Абу-л-Фида ⟨*Таквӣм*⟩ в переводе Рено.

[60] Ср. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 163; ⟨наст. изд., т. I, стр. 212⟩.

[61] Ср. его статью *Бухара*, стр. 464; здесь Наумаджкат.

[62] Макдиси, 267, *b*, со ссылкой на сообщение Лерха.

[63] *Sogdiana*, S. 106.

[64] *Die Chronologie*, S. 61.

[65] Автор на стр. 164 говорит о «Vallis Comedorum des géographes de l'antiquité classique»; на стр. 279 o «le pays des Κομῆδαι de Ptolemée». Первое выражение заимствовано, вероятно, у Vivien de St.-Martin (*Mémoire analytique*, p. 292), который ссылается на статью Cunningham, *Verification*. Очевидно, это перевод выражения Птолемея ἡ φάραγξ τῶν Κωμηδῶν (ср. Tomaschek, *Sogdiana*, S. 48).

[66] С ссылкой на статью последнего (Severtzow, *Études*, pp. 420—431).

[67] Отожествление Рашта с Каратегином см. уже у Томашека, *Sogdiana*, S. 43, 50

ный город Каратегина, Гарм [68]. Ниже Рашта река Вахш прорезывала область Кумед [69]; восточную часть последней составлял, очевидно, нынешний Дарваз, так как область непосредственно граничила, по словам Сюань Цзана [70], с Шугнаном (в состав последнего мог входить и Рошан); названия реки Кум [71] (ныне Каратаг-Дарья) и народа кумиджиев [72] заставляют предположить, что в состав Кумеда на западе входила горная область верховьев Кафирнигана и Сурхана. Сам г-н Шаванн не старается доказать, что Шугнан в то время простирался на север до Каратегина, и только полагает (стр. 162, прим. 4), что в состав области могли входить находящиеся непосредственно к востоку от нее местности Памира. Что Кумед — не Каратегин, лучше всего видно именно из того маршрута паломника У-куна (Ou-k'ong), на который автор (там же) ссылается в подтверждение своей мысли. Взгляд на собственную карту мог бы показать г-ну Шаванну, как маловероятен проезд путешественника из Хутталя в Шугнан через Каратегин.

Ограничиваемся перечислением этих наиболее существенных, хотя далеко не единственных, историко-географических промахов и переходим к изложению собственно исторических взглядов автора. В этом отношении главным достоинством книги является более тщательное, чем прежние попытки в этой области, сопоставление китайских и византийских источников. Это сопоставление позволило автору окончательно выяснить два существенных факта истории западных турков: 1) что империя турков в VI в. была основана двумя братьями и потому фактически с самого начала своего существования разделялась на два независимых государства; 2) что византийские послы ездили не в Монголию, ко двору тех каганов, которые, по китайским известиям, считались главами всего народа, а только ко двору западных каганов. Тесная связь между этими двумя фактами, может быть, не вполне ясна самому автору; по его мнению, дуализм в империи до разрыва 582 г. существовал только «в скрытом виде» (стр. 219) и западные турки признавали верховную власть северных (или восточных [73], стр. 227). Между тем западные каганы, принимавшие византийских послов и заключавшие с ними договоры о о союзе, несомненно, были независимыми государями в гораздо большей степени, чем, например, золотоордынские ханы первого периода монголь-

---

[68] Ср. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 72—73; ⟨наст. изд., т. I, стр. 121⟩. Считали 4 или 5 дней пути от Вашгирда (ныне Файзабад) до крепости Рашта.

[69] Ибн Русте, изд. де Гуе, 92; это место привел уже Томашек (*Sogdiana*, S. 47).

[70] Пер. Жюльена, I, 27.

[71] Кум-руд у Ибн Русте, изд. де Гуе, 93, где река по ошибке названа притоком Кафирнигана, и у Бабура (*Бāбур-нāме*, изд. Ильминского, 99); ср.: Tomaschek, *Sogdiana*, S. 43; Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 72; ⟨наст. изд., т. I, стр. 121—122⟩.

[72] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 72; ⟨наст. изд., т. I, стр. 121—122⟩. Как выяснил теперь г-н Шаванн (стр. 163), китайцы также рядом с чтением Цзюй-ми-то (Kiu-mi-t'o) употребляют чтение Цзюй-ми-чжи (Kiu-mi-tche).

[73] Ср. у г-на Шаванна, стр. 217, прим. 1.

ской империи, отправлявшие европейских послов и русских князей в Монголию; разрыв 582 г. был, по-видимому, не актом восстания вассалов против сюзеренов, а началом войны между двумя до тех пор союзными государствами. При господстве среди кочевников понятия родовой собственности подобное двоевластие естественно должно было образовываться в тех случаях, когда империя создавалась не деятельностью одной исключительной личности, подавлявшей всякую чужую волю, как Чингиз-хан, а совместной деятельностью двух или нескольких братьев. Аналогичное явление мы встречаем и на заре возникновения империи Сельджукидов [74].

Из византийских источников по истории турков наибольший интерес представляет письмо кагана к императору Маврикию в 598 г.[75]. Гутшмид [76] придает этому рассказу кагана о своих собственных завоеваниях значение первоисточника, и таким он был бы в действительности, если бы письмо дошло до нас в подлиннике или в сколько-нибудь точном переводе; к сожалению, оно до такой степени искажено или византийскими переводчиками, или писавшим с их слов Феофилактом, что разбор его представляет большие трудности. Г-н Шаванн, указывающий на возможность искажения письма переводчиками (стр. 249), справедливо воздерживается от попытки «a grand renfort de fragiles hypothèses», (стр. 251) объяснить упоминаемые в письме личные имена и географические названия. Тем не менее он при обсуждении вопроса об авторе письма (стр. 249) исходит из вполне соответствующего византийским космическим представлениям, но довольно странного в устах турецкого кагана выражения «владетель семи климатов мира» [77]; кроме того, он, опираясь на хронологический порядок изложения событий в письме, оспаривает (стр. 250) мнение самого Феофилакта о тожестве абделов с эфталитами. По мнению г-на Шаванна, это невозможно, так как в письме говорится о победе над настоящими аварами (жужанями) после победы над абделами, тогда как покорение эфталитов, как известно по другим данным, произошло после уничтожения жужаней; кроме того, у сирийского автора VI в.[78] абделы названы отдельно от эфталитов. Автор предлагает сблизить абделов с телэ китайских источников или тёлесами надписей (ср. выше, стр. 350), не объясняя, однако, происхождения слова

---

[74] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 326; ⟨наст. изд., т. I, стр. 369⟩; Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 327—328.

[75] У г-на Шаванна, стр. 245—249.

[76] *Bemerkungen*, S. 156—157.

[77] В подлиннике (Феофилакт Симокатта, 282, $_{21-22}$): κύριος κλιμάτων τῆς οἰκουμένης ἑπτά. По поводу этого выражения г-н Шаванн только замечает, что «les sept climats sont une expression bien connue qui se retrouve chez nombre d'auteurs arabes», но не прибавляет, что арабы заимствовали представление о семи климатах у классических географов, как и самое слово *климат* (араб. اقليم, греч. κλίμα).

[78] Захария Ритор, изд. Ланда, III, 337: ܐܒܕܠ и ܐܦܬܠܝܬ; ⟨ср. Захария Ритор, пер. Пигулевской, 165⟩.

аб; едва ли он пожелал бы восстановить в пользу своих абделов известную теорию Дегиня [79] об эфталитах, или аб-телитах, т. е. речных телитах (от перс. *аб* ʻвода’). Ввиду полной невозможности объяснить появление слога *аб* и недостоверности византийского перевода письма едва ли есть достаточное основание отвергать мнение Феофилакта, тем более что сирийский автор, как видно уже из приводимой им византийской книжной формы ܐܦܬܠܝܬ, очевидно, заимствовал оба названия из книжных источников и потому мог по недоразумению [80] принять их за названия двух различных народов.

Из византийских источников автор извлекает одну подробность о быте западных турков, которой он сам придает большое значение и которая действительно представляла бы большой интерес, если бы только можно было согласиться с тем, что автор правильно понял слова своих источников. Изложив рассказ Менандра о приеме Земарха в ставке кагана, о золотой постели, на которой возлежал каган, о позолоченном ложе, поддерживавшемся четырьмя золотыми павлинами, и о серебряных фигурах животных, ни в чем не уступавших произведениям византийского искусства [81], г-н Шаванн (стр. 238) делает отсюда следующий вывод: «Итак, эти турки, которых мы привыкли считать настоящими варварами, не были так некультурны, как полагают; их искусство, материалом для которого были только драгоценные металлы, создало произведения, которых самая ценность их подвергала опасности быть разрушенными и перелитыми на монету; без сомнения, этим объясняется, что они исчезли почти бесследно. Однако очень вероятно, что еще можно найти следы этого искусства в некоторых предметах украшения из золота, найденных в южной части Сибири и находящихся теперь в Эрмитаже». В подтверждение своего вывода автор приводит также слова Феофилакта, что турки, получая от персов много золота, выделывали из него для себя предметы мебели, утвари и вооружения [82]. Едва ли, однако, выражения византийских писателей дают нам право предполагать в VI в. такой небывалый факт, как высокое развитие металлической промышленности у кочевого

---

[79] *Histoire générale des Huns*, t. I, pt. II, p. 326.

[80] Так полагал и Нёльдеке (Табари, пер. Нёльдеке, 115, прим. 2). Лингвистически такое происхождение формы ܐܒܕܠ более чем вероятно; ср. сопоставление различных форм названия этого народа у Маркварта, *Ērānšahr*, S. 59.

[81] В подлиннике (Менандр Протектор, 383, $_{10}$): *οὐδέν τι ἀποδέοντα τῶν παρ’ ἡμῖν*. На стр. 300 г-н Шаванн, забыв эти слова, говорит, что у турков «cet art resta toujours un art barbare où la valeur de la matière était plus importante que le mérite de l’exécution».

[82] Ср. Феофилакт Симокатта, 125, $_{1-6}$: *πολυχρύσου τοίνυν τῆς τῶν Τούρκων ἀρχῆς ὑπὸ τῶν Περσῶν γεγονυίας, ἐς μεγάλην τοῦτο δὴ τὸ ἔθνος ἐτέτραπτο πολυτέλειαν· κλίνας τε γὰρ ἐσφυρηλατοῦντο χρυσᾶς καὶ τραπέζας καὶ κύλικας καὶ θρόνους καὶ βήματα ἱππικούς τε κόσμους καὶ πανοπλίας, καὶ ὅσα τῇ μέθῃ τοῦ πλούτου ἐπινενόηται*. Из этого видно, что Феофилакт говорит о золотых изделиях только как о доказательстве богатства турков; вопрос о том, были ли эти изделия произведениями мастеров турецкого происхождения, не представлял для него интереса.

народа. Более чем вероятно, что виденные византийскими послами предметы искусства частью составляли добычу военных походов, частью были выделаны в степи из полученного от побежденных золота, но выделаны не руками завоевателей — турков [83], а руками пленных или наемных мастеров из представителей культурных народов. С таким же правом мы на основании оставленного путешественниками XIII в. описания монгольских ставок могли бы говорить о высоком развитии того же искусства у монголов [84].

Создав небывалое турецкое искусство, автор, как нам кажется, недостаточно воспользовался данными о вполне реальном факте — о турецкой письменности. Не рассматривается вопрос о западном происхождении орхонского алфавита [85], также вопрос о том, можно ли отожествить с этим алфавитом упоминаемое византийцами [86] τὸ γράμμα τὸ Σκυθικόν (ср. у г-на Шаванна стр. 235); не говорится о существовании в государстве тюргешей, как выясняется из орхонских надписей [87], должности «хранителя печати» (*тамгачи*). Автор (стр. 217—218) упоминает о найденных в Иссык-Куле и приписываемых западным туркам монетах, даже о надписях долины Свата и предложенной Г. Хутом попытки их дешифровки [88], и не говорит ни слова о найденных в долине Таласа надписях, представляющих наглядное и несомненное доказательство употребления западными турками орхонско-енисейского алфавита [89].

Некоторые частные ошибки автора связаны с уже отмеченной нами неясностью его географических представлений. На стр. 223 говорится, что рассказ Менандра о господстве эфталитов над Согдианой подтверж-

---

[83] По китайским известиям, турки до своего возвышения были кузнецами жужан и выделывали для них железное оружие (ср. у г-на Шаванна стр. 222 и 235). Даже если это известие не было плодом какого-нибудь недоразумения, вроде рассказа Рубрука о кузнеце Чингисе (Рубрук, изд. Мишеля—Райта, 261: «Chingis faber quidam»), все-таки существует значительная разница между приготовлением из железа оружия для кочевого народа и приготовлением из золота и серебра художественных изделий, не уступавших византийским.

[84] Ср. особенно приведенный у д'Оссона (*Histoire des Mongols*, t. II, p. 305) рассказ Рубрука о каракорумском дворце.

[85] Ср. об этом Donner, *Sur l'origine*. Следов пользования этой работой мы в книге г-на Шаванна не заметили.

[86] Ibid., pp. 15, 43.

[87] Мелиоранский, *Памятник в честь Кюль-Тегина*, стр. 77.

[88] Мелиоранский, ЗВОРАО, т. XIV, стр. V—VII. Вследствие крайне сомнительного характера этой дешифровки едва ли можно утверждать, как это делает г-н Шаванн, что надписи «sont écrites en turc».

[89] Подробности об этой находке автор мог бы найти только в русских работах (ср.: Каллаур, *Камень*; Радлов, *Разбор*; Каллаур, *Новая находка*; Мелиоранский, *По поводу находки*); но краткое упоминание о ней он нашел бы в моей немецкой статье (*Die historische Bedeutung*, S. 14) и с моих слов в статье И. Маркварта (*Historische Glossen*, S. 168).

дает известие мусульманских авторов [90] о господстве того же народа над Чаганианом. В пользу того и другого известия есть достаточно данных, но одно из них едва ли может быть приведено в подтверждение другого; горы, отделяющие долины северных притоков Аму-Дарьи от равнинной части нынешнего Бухарского ханства, всегда составляли более действительную преграду, чем река Аму-Дарья, и пока существовал Балх, Чаганиан и соседние области тяготели к этому городу, а не к Самарканду и Бухаре [91]. По той же причине, вопреки мнению автора (стр. 229), из того факта, что пограничным пунктом западнотурецкого государства считались Железные ворота, к северу от Аму-Дарьи, нельзя делать вывод, что границей между владениями турков и владениями персов служила эта река; области, расположенные к северу от реки и к востоку от Железных ворот (Чаганиан и другие), могли находиться и, вероятно, некоторое время находились в руках персов.

О событиях VI в. автор вообще, несмотря на недостаточно критическое отношение к своим источникам [92], дает нам довольно отчетливое представление; менее полны его сведения о событиях VII и VIII вв., о которых византийские источники уже не говорят и о которых автор, кроме китайских сочинений, мог найти известия только в мусульманских источниках или посвященной им литературе. В этой части своей книги автор большею частью только повторяет мнения И. Маркварта; в тех случаях, когда им делаются попытки самостоятельных гипотез для выяснения событий, эти попытки едва ли можно признать удачными. Едва ли правильно его представление (стр. 288) о «сравнительном спокойствии» Согдианы [93] между 661 и 705 гг.; именно к этому времени относятся походы Сельма б. Зияда (681—683 гг.), который первый из арабских полководцев зимовал в Мавераннахре, попытки местных князей образовать союз против арабов и владычество Мусы б. Абдаллаха б. Хазима в Термезе [94] (689—704 гг.). Еще неудачнее высказываемое автором предположение (стр. 289), что под турецким князем Куренгабуном (?) [95], племянником

[90] Автор ссылается на Мирхонда, источником которого в этом случае несомненно был рассказ Абу Ханифы Динавери (69, $_{16-17}$).

[91] Ср. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 70, 292, 300—301, 334, 363; ⟨наст. изд., т. I, стр. 118, 338, 347—348, 376, 401—402⟩.

[92] Даже фантастический рассказ Феофилакта Симокатты о присылке в Византию в 591 г. турецких пленных со знаком креста на лбу приводится г-ном Шаванном (стр. 245) в качестве достоверного факта.

[93] Это «сравнительное спокойствие» нужно автору только для того, чтобы объяснить отсутствие посольств из Трансоксианы в Китай во второй половине VII в.; но приведенные им же другие объяснения этого факта (смуты в самом Китае и господство тибетцев в Кашгарии с 670 по 692 г.) представляются нам вполне достаточными.

[94] Ср. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 186—187; ⟨наст. изд., т. I, стр. 241—242⟩.

[95] Так пишет автор, с вопросительным знаком, на основании текста персидского Табари в переводе Зотенберга. Ср. у Табари, II, 1195: كُورْبغان التركيّ (вар. كوربعانون), у Нершахи (изд. Шефера, 44): كورمغانون, у Я'куби (*Та'рӣх* II, 342): كورمعانون.

китайского императора, разбитым арабами в 707 г., следует понимать Кюль-тегина орхонских надписей. При этом г-н Шаванн вынужден допустить следующий ход мыслей: 1) правда, что Кюль-тегин не был племянником китайского императора, но так как китайские источники не говорят ни о каком походе на запад в 707 г., то возможно, что под китайским императором здесь следует понимать Мочжо, верховного вождя турков (при этом умалчивается о том, что Табари и Нершахи говорят о сыне с е с т р ы [96] китайского императора, а Кюль-тегин был сыном б р а т а Мочжо); 2) правда, что орхонские надписи также не говорят ни слова о походе Кюль-тегина на Согдиану в 707 г., но возможно, что надпись, составленная в честь Кюль-тегина, обошла молчанием событие, кончившееся не к чести ее героя. К этому еще остается прибавить, что я не только, как говорит г-н Шаванн, «полагаю», что в этом случае речь идет о тюргешском князе, но привожу об этом [97] подлинное свидетельство Я'куби, самого раннего из арабских историков, вообще упоминающих об этом событии.

В заключение остается еще упомянуть о предлагаемых автором исторических обобщениях; мы уже говорили о несомненном историческом таланте, проявленном им в этом отношении. Справедливо отмечается факт (стр. 221), что существовавшее с самого начала разделение на два государства помешало туркам создать такую могущественную империю, как монгольская; что, в свою очередь, распадение западнотурецкой державы в половине VIII в. облегчило успехи арабов (стр. 259), хотя мнение автора, что при других условиях халифам было бы трудно «сокрушить столь сильное сопротивление», может быть, слишком смело; по крайней мере в VIII в. даже объединение всего турецкого народа под властью Мочжо (711—716) не остановило блестящих успехов Кутейбы. Справедливо указывается (стр. 300) на роль западных турков, как вообще кочевых империй, в деле облегчения торговых сношений и культурного обмена между Китаем, Индией, Передней Азией и Византией, хотя автор, может быть, допускает тут некоторое преувеличение, как бы забывая, что между Китаем, Индией и Передней Азией кроме сухопутных сношений были морские, почти всегда более оживленные [98]. Факт оживленного культурного обмена между

---

[96] Выражение «Schwestersohn» автор мог бы найти, кроме моей статьи (*Die alttürkischen Inschriften*, S. 7; ⟨см. выше, стр. 290⟩), также в статье И. Маркварта (*Die Chronologie*, S. 63).

[97] Barthold, *Die alttürkischen Inschriften*, S. 8; ⟨см. выше, стр. 291⟩.

[98] На это недавно совершенно справедливо обратил внимание кн. Э. Э. Ухтомский (*Из области ламаизма*, стр. 16, о сношениях Передней Азии с Индией и Китаем «морским путем постоянно, гораздо реже сушей»). Что г-н Шаванн мало знаком с историей этих сношений, видно уже из его замечания (стр. 228, прим. 9), что Нёльдеке (Табари, пер. Нёльдеке, 168, прим. 1) «identifie Serendib avec Ceylon». Тожество Серендиба с Цейлоном было известно по крайней мере за 100 лет до появления цитуемого здесь труда Нёльдеке, так как об этом говорится уже в *Bibliothèque orientale* д'Эрбело (s. v. Serandib, III, 308). О том же, как об общеизвестном факте, писал уже в 1845 г. Рено (*Relation*, t. I, p. LXVII).

перечисленными «grandes nations qu'on regarde trop souvent comme isolées les unes des autres» напоминает, по словам автора, «que la continuité est la loi de l'univers et qu'il n'est pas d'anneau qu'on puisse ignorer dans la chaîne infinie dont toutes les parties sont solidaires» (стр. 303). Такой взгляд на всемирную историю, к счастию уже не новый, еще далеко не пользуется общим распространением, и можно только приветствовать новый голос в его пользу, притом столь красноречивый и убедительный. Нам кажется, однако, что признание прав истории Востока на включение в круг дисциплин, составляющих науку всемирной истории, неразрывно связано с распространением на труды по истории Востока тех же научных требований, какие вообще предъявляются к историческим работам. Едва ли можно отрицать, что таким требованиям книга г-на Шаванна удовлетворила бы далеко не в полной мере.

СИСТЕМА СЧИСЛЕНИЯ ОРХОНСКИХ НАДПИСЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ДИАЛЕКТЕ

При исследовании орхонских надписей обратила на себя внимание оригинальная система счисления, не встречавшаяся в других турецких памятниках: при обозначении чисел, состоящих из десятков и единиц, берется в основание приближение к следующему десятку. *Бір jiгірмі* (букв. 'один—двадцать', т. е. первое число к двадцати) значит не 21, а 11; *бір отуз* (букв. 'один—тридцать') — 21 и т. п. Истинное значение этих чисел было определено только в 1898 г., через пять лет после открытия ключа к надписям, притом только на основании сопоставления хронологических дат надписей с датами китайских источников, произведенного в труде И. Маркварта [1].

В. Банг, на основании работы Маркварта, разгадавший эту систему счисления, не знал никаких аналогичных примеров не только среди турецких, но вообще среди урало-алтайских наречий [2].

Уже после выхода в свет труда Маркварта и Банга В. В. Радлов [3] отметил следы той же системы счисления в названии одиннадцатого месяца уйгурского календаря: *бір jiгірмінч aj*; такое же обозначение чисел оказалось в уйгурских рукописях, добытых в 1898 г. в Турфане Д. А. Клеменцем и разобранных В. В. Радловым [4]. Но до сих пор остался незамеченным факт, что в одном из турецких диалектов эта система счисления сохранилась до наших дней, притом в диалекте, который был известен до открытия ключа к орхонским надписям.

В 1886 г. Г. Н. Потанин в северных долинах гор Наньшань, на границе Тибета, между меридианами Ганьчжоу и Сучжоу (т. е. к югу от этих городов), посетил племена хара-ёгуров и шира-ёгуров (т. е. кара-уйгуров и сары-уйгуров). Восточную часть этой местности занимали шира-ёгуры, западную — хара-ёгуры; первые говорили на монгольском, вторые — на турецком наречиях [5]. Г. Н. Потанин тогда же составил список хара-

[1] *Die Chronologie.*

[2] Ibid., Vorwort, S. VI: «Eine gewisse Schwierigkeit liegt ja darin, dass wir m. W. eine derartige Zählweise im Altaischen sonst nirgends nachweisen können».

[3] *Die alttürkischen Inschriften*, Zweite Folge, Vorwort, S. XX.

[4] *Altuigurische Sprachproben*, S. 65.

[5] Потанин, *Тангутско-Тибетская окраина*, т. I, стр. 440 и сл.

ёгурских слов и после возвращения в Россию передал этот список В. В. Радлову, который упоминает о нем в предисловии к своему изданию *Кутадгу билик* [6].

Список помещен во втором томе сочинения Г. Н. Потанина «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия», изданного в 1893 г. Здесь[7] приведен следующий счет хара-ёгуров:

11 *пэре герме* (?) [8]
12 *шике герме* (?)
13 *уче герме* (?)
18 *сакше герме* (?)
19 *токси* [9] *герме* (?)
20 *егерме*
21 *пэрь отуз* (?)
22 *шике отуз* (?)
30 *отуз*

Путешественник, записавший эти слова, не обладал необходимой лингвистической подготовкой [10], и в его записях нельзя искать точной передачи звуков языка; но уже из этих записей ясно видно, что в наречии хара-ёгуров сохранилась до наших дней система счета орхонских надписей и уйгурских документов, не встречающаяся ни в каких более поздних литературных памятниках, начиная с поэмы *Кутадгу билик* (XI в.), и ни в каких других живых наречиях [11].

---

[6] *Кутадгу билик*, изд. Радлова, Введение, LXXII; Радлов, *К вопросу об уйгурах*, стр. 109. Здесь ошибочно сказано, что кара-уйгуры говорят по-монгольски, сарыг-уйгуры — по-турецки и что список слов принадлежит последним. ⟨Проживающие в провинции Ганьсу (Западный Китай) две этнические группы уйгуров, одна из которых говорит на монгольском языке (монг. *шера югур* 'желтые уйгуры'), другая — на тюркском (тюрк. *сарыг югур* 'желтые уйгуры'), несмотря на языковую разницу, считают себя двумя частями одного народа — желтых уйгуров. Ни та, ни другая группа не именуют себя *хара ёгур* 'черные уйгуры'. Недоразумение, возникшее в записях Потанина, объяснено С. Е. Маловым (ЖС, XXI. стр. 217). Подробнее о желтых уйгурах и их языке см.: Малов, *Язык желтых уйгуров*; Тенишев, *Отчет*, стр. 183-184; Тенишев — Тодаева, *Язык желтых уйгуров*.⟩

[7] Т. II, стр. 437.

[8] Вопросительные знаки были поставлены В. В. Радловым.

[9] Числа 1, 2, 3, 8 и 9 по списку Потанина (*Тангутско-Тибетская окраина*, т. II, стр. 436): *пирь*, *шикэ*, *уш*, *сакыз*, *токуз*. Число два в диалекте саларов — *ишки* (там же, стр. 431); в этом случае запись Потанина находит себе подтверждение в независимой от нее записи В. Ф. Ладыгина (Поярков—Ладыгин, *Салары*, стр. 34).

[10] С первого взгляда бросается в глаза неправильное разделение слов; следует, конечно, читать: *пэрь егерме* и т. д.

[11] ⟨Соотношение систем числительных языка желтых уйгуров и языков древнетюркских и древнеуйгурских памятников подробно рассмотрено С. Е. Маловым (*Турецкие числительные*).⟩

К ВОПРОСУ ОБ УЙГУРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ЕЕ ВЛИЯНИИ НА МОНГОЛОВ

Покойный П. М. Мелиоранский в 1900 г. напечатал [1] некоторые отрывки из неизданного персидского сочинения, составленного во второй половине XIV в. в Западной Персии, в государстве Джалаиров, или Джалаиридов [2], чиновником Мухаммед-Хинду-шахом в качестве руководства писцам государственных канцелярий и составителям официальных грамот и дипломов. Названия должностей, перечисленных в этом труде, и содержание инструкций, дававшихся при назначении на эти должности, наглядно показывают, насколько кочевники, приведенные в Персию внуком Чингиз-хана, еще через сто лет после завоевания страны оставались верны нравам и понятиям своей первоначальной родины. Те же должности упоминаются и в других государствах, образовавшихся после распадения монгольской империи, но нигде характер этих должностей не объяснен так подробно, как в сочинении Мухаммед-Хинду-шаха, которое вследствие этого является важным источником для истории не только Персии, но и прочих монгольских государств, в частности Золотой Орды. Историк Золотой Орды Хаммер-Пургшталь отчасти использовал в этом направлении труд персидского автора и перевел из него целый ряд документов [3], но с многочисленными пропусками и неточностями.

---

[1] Мелиоранский, *О Кудатку Билике*.

[2] Наиболее подробное сочинение об этой династии принадлежит А. К. Маркову (*Каталог*). Термин «Джалаириды», принятый как в этой книге, так и во многих других, образован не совсем правильно, так как джалаир — название рода, из которого вышла династия, а не имя ее родоначальника. Вместе с другими монгольскими племенами джалаиры приняли участие в походах Чингиз-хана и расселились по всему пространству монгольской империи; части этого племени вошли в качестве отдельных родов в состав многих монгольских и турецких народностей (ср. Аристов, *Этнический состав*, стр. 32, 54, 114). Таково же было происхождение рода Джалаиров в Персии, находившегося в родстве с потомками Чингиз-хана и после пресечения династии захватившего власть в свои руки.

[3] Hammer-Purgstall, *Geschichte der Goldenen Horde*, S. 463—516. Выписки из того же труда Мухаммед-Хинду-шаха, сообщенные в примечаниях к книге (особенно стр. 244—246), сделаны с большою тщательностью. ⟨См. теперь Мухаммед б. Хиндушах, изд. Али-заде.⟩

Статья П. М. Мелиоранского была посвящена упоминаемой Мухаммед-Хинду-шахом книге *Кутадгу билик* (или *Кутатку*[4] *билик*), которая приписывалась Чингиз-хану и заключала в себе наставления народным судьям (яргучи). Заглавие этой книги совпадает с заглавием книги совершенно иного содержания, составленной в 1069 г. для кашгарского правителя Богра-хана и до недавнего времени считавшейся древнейшим памятником турецкого языка. П. М. Мелиоранский считал несомненным, что «уйгурский» *Кутадгу билик* Богра-хана был известен приближенным Чингиз-хана, представителям того же уйгурского народа, и полагал, что книга, приписанная Чингиз-хану, была так названа в подражание сочинению XI в. Еще не решен, однако, вопрос, действительно ли династия Караханидов, к которой принадлежал Богра-хан, вышла из среды уйгурского народа[5]; еще более сомнительно, чтобы такое чисто мусульманское произведение, как *Кутадгу билик* Богра-хана, могло пользоваться расположением уйгурских учителей Чингиз-хана, исповедовавших частью буддизм, частью христианство и считавшихся самыми непримиримыми врагами ислама[6]. Тожество названий обеих книг скорее может быть объяснено зависимостью от общего источника. Народ, из которого вышли Караханиды, до принятия ислама находился под влиянием той же уйгурской культуры, которая впоследствии была усвоена монголами; в государстве Богра-хана уйгурская письменность еще не была окончательно вытеснена арабской[7]; кроме арабских и персидских названий должностей и других терминов встречаются и турецкие, притом в той же форме, в какой эти термины впоследствии были заимствованы монголами у уйгуров[8]. К числу таких терминов, наравне со словом *билик* (собств. 'знание'), принадлежало, по-видимому, и слово *кутадгу*.

Точное значение этого слова до настоящего времени не установлено. Против перевода Вамбери ('делающий счастливым', от слова *кут* 'счастье'), принятого также В. В. Радловым, были сделаны некоторые возражения П. М. Мелиоранским. Как им было указано, автор «уйгурского» *Кутадгу билик* в своем предисловии кроме турецкого названия своей книги приводит также арабские и персидские, которые все заключают в себе понятие царской или княжеской власти; естественно было пред-

---

[4] Точное произношение этого слова остается спорным; уйгурский алфавит не различает звуков *т* и *д*, *к* и *г*; как чтение *кудатку*, принятое В. В. Радловым, так и чтение *кутадгу*, предложенное проф. В. Томсеном (*Le Système*, р. 245), опираются на лингвистические теории. Мухаммед-Хинду-шах пишет *кутатгу* и *кутутку*.

[5] Ср. Аристов. *Этнический состав*, стр. 165, примечания и мою рецензию (ЗВОРАО, т. XI, стр. 348 и сл.; ⟨см. выше, стр. 270⟩). ⟨Ср. наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 289, прим. 177.⟩

[6] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 419; ⟨наст. изд., т. I, стр. 456⟩.

[7] На монетах, чеканившихся в XI в. в городах Восточного Туркестана, кроме арабских письмен встречаются и уйгурские; ср. А. Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 192 и сл.

[8] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 332; ⟨наст. изд., т. I, стр. 374⟩.

положить, что и в турецком названии выражено то же самое понятие. Едва ли удачна попытка П. М. Мелиоранского сблизить турецкое прилагательное *кудатку* с иранским княжеским титулом *худат*, который в эпоху арабского завоевания носили владетели многих областей, теперь входящих в состав Русского Туркестана; на турецкой почве титул *худат*, насколько известно, не встречается. Тогда же мною было высказано другое предположение, приведенное П. М. Мелиоранским в примечании к своей статье: слово *кут*, кроме первоначального значения (‘счастье’), употребляется также для обозначения ханского достоинства, подобно нашему ‘величество’; вследствие этого название *Кутадгу билик*, кроме буквального значения (‘знание, дарующее счастье’), могло иметь еще другое: ‘знание, образующее царей’. Это объяснение, которое и в глазах покойного П. М. Мелиоранского было «не лишено вероятности», кажется мне и теперь наиболее правдоподобным.

Уже после смерти П. М. Мелиоранского я случайно обратил внимание на свидетельство арабского историка XV в. Ибн Арабшаха, по которому термин *кудатку* (или *кутатку*) употреблялся в Средней Азии также для обозначения уйгурского письма. По словам Ибн Арабшаха [9], «Чингиз-хан велел остроумным людям своего племени и мудрецам своего царства сочинить письмо, которое бы служило для них предметом знания и знаменем (т. е. отличительным признаком). Они сочинили для него письмо монголов и при его помощи стали решать важнейшие дела; и дали ему (письму) название по имени его (Чингиз-хана) племени, чтобы этим указать на его превосходство; и употребили слово *кутатку*, т. е. письмо кутатов, а это — племя того сокрушителя [10] (Чингиз-хана)». Ибн Арабшах совершенно ошибочно сблизил слово *кутатку* с названием племени, из которого вышел Чингиз-хан (правильная форма этого названия кыят [11], а не кутат; искажение объясняется свойствами арабского алфавита); но в тожестве приведенного им названия уйгурского письма с первой частью заглавия *Кутадгу билик* едва ли может быть сомнение.

Этим новым фактом не опровергается приведенное выше объяснение термина *кутадгу*. Уйгурскому письму, по приказанию Чингиз-хана, обучались молодые люди из знати, в том числе сыновья самого государя [12];

---

[9] *Фāкихат ал-х̱улафā’*, I, 232. Сведения об уйгурском письме из другого сочинения Ибн Арабшаха (история Тимура ⟨*‘Аджā’иб ал-маḳдӯр*⟩) были приведены еще Лангле (*Notice*, pp. 586—588); но в этих сведениях термин *кутадгу* не упоминается. Слова Ибн Арабшаха о *кутатку* были приведены еще в 1826 г. Я. Шмидтом (*Würdigung*, S. 115) и впоследствии были предметом полемики между ним и Хаммер-Пургшталем (*Geschichte der Goldenen Horde*, S. 192), но потом были забыты, и П. М. Мелиоранский не воспользовался этим свидетельством для своей статьи.

[10] В подлиннике рифмуются слова *кутат* и *муфатт* (‘сокрушитель’ — крайне редкая причастная форма).

[11] Рашид ад-дин, изд. Березина, I, пер., 89; II, пер., 51. Монгольское произношение, по мнению И. Н. Березина, — *кыйот*.

[12] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 416; ⟨наст. изд., т. I, стр. 453⟩.

тем же письмом воспользовались для кодификации монгольского обычного права («Великой Ясы») и для составления «Золотой книги Чингизхана» — официальной хроники монгольских племен; обе книги хранились в ханской сокровищнице, и доступ к ним, кроме членов ханского рода, был открыт только некоторым вельможам, к которым из рода в род переходила почетная обязанность хранить «Золотую книгу»[13]. В государствах, основанных монголами, уйгурское письмо было по преимуществу «ханским» и в качестве такового продолжало употребляться, особенно в дипломатических документах, даже в то время, когда ни народ, ни ученые уже не знали его[14].

По словам Мухаммед-Хинду-шаха, в приказах, обращенных к монгольским и турецким «воинам и степнякам»[15], употреблялось уйгурское письмо в силу принципа, чтобы каждый народ, входивший в состав населения, получал приказы на своем языке и мог понимать их без затруднения[16]. Из этого можно бы заключить, что кочевникам Северной Персии еще в то время уйгурское письмо было более известно, чем арабское; но более вероятно, что за уйгурским письмом сохранялось такое значение только под влиянием традиции, унаследованной от прежних времен, независимо от реальных условий данной эпохи. Как в прочих монгольских государствах, так и в государстве Джалаиров наряду с персидскими чиновниками (*катибами*) были *бахши*[17] и *битикчи*[18], т. е. составители документов, писавшихся на турецком языке уйгурскими буквами; приводится диплом[19] на звание «главного битикчи» (*улуг битикчи*); но все документы, помещенные в сборнике, написаны на персидском языке арабскими буквами.

---

[13] Там же, стр. 42, 45; ⟨наст. изд., т. I, стр. 89, 92⟩.

[14] Радлов, *Ярлыки Toктамыша*, стр. 3 (слова В. В. Радлова).

[15] В подлиннике *сахранишинан*; в переводе Хаммер-Пургшталя (*Geschichte der Goldenen Horde*, S. 471) «Feldbewohner».

[16] Приведено у Хаммер-Пургшталя (ibid., S. 470).

[17] Ibid.; о значении этого слова ср. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 52, 417; ⟨наст. изд., т. I, стр. 99, 454⟩.

[18] Hammer-Purgstall, *Geschichte der Goldenen Horde*, S. 332. Хаммер-Пургшталь в примечании к своему переводу документа (стр. 470) называет составителя монгольских грамот также *катибом*, но в лейденской рукописи № 574 (л. 180а) в этом случае употреблено выражение *битикчи*.

[19] Переведен у Хаммер-Пургшталя (ibid., S. 486—487).

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КАЙТАКОВ[1]

Несмотря на успехи, сделанные в последние десятилетия кавказоведением, лингвистические и этнографические вопросы, связанные с изучением Кавказа, еще далеко не достаточно выяснены и материал, которым располагают ученые, остается крайне скудным. Особенный интерес возбудили в научном мире попытки сблизить кавказские языки с языками древних неарийских и несемитических культурных народов Передней Азии, между прочим — с языком так называемой второй системы ахеменидских клинообразных надписей. К сожалению, ученые в этом случае вынуждены сближать формы современных языков с языком памятников, из которых наиболее поздние относятся к IV в. до н. э.; между тем мы знаем из слов арабских географов, что этот язык, на котором говорило древнее население Хузистана, в качестве живого языка сохранялся в той же области еще в X в. н. э.[2]. Тем же отсутствием лингвистических записей затрудняется выяснение другого вопроса по исторической этнографии Кавказа: насколько представители трех обширных лингвистических групп, подходившие к Кавказу в историческое время как с севера, так и с юга,— иранцы, турки и монголы — оказали влияние на кавказские языки или сами подчинились влиянию последних. В настоящее время, как известно, один из турецких языков, азербайджанский, все более и более приобретает значение lingua franca для значительного числа кавказских народностей; вполне возможно, что в прежние века были также примеры обратного явления, именно, что пришлые элементы, затерянные среди кавказских народностей, подчинялись лингвистическому влиянию своих соседей. К сожалению, до начала европейских научных экспедиций, т. е. до второй половины XVIII в., путешественники, посещавшие Кавказ, не сообщают нам, за самыми ничтожными исключениями, никаких сведений о лексическом составе кавказ-

---

[1] В настоящей статье воспроизводится, в значительно дополненном виде, доклад, сделанный автором на заседании подсекции этнографии XII съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве 1909—1910 гг. ⟨См. также наст. изд., т. III, стр. 411—413.⟩

[2] Ср. слова географа Истахри (91): «Что касается языка их (жителей Хузистана), то простой народ их говорит по-персидски и по-арабски, но у них есть другой язык, хузийский, не тожественный ни с еврейским, ни с сирийским, ни с персидским».

ских языков. Одним из таких редких исключений является османский путешественник XVII в. Эвлия Челеби, включавший в описание своих путешествий по Малой Азии и Кавказу довольно значительные списки слов на нескольких наречиях и таким образом дающий нам драгоценный лингвистический материал, еще недостаточно использованный учеными [3].

Одним из народов, обративших на себя внимание османского путешественника, были кайтаки, которых он видел в 1647 г. на пути из города Шекки (ныне Нуха) в Шемаху и о которых сообщает следующие сведения [4].

«Описание племени кайтаков.— В этой области есть племя, называемое кайтаками; число их доходит до 20 000. Их страну составляют пределы Дагестана; от времени до времени они приходят для торговли в города Арас [5] и Шекки. По наружности они крайне удивительные люди; голова у них большая, как котел, волосы как мешок, брови широкие в два пальца; плечи настолько широкие, что на них может поместиться человек; грудь широкая, стан тонкий, лядвеи жирные, подошвы широкие, глаза круглые, цвет лица красный, лицо круглое. В религиозном отношении они считаются шафиитами. Они — грузные люди; когда они приходят на базар в Арас или Шекки, они спускаются на равнину пешком и в Шекки садятся на арбы, так как ни лошади, ни мулы не могут нести их слоноподобные тела. [Иногда] они садятся верхом на буйволов, нарочно приученных к арбам. На голове у них чалмы. Усы они бреют, подобно казиям, со своими длинными бородами они [при встречах] с важностью кланяются на обе стороны. Это — удивительный по наружности, варварский [6] род людей; для жителей Гиляна, Ширвана и Шемахи они служат предметом насмешки».

Вслед за тем автор приводит список «слов и терминов кайтаков, составляющих ветвь монгольского народа», и оканчивает главу о кайтаках следующим замечанием: «Есть еще у них много терминов, но этим числом мы довольствовались; для знающего достаточно намека [7]. По про-

[3] Труд Эвлия Челеби носит название *Сийāхат-нāме* (букв. «Описание путешествия»). Сведения о судьбе этого труда и о характере единственного существующего издания (константинопольского) приведены в предисловии к хрестоматии В. Д. Смирнова (*Образцовые произведения*, стр. VII и сл.).

[4] См.: Эвлия Челеби, *Сийāхат-нāме*, II, 291 и сл.; Смирнов, *Образцовые произведения*, стр. 95 и сл.

[5] Описывается у Эвлия Челеби несколько выше, при описании пути из Эривани в Шекки (Нуху), причем говорится (*Сийāхат-нāме*, II, 288), что «имя города произносится Арас, но персидские туркмены и дагестанские туркмены говорят Араш». Отсюда, конечно, название нынешнего Арешского уезда, Елисаветпольской губернии ⟨ныне — Агдашский район Азербайджанской ССР⟩.

[6] Букв. «огузский». Огузы — название турецкой народности, из среды которой вышли туркмены и османы; слово *огуз*, наравне со словом *тюрк*, употреблялось у османов в качестве символа отдаленной древности и героической эпохи турецкого народа. Ср. *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, I, 203 и сл.

[7] Арабская поговорка.

исхождению они — монголы, пришедшие из области Махан (?); сами они — турки, говорят по-монгольски; языки монгольский и турецкий — одно и то же (!). Мы видели это племя в округе Махмудабад».

Что касается списка слов, то пользование им значительно затрудняется свойствами арабского алфавита, тем более что константинопольское издание в корректурном отношении отнюдь не является надежным, не говоря уже о каком-либо соблюдении требований филологической критики. Всего в списке 41 слово, из них 36 названий животных. До 16 названий оказываются чисто монгольскими [8], именно следующие:

1) *Мори* — лошадь.
2) *Аджирга* — жеребец.
3) *Гювен* — кобыла.
4) *Кулун* — жеребенок.
5) *Нохай* — собака.
6) *Таулай* — заяц.
7) *Гаха* — свинья.
8) *Керемун* — беличий мех (белка).
9) *Булаган* — соболь.
10) *Чиноа* — волк.
11) *Темеген* — верблюд.
12) *Лрооша* — мул.
13) *Хуер* — бык.
14) *Тэгэу* — курица (в письменном языке теперь *тахия*).
15) *Итавун* — куропатка (*итагу*).
16) *Бюдюкчин* — перепел.

Среди остальных слов есть турецкие (*джиран* — антилопа, *сыкырча* — сверчок, *алачин* — сокол), есть и совершенно необъяснимые; очень вероятно, что значительная часть этих слов искажена переписчиками [9]. Кроме названий животных, приводятся следующие слова: *джакджай* (или *чакчай*) — широкая степь (?), *сурхан* — имя царя (м. б., монгольское *сюрхен* — устрашающий), *шенб* — кладбище, *шенбтай* — кладбищенские сторожа, *джад* — враг. Особенно любопытно слово *шенб*, теперь в монгольском языке совершенно неизвестное, но в средние века несомненно существовавшее; *Шенб-и Газан-хан* называлось селение

[8] Не зная монгольского языка, я мог разобраться в этом списке слов только благодаря любезному содействию моего бывшего слушателя Б. Я. Владимирцова.

[9] Монгольские названия животных приводит, также в арабской транскрипции, персидский автор XIV в. Хамдаллах Казвини в своем географическом труде. Сравнение правописания Хамдаллаха Казвини и Эвлия Челеби показывает, что, кроме перечисленных животных, еще «паук» и «крокодил» обозначались у кайтаков теми же словами, как у персидских монголов XIV в.; но установить произношение этих слов, по арабской транскрипции, едва ли возможно.

в Азербайджане [10], где находилась гробница знаменитого монгольского владетеля Персии Газан-хана (1295—1304).

Сведения Эвлия Челеби о языке кайтаков представляли бы еще больший интерес, если бы он и в данном случае, как в некоторых других [11], включил в свой список слов хотя бы местоимения и числительные; но и то число монгольских слов, которое мы находим в этом списке, представляет довольно веский довод в пользу монгольского происхождения кайтаков, тем более что эти слова не могли быть придуманы автором, не знавшим монгольского языка и даже не отличавшим его от турецкого. Эти монголы были мусульманами, следовательно не могли выйти из среды калмыков, которых в половине XVII в. к тому же еще не было в местности, прилегающей к главному хребту Кавказа. Дагестанские монголы, очевидно, могли быть потомками только выходцев из Золотой Орды или из государства персидских ильханов. Какая местность имеется в виду в нашем тексте под названием «Махан» [12], для меня непонятно. Дербент в монгольскую эпоху, по-видимому, чаще принадлежал золотоордынским ханам, чем ильханам Персии; вследствие этого более правдоподобно, что монгольские предки кайтаков пришли в Дагестан с севера, тем более что первое историческое известие о кайтаках называет их сторонниками золотоордынского хана.

Впервые, насколько мне известно, кайтаки упоминаются в рассказе о борьбе между Тимуром (Тамерланом) и Тохтамышем в 1395 г.[13]. Пройдя через Дербент, Тимур у подошвы гор Эльбурз (т. е. Кавказского хребта) [14] встретил кайтаков, сторонников Тохтамыша. По приказанию Тимура его воины произвели неожиданное нападение на этих людей «без веры» и подвергли их поголовному избиению; спасся один из тысячи; все кайтацкие деревни были сожжены.

Из слов историка, называющего кайтаков людьми «без веры» (*бӣ дӣн*) или «с дурной верой» (*бад киш*), можно заключить, что кайтаки в то время еще не считались мусульманами. Еще во второй половине XV в. венецианец Барбаро писал о кайтаках, что среди них много христиан греческого, армянского и католического вероисповедания [15]. Однако из рас-

[10] Об этом селении см. Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 146.

[11] Таковы приведенные в том же томе списки слов грузинских и мингрельских (Эвлия Челеби, *Сийāхат-нāме*, II, 319, 359).

[12] Очевидно, здесь не может быть речи об известном Махане в Южной Персии, в области Керман.

[13] Об этом эпизоде упоминается как в первой редакции официальной истории, принадлежащей Низам ад-дину Шами и составленной при жизни самого Тимура (рук. Брит. муз. Ad. 23980, л. 113б), так и в более известном труде Шереф ад-дина Йезди (I, 742).

[14] В таком же значении слово Эльбурз употребляется и у Эвлия Челеби (*Сийāхат-нāме*, II, 293). У Низам ад-дина Шами прибавлено еще: «на расстоянии 5 фарсахов (т. е. 30—40 верст) от берега моря».

[15] Ramusio, *Viaggi*, II, 109a. Известие Барбаро приводится также в книге Е. Вейденбаума *Путеводитель по Кавказу*, стр. 113.

сказа современника Барбаро, русского купца Афанасия Никитина [16], видно, что по крайней мере глава кайтаков (Халиль-бек) носил мусульманское имя и был шурином ширваншаха. Когда русское судно на пути из Астрахани в Дербент около Тарков было выброшено на берег, то экипаж был захвачен в плен кайтаками, но потом Халиль-бек, по просьбе ширваншаха, добровольно отпустил всех пленных в Дербент.

У самих кайтаков не сохранилось древних преданий о происхождении кайтацкого народа. Рассказ о принятии кайтаками ислама еще при Абу Муслиме (VIII в. н. э.), о происхождении кайтацких владетелей — уцмиев — от арабского эмира Хамзы, поставленного Абу Муслимом [17], и о происхождении титула уцмиев от арабского слова *исмӣ* 'именитый' (*исм* 'имя'[18]) носит на себе все признаки очень позднего книжного вымысла. Первым уцмием, о котором говорят исторические известия [19], должен быть признан, по-видимому, Султан-Ахмед, умерший в 996/1587-88 г. Ему приписывается основание селения Маджалис (арабское множ. число от слова *маджлис* 'заседание', 'собрание'), куда приходили жители окрестных деревень для совещания о своих делах; им же был составлен и предложен к руководству казиям свод постановлений местного обычного права, в чем дагестанский историк видит «большую дерзость» [20]. Султан-Ахмеду наследовал его сын Мухаммед; в начале XVII в. уцмием был уже сын Мухаммеда Рустем; в рассказе о военных действиях между персами и турками уцмий Рустем упоминается как ревностный союзник шаха Аббаса, щедро вознагражденный шахом за помощь, оказанную при взятии персами Дербента [21] (1606 г.). Рустем правил долго; в 1638 г.,

---

[16] Приводится в книге Е. И. Козубского (*История Дербента*, стр. 51).

[17] Все это рассказывается уже в *Дербенд-нāме* Мухаммеда Аваби (91). Время составления этого труда в той редакции, которая дошла до нас, не установлено, но, во всяком случае, он составлен не позже XVII в., так как рукопись Имп. Публ. б-ки Dorn 541 датирована 1099/1687-88 г.

[18] Об этом, например, Дагестани, *Китāб-и Āсāр-и Дāгистāн*, 34 (см. след. прим.).

[19] Мы пользуемся книгой *Āсāр-и Дāгистāн* («Следы прошлого в Дагестане»), составленной кюринцем Мирзой Хасаном-эфенди на азербайджанском наречии и напечатанной в Петербурге в 1312/1894-95 г. на средства бакинского миллионера Тагиева (однако цензурное разрешение имеет дату 5 августа 1902 г.). Главным источником Хасана-эфенди была книга *Гулистāн-и ирам* («Райский цветник») чиновника русской службы Аббас-кули Бакинского, составленная в 1841 г. на персидском языке и переведенная в 1844 г. на русский язык. Экземпляров персидского подлинника я не встречал; русский перевод сохранился в одной рукописи Тифлисской публичной библиотеки. ⟨Русский перевод издан в 1926 г.; см. Бакиханов, *Гюлистан-Ирам*. О *Китāб-и Āсāр-и Дāгистāн* и ее авторе см. наст. изд., т. III, стр. 418.⟩

[20] Дагестани, *Китāб-и Āсāр-и Дāгистāн*, 64—66. В русских источниках составление такого свода приписывается уцмию Рустему, который относится к XII в. х.; ср. Вейденбаум, *Путеводитель по Кавказу*, стр. 110.

[21] Дагестани, *Китāб-и Āсāр-и Дāгистāн*, 75. О роли уцмия говорит и современник события, персидский историк Искендер Мунши, однако не упоминающий имени Рустема, но называющий кайтацкого владетеля только Уцмий-ханом. Рассказом

уже при шахе Сефи, он изменил шаху и вступил в сношения с султаном; шах тогда выдвинул против него шамхала Сурхай-Мирзу. Тогда же (по словам историка, в половине XI в. х., т. е. около 1640 г.) произошли смуты среди самих кайтаков; одному из представителей побежденной стороны, Хусейн-хану, удалось бежать в Сальяны и сделаться ханом Сальян и Кубы; он подчинился персидскому правительству и принял шиитство. В 1688 г. он начал войну с уцмием Али-Султаном и овладел кайтацкой областью, но потом Али-Султану с помощью шамхала удалось возвратить себе свои владения. Хусейн бежал в Кубу, где и умер [22].

Эти исторические известия, кажется, дают возможность удовлетворительно объяснить факт, что Эвлия Челеби встретил кайтаков значительно южнее той области, где они живут теперь и где они жили в XIV и XV вв. Но даже если предположить, что Эвлия Челеби описывает под названием кайтаков представителей какой-то другой народности, то и тогда остается любопытный факт, что в половине XVII в. в одной из местностей Закавказья среди мусульманского населения был народ, в языке которого сохранялись чисто монгольские слова для обозначения домашних животных (собака, лошадь, мул, бык, верблюд, свинья, курица) и животных, бывших предметом охоты (волк, заяц, белка, соболь, куропатка, перепел). В настоящее время таких следов монгольского языка среди кавказских наречий, насколько известно, уже нет.

В связи с этим фактом хотелось бы обратить внимание представителей этнографической науки на необходимость скорейшего изучения последних остатков тех монголов, которые в эпоху монгольских завоеваний отделились от главной массы народа и остались вне влияния буддизма, наложившего свой отпечаток на весь уклад жизни обитателей Монголии. Обширные завоевания Чингиз-хана и его преемников не привели, как известно, к расширению территории, где монголы получили этнографическое господство; вне пределов собственно Монголии, где большинство населения, по всем признакам, говорило на монгольском языке еще до Чингиз-хана, монголы довольно быстро подчинились лингвистическому и этнографическому влиянию более культурных народов. Из потомков монголов, завоевавших в XIII в. Переднюю Азию и в конце того же столетия принявших ислам, в настоящее время говорит по-монгольски только небольшое племя в Афганистане [23], представителей которого в 1903 г. видел в Кушке финляндский ученый Г. Рамстедт, успевший записать

Искендера Мунши явно пользовался дагестанский историк. См. этот рассказ у Дорна *Beiträge*, Bd II, S. 50).

[22] Дагестани, *Китāб-и Āсāр-и Дāгистāн*, 81—83.

[23] Монгольский характер этого языка доказал в 1866 г. Г. Габеленц (*Ueber die Sprache der Hazâras*) на основании словаря, составленного еще в 1838 г. лейтенантом Личем.

только отдельные слова их языка [24]. Посещение этих мусульманских монголов на их родине пока еще невозможно по политическим условиям; но в Кушке, наверное, и теперь можно было бы получить более подробные сведения о их языке и быте. В Восточной Азии, именно в Кукунорской области, сохранился, по-видимому, тоже небольшой народец (толмукгун), исповедующий ислам и говорящий по-монгольски. Об этом более двадцати лет тому назад писал по слухам американский исследователь Рокхилл; и тогда этот народец, как рассказывали Рокхиллу, заключал в себе всего от 300 до 400 семейств [25]. Кукунорская область и в других отношениях, как известно, представляет большой научный интерес; было бы крайне желательно, чтобы при будущих научных экспедициях в эту область было обращено внимание и на толмукгунов.

---

[24] Рамстедт, *Отчет*. Из статьи не видно, сопоставил ли Г. Рамстедт свои записи с данными словаря Лича. ⟨См. выше, стр. 211, прим. 1.⟩

[25] Rockhill, *The Land of the Lamas*, p. 44.

Поправка к статье о происхождении кайтаков В. В. Бартольда, присланная в редакцию «Этнографического обозрения» самим автором.

В XXXIV — XXXV книге «Этнографического обозрения» на стр. 44, по вопросу об афганских монголах, у меня сделана ссылка на статью Г. Рамстедта в «Известиях Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии»; между тем о наречии афганских монголов есть более подробное исследование того же ученого [1].

В этом труде сообщаются не только «отдельные слова» языка, но также связные тексты и подробные сведения о грамматическом строе. Так как у монголов не оказалось никакой устной литературы, то для получения связных текстов г. Рамстедт сообщал им содержание европейских басен и заставлял их пересказывать это содержание на своем языке. Лично мне представлялось бы более целесообразным применить тот способ, к которому в таких случаях прибегал В. В. Радлов, заставлявший людей рассказывать о своих занятиях и промыслах, о своем образе жизни и т. п. Такие рассказы в качестве лингвистического материала нисколько не уступали бы пересказу европейских басен и в то же время доставляли бы некоторый материал для этнографии. Язык афганских монголов после работы Рамстедта представляется достаточно изученным, но о быте попрежнему нет почти никаких сведений.

---

[1] Ramstedt, *Mogholica.* ⟨См. также: Рамстедт, *К вопросу о кайтаках*; Pelliot, *Vocabulaire mongol des Ḳaitak.*⟩

ЕЩЕ ИЗВЕСТИЕ О КОРКУДЕ

При чтении книги Е. И. Козубского «История города Дербента» я обратил внимание на извлечение (стр. 61—64) из рассказа знаменитого путешественника Олеария, посетившего Дербент весной 1638 г., на обратном пути из Персии. В этом рассказе упоминается патриарх и певец Коркуд [1], с именем которого связан цикл эпических сказаний, носящий в единственной известной рукописи заглавие «Книга о моем деде Коркуде, на языке племени огузов» и воспевающий события, происходившие на Армянской возвышенности. Память о Коркуде сохраняется теперь, насколько известно, только у туркмен и киргиз-казаков [2]; в XVII в., как видно из слов Олеария, и среди турецкого (азербайджанского) населения Закавказья еще не были забыты предания, имевшие, по-видимому, некоторое сходство с содержанием «Книги о Коркуде» [3]. Олеарию рассказывали не только о Коркуде, об огузах, о главном богатыре Казанбеке, но и о жене последнего Бурле-хатун [4], имя которой упоминается только в «Книге о Коркуде» и совершенно не встречается в туркменских преданиях, насколько они известны до сих пор [5].

Е. И. Козубский приводит рассказ Олеария в русском переводе вообще довольно точном; мы заметили только две крупных ошибки против немецкого подлинника: «царь Кассан» происходил, по Олеарию, из Мидии, а не из Индии; среди приношений паломников на могиле «имама Курхуда» упоминается не вино (что, конечно, было бы слишком грубым нарушением религиозных предписаний), а воск [6]. Приводим подлинный текст Олеария, с сохранением орфографии [7], по изданию 1671 г.[8].

[1] Ср. о нем.: *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, I, 204; Бартольд, *Коркуд*; Туманский, *По поводу «Китаби Коркуд»*; Абулгази, *Родословная туркмен*, пер. Туманского, 40 и сл.; ⟨см. выше, стр. 236—237; также наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 416⟩.

[2] ⟨Казахов.⟩

[3] ⟨См. ниже, стр. 473 и сл.⟩

[4] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, III, пер., 048 и сл.

[5] Н. Н. Мартинович обратил мое внимание на слова османского автора XVII в. Эвлия Челеби, по которым среди личных имен туркмен было и имя Коркут (قورقوت). Ср. Эвлия Челеби, *Сийāẋат-нāме*, III, 172.

[6] В переводе П. Барсова (стр. 968 и 971) ни той, ни другой ошибки нет.

[7] Только готическое β заменено латинским *ss*; кроме того, употребляемые в подлиннике наклонные черты заменены запятыми. Слова, набранные курсивом, в подлиннике напечатаны латинским шрифтом.

[8] Т. е. по 4-му изданию (Olearius, 721—723). Часть отрывка напечатана также

«Auf disseit Derbent funden wir überaus viel Grab- und Leichensteine, etliche tausend stück, waren weit über Mannes Länge, rund als halbe Cylinder, und ausgehölet, dass man darinn liegen kunte, oben mit Arabischer und Syrischer [9] Schrifft bezeichnet. Von diesen Gräbern erzehlten sie folgende Historie: Es sol vor alten Zeiten jedoch nach Mahumed [10] ein König in Meden Namens *Kassan*, von Geburt ein *Okus*, welche Nation hinter dem *Elburs* in *Thabesseran*, wo jetzo viel Jüden wohnen, gewesen sein. Dieser hat mit den Tagesthanischen Tartern (welche sie *Lesgi* nennen) am selben Orte ein hartes Treffen gethan, sie überwunden, und ihrer etliche tausend Mann erleget, derer fürnembsten Gräbern mit solchen Leichsteinen beleget, nach Form und Art wie im beigefügtem Kupffer angedeutet [11]. Unter andern war auch nach der Seewerts ein absonderlich Begräbniss mit einer Maur umbzogen, in welchem viertzig solche lange ungeheure Grabsteine einer neben dem andern lagen, waren dabey viel Fahnen auffgesteckt. Die Perser nennen solch Begräbniss *Tziltenan*, die Türcken und Tartern aber *Kerchler*. Dann es sollen viertzig Fürsten, heilige Männer, welche auch in selbiger Schlacht geblieben, allda begraben liegen, die Perser und Tartern gehen täglich dahin zu beten. Man hat vor dieser Zeit bey demselben durch stifftungen reiche Allmosen ausszutheilen gehabt. Jetzo aber wurde es von einem alten Mann, welcher darbey wohnete, nur gehütet, und bekompt selbst Allmosen von denen, die kommen, und die Gräber besuchen. Der König Kassan, welcher hernach eines natürlichen Todes gestorben, liegt bej *Tabris* an einem Rivire *Atzi* [12] (bitter Wasser) genandt, begraben, woselbst noch heute sein Grab gesehen wird, dessen Gemahlin, der Königin Burloe Begräbniss, wird bei der Festung *Urumi* gezeiget und sol das Grab viertzig Schuh lang seyn [13]. Sie sagen dass selbige Nation viel grössere und stärckere Leute gehabt, als die jetzigen seynd.

Den 13 Aprilis kamen 50. Tartern Mann und Weibes Personen daselbst an. Den folgenden Tag, als den 10 *Silhatzae* [14], da die Opfferung Abrahams einfiel, bey den *Kerchler* ihrem Gebrauch nach zu opffern. Sie giengen nach einander, küsseten die Grabsteine, hielten die Hände darauff und beteten.

в статье Френа о дербентских надписях, помещенной в книге: Eichwald, *Reise*, Bd II, S. 206—207.

[9] Сирийскими надписями Олеарий, очевидно, считал куфические.

[10] У Френа по ошибке: «jedoch vor Mahumed».

[11] Приложено изображение Дербента и окрестностей с кладбищем Кырклар. Ср. в книге г-на Козубского (*История города Дербента*, стр. 295 и рисунок к стр. 20).

[12] Как известно, речка Аджи-чай протекает к северу от Тебриза и впадает в озеро Урмию.

[13] О той же гробнице говорится при описании Урмии (Olearius, 541): «*Tzors* und *Urumi* seynd treffliche Festungen, bey dieser wird der *Burlae*, König Kasans Gemahl Grab, welches 40. Schuh lang ist, gezeiget». Ср. Олеарий, пер. Барсова, стр. 701.

[14] В 1638 г. день 10 зу-л-хиджжа, по таблицам Вюстенфельда, приходится на 25/15 апреля. Из этого видно, что даты у Олеария приведены по старому стилю.

. . . Wie zogen eine viertel Meile von der Stadt, und lagerten uns neben einem Weinberg, da die Gräntze der Perser und Tagesthaner Tartern durch einen kleinen Bach sich scheiden.

Allhier trafen wir noch zwene Mahumedische Heiligen an, deren einer *Pyhr Muchar* im Felde, der ander *Imam Kurchud* im Berge begraben liegt. Dieser sol von des Mahumeds Freundschafft seyn, sich stets zu dessen Füssen gehalten, von ihm gelernet, und nach ihm noch dreyhundert Jahr gelebet haben. Er hat sich zum Könige Kassan begeben, ihm mit einer Lauten vorgespielt, und Lieder, in welchen er den König wider die *Lesgi* zu streiten angefrischet, drein gesungen. Da er aber ihm fürgenommen hatte die *Lesgi* oder Tagesthaner Tartern, welche Heyden waren, zu bekehren, und öffentlich bey ihnen zu predigen angefangen, haben sie ihn todt geschlagen. Sein Begräbniss ist in einer im felsichten Berg gehawenen grossen Höle. Der Sarck war nur von vier Brettern zusammen geschlagen, welches ferner hinten in einem Loche, das zwo Ellen hoch von der Erden gar armselig stund, und kunte von jederman gesehen werden. Den vorigen Tag war ich daselbst, besahe alles eben, fand gar keinen Zierath darbey, sondern nur ein alt Weib, als Hüterin des Grabes sitzen. Heute aber weil die Wallfahrt wegen der Opfferung geschahe, hatten sie das Pflaster mit Strohmatten beleget, und für das Loch, worinnen der Sarck, ein Tapet von gülden Stück gehänget. Es kamen sehr viel Weiber und Jungfern aus der Stadt, und von ferne, giengen Barfuss in die Höle, küsseten das Sarck, und satzten sich nieder dabey zu beten und zu bitten, was jegliche gerne haben wollte. Nach dem Gebet opfferten sie der Alten, welche auch heilig gehalten wird, und des Nachts beym Grabe eine brennende Lampe erhält. Die Opffer warer Käse, Butter, Milch, Brodt, Geld, Wachs und dergleichen. Die folgende gantze Nacht durch hörten wir in unserm Lager, dass bey selbigem, wie auch der viertzig Heiligen Begräbnissen, ein gross Geschrey, gleich derer, die zu jubiliren, zu tantzen, auch zu heulen pflegen, gar Heydnisch und Barbarisch anzuhören».

Казалось бы, что по этим данным местоположение гробницы «имама Курхуда» могло бы быть определено с полной точностью. Летом 1908 г. мне удалось посетить Дербент для осмотра памятников древности в этом городе; 21 июня я вместе с одним из местных жителей, студентом Исрафиловым, осматривал местность к северу от города, которая, очевидно, имеется в виду в рассказе Олеария. Миновав большое кладбище у ворот Кырклар, где в особой ограде помещены могилы так называемых сорока мучеников, дорога проходит мимо родника и немного далее пересекает сухое русло ручья; по рассказам, в дождливое время русло и теперь наполняется водой. Расстояние от ворот города вполне подходит к указанному Олеарием ($^1/_4$ мили, т. е. около 2 верст). Не доходя до родника, вправо от дороги, напротив виноградника, мы нашли большой могильный камень, упавший и расколовшийся надвое. Спустившись в яму, над которой теперь находится камень, можно было различить

на стороне его, обращенной к яме, следы надписей; камень был настолько тяжел, что повернуть его для прочтения надписей оказалось невозможным. На другой стороне никаких надписей не было.

Очень вероятно, что здесь находилась та гробница «в поле», о которой говорит Олеарий и которую он приписывает святому Пир-Мухару (Пир-Мухтару). Скалистые высоты близко подходят к этому месту (с западной стороны), но ни о какой пещере и ни о какой гробнице местные жители не слышали; имя Коркуда им также было совершенно неизвестно.

Френ, при котором предания о Казан-беке и Коркуде еще не были известны, отожествлял упоминаемого у Олеария «царя Кассана» с монгольским правителем Персии Газан-ханом (1295—1304) [15]; теперь это предположение, конечно, должно отпасть, хотя возможно, что слова о гробнице в Тебризе относятся к Газан-хану и что Олеарий смешал легендарного героя, о котором, по-видимому, впервые услышал в Дербенте, с исторической личностью этого хана [16].

Предания об огузах, Коркуде и Казан-беке несомненно были принесены на запад в эпоху сельджукской империи (XI—XII вв.), к которой относится также отуречение Азербайджана, Закавказья и Малой Азии. Что эти предания и на османской почве сохранялись довольно продолжительное время, показывает поэма *Китāб-и Деде Коркут*, сохранившаяся в рукописи XVI в., и тесно связанное с ней свидетельство автора *Та'рӣх̱-и Āл-и Сельджӯк̣* (XV в.) [17]. В Дербенте об огузах слышал еще после Олеария кн. Д. Кантемир, посетивший Дербент в 1722 г. вместе с Петром Великим; в его рукописи, которой пользовался Френ, упомянуты «signa

---

[15] Особенно характерны попытки Френа объяснить упоминанием, в связи с именем этого хана, народа огузов: «Wenn er von Geburt ein Okus genannt wird, so weis man, dass auch Mongolen im Oghus einen in die orientalische Mythenzeit sich verlierenden Ahnherrn verehren. Die Daghestanischen Tataren oder Lesgi, mit denen er Krieg geführt haben soll, mögen zur Armee des damaligen Chanes von Kaptschak Toktogü oder zu der des Pagratiden David V. gehört haben» (Eichwald, *Reise*, Bd II, S. 224 sq.).

[16] По Шардену (*Voyages*, t. I, p. 255 и план Тебриза), гробница Газан-хана находилась в северной части Тебриза, имела вид башни и называлась «башней хана Казана» (Monar-Can-Cazan).

[17] На эту связь мною уже было указано (*Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, I, 205); в доказательство можно привести параллельно текст *Китāб-и Деде Коркут* по дрезденской рукописи № 86, л. 1 и текст *Та'рӣх̱-и Āл-и Сельджӯк̣* по рук. Аз. муз. 590ba, л. 14а; ⟨см. подробнее о сочинении и указанном списке *Описание тюркских рукописей ИНА*, I, стр. 169-170⟩:

کتاب ددم قورقود

رسول علیه السلام زماننه یقین بیات
بویندن قورقوت اتا دیرلر بر ار قوپدی
اغوزك اوّل کشی تمام بیلجسیدی نه
دیرسة اولردی غائبدن درلو خبر
سویلردی حق تعالی انك کوکلنه الهام

تاریخ آل سلجوق

رسول علیه السلام زماننه یقین زمانده
بیات بویندن قورقود اتا قوپدی کندو
قومنك بکلەسیدی نه دیرسه اولوردی
غایبدن خبرلر سویلردی حق تعالی
انوك کوکلنه الهام ایدردی ایتدی آخر

antiqua hieroglyphica et alia scripta Oguriana (l. Ogusiana) quae in muro urbis et monumentis sunt observata»[18].

Книжные рассказы о прошлом Дербента, приведенные в *Дербенд-нāме* и относящиеся к более раннему времени[19], тем не менее уже ничего не знают об огузах и относят гробницы кладбища Кырклар к сомнительному событию I в. хиджры — гибели Сельмана ибн Раби'и и его 4000 воинов[20]. Когда этими книжными рассказами окончательно были вытеснены народные предания, пока невозможно установить[21].

زمانده کرو خانلق قاییه ویرلوب کمسه
اللرندن المیه ددی دیدوکی عثمان رحمه
الله نسلی در

ایدردی قورقوت اتا ایتدی آخر زمانده
خانلق کرو قاییه دکه کمسنه اللرندن
المیه آخر زمان اولپ قیامت قوپنجه بو
دیدوکی عثمان نسلی در ایشده
سوریلب کیدهیو در

18 Eichwald, *Reise*, Bd II, S. 212.

19 Время, когда жил Мухаммед Аваби Акташи, автор турецкой переделки утраченного персидского оригинала *Дербенд-нāме*, в точности не установлено. Во всяком случае это сочинение существовало уже в XVII в., так как рукопись Публичной библиотеки (Dorn, *Catalogue*, № 541) датирована 1099/1687-88 г.; ⟨подробнее о *Дербенд-нāме* см. теперь Минорский, *История Ширвана и Дербенда*, стр. 21—26.⟩

20 С рассказом *Дербенд-нāме* почти во всем сходится рассказ таких ранних авторов, как Балазури (203—204) и Я'куби (*Та'рӣх*, II, 194), хотя могила Сельмана, по Балазури, находилась в Баланджаре, где и произошла битва, а не в Дербенте. Совершенно иначе рассказывает о тех же событиях Табари (I, 2669). О Баланджаре см. Marquart, *Streifzüge*, S. 18. ⟨См. также наст. изд., т. III, стр. 421.⟩

21 Настоящая статья была уже напечатана, когда мне удалось найти известие о Коркуде и о его могиле близ Дербента у турецкого современника Олеария, Эвлия Челеби (*Сийāхат-нāме*, II, 312). Среди дербентских мест паломничества упоминается: زیارتگاه دده (l. دده) خورخوط ' اولو سلطاندر شروانلیلر بو سلطانه معتقد درلر «место паломничества (т. е. могила) Деде Хорхута. Это — великий султан; ширванцы поклоняются этому султану».

ЕВРОПЕЕЦ XIII в. В КИТАЙСКИХ УЧЕНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

(К вопросу о пизанце Изоле)

В статье, напечатанной в VI томе «Записок» [1], мною была сделана попытка сблизить китайские известия (из *Юань-ши*) о вельможе Ай-се из Фулиня, занимавшем выдающиеся должности при Хубилае (1259—1294) и Тэмуре (1294—1307), с рассказами католических миссионеров о знатном пизанце (nobilis vir Pisanus) Изоле [2], которому в 1289 и 1291 гг. писал папа Николай IV; из писем видно, что Изол достиг среди монголов влиятельного положения и оказывал покровительство своим единоверцам.

Впоследствии мною было установлено [3], что о христианском вельможе, имевшем влияние при дворе Хубилая и Тэмура, говорят и мусульманские источники. У Рашид ад-дина в двух местах упоминается переводчик [4] Иса (عیسی كلمچی), причем в одном месте сказано, что он был христианином и врагом мусульман; первый рассказ [5] относится ко времени Хубилая, второй [6] — ко времени Тэмура. В первом говорится о событиях после убиения в Пекине мусульманского министра Ахмеда (1282 г.) и раскрытия его преступлений [7]. Преемником Ахмеда был назначен

[1] Бартольд, *Пизанец Исол*; там же указаны источники; ⟨см. выше, стр. 233—235⟩.

[2] Правописание *Исол*, принятое мною в цитованной статье, по-видимому, неправильно; буквой *s* между двумя гласными, насколько известно, уже тогда изображался звук *з*.

[3] Бартольд, *История изучения Востока*, стр. 66 и 76.

[4] О слове *келемечи* в значении 'переводчик', 'толмач' ср. Klaproth, *Abhandlung*, S. 18 ('Dollmetscher'); Радлов, *Словарь*, II, 1116 («vielleicht falsch für тilмäч»); Shiratori, *Ueber die Sprache des Hiung-nu-Stammes*, S. 32 sq.; Мелиоранский, *Араб филолог о турецком языке*, стр. 0110, 47 и 57 (ترجمان); *Kuan-ši-im Pusar*, 82 («die Bildung und Herkunft dieses Wortes ist mir vollkommen unklar»). Ср. также слово كلام в значении الحديث у «араба-филолога» ⟨т. е. у Ибн Муханны⟩ в отделе о монгольском языке и замечание П. М. Мелиоранского (*Араб филолог о монгольском языке*, стр. 97, 147).

[5] Рашид ад-дин, изд. Блоше, 521 и сл.; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, p. 491.

[6] Рашид ад-дин, изд. Блоше, 613 и сл.

[7] Ср. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, pp. 469—471. Рассказ Рашид ад-дина об этих событиях (изд. Блоше, 508—520) совершенно сходен с рассказом Марко Поло (пер. Минаева, 123—128); Рашид ад-дин, вероятно, получил свои сведения от чэнсяна Пулада (о нем см. ниже). Текст Марко Поло показывает, что в издании Блоше (520*c*) заслуживал бы предпочтения вариант زنده پوست باز كردند.

уйгур Санга, управлявший государством 7 лет [8]. При нем великий хан однажды предложил угощение мусульманским купцам, привезшим ему «кречетов с белыми лапами и красными когтями и белых орлов»; мусульмане отказались есть, так как монгольская пища считалась у них падалью. Разгневанный Хубилай издал приказ, «чтобы впредь мусульмане и „люди писания“ не убивали баранов (т. е. не перерезывали им горла), а, по монгольскому обычаю, распарывали им грудь и бок; всякого, кто убьет барана [иначе], было приказано убивать, как барана [9], а его жену, детей и имущество отдавать доносчику [10]. Христианин Иса-переводчик, Ибн Ма'али [11] и Б.н.д.к, принадлежавшие к числу смутьянов, злых и дурных людей своего времени, привязавшись к тому приказу, добыли ярлык, чтобы каждого, кто в доме убьет барана, предавали казни. Под тем предлогом они собрали с людей много денег и подкупали рабов мусульман, [говоря им]: „Если донесете на своего господина, мы вас сделаем свободными“; они ради своего спасения клеветали на господ и навлекали на них обвинение. Иса-переводчик и его проклятые приверженцы довели дело до того, что четыре года мусульмане не могли совершать над своими детьми обрезания. Оклеветали господина нашего Бурхан ад-дина Бухари, принадлежавшего к числу учеников шейх ал-ислама господнего Сейф ад-дина Бахарзи [12] и бывшего проповедником в Ханбалыке, — да помилует его бог — и отправили его в сторону Манзи [13], где он и умер. Положение стало таковым, что большинство мусульман покинуло китайскую область. После этого мусульманские вельможи той стороны [14]. . . и другие знатные с общего согласия обязались поднести большую сумму денег [15] везиру Санге, с тем чтобы он доложил [государю], что все мусульманские купцы отсюда ушли и из мусульманских областей торговцы не приходили; пошлины пришли в расстройство, драгоценностей не привозят, потому что прошло уже семь лет, как не убивают баранов; если выйдет приказ убивать баранов, то купцы возобновят сношения и пошлины будут поступать полностью. Был издан ярлык с соответствующим разрешением» [16].

---

[8] Так у Рашид ад-дина (изд. Блоше, 524; на стр. 520: 5—6 лет); но ср. ниже о времени действия указа о баранах.

[9] Я отдал предпочтение рукописному варианту (там же, 521*i*): همچو كوسفند.

[10] Очевидно, и здесь, как 522*a*, в тексте надо читать ايغاق вм. انفاق.

[11] Не совсем понятно появление среди врагов ислама человека с арабским именем. В рукописях (Рашид ад-дин, рук. Аз. муз., л. 257б; рук. ГПБ, стр. 1141) вм. ابن стоит اين.

[12] Родился в ша'бане 586/сентябре 1190 г., умер 24 зу-л-ка'да 659/20 октября 1261 г. Ср. мой *Туркестан*, ч. I, стр. 168.

[13] Т. е. в Южный Китай.

[14] Названы пять имен.

[15] Такой смысл, очевидно, имеют слова خدمتى بسيار از وزير سنكه قبول كردند.

[16] Дальше приводится рассказ о доносе христиан против мусульман по поводу стиха Корана об убиении многобожников (ср. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*,

Так как действие указа о баранах, изданного при Санге и отмененного при его участии, продолжалось семь лет и столько же лет (1282—1289) управлял государством Санга, то из этого можно заключить, что указ был издан в 1282 [17] и отменен в 1289 г. Из слов Рашид ад-дина видно, что особенно тяжелы были для мусульман первые четыре года этого периода (1282—1286); но что именно изменилось в 1286 г. и по какой причине, об этом нет сведений.

Второй рассказ приводится Рашид ад-дином с целью показать, каким влиянием при Тэмуре пользовался тибетский отшельник (*бахши*) Танпа [18]. Великому хану однажды поднесли драгоценные камни; эмиры, везиры и маклеры (*даллали*) оценили их в 60 томанов балышами [19]; сумма была уплачена из казны, причем эмиры и везиры за такую оценку получили от купцов около 15 томанов. Обман был разоблачен одним эмиром, находившимся в то время в опале, и двумя маклерами, которых товарищи не допустили к участию в этом деле; эмир, ссылаясь на мнение этих маклеров, довел до сведения государя, что камни в действительности стоили не более 30 томанов. По повелению государя была произведена новая оценка прежним чэнсяном [20] города Хинксая (Кинсай у Марко Поло,

---

t. II, p. 492); замечательно, что цитата у Рашид ад-дина اقتلوا المشركين - كافة не вполне соответствует тексту Корана; вероятно, имеется в виду стих IX, 5: فاقتلوا المشركين حيث و جدتموهم — или IX, 36: و قاتلوا المشركين كافّة. В рассказе упоминается «эмир Ахмед, везир», так что происшествие относится к времени до 1282 г.

[17] В пользу той же даты говорит также порядок изложения у Марко Поло (пер. Минаева, 127). Великий хан, по его словам, разгневался на мусульман после дела Ахмеда и потому издал указ о баранах. Об угощении купцов Марко Поло не говорит.

[18] Рашид ад-дин в другом месте (изд. Блоше, 544 и сл.) описывает даже наружность этого бахши: у него было два очень длинных передних зуба, так что губы его не сходились. Там же любопытное замечание, что тибетские бахши пользовались у монголов бо́льшим почетом, чем китайские и индийские.

[19] О томане и балыше см. ниже рассказ Вассафа. Если приравнять золотник серебра к франку, то сумма в 60 томанов балышами составляла 10 800 000 франков; 30 томанов — 5 400 000 фр., 15 томанов — 2 700 000 фр. ⟨О балыше см. ниже, стр. 493.⟩

[20] Чэнсянами (چينكسانك) назывались четыре главных министра, назначавшиеся, по словам Рашид ад-дина (изд. Блоше, 470; ср. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, p. 636), из великих эмиров, т. е. из монголов; однако в данном случае чэнсян — мусульманин из Передней Азии. Юл (Марко Поло, изд. Юла (3), II, 15) указывает также на аланского князя с титулом Chyansam, написавшего в числе других письмо к папе Бенедикту XII (форма Chyansam в ответных письмах папы; в письме алан: Chaticen или Caticen; Мосхейм, App. № 75, 77, 78). Вассаф (бомбейское изд., 502) уверяет, что до Хайсана, т. е. до 1307 г., в Китае было не более двух чэнсянов; Хайсан впервые назначил на эту должность большее число лиц, так как два человека не могли справиться с делами государства. В *Юань-ши* (цз. 85), как мне сообщил А. И. Иванов, говорится, что должность чэнсян была установлена при Тайцзуне (т. е. при Угэдэе); было назначено два чэнсяна, правый и левый. При Хубилае первоначально был один чэнсян, потом четыре; при нем же в 1265 г. было назначено пять лиц. Впоследствии это

т. е. Ханьчжоу-фу), Шихаб ад-дином Кундузи; обвинение было признано справедливым. Купцов и маклеров заключили в тюрьму; они признались, сколько заплатили каждому эмиру; тогда эмиров и везиров тоже подвергли заключению. Их было 12 человек; Рашид ад-дин называет восемь имен, среди которых находится также имя «Исы-переводчика» (рядом с ним упоминается Баинчар, брат Баян-пинчжана) [21], причем прибавляет, что было еще три пинчжана. Всех их хотели казнить; после тщетного заступничества матери государя они прибегли к заступничеству тибетского бахши. Танпа воспользовался тем, что в это время на небе появилась комета, и объявил, что для умилостивления Неба нужно освободить сорок узников; потом он сказал, что нужно освободить еще сто; к числу освобожденных принадлежали и провинившиеся вельможи. Семь дней Тэмур совершал моления в кумирне; когда он вышел оттуда, он назначил опальных вельмож вновь на прежние должности; их только заставили вернуть казне понесенный ею убыток в размере 30 томанов балышей.

Рассказом о драгоценных камнях оканчивается часть труда Рашид ад-дина, посвященная Китаю и великим ханам. Точная дата события не указывается; упоминание о комете, может быть, позволит определить эту дату [22]. Вопрос важен для сопоставления рассказа Рашид ад-дина с рассказом другого автора того же времени, Вассафа [23]. История с драгоценными камнями рассказана у Вассафа совершенно иначе, но, по-видимому, его рассказ относится к тому же самому происшествию.

По словам Вассафа, мелик (князь, правитель) Фахр ад-дин Ахмед [24] в 697/1297-98 г. принимал участие в посольстве от Газан-хана в Китай; ему дали с собой подарки для великого хана; кроме того, он получил из «великой казны» десять томанов золотом [25] «на началах предоставления капитала и товарищества по торговле» [26]; кроме того, он на собственные деньги, деньги своего отца Джемаль ад-дина и «знатных родствен-

---

число неоднократно уменьшалось; при Вэньцзуне (1328—1329) был только один чэнсян, иногда два. Чэнсяны были помощниками государя во всех делах; в их руках сосредоточивалась вся административная власть.

[21] О Баян-пинчжане (мусульманине) Рашид ад-дин, изд. Блоше, 540 и сл.; ср. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, p. 467. О слове *пинчжан* см. ниже.

[22] Как мне сообщил А. И. Иванов, в *Юань-ши* о появлении кометы в царствование Тэмура говорится в двух местах; в первый раз комета показалась во 2-й год его царствования, в 12-м месяце (в начале 1296 г.) и была видна 74 дня; во второй раз — в 5-й год, в 8-м месяце (в 1298 г.) и была видна 46 дней. Освобождение преступников произошло во время появления первой кометы; было отпущено 219 человек.

[23] Бомбейское изд., 505 и сл. Ср.: d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 320; Elliot, *The History of India*, vol. III, p. 45.

[24] Его отец, шейх ал-ислам Джемаль ад-дин, был правителем острова Кишма, в конце жизни правителем Фарса.

[25] Неясно, имеется ли в виду сумма золотыми монетами или количество золота, соответствующее десяти томанам серебряных динаров, т. е. 300 000 франков. В первом случае сумма была бы значительно больше.

[26] بر سبیل بضاعت و شرکت تجارت.

ников» накупил драгоценных камней, «блестящих рубинов и разного рода товаров, подходящих для той страны». Посольство было отправлено с военным конвоем, но морским путем [27]; от пограничной гавани Китая до столицы с послов и их спутников, согласно закону государства [28], не взимали никакой пошлины и на станциях доставляли им пищу — очевидно, бесплатно. Двор в то время находился в Тайду [29], близ Ханбалыка. После некоторых споров об этикете посольство было принято государем; Фахр ад-дин поднес подарки, которые очень понравились Тэмуру; государь собственноручно предложил Фахр ад-дину чашу; был издан ярлык, по которому он на время своего пребывания в Китае получал пищу, одежду и слуг, соответственно четырем временам года, и 45 лошадей для подвод [30]. Еще прежде Иса-пинчжан [31], который был приверженцем религии Иисуса, но справедливым нравом не отличался [32], доложил государю, что купцы сделали «товаром на базаре прибыли» драгоценные камни и что при оценке этого товара возможны случаи обмана; Тэмур тогда издал приказ, запрещавший всякую торговлю драгоценными камнями. Приказ был невыгоден для Фахр ад-дина, у которого драгоценные камни составляли бо́льшую часть товаров. Великий хан навел справки; оказалось, что «великой казне» было продано этого товара на сумму 14 томанов (каждый томан равнялся 10 000 балышей, каждый балыш — 6 динарам), причем уплата была произведена бумажными деньгами [33]; тогда Фахр ад-дин получил разрешение продавать остальное, кому хочет [34]. Вместе с посольством он пробыл в Китае четыре

---

27 Говорится об «опасных местах морей» (مخاوف بحار).

28 بر وفق یاسای قاانی.

29 Ныне татарская часть Пекина (ср. Марко Поло, пер. Минаева, 121).

30 چهل وپنج سر الاغ.

31 О слове *пинчжан* см.: d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, p. 637; Рашид ад-дин, изд. Блоше, 470 и сл. и 540, где термин *пинчжан* приравнен к термину *сахиб-диван*. Пинчжанов в государственном совете было четверо, по одному из таджиков, китайцев, уйгуров и аркаунов (христиан-сирийцев). По *Юань-ши* (цз. 85; сообщено мне А. И. Ивановым), эта должность была учреждена в 1260 г. Хубилаем. Пинчжанов первоначально было два; самое учреждение называлось Пинчжан-чжэн и ведало сначала военными делами, впоследствии также гражданскими. Число пинчжанов потом было увеличено и в 1330 г. доходило до четырех; компетенция учреждения неоднократно изменялась.

32 Игра слов: متقلّد ملّت عیسوی بود وطبعی سوی نداشت. В рук. Публ. б-ки, л. 349а, вместо этого стоит: طبعی سوی اسلام نداشت.

33 ووجوه آنرا چاو جاری العاده حوالت کردند.

34 О ввозе драгоценных камней в Китай из мусульманских стран говорят также китайские источники. В сочинении *Чжо гэн лу* (цз. 7) говорится, что в конце царствования Хубилая одним из богатых мусульманских купцов был продан императору «красный ла» (очевидно, слово لال или لعل 'рубин') весом в 1 лян и 3 цяня (1,3 унции) стоимостью в 140 000 динов ассигнациями периода Чжун-тун (1260—1263). Он был вставлен в головной убор сверху. Последующие императоры высоко ценили его, и он переходил от одного к другому по наследству. Надевали его в новый год, в день

года; при отъезде посольства он получил ярлык, пайзу, подарки и даже девушку из лиц, близких к женам государя [35]. На обратном пути Фахр ад-дин умер, не доехав до Ма'бара [36], в двух днях пути от этой страны; это было в конце 704/летом 1305 г. Между отъездом посольства из Персии и прибытием его на обратном пути в Индию прошло, таким образом, 7—8 лет, из которых только 4 года было проведено в Китае. Очевидно, путешествие туда и обратно совершалось крайне медленно, что вполне объясняется соединением дипломатических целей с торговыми; таким же образом, как известно, путешествовали Марко Поло со своим отцом и дядей.

Едва ли можно сомневаться в том, что Иса-переводчик Рашид ад-дина, Иса-пинчжан Вассафа и Ай-се *Юань-ши* — одно и то же лицо (среднеазиатское произношение имени Иса — Айса). По *Юань-ши*, Ай-се начал служить монгольским императорам еще при Гуюке (1246—1248) и пережил Тэмура, что маловероятно; но, если здесь есть ошибка, она относится не ко времени смерти Ай-се, как я полагал прежде, а ко времени начала его службы. При таких условиях, по-видимому, должно отпасть высказанное мною предположение, что он мог быть взят в плен монголами во время европейских походов; гораздо правдоподобнее, что он, подобно венецианцам Поло, прибыл в Китай для торговых целей, а потом нашел для себя выгодным оставаться в этой стране. Это говорит также в пользу гипотезы о тождестве Ай-се со знатным пизанцем. Вполне естественно, что торговыми путями, открывавшимися благодаря образованию монгольской империи, наравне с венецианцами и генуэзцами воспользовался также уроженец третьего из главных торговых городов Италии XIII в., Пизы [37]. Католический летописец Райнальди [38] говорит о пизанце, что он cum penetrasset in extremas Orientis oras, apud Tartaros ad maximas opes auctoritatemque effloruerat. Упоминание о путешествии в отдаленнейшие страны и в особенности о больших средствах также говорит в пользу предположения, что пизанец первоначально прибыл в пределы монгольской империи для целей торговли.

К сожалению, католические источники не только не сообщают сколько-

---

рождения и в других торжественных случаях. Дальше приводится еще ряд названий драгоценных камней, среди которых, между прочим, упоминается я-гу (ياقوت 'яхонт'). Ср. Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 173 sq., vol. II, p. 14; в дополнение к переводу Бретшнейдера некоторые данные, извлеченные из того же текста, были сообщены мне А. И. Ивановым.

[35] و دختری از پیوستکان ربّات حضرات سیورغامیشی کرد.

[36] Т. е. до Коромандельского берега (ср.: Elliot, *History of India*, vol. I, p. 69, и Марко Поло, пер. Минаева, 269).

[37] Как известно, Пиза пользовалась особенным покровительством императора Фридриха II (1218—1250); торговое значение города упало только после неудачной битвы с генуэзцами при Мелории (1284 г.).

[38] *Annales Ecclesiastici*, t. XIV, p. 420b, § 64.

нибудь подробных сведений о пизанце, но даже не позволяют с точностью установить его имя. Насколько мы могли установить, это имя не встречается ни в каких первоисточниках, кроме двух документов, извлеченных Райнальди и Ваддингом из ватиканского архива (Reg. Vat., ep. 57 et 69) [39]. В письме 1289 г. пизанец носит имя Jolus или Iolus, в письме 1291 г.— имя Ozolus; форма Isolus, по-видимому, создана Паульсеном [40] (автором книги, известной под названием «Moshemii Historia Tartarorum ecclesiastica») на основании упомянутых двух форм; Паульсен не говорит, на чем он при этом основывался. По моей просьбе, при любезном посредничестве проф. Л. Бонелли и г-на директора государственного архива в Брешии, были наведены справки в государственном архиве Пизы (archivio di Stato di Pisa), но там не оказалось никаких сведений ни о лице, которое бы носило такое имя, ни вообще о каком-либо пизанце, который в XIII в. посетил бы страну татар. Terminus post quem путешествия пизанца определяется, может быть, словами Марко Поло, что великий хан до 1266 г., т. е. до путешествия Николо́ и Маттео Поло, «никогда не видал латинян» [41]. В описании Пекина у того же Марко Поло, по крайней мере по тексту Рамузио, говорится о трех гостиницах, из которых одна принадлежала «ломбардцам, другая немцам, третья французам» [42]; из этого можно заключить, что путями, проложенными отцом и дядей Марко, очень скоро воспользовались другие европейцы.

По сведениям *Юань-ши*, Ай-се происходил из Фулиня 拂菻 и в Китае получил титул фулиньского князя. К сожалению, мы не имеем данных для решения вопроса, что́ именно понимали китайцы XIII в. под термином Фулинь; в *Юань-ши* он встречается только в этом одном месте; очевидно, он был заимствован из более ранних источников, где употреблялся для обозначения земель к западу от Персии, преимущественно азиатских областей Византийской империи [43]. В *Юань-ши* употребляется также термин Фолан, или Фулан, 佛郎 в значении 'франки'; особенно ясно видно это значение из рассказа о прибытии из Фолана в 1341 или 1342 г. в качестве дани великолепного коня; как доказал Юл, речь идет

---

[39] Первое письмо (1289 г.) приводится у Райнальди (ibid.) в извлечении (вторая часть), у Ваддинга (*Annales Minorum*, V, 198) полностью; второго (1291 г.) у Ваддинга нет, у Райнальди (ibid., 442b, § 33), по цитате Potthast, *Regesta*, № 23780; также Sbaralea, *Bullarium Franciscanum*, IV, 278, n° 525. Ныне регесты папы Николая IV (1288—1292) составляют в ватиканском архиве три тома: № 44 (годы 1-й и 2-й), 45 (3-й) и 46 (4-й и 5-й); см. Denifle, *Die päpstlichen Registerbände*, S. 89 sq.

[40] Из предисловия и заглавного листа видно, что Мосхейм был только председателем на диспуте, на котором Паульсен защищал свою диссертацию.

[41] Марко Поло, пер. Минаева, 7.

[42] Там же, 123.

[43] В нашу задачу, конечно, не входит решение спорного вопроса об этимологическом происхождении самого термина, о его первоначальном произношении и значении. Ср.: Hirth, *China and the Roman Orient*, p. 286 sq.; Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 144; Чжао Жу-гуа, 108 и сл.; Hirth, *The mystery of Fu-lin*.

о коне, привезенном в Китай миссионером Мариньолли [44]. Кроме того, в биографии полководца Го-каня (Kuo-K'an) приводится фантастическое известие о покорении Фулана монголами в 1258—1259 гг. и подчинении им царя Ву-ду-сюань-таня [45] (Wu-du-suan-t'an). Фулан упоминается также в *Си-ши-цзи*, сочинении Чан Дэ, отправленного в 1259 г. послом от великого хана к Хулагу; здесь сказано, что к западу от Египта — море, к западу от моря — царство Фулан [46].

Термины Фулинь и Фулан встречаются также в *Мин-ши*. В гл. 323 говорится о действиях Фолан-ци (Fo-lang-ghi, т. е. فرنكى) на Филиппинских островах [47]; речь, очевидно, идет об испанцах. По гл. 325, страна Фолан-ци находилась около Малакки [48]; это, очевидно, относится к португальцам и занятым ими в Индии землям; там же говорится о прибытии португальских кораблей в Китай. Фулиню посвящена гл. 326 [49], где, между прочим, говорится о прибытии из Фулиня, в конце периода династии Юань, некоего купца Не-гу-луня (Nie-ku-lun) и об отправлении его на родину в 8-м месяце 4-го года Хун-ву (сентябрь 1371 г.) с письмом к его государю; в письме говорится, что страна Фулинь отделена от Китая «Западным морем». В конце той же главы, со слов прибывшего в Китай в период Вань-ли (1573—1620) патера Риччи, говорится о тожестве Иудеи, где родился Иисус, с «древней страной Дацинь»; в начале главы отмечено, по книжным источникам, тожество стран Дацинь и Фулинь. Что касается Не-гу-луня, то, по мнению Бретшнейдера [50], принятому Хиртом, имеется в виду архиепископ Николай (Nicolaus de Bentra), преемник Монте-Корвино.

Из всех этих данных едва ли можно заключить, что у китайцев времен династий Юань и Мин со словами Фулинь и Фулан соединялось определенное географическое представление, чтобы они отличали Византийскую империю от католической Европы и под словом Фулинь понимали только первую, под словом Фулан — только вторую. Более правдоподобно, что книжный термин Фулинь, под влиянием литературной традиции, употреблялся в рассказах о прибытии из христианских стран

---

[44] Yule, *Cathay*, p. 340; Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 143.

[45] Bretschneider, *Researches*, vol. I, pp. 111, 142. Ср. Blochet, *Introduction*, p. 227 sq. — ссылка на донесение Хулагу о покорении франков, полученное в Китае в 1258 г. (по *Юань-ши*, гл. 3).

[46] Bretschneider, *Researches*, vol. I, pp. 109, 142.

[47] Ibid., vol. II, p. 319 sq.

[48] Ibid., p. 316.

[49] См. перевод этой главы у Хирта (*China and the Roman Orient*, p. 64 sq.); китайский текст там же, стр. 109 и сл.

[50] *On the knowledge*, p. 25. Против этого предположения говорит, однако, факт, что архиепископ Николай, назначенный в 1333 г., не прибыл в Китай не только до 1338 г., как говорит Бретшнейдер, но и впоследствии; в 1370 г. папа Урбан V назначил нового архиепископа, францисканца Вильгельма.

отдельных купцов и миссионеров, термин Фулан — в рассказах о сношениях с государствами франков. Таким образом, употребление термина Фулинь еще не доказывает, что Ай-се происходил из Византии или хотя бы прожил там некоторое время до прибытия в Китай.

Из документов ватиканского архива мы даже не узнаем, где находился знатный пизанец в то время, когда папа Николай IV писал ему свои послания. Письмо 1289 г. было отправлено вместе с письмами великому хану Хубилаю, персидскому ильхану Аргуну и среднеазиатскому владетелю Хайду; письмо 1291 г.— вместе с письмами Аргуну, его жене и трем сыновьям; писем в Китай в 1291 г. отправлено не было. Только из этого последнего факта можно заключить, что пизанец в то время находился не в Китае, а в Западной Азии. Известно, что такой период был также в жизни Ай-се; но сведения, сообщаемые об этом в *Юань-ши*, крайне скудны и неточны. Говорится, что Хубилай еще в 1263 г. поручил ему управление астрономическим и медицинским департаментами Западного края (Си-ю) и что вскоре после 1276 г. он был послан с поручением в Персию к Аргуну, но Аргун только в 1284 г. вступил на престол. В мусульманских источниках, по-видимому, нет никаких известий о пребывании Исы-переводчика в Персии. При Аргуне прибыло посольство из Китая в 684/1285-86 г., но переводчиком при посольстве было другое лицо, Али, очевидно мусульманин; из слов Рашид ад-дина [51], однако, видно, что при посольстве были еще другие лица, не названные историком. Трудно сказать, следует ли объяснить случайным совпадением, что именно до 1286 г. положение мусульман в Китае, как мы видели, было особенно тяжело и что именно в последние годы царствования Аргуна монгольское правительство Персии особенно покровительствовало евреям и христианам, в ущерб своим мусульманским подданным [52].

Из *Юань-ши* видно, что Ай-се в Китае был членом учреждения, ведавшего делами местных христиан, но духовным лицом, по крайней мере католического исповедания, не был; после него остались сыновья, носившие христианские имена. Пизанец, которому писал папа, тоже был светским человеком (nobilis vir) и только оказывал покровительство членам духовных орденов (religiosis viris).

Кроме мусульман и западных европейцев, в XIII в. приезжали для

---

[51] Текст приведен у Blochet, *Introduction*, p. 230. Имя علیّ находится также у Рашид ад-дина, рук. Аз. муз., л. 323б.

[52] Ср. особенно слова сирийской хроники, приведенные у д'Оссона (*Histoire des Mongols*, t. IV, p. 34). В 1285-86 г. прибыли, отдельно один от другого, двое монгольских вельмож, Пулад и Орду-Кия (или Ката); Али находился при Пуладе. Оба остались в Персии; Орду-Кия пользовался полным доверием Аргуна, ему же был обязан своим назначением еврей Са'д ад-дауля. Очень возможно, что Ай-се занимал при Орду-Кия то же положение, как Али при Пуладе. Орду-Кия был убит в 1291 г., во время болезни Аргуна (d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, pp. 33, 57).

торговли также христиане-сирийцы [53]; среди них, конечно, могли быть люди, не уступавшие по образованию мусульманам; но что европеец XIII в., притом не принадлежавший к духовному званию, мог, подобно иезуитам XVII в., наравне с мусульманами быть членом китайских ученых учреждений, этот факт, если бы его удалось установить окончательно, несомненно представлял бы интерес для культурной истории не только Востока, но и Западной Европы.

---

[53] Пример у д'Оссона, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 24 (из хроники Бар-Эбрея, продолженной другим лицом); говорится о христианине Мас'уде, наместнике Мосула и Ирбиля, казненном в 1289 г., сыне богатого купца Я'куба, умершего в 1276 г. в Хорасане на обратном пути из Китая. Мас'уд, сын Я'куба, упоминается также в трехъязычной надписи, найденной на одном барельефе в яковитском монастыре и изданной в 1892 г. (Pognon, *Note*; цит. В. В. Радловым, *Uigurische Inschrift*, S. 387); вероятно, имеется в виду другое лицо, так как надпись датирована 1610 г. селевкидской эры (1299 г. н. э.), притом, как видно из ее содержания, сделана при жизни Мас'уда.

НОВЫЙ ТРУД О ПОЛОВЦАХ[1]

Вопреки заглавию[2] тома геттингенских «Abhandlungen», вышедшего в свет пять лет тому назад, но только недавно дошедшего до Петрограда, бóльшую часть его (стр. 25—238) составляет исторический труд И. Маркварта «О народности половцев» («Ueber das Volkstum der Komanen»)[3], далеко превосходящий по своим размерам два диалектальных этюда В. Банга; из последних один посвящен диалекту Китайского Туркестана[4], другой — псалмам Богородице из половецкого словаря (Codex Cumanicus), сохранившегося в библиотеке св. Марка в Венеции[5]. Половецкие псалмы, приведенные в венецианской рукописи в латинской транскрипции, представляют не столько перевод, сколько подражание латинским псалмам сборника «Ave porta paradisi»; половецкий текст, как и вся рукопись, был издан в 1880 г. венгерским ориенталистом Куном[6] и по этому изданию переведен и исследован покойным академиком В. В. Радловым[7]. Статья В. Банга представляет попытку нового издания и перевода, с приложением текста латинских псалмов. Главная цель работы, по словам автора,— доказать, что при лингвистических исследованиях нельзя полагаться на издание Куна, сделанное недостаточно тщательно, и что настоятельно необходимо новое издание памятника, столь важного для

---

[1] Bang und Marquart, *Osttürkische Dialektstudien*; ⟨см. также рецензию П. Пельо (*A propos des Comans*). Из новейшей литературы, посвященной проблемам, затронутым в рецензии, см.: Пономарев, *Куман — половцы*; *Ҳудӯд ал-ʿāлам*, пер. Минорского, 304—317; Толстов, *Города гузов*; Плетнева, *Печенеги, торки и половцы*; Федоров-Давыдов, *Кочевники Восточной Европы*⟩.

[2] На обратной стороне заглавного листа сообщается, что исследование Маркварта «по ошибке» было помещено между двумя этюдами Банга и не получило особой пагинации, чем и объясняется общее заглавие, в действительности относящееся только к этюдам Банга.

[3] Приблизительно такое же заглавие носила старая статья O. Blau (*Ueber Volkstum und Sprache der Kumanen*), к которой Маркварт (стр. 28 и сл.) относится резко отрицательно.

[4] ⟨Bang, *Zum Vokalismus.*⟩ Материал сообщен В. Бангу руководителем прусской экспедиции в Китайский Туркестан А. фон Лекоком; текст и перевод теперь частью изданы и самим собирателем ⟨Le Coq, *Sprichwörter und Lieder*⟩.

[5] ⟨Bang, *Der komanische Marienpsalter.*⟩

[6] ⟨*Codex cumanicus*. . . Primum ex integro edidit. . . G. Kuun, Budapestini, 1880; *Additamentorum*. . ., Budapestini, 1883.⟩

[7] *Das türkische Srpachmaterial.*

выяснения истории турецкого языка. К этому же выводу автор пришел уже в своих прежних этюдах [8], посвященных половецкому словарю; покойный В. В. Радлов, как мне известно, считал этот вывод вполне доказанным и безусловно отказался от своего прежнего мнения о надежности издания Куна. Надо надеяться, что в возможно близком будущем будет поставлено на очередь переиздание единственной в своем роде рукописи, имеющей первостепенное значение не только для турецкой филологии, но и для культурной истории, как памятник практического востоковедения средневековых европейских торговцев и миссионеров [9].

Труд И. Маркварта отличается теми же достоинствами и недостатками, как и другие труды этого, несомненно, крупного ученого. Исследования И. Маркварта посвящены самым различным предметам, и во всех этих исследованиях обширность и разносторонность познаний соединяются с остроумием выводов, но чтение затрудняется [10] крайне беспорядочным расположением материала, полным отсутствием системы, постоянными переходами от одного предмета к другому, поправками и дополнениями, заставляющими автора отказываться от догадок, предлагаемых читателю на других страницах той же книги, и прибегать к новым. По поводу труда по культурной истории Африки, на который часто встречаются ссылки и в настоящем исследовании (несмотря на полное различие тем), в русской научной литературе было отмечено основное свойство трудов И. Маркварта: «соединение огромной эрудиции с запутанностью изложения и недостатком критики» [11]. Приблизительно такой же отзыв был дан покойным бар. В. Р. Розеном о другом труде, более близком по теме к настоящей книге,— «Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge» (1903) [12].

Вопрос о появлении и происхождении половцев рассматривается в связи с известиями о движениях турецких и других кочевых народов из областей Дальнего Востока в Западную Азию и Восточную Европу.

---

[8] О них см. статью К. Г. Залемана (*Zur Kritik*).

[9] ⟨Новое факсимильное издание памятника выпустил в 1936 г. датский тюрколог К. Грёнбек (*Codex Cumanicus*, ed. Grønbech), опубликовавший также и словарь языка памятника (Grønbech, *Komanisches Wörterbuch*). Об истории изучения памятника и его языке см. также: Баскаков, *Введение*, стр. 230—232; Gabain. *Die Sprache des Codex Cumanicus*.⟩

[10] На многих читателей, вероятно, произведет столь же неприятное впечатление крайняя резкость полемики, причем не делается никакого различия между живыми учеными и учеными давно минувших поколений. Не совсем понятны такие обобщения, как замечание (стр. 207) о тексте Рашид ад-дина, изданном Березиным «с произвольными пропусками, по русскому обычаю» («nach russischer Weise willkürliche Auslassungen»). Причина этих пропусков была ясно указана самим издателем (см. об этом Бартольд, МИ, т. I, стр. 60); можно соглашаться и не соглашаться с его доводами, но едва ли есть основание делать по этому поводу упрек всей русской науке.

[11] Тураев, ХВ, т. III, стр. 215.

[12] Доклад об этой книге был сделан бар. Розеном в Восточном отделении Русского археологического общества 30 сентября 1904 г. (ЗВОРАО, т. XVI, стр. XXXI); к сожалению, этот доклад не был найден в его бумагах.

«В основу исторической этнологии Южной России в период позднейшего средневековья» должны быть положены, по мнению автора, слова Константина Багрянородного о венграх, печенегах и узах (*De administrando imperio*, гл. 37) [13]. В 1078 г. узы, тогда находившиеся в союзе с печенегами, впервые появляются под названием команов, «до сих пор не объясненным»; имеет ли эта перемена названия этнологическое значение, из слов византийских писателей не видно. Имя узов исчезает в начале царствования Алексея Комнина (1081—1118). У венгерских летописцев команы называются *кунами* (лат. Cuni, венг. Kunok, с окончанием множ. числа), у русских — половцами; Маркварт принимает мнение Куника о связи этого названия, появляющегося впервые в 1055 г., с прилагательным *половый* в значении 'бледный', 'светло-желтый' (стр. 28) [14]; этому слову соответствует польское Plauci, чешское Plawci, венгерское Palocz, немецкие термины Falones, Phulagi, Valvi, Valewen, Valwen (также стр. 173 и сл.). Из немецких летописцев уже Адам Бременский (ум. в 1076 г.), на что до сих пор не было указано, упоминает о «homines pallidi, virides et macrobii, quos appellant Husos»; половцы, таким образом, отождествляются с узами (стр. 29). В действительности половцы и узы — два различных народа; половцы были новым этнографическим элементом, появившимся в черноморских степях в половине XI в., хотя вначале за новыми пришельцами было сохранено название родственных им прежних жителей. Ключ к разрешению загадки дает употребляемое венгерскими летописцами название *куны* (стр. 38).

Автор старается доказать, что эти куны были отуреченною ветвью монгольского народа, пришельцами из Восточной Азии, появившимися в Европе между 1030 и 1049 гг. (стр. 57). Автору удалось найти название кунов в мусульманской географической литературе, вообще не сообщающей никаких сведений о народах Монголии; в эпоху расцвета этой литературы (IX и X вв.) крайним пределом известного мусульманам мира на северо-востоке были берега Енисея, где тогда жили киргизы. О народностях, живших дальше к востоку, ничего не было известно; по мнению мусульман, страна киргизов доходила до Восточного океана. У двух персидских авторов [15] к востоку от кочевых киргизов помещается дикий

---

[13] ⟨Новейшее комментированное издание текста и английского перевода сочинения Константина Багрянородного опубликовано Ю. Моравчиком и Р. Дженкинсом — Constantinus Porphyrogenitus, *De administrando imperio*.⟩ Трудно сказать, почему этому тексту, извлеченному из сочинения X в. и говорящему о событиях IX в., придается такое значение для понимания событий «позднейшего средневековья» (имеются в виду передвижения XI и последующих веков, составляющие главный предмет настоящего исследования).

[14] Ср. Даль, *Словарь*, III, 664 и сл., слова *половой* ('палевый', 'изабелловый' или 'бледный') и *пловеть* ('желтеть').

[15] Рассказ автора XI в. Гардизи был издан мною с русским переводом (в моем *Отчете о поездке в Среднюю Азию*). Рассказ более раннего источника, так называемой рукописи Туманского (о ней см. Туманский, *Новооткрытый персидский географ*),

народ фури, но эти фури также причисляются к киргизам, хотя и говорили на непонятном для киргизов языке. Маркварту удалось найти у автора XI в. Бируни и у автора начала XIII в. Ауфи (оба писали по более ранним книжным источникам) упоминание о двух народах, кун и кайи, живших к востоку от киргизов, причем Ауфи упоминает и о движении кунов[16] на запад. Куны выселились из страны Кита вследствие недостаточности пастбищ; подвергнувшись нападению со стороны народа кайи, они выселились в страну Сари; жители этой страны тогда ушли в страну туркмен, гузы — в страну печенегов, около берегов Армянского моря. Ауфи приводит также другое название кунов, марка или мурка.

В таком виде рассказ Ауфи возбуждает ряд недоумений, которые не могли быть разрешены Марквартом. Название страны Сари Маркварт (стр. 41, 52 и сл.) отождествляет с названием города Сари в Мазандеране и только в поправках и дополнениях (стр. 202) отказывается от этого сближения, справедливо замечая, что по контексту речь идет о какой-то стране к в о с т о к у от туркменских степей. Гузы, или узы (собств. огузы),— другое название туркмен; по византийским источникам, печенеги подвергались нападению узов два раза: один раз, по свидетельству Константина Багрянородного, в конце IX в., на своей первоначальной родине, около Урала и Волги, другой раз в черноморских степях, где узы впервые упоминаются в византийских источниках в 1049 г. Маркварт (стр. 54) полагает, что в рассказе Ауфи смешаны оба события и что слова об «Армянском», т. е. Каспийском, море относятся к первоначальной родине печенегов; но под «Армянским» морем (других примеров употребления этого термина Маркварт не приводит) можно понимать не только Каспийское море, но и Черное. Гораздо более вероятно, что у Ауфи говорится исключительно о событиях XI в., когда узы были вытеснены из нынешних киргизских степей кипчаками (об этом названии см. ниже), или половцами; в связи с этим фактом из мусульманской географической терминологии исчезло название «Степь гузов», употреблявшееся географами X в., и уступило место названию «Степь кипчаков» (по-персидски Дешт-и Кипчак). Местоположение земли Сари, или Сары, откуда враги пришли в страну туркмен, Маркварт отказывается определить; по его словам (стр. 202), ему известны только урочище Сары-Кехер в Монголии, около Онона, и земля племени сары-уйгуров в Северном Китае, около Ганьчжоу. Однако в западной части Семиречья, в долине Чу, т. е. в области, местонахождение которой вполне соответствует тексту Ауфи, было селение Сарыг, или Салыг, причем в изданном мною персидском тексте, о котором упоминает и Маркварт (стр. 42, прим. 1), приводится

остается пока неизданным. ⟨См. теперь: *Ḫудӯд ал-ʿāлам*, л. 17б; *Ḫудӯд ал-ʿāлам*, пер. Минорского, 96—97.⟩

[16] Рукописные варианты не исключают, однако, возможности, что речь идет о том же народе фури; в арабской транскрипции это название мало отличается от названия *кун*.

титул владетеля этого селения. Кроме того, из слов Ауфи можно заключить, что в туркменскую землю вторглись не пришедшие с востока куны, но жители страны Сары; слово *сары*, или *сарыг*, значит по-турецки 'желтый'; если половцы действительно, как полагает Маркварт, были светловолосым народом, то едва ли мы имеем только случайное звуковое совпадение между географическим (и этнографическим?) названием и турецким прилагательным.

Появление половцев было одним звеном в цепи народных движений XI в., простиравшихся от границ Китая до Восточной Европы; об этих движениях Марквартом собраны некоторые, но далеко не полные сведения. Основным фактом он справедливо считает (стр. 35) образование в Северном Китае в 916 г. инородческой империи китаев, от которых Китай получил название, употребляющееся до сих пор в Монголии и России и в средние века употреблявшееся также в Западной Европе. Передвижение народов в XI в. связано с распространением на северо-запад господства китаев, во главе которых находилась династия Ляо; в XII в., около 1125 г., произошло новое передвижение. в связи с падением династии Ляо, завоеванием ее государства другим народом, чжурчжэнями, основавшими династию Цзинь, переходом одного из представителей павшей династии с частью народа, получившей от мусульман название 'черных китаев' (кара-хитай, или кара-китай), на запад, в пределы нынешнего Русского Туркестана, где ему удалось образовать сильную державу, простиравшуюся от границ Китая до Каспийского моря и существовавшую до начала XIII в.; падение ее было вызвано новым передвижением народов, связанным с возвышением Чингиз-хана и образованием монгольской империи.

Мусульманские историки говорят о движении на запад языческих турок, среди которых были и китаи, в 408/1017-18 г., по другим известиям — еще в 403/1012-13 г. Враги были уже в восьми днях пути от города Баласагуна (в Чуйской долине), когда против них выступил хан мусульманских турок; язычники отступили, мусульмане преследовали их и нанесли им полное поражение. Маркварт полагает (стр. 48), что среди турецких племен, пришедших тогда в движение, могли быть куны и кайи, самые восточные из турок, названия которых были известны современнику этих событий, Бируни. Мусульманский хан своей победой мог преградить этим туркам доступ в свои владения, но не мог помешать через несколько десятилетий сначала кунам, потом и кайи вторгнуться во владения гузов на нижнем течении Сыр-Дарьи. Среди самих гузов еще раньше произошли раздоры на почве принятия частью народа ислама; последствием этих раздоров было переселение в Персию части туркменского, или гузского, народа и образование в Передней Азии империи Сельджукидов. С движением другой ветви гузов на запад связано, по мнению Маркварта, падение хазарского царства; хазары в последний раз упоминаются в истории в 1030 г., в рассказе арабского историка Ибн ал-Асира

о походе в их страну курдского предводителя Фазлуна. В XII в. вместо хазар и их города Итиля упоминаются в той же местности гузы, область и город Саксин. Маркварт (стр. 56) присоединяется к мнению Вестберга [17], что Саксин находился на месте Итиля, но решительно отвергает попытку того же ученого доказать, что Саксин — только другое название хазар; по прямому свидетельству путешественника Абу Хамида Гарнати, жители Саксина были гузами. Упоминание хазаров в 1030 г. есть terminus post quem для появления кунов в Европе; terminus ante quem — 1049 г., год появления узов в стране печенегов. Византийские известия дополняются рассказом армянского историка Матвея Эдесского о событиях 499 г. армянской эры (1050 г. н. э.), когда какой-то «народ змей» разбил «светловолосых», а те разбили узов и печенегов, после чего все вместе выступили против страны ромеев. По замечанию Маркварта (стр. 55), только в этом рассказе мы находим объяснение вторжения печенегов в пределы империи при Константине IX Мономахе (1042—1054). К тем же фактам Маркварт (стр. 30 и сл.) относит рассказ хроники Михаила Сирийца (был яковитским патриархом с 1166 по 1199 г., хроника доведена до 1196 г.) о движении трех групп турок по трем направлениям, на юг в Индию, на север в царство греков, где они «по названию страны» были названы команами и приняли христианство, на запад в царство арабов, где они приняли ислам. При этом, однако, известие о первом движении в Индию остается «совершенно загадочным» (стр. 33).

Автором оставлены без внимания известия о некоторых других событиях 1040-х годов, в которых также можно видеть указание на передвижение народов: рассказ Ибн ал-Асира о принятии ислама в 1043 г. турецким народом в числе 10 000 шатров, жившим зимой около Баласагуна, летом — по соседству со страной волжских болгар [18], и письмо несторианского митрополита Самарканда своему католикосу в 1046 г., приведенное сирийцем Бар-Эбреем, о выходе из гор «между Тибетом и Хотаном» и появлении у Кашгара какого-то многочисленного кочевого народа (700 000 всадников под начальством семи царей, из которых главный носил имя «Назрат»)[19].

Гипотеза о кунах и попытка разрешить, в связи с этой гипотезой, вопрос о происхождении половцев вызывает ряд других вопросов, на которые Маркварт и старается дать ответ в своем исследовании. Куны — пришельцы из Восточной Азии; сведения о восточноазиатских кочевых народах находятся почти исключительно в китайских источниках; возникает вопрос, нет ли в этих источниках известий о кунах и связанных

[17] *Beiträge*, S. 291.

[18] Это известие было приведено мною в нескольких работах, в том числе см. Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 22; ср. также немецкий перевод, которым пользовался Маркварт (Barthold, *Zur Geschichte des Christentums*, S. 50; ⟨см. наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 290⟩.

[19] Oppert, *Presbyter Johannes*, S. 91 sq.

с ними народах. Предполагается, что куны — народ в основе монгольского происхождения; возникает вопрос об участии монгольских элементов как в движениях XI в., так и в других народных движениях, связанных с кунами. Половцы называются в византийских источниках команами и связываются с узами, мусульмане называют их кипчаками, кипчаков — частью более значительной народной группы — кимаков; кроме того, кипчаки в XII в. и позже связываются с другим народом, носящим название канглы; возникает вопрос о первоначальном значении всех этих народных названий, об отношении одних из них к другим, о присутствии в соответствующих народностях монгольских элементов. Наконец, предполагается, что половцы получили от русских такое название по светлой окраске волос, на которую есть указание также в словах армянина Матвея Эдесского и некоторых западноевропейских хроник; возникает вопрос о народах белокурой расы в Средней Азии. Всех этих вопросов приходится касаться автору в своем исследовании; о бессистемности расположения материала [20] может дать представление порядок заголовков: 1) узы и команы; 2) команы и куны; 3) команы и кипчаки; 4) татары и буткаты (упоминаемый в китайских источниках народ; как полагает автор, монгольского происхождения); 5) татары и кимаки; 6) кимаки и кипчаки; 7) кипчаки и команы; 8) канглы, кимаки и кипчаки. В основном экскурсе (стр. 173—186) подвергаются насмешливой критике попытки ученых, большею частью давно минувших поколений, найти сведения о «светловолосых» и о команах в античной литературе и даже в ассирийских надписях. Однако читатель, который пожелал бы разобраться во во взглядах самого Маркварта и отделить в его исследовании гипотезы от окончательно установленных выводов, на каждом шагу встретит непреодолимые затруднения [21].

Сведения из китайской литературы использованы, кроме переведенных источников, по сообщениям голландского синолога де Грота. По вопросу, который более всего интересовал автора, — именно по вопросу о движениях начала XI в., — в китайских источниках не оказалось почти никаких сведений, говорится о каких-то восстаниях пограничных народностей и об уходе восставших на запад, но при этом прибавлено, что мятежники скоро покорились и вернулись обратно (стр. 194 и сл.). Автор постарался собрать из китайских и других источников сведения о народах, названия которых представляют некоторое сходство со словом *кун*, начи-

[20] Столь же характерно, что обычное предисловие заменено послесловием, помещенным между первым добавлением (Berichtigungen und Zusätze) и указателем. Оглавление помещено между указателем и вторым добавлением (Nachtrag).

[21] Противоречия отчасти объясняются многочисленными корректурными вставками. Работа была закончена к июлю 1910 г. в Лейдене, где автор не располагал ни русскими и венгерскими первоисточниками, ни исследованиями русских и венгерских ученых; печаталась в Берлине (послесловие помечено 5 января 1914 г.), где тоже «может углубиться в историю монголов и связанных с ними народов только тот, кто располагает необходимыми трудами в своей личной библиотеке».

ная с гуннов, хун-ну [22] китайской историографии. Гунны, по его мнению, не имеют отношения к кунам: китайская транскрипция hiung-nu, по первоначальному произношению kung-nu, передает насмешливое прозвание, данное гуннам индоевропейскими жителями Китайского Туркестана, в языке которых ku, в косвенных падежах kun, значило 'собака' (стр. 64 и сл.). «С большой вероятностью» можно было бы найти имя кунов в титуле государя живших в Семиречье усуней, современников гуннов. Этот титул в китайской транскрипции — kun-bok, или kun-bi (по современному произношению тех же иероглифов *гуньмо* и *гуньми*); второй слог есть «без сомнения» (unzweifelhaft, стр. 69), как доказал японский профессор Ширатори, турецкий титул *бег* (бей, бий) [23]; возможно, что усуньского государя называли «бегом кунов», причем, однако, остается невыясненным, как относилось народное название *кун* к народному названию *усунь* (Маркварт пишет Å-sun); кроме того, столь же возможно, что *кун*, как и предполагал Ширатори, есть прилагательное в значении 'великий' или 'могущественный'. Зато *кунхан*, как назван у византийского автора Приска государь кидаритов, или белых гуннов, побежденный в 468 г. персидским царем Перозом, есть, «очевидно» (augenscheinlich, стр. 70), хан кунов, хотя в тексте Приска Κούγχαν есть винительный падеж — дальше на той же странице то же имя приводится в именительном падеже (Κούγχας). Маркварт предполагает, что слово Κούγχαν ошибочно было понято как форма винительного падежа и уже от этой формы самим Приском или составителем извлечений была по недоразумению образована форма греческого именительного падежа. Существование у эфталитов, или белых гуннов, титула *кан* засвидетельствовано китайцами. В индийских терминах *çveta huna* и *hara huna* мы имеем переход *q* в *h*, встречающийся и у хазар; первое значит по-индийски, без сомнения, 'белые куны'; оттого во втором термине можно видеть турецкое или монгольское прилагательное *кара* 'черный'. Дальше выражение *çveta huna* толкуется как перевод выражения *чаган кун*, что значило бы 'белые куны' по-монгольски; в доказательство монгольского происхождения эфталитов приводится название области Чаганиан (долина реки Сурхан, притока Аму-Дарьи); слово *чаган* 'белый' (собственно *цаган*) в этом географическом названии есть «первое с д о с т о в е р н о с т ь ю установленное м о н г о л ь с к о е слово на западе» (разрядка в обоих случаях принадлежит Маркварту, стр. 71, прим. 2). Независимо от этой более чем рискованной этимологии, автору, по-видимому, не кажется странным, что индийцы перевели прозвание «белых» кунов на свой язык, а прозвание «черных» кунов оставили без перевода. В индийском *huna*,

---

[22] ⟨Сюнну.⟩

[23] Ни Ширатори, ни Маркварт не смущаются тем, что одна из китайских транскрипций II в. до н. э. указывала бы на произношение *бий* или *би*, т. е. на лингвистически самую позднюю форму турецкого княжеского титула, появляющуюся не ранее XVI в.

передающем, по его мнению, слово *кун*, он видит только случайное звуковое сходство с названием гуннов; таким же образом византийские «белые унны» (leukoi unnoi) как по названию, так и по существу (sprachlich und sachlich) должны быть совершенно отделены от китайских хун-ну.

Ограничиваемся этим образчиком этимологических теорий автора и не касаемся его предположений о других кочевых народах, упоминаемых в китайских источниках, тем более что несомненных «кунов» среди них не оказывается. Более близкое отношение к теме имеют попытки автора найти в китайских и других источниках другое название кунов, упоминаемое у Ауфи, — марка, или мурка. После некоторого колебания автор решается сблизить это название с названием мохо (Mot-hoh) или боткат (Boat-kat) китайской историографии, причем есть известие, что от боткатов происходят татары (Tat-tan), т. е. монголы, хотя в то же время боткаты называются предками чисто тунгусских народов, как чжурчжэни, сменившие в XII в. династию Ляо в Северном Китае, и современные маньчжуры (стр. 80 и 175). В более ранних китайских произведениях боткаты, жившие тогда к северу от Кореи, упоминаются под названием буткат (современное произношение тех же иероглифов — *му-цзи*, по западной транскрипции Mu-ki). Автор считает вполне вероятным предположение (стр. 83), что *буткат* — монгольское множественное число от слова *букан* или *бурхан*, перешедшего от турок к монголам как имя Будды и в то же время название священной горы у южной границы области этого народа. Несколько ниже (стр. 87), однако, оказывается, что в формах *боткат* и *буткат* можно видеть транскрипцию туземного народного названия во множественном числе — *муркат*, соответствующего *мурка* Ауфи и загадочному *мукри* Феофилакта Симокатты (VII, 7), как назывался народ, к которому бежала часть побежденных в VI в. турками аваров.

Факт движения на запад отуреченных монгольских элементов подтверждается, по мнению Маркварта, мусульманскими известиями о происхождении от татар народа кимаков, от которого отделились кипчаки. Кипчаки жили к северу от гузов; главная ставка их находилась на Иртыше; автор (стр. 92, прим.) приводит известие одного из арабских географов X в., по которому кочевья кимаков на Сыр-Дарье, около города Саурана, непосредственно соприкасались с владениями мусульман, но не говорит, что в Европейской России границей между владениями гузов и кимаков признавалось верхнее течение Итиля (Волги), т. е. низовья Камы [24] (считавшейся у арабов не притоком Волги, а верхним течением). Отделение кимаков от татар автор склонен отнести к VII в. (стр. 95). По мнению автора (стр. 172), движение кунов и кайи коснулось и кимаков; одно из их племен, баяндур, является потом среди малоазиат-

---

[24] Это известие было приведено мною в 1914 г. (Barthold, *Ghuzz*, S. 178; ⟨см. ниже, стр. 524⟩), но источник (Истахри, 222) был доступен автору.

ских туркмен. Изменившимся условиям соответствовало образование в Средней Азии нового союза племен под новым названием — канглы.

Еще более скудны и неясны сведения автора о судьбе термина *кипчак*. Автор справедливо считает кипчаков самой западной ветвью кимаков (стр. 99), но не знает, что кипчаки уже в XI в., около 1030 г., упоминаются среди соседей Хорезма, т. е. нынешнего Хивинского ханства, и что термин Кипчакская степь (Дешт-и Кипчак), вместо прежнего термина Гузская степь, тоже встречается уже у автора XI в., персидского поэта Насир-и Хусрау [25]; по мнению Маркварта, этот термин, напротив, появляется только при монголах в XIII в. (стр. 111 и 158). Автор придает большое значение известию китайской официальной истории монгольской династии (*Юань-ши*) о происхождении кипчацкого правившего рода из Маньчжурии, причем по произведенному им подсчету поколений выходит, что это переселение произошло около 1120 г. и может быть связано с восточноазиатскими событиями того времени: падением государства китаев и династии Ляо, образованием вместо него государства чжурчжэней и династии Цзинь. Пришельцам из Восточной Азии удалось соединить степные народы в государство, хотя и не представлявшее «организованной монархии», так как его владетели, особенно с конца XII в., довольствовались крайне шатким верховенством над половецкими ханами. С датой 1120 г. связано также «первое активное выступление кипчаков в истории» (стр. 137): под 514/1120-21 г. арабский историк Ибн ал-Асир называет кипчаков союзниками грузин против мусульман. Из рассказа того же Ибн ал-Асира о монгольском нашествии автор делает справедливый вывод, что кипчаки, бежавшие от монголов под защиту русских, тождественны с половцами (стр. 78); трудно понять, почему случайное упоминание о кипчаках в рассказе Ибн ал-Асира считается более ясным признаком «активного выступления», чем сведения русских летописей о половцах XI в., и почему ни русские, ни мусульманские источники ничего не говорят о каких-либо переменах в жизни половцев или кипчаков после 1120 г. Автору кажется, что термин *кипчак* имеет в мусульманской литературе более географическое, чем этнографическое, значение; это доказывается тем, что слово *кипчак* всегда употребляется без члена, тогда как при настоящих народных названиях ставится арабский определенный член *ал* (стр. 141, прим. 4, и стр. 162). В своих попытках более точно определить местоположение географического Кипчака автор вынужден прибегать к крайне шатким доводам. Им приводятся (стр. 80) слова историка монгольского периода Вассафа, перечисляющего владения старшего сына Чингиз-хана, Джучи: Саксын (или Саксин), Кипчак, Хорезм, Булгар, Крым и Укек до России; из этого делается вывод, что Кипчак находился между Волгой, где был Саксин,

---

[25] Это известие приведено мною (Barthold, *Ghuzz*, S. 179; 〈см. ниже, стр. 525〉) по книге Э. Брауна 〈*A Literary History*, vol. II, p. 227〉.

и Аму-Дарьей (Хорезм — низовья этой реки). Предполагается, что области перечисляются в географическом порядке сначала с запада на восток; от Хорезма автор направляется на север и оттуда на запад. К этому надо было бы прибавить: после Крыма опять на северо-восток (Укек, как известно, был около Саратова). При таких условиях гораздо более вероятно, что Вассаф при перечислении владений Джучи не имел в виду никакого географического порядка.

Попытки объяснить название *команы* не привели ни к каким определенным результатам. Отмечается факт (стр. 28 и 57), что слово *куманы* встречается и в летописи Нестора в значении «половцы», но даже не ставится вопрос, не находился ли летописец [26] в этом случае под влиянием литературных (византийских) источников. Автору известно, что Куманом называется в летописи один из половецких предводителей [27]; может быть, под влиянием этого факта высказывается предположение, которое кажется автору наиболее вероятным: куны могли быть названы команами по личному имени одного из своих предводителей (стр. 64).

Много места отводится народным движениям XI, XII и XIII вв.; но и эти сведения собраны не в достаточной полноте, без критики, с постоянными переходами от одной догадки к другой, без всякого разграничения между такими догадками и точно обоснованными предположениями. Едва ли читатель по этим местам книги составит себе ясное представление о тех событиях, о которых идет речь. Путем несколько рискованной конъектуры автор доказывает (стр. 41 и сл.), что Ауфи производит из «кунов» хорезмшаха (владетеля Хорезма) Икинчи б. Кочкара, убитого в 1097 г.; таким образом, получается terminus ante quem для вторжения кунов в Хорезм. В другом месте (стр. 202) справедливо замечается, что такого вторжения могло и не быть; Икинчи, подобно другим наместникам из турок, мог принадлежать к числу купленных рабов, из которых составлялась гвардия султанов и которым часто поручались важные военные должности, в том числе должности наместников. По поводу народностей, упоминаемых в русских летописях, иногда высказываются основательные соображения; так, по всей вероятности, справедливо сближение (стр. 158) кипчацкого племени кара-беркли (букв. 'черношапочные') с «черными клобуками». С другой стороны, Turci, упоминаемые у Адама Бременского, вместе с финскими народами, жившими к северу и северо-западу, едва ли основательно сближаются с торками [28] (стр. 29); сам автор замечает, что торки жили не по северную, а по южную сторону

---

[26] Ср. *Лаврентьевская летопись*, 424 и 478. Там же упоминается «страна Куманьска». В том и другом случае «куманы» и «Куманская земля» упоминаются среди рассуждений общего характера, где с бо́льшим вероятием, чем в рассказах о фактических происшествиях, можно предполагать влияние литературного источника.

[27] Там же, 269 (под 1103 г.).

[28] Принятое в русской науке отождествление летописных торков с византийскими узами автору неизвестно.

русских. Более вероятно, что «турками» в этом случае под влиянием литературного источника (Константин Багрянородный?) названы мадьяры.

В предположениях автора о движении с востока в XII в. китаев и в XIII в. монголов мы постоянно встречаемся с недостаточным знанием общих географических и исторических условий; заметно также недостаточное знакомство с источниками и литературой предмета. Сопоставление рассказов арабского (Ибн ал-Асир) и персидского (Джувейни) о китаях и завоевании ими мусульманских областей приводит автора к совершенно невозможному выводу (стр. 165, прим. 1), что власть самаркандского хана в XII в. простиралась на местность, где был основан город Эмиль, т. е. на область города Чугучака. Излагая историю царства Западных Ляо, или кара-китаев, по китайским и мусульманским источникам, автор не замечает ошибочности китайских хронологических определений и склонен предполагать две битвы при Самарканде (стр. 166) и даже двукратное низложение гурхана (государя) кара-китаев Кучлуком, предводителем монгольских найманов (стр. 122, прим. 4). Только в прибавлении, в конце книги (стр. 238), им выясняется, что речь идет об одних и тех же событиях. Ничего не говорится о том, что кроме успешного движения кара-китаев через Семиречье было неудачное движение через Китайский Туркестан, где они потерпели поражение от кашгарского хана [29].

Столь же мало обоснованы географические и хронологические выводы, касающиеся движения на запад в XIII в. монголов и их предшественников, вытесненных ими из Забайкалья и Западной Монголии мергитов и найманов. В 1208 г. мергиты и найманы были побеждены на Иртыше, после чего бежали в область владетеля Уйгурии, области с городами Кара-Ходжа (около Турфана) и Бешбалык (около Гучэна); уйгурский владетель убил их посла, после чего между уйгурами и мергитами произошла битва на реке Джем, в которой мергиты снова потерпели поражение.

Автором принято ни на чем не основанное предположение де Грота (стр. 118), по которому под рекой Джем надо понимать реку Чу в Семиречье. Между тем из контекста видно, что военные действия происходили в области уйгуров или по соседству с ней; мы не имеем никаких причин предполагать, что уйгурский владетель, мятежный вассал кара-китайского гурхана, за несколько лет до окончательного падения кара-китайской империи мог совершить поход так далеко на запад, в самое сердце владений своего недавнего сюзерена. Через несколько лет мергиты вторично потерпели поражение на реке Джем, уже в битве с войсками, посланными Чингиз-ханом. Автор (стр. 133) относит эту битву к 1219 г.

---

[29] Ср. Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 37 и сл.; ч. II, стр. 345 <наст. изд., т. I, стр. 386>. Ср. также: Бартольд, ЗВОРАО, т. X, стр. 221; его же, *Очерк истории Семиречья*, стр. 29; <ср. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 48>.

на основании одной из версий китайской официальной истории и рассказа мало осведомленного об этих событиях арабского историка Ибн ал-Асира, вопреки ряду определенных показаний (в том числе другому рассказу китайской официальной истории), указывающих на 1216 г., что вполне подтверждается общим ходом событий. Сам автор (стр. 135), чтобы оправдать свою дату, принужден искать объяснения для непонятного трехлетнего бездействия (1216—1218) монгольских полководцев. Подробно рассматриваются арабские и русские известия о походе Джэбэ и Субудая и битве при Калке; по мнению автора (стр. 156), первоначальная (турецкая, вероятно половецкая) форма названия — Калак; переделка названия объясняется «духом славянского языка», где названия рек — женского рода (?). Справедливо отмечается (стр. 145) ошибка в старом переводе д'Оссона, где поражение татар в стране волжских болгар обращено в победу; но автору осталось неизвестным, что в русской научной литературе [30] правильный перевод соответствующего арабского текста (рассказа Ибн ал-Асира) был обнародован еще в 1884 г.

Особенно значительны пробелы в географических и исторических познаниях автора относительно низовьев Сыр-Дарьи. Им вносится (стр. 204) крайне неудачная поправка к словам географа X в. Ибн Хаукаля, по которым от Фараба (область с городом Отрар, ныне развалины недалеко от впадения в Сыр-Дарью Арыса) до «Нового селения» недалеко от устья реки (ныне развалины Джанкент) было 20 переходов; автор предлагает читать «20 фарсахов» (около 120 верст), что соответствовало бы трем переходам. Расстоянию, о котором идет речь, приблизительно соответствует расстояние между станциями Казалинск и Тимур на Ташкентской железной дороге — 618 верст; дневной переход каравана в 30 верст можно считать вполне нормальным.

С названием нижнего [31] течения Сыр-Дарьи — Канг — связывается приводимое Константином Багрянородным название главной печенежской орды — кангар, что будто бы значит по-турецки (вопреки объяснению самого императора) *канг эр* 'люди с Канга' (стр. 26, прим. 2); из других мест (стр. 78 и 168), однако, видно, что название Кангар носила и река. В первом месте (стр. 26, прим. 2) автор говорит, что оставляет в стороне вопрос, связано ли со словом *кангар* название племени кенгерес (или кенгерис), встречающееся в турецких надписях VIII в.; в другом месте (стр. 168) о происхождении этих названий от названия реки Кангар говорится как о доказанном факте. Появление звука *-с* не объясняется; автор в этом случае воздерживается от привлечения соответствующей формы монгольского множественного числа, против чего в свое время предостерегал покойный П. М. Мелиоранский [32], хотя в другом

[30] СМИЗО, I, 27.

[31] Вернее было бы сказать «среднего», так как речь идет о местности близ Ташкента.

[32] *Памятник в честь Кюль-Тегина*, стр. 126.

месте, по поводу другого названия (стр. 96), прибегает к не менее рискованному привлечению формы множественного числа на *-р*. Вообще автор довольно часто (напр., стр. 73, прим. 5; 97, прим. 2; 103, прим. 7) довольствуется лингвистическим объяснением части этнографического или географического названия, не смущаясь непонятными конечными звуками или слогами. Со словом *кангар* у автора произошло еще другое недоразумение (стр. 168); он замечает, что, по словам Я. И. Шмидта, название Kanggar, или Changgar, употребляется еще теперь во всей Средней Азии у турок и монголов, но в смысле «османцы». В последнее время (уже после выхода в свет труда Маркварта) в русской научной литературе [33] выяснено, что мы имеем здесь известный титул турецкого султана — *хункар* (сокращено из *худавендкар*) [34].

С названием реки Канг (Сыр-Дарьи) в одном месте (стр. 78) сближается название народа канглы; в другом месте (стр. 168) это сближение решительно отвергается, так как канглы появляются на Сыр-Дарье очень поздно, в конце XII в., притом только в качестве наемников. Интересно приводимое из китайской истории известие (стр. 167) о посольстве монгольских найманов и их западных соседей, канглы, в Китай, к императору династии Цзинь, между 1160 и 1190 гг., но крайне слабо обоснована попытка доказать, что канглы в XII в., во время нашествия кара-китаев, не могли жить в Семиречье, и объяснить появление у персидского историка Джувейни двух народных названий, карлуков и канглы, использованием двух рукописей Ибн ал-Асира, причем в одной были названы карлуки, в другой — канглы. В действительности между рассказами Джувейни и Ибн ал-Асира [35] так мало общего, что нет никаких оснований видеть во втором источник первого. Столь же шатки предположения о действиях канглы и кипчаков на Сыр-Дарье, что отчасти объясняется тем, что автору был недоступен полный текст Джувейни; кроме того, им очень слабо, притом только через посредство моего исследования о Туркестане, использован сборник официальных документов, сохранившийся в двух лейденских рукописях; казалось бы, что эти рукописи могли быть доступны автору в большей степени, чем мне. Совершенно не использованы сведения о событиях на Сыр-Дарье, приведенные в моем «Туркестане» из другого, более раннего сборника документов XII в. по петербургской рукописи [36]. Автор не выясняет своим читателям, что ислам в западной части нынешних киргизских [37] степей распространялся медленнее, чем в восточной, что еще в XII в. полуостров

---

[33] Владимирцов, *Хотоны*, стр. 266, прим. 3.

[34] ⟨О кангарах — кенгересах (печенегах) — и их связях с районом среднего течения Сыр-Дарьи см. Кляшторный, *Древнетюркские памятники*, стр. 155—179.⟩

[35] Оба рассказа приведены в моем *Очерке истории Семиречья*, стр. 30; ⟨наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 55⟩.

[36] ⟨См. Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 23—47.⟩

[37] ⟨Казахских.⟩

Мангышлак на берегу Каспийского моря и Дженд на Сыр-Дарье [38] были передовыми постами мусульманского мира [39], что город Сыгнак, или Саганак (ныне развалины Сунак-курган), на той же реке, выше по течению, был столицей немусульманского кипчацкого владения, что к тем кипчакам, которые выразили покорность хорезмшаху Текешу в 1181 г. и тогда не были еще мусульманами, применяются те же племенные названия (произношение их не вполне выяснено), как к тем туркам, из которых происходила жена хорезмшаха, Туркан [40]-хатун, и т. п. Последнее движение, о котором упоминает автор, — движение из Хорасана в Малую Азию, уже после монгольского нашествия, племени кайи, предков османцев (стр. 187 и сл.). Это движение едва ли основательно признается фактом, хотя современники о нем совершенно умалчивают и первые известия о нем османских историков относятся к концу XV в. Считая кайи племенем первоначально монгольского происхождения, автор, естественно, склонен приписать монгольское происхождение также османцам и этим объясняет исключительно отрицательную, по его мнению, роль османцев в истории. Резко расходясь в этом отношении со своими соотечественниками (что, конечно, свидетельствует о некотором нравственном мужестве), автор клеймит ислам как «враждебную культуре религию» (стр. 191), постоянно называет мусульман грабителями и убийцами, считает союз с турками и Абдул-Хамидом позором для немцев (стр. 192), даже обвиняет покойного историка мусульманского мира, Августа Мюллера, в том, что он будто бы излагает немецким читателям историю мусульман с точки зрения мусульманина — из «пошлого либерализма» (flacher Liberalismus, стр. 166, прим.). Казалось бы, что эти слова менее всего применимы к ученому, решавшемуся на публичных лекциях выступать (в 1892 г., во время моего пребывания в Германии) в защиту рабства негров. Как свое исследование, так и всю историю народов, бывших его предметом, автор называет «безотрадными» и совершенно бесплодными для культурной истории. Среди безотрадных событий XII в. он видит только одно исключение — культурное государство кара-китаев, «на которое до сих пор слишком мало обращали внимания» (стр. 209). Автор в этом месте не повторяет мнения Ширатори, в пользу которого он склоняется в другом месте (стр. 96), о монгольском происхождении кара-китаев и не делает в пользу этого народа исключения, когда дает характеристику монголов как «вредных хищных зверей» (gemeinschädliche Raubtiere, стр. 208), которые только под влиянием проповеди Будды могли «по крайней мере забывать присущее кочевникам стремление разрушать и вредить другим» (стр. 191 и сл.). В чем заключаются

---

[38] О его местоположении см. Бартольд, *Орошение*, стр. 151; ⟨наст. изд., т. III, стр. 229⟩.

[39] Ср. текст в моем *Туркестане*, ч. I, стр. 44.

[40] ⟨Теркен.⟩

культурные заслуги кара-китаев, читатели из труда Маркварта не увидят; не узнают они также, что везиром языческого кара-китайского гурхана был мусульманин Махмуд-бай [41]. Вообще без подобных характеристик, при более полном и беспристрастном изложении фактов исследование Маркварта, может быть, оказалось бы более плодотворным и для культурной истории. Общеизвестный факт, что движению варваров на культурные области предшествует вовлечение, хотя бы до некоторой степени, варваров в сферу влияния культуры, не принят им во внимание. Ничего не говорится о том, что дальневосточные варвары задолго до своего движения на запад подвергались влиянию западных религий, что Кучлук найманский был христианином, что при Чингиз-хане еще до выступления его из Восточной Монголии находились купцы-мусульмане, в руках которых была даже торговля между Монголией и Китаем. В этом наглядно выразился бесспорный факт первенства в то время мусульманской культуры, каковы бы ни были субъективные мнения об исламе как религии; это первенство выражалось, конечно, не только в деятельности мусульманских военных инструкторов, о которой, хотя и мимоходом, упоминает и Маркварт (стр. 154, прим. 2, где приводится, по Карамзину [42], известие о состоявшем при половецком хане Кончаке бесерменине, стрелявшем «живым огнем»).

Вопрос о светловолосой расе в Средней Азии также остается невыясненным. Отмечается факт согласного показания китайских и мусульманских источников о светлых волосах средневековых киргизов; приводятся слова мусульманского источника о смешении киргизов со славянами, чем будто бы объясняется такая окраска волос. Отдавая вообще предпочтение китайской историографии перед мусульманской (стр. 125), автор находит, что в данном случае персы-мусульмане проявили более вдумчивое отношение к фактам (haben schärfer gesehen), чем китайские ученые; в легенде о происхождении киргизов и их смешении со славянами проявилось сознание, что этот народ, лингвистически в то время уже отуреченный, принадлежал к другой, европейской расе (разрядка в подлиннике, стр. 67). Дальше, однако, приводится (стр. 175), по исследованию В. Шотта, свидетельство китайского источника XII в. о светловолосых народах Восточной Азии; автор готов присоединиться к мнению В. Шотта о «белокурых тунгусах» и его иронической (направленной против Абель-Ремюза) оговорке: «если только не проникло так далеко какое-нибудь германское племя». К этому автор смело прибавляет, что на стр. 67 и сл. «с достаточной ясностью» определил свое отношение к той теории о белокурых индоевропейских или даже готских (разрядка в подлиннике) расах Средней Азии, которой со времени Клап-

---

[41] Текст Джувейни см. Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 113.

[42] *История государства Российского*, т. III, стр. 41 и прим. 68 (по киевской летописи).

рота и Абель-Ремюза так злоупотребляли. Ничего подобного читатель в указанном месте, однако, не найдет; напротив, предположение самого автора о европейском происхождении киргизов является достойным продолжением теорий начала XIX в. В тексте книги (стр. 175) только отмечается факт полного молчания как русских, так и венгерских летописцев о внешнем виде половцев, в частности о цвете их волос и кожи; в одном из примечаний (стр. 140, прим. 8) приводится китайское известие о людях с голубыми глазами и красными волосами в стране Кипчак; наконец, в указателе (стр. 212) где читатель едва ли будет искать такие сведения, мы находим ссылку на слова некоторых персидских поэтов о стройных и белокурых турках. Автор к этому прибавляет, что в XIII в. кипчаки и канглы были единственными турками, которые оставались язычниками и потому могли быть продаваемы в рабство.

Несмотря на свои недостатки, труд Маркварта, по богатству и разнообразию собранных в нем сведений, заслуживает полного внимания специалистов. Настоящая статья, может быть, облегчит некоторым из них трудности извлечения и использования ценного материала, крайне неудачно расположенного, заслоненного множеством отступлений и излишних рассуждений.

КИТАЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ГУННАХ[1]

Труд известного голландского синолога, ныне состоящего при Берлинской академии, представляет новую попытку сделать доступными для европейских историков сведения китайских источников о кочевых народах среднеазиатского происхождения, имевших большое значение в истории Европы. Автор начинает с древнейшего из этих народов, гуннов, и с древнего памятника китайской государственной историографии, *Ши-цзи* — «Исторических записок» (в переводе де Грота — «Historische Schriften», в переводе Шаванна — «Mémoires historiques») Сыма Цяня (ум. в 85 г. до н. э.)[2]. В основу труда де Грота положен перевод гл. 110 этого сочинения, специально посвященной гуннам, которой в следующем по времени памятнике, «Истории старших Хань» (*Цянь-хань-шу*) Бань Гу (ум. в 92 г. н. э.), соответствует гл. 94, причем в этом последнем труде повествование, прерывающееся у Сыма Цяня на 97 г. до н. э., доводится до 25 г. н. э. Полный перевод этих двух глав[3] дополняется относящимися к гуннам сведениями, известными из других отделов тех же сочинений, именно из погодной летописи и биографий лиц, принимавших участие в исторических событиях. В таком сосредоточении материала автор справедливо видит преимущество своего труда перед трудами своих предшественников, ограничивавшихся переводом соответствующих глав и не касавшихся вопроса, какие сведения о тех же народах и странах имеются в других местах тех же сочинений. Это относится и к тому переводу, который на Западе сравнительно мало известен и не упоминается ни де Гротом, ни его последним предшественником, Шаванном, но которым русская синология еще в 1851 и 1852 гг. опередила западноевропейскую, — к «Собранию сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» о. Иакинфа Бичурина[4]. Этим переводом почти исключительно пользовались ученые, писавшие в России, хотя бы на иностранных языках; В. В. Радлов в своем труде об уйгурах упоминал о богатом материале, за-

---

[1] De Groot, *Die Hunnen der vorchristlichen Zeit.*

[2] Заменяем в этом случае, как везде, западноевропейскую транскрипцию принятой русскими синологами транскрипцией по пекинскому произношению.

[3] Перевод из *Ши-цзи* оканчивается на стр. 176; оттуда до стр. 288 идет перевод из *Цянь-хань-шу*; последний лист составляет указатель.

[4] ⟨См. теперь также Бичурин, *Собрание сведений*, изд. 2.⟩

ключающемся в китайских источниках, «die in den wortgetreuen Uebersetzungen Bitschurin's auch dem Nichtsinologen erschlossen sind» [5], т. е. казалось, что переводами Иакинфа уже выполнена научная задача — сделать сведения китайских источников о кочевниках доступными для не знающих китайского языка. Теперь сопоставление труда Иакинфа с трудом де Грота наглядно показывает, что переведенные Иакинфом главы заключают в себе только часть тех сведений о гуннах, которые могут быть извлечены из *Ши-цзи*, *Цянь-хань-шу* и из комментариев к ним. Русским ученым, привыкшим извлекать сведения о кочевниках из труда Иакинфа, придется, следовательно, обращаться и к труду де Грота, так что составленный мною для собственного употребления конкорданс соответствующих мест может принести пользу и другим; поэтому он помещается здесь.

Бичурин, I	де Грот	Бичурин, I	де Грот	Бичурин, I	де Грот	Бичурин, I	де Грот
1	2	35	97	65	202	90	256
3	4	36	108	67	204	91	261
4	8	37	112	68	205	92	262
7	21 сл.	41	143	69	207	93	264
8	34	42	144	70	210	94	265
11	49	43	148	71	211	95	266
12	50	44	149	72	212	96	267
13	52	45	150	73	215	98	269
14	53 сл.	46	151	74	216	99	270
15	57 сл.	48	153	75	217	100	272 сл.
16	59 сл.	48	156	76	220	101	274
17	61	50	162	77	221 сл.	102	275
18	63	51	163	78	223	103	276
20	72	52	177	79	224	104	279
22	76	54	180	80	225	105	280
24	77	55	185	81	239	106	281
25 сл.	80	56	187	83	241	107	283
28	81	57	188	85	245	108	286
30	85	59	191	86	246	109	288
31	86 сл.	60	192	87	249		
32	90	63	197	88	251 сл.		
34	96	64	200	89	253		

Вторая часть труда де Грота должна заключать в себе перевод, с такими же дополнениями, гл. 123 *Ши-цзи* и гл. 96 *Цянь-хань-шу*, посвященных Западному краю, т. е. Туркестану [6], после чего автор намерен издать

[5] *Кутадгу билик*, изд. Радлова, I, стр. LVI.
[6] См. Бичурин, *Собрание сведений*, III.

ряд других уже приготовленных им переводов китайских текстов, касающихся инородцев более поздних столетий, «если наступившая для Европы эпоха упадка культуры и науки вообще даст ему для этого возможность и если ему будут даны необходимые силы и время».

Сказанное в предисловии о трудностях времени подтверждается привычным для России, притом не только в последние годы, но несколько необычным для Западной Европы противоречием дат: дата предисловия — «Heumonat (июль) des Kriegsjahres 1917», книга посвящена «памяти долголетнего друга и коллеги Эд. Шаванна», скончавшегося, как известно, 29 января 1918 г., на обложке и заглавном листе выставлен 1921 г. Всецело присоединяясь к желанию автора, чтобы эти условия изменились и чтобы ему было суждено довести свой труд до конца, не можем, однако, не высказать некоторых замечаний об отношении автора к трудам своих предшественников и к своему собственному. Прежние переводы подвергаются уничтожающей критике, в том числе перевод Уайли, которым широко пользовалась западная наука [7]. В нем только очень легкие места текста переданы правильно; перевод более трудных мест «ist zumeist falsch, häufig sogar haarsträubend». Несколько лучше перевод Паркера [8], но и он полон неясностей, представляющих «кричащее противоречие» (schreiender Gegensatz) «neben dem immer klaren, nervig stilisierten Original». Существование такого предшественника могло только укрепить автора в его намерении издать новый перевод. Автор выражает надежду, что теперь, благодаря появлению его перевода, историки более не будут принуждены довольствоваться «негодными переводами или так называемыми переводами», синологи навсегда (auf immer) освобождаются от необходимости вновь переводить те же тексты. За немногими исключениями, автор не касается мнений, в разное время высказывавшихся о гуннах в связи с переведенными им текстами; он знает, что за это его заподозрят в недостаточном знании литературы; но ему легче примириться с этим подозрением, чем с укорами совести, если его трудом будет продлена жизнь теорий, кажущихся ему несообразными и необоснованными. В науке особенно желательно, «daß viel Geschriebenes möglichst rasch der Vergessenheit preisgegeben werde».

Рецензент не принадлежит к числу синологов и не имеет ни права, ни основания сомневаться в авторитете де Грота в данной области; представляется, однако, более чем спорным вопрос, достигла ли синология уже

---

[7] ⟨Wylie, *History of the Heung-noo.*⟩ Ср. Herrmann, *Seidenstraßen*, S. 14, где сказано, что до тех пор 69-я глава *Цянь-хань-шу* была доступна только в русском переводе Бичурина (*Собрание сведений* было Херману неизвестно, его ссылка относится к другой книге).

[8] У де Грота ссылка на перевод 94-й главы *Цянь-хань-шу* (Parker, *The Turko-Scythian tribes*). Не упомянута отдельная книга Паркера (*A thousand years*), бывшая предметом реферата на русском языке (Струнин, *Тысячелетие*). Переводы Паркера выделяются среди других фантастическими попытками установить по китайской транскрипции произношение инородческих собственных имен. Ср. Hirth, *Nachworte*, S. 7.

в настоящее время такой высоты, чтобы можно было думать об окончательном переводе древнейших китайских исторических текстов, который бы навсегда сделал излишними всякие дальнейшие попытки перевода.

Еще в 1904 г. по поводу переводов таких исключительных знатоков китайской литературы, как Эд. Шаванн и Фр. Хирт, мне пришлось отметить, что даже авторитетными синологами одни и те же тексты толкуются различно [9]. Ничего удивительного в этом, конечно, нет; напротив, если бы это было не так, синология представляла бы редкое исключение среди научных дисциплин, связанных с востоковедением. Библия и Коран изучаются и переводятся на европейские языки уже много столетий; между тем едва ли какой-нибудь ученый решился бы предложить читателям такой перевод одного из этих двух памятников, которым бы навсегда исключалась необходимость нового перевода. Что и для де Грота, несмотря на его выдающиеся синологические познания, не все в переведенных им текстах сделалось ясным, видно даже из его собственных примечаний к своему переводу.

На стр. 60, в главе о нравах гуннов, мы читаем: «Leichte Verbrechen werden mit der Zermalmung durch die Wagenräder bestraft, schwere mit dem Tod». В примечании сказано, что этот перевод основан на толковании одного иероглифа комментатором Янь Ши-гу, и прибавлено: «Anderer Meinung nach soll es Kerbung des Angesichts oder Geißelung ausdrücken». В переводе Иакинфа [10] в этом месте говорится о надрезывании лица; казалось бы, что и де Грот сделал бы лучше, если бы внес «andere Meinung» в текст, а мнение Янь Ши-гу в примечание. На стр. 3 и сл. говорится о шести иероглифах, что ими обозначаются «drei pferd- oder eselartige Tiere» [11], и прибавлено: «Diese näher zu deuten ist unmöglich, weil hier Kommentare und Glossare versagen». Тут же, однако, делается ссылка на словарь, составленный около 100 г. н. э., где толкуются термины первый (ein Maultier, dessen Vater ein Pferd ist) и третий (ein wildes Pferd), так что совершенно невыясненным остается только второй. Невозможность удовлетворительно объяснить текст в настоящее время, на основании известных комментариев и глоссариев, казалось бы, еще не доказывает, что сомнение вообще никогда не будет устранено; утверждать это значило бы не признавать за синологией как наукой никакой будущности.

Мог бы быть поставлен и более общий вопрос: насколько вообще в науке можно говорить о результатах, достигнутых «auf immer»? Невольно вспоминается дорогое едва ли не для каждого русского ориенталиста имя В. Р. Розена, для которого, по выражению Н. Я. Марра [12], «не существовало вообще законченных работ», не существовало, конечно, и навсегда выполненных научных задач. В этом отношении из всех его трудов, может

---

[9] Бартольд, ЗВОРАО, т. XV, стр. 0167, 0173; ⟨см. выше, стр. 344, 351⟩.

[10] *Собрание сведений*, I, 16.

[11] У Иакинфа (*Собрание сведений*, I, 2): «ослы, лошаки и лошади лучших пород».

[12] *Розен и христианский Восток*, стр. 11.

быть, самый характерный — его «Пролегомена к новому изданию Ибн-Фадлана» [13], где знаменитый ученый, проживший тогда уже более полвека [14] и пользовавшийся общепризнанным авторитетом не только у себя на родине, красноречиво и убедительно доказывал, что никакой, даже классический для своего времени труд не может и не должен сохранять значение незыблемого авторитета для следующих поколений.

Как несинолог, рецензент вынужден остановиться не столько на переводе, сколько на предлагаемых переводчиком объяснениях географических и этнографических названий, инородческих собственных имен и терминов в китайской транскрипции и т. п. Приходится поверить автору на слово, что там, где он умалчивает о мнениях своих предшественников, это объясняется указанными им причинами, а не недостаточным знакомством с литературой. Некоторые сомнения могут, однако, вызвать слова предисловия (стр. III), где древнейшими собирателями китайских известий о гуннах названы Гобиль, Дегинь, д'Эрбело, Висделу и др. Известно, что д'Эрбело (ум. в 1695 г.) не знал китайского языка; только во второй половине XVIII в. в новое издание его «Bibliothèque Orientale» вошла, в качестве приложения, «история Тартарии» Висделу (пробыл в Китае с 1688 до1707г.), до тех пор остававшаяся в рукописи, хотя и по мысли самого Висделу она должна была служить дополнением к знаменитому труду д'Эрбело. Еще труднее было бы объяснить, почему в труде де Грота только в редких случаях [15] упоминается о классическом, по общему мнению, труде его «долголетнего друга и коллеги» Шаванна [16], хотя там, где ему приходится прибегать к погодной летописи, он переводит те же тексты, которые уже были переведены Шаванном.

Сопоставление трудов Шаванна и де Грота поучительно во многих отношениях. Вместо обычного извлечения из китайских источников сведений, относящихся к инородцам, Шаванн, едва ли не первый из европейских синологов, принялся за полный перевод, с подробными комментариями, обширного исторического сочинения. Этот путь несравненно более сложен, и, как показывает пример Шаванна, доведение такого труда до конца связано почти с непреодолимыми затруднениями [17]; но в принципе нельзя не признать его более правильным. Во всяком случае переводчик отдельной главы должен быть знаком со всем сочинением; иначе для него многое, особенно в области терминологии, останется непонятным. По замечанию Фр. Хирта [18], никто, не исключая самих китайцев, не в состоянии пра-

[13] ЗВОРАО, т. XV, стр. 39 и сл.

[14] Доклад, озаглавленный *Ибн Фадлан и его комментаторы*, был сделан в январе 1901 г. (ЗВОРАО, т. XIV, стр. III), печатная статья помечена январем 1903 г.

[15] Например, стр. 140 (установление точного числа ссылок несколько затрудняется тем, что имена авторов, названных в примечаниях, не вошли в указатель).

[16] Сыма Цянь, пер. Шаванна.

[17] Последний из вышедших при жизни Шаванна (в 1905 г.), 5-й том доведен до 47-й главы (биография Конфуция).

[18] *Nachworte*, S. 83.

вильно понимать относящиеся к туркам тексты *Тан-шу* («Истории династии Тан», 618—907), если он не прочитал в других отделах того же сочинения, где говорится о географических, административных, военных и других условиях при династии Тан, всего того, что безусловно необходимо знать для понимания (очевидно, преимущественно терминологии). Для де Грота задача значительно облегчалась существованием перевода Шаванна с его подробным комментарием, к которому он и мог отсылать читателей; между тем мы не всегда находим у него такие ссылки даже там, где их естественнее всего было бы ожидать. На стр. 90 говорится об отправлении в 159 г. до н. э. против гуннов войска, во главе которого стоял «Großwesir des inneren Palastes»; приводятся китайские иероглифы, из указателя (стр. 302) мы узнаем [19], что они произносились Tsung ta-fu (*чжун-да-фу*); о характере самой должности ничего не сказано. Соответствующий текст имеется также в переводе Шаванна [20]; из примечания к этому месту и из особого приложения [21], посвященного административной организации при династиях Цинь и Хань, мы узнаём, что во главе всех «officiers qui sont a l'intérieur du palais» стоял Лин Чжун-лин; к его подчиненным (subordonnés) принадлежали, между прочим, чжун-да-фу (их было несколько). Шаванн не считал своих выводов окончательными и полагал, что много сделается более ясным, «когда нам будут лучше известны надписи и официальные документы ханьской эпохи»; но едва ли замена уже объясненного предшественником китайского термина, без всяких ссылок на него и без дальнейших пояснений, совершенно, по-видимому, не подходящим в данном случае словом «Großwesir» может быть признана шагом вперед в науке.

Кроме полноты комментария, полнота фактических сведений также может быть обеспечена только при полном переводе всего памятника, по системе Шаванна. После трудов Шаванна и де Грота и для несинологов ясна справедливость отзыва синолога О. Франке [22] о «своеобразном китайском историческом методе», при котором «das Material für jede größere Einzelfrage» рассеивается «gleichsam in Fetzen fast durch die ganzen umfangreichen Geschichtswerke». Франке считал невозможным собрать эти «Fetzen» в одно целое; надежда получить в свое распоряжение весь материал связывалась для него с окончанием труда Шаванна и с переводом, по той же системе, следующих по времени памятников. Де Грот не остановился перед задачей собрать рассеянные по погодным летописям и биографиям известия

[19] Вообще китайские термины часто приводятся только в иероглифах и в немецком переводе; чтобы знать, как они произносились по-китайски, несинолог должен обратиться к указателю, где иероглифы не повторены, что, конечно, причиняет несинологам большие затруднения. Так, иероглифу на стр. 97 при слове «Kreiseverwalter» соответствует в указателе (стр. 295) «Li, Amt»; трем иероглифам на стр. 161 внизу (Verwalter der angehörigen Reiche) — в указателе (стр. 300) «Tien su'-kuo', Würde» и т. п.

[20] Сыма Цянь, пер. Шаванна, II, 484.

[21] Там же, 513 и сл.

[22] *Beiträge*, S. 3.

о гуннах, что, конечно, представляет некоторое удобство для историков (хотя неудобство китайского расположения материала отчасти теряет силу при условии приложения к переводу, как и делал Шаванн, подробного указателя); но де Гроту, несмотря на все старания, не удалось избежать некоторых пропусков, обнаруживающихся при сопоставлении его труда с трудом Шаванна. Одним из важнейших событий истории гуннов было поражение, нанесенное им в 214 г. до н. э. Мэн Тянем, полководцем императора Цинь Ши-хуан-ди, и связанная с этим постройка Великой стены. В *Ши-цзи*, как видно из перевода Шаванна [23], между прочим, было сказано, что гунны были отодвинуты на расстояние 700 ли [24]; у де Грота этой подробности нет, несмотря на его собственные слова (стр. 44): «Es liegen uns jetzt die urkundlichen Berichte über die Entstehung der Großen Mauer in ihrer Gesamtheit vor». Не упоминается также процесс китайского вельможи в 176 г. до н. э. по обвинению в подстрекательстве гуннов к нападению на Китай [25]. Наконец, не сказано, что императору Сяо Вэню (180—156 гг. до н. э.) вменялось в заслугу воздержание от походов в глубь страны гуннов, чтобы не причинять лишнего беспокойства народу [26].

Известно, что Шаванн не только доставлял историкам материал своими переводами, но и сам обладал выдающимся талантом историка и редкой широтой кругозора. Иное впечатление производят те места книги де Грота, где автор высказывает свое мнение об исторических событиях. Так, по *Ши-цзи*, отправление Мэн Тяня против гуннов было вызвано предсказанием, что «Цинь будет погублен ху»; Цинь Ши-хуан-ди отнес это предсказание к народам *ху*, т. е. к «варварам», и потому предпринял поход против гуннов; в действительности оно относилось к Ху Хаю, сыну и преемнику Цинь Ши-хуан-ди, своими действиями после смерти отца погубившему династию. Переводчик (стр. 40) принимает все это на веру и видит в факте, что ничтожным и неверно понятым предсказанием был вызван грандиозный поход, «ein merkwürdiges Beispiel von kleinen Ursachen, die Weltgeschichte machen!». С точки зрения элементарнейшей исторической критики не подлежит сомнению, что предсказание было придумано post factum, т. е. после гибели династии, и не могло иметь никакого влияния на действия Цинь Ши-хуан-ди.

Что автор не историк, видно также из того, как он подходит к самому трудному из вопросов, связанных с переводом китайских исторических текстов, — именно к вопросу об установлении фонетического значения иероглифов, передающих инородческие собственные имена (личные, географические и этнографические) и термины. Этому вопросу отводится довольно много места в предисловии (стр. VI и сл.) и примечаниях, но исклю-

---

[23] Сыма Цянь, пер. Шаванна, II, 229.

[24] Ли — теперь полверсты; тогда, по-видимому, меньше; ⟨около $^1/_3$ *км*; ср. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 27, прим. 11⟩.

[25] Сыма Цянь, пер. Шаванна, II, 472.

[26] Там же, 486.

чительно с точки зрения синолога-лингвиста; судить о том, насколько взгляды автора в этом отношении представляют шаг вперед по сравнению со взглядами его предшественников, особенно Фр. Хирта [27], предоставляем специалистам. Совершенно оставляется без внимания безусловно справедливое мнение Хирта [28], что твердую почву для толкования китайских транскрипций могут создать не столько лингвистические предположения, сколько «beglaubigte Aequivalente aus anderen Quellen, insbesondere den alttürkischen Inschriften». В книге де Грота лингвистическим теориям приносятся в жертву всякие другие соображения. Особенно характерно его мнение (стр. 181), что транскрипции U-tô-kun, O-tik-kên, Ut-tok-kun относятся к той же реке Орхон, как более обычные транскрипции Un-k'un или просто K'un. Тожества этих транскрипций не поняли, по его словам, ни такие европейские ученые, как Томсен, Хирт и Шаванн, ни сами китайцы, иногда ставящие рядом названия Ö-tit-kên и Un-k'un (или K'un) как различные географические названия. Известно, что название Otükän, или Ütükän, встречается в турецкой орхонской надписи; совершенно невозможно, что автор надписи при упоминании географического названия, относящегося к его родине в самом тесном смысле слова, где преимущественно было местопребывание ханской орды, следовал китайской транскрипции. По справедливому замечанию Томсена [29], то же самое название встречается у Рашид ад-дина [30], в начале XIV в., — прибавим от себя, как название одной из речек бассейна Орхона [31]; и в этом случае совершенно исключена возможность влияния китайской транскрипции. Ясно, что правы предшественники до Грота, китайские и европейские, а не он.

С такой же смелостью автор (стр. 192 и сл.) устанавливает, что уже в I в. до н. э. «der Name Aksu urkundlich zum ersten Male vorliegt», не смущаясь тем, что город Аксу в Китайском Туркестане не упоминается под этим названием ни в каких источниках, не исключая китайских, вплоть до XIV в. Мнение автора основано на рассказе *Цянь-хань-шу* о нападении гуннов около 72 г. до н. э. на живших в Семиречье усуней, причем гуннами были захвачены земли (в переводе де Грота: die Lande) Ku-jên и Ok-su, т. е., по толкованию переводчика, Куча и Аксу. Тожество Ok-su с Аксу кажется ему ясным без доказательств; на вопросе о Ku-jên и Куче он останавливается несколько подробнее, ввиду некоторого несоответствия транскрипции, и доказывает, что один иероглиф произвольно был заменен другим. В тексте ничего не говорится о том, где находились эти местности, и нет никаких доказательств, чтобы мы имели право искать их в Китайском Туркестане; сведений о том, чтобы на эту страну распространялось гос-

---

[27] О них Бартольд, ЗВОРАО, т. XV, стр. 0171 и сл.; 〈см. выше, стр. 349〉.

[28] *Nachworte*, S. 7.

[29] *Inscriptions de l'Orkhon*, p. 152.

[30] *Кутадгу билик*, изд. Радлова I, стр. XXVI.

[31] У Томсена только сказано — как название одной из десяти речек, где некогда жили уйгуры.

подство усуней, также нет [32]; из областей южного склона Тянь-Шаня, перечисленных в другой главе (96) того же *Цянь-хань-шу*, сами китайцы [33] отожествляют с округом современного Аксу область Вэнь-су; того же мнения придерживаются некоторые европейские ученые; другие, по-видимому с бо́льшим основанием [34], помещают Вэнь-су дальше к западу, на месте Уч-Турфана, а на месте Аксу помещают область, упоминаемую в *Цянь-хань-шу* под названием Гумо. Ни в одном из китайских описаний Западного края в домонгольский период названия Ok-su нет. При таких условиях мы, даже независимо от вопроса, возможно ли иное произношение соответствующих иероглифов и, если нет, есть ли Ok-su самостоятельное географическое название или часть сложного названия [35], все-таки едва ли имеем право признать доказанным такой удивительный факт, как упоминание города Аксу под его современным (чисто турецким, притом современно турецким) названием в I в. до н. э. (задолго до того времени, к которому обыкновенно относят начало процесса отуречения культурных областей современного Туркестана).

Столь же характерна попытка доказать (стр. 173 и сл.), что упоминаемое в рассказе о событиях 87 и 96 гг. до н. э., как название реки, U-ngô есть Урга, как теперь называется город на Толе [36]. Известно, что Урга — русское искажение монгольского *örgö* 'дворец', что монголы, по-видимому, дали такое название поселению на Толе как местопребыванию хутухты и что первое известие о самом поселении относится к 1649 г.[37]. Таким же недоразумением вызвано замечание автора (стр. 62 и 221), что при предлагаемом им отожествлении китайского Kin-k'un с современным «Kirgus (?) oder Kirgiz» оказывается, что киргизы уже тогда жили «в стране современных киргизов». Высказываемые в цитованных местах мнения о местоположении отдельных стран не вполне свободны от противоречий; на стр. 62 сказано, что страна K'ang-ki находилась на месте Самарканда и Ташкента, к северу от нее — страна Ting-ling, к западу от Ting-ling и к северо-западу от K'ang-ki — царство Kin-k'un, т. е. киргизы помещаются, приблизительно, на низовьях Сыр-Дарьи; по стр. 221, киргизы жили к западу от

[32] Об усунях см., например, мой *Очерк истории Семиречья*, стр. 3 и сл.; ⟨наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 25—30⟩. К сказанному там можно прибавить, что на востоке кочевья усуней простирались до владения У-тань-цзы-ли, т. е. до современного Шихо (Herrmann, *Seidenstraßen*, S. 8, 88).

[33] Матусовский, *Географическое обозрение*, стр. 236.

[34] Franke, *Beiträge*, S. 29; Herrmann, *Seidenstraßen*, S. 86 sq.; Chavannes, *Documents*, p. 9. Шаванн отожествляет Вэнь-су с Аксу, но О. Штейн (*Ancient Khotan*, vol. I, p. 544) присоединяется к мнению, что Вэнь-су есть Уч-Турфан.

[35] Словам перевода де Грота (стр. 192) «nahm die Lande Ku-jên und Ok-su in Besitz» соответствуют в переводе Бичурина (*Собрание сведений*, I, 60) слова «овладели урочищем Чеянь-ушп». Произношение *че* и *гу* (*ku*) предлагалось для одного и того же иероглифа; ср. Чешы, например, у Бичурина; kü-sche, например, у Хермана как древнее название современного Турфана (у де Грота Ku-su, см. указатель).

[36] ⟨Совр. Улан-Батор.⟩

[37] Позднеев, *Монголия и монголы*, т. I, стр. 63 и сл.

Ö-k'ut (по мнению де Грота — уйгуров), занимавших Кобдо, Тарбагатай и Семипалатинск. В том и другом случае Kin-k'un оказывается не страной настоящих «современных киргизов», а страной казаков [38], только по ошибке получивших название «киргиз» от русских.

Из всего этого видно, как мало автор считается с исторической возможностью или невозможностью своих лингвистических предположений. При попытках толкования китайской транскрипции предполагаемых турецких слов столь же мало ставится вопрос, насколько лингвистические предположения, возможные с точки зрения синолога, приемлемы для турколога. Так, в *Цянь-хань-шу* приводится титул государя гуннов, по транскрипции де Грота (стр. 53 и сл.) T'ing-li kô-t'ô Tan-hu, и прибавляется, что t'ing-li значит 'небо', kô-tô — 'сын', tan-hu — 'ширина и величина'. Переводчик, как все его предшественники, сближает, конечно, t'ing-li с *тенгри*, встречающимся уже в орхонских надписях в значении 'небо', не только в смысле божества, но в смысле физического небесного свода. Слово kô-tô оставляется без объяснения; о слове tan-hu говорится, что лингвистически его тоже можно было бы сблизить с *тенгри*, но, конечно, признается маловероятным, чтобы одно и то же слово в одном и том же выражении приводилось в двух транскрипциях, т. е. tan-hu должно иметь другое значение (etwas anderes bedeuten); по мнению автора, этому удовлетворяет турецкое *tanrü*, будто бы приведенное в словаре Радлова со значением 'Gottheit'. В действительности такого слова по законам турецкой фонетики не может быть; у Радлова оно приводится с конечным звуком *u*, а не *ü*, как османское, с ссылкой на словарь Редхауза, и есть, если оно вообще существовало, позднее искажение того же *тенгри*, вместе с которым его приводит и сам Радлов в специальном словаре к орхонским надписям [39], так что попытку найти здесь «etwas anderes» надо признать совершенно неудачной. Столь же невозможно предположение о слове *ti* (*ди*) или *tik*, как называли еще в мифической древности обширную группу северных народов: «Sollte nicht hier vielleicht schon der Name Tirk oder Türk vorliegen?» (стр. 5). Нет никаких оснований предполагать, чтобы слово *Türk* когда-либо произносилось *Tirk* и чтобы можно было относить к мифической древности название, впервые встречающееся в VI в. н. э. [40].

В итоге [41] рецензент вынужден прийти к заключению, что, каковы бы ни были преимущества труда де Грота, в смысле полноты сведений и точности перевода, перед трудами его предшественников, на многое из сказанного в комментарии к переводу вполне могло быть распространено пожелание, «daß es möglichst rasch der Vergessenheit preisgegeben werde».

---

[38] ⟨Казахов.⟩

[39] Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, S. 126.

[40] Сближение *ti* с *türk* раньше было предложено Эдкинсом (*Note*, p. 228); цитуется у О. Франке (*Beiträge*, S. 13).

[41] Не останавливаемся на таких мелочах, как искажение общеизвестных географических названий, например Awuliata вместо Аулие-Ата (стр. 232).

БОГРА-ХАН, УПОМЯНУТЫЙ В *КУТАДГУ БИЛИК*

Хорошо известно, что старейшее дошедшее до нас полное литературное произведение тюрков-мусульман — *Кудатку билик*, или *Кутадгу билик*,— было написано в 462/1069-70 г. Юсуфом хасс-хаджибом, уроженцем Баласагуна на р. Чу, для хана, жившего в Кашгаре и называемого «Машрик малики Табгач хани Малик Богра-хан» (Царь Востока, хан Китая, царь Богра-хан), «Табгач Кара-Богра ханлар хани» (китайский Кара-Богра, хан ханов), «Табгач Улуг Богра-хан (китайский великий Богра-хан) и еще проще «Ордукент хани бег» (хан столичного города, т. е. Кашгара, князь). Указания относительно хронологии кашгарских государей XI в. очень неопределенны и немногочисленны и не основаны на нумизматических свидетельствах; поэтому довольно трудно установить, какого именно царя упоминает Юсуф. Несомненно, что он принадлежал к династии илек-ханов [1]. Главным источником по истории этой династии для всех мусульманских и европейских ученых является обширный труд Ибн ал-Асира, особенно сведения, приведенные им под 408/⟨1017-18⟩ г. Ибн ал-Асир сообщает, что Арслан-хан, сын Кадыр-хана Юсуфа, владетель Кашгара, Хотана и Баласагуна, был низложен и взят в плен своим братом Богра-ханом; некоторое время спустя Богра-хан был отравлен своей женой, которая умертвила также и Арслан-хана, в 439/⟨1047-48⟩ г. Богра-хан правил всего пятнадцать месяцев; ему наследовал Тогрул-хан, сын Юсуфа Кадыр-хана (т. е. его брат), который правил шестнадцать лет (до 456/⟨1064⟩ или 457/⟨1065⟩ г.). Его сын Тогрул-тегин был через два месяца низложен «Харуном Богра-ханом, братом Юсуфа Тогрул-хана и сыном Тафгач-Богра-хана (?)»; Харун Богра-хан зашел за (*ʻабара*) Кашгар, взял в плен Харуна (? ошибка, вместо Тогрул-тегина); войско этого последнего подчинилось ему, и он захватил Кашгар, Хотан и соседние области до Баласагуна, где он и царствовал двадцать девять лет и умер в 496/⟨1102-03⟩ г. Эти сведения, конечно, не могут быть вполне точными; если Богра-хан Харун был братом Тогрул-хана, то он должен был быть сыном Юсуфа Кадыр-хана и, действительно, на предыдущей странице сам Ибн ал-Асир так его и называет. Царствования, упомянутые Ибн ал-Асиром, которые, по его словам, продолжались с 439 до 496 г. х. (пятьдесят

---

[1] ⟨Т. е. Караханидов; ср. наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 519.⟩

14 — 6841

семь лет), покрывают не весь указанный период, а примерно на десять лет меньше. Действительно, от более раннего автора, Абу-л-Фазла Бейхаки [2], мы знаем, что первый Богра-хан (которого Ибн ал-Асир называет Махмудом) умер не в 439/⟨1047-48⟩, а в 449/⟨1057-58⟩ г. В таком случае Богра-хан Харун должен был бы царствовать с 467/⟨1074-75⟩ до 496/⟨1102-03⟩ г., а Тогрул-хан — с 451/⟨1059-60⟩ до 467/⟨1074-75⟩ г.; *Кутадгу билик*, написанное в 462/⟨1069-70⟩ г., следовательно, было составлено в царствование Тогрул-хана, однако Богра-хан, по-видимому, был соправителем своего брата; Ибн ал-Асир говорит о войне, которую вели эти два брата против Шемс ал-Мулька, хана Самарканда. Поэтому было вполне естественно прийти к заключению, что Богра-хан, упомянутый Юсуфом хасс-хаджибом, был Богра-хан Харун ибн Юсуф, и это мнение было мною высказано в статье «Богра-хан» в «Энциклопедии ислама» [3].

Однако такого мнения нельзя более придерживаться после открытия еще одной рукописи *Кутадгу билик* в Намангане в Фергане [4] (к несчастью, она уже снова утеряна) [5], где Богра-хан, которому посвящено сочинение, назван Абу Али Хасан б. Сулейман. Следовательно, это был не брат, а сын Арслан-хана Сулеймана. Действительно, мы встречаем это имя в *Мулхаḳāт аṣ-Ṣурāх̱* Джемаля Кураши (или Карши) [6]; в своем кратком рассказе об илек-ханах он почти не приводит дат, но его генеалогические сведения более точны, чем сведения Ибн ал-Асира; в этом сочинении сообщается, что сыном Сулеймана Арслан-хана и отцом того Ахмеда Арслан-хана, который, соглано Ибн ал-Асиру, разбил кара-китаев в 522/⟨1128⟩ г., был Хасан Тафгач-хан [7]. Следовательно, это и должен быть Тафгач-хан, или Богра-хан, упомянутый в *Кутадгу билик* [8].

В одном официальном документе, датированном месяцем зу-л-хиджжа 474 или 494 г. х. (т. е. со 2 мая 1082 или с 27 сентября 1101 г.; документ немного поврежден как раз в этом месте, и нельзя быть уверенным, следует ли читать سبعين или تسعين), который был найден в Яркенде [9], государь, правивший в это время в Кашгаре, назван Тафгач-Богра-Кара-хакан Абу Али Хасан, сын Сулеймана Арслан-Кара-хакана. Мы приводим ниже текст и перевод этого документа, который окончательно устанавли-

---

[2] *Та'рūх̱-и Бейхаḳū*, изд. Морлея, 230.

[3] ⟨См. наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 508.⟩

[4] Описана Валидовым (который ее открыл) по-русски в ЗВОРАО, т. XXII. Рукопись была упомянута мною в EI, s. v. *Ilek-Khāne*; ⟨см. наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 519⟩.

[5] ⟨В настоящее время находится в Ташкенте.⟩

[6] Судя по словам самого автора (Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 140: وعرف بالقرشي لذلك), *нисба* قرشي в этом случае не происходит от Курайш (ср. ЗВОРАО, т. XI, стр. 286), хотя автор в своем предисловии говорит о себе как о قرشي, подобно пророку.

[7] Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 133 вверху.

[8] ⟨Ср. о нем также наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 508, прим. 6.⟩

[9] См. примечание ⟨Э. Д. Росса⟩ в конце статьи.

вает, какому именно государю было посвящено *Кутадгу билик*, и который полностью опровергает утверждения Ибн ал-Асира.

بسم الله الرحمن الرحيم احمد الله واستغفره هذا كتب يشهد عليه الشيخ
القاضى الامام ابو بكر محمد بن عبد الصمد بن اسمعيل البخارى سلّمه الله وابقاه فى
مجلس حكمه وقضائه بكورة ياركنده وهو يومئذ قاضيها وحاكم اهلها ونواحيها
من قبل الخاقان الاجلّ السيّد الملك المؤيّد المظفّر المنصور عزّ الدين مشيّد الدولة
القاهرة وبرهان الملّة الباهرة وكهف الامّة الطاهرة غياث المسلمين ملك المشرق والصين
طفغاج بغرا قرا خاقان ابى على الحسن بن سليمن ارسلان قرا خاقان مجتبى خليفة
الله ولى واميرالمومنين ومن قبل التكين الاجلّ السيّد عماد الدولة سداد الملّة
جغرى تكين ابى موسى هرون بن ملك المشرق طفغاج بغرا قرا خاقان مولى امير
المومنين اطال الله بقاهما واعزّ نصرهما انّه حضر مجلس الحكم قبله بها فى غرّة ذى
الحجّة سنة اربع وسبعين [10] واربعماية المسمّى بحاجى انال بن بولاد سوباشى قرا منذ
انال وهو امرد قد طرّ شاربه شعرانى سبط الشعر تامّ القامة ادهم اللون ضخم اشهل
ابلج واحضر بحضوره المسمّى هارون بن تغجغ وقد عرفهما معرفة صحيحة بالوجه والاسم
والنسب وادّعى الذى حضر اوّلا على الذى احضره معه قطعة ارض فريدة موضعها
برستاق يدعى بربل وهى من رساتيق كورة ياركندة بحضرة مسجد ينسب الى اسحق
الجلّاب وهى مبذّرة ثلثين وقر حنطة بعضها موات وبعضها صالحة للزراعة [بحدوده] [11]
الاربعه فالحدّ الاوّل لزيق ارض يوسف انال والثانى لزيق ساقية تنسب الى سوكمان
بك والثالث لزيق ارض يوسف انال وله لرابع لزيق طريق العامّة ولزيق ارض جويرز
انال ولزيق نهر يدعى ازاك وذكر فى لفظ دعواه انّ جميع هذه الارض المحدودة فيه كانت
ملكا لابيه المسمّى فيه ومات وتركها ميراث له و لغيره من ورثته والآن ملكهم
وحقّهم وانّ هذا استولى عليها ظلما وجورا واجب عليه رفع يده عنها وتسليمها
اليهم وهو يمتنع عن ذلك وسأل مسألته فسئل فانكر دعواه اصلا وجحد رأسا وزعم
انّها ملكه وحقّه اشتراها من الغير بثمن معلوم ونقده الثمن وامر المدّعى باقامة
البنيّة على صحّة ما ادّعاه وتحقيق ماحكاه ان كانت له ذلك فاورد ثلثة نفر ذكر انّهم
شهودة فشهدوا له على صحّة ما يدّعيه وسال الاستماع الى شهادتهم ولاصغاء الى
كلامهم وهم عبد الجليل جغرى سوباشى بن موسى بن املوك وابو بكر الشلاجى بن
براق بن يربا وجبرئل وثاق باشى بن موسى بن بقجار فاستشهدهم عقيب اعادة
الدعوى والانكار فشهد كلّ واحد منهم على التعاقب على موافقة الدعوى بحضرة
المتنازعين شهادة صحيحة مستقيمة متّفقة اللفظ والمعنى لم يحتلفوا فى شئٍ من
ذلك فتفحّص عن حالهم فعدلوا وزكوا وظهرت عدالتهم وتوجّه الحكم على المشهود
عليه واعلمه به وامره بايراد دفع او جرح ان كان له ذلك فعجز عنه عجزا ظاهرا بعد ما
مكنه مدة مثله فعند ذلك التمس منه المدّعى ان يحكم له بما ادّعى فاستجار الله تعلى
وساله العصمة عن الزيغ و الزلل وحكم بكون الارض المحدودة فيه ملكا للمشهود له
ولغيره من ورثة ابيه وامر المحكوم عليه بقصر يده عنها وتسليمها الى المحكوم له
واطلق له الرجوع على بائعه بالثمن الذى نقده ثمّ انّ المحكوم له التمس منه اثبات
ما صحّ عنده وثبت لديه فاجابه الى ملتمسه وامر بكتبة هذا الذكر لذكور حجّة له
عند مساس الحاجة وذلك بتاريخ المورّخ فيه صدره

[10] Или تسعين.

[11] Оригинал поврежден.

Другим почерком и чернилами:

يقول محمد بن عبد الصمد بن اسمعيل الحكم المذكور فيه صدر عنى والسجلّ
كتب بامرى والسطر مع التوقيع خطّى

Перевод

Во имя милосердного бога; славлю бога и молю его снисхождения.

Этот докумет засвидетельствован шейхом, кадием и имамом Абу Бекром Мухаммедом ибн Абд ас-Самадом ибн Исмаʻилом ал-Бухари—да спасет его бог и сохранит — в его палате управления и правосудия в провинции Яркенд, в которой он тогда был кадием и правителем в ней и в ее окрестностях, назначенным самым славным хаканом, начальником, царем, которому споспешествует бог, победителем, триумфатором, славой веры, укрепителем могущественной монархии (т. е. династии халифов Аббасидов), прибежищем блистательного братства, убежищем чистого общества, помощником мусульманства, царем востока и Китая — Тафгач Богра Кара-хаканом Абу Али ал-Хасаном, сыном Сулеймана Арслана Кара-хакана, любимца наместника бога (халифа Аббасида), друга и повелителя правоверных, и назначенный Тегином (князем), самым славным начальником, опорой династии, силой братства Чагры-тегином Абу Муса Харуном, сыном царя востока Тафгач Богра Кара-хакана[12], слугой правителя верных — да хранит их обоих бог долгое время и да дарует им свою помощь. [Кадий свидетельствует], что первого зу-л-хиджжа 474 [или 494 г.] человек по имени Хаджи Инал, сын Пулада Субаши Кара Банд [или Юнд] Инала, предстал перед ним в палате управления. Он был еще безбород; у него только пробивались усы, тело же было очень волосатым, на голове волосы прямые; хорошего сложения, темнолицый, широкоплечий, глаза с голубоватым оттенком, брови широко расставлены. Он привел к кадию человека по имени Харун, сын Тагчаха. Кадий знал хорошо обоих по виду, имени и родству. Человек, пришедший первым, требовал от приведенного им человека кусок земли, расположенный в округе Рабул, одном из округов провинции Яркенд, напротив мечети, записанный за Исхаком ал-Джаллабом, приносящий тридцать нош осла пшеницы и состоящий как из непригодных, так и из пригодных для земледелия участков внутри его четырех межей; с одной стороны участок соприкасается с землей Юсуфа Инала, с другой — с арыком, принадлежащим Сукман-бегу, с третьей стороны опять подходит к земле Юсуфа Инала, а с четвертой — к общественной дороге, участку земли Джубаз Инала и к каналу, называемому Азак. Словами своего прошения он говорит, что вся эта земля, ограниченная как указано выше, была собственностью его отца, поименованного

[12] *Тегин*, по всей вероятности, был непосредственным правителем Яркенда, под верховным управлением его отца, хакана.

в прошении, и что он (отец) умер и оставил ее в наследство ему и другим наследникам и теперь это их законное имущество, однако человек (обвиняемый) захватил участок несправедливостью и силой. Требовалось, чтобы он (ответчик) отдал землю им (наследникам), но он отказался; он (жалобщик) просит, чтобы ответчика допросили. Его допросили: он полностью отрицает обвинение и утверждает, что земля — его законная собственность, купленная у одного (лица) за установленную цену и оплаченная наличными деньгами. Жалобщику было предложено представить доказательства, если таковые имеются, справедливости его требований и правдивости его слов. Он представил трех свидетелей мужчин, подтверждающих обоснованность его требований, и просил кадия выслушать и внимать их словам. Это были: Абд ал-Джелиль Чагры Субаши, сын Мусы, сына Амлука; Абу Бекр аш-Шаладжи, сын Бурака, сына Ярба; Джибраил — военный офицер (*висāḳ-бāшӣ*), сын Мусы, сына Бахчара. Он (кадий) разрешил им свидетельствовать, после того как требования жалобщика и отрицания ответчика были повторены; все они по очереди один за другим в присутствии сторон дали показания, согласные со словами жалобщика; свидетельства были здравыми и правильными, согласными и в словах и в значении. без каких-либо противоречий содержанию жалобы. Кадий собрал сведения относительно их репутации и нашел, что они праведные и справедливые [люди], и их правомочность как свидетелей была установлена. Решение было вынесено против ответчика; он (кадий) сообщил ему (ответчику) и приказал ему представить свидетельства, если таковые имеются, говорящие против такого решения. Оказалось, что он этого не может сделать, несмотря на то что для этого ему было предоставлено столько же времени, сколько и жалобщику. В это время жалобщик молил кадия произнести решение согласно его жалобе. Он (кадий) призвал помощь бога, Наивысшего, прося оградить его от колебаний и сомнений, и произнес решение, по которому земля в указанных выше границах принадлежит человеку, в пользу которого были представлены свидетельства, и другим наследникам его отца, и он приказал человеку, против которого было вынесено решение, прекратить владеть землей и передать ее человеку, в пользу которого вынесено решение; он предоставил ответчику право требовать с человека, у которого он купил землю, те деньги, которые он за нее заплатил. Затем человек, в пользу которого было вынесено решение, попросил его (кадия), чтобы решение, которое было правильным, было зарегистрировано в доказательство его справедливости. Кадий снизошел к этой просьбе и приказал зарегистрировать решение, чтобы оно могло в случае нужды служить доказательством. Это было выполнено в указанное выше время.

[Другим почерком и чернилами]:

Мухаммед ибн Абд ас-Самад ибн Исмаʻил говорит: указанное выше решение было вынесено мною, копия с него снята по моему приказанию, строчка с подписью написана моей рукой.

Примечание

Оригинал документа, о котором говорит проф. Бартольд, входит в собрание арабских и уйгурских юридических документов, найденных под деревом в саду около Яркенда в 1911 г. Они были переданы тогдашнему генеральному консулу в Кашгаре сэру Джорджу Макартни, который препроводил их правительству Индии. В настоящее время эти документы хранятся в Главном археологическом управлении Индии. В моем распоряжении, однако, имеются фотографии с них.

Всего имеется пятнадцать документов или отрывков. Семь из них — на арабском языке, пять — на тюркском языке арабским письмом и три — на тюркском языке уйгурским письмом.

Арабские документы подписаны и засвидетельствованы по-арабски, за исключением одного, на котором подписи свидетелей написаны уйгурским письмом. Большинство документов датировано, наиболее ранний — 474 г. х., а самый поздний — 529 г. х., т. е. все они относятся к концу XI или началу XII в. н. э. Особый интерес представляют тюркские документы, в том отношении, что они относятся ко времени, когда и уйгурский и арабский алфавиты применялись одновременно для того, чтобы писать по-тюркски. — *Э. Денисон Росс.*

ОБЗОР ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Когда говорят о мусульманстве и мусульманской культуре, то обыкновенно не только в Европе, но и в мусульманском мире имеют в виду арабов, персов и тюрков, считаемых коренными, по существу, мусульманскими народностями, хотя ныне они уже не составляют большинства из исповедующих ислам. Из них тюрки в своей культурной жизни теснее всех связаны с мусульманством. У арабов и персов и теперь есть элементы, остающиеся вне ислама, но принимающие участие в общей культурной жизни: есть арабы-христиане, персы-зороастрийцы. Кроме того, у арабов и персов было свое культурное доисламское прошлое, которое издавна пользовалось в Европе бо́льшим даже вниманием, чем жизнь тех же народов при исламе. Что касается тюрков, то, кроме нескольких народностей, как якуты, алтайцы и др., не имевших до последнего времени письменности, все тюрки исповедуют ислам, и их собственных, доисламских письменных памятников не было известно до последних десятилетий XIX в.: до такой степени была забыта культура тюрков доисламского времени. В Европе знали, что до арабского у них употреблялся другой алфавит, называемый уйгурским, по имени одного из тюркских народов, жившего в Средней Азии [1]. Буквы этого алфавита были сходны с буквами сирийских алфавитов, а так как было известно, что в прошлой культурной жизни до мусульманского периода тюрки подвергались некоторое время христианской пропаганде и что именно в это время был изобретен уйгурский алфавит, то за последним и было признано сирийское происхождение.

В конце XVIII в., под влиянием французской революции, была сделана попытка дать общую картину прошлого человечества в иной форме, чем ее представляли себе до того. Стали стремиться всю вообще культуру вывести из Средней Азии и доказать, что уйгурский алфавит является первоначальным и что сирийский заимствован от уйгуров. От этой фантастической теории очень скоро пришлось отказаться, но в настоящее время происхождение уйгурского письма от сирийского опять подвергается некоторым сомнениям: есть. как увидим сейчас, другая теория, по-видимому более основательная.

Были известны еще памятники, относящиеся, как теперь доказано, к тюркам, но им приписывали прежде иное происхождение. Это — извая-

[1] 〈Т. е. Центральной Азии.〉

ния, носящие название «каменных баб», и надписи частью на тех же каменных бабах, частью на скалах. Надписи, так называемые «писаницы», и рисунки находятся в большом количестве на берегах Енисея. Значительные памятники культуры, относящиеся к глубокой древности, были также найдены в Минусинском крае. Эти надписи и изображения свидетельствуют о культурном народе, который занимался выделкой изделий из металла и который прежде не считали кочевым. Еще незадолго до открытия ключа к этим надписям, которые, как доказано теперь, тюркского происхождения, один из лучших тюркологов, Радлов, доказывал, что каменные бабы тюркам не принадлежат. С ними связывали вопрос и о надписях, которые тоже относились к другой, более древней, эпохе.

Все это изменилось, когда были найдены новые надписи того же шрифта, а также более древнего. Ранее находимые не содержали указаний на какие-нибудь исторические события, а по местности ничего нельзя было сказать; сами же они были очень кратки, и ключа к ним не было. Теперь же на Орхоне, в Монголии, нашлись надписи тем же самым шрифтом, лишь в немного измененном виде, а вместе с ними другие, чисто китайские. Китайские относились к определенному историческому событию, к смерти одного хана, умершего в 733 г., и к его брату, который умер в 731 г.[2], причем и хан и его брат упоминаются в китайских письменных источниках.

Каким же образом удалось прочесть надписи, хотя и относившиеся к определенной дате и определенным лицам, но писанные неизвестным шрифтом? Они были рядом с другими, китайскими иероглифическими. Сперва предположили, что тексты китайский и неизвестный — одно и то же; что один есть перевод другого; тогда разобрать непонятную часть было бы не трудно. Оказалось, однако, что китайский и неизвестный тексты не одно и то же, но ими занялся очень подробно датский ученый — Томсен, и ему в конце концов удалось открыть ключ к чтению. Прием был таков: прежде всего надо было найти какое-нибудь собственное имя; а так как из китайской части было известно, что памятник относится к брату хана. имя которого в китайской транскрипции имеется в китайских источниках, то оставалось найти комплекс букв, который встречался бы в одной надписи часто, а в другой не появлялся бы. Если первая надпись относилась к брату хана, а вторая к самому хану, то естественно заключить, что комплекс букв, находимый в первой, есть имя брата хана. Затем пошло определение гласных букв. Их всегда меньше, чем согласных, и, кроме того, если одна и та же буква встречается между двумя одинаковыми, особенно если это повторяется часто, то естествен вывод, что крайние буквы согласные, а средняя — гласная. Так постепенно были определены гласные буквы, и путем этого сложного способа Томсену удалось в конце концов разобрать всю надпись первую, которая относится к определенному вре-

[2] ⟨Имеются в виду китайские надписи на памятниках в честь Бильге-кагана (ум. 25 ноября 734 г.) и его брата Кюль-тегина (ум. 27 февраля 731 г.).⟩

мени и определенным событиям. Благодаря этому оказалось возможным проверить взгляды, которые раньше установились на тюрков.

Незадолго до того, лишь за несколько лет до открытия ключа к чтению орхонских надписей, вышла большая работа академика Радлова, составляющая введение к его изданию древнейшего литературного памятника мусульманских тюрков (XI в.), где он старается воспроизвести, главным образом по китайским источникам, картину жизни доисламских тюрков в том государстве, которое они образовали на границе Китая [3]. Картина, нарисованная Радловым, оказалась необыкновенно удачной и сохраняет значение и до сих пор. Он основывался главным образом на китайских источниках, а затем на наблюдениях, которые делал сам во время своего продолжительного путешествия по Сибири и Средней Азии, и потому дал картину кочевников вообще. Существенной разницы между кочевниками — тюрками и монголами — в их быте нет. Даже у кочевых народностей совершенно другого происхождения, живущих совершенно в другой обстановке, как, например, у кочевых арабов, мы находим те же черты быта. Главный вывод Радлова, который надо помнить и который труднее всего усваивается европейцами, — это то, что, по европейским установившимся определенным понятиям, военачальники должны избираться или назначаться. У кочевников такой юридической определенности нет и всякая власть в действительности является узурпацией. Таким же образом предполагается, что народные собрания созываются и обсуждают разные вопросы; здесь, в кочевой жизни, мы не имеем собраний в смысле законодательных учреждений, которые решают по большинству голосов и т. п. Здесь никакого голосования нет. Собрания большей частью представляют парад, который должен изобразить могущество хана, а не ограничивать его власть. Конечно, европейцу это трудно представить. То, что является величайшим бедствием для народов оседлых, именно постоянные и продолжительные войны, для кочевников вполне естественно. Времена смут, восстаний, когда происходят частые столкновения между кочевниками, для них лучше, чем продолжительное спокойствие. Случайные, стихийные бедствия облегчаются, при кочевой жизни, совершением набегов на соседей, находящихся в более благоприятных условиях. Война между оседлыми народами, между культурными странами, требует больших человеческих жертв, тогда как в стычках, которые происходят между кочевниками, человеческие жертвы являются не правилом, а исключениями. Часто набеги обходятся совершенно без пролития крови. Иногда наносят раны, но обходятся без убийства, стараясь его избежать, а если оно происходит, то вызывает продолжительную смуту, применение закона кровного мщения и т. п. Самый факт, что убийство вызывает длительные раздоры и войны, показывает, что оно в войне кочевников — не общее правило, а исключение. Все это было правильно отмечено Радловым.

---

[3] ⟨Радлов, *К вопросу об уйгурах.*⟩

Им был сделан еще другой вывод, подтвердившийся после разборки надписей. Это то, что народ тюрков, название которых мы находим в VI в. у византийцев, соответствует тем огузам, которые потом основались в Передней Азии. Факт, что орхонские тюрки и огузы — один и тот же народ, был установлен Радловым еще до разбора надписей [4].

Когда были прочитаны эти надписи, а в связи с ними стали известны некоторые другие рассказы, то существенно изменилось то представление о государственном быте кочевников, которое было у всех ученых, в частности и у Радлова.

Часто представляют себе кочевой быт как государство рода. Смуты, происходящие в степи и приводящие иногда к образованию обширных империй, объясняются нередко войнами между родами, и род есть та единица, которой в вопросе о кочевниках придается большое значение. Радлов приводит известную у кочевников поговорку: «О чем говорят многочисленные роды? — о притеснениях, которые они причиняют малочисленным; о чем говорят малочисленные? — о притеснениях, которые они терпят от многочисленных». Таким образом, по этой теории все дело заключается в том, какой род обладает большей физической силой и может подчинить себе другие. Такие роды налагают на покоренных свое имя, и иногда очень быстро образуется обширная империя.

Эта теория нуждается в настоящее время в некоторой поправке: кроме борьбы между родами, мы видим еще борьбу сословную, между знатными и простыми, между богатыми и бедными, причем богатые люди различных родов соединяются против бедных людей также из различных, иногда из тех же родов. Борьба богатых с бедными — это явление, которое оказывает влияние на образование новых родов и, кроме того, играет роль при появлении обширных государств. Орхонские надписи дают великолепную картину такого положения. Здесь говорится о том, что тюрки, которые прежде имели свое государство, были покорены китайцами и приблизительно лет 50 оставались под китайской властью, причем указывается, что некоторые князья приняли китайские титулы, перестали быть тюркскими бегами и стали китайскими, но простой народ сказал: «Я был народом, у которого были свои ханы; где мое государство, где мои ханы?», и простой народ восстал против этих бегов. Таким образом, здесь мы имеем борьбу между аристократией и демократией, выразившуюся в том, что хан выступает представителем народа и от его имени ведет борьбу. В монгольском рассказе об образовании империи Чингиз-хана говорится, что дело происходило так же: народ объединился под предводительством одного вождя, а монгольская аристократия — под начальством Чингиз-хана, и тоже происходила борьба между аристократией и народными массами, так что империя Чингиз-хана образовалась тоже после сословной

[4] ⟨См. выше, стр. 40.⟩

борьбы, но, в противоположность тюркской империи VIII в., как результат победы аристократии.

Факт борьбы не только между отдельными родами, но и между сословиями, как повод к образованию кочевого государства, был выяснен только на основании памятников, оставленных самими кочевниками. В арабских и китайских известиях при описании событий на эту сторону не обращается никакого внимания. Таким образом, надписями дается существенное дополнение к тому представлению о подобных движениях, которое существовало раньше.

Мы видим у тюрков характерные черты кочевого быта. Вследствие постоянных стычек, военная сторона получает полное господство и военное могущество ценится больше всего. В связи с этим у тюрков видим обычай, по которому при погребении богатыря на его могилу ставятся изваяния убитых им врагов, и по их числу нужно судить, какова вообще была его военная слава. Это положение заставило французского ученого Шаванна, который был знатоком главным образом Китая, прийти к заключению, что надпись хана характеризуется тем, что он выразил в ней свои мечты о зверской славе. Несмотря на воинственный характер и военный дух, которыми проникнуты надписи, мы видим удивительное отсутствие в них того элемента, который зовется обыкновенно зверством. Если сравним с ними надписи ассирийских царей или вообще завоевателей из культурных народов, то увидим, что элемент жестокости или, так сказать, наслаждение жестокостью занимает у культурных народов гораздо больше места, чем у этого хана. Основание империи он объясняет тем, что этим он оказал услугу и принес пользу народным массам. Набеги рассматриваются как средство доставления народу необходимого для него. Благодаря набегам хан мог сделать бедный народ богатым, голодный — сытым, нагой — одетым. Таким образом, военные походы рассматриваются только с точки зрения блага народных масс. Нигде мы не встречаем, чтобы хан говорил о громадных человеческих жертвах, о пролитии крови и т. п. Он обращается к народу, убеждает его, напоминает ему, что с ним, с народом, всегда случались несчастья, когда он изменял хану, и что только верность хану обеспечивает благосостояние народа. Приводится пример, что, когда тюркский народ изменил хану, то его кровь лилась, как вода. Это говорится о других, но, чтобы сам хан проливал чужую кровь, как воду, в надписи не указывается, и вообще, в противоположность ассирийцам и другим завоевателям, здесь не видим никакого наслаждения пролитием крови, наслаждения убийством.

Что касается военного быта, то ему здесь дается такая же характеристика, как во всяком эпосе народа, находящегося на той же стадии развития. Как гомеровские герои должны быть храбрыми и мудрыми, должны выступать не только на войне, но и в совете, так и хан с его сподвижниками должен быть храбрым в бою и мудрым в совете. В гомеровских поэмах представители веры — жрецы — занимают известное место, хотя и второ-

степенное; в надписях тюркских, в противоположность этому, жрецам и вообще религиозной стороне не отводится почти никакого места. Говорится только о культе высшего божества — неба, и хан считает себя его ставленником. Это, конечно, весьма понятно, но о шаманах нигде не упоминается. О низших божествах, по культу шаманистов, есть только упоминание в одном месте, когда хан говорит о своей матери и упоминает об одном божестве, которое покровительствует младенцам. Таким образом, религии отводится чрезвычайно мало места.

Что касается культурного уровня, то он был, по-видимому, выше, чем следовало бы ожидать. Здесь мы имеем сложное письмо, которое приспособлено к тюркскому языку гораздо лучше, чем все другие алфавиты. Число гласных букв незначительно, но согласные разделены на две категории, сообразно закону звуковой гармонии, и, таким образом, получается алфавит, вполне соответствующий тюркскому языку. Благодаря большому количеству знаков употребляется довольно сложная орфография. Наличие такого превосходного письма должно как будто указывать на то, что составители надписи писали много кроме нее. К сожалению, данных об этом не имеется. Как известно, в надписях персидского царя Дария говорится, что он рассылал копии их в разные страны. Здесь же об этом не сообщается. Хан обращается к народным массам и говорит только: «Смотрите на надпись, из нее вы увидите, что с вами случалось, когда вы поддерживали свое государство (вернее — хана) и когда изменяли ему». Предложение народу читать надпись любопытно и возбуждает представление о довольно большом распространении грамотности, чего, конечно, трудно ожидать в условиях кочевого быта; гораздо более вероятно, что это приглашение есть своего рода риторическая фигура и вряд ли могло иметь буквальное значение. Факт происхождения букв надписи из среднеазиатских показывает, что орхонские тюрки, кроме китайского культурного влияния, которому несомненно подвергались, находились под влиянием культуры Передней Азии, прежде всего от ближайшего культурного народа, восточных иранцев. По всей вероятности, этот алфавит тоже восточноиранского происхождения. Восточноиранским народом, который имел на тюрков особенно большое влияние, были согдийцы из города Самарканда. По китайским известиям, согдийцы образовали довольно много колоний в Азии и были культурным элементом, который проникал к кочевникам с торговыми целями.

Эта торговля получила большое распространение задолго до принятия согдийцами ислама и задолго, кажется, до того, как они приняли и стали распространять вообще какую-нибудь мировую религию. Но впоследствии в Средней Азии распространился ислам, восточные иранцы сделались мусульманами и в качестве торговцев приезжали к тюркам, причем их торговые операции достигали большого развития. Насколько их торговля имела значение, видно из того, что слово, которое первоначально обозначало торговца, послужило для обозначения восточноиранского культур-

ного элемента и сделалось в конце концов народным названием, хотя употреблялось не столько для определения этнографического происхождения, сколько в качестве термина, выражавшего известную степень культуры, потому что применялось и по отношению к тюркам, принявшим ислам и мусульманскую культуру. Это слово — *сарт*, индийского происхождения, проникшее к тюркам, по всей вероятности, вместе с буддийской пропагандой из Индии [5]. Торговцы из Индии проникали в Среднюю Азию еще раньше, а затем проникли туда и буддисты. Слово *сарт* в значении торговца встречается в буддийских текстах. В XI в. мы имеем его только в нарицательном смысле торговца, купца, в смысле же обозначения определенного культурного уровня и людей мусульманской культуры оно встречается уже позже, в XIII в. и в последующую эпоху. Несомненно, что сначала торговля происходила независимо от религиозной пропаганды, но самая судьба слова *сарт* показывает, что между этой торговлей и религиозной пропагандой установилась связь. Очень естественно, что путями, проложенными торговцами, потом пользовались и миссионеры различных религий. Долгое время эти религии не имели у кочевников большого успеха. Иногда кочевники сознательно, ради сохранения военного быта, отказывались от перемены религии. Насколько существенна разница между этическими элементами религии кочевников и другими, видно из обычая ставить на могиле изображения убитых врагов, в силу шаманского воззрения, по которому убитый должен служить на том свете тому, кто его убил или ради кого он был убит. Уже одно это воззрение показывает, насколько велика разница, на этической почве, между религиозными верованиями кочевников и другими религиями, которые к ним заносились. Это относится к манихейству, христианству, исламу и буддизму. Все эти религии относятся к убийству одинаково. Поэтому кочевники видели, что принятие ими той или иной религии угрожает ослаблением их военного духа, и в китайской истории о том же хане, который был похоронен на Орхоне, говорится, что он хотел построить храм Будде, но ему сказали, что учение Будды и все другие учения, распространяемые миссионерами, делают людей кроткими, человеколюбивыми, а не воинственными, и потому для сохранения воинственности тюрков, на которой основано их могущество, эти религии принимать нельзя. Известно, что впоследствии утрату воинственности у многих народов объясняли принятием буддизма. То же самое относится и к манихейству, которое у принявших его уйгуров повело к утрате воинственности. На самом деле иногда может происходить и не так: например, христианство, религия мира и любви, превращалось в религию войны, когда переходило к воинственному народу. Мы знаем, что манихейские миссионеры заставляли уйгуров идти с оружием в руках против врагов веры, против мусульман, с одной, и китайцев, с другой стороны. Но все же ислам в этом отношении находится в ином по-

---

[5] ⟨О слове *сарт* см. наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 526—529.⟩

ложении, так как, по объяснению мусульман, он является религией войны и потому кочевые народы более охотно принимали его, не утрачивая своей воинственности, и у кочевников легче всего распространялся ислам. Таково общепринятое представление, но при проверке дело обстоит не совсем так. Мы знаем, что распространение ислама шло главным образом путем проповеди дервишей, проповеди мирного элемента; при этом не говорилось о райских блаженствах, которые ожидали павших на войне за веру, а, наоборот, указывалось преимущественно на адские муки, и это-то изображение загробных мук, как и в пропаганде буддизма, манихейства и христианства, играет большую роль в пропаганде мусульманства. Это одинаково подтверждается всеми, кто наблюдал действия мусульманских миссионеров. Ясно, как действует на первобытного человека это изображение адских мук и как вообще должна подействовать сама идея загробного суда и ответственности. Вы видели, что у кочевников была сильна вера в будущую жизнь, и вполне естественно, что идея загробного суда должна была произвести на них большое впечатление. Мы имеем прямое свидетельство мусульманского автора о том, что тюрки сначала так же отказывались от ислама, как и от принятия других религий, потому что ислам и его правила рассчитаны на определенный строй жизни, определенный порядок оседлого быта и потому не сразу принимался кочевниками. Относительно других религий надо сказать, что манихейство, которое шло из Персии, было основано на сближении зороастризма, христианства и буддизма. Эта религия прежде других приобрела политическое значение в Монголии, а именно, хан уйгуров в VIII в. принял манихейство, тогда как нет твердых указаний на то, чтобы за этот период кочевники приняли буддизм или христианство.

Что касается вообще истории тюрков в Монголии, то, видимо, здесь один народ сменяет другой: огузы, к которым относятся орхонские надписи, были очень скоро вытеснены уйгурами, а уйгуры, в свою очередь, были вытеснены другим народом тюркского происхождения, пришедшим с верховья Енисея, — киргизами. Это произошло в IX в., около 840 г., а в начале X в. в Монголии одержал верх элемент, уже, по всей вероятности, монгольский, — народ, который упоминается в орхонских надписях под именем китай. Он завоевал и Северный Китай, и от него последний получил у монголов и русских свое имя, которое носит и теперь. Эта народность вытеснила тюрков из Монголии и оказала существенное влияние на принятие ими ислама и мусульманской культуры. Теперь тюрки двигаются частью на юг, частью на запад, покоряя народности, оказавшиеся на их пути. Подробности этого движения пока не могут быть точно установлены, но в дальнейшем тюрки завоевали культурные земли Китайского, а затем и Западного Туркестана. Завоевание Китайского Туркестана было связано с переходом к оседлости, так как область не годилась для кочевого быта. Здесь не было пастбищ, необходимых для кочевников: в этой местности пространство делится на земли безводные,

пустыни, в которых не может быть ни кочевой, ни оседлой жизни, и на земли урожайные, годные только для земледелия. Вследствие этого кочевой быт не мог быть сохранен, и народ перешел к оседлости. Этим гораздо больше, чем влиянием манихейства как религии, объясняется то, что население Восточного Туркестана утратило свой воинственный нрав и постепенно сделалось более мирным, перейдя к оседлой жизни. Затем мы видим, что этот народ, по-видимому, чрезвычайно мало находился под влиянием буддизма, манихейства и христианства, потому что хотя несомненно он подвергался влиянию всех этих элементов, но довольно быстро их утратил ради принятия ислама. Таким же образом, по-видимому, эта культурная перемена оказала влияние и на утрату кочевых преданий вообще, вместе с утратой военного быта. Они были забыты довольно быстро и окончательно.

Характерно, что тюрки приняли ислам без какой-либо победы мусульманского оружия, вопреки мнению, что ислам распространялся только военными завоеваниями. Здесь он принимается исключительно после мирной проповеди и народ не подвергается никакому завоеванию. Ислам все-таки не подчинил себе воинственность тюрков: казалось бы, что народность, принявшая его, должна была направить свое оружие против тех соплеменников, которые еще оставались язычниками, а между тем мы видим другую картину. После того как тюрки приняли ислам и стали как будто естественными союзниками мусульман, они, наоборот, направляют свои завоевания против мусульманских областей, потому что это были более богатые страны и там их ожидала бóльшая добыча, и, вопреки принятию ислама, они становятся завоевателями мусульманских областей.

После этого они подпадают под влияние мусульманской, арабской и персидской, культуры и начинают воспринимать не только вообще мусульманские, но и чисто персидские предания, относящиеся к домусульманскому персидскому периоду, т. е. ко времени до того, как сами персы приняли ислам. Известно, что на самих персов персидский эпос имел большое влияние; в нем говорится о борьбе с турами; это была древнейшая борьба между иранцами и их соседями в Средней Азии, и в качестве предводителя туров выставляется герой, который носит чисто иранское имя Афрасиаба. Тюрки приняли это предание, и династия их ханов, которые покорили Туркестан, стала называть себя потомками Афрасиаба [6]. Насколько туземные предания были забыты, видно из того, что уже очень скоро, в XI в., мы имеем свидетельство Махмуда Кашгарского, который приводит стих с именем героя Тюнге и в своем переводе заменяет это имя именем Афрасиаб; при этом уже утрачена память о кочевом быте и мы не видим имени того народа, из которого вышла эта династия. Она называет себя ханскими тюрками, но из какой национальности вышла,

[6] ⟨Ханы из династии Караханидов.⟩

об этом не говорится, и об остатках родового быта не упоминается [7]. Однако не всегда, когда тюрки завоевывали мусульманскую область, происходила такая перемена. Мы видим других тюрков, тоже занявших в начале XI в. более или менее культурные мусульманские области: это огузы, раньше перешедшие из Восточной Азии в Западную, потомки тех самых тюрков, которым принадлежат орхонские надписи и которые в XI в. перешли, отчасти, из западной части Средней Азии в Персию. Здесь, казалось бы, тюрки тоже должны были подвергнуться значительному воздействию мусульманской культуры; однако мы видим, что эти тюрки-огузы сохраняют свой язык, свою национальность и даже предание о родоначальнике всех огузов, Огуз-хане, в противоположность тому, что было в Восточном Туркестане, где все предания были утрачены. По-видимому, это объясняется тем, что огузы меньше находились под влиянием восточноазиатской и китайской культур и религий буддийской, манихейской и христианской. Влияние, конечно, было, но, вероятно, имело меньшее значение для утраты национальных преданий. Что эти тюрки меньше находились под влиянием восточноазиатской культуры, подтверждается тем, что вслед за ними стали двигаться с севера на юг тюрки менее культурные: это движение кипчаков с берегов Иртыша и киргизов с берегов Енисея. Очень вероятно, что под влиянием этого движения огузы стали переходить южнее, в Персию, а кипчаки заняли их место.

Из среды кипчаков вышел элемент, известный в русских летописях под именем половцев, которые заняли Южную Россию, западную часть Средней Азии и находились под влиянием соседнего мусульманского мира и мусульманской культуры. У половцев существовали мусульманские военные инструкторы. Несмотря на это, даже в непосредственном соседстве с мусульманами, например на берегах Сыр-Дарьи, кипчаки остаются вне ислама до конца XII в. Возможность существования кипчакского государства без принятия ислама до такого позднего времени показывает, насколько силен был народный элемент.

Что касается киргизов, то этот народ двигался с берегов Енисея чрезвычайно медленно. Мы знаем, что киргизы упоминаются в Семиречье, это так называемые кара-киргизы, т. е. именно настоящие киргизы, тогда как казаки [8], которых русские называли киргизами, в действительности не имели с киргизами ничего общего. Кара-киргизы были там в X в.; по крайней мере сообщается о взятии ими в Китайском Туркестане города, который находился на месте теперешнего города Аксу. С другой стороны, известно, что главная масса киргизского народа оставалась на берегах Енисея вплоть до XVII в. и там их застали русские завоеватели. Следовательно, движение, начавшееся в X в., еще не было закончено и в XVII в.; это показывает, насколько медленно оно происходило.

---

[7] 〈См. выше, стр. 70—73.〉

[8] 〈Казахи.〉

Объясняется это тем, что киргизы не были исключительно кочевым народом: благодаря плодородию Минусинского края у них были пашни, развилось земледелие, и киргизы не так охотно покидали свою родину, как народы, жившие исключительно кочевничеством; поэтому-то их передвижение шло значительно медленнее.

В XIII в. мы видим явление, оказавшее на тюрков большое влияние, — это образование монгольской империи. Совершилось движение с востока на запад, из мира китайской культуры в мир культуры среднеазиатской. В первый и последний раз в истории произошло совершенно исключительное явление: под властью одного народа и одной династии образовалась империя, объединившая не только все кочевые народы от Китая до Восточной Европы, но и все культурные государства Дальнего Востока и Передней Азии. Победа кочевников и образование империи, которая превзошла пространством все другие империи, должны были оказать сильное влияние на национальные кочевые предания. Мы знаем, что в Персии для монгольского правителя была составлена всемирная история, в которой кочевым преданиям отводится большое место. Это сочинение Рашид ад-дина, где об истории кочевников, не только монголов, но и тюрков, говорится чрезвычайно подробно, и хотя достоверных преданий и нет, но народным сказаниям уделяется очень много места и дается картина кочевого быта без всяких прикрас в духе персидской литературы. На кочевников такое изображение жизни должно было оказать большое влияние, и мы видим, что огузы даже пользуются преданиями о Чингиз-хане для того, чтобы перенести их на собственных героев: то, что говорится о Чингиз-хане, рассказывается в огузских преданиях без всяких изменений о их национальном герое Огуз-хане. Несмотря, однако, на это обновление кочевых традиций, монгольская империя способствовала в конце концов распространению и укреплению ислама теми кочевниками, которые до того не были мусульманами. Это естественный результат того, что мусульманская культура была, несомненно, первенствующей, а также, что мусульманские купцы распространяли свои обороты на большой круг стран. Самое образование монгольской империи в значительной степени объясняется деятельностью мусульманских купцов, державших в своих руках даже торговлю между Китаем и Монголией. Естественно, что при таких условиях, когда новая империя вызвала оживление караванной торговли между отдельными областями, многие народности, не бывшие раньше мусульманскими, стали принимать ислам. Это наблюдается в Южной России, по Волге и даже в степях Средней Азии, где ислам только в то время получает господство. Образуются государства, которые были покорены русскими в XVI в.

Монголы повлияли на образование новых кочевых народностей, которые говорили по-тюркски и приняли ислам. Так образовались народности татар, ногайцев, узбеков и др. Слово *татар* обозначало перво-

начально именно монголов, но потом благодаря утрате на Волге монголами своего языка получило иное значение.

Таким образом, можно сказать, что благодаря монгольской империи победа ислама была решена окончательно. Однако некоторые народности тюрков, даже в культурной Передней Азии, как огузы, сохраняют свои домусульманские предания еще в течение некоторого времени. Окончательная победа мусульманской культуры произошла на севере только при русском владычестве, а в Передней Азии — при образовании больших государств: Турции и Персии. При русском владычестве мусульманство выиграло благодаря улучшению путей сообщения и расширению торговых сношений. Известно, что русское государство вовсе не было расположено покровительствовать исламу; наоборот, при завоеваниях оно даже совершало гонения на ислам, за исключением второй половины XVIII в., когда оно придерживалось иной политики. Несмотря на это, ислам распространялся вместе с движением русских. В областях, расположенных на юге России, где ислам был, но имел преимущественно номинальное значение и на быт народа не оказывал почти никакого влияния, теперь, вместе с русским владычеством, появляются мусульманские проповедники и, таким образом, мусульманская культура распространяется не только с юга, как это было первоначально, но и с севера. У киргизов [9] и других народностей исчезают остатки их кочевых традиций; то же произошло даже у кара-киргизов, почти совершенно не бывших мусульманами. На юге шла у киргизов [10] с калмыками-буддистами борьба, перенесенная на религиозную почву, и ислам, хотя и занесен был раньше, при русском владычестве укрепился окончательно и оказал здесь большое влияние на народные предания и на народный эпос. То же мы видим в Персии и Турции. В Турции идеи правоверного ислама, а в Персии — шиитского ислама подчинили себе все прежние предания кочевых тюрков; этим кочевым преданиям не оказалось места у оседлых народов, какими теперь стали тюрки. Мы знаем, что еще в XV—XVI вв. у османов живы были предания, вынесенные ими из их среднеазиатской родины, но позже они были утрачены. То же самое видим и в Персии, где еще в XVII в. упоминается культ героев тюрков домусульманского периода, но затем эти предания забываются, и в XVIII в. мы их уже совершенно не встречаем. Таким образом, происходит распадение огузов на три народности, из которых две раньше подчинились оседлой жизни, а третья оседает в настоящее время. Эти народности: османы [11], азербайджанцы и оставшиеся в Средней Азии потомки огузов — туркмены. Османы и азербайджанцы утратили кочевую жизнь, но у туркмен их кочевые традиции сохранялись еще некоторое время, и их народные песни и поэзия носят

[9] ⟨Казахов.⟩
[10] ⟨Т. е. у собственно киргизов.⟩
[11] ⟨Анатолийские турки.⟩

характер прежней воинственности до настоящего времени. Только теперь, после установления русской власти, когда туркмены тоже утратили свой военный быт и занялись земледельческим трудом, стали забываться их предания. Один из русских исследователей говорит, что он тщетно старался узнать народные предания туркмен и, наконец, сказал им, что хлопок заставил их забыть все их народные предания [12]. Это было сказано правильно: забываются народные предания не столько под влиянием принятия ислама, сколько под влиянием перехода к другим условиям быта, от кочевого к оседлому. Вернее, и то и другое оказывало действие: если ислам принимается народом, который остается кочевым, то на этот народ он все-таки не может оказать такого существенного влияния, но если народ переходит к оседлости, тогда, конечно, мусульманская культура заставляет его забыть свои национальные предания домусульманского периода. Если в XIX в. мы видим у османов, у здешних тюрков и в других местах стремление к возрождению национальных преданий, склонность к национализму, то это, конечно, происходит под влиянием европейской культуры. Под влиянием западноевропейского национализма происходило развитие в России славянского национализма, направленного против Запада, хотя без западноевропейского национализма русский возникнуть не мог бы.

Тюрки стремятся вернуться к своим национальным преданиям и, может быть, достигнут успеха. Конечно, им приходится пользоваться тем, что сделано западноевропейской наукой, потому что их предания настолько забыты, что для того, чтобы их восстановить, приходится пользоваться трудами западноевропейских ученых, которые раньше проявили интерес к этим преданиям. Таким образом, намечается новая стадия тюркской жизни, при которой мусульманские тюрки (это замечается также в Османском государстве) стремятся вернуть те достижения своей домусульманской культуры, которые они утратили. Эта новейшая стадия объясняется вступлением тюрков в круг влияния западноевропейской культуры, и только таким образом она может иметь место.

---

[12] 〈См. Самойлович, *Три туркменских сказки*, стр. 119.〉

Miss Ella Sykes and Brigadier-General Sir Percy Sykes, Through deserts and oasis of Central Asia

London, 1920. XII+340 p. 8°. III.

Авторы посетили Китайский Туркестан в 1915 г. [1], когда сэр Перси Сайкс был назначен заместителем кашгарского генерального консула сэра Джорджа Макартнея, получившего отпуск для поездки в Англию (с апреля по ноябрь). Бо́льшая часть книги (стр. 3—231) принадлежит мисс Элле Сайкс и заключает в себе живой и беспритязательный рассказ о путешествии от Ньюкасла через Северное море, Скандинавию, Финляндию и Россию до Кашгара, о пребывании в этом городе, о поездках на Памиры, в Сарыкол, Яркенд и Хотан. Рассказ проникнут симпатией к населению, хотя и высказывается обычное ошибочное мнение об исламе, будто бы «пронесшемся по Китайскому Туркестану, подобно большой волне» (стр. 218). Интересны, между прочим, замечания о повышении, с 1896 г., уровня памирского озера Кара-куль (стр. 134) [2], об исмаилитах Сарыкола (стр. 155) и их духовенстве — *мукй* (стр. 157), о приурочении к одной из гор Сарыкола легенды о Хосрое Парвизе (с заменой его Афрасиабом), Фархаде и Ширин (стр. 155 и сл.) [3], о подвижности кашгарцев и апатии яркендцев с их наследственной, упоминаемой еще Марко Поло болезнью — зобом (стр. 184 и сл.), о большей свободе женщин по мере приближения к Китаю (стр. 189 и 200), о бумажном производстве в городе Гума́ [4] (стр. 198) и многое другое.

Гораздо менее выгодное впечатление производят главы второй части, составленные сэром Перси Сайксом и посвященные географическим, историческим и экономическим вопросам. Очерк истории Кашгарии, занимающий три главы (стр. 248—299), совершенно не соответствует современному уровню науки; Бешбалык все еще помещается на месте

---

[1] ⟨Об истории изучения Синьцзяна см. теперь Dabbs, *Discovery.*⟩

[2] О прибыли озер в Средней Азии ср.: Бартольд, ЗВОРАО, т. XIV, стр. 057; его же, ЗВОРАО, т. XVII, стр. 091; ⟨наст. изд., т. IV, стр. 147—148. Подробнее о природных условиях района см. Мурзаев, *Природа Синьцзяна*⟩.

[3] О приурочении той же легенды к берегам Сыр-Дарьи см. Бартольд, ЗВОРАО, т. XXIII, стр. 416; ⟨наст. изд., т. III, стр. 304⟩.

[4] В книге Корнилова (*Кашгария*, стр. 310) говорится только о выделке писчей бумаги в Хотане и Яркенде.

Урумчи (стр. 259) [5], хотя автору известны труды Шаванна и Штейна [6]; Я'куб-бек все еще принимает участие в защите Ак-Мечети (стр. 276) [7]. Древнейшая надпись семиреченских несториан относится к 858 г. (стр. 256), хотя эта ошибка была исправлена почти тотчас же, как она была сделана, и тем же ученым [8]. Обращение с общеизвестными фактами и датами более чем небрежное; достаточно сказать, что посольство Чжан Цяня вместо 138 г. до н. э. отнесено к 138 г. н. э. (стр. 252), к времени после побед Бань Чао и после Канишки. Таково же обращение с историческими фактами там, где на них делается ссылка при описании современных нравов. При «насильственном» обращении в ислам в X в. жители Кашгарии сделались суннитами, признавая над собой власть бухарского хана и через его посредство турецкого султана (стр. 310). Обрезание называется «одной из самых важных из пяти основ ислама» (стр. 315 и сл.); известно, что эти пять основ — исповедание единого бога и его посланника, молитва, уплата налога в пользу бедных, пост в месяц рамазан и паломничество в Мекку, и что обрезание есть только сунна, т. е. правило, установленное примером пророка и его первых последователей. Интересны, однако, в историческом очерке страницы, посвященные событиям после китайской революции 1911 г. (стр. 294—298), в главе о нравах и обычаях — некоторые наблюдения автора; так, ему случалось видеть, что торговец после неудачной попытки продать лошадь делал над ней знак креста как средство против дурного глаза; автор видит в этом след христианства (стр. 323).

Для русского читателя имеют значение, как дополнение к книге Корнилова [9], сведения о китайском управлении, так как после революции прежние титулы были заменены другими (стр. 242). Сведения о доходах, собираемых кашгарским даоинем (Tao-yin), и о размерах кашгарско-русской и кашгарско-индийской торговли приводятся с ссылкой на цифры 1913 г. (стр. 244 и 246); сопоставление этих цифр с приведенными у Корнилова указывает на отсутствие развития русской торговли и на некоторый упадок английской (сумма торговых оборотов на ферганской границе в 1900 г. — 2 566 839 руб., в 1913 г. — $2^1/_2$ млн.; торговля с Ладаком в 1898 г. — 2 383 000 руб.. в 1913 г. — 200 000 фунтов). Цифры о числе населения приводятся без ссылки на источник, некоторые из них возбуж-

[5] Ср.: Бартольд, ЗВОРАО, т. XV, стр. 0174; ⟨см. выше, стр. 353⟩; Долбежев, *В поисках развалин Бишбалыка*, стр. 77 и сл.

[6] Сэр Орель Штейн, бывший там в 1914 г., под «Бэйтином от Ханьской династии до Танской» описывает, по-видимому, другое городище, чем Долбежев, но находящееся в той же местности (Stein, *A third journey* (оттиск), p. 42).

[7] Веселовский, *Бадаулет Якуб-Бек*, стр. 96.

[8] Хвольсон, *Предварительные заметки*, стр. 88; его же, *Дополнения и поправки*, стр. 303. Та же ошибка была повторена в очерке истории сирийской литературы В. Райта ⟨Wright, *Syriac literature*⟩ и исправлена редактором русского перевода П. К. Коковцовым ⟨(Райт, *Краткий очерк*, стр. 136)⟩.

[9] Ср. о ней Бартольд, ЗВОРАО, т. XV, стр. 0131 и сл.

дают сомнение именно своим полным совпадением с цифрами Корнилова [10]; маловероятно, например, чтобы число китайцев осталось без изменения с 1900 до 1915 г. Совершенно различные цифры приводятся обоими авторами о числе населения больших городов; по Сайксу: Кашгар 80 000, Яркенд 70 000 [11], Хотан 50 000; по Корнилову: Кашгар с предместьями, но без пригородных селений 36 500, Яркенд 45 000, Хотан 15 000.

Отмечая скудость культурной жизни мусульманской Кашгарии в прошлом (стр. 266, о *Та'рӣх-и Рашӣдӣ*, «единственном ценном литературном произведении, вышедшем из Восточного Туркестана»), застой в настоящем и отсутствие данных для прогресса в будущем (стр. 237), автор в то же время находит, что немного на свете стран, где народ был бы так доволен своей судьбой (стр. 306). Этими словами заканчивается глава, посвященная типичному, по мнению автора, земледельческому хозяйству семьи знакомого автору жителя окрестностей Кашгара, Исы-хаджи.

---

[10] Ср.: Sykes, *Through deserts*, p. 242, и Корнилов, *Кашгария*, стр. 230 — о числе таджиков, китайцев, индийцев и цыган, или абдали.

[11] Ср. M. Hartmann, *Chinesisch-Turkestan* (был в Кашгаре и Яркенде в 1902—1903 гг.) — о Кашгаре (стр. 89): «Die Schätzung von 50 000 Einwohnern wird ungefähr das Richtige treffen» — и о Яркенде (стр. 92): «60 000 sind als Höchstes anzunehmen».

M. A. Czaplicka, The Turks of Central Asia in history and at the present day. An ethnological inquiry into the Pan-Turanian problem, and bibliographical material relating to the early Turks and the present Turks of Central Asia

Oxford, 1918. 243 p. 8°

Книга написана еще до окончательного решения исхода мировой войны, хотя на стр. 120 уже упоминается объявленное 1 ноября 1918 г. перемирие между союзниками и турками. Большая часть книги относится к более раннему политическому моменту, и в основу ее положена лекция, читанная автором [1] 24 октября 1917 г. в лондонской Школе востоковедения [2]. Посвященное рассмотрению политических вопросов приложение *B* говорит о замене в Германии берлинско-багдадского проекта проектом дороги из Берлина через Бухару в Пекин — проектом, осуществление которого представлялось возможным после заключения Брест-Литовского мира и дополнительного договора к нему. Автор старается доказать ненаучность проблемы туранизма, несоответствие между ней и действительными фактами этнографии и культурной истории, хотя предсказывает, что самая проблема останется «жгучим вопросом» еще долго после установления окончательного мира в Европе и Азии.

Автор привлек к рассмотрению этнографических и исторических вопросов значительную литературу, особенно на русском языке, но не является специалистом и в данной области, не знает турецких языков (это видно из сближения слова *кызыл* 'красный' с *kysi man*, стр. 54, т. е. *киши*; дальше, стр. 57, снова встречается неправильная транскрипция *kysi*), не имеет вполне ясного представления об истории науки и не в состоянии разобраться в противоречивых мнениях ученых. Автор не вполне убежден (это видно из его оговорки, стр. 61: «if it is right to identify Tura with Turks») в основательности упоминаемого им в другом месте (стр. 18)

---

[1] Из заглавного листа видно, что M. A. Czaplicka — воспитанница одного из оксфордских женских колледжей (Somerville College), была преподавательницей этнологии в оксфордской School of Anthropology.

[2] Директор Школы ⟨The School of Oriental Studies⟩, сэр Э. Д. Росс, упоминается в предисловии в числе лиц, читавших книгу в рукописи и давших полезные указания. ⟨Оценку идеологических, политических и научных позиций М. Чаплицкой, отраженных в рецензируемой книге, см. Бернштам, *Социально-экономический строй*, стр. 28—29.⟩

мнения Блоше о тождестве туров Авесты с турками, но совершенно не упоминает о мнении, широко распространенном среди ученых, особенно среди иранистов, по которому туры были иранским народом, и потому не возражает против употребления слова «туранский» в смысле «урало-алтайский», упоминает даже, без отрицательной оценки, о попытке Макса Мюллера поставить рядом с севернотуранской (урало-алтайской) лингвистической группой южнотуранскую (некоторые из неарийских языков Индустана и Индокитая); не говорится о попытке распространить термин «туранский» на язык досемитического населения Месопотамии. Ненаучным представляется ему, во-первых, употребление лингвистического термина для обозначения расовой принадлежности, во-вторых, еще в большей степени, употребление слова «туранский» в смысле «турецкий», когда такое же право на это название имеют языки тунгусские и монгольские (стр. 19). Из книги автора мы не узнаем, что слово «туранский» вызывает резкие возражения и как лингвистический термин, хотя Нёльдеке, считающий вопрос об иранстве туров не вполне решенным (ausgemacht), настаивает на сохранении слова «туранский» как удобного термина для обозначения большой группы народов; вполне соответствующих своему (первоначальному) значению научных терминов, по его мнению, вообще не существует [3].

В классификации турецких наречий автор больше всего примыкает к Вамбери, только соединяет из пяти групп Вамбери четыре группы в одну — «восточных турок», в противоположность западным (туркам Османской империи, Персии и Афганистана). Как деление более географическое и культурно-историческое, чем лингвистическое, предлагается делить восточных турок на иранских и туранских; к первым относятся турки, поселившиеся в стране, уже в Авесте относимой к Ирану. В действительности, как известно, различие между арийцами и турами остается в Авесте географически совершенно неопределенным. Насколько это деление неудачно, видно хотя бы из того, что к иранским туркам причисляются таранчи (стр. 36), к туранским — кашгарцы (стр. 58); между тем таранчи только в XVIII в. были переселены китайцами из Кашгарии в Илийскую долину, т. е. представляют тот же народ, как кашгарцы, о которых книга вообще дает совершенно неправильное представление; говорится, что они преимущественно скотоводы, «большею частью» мусульмане, «особенно те из них, которые находятся в китайском подданстве», и принадлежат к «чистейшим туранцам по языку, вероятно также по физическому типу». К туранским туркам, по месту жительства, причисляются киреи (стр. 57); совершенно не принимается во внимание факт, о котором автор мог бы узнать хотя бы из книги Н. А. Аристова [4], что

---

[3] Nöldeke, ZDMG, Bd LVI, S. 431.

[4] ⟨*Этнический состав*⟩; о ней см. Бартольд, ЗВОРАО, т. XI, стр. 341; ⟨выше, стр. 266—279⟩.

киреи входят в состав киргиз-казакского народа (автор везде пишет *kaizak*), именно Средней орды; киргиз-казаки вообще причисляются к иранским туркам, хотя в то же время им приписывается «промежуточное положение между обеими группами» (стр. 39). Неудачное деление на иранских и туранских турок нужно автору для того, чтобы доказать отсутствие среди восточных турок культурного единства (едва ли этот факт нуждается в доказательствах). По мнению автора (стр. 79), жизнь иранских турок всецело определялась «устарелыми остатками арабско-персидских цивилизаций, постепенно подвергавшимися влиянию медленного, тяжеловесного прогресса русской культуры»; туранские турки сохранили свою первоначальную культуру, не подчинившись ни арабско-персидской, ни китайской, но находятся в полной экономической зависимости от русской колонизации и из всех турок более всего подвергаются влиянию русской крестьянской жизни.

В истории восточных турок различаются четыре эпохи: 1) от первого смутного упоминания турецких народностей в древнейших китайских летописях и в Авесте до VI в. н. э.; 2) от VI в. (появление названия турок) до XIII в. (монгольское нашествие); 3) от империи Чингиз-хана до начала русского наступления в XVII в.; 4) борьба с Россией и русское управление до революции 1917 г. (стр. 61). Сравнительно много места отводится археологическому материалу (стр. 80 и сл.), хотя вопрос об этнографическом и хронологическом приурочении этого материала остается нерешенным; говорится только, что нет доказательств в пользу принадлежности народа бронзового века к другой расе, чем народ железного века (стр. 107). Интересные замечания заимствуются из новейших трудов финляндского ученого Тальгрена, по мнению которого енисейская бронзовая культура сложилась более всего под влиянием иранского Туркестана; влияние Китая, так мощно проявляющееся в железном веке, в период бронзы менее заметно; цинк, входящий в состав енисейской бронзы, в Китае не употреблялся (стр. 88). В спорных вопросах об этнографическом происхождении исторических народностей автор не имеет собственного мнения и только отмечает пристрастие специалистов к племенам, составляющим предмет их изысканий; отсюда пансамоедские теории Кастрена и Кострова (стр. 55), панмонголизм о. Иакинфа Бичурина, теории «турколога» (Turkic scholar; в этом случае предположение о специальности исследователя оказалось ошибочным) Аристова; специалистом по исследованию тунгусов на основании переведенных о. Иакинфом китайских текстов могли бы быть созданы такие же тунгусские теории (стр. 74). Некоторое увлечение среднеазиатским искусством проявляется в мнении автора, что впоследствии никакие турки в Средней Азии не достигали такой культурной высоты, как первые турки, воспользовавшиеся арийским искусством и семитской письменностью (стр. 99). Правильно отмечается (стр. 101), что в период енисейских и орхонских надписей турки были не столько степным, сколько лесным народом (автор

мог бы прибавить, что такое же передвижение из лесов в степи впоследствии совершили монголы); но совершенно неверно мнение (стр. 107), основанное только на ошибочном переводе В. В. Радлова, будто автор надписей Кюль-тегина и Бильге-хана (или хан, которому эти надписи влагаются в уста) уговаривал свой народ довольствоваться дарами своей страны и осуждал стремление к завоеваниям. Слов «Whence came your lust for warfare?», в переводе Радлова «Von wo ist die Waffenfreude gekommen und hat (dich) fortgerissen?» [5], в надписи нет.

Автор приводит заглавия некоторых из своих трудов о Сибири, ее древностях и ее населении, но с Туркестаном он, по-видимому, совершенно незнаком, и потому мы находим в его книге совершенно неправильное толкование статистических цифр, заимствуемых из русских официальных изданий, особенно из «Азиатской России» [6]. Так, говорится (стр. 28), что мусульмане по переписи 1897 г. составляли 99% «турок в Фергане», в действительности эта цифра относится ко всему населению Ферганы; если сложить цифры, указанные переписью для заведомо нетурецких и немусульманских элементов, то итог оказывается даже несколько более значительным, чем цифра, получаемая при вычете числа мусульман из общего числа жителей [7]; немусульманских турок в Туркестане нет. Столь же странен вывод (стр. 29), что ислам в Туркестане, по-видимому, еще распространяется, так как в 1897 г. мусульман было 6 996 654, в 1911 г. — 8 233 982 [8]; в действительности это увеличение объясняется частью естественным приростом, частью притоком переселенцев, например из Персии в Закаспийскую область, где в 1897 г. считалось представителей индоиранской ветви 8599, в 1911 г. — 24 350 [9].

Только неосведомленностью автора объясняются слова о взятии в 1868 г. Самарканда, «столицы иранских турок» (стр. 79); Самарканд

[5] Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, Neue Folge, S. 138. Ср. перевод той же строки (R. K. 23=Th. I E 23) у Томсена (*Inscriptions de l'Orkhon*, p. 105) и Мелиоранского (*Памятник в честь Кюль-Тегина*, стр. 70, 115).

[6] Ср. Бартольд, ЗВОРАО, т. XXII, стр. 337 и сл.; ⟨наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 643 и сл.⟩. В статистических таблицах *Азиатской России* с цифрами переписи 1897 г. сопоставляются данные за 1911 г. на основании «подсчета по приблизительным сведениям местных губернских и областных статистических комитетов» (*Азиатская Россия*, т. I, стр. 64); предполагаемого автором (стр. 22) «additional local census of 1911», с регистрацией лингвистических данных «более внимательными наблюдателями» (more careful observers), на самом деле не было. С другой стороны, непонятно, почему автор считает сведения 1911 г. о распространении православия менее точными, чем сведения о языке населения.

[7] Всего в Ферганской области 1 572 214, мусульман 1 557 057, т. е. немусульман 15 157; по национальностям (*Азиатская Россия*, т. I, стр. 82) русских 9842, монголов и бурят 45, финнов 695, культурных народов Дальнего Востока 159, западных европейцев 3419, евреев 1118, всего 15 278.

[8] *Азиатская Россия*, т. I, стр. 236; цифра относится не к Туркестану, но ко всей Средней Азии, со включением областей бывшего Степного генерал-губернаторства.

[9] Там же, стр. 85.

к этому времени давно утратил свое прежнее значение. Не совсем соответствуют действительности слова о Средней Азии как месте столкновения различных культурных и политических влияний за все время своей истории, «за исключением, может быть, периода между XIV и XVII веками» (стр. 110). В действительности и эпоха Тимуридов (XV в.) была для Средней Азии еще временем оживленного международного общения. Упоминая о трудах ученых различных национальностей в новейшее время по изучению древностей Средней Азии, автор высказывает мнение, что никакая Лига наций не могла бы создать более полной гармонии, и выражает надежду, что в будущем такое же международное сотрудничество окажется возможным в области политики (стр. 111). В действительности, как известно лицам, близко стоявшим к делу, гармония и в области научных исследований была не так велика.

Много места (стр. 121—234, т. е. почти половина всей книги) отведено библиографии. Тем не менее автор признает неизбежность пробелов (стр. 121 и сл.), которые, действительно, встречаются. Из ценных русских работ не упоминаются, например, работы Л. С. Берга, К. А. Иностранцева (кроме составленной совместно с Я. И. Смирновым археологической библиографии) [10], В. И. Масальского. Случается, что в библиографии опущена статья, на которую есть ссылка в тексте книги (ср. ссылку на статью А. Н. Самойловича [11], стр. 42; в библиографии не упомянута ни эта статья, ни вообще статьи А. Н. Самойловича в «Живой старине»). Случается, что статья вносится в библиографию по отдельному оттиску, без указания издания, где она появилась (статья бар. А. Ф. Сталь-Гольстейна *Сюань-Дзан*). Заглавие русской книги иногда восстанавливается предположительно; оттого *Краткая история Кокандского ханства* В. П. Наливкина обратилась в «Историю ханата Коканда». Довольно часты недоразумения с фамилиями русских ученых; А. Д. Рудневу приписана статья Н. Руднева о древних городах по Сыр-Дарье [12]; с другой стороны, К. Г. Залеман разделен на два лица, Салеман (sic) С. и Салеман К. Г. Довольно часты опечатки в заглавиях, притом не только русских работ; ср. заглавие изданного Блоше труда Рашид ад-дина (Fricasseurs de Schinkkiz Khaghan вм. Successeurs de Tchinkkiz Khaghan). Тем не менее за эту библиографию, несомненно, будут благодарить автора все, кто будет ею пользоваться [13].

---

[10] ⟨Иностранцев — Смирнов, *Материалы для библиографии*.⟩

[11] ⟨*Запретные слова*⟩.

[12] ⟨Руднев, *Следы древних городов*.⟩

[13] ⟨Общую негативную оценку библиографии М. Чаплицкой см. Sinor, *Introduction*, p. 195.⟩

Б. Я. Владимирцов, Чингис-хан

Издательство З. И. Гржебина. Берлин—Петербург—Москва, 1922. 176 стр. 8° мал.

К числу тех изданий З. И. Гржебина, которым следует пожелать самого широкого распространения, принадлежит и «Чингис-хан» Б. Я. Владимирцова, лучшая в настоящее время, насколько мне известно, книга по данному предмету не в одной только русской литературе. Из всей обширной литературы о Чингиз-хане автор называет, в качестве «имеющих особое значение» пособий, только «Histoire des Mongols» д'Оссона и «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» пишущего эти строки. Автор вполне справедливо отдает старому труду д'Оссона (в текущем 1924 г. исполнилось столетие со времени выхода первого издания) предпочтение перед более поздними западноевропейскими сочинениями, в том числе перед «History of the Mongols» Ховорса (Howorth), вышедшей в 1876 г. (отрывок о Чингиз-хане через 25 лет, когда его давно уже успели опередить русские труды, был издан в русском переводе в Ташкенте). Говорить о «Туркестане в эпоху монгольского нашествия» здесь не место, но, вероятно, ни сам автор, ни знакомые с моим трудом читатели не будут оспаривать, что из этого труда и из других моих работ о Чингиз-хане в книжку Б. Я. Владимирцова вошло очень многое. Источник, которым больше всего пользуется автор при воспроизведении личности Чингиз-хана, — так называемое «Сокровенное сказание о монгольском народе»; как отметил Б. Я. Владимирцов в другом своем труде [1], характер этого источника как «богатырского сказания» впервые был определен мною.

Само собою разумеется, что как этот источник, так и другие использованы в книжке Б. Я. Владимирцова совершенно самостоятельно, и из них извлечено гораздо больше подробностей, имеющих значение для характеристики личности Чингиз-хана. Бесспорное преимущество автора заключается в основательном знании языка и быта монголов. «Сокровенное сказание» использовано им не только в переводе Палладия, сделанном с китайского, но и в монгольском подлиннике. В выдержках из «Сокровенного сказания», приведенных автором, иногда встречаются характерные фразы, которых в переводе Палладия нет; например, на стр. 30 слова

[1] *Монголо-ойратский эпос*, предисловие.

богатыря Сорган-Ширы: «Вот именно за такие-то твои способности тайчиюты и ненавидят тебя, говоря, что у тебя огонь в глазах и свет на лице. Ты так и лежи, я не укажу» (у Палладия: «Вот за такую-то сметливость твою братья Дайичиут ненавидят и преследуют тебя. Будь осторожен и лежи так, я не донесу на тебя»). Если тем не менее текст выдержек из «Сокровенного сказания» в книжке Б. Я. Владимирцова, несмотря на доступность автору монгольского подлинника, большей частью буквально совпадает с текстом перевода Палладия, то это, по-видимому, только лишний раз свидетельствует о достоинствах как китайского перевода XIV в., так и перевода великого русского синолога XIX в. Интересны факты, по-видимому лично установленные автором во время его путешествий; сюда относится сообщение о почитании современными монголами белого знамени (*сульде*) Чингиза, «того самого, которое ходило с войсками Чингис-хана от победы к победе» (стр. 72) [2], причем монголы при этом поминают хорезмшаха Джелаль ад-дина «и благодарят духа-хранителя войска за поражение, которое ему было нанесено» (стр. 139).

Работа Б. Я. Владимирцова, таким образом, представляет шаг вперед по сравнению с прежними работами, но, по всей вероятности, она недолго останется последним словом науки по данному вопросу. Характерно, что среди пособий он не называет трудов синологов, из китайских источников упоминает только официальную историю монгольской династии (*Юань-ши*) и записки китайских путешественников, видевших Чингиз-хана, — генерала Мэн Хуна [3] и даосского монаха Чан-чуня. Таково приблизительно было состояние науки до настоящего времени (среди трудов синологов по истории монголов нет ни одного, который мог бы выдержать хотя бы отдаленное сравнение с трудом д'Оссона); но теперь с синологической стороны к историкам предъявляются новые требования. Характерны в этом отношении слова проф. П. Пельо (1920 г.) в его отзыве о труде Маркварта: «Il est aujourd'hui impossible d'étudier un sujet de l'époque mongole sans remonter aux sources d'après lesquelles a été écrite l'ancienne histoire officielle chinoise de cette dynastie, intitulée Yuan che» [4]. Пельо называет несколько таких источников, в том числе надгробные надписи, которым посвящены особые сборники. Кроме того, такой важный источник, как сочинение Мэн Хуна, «самое раннее», по словам Пельо, «сочинение о монголах», требует, по-видимому, нового перевода, так как перевод Васильева признается только «посредственным» (переводам Палладия Пельо отдает полную справедливость).

Б. Я. Владимирцовым тщательно использованы как рассказы видевших Чингиз-хана китайцев — Мэн Хуна и Чан-чуня, так и скудные сведения, передаваемые мусульманскими историками, особенно Джузджани,

---

[2] Ц. Ж. Жамцарано, наоборот, слышал в Южной Монголии в 1910 г., что девятиножное белое знамя «сулде» хранится в чертогах русского царя.

[3] 〈Чжао Хун; см. выше, стр. 255.〉

[4] 〈Pelliot, *A propos des Comans*, p. 131.〉

со слов видевших Чингиз-хана мусульман (непосредственно ни один рассказ мусульманина, который бы видел Чингиз-хана собственными глазами, до нас не дошел). В сущности, мы только в этих рассказах находим объективно установленные факты, дающие возможность делать выводы о действительных чертах характера Чингиз-хана. Предания самих монголов не только в том виде, как они изложены в «Сокровенном сказании», но и в своей официальной версии, известной нам по двум редакциям, персидской (Рашид ад-дин) и китайской (*Юань-ши*), излагают факты в явно эпическом освещении, причем не всегда легко решить, какие из эпических подробностей являются отголоском действительных происшествий и какие обязаны своим происхождением исключительно эпическому трафарету, несомненно уже существовавшему у монголов XIII в. Такой поэт, как автор «Сокровенного сказания», древнейшего из дошедших до нас и в то же время, по отзыву Б. Я. Владимирцова, самого замечательного произведения монгольской литературы, не мог явиться без предшественников. Само собою разумеется, что мотивы эпической поэзии связаны с богатырским идеалом, идеал — с фактами жизни; но судить по эпическим рассказам о действительной жизни монгольской аристократии было бы столь же ошибочно, как судить о жизни европейского рыцарства по «рыцарским романам».

Вопрос об отношении эпических рассказов к фактам в книге Б. Я. Владимирцова почти не затронут. Между тем в среднеазиатском эпосе для возникновения легенд не требуется большого промежутка времени. Младший сын Чингиз-хана, Тулуй, умер в 1231 или в 1232 г., «Сокровенное сказание» закончено в 1240 г.; между тем явно легендарный рассказ о смерти Тулуя находится уже в «Сокровенном сказании». Так же быстро возникали легенды в среднеазиатских степях и впоследствии, что иногда вводило в заблуждение европейских исследователей. Эпический рассказ о бегстве Едигея с пира Тохтамыша к Тимуру в 1391 г. находится уже у младшего современника Едигея, Ибн Арабшаха, вследствие чего покойный П. М. Мелиоранский полагал, что сказание передает действительное происшествие; между тем, по более достоверному источнику, по ярлыку Тохтамыша от 1393 г., Едигей был только посланцем мятежных царевичей и вельмож.

По предположению проф. Пельо, судьба исторических лиц и в «Сокровенном сказании» могла быть предметом эпических рассказов, совершенно лишенных фактической основы. Сюда относится, по его мнению, известный рассказ о бегстве Сенгуна кераитского, об измене его конюшего и о наказании изменника Чингиз-ханом. Б. Я. Владимирцов не касается этого рассказа, но придает много значения повторяющемуся в целом ряде других рассказов тому же эпическому мотиву и пользуется им для характеристики Чингиз-хана: «Он всегда поощрял верных слуг и наказывал смертью изменивших своему господину, хотя бы этот господин был злой враг самому Чингису» (стр. 64). Такие же рассказы часто встречаются в в монгольской истории после Чингиз-хана, из чего покойным Н. И. Весе-

ловским был сделан вывод, что «у кочевых народов северо-восточной Азии существовало вполне определенное представление о недопустимости убиения лиц знатных простыми людьми». Н. И. Веселовский приводит рассказ, приведенный также Б. Я. Владимирцовым, о том, как Чингиз-хан наградил двух вассалов своего главного врага, Таргутай-Кирильтука, отказавшихся от мысли привести к Чингиз-хану своего господина и отпустивших его на волю. Замечательно, что о судьбе того же Таргутай-Кирильтука мы находим в другой версии монгольского предания, у Рашид ад-дина, два других рассказа, совершенно непримиримые ни с рассказом «Сокровенного сказания», ни между собой. По одному рассказу, названные в «Сокровенном сказании» лица в действительности привели Таргутай-Кирильтука к Чингиз-хану; по другому — воины Чингиз-хана убили Таргутай-Кирильтука во время преследования. Наконец, у Рашид ад-дина есть рассказ (персидский текст в этом месте несколько искажен), где, как в «Сокровенном сказании», говорится, что захватившие Таргутай-Кирильтука некоторое время стерегли его, потом отпустили на волю.

Из этого видно, что установить по монгольским эпическим сказаниям фактические данные не так легко, как может показаться читателям книжки Б. Я. Владимирцова. «Сокровенное сказание» довольно часто находится в противоречии с официальной версией эпоса; так, один и тот же варварский поступок (приказ сварить живыми пленных князей в 70 котлах) приписывается у Рашид ад-дина Чингиз-хану, в «Сокровенном сказании» — его сопернику Чжамухе, из чего, между прочим, видно, что такая расправа вовсе не представлялась авторам эпоса отвратительной жестокостью. Б. Я. Владимирцов (стр. 49), по примеру Березина, принимает версию «Сокровенного сказания»; в связи с этим находится и его мнение (приблизительно то же самое раньше было высказано мною), что Чингиз-хан «никогда не обнаружил какой-то особой жестокости и кровожадности» (стр. 171). Совершенно различно рассказывается в «Сокровенном сказании» и у Рашид ад-дина о судьбе самого Чжамухи, когда он был взят в плен Чингиз-ханом. И в этом случае Б. Я. Владимирцов (стр. 69), по моему примеру, отдает предпочтение версии «Сокровенного сказания»; но не невозможно, что действительности не соответствует ни та, ни другая версия и что Чжамуха вообще не был взят в плен, а спасся бегством. В рассказе Джувейни о взятии Чингиз-ханом Бухары (1220 г.) упоминается какой-то Гурхан, монгол, будто бы раньше находившийся на службе у Чингиз-хана и перешедший от него к хорезмшаху Мухаммеду; этот Гурхан пал, храбро сражаясь, при защите бухарской цитадели. Известно (так и у Владимирцова, стр. 51), что титул *гурхан* носил Чжамуха (правда, чтение Гурхан находится не во всех рукописях труда Джувейни).

По-видимому, только из китайских источников могут быть извлечены новые фактические сведения о Чингиз-хане; дальнейшее изучение мусульманских источников едва ли много прибавит к тому, что уже было приведено в известность предшественниками Б. Я. Владимирцова. Выра-

жалась также надежда найти если не новые фактические сведения, то новый материал для характеристики самого Чингиз-хана, его сподвижников и его народа в монгольской народной литературе. Современный исследователь Ц. Ж. Жамцарано старался доказать, на основании собранных им материалов по «древней религии монголов», что монголы находились под влиянием «не одного только честолюбия и не одной лишь жажды наживы», но прежде всего под влиянием религиозного воодушевления: «Монголы ежеминутно чувствовали над собой и под собой сотрудничество и волю богов — тенгриев. И Чингис в глазах массы является лишь посланником тенгрия, он — герой, он — божественен». Б. Я. Владимирцов не идет, конечно, так далеко; но в характеристике личности и в объяснении действий Чингиз-хана и им, может быть, отводится слишком значительное место религиозному миросозерцанию. По мнению Б. Я. Владимирцова, Чингиз-хан постоянно чувствовал над собой особое покровительство «Вечного Синего Неба» и верил выразителям небесной воли — шаманам. В расправе с шаманом Кокчу я в свое время видел доказательство, что «Чингиз-хан лично был свободен от суеверного почитания шаманов»; по мнению Б. Я. Владимирцова (стр. 91), Чингиз-хану для этой расправы пришлось «подавить свой суеверный страх перед шаманом». В источниках, насколько мне известно, никакого отголоска таких колебаний нет. В другом месте (стр. 174 и сл.) Б. Я. Владимирцов выписывает из Рашид ад-дина приписанный самому Чингиз-хану рассказ о том, как ему удалось одному справиться с шестью врагами и овладеть их конями. У Рашид ад-дина Чингиз-хан этим рассказом хочет указать, что его не напрасно называют могучим богатырем, по Б. Я. Владимирцову — что «Небо не допустило ему умереть случайной смертью».

Насколько этот рассказ соответствует действительным фактам, это, конечно, более чем спорно. В «Сокровенном сказании» чаще приводятся факты противоположного характера, в которых Б. Я. Владимирцов видит доказательство отсутствия у Чингиз-хана «особой личной храбрости» (стр. 173); в одном случае он «проявил себя осторожным до малодушия» (стр. 36). Такие же противоречия в чертах характера Чингиз-хана отмечаются в других местах; «Чингис-хан, несомненно, отличался подозрительной жадностью (выражение, конечно, не вполне удачное), ревниво оберегая свое достояние» (стр. 173); в то же время о нем говорили в народе: «Этот царевич Темучин снимает платье, которое носил, и отдает; с лошади, на которой сидел, сходит и отдает» (стр. 60). Следовало бы, может быть, отметить, что эти противоречия находятся не в одном и том же источнике, но зависят от противоположной тенденции двух основных версий эпоса о Чингиз-хане: степной, или богатырской, и придворной, или династической. В первой версии нередко проявляется стремление прославить сподвижников Чингиз-хана в ущерб ему самому, во второй этого стремления, конечно, нет; из первой версии заимствуются рассказы, где проявляется жадность и малодушие, из второй — рассказы о щедрости и молодечестве.

В книжке Б. Я. Владимирцова встречаются ссылки на «монгольские предания» и «монгольские былины», но вообще автор мало пользуется монгольской народной литературой, в чем он, по всей вероятности, прав. Между прочим, только в монгольских сказаниях воспевается Кулан, мергитская жена Чингиз-хана, причем Чингиз-хан изображается «сильно увлеченным» этой «прославленной красавицей». По этому поводу ставится вопрос, едва ли не лишний: «Любил ли когда-нибудь Чингис настоящей любовью какую-нибудь женщину?» (стр. 162). Даже завоевателей, действовавших в иной культурной обстановке, например Александра Македонского или Наполеона, трудно представить себе «увлеченными любовью»; еще менее вероятен был бы такой эпизод в жизни Чингиз-хана, у которого, по словам Рашид ад-дина, было до 500 жен и наложниц. В одном из приписанных Чингиз-хану изречений к женам предъявляется требование, чтобы они умели в отсутствие мужей держать в порядке дом и достойно принять гостя, вообще поддерживать славу своих мужей: «Хорошие качества мужей узнаются по хорошим качествам жен». В этом отношении официальная версия предания вполне сходится с «Сокровенным сказанием»; перечисляя преимущества Чингиз-хана перед собой, Чжамуха, между прочим, говорит: «Жена моя болтунья». Чингиз-хан, по-видимому, был так же счастлив в своих женах, как в своих сыновьях и сподвижниках. Трем его главным женам приписываются благоразумные советы, вызывающие одобрение их мужа; слова «Борте говорит дело» и «Кулан говорит дело» приводятся и в книжке Б. Я. Владимирцова (стр. 42 и 163); в «Сокровенном сказании» Чингиз-хану также приписываются слова: «Есуй говорит дело», притом по еще более важному поводу: по вопросу о необходимости заблаговременно назначить наследника престола. Разумеется, в «Сокровенном сказании», как во всяком богатырском эпосе, есть романтические эпизоды, но героем их не является Чингиз-хан; сюда отчосится приведенный у Б. Я. Владимирцова (стр. 163) рассказ о вздохе, вырвавшемся у Есуй в присутствии ее прежнего жениха. Даже мать Чингиз-хана Оелун, впоследствии оказавшаяся мудрой домоправительницей и воспитательницей, сделалась женой Есугай-багатура против своей воли и трогательно простилась со своим первым мужем, у которого ее насильно отняли: «Если сохранишь свою жизнь, пусть будет у тебя жена, похожая на меня; коли будешь помнить обо мне, то назови другую жену свою моим именем».

За последние годы в русской литературе, как понятная реакция против прежних крайностей, проявляется стремление доказать, что татары, завоевавшие Русь, вовсе не были кровожадными варварами и по уровню своей культуры превосходили чуть ли не всех своих современников. Б. Я. Владимирцов, конечно, чужд таких стремлений, но и у него мы встречаем несколько странные в устах историка слова: «Злодеяния, которые совершил Чингис или готов был совершить, находят себе смягчающие обстоятельства в воззрениях той среды, в которой жил Чингис» и т. д.

(стр. 173). В подобных попытках оправдания не нуждается ни исторический народ, ни исторический деятель. Историку приходится брать ход истории таким, каким он был и каким он не мог бы быть, если бы не было людей, готовых проливать кровь ради достижения своих личных честолюбивых целей. Находящаяся уже в «Сокровенном сказании» легенда о том, что Чингиз-хан родился с комком запекшейся крови в руке, наглядно показывает, что количество крови, пролитой по повелению Чингиз-хана, поражало и его монголов, несмотря на то что представление о нравственной ответственности перед «Вечным Небом» не только было «смутным», но едва ли вообще существовало. Монгольское язычество еще было на той стадии развития, когда в религиозные воззрения еще не вносятся этические начала. С представлением о пролитой крови не только не связывалось представление о загробной ответственности, но, напротив, существовало представление, что убитые люди будут служить на том свете тому, кто их убил или ради кого они были убиты.

Исключительное внимание к личности своего героя несколько отвлекло Б. Я. Владимирцова от другой, может быть, еще более благодарной задачи: дать читателю ясное представление о той среде, географической, этнографической и культурной, в которой жил и действовал Чингиз-хан. Читатель популярной книжки нуждался бы в гораздо более многочисленных и отчетливых пояснениях. Ему сообщается, что «Кучлук бежал в Семиречье, к господствовавшим там „Кара-Киданям"» (стр. 68); что перед Цзиньцами над Китаем властвовали кидане (стр. 102); что Кучлук воспользовался «движением мусульман против Гурхана, т. е. государя народа Кара-китаев, вышедшего из Китая и основавшего там (т. е. в Семиречье) государство в первой половине XII века» (стр. 118); но нигде не сказано, что *Кидань* есть только китайская транскрипция народного названия *Китай*; не сказано тоже, как это народное название было перенесено на страну с совершенно иным составом населения. Рашид ад-дин объясняет широкое распространение названия татар исключительно возвышением татар около озера Буир-Нор во второй половине XII в., т. е. историческим фактом, едва ли получившим сколько-нибудь широкую известность на Западе; он не мог знать, что народное название *татар* встречается уже в VIII в. и было известно мусульманам уже в X в.; Б. Я. Владимирцов (стр. 15 и сл.) как будто принимает объяснение Рашид ад-дина. Названия несуществующих теперь городов, как Отрар, приводятся без всяких пояснений. В словах об отрядах, посланных «вверх и вниз по Аму-Дарье» (стр. 132), вместо «Аму-Дарье», как видно из контекста (стр. 130), надо читать «Сыр-Дарье». Не говорится, что различие между словами *хан* (*кан*) 'царь' и *каган* 'император' (стр. 13 и сл.) первоначально не существовало и впоследствии соблюдалось далеко не всегда; поэтому читателю не объясняется, почему одни и те же лица называются то ханами, то каганами. Словом *карачу* обозначалось не только простонародье, в противоположность аристократии (стр. 13 и 42), но и весь народ, в противополож-

ность ханскому дому. Сомнительно, чтобы «самым цивилизованным племенем тогдашней Монголии» были найманы (стр. 64), а не жившие около Великой стены «белые татары» — онгуты (стр. 22), «народом Сартагул» монголы называли не только хорезмийцев (стр. 126), но вообще людей мусульманской культуры, особенно среднеазиатских иранцев; Рашид ад-дин обыкновенно передает слово *сартагул* словом *таджик*. О распространении среди монголов христианства (известно, что новые сведения по этому вопросу добыты проф. Пельо [5]) и о роли мусульманских купцов могли бы быть собраны более подробные сведения. Интересно было бы отметить, что, по Абу-л-Фараджу, христианской была жена мергитского князя Даир-Усуна, Туракина, впоследствии жена Угэдэя и мать Гуюка, тогда как сын Даир-Усуна, брат жены Чингиз-хана, Кулан, носил имя Джемаль-ходжа, т. е., по всей вероятности, был мусульманином. Не говорится, что младший брат Чингиз-хана, Темуге-отчигин, «очень любил постройки и везде, куда приходил, устраивал дворец, павильон и сад» (слова Рашид ад-дина), т. е. в большей степени, чем Чингиз-хан, подчинился внешнему влиянию цивилизации. Не отмечаются те черты материальной культуры, которыми быт монголов XIII в. отличался от быта современных кочевников, в том числе гораздо более широкое употребление колесных повозок, о чем постоянно говорится и в «Сокровенном сказании». Все это показывает, что и после книжки Б. Я. Владимирцова для историка Чингиз-хана и его эпохи остается обширное поприще, но нисколько не отражается на оценке самой книжки, значение которой определяется не тем, чего в ней нет, а тем, что в ней есть и что, как уже было сказано в начале рецензии, представляет несомненный шаг вперед по сравнению с тем, что было раньше.

---

[5] ⟨*Chrétiens.*⟩

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ТУРЕЦКИХ НАРОДНОСТЕЙ

Среди научных дисциплин, которые могут быть отнесены к области турокологии, в особом положении находится история турецких племен и народностей. По ходу своей исторической жизни турки, за немногими исключениями, не могли создать исторической литературы на своем языке. История кочевых турецких племен нам известна, конечно, преимущественно по рассказам их культурных соседей; но даже там, где турки в завоеванных ими странах переходили к оседлости и где возникали культурные государства под властью турецких династий, влияние культуры побежденных было настолько сильно, что языком литературы, в особенности прозаической, оставался их язык, а не турецкий. История турок, живших в Восточной Азии, особенно в Монголии, откуда они были вытеснены, вероятно, в X в., нам известна почти исключительно по китайским источникам. О турках, переселившихся в западную часть Средней Азии и подчинившихся влиянию мусульманской культуры, мы получаем сведения из арабских и больше всего из персидских источников. Сверх того, в Туркестане в средние века вообще не было или, по крайней мере, не дошло до нас почти никаких произведений собственной исторической литературы; например, история монгольских ханов Средней Азии, история Тимура и его потомков нам известны почти исключительно по сочинениям, написанным в пределах Ирана. Более значительная историческая литература появилась в Туркестане только с XVI в. при узбеках. Из трех ханств, основанных узбеками, в Бухарском языком делопроизводства и исторической литературы был до конца, за немногими исключениями, персидский; в Хивинском — среднеазиатско-турецкий; в Кокандском ханстве писали иногда по-турецки, но чаще по-персидски. Из всех турецких государств только историю Османской империи можно изучить преимущественно по турецким историческим сочинениям, но и язык османских историков заключает в себе гораздо больше арабских и персидских слов, чем турецких, почти непонятен большинству турецкого народа и представляет мало привлекательного для турколога. Турколог, как и иранист (историю Ирана до монгольского периода также приходится изучать преимущественно по иноземным источникам — греческим и арабским), редко становится историком. Для изучения истории турецких народностей недоста-

точно быть туркологом, необходимо быть также, смотря по тому, какой эпохой интересуешься, синологом, арабистом или иранистом.

В мою задачу не входит воспроизведение общей картины истории турецких народностей; я постараясь только, насколько это возможно сделать в кратком очерке, дать понятие о характере доступных в настоящее время источников, о приемах исследовния, о стоящих на очереди вопросах.

Эпоху в истории турколологии составило, как известно, открытие в конце XIX в. орхонских исторических надписей и ключа к их чтению. Я не буду говорить о значении надписей как древнейших датированных памятников турецкого языка. Помимо своего лингвистического значения, надписи имеют не меньше значения и для историка, как рассказ турок VIII в. о себе, во многом дополняющий сведения китайских источников. Необходимо, однако, помнить, что, хотя со времени открытия датским лингвистом Томсеном ключа к чтению надписей прошло уже более 30 лет, дело разбора их еще далеко не закончено и толкование многих мест остается спорным. Попытки без знания языка, на основании существующих переводов, пользоваться надписями как историческим источником могут привести и часто приводили к совершенно ошибочным историческим выводам.

Орхонские надписи принадлежат первому по времени народу, называвшему себя турками, выступившему в VI в.; в турецком происхождении этого народа не было сомнения и до открытия памятников его языка. Разумеется, этот язык существовал и до VI в., хотя, может быть, тогда не назывался турецким.

На основании сообщений китайских источников о родстве и сходстве турок с теми или иными кочевыми народностями, выступившими в истории Китая раньше, европейскими учеными делались попытки определить, какие из этих народностей могли быть по языку турками. В новейшее время проф. Пельо, по-видимому, удалось найти в китайской литературе материал, дающий возможность поставить эти попытки на более твердую научную почву. Китайцами были составлены словари для языка некоторых из этих народов; в лекции, прочитанной осенью 1925 г. в Ленинграде, проф. Пельо упомянул о словаре языка сяньбийцев, народа, выступающего в I в. н. э. и владевшего Северным Китаем в IV и V вв.; по словам Пельо, этот словарь ясно показывает, что сяньбийцы были турками; между тем именно сяньбийцам европейские ученые никогда не приписывали турецкого происхождения, тогда как считали турками их предшественников, хуннов, приобревших впоследствии известность в истории Европы. В одной из своих статей проф. Пельо упоминает о словаре языка китаев, владевших Северным Китаем с X до XII в. и давших этой стране свое название; китаев чаще всего называли народом тунгусского происхождения, но словарь показывает, что их язык был монгольским. Монголами же, по мнению проф. Пельо, были непосредственные предшественники турок VI в.,

авары. Материал, которым располагает проф. Пельо, по-видимому, настолько важен, что до обнародования и исследования этого материала необходимо воздерживаться от решения вопросов о племенном происхождении того или другого народа соответствующей эпохи.

На исторические выводы, по-видимому, суждено оказать влияние и результатам новейших лингвистических исследований. Среди лингвистов давно уже возбуждал споры вопрос о положении чувашского языка, который наравне с якутским занимает особое место среди турецких языков и непонятен остальным турецким народам. Некоторые туркологи пытались объяснить все отличия чувашского языка от других турецких смешением турок с финнами, тогда как другие видели в этих отличиях остатки более ранней стадии развития самих турецких языков. Последние исследования Н. Н. Поппе безусловно говорят в пользу последнего взгляда. Сопоставляя турецкие наречия с монгольскими, Н. Н. Поппе приходит к заключению, что чувашский язык не принадлежит ни к тем, ни к другим и должен быть признан или третьим звеном в этой цепи, или, во всяком случае, остатком того периода, когда признаки турецких языков еще не успели образоваться.

Сопоставляя этот лингвистический факт с историческими, вероятно, придется признать чувашей остатком того первого по времени переселенческого движения из Средней Азии [1] в Европу, главными представителями которого были хунны [2]. С тем же явлением, вероятно, придется привести в связь как турецкие элементы в венгерском языке, так и существование еще в X в. особого языка по среднему и нижнему течению Волги, языка болгар и хазар, отличавшегося, по словам арабских географов, как от турецких, так и от финских языков. Древнейшими историческими предками чувашей в таком случае придется признать хуннов, выступающих в истории Китая в III в. до н. э.

К числу турецких народностей, упоминаемых сначала в китайских источниках, потом и в мусульманских, принадлежат киргизы, народ, живший сначала в верховьях Енисея и постепенно передвигавшийся на юго-запад, в сторону нынешней Джетысуйской области, или Семи-

---

[1] ⟨Центральной Азии.⟩

[2] Язык хуннов, так же как и чувашский, мог бы быть очень древней формой турецкого. Река Урал, в то время когда на ней жили хунны, т. е. во II в. н. э., называлась по Птолемею Δάϊζ (у Менандра Δαΐχ), Яик (начальное *д* сменилось на *й*, очевидно, из-за особенностей произношения тех, кто передавал это название; точно так же слово *joɣ*, обозначающее похоронный ритуал в орхонских надписях, передается византийцами как *dochia*); это название следует рассматривать как первое достоверно известное тюркское слово. Кроме того, есть еще более древнее слово *carthasim*, если только его действительно можно признать тюркским (ср. теперь Németh, *A Turkish word in Curtius Rufus?*). Нёльдеке, который вначале высказал это мнение, позднее на нем не настаивал; ср. его предисловие к книге Гутшмида (*Geschichte Irans*, S. VI). ⟨Примечание было сделано В. В. Бартольдом к немецкому переводу его доклада.⟩

речья, где он преимущественно живет в настоящее время. Все, что мы знаем из китайских источников о языке киргизов, указывает на турецкий характер этого языка, но в то же время приводятся антропологические черты, указывающие на нетурецкое происхождение, например светлые волосы. Свидетельство китайцев в этом случае вполне подтверждается свидетельством мусульман, которыми, вследствие указанных антропологических признаков, предполагалось родство по происхождению между киргизами и славянами. Перед нами, во всяком случае, несомненный факт существования таких антропологических признаков и столь же несомненный факт почти полного исчезновения их в последующие века; тот и другой факт должны быть, так или иначе, объяснены. В китайских источниках слово *киргиз*, в различных транскрипциях, встречается гораздо раньше, чем слово *турок*; древнейшую из этих транскрипций, *гяньгунь*, проф. Пельо объясняет монгольской формой единственного числа *кыркун*, что указывало бы на то, что китайцы получили сведения о киргизах от монголов. Неправильное чтение другой транскрипции создало слово *хакас*, как называют себя теперь живущие в той же местности, как и прежде киргизы, енисейские турки.

О культурном состоянии древних турок, кроме письменных известий, имеется и некоторый археологический материал. Изучение этого материала до сих пор сравнительно мало подвинулось вперед; особенные трудности представляет, как почти во всех случаях, где археологический материал не освещается или недостаточно освещается письменными известиями, точная датировка отдельных категорий предметов. Даже выдающиеся ученые приходили в этом отношении к совершенно ошибочным выводам; так, Радлов до открытия орхонских памятников полагал, что ни енисейские надписи, ни так называемые каменные бабы (надписи, как известно, встречаются и на «бабах») не могут принадлежать туркам, несмотря на вполне определенные известия как китайских, так и некоторых западных источников. Радловым отмечались и другие случаи противоречия, как ему казалось, между археологическим материалом и письменными известиями; так, китайцы говорят о существовании у турок обычая трупосожжения; в разрытых Радловым могилах, считавшихся турецкими, признака сожжения трупа не оказалось. Впоследствии, однако, такие могилы были найдены, и вообще свидетельство китайцев настолько ясно и определенно, что оспаривать его трудно. Произведенные в 1925 г. проф. Владимирцовым раскопки на месте орхонских памятников, особенно важные потому, что здесь мы имеем дело с памятниками, точно датированными, еще не дали окончательных результатов, хотя и привели к некоторым важным открытиям, например к открытию хорошо сохранившейся статуи турецкого воина VIII в.[3]. Шаткость сущест-

[3] Об этих раскопках см Владимирцов, *Этно-лингвистические исследования*, стр. 36—42.

вующих до сих пор приемов датировки археологических памятников вполне обнаружилась в последнее время — во время изучения археологических открытий монголо-тибетской экспедицией П. К. Козлова. Так как предметы были найдены вместе с китайскими монетами Ханьской династии, то первые исследователи были склонны относить их к последним векам до и к первым векам после нашей эры; так как вместе с предметами китайского производства были найдены предметы, явно указывающие на греческое влияние, то получался интересный вывод о существовании более ранних и более обширных, чем полагали прежде, культурных связей между Западом и Дальним Востоком. Однако впоследствии как знатоками культуры Китая, особенно проф. Пельо, так и знатоками античной культуры, особенно Б. В. Фармаковским, были приведены доказательства в пользу значительно-более позднего происхождения находок экспедиции [4].

* * *

Движению киргизов на юго-запад предшествовало движение того же народа на восток, в Монголию, где им около 840 г. было уничтожено последнее кочевое государство восточных турок, уйгурское. Это движение интересно как один из немногих примеров завоевательного движения турецкого народа с запада на восток; почти все движения турок происходили в обратном направлении. В то же время это была единственная попытка киргизского народа играть роль в политической истории Средней Азии (я, конечно, имею в виду народ, сам называющий себя киргизами, а не народ, по ошибке получивший такое название от русских). Для самих киргизов эта попытка не имела больших результатов; уже в начале X в. они были вытеснены из Монголии народом, как теперь указывают, монгольского происхождения, китаями, а этот факт, по-видимому, имел большое значение в истории постепенного вытеснения турок из восточной части Средней Азии [5] и передвижения их на запад, где они вошли в сферу влияния ислама, составляющего теперь религию огромного большинства турецких народностей.

История этих турок известна нам, конечно, главным образом по мусульманским источникам, и здесь, как при изучении истории более ранних, пограничных с Китаем турецких государств, многие вопросы могли быть поставлены в последнее время на новую почву благодаря открытию новых источников, среди которых выдаются персидское географическое сочинение конца X в., известное под названием «рукопись Туманского», персидский исторический труд Гардизи, составленный в XI в., но по более

[4] ⟨Имеются в виду результаты раскопок в 1924 г. могильника Ноин-Ула в Северной Монголии. Как показали позднейшие исследования, первоначальная датировка могильника была правильной; см. Бернштам, *Гуннский могильник Ноин-Ула.*⟩

[5] ⟨Центральной Азии.⟩

ранним источникам, и в особенности труд о турецких наречиях, составленный во второй половине XI в. на арабском языке Махмудом Кашгарским в Багдаде и заключающий в себе также большое число сведений географического и этнографического характера о турецких народностях, о местах их расселения, о принадлежащих в то время туркам городах и т. п.

И в этом случае приемы критики источников еще не вполне выяснены. Не всегда обращалось достаточно внимания на книжный характер мусульманской литературы, в том числе и географической. Если какое-нибудь географическое сведение находится, например, у автора X в., то из этого не следует, что эти сведения соответствуют фактам данной эпохи; часто автор повторяет рассказы своих предшественников без ссылки на источники и без оговорки, что эти рассказы относятся к более раннему времени. Поэтому попытки привести в связь слова автора X в. с фактами его времени иногда должны были приводить к ошибочным выводам. Из китайских источников мы знаем, что вытесненные из Монголии уйгуры основали государство в пограничной области нынешнего Китайского Туркестана, где теперь города Турфан, Гучэн и другие; в той же местности упоминаются уйгуры у мусульманских авторов XIII в.; но в географической литературе IX—X вв. вместо уйгуров везде названы тугузгузы; в это название — по-турецки *токуз-огуз* 'девять огузов' — входит не слово *уйгур*, а слово *огуз*, название, принадлежавшее не уйгурам, а их предшественникам и врагам — туркам орхонских надписей. Были разные попытки объяснить это противоречие; между прочим, старались доказать, что *огуз* и *уйгур* — одно и то же, и существование двух названий для одного и того же народа объясняли фонетическими особенностями отдельных турецких наречий. Между тем слово *тугузгуз* появилось в арабской литературе в такое время, когда уйгуров в Китайском Туркестане еще не было; из китайских источников видно, что до уйгуров туда же была вытеснена часть токуз-огузов, потом ушедших оттуда дальше на восток и поселившихся в пограничных местностях Китая. Арабы, очевидно, ознакомились с Китайским Туркестаном, когда там жили токуз-огузы, и потом по книжным традициям сохранили за населением этой местности то же название, не зная или не принимая во внимание, что во второй половине IX в. туда пришли уйгуры. Характерно, что в единственном из дошедших до нас арабских сочинений о Средней Азии, написанном не по книгам, а на основании личного знакомства автора со страной и ее населением, в сочинении Махмуда Кашгарского, говорится не о тугузгузах, а только об уйгурах.

Вообще труд Махмуда Кашгарского дал много нового материала для изучения культурной истории и исторической географии Средней Азии; но многие вопросы и после Махмуда Кашгарского остаются неясными. Доступные нам в настоящее время источники еще не дают возможности объяснить главный факт культурной истории турок в западной части

Средней Азии — постепенное подчинение их влиянию ислама и персидско-мусульманской культуры. Теперь, когда, в особенности благодаря археологическим открытиям в Китайском Туркестане, домусульманская культурная история турок нам известна лучше, чем прежде, этот вопрос становится еще сложнее. Мы теперь знаем, что еще до начала среди турок религиозной пропаганды с запада турки находились под культурным влиянием восточных иранцев — согдийцев, что согдийцам, а не сирийским христианам, как полагали прежде, турки обязаны так называемым уйгурским алфавитом, может быть также орхонским, что на турецком языке была религиозная литература, буддийская, манихейская и христианская; от Махмуда Кашгарского мы, кроме того, узнали о существовании у турок, до начала персидского влияния, своей поэзии, не только народной, но и искусственной; были даже придворные поэты. Замечательно также, что турки приняли ислам добровольно, без всякого давления со стороны мусульманского оружия. Подчинение турок влиянию ислама — лишнее доказательство в пользу значения этой религии как культурной силы. По числу своих последователей ислам и теперь значительно уступает двум другим мировым религиям: буддизму и христианству; но мы не знаем ни одного мусульманского народа, который бы принял христианство или буддизм, и знаем ряд буддийских и христианских народов, принявших ислам. Кроме того, ислам является единственной мировой религией в настоящем смысле слова, т. е. религией, распространение которой не связано с особенностями одной расы или одного культурного мира; только ислам мог прочно подчинить своему влиянию народы самого различного происхождения и культурного прошлого. Буддизм является исключительно религией восточноазиатского мира; христианство постепенно сделалось религией европейцев, и по сравнению с европейцами и переселенцами из Европы остальные исповедники христианства не имеют значения ни по численности, ни по культурным успехам. Ислам в основе является религией переднеазиатского мира, но имеет теперь в Восточной Азии, в Индии и на Зондских островах большее число последователей, чем в Передней Азии; китайский ислам также представляет прочную и самостоятельную силу, тогда как попытки создать в Китае национальную христианскую церковь не имели успеха; такую же прочную и могущественную силу представляет африканский ислам.

Завоевательное движение турок на Переднюю Азию, начавшееся еще в домусульманскую эпоху, продолжалось с большим успехом после принятия турками ислама. Помимо большого числа династий турецкого происхождения, основанных людьми, выдвинувшимися на службе у халифов или иранских владетелей, мы в домонгольскую эпоху видим два государства, образование которых было последствием завоевательного движения принявших ислам турок: империю сельджукских султанов в Персии и Малой Азии и государство так называемых Караханидов, или Илек-ханов, известных у мусульманских историков под названием

«дом Афрасиаба», в Туркестане. История первого государства нам сравнительно хорошо известна; мы знаем, что народом-завоевателем был тот же огузский народ, который некогда господствовал в Монголии и который при исламе стали называть туркменами. Неясным остается только вопрос о происхождении самого названия *туркмен*; у восточных авторов мы находим об этом только явно фантастические народные этимологии. С другой стороны, вопрос, из какого турецкого народа вышли Караханиды, остается до сих пор невыясненным [6]; ничего не говорит об этом и Махмуд Кашгарский, сведения которого относятся именно к эпохе Караханидов. Из его рассказов можно заключить, что ханы хотели быть только потомками мифического Афрасиаба, царя турок по персидским эпическим преданиям; влияние персидской культуры было так сильно, что под влиянием усвоения персидского предания ханы уже перестали сознавать связь между собой и жившими в их государстве турецкими народностями, не исключая и той народности, из которой вышла сама династия.

В истории мусульманского мира турки имели такое значение, что самому Мухаммеду был приписан ряд изречений о турках и ряд предсказаний об их столкновениях с мусульманами. В этих изречениях упоминаются расовые признаки турок: маленькие глаза, плоские носы и т. п., чем опровергаются попытки некоторых новейших ученых доказать, что турки первоначально, до смешения с монголами, были народом белой расы. Разумеется, тип турок должен был изменяться по мере их движения на запад. Один из самых резких антропологических фактов, долихокефалический, т. е. длинноголовый, тип туркмен, теперь склонны объяснять смешением турок в степях Средней Азии с жившими там раньше иранскими кочевниками.

До более широкого распространения ислама турки считались третьим, после арабов и персов, этнографическим элементом мусульманского мира. Несмотря на подчинение культурному влиянию Ирана, турки сохранили свой язык, обнаруживший большую жизненную силу; при столкновении с другими языками турецкий язык обыкновенно одерживает верх и до сих пор с успехом расширяет область своего господства в Туркестане, Иране и на Кавказе. Несколько турецких народностей создали литературу на своем языке, хотя и с большим количеством арабских и персидских слов. Первым по времени центром турецкой и мусульманской литературы был Кашгар; впоследствии, в XII в., больше значения получили в этом отношении Хорезм и соседние с ним местности по нижнему и среднему течению Сыр-Дарьи. Возникшее здесь литературное движение продолжалось еще с большей силой при монголах; с ним тесно связано образование так называемого чагатайского литературного языка, впервые вступившего в соперничество с персидским. Когда еще не было термина «чагатайский», по поводу стихов одного из уроженцев Хорезма средне-

[6] 〈См. выше, стр. 70—73〉

азиатский автор начала XIV в. говорит о языках арабском, персидском и турецком как о трех литературных языках мусульманского мира и сопоставляет с арабским красноречием и персидским остроумием турецкую правдивость. Несмотря на подражательность турецкой литературы, язык ее, особенно в Средней Азии, оставался до конца более простым и ясным, чем язык персидской поэзии и, в особенности, персидской прозы.

Приняв ислам, турки сделались ревностными защитниками мусульманского правоверия. Как берберы на западе, турки на востоке нередко выступали в роли защитников предписаний религии и мстителей за их нарушение; этой идеей оправдывалось завоевательное движение турок-мусульман против мусульманских стран. Махмуд Кашгарский приводит предание, будто Аллах сказал пророку: «У меня есть на востоке войско, которое называется турками; когда я разгневаюсь на какой-нибудь народ, я посылаю их на него». Как берберы, турки в своей искренней преданности исламу являлись иногда орудием религиозной реакции против успехов культуры, материальной и духовной. В связи с этим находилось и увлечение турок мусульманской мистикой, до последнего времени имевшей на кочевников гораздо больше влияния, чем догматическая сторона ислама, и находившейся в Средней Азии в строгом согласии с требованиями мусульманского правоверия. На эту сторону культурной истории турок обращено внимание в последнее время в Турции. В трудах проф. Кёпрюлю-заде Мехмед-Фуада мы видим удачную попытку доказать связь между турецкими мистиками Туркестана и турецкими мистическими орденами Малой Азии.

Турки-мусульмане, однако, составляли в домонгольский период далеко не весь турецкий мир. Вторгаясь в области иранской культуры, они сами подвергались нашествию со стороны своих северных соседей, кипчаков с Иртыша и киргизов с Енисея, причем те и другие тогда были почти совершенно не затронуты исламом и его культурой. Даже на Сыр-Дарье еще в конце XII в. было немусульманское турецкое владение. То и другое движение пока еще недостаточно известны, и рассказы источников, в особенности о движении киргизов, скудны и противоречивы. Крайне интересны известия рукописи Туманского, заставляющие полагать, что кочевья киргизов уже тогда близко подходили к Кашгару и Аксу, хотя при перечислении народностей нынешней Семиреченской, или Джетысуйской, области ничего не говорится о киргизах ни у Махмуда Кашгарского, ни у Гардизи, ни даже в самой рукописи Туманского.

Окончательная победа ислама над западной частью среднеазиатских степей и над всем Туркестаном относится уже к периоду монгольского владычества. Монгольские завоевания и образование монгольской империи вызвали обширную литературу, среди которой особенно выделяется написанный в Западной Персии в начале XIV в. труд Рашид ад-дина. Введение к этому труду, заключающее в себе свод сведений о турецких и монгольских племенах, представляет богатую сокровищницу материала

о религиозных верованиях, нравах и обычаях среднеазиатских кочевников. Только из слов Рашид ад-дина мы узнаем, что зверолову жизнь кочевника казалась таким же невыносимым рабством, как кочевнику — жизнь оседлого поселенца; что шаманизм первоначально был религией звероловов, а не кочевников и что в эпоху монгольской империи самыми могущественными и искусными шаманами считались шаманы, жившие в странах, где сохранялся охотнический быт.

Рашид ад-дин написал свой труд для монгольских ханов, но созданной им картиной кочевого быта, как и оживлением кочевых традиций под влиянием монгольских военных успехов, воспользовались не сами монголы, а турки, с которыми постепенно слились немногочисленные монгольские элементы, переселившиеся в западную часть Средней Азии. До утраты своей национальности монголы успели значительно изменить строй местной жизни. Древнетурецкий культ востока уступил место монгольскому культу юга, и двери юрт едва ли не во всей Средней Азии теперь обращены на юг, а не на восток, как было прежде. В государствах, где языком народа был турецкий, продолжали жить традиции монгольской империи и право на престол признавалось только за потомками Чингиз-хана. Изменились и названия народов: кипчаки, по имени которых в домонгольский период назывались степи западной части Средней Азии и Южной России, теперь утратили свое название как народ. Слово *татар*, бывшее прежде народным названием монголов, теперь стало обозначать население Поволжья и Крыма, говорившее по-турецки, а слово «турецко-татарский» некоторое время употреблялось в русской науке в том же смысле, как теперь слова «турецкий» и «тюркский». Некоторые вновь возникшие народности стали называть себя по имени отдельных ханов из династии Чингиз-хана; сюда относятся существующие до сих пор узбеки и ногайцы и существовавшие в средние века чагатаи, название которых сохранилось только в названии среднеазиатского турецкого литературного языка. Из среды узбеков выделились казаки, ушедшие в XV в. из-под власти узбецкого хана Абулхайра и составляющие теперь особый от узбеков, вполне однородный по языку и обычаям народ. Слово *кипчак* теперь существует только как название отдельных родов среди узбеков и казаков.

Оживление кочевых традиций не могло остановить успехов ислама и мусульманской культуры. Под влиянием развития в монгольской империи караванной торговли ислам широко распространился среди турок и отуреченных монголов, даже среди тех немногих монголов, которым удалось сохранить свой язык. Возникли большие мусульманские города в Крыму, где до XIII в., насколько известно, мусульман не было совсем, и на Волге; значительно распространился ислам на Кавказе; бывшая кипчакская степь сделалась мусульманской страной; образовалось мусульманское турецкое княжество в Тобольском крае, остающемся и до сих пор передовым постом ислама на северо-востоке. На Волге и Иртыше

ислам утвердился так прочно, что впоследствии мог распространяться в среднеазиатских степях не только с юга, но и с севера, что было совершенно невозможно в домонгольский период. Влиянию ислама вполне подчинилась и пограничная с собственным Китаем часть Китайского Туркестана, где в домонгольскую эпоху в области уйгуров, казалось, прочно господствовали буддизм и христианство.

И в этом случае, как при изучении домонгольской эпохи, задачи науки признаются теперь более сложными, чем прежде. Доказано, что, несмотря на произведенные монголами опустошения, первое время существования монгольской империи было временем экономического и культурного расцвета для всех областей, которые могли воспользоваться последствиями широко развившейся при монголах караванной торговли и более тесного, чем когда-либо прежде и после, культурного общения между Западной и Восточной Азией. И здесь наука не располагает всем материалом, который был бы для нее необходимым. Ничего не осталось от Бухары XIII в., о блеске которой говорят как мусульманские, так и европейские путешественники; систематическое исследование развалин городов Поволжья и Крыма началось в такое время, когда эти развалины уже были в значительной степени расхищены. Продолжение археологических работ в этих местностях теперь вновь поставлено на очередь и, вероятно, принесет некоторую пользу, хотя больше для истории мусульманской культуры в целом; вопреки некоторым высказанным за последнее время мнениям, участие турок и в особенности татар в общей культурной жизни едва ли могло быть очень значительным.

В первой половине XIV в. этой культуре был нанесен удар политическими смутами, последствием которых было почти полное исчезновение городов вдоль северной окраины мусульманского культурного мира в Средней Азии. Существовавшая в XIII в. культурная жизнь не могла быть восстановлена до XIX в., хотя Средняя Азия еще могла создать такое явление, как государство Тимура и его потомков, с великолепными архитектурными памятниками этой эпохи, тоже еще недостаточно известными. Вообще, несмотря на историческое значение царствования Тимура, на обилие письменных источников и вещественных памятников, до сих пор ни на турецком языке, ни на европейских нет исчерпывающей монографии о Тимуре.

Еще меньше интересовались до последнего времени новейшей историей турецких народностей, за исключением Османской империи. Казалось, что история Средней Азии в этот период, когда культурное первенство перешло к Европе и когда Туркестан, как самая отдаленная от Европы часть мусульманского мира, даже среди мусульманских стран был самой отсталой, не заслуживает внимания. В действительности культурная жизнь Средней Азии даже в эту эпоху была гораздо сложнее, чем предполагали, и могла бы представлять интерес для каждого историка. В узбецких ханствах возникла обширная историческая литература, ко-

торой в Средней Азии до тех пор почти не было, и были произведены обширные оросительные работы, также превосходящие все то, что в этом отношении было сделано прежде, особенно в Фергане. Жизнь узбецких ханств представляет сложную картину борьбы традиций кочевой жизни и родового быта, с одной стороны, и традиций мусульманской культуры — с другой. Ход этого процесса до сих пор еще почти совершенно не выяснен, хотя в источниках есть значительный материал; не отмечено и постепенное распадение родов, о которых свидетельствует факт, что узбецких родов прежде считалось 32, потом 92, причем мы имеем возможность довольно точно установить время этой перемены: в 1756 г., в рассказе о вступлении на престол первого бухарского хана из мангытов, Мухаммед-Рахима, еще говорится о 32 родах; в 1781 г. правитель Бухары уже говорил русскому агенту Бекчурину о 92 родах. Помимо образовавшихся в монгольский период народностей узбеков и казаков, продолжали существовать прежние народности, в особенности туркмены и киргизы, причем последние впервые сделались мусульманским народом; несмотря на слабое знакомство с обрядами и догматами мусульманской веры, киргизы были передовыми борцами ислама в войнах с новыми монгольскими пришельцами, калмыками, основавшими в Средней Азии последнюю сильную кочевую державу и, как ревностные буддисты, не подчинившимися, подобно монголам-шаманистам Чингиз-хана, влиянию ислама. Традициями этой борьбы объясняется появление у киргизов эпической поэзии, которой нет в такой степени ни у одного из турецких народов, кроме ногайцев. Борьба с калмыками настолько вытеснила у киргизов память о их прежней исторической жизни, что они не помнят ни одного из своих передвижений, кроме совершившегося в XVIII в., после падения калмыцкой державы, обратного переселения из Ферганы в Семиречье, или Джетысуйскую область. Много своеобразных черт представляет также жизнь и поэзия туркмен, как оставшихся в Туркестане, так и переселившихся в Иран и в Малую Азию. О туркменской поэзии до 2-й половины XIX в. ничего не знали; есть полное основание полагать, что дальнейшими исследованиями будет добыт еще новый материал о туркменских народных сказаниях и туркменской искусственной, но распространенной среди народных масс поэзии. Из всех турецких народностей только у туркмен есть свой национальный поэт, каким является для всех туркмен, несмотря на отсутствие политического единства в прошлом и частые войны между отдельными туркменскими племенами, Махтум-Кули.

На этом я позволю себе закончить свой обзор, которым я постарался показать, как много научных вопросов стоит на очереди перед исследователем истории турецких народностей как неразрывной части мировой истории. Надо надеяться, что в выполнении этой работы примут участие и представители этих народностей, перед которыми теперь, на всем пространстве от Малой Азии до Тобольска и Турфана, стоит сложная задача усвоения западной культуры без утраты своего национального достояния

О ПИСЬМЕННОСТИ У ХАЗАР

Писавшими о различных алфавитах, употреблявшихся турецкими (или тюркскими) народами, до сих пор, если не ошибаюсь, не приводились слова персидского историка Фахр ад-дина Мубарекшаха Мерверруди [1] (в начале XIII в. н. э.) о хазарской письменности: «У хазар тоже есть письмо, которое происходит от русского; ветвь народа румийцев (греков), живущая около них, употребляет это письмо, и они называют румийцев русами. Они пишут слева направо, буквы не соединяются между собой. Букв всего 22; ⟨больше букв нет⟩; большая часть этих хазар, которые употребляют это письмо, — иудеи» [2].

Известие о письменности у хазар относится, конечно, не ко времени Мерверруди, когда хазар давно уже не было; Мерверруди, несомненно, заимствовал это известие из книг. Русское происхождение приписывается хазарскому алфавиту, вероятно, по недоразумению; ко времени принятия русскими христианства хазарское царство уже утратило всякое значение; но очень правдоподобно, что русские и хазары получили алфавит из одного и того же источника — от греков. Известно, что просветителю славян (не русских), философу Константину, или Кириллу (XI в. н. э.), приписывается также миссионерская деятельность среди хазар. На пути к хазарам Кирилл в Корсуни (в Херсонесе Таврическом) будто бы (по его житию) видел Евангелие и псалтырь, написанные русскими письменами. Покойный академик В. Г. Васильевский [3] полагал, что вместо «русскими» в не дошедшем до нас греческом подлиннике жития стояло «тавроскифскими». Во всяком случае, любопытно, что славянский переводчик жития, подобно Мерверруди, полагал, что у русских было свое письмо (очевидно, на греческой основе) до начала деятельности греческих миссионеров среди хазар. Из слов Мерверруди можно заключить, что хазары продолжали

[1] Единственная рукопись этого сочинения находится в Лондоне, где я пользовался ею зимой 1922/23 г. (см. Barthold, *Turkestan*, p. 31; ⟨наст. изд., т. I, стр. 77⟩). Извлечение из этой рукописи, в том числе и известия о хазарах, приводится в сборнике в честь Э. Д. Брауна, ныне покойного (Ross, *The genealogies*, p. 406). Мне известно, что в 1927 г. сочинение Мерверруди издано полностью, но экземпляра этого издания, по-видимому, еще нет в Ленинграде.

[2] ⟨Мерверруди, 46.⟩

[3] *Русско-византийские исследования*, стр. 282.

употреблять алфавит греческого происхождения и после того, как господствующей религией среди них сделалось иудейство; это говорило бы в пользу мнения ученых, полагающих, что деятельность среди хазар христианских миссионеров относится к более раннему времени, чем принятие хазарским каганом еврейской веры [4].

---

[4] ⟨О сообщении Мерверруди и письменности у хазар см.: Умняков, *«История» Фахрэддина Мубаракшаха*, стр. 113; Артамонов, *История хазар*, стр. 268—269; Заходер, *Каспийский свод*, стр. 162—163.⟩

СВЯЗЬ ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТА С ХОЗЯЙСТВЕННЫМ УКЛАДОМ У ТУРОК И МОНГОЛОВ

Ближайшим поводом к составлению настоящего очерка было появление в текущем году интересной работы проф. Н. Н. Козьмина «Хозяйство и народность (Производственный фактор в этнических процессах)». Предмет работы Козьмина — Средняя Азия [1], тот географический район, где лес соприкасается со степью, степь с областями земледельческой культуры, где мы поэтому можем наблюдать в одно и то же время представителей всех трех последовательных стадий хозяйственного уклада — охотничьей, кочевой и земледельческой [2] — иногда среди народов одной и той же этнографической группы. Проф. Козьмин основательно доказывает, что в этих случаях один и тот же хозяйственный уклад гораздо больше сближает между собой народы, чем одно и то же этнографическое происхождение.

Причины и последствия перехода от одной стадии к другой были бы яснее, если бы мы располагали более полными и более разносторонними наблюдениями и историческими известиями. Если у нас есть довольно обильный материал для изучения отношений между земледельцами, с одной стороны, охотниками и кочевниками — с другой, то гораздо меньше известий об отношениях между охотниками и кочевниками и о переходе от одной из этих стадий хозяйственного быта к другой. Крайне слабо выяснен переход от охоты на животных к приручению их. Лучший исследователь быта народов СреднейАзии, Радлов [3], только для народов Крайнего Севера, самоедов [4] и тунгусов, мог отметить значение такой переходной стадии, как приручение северного оленя [5]; для истории эволюции быта это

---

[1] ⟨Центральная Азия.⟩

[2] Такая последовательность в истории Средней Азии ⟨т. е. Центральной Азии⟩ должна быть признана нормальной, хотя, конечно, давно опровергнуто мнение, по которому она составляет непременное требование для истории всех народов. Давно установлено, что охотник может знакомиться с земледелием раньше, чем со скотоводством, и переходит от бродячего охотничьего быта непосредственно к оседлому земледельческому.

[3] В этом отношении его книга *Aus Sibirien*, несовершенная и устарелая во многих других отношениях, до сих пор остается непревзойденной.

[4] ⟨Ненцев.⟩

[5] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 206; Радлов, *К вопросу об уйгурах*, стр. 67. ⟨Вопросу о происхождении оленеводства посвящена обширная литература; подробно см.: Максимов, *Происхождение оленеводства*; Василевич — Левин, *Типы оленеводства.*⟩

явление имеет, однако, сравнительно мало значения, так как тунгусы чаще переходят от охотничьего быта непосредственно к земледелию [6]. Другое животное, история которого имеет значение для истории людей, — тибетский як, тоже встречающийся, как известно, и в диком и в домашнем состоянии. В других случаях животные, составляющие богатство кочевника, — верблюды, лошади и бараны, даже рогатый скот — были приручены так давно, что совсем или почти совсем не встречаются в диком состоянии.

Ввиду отсутствия материала в литературе путешествий приходится обратиться к материалу, доставляемому историками. Известия историков о Средней Азии [7] становятся более подробными в те периоды, когда там возникают кочевые империи, существование которых отражается и на истории культурных стран. Вполне естественно, что самой обширной и могущественной из кочевых империй, монгольской, посвящена и самая обширная литература, среди которой первое место принадлежит составленному в Персии в начале XIV в. труду Рашид ад-дина [8]. Драгоценный материал, по-видимому, могут также дать еще не вполне приведенные в известность посвященные монголам памятники китайской литературы [9].

Из всех известий [10] видно, что среди монголов в эпоху выступления Чингиз-хана были как охотничьи, так и кочевые племена, может быть и земледельческие. Китайский современник Чингиз-хана, Мэн Хун, разделяет всех татар, как в то время назывались монголы, на диких, черных и белых; дикие жили в лесах на крайнем севере населенной монголами территории, черные занимали степи, белые — культурные земли на границах Китая [11]. Монгольское предание, в том числе и предание, которым воспользовался Рашид ад-дин, вместо термина «дикие татары» употребляет термин «лесные народы» (*ойин-ирген*) [12]. Одному из этих народов, лесным урянхитам, жившим к востоку от Байкала, Рашид ад-дин посвящает подробный очерк, где мы находим едва ли не единственную в мировой литературе попытку изобразить отношение звероловов к кочевникам [13]. Лесные урянхиты [14] уже переживали тогда переходную стадию между

---

[6] Патканов, *О приросте населения*, стр. 172.

[7] 〈Центральной Азии.〉

[8] О нем подробнее всего см. Бартольд, МИ, т. I, стр. 73 и сл. 〈См. теперь также Петрушевский *Рашид-ад-дин*.〉

[9] О них см. Pelliot, *A propos des Comans*, p. 130 sq. 〈См. теперь: Мункуев, *Основные китайские источники*; его же, *Китайский источник*, стр. 130—184.〉

[10] Подробности, со ссылками на источники, см. Бартольд, *Образование империи Чингиз-хана*; 〈выше, стр. 253—265〉.

[11] 〈См. выше, стр. 256. Действительный автор сообщения — Чжао Хун.

[12] Так по книге проф. Б. Я. Владимирцова (*Чингис-хан*, стр. 13).

[13] Рашид ад-дин, изд. Березина, I, текст, 114 и сл.

[14] Рашид ад-дин проводит различие между лесными урянхитами и урянхитами вообще, но из его слов видно, что это различие было неясно для него самого. Несение почетной обязанности охраны конских кладбищ приписывается лесным урянхитам

охотничьим и кочевым бытом; горные бараны и горные быки (интересно, могут ли эти слова быть отнесены к якам) были для них не только предметом охоты, но и приручались ими; тем не менее правильное скотоводство, связанное с уходом за баранами, казалось им таким невыносимым рабством, каким самому кочевнику представляется жизнь оседлого земледельца. Когда родители были недовольны дочерью, они грозили ей отдать ее замуж за человека, который заставит ее ходить за баранами; эта угроза казалась настолько страшной, что могла довести девушку до самоубийства. Лесные урянхиты никогда не покидали своих лесов; во время переходов с места на место они клали свои вьюки на горных быков и везде, куда приходили, ставили свои шатры (алачуки), сделанные из древесной коры; вместо воды они пили вытекавший из деревьев сок. Они были убеждены, что их жизнь лучше всякой другой и что нет на свете людей счастливее их. Лесные народы занимали огромную территорию; расстояние от леса до леса обыкновенно составляло один или два месяца пути, во всяком случае не меньше 10 дней [15].

Интересно еще сообщение Рашид ад-дина, что лесные народы были главными носителями того религиозного культа, который теперь известен европейской науке под названием «шаманизм». Каково бы ни было происхождение слова *шаман*, в этом значении, в котором оно употребляется теперь, оно заимствовано у тунгусов, лучше всех сохранивших как черты охотничьего быта, так и черты шаманизма. У турок и монголов в том же значении употребляется термин *кам*; в эпоху Чингиз-хана больше всего камов было в стране Баргуджин-Тукум [16], где жили урянхиты и другие лесные народы.

Приведенными выше словами Рашид ад-дина подтверждается и замечание Радлова [17] о современных охотничьих народах, что им для обеспечения себе средств к жизни нужны огромные пространства, конечно очень неплотно населенные. При таких условиях немыслимо образование многочисленных и сильных политически обществ; могут предприниматься только набеги, но не завоевательные походы. Поэтому мне представляется ошибочным мнение Козьмина, что орхонские надписи VIII в. принадлежат

(там же, 117), но рассказ об этом повторяется и в главе об урянхитах вообще (там же, 191). ⟨Этнографический анализ сообщений Рашид ад-дина о лесных урянкатах (урянхитах) и подробные сведения об этнониме урянкат (урянхит) см. Вайнштейн, *Тувинцы-тоджинцы*, стр. 29—31; в тексте Рашид ад-дина упоминается не «охрана конских кладбищ», а охрана «великого гурука Чингиз-хана» (Рашид ад-дин, пер. в изд. ИВАН, I, кн. 1, 125; там же см. объяснение А. А. Семеновым термина *гурук*) или же охрана гурука (заповедного места) «с великими останками Чингиз-хана» (там же, 150).⟩

[15] Рашид ад-дин, изд. Березина, I, текст, 113.

[16] Там же, 189; ср. название восточного притока Байкала — Баргузин. ⟨О шаманских верованиях у потомков лесных урянхитов, тувинцев-тоджинцев, см. Вайнштейн, *Тувинцы-тоджинцы*, стр. 170—194; о шаманизме и его эволюции см. Токарев, *Ранние формы религии*, стр. 278—305.⟩

[17] *К вопросу об уйгурах*, стр. 66 и сл.

лесному народу; совершенно немыслимо, чтобы такой народ образовал в VI в. империю, простиравшуюся от границ Китая до Керченского пролива. Если хан, от имени которого составлены надписи, с любовью говорит о покрытых лесом горах, то в надписях есть другие места, явно указывающие на условия кочевого быта; так, в рассказе о победе небольшого ханского войска над многочисленными врагами воины хана сравниваются с волками, их враги — с баранами. Нападение волков на стадо баранов — картина, хорошо знакомая кочевнику и совершенно чуждая охотнику. Разумеется, иногда довольно трудно провести точное разграничение между охотниками и кочевниками, особенно в пограничной полосе между их территориями. Чингиз-хан и его братья в молодости вели жизнь охотников и рыболовов; его племя, тайджиюты, причислялось к лесным народам [18]; но свои завоевания Чингиз-хан во всяком случае совершал в качестве предводителя кочевников.

Некоторые черты семейного быта монгольских народов сохраняются и у кочевников; сюда относится отмеченный Радловым [19] обычай охотников — выделять старших сыновей, причем младший сын остается при отце до конца его жизни и наследует его основное имущество. Но это имущество в эпоху охотничьего быта не может быть значительным; только в эпоху кочевого быта принимает значительные размеры имущественное неравенство и появляется классовая борьба в ее первоначальном виде — в виде борьбы между имущими и неимущими; под влиянием, вероятно, классовой борьбы создается правительственная власть, военное и политическое могущество. По крайней мере в тех двух случаях, где до нас дошли известия об образовании кочевого государства из уст самих кочевников, а не из уст их культурных соседей, именно в рассказе орхонских надписей о восстановлении турецкой государственности в Монголии в VII в. и в рассказе монгольского предания об образовании империи Чингиз-хана, вполне определенно говорится о борьбе между степной аристократией и народными массами, причем в первом случае хан опирался на народные массы, во втором — на аристократию. Без момента обострения классовой борьбы даже в условиях кочевого быта нет почвы для возникновения сильной правительственной власти; кочевой народ может жить дольше всех без хана, а когда является хан, то его борьба за власть со своим собственным народом сопровождается иногда бо́льшим кровопролитием, чем последующие завоевания кочевников в культурных землях.

Отмеченный у Рашид ад-дина упадок авторитета шаманов в связи с переходом от охотничьего быта к кочевому также, по-видимому, должен быть признан общим явлением; влияние шаманов не может не падать, когда в народе развивается воинственность и привычка полагаться на силу оружия. В книге Робертсона [20] о кафирах, написанной задолго до подчи-

---

[18] Рашид ад-дин, изд. Березина, I, текст, 13.

[19] *К вопросу об уйгурах*, стр. 66.

[20] *The Kâfirs.*

нения Кафиристана (ныне, после принятия ислама, Нуристан) афганскому правительству и исламу, говорится о делении этого народа на три главных племени: сияхпуш, пресунгули и вайгули, причем племя пресунгули отличалось наименьшей воинственностью и наибольшей религиозностью; только у этого племени чувствовалась определенная религиозная атмосфера (distinct atmosphere of religion) [21] и признавался авторитет жрецов (Pshurs) [22]; в то же время у пресунгули не было почитания предков и на могилах не ставились, как у воинственных кафиров, колья по числу убитых врагов [23]. Таким же образом орхонские надписи, несомненно принадлежащие кочевым туркам, совершенно не упоминают о шаманах (камах), очевидно пользовавшихся гораздо меньшим значением, чем у звероловов, и упоминают о камнях, ставившихся около могилы богатыря по числу убитых им врагов, чего, наверное, не делали звероловы.

---

[21] Ibid., p. 379.

[22] Ibid., p. 417.

[23] Ibid., p. 647 sq. <О племенах Кафиристана (прасун, вайчели, сияхпуши и др.) и их религиозных верованиях см. В. Массон—Ромодин, *История Афганистана*, т. II, стр. 300—304.>

ТУРЕЦКИЙ ЭПОС И КАВКАЗ

Среди бесконечного разнообразия памятников «речевой культуры», составлявших предмет занятий Н. Я. Марра, нашлось место и для произведений турецкой поэзии. Летом 1904 г. Н. Я. совершил поездку из Ардагана через Артанудж и Артвин в Батум; в этой стране, одном из древнейших очагов грузинской культуры, впоследствии подчинившемся влиянию турецкой национальности и ислама, им, между прочим, собирались сведения о христианских переживаниях в речи и нравах мусульманского населения; записывались песни, лирические и эпические, причем рассказчик «прозу передавал по-грузински своим говором, стихи по-турецки» [1]. Впечатления этой поездки, по-видимому, надолго оставили след в направлении мыслей Н. Я.: в «Батуме, Ардагане, Карсе» он видел «узел межнациональных отношений Кавказа» [2]. Характерное для Кавказа, вопреки националистическим теориям, взаимодействие различных национальных и культурных течений особенно ярко сказывалось в этой области, почти не затронутой влиянием европейской культуры. По словам Н. Я., «культурное возрождение Кавказа в сто с лишком летний период совместной жизни с Россией не захватило, однако, нашего нагорного района с Артвином, Артануджем и землями в тылу этого уголка: он, присоединенный к России почти полстолетия тому назад, по сей день пребывает в застывшей одичалости, и человек живет в нем материально остатками, крохами от той древней высокой земледельческой и садовой местной культуры» (т. е. эпохи «культурного тогда», в VIII—IX вв. н. э., «монастырского строительства в нагорном районе»).

Как специалист по культуре так наз. христианского Востока, Н. Я., естественно, отводит не слишком много места турецкой и мусульманской стихии, хотя и признает, что Ани, хотя и армянский город, «имеет громадное значение. . . вообще для всего кавказского искусства, и христианского, и мусульманского». Н. Я. находил несправедливым отуречение географических названий — естественное последствие политической роли турок (известно, что даже «Черное море» есть перевод турецкого термина) —

---

[1] Записи приведены в дневнике поездки 1904 г., изданном в 1911 г. в книге: Георгий Мерчул, изд. Марра, дневник, стр. 46 и сл.

[2] Заглавие речи Н. Я. Марра, произнесенной в 1918 г. в Петрограде и Москве и напечатанной в 1922 г.; ⟨см. Марр, *Батум, Ардаган, Карс*⟩.

и по мере своих сил старался этому противодействовать, например всегда писал «Ахурян» вместо «Арпачай». Турки и мусульмане, может быть, иногда казались ему более разрушителями, чем созидателями культуры, и эта разрушительная роль им иногда преувеличивалась; на одно из этих преувеличений — на слова, будто после турецкого разгрома 1064 г. в Ани «не осталось камня на камне» — было обращено внимание в печати [3]. Тем не менее читатели могли найти в работах Н. Я. достаточно доказательств, что военный быт турок и других кочевых и полукочевых народов, например курдов, не исключает высокой если не материальной, то духовной культуры. Достаточно напомнить красноречивые слова «о необычайной пленительности народной поэзии курдов», выражающейся в том, что «курдская песня почетная и любимая гостья и у христиан-армян» [4]. Там же дается характерная отповедь «ученым ориенталистам, неспособным представить себе культурность вне земледелия и специальных форм торговли, а также без писания научных трактатов» [5].

Для воинственного кочевника переход к мирной жизни и земледелию связан с упадком, по крайней мере временным, его духовной культуры. В условиях новой жизни забываются прежние песни, в которых воспевались кровавые подвиги, и не скоро создаются новые. Такую судьбу испытала одна из турецких народностей, создавшая своеобразную и выделяющуюся своими достоинствами поэзию, — туркмены. Уже после двух десятилетий русского господства русский исследователь тщетно старался записать у туркмен произведения народной словесности и с досадой заметил им, что, по-видимому, хлопок выгнал у них из головы все сказки и песни [6]. Туркмены разделили судьбу курдов в том отношении, что и в туркменах видят, особенно на Кавказе, где для обозначения их употребляют арабскую форму множественного числа (*тераките*), «воплощение всего некультурного» [7]. В другом месте [8] я имел случай говорить о высоких достоинствах прежнего туркменского творчества, между прочим о воинственном поэте Кёр-Оглу [9], популярном и среди кавказских туркмен, имя которого, как имя автора некоторых песен, встречается и в записях Н. Я. Марра [10]. Но и эта поэзия не могла бы выдержать никакого сравнения с памятником средневекового туркменского эпоса, сохранившимся только в одной рукописи, неизвестно какими путями попавшей в Дрезден.

---

[3] Бартольд—Смирнов, *Отзыв о трудах Н. Я. Марра*, стр. 408; 〈наст. изд., т. IV, стр. 232.〉.

[4] Марр, *Еще о слове «челеби»*, стр. 128.

[5] Там же, стр. 126.

[6] Самойлович, *Три туркменских сказки*, стр. 119.

[7] Слова Нёльдеке о курдах, приведенные Н. Я. Марром (*Еще о слове «челеби»*, стр. 126).

[8] Бартольд, *Из прошлого турок*.

[9] К легендам о личности поэта ср. Самойлович, *Легенда о Коркуде*, стр. IV—V.

[10] Георгий Мерчул, изд. Марра, дневник, стр. 65.

Рукопись носит заглавие: «Книга о моем деде Коркуде, на языке племени огузов» (огузы — прежнее название туркменского народа) — и была переписана мною (раньше о ней были только крайне скудные сведения) еще в студенческие годы (1891—1892). Впоследствии мною [11] и на основании моего частного письма покойным А. Г. Туманским [12] была дана общая характеристика этого памятника; в статье Туманского приведены заглавия входящих в состав «Книги о Коркуде» 12 отдельных рассказов, из которых мной [13] были изданы в тексте и переводе четыре (1, 2, 3 и 5-й); один рассказ (8-й) был издан (крайне неудовлетворительно) в тексте и немецком переводе еще в 1815 г. [14]. В настоящее время текст полностью издан в Константинополе [15]; полного перевода ни на один европейский язык до сих пор нет; нет также статьи, в которой всесторонне было бы рассмотрено значение «Книги о Коркуде» как памятника турецкого эпоса [16].

Здесь я позволю себе только внести некоторые дополнения и поправки к сказанному мною по этому предмету в других местах. Мною было отмечено, что из 12 рассказов (им предшествует введение, где приводятся сведения о Коркуде, о приписанных ему изречениях и т. п.) в девяти говорится о войне с неверными, два носят мифологический характер и один, последний, посвящен междоусобной войне среди огузов. Более важно, может быть, отличие 5-го и 6-го рассказов от всех других в том, что только в этих двух рассказах совершенно нет ни главы всех огузов, «хана ханов» Баюндур-хана, ни главного богатыря Салор-Казана, ни других действующих лиц остальных рассказов. Для 5-го рассказа, для великолепной «Песни об удалом Домруле» [17], пока не удается найти никаких параллелей в мусульманской и вообще переднеазиатской литературе; 6-й рассказ [18] — о сватовстве богатыря Кан-Турали в Трапезунте — находит себе параллель в тех «западных романах и восточных сказках», в которых, по словам Фальмерайера [19], говорилось о сватовстве «черкесских, грузинских, армянских и туркменских царевичей» за трапезунтскими царевнами и дочерьми вельмож, также о приезде для сватовства царевичей из Сербии, Митилены, Месопотамии и Персии. Фальмерайер ссылается на историю туркменского витязя Сафара и принцессы Леонильды и на историю дочери

[11] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, I, 203 и сл.; 〈см. также *Китāб-и Деде Коркут*, пер. Бартольда, изд. 2, 14—22〉.

[12] *По поводу «Китаби-Коркуд»*.

[13] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, I—IV.

[14] Diez, *Denkwürdigkeiten*, T. II, S. 398 sq.

[15] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф'ата. О литературе еще Babinger, *Ḳorḳud Dede*, S. 1156; о допущенной там ошибке Бартольд, ЗКВ, т. III, стр. 220, прим. 4.

[16] 〈См. теперь *Китāб-и Деде Коркут*, пер. Бартольда, изд. 2; там же (стр. 131—258) статья В. М. Жирмунского (*Огузский героический эпос*), всесторонне освещающая указанную В. В. Бартольдом тему.〉

[17] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, I, 209 и сл.

[18] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф'ата, 96 и сл.; 〈пер. Бартольда, изд. 2, 63—72〉

[19] *Geschichte des Trapezunt*, S. 190, 313 sq.

трапезунтского императора, царевны Тигринды. У Фальмерайера назван один из этих романов — «Calloandro fedele» генуэзца Марини, изданный в 1786 г.; ни этого издания, ни других произведений в этом роде мне не пришлось видеть [20].

Остальные 10 рассказов более тесно связаны между собою и, по-видимому, относятся к одному и тому же циклу сказаний, связанных с именами Баюндур-хана (возможно, что это имя обязано своим происхождением династии туркменов Белого барана, происходившей из рода баюндур) и его богатырей, причем во многих рассказах повторяются одни и те же имена. Можно даже сделать попытку установить хронологический порядок если не всех, то некоторых из эпизодов, переданных в различных рассказах. Первым по времени можно признать эпизод, составляющий предмет 10-го рассказа, где говорится о двух сыновьях Ушун-Коджи [21]; более поздний момент имеется в виду в 8-м рассказе, где говорится об убиении сына Ушун-Коджи (по-видимому, имеется в виду младший, Секрек [22], если не оба брата; текст, по-видимому, несколько испорчен) [23] и сына Аруза, Кыян-Сельджука [24]; во всех других рассказах [25] упоминается уже сын Кыян-Сельджука, удалой Дундаз. Раньше многих других эпизодов должен был произойти эпизод, составляющий предмет 3-го рассказа [26] и в нескольких других упоминаемый как совершившийся раньше [27]. Особенно тесно связаны между собой рассказы 2, 4 и 11-й, где действуют одни и те же лица; но эти рассказы являются не частями одного стройного целого, но вариациями на одну и ту же тему, причем каждой исключаются две других. Особенно резко противоречие между рассказами 4-м [28] и 11-м [29]; в первом Казан-бек отправляется со своим шестнадцатилетним сыном Урузом, до тех пор никогда не бывавшим в бою, и юноша захватывается в плен; во втором захватывается в плен сам Казан-бек в дни младенчества своего сына, который даже не знает, что его отец — Казан. Когда

---

[20] О связях между туркменами и Трапезунтской империей свидетельствует также исторический факт женитьбы главы туркменов Белого барана, Узун-Хасана (1466—1478), на дочери императора Иоанна IV (ок. 1447—1458). Ср.: Крымский, *История Турции*, т. I, стр. 100; Кримський, *Історія Туреччини*, стр. 93.

[21] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф'ата, 142 и сл.; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 89—95⟩.

[22] Так в тексте 10-го рассказа; я писал (*Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, II, 270) *Шекрек*, как в заглавии.

[23] *Китāб-и Деде. Коркут*, изд. Риф'ата, 122; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 75⟩.

[24] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф'ата, 123 и 129; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 78, 82⟩

[25] В том числе *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, III, 047, 056, 058; IV, 27, 28, 38.

[26] Там же, IV, 1 и сл.

[27] Там же, III, 048, 057.

[28] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф'ата, 67 и сл.; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 49 и сл.⟩.

[29] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф'ата, 152 и сл.; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 95 и сл.⟩.

Уруз узнает, кто его отец и что совершилось с ним, он отправляется освобождать отца, и Казан-бек при этом в первый раз видит своего сына воином. В последнем рассказе (о восстании внешних огузов против внутренних) [30] главный эпизод — смерть Бейрека, героя 3-го рассказа, упоминаемого и во многих других; следовательно, 12-й рассказ относится к более позднему событию, чем другие, но и он не приведен в согласие с прочими. Во главе внешних огузов выступает старый Аруз; предполагается, что жив его сын Бисат, но ничего не говорится об обыкновенном предводителе внешних огузов Дундазе, внуке Аруза и племяннике Бисата. Женой Бейрека является не Бану-Чечек, героиня 3-го рассказа, но дочь престарелого Аруза, настолько молодая, что, по желанию Бейрека, она должна выйти замуж за сына Казана, Уруза.

Вследствие всего этого приходится, по-видимому, отказаться от мнения, выраженного мною в 1893 г., что «нельзя сомневаться в единстве поэмы: имена богатырей, эпитеты, характерные выражения постоянно повторяются; постоянно делаются намеки на события, рассказанные в другом месте; слог везде один и тот же» [31]. По-видимому, все рассказы относятся к одной и той же эпохе и сложены одной школой рапсодов, но едва ли одним лицом. Кроме указанных противоречий, необходимо также отметить, что поэтическое достоинство отдельных рассказов далеко не одинаково; такой перл степной поэзии, как «Песнь об удалом Домруле», стоит совершенно одиноко; в других рассказах мы не находим ни той высоты поэтического замысла, ни той выразительной простоты и краткости; особенно резко отличается от этой песни своими длиннотами предшествующая ей «Песнь о том, как сын Казан-бека Уруз-бек был взят в плен» [32].

Нет признаков общего плана. Отдельные рассказы или былины (каждая былина носит название *Огуз-нāме*) не имеют никакого отношения к введению, где говорится о Коркуде, его изречениях и изречениях другого певца, хотя предполагается, что и эти изречения выслушиваются ханом из уст певца; рассказ даже прерывается восемь раз пожеланиями хану [33], тогда как в былинах мы находим такие пожелания только по одному разу, в конце каждой былины. Единственным связующим звеном для введения и всех 12 былин является имя Коркуда.

Известно, что предания о Коркуде, или Коркуте (есть и другие варианты), встречаются и в туркестанских, по прежней терминологии «киргизских», степях, где огузы жили раньше, чем пришли на Кавказ, и где эти предания сохраняются у нынешних обитателей тех же степей, казаков. Некоторые из этих преданий были приведены мною в других местах;

---

[30] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф'ата, 165; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 101 и сл.⟩.

[31] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, I, 204.

[32] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф'ата, 67—87; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 49—59⟩.

[33] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф'ата, 4—6; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 12—13⟩; четыре раза в изречениях Коркуда и четыре раза в словах певца о женщинах.

более важно не замеченное мною сообщение умершего в 1865 г. ориенталиста из сибирских казаков (киргизов) Чокана Валиханова о «Хархуте (sic!), первом шамане, который научил их (киргизских шаманов) играть на кобзе и петь саре» [34]. Вместо непонятного *саре* покойный П. А. Фалев [35] предлагал читать *сарын* 'песнь' [36]. Кобзу у киргизских (казакских) шаманов видел и Радлов [37]: «Вместо барабана языческих шаманов казакский заклинатель (*бакса*, или *баксы*) пользовался чем-то вроде скрипки или скорее виолончели, от 3 до $4^1/_2$ футов вышиной, называемой *кобуз*. Бакса ставит этот кобуз перед собой, как наши музыканты виолончель, и играет на нем смычком; на кобузе две струны из витых конских волос; к ручке прикреплено множество железных хлопушек (Eisenklappern), при движении инструмента производящих шум». То же самое слово почти без изменения мы находим в мадьярском (*koboz*), вследствие чего становится вероятным, что слово (кобза) и самый инструмент заимствованы славянами (поляками и украинцами) у турок, а не наоборот, как сказано в словаре Даля [38], тем более что славянское слово не имеет никаких индоевропейских аналогий. По словарю Радлова [39], слово *кобус* или *кобуз* встречается в целом ряде турецких наречий — от уйгурского [40] и шорского (в Алтае) до крымского и караимского.

Кобза упоминается и в одном варианте легенды о Хорхуте (Коркуде, как мусульманском святом (*аулия*), спасавшемся бегством от смерти (мотив, конечно, находящийся в противоречии с духом ислама). Пением и звуками кобзы он долго отгонял от себя сон (очевидно, ему было предсказано, что он умрет во сне); когда он наконец заснул, «смерть, в образе небольшой змеи, вползла на ковер и ужалила Хорхута». На могилу его была положена кобза, и в заунывных звуках ее узнавали имя Хорхут [41].

Кобза и в нашем памятнике — атрибут Коркуда как певца по преимуществу, слагающего песни, которые от него перенимаются профессиональными певцами — узанами [42]. Предполагается, что каждая былина про-

---

[34] Валиханов, *Сочинения*, стр. 29.

[35] В докладе, читанном 26 февраля 1915 г. в Восточном отделении Русского археологического общества; см. Фалев, *Народная словесность у ногайцев.* Я имел возможность пользоваться рукописью, оставшейся после покойного.

[36] Ср. Радлов, *Словарь*, IV, 323; у Валиханова в другом месте (*Сочинения*, стр. 279) *сарн* (там же имя Коркот).

[37] *Aus Sibirien*, Bd II, S. 59 sq.

[38] *Словарь*, II, 318.

[39] *Словарь*, II, 661 и сл.

[40] Оно встречается в уйгурских буддийских текстах и, как доказывает П. Пельо (*La version ouigoure*, p. 258, n. 4) на основании текста эпохи Минской династии (1368—1644; у Пельо ссылка на: Позднеев, *Лекции*, т. III, стр. 38), перешло в китайский язык.

[41] Спиридонов, *Легенда о Хор-Хуте*; ⟨см. также выше, стр. 236⟩.

[42] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, I, 213 (текст) и 218 (перевод).

износится устно перед лицом хана, к которому певец обращается во втором лице. От певцов зависит и слава богатырей: «С кобзой в руке, от народа к народу, от бека к беку идет певец; кто из мужей отважен, кто негоден, знает певец» [43]. Певец и его кобза необходимы и на свадьбе [44]. Иногда с кобзой в руке выступает и воин-богатырь; в былине (10-й) о молодом богатыре Секреке упоминается кобза, полученная им от Коркуда [45]. Казан-бек в плену у гяуров, когда ему предлагают петь, велит принести себе свою кобзу [46].

Об этой стороне турецкого быта до сих пор почти ничего не было известно, и самое слово *узан* было совершенно забыто. Первый переводчик «Книги о Коркуде», Диц, долгое время живший послом в Константинополе, принял слово *узан* за собственное имя [47]; в словаре Радлова его совершенно нет; в словарях Вуллерса [48] (персидско-латинском) и Будагова [49] (турецко-русском) оно приводится со ссылкой (у Вуллерса) на второе издание (1780) старого словаря Менинского, где оно заимствовано из составленного в 1075 г. х. (1664-65 г. н. э.) и напечатанного в 1742/1155 г. персидско-турецкого словаря Шу'ури. По словам Шу'ури, узанами «называют по-турецки класс людей, играющих на гитаре (*тамбур*), сказывающих песни (*тюркю*) и читающих Огуз-наме» [50]. Вместо кобзы, как в нашем памятнике, узанам здесь, следовательно, приписывается другой музыкальный инструмент. В словаре Радлова [51] приводятся османское слово *тамбур*, или *тамбура*, 'гитара' (*агыз тамбурасы*, т. е. 'тамбура для рта', 'варган') и киргизское (т. е. казакское) *домбра* 'род балалайки'. Очевидно, мы имеем здесь различные диалектические формы одного и того же слова; сюда же, по-видимому, относится французское tambour, хотя и получившее совсем другое значение. Игра на домбре приписывается и Коркуду в одном из вариантов легенды о нем [52]. У казаков и узбеков название тамбур носит трехструнная гитара, в противоположность двухструнным дутару и кобузу (кобзе). В книге Ф. Шварца [53]

---

[43] Там же, 205.

[44] Там же, IV, 11 (текст) и 30 (перевод).

[45] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф'ата, 149; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 94⟩.

[46] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф'ата, 154; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 96⟩.

[47] Diez, *Denkwürdigkeiten*, T. II, S. 401.

[48] *Lexicon*, I, 141.

[49] *Словарь*, I, 131.

[50] Вуллерс и Будагов, по примеру переиздавшего словарь Менинского Иениша, пишут «огур-наме»; отсюда неверный перевод Будагова: «поют песни и читают предсказания». В первоисточнике, т. е. в печатном издании Шу'ури (*Фарханг*, I, л. 148а), этой ошибки нет. О слове *узан* теперь еще Самойлович, *Очерки*, стр. 144 и сл.

[51] *Словарь*, III, 1008, 1727.

[52] Бартольд, *Коркуд*, стр. 273; ⟨см. выше, стр. 236⟩.

[53] *Turkestan*, S. 293.

приводятся изображения всех этих инструментов, заимствованные из книги Capus «La musique chez les Khirghizes et les Sartes», причем, и по Шварцу, эпическим инструментом по преимуществу является кобуз (у него Kausz) [54].

«Книга о Коркуде» дает достаточно наглядное представление о том, в каком духе слагались песни узанами. Резко проявляется культ войны для войны. Право на уважение имеет только тот, кто «рубил головы, проливал кровь» [55]. Даже приходить на помощь воину во время борьбы с его врагами считается оскорблением [56]. Суровость военных нравов несколько смягчается своеобразным рыцарством: бегущих не преследуют, просящих пощады не убивают [57]. Сын, недовольный отцом, или бек, недовольный ханом, готовы порвать со своими соплеменниками и единоверцами, уйти к абхазам или грузинам и сделаться врагами огузов [58], но при всем своеволии богатырей лучшим считается тот, кто, совершая подвиги, не гордится ими, хвалит только других [59].

Боевые подвиги иногда совершаются и женщинами, но это считается неестественным; женщина должна быть под защитой мужчины. Почти в каждой былине рисуются яркие картины непоколебимой супружеской любви и верности; даже невеста, покидаемая нареченным мужем в самый день свадьбы, перед свадебной ночью, выражает готовность ждать его возвращения, сколько бы лет ни прошло, хотя муж назначает ей только трехлетний срок: «Пусть зовут меня невестой с несчастной судьбой, но бесстыдной пусть не зовут» [60]. Нет никаких признаков многоженства; у каждого богатыря только одна хозяйка, которая его, «открыв глаза, увидела, отдав сердце, полюбила» [61].

«Век огузов», т. е. время жизни героев, относится к далекому прошлому, к первому веку ислама. По представлению певца, люди тогда были другие, не только выше ростом и сильнее, но и более угодные богу: «их благословение было благословением, их проклятие — проклятием» [62]. Человек тогда мог вырывать дерево с корнем и класть его себе на спину [63];

---

[54] Ibid., S. 294: «Der Kausz wird hauptsächlich von den eingeborenen Rhapsoden zur Begleitung ihrer öffentlichen Gesangsvorträge auf den Bazaren und in den Theebuden verwendet».

[55] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, I, 207; IV, 3 (текст), 20 (перевод).

[56] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф'ата, 109 и сл.; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 71⟩.

[57] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, III, 046 (текст), 058 (перевод).

[58] Там же, I, 205; изд. Риф'ата, 68, 134; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 49, 85⟩.

[59] Слова Казан-бека в своей песне см.: *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф'ата, 155 и сл.; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 97⟩; ср.: изд. Риф'ата, 132; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 98⟩.

[60] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф'ата, 146; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 92⟩.

[61] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, I, 212 (текст), 217 (перевод); II, 179 (текст), 188 (перевод).

[62] Там же, IV, 1 и сл. (текст), 18 (перевод).

[63] Там же, III, 041 (текст), 053 (перевод).

даже сон овладевал богатырем на семь суток [64]. Сказочные богатыри живут, однако, в той же местности — на Армянской возвышенности, — как современники певцов, в той же обстановке кочевого или полукочевого быта, в шатрах, с табунами коней, стадами верблюдов и баранов, с летовками в горах, но также с садами и виноградниками [65]. Деревьям на безлесной Армянской возвышенности придавали тогда такое же значение, как теперь; обращаясь к своему хану, певец выражает пожелание, чтобы его тенистое крепкое дерево не было срублено [66]; выражая свое горе мужу, которого она считает виновником гибели сына, жена богатыря говорит: «Мое тенистое крепкое дерево ты срубил» [67].

Подданные фантастического, по всей вероятности, Баюндур-хана и его зятя и главного богатыря Казан-бека, или Салор-Казана, совершают походы до Мардина [68] на юге, до Дербента и Трапезунта на севере, причем не упоминается ни одна из местностей современной Персии. Совершенно одиноко стоит упоминание в одной песне [69] об Оманском море, если тут имеется в виду Индийский океан. Главное содержание военной жизни богатырей — столкновения с греками и грузинами. Говорится о нескольких крепостях, находившихся в руках гяуров; таковы Байбурт [70], Дизмерд [71] на берегу Черного моря, Ахалцих [72], принадлежавший «Дадиану», крепость Алынджа [73], т. е. вероятно, Алынджак, около Нахичевани, упоминаемый и в истории Тимура [74]. Барда и Гянджа находились вне области огузов [75]. Кавказский хребет носит название Казылык [76]; кроме арабских коней, славились и кавказские [77]. Сирия на юге, страна румов (греков) на западе — крайний предел известного огузам мира; богатырь гордится, что его слава доходит до этих стран [78]. Только во сне богатырь переплывает через Черное море [79]. Купцы ездят

---

[64] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф‘ата, 152; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 95⟩.

[65] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, I, 210, 212 (текст), 215, 217 (перевод).

[66] Там же, 213 (текст), 218 (перевод); II, 183 (текст), 193 (перевод); III, 046 (текст), 059 (перевод) и др.

[67] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф‘ата, 84; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 57⟩.

[68] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, III, 044 (текст), 056 (перевод).

[69] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф‘ата, 156; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 97⟩.

[70] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, IV, 9 и сл. (текст), 28 и сл. (перевод).

[71] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф‘ата, 113 и сл.; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 73—75⟩.

[72] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф‘ата, 79; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 50⟩.

[73] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф‘ата, 143; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 89, 90⟩.

[74] Шереф ад-дин Йезди, I, 416.

[75] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф‘ата, 132; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 84⟩.

[76] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, II, 180 (текст), 189 (перевод).

[77] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф‘ата, 4, 110, 133 и др.; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 66, 75, 84 и др.⟩.

[78] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, I, 209 (текст), 213 (перевод).

[79] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф‘ата, 115; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 74⟩.

для торговли в Стамбул, рассчитывая вернуться только через много лет: богатырь, у которого родился сын, отправляет купцов в Стамбул купить для него коня и оружие, рассчитывая, что они вернутся тогда, когда его сын вырастет [80]. Враги называют огузов татарами [81], как до сих пор называют народности турецкого происхождения на Кавказе.

Герои — ревностные мусульмане и ведут войну с неверными; взятие города или крепости сопровождается разрушением церквей и постройкой мечетей [82]; есть ссылки на книжные мусульманские легенды об Адаме и Аврааме [83]. Но вообще книжного элемента мало, хотя брови красавицы сравниваются с чертами, проведенными писцом [84]. В последнем рассказе упоминается экземпляр Корана, к которому прикасаются при произнесении клятвы; говорится также о бумаге; но и эта бумага не читается, и весть, которая, по-видимому, должна заключаться в ней, передается устно [85]. Ревность к исламу не мешает воинам пить вино; отправляющийся на войну отряд, подобно европейским средневековым солдатам-наемникам, проводит несколько дней в питейном доме [86].

Незначительностью влияния ислама следует, вероятно, объяснить бледность того лица, которому приписывается распространение ислама среди огузов. Это — Эмен, происходивший из огузского рода бюкдюз [87]; он совершил путешествие в Аравию, где видел пророка; вернувшись на родину, он сделался его представителем среди огузов [88]. Тем не менее он по своему влиянию на жизнь народа не мог бы сравниться с Коркудом. Эмен — такой же воин-богатырь, как другие; когда им овладевает гнев, из его усов сочится кровь. Он — воспитатель богатыря Иекенка [89]; он принадлежит к группе внешних огузов и в последнем рассказе принимает участие в мятеже против Казан-бека, главы внутренних огузов [90].

Несравненно бо́льшим значением пользуется Коркуд, притом не только как певец. Им слагаются песни, которые после него перенимаются певцами-узанами; но сам он не узан, увеселяющий за плату князей или народ на пиру. Он — мудрый наставник хана, князей и народа, обращающихся к нему в затруднительных случаях [91]; им иногда дается наставле-

---

80 *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, IV, 2 (текст), 19 (перевод).

81 *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф'ата, 154; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 55, 96⟩.

82 *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, IV, 17 (текст), 38 (перевод).

83 *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф'ата, 117, 141; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 75, 88⟩.

84 *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф'ата, 112; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 72⟩.

85 *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф'ата, 167; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 103⟩.

86 *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф'ата, 143; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 89⟩.

87 Название у Рашид ад-дина, изд. Березина, I, текст, 37, и у Махмуда Кашгарского, I, 56.

88 *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, III, 045 (текст), 057 (перевод).

89 *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф'ата, 115; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 74⟩.

90 *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф'ата, 166 и сл.; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 102⟩.

91 *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, IV, 5 (текст), 23 (перевод).

ние богатырю, отправляющемуся в поход [92]; им же благословляется меч богатыря [93]. Коркуд — белобородый старец; нет упоминания о легендах, связанных с преданием о его бегстве от смерти; но не подлежит сомнению, что эти легенды были известны как в Туркмении, где отголоски их сохранились до сих пор, так и в Малой Азии. Туманский со слов эрсаринского муллы приводит поговорку: «Не рой могилы Коркуду», причем в объяснение ее приводит предание, что Коркуд был «богатырем, который не мог долгое время найти себе могилу, а потому и рыть таковую для него бесполезно» [94]. А. Н. Самойлович [95] слышал ту же поговорку у салыров в Серахсе, причем там ее почему-то применяли к тем, «кто рассказывает через третье лицо сплетни, интриги». В малоазиатской литературе отголоски преданий о Коркуде сохранились, кроме нашего памятника, еще в сборнике пословиц, носящем заглавие *Аталар сӧзю* («Слова предков»), или *Огуз-нāме* [96], и тоже сохранившемся только в одной рукописи, находящейся в Берлине [97]. Этим сборником занимался тот же ученый, который первый обратил внимание на «Книгу о Коркуде», Диц. Диц предполагал издавать по 200 пословиц (всего их в сборнике несколько тысяч) в каждой части своих «Denkwürdigkeiten von Asien»; из этих частей вышло всего две [98]; но изданные 400 пословиц, несомненно, составляют самую интересную часть сборника. Вошедшие в это число первые 75 номеров представляют, по-видимому, самостоятельное целое и стоят гораздо ближе к нашему памятнику, чем остальные; после № 75 нет уже упоминания о Коркуде.

Туркменским представлением о том, что рыть могилу Коркуду бесполезно, подтверждается, что рядом с теми вариантами легенды, где Коркуда в конце концов постигает смерть, были другие, где ему удается избежать смерти. На это указывает заклинание киргизского (т. е. казакского) шамана (баксы), записанное Радловым в Кулундинской степи (т. е. в местности к востоку от Иртыша, к западу от Барнаула и к северу от Семипалатинска): «Назову его мертвым, — он не мертв, назову его живым, — он не жив, отец, святой Коркуд» [99]. Следовательно, было поверие, что Коркуд был удален из среды живых и в то же время не подвергался процессу смерти, т. е. предание о Коркуде походило на принесенное исламом с запада предание о «пророке» Хизре или, по турецкому произношению,

---

[92] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф'ата, 115; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 74⟩.

[93] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф'ата, 131; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 83⟩.

[94] Туманский, *По поводу Китаби Коркут*, стр. 272 и сл.

[95] Пользуюсь его любезным сообщением.

[96] О нем см. В. Смирнов, *Очерк турецкой литературы*, стр. 9 и сл.

[97] Pertsch, *Die türkischen Handschriften*, S. 65 sq. (№ 34, 1).

[98] В 1811 и 1815 гг.; пословицы №№ 1—200 в т. I, стр. 166—205; №№ 201—400 в т. II, стр. 288-331.

[99] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd II, S. 64; Радлов, *Образцы*, ч. III, стр. 47, стихи 29—31.

Хыдыре, что, конечно, не мешало показывать и почитать могилу Коркуда, как в нескольких местах на западе (в Верхнем Египте и на острове в устье Шатт ал-Араба) показывали могилу Хизра. В сборнике пословиц (№№ 9 и 10) Хизр упоминается рядом с Коркудом; по-видимому, текст, совершенно не понятый Дицем [100], должен быть переведен так: «Пусть дарует тебе (бог) исцеляющее прикосновение пророка Хизра, пусть дарует знание отца Коркуда». И в нашем памятнике рана богатыря излечивается, когда по ней три раза проводит рукой Хизр [101].

В поговорках Коркуду приписывается отчасти сверхъестественное происхождение (в нашем памятнике на это нет никаких намеков); он родился от дочери светлоокого дива (№ 74). В то же время он теснее связан с исламом; он признал единство бога, правдивость пророка, принял на свою шею завет божий (там же). Он, по-видимому, идеальный дервиш, так как после него от бесед с дервишами получается один вред (№ 35). Он наставник народа, хранитель заветов старины и родового строя, предсказывающий, между прочим, что наступит время, до которого он не желал бы дожить, когда родители не будут жалеть детей, дети не будут почитать родителей, когда сын будет говорить в присутствии отца, дочь будет отдавать приказания в присутствии матери (№ 65).

Коркуд сборника пословиц не играет на кобзе и не слагает былин, но героическое содержание былин предполагается известным даже в большей полноте, чем оно изложено в «Книге о Коркуде». Говорится (№ 75), как и в «Книге о Коркуде», о 366 витязях [102]. Только мимоходом названный там Бай-Биджан-бек, отец невесты Бейрека [103], по сборнику пословиц (№ 5), был идеалом бека; очевидно, с этим были связаны какие-то предания, не дошедшие до нас. Вместе с ним упоминается (№ 6), как идеал мужества, совершенно неизвестный нашему памятнику Кузан, вместе с Салор-Казаном, как его стрелок или выделывающий для него стрелы [104] (*окчу*). Некоторые из пословиц сборника (№№ 84, 85, 96, 97) находятся также во вступительной части «Книги о Коркуде» [105], хотя слова Дица [106], будто в сборнике можно найти большую часть поговорок, приведенных в «Коркуде», если не все, не соответствуют действительности.

Мы не знаем, как долго сохранялись в туркменско-кавказской и анатолийско-турецкой среде предания о Коркуде и о героях связанного с его именем эпоса. Как отметил К. А. Иностранцев [107], «единственной истори-

---

[100] *Denkwürdigkeiten*, T. I, S. 168.

[101] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, II, 180 (текст), 189 (перевод).

[102] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф'ата, 132; ⟨пер. Бартольда, изд. 2-е, 82⟩.

[103] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, IV, 2 и сл. (текст), 18 и сл. (перевод).

[104] Оба значения см. Радлов, *Словарь*, I, 1001.

[105] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф'ата, 4.

[106] *Denkwürdigkeiten*, T. II. S. 400.

[107] *Коркуд*, стр. 041 и сл.

ческой личностью с этим именем в истории Турции» был царевич Коркуд, сын султана Баязида II и брат султана Селима I, в юном возрасте, в 1481 г. после смерти своего деда Мехмеда II бывший в Константинополе заместителем своего отца до его приезда [108], впоследствии наместником области Сарухан, потом, после неудачной попытки найти надежное убежище в Египте, области Текке в Малой Азии, убитый в конце 1512 г. около Брусы по приказанию своего брата [109]. Царевич «был известен любовью к поэзии и музыке и сам пользовался славой хорошего поэта и музыканта», по мнению Иностранцева, «возможно, что именем своим этот царевич обязан распространению в эту эпоху сказаний о предках османского народа — огузах». В пользу этого можно привести еще имя двоюродного брата Коркуда, сына Джема, Огуз-хана [110]. Время рождения обоих царевичей — третья четверть или начало последней четверти XV в. (Коркуд был несколько старше Огуз-хана); составление «Книги о Коркуде» в том виде, как мы ее имеем, относится, вероятно, к началу того же столетия.

Ни в Малой Азии, ни на Балканском полуострове не было благоприятных условий для сохранения эпических сказаний. Каково бы ни было происхождение легенды о Коркуде как игравшем на кобзе певце-шамане, связанный с именем Коркуда эпический цикл едва ли мог сложиться вне обстановки Кавказа. После падения династии туркменов Белого барана и разделения ее владений между суннитской Турцией и шиитской Персией условия для сохранения традиций туркменского эпоса были более благоприятны во второй, чем в первой. Культурным влиянием Византии и ислама были вызваны презрительные отзывы о грубости турок, встречающиеся уже в пословицах, изданных Дицем (№№ 43, 199, 230, 267, 299). В тех же пословицах вполне определенно сказывается отсутствующая в нашем памятнике, где наряду с Али, Хасаном и Хусейном прославляются халифы Абу Бекр и Осман [111], шиитская тенденция; говорится о любви к 12 имамам (№ 76). Провозглашение шиитства государственной религией Персии нашло, следовательно, и среди персидских туркмен и азербайджанцев благоприятную почву. Возможно, что и легенда о Коркуде получила шиитскую окраску; путешественник Олеарий [112] в 1638 г. слышал рассказ об «имаме Коркуде», могилу которого тогда показывали близ Дербента. Однако Коркуд и в XVII в. оставался эпическим певцом, и с его именем связывались имена героев нашего памятника,

---

[108] Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd I, S. 603; Jorga, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd II, S. 234.

[109] Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd I, S. 671—672, 697—698; Jorga, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd II, S. 309—315.

[110] Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd I, S. 603.

[111] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Риф'ата, 4 и сл.; ⟨пер. Бартольда, изд. 2, 2⟩.

[112] Текст его рассказа по изданию 1671 г. см. Бартольд, *Еще известие о Коркуде*, стр. 074; ⟨выше, стр. 377—381⟩.

«Имам Коркуд», по словам Олеария, играл на лютне (Laute), пел песни царю «Кассану» и побуждал его к войне с лезгинами, в то время язычниками; от руки тех же лезгин, которым он проповедовал ислам, он потом пал. Кассан, т. е. Салор-Казан нашего памятника, умер своей смертью и был похоронен в Тебризе; могилу его жены Burlae, или Burloe, (нигде, кроме нашего памятника [113] и рассказа Олеария, этого имени нет), показывали в Урмии. Теперь этих могил никто не знает; давно забыты как рассказы, вошедшие в «Книгу о Коркуде», так и имена героев этих рассказов, и только дрезденская рукопись сохранила нам произведения некогда процветавшего на Кавказе туркменского эпоса.

[113] *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, III, 038 и сл. (текст), и 048 и сл. (перевод).

СТАТЬИ ИЗ «ЭНЦИКЛОПЕДИИ ИСЛАМА»

АЙМАК

Аймак — восточнотюркское и монгольское слово, имеющее примерно одинаковое значение со словом *иль*, которое чаще встречается в тюркских диалектах. Оба слова первоначально означали 'племя', но употреблялись также и для обозначения бóльших племенных союзов, как политических объединений. По именам четырех ханов (Тушету-хан, Цэцэн-хан, Саин-нойон и Дзасакту-хан) Северная Монголия (Халха) делится на четыре аймака. В Афганистане выражением «чар (чахар) аймак» ('четыре аймака') обозначаются четыре кочевые народности (джемшиды, хезарейцы, фирузкухи и теймени).

АЛТАЙЦЫ

Алтайцы (тюрк. *алтай-киши*) — тюркская народность на Алтае, которую русские также называют «горные калмыки»; последнее название несомненно восходит ко времени калмыцкого владычества, равно как и княжеский титул *зайсан* (весь народ разделен на девять зайсанств). Радлов характеризует наречие алтайцев как однородный тюркский диалект с очень архаичными признаками. Алтайцы остались чужды исламу и мусульманской культуре; однако некоторые слова их языка (*кудай* 'бог'; *шайтан* 'дьявол') свидетельствуют о некотором (быть может, не непосредственном) влиянии, которое оказала на них эта культура. Этот народ еще и теперь придерживается шаманизма; только часть его приняла христианство, распространявшееся русскими миссионерами. См.: Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 250 sq.; Vámbéry, *Das Türkenvolk*, S. 97 sq. Алтайские тексты у Радлова (*Образцы*, ч. I). — Многие филологи в настоящее время пользуются терминами «алтайцы» и «алтайский» в том же значении, в котором ранее применялись термины «урало-алтайцы» и «урало-алтайский», т. е. как общим обозначением пяти языковых групп: тунгусской, монгольской, тюркской, финской и самоедской.

〈Литература. Л. П. Потапов, *Очерки по истории алтайцев*, М.—Л., 1953; *Народы Сибири*, стр. 329—375 и 1001 (библиография).〉

БАЙ

Бай — тюркское слово, собств. прилагательное ‘богатый’ (в этом значении оно встречается уже в древнейших памятниках тюркского языка — орхонских надписях), как существительное означает также ‘хозяин дома’. В Средней Азии слово *бай* часто присоединяется к личным именам; тем самым носители этих имен обозначают себя как зажиточных и независимых людей в противоположность простому народу [1]. Самым ранним текстом, где слово *бай* употреблено в этом значении, является, пожалуй, рассказ о Махмуд-бае, везире государя (гурхана) кара-китаев, в *Та’рӣх̮-и джахāнгушāй* Джувейни (VII/XIII в.). См.: d’Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, p. 68; Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 113; ч. II, стр. 384—385; ⟨наст. изд., т. I, стр. 422—423⟩.

⟨См. Самойлович, *Богатый и бедный*.⟩

---

[1] ⟨В новое время (по крайней мере уже в XIX в.) слово *бай* в составе имени не обязательно было социальным показателем.⟩

БАЛЫК

Балык (*бāлик̣*) — тюрко-монгольское слово, означающее 'город' (пишется также *бāлūк̣* и *бāлиг̣*); часто встречается в сложных названиях городов, например Бешбалык («Пятиградье», ныне развалины близ Гучэна в Китайском Туркестане), Ханбалык («Ханский город», тюрко-монгольское название Пекина, часто употреблявшееся также средневековыми европейскими путешественниками), Илибалык (на реке Или, ныне Илийск) и др. Ввиду того что город Бешбалык упомянут уже в орхонских надписях (VIII в. н. э.) слово *балык* в значении 'город' принадлежит к числу наиболее древних тюркских слов, так же как и его омоним *балык* 'рыба', которое имеется, по-видимому, во всех тюркских диалектах.

⟨См. İA, I, ss. 275—276, s. v. *Balık* (R. R. Arat).⟩

БАЛЫШ

Балыш — денежная единица у монголов; упоминается уже при Чингиз-хане; после распада монгольской империи на несколько самостоятельных государств это слово, по-видимому, продолжало употребляться только в Китае, где еще в VIII/XIV в. производились расчеты в балышах. Различные свидетельства восточных источников, собранные Катрмером (Рашид ад-дин, изд. Катрмера, 320 и сл.), трудно согласовать между собой; к тому, что там сообщается, можно, пожалуй, добавить только известие Джузджани (пер. Раверти, II, 1110), согласно которому балыш соответствовал $60^{1}/_{3}$ дирхема. Важно в особенности указание *Та'рӣх̮-и Вас̣с̣āф* (бомбейское изд., 22), что как золотой, так и серебряный балыш весили 500 мискалей (около $2^{1}/_{8}$ *кг*) (то же самое сообщает и Джувейни). По Вассафу, золотой балыш соответствовал 2000 динаров, серебряный — 200 динарам, а бумажными деньгами — только 10 динарам; в другом месте (стр. 506), где рассказывается о посольстве 697—704/1297-98—1304-05 гг. (ср. об этом посольстве: d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 320 sq.; Elliot, *History of India*, vol. III, p. 45 sq.), тот же Вассаф приравнивает бумажный балыш только 6 динарам. Слово *динар*, очевидно, означает здесь не золотую монету, а упомянутую также Рашид ад-дином (см. об этом d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 464) серебряную монету весом в 3 мискаля (около 12,75 *г*).

〈См. EI ², I, p. 996b, s. v. *Bali<u>sh</u>* (B. Spuler); там же библиография и ссылки на источники.〉

БАСДЖИРТ

Басджирт (пишется также башджирд, башгирт, бāшгирд и бāшкирд или бāшкурд) — арабское название народов башкир и мадьяр. Башкиры, территория которых приблизительно совпадала с теперешними Уфимской и Оренбургской губерниями, впервые кратко упоминаются Истахри (225 и 227) и более подробно описаны Ибн Фадланом (Якут, *Му'джам*, I, 468 и сл.). В то время, как отчасти и сейчас, страна башкир была покрыта лесами, а ее население было крайне малочисленным (по Истахри, только 2000 мужчин); они подчинялись болгарам и в противоположность этому народу оставались еще язычниками; расстояние между территориями обоих народов считалось равным 25 дням пути. Согласно Ибн Фадлану, каждый башкир должен был изготовлять себе собственного деревянного идола, которого всегда имел при себе и к которому обращался с молитвой в нужде и опасности. Даже в XIII в. еще не все башкиры стали мусульманами; путешественник Рубрук (1253 г.) сообщает только, что до появления татар башкиры оставались подданными болгар, вследствие чего многие из них приняли ислам. Только русские в XVI в. познакомились с башкирами как с народом, полностью принявшим мусульманство.

Монахи венгерского происхождения (см. рассказ об этой миссии: Wolff, *Geschichte der Mongolen*, S. 263 sq.), которые бывали там еще до появления татар, говорили Рубруку, что язык башкир (Pascatur) такой же, как у венгров. Тот диалект, на котором в настоящее время говорят башкиры, несмотря на некоторые фонетические особенности, принадлежит к семейству тюркских языков, а не к финским, к которым принадлежит венгерский; само название народа народная этимология расчленяет на *баш* 'голова' и *курт* 'волк' (или также *курт* 'червяк', 'пчела'). Обстояло ли дело в XIII в. иначе — остается под вопросом. Маркварт (*Streifzügə*, S. 69) полагает, что это сближение башкир с венграми, а также название страны башкир «magna Hungaria» могут быть объяснены только соответствующим словоупотреблением у арабов. Замечательно, что даже во время похода 1849 г.[1] русские казаки, как сообщают, называли мадьяров «башкирами».

После завоевания Казани башкиры должны были подчиниться русским. В XVII в. башкиры часто воевали с калмыками, а в XVIII в. — с киргизами[2]; кроме того, башкиры часто восставали против русской

[1] ⟨Т. е. во время подавления венгерской революции царскими войсками.⟩
[2] ⟨Казахами.⟩

власти — восемь раз в XVII в. и четыре раза в XVIII в., то по соглашению с крымскими татарами, то под влиянием своих проповедников, призывавших свергнуть иго неверных; и во время более значительных движений, как, например, восстания Пугачева (1773—1774 гг.), башкиры упоминаются среди повстанцев. Русское правительство следовало тогда принципу уничтожать один непокорный кочевой народ с помощью другого; последнее самостоятельное восстание башкир (1755 г.) было подавлено почти исключительно киргизскими [3] военными отрядами, которые самым жестоким образом разделались с побежденными. Будучи привлечены к военной службе начиная с 1798 г. в качестве иррегулярной кавалерии, башкиры приняли участие в походах в Западную Европу (1813—1814 гг.), вооруженные еще луками и стрелами; лишь позднее они впервые приняли европейское оружие. В 1874 г., при введении всеобщей воинской повинности, из башкир был сформирован один эскадрон, а в 1878 г. — кавалерийский полк, который, однако, был расформирован уже в 1882 г. Войны XVIII в. пагубно отразились на благосостоянии народа; кроме того, тогда и позднее большая часть земель за бесценок перешла в руки русских чиновников. Это приобретение «башкирских земель» стало в России поговоркой. Значительная часть земельных угодий была выкуплена правительством у новых владельцев и возвращена башкирам как неотъемлемая собственность. На каждого башкира приходится теперь по 15 десятин (ок. 15,5 *га*) земли, что для кочевников недостаточно; поэтому теперь большая, чем раньше, часть народа перешла к оседлому образу жизни. Как полагают, численность башкир в настоящее время — около 1 млн. человек [4].

Литература. Reclus, *Géographie universelle*, t. V, p. 753 sq.; Левшин, *Описание*, ч. II, стр. 212 и сл.; Аристов, *Этнический состав*, стр. 131 и сл.; небольшой башкирский словарь издал в Оренбурге в 1899 г. В. Катаринский [*Башкирско-русский словарь*]. 〈Теперь см. также: *Материалы по истории Башкирской АССР*, ч. I—V; Руденко, *Башкиры*; *Очерки по истории Башкирской АССР*; *Археология и этнография Башкирии*, I—II; EI², I, pp. 1075a—1077b, s. v. *Bashdjirt* (Z. V. Togan), где также дополнительные ссылки на литературу.〉

Для мадьяр уже у Ибн Русте (изд. де Гуе, 142 и сл.) появляется термин *ал-маджгарӣйа*; тем не менее в том же значении слово *бāшгирд*, или *бāшкирд*, употребляется не только Якутом (*Му'джам*, I, 469 и сл.), но и в известиях о походах монголов (см. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, p. 620). Арабские известия о венграх оставались, естественно, весьма скудными; язычники-мадьяры постоянно рассматриваются как «огнепоклонники»; этому, вероятно, обязано сообщение Рашид ад-дина (*Джāми' ат-тавāрӣх*; неопубликованный раздел об истории франков), что Оттон I обратил в христианство много огнепоклонников (*габрāн*). Трудно сказать, каким образом следует объяснить рассказ Якута (*Му'джам*, I, 469 и сл.) о венграх-мусульманах, которых он будто бы видел в Халебе.

[3] 〈Казахскими.〉

[4] 〈По переписи 1959 г. — 989 тыс.〉

БАТЫЙ

Батый (Бату-хан) — монгольский государь, завоеватель Руси и основатель «Золотой Орды» (1227—1255); родился в первые годы XIII в. вторым сыном у царевича Джучи. Чингиз-хан еще при жизни пожаловал отдельные части своей необъятной империи трем старшим сыновьям — Джучи, Чагатаю и Угэдэю; младший сын, Тулуй, получил лишь после смерти отца собственный родовой удел последнего — восточную часть Монголии. По установлениям обычного права монголов (которые у некоторых тюркских кочевых народов соблюдаются до сих пор) самый младший сын считался наследником отцовского «дома»; о своих старших сыновьях отец должен позаботиться еще при жизни, причем, по-видимому, самому старшему сыну должна была предназначаться наиболее удаленная от отцовского дома часть владений, а другим сыновьям — части, расположенные ближе. Этим и объясняется то, что вместе с военными успехами Чингиз-хана *юрт* (земельные владения) его старшего сына все время перемещался в западном направлении. В год смерти завоевателя (1227) все степное пространство на запад от Иртыша, «до тех земель, куда доходили копыта монгольских корней», вместе с сопредельными культурными областями, такими, как Хорезм и персидские провинции на южном побережье Каспийского моря, рассматривалось как владения Джучи и его потомков. Сам Джучи умер на шесть месяцев раньше отца, т. е. примерно в феврале 1227 г.; из его 14 сыновей второй, Батый, был признан войсками на западе наследником Джучи, и этот выбор был впоследствии утвержден Чингиз-ханом или его преемником Угэдэем. Границы между его владениями и владениями Чагатая и Угэдэя никогда не были определены какими-либо постановлениями или договорами; так же трудно было бы ответить на вопрос, на какое положение мог претендовать Батый в отношениях с другими потомками Джучи или с великим ханом, правившим на берегах Орхона (в Монголии). Несмотря на раздел, произведенный Чингиз-ханом, основанная им империя продолжала считаться единым государством. В соответствии с представлением о собственности у кочевников империя считалась собственностью всего царствующего рода, отдельным членам которого назначались в кормление определенные части этой общей собственности.

О первых десяти годах правления Батыя мы знаем только то, что он присутствовал на курултае (сейме) в Монголии в 1229 г. (или в 1228 г.; так по монгольскому эпосу, возникшему около 1241 г.), на котором Угэдэй был провозглашен великим ханом; возможно также, что он был и на курултае 1235 г., на котором было принято решение возобновить войну против русских и соседних с ними народов; после этого Батый уже не бывал в Восточной Азии. В войске, которое весной 1236 г. двинулось в поход, находились также сыновья Чагатая, Угэдэя и Тулуя; как и все предприятия того времени, и этот поход рассматривался с точки зрения его значения для всей империи, а не какой-либо ее отдельной части; однако все войско, естественно, было под верховным командованием Батыя. Как сообщают, еще осенью этого же года войско достигло области волжских болгар; о разрушении важного торгового города Болгар упоминают как Джувейни, так и русские летописи, однако, по русским известиям, это событие произошло только осенью 1237 г. Походы следующих лет известны нам только благодаря сообщениям русских и западноевропейских летописцев (подробнее всего рассмотрены у О. Вольфа — *Geschichte der Mongolen*); мусульманские историки дают об этом крайне скудные сведения (см. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, p. 613 sq., также Hammer-Purgstall, *Geschichte der Goldenen Horde*, S. 102 sq.). С 1237 г. (в ноябре этого года татары перешли по льду через Волгу) до 1240 г. была опустошена Русь, в 1241—1242 гг. — Польша, Венгрия и Далмация; сам Батый в рождество 1241 г. перешел через Дунай, замерзший из-за необычайных морозов в этом году, вскоре после этого взял город Гран, весной 1242 г. двинулся на Болгарию и оттуда зимой 1242/43 г. через Валахию и Молдавию возвратился в Поволжье. Его войско не понесло ни одного поражения ни в России, ни в Западной Европе, возвращение монголов было вызвано отчасти разладами в их собственном лагере (Гуюк, сын Угэдэя, и Бури, внук Чагатая, восстали против Батыя, и поэтому будто бы Угэдэй был вынужден их отозвать), а отчасти — известием о смерти великого хана, последовавшей в декабре 1241 г.

Начиная с 1243 г. Батый больше не участвовал ни в каких походах. Из опустошенных в 1237—1242 гг. стран только Русь осталась под татарским владычеством; уже в 1243 г. великий князь Ярослав появился в ставке Батыя и был утвержден им как «старший над всеми князьями народа русского»; в 1250 г. независимому князю (с 1255 г. королю) Даниилу Галицкому тоже пришлось таким же образом испрашивать подтверждения своих прав и выразить хану свою покорность.

События этих лет заставили Батыя обратить все свое внимание на восток. Преемником Угэдэя был назначен его старший сын Гуюк, личный враг Батыя, и курултай 1246 г. возвел его на престол. На этом торжестве присутствовали и пять братьев Батыя; сам Батый не явился, ссылаясь на телесный недуг (*дард-и пā* 'болезнь ног', вероятно подагра). В следующем году новый великий хан объявил о своем желании отправиться в свой

родовой удел на Эмиле (река в нынешнем округе Тарбагатай, на границе между Россией и Китаем), где климат будто бы был более благоприятен для его здоровья. Батый был предупрежден, что великий хан имеет против него враждебные намерения, и поэтому выступил во главе своего войска навстречу Гуюку. Еще в пределах Монголии, в пяти или семи днях пути (очевидно, на север) от Бешбалыка (около современного Гучэна), в месте, которое Абу-л-Фарадж (*Мухтасар*, изд. Покока, 492) называет Қамастакӣ, Джувейни и зависимые от него источники — «Самаркандом» (конечно, не идентичным знаменитому городу на Зеравшане), а китайцы — Хын-сян-и-р (вероятно, на реке Урунгу), Гуюк умер (по Абу-л-Фараджу — 9 раби‘ II 647/22 июля 1249 г., по китайским источникам — в третьем месяце, т. е. весной 1248 г.). Батый получил это известие в Алакамаке, в семи днях пути от города Каялык (Cailae Рубрука, недалеко от нынешнего города Копала), вероятно в горах Алатау к югу от Или.

Хотя его старший брат Орда был еще жив, Батый в то время считался старшим членом царствующего рода; поэтому, как сообщают, все царевичи засвидетельствовали ему свое уважение и готовность подчиниться его решению в вопросе о наследовании престола. Собрание, которое должно было решить этот вопрос, было созвано Батыем в Ала-Камаке; там по его предложению принесли присягу как великому хану царевичу Мункэ (по-тюркски Менгу), старшему сыну Тулуя. Сыновья и внуки Чагатая и Угэдэя или совсем не явились или покинули Ала-Камак раньше, чем дело было решено; когда им стало известно, что за решение там было принято, они категорически отказались его признать. Торжественное вступление на престол должно было произойти на курултае, созванном в Монголии; лишь в 1251 г. Беркаю, брату Батыя, удалось, по поручению своего брата, собрать курултай, на котором и состоялось торжество 9 раби‘ II 649/30 июля 1251 г.

Царевичи из родов Чагатая и Угэдэя не присутствовали при вступлении на престол, но вскоре явились, чтобы присягнуть новому государю. Великий хан был извещен, что царевичи сделали приготовления к тому, чтобы неожиданно напасть на его ставку и убить его и его сторонников; по этому обвинению они были арестованы и в результате допроса признаны виновными, вследствие чего им, их семьям и их сторонникам был вынесен самый жестокий приговор. Почти все взрослые члены обоих родов были осуждены на смерть или изгнание; царевич Бури выдан оскорбленному им Батыю и по его приказу казнен.

После этих событий монгольская империя фактически была поделена между Мункэ и Батыем, хотя по всей империи, в том числе в Болгаре, чеканили монету только с именем великого хана. Францисканец Рубрук (Ruysbroek) утверждает, что он слышал от Мункэ в 1254 г. следующие слова: «Как солнце всюду распускает свои лучи, так власть моя и Батыева простирается на все страны». Граница между владениями Мункэ и Батыя, по словам того же Рубрука, проходила в степи между реками Талас и

Чу. Согласно тем же путевым запискам, во владениях великого хана подданным Батыя оказывалось больше уважения, чем людям великого хана во владениях Батыя. Несомненно, что Батый, который считался старшим членом царствующего рода и которому великий хан был обязан своим троном, пользовался в то время большим авторитетом. Даже в таких странах, как Мавераннахр, которые не принадлежали к уделу Джучи и его потомков, он пользовался некоторыми правами государя; так, по словам Джувейни (см. персидский текст у Шефера, *Chrestomathie persane*, t. II, p. 117), он утвердил сына Тимур-мелика, прославленного защитника Ходженда, как наследника владений и имущества его отца.

По словам Рубрука, у Батыя было 26 жен; по словам Рашид ад-дина, у него было четыре сына. Согласно русским летописям, присяга от русских князей уже с 1249 г. большей частью принималась его старшим сыном, Сартаком, которому его отец еще при жизни, по-видимому, передал часть своей власти. Как год смерти Батыя у Рашид ад-дина приводится 650 г. х. (март 1252 г. — март 1253 г.; сообщается, что ему было 48 лет); однако эта дата не может быть верной, так как еще в августе 1253 г. Батый принял Рубрука; во время обратного пути того же путешественника (октябрь — ноябрь 1254 г.) хан также был еще жив. По всей вероятности, следует предпочесть рассказ Джувейни, согласно которому Сартак в 653 г. х. (10 февраля 1255 г.—29 января 1256 г.) был послан Батыем в Монголию к великому хану и по дороге туда получил известие о смерти своего отца. Из путевых записок Рубрука видно, что в последние годы своей жизни Батый пребывал на левом (восточном) берегу Волги, в летние месяцы поднимался вверх по реке примерно до 52° с. ш., а зиму проводил около устья, где в это время им был основан на Ахтубе город Сарай.

Батый, которого русские знали только как жестокого завоевателя, получил от своих соплеменников прозвище Саин-хан — 'Добрый хан'. Такие историки, как перс Джузджани (пер. Раверти, II, 1171 и сл.) и армянин Магакия [1] (пер. Патканова, 18), которые вовсе не были расположены к монголам, восхваляют его как справедливого, мягкого и мудрого правителя; даже согласно путевым запискам францисканца Иоанна де Плано Карпини, Батый был страшен на войне, но для своих подданных он был милостивым господином. По слуху, сообщаемому у Джузджани, он будто бы тайно принял ислам; по словам Вассáфа (бомбейское изд., 579), он был христианином (это известие, вероятно, возникло только вследствие смешения Батыя с его сыном Сартаком); вероятно, правильнее считать, что он, как сообщает Джувейни, не оказывал предпочтения ни одной из религий и придерживался веры предков в «познании бога» (*йаздāн-шинāсӣ*), т. е. культа неба.

---

[1] ⟨Григор Акнерци; см. наст. изд., т. I, стр. 84, прим. 4.⟩

Литература. Соответственные части важнейших первоисточников, а именно *Та'рӣх̮-и джахāнгушāй* Джувейни и *Джāми' ат-тавāрӣх̮* Рашид ад-дина, до сих пор доступны только в рукописях; ср. обработку сведений источников у д'Оссона (*Histoire des Mongols*, t. II, p. 120 sq.) и (не всегда надежную) у Хаммер-Пургшталя (*Geschichte der Goldenen Horde*, S. 95 sq.). Авторам более поздних трудов (в том числе и Ховорсу — *History of the Mongols*, pt II, p. 36 sq.) восточные источники не были доступны непосредственно. Русские летописи (*Лаврентьевская летопись*) были опубликованы в 1872 г. Археографической комиссией в С.-Петербурге, сообщения обоих францисканцев — Иоанна де Плано Карпини и Рубрука — см.: Плано Карпини, изд. д'Авезака, и Рубрук, изд. Мишеля—Райта. Монгольский эпос 1241 г. до сих пор опубликован только в русском переводе (с китайского) — *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова. ⟨О новых изданиях и переводах см. наст. изд., т. I, стр. 90, прим. 4.⟩ См. еще Магакия, пер. Патканова. ⟨См. теперь также: Греков—Якубовский, *Золотая Орда*; EI², I, pp. 1105a—1106b, s. v. *Batu* (Barthold — J. A. Boyle), 1106b—1108a, s. v. *Batu'ids* (B. Spuler), где также дальнейшая литература.⟩

БАХШИ

Бахши — заимствованное (вероятно, из санскр. *бхикшу*) слово, появившееся в восточнотюркском и персидском языках в монгольскую эпоху; обозначает прежде всего буддийское духовенство и в этом значении соответствует китайскому *хо-шан*, тибетскому *лама* и уйгурскому *тойн*. Писцы тюркского происхождения, которые должны были составлять документы уйгурским шрифтом, предназначенные для тюркского и монгольского населения, также назывались бахши; согласно Бабуру (*Бāбур-нāме*, изд. Беверидж, л. 108б), у монголов так назывался также хирург (*джаррāх̣*). В государстве индийских Бабуридов бахши назывался крупный чиновник, который ведал отчетностью отдельных воинских частей и выплачивал им жалованье. В настоящее время у калмыков, монголов и маньчжуров это слово обозначает высокое духовное звание, у киргизов [1] (диалектные формы *баксы* и *бакса*) — колдуна и прорицателя, исцеляющего больных заклинаниями, у туркмен — народного певца [2] (и у киргизов баксы сопровождает свои заклинания звуками своего музыкального инструмента, кобуза).

Литература. Рашид ад-дин, изд. Катрмера, 184 и сл.; Радлов, *Образцы*, ч. III, текст, стр. 46 и сл. (заклинания баксы); Диваев, *Баксы*. О туркменских народных певцах см. Самойлович, *Кӧр-Молла*. ⟨О *бахши* — старшинах у туркмен — см. Брегель, *Хорезмские туркмены*, стр. 128—129 и по указателю. См. также: Spuler, *Die Mongolen in Iran*, S. 547; EI², I, p. 953a, s. v. *Bakhshī* (B. Spuler).⟩

---

1 ⟨Казахов.⟩

2 ⟨У некоторых племен туркмен *бахши* — также звание старшин.⟩

БЕГ

Бéг — тюркский титул, у османов — *бей*, у киргизов — *бй* или *бий*. Различные значения этого слова, приводимые словарями (см. в особенности: Будагов, *Словарь*, I, 263 и сл., и Радлов, *Словарь*, IV, 1568 и 1580), могут все быть сведены к трем основным понятиям: 1) *бег* — это каждый благородный в отличие от простого народа и обычно также в отличие от царевичей правящей династии (иногда последние также обозначаются этим словом); 2) *бегом* называется «князь» небольшого племени или небольшой родовой группы в отличие от *кагана* или *хана* — повелителя сравнительно большого государства; 3) наконец, словом *бег* обозначается вообще всякое «начальство» в самом широком смысле этого последнего слова независимо от того, получил ли он свою власть от государя, путем выборов или вследствие узурпации: начальники военных отрядов, от самых больших до самых малых (ср. особенно выражения *улус-беги*, *тюмен-беги*, *мин-беги*, *юз-беги* и *он-беги* в золотоордынских документах), лица, обладающие административной властью, начиная с сельского старосты и до наместника провинции, гражданские чиновники и судьи. Это слово, по-видимому, во всех трех значениях встречается уже в древнейшем памятнике тюркского языка — в надписях VIII в. н. э. *Беглер* означает там аристократию в противоположность простому народу (*будун*); правителю киргизов Барс-*бегу* был пожалован главой тюркской империи титул *кагана*; «доблестные и мудрые» *буюруки*, управляющие государством вместе с каганом, в некоторых местах противопоставляются как простому народу, так и аристократии, однако встречается и выражение *буюрук-беглер*. См. словарь к надписям у В. Радлова, *Die alttürkischen Inschriften*, S. 138, 143. В средневековом глоссарии, опубликованном Мелиоранским (*Араб филолог о турецком языке*, см. указатель), слово *бег* переводится арабским словом *эмир*.

⟨См. также: İA, I, ss. 579—581, s. v. *Bey* (*Beg*) (Köprülü); EI [2], I, p. 1159, s. v. *Beg* (L. Bazin, H. Bowen).⟩

БЕРКАЙ

Беркай (Берке б. Джучи; в большей части египетских источников ошибочно назван Берке б. Бату) — монгольский князь, государь Золотой Орды, внук Чингиз-хана, третий сын Джучи. По рассказам египетских послов, которых Беркай принимал в последние годы своей жизни, он мог быть только на несколько лет моложе Батыя. О его жизни до его вступления на престол известно мало. Он не принимал участия в походах на Русь и в Западную Европу 1237—1242 гг.; в Монголии он бывал чаще, чем Батый, и принимал участие в больших курултаях 1246 г. (возведение на престол Гуюка) и 1251 г. (возведение на престол Мункэ); последний курултай проходил преимущественно под руководством Беркая как самого старшего из присутствующих членов царствующего рода, так же как и процесс над потомками Чагатая и Угэдэя (см. Barthold, *Bātū-Khān*; 〈выше, стр. 498〉). Как сообщает армянин Киракос, позднее Алгуй, внук Чагатая, будто бы считал Беркая главным виновником несчастья своего рода.

Вскоре после этого Беркай вернулся в свои родовые владения и с тех пор больше не был в Восточной Азии. Рубрук в рассказе о своем путешествии упоминает также ставку Беркая (1253 г.); в то время он был уже мусульманином, вследствие чего в его лагере нельзя было есть свиного мяса. Сообщенный Абулгази (*Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 172 и сл.) рассказ, согласно которому Беркай принял ислам только после своего воцарения, несомненно является позднейшей выдумкой. По словам Джузджани (пер. Раверти, II, 1284), Беркая еще в юности в Ходженде один из ученых этого города обучал Корану. У того же Джузджани (там же, I, 129) есть рассказ о том, как Сартак, сын Батыя, будучи христианином, ненавидел своего дядю — мусульманина; с этим рассказом можно связать сообщение армянина Киракоса, который обвиняет Беркая в отравлении своего племянника. Если эти два князя действительно так враждебно относились друг к другу, то эта вражда, пожалуй, вряд ли может быть объяснена религиозными соображениями. Рубрук опровергает то, что Сартак принял крещение, однако об этом категорически свидетельствуют сообщения не только сирийских и армянских, но и мусульманских источников (сюда относятся также сообщения обоих независимых один от другого современников — Джузджани и Джувейни). Во всяком случае, Сартак, имевший, по словам Рубрука, шесть жен и

освободивший от налогов, по Киракосу, как мусульманское духовенство, так и христианское, очевидно, так же не был фанатичным христианином, как и Беркай, столица которого, Сарай, в 1261 г. стала местопребыванием христианского епископа, — фанатичным мусульманином.

По сообщению Джувейни, Сартак в 653 г. х. (февраль 1255 г. — январь 1256 г.) на пути в Монголию к великому хану Мункэ узнал о смерти своего отца, Батыя, однако, несмотря на это, не прервал своей поездки. Мункэ назначил его наследником Батыя в родовых владениях Джучи и вторым по значению государем во всей империи, после великого хана, однако он скоро умер, по одним сообщениям — на обратном пути, по другим — вскоре после возвращения. Представители великого хана поставили государем Золотой Орды несовершеннолетнего царевича Улакчи (у Джувейни назван сыном Сартака, у Рашид ад-дина — сыном Батыя), а регентство передали вдове Батыя, Боракчин-хатун. Согласно русским летописям, русские князья еще в 1257 г. приезжали в ставку «Улавчия». Только после смерти молодого хана, которая произошла, по всей вероятности, в том же 1257 г., власть наследовал Беркай.

Как и Батый, в первые годы своего царствования Беркай распространял свою власть не только на родовой удел своего отца, но и на Мавераннахр. По словам Джузджани, он лично посетил Бухару и оказал большие почести ученым этого города; сообщается также, что по его распоряжению были строго наказаны христианские жители Самарканда, которые совершили беззакония по отношению к своим мусульманским согражданам, и их церковь была разрушена. Сообщается, что когда пришло известие о смерти великого хана (1259 г.), то не только в Мавераннахре, но также в Хорасане и других иранских областях читалась пятничная молитва с именем Беркая (Джузджани, пер. Раверти, II, 1292).

В течение четырех следующих лет (1260—1264) в Восточной Азии боролись за власть два брата умершего великого хана — Хубилай и Арик-Бука. Как показывают монеты, чека765ненные в Болгаре, Беркай признал младшего (в конце концов побежденного своим противником) претендента Арик-Буку законным наследником престола. В Средней Азии примерно в это же время появился царевич Алгуй, внук Чагатая; действуя сначала от имени Арик-Буки, а потом открыто восстав против него, он сумел подчинить своей власти не только весь родовой удел своего деда, но также и Хорезм, который всегда принадлежал государству Джучи и его преемников; из всех городов были изгнаны наместники и чиновники, поставленные Беркаем. Истребление в Бухаре отряда войск Беркая численностью в 5000 человек, о котором сообщает Вассаф (бомбейское изд., 51), вероятно, было сделано не по приказу Хубилая, как говорит сам Вассаф, или Хулагу, как предполагает д'Оссон (*Histoire des Mongols*, t. III, p. 381 sq.), а по приказу Алгуя [1]. Война между Беркаем и

[1] ⟨Ср. об этом событии наст. изд., т. I, стр. 576—578.⟩

Алгуем продолжалась до самой смерти последнего; еще в последние годы его жизни, уже после окончательной победы над Арик-Букой, войска Алгуя захватили и разрушили торговый город Отрар. Беркай, силы которого были заняты на юге и на западе, ничего не мог предпринять против своего врага на востоке, однако не отказался от своих притязаний; царевич Хайду, внук Угэдэя, находившийся в войсках Арик-Буки, после его окончательного поражения продолжал сам военные действия против Алгуя, пользуясь поддержкой Беркая.

Походы на западе против Польши и князя Даниила Галицкого, который в 1257 г. не только провозгласил себя независимым, но даже осмелился напасть на татар, не имели большого значения и были успешно завершены военными отрядами, которым была поручена охрана пограничных областей, так что Беркаю не пришлось самому вмешаться в это дело. Князь Даниил по приказу татарского военачальника был вынужден разрушить большинство крепостей, которые он построил в своем государстве. Более важной и менее успешной была война между Беркаем и его двоюродным братом Хулагу, завоевателем Персии. О причинах этой войны сообщают по-разному; как и раньше, в рассказе о вражде между Беркаем и Сартаком, так и теперь Беркай в некоторых источниках изображается защитником ислама; сообщают, будто он резко упрекал Хулагу за опустошение столь многих мусульманских стран и в особенности за казнь халифа Муста'сима. Более правдоподобны, вероятно, те известия, согласно которым царевичи из дома Джучи считали, что их права были ущемлены из-за создания нового монгольского государства в Персии; с новым государством были объединены также такие области, как Арран и Азербайджан, где еще при Чингиз-хане прошли «копыта монгольских коней» и которые, следовательно, по установлениям завоевателя, должны были принадлежать к уделу Джучи (ср. выше, стр. 496). Ханы Золотой Орды и позднее не оставляли притязаний на господство над этими землями, хоть и без успеха.

Беркай дважды воевал со своими соплеменниками в Персии. Во время первой войны Хулагу сперва одерживал победы, дошел до Терека (в ноябре и декабре 1262 г.), но там был разбит войсками Беркая (самого хана не было при войске) и во время бегства потерял значительную часть своего войска; многие погибли в Тереке, лед которого проломился под копытами коней. После этой войны Хулагу приказал перебить всех купцов из государства Беркая, которые находились в его владениях; Беркай сделал то же самое с купцами из государства Хулагу; однако в последующие годы ни с той, ни с другой стороны не было попыток возобновить военные действия.

Прежде чем разразилась война между этими двумя ханами, египетский султан Бейбарс решил завязать сношения с Беркаем и заключить с ним союз против общего врага — Хулагу. В этом духе уже в 660 г. х. (26 ноября 1261 г. — 14 ноября 1262 г.) было отправлено из Каира послание к Беркаю; в мухарреме 661/15 ноября — 14 декабря 1262 г. с этой же

целью было снаряжено посольство. Еще до того как послы вернулись, в Каир прибыло (весной 1263 г.) посольство из государства Беркая; когда эти послы возвращались, султан отправил вместе с ними второе посольство ко двору монгольского государя. Различные известия источников об этих событиях плохо согласуются друг с другом; очевидно, у египетских историков соединились вместе рассказы из отчетов обоих этих посольств. Особенно важны рассказы послов о дворе хана и о его внешности (редкая борода, желтый цвет лица, волосы, собранные за ушами — очевидно, в косы, в одном ухе золотая серьга с драгоценным камнем, на голове — высокая шапка, на бедрах — пояс из зеленой болгарской кожи, унизанный золотом и драгоценными камнями, сапоги из красной кожи); ему было тогда, как сообщают, 56 лет; как и Батый, он страдал от болезни ног. В связи с этими посольствами сообщается еще о походе монголов против византийского императора, который задержал у себя одно из египетских посольств, по всей вероятности второе. Монгольское войско в 1265 г. (и в этом походе сам Беркай не принимал участия) опустошило Балканский полуостров до Эгейского моря, освободило изгнанного из Малой Азии и заключенного в крепости Энос (на Эгейском море) сельджукского султана Изз ад-дина Кайкавуса и доставило его в Крым.

В 1266 г. война с Персией, где в это время правил уже преемник Хулагу, Абака, была возобновлена Беркаем, но и на этот раз не дала никаких результатов. Два войска некоторое время стояли друг против друга в бездействии на берегах Куры; Беркай, который на этот раз (во всяком случае, согласно персидским источникам) был во главе своего войска, хотел двинуться вверх по течению Куры до Тифлиса и там переправиться через реку, но по дороге умер, после чего его войско вернулось на родину. В египетских источниках в качестве года смерти Беркая приводится 665 г. х. (2 октября 1266 г. — 21 сентября 1267 г.); в сафаре 666/22 октября—19 ноября 1267 г. к преемнику Беркая Менгу-Тимуру была отправлена из Египта грамота с выражением соболезнования. По русским летописям, Беркай умер в 6774 г. от сотворения мира (1 сентября 1265—31 августа 1266 г.).

У Беркая не было потомства, вследствие чего престол перешел к внуку Батыя Менгу-Тимуру. Последние годы своего царствования Беркай уже не был, как Батый, вторым после великого хана государем в монгольской империи, а стал главой независимого государства, хотя эта перемена сделалась окончательной только при его преемнике, который впервые приказал чеканить монету от своего собственного имени. Трудно установить, насколько Беркай как мусульманин способствовал распространению культуры ислама среди своих монголов. Египетские известия говорят о школах, в которых молодежь изучала Коран; не только сам хан, но и каждая из его жен и каждый из его эмиров будто бы имел при себе имама и муэззина; но из тех же рассказов мы узнаем, что при дворе

хана все языческие обычаи соблюдались так же строго, как и в Монголии. Как мало образован был сам хан, показывает заданный им послам вопрос: правда ли, что громадная человечья кость служит мостом через Нил. Сообщают, что не только сам хан, но и некоторые из его братьев приняли ислам; тем не менее после его смерти должно было пройти еще полстолетия, пока ислам окончательно стал господствовать в его государстве. В большинстве более поздних источников Беркаю приписывается основание столицы, Сарая, на Ахтубе (вследствие чего Ибн Баттута в описании своего путешествия (II, 447) называет этот город Сарай-Берке); однако этот город, как мы знаем из рассказа о путешествии Рубрука, был основан еще Батыем; быть может, только при Беркае он превратился в город в собственном смысле этого слова.

Литература. О персидских и русских источниках, а также об основанных на них исследованиях см. сказанное в статье *Батый* ⟨выше, стр. 496—500⟩. Арабские известия по истории Золотой Орды собраны В. Тизенгаузеном (СМИЗО, I — арабский текст и русский перевод); особенно важны сведения *Нахдж ас-садӣд* ал-Муфаддала (там же, 181 и сл., 193 и сл., о самом сочинении см. также Brockelmann, GAL, Bd I, S. 348 внизу); эти же сведения приводит также Катрмер (Макризи, пер. Катрмера, I. ч. 1, 213 и сл.). Сочинение Киракоса опубликовано Паткановым (*История монголов по армянским источникам*, вып. II). ⟨См. теперь также Греков — Якубовский, *Золотая Орда.*⟩

БИТИКЧИ

Битикчи — восточнотюркское слово, означающее 'писец', от глагола *битимек* 'писать'. Корень этого слова был выведен Ширатори (*Über die Sprache der Hiung-nu*, S. 16) и недавно также Радловым (*Alttürkische Studien*, IV, S. 319) из китайского *пит* 'кисточка для писания'. Так же как японцы и корейцы, многие народы Центральной Азии впервые узнали искусство письма под влиянием китайцев; к тем лингвистическим данным, которые должны подтверждать этот факт, Ширатори прибавляет также венгерское *betii*. Приведенные тем же ученым китайские известия показывают, что в Восточной Азии уже в эпоху династии Тоба Вэй (386—558) было известно слово *пи-тэ* (вероятно, для *битик* 'сочинение') и должность *пи-тэ-чен* (вероятно, для *битикчи*). Слова *бітімäк* 'писать' и *бітіг* (sic) 'письменность' встречаются уже в орхонских надписях, титул *битикчи* (по Радлову, *Словарь*, IV, 1346, *підікчі*) впервые появляется в *Кутадгу билик*. Эта же административная должность позднее (в XIII в.) была заимствована монголами у их учителей — уйгуров; в исторических источниках и документах монгольской эпохи наряду с формой *битикчи* употребляется также форма *биткючи*.

⟨См. теперь EI^2, I, pp. 1248b—1249a, s. v. *Bitik*, *bitikči* (D. Sinor).⟩

БОЛГАРЫ

Болгары — народ неизвестного происхождения, основавший в начале средних веков два государства: одно на Волге, другое на Дунае. Это имя впервые упоминается в VI в. н. э. В так называемой церковной истории Захарии Ритора (ок. 555 г.) среди кавказских кочевых народов, которые «жили в палатках и питались мясом и рыбой», названы также «бургар» (Захария Ритор, изд. Ланда, 337). Иоанн Эфесский (ок. 585 г.) сообщает легенду, в которой Булгариоз и Хазариг, предки народов болгар и хазар, фигурируют как братья, что указывает либо на кровное родство, либо на тесные союзные отношения между этими двумя народами. Спустя несколько столетий, когда эти связи были давно утеряны и даже места обитания обоих народов не соприкасались друг с другом, Истахри (225) сообщает, будто язык волжских болгар похож на язык хазар — известие, которое заслуживает тем большего внимания, что тот же географ определенно указывает на близкое языковое родство всех тюркских народов: от киргизов и тугузгузов на востоке до гузов на западе (там же, 9: *ва йафхаму ба*ʿ*д̣ухум* ʿ*ан ба*ʿ*д̣ин*), а также на тюркское происхождение баджанаков, т. е. печенегов (там же, 10). Языки хазар и болгар, как сообщается, не были идентичны ни тюркскому, ни русскому; даже народ буртасов (несомненно финский), живший в то время между землями хазар и болгар, также, как сообщают, говорил на другом языке.

В VI в. н. э. степи Восточной Европы, включая Поволжье, входили в ту же огромную тюркскую кочевую империю, что и степи Средней Азии до границ Китая (см. об этом в особенности донесения византийских послов, последняя сводка которых у Э. Шаванна — *Documents*, p. 233 sq.). Каким образом и когда была уничтожена власть этих тюрков в Восточной Европе, неизвестно. Как по арабским, так и по русским источникам, хазарский государь носил тюркский титул *каган* (в арабской передаче — *хакан*); то, что арабы сообщают об обычаях, которых придерживались при вступлении на престол каждого нового хакана (Истахри, 224; очевидно, искажено у Ибн Хаукаля, 284), полностью совпадает с китайскими известиями о тюркских государях VI в. (см., напр., Deguignes, *Histoire des Huns*, t. I, pt. 2, 460). Отсюда можно заключить, что хазарское государство возникло непосредственно из упомянутого византийцами

тюркского княжества, которое в VI в. составляло часть громадной кочевой империи, подобно тому как в XIII в. государство Золотой Орды возникло из великой монгольской империи. И в том и в другом случае завоеватели вскоре приняли язык своих более многочисленных союзников или язык покоренных народов.

Хазарское государство упоминается впервые в 627 г. как могущественный союзник византийцев в войне с Персией. Царской резиденции на Волге в то время еще не было, так же как не было ее там во времена тюркской империи VI в.; только после неудачных войн с арабами в начале II в. х. (вскоре после 720 г.) хазарские государи перенесли свою резиденцию из местности на северном склоне Кавказа в низовья Волги.

Еще меньше нам известно о том, когда и почему болгары отделились от своих хазарских сородичей. Если признать правильным предложенное И. Марквартом толкование загадочных *бнджр*, то болгары упомянуты уже у Табари (I, 895 и сл.) как враги Сасанида Хосроя Ануширвана. Упомянутые у Я'куби (*Та'рӣх*, II, 203) бурджаны (иногда так именуются и дунайские болгары — см., напр., *Fragmenta*, 26 sq.), по мнению Маркварта, также идентичны «северокавказским болгарам», хотя чтение *бурд-жāн* в этом случае подтверждается стихом, который приводит Якут (*Му'джам*, I, 548). С VII в. н. э. мы располагаем многочисленными известиями о той ветви болгарского народа, которая обосновалась на Понте и Дунае и там вошла в соприкосновение с византийцами (см. Huart, *Bulgarien*). Другая ветвь этого народа, очевидно под давлением своих врагов, вернулась в среднее Поволжье, где позднее приняла ислам и долгое время, вплоть до образования сибирского царства на Иртыше и Тоболе, была самым северным форпостом мусульманской культуры.

Из арабских известий IV/X в. об этих болгарах до нас дошло только одно сообщение из первых рук — *Рисāла* о посольстве Ибн Фадлана, выписки из которой были сделаны Якутом (под словом «Болгар») [1]; это посольство, отправленное халифом Муктадиром, покинуло Багдад 11 сафара 309/21 июня 921 г. и в воскресенье 12 мухаррема 310/12 мая 922 г. прибыло в столицу болгар на Волге. Решение вопроса о том, в каком отношении находится записка об этом посольстве к известиям арабских (Ибн Русте, ал-Бекри, Истахри, Мас'уди и др.) и персидских (Гардизи) авторов о болгарах, связано с большими трудностями. Маркварт старается доказать, что общим источником для сообщений Ибн Русте, ал-Бекри и Гардизи, совпадающих почти дословно, мог быть только утерянный географический труд Джейхани и что этот труд был написан только после возвращения Ибн Фадлана, т. е. после 310 г. х. ⟨922-23 г.⟩. Вестберг, который не усматривает никакой связи между известиями Ибн Фадлана

[1] ⟨Полный текст (однако, очевидно, не первоначальной редакции) был обнаружен в 1924 г. З. В. Тоганом в Мешхеде. Факсимиле с русским переводом издано А. П. Ковалевским в 1939 и 1956 гг., арабский наборный текст с немецким переводом — З. В. Тоганом в 1939 г. (см. Библиографию).⟩

и Ибн Русте, также тем не менее присоединяется к тому мнению, что раздел о болгарах у Ибн Русте мог быть написан только после 310 г. х. Ни Маркварт, ни Вестберг не касаются вопроса, как в таком случае объяснить, что Ибн Русте, как это отмечает де Гуе, не упоминает в своем труде ни единого события после 290/903 г. и что имя халифа Муʻтадида, умершего в 289 г. х. (в понедельник 22 рабиʻ II 289/5 апреля 902 г.), он сопровождает формулой *ʻаṭāла ʼллāху баḳāʼаху* ⟨(ʻДа продлит Аллах его жизнь!ʼ)⟩—следовательно, он еще не знал о смерти халифа ко времени написания своей книги; отсюда можно было бы заключить, что это сочинение, по всей вероятности, было написано вскоре же после паломничества ⟨автора в Мекку⟩ 290/⟨902-03⟩ г. (упомянутого на стр. 73 и 75 этого жа труда). Если бы имеющийся у Ибн Русте, ал-Бекри и Гардизи рассказ о северных народах восходил к более позднему времени, то в дошедшей до нас (единственной) рукописи труда Ибн Русте он, очевидно, был бы интерполяцией, чего, однако, не утверждают ни Маркварт, ни Вестберг. Напротив, Маркварт сам показал, что автор первоначального рассказа знал печенегов только в их старых местах обитания по реке Урал и что, следовательно, основа этого рассказа должна быть отнесена к первой половине IX в.

Если рассказ, сохранившийся у Ибн Русте, Бекри и Гардизи, не может восходить к Джейхани, то остается только труд Ибн Хордадбеха, использованный самим Джейхани и цитированный Ибн Русте и Гардизи. Буквальные совпадения между обоими трудами ввели в заблуждение даже арабских библиографов (ср. сообщение об источниках Ибн ал-Факиха в *Фихристе*, I, 154, впервые исправленное де Гуе). Макдиси (3, прим. *l*) видел в Ширазе семитомный географический труд без имени автора, который он сам приписывал Джейхани, а другие — Ибн Хордадбеху. Рассказ о северных народах равным образом мог бы восходить к Ибн Хордадбеху. Такому решению вопроса препятствуют другие трудности: 1) по Ибн Фадлану, болгары будто бы приняли ислам лишь незадолго до его посольства; в беседе с Ибн Фадланом царствовавший тогда государь даже называет своего отца «неверным»; напротив, уже у Ибн Русте болгары представлены как правоверные мусульмане; сообщается, что в их стране уже тогда были мечети и школы, муэззины и имамы; их одежда и кладбища были будто бы схожи с мусульманскими; 2) царь болгар назван Ибн Фадланом Ал.м.с.; такое же имя, по-видимому, было и в источнике, использованном Ибн Русте, Бекри и Гардизи (у Ибн Русте — Ал.м.ш., у Бекри المسير, у Гардизи — Амлāн); 3) в изданном де Гуе труде Ибн Хордадбеха из всех народов Поволжья упомянуты только хазары; автор, по-видимому, еще ничего не слышал о болгарах и считает истоком Волги один только Дон, а не Дон и Каму, как более поздние географы.

Это последнее возражение, пожалуй, устраняется тем, что мы не располагаем трудом Ибн Хордадбеха в его окончательной и полной ре-

дакции. Возможно, что экземпляр этого труда, хотя и в персидском переводе, сохранился в Индии; уже при издании текста Гардизи (см. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 79) мною отмечено, что маршрут от Барсхана на Иссык-Куле до страны тугузгузов, известный вообще только по Гардизи (там же, стр. 91 и сл.), приводится Раверти (Джузджани, пер. Раверти, II, 961 и сл.) также по-персидски, но со ссылкой на Ибн Хордадбеха. Персидский перевод Ибн Хордадбеха, использованный Раверти, насколько мне известно, пока еще не обнаружен.

Два других затруднения также, может быть, не столь непреодолимы, как это кажется с первого взгляда. Ибн Фадлан здесь противоречит самому себе; с одной стороны, царь будто бы рассказал ему, что еще его отец был неверным; в другом месте он заставляет того же самого царя объяснить какое-то наблюдаемое на небе явление борьбой между правоверными и неверными джиннами и утверждать, что это объяснение он знает от своих предков!

Арабское посольство, прибывшее по желанию царя болгар, имело не только религиозную, но и политическую цель — для самого царя, естественно, значительно более важную. Халиф должен был послать своих людей не только для того, чтобы просветить болгар в делах веры, но и для того, чтобы построить им крепость против их врагов. Политические дела были, очевидно, поручены собственно послу, назначенному «правительством» (*мин джихат ас-султāн*), — Сусану ар-Расси, которому и во время приема при дворе оказывали почести, полагавшиеся главе посольства; Ибн Фадлан должен был заниматься наставлениями в предписаниях ислама, о чем свидетельствуют его старания в отношении хутбы и попытки заставить женщин прикрываться от мужчин при купанье. Значение своей миссионерской деятельности он, вероятно, переоценивал и в таком свете представил ее своему читателю. Царь и народ, вероятно, были обращены в ислам уже раньше, хотя сведения о школах могли быть основаны на преувеличении, возможно на свидетельствах болгарских купцов, которые имели для этого все основания, так как они как правоверные мусульмане облагались меньшими пошлинами, а их товары могли найти лучший сбыт.

Остается еще имя Ал.м.с., или Ал.м.ш. Неясно, стояло ли это имя в такой форме в *Рисāла* или же было внесено лишь позднейшими переписчиками (во времена Якута были распространены многочисленные копии *Рисāла*) [2]. Ибн Фадлан сообщает, что болгарский царь позднее присвоил себе в хутбе титул эмира; действительно, мы располагаем монетами, которые чеканены в городе Суваре (см. ниже) современником ха-

[2] ⟨А. П. Ковалевский принимает чтение Алмуш (в мешхедской рукописи Ибн Фадлана этого имени нет); см. Ибн Фадлан, изд. Ковалевского (1956), стр. 160, прим. 14—15.⟩

лифа Муктадира (имя этого халифа имеется на монетах); болгарский царь называет себя на этих монетах «ал-амӣр Бāрмāн». Один экземпляр этой монеты имеется также в нумизматической коллекции Петербургского университета; выдвинутое еще Френом (*Opusculae postumae*, II, p. 212) мнение, что вместо ал-Муктадир можно читать также ал-Кадир и что эта монета могла быть также чеканена в Шаше (Ташкенте) «наместником Богра-хана», безусловно опровергается формой букв; каждому знакомому с монетным куфическим шрифтом сразу же ясно, что между артиклем и обоими конечными буквами (*др*) не может стоять алиф. Вполне возможно, что переписчики *Рисāла* спутали этого Бармана с Ал.м.с. или Ал.м.ш., который был им известен из Ибн Хордадбеха, Джейхани или других источников.

У Ибн Русте не обнаруживается какая-либо зависимость от Ибн Фадлана. Даже столь излюбленный в мусульманской литературе рассказ о коротких летних ночах и коротких зимних днях, которые делают невозможным соблюдение предписанных часов молитвы, не встречается ни у Ибн Русте, ни у Бекри, ни у Гардизи, в то время как у Истахри (225) он сообщается почти в тех же самых выражениях, что и у Ибн Фадлана (Якут, *Му‘джам*, I, 726, $_{11 \text{ и сл.}}$). Поэтому отнюдь не невероятно, что хатиб, на которого ссылается здесь Истахри, идентичен Ибн Фадлану. То, что сообщает Якут (*Му‘джам*, II, 436, $_{20 \text{ и сл.}}$) о хазарах со ссылкой на Ибн Фадлана, почти дословно совпадает с текстом Истахри, 220 и сл. (ср. также замечание Ф. Вюстенфельда — Якут, *Му‘джам*, V, 173). Столь же ясно, что Мас‘уди (*Мурӯдж*, II, 16), когда он заставляет болгар принять ислам при халифе Муктадире, после 310 г. х. ⟨922-23 г.⟩, думает при этом о посольстве Ибн Фадлана и о его записке, хотя в извлечении из *Рисāла*, сделанном Якутом, ничего нет о «сне», упомянутом у Мас‘уди.

Рассказ, содержащийся у Ибн Русте, Бекри и Гардизи, по-видимому, воспроизводит только те скудные и противоречивые сведения о болгарах, которые до арабов доходили до посольства Ибн Фадлана. Упоминаются мечети и школы, но не упоминается никаких городов; население живет в лесах и занимается хлебопашеством. Между хазарами и болгарами живут буртасы (или бурдасы), которые подчинены хазарам и с которыми воюют болгары. От страны хазар за 15 дней приходят в страну буртасов, а оттуда за 3 дня — в страну болгар (очевидно, здесь имеются в виду расстояния между столицами или главными городами этих трех стран). Народ болгар делился на три ветви, но весь народ был немногочислен: было всего лишь 500 знатных семейств. Страна уже тогда имела большое значение в торговле мехами, и это привлекало туда хазар и русов; здесь появлялись также и мусульманские торговые суда, которые облагались десятиной. Налоги с населения взимались лошадьми и другими вещами; среди прочего при каждой свадьбе жених должен был поставить одного коня для табунов государя. Металлическая монета не чеканилась; де-

нежной единицей считались лисьи шкурки, каждая шкурка — за 2,5 дирхема. Кроме того, были и серебряные деньги, ввезенные из мусульманских стран; ими платили за товары русов и славян. Страна граничила с одной стороны со страной буртасов, с другой — со страной славян.

Описание болгар и их страны, которое дает Ибн Фадлан, уже гораздо полнее. Странным образом волжские болгары в этом рассказе названы «славянами». Путь от Джурджании (близ нынешнего Куня-Ургенча в Хиве) до столицы болгарского царя посольство прошло за 70 дней. Описание этого пути у Якута, к сожалению, опущено; число дневных переходов заставляет предположить, что посольство из Хорезма пришло сперва на нижнюю Волгу, а уже оттуда через области хазар и буртасов в страну болгар [3]. По Истахри (227), от хазарской столицы Итиля до болгар шли «через пустыню» один месяц; водой вверх по реке путь занимал два месяца, а вниз — 20 дней. От Итиля считалось 20 дней пути до «границы буртасов», оттуда еще 15 дней до конца земель этого народа — вероятно, в северо-западном направлении, к стране славян, а не в сторону Болгара.

Местоположение столицы, Болгара, определяется развалинами около села Булгарское [4], или Успенское, в Спасском уезде Казанской губернии. Расстояние между городищем и левым берегом Волги составляет около 6,5 *км*; как замечает Березин, это полностью соответствует словам Ибн Фадлана о том, что от города до реки нужно идти меньше 1 фарсаха, из чего можно заключить, что с X в. ни город, ни русло реки не изменили своего местоположения. Помимо этого, мы не находим в *Рисāла* (или в извлечении, сделанном Якутом) никакого описания города, так же как и каких-либо известий о других городах этой страны. Истахри (225) упоминает о двух близко расположенных один от другого городах — Болгаре и Суваре (ныне развалины у деревни Кузнечиха); в каждом из них была пятничная мечеть; мужское население обоих городов вместе насчитывало около 10 тыс. душ. Зиму жители проводили в деревянных домах, лето — в шатрах. Согласно Ауфи (*Джāми‘ ал-ҳикāйāт*, кн. IV, гл. 18), расстояние между Болгаром и Суваром составляло два дня пути; из какого источника происходит это сообщение — неизвестно. К более позднему источнику, чем путевая записка Ибн Фадлана, возможно, восходят сведения о Болгаре и Суваре у Макдиси (361). Согласно этому источнику, Болгар был расположен на обоих берегах реки; пятничная мечеть находилась на базарной площади, дома были построены из дерева и камыша; жители Сувара жили в шатрах. Возможно, что в этом источнике пригороды Болгара были приняты за сам город. Русские в качестве пристани города Болгара на Волге упоминают место Яга-базар (вероятно, Ага-базар); следы других предместий сохранились и на правом берегу реки.

---

[3] 〈О маршруте посольства ср. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 833, прим. 36.〉

[4] 〈Ныне село Болгары в Татарской АССР.〉

При приеме арабского посольства его приветствовали, рассыпая серебряные монеты; были ли эти монеты местной чеканки — не сообщается. Во время торжественного приема царь сидел на троне, покрытом греческой шелковой материей (*ад-дӣбāдж ар-рӯмӣ*); справа от него сидели подчиненные ему «цари», слева — послы, перед ним — его сыновья. Не совсем ясно, следует ли рассматривать слово *блтвāр*, которое стоит как при имени царствующего государя, так и при имени его отца, как имя династии или же как титул; Ауфи (ср. текст у Бартольда, *Новое мусульманское известие о русских*, стр. 264; ⟨наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 806⟩) впервые определенно называет это слово титулом болгарского царя (в рукописях пишется *бтлтӯ* и *бтлтӯн*). Сенковский объясняет этот титул как славянское *владавац* ('властелин'), Маркварт — как тюрк. *алп-илетвер* (где начальное *ал* было опущено, по его мнению, переписчиками, как «предполагаемый арабский артикль»), Ашмарин — как чуваш. *бихтуан* вм. тюрк. *бег-тӯгāн* 'княжеского рода' [5].

Отношения между царем болгар и его народом во время Ибн Фадлана были еще очень патриархальными, много патриархальнее, чем у хазар или дунайских болгар. Очевидно, царство болгар на Волге, в отличие от хазарского царства, не возникло из великой кочевой империи VI в. н. э. Могущество этой последней не простиралось, вероятно, так далеко на север; к тому же отделение этих болгар от хазар произошло раньше, чем утвердилось хазарское господство в Восточной Европе. У волжских болгар царь обычно ездил верхом по своей столице один, не сопровождаемый ни личной стражей, ни вообще кем-либо; при виде государя подданные вставали со своих мест и обнажали головы (в Болгаре, как и в Хорезме, носили высокие шапки, которые арабы называли *ḳалансува*). С урожая от своих полей народ не платил царю никаких налогов; зато с каждого дома взималась одна бычья шкура; царь получал также свою долю военной добычи.

Болгар в то время посещали не только купцы, но и ремесленники из передней Азии. При дворе царя жил портной из Багдада, от которого Ибн Фадлан получил некоторые сведения о стране и ее жителях. Собственных промыслов болгары в то время, по-видимому, еще не имели; позднее пользовались особенной известностью болгарская кожа (нем. Juchten, по-русски *юфть* — слово, заимствованное, возможно, из болгарского языка) и сшитые из этой кожи болгарские сапоги (перс. *мӯзе-йи булгāрӣ*).

То, что Ибн Фадлан вообще говорит об обычаях и воззрениях волжских болгар, свидетельствует о еще очень низком культурном уровне и еще очень поверхностном соприкосновении с мусульманской культурой. То, что нам известно о городе Болгаре VII/XIII и VIII/XIV вв., дает основание заключить, что за этот промежуток времени страна значительно

---

[5] ⟨Ср.: Ибн Фадлан, изд. Ковалевского (1956), стр. 160, прим. 16, и Янина, *Новые данные*, стр. 186—187.⟩

продвинулась вперед; однако имеющиеся в нашем распоряжении известия об этом периоде, к сожалению, слишком скудны, чтобы иметь возможность проследить это развитие в деталях. Мы не знаем даже, исполнил ли халиф Муктадир желание болгарского царя; Ибн Фадлан ничего не говорит о постройке какой-либо крепости. Сношения с Багдадом, во всяком случае, поддерживались и в дальнейшем. По Мас'уди (*Мурӯдж*, II, 16), еще при Муктадире, следовательно еще до 320/932 г., сын болгарского царя совершил паломничество в Мекку; при этом он будто бы прибыл также в Багдад и посетил халифа. Значительно оживленнее, уже по причинам географического порядка, должны были быть сношения с государством Саманидов. Мы располагаем серебряными монетами болгарского царя Талиба б. Ахмеда, чеканенными в Суваре в 338/949-50 и 340/951-52 гг.; как и на саманидских монетах того же времени, халифом и здесь назван Мустакфи, свергнутый уже в 334/946 г., а не Мути', которого Саманиды в то время еще не признали. От времени халифа Мути' (до 363/974 г.; по чтению Френа, и эти монеты были чеканены только в 366/976-77 г.) у нас имеются еще монеты царя Мумина б. Ахмеда (вероятно, он был братом и преемником царя Талиба); в 366/976-77 г., при халифе Таи', на монетах появляется имя царя Мумина б. ал-Хасана. Монеты с именами болгарских государей, относящиеся к более позднему времени, до сих пор неизвестны. Исчезновение серебряных денег, причины которого еще не получили удовлетворительного объяснения и которое с V/XI в. наблюдается в Средней Азии, а затем и во всем остальном мусульманском мире, дало себя чувствовать, очевидно, и в стране болгар. Лишь незадолго до монгольского завоевания, при халифе Насире (575—622/1180—1225), в Болгаре снова стали чеканить серебряные монеты; на одной стороне этих монет приводится имя халифа, на другой, на самом варварском арабском языке (*ад-дӣнāр аḍ-ḍарб бвāлғāр*), указано место чеканки. Имя правителя страны не названо [6].

Неоднократно обсуждался (особенно Вестбергом и Марквартом) вопрос о том, в каком отношении к фактам находится известие, сообщаемое только Ибн Хаукалем, — об опустошении всего Поволжья русами в 358 г. х. (ноябрь 968—69 г.). Ибн Хаукаль несколько раз упоминает об этом походе в своем труде (14, 281, 282 и 286); по его словам, русы тогда завоевали и подвергли опустошению всю область болгар, буртасов и хазар; те, кто избежал меча, искали спасения на полуостровах Каспийского моря Сиях-кух (Мангышлак) и Баб ал-Абваб (Апшерон); у беглецов было намерение позднее заключить договор с победителями, вернуться на свою родину и жить там под властью русов. Ни Маркварт, ни Вестберг не заметили, что дата 358 г. х., как это видно из главного места (Ибн Хаукаль, 282, $_{10 \text{ и сл.}}$), должна была указывать первоначально лишь время, когда Ибн Хаукаль, который был тогда в Джурджане, узнал об этом событии, и только по небрежности автора эта дата была отнесена к самому со-

---

[6] ⟨См. последнюю сводку данных о болгарских монетах: Янина, *Новые данные*.⟩

бытию. Таким образом, не существует никакого хронологического противоречия между рассказом жителей Джурджана, который передал Ибн Хаукаль, и сообщением русских летописей о походе великого князя Святослава против хазар в 965 г. (по Вестбергу, к этому же походу должно быть отнесено сообщение о нападении на хазарское царство в 354/965 г. «тюркских» народов у Ибн ал-Асира, изд. Торнберга, VIII, 418). Нет также никаких оснований предполагать, что кроме похода, известного из русских летописей, был еще и какой-то другой, совершенно неизвестный набег норманнских викингов. То, что Ибн Хаукаль сообщает о возвращении этих «русов» через страну румов и Андалус, по всей вероятности, как предполагает и Маркварт, основано на ошибочном сопоставлении с одновременными набегами датских норманнов на Испанию [7]. Столь же сомнительно, действительно ли русские тогда, как это утверждает Ибн Хаукаль, напали не только на хазарское царство, но и на народы среднего Поволжья (о чем в русских летописях ничего не говорится). Здесь, возможно, как вообще во многих арабских известиях, волжские болгары смешаны с дунайскими, против которых Святослав как раз в это время начал свои походы.

Вообще вполне возможно, что болгары больше выгадали, чем потеряли, от русских походов против хазарского царства. Не только арабские, но и русские известия определенно свидетельствуют, что в IV/X в. хазарское царство было несравненно могущественнее болгарского и что власть хазарских государей распространялась далеко на северо-запад. Не только буртасы, но и славяне-вятичи, жившие за буртасами по берегам Оки, должны были платить дань хазарам; с другой стороны, позднее в тех же самых местах русские воевали с болгарами; в 1088 г. болгары захватили русский город Муром на Оке. В VII/XIII в. хазарского царства уже давно не было; зато в это время еще существовало могущественное, хотя, быть может, и не имевшее единого управления (нигде не упоминается о каком-либо государе всего этого царства) болгарское царство на Волге и Каме, которое было в состоянии упорно и с переменным успехом вести войну с русскими. В 1218 г. расположенный далеко на севере город Устюг был захвачен болгарами. Как далеко простиралась власть болгар на юг, неизвестно; однако торговый город Укек на Волге (в 13 *км* от Саратова), часто упоминаемый в монгольское время (впервые у Марко Поло), по всей вероятности, был основан не после монгольского завоевания, а входил и ранее в состав болгарского царства. На востоке болгарам были подчинены басджирты (см. ⟨выше, стр. 494⟩), или башкиры. В русских летописях упоминаются названия нескольких болгарских городов, но без точного указания их местоположения. Начиная с VI/XII в. часто упоминается также и в мусульманских известиях город Биляр (это название встречается и на монетах монгольского времени), ныне развалины близ Билярска на Малом Черемшане в Чистопольском уезде, около 100 *км* восточнее Болгара.

---

[7] ⟨См. подробно об этом: Минорский, *Куда ездили древние русы?*⟩

От VI/XII в. мы снова располагаем сообщением очевидца — арабского путешественника Абу Хамида ал-Андалуси, который посетил Болгар в 530/1135-36 г., однако, к сожалению, рассказывает о нем лишь ничего не стоящие анекдоты (см. перевод его рассказа у Б. Дорна — *Auszüge*, II, S. 714 sq.). Некоторого внимания заслуживает рассказ о его встрече с кази Я'кубом б. Ну'маном, который будто бы написал легендарную историю своего народа под названием *Та'рӣх Булгāр*. Почти столь же скудным является рассказ другого очевидца, венгерского доминиканца Юлиана, который в 1234 г. совершил путешествие из Венгрии в «Великую Болгарию» и возвратился на родину в последние дни 1236 г. По его словам, столица государства могла выставить 50 000 воинов (см. Wolff, *Geschichte der Mongolen*, S. 265 sq.).

Когда монголы после победы над русскими при Калке (1224 г.) повернули на восток, они, как рассказывает Ибн ал-Асир (изд. Торнберга, XII, 254), попали в засаду, устроенную болгарами, и понесли большие потери. Это нападение было вскоре жестоко отомщено. Уже в 1229 г. (по русским известиям) болгарские пограничные посты на Яике (Урале) были разбиты и обращены в бегство; окончательное уничтожение болгарского царства и разрушение его столицы последовало, по мусульманским источникам, осенью 1236 г., по русским — осенью 1237 г. (см. Barthold. *Bātū-Khān*, S. 710; ⟨выше, стр. 497⟩.

С этого времени страна волжских болгар стала частью основанного монголами государства Золотой Орды. Столица, Болгар, по-видимому, сравнительно скоро достигла нового расцвета; уже при великом хане Мункэ (1251—1259) в Болгаре снова чеканилась монета. Путешественник Рубрук, который сам в Болгаре не был, но в 1253 г. находился всего лишь в пяти днях пути от него, считает эту страну (которую он, как и его предшественник Юлиан, называет «Великой Болгарией») крайним (в этих местах) пределом, где живет городское население (ultima regio habens civitatem). При каких обстоятельствах и когда город был оставлен его жителями, неизвестно. Поход Тимура 1395 г., по-видимому, не простирался так далеко на север, но вскоре после этого (1399 г.) Болгар был разрушен русскими. Однако более, чем все эти войны, городу, вероятно, повредил расцвет Казани, основанной будто бы уже Батыем, особенно с того времени, как Казань стала столицей независимого татарского государства, основателем которого считается Улу-Мухаммед (ум. в 1446 г.). Тому же Улу-Мухаммеду принадлежат и последние датированные монеты, на которых имеется название города Болгара (чеканены в 831/1427-28 г.). Роль Болгара как наиболее важного торгового центра среднего Поволжья перешла сначала к Казани, а затем к русскому городу Нижнему Новгороду.

В литературной традиции еще сохранялось некоторое время слово «Болгар», вероятно только как название страны; в конце X/XVI в. (в сочинении упоминается дата 989/1581 г.) Шереф ад-дин б. Хусам ад-дин ал-Булгари написал (на тюркском языке) историю своей родины под

названием *Рисāла-йи тавāрӣх-и Булгāрӣйа*, дошедшую до нас, но не содержащую ничего, кроме легендарных рассказов о распространении ислама и житий мусульманских святых.

К VII/XIII и VIII/XIV вв. относятся, как это видно из находимых там надгробных надписей, существующие в настоящее время развалины города Болгара. Этот город мало походил на Болгар Ибн Фадлана. Большинство зданий было из камня; строительный материал доставляли с холмов на правом берегу Волги. Город имел в окружности около 10 *км*, был опоясан рвом и земляным валом и, возможно, как полагает Березин, еще деревянной стеной и имел форму вытянутого четырехугольника, ширина которого постепенно уменьшалась с севера на юг; с юга к собственно городу примыкала цитадель с княжеским зáмком, также окруженная рвом и земляным валом. Предместья, очевидно, тянулись на север и на запад. Наиболее важные здания находились в центре города (две пятничные мечети, рядом с каждой — по минарету, неподалеку — великолепные бани, которые, по словам Березина, сделали бы честь даже таким городам, как Исфахан, Каир или Константинополь). По размерам мечетей Березин подсчитал, что население города должно было насчитывать около 50 000 душ. В настоящее время развалины находятся под охраной Общества археологии, истории и этнографии в Казани. В прежние времена камни из старых построек, как это бывает повсюду, служили строительным материалом для нынешних жителей. Большинства надписей, которые в 1722 г. были скопированы по приказу Петра Великого, также уже давно не существует.

Кроме мусульманских надгробных надписей в развалинах встречались также и армянские, что, очевидно, свидетельствует о значении города как торгового центра. Мусульманские надписи написаны обычно по-арабски, однако содержат также и тюркские слова; как доказывает Ашмарин, эти слова относятся не к татарскому, а к чувашскому языку [8]. На этом основывается взгляд, высказанный уже Куником и развитый Ашмариным, согласно которому древнеболгарский язык был тюркским диалектом, сходным с чувашским, и чуваши должны считаться потомками волжских болгар. Недавно Ф. Корш (*Классификация турецких племен*, стр. 117=ЖС, XIX, вып. I—II, стр. 186) не без основания подчеркнул, что этот вопрос не может считаться решенным, пока наиболее важный лингвистический материал, относящийся к нему, — неславянские числительные в так называемом «списке князей» дунайских болгар — не будет надежно объяснен из чувашского языка. Действительно, эти числительные, несмотря на попытку интерпретации, предпринятую В. В. Радловым, до сих пор остаются для лингвистики неразрешимой загадкой. Вопреки Радлову В. Томашек и И. Маркварт утверждают, что в рассматриваемых выражениях содержатся не числительные, а «характеристики правления

---

[8] ⟨Новейшие данные о болгарской эпиграфике см. Юсупов, *Введение*.⟩

и личности отдельных ханов» — утверждение, которое может быть объяснено только тем, что его сторонники пользовались не самим славянским документом, а его латинским переводом, выполненным Иречеком. Славянские слова «а лет ему» могут относиться только к прожитым годам.

Хотя мнение, защищаемое Ашмариным, еще не может считаться научно обоснованным, все же нельзя не признать, что приведенные выше арабские известия о связях хазарского и болгарского языков с тюркским и финским (языком буртасов) лучше всего объясняются при таком предположении. Чувашский язык, как известно, является тюркским языком, однако непонятным для прочих тюркских народов.

Этот вопрос до сих пор рассматривался всеми, в том числе и Ашмариным, только с точки зрения лингвистов; однако он представляет и другие трудности — с точки зрения историка. Чуваши, которые упоминаются уже в 1551 г., стали известны русским как язычники. Ашмарин приводит некоторые слова, несомненно заимствованные некогда у мусульманских народов, но получившие у чувашей совершенно иное значение. Языческие молитвы начинаются словом *псемелле* (араб. *бисмиллах*); бог, повелевающий волками, называется *пихампар* (перс. *пайґамбар* 'пророк'); душа умершего — *киремет* (араб. *карāмат* 'благодать', 'чудо'). Если бы чуваши действительно происходили от волжских болгар, которые были городскими жителями, и получили эти выражения от своих предков, то это свидетельствовало бы о невероятном, вряд ли еще где-либо в мусульманском мире встречающемся, возврате к дикости. Такое одичание еще труднее было бы объяснить, если учесть, что болгарские города сразу же после их разрушения монголами были восстановлены и погибли лишь значительно позже и не вследствие войны с варварами-завоевателями, а в результате конкуренции с другими, позднее основанными городами. Современные чуваши, очевидно, могут происходить не от жителей городов на Волге, а только от таких частей болгарского народа, которые всегда обитали в лесах и были мало затронуты мусульманской городской культурой.

Литература. Frähn, *Ibn-Foszlan's Berichte*; idem, *Drei Münzen*, S. 171 sq.; idem, *Die ältesten Nachrichten*; Klaproth, *Inscriptions de Bolghari*, pp. 482—483; Ибн Русте, изд. Хвольсона; Куник и Розен, *Известия*; Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*; Westberg, *Beiträge*; Вестберг, *К анализу восточных источников*; Marquart, *Die Chronologie*; idem, *Streifzüge*; idem, *Die nicht-slawischen Ausdrücke*; Березин, *Булгар на Волге*; F. Schmidt, *Über Rubruk's Reise*; Ашмарин, *Болгары и чуваши*. ⟨См. теперь также: Греков, *Волжские болгары*; Греков—Калинин, *Булгарское государство*; А. Смирнов, *Волжские булгары*; его же, *Спорные вопросы*; Янина, *Новые данные*; Генинг—Халиков, *Ранние болгары*; Юсупов, *Введение*; Баскаков, *Тюркские языки*, стр. 105—110; EI², I, pp. 1304b—1308b, s. v. *Bulghār* (J. Hrbek), с библиографией; Заходер, *Каспийский свод*, II, стр. 23—46.⟩

ГАЗИ-ГИРЕЙ

Гази-Гирей — имя трех крымских ханов. Гази-Гирей I правил только около шести месяцев в 929/1523 г.; Гази-Гирей II — 20 лет (996—1016/1588—1607-08), Гази-Гирей III — 3 года (1116—1119/1704—1707). Имело значение только правление Гази-Гирея II (прозванного за свою неистовую храбрость Бора, т. е. 'Гроза'), сына Девлет-Гирея I и наследника своих братьев Мухаммед-Гирея и Ислам-Гирея. Будучи еще царевичем, он принял участие в походах турецких войск против Персии и провел семь лет в персидском плену в крепости Кахкаха [1]; позднее он прибыл в Константинополь, где приобрел расположение султана Мурада III (982—1003/1574—1595). В 1591 г., уже ханом, он предпринял набег на Москву, но был разбит и ранен; на следующий год он отправил своего брата и наследника престола (*калга*) Фатх-Гирея в набег на пограничные русские области, в результате чего, как сообщают, было захвачено большее число пленных, чем когда-либо раньше. Позднее Гази-Гирей принимал участие в походах на Венгрию. Около 1005/1596-97 г. он на короткое время попал в немилость у султана Мухаммеда III (1003—1012/1595—1603), и вместо него ханом был посажен Фатх-Гирей; тогда он отправился в Синоп, получил там от султана грамоту, подтверждавшую его права на ханство, вернулся в Крым и там без сопротивления был признан ханом; его брат за свое кратковременное царствование должен был поплатиться головой. Упадком турецкой империи при Мухаммеде III Гази-Гирей воспользовался для того, чтобы занять в отношении Порты более независимую позицию, чем ранее; говорят, что он носился с мыслью основать независимую державу и ввести в Крыму наследование престола от отца к сыну. И действительно, престол после него наследовал его сын Тохтамыш, однако он не был утвержден Портой и не смог противостоять своему дяде Саламат-Гирею. При Гази-Гирее некоторое время вместо Бахчисарая (см. 〈наст. изд., т. III, стр. 368〉) столицей был Гёзлев (нынешняя Евпатория). См.: В. Смирнов, *Крымское ханство до XVIIIв.*, стр. 444 и сл.; Retowski, *Die Münzen der Gireï*, S. 100 sq.

[1] 〈Ныне Каахка в Туркменской ССР.〉

ГИРЕЙ

Гирей — татарская династия, в течение трех веков (IX—XII/XV—XVIII) правившая в Крыму. Известия о возникновении этой династии и о деятельности ее основателя Хаджи-Гирея б. Гияс ад-дина б. Таш-Тимура, царевича из Золотой Орды, скудны и противоречивы. Его первые монеты относятся к 845/1441-42 г.; свое владычество он основал, как сообщают, значительно раньше с помощью князей Литвы и Польши, поддержкой которых он пользовался до самой своей смерти (871/1466 г.). О происхождении имени Гирей нет никаких точных сведений. По местной традиции, наставник (*аталык*) этого царевича принадлежал к роду Гирей (это название рода и теперь известно в Средней Азии, где произносится *кирей*); Ахмед-Вефик-паша в своем словаре (*Лахджа-йи ‘ус̱ма̄нӣйа*, 1043) утверждает, не указывая своих источников, будто *гирей* — монгольское слово, произносится по-монгольски *гарай* и употребляется в значении ‘заслуженный, достойный, обладающий правами’ (*мустаха̣кк̣*, *ша̄йисте*, *аха̣кк̣*). По-видимому, у Хаджи еще не было намерения передать это имя по наследству своим потомкам; из его сыновей только один — Менгли, который не был ни старшим, ни непосредственным наследником своего отца, — носил имя Гирей; зато со времени Менгли это имя стало даваться каждому царевичу из этой династии. После завоевания Кафы турками (880/1475 г.) Крым номинально принадлежал Османской империи; южный берег перешел в непосредственное управление турок, а остальную часть страны сохранили в своем владении Гиреи в качестве вассалов Порты; однако ни отношения между пашой, сидевшим в Кафе, и ханом, ни отношения между самим ханом и Портой не были точно определены. Лишь со времени Ислам-Гирея II (992—996/1584—1588) имя султана стало произноситься в пятничной молитве впереди имени хана; монеты и после этого чеканились только от имени хана. Первые ханы (Хаджи-Гирей, Нур-Даулет и Менгли-Гирей до турецкого завоевания) помещали на своих монетах титул *султан*; позднее они именовали себя только ханами; слово *султан* означало, как и у узбеков и казаков, неправящего царевича из царствующей династии. Для монет и официальных документов Гиреев характерна печать (тамга) Некоторые ханы отчасти самостоятельно, отчасти от имени турецкого султана распространяли свою власть далеко за пределы полуострова: на север до Москвы, на восток

до Волги и Каспийского моря. В 1736 г. полуостров впервые был на время занят русскими, а в 1771 г. он был окончательно завоеван и с тех пор никогда не был оставлен, несмотря на то что по условиям Кючюк-Кайнарджийского мира (1774 г.) и Айналы-Кавакского договора (1779 г.) хан должен был свободно избираться татарским населением и управлять страной как самостоятельный правитель, независимый ни от Порты, ни от России. В 1783 г. Крым был присоединен к Российской империи, что положило конец владычеству Гиреев; последний Гирей, носивший титул хана, Бахты-Гирей, умер в рамазане 1215/январе 1801 г. на острове Митилена.

См. также Barthold, *Bāg͟hče-Sarāy*; ⟨наст. изд., т. III, стр. 368—370⟩; там же указана литература.

ГУЗЗ

Гузз ⟨гузы⟩ — арабское обозначение тюркского народа огузов. Так, по-видимому, назывался большой народ, который в VI в. н. э. объединил все племена от Китая до Черного моря в одну кочевую империю: в орхонских надписях VIII в. этот народ называется также токуз-огуз ('девять огузов'); следовательно, он делился на девять племенных подразделений. Относительно языковой и этнической связи огузов с другими тюркскими народами не существует единого мнения: попытка Рамстедта (*Этимология имени Ойрат*) доказать, что лингвистически *огуз* следует идентифицировать с монгольским *ойрат* (собств. *оджирад*) не имела успеха, равно как и предложенное на том же лингвистическом основании различными учеными (Б. Мункачи и др.) отождествление огузов с уграми и уйгурами.

Токуз-огузы (арабы называли их тугузгузы) в последний раз упоминаются на западе в 205/820-21 г., когда сообщается об их нападении на страну Усрушану (Табари, III, 1044). Географы IV/X в. называют народ, живший на западе, только гузз, не прибавляя к этому названию числительного. Эти гузы были непосредственными соседями *дāр ал-ислāм* ⟨т. е. мусульманских стран⟩ от Джурджана на Каспийском море до Фараба и Асбиджаба в области Сыр-Дарьи; на западе их земля граничила с областями хазар и болгар, на востоке — с областью карлуков, на севере — с областью каймаков (вероятно, тюрк. кимек), см. Истахри, 9; в то же время для того, чтобы попасть из *дāр ал-ислāм* в область тугуз гузов, надо было пересечь от восточной границы Ферганы всю область карлуков, простиравшуюся более чем на 30 дней пути (Ибн Хаукаль, 11). Границей между гузами и каймаками была река Итиль в ее верхнем течении, т. е. Кама (Истахри, 222); в том же столетии часть гузов отделилась от своих соплеменников и переселилась на полуостров Сиях-кух (Мангышлак), до того необитаемый (там же, 219). Основные места обитания этого народа находились в нижнем течении Сыр-Дарьи (Ибн Хаукаль, 393). По Ибн ал-Асиру (изд. Торнберга, XI, 117), эти гузы во времена халифа ал-Махди (158—169/775—785) отделились от тугузгузов и уже тогда приняли ислам; в действительности же ислам начал распространяться среди гузов только в IV/X в.; часть этого народа, вероятно еще

ранее, была обращена в христианство (Закария Казвини, II, 394). Гузы-мусульмане стали называться также *туркмāн* (туркмены); это имя (происхождение его не выяснено), которое позднее полностью вытеснило имя *гузз*, впервые появляется у Макдиси (274 и сл.).

В конце IV/X в. началось переселение гузов в мусульманские земли, где они обосновались первоначально около Нура, в Бухаре; еще ранее Константин Багрянородный сообщает о продвижении другой ветви гузов (Οὖζοι, в русских летописях они названы торки) на запад за Волгу и столкновении ее с печенегами. В V/XI в. в обоих направлениях продвинулись еще бóльшие массы этого народа; в Передней Азии гузы, или туркмены, частично в виде вольных разбойничьих отрядов, частично под предводительством своих князей прошли через все культурные земли до самого Средиземного моря; на западе узы в 1065 г. перешли Дунай и опустошили Балканский полуостров до Фессалоник и Эллады, но вскоре после этого были уничтожены печенегами и болгарами, а те, что избежали уничтожения, поступили на византийскую службу и позднее, по-видимому, смешались с другими народами. Напротив, для этнографической обстановки в Передней Азии завоевательные походы гузов имели большее значение. Происходившей из гузов династии Сельджукидов постепенно удалось подчинить своей власти все страны от Китайского Туркестана до границ Египта и Византийской империи. Сельджукиды, по-видимому, предпочитали селить своих беспокойных соплеменников на западной границе своей империи, вследствие чего в Малой Азии и северных провинциях Ирана и появилось тюркское население. На востоке упоминается еще только одно более значительное движение гузов: в 548/1153 г. племена, поселившиеся у Балха, восстали против султана Санджара, в результате чего султан был взят в плен, а Хорасан и некоторые другие провинции были опустошены; однако эти события имели лишь недолговременное политическое значение и, по-видимому, не оказали никакого влияния на этнографическую обстановку. Местности по Сыр-Дарье и к северу от Каспийского и Аральского морей, покинутые гузами, были заняты кипчаками (пишется также *х̱ифчāк*), ветвью каймаков (так по Гардизи — у Бартольда, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 82). Уже около 421/1030 г. кипчаки упоминаются как соседи Хорезма (Бейхаки, изд. Морлея, 91 внизу); Насир-и Хусрау (у Брауна — *A Literary History*, vol. II, p. 227) уже употребляет принятое впоследствии мусульманской географией выражение «пустыня (*дашт*) кипчаков» в том же самом значении, в каком ранее Истахри (217 и сл.) употреблял выражение «пустыня гузов» (*мафāзат ал-г̣уззӣйа*).

Ибн ал-Асир (изд. Торнберга, XI, 54) упоминает о делении гузов на две племенные группы — учук и бузук; подробнее об этом делении, о 24 племенах огузов и их общем предке, герое-эпониме Огуз-хане, мы узнаем лишь из *Та'рӣх̱-и Г̣āзāнӣ* Рашид ад-дина (см. Barthold, *G͟hāzān*); в этом сочинении приводятся также тотемы (онгоны) и знаки (тамги)

каждого из этих племен. Огуз-хан фигурирует здесь уже как мусульманский герой; и географически эта легенда локализуется главным образом в Западной Азии, Египте и Европе (даже франки подчинены Огуз-ханом). Другая, еще свободная от мусульманской тенденции версия этой легенды, написанная уйгурским письмом, но на отличающемся от уйгурского диалекте (здесь встречаются также и персидские слова, как *дōст* и *душмāн*), была опубликована В. В. Радловым ⟨см. *Кутадгу билик*, изд. Радлова⟩; о происхождении этой версии и о времени ее записи ничего неизвестно; упомянутые там географические названия по большей части относятся к Восточной Азии и соответствуют монгольской эпохе[1]; подобная же легенда была использована Рашид ад-дином в другом месте его труда (в разделе о тюрках, см. Rosen, *Les manuscrits persans*, p. 99 sq.) и Абулгази. Все, что сообщают об Огуз-хане и 24 племенах огузов более поздние мусульманские писатели, восходит к *Та'рӣх-и Гāзāнӣ*; это особенно относится к *Тавāрӣх-и Āл-и Сельджӯк*, автор которой заимствует из *Та'рӣх-и Гāзāнӣ* приписываемые Чингиз-хану изречения, но на место Чингиз-хана ставит Огуз-хана. Введенный в заблуждение этой подделкой, один турецкий ученый недавно высказал мнение, что «в своде законов тюрков-огузов» будто бы сохранились «основные положения знаменитой Ясы Чингиз-хана» (см. M. Hartmann, *Der islamische Orient*, Bd III, S. 37 sq.). И у прикаспийских туркмен еще в XIX в. Уз-хан (вместо «Огуз-хан») считался родоначальником этого народа (М. Галкин, *Материалы*, стр. 5); до сих пор еще неизвестны народные сказания о его жизни и подвигах.

В Малой Азии даже в османскую эпоху еще долго прославлялись «времена Огуза» (*Огуз заманы*); каждое сказание о древних временах, передаваемое народными певцами (узанами), называлось «Огуз-наме»; сборник таких сказаний содержит сохранившаяся только в одной рукописи (Дрезден — см. Fleischer, *Catalogus*, № 86) *Китāб-и Деде Коркут*. Коркуд, или Коркут, о котором говорится в этой книге, известен и на Сыр-Дарье (прежнем местожительстве огузов) и в туркменских степях как святой, певец и мудрец; раньше такие же сказания были распространены в Азербайджане, около Дербента (см. Barthold, *Derbend*, S. 984; ⟨наст. изд., т. III, стр. 427⟩), и в Малой Азии. Мнение Иностранцева (*Коркуд*), что этот Коркуд, может быть, идентичен упомянутому Имад ад-дином Исфахани (см. Бундари, изд. Хаутсма, 281 и сл.) и Ибн ал-Асиром (изд. Торнберга, XI, 54) Коргуду б. Абд ал-Хамиду, совершенно неприемлемо; легенда, несомненно, более древнего происхождения, и огузы знали ее уже в начальный период их передвижений; иначе нельзя было бы объяснить ее широкое распространение.

Литература. Houtsma, *Die Ghuzenstämme*. Текст Рашид ад-дина — у Березина (Рашид ад-дин, изд. Березина, I, текст, 13 и сл.) и у К. Залемана, в кн. *Кутадгу*

[1] ⟨См. последнее издание: Щербак, *Огуз-наме* (там же обзор предыдущих работ).⟩

билик, изд. Радлова, I, стр. XIV и сл.; там же текст Абулгази (стр. XXVIII и сл.) и «уйгурская» легенда (стр. X и сл., 282 и сл.). Об имени тугузгузов см. М. Я. де Гуе со слов Т. Нёльдеке в BGA, VII, p. VIII. Идентичность огузов с тюрками VI в. была признана Радловым (*Кутадгу билик*, изд. Радлова, I, стр. LXXVII) еще до открытия орхонских надписей; подробнее у Бартольда, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 33 и сл. Относительно содержания *Китāб-и Коркут* см. *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, I, 203 и сл. О греческих известиях см.: Hertzberg, *Geschichte der Byzantiner*, S. 245 (в особенности Иоанна Скилицы — S. 654 sq.); Marquart, *Streifzüge*, S. 338 sq. 〈См. также: EI², I, pp. 1106b—1110a (Cl. Cahen), 1110a-b (G. Deverdun), с подробной библиографией.〉.

ГУРХАН

Гурхан — титул государей кара-китаев (см. ниже, стр. 542—546). Согласно мусульманским источникам, это слово будто бы означает 'хан ханов' (*х̱ан-и х̱анан*). Григорьев (Риттер — Григорьев, *Восточный Туркестан*, вып. I, стр. 398) отвергает это толкование и сближает *гурхан* с монгольским *гюрген* 'зять'; основатель государства кара-китаев будто бы принял этот титул как родственник прежних императоров из династии Ляо (в Северном Китае). Какие-либо сведения в источниках, на которых могло бы основываться это мнение, до сих пор не приведены; столь же мало известно, в какой степени язык кара-китаев был родствен монгольскому или заимствовал монгольские слова и может ли форма *гурхан* вместо *гюрген* быть объяснена какими-либо фонетическими особенностями этого языка; персидские известия о кара-китаях свидетельствуют даже, что при дворе гурхана понятие 'зять' обозначалось китайским словом *фума* (ср. замечание Дефремери: Мирхонд, *История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 124). Гурханом в первые годы XIII в. называл себя, очевидно подражая государям кара-китаев, Чжамуха, противник Чингиз-хана (см. Barthold, *Čingiz-K̲h̲ān*, S. 893; ⟨ниже, стр. 617⟩); позднее этот титул, по-видимому, более не встречается.

⟨См. также Menges, *Der Titel.*⟩

ДУГЛАТ

Дуг̣лат, или дӯк̣лāт, — первоначально название монгольского племени; его предком Рашид ад-дин (изд. Березина, II, текст, 47 и 52) называет Буданджара Дуклана, брата прадеда Чингиз-хана. До сих пор не удалось установить источник, из которого Абулгази (изд. Демезона, I, 65) заимствовал сообщаемое им объяснение слова *дуклан* (оно будто бы означает по-монгольски ʻхромойʼ); у Рашид ад-дина, по-видимому, нет ни этого ни какого-либо другого объяснения этого слова; однако эта этимология, очевидно, восходит ко времени монгольского владычества, так как в монгольском языке, как указывает Березин (Рашид ад-дин, изд. Березина, II, текст, 180), действительно имеется слово *доголан* в значении ʻхромойʼ; Абулгази и его современники, конечно, не знали монгольского языка. На основании объяснения, приведенного у Абулгази, Березин (и вслед за ним другие) транскрибирует название племени как «Доголан», во множественном числе «Доголат»; однако такое написание, по всей вероятности, исключается употребляющейся в настоящее время в Средней Азии формой «дулат».

Об истории этого племени Рашид ад-дин говорит только, что оно во время борьбы между племенами, приведшей позднее к образованию монгольской империи, всегда оставалось на стороне Чингиз-хана; несмотря на это, ни тогда, ни позже из племени дуглат не вышло ни одного выдающегося человека (Рашид ад-дин, изд. Березина, I, текст, 275). Напротив, во второй половине VIII/XIV в. дуглаты появляются в Средней Азии как весьма знатное племя, представители которого занимали выдающееся положение как в государстве Тимура и его преемников, так и восточных областях бывшего государства Чагатая (см. Barthold, *Čag͟hatāi-K͟hān*, S. 847 sq.; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 540 и сл.⟩). В *Ẓафар-нāме* Шереф ад-дина Йезди неоднократно упоминается как посол и военачальник и один раз (I, 216) как военный наместник (*даруга*) Самарканда эмир Давуд из племени дуглат, муж сестры Тимура, Кутлуг-Туркан [1]. Еще могущественнее были дуглаты в нынешнем Китайском Туркестане, где они господствовали на обширной территории в качестве князей, а иногда управляли всем государством как регенты и могли по своему

[1] ⟨Теркен.⟩

желанию возводить на трон и низлагать принцев царствующей династии. То, что мы знаем об истории этих князей, основано почти исключительно на не всегда надежном семейном предании, которое сообщает их последний потомок Мухаммед-Хайдер Дуглат в своей *Та'рӣх̮-и Рашӣдӣ*. Как в Мавераннахре для Тимура, так и здесь для дома Дуглатов была придумана легенда, по которой уже предок этого дома при Чагатае или даже при Чингиз-хане владел теми же областями и пользовался теми же привилегиями, что и позднее его потомки; в качестве предка Дуглатов в *Та'рӣх̮-и Рашӣдӣ* в одном месте (стр. 7) назван Уртубу, в другом (стр. 294) — Бабдаган (или Байдаган). Его потомок Буладжи (у Абулгази, изд. Демезона, I, 156 и сл.: Пуладчи, форма, которую легче объяснить лингвистически, но не подтверждаемая рукописями) будто бы в 748/1347 г. возвел на престол в Аксу хана Туглук-Тимура (Мухаммед-Хайдер, 6 и сл.); с другой стороны, тот же самый источник позднее (стр. 14) первым эмиром государства (*улус-беги*) при Туглук-Тимуре называет не Буладжи, а его старшего брата и предшественника (стр. 38) Тулика. В год свиньи Буладжи будто бы получил в Кундузе от Туглук-Тимура документ, по которому хан признавал «девять привилегий» этого дома (см. Мухаммед-Хайдер, 54 и сл.). Год по циклу должен был бы соответствовать 1359 г. в то время как Туглук-Тимур, согласно *З̣афар-нāме* (I, 59), прибыл в Кундуз только в 1361 г. (год быка); это вызывает сомнения в подлинности документа. Мухаммед-Хайдер утверждает, будто он собственными глазами видел этот документ, «написанный на монгольском языке и монгольским письмом»; позднее он будто бы был утерян «в беспокойное время Шейбани-хана» (там же, 56). Так как Шейбани умер в 916/1510 г., а автору, как он сам сообщает (стр. 305), в 920/1514 г. (указанный здесь же год свиньи соответствует 1515 г.) было 15 лет, то он мог бы видеть этот документ только в самом раннем детстве.

Братьями Буладжи (который не упомянут ни в одном другом источнике) *Та'рӣх̮-и Рашӣдӣ* называет, среди прочих, эмиров Шемс ад-дина и Камар ад-дина. Первый фигурирует и в *З̣афар-нāме* (I, 104 и сл.) как храбрый эмир, который в 1365 г. (год змеи) командовал монгольским войском; однако там ничего не сказано о том, что он принадлежал к племени дуглат и был родственником Камар ад-дина. Камар ад-дин появляется в *З̣афар-нāме* (I, 178) впервые в 1368 г. (год обезьяны) как начальник монгольского войска; он убил своего хана Ильяс-ходжу, сына Туглук-Тимура, и сам захватил власть. Последний раз он упомянут в этом же источнике (I, 494 и сл.) в 1390 г., когда он, разбитый Тимуром, вынужден был бежать до Иртыша, а оттуда еще дальше на север, «в страну Тӯлас, где много соболей и горностаев». Его брат Кутб ад-дин, не упоминаемый в *Та'рӣх̮-и Рашӣдӣ*, поступил на службу к Тимуру и в 1393 г. принимал участие в осаде Текрита в Месопотамии (Шереф ад-дин Йезди, I, 650).

После устранения Камар ад-дина верховная власть перешла к Худайдаду, сыну Буладжи; ко времени смерти отца, умершего незадолго

до Туглук-Тимура, т. е. около 1360—1362 гг., ему будто бы было семь лет (Мухаммед-Хайдер, 38). Худайдад заставил провозгласить ханом Хизр-ходжу, который будто бы был сыном Туглук-Тимура; впоследствии он посадил на престол в монгольском государстве еще пять ханов (там же, 67 и сл.). В *Ẓафар-нāме* Худайдад еще не упоминается; согласно *Маṭла' ас-са'дайн* Абд ар-Раззака Самарканди (см. Barthold, *'Abd al-Razzāk*), в этом месте только передающего, с некоторыми изменениями, текст *Зубдат ат-таварӣх* Хафиз-и Абру, Худайдад всегда поддерживал, даже против своих собственных ханов, Шахруха и Улугбека (последний правил от имени своего отца в Самарканде начиная с 812/1409 г.). Когда в 828/1425 г. Улугбек предпринял поход против государства монголов, Худайдад за Чарыном (в современном Семиречье) присоединился к войскам этого царевича и был принят им с почестями, подобавшими его возрасту (Абд ар-Раззак, рук. ун-та, л. 230б). Этот переход на сторону врага своего государства семейное предание извиняет религиозными мотивами: Худайдад будто бы уже давно собирался совершить паломничество в Мекку, но не получил на это разрешения от своего хана, и только благодаря союзу с Улугбеком он мог осуществить свое намерение; позднее он будто бы умер в Медине и был там погребен (Мухаммед-Хайдер, 69 и сл.). Там же сообщается, будто Худайдад правил 90 лет и совершил паломничество в возрасте 97; но по приведенным выше датам он не мог быть старше 70 лет.

Худайдад еще раньше разделил свои владения между своими сыновьями и братьями (Мухаммед-Хайдер, 100); несмотря на измену отца, его старший сын, Мухаммед-шах, был утвержден Вейс-ханом в должности *улус-беги*; его местопребыванием называется Ат-баши (в южной части нынешнего Семиречья) (там же, 78). Сейид-Ахмед, младший сын Худайдада, получил от отца Кашгар и Яркенд, но был изгнан оттуда Тимуридами (Абд ар-Раззак утверждает, что Тимуриды завоевали Кашгар в 819/1416 г., см. Абд ар-Раззак, пер. Катрмера, 206) и умер раньше своего отца. Сыну Сейид-Ахмеда, Сейид-Али, позднее удалось прогнать Тимуридов из Кашгара и затем править там 24 года; он также, по-видимому, наследовал своему дяде в должности *улус-беги*; в надписи на его могиле в Кашгаре годом его смерти указан 862/1457-58 г.; в таком случае ему было 80 лет (так у Мухаммед-Хайдера, 87 и 99; но тогда его деду, Худайдаду, было бы немногим более двадцати лет во время рождения внука). После него в Кашгаре правили его сыновья — Саниз-мирза (862—869/1457-58—1464-65) и Мухаммед-Хайдер (869—885/1464-65—1480) — и сын первого из них, Абу Бекр-мирза, которому удалось изгнать своего дядю, а с ним вместе и самого хана Юнуса из западной части современного Китайского Туркестана и основать там собственное независимое государство со столицей в Яркенде; только в 920/1514 г. его власти был положен конец Са'ид-ханом. Автор *Та'рӣх-и Рашӣдӣ* (293) утверждает, будто Абу Бекр правил страной 48 лет, что не соответствует датам, которые он сам приводит.

С гибелью государства Абу Бекра прекратилась и власть дома Дуглатов в Китайском Туркестане; при Са'ид-хане эмиры из этого рода фигурируют уже не как владетельные князья, а лишь как начальники войсковых отрядов на службе у хана. Еще ранее, когда Дуглаты еще владычествовали в Кашгаре, из того же племени вышли другие эмиры, которым удалось утвердиться в некоторых завоеванных ими владениях и оттуда на собственный риск принимать участие в борьбе за престол, причем они часто оказывались противниками своих сородичей в Кашгаре, подобно тому как во время борьбы против Абу Бекра историк Мухаммед-Хайдер и его дядя Сейид Мухаммед-мирза находились на стороне Са'ид-хана. Мухаммед-Хайдер, дед историка, после изгнания из Кашгара восстал в Аксу против хана Юнуса, но скоро помирился с ним и был назначен правителем Оша в Фергане, откуда он сделал неудачную попытку возобновить борьбу с Абу Бекром; он был взят в плен Абу Бекром и отпущен в Бадахшан, после чего отправился сперва к Тимуриду Ахмед-мирзе в Самарканд, а затем в Ташкент к своему прежнему государю Юнусу, при котором он будто бы состоял в качестве врача во время последней болезни хана (892/1487 г.). Его старшему сыну — Мухаммед-Хусейну, отцу историка, в 885/1480 г. было 12 лет (Мухаммед-Хайдер, 106 и сл.); после отъезда его отца из Ферганы он оставался там еще два года у Тимурида Омар-Шейха, а потом вернулся к сыну и преемнику Юнуса Султан-Махмуд-хану, с которым его связывала тесная дружба; последний назначил его в 900/1495 г. правителем Ура-Тюбе, но в 908/1503 г., после неудачного для Султан-Махмуд-хана сражения при Ахси, он вынужден был оставить этот город узбекам и отправился в Каратегин, а оттуда в страну узбеков, где подружился с Махмудом, братом своего прежнего врага, Шейбани; после смерти своего друга (909/1504 г.) он снова перешел от узбеков к Тимуридам, отправился сперва в Хорасан к султану Хусейн-мирзе, оттуда в Кабул к Бабуру, в 912/1506-07 г. принял участие в заговоре против Бабура, был им помилован и перешел еще раз к Шейбани, который приказал его убить в Герате в 914/1508 г. Его брат Сейид-Мухаммед-мирза, которому в 920/1514 г. был 41 год (Мухаммед-Хайдер, 305), также служил сначала у хана Султан-Махмуда, и его враги выдали его узбекам; после того как Джанибек, двоюродный брат Шейбани, отпустил его, он попытался обосноваться в Андижане, но, выгнанный из этой области, перешел в Китайский Туркестан с Са'ид-ханом. Он занимал высокое положение в государстве до самой смерти Са'ид-хана (939/1533 г.), но по приказу преемника Са'ид-хана, Абд ар-Рашида, был убит в начале 940/четверг 24 июля 1533 г. (Мухаммед-Хайдер, 450). О жизни историка Мухаммед-Хайдера Дуглата см. Barthold, *Ḥaidar Mīrzā*.

Название *дулат* (ср. Vámbéry, *Das Türkenvolk*, S. 286: Tulatai) в настоящее время носит многочисленный (согласно Аристову, *Этнический состав*, стр. 77 — около 40 000 кибиток) род «Большой орды» казаков (которых русские называют киргизами) между Или и Сыр-Дарьей. Название

дулат, очевидно, происходит от *дуглат* и, как названия большинства родов казаков, появилось на западе только с монголами; попытка Аристова связать дулатов с дуло китайцев и с княжеским родом болгар Дуло безусловно неудачна. В противоположность некоторым другим существующим у казаков названиям родов первоначально монгольского происхождения (найман, джалаир и др.) слово *дуглат* в настоящее время не встречается в этом значении в Монголии; следовательно, по всей вероятности, или все дуглаты полностью покинули Монголию в XIII в., или там остались лишь незначительные части этого племени, которые впоследствии смешались с другими племенами.

ИСЛАМ-ГИРЕЙ

Ислам-Гирей — имя трех крымских ханов:

1. Ислам-Гирей I б. Мухаммед-Гирей, брат Гази-Гирея I (см. выше, стр. 521). В смутное время, которое последовало за смертью его отца, ему также удалось, как перед ним — его братьям, захватить на непродолжительное время престол (несколько лет до 939/1532 г.), однако он не был признан султаном; после провозглашения ханом его дяди Сахиб-Гирея он восстал против султана и был убит в 944/1537 г.

2. Ислам-Гирей II б. Девлет-Гирей, брат и предшественник Гази-Гирея II (см. выше, стр. 521), 992—996/1584—1588. В противоположность своему преемнику, он не пользовался любовью в стране и удерживался на престоле только с помощью турок.

3. Ислам-Гирей III б. Саламат-Гирей (1054—1064/1644—1654) в противоположность двум другим ханам с этим именем был энергичным и воинственным правителем, который и по отношению к Порте вел себя более независимо, чем его предшественики, и играл более выдающуются роль в политических событиях своего времени, в особенности в освобождении Малороссии от польского владычества. В юности он провел 7 лет в польском плену. При нем неоднократно предпринимались набеги на Россию; была даже (ок. 1650 г.) сделана попытка, правда безуспешная, завязать сношения со шведской королевой Христианой и получить от нее деньги на кампанию против России. Ислам-Гирей умер в начале шаʿбана 1064 г. х. (начинается 17 июня 1654 г.) в возрасте 50 лет, после царствования, продолжавшегося 10 лет и 5 месяцев. О литературе см. Barthold, *Bāg̲h̲če Sarāy* ⟨наст. изд., т. III, стр. 368—370⟩; кроме того, документы, опубликованные Вельяминовым-Зерновым (*Материалы для истории Крымского ханства*, стр. 340 и сл.). Особенно важен последний документ, написанный незадолго до смерти Ислам-Гирея, — письмо хана с угрозами царю Алексею Михайловичу (там же, стр. 475 и сл.).

КАЗАК

Ķазаķ — тюркское слово, означающее 'разбойник', 'мятежник', 'авантюрист'; об этих и других значениях см. Радлов, *Словарь*, II, 364. В области распространения тюркских языков это слово впервые может быть засвидетельствовано в IX/XV в. Во время внутренних неурядиц при Тимуридах словом *казак* обозначали в противоположность действительным государям претендентов на престол, которые не желали подчиниться своей судьбе и во главе своих сторонников вели жизнь искателей приключений; ср., например, упоминание о «годах казачества» (*казаклык*) Султан-Хусейна, позднее ставшего государем Хорасана, в *Бāбур-нāме*, изд. Беверидж, л. 173б внизу. Слово *казак* применялось и к частям народа, которые отделялись от своих государей и соплеменников; в *Та'рūх-и Рашūдū* (в особенности стр. 82 и 272) узбеки, покинувшие своего хана Абулхайра (см. Barthold, *Abū 'l-Khair*; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 489⟩), названы узбек-казаками или просто казаками; последнее обозначение их потомки сохранили до сих пор как название народа. В России слово *казак* появилось примерно в то же время, что и в Средней Азии (во второй половине XV в.), и, вероятно, заимствовано из тюркского, хотя в русском языке оно имеет больше различных значений; так, казаком называли человека без семьи и имущества, даже когда он и не вел бродячей или разбойничьей жизни; таким образом, слово это еще не получило исключительно военного значения, которое оно приобрело впоследствии. Употребляемое в Западной Европе «козак» восходит к украинскому и польскому произношению этого слова. Достоверного этимологического объяснения слова *казак* еще нет; последняя попытка объяснения принадлежит Н. Марру (*Кавказский культурный мир*, стр. 286), по мнению которого в слове *казак* сохранилось древнее кавказское название народа *касог*, упоминаемое в русских летописях под 6473/965 г., — гипотеза, едва ли приемлемая для историка.

КАЙИ

Ḳāйӣ — название одного из двадцати четырех племен **гузов**, или огузов (см. выше, стр. 524), из которого происходит династия османских государей; ср. соответствующие тексты из *Таварӣх-и Āл-и Сельджӯк* и *Китāб-и Деде Коркут* — Бартольд, *Еще известие о Коркуде*, стр. 077 ⟨см. выше, стр. 381⟩. У Махмуда Кашгарского (I, 56) приводится еще древняя форма — кайиг, чем опровергается предложенное И. Марквартом (*Komanen*, S. 39 sq.) отождествление с каи, упоминаемыми Бируни и Ауфи на самом крайнем Востоке. Маркварт считает каи тюркизированными монголами (ibid., S. 88), чем и объясняется, по его мнению, «та историческая роль, которую играли запятнанный кровью и братоубийственный род Османов и османский народ» (ibid., S. 191). Вполне возможно, что каи были монголами; Махмуд Кашгарский (I, 30) упоминает их вместе с татарами и другими среди народов, говоривших на своих особых языках, хотя и знавших хорошо также и тюркский язык; однако огузское племя кайиг, или кайи, несомненно не имеет ничего общего с этим народом.

КАЛГА

Ḳалġа — обозначение наследника престола у крымских татар со времени Менгли-Гирея (последний раз царствовал в 883—921/1478—1515 гг.). Происхождение этого титула неизвестно; в рукописях это же слово пишется также *ḳāġилġāй*, вследствие чего В. Смирнов (*Крымское ханство до XVIII в.*, стр. 350 и сл.) предположил, что это — не тюркское (вероятно, монгольское) слово. Быть может, с *калга* следует сопоставить среднеазиатское *ḳалх̮āн*, как часто именовали правителя Балха (Балх был резиденцией наследника престола, в то время как Бухара была резиденцией хана узбеков); и это слово иногда пишется *ḳаʿлх̮āн* (вероятно, вместо *ḳаġилх̮āн*), см. Senkowski, *Supplément*, p. 74 sq. Когда при Мухаммед-Гирее II (985—992/1577—1584) брат хана Алп-Гирей был провозглашен калгой, то для сына хана, царевича Саʿадет-Гирея, создали (впоследствии сохранившийся) титул второго наследника престола (*валӣ ʿахд с̱āнӣ*); имя опекуна (аталыка) царевича, Нур ад-дина, было перенесено на самого царевича и его титул (Мухаммед-Риза, 103; подробнее в имеющейся только в рукописи сокращенной версии Хурреми Челеби; о рукописи см. Самойлович, *Об изменениях в животном цикле*; ср. Retowski, *Die Münzen der Gireï*, S. 93). С этого времени *нур ад-дин* появляется рядом с калгой не только среди членов царствующей династии, но и среди членов важнейших родов, таких, как Ширин и Манкит (ср. Радлов, *Словарь*, II, 253, где оба родовых имени по ошибке истолкованы как прилагательные).

КАЛМЫКИ

Калмыки — тюркское название одной из монгольских народностей, самоназвание которой — ойраты. В *Словаре* Радлова (II, 272) приводятся также формы *ḳалмаḳ* (среднеазиатские диалекты), *ḳалмиḳ* (волжские диалекты; отсюда и русское слово) и *ḳалмуḳ* (османское; отсюда крымско-татарское выражение *ḳалмуḳ-и бад-маḫлӯḳ* ⟨'злонравные калмыки'⟩). В Средней Азии тюркоязычных телеутов называют «белыми калмыками» (*аḳ ḳалмаḳ*), а собственно западных монголов — «черными калмыками» (*ḳара ḳалмаḳ*). Это слово выводится (вероятно, только народной этимологией) от глагола *ḳалмаḳ* 'оставаться'; оно будто бы обозначает «оставшихся» язычниками ойратов в противоположность «вернувшимся» (глагол *дӧнмек*) вновь в ислам (по известным мусульманским представлениям) дунганам (мусульманам, говорящим по-китайски).

Слово *калмак*, по-видимому, впервые появляется в *Муḳаддима* (его нет в печатном издании) к *Ẓафар-нāме* Шереф ад-дина Йезди как будто не как этнографический, а как географический термин. Говорится, что после изгнания монгольской династии из Китая в ее владении остались только ее «коренные области» (*юрт-и аṣлӣ*), т. е. Каракорум и Калмак; позднее «эмиры ойратов» отняли у них и это.

Со времени Вейс-хана (1418—1428) монголам на Или приходилось вести борьбу с «неверными калмаками»; известия об этих войнах содержатся в особенности в *Та'рӣḫ-и Рашӣдӣ* (см. по указателю). Вейс-хан дважды был взят в плен калмаками и вынужден был отдать в жены князю калмаков Исан-тайши (собств. Эсен-тайчжи) свою сестру. Отец этого князя, Тогон, правил тогда в Монголии, на границе Китая, где Эсен-тайчжи наследовал ему в 1439 г. После смерти Эсен-тайчжи (1455 г.) большое кочевое государство ойратов распалось; отдельные князья позднее еще упоминаются в соседстве с мусульманскими землями; в начале 864/конце 1459 г. посольство калмыков появилось в Герате. По китайским источникам, ойраты в 1552 г. вынуждены были покориться князю тумэтов Алтан-хану; мусульмане, по-видимому, и на это государство распространяли название Калмак; по словам османца Сейфи (писал в 990/1572 г.), князь калмаков носил титул Алтун-хан (тюрк. *алтун*=монг. *алтан*); см. текст в лейденской рук. № 917 и перевод Ш. Шефера — Абд ал-Керим Бухари, II, 292 и сл. Мусульманские источники сообщают также о восстановлении госу-

дарства ойратов при Хара-Хула (ум. в 1634 г.). И в течение этого промежутка времени калмыков считали в Туркестане могущественными врагами ислама; правитель казаков (киргизов) [1] Тевеккель-хан вынужден был бежать от них в Ташкент, где его принял Науруз-Ахмед-хан, или Барак-хан (ум. в 1556 г.); однако своему гостю, просящему о помощи, Науруз-Ахмед будто бы ответил, что и десять таких государей, как они оба, ничего не смогли бы сделать против калмыков. В то же время позднее Тевеккель именовался в России в связи с его посольством к царю Федору (1594 г.) «царем казаков и калмыков» — быть может, потому, что к нему примкнули некоторые подразделения калмыков; согласно *Абдуллā-нāме* (л. 352а), калмыки (ķалмāķāн) были также в Ташкенте, в войске Баба-хана (одного из сыновей Науруз-Ахмеда) около 1582 г. Зимой 1603/04 г. был совершен первый набег калмыков на Хорезм (Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 275). Вскоре после этого, при царе Василии Шуйском (1606—1610), калмыки впервые вступили в сношения с русским правительством, хотя поселение большего числа калмыков на берегах Волги последовало только в 1632 г.; эта ветвь калмыков под предводительством Хо-Орлока отделилась от своих соплеменников уже в 1618 г. Область волжских калмыков не входила, следовательно, в государство, основанное Хара-Хулой, хотя связи между обеими ветвями этого народа в то время еще не были прерваны. На курултай 1640 г. явились также делегаты от волжских калмыков; Батур, сын и преемник Хара-Хулы, отдал свою дочь в жены внуку Хо-Орлока. Этот же курултай прочно утвердил у всех ветвей калмыков господство буддизма; успехи ислама, о которых говорится в *Таʾрӣх-и Рашӣдӣ* (91) в связи с упомянутым выше браком, очевидно, не имели никаких дальнейших последствий. Под верховной властью буддийских князей калмыков на р. Или, основателей последней большой кочевой империи в Средней Азии, находилось, вплоть до уничтожения этого государства китайцами в 1758 г., большинство мусульманских областей Туркестана (подчинение Кашгарии — в 1682 г.; завоевание Ташкента — в 1723 г.); еще в 1749 г. регент (аталык) Бухары и его противники должны были подчиниться третейскому решению посольства князя калмыков (*тӯра-и ķалмāķ*) (Мухаммед-Вефа Керминеги, *Тухфат ал-хāнӣ*, л. 101б и сл.). В непосредственное владение калмыков перешла значительная часть пастбищ казаков; из южной части нынешнего Семиречья ислам был тогда почти полностью вытеснен; к этой эпохе относятся некоторые буддийские памятники, в том числе тибетские надписи. Только после падения калмыцкой державы эти области были снова заняты мусульманскими казаками. Меньше влияния на судьбы ислама имели войны волжских калмыков с крымскими татарами и их набеги на Хорезм; с 1724 г. правители калмыков на нижней Волге считались только наместниками русского императора; со ставкой на Или тогда уже не существовало никаких связей. Решение на-

[1] ⟨Т. е. казахов.⟩

местника Убуши и большой части его народа уйти из России и отправиться в китайские области было роковым для калмыков; во время этой перекочевки калмыки понесли тяжелый урон в Средней Азии, особенно от казаков (1771 г.). С тех пор калмыки уже не имели ни малейшего политического значения ни в России, ни в Китае; во время восстания мусульман в долине Или большой калмыцкий буддийский храм около Кульджи был разрушен (Radloff, *Aus Sibirien*, Bd II, S. 403). После русской революции в пределах прежней Астраханской губернии была создана автономная Калмыцкая область, между 45—48° с. ш. и 44—48° в. д. Часть калмыков в Семиречье (менее 2000 душ), которые приняли ислам и стали заниматься земледелием, называются сарт-калмаками.

Литература. Бичурин, *Историческое обозрение*; Howorth, *History of the Mongols*, pt I; Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, стр. 78 и сл.; ⟨наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 96—101⟩; Пальмов, *Очерк истории калмыцкого народа*; «Ойратские известия», основ. в 1922 г. ⟨См. также: Пальмов, *Этюды*; Pelliot, *Notes critiques*.⟩

КАПЛАН-ГИРЕЙ

Каплан-Гирей — имя двух крымских ханов XVIII в.:

1. Каплан-Гирей I царствовал три раза: 1119—1120/1707—1708; 1125—1128/1713—1716; 1143—1149/1730—1736; умер на острове Хиос в ша'бане 1151 г. х. (ноябрь—декабрь 1783 г.). Уже после смерти своего отца Селима I (ша'бан 1116/ноябрь—декабрь 1704 г.) он выступил как претендент на престол, но стал ханом только после низложения своего брата, Гази III. Сам он был низложен все три раза вследствие военных неудач: в первый раз (по Смирнову — за 9 месяцев до Полтавской битвы, следовательно в октябре 1708 г.) — из-за безуспешного похода против черкесов (которые в то время не были еще полностью исламизированы), во второй раз — из-за опоздания к началу военных действий на Дунае, в третий раз (когда уже старость и болезни подорвали его силы) — из-за похода в Персию, вследствие которого он, не дойдя до границ этой страны, оставил свою собственную область открытой для русского нападения. Вообще он считался ловким политиком и неудачливым полководцем.

2. Каплан-Гирей II, внук предыдущего, сын хана Селима II, царствовал только короткое время, 1183—1184/1770; неудачно воевал с русскими в Добрудже; был ложно обвинен в сношениях с неприятелем и низложен 4 ша'бана 1184/23 ноября 1770 г.; умер от чумы в месяце раби' II 1185 г. х. (июль—август 1771 г.) в возрасте 32 лет.

Литература. В. Смирнов, *Крымское ханство в XVIII столетии*, стр. 6, 8—14, 25—30, 51—58, 116—127; Retowski, *Die Münzen der Gireï*, S. 165 sq., 170 sq., 184 sq., 230 sq.

КАРА-КИТАИ

Кара-китай (ḳара-ẖитай или ḳара-ẖиṭай) — с VI/XII в. в мусульманских источниках было обычным названием народа китаев, вероятно тунгусского (по другому мнению, монгольского) происхождения, который упоминается китайцами с VIII в. В тюркских орхонских надписях китаи упоминаются несколько раз как враги тюрков на крайнем востоке той области, куда доходили тюркские походы; по китайским известиям, они жили в южной части Маньчжурии. С начала X в. китаи выступили как завоеватели, покорили северную часть Китая и основали династию, которая в качестве китайской династии получила имя Ляо (916 г.). Уже основателю династии, А-бао-цзи, должна была подчиниться и Северная Монголия, завоеванная киргизами около 840 г.; А-бао-цзи в 924 г. лично посетил Каракорум и принял там так называемое арабское, т. е. мусульманское, посольство (Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 265) — это первое известие о появлении мусульман в этой области; вероятно, это был всего лишь торговый караван (как известно, Монголия не входила в поле зрения арабской географической литературы, для которой киргизы были наиболее отдаленным народом на северо-востоке). Династии Ляо удалось с успехом противостоять национальной династии Сун, с 960 г. появившейся на юге Китая; только около 1125 г. китаи были вытеснены из Китая и Восточной Азии другим тунгусским народом, чжурчжэнями.

Еще до своего обоснования на территории Китая китаи усвоили китайскую культуру в большей степени, чем другие кочевые народы; в противоположность господствующему обычно у кочевников культу востока (восходящего солнца) они заимствовали у китайцев культ юга; с этим связано, вероятно, распространение этого культа среди монголов, а со времени монгольского владычества — вообще в Средней Азии (см. статью В. Бартольда *К вопросу о погребальных обрядах*; 〈наст. изд., т. IV, стр. 377 и сл.〉). На основе китайского иероглифического письма китаи создали свою систему письменности (около 920 г., примерно 1000 письменных знаков), как это сделали позднее и чжурчжэни. Рассказ из официальной «Истории Ляо» (*Ляо-ши*), в котором, по переводу де Грота, упомянут алфавит («маленькие значки, немногочисленные и следующие один за другим»), составленный для китаев иноземным мудрецом (по Ф. В. К. Мюллеру — возможно, *Тарсā* 'Христианин'), истолковывается Марквартом (*Guwainī's*

Bericht, S. 500 sq.) в том смысле, что примерно в это же время (рассказ относится еще к годам правления А-бао-цзи) звуки языка китаев передавались также письмом западного происхождения (возможно, подражающим уйгурскому); памятники, написанные этим шрифтом, пока еще не найдены. Напротив, мы располагаем письменными памятниками китаев, знаки которых подражают китайскому письму.

Уже в первой четверти XI в. (по некоторым данным — в 403/1012-13 г., по другим — в 408/1017-18 г.) хитаи, или китаи (тогда их еще не называли кара-китаями), совершили набег на мусульманские земли; сообщают, что они достигли местности в восьми днях пути от Баласагуна (см. Barthold, *Balāsāghūn*; ⟨наст. изд., т. III, стр. 355⟩) и только уже оттуда были оттеснены илек-ханами (см. Barthold, *Īlek-Khāne*; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 519⟩). Неизвестно, в какой связи стоит этот набег с событиями в Восточной Азии; попытка Маркварта (*Komanen*, S. 194 sq.), с помощью де Грота, найти в *Ляо-ши* какие-либо известия, которые можно было бы отнести к этому походу, не удалась. О самом походе см.: Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 209 и сл.; Marquart, *Komanen*, S. 54; Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 294; ⟨наст. изд., т. I, стр. 341⟩.

Большое значение для мусульманского мира имел поход китаев на запад около 1125 г., после того как их государство в Китае было уничтожено чжурчжэнями (которые в мусульманских источниках позднее именуются чурчитами). Это не было переселением всего народа; часть китаев осталась жить в Китае под властью чжурчжэней и позднее, при Чингиз-хане (см. ⟨ниже, стр. 615 и сл.⟩), воспользовалась создавшимися обстоятельствами, чтобы восстать против этой власти и восстановить государство китаев в качестве вассала монголов. Как известно, слово «Китай» и теперь у русских и монголов является обычным названием страны; в мусульманских источниках китаи, как оставшиеся в Китае, так и переселившиеся на запад, именуются кара-китаями. В китайских исторических сочинениях изгнанная из Китая династия китаев по-прежнему рассматривалась как китайская императорская династия под именем «Западные Ляо», с посмертными императорскими именами, девизами правления и т. д. — пожалуй, единственный пример, когда представители династии иностранного происхождения даже после ее изгнания из Китая считались китайскими императорами. Все же сведения китайских летописей о «Западных Ляо» хронологически очень неточны и вообще чрезвычайно скудны. Китайцы могут только сообщить об одном походе китаев через нынешний Китайский Туркестан; по мусульманским же источникам, нам известно, что не этот поход привел к образованию империи китаев на западе; напротив, эти китаи были полностью разгромлены Арслан-ханом Ахмедом б. Хасаном, владетелем Кашгара, в нескольких днях пути от этого города. Ибн ал-Асир (см. рассказ в его хронике, изд. Торнберга, XI, 55) относит это сражение к 522/1128 г.; возможно, что оно произошло несколькими годами позже, так как в письме, которое было послано от имени султана Санджара везиру

халифа в рамазане 527 г. х. (6 июля — 4 августа 1133 г.), об этом сражении говорится как о событии, происшедшем в самое недавнее время (Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 35 и 37). Более успешным был поход — по-видимому, другой ветви китаев — по более северному пути, о чем нам очень подробно сообщает Джувейни (изд. Казвини, II, 86 и сл.; перевод — у д'Оссона, *Histoire des Mongols*, t. I, p. 441 sq., и отсюда у Бретшнейдера, *Researches*, vol. I, p. 225 sq.). По этому рассказу, кара-китаи прошли через страну киргизов (на Енисее), затем на юго-запад в район нынешнего Чугучака, где они основали город Эмиль. Оттуда они, не встретив сопротивления, овладели городом Баласагуном, куда их призвал против своих врагов мусульманский владетель этой области из династии илек-ханов; и только действуя оттуда, т. е. с севера, они завоевали Кашгар и Хотан, а позднее еще Мавераннахр и Хорезм; государь этой последней страны, Атсыз (1128—1156), был вынужден дать обязательство об уплате ежегодной дани в 30 000 динаров. О войне в Мавераннахре нам особенно подробно сообщают Ибн ал-Асир, а также некоторые более ранние источники, как Имад ад-дин (Бундари, пер. Хаутсма) и Равенди (изд. Икбаля, особенно 172 и сл.); этот материал использован у Бартольда (*Туркестан*) и Маркварта (*Komanen*). В рамазане 531 г. х. (май—июнь 1137 г.) под Ходжендом был разбит хан Самарканда Махмуд, а 5 сафара 536/9 сентября 1141 г. в Катванской степи, севернее Самарканда, — его могущественный сюзерен, султан Санджар. С этого времени империя кара-китаев простиралась от страны киргизов (на Енисее) на севере одно время до Балха на юге и от Хорезма на западе до страны уйгуров (см. Barthold, *Bishbalik*; ⟨наст. изд., т. III, стр. 374 и сл.⟩) на востоке, с резиденцией государя на р. Чу около Баласагуна. Государь носил титул *гурхан*, который Джувейни (изд. Казвини, II, 86 внизу) объясняет как «хан ханов» (*х̮а̄н-и х̮а̄на̄н*); китайское Елюй, родовое имя императоров из династии Ляо, возможно, является передачей слова *гӯр*. В отличие от других государств кочевников ни родственники гурхана, ни другие высокопоставленные лица не получали никаких уделов; сообщают, что первые гурханы никому не отдавали под начальство более сотни людей. В то же время почти повсюду (Баласагун, вероятно, был единственным исключением) были оставлены туземные династии в качестве вассалов гурхана; эти вассальные государства составляли, вероятно, бо́льшую часть империи. Размер подати определялся, как и в Китае, по числу домов; с каждого дома взимался один динар. Официальным языком был, по-видимому, китайский. Зять гурхана у Джувейни называется *фӯма̄*, кит. 'зять' (так по Дефремери в его примечании к изданию Мирхонда, *История хорезмшахов*, 124; в издании ⟨Джувейни⟩ Мухаммеда Казвини, II, 17, 18 и 20: *фарма̄*); в рассказе о хитаях у Ауфи (*Луба̄б ал-алба̄б*, II, 385), по-видимому, стоит известное китайское (позднее заимствованное также монголами) слово *пайза* (так следует читать вместо *ба̄найза*). Однако мусульмане, по-видимому, и под властью язычников кара-китаев сохранили свое руководящее положение; богатый купец Махмуд-бай назван Джувейни

(изд. Казвини, II, 89) везиром последнего гурхана. Приблизительно в это же время в Кашгаре появляется христианский епископ (Assemani, *Bibliotheca Orientalis*, t. III, pars 2, p. 502); к этому же времени относятся древнейшие христианские надписи в Чуйской долине (Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 26; Barthold, *Zur Geschichte des Christentums*, S. 58; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 294⟩); однако и ислам в это время, по-видимому, тоже добился успехов. В рассказе о завоеваниях кара-китаев как граница мусульманского мира фигурирует область владетеля Баласагуна; в начале XIII в. упоминаются два мусульманских владения к северу от Или: одно в северной части современного Семиречья и одно около Кульджи. После уничтожения империи кара-китаев и основанного на его месте, но значительно меньшего по размерам государства найманского князя Кучлука последние кара-китаи вынуждены были принять обычаи и одежду мусульман, как видно из сообщения о путешествии китайского посольства У-гу-суня (1220—1221 гг.) (Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 29). Все это вряд ли говорит в пользу мнения Маркварта (*Komanen*, S. 209) о «цивилизованной империи кара-китаев», которая будто бы выделялась «своим блеском на фоне безотрадного окружения».

По Ибн ал-Асиру, изд. Торнберга, XI, 57, первый гурхан умер в раджабе 537 г. х. (20 января — 18 февраля 1142 г.); ему наследовали его вдова «и его сын Мухаммед». Вместо *ибнуху Мухаммед* Маркварт (*Komanen*, S. 237) хочет читать *ибнату ʻаммихи*; однако нигде не сказано, что жена гурхана была одновременно его двоюродной сестрой; да и по китайским источникам, она была всего только регентшей при своем несовершеннолетнем сыне. Последний, естественно, не мог носить имя Мухаммед; но каким образом можно улучшить текст (чтение *ва-ʼбнуху Мухаммед* содержится и в булакском издании Ибн ал-Асира, XI, 36), остается неясным. В мусульманских источниках мы не находим полного перечня гурханов с указанием времени их царствования; отдельные сведения об этом скудны и противоречивы. Джувейни в главе о кара-китаях (изд. Казвини, II, 88 и сл.) называет в качестве государей только вдову и брата первого гурхана; в другом месте (изд. Казвини, II, 17) он, как и китайские анналы, упоминает правление дочери первого гурхана; ту же правительницу упоминает и Равенди (изд. Икбаля, 174), но, по его словам, она царствовала вплоть до его времени, т. е. до начала XIII в., что не может быть правильно. Более подробный список гурханов дают китайские анналы, но и эта традиция, особенно в части хронологии, явно неточна. Попытка Маркварта (*Komanen*, S. 237) согласовать мусульманские и китайские источники и таким образом определить время царствования отдельных государей, по-видимому, в общем дала правильные результаты. Согласно этому, вдова гурхана правила до 1150 г., его сын — до 1163 г., его дочь — до 1178 г., его внук — до 1211 г. Этот последний назван в китайских анналах, по обычному произношению соответствующих иероглифов, Чжэлугу; Маркварт читает (по де Гроту) Тиргу.

При этом государе произошло падение империи, вызванное отчасти происками мусульманских владетелей на западе, отчасти неожиданным нашествием монголов; см. известия об этом у Бартольда ⟨*Туркестан*⟩ и Маркварта ⟨*Komanen*⟩, а также статьи: Barthold, *Burhān* ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 517⟩; idem, *Bukhārā* ⟨наст. изд., т. III, стр. 387⟩; idem, *Čingiz-Khān* ⟨ниже, стр. 621—622⟩. Как обычно, и здесь не всегда религиозный антагонизм был решающим фактором. Хорезмшах Мухаммед, который впоследствии был главой мусульманского движения, в первые годы своего царствования в борьбе с противниками-мусульманами опирался на язычников кара-китаев; так же поступали и духовные владыки (*ṣудӯр*) Бухары. Восстание владетеля Самарканда Османа против кара-китаев объяснено у Джувейни (изд. Казвини, II, 91) отказом гурхана отдать ему в жены свою дочь; позднее, вследствие разрыва Османа с его мусульманским освободителем и тестем Мухаммедом, этот брак все-таки состоялся (там же, 124); восстание мусульманского населения Мавераннахра против своего освободителя было подавлено, очевидно, с кровавой жестокостью (609/1212 г.). Вопреки тому, что говорится об этих событиях у Джувейни, гурхан, как сообщают, еще за год до этого, в 1211 г., был лишен власти князем найманов Кучлуком. Даже отношение этого князя, который первоначально был христианином, а затем язычником (вероятно, буддистом), к мусульманскому населению не всегда было одинаково; он фигурирует как союзник мусульманских противников гурхана и союзник владетеля Кашгара (см. текст Джемаля Карши у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 133). Позднее он сделался ожесточенным врагом ислама; в его правление произошло первое и последнее религиозное гонение, воздвигнутое на мусульман в Средней Азии; публичное отправление мусульманских обрядов было запрещено, мусульман заставляли принимать либо христианство, либо язычество или по крайней мере носить одежду китаев; неповиновавшихся, подобно протестантам при Людовике XIV, наказывали военным постоем. Единственным источником, описывающим эти события, является Джувейни (изд. Казвини, I, 49 и сл.). Победа Чингиз-хана над Кучлуком положила конец этим религиозным гонениям; прежние мусульманские подданные кара-китаев, которые уже с 1211 г. вступили в связь с Чингиз-ханом, при монгольском владычестве получили полную религиозную свободу. В противоположность закону, изданному Кучлуком, теперь уцелевшие кара-китаи приняли мусульманское одеяние (ср. выше). В Средней Азии не сохранилось ни надписей, ни построек, ни вообще каких-либо следов владычества кара-китаев.

О правлении одного из первых «эмиров» гурхана и его потомков в Кермане см.: Barthold, *Burāḳ Hādjib*, и Kramers, *Kirmān*.

⟨О новых работах по истории и языку китаев (киданей) и кара-китаев см. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 48, прим. 1—2.⟩

КАРЛУКИ

К̣арлук̣ (пишется также *к̣арлуг̣*, в более ранних арабских источниках — *х̣арлух̣*, в персидских — *х̣аллух̣*, по-китайски — гэлолу) — тюркская народность. Она упоминается в VIII в. н. э. в тюркских орхонских надписях и в китайской *Тан-шу* (см. Chavannes, *Documents*, Index) и приобрела некоторое политическое значение после 766 г., когда, после распада империи западнотюркских хаканов, карлуки обосновались в долине Чу. Их князь носил не титул хакан (каган), а только титул *ябгу* (араб. *джабг̣ӯйа*). У Табари еще раньше, в 119/737 г., упоминается джабгуйя карлуков в Тохаристане, в верхнем течении Аму-Дарьи; *джабг̣ӯйа ал-х̮арлух̮ӣ* — Табари, II, 1612, $_{16}$ — соответствует *джабг̣ӯйа ат̣-т̣ух̮āрӣ*, — II, 1604, $_{3}$ и 1612,$_{9}$ (еще и теперь один из притоков Сурхана называется Каллук или Карлук: см. Barthold, *Die alttürkischen Inschriften*, S. 27, Anm. 1). Джабгуйя карлуков, по словам Я῾куби (*Та'рӣх̮*, II, 479), в 162/778-79 г. принял ислам (см. Marquart, *Die Chronologie*, S. 25); однако то же самое и под той же датой рассказывается и о разных других владетелях, вследствие чего это известие становится в высшей степени сомнительным. Гардизи (у Бартольда, *Туркестан*, ч. II, стр. 207; ⟨наст. изд., т. I, стр. 260⟩) упоминает о набеге джабгуйя на Фергану около 792-93 г. В сообщениях арабских географов IV/X в. карлуки фигурируют еще как неверные. Их область, по Ибн Хаукалю (11, $_{17}$ и сл.), простиралась от границ Ферганы на 30 дней пути. Значительно меньшей предстает область карлуков в персидских источниках, в особенности в еще не опубликованном *Х̮удӯд ал-῾āлам* [1]; см. еще: текст Гардизи у Бартольда, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, текст, стр. 81 и сл.; пер., стр. 104 и сл., а также текст Ауфи у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 99 и сл. и Маркварта, *Komanen*, S. 40 sq. Как ближайшие соседи мусульманских областей карлуки больше, чем другие тюрки, подверглись влиянию персидской культуры и отличались от прочих тюрков также чертами лица; Махмуд Кашгарский объединяет карлуков вместе с гузами под названием туркмен.

В каком отношении находилась династия и л е к - х а н о в (см. ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 519⟩) к карлукам, нельзя точно установить [2];

[1] ⟨Факсимиле издано В. В. Бартольдом в 1930 г., английский перевод — В. Ф. Минорским в 1937 г.⟩

[2] ⟨Как полагает О. Прицак, государство Караханидов было создано карлуками; см. наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 289, прим. 177.⟩

во всяком случае, в истории этого государства, особенно в Самарканде, карлуки не раз упоминаются, подобно гузам в государстве Сельджукидов, как заносчивые и непокорные преторианцы. В рассказе Джувейни (изд. Казвини, II, 87) о завоевании Средней Азии к а р а - к и т а я м и (см. ⟨выше, стр. 543⟩) эти последние названы союзниками хана Баласагуна (см. Barthold, *Balāsāghūn*; ⟨наст. изд., т. III, стр. 355—357⟩) против карлуков; напротив, в Самарканде кара-китаи выступают как союзники карлуков против султана Санджара; см. особенно Равенди, изд. Икбаля, 172. Позднее кара-китаи приняли меры также против карлуков в Самарканде; им было предъявлено требование оставить оружие и заняться земледелием (по Ибн ал-Асиру, изд. Торнберга, XI, 205 — в 559/1163-64 г., но, по всей вероятности, это было раньше; ср. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 358; ⟨наст. изд., т. I, стр. 397—398⟩). Во второй половине XII в. карлуков упоминает еще раз ал-Катиб ас-Самарканди (текст у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 71 и сл.) как врагов хана Самарканда; в истории XIII в. они уже не встречаются. Зато в это же время упоминается владение карлуков к северу от Или со столицей в Каялыке; см. в особенности Джувейни, изд. Казвини, I, 56 и сл.; другие известия — у Бартольда, *Туркестан*, ч. II, стр. 434 и сл., 477; ⟨наст. изд., т. I, стр. 471—472 и 510⟩). Сыну князя карлуков Арслан-хана, подчинившегося монголам и принимавшего участие в походе против хорезмшаха Мухаммеда, великим ханом Мункэ (1251—1259) был пожалован Узгенд в Фергане (Джувейни, изд. Казвини, I, 58); позднее эта династия более не упоминается. Династия владетелей Алмалыка (см. Barthold, *Kuldja*; ⟨наст. изд., т. III, стр. 470⟩) также, возможно, была карлукской. В более позднее время слово «карлук» упоминается, по-видимому, только как название одного из родов узбеков.

⟨О современных карлуках в Узбекистане и Таджикистане см. Шаниязов, *Узбеки-карлуки*.⟩

КИМАКИ

Кимак (кимек, обычно пишется *кӣмāк* и неправильно огласуется *каймāк*) — название тюркского народа в среднем течении Иртыша. У Ибн Хордадбеха (текст, 28 и 31) кратко упоминается путь туда (80 или 81 день) от Тараза (совр. Аулие-Ата [1]) или от расположенного в 7 фарсахах от него Кувиката; у Гардизи (текст у Бартольда, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 82 и сл.) подробно описывается другой путь — от Фараба (Отрара) через Янгикент (ныне развалины Джанкент к югу от устья Сыр-Дарьи). По словам Макдиси (274), часть кимеков к концу IV/X в. жила уже в непосредственном соседстве с мусульманскими областями в Туркестане. Историческое значение кимеков состоит в том, что из их среды вышел многочисленный впоследствии народ кипчаков (называемых в Европе команами, а у русских — половцами), который первоначально был лишь одним из племен кимеков. С V/XI в. (упоминание у Идриси основано, конечно, на письменных источниках) имя кимеков исчезает, и в монгольскую эпоху оно больше не упоминается. См. еще Marquart, *Komanen*, индекс s. v. Kīmāk; о произношении — S. 89, Anm. 1.

[1] ⟨Ныне Джамбул.⟩

КИПЧАКИ

Кипчак — тюркская народность (обычно пишется *кипчāк* или *кифчāк*, но наряду с этим также *хифчāх* и *хифшāх*). В более поздней народной и ученой этимологии (впервые у Рашид ад-дина, изд. Березина, I, текст, 23, позднее у Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 9) *кипчак* связывается с *кобук*, или *кобы*, и объясняется как 'выдолбленный ствол дерева'; по этому поводу рассказывается легенда о рождении одного мальчика в дупле такого дерева; мальчик будто бы был подобран Огуз-ханом (см. Barthold, *Ghuzz*, выше, ⟨стр. 525—526⟩) и получил от него в удел отдельную область. Гардизи (текст у В. Бартольда, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 82) упоминает кипчаков рядом с имаками как отделение живших на Иртыше кимаков, несмотря на то что уже анонимный автор *Худӯд ал-'āлам* (л. 19а) сообщает, что кипчаки отделились от кимаков и жили к северу от печенегов. Уже Ибн Хордадбех (текст, $31,_9$) и вслед за этим источником Ибн ал-Факих ($329,_3$) называют кипчаков наряду с кимаками как отдельный народ. Махмуд Кашгарский (I, 273) упоминает йимаков (sic) на Иртыше, а не кимаков, как часть кипчаков. В другом месте того же труда (III, 22) говорится, что йимаки являются тюркским племенем (*джӣл мин ат-турк*), тем же самым, «которое мы называем кипчаками» (*ва хум ал-кифджāкӣйа 'индана̄*); сами кипчаки считали себя другим подразделением (*сумма атрāк кифджāк йа'уддӯна анфузахум хизб*^{ан} *āхара*). Кимаки, упомянутые Макдиси ($274,_3$) близ Саурана, были, вероятно, кипчаками. С продвижением кипчаков с севера на юг связано появление (впервые в V/XI в., в *Дӣвāне* Насир-и Хусрау, см. Browne, *A Literary History*, vol. I, p. 277) названия Дешт-и Кипчак вместо Мафāзат ал-гузз (ср. Barthold, *Ghuzz*, выше, ⟨стр. 525⟩). Уже у Бейхаки (изд. Морлея, 91) кипчаки (*хифчāк*) упоминаются как соседи Хорезма. Диалект кипчаков, по словам Махмуда Кашгарского (II, 253, и III, 23), имел ту же самую фонетическую особенность, как и диалект гузов (и как теперь диалект казаков): *дж* вместо *й* в начале слова. То, что обозначение Дешт-и Кипчак распространялось и на Южную Россию, доказывается свидетельством Хамдаллаха Казвини (*Нузхат ал-кулӯб*, изд. Ле Стрэнджа, I, 21 и 238), по которому Дешт-и Кипчак есть то же самое, что Дешт-и Хазар; как известно, этот же народ русские называли половцами, а западные европейцы — «команами»; позднее имя Кипчак было перенесено и на монгольское государство Золотой

Орды. Согласно И. Маркварту (*Komanen*, S. 102), кипчаки в истории впервые появляются в 514/1120-21 г. у Ибн ал-Асира, изд. Торнберга, X, 399 как союзники грузин; по мнению Маркварта (*Komanen*, S. 136), государство кипчаков было основано выходцами из Маньчжурии, переселившимися оттуда в связи с появлением чжурчжэней (китайская династия Цзинь); ср. об этом Pelliot, *A propos des Comans*, p. 125 sq. В Южной Руси кипчаки находились под влиянием не только ислама, но и христианства; один из князей кипчаков (кит. циньча) времени монгольского нашествия (этот же князь упомянут и в русских летописях) носил имя Георгий (русск. Юрий, отсюда кит. Ю-ли-ги, см.: Bretschneider, *Researches*, vol. II, p. 297 sq., и Pelliot, *A propos des Comans*, p. 150). Ибн Баттута также упоминает кипчаков-христиан около Керчи; как памятник распространения христианства среди кипчаков следует также рассматривать так называемый «Codex Comanicus».

В послемонгольскую эпоху кипчаки как народ больше не упоминаются; как и многие другие прежние названия народов (карлук, уйгур, найман и др.), имя кипчак появляется как название рода у узбеков и казаков. Особенную известность получили в новейшей истории Средней Азии кипчаки в Фергане, см. Barthold, *Khokand*; ⟨наст. изд., т. III, стр. 465⟩.

Литература. В особенности Marquart, *Streifzüge*; idem, *Komanen*. Относительно Codex Comanicus см. библиографические указания у Pelliot, *A propos des Comans*, p. 127; ⟨см. также Баскаков, *Тюркские языки*, стр. 146—147 (с библиографией)⟩.

КУРАМА

Курама — по Радлову (*Словарь*, II, 924), «тюркское племя в Туркестане»; там же приводится и киргизское (т. е. казакское) слово *ķурама* (от *ķура* 'шить из лоскутов') в значении 'одеяло, сшитое из лоскутьев'. В другом месте (*Aus Sibirien*, Bd I, S. 225) Радлов сам говорит, что курама — «смешанный народ из узбеков и киргизов» и что их название, по утверждению киргизов, происходит оттого, «что они составились (*кура* 'сшивать из кусков') из многих родов». Курама, по мнению Радлова, являются «племенем, перешедшим к оседлости», между Ташкентом и Ходжентом, точнее, по р. Ангрен (искаженное название из Ахенгеран), к югу от Ташкента. В русских источниках уже около 1875 г. имеется известие, что народ курама возник только в XVIII в.; это мнение разделяется также Аристовым (*Этнический состав*, стр. 112) и теперь И. Зарубиным (*Список народностей Туркестанского края*, стр. 12); однако еще около 1045/1635-36 г. при описании военных действий между казаками и узбеками на Ангрене упоминаются «предводители курамы» (*сардāрāн-и ķӯрамā*) (Махмуд б. Вели, л. 119а). При господстве кокандских ханов в XIX в. слово *курама* употреблялось не только как этнографическое, но и как географическое и административное понятие; дорога из Коканда в Ташкент через перевал Кендир-даван называлась «дорога курамы» (Рāх-и Ķӯрама; напр., в *Та'рӣх-и Шāхрухӣ*, 238); во главе управления курамой стоял бек, резиденция которого находилась в крепости Кереучи (в письменном языке Кӣрāучӣ; на русских картах также Кельяучи). Такое употребление слова *курама* сохранилось первое время и при русском владычестве. При разделении Сыр-Дарьинской области на уезды территория, которая впоследствии (начиная с 1886 г.) стала называться Ташкентским уездом, называлась Кураминским уездом. Административным центром этого уезда должно было стать основанное при Мадали-хане (1822—1842; см. Barthold, *Khoķand*, S. 1036; ⟨наст. изд., т. III, стр. 464—465⟩) селение Той-тюбе (там же находятся развалины средневекового укрепления, исследованные в 1885 г. проф. Веселовским); в действительности же уездный начальник проживал в селении Куйлюк на Чирчике. Как при кокандской, так и при русской власти Кураминский уезд имел некоторое экономическое значение, главным образом как центр производства риса. Кураме как народу русские исследователи отводят особое место как потомкам кочевников (киргизов,

т. е. казаков), превратившихся в земледельцев (с а р т о в; см. ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 527⟩). Несмотря на приобщение к сартовской культуре, курама не полностью утратили особенности, унаследованные ими от их предков-кочевников.

Эти особенности и теперь еще не исчезли; в противоположность сартам курама, как и казаки, живут в юртах; их женщины, как и у казаков, не носят покрывала. В остальном теперь курама еще более отличаются от своих кочевых предшественников, чем это было в начале русского владычества. Тогда Радлов и другие могли еще установить у курамы деление на роды; по Радлову, их было пять: джулаир, телеу (так и в настоящее время называется одно селение, населенное курамой), тама, джагалбайлы и тараклы. Сейчас это деление почти полностью исчезло; там, где еще сохранились его следы, браки между членами одного и того же рода больше не считаются недозволенными, как у казаков. И теперь еще можно наблюдать особенности курамы как смешанного народа; помимо смешения по крови здесь, по мнению Зарубина (*Список народностей Туркестанского края*, стр. 12), имело некоторое значение также смешение представителей различных общественных классов. В настоящее время сами курама избегают употреблять это название, а иногда применяют его с добавлением названия другого народа (киргиз-курама, сарт-курама). Численность курамы в Ташкентском уезде (ранее Кураминский уезд) в 1917 г. была 52 335 человек, в 1920 г. — 49 697 (как известно, в эти годы из-за жестокого голода в Туркестане вообще наблюдается сокращение численности населения). Кроме того, около 9330 курама живут еще в Ходжентском уезде. Слово *курама* в значении 'смешанный народ' употребляется также и в области, где говорят по-туркменски, но эти курама не имеют никакого отношения к кураме на Ангрене.

Л и т е р а т у р а (помимо указанной в тексте статьи). Костенко, *Туркестанский край*, т. I, стр. 238; Масальский, *Туркестанский край*, стр. 306 и 607; Schwarz, *Turkestan*, Index, особенно стр. 10 и сл.; Маллицкий, *Несколько страниц из истории Ташкента*, стр. 176 и сл.

КУЧУМ-ХАН

Кучум-хан — татарский хан Сибири, при котором эта страна была завоевана русскими. Сведения о его происхождении и родственных связях с другими потомками Чингиз-хана сообщает только Абулгази (*Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 177). По этому источнику, он правил 40 лет в «Туране», к концу своей жизни ослеп, в 1003/1594-95 г. был изгнан русскими, бежал к мангытам (ногайцам) и там умер. Известия о Кучуме имеются и в труде османца Сейфи, написанном предположительно в 990/1582 г. (лейденская рук. № 917; без указания рукописи переведены Ш. Шефером в виде приложения к его переводу истории Средней Азии Абд ал-Керима Бухари, 303 и сл.). Государство и столица Кучума названы там «Тура», русские будто бы завоевали этот город во время отсутствия Кучума; позднее Кучум будто бы вернулся и после долгой осады (1—2 года) прогнал русских, однако русские увели с собой в Москву пленником его сына. Эти сообщения, по-видимому, свидетельствуют о том, что труд Сейфи был написан, по всей вероятности, позже того года, который указан в заглавии (Шефер — Абд ал-Керим Бухари, предисл., стр. IV — называет даже 990 г. х. годом смерти автора).

Название столицы Кучума «Искер» (недалеко от места впадения Тобола в Иртыш) встречается, по-видимому, только в русских источниках; главные события его царствования также могут быть хронологически установлены только на основании этих источников. Кучум не получил свое царство в наследство от своего отца, а изгнал оттуда своего предшественника Ядигара; в 1563 г. государем Сибири называют еще Ядигара, а в 1569 г. — уже Кучума. В 1581 г. Искер был завоеван русскими казаками во главе с Ермаком; своей победой казаки были обязаны применению огнестрельного оружия, еще неизвестного в то время в Сибири. Сын Кучума Махмет-Кул (Мухаммед-Кули) был отправлен пленником в Москву. Только после того как Ермак погиб во время внезапного нападения татар (в 1584 или 1585 г.), Искер был оставлен русскими; но уже в 1587 г. вновь прибывшие войска построили вблизи от этого города русский город Тобольск. Последнее поражение в войне с русскими Кучум потерпел лишь 20 августа 1598 г.; сообщают, что ногайцы, у которых он искал убежища, убили его в отместку за набеги его отца. Использованное Радловым (*Aus Sibirien*, Bd I, S. 146 sq.) сочинение о посольстве Кучума в Бухару и о приказе

Абдулла-хана (см. Barthold, *'Abd Allāh b. Iskandar*; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 487⟩) своему наместнику в Хорезме послать миссионеров в Сибирь не может быть подлинным; Хорезм в то время был независимым владением и не был под властью хана Бухары. Принятое Радловым написание «Közüm», по-видимому, также не встречается в исторических источниках.

Литература. Howorth, *History of the Mongols*, pt II, p. 982 sq. и использованные там русские исторические сочинения; Атласов, *История Сибири*, стр. 36, 46, 67 и сл. и рецензия В. Бартольда в ЗВОРАО, т. XXIII, стр. 421 и сл.

МАНГЫТЫ

Мангыты — название народа и племени. Во времена Чингиз-хана слово *мангыт* фигурирует как название одного из монгольских народов, у Рашид ад-дина (изд. Березина, I, текст, 205 и сл.) — *мангкӯт*. Начиная с монгольской эпохи наименование мангыт (пишется *мангкит*, *мангӯт*, *мāнгӣт*, *манкит*, *мангӣт* и *мангит*), как и многие другие наименования монгольских народов (найман, кунграт и др.), упоминается как племенное название тюркских или тюркизированных народов. По *Зафар-нāме* (I, 277), мангыты были племенем (*уймак*) в Золотой Орде, из которого происходил знаменитый эмир Идегу (Едигей русских источников), современник и противник Тимура и Тохтамыша. Тот народ, который русские источники называют ногайцами, у Абулгази (*Родословная тюрок*, изд. Демезона, см. Указатель) и в других восточных источниках того же времени всегда именуется мангытами. В настоящее время как название народа употребляется только слово *ногай*; сведения, по которым род мангытов составляет около 90% этого народа (Тынышпаев, *Материалы*, стр. 28), нуждаются в более тщательной проверке; как название рода слово *мангыт*, как сообщают, встречается еще у якутов. В *Бахр ал-асрāр* Махмуда б. Вели (л. 35а) племя (*улус*) мангытов и племя (*иль*) кунгратов упомянуты как два наиболее важных племени узбеков. Племя мангытов играло определенную роль в политической жизни как Бухары, так и Хорезма; во время борьбы с другими племенами мангыты Бухары поддерживались своими собратьями в Хиве, и наоборот; однако они завоевали власть только в Бухаре. О династии Мангытов см. Barthold, *Bukhārā*; ⟨наст. изд., т. III, стр. 390 и сл.⟩ (там написано *манкӣт*); как известно, эта династия была свергнута революцией 1920 г. В Хиве мангыты объединились с нукузами и образовали двойное племя (другими двойными племенами были уйгур-найманы, китай-кипчаки и кыят-кунграты). Город Мангыт, указанный на современных картах, был основан только в раджабе 1215/ноябре—декабре 1800 г. членами этого племени, которые были оттеснены на восток туркменами-йомутами (Мунис, рук. Аз. муз. 590 ob, л. 75б).

В настоящее время в Бухаре 99 200 мангытов (из которых 44 000 около самой Бухары, а 31 000 около Карши), а в Хиве только 10 300.

Литература. Vámbéry, *Das Türkenvolk*, S. 349 sq. (у узбеков); S. 546, 554, 557 (у ногайцев); Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 227; Аристов, *Этнический состав*, стр. 149 и сл.; *Территория и население Бухары и Хорезма*, ч. I, стр. 185 и сл.; ч. II, стр. 98. ⟨См. также *Народы Средней Азии*, I, по указателю.⟩

МЕНГУ-ТИМУР

Менгу-Тимур (так на его монетах; по-монгольски Мункэ-Тимур; пишется также Мӯнгкā — напр., Рашид ад-дин, изд. Блоше, 109; в русских летописях — Менгутимер и Менгутемер) — хан Золотой Орды (1266—1280), внук хана Батыя (см. ⟨выше, стр. 496 и сл.⟩), сын Тукукана. По египетским источникам, его предшественник, Беркай, умер в 665 г. х. (октябрь 1266 г. — сентябрь 1267 г.); в сафаре 666 г. х. (октябрь—ноябрь 1267 г.) из Каира отправилось посольство, которое должно было выразить соболезнование и передать поздравления султана Бейбарса I новому хану. В 667 г. х. (сентябрь 1268 г.—август 1269 г.) в Египте появилось посольство от хана. Обмен посольствами с Египтом поддерживался в течение всего царствования этого хана. Когда в 670/1271-72 г. одно из посольств на пути в Египет было захвачено франкским судном из Марселя, то по требованию султана послы были освобождены и им вернули все их имущество. Когда в 680 г. х. (апрель 1281 г.—апрель 1282 г.) египетское посольство отправилось в Золотую Орду, в Каире еще не было известно о смерти хана; только позднее стало известно, что он умер еще в месяце раби' I 679 г. х. ⟨июль 1280 г.⟩ в местности Аḳлӯḳиййā (помимо этого нигде более не упоминаемой); сообщают, что он умер из-за неудачной операции нарыва на шее. У Рашид ад-дина (изд. Блоше, 142) в качестве даты смерти Менгу-Тимура приводится 681 г. х. (апрель 1282 г. — март 1283 г.); имеются датированные этим же годом монеты его брата и преемника Туда-Менгу.

Египетское правительство старалось склонить хана к возобновлению начатой его предшественником, Беркаем, войны с персидскими монголами; однако Менгу-Тимур вскоре после своего воцарения заключил мир с Абака и позднее также ничего не предпринимал против Персии. Рашид ад-дин, конечно по недосмотру, приписывает поход против Аргуна в 689/1290 г. (в изд. Блоше, 140, стоит *саб'* вместо *тис'*) Менгу-Тимуру; этим были введены в заблуждение д'Оссон (*Histoire des Mongols*, t. IV, p. 42) и пишущий эти строки (см. Barthold, *Arghūn*).

Об участии Менгу-Тимура в среднеазиатских делах до курултая 667/1269 г. (посылка войска в 50 000 человек под командованием Беркеджара, брата Батыя и Беркая) см. Barthold, *Burāḳ-Khān*, S. 829; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 510⟩. Известия об этом находятся в не напечатанной еще части *Джāми' ат-тавāрӣх* Рашид ад-дина (царствование Абака, см. d'Ohsson,

Histoire des Mongols, t. III, p. 428) [1]. Связь между Менгу-Тимуром и Хайду, которого он тогда поддерживал, упоминается и позднее; когда в 1277 г. два сына императора Хубилая во время войны с Хайду были взяты в плен, Хайду приказал отправить царевичей ко двору Менгу-Тимура, который позднее вернул их отцу (Рашид ад-дин, изд. Блоше, 8; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, p. 452).

К Менгу-Тимуру, так же как к его предшественникам и преемникам, обращались за поддержкой русские князья. Князь Лев Галицкий получил от него помощь против литовцев, однако татарское вспомогательное войско было опасно не только для врагов, но и для тех, кого оно защищало. В 1277 г. русское войско по приказанию хана сражалось на Кавказе против аланов. Менгу-Тимуру принадлежит первый дошедший до нас золотоордынский ханский указ о привилегиях греческого православного духовенства; указ датирован годом зайца (вероятно, 1267 г.). Епископ Сарая, Феогност, был направлен Менгу-Тимуром послом в Константинополь.

В противоположность двум последним десятилетиям XIII в. Золотая Орда при Менгу-Тимуре была великой державой, не переживавшей каких-либо внутренних беспорядков. Монеты чеканились при нем, как и при его предшественниках, только в старом торговом городе Болгаре, но в противоположность его предшественникам от его собственного имени, а не от имени великого хана. На этих монетах впервые появляется печать Золотой Орды.

Литература (помимо указанной в тексте статьи). Howorth, *History of the Mongols*, pt II, p. 125 sq.; Hammer-Purgstall, *Geschichte der Goldenen Horde*, S. 248 sq. — Сведения из египетских источников — у Тизенгаузена (СМИЗО, I).

[1] ⟨См. теперь Рашид ад-дин, пер. в изд. ИВАН, III, 70.⟩

ТАТАРЫ

Татары (пишется *тāтāр*, *татāр* и *татар*) — имя народа, употреблявшееся в разное время в различных значениях. Два объединения татарских племен — «тридцать татар» и «девять татар» — упомянуты уже в VIII в. н. э. в тюркских орхонских надписях; как полагает Томсен (*Inscriptions de l'Orkhon*, p. 140), в то время этим именем уже называли монголов или какую-либо их часть, а не тюркский народ; согласно Томсену, эти татары жили к юго-западу от Байкала примерно до Керулена. С образованием государства кара-китаев (см. ⟨выше, стр. 542⟩) было связано вытеснение тюрков с территории нынешней Монголии и продвижение монгольских племен. Область Öтюкен, постоянно упоминаемая в орхонских надписях как место обитания тюрков, по Махмуду Кашгарскому (I, 123), находилась в его время (во второй половине V/XI в.) в стране татар. То, что язык татар отличался от тюркского, было известно и Махмуду Кашгарскому (I, 30). Некоторые подразделения татар оказались связаны с тюркскими народами и передвинулись далее на запад. В анонимном *Х̣удӯд ал-ʻāлам* (см. Туманский, *Новооткрытый персидский географ*, стр. 121 и сл.) татары названы частью тугузгузов (см. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 34; ⟨наст. изд., т. IV, стр. 510⟩), а у Гардизи (там же, стр. 82 и сл.) — частью к и м а к о в (см. ⟨выше, стр. 549⟩), обитавших на Иртыше. В анонимном *Муджмал ат-тавāрӣх̮* (ок. 520/1126 г.) в списке государей (у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 20) назван нигде более не упоминаемый татарский государь Сӣмӯн буйӯй (или бӣвӣ?) джайāр. В сообщениях о походах султана Мухаммеда б. Текеша против к и п ч а к о в (см. ⟨выше, стр. 550⟩) упомянут поход султана в 615/1218-19 г. против Кадыр-хана, сына татарина Юсуфа (Джузджани, пер. Раверти, I, 267).

В рассказах о монгольских завоеваниях VII/XIII в. завоеватели всюду (как в Китае, так и в мусульманском мире, на Руси и в Западной Европе) именуются татарами (кит. дада); тем же именем обозначаются у Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, XII, 178 и сл., 236 и сл.) и предшественники Чингиз-хана — найманы под предводительством Кучлука (см. *Кара-китай* ⟨выше, стр. 546⟩); по Ибн ал-Асиру (там же, 237), это были «первые татары» (*ат-татар ал-ӯлā*). Рашид ад-дин, который, очевидно, ничего не знал об употреблении и распространенности слова *татар* в домонгольскую эпоху, говорит о татарах как об отдельном, отличном от монголов народе, основ-

ными землями которого была местность у Буир-Нора (к юго-востоку от Керулена). Со времени завоеваний Чингиз-хана многие из покоренных им народов будто бы приняли имя «могул» (монгол); раньше татары были столь же могущественны; так называли себя многие народы; поэтому еще и сейчас «в Хитае, Хиндустане, Чине, Мачине, у киргизов, в Келаре (Польше), Башкирде (Венгрии), в степи (*дашт*) кипчаков, в северных странах, у бедуинов, в Сирии, Египте и в Магрибе все тюркские народы называют татарами» (Рашид ад-дин, изд. Березина, I, текст, 64).

Очевидно, народы монгольского происхождения, говорившие на монгольском языке, сами всегда называли себя татарами. После Чингиз-хана это слово в Монголии и в Средней Азии было полностью вытеснено словом *монгол*, официально введенным Чингиз-ханом (в мусульманских рукописях *могол* или *могул*, также в народном языке потомков монголов в Афганистане, которые сохранили свой язык до наших дней, — *могол*). В западных частях монгольской империи слово *монгол* не смогло утвердиться, несмотря на то что и там, по сообщениям некоторых европейских путешественников (Иоанна де Плано Карпини и Рубрука), оно было введено официально. Население государства Золотой Орды (см. *Батый* и *Беркай*; 〈выше, стр. 496 и 503〉), так же как и население более поздних небольших государств в той же области, всегда называлось «татарами». Как свидетельствуют многочисленные документы, хранящиеся в Публичной библиотеке в Ленинграде, тюркоязычное население Крыма (см. Barthold, *Ḳrîm*; 〈наст. изд., т. III, стр. 467〉) именовалось татарами не только османцами (а также русскими), но и само называло себя этим именем.

Один из монгольских военных отрядов в период завоевания был переселен в Малую Азию; их потомки (вероятно, также тюркизированные) назывались там «черными татарами» (кара татар); ко времени похода Тимура они вели кочевую жизнь в местности между Амасьей и Кайсарией; их насчитывалось 30—40 тысяч семей (Шереф ад-дин Йезди, II, 502 и сл.). По рассказу Ибн Арабшаха (*ʻАджа̄ʼиб ал-маḳдӯр*, изд. Мангера, II, 338), Тимур по совету султана Баязида приказал увести этих татар в Среднюю Азию; там им были определены места поселения в Кашгаре, на острове (ныне несуществующем) на озере Иссык-Куль (см. Barthold, *Issik-Kul*; 〈наст. изд., т. III, стр. 437〉 и в Хорезме; одной их части удалось бежать в Золотую Орду. После смерти Тимура черные татары вернулись в Малую Азию; в 1419 г. они (или их часть) были переселены на Балканский полуостров и поселены западнее Филиппополя; от них получил свое название город Татар-Пазарджик (Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd I, S. 292) [1].

Позднее как в России, так и в Западной Европе татарами часто называли все тюркские народы, за исключением османцев; такое словоупотреб-

[1] 〈Возможно, что потомки (части?) этих татар в начале XVIII в. были в районе Мерва; см. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 616 и прим. 63.〉

ление встречается еще у Радлова, *Aus Sibirien*, passim. По примеру китайцев это наименование распространяли и на монголов и в особенности на маньчжуров (ср. «татарский город» в Пекине). Как имя определенного народа слово «татары» применяется только по отношению к тюркоязычному населению Поволжья (от Казани до Астрахани), Крыма и части Сибири; поэтому в изданном в 1927 г. *Списке народностей СССР* крымские татары, волжские татары, касимовские татары и тобольские татары названы как отдельные народности и, кроме того, еще белорусские татары, предки которых были уведены в плен из Крыма в Польшу; они приняли белорусский язык, но остались верны исламу. Население Крыма теперь отвергает название «татар»; тюркоязычное население Астрахани, по новейшим исследованиям, относится к ногайцам. Также и в среднем Поволжье «татар» называют так преимущественно их соплеменики, принявшие христианство, так называемые кряшены (от русск. «крещеный») (Радлов, *Словарь*, III, 101 и сл.); сами же они предпочитают обозначение «мусульмане» именованию «татары», которое больше подходит их языческим предкам, точно так же как османцы долгое время не хотели называть себя «турками». Даже в последние годы перед революцией, когда стал выдвигаться национальный принцип, спорили о том, следует ли называть себя «тюрками» или «татарами» (Самойлович, *Мусульманская печать*, стр. 270 и сл.); в настоящее время утвердилось наименование «татары»; с 1920 г. существует Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика со столицей в Казани (см. Barthold, *Kazan*; ⟨наст. изд., т. III, стр. 440—442⟩) и населением в 2 780 000 душ, из которых немного менее половины (1 306 242) татары. См. этнографический очерк проф. Д. Золотарева *Татары*, стр. 99 и сл. (численность населения — стр. 123 и 126).

Литература указана в тексте статьи. ⟨См. теперь: Трофимова, *Этногенез*; Воробьев, *Казанские татары*; *История Татарской АССР*, т. I (библиография: стр. 534—540), т. II (библиография: стр. 575—581).⟩

ТЕКЕ

Теке, или текке, — туркменское племя. Среди 22 (так у Махмуда Кашгарского, I, 56 и сл.) или 24 (так у Рашид ад-дина, изд. Березина, I, текст, 32 и сл.) огузских племен теке не упоминаются. Позднее они называются как потомки салоров; Абулгази объединяет теке и два других племени, сарык и йомут, под названием «внешние салоры» (*тāшк̣ӣ салӯр*) (*Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 209). В своей (еще не изданной)[1] истории туркмен Абулгази называет сарыков и теке потомками салора Той-Тутмаса (*Родословная туркмен*, пер. Туманского, 67). На основании отдельных мест основного труда Абулгази (⟨*Родословная тюрок*⟩, см. указатель в изд. Демезона) можно заключить, что в X/XVI и XI/XVII вв. теке жили на Балханах (см. Barthold, *Balkhān*; ⟨наст. изд., т. III, стр. 358⟩) и Кюрен-Даге; среди этого кочевого племени были и купцы (там же, 324: *савдāгар*).

В конце XVIII в. началось продвижение теке на восток, где они постепенно вытеснили имрели (потомков древнего племени эймюр) и карадашлы (потомков древнего племени язгыр, или язбыр) из Ахала (см. Barthold, *Akhāl-Tekke*; ⟨наст. изд., т. III, стр. 341⟩), сарыков — из Серахса (см. Ruska, *Sarakhs*) и Мерва. Окончательное занятие Мерва текинцами произошло только между 1857 и 1859 гг., при Коушут-хане (ум. в 1878 г.); в битве с ним в 1855 г. под Серахсом был убит хивинский хан, а в 1860 г. у Мерва были разбиты персы.

После утверждения русских на Балханах (основание Красноводска в 1869 г.) покорение текинцев стало неизбежным. Борьба началась в 1877 г. (взятие Кызыл-Арвата русскими, в ответ на что текинцы в конце 1878 г. напали на Чикишляр и даже на Красноводск) и закончилась подчинением Мерва только в 1884 г., несмотря на то что все племя теке, по русским подсчетам, насчитывало около 300 000 душ и в политическом отношении не было единым. Существовало много отдельных вождей, которые присваивали себе титул «хана»; но даже те из них, кто выделялся личными качествами и заслугами (кроме Коушут-хана, в особенности Нур-Верды-хан, ум. в 1880 г. в Геок-Тепе), могли оказывать влияние лишь на небольшую часть своего племени. Особенно упорными были бои во время осады и

[1] ⟨Ныне см. *Родословная туркмен*, изд. Кононова.⟩

штурма (12/24 января 1881 г.) Геок-Тепе; это было единственное в Средней Азии сражение, в котором у русских были отняты знамена и пушки.

После установления русской власти, особенно после революции, отдельные названия племен, в том числе имя теке, утратили свое прежнее значение по сравнению с общим названием народа — «туркмены».

Литература. Vámbéry, *Das Türkenvolk*, S. 395 sq.; O'Donovan, *The Merv Oasis*; Петрусевич, *Туркмены*; Гродеков, *Война в Туркмении*; Skrine — Ross, *The Heart of Asia*, p. 262 sq.; Семенов, *Очерки*; Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. III, стр. 1 и сл.; Абд ас-Саттар-кази; Бартольд, *Очерк истории туркменского народа*; ⟨См. также: *История Туркменской ССР*, т. I, кн. 2; *Народы Средней Азии*, II, стр. 7—153 и 699—700 (библиография); König, *Die Achal-Teke*⟩.

ТОКТАМЫШ

Токтамыш, пишется также Тохтамыш (так постоянно в русских летописях) — хан Золотой Орды. Чтение Тукāтмӣш, которое считает правильным Э. Г. Браун (*A Literary History*, vol. III, p. 583, вероятно на основании стихов, приведенных в этом же труде на стр. 328), опровергается написанием этого имени во многих рукописях (а также на уйгурских монетах и документах); Ибн Арабшах (*'Аджā'иб ал-макдӯр*, каирск. изд., 14 и др.) также всюду пишет Toктāмӣш-хāн. Сведения о его происхождении разноречивы. Несомненно имя его отца (хотя в рукописях оно часто искажено) — это Тули-ходжа, который, согласно генеалогии, приведенной у Цамбаура (*Manuel*, tab. S) по Лэн-Пулю и другим источникам, был братом хана Уруса и потомком Орды, старшего сына Джучи, однако, согласно Абулгази (*Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 178). происходил от другого сына Джучи — Тугай-Тимур-хана. Более подробные сведения о Тули-ходже и о начале жизни его сына имеются только в описанном Рьё (*Pers. MSS*, vol. III, p. 1062 sq.) анонимном сочинении, которое было написано для внука Тимура, мирзы Искендера; кроме рукописи Британского музея оно сохранилось еще в рукописи Азиатского музея в Ленинграде [1]. Согласно этому источнику (рук. Аз. муз., л. 242б), Тули-ходжа был наместником (*хāким*) Мангышлака и был казнен по приказу хана Уруса; его сын Токтамыш один или два раза пытался бежать, но был возвращен; так как он был еще несовершеннолетним, то его пощадили. В год дракона, 1376, он явился к Тимуру и был принят им в Самарканде; по Абд ар-Раззаку Самарканди (рук. ЛГУ, л. 70б), он незадолго до этого был побежден ханом Бек-Пуладом. Тимур передал Токтамышу города Отрар, Сабран и Сыгнак; там на него напал Кутлуг-Буга, один из сыновей Урус-хана; Кутлуг-Буга был убит в бою; несмотря на это, Токтамыш был разбит и вынужден был вернуться к Тимуру. Он получил от Тимура подкрепление и вернулся в Сабран, но вскоре был разбит другим сыном Урус-хана, Тохта-Кия, и опять вынужден был бежать к Тимуру. Тогда сам Тимур, согласно *Зафар-нāме* (I, 278), в конце того же года дракона, т. е. в начале 1377 г., предпринял вместе с Токтамышем поход против хана; противник был раз-

---

[1] ⟨Автор был определен В. В. Бартольдом — Му'ин ад-дин Натанзи; еще одна рукопись (другой редакции) имеется в Париже.⟩

бит, Урус-хан вскоре после этого умер; ему наследовали его сыновья, сначала Тохта-Кия, затем Тимур-Мелик. Тимур вернулся в свою столицу в начале года змеи (1377); Токтамыш после этого был разбит Тимур-Меликом, но по желанию Тимура он был провозглашен ханом в Сыгнаке (там же, 284). Зимой (вероятно, 1377/78 г.) Тимуру сообщили, что Тимур-Мелик предается пьянству и потому утратил какой бы то ни было авторитет; это известие было сообщено Токтамышу, который в ту же зиму совершил стремительный поход и сверг Тимур-Мелика, а следующей весной (1378 г.) из Сыгнака предпринял завоевание западной части Золотой Орды, которое успешно завершил (там же, 290). Дата этого успеха может быть установлена точнее по русским летописям. 8 сентября 1380 г. фактический правитель Золотой Орды Мамай (в *З̣афар-нāме* — Мамāк̣) был разбит русскими на Куликовом поле на Дону, после чего он был разбит Токтамышем вблизи Азовского моря; о победе нового хана русские узнали еще в том же году. Когда в 1381 г. русские отказались подчиниться Токтамышу, то он в следующем году (1382) предпринял кровавый набег на Россию, 26 августа полностью разрушил и разграбил Москву и таким образом утвердил татарское владычество над Россией еще на целое столетие.

По словам анонима Искендера (рук. Аз. муз., л. 243а), Токтамыш был энергичным и справедливым правителем (он будто бы обладал и красивой внешностью); однако из-за проявленной им в отношении Тимура неблагодарности эти хорошие качества не принесли плодов. Как враг Тимура он выступил уже в ближайшие годы после укрепления его власти; в Хорезме, которым Тимур овладел в 781/1379 г., уже в 785/1383 г. чеканилась монета с именем Токтамыша. В то время Тимур, насколько известно, ничего не предпринял ни против Хорезма, ни против Токтамыша; в *З̣афар-нāме* (I, 410 и сл.) как первое враждебное действие Токтамыша против Тимура расценивается его поход в Азербайджан через Дербент в 789 г. х. (год зайца, 1387). Еще зимой 1385/86 г. Токтамыш послал войско на Тебриз (Шереф ад-дин Йезди, I, 392), но Тимур туда в то время еще не дошел, так что его права не были непосредственно затронуты предприятием хана; Тебриз подвергся ужасающему опустошению; убийства и грабежи продолжались восемь дней (так по словам современника событий Зейн ад-дина Казвини, сына историка Хамдаллаха Казвини). И на этот раз Тимур высказал большую сдержанность в отношении своего противника; из своей зимней ставки в Карабаге он направил против неприятеля отряд под начальством своего сына Мираншаха; после победы, одержанной этим отрядом, пленные были отпущены на свободу; Токтамыш получил от Тимура только выговоры и упреки.

В конце этого же года (1387), когда Тимур был еще в Персии, Токтамыш напал со своими войсками на коренные земли империи Тимура. На этот раз войска Золотой Орды повсюду одерживали победы и дошли до Аму-Дарьи; Бухара была осаждена, а ее окрестности опустошены (Шереф ад-дин Йезди, I, 443). Тимур принужден был спешно вернуться и поки-

нул Персию в конце мухаррема 790 / начале ферваля 1388 г. Только в 1391 г. Тимур предпринял ответный поход против Золотой Орды; в начале этого похода к нему прибыло посольство от Токтамыша, что, конечно, не могло повлиять на ход событий. В понедельник 15 раджаба 793 / 19 июня 1391 г. Токтамыш был разбит при Кундузче; Тимур дошел до Волги, но после этого вернулся в свои владения, не покорив Золотой Орды. Токтамыш на непродолжительное время лишился престола, но скоро снова вернулся. Сохранилось его послание польскому королю Ягелло из Таны (Азова) от 8 раджаба 795 / 20 мая 1393 г., в котором происшедшие события изложены с точки зрения хана. Тимура будто бы призвали враги хана; хан об этом узнал слишком поздно; в начале войны те же заговорщики покинули хана; вследствие этого государство пришло в расстройство. Теперь все опять приведено в порядок; Ягелло должен выплатить установленную дань; его купцы могут снова свободно передвигаться во владениях хана (Радлов, *Ярлыки Токтамыша*, стр. 3 и сл.)

Между Тимуром и Токтамышем теперь была открытая вражда. Еще в 1385 г. в Египет приходили посольства с дарами от Токтамыша (СМИЗО, I, 427 и сл.), однако по этому случаю ничего не говорится о совместных военных действиях; напротив, посольства 1394 и 1395 гг. имели определенную цель: договориться о союзе между Египтом и Золотой Ордой против Тимура (там же, 428, 445 и 450). Это было время так называемого «пятилетнего» (1392—1396) похода Тимура на запад. Еще в 1393 г. Тимур отправил из Багдада посольство в Египет (Шереф ад-дин Йезди, I, 642 и сл.); по приказу султана Баркука посол был убит в пограничном городе Рахба на Евфрате (там же, II, 275). В 1394 г. Тимур собирался идти в Сирию, но отказался от этого намерения и вместо этого направился в северную Месопотамию (аноним Искендера, рук. Аз. муз., л. 291б); согласно одному египетскому источнику (Ибн Хаджар ал-Аскалани, см. СМИЗО, I, 450), причиной этого было известие о нападении Токтамыша на владения Тимура. Азербайджан и области к северу от него, до Дербента, начиная с 1392 г. были во владении сына Тимура Мираншаха; до того Токтамыш претендовал в особенности на Дербент и Ширван и там с 790/1388 до 792/1390 г. чеканили монеты с его именем; однако в следующие годы ничего не сообщается об опасности с этой стороны. Тимура надолго задержала война в Армении и Грузии. Лишь в конце 1394 г. Тимур получил в Шеки вести из Ширвана о нападении войска из Золотой Орды; это нападение было без труда отражено, после чего Тимур отправился на зимовку в Махмудабад (Шереф ад-дин Йезди, I, 732 и сл.). Оттуда весной 1395 г. был предпринят главный поход Тимура против Токтамыша. Перед началом похода к Токтамышу был отправлен послом Шемс ад-дин Алмалыги; ответа Тимур ждал на Самуре (к югу от Дербента); так как ответ не удовлетворил его, поход был продолжен. Решающее сражение произошло на Тереке в среду 23 джумада II 797 / 14 апреля 1395 г. (Шереф ад-дин Йезди, I, 745 и сл.). Токтамышу еще раз пришлось на некоторое время сойти со сцены; Тимур дошел не до

Москвы, как сказано в *Зафар-нāме* (I, 761), а только до Ельца, откуда, по сообщениям русских источников, он 26 августа 1395 г. повернул обратно. Вскоре после этого подвергся кровавому набегу Азак (Азов), а зимой еще Хаджи-Тархан (Астрахань) и Сарай; весной 798/1396 г. Тимур возвратился через Дербент в Азербайджан, и на этот раз не утвердив своей власти или власти своих ставленников в государстве Золотой Орды. Токтамыш еще раз смог вернуться на свой престол; по сообщению Ибн Хаджара ал-Аскалани, в 799 г. х. (октябрь 1396 г. — сентябрь 1397 г.) он воевал с «генуэзскими франками» (СМИЗО, I, 451).

3 зу-л-хиджжа 800 / 17 августа 1398 г. Тимур принял посольство противника и преемника Токтамыша — Тимур-Кутлуга, сына Тимур-Мелика (Шереф ад-дин Йезди, II, 33; дата — в первоисточнике: Гияс ад-дин Али, изд. Зимина, 54). Токтамыш бежал к литовскому князю Витовту, который стал на его сторону, но был разбит татарами на Ворскле 12 августа 1399 г. После этого Токтамыш вел жизнь искателя приключений. Незадолго до своей смерти Тимур принял в Отраре, куда он прибыл в среду 12 раджаба ⟨807⟩ / 14 января 1405 г., посольство от Токтамыша с заверениями о его раскаянии и просьбой о прощении. Тимур обещал после возвращения из похода в Китай снова пойти на Золотую Орду и вернуть трон Токтамышу (Шереф ад-дин Йезди, II, 646 и сл.). По русским источникам, Токтамыш был убит в 1406 г. около Тюмени, в Сибири, во время сражения с войсками хана Шади (802—810/1399-1400—1407-8); согласно анониму Искендера (рук. Аз. муз., л. 243б), он умер своей смертью.

Литература указана в тексте статьи. Ранние работы (в частности, Hammer-Purgstall, *Geschichte der Goldenen Horde*, и Howorth, *History of the Mongols*, pt II) не соответствуют современному состоянию изученности источников. ⟨См. теперь: Греков—Якубовский, *Золотая Орда*; Насонов, *Монголы и Русь*.⟩

ТУГУЗГУЗЫ

Тугузгузы — тюркская народность; имя писалось и произносилось по-разному. Арабские известия о местах расселения тугузгузов совпадают с китайскими и более поздними мусульманскими известиями о местах обитания уйгуров; по китайским источникам, уйгуры делились на девять племен; по Рашид ад-дину (изд. Березина, I, текст, 161), уйгуры делились на две основные части: он-уйгур ('десять уйгуров') и токуз-уйгур ('девять уйгуров'). На этих фактах основывается точка зрения Григорьева (Риттер — Григорьев, *Восточный Туркестан*, вып. II, стр. 203), ранее бывшая общепризнанной, что вместо *тугузгуз* следует читать *тугузгур* и что последнее слово является сокращением из *тогуз-уйгур*. В Западной Европе эта точка зрения стала известной благодаря статье М. Т. Хаутсма *Turks* в «Encyclopaedia Britannica»; к Хаутсма присоединяется и М. Я. де Гуе (*De Muur*). В пяти первых томах BGA де Гуе принял чтение *тугузгуз*; в VI т. (1889 г.) везде стоит *тугузгур*, во французском переводе — *тогозгор*. В VII т. де Гуе возвращается к написанию *тугузгуз*; в предисловии к этому же тому приведено несколько слов из письма Т. Нёльдеке, со ссылкой на *Pahlavi Texts*, II, 329 (SBE, XVIII). Нёльдеке отмечает, что в написанном в 881 г. н. э. сочинении персидского верховного жреца Менучихра (ср. теперь GIPh, II, 104, где Mānūshtshīhar) «абсолютно ясным пазендским письмом» написано *тугузгуз*: «следовательно, отсюда выходит гуз, а не уйгур». Спустя несколько лет этноним токуз-огуз смог быть установлен в недавно открытых тюркских орхонских надписях. Написание *тугузгуз* считается теперь полностью подтвержденным; столь же бесспорно, что в нем содержится имя народа гуз (огуз); однако и позднее многие ученые высказывали мнение, что слово *тугузгуз* у арабов означало только уйгуров. И. Маркварт (*Streifzüge*, S. 390) указывает на тот факт, что первая редакция труда Ибн Хордадбеха, написанная, как предполагают, в 232/846-47 г., знает тугузгузов уже в той местности, куда уйгуры пришли только около 866 г.; так как идентичность тугузгузов и уйгуров кажется Маркварту несомненной, то он видит здесь достаточное доказательство того, что речь может идти только об одной редакции упомянутого труда, написанной не ранее 272 / ⟨866⟩ г. Помимо известий, приведенных в статье *Гузз* ⟨см. выше, стр. 524⟩, в которых тугузгузы появляются значительно западнее, чем обычно (см. также Макризи, *Х̱ит̣ат̣*, изд. Вьета, I, 313,

о Тулуне, отце Ахмеда б. Тулуна, происходившем из народа тугузгузов), тугузгузы и на востоке упоминаются уже в первой половине IX в. Мухаммед б. Муса ал-Хорезми отождествляет две Скифии Птолемея со страной тюрков и страной тугузгузов (Мухаммед Хорезми, 105, № 1600 и 1601). Даже текст Джахиза (ум. в 869 г.), который приводит Маркварт (*Streifzüge*, S. 91), показывает, что тугузгузы считались в течение долгих лет соседями карлуков. Как уже доказал Рено (*Relation*, p. CXXXVII sq.), то, что рассказывается в арабских источниках (среди них у Мас'уди, *Мурӯдж*, I, 288 и 365) о действиях тугузгузов в Китае, относится не к уйгурам, а к тюркским, т. е. к огузским, шато (об этом племени см. теперь еще Chavannes, *Documents*, pp. 96 sq., 272). Несмотря на китайские известия о девяти племенах уйгуров, выражение токуз-уйгур до сих пор не было обнаружено в источниках, относящихся к домонгольской эпохе; уйгурский хан VIII в., надпись которого опубликовал Рамстедт (*Zwei uigurische Runeninschriften*, S. 13), называет свой народ он-уйгур токуз-огуз.

Очевидно, арабы перенесли на уйгуров имя тугузгуз, которое, собственно, обозначало предшественников уйгуров — тюрков-шато. То, что шато были вытеснены тибетцами, а эти последние — уйгурами, арабы, очевидно, не знали. Из каких источников заимствованы арабские известия о тугузгузах и к какому времени они относятся, еще не установлено; ничего также неизвестно, к какому времени относится упоминаемое Якутом (*Му'джам*, I, 840 вверху) путешествие Темима б. Бахра ал-Муттавви'и к «хакану тугузгузов» [1]. Лучшие источники — сообщения анонимной *Ҳудӯд ал-'ālам* и Гардизи — частично использованы Марквартом (*Streifzüge*, в указателе «Тогузгуз см. уйгур»). Совершенно отличен от этого рассказ у Идриси (пер. Жобера, I, 401). Важен тот факт, что единственный арабский автор, который рассказывает о Средней Азии не по книгам, а по личным наблюдениям [2], ничего не знает о тугузгузах; зато у него появляется имя народа уйгур (без прибавления какого-либо числительного), совершенно неизвестное его арабским предшественникам. Более поздние авторы по письменным источникам снова называют тугузгузов вместо уйгуров; ср. рассказ Фахр ад-дина Мубарекшаха Мерверруди (начало VII/XIII в.) о письменности согдийцев и тугузгузов (Ross, *The genealogies*, p. 405 sq.; p. 407 — неправильная огласовка: «тагузгуз»). Только благодаря более точным сведениям о Средней Азии и в особенности об уйгурах, ставшим известными в монгольскую эпоху, имя народа тугузгуз исчезает в мусульманской географической литературе; в *Нузхат ал-ḳулӯб* Хамдаллаха Казвини (окончено в 740/1339-40 г.) оно не встречается.

Литература указана в тексте статьи.

---

[1] ⟨См. выше, стр. 55.⟩

[2] ⟨Т. е. Махмуд Кашгарский.⟩

ТУМАН

Туман, первоначальное (тюркское) произношение — *тюмен*, пишется обычно *тӯман* [1]; употреблялось сперва в неопределенном значении 'очень много', позднее как числительное 'десять тысяч'. Как тюркское числительное его сперва Г. Рамстедт (*Über die Zahlwörter*, S. 22) объяснял из китайского, позднее Н. Миронов (ЗВОРАО, т. XIX, стр. XIII) — из тохарского (*tmām*, или *tmān*, 'десять тысяч'). Даже Махмуд Кашгарский (I, 337) знал это тюркское слово только в его неопределенном значении; по его словам, выражение *тӯмен тӯрлӯк* означает 'самый разнообразный', а *тӯмен минг* — не 10 000×1000=10 миллионов, а только 1000×1000= =1 миллион. В значении 'десять тысяч' это слово, по-видимому, засвидетельствовано только в монгольское время. Как военный отряд тюмень состоял из десяти тысяч воинов (Абд ар-Раззак, пер. Катрмера, 270); иногда слово *тюмень* употреблялось и в значении *иль* (племя); как территориальная единица тюмень будто бы должен был выставлять 10 000 воинов (так, напр., у Ибн Арабшаха, *'Аджā'иб ал-маḳдӯр*, каирск. изд., 17), что маловероятно, так как тюмень был самым мелким административным и налоговым округом. Каждая крупная провинция (*вилайет*) разделялась на некоторое число тюменей, например вилайет Самарканда — на семь тюменей; невозможно предположить, что только один этот вилайет мог выставить 70 000 воинов. В этом значении (для обозначения низшей административной единицы) слово *тюмень* употреблялось в эпоху монгольского владычества как в Персии (так, например, персидский Ирак делился на 9 тюменей: Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-ḳулӯб*, изд. Ле Стрэнджа, I, 47), так и в нынешнем Русском Туркестане, за исключением Ферганы. В Туркестане это словоупотребление (иногда слово *тюмень* употреблялось и вместо *вилайет*) сохранилось даже в первые два десятилетия при русской власти, а в государстве бухарских ханов и позднее, даже после революции 1920 г., в Бухарской республике. Иногда тюменем называли все податное сельское население (Мухаммед-Хайдер, 301). От собственно сельского населения иногда отличают жителей гор, живших в особых условиях; так, *Ваḳф-нāме* медресе, построенного Шейбани-ханом в Самарканде, различает студентов (*ṭуллāб*) из тюменя и студентов из горных районов (*кӯхистāн*).

[1] ⟨В русской литературе часто «тюмень».⟩

Как денежная единица тюмень, или туман, в монгольскую эпоху составлял 10 000 динаров. Во всех трех мусульманских государствах, образовавшихся из монгольской империи, — в Персии, в Золотой Орде и в чагатайском государстве — чеканились мелкие (дирхемы, в Персии при Газан-хане — 2,15 *г*, позднее меньше) и крупные (динары из 6 дирхемов) серебряные монеты; большие суммы исчислялись в туманах по 10 000 динаров или 60 000 дирхемов; ср. расчет Хамдаллаха Казвини (*Нузхат ал-ḳулӯб*, изд. Ле Стрэнджа, I, 29): 128 миллионов дирхемов = немногим более 2133 туманов (подробнее см. Бартольд, *Персидская надпись*, стр. 15 и сл.; 〈наст. изд., т. IV, стр. 323 и сл.〉). На туманы по 10 000 динаров считали еще и при Тимуре и Тимуридах; в Туркестане эти динары по имени Кебек-хана назывались *кебекӣ* (Абд ар-Раззак, пер. Катрмера, 74, ср. также Barthold, *Čag̲h̲atāi-K̲h̲ān*; 〈наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 543〉). Позже в Туркестане иногда были в обращении только медные деньги, которые также считались в динарах и туманах; так, у Бабура (*Бāбур-нāме*, изд. Беверидж, л. 56б) расходы на содержание войска провинции Хисар считаются в 1000 туманов медной монетой (*фулӯс*). По упомянутому выше *Ваḳф-нāме*, 6 медных монет составляли 1 динар; 20 таких динаров давали за один мискаль (около 4,3 *г*) серебра.

В Персии слово *туман* обозначало в XVII в. значительно меньшую сумму денег, чем ранее; Рафаэль дю Ман (изд. Шефера, 183) около 1660 г. оценивает туман в 40 тогдашних французских франков. После прихода к власти Фатх-Али-шаха Каджара в 1212/1797 г. стали чеканить золотую монету в 1 туман, равную примерно 10 франкам, его фактическая стоимость была значительно ниже, менее 2 рублей. И этот туман приравнивался 10 000 динаров, но в этом случае динар, естественно, является уже не монетой, а очень малой единицей веса.

Литература. Кроме литературы, указанной в тексте статьи, ср. еще словари, в этом случае весьма неудовлетворительные (Freytag, *Lexicon*; Vullers, *Lexicon*; Радлов, *Словарь*), s. v.

ТУРКМЕНЫ

Туркмены — тюркская народность в Средней Азии. Это имя употреблялось с V/XI в., первоначально в форме персидского множественного числа — *туркмāнāн*, персидскими историками Гардизи (см. Barthold, *Gardīzī*, ср. теперь также издание Мухаммеда Назима) и Абу-л-Фазлом Бейхаки в том же значении, что и тюрк. *огуз*, араб. *гузз*. Как известно, огузы сначала жили в Монголии, где их упоминают еще орхонские надписи VIII в. Насколько известно, эти огузы назывались только тюрками, а не туркменами; туркмены упоминаются только на западе, впервые (в транскрипции *те-го-мен*) в китайской энциклопедии VIII в. *Тун-дянь*, гл. 193 (Hirth, *Ueber Wolga-Hunnen*. S. 263 sq.). По *Тун-дянь*, слово *те-го-мен* было другим названием страны Сук-так, т. е. страны аланов, места расселения которых в начале нашей эры доходили на востоке до нижнего течения Сыр-Дарьи, где в IV/X в. была основная область расселения огузов.

В арабской географической литературе туркмен (*ат-туркмāн* или *ат-туркмāнӣйӯн*) упоминает только Макдиси (274 и сл.) при описании некоторых городов к северо-западу и северо-востоку от Асбиджаба, или Сайрама, местоположение которых нельзя точно установить. О происхождении слова *туркмен* уже в V/XI в. ничего не было известно; народная (персидская) этимология *турк мāнанд* 'подобный тюрку' приводится уже у Махмуда Кашгарского (III, 307). Со времени Махмуда Кашгарского (I, 3) «тюрки и туркмены» часто противопоставляются. Вследствие переселений на запад язык и особенно внешний облик туркмен испытали такое воздействие, что между ними и остальными тюрками признавали только «сходство». Туркмены, живущие ныне в Средней Азии, выделяются в особенности удлиненной формой головы (долихоцефалией); такая форма черепа отчасти вызвана искусственной деформацией (в колыбели), но ее объясняют также смешением с иранскими кочевыми народами Средней Азии. Махмуд Кашгарский (I, 80 и 393) кроме огузов называет туркменами также карлуков.

О широком распространении туркмен в Передней Азии вследствие политических событий V/XI в. см.: Barthold, *G̲huzz* ⟨выше, стр. 525⟩ и *Seld̲juḳen*. Благодаря политическому значению Сельджукской династии мы располагаем о народе, из которого она вышла, — туркменах —

более подробными сведениями, чем о всех других тюркских народах в средние века. Так, Рашид ад-дин (изд. Березина, I, текст, 32 и сл.) сообщает названия отдельных «гузских племен»; в более древней языковой форме (например, *салгур* вместо *салур*, *язгыр* вместо *языр*) эти названия имеются у Махмуда Кашгарского (I, 56 и сл.). Из 24 названий, приведенных Рашид ад-дином, 21 совпадает с перечисленными у Махмуда Кашгарского; три названия (яйырлы, карык и каркын) встречаются только у Рашид ад-дина, одно (джаруклуг, или чаруклуг) — только у Махмуда. Общее число племен, по Рашид ад-дину, было 24 (это же число встречается во многих тюркских и туркменских сказаниях), а по Махмуду Кашгарскому — 22; однако и Махмуду (III, 307) было известно, что первоначальное число племен было 24; два племени, по его словам, отделились от остальных позднее, но еще в мусульманское время и образовали народ халадж.

Название *огуз* только в монгольское время было окончательно вытеснено названием *туркмен*; в VI/XII в. слово *гуз* фигурирует даже в официальных документах (текст у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 28 и сл.). О местах расселения отдельных племен ни Рашид ад-дин, ни Махмуд Кашгарский ничего не сообщают. В исторических известиях (см., напр.: Туманский, ЗВОРАО, т. IX, стр. 303; Несеви, *Сӣрат Джелāль ад-дӣн*, I, 39; Джувейни, изд. Казвини, I, 120 и 122, где вместо *Йāķ* следует читать *Тāķ*) первыми (конец VI/XII и начало VII/XIII в.), кого связывали с определенной областью, были язгыры, или языры, — восточнее Балхан, где ранее была крепость Тāķ, позднее город Дурун, ныне развалины недалеко от железнодорожной станции Бахарден. Согласно Хамдаллаху Казвини (*Нузхат ал-ķулӯб*, изд. Ле Стрэнджа, I, 159 вверху; в этом месте, а также в переводе, II, 155 внизу — ошибочно: Бāзар) в этой области было много хлеба; следовательно, языры, по-видимому, перешли к земледелию. Позднее языры стали называться караташлы, или карадашлы; только в конце XVIII — начале XIX в. они были вытеснены из Ахала племенем теке.

У туркмен, переселившихся в Переднюю Азию, название *туркмен* постепенно вышло из употребления и сохранилось лишь в немногих местностях. Еще Ибн Баттута (II, 321) даже османов называл туркменами. В IX/XV в. Халиль аз-Захири (см. Brockelmann, GAL, Bd II, S. 135) приводит список туркменских племен, живших в государстве мамлюков от Газы до Диярбекра (Халиль аз-Захири, 105). Из названных там племен только племя дулгадир приобрело некоторое политическое значение. Единственными действительно значительными туркменскими государствами в Передней Азии были государства династий Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу. Знаменитые и сейчас туркменские ковры впервые упоминаются на западе (у Абу-л-Фида, *Таķвӣм*, изд. Рено — де Слэна, 379, по Ибн Са'иду). Эти ковры изготовлялись только женщинами, преимущественно девушками.

Туркмены принадлежат к немногим тюркским народам Средней Азии, которые сохранили свое прежнее название и после монгольского завоевания. Однако лишь немногие старые племена продолжали существовать; названия наиболее влиятельных и многочисленных ныне племен (теке, гоклен, йомут, эрсари, сарык и др.) не упоминаются до монгольской эпохи. Как и у других кочевых или полукочевых народов, новые образования возникали также под влиянием отдельных личностей; так, одно из подразделений сарыков еще и сейчас называется байрач, по имени военачальника, убитого в 1651 г. (год зайца) (Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 324 и сл.). Большинство сведений о туркменах в XVI и XVII вв. сообщает Абулгази (см. Huart, *Abū 'l-Ghāzī*) помимо своего большого труда также в специальной истории туркмен (*Шаджара-йи тара̄кима*, не упомянутой в EI), которая до сих пор доступна только в русском переводе (Абулгази, *Родословная туркмен*, пер. Туманского) [1].

Так как туркмены не смогли создать собственного государства, места их расселения принадлежали различным странам (Персии, Хорезму, Бухаре, с XVIII в. также Афганистану). Фактически туркменам большей частью удавалось сохранять независимость по отношению к этим государствам; высылавшимся против них войскам они часто наносили кровавые поражения. Отдельные племена часто воевали между собой; в XIX в. в особенности выдвинулось вследствие побед над другими туркменскими племенами племя теке. Туркменский народ осознавал свое единство только в поэзии; Махтум-Кули из племени гоклен, живший во второй половине XVIII—первой половине XIX в. (его отец Даулет-Мамед писал в 1167/1753-54 г.; см. Самойлович, *Материалы*, II—III, стр. 146), является для всех туркмен общенациональным поэтом. В конце XVII в. часть туркмен покинула Мангышлак и перешла к северу от Каспийского моря на русскую территорию; они живут теперь в бассейнах рек Кумы и Маныча; в 1912 г. их было 15 534 человека, меньше чем в 1906 г. (15 990). Даже для этих туркмен, совершенно отделившихся от своих соплеменников, Махтум-Кули был их национальным поэтом.

Русские завоевания в Средней Азии, особенно занятие Красноводска (1869 г.) и хивинский поход (1873 г.), сделали неизбежным покорение туркмен русскими; оно закончилось штурмом Геок-Тепе в 1881 г. и «добровольным» подчинением Мерва в 1884 г. и областей к югу от него в 1885 г.; соглашения о границах, заключенные в последующие годы, закрепили существующий и ныне раздел туркменских земель между Россией, Персией и Афганистаном. Русская Туркмения сначала управлялась как отдельная (Закаспийская) область, а в 1898 г. была присоединена к Туркестанскому генерал-губернаторству. После революции и решения национального вопроса Туркмения в 1924 г. была организована как социа-

[1] ⟨Критический текст с новым переводом в 1958 г. издан А. Н. Кононовым.⟩

листическая советская республика. По переписи населения 1926—1927 гг. население этой республики составляло 1 030 641 человек, из них 719 792 туркмена; в городах и поселках городского типа жило 136 982 человека, из них только 9790 туркмен. О численности туркмен в Афганистане и Персии, естественно, нет точных статистических данных; по расчетам Аристова (1896 г.), их только 80 тысяч, из них 50 тысяч в Афганистане и 30 тысяч в Персии [2].

Литература (помимо указанной в тексте статьи). Vámbéry, *Das Türkenvolk*, S. 382 sq.; Аристов, *Этнический состав*; Семенов, *Очерки*; Karutz, *Unter Kirgizen*; Ошанин, *Долихоцефалия у туркмен*; его же, *Дополнительные данные*; «Туркмения», т. I, Л., 1929 (где, в частности: Бартольд, *Очерк истории туркменского народа*; ⟨см. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 547—623, там же в примечаниях — новая литература⟩; Самойлович, *Очерк туркменской литературы*;) Айтаков, *Три года Туркмении*.

[2] ⟨В 1959 г. в СССР было 1 001 000 туркмен, в других странах Азии — около 670 000 (см. *Численность и расселение народов мира*, стр. 86, 171).⟩

ТЮРКИ
(историко-этнографический обзор) [1]

Слово *тюрк* (кит. тукюе [2], греч. τοῦρκοι) появилось как название одного кочевого народа впервые в VI в. н. э. В этом же веке тюрки основали могущественную кочевую империю, простиравшуюся от Монголии и северных границ Китая до Черного моря. Основатель империи, которого китайцы называли Тумынь (в тюркских надписях Бумын), умер в 552 г.; его брат Истеми (кит. Шедеми, греч. Διζάβουλος, Διλζίβουλος и Σιλζίβουλος, у Табари, I, 895 и 896: Синджибӯ х̣а̄к̣а̄н), который произвел завоевания на западе, дожил, по-видимому, до 576 г. С самого начала оба брата были, по-видимому, совершенно независимы друг от друга; китайцы называли соответствующие кочевые империи государством северных тюрков и государством западных тюрков; в 581 г. под влиянием пришедшей в то время к власти китайской династии Суй произошел окончательный разрыв между обеими империями. В следующем столетии обе империи вынуждены были признать номинальный сюзеренитет китайской династии Тан (618—907): северные тюрки — около 630 г., западные тюрки — около 659 г. Около 682 г., после пятидесятилетнего иноземного владычества, северным тюркам удалось восстановить свою независимость и могущество. Этому новому государству, просуществовавшему до 744 г., принадлежат так называемые орхонские надписи (по названию реки Орхон в Монголии) — древнейший памятник тюркского языка. Время от времени, в особенности около 699 и 711 гг., этим правителям удавалось подчинить своей власти и западных тюрков, но такое владычество не могло быть удержано длительное время. Среди племен западных тюрков особенно выделилось племя тюргешей, предводители которого в последние годы VII в. присвоили себе ханскую власть. Государство тюргешей было уничтожено арабами при Насре б. Сейяре в 121/739 г. (Табари, II, 1593 и сл., 1613, 1689 и сл.).

Относительно связей этих древнейших тюрков с их предшественниками — кочевыми народами на западе и на востоке—высказывались

[1] ⟨Новые данные по отдельным вопросам, рассматриваемым в этой статье, см. в примечаниях к работе *Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии* (выше, стр. 19 и сл.).⟩

[2] ⟨Совр. чтение — туцзюе.⟩

различные мнения. Были попытки установить существование тюркских языков, разумеется под иными наименованиями, уже в предшествовавшие столетия и объяснить из тюркского языка некоторые слова, дошедшие до нас со времен до нашей эры. На Западе неоднократно предполагали, что тюрки были родственны скифам, кочевому народу античности по преимуществу, или по крайней мере одной части этого народа. У Курция (VII, 7, 1) в истории Александра Великого упоминается Картазис, брат царя скифов, живших за Яксартом (см. Barthold, *Sîr-Daryā*; ⟨наст. изд., т. III, стр. 491⟩); Т. Нёльдеке обратил внимание А. Гутшмида на то, что здесь, быть может, можно предположить тюркское *кардашы* 'его брат', так что здесь мы имели бы, «возможно, первый след существования тюркского народа в истории» (Gutschmid, *Geschichte Irans*, S. 2, Anm. 1). Сам Нёльдеке, как он замечает в своем предисловии к книге Гутшмида, уже тогда «отнюдь не хотел больше защищать» это «случайно высказанное предположение». К еще более древней эпохе относятся сведения Геродота, IV, 23 о народе агриппеев, или аргимпеев, и о древесном соке, называемом ἄσχυ, который пьют, смешивая его с молоком. В слове ἄσχυ (по Мюлленгофу, *Deutsche Altertumskunde*, Bd III, S. 15, тюрк. *a̲d̲j̲i* или *ači* 'кислый'; Томашек, *Die Nachrichten Herodot's*, S. 60, ставит вместо этого гипотетическое *asg̲h̲u* в значении 'пища'; ср. еще Браун, *Разыскания*, стр. 88) также хотели видеть древнейшее из дошедших до нас тюркских слов. Китайцы считали тюрков потомками сюнну (хуннов). В *Цяньхань-шу* в рассказе о союзе, заключенном в 47 г. до н. э. между китайским императором и властелином хуннов, упомянуто хуннское слово (в китайской транскрипции *цзин-лу*, древнее произношение — *цзин-лук*) со значением 'парадный меч гуннов'. Фр. Хирт (*Die Ahnentafel Attila's*, S. 222) сближает это слово с телеутским *ҝынгыраҝ* 'обоюдоострый нож' (Радлов, *Словарь*, II, 709) и с восточнотуркестанским *ҝынграҝ* 'широкий нож' (Shaw, *Sketch*, p. 163). В еще более древних китайских источниках это же самое хуннское слово упоминается в рассказе об одном событии 1022 г. до н. э., вследствие чего Хирт (*The ancient history*, p. 67) рассматривает его как «самое древнее известное тюркское слово». К. Ширатори (*Über die Sprache der Hiung-nu*) сделал попытку объяснить из тюркского языка большое число хуннских слов, приведенных в китайских источниках; однако позднее (*L'origine*) этот же самый автор старается доказать, что язык гуннов был монгольским с примесью тунгусских элементов.

В качестве восточных соседей хуннов в китайских источниках упоминаются сяньби, которые в конце I в. н. э. вытеснили хуннов из Монголии; позднее как хунны, так и сяньби основали в Китае несколько династий; среди династий сяньби особенное значение имела династия северных Вэй (386—534). Обычно сяньби рассматривались как тунгусский народ (так, напр., Chavannes, *Documents*, p. 155, n. 5); но, как сообщил П. Пельо осенью 1925 г. в одной из своих лекций, прочитанных в Ленинграде, в китайской литературе сохранился словарь сяньби,

из которого ясно следует, что сяньби были тюркоязычным народом. Насколько мне известно, об этом словаре в печати еще ничего не опубликовано; до тех пор пока такой источник будет оставаться для нас недоступным, вопрос о происхождении соответствующих народов, естественно, не может быть решен [3]. Если в конце концов было бы доказано, что хунны были монголами, а сяньби — тюрками, то из этого следовало бы, что в то время, в противоположность более поздним временам, тюрки обитали восточнее монголов. Как в действительности звучало имя этого народа, сохранившееся только в китайской транскрипции, неизвестно. Э. Блоше (*Introduction*, p. 201) сопоставляет слова *сяньби* и *Сибирь*. В византийских и армянских источниках появляется — впервые в 463 г., в последний раз в 558 г. — народ сабиров (см. Marquart, *Streifzüge*, Index), однако о переселении сяньби на запад ничего не известно.

С другой точки зрения, на основе лингвистических исследований, рассматривал в последние годы проблему происхождения и древнейшей истории тюрков Н. Поппе. Предполагается, что существовал алтайский праязык, к которому восходят пратюркский, прамонгольский и пратунгусский языки. Пратюркский язык находился на той же стадии развития, что и язык орхонских надписей; равным образом «фонетическая система орхонско-тюркского языка полностью соответствует нашим представлениям о пратюркской фонетической системе» (Poppe, *Altaisch und Urtürkisch*, S. 98). Автор, конечно, не думает утверждать, что все современные тюркские языки возникли из языка орхонских надписей; это было бы невозможно уже потому, что сами орхонские надписи называют несколько тюркских племен; это был лишь «архаический диалект». «Эпоху пратюркского языка» следовало бы отнести «ко времени не позднее первых веков до нашей эры» (ibid.). В общем тюркские языки находятся на более высокой ступени развития, чем монгольские; даже «современный монгольский язык любой области монгольского мира» «значительно более архаичен, чем древнейшие известные нам тюркские языки». «Монгольский письменный язык, но не живые наречия», находится в фонетическом отношении «почти на той же ступени развития, что и алтайский праязык» (ibid., S. 117).

В особенности рассматривается (ibid.; кроме того: Поппе, *Чувашский язык*; Poppe, AM, vol. I, p. 775 sq.; idem, *Die tschuwassische Sprache*; idem, *Die türkischen Lehnwörter*) отношение чувашского (автор пишет «Čuwassisch») языка к другим тюркским языкам. Чувашский язык не восходит к пратюркскому языку, но пратюркский и прачувашский языки восходят вместе к некоему «чувашско-тюркскому праязыку», а последний вместе с прамонгольским — к «алтайскому праязыку». Исторически разделение чувашско-тюркского праязыка связывается, с оговорками, с переселением хуннских племен на запад; чуваши являются потомками западных

[3] ⟨Ср. выше, стр. 33, прим. 4.⟩

хуннов; следовательно, чувашско-тюркский праязык был языком хуннов. Характерный для тюркских языков в противоположность чувашскому фонетический переход *р*>*з* и *л*>*ш* произошел не между IV и VI вв., как считает Рамстедт (*Stellung des Tschuwassischen*, S. 31), а значительно раньше, возможно около начала нашей эры.

Для слова *тюрк* В. Томсен (*Alttürkische Inschriften*, S. 122) принял значение 'сила, мощь' (ср. также F. Müller, *Uigurica*, II, S. 97: *ärk türk* 'могущество и сила'); это слово было, по его мнению, «сначала, вероятно, названием какого-нибудь отдельного племени или, что еще более вероятно, названием княжеского рода». В надписях слово *тюрк* также имеет скорее политическое, чем этнографическое значение; на это указывает выражение «мои тюрки, мой народ» (у Томсена I E 18; II E 16; II S 10). Рядом с тюрками часто называются огузы или токуз-('девять', по числу их отдельных племен или родов)огузы то как враги тюрков и их государей, то как собственный народ хана, особенно I N 4; II E 30, где хан называет токуз-огузов своим «собственным народом» и рассматривает их восстание против его власти как гибель всякого порядка на небесах и на земле. Хан и его приверженцы, вероятно, сами вышли из народа огузов; враждебные хану огузы жили к северу от его ставки, которая находилась около гор Ӧтюкен (об этом слове см. ныне еще Владимирцов, *Отюкен*), составлявших, по Томсену (*Alttürkische Inschriften*, S. 123), «по всей вероятности, часть современной горной цепи Хангай, около речной системы Орхона в Северной Монголии». Также в Северной Монголии, на реке Селенге, упоминается, правда только в одном месте (II E 37), народ уйгуров. У враждебных тюркам огузов около 680 г. был свой собственный каган, вассал китайского императора; в VIII в. такой каган больше не упоминается. Предводитель уйгуров носил более скромный титул *эльтебер*; в надписях выражения *kаҕанлыҕ будун* 'народ во главе с каганом' (напр., I E 9; II E 9) и *äлтебірліг будун* 'народ в главе с эльтебером' (напр., II E 38), по-видимому, противопоставляются друг другу. Кроме тюркского кагана на востоке (в представлении китайцев — на севере), был еще один тюркский каган, каган тюргешей на западе. Из арабских (Табари, II, 1593, где упомянут город Невакет; о его местоположении: Ибн Хордадбех, текст, 29; Кудама, текст, 206) и китайских источников мы знаем, что его ставка находилась на р. Чу. Его народ назван по числу родов *он ок* 'десять стрел'. Был еще третий тюркский каган, каган киргизов на Енисее; хан орхонских надписей утверждает, что он сам дал титул кагана князю киргизов (I E 20; II E 17). Представление, согласно которому, чтобы стать ханом (каганом), надо получить этот титул от другого хана, встречается и в мусульманских источниках (Ауфи, у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 96).

«На восток от западных тюрков и внутри их владений, между Алтаем и верхним течением Иртыша» (так у Томсена—*Alttürkische Inschriften*, S. 172) жили карлуки, народ безусловно тюркского происхождения.

Около 766 г. в их владение перешла территория расселения западных тюрков; их князь, как и князь огузов на Сыр-Дарье, носил тогда тюркский (по происхождению тохарский: Marquart, *Ērānšahr*, S. 204; Bang, UJ, Bd VI, S. 102, Anm.3) титул *ябгу*, который упоминается в орхонских надписях как титул царевичей. Пожалуй, единственным в то время уже оседлым тюркским народом (во всяком случае на востоке) были басмылы в Бешбалыке; их князь носил титул *идук-кут* 'священное величество' (II E 25). Тот же титул в XIII в., когда его происхождение было уже забыто (отсюда попытки объяснения у Рашид ад-дина и Абулгази; ср. выдержки из текстов у Радлова — *Кутадгу билик*, изд. Радлова, I, стр. XXVII и XXXIX), в той же самой стране носил владетель уйгуров. В той же местности А. Грюнведель слышал, по-видимому, произношение *идикут*; отсюда название развалин Идикут-шари около Турфана (Grünwedel. *Bericht*). Томсен (*Alttürkische Inschriften*, S. 171) называет басмылов только «племенем, родственным тюркам». Что это не был чисто тюркский народ, следует, по-видимому, и из его названия; еще Аристов (*Этнический состав*, стр. 91 и сл.) обратил внимание на то, что, согласно Дюканжу (*Glossarium Graecitatis* \I, 182\`), в Византии словом *басмуль*, или *гасмуль*, обозначали потомков отца француза и матери гречанки. Даже в XI в., у Махмуда Кашгарского (I, 30), басмылы упоминаются среди народов, говорящих на особом (не тюркском) языке, хотя они знают также и тюркский.

Другие народы, упомянутые в надписях, по всей вероятности, не были тюрками, в особенности татары, несмотря на то что перед их именем ставятся тюркские числительные, вроде *отуз* ('тридцать') и *токуз* ('девять'). Как справедливо замечает Томсен (*Alttürkische Inschriften*, S. 174), это были «несомненно монголы».

От огузов («тюрков») владычество над Монголией около 745 г. перешло к уйгурам, правитель которых с этого времени принял титул кагана; его династия правила до 840 г. И от этого времени мы имеем надписи, среди них опубликованная Рамстедтом (*Zwei uigurische Runeninschriften*) надпись кагана, царствовавшего с 746 по 759 г. Разделявшееся также Томсеном (*Alttürkische Inschriften*, S. 128 sq.) мнение, что уйгуры принадлежали к объединению огузов и что между именами огуз и уйгур имеется только диалектная разница, не подтверждается этой надписью; уйгуры выступают как особое, отдельное от огузов объединение; каган называет себя господином над он(десятью)-уйгурами и токуз-огузами, хотя, по китайским известиям, уйгуры также разделялись на девять племен. По-видимому, огузы частично остались в Монголии под властью уйгуров и постепенно растворились среди последних, частично же переселились на запад и на юг. К этим последним относится происходившее от западных тюрков племя чӧль (в китайской транскрипции *чу-юе*, в китайском переводе *шато* 'песчаная пустыня'). В VII в. шато жили около озера Баркуль (собств. Барскуль), где они подвергались нападениям тибетцев,

а позднее (с 712 г.) — немного западнее, около Бешбалыка. С 808 г. они и оттуда были вытеснены тибетцами и вынуждены были перейти на китайскую территорию. В истории Китая они известны главным образом в связи с подавлением восстания Хуан Чао (877—883 гг.); в мусульманских источниках это приписывается народу тугузгуз (см. 〈выше, стр. 568〉). В X в. тюрками-шато в провинции Хэнань были основаны три недолговечные династии (поздняя Тан 923—936, поздняя Цзинь 936—947, поздняя Хань 947—951).

В китайском тексте Карабалгасунской надписи, написанной от имени уйгурского кагана, умершего в 821 г., сообщается о принятии уйгурами манихейства. Уйгуры познакомились с манихейством во время их похода 762 г. в Китай в городе Лояне (около Хэнани) и оттуда привели в свою страну (Монголию) четырех манихейских проповедников. «Страна с варварскими обычаями и запахом крови» должна была «превратиться в страну, где питаются овощами; страна, в которой убивали, — в страну, где поощряется добро» (Chavannes — Pelliot, *Un traité*, pt II, p. 194). В это же время буддизм и сирийское (главным образом несторианское) христианство развили как в Китае, так и среди тюрков бурную миссионерскую деятельность. Экспедиции в Восточном Туркестане нашли многочисленные тюркские фрагменты, которые свидетельствуют об этой деятельности; однако Карабалгасунская надпись, по-видимому, сохранила нам единственное известие о принятии тюркским владетелем одной из этих религий. Манихейство, по-видимому, как в Китае, так и среди тюрков распространяли в особенности согдийцы; рядом с китайской надписью находится короткая надпись, определенная Ф. В. К. Мюллером (*Ein iranisches Sprachdenkmal*) как согдийская, а ранее считавшаяся уйгурской. Согласно Р. Готьо (*Essai*, p. XIII), язык этой надписи представляет, «в общем, наиболее древнюю и устойчивую традицию согдийского языка». Из согдийского письма развилось уйгурское, которое позднее, вероятно еще в том же IX в., полностью вытеснило древнейший тюркский алфавит — алфавит орхонских надписей. Как известно, уйгурское письмо в XIII в. было воспринято монголами; в эпоху монгольского владычества по-уйгурски писали во всех странах от Монголии до Южной России и Персии.

Около 840 г. государство уйгуров было уничтожено киргизами. Изгнанные из Монголии уйгуры основали в середине IX в. два новых княжества: одно в Ганьсу, а другое в Бешбалыке и Кара-Ходжа. В обоих из них, так же как и в Хотане, упоминаются в X в. манихейцы (Chavannes — Pelliot, *Un traité*, pt II, p. 265 sq.); князь Бешбалыка и Кара-Ходжа заступался за своих единоверцев как перед китайским императором (Мас‘уди, *Мурӯдж*, I, 300 и сл.), так и перед саманидским государем (*Фихрист*, I, 337). В Бешбалыке и Кара-Ходжа манихеизм распространился, возможно, еще при предшественниках уйгуров — токуз-огузах. Темим б. Бекр ал-Муттавви‘и, которого цитирует Якут (*Му‘джам*, I, 840 вверху)

и рассказами которого несомненно пользовался Ибн Хордадбех (текст, 30 и сл.), по-видимому, посетил не уйгуров, а собственно тугузгузов (токуз-огузов). В то время манихейцы преобладали в особенности в столице хакана (кагана); в местности к западу от столицы также встречались манихейцы, однако зороастрийцы были там более многочисленны. Остается под вопросом, была ли тюркизация современного Китайского Туркестана, как это полагают Шаванн и Пельо (*Un traité*, pt II, p. 269), впервые осуществлена в основном («en grande partie») уйгурами; этот процесс мог далеко продвинуться еще при предшественниках уйгуров. Арабы с самого начала считали Кашгар и всю область к востоку от него страной, населенной исключительно тюрками.

Из двух уйгурских княжеств первое (в Ганьсу) было в 1028 г. завоевано тангутами, а второе существовало еще и в период монгольского владычества. В 924 г. основатель империи китаев (см. 〈выше, стр. 542〉) А-бао-цзи, который незадолго перед этим изгнал киргизов из Монголии, предложил уйгурам Ганьсу вернуться на их прежние земли по Орхону; однако уйгуры уже привыкли к условиям на своей новой родине и не захотели снова стать кочевниками (Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 214; Marquart, *Ğuwainī's Bericht*).

Фактически победа китаев над киргизами означала конец тюркского и начало монгольского владычества в Монголии. Киргизы были последним тюркским народом, жившим в Монголии, и единственным, воспоминания о котором сохранились там доныне. Все домонгольские надгробные памятники в Монголии, в том числе уйгурские, называются «киргизскими могилами» (*хыргыз ӱр*). Горы Öтюкен, называемые в орхонских надписях «страной тюрков» по преимуществу, находились, по Махмуду Кашгарскому (I, 123), в татарских степях.

Бóльшая часть сведений о тюркских народах, относящихся к позднейшему времени, содержится в мусульманских источниках. Даже для более раннего времени сведения тюркских надписей и китайских летописей часто дополняются известиями из западных источников. Из византийских источников мы знаем, что в 576 г. тюрки завоевали Боспор Таврический; в 581 г. они были у стен Херсонеса; однако их владычество на Таврическом полуострове было непродолжительным; уже к 590 г. там восстановилась власть Византии (А. Васильев, *Готы в Крыму*, стр. 185 и сл.).

Византийские известия относятся к периоду с 568 (византийское посольство во главе с Земархом к тюркам) до 598 г. (письмо тюркского кагана императору Маврикию; см. последнее исследование этих известий: Chavannes, *Documents*, p. 233 sq.). Из византийских послов только первый — Земарх — перешел Волгу и посетил ставку кагана западных тюрков, которая, как доказал Шаванн, находилась в то время около гор Ак-таг ('Белая гора'), к северу от города Куча. Неоднократно велись переговоры о совместных походах против царства Сасанидов, но ника-

кого прочного союза не установилось; уже через несколько лет тюрки оказались в состоянии войны не только с персами, но и с греками. После покорения тюрками аланов царство Сасанидов стало граничить с империей тюрков не только в Средней Азии, но также в области к западу от Каспийского моря; против этих тюрков, вероятно, были возведены стены Дербента (см. ⟨наст. изд., т. III, стр. 420⟩). Традиции тюркской кочевой империи были продолжены выступающим с VII в. в качестве сильной державы государством хазар, подобно тому как традиции империи Чингиз-хана были продолжены государством Золотой Орды. Язык завоевателей VI в. оставил в Восточной Европе так же мало следов, как монгольский язык в государстве Золотой Орды. Язык болгар и хазар, так же как и тюркские элементы в мадьярском языке, принадлежал к упомянутому выше более древнему слою, который в настоящее время представлен только чувашским языком; собственно тюркский язык впервые был принесен в Восточную Европу к концу IX в. печенегами.

В местности к востоку от Каспийского моря Сасаниды также воздвигали укрепления против своих тюркских соседей. Для защиты провинции Джурджан была построена стена из обожженного кирпича, но и эта стена не смогла остановить победоносного натиска тюрков (Балазури, 336; Кудама, текст, 261 и сл.); остатки этой стены на правом берегу реки Гюрген называются в настоящее время Кызыл-Алан (описание см., напр., Пославский, *Поездка на Атрек*, стр. 185). Потерей провинции Джурджан следует объяснить, по всей вероятности, постройку другой стены, также из обожженного кирпича, на границе между Джурджаном и Табаристаном, приписываемую Хосрою Ануширвану (Ибн Русте, изд. де Гуе, 150). Во время боев между арабами и тюрками в 98/716-17 г. во главе тюрков Джурджана, по словам Табари (II, 1320), стоял Сул — дихкан Дихистана. Несомненно, что здесь Сул — собственное имя или титул, вероятно вместо тюркского *Чур*. В истории войн с тюрками при Сасанидах в одном месте у Табари (I, 894 внизу) встречается слово *ҫӯл* как название народа, и на этом основывается мнение И. Маркварта (*Ērānšahr*, S. 51 u. 73), что существовал какой-то народ или тюркское племя *чӧль*. Однако это известие относится, вероятно, не к местности на Гюргене, так как *ҫӯл* упоминаются вместе с аланами (Табари, I, 895). Согласно более позднему источнику (*Китāб ал-аг̣āнӣ*, IX, 21), тюрки на Гюргене приняли язык и религию персов; в таком случае они, видимо, завоевали эту область еще при Сасанидах, вероятно уже в VI в., хотя в *Китāб ал-аг̣āнӣ* в качестве тюркских завоевателей страны названы те же лица (Сул и его брат Фируз), которые боролись с арабами.

Борьба в области к югу от Аму-Дарьи была в общем также успешной для тюрков; как указывает Маркварт (*Ērānšahr*, S. 53 sq.) и вслед за ним Шаванн (*Documents*, p. 252), северо-восточная граница сасанидского царства в то время проходила по Мургабу. Менее удачно тюрки и последние Сасаниды, находившиеся под их защитой, воевали в той же

области с арабами. В рассказах об этой борьбе упоминаются только «тюрки», а не какие-либо отдельные тюркские народы; исключение составляет упоминание джабгу карлуков (имя этого народа пишется по-арабски *х̮арлух̮*, а по-персидски *х̮аллух̮*) в 119/737 г. (Табари, II, 1612 внизу); чаще тот же князь называется «джабгу Тохаристана». Часть карлуков, следовательно, уже в то время проникла вплоть до местностей к югу от Аму-Дарьи, где она сохранилась до наших дней (теперь их считают одним из родов народа узбеков). К тюркам направлялись также и мирные посольства арабов; так, сообщают, что халиф Хишам (105—125/724—743) предлагал «царю тюрков» принять ислам. К сожалению, в единственном находящемся в нашем распоряжении сообщении (Якут, *Муʿджам*, I, 839; источником Якута является Ибн ал-Факих, см. Валидов, *Мешхедская рукопись*, стр. 241) не сказано, где находилась резиденция этого царя.

Более точные сведения об отдельных тюркских народах и местах их обитания мы находим впервые у арабских географов III/IX и особенно IV/X в. В этой географической литературе слово *тюрк* появляется как название группы народов и языков, а не как название какого-либо одного народа или государства, как в орхонских надписях и китайских летописях. В особенности отмечаются (Истахри, 9) пять народов, которые говорили на одном языке и могли понимать друг друга: тугузгузы (см. ⟨выше, стр. 568⟩), хирхизы (киргизы), кимаки (см. ⟨выше, стр. 549⟩), гуззы (см. ⟨выше, стр. 524⟩), т. е. огузы, и харлухи, т. е. карлуки (см. ⟨выше, стр. 547⟩). Как и в настоящее время, область верхнего течения Енисея уже тогда образовывала крайнюю северо-восточную границу областей, населенных тюрками, и была также границей известного арабам мира; по понятиям арабов, область расселения киргизов, в то время самого отдаленного тюркского народа на северо-востоке, простиралась до океана. Непосредственными соседями мусульманских областей в Средней Азии были огузы и карлуки. Страна огузов граничила с мусульманскими областями от Джурджана на западе до Фараба и Асбиджаба (совр. Сайрам, около Чимкента) на востоке; далее на восток жили карлуки. Через страны карлуков и тугузгузов шел путь в Китай: более 30 дней от восточной границы Ферганы через страну карлуков до границы страны тугузгузов, оттуда около двух месяцев через страну тугузгузов и через Китай до берега океана (Ибн Хаукаль, 11; в других рассказах сведения расходятся). Имена еще двух народов называет Ибн Хордадбех (текст, 28 и сл.); неподалеку от зимовий карлуков к востоку от Тараза (около современного Аулие-Ата[4]) находились зимовья халаджей (см. статью *Халадж* ⟨ниже, стр. 603⟩, где приведены только сведения о южной ветви этого народа; о халаджах, переселившихся в Персию, см. Minorsky, *Sāwa*); между реками Талас и Чу, ближе к последней, находился город

---

[4] ⟨Ныне Джамбул.⟩

«хакана тюргешей». Некоторые сведения мы находим также в персидских источниках — в *Ḫудӯд ал-ʿālам* и у Гардизи. Согласно этим источникам, тюргеши разделялись на туҳсӣ (так вокализовано у Махмуда Кашгарского) и аз; тухси жили на реке Чу; в их области находился город Суяб. К востоку от них, на Иссык-Куле, жили чигили (произношение устанавливается на основании народной этимологии, приводимой Махмудом Кашгарским, I, 330). К югу от реки Нарын жили ягма, ветвь тугузгузов; их царь происходил из царского рода тугузгузов; в их области находился город Кашгар. По словам Махмуда Кашгарского (I, 85), ягма и тухси жили на реке Или; там же жила часть чигилей; встречается также выражение тухси-чигиль (I, 354). Чигили разделялись на три части: кроме чигилей по Или, были чигили в селениях около Кашгара и в маленьком городке или крепости Чигиль около Тараза; эта крепость находилась недалеко от области огузов, которые ее часто осаждали; поэтому огузы называли всех тюрков от Аму-Дарьи до Китая чигилями. В таком же значении это слово иногда употребляется и самим Махмудом Кашгарским; говорится, что культурный термин *ярлыг* ʿуказʾ принадлежит языку чигилей и неизвестен огузам (III, 31). Ягма назывались также кара-ягма (черные ягма); селение с таким названием было около Тараза (Махмуд Кашгарский, III, 25 и сл.).

Имя *туркмен* впервые в географической литературе употреблено в двух местах у Макдиси (274 и сл.) в не вполне ясном значении. Города Баладж и Берукет, расположенные на берегу Сыр-Дарьи ниже Саурана, следовательно в стране огузов, названы «пограничными крепостями против туркмен», которые тогда «из страха» уже приняли ислам; в другом месте упоминается в области между Таласом и Чу, следовательно в стране карлуков, какой-то царь туркмен, от которого владетель Асбиджаба регулярно получает подарки. Махмуд Кашгарский также замечает, что не только огузов (I, 27 и 56; III, 304), но также и карлуков (I, 393) называли туркменами; известная благодаря Рашид ад-дину (изд. Березина, I, текст, 26) народная этимология имени туркмен (*тюрк маненд* ʿподобные тюркамʾ) имеется уже у Махмуда Кашгарского (III, 307). Как сообщил Ф. Хирт, слово *туркмен*, в китайской транскрипции T'ö-kü-möng, появляется значительно раньше (в VIII в.) в энциклопедии *Тун-дянь*; там оно также относится к западу, именно к стране аланов. Возможно, что огузы или туркмены (уже в XI в. эти названия употреблялись вперемежку) происходят от тюркизированных кочевников-иранцев, чем и объясняется характерная форма их головы (долихоцефалия).

Еще не установлено, переселялись ли на запад вместе с тюрками и нетюркские, например монгольские, народы. В качестве одного из семи родов кимаков (Гардизи — см. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 82), также в качестве рода тугузгузов (там же, стр. 34), называются татары.

Подробные сведения о тюркских народах, местах их расселения, их языках, в том числе о не чисто тюркских элементах в их языках, впервые сообщает Махмуд Кашгарский, однако эти сведения, по-видимому, не всегда надежны, не говоря уже о том, что название *тюрк*, как это вообще часто встречается в мусульманской литературе, иногда относится к нетюркским народам Восточной Азии. Согласно одному месту (I, 27 и сл.), существовало двадцать тюркских народов, которые перечислены в виде двух групп, северной и южной, по десять народов в каждой, в порядке с запада на восток, как говорит сам автор. Десять народов северной группы составляли: бедженек, қифджāқ, оғуз, йамāк, башғирт, басмыл, қāй, йабāқӯ, татāр, қирқиз; десять народов южной группы: джикиль, тух̱сӣ, яғма, иғрāқ, джаруқ, джумул, уйғур, танкут, х̱итāй, тафғāч. Последовательность перечисления народов северной группы, очевидно, не может быть верна. Как и у Истахри (см. выше), киркизы (т. е. киргизы на Енисее) помещаются на крайнем северо-востоке, в то время как, согласно другому месту (I, 123), татары жили в Утукане (Ӧтюкен, на Орхоне), т. е. значительно восточнее. Йамāк (йемеки, по происхождению род кимаков (см. выше, ⟨стр. 549⟩), которых Махмуд Кашгарский не упоминает) жили на Иртыше (I, 273); совершенно ясно, что башгирты (башкиры, см. ⟨выше, стр. 494⟩) никогда не могли жить так далеко на востоке (к тому, что о них было известно ранее, теперь следует добавить, что Ибн Фадлан в 309-10/922 г. встретил первых башкир уже к югу от Эмбы, значительно южнее, чем они обычно упоминались; см. Валидов, *Мешхедская рукопись*, стр. 246). Из северных народов кай, ябаку, татары и басмылы говорили на особых языках, хотя они могли также хорошо говорить по-тюркски (о кай ср. Marquart, *Komanen*, S. 53, где ошибочное сопоставление с названием огузского рода кайи, у Махмуда Кашгарского — кайыг; ср. также Köprülüzade, *Oğuz*, S. 187 sq.). Ябаку жили по берегам большой реки Ямар (III, 24), о местонахождении которой автор, по-видимому, не имел ясного представления; вероятно, это Обь (которую и сейчас татары называют Омар и Умор). Через реку Ямар в V/XI в. (автор мог еще сам разговаривать с участниками этого похода) во время войны с ябаку, которыми предводительствовал Бука-Будрадж, и их союзниками басмылами переправилось мусульманское войско во главе с Арслан-тегином (о войне см. в особенности III, 173 и сл.; об отдельных эпизодах — в других местах; о переправе — II, 5; ср. Brockelmann, *Altturkestanische Volkspoesie*, I, S. 11 sq.).

Из десяти народов южной группы джумулы принадлежали к народам, говорившим не на тюркском языке, но хорошо понимавшим по-тюркски. Даже об уйгурах сказано, что у них кроме их «чисто тюркского языка» был еще другой язык, на котором они объяснялись между собой. Танкут (тангуты), так же как и жители Хотана и Тубута (Тибета), были народом, говорившим на другом языке, но поселившимся в стране тюрков. В Хотане существовал особый язык и письменность; там плохо го-

ворили по-тюркски. В Сине и Масине у жителей был собственный язык, однако среди них горожане хорошо говорили и по-тюркски; их послания к тюркам были написаны тюркским письмом. В другом месте (I, 378) слову Син придается широкое значение; было три Сина: верхний, или Тавгāдж (Масин), средний, или Хитай (Син), и нижний, или Бархан; Бархан называлась крепость на высокой горе недалеко от Кашгара; там были богатые золотые прииски.

Из отдельных народностей джаруки (вероятно, следует произносить *чарук*) жили в городе Барджук (Барчук), современном Маралбаши (I, 318; о местоположении Барчука см. в особенности Валиханов, *Сочинения*, стр. 85 и сл.). Отсюда можно приблизительно определить место расселения не чисто тюркского народа джумулов (к востоку от Барчука и к западу от уйгуров). Во время войны на Ямаре джумулы были союзниками ябаку и, следовательно, по всей вероятности, еще не были мусульманами. В стране уйгуров было пять городов, среди них — Бешбалык и Ḳӯджӯ, т. е. Кочо, или Кара-Ходжа, около Турфана. Уйгуры были буддистами и поклонялись бурханам (идолам). На существование христианства среди тюрков указывает только перевод известного и из манихейских текстов (напр., Le Coq, *Chuastuanift*, S. 39) слова *баджāḳ* (*бачак*) как 'христианский пост' (I, 345).

В других местах Махмуд Кашгарский упоминает еще и другие тюркские племена, не включенные в список двадцати народов; это азкиш (I, 89), известные и из географической литературы (напр., Ибн Хордадбех, текст, 31); жившие в Хорезме куджаты (I, 298), упомянутые также у Бейхаки (изд. Морлея, 91), и др. Из народов Восточной Европы, кроме уже названных, упомянуты как тюрки болгары и сувары; хазары не названы; по всей вероятности, политическое существование хазар в то время уже пришло к концу. В противоположность Истахри (222 и 225), по словам которого у хазар и болгар был общий язык, отличавшийся от тюркского, Махмуд Кашгарский объединил диалекты болгар, сувар и печенегов в одну группу.

Чисто тюркскими были диалекты киргизов, кипчаков, огузов, тухси, ягма, чигилей, играков и чаруков; диалекты йемеков и башкир были близки к этому языку. Вообще язык кочевников от Итиля до Ямара был более чистым, чем язык (по происхождению, вероятно, нетюркских) оседлых народов, именно аргу, живших от Сайрама до Баласагуна (там в городах еще сохранился согдийский язык наряду с тюркским), и кенджāк (кенджеков) в селениях близ Кашгара. Автор рассматривает различные фонетические особенности отдельных диалектов, в том числе такие, которые и теперь сохраняют значение в тюркских языках, например чередование *й* и *дж*, *к* и *х* и др. В лексике огузский (туркменский) язык уже в то время имел облик, характерный для современных южнотюркских диалектов. Уже тогда лексика туркменского языка настолько отличалась от лексики других тюркских языков, что туркмен

и тюрк так же противопоставляются друг другу, как огуз и чигиль (I, 3; II, 253).

Хотя в первые века хиджры, кроме оборонительных войн против набегов тюрков, совершались также походы в тюркские земли, успехи мусульманского оружия имели малое влияние на исламизацию тюрков. К тюркам, как и к абиссинцам, относили изречение, приписываемое пророку: «Оставьте их в покое, пока они вас оставляют в покое» (см. Goldziher, *Muhammedanische Studien*, I, 270; II, 127; в первый раз переведено: «Оставь тюрков, как они тебя оставили»; в ином значении и в несколько иной форме этот хадис приведен у Ибн ал-Факиха, 316, у Кудамы, текст, 262 и Якута, *Муʿджам*, I, 838 внизу). Ислам был принят тюрками добровольно в IV/X в. В 291/904 г. было отражено последнее большое нападение тюрков-язычников на пограничную мусульманскую область, государство Саманидов (Табари, III, 2249); в 382/902 г. тюрки-мусульмане впервые вступили завоевателями в Бухару. Еще большее значение имело завоевание в V/XI в. Передней Азии сельджуками, также мусульманами. Теперь пророку стали приписывать другие изречения о тюрках; пророк будто бы сказал: «Учите язык тюрков, так как им дано долгое владычество» (Махмуд Кашгарский, I, 3). Бог будто бы сказал пророку: «У меня есть войско, которое я назвал „тюрки“ и поселил на востоке; если какой-либо народ прогневит меня, то я отдам его во власть этого войска» (там же, 294) [5]. Относительно известия о принятии ислама многочисленным (200 000 шатров) тюркским народом см. Barthold, *Kāshghar*; ⟨наст. изд., т. III, стр. 456⟩; там же предположение о связи этого события с возвышением династии илек-ханов, или «дома Афрасиаба». Ни в одном из источников не говорится, из какой народности вышла эта династия [6]; повсюду государи и их народ называются просто «тюрки». У Махмуда Кашгарского эти государи также названы просто «хаканскими царями» (*ал-мулӯк ал-х̮āк̣āнӣйа*, I, 30 внизу, или просто *х̮āк̣āнӣйа*, напр. I, 347 вверху). Мусульманский владетель Кашгара в первые десятилетия V/XI в. захватил Хотан; точная дата и подробности этого завоевания неизвестны. По Махмуду Кашгарскому (III, 279), Хотан был завоеван из-за какого-то эмира Дженкши; это показывает, что в то время существовал рассказ об этом завоевании, не дошедший до нас. Во время Махмуда Кашгарского пограничными городами ислама в нынешнем Китайском Туркестане считались: Кусан, или Куча (I, 339), и расположенная к востоку от него, «между Кучей и уйгурами», на возвышенности крепость Бюгюр (I, 301) — на севере, Черчен (у Махмуда Кашгарского, I, 364 — Джурджан) — на юге. Еще позднее были исламизированы тюрки, жившие далее к западу. По Ибн ал-Асиру (изд. Торнберга, IX, 355 и сл.), в сафаре 435/сентябре—октябре 1043 г. принял ислам какой-то тюркский народ, зимние

[5] ⟨Ср. теперь Зайончковский, *Хадисы*.⟩
⟨Из карлуков; см. выше, стр. 547.⟩

жилища которого находились около Баласагуна, а летние пастбища — по соседству со страной болгар, т. е. вероятно, на Урале. Имя этого народа не названо; несмотря на обширность занимаемой этим народом территории, он был значительно менее многочисленным, нежели тюрки, которые были обращены в ислам в Средней Азии около 960 г.; по словам Ибн ал-Асира, их было только 10 000 кибиток, а по Абу-л-Фида (*Мухтаṣар*, изд. Рейске — Адлера, III, 120) — даже всего 5000.

В этнографическом составе тюрков некоторые изменения произошли вследствие продвижения кипчаков с Иртыша на юго-запад до Сыр-Дарьи и в другом направлении, в Восточную Европу. Подобно тому как объясняется переселениями огузов образование современной группы южных тюрков, так и переселениями кипчаков, по всей вероятности, объясняется образование группы западных тюрков. На Сыр-Дарье кипчаки упоминаются в VI/XII в. вместе с канглами, причем различие между этими двумя народами остается весьма неопределенным (ср. также Marquart, *Komanen*, S. 78, 172). Во времена Махмуда Кашгарского еще не существовало народа канглы; слово *канглы* приведено у него (III, 280) только как «имя великого человека среди кипчаков». Еще во второй половине VI/XII в кипчаки даже в непосредственном соседстве с мусульманскими землями на Сыр-Дарье не приняли ислама; в одном документе, в котором сообщается о прибытии некоего кипчакского князя в Дженд, содержится пожелание, чтобы бог обратил его в ислам (*раззаḳаху Аллāх ʿизз ал-ислāм*; см. Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 79).

Большинство сведений о кипчаках в Восточной Европе, а также об их предшественниках, печенегах и огузах (греч. Οὖζοι, вероятно торки русских источников; вместе с торками русские летописи упоминают еще и берендеев — вероятно, огузский род баюндур; ср. Махмуд Кашгарский, I, 56), находится в греческих и русских источниках. Начиная с середины XII в. в русских летописях все тюркские народы Восточной Европы, за исключением кипчаков (половцев), объединяются под названием «черные клобуки» (см. по этому вопросу Расовский, *О роли Черных Клобуков*, стр. 95 и сл.). Пока невозможно установить, происходят ли каракалпаки от черных клобуков, что можно было бы предположить на основании тождества этих названий. В пользу западного происхождения каракалпаков (которые упоминаются впервые в XVII в.) могло бы свидетельствовать то, что они в отличие от всех тюркских народов Средней Азии занимаются разведением преимущественно крупного рогатого скота [7]. Несмотря на то что ислам «успешно пропагандировался» (так у Маркварта — *Streifzüge*, S. 73) уже среди печенегов, он вплоть до монгольского владычества был мало распространен среди тюрков в Восточной Европе.

---

[7] ⟨Об этногенезе каракалпаков см.: Жданко, *Очерки*; *Очерки истории ККАССР*, т. I, в особенности стр. 125 и сл.⟩

В Центральной Азии распространение ислама не было остановлено даже образованием государства кара-китаев, которые не были мусульманами, и религиозными преследованиями против ислама в начале VII/XIII в. Во время образования империи кара-китаев (вскоре после 1130 г.) владения хана Баласагуна были еще самым северным мусульманским княжеством в этой области; ко времени падения этой империи мусульманские княжества были и севернее Или, именно карлукское владение в Каялыке и княжество в Алмалыке, около современной Кульджи, основатель которого также был из этого племени. Во время путешествия китайца Чан-чуня (1221 г.) город Чан-ба-ла, т. е. упоминаемый еще Махмудом Кашгарским (I, 103) уйгурский город Джанбалык, был пограничным городом немусульманской области на западе (Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 67 sq.); по словам армянина Хетума (путешествовавшего в 1254 г.), «Джамбалех» находился непосредственно к востоку от «Хутапая» — Хутукбая современных карт, непосредственно к востоку от Манаса (ibid., p. 169). Таким образом, нынешняя местность Манас была в то время границей распространения ислама в Центральной Азии.

В противоположность издавна тюркизированным культурным областям нынешнего Китайского Туркестана тюркизация Мавераннахра и Хорезма сделала заметные успехи, по-видимому, только незадолго перед монгольским завоеванием; на это указывает появление географических названий тюркского происхождения, таких, как Кара-куль в нижнем течении Зеравшана (Нершахи, изд. Шефера, 17) и Кара-су (Джузджани, пер. Раверти, I, 474), или Су-Кара (Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 122), в Хорезме. Вследствие образования государства Сельджукидов тюрки появились в Азербайджане и Малой Азии; вероятно, тюрки селились там первоначально в качестве пограничной стражи и как военная сила, направленная против Византии и могущественного в те времена грузинского царства. О ходе постепенной тюркизации этих ныне полностью тюркизированных культурных областей (в Южной Персии тюрки большей частью остались кочевниками, см. Barthold, *Ḳas̲h̲kāi*) ничего не известно; во всяком случае этот процесс тюркизации в IX/XV в. был уже закончен. Саладин привел тюркские военные отряды в Египет, откуда некоторые из них проникли в Северную Африку и Испанию; о тюрках в Испании см. в особенности Абд ал-Вахид Марракоши, 210. Для распространения тюркских народностей эти военные отряды не имели никакого значения.

Образование монгольской империи имело для тюрков гораздо большее значение, чем для самих монголов. Вопреки всем попыткам последующих ученых доказать противоположное приходится, пожалуй, принять мнение Абель-Ремюза (*Recherches*, p. 240), который считает, что населенная монголами область ко времени появления на исторической сцене Чингиз-хана имела те же самые западные границы, что и сейчас (не считая значительно более поздних переселений калмыков). Из потомков

монголов, пришедших на запад при Чингиз-хане и его преемниках, только моголы в Афганистане, наречие которых изучал Г. Рамстедт (*Mogholica*), сохранили до настоящего времени свой монгольский язык; места их расселения до сих пор не были точно установлены; д-р Эмиль Тринклер (*Afghanistan*, S. 53 sq.), несмотря на все расспросы, не мог найти в Афганистане народность, говорящую по-монгольски [8]. Большинство монголов растворилось среди тюрков и тем самым значительно увеличило их численность и в особенности усилило их политически. Особое значение для политической истории тюрков имело государство Золотой Орды после его исламизации в XIV в. К концу этого столетия Золотая Орда была полностью тюркизирована; документы составлялись на тюркском языке; чувашский язык, на котором ранее говорили по среднему и нижнему течению Волги, также должен был уступить свое место чистому тюркскому языку. После распада этого государства образовалось три новых «татарских» государства: в Казани, Астрахани и на Крымском полуострове, который был исламизирован и тюркизирован только в монгольскую эпоху. Возникло также новое «татарское» княжество на Иртыше в Сибири, около современного Тобольска; теперь это княжество, вместо Болгара, стало форпостом мусульманской культуры на севере. Слово *татар*, которое первоначально обозначало монголов, превратилось теперь в название тюркского народа и стало употребляться и как самоназвание, особенно в Крыму. В России слово «татарин» приобрело очень широкое значение, хотя и менее широкое, чем в Китае и в европейской синологии (ср. предисловие к книге Abel-Rémusat, *Recherches*). До второй половины XIX в. (так употребляет это слово еще В. Радлов — *Aus Sibirien*, Bd I, оглавление) в русской и, под русским влиянием, западноевропейской науке все неосманские тюрки назывались «татарами»; отсюда возникло выражение «тюрко-татарский», которое до сих пор еще не полностью вытеснено. В государстве Золотой Орды возникли также народы узбеков и ногаев, названные по именам государей из рода Джучи. Узбеки переселились в XV в. к Мавераннахру, где они в XVI в. уничтожили чагатайское государство и основали государства Бухарское и Хивинское, к которым к концу XVIII в. прибавилось еще третье узбекское государство — ханов Коканда. Народ, который русские называли «ногайцами», в восточных источниках в XVI в. и позднее всегда упоминается под названием мангыт. Под верховной властью русских мангыты, или ногайцы, образовали не вполне однородное кочевое государство к востоку от нижнего течения Волги; туземное тюркское население Астрахани также до сих пор относится к народу ногайцев; из области восточнее Волги ногайцы в XVII в. были вытеснены калмыками. В настоящее время узбеки распространили название *ногай* и на тюркских жителей Поволжья, которых русские называют «татарами» (теперь это также и самоназвание). От уз-

---

[8] ⟨См. теперь: Schurmann, *The Mongols*; Ferdinand, *Preliminary notes.*⟩

беков уже в XV в. отделились казаки; до XIX в. у них были собственные ханы, и некоторые из них обладали значительной военной силой.

Последним в направлении к востоку тюркским государством, которое образовалось из монгольской империи, было государство моголов, простиравшееся от Кашгара до границ Китая и возникшее после распада государства Чагатая. Вопреки своему названию эти моголы, по крайней мере в XVI в., говорили по-тюркски. Ислам они приняли лишь в середине XIV в.; особые заслуги в распространении ислама приписываются Мухаммед-хану (1408—1416); если могол не носил чалмы, то ему вколачивали в голову гвоздь (Мухаммед-Хайдер, 58). Тем не менее еще и в 823/1420 г. упоминаются буддийские статуи в Турфане, среди которых были и «недавно изготовленные» (Абд ар-Раззак, пер. Катрмера, 310; Бартольд, *Хафизи-Абру*, стр. 27). В том же столетии буддийская культура уйгуров была вытеснена исламом. Как название народа слово *уйгур*, по всей вероятности, постепенно вышло из употребления после принятия ислама, слово *могол* — после завоевания Восточного Туркестана калмыками около 1682 г. Только «желтые уйгуры» (*сарыг уйгур*), упоминаемые также в *Та'рӣх̮-и Рашӣдӣ* (см. указатель), в районах Дуньхуана, Сучжоу и Ганьсу сохранили до настоящего времени свое название и буддийскую религию; от своего уйгурского письма они отказались лишь в XVIII в., приняв вместо него тибетское (*Сутра Золотого блеска*, предисловие). В провинции Ганьсу, кроме говорящих по-китайски дунган, ислам исповедуют еще (также упомянутые уже в *Та'рӣх̮-и Рашӣдӣ*, 404) салары.

На западе, кроме османов, или анатолийских тюрков (также происходящих из туркменского народа), заметную роль в политической истории играли преимущественно туркмены; особенно в XV в. значительную политическую силу представляли собой государства туркмен Черного барана (Кара-Коюнлу, см. Huart, *Ḳara-Ḳoyunlu*) и Белого барана (Ак-Коюнлу, см. Huart, *Aḳ-Ḳoyunlu*). Многочисленные туркменские племена были и в государстве мамлюков, от Диярбекра до Газы; перечень этих племен приводит Халиль аз-Захири (105). Некоторое политическое значение имело только племя дулгадир (турецкое произношение вместо з̱ӯ-л-ḳадр, см. Mordtmann, *D̲hu 'l-Ḳadr*), которое в XIV в. основало отдельное княжество, находившееся в вассальной зависимости от мамлюков.

В Средней Азии туркмены не возвысились при образовании новых государств в монгольское время, как многие другие тюркские народы, упоминавшиеся в домонгольский период, хотя и среди туркмен были выходцы из Золотой Орды; последнее подтверждается упоминаемым в XVI в. названием племени сайинхани (о прозвище Сайин-хан см. Barthold, *Bātu-K̲h̲ān*; 〈выше, стр. 499〉) на юго-восточном побережье Каспийского моря (см. Бартольд, *Очерк истории туркменского народа*, стр. 47 и сл.; 〈наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 598—599〉). Своего собственного госу-

дарства туркмены в Средней Азии не смогли создать, однако их независимости был положен конец только в 1884 г. в результате продвижения русских с севера и афганцев с юга.

В XVII—XVIII вв. и туркмены, как и другие тюркские народы Средней Азии, особенно казаки и киргизы, страдали от нападений калмыков, основавших последнее большое кочевое государство в Центральной Азии; казаки и киргизы были вытеснены из части своих владений калмыками; прежнее положение было восстановлено только после уничтожения государства калмыков. Часть туркмен в настоящее время живет в Ставропольской губернии, куда они ушли в конце XVII в., покинув под натиском калмыков свои старые места обитания на полуострове Мангышлак (см. Barthold, *Mangishlak*; ⟨наст. изд., т. III, стр. 480⟩). За обладание этим полуостровом туркмены вели безуспешную борьбу сначала с ногайцами, а затем с казаками. В противоположность казакам у киргизов не было собственных ханов ни на Енисее, ни в Семиречье. Мусульманская культура совершенно не затронула киргизов на Енисее, где они жили до начала XVIII в., так же как и ныне живущие на Енисее тюркские народности, принявшие после Октябрьской революции наименование «хакас» (это слово по происхождению является неправильным чтением китайской транскрипции слова *кыргыз*). Немусульманскими тюрками являются также горные народы Алтая, по верхнему течению Оби. Алтайцев (*алтай кижи*) русские называли «горными калмыками», но после революции они сами приняли название «ойрат», относящееся, собственно, к калмыкам; их страна образует теперь Ойротскую автономную область. Совершенно отделены от остальных тюрков, в том числе и по языку, якуты (самоназвание — сака или саха; вероятно, связано с названием народа сагай, известным на Енисее), которые были вытеснены в бассейн р. Лены с Енисея, по-видимому, не ранее XIII в. Язык якутов и по словарю, и по грамматическому строю во многом отличается от других тюркских языков, хотя он в противоположность чувашскому восходит к древнетюркскому языку.

В первой половине XVI в. все страны от Балканского полуострова и северного побережья Черного моря до границ Китая находились под властью тюрков-мусульман. В культурной жизни почти всех этих стран по сравнению с предшествовавшей эпохой был заметен значительный упадок; за счет упадка сельского хозяйства и особенно городов распространилась кочевая жизнь; вследствие того что мировая торговля направилась по другим путям, было подорвано и будущее этих стран. Тюркский мир в быстро развивавшейся России не прогрессировал ни в хозяйственном, ни в духовном отношении. В результате завоевания Поволжья русскими (Казань — 1552 г., Астрахань — 1554 г.) связь между тюрками Средней Азии и их соплеменниками на западе была прервана и могла быть восстановлена лишь на короткий срок в другом направлении, когда западные берега Каспийского моря попали под власть турок (1578—

1603 гг.). Еще в XVII в. русская сторона выдвинула доктрину, согласно которой все земли Северной Азии должны быть разделены между Россией и Китаем; однако ее осуществление завершилось только в результате Петербургского договора 12 (24) февраля 1881 г.

Под властью России получили дальнейшее распространение и ислам как религия, и тюркские языки; как на Кавказе, так и в Средней Азии тюркский язык вошел в обиход еще шире, чем раньше; культурная жизнь также испытала подъем благодаря некоторой европеизации, осуществленной Россией. После революции 1917 г. и особенно после проведения национального принципа в 1924 г.[9] в Советской России и среди тюркского населения создались государственные объединения на национальной основе с собственным управлением и собственной системой образования. Особые части Союза Советских Социалистических Республик (СССР) образуют Узбекская и Туркменская республики, а также Азербайджанская республика как часть Закавказской федерации [10]. В состав РСФСР входят семь автономных республик (Крымско-татарская [11], Чувашская, Башкирская, Татарская, Кахазская [12], Киргизская [13] и Якутская) и четыре автономные области (Карачаевская [14], Кабардино-Балкарская [15], Каракалпакская [16] и Ойротская [17]), где тюрки составляют бо́льшую часть населения [18].

После проведения национального принципа наименования народов приобрели значение, которого они раньше не имели. Раньше многие тюрки в Средней Азии, особенно жители городов, ограничивались тем, что называли себя мусульманами, говорящими по-тюркски, и жителями того или иного города; вопрос о том, к какой тюркской народности их следует причислять, был для них безразличен; были в ходу и наименования, которые по своему происхождению не имели отношения к национальности, например слово *сарт*. В настоящее время это слово изгнано из употребления, а слово *узбек* применяется в более широком значении, нежели раньше; тех, кто раньше называл себя сартами, теперь тоже называют узбеками. Созданы также искусственные названия народов (о слове *хакас* см. выше); происходящие из Кашгарии таранчи и кашгарлыки называют себя теперь уйгурами — именем, которое к ним совершенно не подходит, так как исторические уйгуры никогда не заходили так далеко на запад. Большинство

---

[9] ⟨Имеется в виду национальное размежевание в Средней Азии⟩.

[10] ⟨Закавказская федерация ликвидирована в 1936 г., после чего составлявшие ее республики стали входить непосредственно в СССР.⟩

[11] ⟨Ныне Крымская область УССР без тюркского населения.⟩

[12] ⟨С 1936 г. союзная республика в составе СССР.⟩

[13] ⟨С 1936 г. союзная республика в составе СССР.⟩

[14] ⟨С 1957 г. Карачаево-Черкесская автономная область.⟩

[15] ⟨С 1936 г. Кабардино-Балкарская АССР.⟩

[16] ⟨С 1932 г. АССР в составе РСФСР, с 1936 г. в составе УзССР.⟩

[17] ⟨С 1948 г. называется Горно-Алтайской автономной областью.⟩

[18] ⟨В 1930 г. образована еще Хакасская автономная область.⟩

тюркских народов Советской России примкнуло к движению за введение латинского алфавита; в стороне от этого движения остаются чуваши, хакасы и ойроты, которые придерживаются русского алфавита [19].

Попытка определить общее число тюрков была сделана Н. А. Аристовым (*Этнический состав*, стр. 170). По Аристову, около 1885 г. было примерно 26 миллионов тюрков, но и ему самому кажется, что в действительности это число должно быть больше. В настоящее время только число тюрков, живущих в Советском Союзе, составляет около 16 миллионов; общее их число, по всей вероятности, составит свыше 30 миллионов. Еще бóльшие цифры называют тюркские публицисты и государственные деятели; по Ахмеду Агаеву — 70—80 миллионов (см. Самойлович, *Печать русских мусульман*, стр. 490), по Мустафе Кемаль-паше — 100 миллионов [20].

Литература (помимо работ, уже указанных в тексте, и работ лингвистического характера). Radloff, *Ethnographische Übersicht*; Vámbéry, *Das Türkenvolk*; Катанов, *Этнографический обзор*; *Список народностей СССР*. ⟨См. также Баскаков. *Тюркские языки.*⟩

[19] ⟨Ныне все тюркские народы СССР пользуются письменностью на основе русского алфавита.⟩

[20] ⟨На 1959 г. во всем мире считалось 58,6 миллиона человек, говоривших на тюркских языках, из них в СССР — 23,16 миллиона (см. *Численность и расселение народов мира*, стр. 39).⟩

ХАДЖИ-ГИРЕЙ

Хаджи-Гирей — основатель независимого татарского государства в Крыму. О его происхождении известно только, что его дед Таш-Тимур, царевич из государства Золотой Орды, в конце VIII/XIV в. был некоторое время (его монеты относятся к 797/1394-95 г.) владетелем Крыма. По местной традиции Таш-Тимур поручил воспитание своего сына Гияс ад-дина одному из членов рода Гирей, Девлет-Гельды; позже Девлет-Гельды совершил паломничество в Мекку; когда он вернулся, у его бывшего воспитанника родился сын, которого поэтому назвали Хаджи-Гирей. По польским источникам, Хаджи-Гирей родился в Литве, куда бежала его семья, и оттуда, с помощью великого князя Витовта, около 1428 г. он подчинил себе Крымский полуостров. В 1434 г. он одержал победу над генуэзским войском под начальством Карло Ломеллино. До самой своей смерти, последовавшей в 871/1466-67 г., он оставался союзником поляков и литовцев и врагом генуэзцев в Кафе и Золотой Орды на Волге. В 1465 г. папа Павел II через посредство посольства сделал ему необычайное предложение — объявить войну султану Мухаммеду Фатиху. См. еще: Barthold, *Bag̲hče-Sarāi*; ⟨наст. изд., т. III, стр. 368⟩; idem, *Girāy*; ⟨выше, стр. 522⟩.

ХАЗАРЫ

Хазары — народ неизвестного происхождения; об их связях с болгарами и возникновении хазарского государства см. Barthold, *Bulghār*; ⟨выше, стр. 510⟩; там же о союзе между хазарами и византийцами в войне против Персии в 627 г. Несмотря на благоприятный для Византии исход войны, ничего не сообщается о территориальном расширении Византии за счет Персии; напротив, занятые тогда хазарами кавказские земли не были отвоеваны персами, и только арабы отобрали их у хазар. Важное значение имеет сообщение Балазури (194), что древняя столица Аррана, Кавалак, араб. Кабала (см. Barthold, *Arrān*, S. 478; ⟨наст. изд., т. III, стр. 334⟩), называлась также Хазаран. Об опустошении кавказских стран хазарами ср. Manandian, *Beiträge*, S. 39 sq., по Моисею Каганкатваци; там же (S. 30 sq.), по тому же источнику, о мнимом обращении хуннов, т. е. хазар, в христианство албанским епископом Исраэлем во времена армянского католикоса Сахака III (677—703); по этому поводу сообщаются также некоторые сведения о языческих верованиях хазар и о почитании высшего божества Тенгри-хана. Упоминаемая там «столица страны гуннов» Варачан, или Вараджан, по мнению Маркварта (*Streifzüge*, S. 16), идентична Баланджару, где, по Мас'уди (*Танбӣх*, $62,_{16}$), прежде находилась столица хазар, по Маркварту — на одном из истоков Кой-су (Сулака). Табари сообщает о завоевании арабами Баланджара и находившихся в той же области крепостей в 104/722-23 г. (так Табари, II, 1453) или в 105/723-24 г. (так Табари, II, 1462). При описании похода 111/729-30 г. (Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, V, 117) впервые столицей названа ал-Байда̄' ('Белый город'); по Маркварту, это название является переводом упомянутого в самых ранних арабских известиях (Ибн Русте, изд. де Гуе, $139,_{14}$; Гардизи, см. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 95) названия западной части позднейшей столицы, Итиля (в дельте Волги); это название Маркварт хочет читать как Сарыгшар (тюрк. 'Желтый город'). По Ибн ал-Асиру (изд. Торнберга, V, 160), до ал-Байда дошел в 119/737 г. Мерван ибн Мухаммед. Ибн ал-Асир сообщает только о бегстве хазарского государя из этого города; по Балазури (207), он заключил мир с Мерваном и согласился принять ислам, за что Мерван сохранил ему власть; часть хазар была поселена Мерваном между рекой Самур и городом Шабераном (см. Barthold, *Derbend*, S. 983; ⟨наст. изд., т. III, стр. 425—

426). Несмотря на это, власть арабов не утвердилась ни на Волге, ни даже в Дагестане; даже в IV/X в. власть хазар распространялась почти до стен Дербента (ср. Barthold, *Daghestan*, S. 925 sq.; ⟨наст. изд., т. III, стр. 409⟩). Государство хазар смогло сохранить свое положение великой державы в отношениях с Византией и с халифатом. Император Константин V Копроним (741—775) был женат на хазарской царевне; родившийся (в 750 г.) в результате этого брака император Лев IV (775—780) носил прозвище «Хазарин». Сообщается, что примерно в это же время правитель Армении Йезид б. Усейд ас-Сулами по желанию халифа ал-Мансура (754—775) женился на дочери хазарского царя (Балазури, 210). Со смертью этой царевны армянский автор Левонд (92; ср. Marquart, *Streifzüge*, S. 5) связывает вторжение хазар в Армению и Грузию в 147/764-65 г.; начальник хазар назван у Левонда Радж Тархан, у Я'куби (*Та'рӣх*, II, 446) — Ра̄с (в рукописи — Х̱алӣс) Т̣арх̱а̄н, у Табари (III, 328_{9}) — Астарх̱а̄н ал-Хорезми. Таким образом, хорезмиец стоял во главе хазарского войска, напавшего на мусульманские земли, а позднее в личной гвардии хазарских царей служили мусульманские наемники из Хорезма, которые выговорили себе право «оставаться нейтральными всякий раз, когда хазарский бег будет воевать с мусульманами» (Marquart, *Streifzüge*, S. 5 — по Мас'уди, *Мурӯдж*, II, 10). В последний раз пограничные области халифата подверглись набегу хазар при Харуне ар-Рашиде в 183/799 г.; и этот набег, по словам Табари (III, 647 и сл.), был вызван неудавшимся браком дочери хазарского царя с Бармакидом Фазлом б. Яхьей (ср.: Barthold, *Barmakiden*, S. 681 sq., и Zetterstéen, *al-Faḍl b. Yaḥyā*).

По сообщению Мас'уди (*Мурӯдж*, II, 8), при Харуне ар-Рашиде произошло обращение царя хазар (хакана) и знати в иудейство; ср. разбор известий об этом у Маркварта, *Streifzüge*, S. 5 sq., и изданное позже С. Шехтером письмо, приписываемое одному из современников и подданных «Царя Иосифа» (Schechter, *An unknown Khazar document*; о нем Коковцов, *Новый еврейский документ*). Позднее еще один раз сообщалось об обращении хазар в христианство (миссия славянского апостола Константина, или Кирилла, между 851 и 863 гг., ср. Marquart, *Streifzüge*, S. 13,22) и еще два раза — об их обращении в ислам. По Ибн ал-Асиру (изд. Торнберга, VIII, 418), хазары, а позднее и их царь будто бы приняли ислам в 354/965 г., когда им с помощью мусульман-хорезмийцев пришлось обороняться от нападения какого-то «тюркского народа»; это сообщение, которое имеется уже у Ибн Мискавейха (изд. Амедроза—Марголиуса, текст, II, 209; пер., II, 223), несомненно заимствовано из утраченного труда Сабита б. Синана и, как полагает Фр. Вестберг (*К анализу восточных источников*, стр. 6), должно быть отнесено к известному походу Святослава (см. Barthold, *Bulghār*, S. 823; ⟨выше, стр. 517⟩). То, что рассказывает Макдиси (361_{1}) о принятии ислама как следствии похода ал-Мамуна, относится не к халифу, как полагает Маркварт (*Streifzüge*, S. 3 и указатель), а, как видно из сопоставления с другим местом у Макдиси (288_{19}), к владе-

телю Гурганджа (араб. Джурджания) и, позднее, всего Хорезма, Абу-л-Аббасу Мамуну б. Мухаммеду. В обоих случаях известие о перемене религии, естественно, не имеет исторического значения. Важно также сообщение Балазури, 203 (Marquart, *Streifzüge*, S. 413) о восстановлении города Шамхора (араб. Шамкур) под названием Мутеваккилийя при Бога́ Старшем; сообщается, будто Бога́ поселил там хазар, которые перешли к нему «из-за склонности к исламу».

Опасность, которая возникла для хазар из-за переселения народов IX в., вызвала посольство к императору Феофилу (829—842) и постройку на Дону хазарской крепости Саркел греком Петронасом. Это сообщение Константина Багрянородного (*De administrando imperio*, cap. 42) Маркварт (*Streifzüge*, S. 28) сопоставляет с сообщением Ибн Русте (изд. де Гуе, 143, $_1$). Рассказ Ибн Хордадбеха (текст, 162 и сл.) о будто бы имевшем место путешествии посольства Саллама ат-Тарджумана приводится Марквартом (*Streifzüge*, S. 476) как доказательство того, что «в то время хазары были в дружественных отношениях с халифом»; однако следует подчеркнуть, что халиф в то время поддерживал сношения с «тарханом, царем хазар» не непосредственно, а через различных кавказских владетелей. Около 240/855-56 г. цанары (араб. ṣанарийа), бежавшие от Бога́, обратились за помощью к государям ромеев, хазар и славян (Я'куби, *Та'рӣх*, II, 598, перевод у Маркварта — *Streifzüge*, S. 413 sq.). Двусмысленным было поведение хазарского государя во время описанного Мас'уди (*Мурӯдж*, II, 18 и сл.; новый перевод у Маркварта — *Streifzüge*, S. 330 sq.) набега русов на прикаспийские страны (о неточно указанной дате высказаны различные предположения; по мнению Вестберга (*К анализу восточных источников*, стр. 386), поход мог произойти только в 925 г., но эта дата, по всей вероятности, слишком поздняя)[1]. Русам был разрешен свободный проход через хазарские владения при условии, что они отдадут царю хазар половину своей добычи; на обратном пути на русов напали и почти полностью их истребили мусульманские наемники и жители Итиля, мусульмане и христиане, с согласия того же царя, который «не мог этому воспрепятствовать», хотя он и предупредил русов о грозящей им опасности. Не сообщается, был ли более значительный набег русов в 332/943-44 г. (ср. Barthold, *Bardha'a*, ⟨наст. изд., т. III, стр. 372⟩) предпринят с согласия хазар или против их воли. По словам Мас'уди (*Мурӯдж*, II, 22), у хазар не было судов; напротив, по словам Хилаля ас-Саби (*Вузарā'*, 217 внизу), молы Дербента (ср. Barthold, *Derbend*; ⟨наст. изд., т. III, стр. 422⟩) были построены для защиты города от судов (*марāкиб*) хазар.

Отношения между хазарским царством и Византией, по всей вероятности, были омрачены гонениями на евреев при императоре Романе Лакапине (919—944); прямые указания на этот факт имеются лишь в документе сомнительного происхождения, опубликованном С. Шехтером (см. выше);

[1] ⟨Ср. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 831—832.⟩

о том, что хазарское царство приняло многочисленных евреев, изгнанных в это время из Византии, упоминает и Мас'уди (*Мурӯдж*, II, 8 и сл.). Приблизительно к этому же времени относится *Рисāла* Ибн Фадлана — пожалуй, единственное мусульманское известие о хазарском царстве и его столице Итиле, основанное на собственных наблюдениях автора; *Рисāла*, по всей вероятности, нужно считать источником Истахри (220 и сл.) и Ибн Хаукаля (278 и сл.), а также источником Мас'уди; ср. ссылку на Ибн Фадлана у Якута, Му'джам, II, 436_{20}. То, что там рассказывается о белых и черных хазарах (*кара-хазар*), о номинальной власти хакана и фактической власти наместника царя (титул которого называется по-разному), о семи судьях и пр., приводилось уже много раз, начиная с Френа (*Veteres memoriae*). Важнейшим источником доходов был ввоз и вывоз чужеземных товаров; собственных товаров в стране будто бы не производилось (у Ибн Хаукаля, 283_{11}, добавлено: «за исключением рыбьего клея»). Ткани для одежды также не вырабатывались в стране, а ввозились из Гургана, Табаристана, Азербайджана и Рума. Иудейство было господствующей религией, так как ее исповедовали хакан, наместник, родственник последнего — владетель Семендера в Дагестане, а также высшие должностные лица; число приверженцев иудейства уступало числу мусульман и христиан. В Итиле было более 10 000 мусульман, соборная мечеть с высоким минаретом и 30 других мечетей. В 310/922-23 г. царь узнал, что в какой-то мусульманской стране (приведенное у Якута, *Му'джам*, II, 440_{2} название страны неясно; ср. Marquart, *Streifzüge*, S. 4, 447 sq.) была разрушена синагога; поэтому он приказал разрушить минарет и убить муэззина; мечеть он пощадил из опасения, что иначе будут разрушены все синагоги в мусульманских странах.

Относительно распространения власти хазар в пределах современной России, о походе Святослава и его последствиях см. Barthold, *Bulg͟hār*, S. 823; ⟨выше, стр. 517⟩. Ранее, в IX в., даже Киев был под властью хазар; по этому поводу автор древнейшей, составленной около 1095 г. (так по критическому изданию А. Шахматова, введение, стр. XXIII) русской летописи замечает, что в его время хазары находятся под властью русских князей (*Повесть временных лет*, стр. 17). Во всяком случае государство хазар, по представлению самого летописца, было уничтожено не в результате похода Святослава; в легендарном рассказе о попытках представителей различных религий обратить Владимира в свою веру упоминаются также «хазарские иудеи» как иноземцы, не подчиненные русским (там же, стр. 104). Ядро хазарского царства на нижней Волге и в Дагестане в то время вообще не было завоевано русскими; покорение хазар, о котором говорят летописцы, может относиться только к части Крымского полуострова и расположенному напротив Таманскому полуострову, где находилось русское Тьмутараканское княжество, упоминаемое впервые в 1022 г. Эта же область, по всей вероятности, составляла ту «Хазарию», которая, по Кедрину (II, 464), была завоевана в январе 1016 г. флотом, посланным

императором Василием II, в союзе с русскими (предводителем которых назван Свен, греч. Сфенгос, будто бы брат «царя» Владимира); хазарским князем (*архон*) этой области был Георгий Цулос, очевидно христианин (*цулос* — тюркский титул *чур*). Князем Тьмутаракани в 1022 г. был один из сыновей Владимира, Мстислав (*Повесть временных лет*, стр. 186); в следующем году Мстислав предпринял в союзе в хазарами поход против своего брата Ярослава. В последний раз хазары упоминаются как соседи Тьмутаракани и как участники междоусобий в этом княжестве под 1083 г. (там же, стр. 253). Мусульманские источники также не содержат никаких сведений о конце хазарского царства. Ибн ал-Асир (изд. Торнберга, IX, 279) сообщает, будто бы курд Фазлун, владетель Гянджи (см. Barthold, *Gandja*; ⟨наст. изд., III, стр. 405—407⟩) (это был Фазл б. Мухаммед из династии Шеддадидов, ср.: Barthold, *Arrān*, S. 479 ⟨наст. изд., т. III, стр. 335⟩ и idem, *Gandja* ⟨наст. изд., т. III, стр. 405⟩, а также Sachau, *Ein Verzeichnis*, № 22), в 421/1030 г. совершил набег на хазар и на обратном пути подвергся их нападению и был разбит. По словам Маркварта, это — «последнее упоминание хазар у Ибн ал-Асира и вообще в истории» (Marquart, *Komanen*, S. 56). Однако по географическим условиям поход из Гянджи на хазар представляется маловероятным; здесь, как и у Бундари (изд. Хаутсма, II, 31,$_{11}$), хазары, по всей вероятности, названы ошибочно вместо грузин или абхазов. Подобным же образом (смешение с гузами или кипчаками) следует, по-видимому, объяснить упоминание хазар у Хакани в 1175 г. (ср. Barthold, *Derbend*, S. 983; ⟨наст. изд., т. III, стр. 425—426⟩). В XII и XIII вв. на север от Каспийского моря, вероятнее всего на Волге, упоминается город и страна Саксин (или Сахсин). Маркварт (*Komanen*, S. 56) разделяет предположение Фр. Вестберга (*Beiträge*, S. 291) о том, что Саксин находился на месте прежней столицы хазар, Итиля, но он отвергает мнение этого же ученого о том, что саксины были просто хазары, названные новым именем. По словам Абу Хамида ал-Гарнати (см. Dorn, *Auszüge*, II, S. 710), расстояние между Болгаром и Саксином составляло 40 дней пути; напротив, в V/XI в. у Махмуда Кашгарского Саксин отождествляется с Суваром (см. Barthold, *Bulghār*, S. 822; ⟨выше, стр. 514⟩), который был всего в двух днях пути от Болгара.

⟨Литература (помимо указанной в тексте). Dunlop, *The history*; Артамонов, *История хазар* (библиография: стр. 507—516 и в сносках); Заходер, *Каспийский свод*, I, стр. 117—229.⟩

ХАКАН

Х̮ā̮кāн — арабское написание тюркского царского титула *к̣аг̄ан*. Этот титул носили уже государи древнейшего из народов, называвших себя «тюрк» (в VI в. н. э.); он был заимствован ими у их предшественников, «истинных аваров», или жуань-жуаней китайцев (см. Kiessling, *Hunni*, Sp. 2578; так же у так называемых псевдо-авар, см., напр., FHG, IV, 233). В одной из старейших надписей — надписи Тоньюкука (Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, Zweite Folge) — наряду со словом каган встречается в том же значении и слово *кан*, возникшее, вероятно, только путем стяжения из *каӷан*; позднее делалось различие между *к̣ан* (или *х̮āн*) и *к̣аг̄ан* (или *х̮āк̣āн*), и *х̮āк̣āн* стали понимать в значении 'хан ханов', как персидское *шāхāншāх*; так уже в IV/X в. у Абу Абдаллаха ал-Хорезми, *Мафāтӣх̣*, 120; такое же значение имеет появляющееся только в монгольскую эпоху и позднее более не употребляемое слово *к̣āāн*. *Х̮āк̣āн* еще и теперь считается национальным тюркским титулом по преимуществу, и в последнее время представители турецкой национальной мысли в Османской империи предпочитают употреблять его вместо *султан* и *халиф*.

ХАЛАДЖ

Халадж — тюркское племя; по всей вероятности, тюркское название этого племени было *калач* (см. ниже). Уже в IV/X в. халаджи жили значительно южнее, чем остальные тюрки, в южной части современного Афганистана, между Сеистаном и Индией; сообщают, что они пришли туда еще «в древние времена» (*фӣ ḳадӣм ал-аййӑм*; Истахри, 254). В арабских рукописях приводится различная вокализация (ср. *ал-х̮алдж* у Истахри, 281 внизу; *х̮алдж* также у М. Лонгворс Деймса (см. Dames, *Afg͟hāni-stān*). И. Маркварт (*Ērānšahr*, S. 253) связывает халаджей с *χ̣λιάται* византийских источников и с *кӯлас* анонимного сирийского рассказа 554-55 г. и на этом основании предполагает, что первоначальное произношение было *хӯладж*. В пользу произношения *халач* говорят две позднейшие тюркские народные этимологии, сообщаемые в легенде об Огуз-хане (ср. Barthold, *G͟huzz*; ⟨выше, стр. 525⟩): *кал ач* 'оставайся голодным' (у Рашид ад-дина; текст и перевод: *Кутадгу билик*, изд. Радлова, I, стр. XXI) и *кал ач* 'оставайся, открой' (в анонимной легенде, сохранившейся в рукописи уйгурским письмом; там же, текст, 240, пер., XII). О халаджах никогда не упоминают как о самостоятельном политическом образовании, а всегда как о наемниках или гвардии иноземных государей; их предводителям, как и вообще многим предводителям тюркской гвардии, иногда удавалось основать независимые династии, особенно в Индии, где возобладало произношение хильджи вместо халаджи (однако в статье: Arnold, *Indien*, S. 512b — *хальджи*). Обычно считают, что гильзаи, которые в настоящее время говорят по-афгански и живут в верховьях рек Тарнак, Аргендаб и Аргасан, являются афганизированными потомками тюркских халаджей; эта гипотеза отвергается М. Лонгворс Деймсом (ср. его статьи *Afg͟hānistān* и *G͟halzai*), хотя он и допускает, что у гильзаев много тюркской крови.

⸜Литература. *Х̮удӯд ал-'ӑлам*, пер. Минорского, 347—948; Minorsky, *The Turkish dialect*; В. Массон — Ромодин, *История Афганистана*, т. I, стр. 270—276; Minorsky, *Sāwa*, S. 196b.⸝

ХАН

Х̮āн — тюркский титул; по происхождению — стяженная форма из *ķaγан*. араб. *х̮āķāн* (см. Barthold, *Khāķān*; ⟨выше, стр. 602⟩); в этом значении *ķан* рядом с *ķaβан* встречается уже в орхонских надписях VIII в.; ср. надпись Тоньюкука: Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, Zweite Folge, S. 3 и цитата в глоссарии, 93. В мусульманскую эпоху слово *хан* появляется в конце IV/X в. на монетах илек-ханов (см. Barthold, *Ilek-Khāne*; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 519⟩) и в особенности в V/XI в. в текстах, относящихся к этой династии (ср. цитату там же). В монгольскую эпоху различается *ķaγан*, или *ķāāн*, как верховный повелитель и *х̮āн* как правитель отдельной области целой империи; позднее слова *каган* и *хакан* в разговорном языке были полностью вытеснены словом *хан*. В последние столетия перед монгольским завоеванием тюркское *хан*, так же как арабское *мелик* и персидское *шах*. употреблялось как княжеский титул в отличие от высшего титула государя — *султан*; позднее слово *султан* сохранило это значение только в Западной Азии и Египте; в Средней Азии в отдельных государствах, возникших после распада монгольской мировой империи, слово *хан* было собственно титулом государя, а слово *султан* — титулом каждого члена династии, происходившей от Чингиз-хана. В административной системе основанного Сефевидами новоперсидского государства султаном также назывался правитель небольшого округа, подчинявшийся хану — правителю большой области. Ср. Радлов, *Словарь*, II, 1662 и сл. ⟨См. также: Абд ар-Раззак, пер. Катрмера. 84—88; Петрушевский, *Очерки*, стр. 99—100.⟩

ХУБИЛАЙ

Хубилай (обычное написание — Ḳӯбӣлāй, но также и «Ḳублāй») — монгольский император (1260—1294), брат и преемник хана Мункэ. Годом его рождения, по всей вероятности, следует считать 1214 г.; когда в 1225 г. Чингиз-хан после своего похода в страны Передней Азии вернулся в Монголию, Хубилай, которому тогда было 11 лет, убил на охоте свою первую дичь; по монгольскому обычаю, Чингиз-хан своими собственными руками натер большой палец Хубилая мясом и жиром убитой дичи (Рашид ад-дин, изд. Березина, III, текст, 141). Во время царствования своего брата Хубилай с 1251 г. был наместником Китая и энергично осуществлял завершенное только при его собственном царствовании (в 1279 г.) завоевание империи династии Сун, вследствие чего весь Китай впервые после X в. опять был объединен под одной властью. После победы над своим братом Арик-Букой, который был провозглашен императором в Монголии (об этом см. Barthold, *Berke*; ⟨выше, стр. 504⟩), Хубилай остался в Китае и перенес столицу монгольской империи в Пекин (Ханбалык, см. Barthold, *K͟hānbalīḳ*; ⟨наст. изд., т. III, стр. 540⟩). Несмотря на обширные начинания как внутри страны (императорский канал, новый судебник, академия), так и за ее пределами (большие, хотя и безрезультатные, морские походы против Японии и острова Явы, каких никогда ранее в истории Китая не предпринималось), его царствование было для Китая временем тяжелого чужеземного гнета. Как большинство монгольских императоров, Хубилай покровительствовал исламу и мусульманам; только на некоторое время (семь лет, 1282—1289, из них особенно первые четыре года описываются как время жестоких преследований) мусульмане попали у него в немилость вследствие событий, связанных с убийством министра Ахмеда (см. Barthold, *K͟hānbalīḳ*; ⟨наст. изд., т. III, стр. 540⟩).

Литература. Наиболее подробный источник: Рашид ад-дин, изд. Блоше, 350—580; кроме того, см.: Вассаф, бомбейское изд., 16 и сл.; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, p. 275 sq. (Хубилай в Китае при Мункэ), p. 338 sq. (царствование самого Хубилая); Howorth, *History of the Mongols*, pt I, pp. 187 sq., 216 sq. О преследовании мусульман еще Попов, *Яса Чингиз-хана*, стр. 160 и сл.

ЧАГАТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Под влиянием блестящего расцвета тюркской литературы в чагатайском государстве при Тимуридах этот восточнотюркский литературный язык как на Востоке, так и в европейской науке получил название «чагатайского». В анонимном тюркском грамматическом труде, составленном, по всей вероятности, в Индии (Брит. муз. Or. 1912; Rieu, *Turkish MSS*, p. 268), все тюркские диалекты сведены к двум языкам — чагатайскому и туркменскому. Ибн Муханна (изд. Риф'ата, стр. 73; Мелиоранский, *Араб филолог о турецком языке*, стр. XX) употребляет в том же значении слово «туркестанский»; по его словам, из Туркестана вообще происходит язык тюрков, подобно тому как арабский — из Хиджаза; туркестанскому языку он противопоставляет, кроме туркменского, еще «язык тюрков наших (вероятно, иранских) областей». В словаре Радлова (IV, 15) слово *Чагатай* приведено только в форме *Джагатай* и только как османское слово; ср. также Шейх Сулейман Бухари, *Луғат-и чағатāйӣ*, стамб. изд., и сокращенное изд. с немецким переводом С. Куноша, 1902).

По предположению Радлова (*Ярлыки Токтамыша*, стр. 1 и сл.), чагатайский литературный язык был чисто восточного происхождения. У мусульманских тюрков сохранились от домусульманского времени уйгурская письменность и литературный язык; вследствие заимствования большого числа арабских и персидских слов уйгурская письменность постепенно вышла из употребления; сохранились написанные «на чисто уйгурском языке», но арабскими буквами сочинения, например *Ḳиçаç ал-анбийā*' Рабгузи, написанное в 710/1310-11 г. (как известно, Радлов во введении к своему изданию *Кутадгу билиг*, стр. LXXVIII, пытается доказать, что «князей-илеков», в государстве которых были написаны древнейшие мусульманские сочинения на тюркском языке, «безусловно следует считать уйгурскими государями»). В монгольскую эпоху уйгурская письменность и язык получили широкое распространение; многие «чисто уйгурские» слова и грамматические формы были вытеснены в то время заимствованиями из «среднеазиатских диалектов»; однако и в настоящее время в чагатайском языке существуют слова и грамматические формы уйгурского происхождения, употребляемые только в литературном языке. Поскольку у восточных тюрков в противоположность южным

тюркам (Константинополь) не было общего литературного центра, чагатайский литературный язык в разных районах испытал влияние различных местных диалектов.

В противоположность этой точке зрения в настоящее время установлено (особенно см. Самойлович, *К истории среднеазиатско-турецкого языка*), что уже в домонгольское время, кроме древнейшего центра литературной деятельности тюрков в мусульманском мире — Кашгара, был еще второй литературный центр — в Хорезме и на нижнем течении Сыр-Дарьи. Эта же область сохранила свое значение и при монголах, под властью ханов Золотой Орды; литература чагатайского государства, по-видимому, возникла позднее и испытала влияние золотоордынской литературы. Джемаль Карши, автор труда *Мулхаḳāт аṣ-Çурāх*, написанного в Кашгаре, познакомился в 672/1273-74 г. в Барчкенде (называемом также Барчын и Барчынлыг) на нижнем течении Сыр-Дарьи с ученым шейх ал-исламом Хусам ад-дином Абу-л-Махамидом Хамидом б. Асимом ал-Асими ал-Барчынлыги; кроме ученых богословских трудов на арабском языке, шейх писал также стихи на трех литературных языках ислама (здесь, вероятно, впервые поставленных рядом); его арабские стихи были красноречивыми (*фаṣӣха*), персидские — остроумными (*малӣха*), а тюркские — правдивыми (*саҳӣха*). К часто встречающемуся (уже в *Китāб Баġдāд* Ахмеда б. Аби Тахира Тайфура) противопоставлению совершенства формы арабских сочинений остроумию персидских здесь прибавляется тюркская правдивость; произведения чагатайских поэтов благодаря своему более простому языку и более ясному ходу мысли также производят впечатление большей жизненной правды, чем их персидские прообразы (ср. Бертельс, *Невāи и ʿАṭṭāр*, особенно стр. 80).

Из произведений, созданных в Золотой Орде, непосредственное влияние на чагатайскую литературу оказало *Муҳаббат-нāме* Хорезми (написано в 754/1353 г. на берегах Сыр-Дарьи). Кроме рукописи Британского музея Add. 7914 (Rieu, *Turkish MSS*, p. 284 sq.) мы располагаем еще рукописью *Муҳаббат-нāме* уйгурским шрифтом, написанной в раджабе и шаʿбане 835 г. х. (март — апрель 1432 г.) в Йезде для эмира Джелаль ад-дина (Or. 8193; Бартольд, *Новая рукопись*; Clauson, *A hitherto unknown manuscript*). Подражанием *Муҳаббат-нāме* является *Таʿашшуḳ-нāме*, написанное в 839/1435-36 г. тимуридским царевичем Сиди-Ахмедом (содержится в той же рукописи Add. 7914).

Известны имена еще нескольких тюркских поэтов VIII/XIV в., живших в чагатайском государстве; так, сообщают, что современник Тимура эмир Сейф ад-дин писал прекрасные стихи на тюркском и персидском языках под псевдонимом Сейфи (Даулетшах, изд. Брауна, 108). Дошедшие до нас произведения относятся к IX/XV в., времени первых преемников Тимура. Панегиристом Халиль-Султана (1405—1409) и Улугбека (1409—1449) был Секкаки (Брит. муз., Or. 2079; Rieu, *Turkish MSS*, p. 284). Улугбека упоминает также поэт Лутфи, несколько стихотворе-

ний которого также имеются в уйгурской рукописи Or. 8193 (подробнее о Лутфи см.: Rieu, *Turkish MSS*, pp. 285, 287; Валидов, *Лутфий*). Оба поэта говорят иногда о себе с большой самоуверенностью. Секкаки обращается к Улугбегу со словами: «Пройдет много лет, прежде чем появится другой такой тюркский поэт, как я, и такой просвещенный властелин, как ты». Лутфи говорит: «Хан Улугбег оценит совершенство Лутфи, чьи яркие стихи не уступают стихам Сельмана» (см. текст у Бартольда, *Улугбек*, стр. 112 и сл.; ⟨наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 140⟩). К этой же эпохе относится панегирист другого внука Тимура, владетеля Фарса (до 817/1414 г.) Искендер-Султана,— Мир Хайдер Маджзуб (Даулетшах, изд. Брауна, 371; Rieu, *Turkish MSS*, p. 286; *Ми'рāдж-нāме*, стр. XXII и сл.). Его *Маҳзан ал-асрāр* было задумано как «ответ» на *Маҳзан ал-асрāр* Низами (Ethé, *Neupersische Litteratur*, S. 241 sq.). Некоторые отрывки из него были опубликованы Паве де Куртеем по рукописи, написанной уйгурским шрифтом (в настоящее время находится в Берлине). И этот поэт утверждает, что он наполнил небо и землю эхом своих песен. К первой половине IX/XV в. относятся еще две рукописи, написанные уйгурским шрифтом: *Баҳтийāр-нāме*, рукопись 838/1435 г. в Оксфорде (Ethé, *Neupersische Litteratur*, S. 324), и *Ми'рāдж-нāме* вместе с тюркским переводом *Таẕкират ал-аулийā'* Ферид ад-дина Аттара — рукопись, датированная будто бы (год по хиджре не соответствует циклическому году) 10 джумада II 840/20 декабря 1436 г., в Париже (*Ми'рāдж-нāме*, стр. XXII и сл.).

Во второй половине IX/XV в. чагатайская литература в лице Мир Али-Шира (род. в 844/1440-41 г., ум. в воскресенье 11 джумада II 906/3 января 1504 г.) достигла своего апогея. О его жизни и значении его литературной деятельности см.: Belin, *Notice*, pp. 175—256, 281—357; Browne, *A Literary History*, vol. III, особенно стр. 437 и сл., 505 и сл.; «Мир Али-Шир» [сборник], Л., 1928. Как и другие чагатайские поэты, Мир Али-Шир в своем *дӣвāне* и в других своих многочисленных поэтических произведениях является лишь подражателем персидских поэтов, однако он не следует рабски своим образцам; по-видимому, его стихи вполне отвечали вкусам его времени и его народа, и до наших дней они пользуются большой популярностью. Большое значение имеет его последнее произведение, написанное в джумада I 905/декабре 1499 г.,— *Муҳāкамат ал-луғатайн* (см. Quatremère, *Chrestomathie*); язык и культура тюрков здесь сравниваются с языком и культурой персов; автор стремится доказать, что тюркский язык не менее пригоден, чем персидский, для поэзии и вообще для интеллектуальной работы. Европейские ученые часто называют Мир Али-Шира министром или везиром; на самом деле он никогда официально не занимал подобной должности; его влияние на государственные дела и его деятельность как покровителя наук и искусств основывались только на его личных (не всегда безоблачных) отношениях с его государем, Султан-Хусейном (1469—1506). Сам Султан-

Хусейн также выделялся как поэт; его *дӣвāн* был издан в 1926 г. в Баку. Одному из сыновей этого султана, царевичу Шах-Гарибу, имевшему поэтический псевдоним Гариби (в *Бāбур-нāме*, изд. Беверидж, 166, вероятно по ошибке,— Гурбети), принадлежат один персидский (не определенный Брокельманом) и один тюркский *дӣвāн*, хранящиеся в библиотеке Гамбурга под № 15 (Brockelmann, *Katalog*, № 183, 277) в рукописи, датированной рамазаном 940 г. х. (март—апрель 1534 г.). Автором многих стихотворений, которого, однако, ценят преимущественно как прозаика (ср. Мухаммед-Хайдер, 173 и сл.) благодаря его мемуарам (*Бāбур-нāме*, или *Вāḳи‘āт-и Бāбурӣ*), был царевич Бабур, основатель государства Тимуридов в Индии, где при дворе писали почти исключительно по-персидски.

Из Средней Азии и Восточной Персии Тимуриды были изгнаны узбеками. При владычестве узбеков, особенно в первое время, когда они еще не полностью усвоили персидскую культуру, много писалось по-тюркски как в стихах, так и в прозе; при этом, однако, придерживались старых, «чагатайских» образцов, не внося ничего нового и оригинального. Для поэтов из образованных кругов недосягаемым образцом оставался Мир Али-Шир, для поэтов народных — Ахмед Ясеви в модернизированном виде, в каком до нас дошел его *дӣвāн*. По всей вероятности, особняком стоит историк Абулгази Бахадур-хан, так как он в своем труде (изд. Демезона, I, 37) избегал как арабских и персидских, так и «чагатайско-тюркских» слов и хотел писать так, чтобы его мог понять «даже пятилетний ребенок». Одним из наиболее популярных (которого даже преподают в школах) поэтов узбекской эпохи был мистик Суфи Аллаяр (конец XVII—начало XVIII в.). Позднее в Бухаре тюркская литература была почти полностью вытеснена персидской (испытавшей частично влияние местного *тāджӣкӣ*). В Коканде и в Хиве чагатайская литература еще в XIX в. пережила довольно значительный запоздалый расцвет. См. в особенности: M. Hartmann, *Das Buchwesen in Turkestan*, S. 87 sq. (выражение «запоздалый расцвет» — там же, стр. 79); Самойлович, *Собрание*, стр. 0198 и сл.

При узбеках больше не писали уйгурским шрифтом, как это неоднократно бывало при Тимуридах; однако влияние уйгурской письменности прослеживается и в арабской (обозначение гласных букв вместо знаков огласовки, преобладающих в южнотюркских рукописях). До сих пор малоисследован вопрос, насколько чагатайская литература испытала влияние литературы более ранней, кашгарской эпохи. По всей вероятности, теперь уже нельзя утверждать, что, как думал М. Хартманн (*Das Buchwesen in Turkestan*, S. 70), *Кутадгу билиг* (теперь принято такое написание вместо *Кудатку билик*, как у Радлова) «осталось почти совсем незамеченным в своей стране и очень рано было занесено в Египет». Самойлович (*Среднеазиатско-турецкие надписи*) установил, что на кувшине XIII в., найденном в Сарайчике, на нижнем течении Урала, имеются

цитаты из *Кутадгу билиг*. Даже в *Тавāрӣх-и х̮ᵛāризмшāхӣйа* Мулла Баба-Джана, написанном в конце зу-л-ка'да 1280/мае 1864 г. (единственная известная рукопись в Берлине, приобретена в 1929 г., л. 9а)[1], имеются стихи, которые кажутся совершенно цитатой из *Кутадгу билиг* (хотя там их и нет): وزير اينكوسىدور تمامى نظام * نظام اولماسه عدل تاپماس قيام ('Пусть все действия везира будут направлены на установление порядка; где нет порядка, не может совершаться правосудие').

На том же тюркском литературном языке, как и в стране узбеков, до сих пор пишут в Китайском Туркестане (Кашгарии). Здесь тюркская культура также испытала влияние персидской; единственное выдающееся сочинение, происходящее из Кашгарии,— *Та'рӣх̮-и Рашӣдӣ* Хайдер-мирзы — написано по-персидски; существуют по меньшей мере два тюркских перевода этого сочинения (Мухаммед-Садыка, сделанный в XVIII в., и анонимный, оконченный в Хотане 22 джумада II 1263/7 июня 1847 г.). Даже при Исма'ил-хане (1670—1682) Мирза Шах-Махмуд Чурас (см. Валидов, *Восточные рукописи*, стр. 313 и сл.) написал свой исторический труд, вместо своего родного тюркского языка, на очень плохом персидском. Немного позже, в начале XVIII в., был написан на чистом и простом тюркском языке исторический труд, хранящийся в Азиатском музее в Ленинграде (Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*, стр. 236 и сл.; M. Hartmann, *Der islamische Orient*, Bd I, S. 291 sq.; кроме использованной здесь рукописи в Азиатском музее имеется теперь еще одна, Петровский 9)[2]. Относительно новейших кашгарских исторических сочинений см., напр., Бартольд, ЗВОРАО, т. XVII, стр. 0188 и сл. (о *Та'рӣх̮-и Амнӣйа* Муллы Мусы из Сайрама, оконченной 11 шавваля 1321/17 декабря 1903 г.).

В XX в. у узбеков под европейским (непосредственно под русским и татарским) влиянием возникла новая тюркская литература (которую иногда называют «новочагатайской литературой»); она включает и драматические произведения.

Литература (помимо уже указанной в тексте). Vámbéry, *Ćagataische Sprachstudien*; M. Hartmann: *Zentralasiatisches aus Stambul*, *Mešreb*, *der weise Narr und fromme Ketzer*, *Ein zentralasiatisches Volksbuch*, *Ein Heiligenstaat im Islam* (все это в *Der islamische Orient*, Bd I); idem, *Der čaghataische Diwan*; лучше — Гаврилов, *Среднеазиатский поэт Хувайдо*; Самойлович, *Литература турецких народов*. ⟨См. также: Щербак, *Грамматика староузбекского языка* (в особенности стр. 19—60 — обзор источников и библиография); Баскаков, *Тюркские языки*, стр. 177—179; Рустамов, *Узбекская поэзия*; Бертельс, *Навои* (о Навои см. также литературу, указанную в наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 202, прим. 21 и др.); Köprülü, *Çagatay edebiyatı*; Bombaci, *Storia*; Eckmann, *Die tschaghataische Literatur* (с библиографией).⟩

---

[1] ⟨Об этом сочинении см. Бартольд, *Новый источник*.⟩

[2] ⟨См. Мугинов, *Описание*, стр. 45—46 (три списка).⟩

ЧЕЛЕБИ

Челеби — турецкий культурный термин, происхождение и первоначальное значение которого еще недостаточно точно определены. Вероятно, *челеби* следует производить от *чалаб* (пишется также *чалāб*) 'бог'; последнее слово (которое в Малой Азии в настоящее время произносится *чалап*), по сообщению K. Foy (*Studien*, S. 124), служит единственным обозначением понятия «бог» у юрюков Малой Азии. В письменном языке слово *чалаб* впервые появилось в VIII/XIV в. у турецких поэтов Малой Азии; до сих пор не подкреплено ни одной цитатой иногда высказываемое утверждение (также и у K. Foy, ibid.), будто это слово «не чуждо и чагатайскому языку». Мелиоранский (*Значение*, стр. 042) извлек из *Х̮улāс̣а-йи ʿАббāсӣ* (этот словарь, как указал Мелиоранский в другом месте — *Араб филолог о турецком языке*, стр. LIX,— является сокращением *Санглāх̮а* Мирзы Махди-хана, сделанным Мухаммедом Хойи) утверждение, будто *челеби* по-гречески (*ба-рӯмӣ*) является именем бога (*исм-и джанāб-и бāрӣ*).

Слово *челеби* употреблялось в литературном османском языке вплоть до XI/XVIII в. в качестве титула или звания владетельных особ, высшего духовенства (особенно таких, которые стояли во главе дервишских орденов), известных писателей и т. д. Первым известным лицом, носившим это звание, был, по-видимому, Челеби Хусам ад-дин (умерший в 683/1284 г.), преемник Джелаль ад-дина Руми в качестве главы дервишского ордена *мевлеви* (Ethé, *Neupersische Litteratur*, S. 288). В стихах поэта Касим-и Анвара, родом из Азербайджана (ум. в 835/1431-32 г.), *челеби* означает «возлюбленный» в суфийском смысле, т. е. «бог» (сообщено К. Залеманом, ЗВОРАО, т. XVII, стр. XXXIV). В VIII/XIV и IX/XV вв. многие турецкие князья и принцы в Малой Азии назывались «Челеби», среди них все сыновья султана Баязида I (ум. в 805/1402 г.). Ибн Баттута (II, 270) утверждает, будто *челеби* означает «на языке Рума» (т. е. в греческом) 'мой господин' (*саййидӣ*, на простонародном арабском *сӣдӣ*). Напротив, грекам *челеби* было известно только как турецкое слово; согласно одной глоссе к Франдзе, *челеби* на языке турок (τῇ τῶν Τούρκων διαλέκτῳ) означало 'благородного происхождения'. В *Х̮улāс̣а-йи ʿАббāсӣ* (у Мелиоранского, *Значение*, стр. 042) для *челеби* приводятся значения: 'писатель', 'поэт', 'читатель', 'знающий', 'одаренный природным умом'.

Так же объясняется это слово и в *Лахджа-йи ʻус̱мāнӣйа* (I, 482) Ахмед-Вефик-паши, причем добавляется, будто бы *челеби* в значении ʻумеющий читатьʼ позднее было вытеснено заимствованным из греческого словом *эфенди*. Известия европейских авторов XVI в., собранные В. Смирновым (*Мнимый султан*, стр. 13—14), в действительности показывают, что *челеби* в то время употреблялось в таком же значении, как испанское «don» и французское «monsieur», т. е. так, как теперь употребляется слово *эфенди* (от греческого αὐθέντης). Как прозвище поэтов и ученых «Эфенди» вместо «Челеби» вошло в употребление, по-видимому, в конце XVII—начале XVIII в.; важно было бы выяснить (по рассказам европейских путешественников и по другим источникам), было ли *челеби* вытеснено словом *эфенди* и в османском обиходе только в это же время или еще раньше. Насколько мне известно, такое исследование еще не проделано.

Помимо своего религиозного значения, которое оно сохранило до сих пор (в ордене *мевлеви* оно и теперь обозначает высшую духовную степень; глава ордена именуется *челеби-эфенди*), слово *челеби*, по-видимому, имело примерно такие же значения, как персидское *мирза* (из *эмир-заде*), которым одинаково обозначались как принцы царствующего дома, так и вообще благородные и образованные господа, как знаменитые ученые, так и простые писцы. В настоящее время *челеби*, в противоположность *эфенди*, служит обращением только к немусульманам (в особенности европейцам); этим же словом христианские и еврейские женщины называют своих мужей; в одном новоармянском наречии невеста, обращаясь к брату жениха, должна называть его *челеби*. В своем прежнем обычном значении ʻблагородный господинʼ и ʻджентльменʼ это слово сохранилось только в пословицах, напр.: *Sen çelebi men çelebi, atı kim kaşar?* ʻТы барин, я барин, а кто коня будет чистить?ʼ или арабская: *Х̣алабӣ чалабӣ, шāмӣ шӯмӣ, мис̣рӣ х̣арāмӣ* ʻЖитель Халеба — джентльмен, житель Дамаска — вестник несчастья, египтянин — ворʼ (Kremer, *Mittelsyrien*, S. 95).

Ахмед-Вефик-паша в своем *Лахджа-йи ʻус̱мāнӣйа* (I, 482) дал объяснение слов *челеб* и *челеби*, которое было принято многими европейскими ориенталистами. Согласно этому объяснению, во времена Чингиз-хана татары и восточные тюрки учились читать сперва у христианских священников, т. е. познакомились от них письму; поэтому тюрки в то время в качестве имени бога наряду с «китайским» *тенгри* и древнетюркским *оган* приняли также слово *чалӣпā* (сирийское *цлӣбō*, араб. *с̣алӣб*), которое собственно означает ʻкрестʼ; по этой же причине слово *челеби*, собств. ʻпоклоняющийся крестуʼ, сохранило значение ʻзнающий письменность, образованный человекʼ. На этом объяснении основывается последовательность, в которой Редхауз (*Lexicon*, p. 728) приводит различные значения слова *челеби*: «первоначально, в Татарии», это слово будто бы означало христианского священника или «поклоняющегося кресту», «потом, в Тур-

ции» — принца, «потом» светского ученого и богослова, «еще позже» — «джентльмена пера» и «в конце концов» — «джентльмена немусульманина».

Вместе с Ахмед-Вефик-пашой барон Розен (*Дополнительная заметка*; *Еще два слова о «челеби»*) предполагает, что слова *челеб* и *челеби* следует рассматривать как следы миссионерской деятельности сирийского (несторианского) духовенства; только эта деятельность должна быть отнесена к значительно более ранней эпохе, нежели XIII в.; оба эти слова принесены из Средней Азии на запад сельджуками. Тот факт, что ни одно из этих слов до сих пор не засвидетельствовано у тюрков Средней Азии и даже у персидских сельджуков, не имеет, по его мнению, решающего значения, так как эти области исследованы очень слабо.

Барон Тизенгаузен (*К вопросу о слове челеби*) предложил в 1898 г. другую этимологию. *Челеби* следует производить от арабского корня *джлб* 'приносить, вводить' (откуда *джалаб* 'ввезенный товар', *джалūб* 'раб'); *челеби* как 'сведущих в письме чиновников' следует сопоставить с упоминаемыми Кутб ад-дином (*Die Chroniken der Stadt Mekka*, III, 188—189, 242) *джалаб* (мн. ч. *джулбāн*), которые в Египте во времена мамлюков образовывали особый полк, были сведущи в чтении, письме и во всех искусствах и позднее часто назначались на самые высокие должности.

Эта этимология не встретила сочувствия в ученых кругах; как замечает барон Розен, такая попытка объяснения могла бы быть оправдана только в том случае, если бы сперва было доказано, что нет никакой связи между словами *челеби* и *чалаб* 'бог'.

В статье, написанной несколько лет спустя, П. Мелиоранский (*Значение*) специально подчеркивает существование такой связи, однако с оговоркой, что оба эти слова, по всей вероятности, попали к тюркам в уже готовой форме, так как подобное словообразование (с прибавлением окончания *и*) чуждо турецкому языку. Христианское происхождение обоих слов, предполагаемое Ахмед-Вефик-пашой, «вероятно, но не более того»; с другой стороны, вопреки мнению барона Розена можно утверждать с уверенностью, что эти слова возникли не в Центральной Азии и не под влиянием несторианских священников, а лишь у турок Малой Азии, возможно под влиянием их христианских соседей.

В. Смирнов (*Мнимый султан*), напротив, старается доказать, что *челеби* не имеет ничего общего с *чалаб*, а является греческим *καλλιεπής* 'красиво говорящий, поющий, пишущий'; отсюда еще у византийских греков образовалось значение 'образованный, уважаемый господин', в котором это слово и было заимствовано турками.

В последний раз вопрос о происхождении слов *чалаб* и *челеби* был рассмотрен Н. Марром (*Еще о слове «челеби»*). Отправную точку его исследования составляет отмеченное бароном Розеном употребление слова *челеби* у дервишей Малой Азии, а также приведенные Мелиоранским лингвистические доказательства того, что слова *челеби* и *челеб* могли возникнуть только у нетюркского народа. По мнению Н. Марра, про-

исхождение обоих этих слов следует искать в курдском языке, в котором и в настоящее время существуют слова *Ҿелеб* 'бог', *Ҿелеби* 'благородный господин', а также 'бродячий певец'. Слово *Ҿелеб* является не иранским, а должно рассматриваться как остаток доиранского языка курдов. Этот язык принадлежал к ветви языкового древа, близкого семитскому, которое автор именует «яфетическим». Курдское *Ҿелеб* восходит к южно-яфетическому *к̣ерб* или *к̣ереб*, которому в семитском соответствуют арамейское *цлем*, арабское *с̣анам*. Все те значения, в которых слово *челеби* употреблялось у турок Малой Азии в VIII/XIV в., оно имело уже у курдов. Первоначальное значение этого слова было 'последователь бога' (*Ҿелеб*); *челеби* было также прежним названием секты, известной ныне под названием *йазӣдӣ* (от перс. *ӣзад* 'бог'). Вообще курдское язычество оказало несомненное влияние на религиозную жизнь мусульман, особенно дервишей Малой Азии; можно в связи с этим указать на курдскую секту, еще и теперь широко распространенную в Персии под названием *ахл-и х̮ак̣к̣*, или *'Алӣ илāхӣ*. Важен еще тот факт, что в настоящее время не только около Сиваса в Малой Азии, но и в русской Армении (в Елисаветпольской губернии) существует селение Челебилер (мн. ч. от слова *челеби*).

С другой стороны, если вопрос будет рассматриваться в дальнейшем, может быть, следовало бы обратить внимание на то, что у суфийского поэта Касим-и Анвара словом *челеби* обозначаются не «последователи бога», а сам бог как «возлюбленный» в суфийском значении. Словообразовательное окончание *и*, быть может, также не столь чуждо тюркскому языку, как полагает Мелиоранский. Макс ван Бершем (в частном письме) обратил внимание автора этих строк на имя Алпи (очевидно, вместо Алп 'герой') у тюрков Ортукидов в Месопотамии (VI—VIII/XII—XIV вв.) и еще имя Чагры, вероятно идентичное *чакыр* 'сокол', у Сельджукидов и Караханидов.

⟨Новая литература указана Б. Шпулером в EI², II, p. 19b.⟩

ЧИНГИЗ-ХАН

Чингиз-хан (пишется часто Чинккӣз-х̮а̄н) — монгольский завоеватель и основатель монгольской мировой империи, родился в 1155 г. (по тюрко-монгольскому животному циклу в год свиньи, 549/50 г. х.) на правом берегу Онона в местности Дюлюн-Болдак (ныне на русской территории примерно под 115° в. д.). Как сообщают, свое первоначальное имя — Темучин — он получил по имени одного из вождей, побежденного в это время его отцом Есугай-бахадуром. Все, что мы, помимо этого, знаем о его предках и о его юности, было написано уже под впечатлением дел, совершенных им позднее; монгольское предание даже в своей наиболее древней форме содержит легенду о том, что будущий завоеватель мира родился с куском засохшей крови в руке.

Народ, который в первой половине XIII в. потряс своими походами все страны от Китая до Адриатического моря, во всех источниках того времени, как в китайских и мусульманских, так и в русских и западноевропейских, называется «татарами». По-видимому, действительно, еще до времен Чингиз-хана монголы так сами называли себя как народ (слово *татар* как название народа появляется уже в орхонских надписях VIII в. н. э.). Китайцы различают три части татарского народа: татары белые, татары черные и татары «дикие». По-видимому, такое деление связано не с происхождением или политическим объединением, а со степенью культурности каждой из этих частей. Белые татары, жившие около Великой китайской стены, находились под влиянием китайской культуры; черные татары вели кочевую жизнь в области севернее пустыни Гоби; дикие татары, или «лесные народы» монгольского предания, жили в самых северных частях современной Монголии и в находящемся теперь под русской властью Забайкалье; эти охотничьи племена даже жизнь скотоводов считали столь же невыносимой, как кочевник — жизнь оседлого земледельца, привязанного к своему клочку земли. По китайским источникам, Темучин происходил из «черных татар»; монгольское предание причисляет его соплеменников, тайджиютов, к лесным народам; во всяком случае, их места обитания (на Ононе и Керулене) находились на границе между территориями этих двух частей народа; в культурном отношении они несомненно стояли ниже, чем некоторые другие племена черных татар, например обращенных в христианство кераитов (по верхнему

течению тех же рек и на реке Толе), но все же достигли более высокой степени культуры, чем их северные соседи.

Имя *монгол* (в мусульманских источниках — *моḡол* или *моḡӯл*) только при Чингиз-хане стало употребляться в качестве названия государства и династии, позднее — и как название народа; по-видимому, оно связано с названием небольшого княжества XII в., владетели которого восстали против господствовавшей тогда в Северном Китае династии Цзинь. В анналах династии Цзинь (*Цзинь-ши*) под 1147 г. упоминается мирный договор с этими монголами, под 1161 г. — поход против мэнгу-дада (монгольских татар). Очевидно, к этому же княжеству относятся известия монгольского предания о князьях, которые погибли в войне с Цзинь и татарами около озера Буир-Нор и мстителем за которых впоследствии объявил себя Чингиз-хан. Последним из этих князей называют Хутула-каана (*каан* — монгольская передача тюркского *каган*); его сын, Алтан, упоминается среди сторонников Темучина (позднее он примкнул, как и многие другие, к противникам слишком выдвинувшегося хана и погиб в борьбе с ним).

По монгольскому преданию, Есугай (происходивший из рода кыят) тоже был в родстве с этим княжеским домом; остается под вопросом, существовало ли действительно это родство, или оно было придумано впоследствии. Так же сомнительно, что сам Есугай, как утверждает предание, в последние годы своей жизни стоял во главе многочисленного объединения племен. Он умер в 1167 г., когда его старшему сыну, Темучину, было только 12 лет; сразу же после смерти, как сообщается, объединение племен, которым он управлял, распалось; Темучин, его мать и братья, покинутые всеми, вынуждены были жить охотой и рыбной ловлей. Следовательно, Чингиз-хану пришлось самому заложить основу своей будущей власти, не получив никакого наследства от отца. Поэтому он начал свою подлинную карьеру в значительно более зрелом возрасте, чем все другие завоеватели; до пятидесяти лет его имя, пожалуй, никому не было известно за пределами Монголии.

Основатель величайшей империи, какая только известна во всемирной истории, был сперва предводителем шайки искателей приключений, частью знатного происхождения, которые провозгласили его своим «ханом». Известия об этом этапе его жизни скудны и малодостоверны; но характерно то, как хан и его «подданные», как сообщают, понимали свои обязанности в отношении друг друга. Подданные будто бы говорили хану при вступлении его на престол: «Когда ты будешь нашим государем, то в битвах с многочисленными врагами мы будем сражаться в первых рядах; если полоним прекрасных девиц и жен да добрых коней, то будем отдавать их тебе. В облавах на зверей мы будем выступать прежде других и пойманных нами зверей будем отдавать тебе». В таких же словах говорит хан в дни несчастий, оставленный своими неверными сподвижниками; он утверждает, что он выполнял свои обязательства по отношению

к ним: «Я брал много конских табунов, овечьих стад, жен и детей и отдавал их вам; когда мы охотились в степи, для вас я устраивал облаву и гнал в вашу сторону горную дичь». За пределы таких представлений Чингиз-хан не вышел и в дни своего величия; всегда высшим счастьем ему казалось скакать на конях побежденных врагов и целовать их жен (см. персидский текст Рашид ад-дина, изд. Березина, III, 194). Он нигде не утверждает, как, например, тюркский хан в орхонских надписях VIII в., что он предпринял свои завоевания для блага всего своего народа, что он сделал немногочисленный народ многочисленным, бедный народ — богатым, дал одежду нагому народу.

События, происходившие во второй половине XII в. в Монголии, помимо причин местного характера, были вызваны политикой китайского правительства. Как и у многих других китайских династий, у Цзинь было правилом бороться с непокорными кочевыми князьями с помощью других ветвей того же кочевого народа. Буир-норские татары, с помощью которых были уничтожены монгольские князья, теперь в свою очередь стали слишком сильны для китайцев; в войне с этими врагами Темучин, который впоследствии в качестве мнимого родственника монгольских князей предпринял в отместку за них поход против Цзинь, выступает вместе с вождем христианских кераитов как верный союзник китайского правительства. В 1194 г. (год тигра) война закончилась победой союзников; в награду за это вождь кераитов получил от китайского полководца (*чэнсян*) княжеский титул (кит. *ван*, у монголов, как и у тюрков VIII в.,— *унг* или *онг*), а его сын — военное звание *цзянцзюнь* (монг. *сенгун*). Первоначальные имена обоих князей, по-видимому, были полностью вытеснены этими китайскими титулами; Темучину также был пожалован почетный титул, который, однако, не приобрел такой известности.

Следующее десятилетие было для Монголии временем междоусобиц. Помимо многочисленных войн между отдельными князьями и племенами, во время которых Темучин постоянно выступал как верный союзник вождя кераитов (в то время он называл последнего «отец»), упоминается и более крупное движение: в 1201 г. (год курицы) большое число племен присоединилось к прежнему побратиму (*анда*) Темучина, Чжамухе, которого его сторонники провозгласили государем с титулом гурхана. Это движение, очевидно, следует рассматривать как борьбу народных масс против аристократии; в противоположность Темучину и его союзникам Чжамуха, как сообщают, заботился не о знатных «табунщиках», а о бедных и презираемых «овечьих пастухах». Войско, собранное Чжамухой, было вскоре разбито и рассеяно; однако Чжамухе позднее удалось завоевать доверие сенгуна и его отца и поссорить их обоих с их прежним союзником. Этот разрыв имел очень тяжелые последствия для Темучина; оставленный почти всеми своими приверженцами, он должен был отступить с небольшим отрядом верных ему людей к маленькому

озеру Балчжуна и пить из него гнилую воду. Несмотря на это, ему удалось при помощи хитрости обмануть своих врагов и неожиданно напасть на них. Унг-хан и его сын, сенгун, вынуждены были спасаться бегством и позже погибли в дальних странах: отец — в западных областях Монголии, сын — в местности между Кашгаром и Хотаном. Все племена восточной половины Монголии должны были признать Темучина своим государем (1203, год свиньи).

Те немногие преданные люди, которые остались верны Темучину и на Балчжуне, пользовались впоследствии, под названием *балчжунту*, большими привилегиями в империи, основанной Чингиз-ханом. Важно отметить, что среди них были три мусульманина: Джаʿфар-ходжа, Хасан и Данишменд-хаджиб; двое последних много лет спустя сопровождали своего государя в его походе против империи хорезмшаха и оказали ему большие услуги как посредники между завоевателями и населением этих стран; Данишменд, по всей вероятности, был намного моложе Темучина, так как пережил его по меньшей мере на 25 лет и упоминается как воспитатель его внука Мелика (одного из сыновей Угэдэя). Очевидно, эти мусульмане могли попасть в эти места только как купцы; действительно, один из современников этих событий (китаец Мэн Хун [1]) определенно утверждает, что даже торговлю между Монголией и Китаем в то время вели мусульманские купцы, пришедшие с запада. Эти купцы, которых монголы называли тюркским словом *ортак* (собств. ʻпосредник'), и позднее пользовались расположением Чингиз-хана; в приписываемых ему изречениях Чингиз-хан наставляет своих военачальников обучать своих сыновей всем военным наукам, чтобы они были в состоянии предпринимать военные походы с такой же уверенностью, с какой купец, знающий цену своих товаров, предпринимает свои торговые путешествия. Весьма возможно, что советы этих людей, несомненно значительно превосходивших монголов своим опытом и знаниями, оказывали некоторое влияние и на политику Чингиз-хана и на устройство его империи; однако мы не имеем об этом никаких точных сведений.

Подчинение западной половины Монголии было завершено только в 1206 г. (год тигра), после победы над могущественным племенем (также христианским) найманов; в том же году, по китайской версии, Темучин будто бы принял «императорский титул». На самом деле как он сам, так и его ближайшие преемники даже после уничтожения империи Цзинь всегда считали себя только повелителями кочевой империи и никогда не считали себя императорами Китая. Как и многие князья кочевников до него (его потомки уже не следовали этому обычаю), Темучин, став государем, принял новое имя. Монгольское предание не дает нам точных сведений, когда в первый раз он назвал себя «Чингиз-ханом» и что, собственно, означает слово «Чингиз». По одним сведениям, Темучин носил

[1] ⟨Чжао Хун; см. выше, стр. 255.⟩

это имя еще будучи «ханом» отряда авантюристов, по другим — он принял его только в 1203 г., после победы над кераитами, а еще по одним — только в 1206 г., после победы над найманами. Его китайский современник Мэн Хун считает слово «Чингиз» транскрипцией китайского *тянь цзы* ('сын неба'); другая китайская этимология (*цзин сы* 'совершенный воин') приведена Дугласом (*The life*, p. 54). По монгольской этимологии, сообщаемой Рашид ад-дином (изд. Березина, III, текст, 12), «Чингиз» объясняется как форма множественного числа от прилагательного *чинк* 'сильный'. Так как Темучин, как сообщают, получил свое царское имя от шамана, то слово «Чингиз», вероятно, заимствовано из области (еще недостаточно изученной) религиозных представлений монголов.

Все источники согласны в том, что Чингиз-хан только в 1206 г., после того как он объединил под своей властью всю Монголию, созвал свой первый курултай и что внешние знаки его власти и порядки в его империи лишь тогда были установлены окончательно. В качестве знака ханской власти в его ставке было водружено знамя с девятью белыми конскими хвостами; по китайским сообщениям, на этом знамени была изображена черная луна [2].

Чингиз-хан, как сообщают, говорил: «Тот, кто может содержать в порядке свой дом, может навести порядок и в государстве; кто умеет как полагается командовать десятью человеками, тому можно доверить командование и над 1000 и 10 000 человек». Своей собственной жизнью Чингиз-хан, быть может как никто другой, подтвердил правильность этого (само собой разумеется, не всегда справедливого) изречения. Как будучи предводителем разбойников, так и став императором, он сумел создать узкий круг людей из числа своих подчиненных, на которых он мог положиться почти как на самого себя и которые и после его смерти (в противоположность истории всех других завоеваний, не связанных с переселениями народов) с тем же успехом продолжали начатое им дело. Особое значение для военных успехов монголов имело, по-видимому, создание многочисленной личной гвардии, которая только в 1206 г. получила окончательное устройство. Служба, которую должна была нести эта гвардия (численностью в 10 000 человек) в ставке хана, была определена до мельчайших деталей; дисциплина соблюдалась с исключительной строгостью; однако эти войска находились в империи на положении привилегированной военной аристократии; гвардейский рядовой считался выше рангом, чем тысячник в других войсках. Начальники не имели права подвергать телесному наказанию или казнить своих подчиненных без предварительного доклада хану. В состав этой гвардии входил специальный полк (1000 человек), который был непосредственно связан с особой хана и выступал в поход только тогда, когда при войске был сам хан. Важным средством для поддержания дисциплины, обучения и тренировки воинов

[2] ⟨Ср. об этом наст. изд., т. I, стр. 449, прим. 6.⟩

были организуемые в больших масштабах облавные охоты, во время которых все требования дисциплины должны были соблюдаться так же строго, как и на войне. Насколько сильно было развито в монгольском войске чувство дисциплины, лучше всего показывает возникшая в Монголии около 1240 г. обработка монгольского предания. Неизвестный автор выступает вполне независимо по отношению к князьям и царевичам из правящей династии и упрекает их в ошибках и преступлениях; он мало сочувствует завоеванию далеких стран и сообщает об этих завоевательных войнах крайне скудные сведения; однако незначительное нарушение дисциплины (упомянутое также в мусульманских источниках), имевшее место в Хорасане (вопреки приказу хана один воинский отряд задержался, чтобы ограбить пашню), представляется автору достаточно важным, чтобы быть специально упомянутым.

В высшей степени характерным для всего направления «внутренней политики» Чингиз-хана (если можно здесь применить это выражение) является тот факт, что он в противоположность хану орхонских надписей — помощнику «бедного и нагого» народа — в приписываемых ему изречениях подчеркивает только свои заслуги в восстановлении порядка и дисциплины в своем войске и народе. До него, по его словам, сын не слушался отца, младший брат — старшего, невестка — свекрови, подчиненный — начальника, а сами начальники не выполняли своих обязанностей в отношении подчиненных; при нем порядок был установлен повсюду и каждый поставлен на свое место.

В стране найманов, как сообщают, Чингиз-хан впервые познакомился с употреблением печати и письма. Его мусульманские купцы, очевидно, не были образованными людьми, как и теперь большинство восточных купцов, даже когда их торговые предприятия захватывают дальние страны. На службе у хана найманов был уйгурский хранитель печати; Чингиз-хан взял его к себе на службу, ввел в своей империи употребление уйгурской письменности и приказал обучить ей своих сыновей и других молодых монголов знатного происхождения. Китайская административная система тогда еще, по-видимому, не оказала непосредственного влияния на монгольскую империю. Само собой разумеется, что Китайская империя пользовалась большим престижем среди кочевников; царевна из династии Цзинь, которую Чингиз-хан получил в жены незадолго до взятия Пекина и которая пережила своего мужа более чем на 30 лет, была некрасива лицом и не подарила своему мужу детей; несмотря на это, она, как сообщают, всю свою жизнь, даже после того как ее родина была завоевана, пользовалась особым почетом как «дочь великого императора» (см. Рашид ад-дин, изд. Березина, II, текст, 131). Тем не менее у Чингиз-хана еще долгое время после основания его владычества не было при дворе ни одного представителя китайской культуры. Как сообщает Мэн Хун, китайская письменность стала применяться монголами даже в сношениях с Китаем только с 1219 г.; до этого времени даже посылав-

шиеся в Китай официальные документы писались только по-уйгурски. Также и персидских чиновников, по-видимому, Чингиз-хан стал держать у себя на службе только со времени завоевания Мавераннахра (ср. анекдот, взятый из Рашид ад-дина д'Оссоном, *Histoire des Mongols*, t. I, p. 413 sq.). Еще при жизни Чингиз-хана были молодые монголы, вполне усвоившие, по крайней мере внешне, культуру побежденных народов и говорившие на нескольких языках; для хана культура покоренных народов всегда оставалась чуждой; он никогда не знал ни одного языка, кроме своего родного монгольского.

Невозможно доказать, что еще в Монголии Чингиз-хан вынашивал далеко идущие завоевательные планы. Его первые походы против соседних культурных стран были по существу только грабительскими набегами; лишь значительно позднее монгольское владычество установилось в этих странах прочно. Походы на запад были предприняты первоначально для преследования спасавшихся там врагов; только в ходе событий эти походы приняли характер систематических завоеваний.

В 1205 г. Чингиз-хан предпринял свой первый поход против культурной страны, а именно против Тангута, царства Ся или Си Ся китайцев, и вернулся с богатой добычей. Войны против Ся позднее возобновлялись несколько раз; в 1210 г. император Ся был принужден отдать свою дочь в жены Чингиз-хану. Уже значительно позже военные действия были возобновлены; только в последний год жизни завоевателя империя Ся была уничтожена.

Так же долго продолжалась начатая в 1211 г. борьба с могущественной империей Цзинь в Северном Китае. С самого начала для этой войны были мобилизованы почти все имевшиеся военные силы; в Монголии осталось только 2000 человек; сам хан и его четыре сына были при войске. После ряда побед военные отряды монголов соединились в 1213 г. (по Рашид ад-дину) или в 1214 г. (по китайским государственным анналам) под Пекином; был заключен мир и брак между Чингиз-ханом и китайской царевной; но уже через пять месяцев война возобновилась; в 1215 г., после продолжительной осады, Пекин должен был сдаться победителю. В 1216 г. Чингиз-хан возвратился в Монголию; сразу же после его отъезда Цзиням удалось отвоевать бо́льшую часть своей империи. Позднее продолжение войны было поручено полководцу Мухули; однако цзиньская империя продолжала существовать, несмотря на все поражения, и была уничтожена только при преемниках Чингиз-хана.

В течение 1211—1216 гг., когда все военные силы монголов были заняты в Китае, пришлось прекратить преследование бежавших на запад врагов. Поэтому все успехи монгольского оружия на западе были одержаны или до 1211 г. или после 1216 г.

Непосредственно на западе с Монголией и Китаем граничила большая империя гурхана кара-китаев, которая охватывала все земли от области уйгуров до Аральского моря (ср. Barthold, *Bis̲h̲balik*, S. 579; 〈наст. изд.,

т. III, стр. 375〉). Эта империя сперва была наводнена бежавшими из Монголии отрядами, а также их преследователями; в результате этого власть гурхана, уже ослабленная из-за отпадения нескольких мусульманских государей, в особенности хорезмшаха Мухаммеда, была совершенно уничтожена. Князь (идикут) уйгуров подчинился Чингиз-хану в 1209 г., в 1211 г. подчинился Арслан-хан — князь карлуков в северной части нынешнего Семиречья (первый мусульманский князь, который присягнул монголам), позднее (после 1216 г.) — также владетель Алмалыка в долине Или. Мавераннахр был завоеван хорезмшахом; остальные части империи кара-китаев захватил Кучлук, князь найманов. В течение последующих лет Кучлук смог беспрепятственно укрепить свою власть в этих областях. Первоначально, как и большинство его соплеменников, он был христианином; в государстве кара-китаев он обратился в идолопоклонство (вероятно, буддизм). Против мусульман нынешнего Китайского Туркестана, которые подчинились ему только после продолжительного сопротивления, он начал жестокое гонение; публичное богослужение было полностью запрещено, население принуждалось принять одежду кара-китаев; непокорные или взятые под подозрение жители, подобно протестантам во времена Людовика XIV, подвергались военному постою.

Только около 1216 г. Чингиз-хан смог опять обратить свое внимание на запад. Преследование бежавших туда врагов он поручил теперь своему старшему сыну — Джучи, первый поход которого был направлен, однако, не против найманов, а против их прежних союзников, мергитов; этот народ ранее был изгнан монголами из местности к востоку от Байкала и нашел убежище в теперешней киргизской [3] степи. Сражение произошло только в западной части этой степи, в нынешней Тургайской области, причем мергиты были почти полностью уничтожены; однако сразу же после этого на монгольское войско напало многочисленное войско хорезмшаха, который с нижнего течения Сыр-Дарьи предпринял поход против господствовавшего в этой местности народа — кипчаков. Несеви, единственный историк, который обнаруживает хорошую осведомленность о месте битвы и географических условиях, определенно говорит, что эта битва произошла уже в 612 г. х. (1215-16 г.), а не после резни в Отраре, как утверждают прочие источники. Сражение не дало результата; ночью монголы покинули свой лагерь, оставили горящие сторожевые костры, чтобы обмануть противника, тем самым выиграли время, и их уже невозможно было догнать. Определенно сообщается, что Джучи не желал этого сражения; хорезмшах будто бы заявил, что считает всех неверных своими врагами; однако и он, вероятно, заранее не намеревался нападать. Неизвестно, как и когда узнал Чингиз-хан об этом инциденте; во всяком случае, он не оказал никакого влияния на отношения между двумя империями. Вероятно, это столкновение рассматривалось обеими сторонами как пе-

---

[3] 〈Казахской.〉

чальное недоразумение. Свой большой поход против империи хорезмшаха, который должен был стать роковым для всего мусульманского мира, Чингиз-хан предпринял несколькими годами позднее совершенно независимо от этого события.

Причины этого похода обсуждались уже не раз, но большей частью без достаточного знакомства с сообщениями источников. Даже в новейших научных работах о мнимом посольстве халифа Насира ли-дини-ллаха, который будто бы призвал монголов против своего врага — хорезмшаха, рассказывается как о факте, хотя об этом имеется только один подробный, но несомненно легендарный рассказ у Мирхонда (*История Чингиз-хана*, изд. Жобера, 102 и сл.); в первоисточниках известие о таком поступке халифа упоминается лишь как смутный слух, который распространился в мусульманском мире, подобно тому как в Европе двумя столетиями позже такое же обвинение выдвигали приверженцы папы против императора Фридриха II, а приверженцы императора — против папы (см. цитату у Л. Каёна, *Introduction*, p. 356 sq.). Чингиз-хан действительно принял в Пекине, следовательно в 1215 или 1216 г., мусульманское посольство; но это было не посольство халифа, а посольство самого хорезмшаха. Весть об успехах монголов в Китае дошла до Средней Азии; хорезмшах также услышал об этом и хотел через это посольство получить более точные сведения о могуществе нового завоевателя. Единственный историк, у которого мы находим рассказ об этом посольстве (Джузджани, пер. Раверти, I, 270 и сл.; II, 963 и сл.), получил свои сведения о нем от самого посла (Беха ад-дина Рази).

Примерно в это же время, по всей вероятности, прибыл торговый караван, упоминаемый Джувейни (см. текст у Шефера, *Chrestomathie persane*, t. II, p. 106 sq.); встретили ли эти купцы хана уже в Монголии или еще в Китае, не говорится. Первые шаги для восстановления торговых отношений между двумя империями были предприняты, следовательно, из страны хорезмшаха; отправление посольства и торгового каравана из Монголии в Среднюю Азию может рассматриваться только как ответ на эти шаги. Тот факт, что еще до 1203 г. мусульманские купцы нашли дорогу к Чингиз-хану, достаточно свидетельствует, что эти торговые связи имели для обеих сторон большее значение, чем это обычно полагают.

В 1218 г. в Мавераннахре в качестве послов монгольского хана появились три мусульманина, один из которых был родом из Хорезма, другой — из Бухары, а третий — из Отрара. Им было поручено передать хорезмшаху от имени их повелителя богатые дары и объявить ему, что хан считает его «наравне с самым дорогим из своих сыновей». Мухаммед должен был быть оскорблен таким обращением, так как слово «сын» в отношениях между государями как в Восточной Азии, так и в мусульманском мире обозначает вассальную зависимость; однако по меньшей мере сомнительно, что Чингиз-хан, как это утверждают, хотел этим умыш-

ленно нанести обиду хорезмшаху и сделать войну неизбежной. Во всяком случае, разрыв между обоими государями был вызван не этим инцидентом. Как сообщают, Мухаммед выразил свое неудовольствие не во время самой аудиенции, а лишь на следующую ночь в разговоре с одним из послов, получил от последнего удовлетворительные объяснения и отпустил посольство с благоприятным ответом.

Торговый караван состоял из 450 человек, исключительно мусульман; во главе их стояли четверо купцов: Омар-ходжа из Отрара, Хаммаль из Мераги (в Азербайджане), Фахр ад-дин Дизеки из Бухары и Амин ад-дин из Герата. Все эти купцы были убиты в пограничном городе Отраре и их товары разграблены. Была ли эта резня вызвана жадностью правителя города, или она была совершена по приказанию султана, неизвестно; во всяком случае, ни в одном из источников нет утверждений, что сами купцы навлекли на себя несчастье, например шпионажем или вызывающим поведением. Сообщают, что Чингиз-хан через посредство еще одного посольства потребовал удовлетворения; Мухаммед приказал убить и этих послов или по крайней мере одного из них.

Таким образом, поход против империи хорезмшаха сделался неизбежным. По мусульманским известиям, Чингиз-хан предпринял поход с войском в 600 или 700 тысяч человек; эти цифры, конечно, сильно преувеличены. Разумеется, монголы собрали против своего могущественного противника так много сил, как только было возможно; это следует уже из того, что и тогда, как в 1211 г., сам хан и его четыре сына находились при войске; однако и восточные земли не могли быть совершенно лишены войск, так как война в Китае продолжалась и в эти годы. В распоряжении полководца Мухули оставалась почти половина 129-тысячной монгольской армии (62 000 человек); из этого войска, вероятно, не отзывали из Китая ни одного или лишь незначительные отряды, так как в противном случае Цзинь могли бы, пожалуй, с бо́льшим успехом использовать это время. Таким образом, численность ядра монгольских войск, принявших участие в войне против хорезмшаха, по всей вероятности, была немногим более 70 000 человек; несколько большим был, быть может, контингент из подчиненных народов; два мусульманских государя — Арслан-хан, князь карлуков, и Сукнак-тегин, владетель Алмалыка, — со своими отрядами также вынуждены были воевать на стороне монголов против своих единоверцев. То, что нам известно о составе монгольских войск во время войн в Мавераннахре и в других странах, позволяет предположить, что общее число монголов и их союзников вряд ли превышало 200 000 человек. Войско хорезмшаха несомненно было более многочисленным, чем монгольское; но отдельные части этого войска не действовали в согласии ни со своим государем, ни друг с другом и потому не могли противостоять войскам, которыми командовали Чингиз-хан и его полководцы.

Победоносный поход монгольского войска в мусульманские страны,

во время которого сам Чингиз-хан дошел на западе до Бухары, на юге — до берега Инда в районе Пешавара, а его воинские отряды — до Азовского моря, уже неоднократно подробно описывался; к тому, что сказано д'Оссоном (*Histoire des Mongols*, t. I, p. 216 sq.), мало что можно добавить. На ход событий не могло не оказать влияния уничтожение государства Кучлука полководцем Чингиз-хана, Джэбэ, последовавшее уже осенью 1218 г. В Кашгаре и других городах население восстало против своих поработителей и встретило монголов как освободителей; в противоположность религиозным преследованиям, которым подвергались мусульмане в правление Кучлука, монгольский полководец приказал объявить, что каждый может исповедовать веру своих отцов. Весть об этих событиях несомненно проникла в Мавераннахр; так как жертвами резни в Отраре были одни только мусульмане, то хорезмшаху и без того трудно было представить своим подданным борьбу с монголами как войну за веру; теперь сделать это стало ему еще труднее.

Способ ведения войны монголами во всех культурных странах (Китае, Передней Азии и позднее в России) был один и тот же: повсюду безоружное сельское население сгонялось в большом количестве, чтобы использовать его при осаде укрепленных городов; при штурме крепостей монголы гнали этих несчастных перед собой, с тем чтобы они принимали на себя первый град стрел и прокладывали дорогу для следующего за ними войска. Иногда им раздавали знамена, чтобы обмануть противника видом многочисленного войска. Во время осады Ходженда, как сообщают, число монголов составляло только 20 000, а число пригнанных ими пленников — 50 000 человек.

В Мавераннахре и Хорезме монгольское владычество прочно установилось уже при Чингиз-хане; остальные земли хорезмшаха позднее пришлось покорять еще раз. Сам Мухаммед почти нигде не выступил навстречу вражескому войску; известия о его бегстве и смерти должны быть, вероятно, исправлены и дополнены в том смысле, что преследователи потеряли его след; иначе их отряды, конечно, нашли бы дорогу к острову на Каспийском море, отстоявшему так недалеко от побережья. Сочинение анонимного монгольского историка 1240 г. показывает, что для монголов преемник Мухаммеда Джелаль ад-дин был тем самым государем, по приказу которого были убиты монгольские послы; такие же рассказы даже сто лет спустя слышал в Средней Азии Ибн Баттута (III, 23 и сл.). По всей вероятности, сам Чингиз-хан и его ближайшее окружение были осведомлены лучше.

Войско, которым командовал сам Чингиз-хан, в течение всей войны не потерпело ни одного поражения; только против меньших отрядов мусульманские полководцы добивались преходящих успехов. О ходе военных действий в целом у нас есть вполне заслуживающие доверия известия; в деталях не всегда легко установить отношение рассказов к фактам, так как большинство из них восходит к одному-единственному источнику —

Та'рӣх-и джахāнгушāй Джувейни, написанному только в 658/1260 г.; период в 40 лет был более чем достаточным, для того чтобы родились некоторые легенды, особенно о делах и словах самого хана. Часто, даже в новейших научных трудах, передается рассказ о том, будто Чингиз-хан (который мог говорить только на своем родном монгольском языке!) при взятии Бухары обратился к народу с минбара одного из молитвенных домов (*мусаллā*) с речью, в которой называл себя божьей карой, посланной людям в наказание за их грехи (у Шефера, *Chrestomathie persane*, t. II, p. 124). Достаточно отметить, что о взятии Бухары у нас имеются рассказы трех историков, сочинения которых написаны раньше, чем труд Джувейни, и что ни один из трех рассказов не содержит этой поразительной сцены.

Некоторые сведения о положении опустошенных областей, о распоряжениях, отданных самим ханом и его сыновьями, и о времени возвращения хана из местности на Гиндукуше в Мавераннахр, мы узнаём от китайского отшельника Чан-чуня, приверженца даосизма, который по желанию хана должен был предпринять путешествие из Китая до Гиндукуша. Чингиз-хан, по-видимому, буквально понял учение этой секты о средствах для достижения вечной жизни; когда на его вопрос об этом Чан-чунь ему ответил: «Есть средства сохранить жизнь, но нет средства достичь бессмертия», его, вероятно, должно было постичь горькое разочарование; о большом самообладании свидетельствует то, что он, несмотря на это, сохранил свое расположение к отшельнику, похвалил его за прямоту и продолжал принимать его поучения и советы с самым глубоким почтением, хоть и не всегда им следовал. В марте 1223 г. на охоте Чингиз-хан оказался в смертельной опасности (он упал с лошади, и на него напал разъяренный вепрь); отшельник пытался его убедить отказаться, ввиду преклонного возраста, от этого развлечения; хан обещал так поступить, но смог выполнять свое обещание только в течение двух месяцев.

Лето 1223 г. Чингиз-хан провел в степи Кулан-баши (в восточной части нынешней Сыр-Дарьинской области, к северу от Александровского[4] хребта), лето 1224 г. — на Иртыше; лишь в 1225 г. он вернулся на свою родину, и то только затем, чтобы оттуда в том же самом году предпринять свой последний поход против государства Ся. Там, в теперешней китайской провинции Ганьсу, недалеко от города Цзиньчжоу, за несколько дней до окончательного падения столицы государства Ся, в первой половине рамадана 624/августе 1227 г. (точную дату сообщают по-разному), Чингиз-хана постигла смерть. Его останки были отвезены в Монголию и погребены в горах Бурхан-Халдун, у истоков Онона и Керулена; по монгольскому обычаю, место погребения сохранялось втайне. В той же местности позднее были похоронены некоторые из его потомков и были воздвигнуты их изображения. Значительно южнее, в Ордосе (между Великой стеной и Хуанхэ), у реки Джамхак, теперь стоят две войлочные

[4] ⟨Ныне Киргизский.⟩

юрты, в которых сохраняются останки завоевателя (по одним данным — в медном, по другим — в серебряном ящике), его седло, его чашка и его трубка (!), и по определенным дням приносятся жертвы его духу. В том, что этот культ и эти реликвии — позднего происхождения, не может быть, конечно, никакого сомнения; к какому времени относятся первые известия об этом, до сих пор еще не исследовано.

О внешности завоевателя у нас есть некоторые сведения, относящиеся только к последнему десятилетию его жизни: мы обязаны ими китайцу Мэн Хуну [5] и персу Джузджани. От своих соотечественников он отличался высоким ростом, широким лбом и длинной бородой; Джузджани отмечает также его крепкое телосложение и «кошачьи глаза»; на макушке у него сохранилось только немного седых волос.

Еще при жизни Чингиз-хан назначил своим преемником своего третьего сына — Угэдэя. В основанном им государстве, как и во всех кочевых империях, действовал принцип, по которому государство принадлежит не государю, а царствующему роду и каждый член этого рода имеет право на *улус* (некоторое количество племен), *юрт* (территориальный удел) и *инджу* (доход, соответствующий нуждам его двора и войска). Этому принципу следовал и сам Чингиз-хан; за исключением младшего сына, Тулуя, который, по монгольскому обычаю, должен был наследовать «дом» своего отца, т. е. его первоначальные владения (восточную часть Монголии), каждому из его сыновей еще при жизни отца был назначен определенный удел. Пока был жив Чингиз-хан и его воля была непреложна, единство государственной власти, по-видимому, не пострадало от этих мер; его сыновья обычно выступали не как владетели отдельных областей, а как спутники и верные помощники своего отца, который мог поручить каждому из них особую отрасль государственного управления: Джучи считался знатоком охоты, Чагатай — в управлении на основе монгольского обычного права (яса), Тулуй — в военном искусстве. Только перед самой смертью Чингиз-хана дело дошло до разрыва между ним и его старшим сыном — Джучи, единственным, который после завоевания западных стран больше не вернулся в Монголию. Неясно, действительно ли Джучи восстал против своего отца и ослушался его приказаний, или же все это, как утверждает монгольское предание, было только вымышлено клеветниками; во всяком случае, Чингиз-хан уже готовился к походу против своего сына, когда в Монголию пришла весть о смерти царевича. Согласно позднейшим источникам, он умер только на шесть месяцев раньше отца.

Литература. К источникам, использованным и указанным еще у д'Оссона (*Histoire des Mongols*, t. I), следует прибавить в особенности: Джузджани, изд. Нассау-Лиса и пер. Раверти; рассказ китайца Мэн Хуна ⟨=Чжао Хуна⟩ 1221 г., переведенный В. Васильевым (*История и древности*); описание путешествия китайского от-

[5] ⟨Чжао Хуну; см. выше.⟩

шельника Чан-чуня, переведенное Палладием (Чан-чунь, пер., Кафарова) и Э. Бретшнейдером (*Mediaeval researches*, vol. I, p. 35 sq.); сочинение анонимного монгольского автора 1240 г., известное под название *Юань-чао би-ши* («Секретная история династии Юань»), сохранившееся в китайской транскрипции и переводе, на русский язык переведенное Палладием (*Сокровенное сказание*, пер. Кафарова). Используя все эти источники, В. Бартольд попытался изобразить личность завоевателя и его деятельность; см. Бартольд, *Образование империи Чингиз-хана*; ⟨выше, стр. 253—265⟩; его же, *Туркестан*, ч. II, стр. 409 и сл. ⟨наст. изд., т. I, стр. 446 и сл.⟩, к этому авторефераты: Barthold, *Russische Arbeiten über Ostasien*, S. 196 sq.; idem, *Russische Arbeiten über Westasien*, S. 179, и рецензия М. Хартманна, OLZ, 1903. № 6, S. 246 sq.; кроме того, Skrine — Ross, *The Heart of Asia*, p. 149 sq., и Stübe, *Tschinghiz-Chan*. О культе Чингиз-ха́на в Ордосе см. Потанин, *Поминки по Чингис-хане*. ⟨См. также: Владимирцов, *Чингис-хан*, а также рецензию В. В. Бартольда на эту книгу — выше, стр. 446—453.⟩

ЧУПАН

Чӯпāн, чопан (в чагатайском) или чобан (в османском и крымско-татарском) — персидско-тюркское слово, означающее ‘пастух’; обозначает преимущественно пастухов овец и коров в отличие от пастухов коней (*келебāн*). У кочевников чупан считался представителем низшего класса населения как с пренебрежительным оттенком, когда грубый и необразованный народ противопоставляется господствующим классам (ср. высказывания, приписываемые Чингиз-хану, у Рашид ад-дина, изд. Березина, III, текст, 179), так и в тех эпических рассказах, в которых представитель стихийной народной силы выступает как верный помощник и спаситель своего эгоистичного и неблагодарного господина (напр., в *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, III, стр. 038 и сл.). Помимо этого, слово «Чупан» встречается и как собственное имя, даже у лиц, занимающих самое высокое положение (ср., напр., эмир Чупан, правитель Персии при Абу Саʿиде в 1316—1327 гг. и основатель династии).

ПРИЛОЖЕНИЯ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии

Лекции, прочитанные в Стамбульском университете в июне 1926 г.

Турецкий перевод: V. V. Bartold, *Orta Asya Türk tarihi hakkında dersler*, İstanbul, 1927. VIII, 222, 19 s. [Перевели с русского А. Зеки Валиди [Тоган] и Рагиб Хулуси.]

Немецкий перевод (с поправками и примечаниями, добавленными автором): W. Barthold, *12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens*. Deutsche Bearbeitung von Th. Menzel, Berlin, 1935. I, 278 S. (Beiband zu «Die Welt des Islams», Bd 14—17, 1932—1935).

Французский перевод: W. W. Barthold, *Histoire des Turcs d'Asie Centrale*. Adaptation française par Mme M. Donskis, Paris, 1945, 202 p. (Initiation à l'Islam. Collection publ. sous le patronage de l'Institut d'Etudes islamiques de l'Université de Paris, t. 3),

Рец.: а) на турецкий перевод: G. Clauson, JRAS, 1928, pp. 926—929; R. [Hulusi]. UJ, Bd VIII, 1928, S. 420; T. Menzel, OLZ, 1929, S. 44—45;

б) на немецкий перевод: A. Z. W. Togan, OLZ, 1937, № 8—9, S. 537—539.

Резюме: P. Wittek, «Türkische Post», Jg. I, 1926, № 9 (9.VI)—63 (2.VIII); idem, «Mitteilungen der Deutsch-Türkischen Vereinigung», Jg. VII, 1926, № 7, 8—9; Dostojevskij, *Barthold*, S. 104; F. B[abinger], *Aus der «Geschichte der Türken» von W. W. Barthold* (отд. отт.).

На русском языке печатается впервые, по рукописи В. В. Бартольда (использованы при издании: а) экземпляр Архива АН СССР в Ленинграде (ф. 68, оп. 1, № 28)— лекции IV—XII, машинопись; б) экземпляр, принадлежащий профессору А. Зеки Валиди Тогану (Стамбул), — лекции I—III написаны рукой В. В. Бартольда, лекции IV—XII — машинопись с правкой и пометками рукой В. В. Бартольда) и немецкому переводу.

История турецко-монгольских народов

Напечатано: В. В. Бартольд, *История турецко-монгольских народов. Конспект лекций, читанных студентам Казакского высшего педагогического института в 1926/1927 учебном году*, Ташкент, 1928, 35 стр.

Пизанец Исол

Напечатано: ЗВОРАО, т. VI, 1892, стр. 327—329.
Резюме автора: Бартольд, *Научная поездка*, стр. 13.
Резюме: Умняков, *В. В. Бартольд*, стр. 176.

Коркуд

Напечатано: ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 272—273.

Рецензия: L. Cahun, Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405, Paris, 1896

Напечатано: ЖМНП, ч. CCCV, 1896, июнь, отд. 2, стр. 366—384.

Образование империи Чингиз-хана

Напечатано: ЗВОРАО, т. X, 1897, стр. 105—119.
Резюме автора: MSOS, Jg. I, Abt. 1, 1898, S. 196—197.

Рецензия: Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, СПб., 1897

Напечатано: ЗВОРАО, т. XI, 1898, стр. 341—356.
Резюме рецензента: MSOS, Jg. II, Abt. 1, 1899, S. 146—147; Jg. III, Abt. 1, 1900, S. 234, 237.

Рецензия: Г. Е. Грум-Гржимайло, Историческое прошлое Бэй-шаня в связи с историей Средней Азии, СПб., 1898

Напечатано: ЗВОРАО, т. XI, 1898, стр. 356—360.
Резюме рецензента: MSOS, Jg. II, Abt. 1, 1899, S. 146—147; Jg. III, Abt. 1, 1900, S. 234, 237.

Древнетюркские надписи и арабские источники

Напечатано: W. Barthold, *Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen* в кн.: Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, Zweite Folge. 29 S. (отдельная пагинация).
Резюме: Умняков, *В. В. Бартольд*, стр. 177; Dostojewskij, *Barthold*, S. 93.
Рец.: Parker, «China Review», vol. XXIV, 1899, pp. 21—38.
На русском языке печатается впервые.

Новые исследования об орхонских надписях

Напечатано: ЖМНП, ч. CCCXXV, 1899, октябрь, отд. 2, стр. 231—250.
Резюме автора: MSOS, Jg. III, Abt. 1, 1900, S. 238.
Резюме: Умняков, *В. В. Бартольд*, стр. 177.

Ответ Г. Е. Груму-Гржимайло

Напечатано: ИИРГО, т. XXXV, вып. VI, 1899, стр. 694—710; то же: отд. отт., 17 стр.

Рецензия: E. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux, St.-Petersbourg, 1903

Напечатано: ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 0162—0185.

Система счисления орхонских надписей в современном диалекте

Напечатано: ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. 0171—0173.
Резюме: Умняков, *В. В. Бартольд*, стр. 177.

К вопросу об уйгурской литературе и ее влиянии на монголов

Напечатано: ЖС, год XVIII, вып. II—III, 1909, стр. 42—46.

К вопросу о происхождении кайтаков

Напечатано: ЭО, 1910, № 1—2, стр. 37—45; № 3—4, стр. 283—284 (дополнение).
Резюме автора: ЖС, год XIX, 1910, стр. 187.
Резюме: Умняков, *В. В. Бартольд*, стр. 192.

Еще известие о Коркуде

Напечатано: ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. 073—077.

Европеец XIII в. в китайских ученых учреждениях
(К вопросу о пизанце Изоле)

Напечатано: ЗВОРАО, т. XXII, 1914, стр. 160—170.
Резюме: Умняков, *В. В. Бартольд*, стр. 176.

Новый труд о половцах

Напечатано: РИЖ, кн. 7, 1921, стр. 138—156.
Немецкий перевод: в кн.: Markwart, *Wehrot und Arang*, S. 29—51.

Китайские источники о гуннах

Напечатано: «Анналы», т. II, 1923, стр. 261—267.

Богра-хан, упомянутый в *Кутадгу билик*

Напечатано: W. Barthold, *The Bughra Khan mentioned in the Qudatqu Bilik*, — BSOS, vol. III, pt, 1, 1923, pp. 151—158.
Резюме: Умняков, *В. В. Бартольд*, стр. 180.
Турецкий перевод: و بارتولد، قوداتقو بيليكك ذكر ايتديكى بوغراخان كيمدر؟ راغب خلوصى بك طرفندن انكليزجه‌دن ترجمه ايديلمش، — «تركيات مجموعه‌سى»، ج١، ١٩٢٥، ص ٢٢١—٢٢٦.
На русском языке печатается впервые.

Обзор истории тюркских народов

Напечатано: в кн.: Бартольд, *Место Прикаспийских областей* (приложение), стр. 125—138.

Рецензия: E. Sykes and P. Sykes, Through deserts and oasis of Central Asia, London, 1920

Напечатано: ЗКВ, т. I, 1925, стр. 511—513.

Рецензии: M. A. Czaplicka, The Turks of Central Asia in history and at the present day, Oxford, 1918

Напечатано: ЗКВ, т. I, 1925, стр. 506—511.
Турецкий перевод: TM, c. II, 1928, ss. 528—534.

Рецензия: Б. Я. Владимирцов, Чингис-хан, Берлин—Петербург—Москва, 1922

Напечатано: «Восток», кн. 5, 1925, стр. 251—256.

Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей

Напечатано: «Первый Всесоюзный тюркологический съезд 26 февраля—6 марта 1926 г. Стенографический отчет», Баку, 1926, стр. 21—23; то же: отд. отт., 14 стр.
Резюме: Умняков, *В. В. Бартольд*, стр. 194; Dostojevskij, *Barthold*, S. 103.
Турецкий перевод: V. V. Bartold, *Türkiyat sahasında en evvel nazarı dikkata alınacak meseleler*, — «Türk Yurdu», c. IV, 1926, ss. 23, 385 sq.
Немецкий перевод: W. W. Barthold, *Der heutige Stand und die nächsten Aufgaben der geschichtlichen Erforschung der Türkvölker.* Deutsche Bearbeitung von P. Wittek, — ZDMG, Bd 8(83), 1929, S. 121—142.

О письменности у хазар

Напечатано: «Культура и письменность Востока», Баку, вып. IV, 1929, стр. 17.

Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов

Напечатано: ИОАИЭК, т. XXXIV, 1929, вып. 3—4, стр. 1—4.

Турецкий эпос и Кавказ

Напечатано: «Язык и литература», т. V, 1930, стр. 1—18.
Второе издание: в кн.: *Китāб-и Деде Коркут*, пер. Бартольда, изд. 2, стр. 109—120.

Аймак [1]

Напечатано: EI, I, S. 223.

Алтайцы

Напечатано: EI, I, S. 338.

[1] Все статьи из «Энциклопедии ислама» на русском языке публикуются впервые; переводы (с немецкого) сделаны по тексту первого издания.

Бай

Напечатано: EI, I, S. 610.

Балык

Напечатано: EI, I, S. 645.
Второе издание: EI², I, p. 993.

Балыш

Напечатано: EI, I, S. 646—647.
Турецкий перевод: İA, c. 1, s. 280.

Басджирт

Напечатано: EI, I, S. 697—698.

Батый

Напечатано: EI, I, S. 709—712.
Турецкий перевод: İA, c. 2, ss. 351—353.
Второе издание: EI², I, pp. 1105—1106 (в переделке Дж. А. Бойля, с двумя подписями: В. Бартольда и Дж. А. Бойля).

Бахши

Напечатано: EI, I, S. 624—625.

Бег

Напечатано: EI, I, S. 717.

Беркай

Напечатано: EI, I, S. 737—739.
Турецкий перевод: İA, c. 2, ss. 553—555.
Второе издание: EI², I, pp. 1187—1188 (в обработке Дж. А. Бойля, с двумя подписями: В. Бартольда и Дж. А. Бойля).

Битикчи

Напечатано: EI, I, S. 745.

Болгары

Напечатано: EI, I, S. 819—825.

Гази-Гирей

Напечатано: EI, II, S. 159—160.

Гирей

Напечатано: EI, II, S. 181—182.

Гузз

Напечатано: EI, II, S. 178—179.

Гурхан

Напечатано: EI, II, S. 195.
Турецкий перевод: İA, c. 4, s. 825.

Дуглат

Напечатано: EI, I, S. 1127—1129.
Второе издание: EI², II, pp. 637—638 (в обработке, с сокращением, Б. Шпулера, с двумя подписями: В. Бартольда и Б. Шпулера).

Ислам-Гирей

Напечатано: EI, II, S. 579.

Казак

Напечатано: EI, II, S. 896.

Кайи

Напечатано: EI, II, S. 896.

Калга

Напечатано: EI, II, S. 742.

Калмыки

Напечатано: EI, II, S. 750—751.
Турецкий перевод: İA, c. 6, ss. 140—141 (с дополнением Мирзы Бала, ss. 141—142).

Каплан-Гирей

Напечатано: EI, II, S. 776.

Кара-китаи

Напечатано: EI, II, S. 789—791.
Турецкий перевод: İA, c. 6, ss. 273—276.

Карлуки

Напечатано: EI, II, S. 820—821.

Кимаки

Напечатано: EI, II, S. 1085.

Кипчаки

Напечатано: EI, II, S. 1099.

Курама

Напечатано: EI, II, S. 1210.
Турецкий перевод: İA, c. 6, ss. 994—995.

Кучум-хан

Напечатано: EI, II, S. 1171—1172.

Мангыты

Напечатано: EI, III, S. 265.

Менгу-Тимур

Напечатано: EI, III, S. 265—266.

Татары

Напечатано: EI, IV, S. 759—760.

Теке

Напечатано: EI, IV, S. 779—780.

Токтамыш

Напечатано: EI, IV, S. 874—876.

Тугузгузы

Напечатано: EI, IV, S. 872—873.

Туман

Напечатано: EI, IV, S. 905—906.

Туркмены

Напечатано: EI, IV, S. 1050—1051.

Тюрки (историко-этнографический обзор).

Напечатано: EI, IV, S. 969—978.

Хаджи-Гирей

Напечатано: EI, II, S. 216—217.

Хазары

Напечатано: EI, II, S. 1003—1005.

Хакан

Напечатано: EI, II, S. 938.

Халадж

Напечатано: EI, II, S. 939.

Хан

Напечатано: EI, II, S. 963.

Хубилай

Напечатано: EI, II, S. 1169—1170.

Чагатайская литература

Напечатано: EI, IV, S. 986—988.

Челеби

Напечатано: EI, I, S. 866—868.
Турецкий перевод: İA, c. 3, ss. 369—370.

Чингиз-хан

Напечатано: EI, I, S. 892—898.
Турецкий перевод: İA, c. 3, ss. 91—98 (с дополнением М. Ф. Кёпрюлю, ss. 98—100).

Чупан

Напечатано: EI, I, S. 919.

СОКРАЩЕНИЯ

(периодические издания, серии, сборники, названия учреждений)

Аз. муз. — Азиатский музей.
АзГУ — Азербайджанский гос. университет, Баку.
Брит. муз. — British Museum, Лондон.
ВВ — «Византийский временник», Л., М.
ВДВАН — «Вестник Дальневосточного отделения Академии наук».
ВДИ — «Вестник древней истории», М.
ВЛУ — «Вестник Ленинградского университета».
ВОРАО — Восточное отделение Имп. Русского археологического общества, С.-Петербург.
ВЯ — «Вопросы языкознания», М.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный исторический музей, Москва.
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград.
ДАН-В — «Доклады Академии наук Союза Советских Социалистических Республик», серия В, Л.
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения». СПб.
ЖС — «Живая старина».
ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения Имп. Русского археологического общества», СПб.
ЗИАН — «Записки Императорской Академии наук», СПб.
ЗИРГО — «Записки Имп. Русского географического общества», СПб.
ЗКВ — «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук (Академии наук СССР)», Л.
ЗКОИРГО — «Записки Кавказского отдела Имп. Русского географического общества», Тифлис.
ЗООИД — «Записки Имп. Одесского общества истории и древностей».
ЗРАН — «Записки Российской Академии наук», Пг.
ИА — «Исторический архив», М.
ИАН — «Известия Императорской Академии наук», СПб.
ИАН КазССР — «Известия Академии наук Казахской ССР», Алма-Ата.
ИАН КиргССР — «Известия Академии наук Киргизской ССР», Фрунзе.
ИАН СССР — «Известия Академии наук СССР», М.
ИАН ТуркмССР — «Известия Академии наук Туркменской ССР», Ашхабад.
ИВАН — Институт востоковедения АН СССР.
ИВФ АзГУ — «Известия восточного факультета Азербайджанского гос. университета», Баку.
ИГАИМК — «Известия Государственной Академии истории материальной культуры», М.—Л.
ИЗ — «Исторические записки», М.

ИИРГО — «Известия Имп. Русского географического общества», СПб.
ИНА — Институт народов Азии АН СССР, Москва.
ИОАИЭК — «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете».
ИОИДР — Имп. Общество истории и древностей
ИРАИМК — «Известия Российской Академии истории материальной культуры», Пб., Пг., Л.
ИРАН — «Известия Российской Академии наук», Пг.
ИРАО — «Известия Имп. Русского археологического общества», СПб.
ИРГО — «Известия Русского географического общества», Пг.
ИРКСА — «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях», СПб.
ИТУАК — «Известия Таврической ученой архивной комиссии», Симферополь.
ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории.
«Кауфманский сборник» — «Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края, генерал-адъютанта К. П. фон-Кауфмана I-го», М., 1910.
КИПС — Комиссия по изучению племенного состава населения СССР.
КК — «Кавказский календарь», Тифлис.
КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР», М.—Л., М.
КСИЭ — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», М.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
ЛИЖВЯ — Ленинградский институт живых восточных языков.
МАР — Материалы по археологии России.
МИ — «Мир ислама», СПб.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МИВ — «Материалы по изучению Востока». Издание Министерства иностранных дел, СПб., Пг.
«Ал-Музаффарийя» — «المظفّريّة. Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции 13-го ноября 1872—1897», СПб., 1897.
НАА — «Народы Азии и Африки», М.
Нац. б-ка — Bibliothèque Nationale, Париж.
н. с. — новая серия.
ОГН — Отделение гуманитарных наук.
ОИФ — Отделение истории и филологии.
ОЛЯ — Отделение литературы и языка.
ООН — Отделение общественных наук.
ПВ — «Проблемы востоковедения», М.
ПЗКЛА — «Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока», Асхабад.
ПКСОСК — «Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета», Верный.
ПЛНВ — Памятники литературы народов Востока.
ПС — «Палестинский сборник», М.—Л.
ПСЗ — «Полное собрание законов Российской империи», СПб.
ПТКЛА — «Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии», Ташкент.
РАН — Российская Академия наук.
РГО — Русское географическое общество.

РИЖ — «Русский исторический журнал», Пг.
СА — «Советская археология», М.
САГУ — Среднеазиатский государственный университет, Ташкент.
Сб. ОРЯС — «Сборник Отделения русского языка и словесности (Имп.) Академии наук», СПб.
СВ — «Советское востоковедение», М.
СИФ — Серия истории и философии.
СМА — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», издание Военно-ученого комитета Главного штаба, СПб.
СМИЗО, I — В. Тизенгаузен, *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I, Извлечения из сочинений арабских*, СПб., 1884.
СМОМПК — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», Тифлис.
Согд. сб. — «Согдийский сборник. Сборник статей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР», Л., 1934.
СОН — Серия общественных наук.
Средазкомстарис — Средне-Азиатский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы.
СТОЭ — «Сборник трудов Орхонской экспедиции», т. I—VI, СПб.
СЭ — «Советская этнография», М.—Л., М.
ТВ — «Туркестанские ведомости», Ташкент.
ТВЛИВЯ — Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков.
ТВОРАО — «Труды Восточного отделения Имп. Русского археологического общества», СПб.
ТИВАН — Труды Института востоковедения АН СССР.
ТИИ АН КиргССР — «Труды Института истории АН Киргизской ССР», Фрунзе.
ТИИАЭ АН КазССР — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР», Алма-Ата.
ТИИАЭ АН ТаджССР — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», Душанбе.
ТИЯЛИ — «Труды Института языка, литературы и истории».
ТКАЭЭ — «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», М.
ТКЛА — Туркестанский кружок любителей археологии, Ташкент.
ТМНО — «Труды Московского нумизматического общества».
ТОВЭ — «Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа», Л.
ТООИА — «Труды Общества по обследованию и изучению Азербайджана», Баку.
ТСВ АН КазССР — «Труды сектора востоковедения АН Казахской ССР», Алма-Ата.
ТЧРДМ — «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», СПб.
УЗИВАН — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», М.—Л., М.
Узкомстарис — Узбекский комитет по охране памятников материальной культуры.
УЗКУ — «Ученые записки Имп. Казанского университета».
ФАН — Филиал Академии наук СССР.
ХВ — «Христианский Восток», СПб.
ЧОИДР — «Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете».
ЭВ — «Эпиграфика Востока», М.—Л.
ЭО — «Этнографическое обозрение», М.
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

ABAW — «Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Abteilung», München.

«ʿAjab-nama» — «عجب نامه. A volume of Oriental studies presented to Edward G. Browne on his 60th birthday (7 February 1922)», ed. by T. W. Arnold and R. A. Nicholson, Cambridge, 1922.
AKGWG — «Abhandlungen der königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen», Philologisch-historische Klasse.
ALH — «Acta linguistica Academiae Scientiarum hungaricae», Budapest.
ALKG — «Archiv für Litteratur und Kirchengeschichte des Mittelalters».
AM — «Asia Major», Leipzig.
AO — «Acta orientalia». Ediderunt societates orientales Batava, Danica, Norvegica, '(Svecica), Leiden.
AO Bud. — «Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae», Budapest.
AOr — «Archiv Orientální», Praha.
APAW — «Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften», Philologisch-historische Klasse, Berlin.
AQR — «Asiatic quarterly review», London.
AÜDTCFD — «Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi».
BAHG — Bibliothek arabischer Historiker und Geographen hrsg. von H. v. Mžik.
BARB — «Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques et de la classe des beaux arts Académie royale de Belgique», Bruxelles.
BÉFEO — «Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient», Hanoi.
BGA — «Bibliotheca geographorum arabicorum». Edidit M. J. de Goeje, pars I—VIII, Lugduni Batavorum.
BI — Bibliotheca Indica: a collection of oriental works, published by the Asiatic Society of Bengal.
BSO(A)S — «Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies. London Institution (University of London)».
«Bulletin» — «Bulletin de l'Académie imp. des sciences de St.-Pétersbourg».
CAJ — «Central Asiatic Journal», The Hague — Wiesbaden.
«China review» — «The China Review: or Notes and queries on the Far East», Hongkong.
CSHB — «Corpus scriptorum historiae Byzantinae».
DI — «Der Islām», Straßburg — Berlin.
EB — «Encyclopaedia Britannica».
Eclipse — The Eclipse of the Abbasid caliphate. Original chronicles of the fourth Islamic century. Ed., transl., and elucidated by H. F. Amedroz and D. S. Margoliouth, vol. I—VII, Oxford, 1920—1921.
EI — «Enzyklopaedie des Islām. Geographisches, ethnographisches und biographisches Wörterbuch der muhammedanischen Völker», Bd I—IV, Leiden — Leipzig, (1908), 1913—1936. [Страницы везде указаны по немецкому изданию.]
EI² — «The Encyclopaedia of Islam». New ed., vol. I—II—. . ., Leiden — London, 1960—1965—. . .
«Festschrift G. Jacob» — «Festschrift Georg Jacob zum siebzigsten Geburtstag (26. Mai 1932) gewidmet von Freunden und Schülern». Hrsg. von Th. Menzel, Leipzig, 1932.
FHG — «Fragmenta historicorum graecorum». Auxerunt, notis et prolegomenis illustssrunt, indice plenissimo instruxerunt C. et Th. Mülleri, vol. I—V, Parasiis, 1841—1884.
GGA — «Göttingische gelehrte Anzeigen».
GGN — «Göttingische gelehrte Nachrichten».
GIPh — «Grundriss der iranischen Philologie». Hrsg. von W. Geiger und E. Kuhn, Strassburg, Bd I, Abt. 1, 1895—1901; Abt. 2, 1898—1901; Bd II, 1896—1904.
GJ — «The Geographical Journal», London.
GMS — «E. J. W. Gibb Memorial» Series.
HJAS — «Harvard Journal of Asiatic Studies», Cambridge, Mass.
HOr — «Handbuch der Orientalistik», hrsg. von B. Spuler, Leiden.

HS — Work issued by the Hacluyt Society.
İA — «İslam ansiklopedisi. Islâm âlemi tarih, coğrafya, etnografya ve biyografya lûgati», c. 1—9. . ., İstanbul, 1950—1962. . .
Ind. Off. — India Office, Лондон.
JA — «Journal asiatique», Paris.
JAI — «The Journal of the Anthropological Institut of Great Britain».
JAOS — «Journal of the American Oriental Society», New Haven.
JASB — «The Journal of the Asiatic Society of Bengal», Calcutta.
JCBRAS — «The Journal of the China Branch of the Royal Asiatic Society», Shanghai.
JRAS — «The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», London.
JSFOu — «Journal de la Société finno-ougrienne», Helsinki.
KCsA — «Körösi Csoma-Archivum», Budapest.
KSz — «Keleti Szemle». Köslemények az ural-altaji nép-és nyelvtudomany köréböl. (Revue orientale pour les études ouralo-altaiques), Budapest.
MAOr — Monografie Archivu Orientálního.
Mél. As. — «Mélanges Asiatiques, tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg».
«Mémoires» — «Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg».
MIFAO — Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale au Caire.
MSFOu — «Mémoires de la Société finno-ougrienne», Helsinki.
MSOS — «Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen an der (Königlichen) Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin».
NC — «Numismatic chronicle».
N. F. — Neue Folge.
Notices et extraits — Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du roi (impériale, nationale) et autres bibliothèques, Paris.
NS — New Series.
OAZ — «Ostasiatische Zeitschrift», Berlin.
OLZ — «Orientalistische Literaturzeitung», Leipzig.
PÉLOV — Publications de l'Ecole des langues orientales vivantes.
PHT — Persian historical texts.
PhTF — «Philologiae turcicae fundamenta. Iussu et auctoritate Unionis universae studiosorum rerum orientalium. Auxilio et opera Unitarum Nationum Educationis scientiae culturae ordinis». . ., t. I—II, [Wiesbaden], 1959—1964.
PW — «Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa. . .», Stuttgart.
RCHL — «Revue critique d'histoire et de littérature», Paris.
RHR — «Revue de l'histoire des réligions», Paris.
RMM — «Revue du monde musulman», Paris.
RO — «Rocznik Orientalistyczny», Lwów, Kraków.
ROC — «Revue d'Orient Chrétien».
RRIL — «Rendiconti del Reale Instituto Lombardo di scienze e lettere».
RTHS — Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seljoucides, par M. Th. Houtsma, vol. I—IV, Lugduni Batavorum (Leide), 1886—1902.
SBAW Berl. — «Sitzungsberichte der (königlich) Preußischen Akademie der Wissenschaften», Philologisch-historische Klasse, Berlin; «Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin», Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst.
SBAW München — «Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und der historischen Classe der k[önigl.] b[ayerischen] Akademie der Wissenschaften zu München».
SBAW Wien — «Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der kais. Akademie der Wissenschaften», Wien.

SBE — The Sacred Books of the East transl. by various oriental scholars and ed. by F. Max Müller.
«Seminarium Kondakovianum», I — «Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием имени Н. П. Кондакова», I, Прага, 1927.
TM — «Türkiyat mecmuası», İstanbul.
TTKB — «Türk Tarih kurumu. Belleten».
UAJ — «Ural-Altaische Jahrbücher», Wiesbaden.
UJ — «Ungarische Jahrbücher».
VMAW — «Verslagen en Mededelingen der koninklijke Akademie van Wetenschappen. Afdeeling Letterkunde», Amsterdam.
WI — «Die Welt des Islams», Berlin.
WZKM — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes».
ZA — «Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete».
ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Leipzig.
ZÖG — «Zeitschrift der Österreichischen Gymnasien».
ZSPh — «Zeitschrift für slavische Philologie».

БИБЛИОГРАФИЯ
(цитированная литература) [1]

Абд ал-Вахид Марракоши. — *The history of the Almohades, preceded by a sketch of the history of Spain, from the time of the conquest till the reign of Júsof ibn-Téshufín, and of the history of the Almoravides*, by Abdo-'l-Wáhid al-Marrékoshí. Ed. from a Ms. in the University Library of Leyden, the only one extant in Europe, by R. Dozy, 2d ed., rev. and corr., Leyden, 1881.

Абд ал-Керим Бухари. — *Histoire de l'Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khoqand). Depuis les dernières années du règne de Nadir Châh (1153), jusqu'en 1233 de l'Hégire (1740—1818)* par Mir Abdoul Kerim Boukhary. Publiée, traduite et annotée par Ch. Schefer, t. I, Texte persan, [Boulaq, 1290/1873-74 (литогр.)]; t. II. Traduction française, Paris, 1876 (PÉLOV, vol. I).

Абд ар-Раззак, изд. Шафи'. — مطلع سعدین و مجمع بحرین تألیف مولانا کمال الدین عبد الرزّاق سمرقندی . . . بتصحیح محمد شفیع، جلد ۱—۲، لاهور، ۱۳۶۰—۱۳۶۸/۱۹۴۱—۱۹۴۹.

Абд ар-Раззак, пер. Катрмера. — *Notice de l'ouvrage persan qui a pour titre Matla-assaadeïn ou-madjma-albahreïn* مطلع السعدین و مجمع البحرین *et qui contient l'histoire des deux sultans Schah-Rokh et Abou-Saïd*, par M. Quatremère, Paris, 1843 (Notices et extraits, t. XIV, pt. 1).

Абд ар-Раззак, рук. — Абд ар-Раззак Самарканди, *Матла' ас-са'дайн ва маджма' ал-бахрайн*, рук. ун-та (ЛГУ) № 157.

Абд ас-Саттар-кази. — Абду-с-Саттар казы, *Книга рассказов о битвах текинцев. Туркменская историческая поэма XIX века*. Издал, перевел, примечаниями и введением снабдил А. Н. Самойлович, СПб., 1914 (Изд. фак-та вост. яз. СПб. университета, № 34).

'Абдуллā-нāме — см. Хафиз-и Таныш.

Абдыкалыков, *О расселении*. — А. Абдыкалыков, *О расселении и составе енисейских киргизов в XVII в.*, — ИАН КиргССР, СОН, т. V, 1963, вып. 3 (История), стр. 65—75.

Абу-л-Фарадж, *Мухтасар*, изд. Покока. — تأریخ مختصر الدول *Historia compendiosa dynastiarum*, auctore Gregorio Abul-Pharajio, Malatiensi Medico. . . . Arabice edita & Latine versa, ab E. Pocockio, Oxoniae, 1663; Suppl., 1672.

Абу-л-Фида, *Мухтасар*. — Abulfedae *Annales Moslemici* arabice et latine. Opera et studiis J. J. Reiskii. . . , ed. J. G. Chr. Adler, t. I—V, Hafniae, 1789—1794.

Абу-л-Фида, *Таквим*, изд. Рено — де Слэна. — *Géographie* d'Aboulféda. Texte arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde par M. Reinaud et M. le Bon Mac Guckin de Slane, Paris, 1840.

---

[1] В библиографию включены только работы, упомянутые у В. В. Бартольда (в сносках и в тексте) и в примечаниях составителей. Вначале указано сокращенное обозначение, под которым данная работа упоминается в примечаниях.

Абу-л-Фида, *Тақвӣм*, пер. Рено. — *Géographie* d'Aboulféda, traduite de l'arabe en français et accompagnée de notes et d'éclaircissements par M. Reinaud, t. I—II, Paris, 1848—1883. [T. I, Introduction générale à la géographie des orientaux, 1848; t. II, pt. 1, contenant la première moitié de la traduction du texte arabe, 1848; t. II, pt. 2, contenant la fin de la traduction du texte arabe et l'index général, 1883.]

Абу Шуджа'.— *Continuation of the Experiences of the Nations* by Abu Shuja' Rudhrawari, Vizier of Muqtadi and Hilal b. Muhassin, Vizier's secretary in Baghdad. Reigns of Ta'i' and Qadir. [I]. Arabic Text, edited by H. F. Amedroz and D. S. Margoliouth; [II]. Translated from the original Arabic by D. S. Margoliouth, Oxford, 1921 (*Eclipse*, vol. III, VI).

Абулгази, *Родословная туркмен*, изд. Кононова. — А. Н. Кононов, *Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского*, М.—Л., 1958.

Абулгази, *Родословная туркмен*, пер. Туманского. — Абуль-Гази-Бохадур-хан, *Родословная туркмен*. Перевод А. Туманского, Асхабад, 1897.

Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона. — *Histoire des Mogols et des Tatares* par Aboul-Ghâzi Bèhâdour Khan, publiée, traduite et annotée par Le Baron Desmaisons, t. I, Texte; t. II, Traduction, St.-Pbg., 1871—1874.

Агаджанов, *Новые материалы*. — С. Г. Агаджанов, *Новые материалы о происхождении туркмен*, — ИАН ТуркмССР, СОН, 1963, № 2, стр. 12—26.

Агеева—Пацевич, *Из истории оседлых поселений*. — Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич, *Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана*,— ТИИАЭ АН КазССР, т. V, Археология, 1958, стр. 3—215.

Азиатская Россия. — «Азиатская Россия». Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия, т. I, Люди и порядки за Уралом; т. II, Земля и хозяйство; т. III, Приложения, СПб., 1914.

Айтаков, *Три года*. — Н. Айтаков, *Три года Туркмении*, Ашхабад, 1928.

Аноним Искендера — см. Му'ин ад-дин Натанзи.

Аполлова, *Присоединение*. — Н. Г. Аполлова, *Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века*, Алма-Ата, 1948.

Аристов, *Этнический состав*. — Н. А. Аристов, *Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности*, — ЖС, год VI, 1896, вып. III—IV, стр. 277—456; то же: отд. отт., СПб., 1897.

Артамонов, *История хазар*. — М. И. Артамонов, *История хазар*, Л., 1962.

«Археология и этнография Башкирии», I—II. — «Археология и этнография Башкирии» [сб. статей], под ред. Р. Г. Кузеева и К. В. Сальникова, I, Уфа, 1962; II, Уфа, 1964.

Атласов, *История Сибири*. — هادى اطلاسى سيبير تاريخى برنچى جزء هركم آكلارلق صاف تاتار تلنده يازلغان ملى تاريخمزدن بر اثر در [Казань, 1912].

Ауфи, *Лубāб ал-албāб*. — *Lubábu 'l-Albáb* of Muḥammad 'Awfí ed. in the original Persian. Pt I, with indices, Persian and English prefaces, and notes, critical and historical, in Persian, by E. G. Browne and Mírzá Muhammad ibn 'Abdu 'l-Wahháb-i-Qazwíní, London — Leide, 1906 (PHT, vol. IV); pt II, with preface, indices and variants, by E. G. Browne, London—Leide, 1903 (PHT, vol. II).

Ахаллы, *Словарь Махмуда Кашгарского*. — С. Ахаллы, *Словарь Махмуда Кашгарского и туркменский язык*, Ашхабад, 1958.

Ахмед Вефик-паша. — [احمد وفيق پاشا]، لهجهٔ عثمانى. جمعيت تدريسيهٔ عثمانيه طرفندن باصدرلشدر، جزو اول و ثانى، [در سعادت] ۱۲۹۳ [= 1876].

Ахмедов, *Государство кочевых узбеков*. — Б. А. Ахмедов, *Государство кочевых узбеков*, М., 1965.

Ахсикенди, извлеч. в изд. Тагирджанова. — «*Собрание историй*». *Маджмӯ'ат-тавāрӣх*. Фотографическая репродукция отрывков рукописного текста, введение,

указатели. Подготовил к изданию А. Т. Тагирджанов, [Л.], 1960 (ЛГУ, Восточный факультет. Иранская филология, вып. II).

Ашмарин, *Болгары и чуваши*. — Н. И. Ашмарин, *Болгары и чуваши. К вопросу о волжских болгарах и их отношении к нынешним чувашам*, Казань, 1902 (ИОАИЭК, т. XVIII, вып. 1—3).

Бāбур-нāме, изд. Беверидж. — *The Bâbar-nāma, being the autobiography of the Emperor Bâbar, the founder of the Moghul dynasty in India*, written in Chagatáy Turkish; now reproduced in facsimile from a manuscript belonging to the late Sir Sálár Jang of Ḥaydarábád, and ed. with a preface and indices by A. S. Beveridge, Leyden—London, 1905 (GMS, I).

Бāбур-нāме, изд. Ильминского. — *Бабер-намэ или Записки Султана Бабера*. Изданы в подлинном тексте Н. И[льминским], Казань, 1857.

Бāбур-нāме, пер. Лейдена — Эрскина. — *Memoirs of Zehir-ed-din Muhammed Baber, Emperor of Hindustan*, written by himself, in the Jaghatai Turki and transl., partly by the late J. Leyden, partly by W. Erskine, with Notes and a Geographical and Historical Introduction. . ., London, 1826.

Бакиханов, *Гюлистан-Ирам*. — А. К-А. Бакиханов, *Гюлистан-Ирам*, Баку, 1926 (ТООИА, вып. 4).

Балазури. — *Liber expugnationis regionum*, auctore Imámo Ahmed ibn Jahja ibn Djábir al-Beládsori, quem e codice Leidensi et codice Musei Brittannici ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1866.

Бал'ами, пер. Зотенберга. — *Chronique de Abou-Djafar-Mo'hammed-ben-Djarir-ben-Jezid Tabari*, traduite sur la version persane d'Abou-Ali Mo'hammed Bel'ami, d'après les manuscrits de Paris, de Gotha, de Londres et de Canterbury par H. Zotenberg, t. I—IV, Paris, 1867—1874.

Банзаров, *Черная вера*. — [Д. Банзаров], *Черная вера или шаманство у монголов и другие статьи* Доржи Банзарова. Под ред. Г. Н. Потанина, СПб., 1891.

Бартольд, *Арабские известия о русах*. — В. В. Бартольд, *Арабские известия о русах*, — СВ, т. I, 1940, стр. 15—50. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 810—858.]

Бартольд, «Восток», кн. 5 [стр. 251—256]. — В. В. Бартольд, [рец. на:] Б. Я. Владимирцов, Чингис-хан, Берлин — СПб. — М., 1922, — «Восток», кн. 5, 1925, стр. 251—256. [Наст. изд., т. V, стр. 446—453.]

Бартольд, *Европеец XIII века*. — В. Бартольд, *Европеец XIII в. в китайских ученых учреждениях. (К вопросу о пизанце Изоле)*, — ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. 160—170. [Наст. изд., т. V, стр. 382—391.]

Бартольд, *Еще известие о Коркуде*. — В. Бартольд, *Еще известие о Коркуде*, — ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. 073—077. [Наст. изд., т. V, стр. 377—381.]

Бартольд, *Еще о самаркандских оссуариях*. — В. Бартольд, *Еще о самаркандских оссуариях*, — ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. 099—0104. [Наст. изд., т. IV, стр. 119—123.]

Бартольд, *Еще о слове «сарт»*. — В. В. Бартольд, *Еще о слове «сарт»*, — ТВ, 1895, № 30 (28.IV/10.V). [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 310—314.]

Бартольд, *Еще об анониме Искендера*. — В. В. Бартольд, *Еще об анониме Искендера*, — ИАН СССР, ОГН, 1929, стр. 361—384. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, ЖМНП, 1896 [стр. 366—384]. — В. В. Бартольд, [рец. на:] L. Cahun, Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405, Paris, 1896, — ЖМНП, ч. CCCV, 1896, июнь, отд. 2, стр. 366—384. [Наст. изд., т. V, стр. 238—252.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. X [стр. 215—226]. — В. Бартольд, [рец. на:] The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlát. . . An English version... by N. Elias.

The translation by E. Denison Ross. London 1895, — ЗВОРАО, т. X, 1897, стр. стр. 215—226. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XI [стр. 341—356]. — В. Бартольд, [рец. на:] Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб. 1897, — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 341—356. [Наст. изд., т. V, стр. 266—279.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XI [стр. 356—360]. — В. Бартольд, [рец. на:] Г. Е. Грум-Гржимайло. Историческое прошлое Бэй-шаня в связи с историею Средней Азии. СПб. 1898, — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 356—360. [Наст. изд., т. V, стр. 280—283.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XIV [стр. 051—060]. — В. Б[артольд], [рец. на:] И. И. Гейер, Путеводитель по Туркестану. Изд. I, Ташкент 1901, — ЗВОРАО, т. XIV, 1902, стр. 051—060.

Бартольд, ЗВОРАО, т. XV [стр. 0131—0137]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Д. Федоров, генерального штаба подполковник. Опыт военно-статистического описания Илийского края. . . Часть I. . . Ташкент 1903; Корнилов, генерального штаба подполковник. Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания. . . Ташкент 1903. — ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 0131—0137.

Бартольд, ЗВОРАО, т. XV [стр. 0162—0185].— В. Б[артольд], [рец. на:] E. Chavannes. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. Recueillis et commentés par. — St.-Pétersbourg 1903, — ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 0162—0185. [Наст. изд., т. V, стр. 342—362.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XVII [стр. 083—097]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Explorations in Turkestan. . . Expedition of 1903, under the Direction of R. Pumpelly. Washington. . . 1905, — ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. 083—097. [Наст. изд., т. IV, стр. 141—153.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XVII [стр. 0188—0195]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Таарих-и Эмэние. История владетелей Кашгарии, сочинение муллы Мусы, бен мулла Айса, сайрамца, изданная Н. Н. Пантусовым. Казань 1905, — ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. 0188—0195. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XVIII [стр. 0181—0191]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Справочная книжка Самаркандской области. 1906 г. . . . Выпуск VIII. Самарканд 1906. . . Выпуск IX. Самарканд 1907, — ЗВОРАО, т. XVIII, 1908, стр. 0181—0191. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XXII [стр. 337—340]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Азиатская Россия. 1914, С.-Петербург, — ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. 337—340. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 643—646.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XXIII [стр. 413—419]. — В. Б[артольд], [рец. на:] В. Ф. Караваев. Голодная степь в ее прошлом и настоящем. Пг. 1914. — ЗВОРАО, т. XXIII, 1916, стр. 413—419. [Наст. изд., т. III, стр. 301—306.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XXIII [стр. 421—422]. — В. Б[артольд], [рец. на:] هادی اطلاسف قزان خانلغی Казань 1912; هادی اطلاسی سیبیر تاریخی برنچی جزء Казань 1914, — ЗВОРАО, т. XXIII, 1915, стр. 421—422.

Бартольд, ЗКВ, т. III [стр. 217—220]. — В. Бартольд, [рец. на:] F. Babinger. Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Mit einem Anhang: Osmanische Zeitrechnungen von J. Mayr (Walchsee), Leipzig, 1927, — ЗКВ, т. III, 1928, стр. 217—220. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, *Из прошлого турок*. — В. Бартольд, *Из прошлого турок*, — «Ежемесячный журнал (Журнал для всех)», 1917, № 2—3, стлб. 193—202.

Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*.— В. В. Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, СПб., 1903. [Наст. изд., т. VII.]

Бартольд, *История изучения Востока*. — В. В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и в России*, СПб., 1911; изд. 2: Л., 1925. [Наст. изд., т. IX.]

Бартольд, *История турецко-монгольских народов.* — В. В. Бартольд, *История турецко-монгольских народов.* Конспект лекций, читанных студентам Казакского высшего педагогического института в 1926/1927 учебном году, Ташкент, 1928. [Наст. изд., т. V, стр. 193—229.]

Бартольд, *К вопросу о погребальных обрядах.* — В. Бартольд, *К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов,* — ЗВОРАО, т. XXV, 1921, стр. 55—76. [Наст. изд., т. IV, ст. 377—396.]

Бартольд, *К вопросу об уйгурской литературе.* — В. В. Бартольд, *К вопросу об уйгурской литературе и ее влиянии на монголов,* — ЖС, год XVIII, 1909, вып. II—III, стр. 42—46. [Наст. изд., т. V, стр. 365—368.]

Бартольд, *К вопросу о Чингизидах-христианах.* — В. Бартольд, *К вопросу о Чингизидах-христианах,* — ЗВОРАО, т. XXII, 1914, стр. 171—172. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 417—418.]

Бартольд, *К вопросу об языках.* — В. Бартольд, *К вопросу об языках согдийском и тохарском,* — «Иран», т. I, Л., 1927, стр. 29—41. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 461—470.]

Бартольд, *К истории арабских завоеваний.* — В. Бартольд, *К истории арабских завоеваний в Средней Азии,* — ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. 0140—0147. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 380—387.]

Бартольд, *Киргизы.* — В. В. Бартольд, *Киргизы.* (*Исторический очерк*), Фрунзе, 1927; изд. 2: Фрунзе, 1943. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 471—543.]

Бартольд, *Китаби-Коркуд* — см. *Китāб-и Деде Коркут,* изд. Бартольда.

Бартольд, *Китайские источники о гуннах.* — В. В. Бартольд, *Китайские источники о гуннах,* — «Анналы», т. II, 1923, стр. 261—267. [Наст. изд., т. V, стр. 409—418.]

Бартольд, *Коркуд.* — В. Бартольд, *Коркуд,* — ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 272—273. [Наст. изд., т. V, стр. 236—237.]

Бартольд, *Мир-Али-Шир.* — В. В. Бартольд, *Мир-Али-Шир и политическая жизнь,* — «Мир-Али-Шир. Сборник к пятисотлетию со дня рождения», Л., 1928, стр. 100—164. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 197—260.]

Бартольд, МИ, т. I [стр. 56—107]. — В. Бартольд, [рец. на:] E. Blochet, Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din, Leyden — London, 1910, — МИ, т. I, 1912, стр. 56—107. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, *Мулхакâт-ас-Сурâх.*— В. Бартольд, *Мулхакâт-ас-Сурâх* ملحقات الصراح, — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 283—287. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, *Научная поездка.* — В. Бартольд, *Научная поездка в Западную Европу,* — «Анналы», IV, 1924, стр. 8—19.

Бартольд, *Новая рукопись.* — В. В. Бартольд, *Новая рукопись уйгурским шрифтом в Британском Музее,* — ДАН-В, 1924, стр. 57—58. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, *Новое мусульманское известие о русских.* — В. В. Бартольд, *Новое мусульманское известие о русских,* — ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 262—267. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 805—809.]

Бартольд, *Новые исследования.* — В. В. Бартольд, *Новые исследования об орхонских надписях,* — ЖМНП, ч. CCCXXVIII, 1899, отд. 2, стр. 231—250. [Наст. изд., т. V, стр. 312—328.]

Бартольд, *Новый источник.* — В. В. Бартольд, *Новый источник по истории Хорезма.* — «Изв. УзФАН», Ташкент, 1941, № 2, стр. 59—61.

Бартольд, *Новый труд о половцах.* — В. В. Бартольд, *Новый труд о половцах*: W. Bang u. J. Marquart. Osttürkische Dialektstudien. Berlin, 1914, — РИЖ, кн. 7, 1921, стр. 138—156. [Наст. изд., т. V, стр. 392—408.]

Бартольд, *О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира.* — В. Бартольд, *О некоторых восточных рукописях в библиотеках Кон-*

стантинополя и Каира. (Отчет о командировке), — ЗВОРАО, т. XVIII, 1908, стр. 0115—0154. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, *О погребении Тимура.* — В. Бартольд, *О погребении Тимура*, — ЗВОРАО, т. XXIII, 1916, стр. 1—32. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 423—454.]

Бартольд, *О христианстве в Туркестане.* — В. Бартольд, *О христианстве в Туркестане в до-монгольский период. (По поводу семиреченских надписей)*, — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 1—32. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 265—302.]

Бартольд, *Образование империи Чингиз-хана.* — В. Бартольд, *Образование империи Чингиз-хана*, — ЗВОРАО, т. X, 1897, стр. 105—119. [Наст. изд., т. V, стр. 253—265.]

Бартольд, *Определение «анонима Искендера».* — В. В. Бартольд, *Определение «анонима Искендера»*, — ДАН-В, 1927, стр. 115—116. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, *Орошение.* — В. В. Бартольд, *К истории орошения Туркестана*, СПб., [1914]. [Наст. изд., т. III, стр. 95—233.]

Бартольд, *Отчет о командировке в Среднюю Азию.* — В. В. Бартольд, *Отчет о командировке в Среднюю Азию*, — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 339—344. [Наст. изд., т. IV, стр. 111—115.]

Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.).* — В. В. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан* [лето 1902 г.], — ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 173—280. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, *Отчет о командировке в Турцию.* — В. В. Бартольд, *Отчет о командировке в Турцию*, — ИАН, сер. VI, т. XX, 1926, стр. 1832—1834. (Прил. к протоколу заседания ОИФ АН СССР 29.IX.1926 г.)

Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию.* — В. В. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893—1894 гг.*, СПб., 1897 (ЗИАН ОИФ, сер. VIII, т. I, № 4). [Наст. изд., т. IV, стр. 21—91.]

Бартольд, *Очерк истории Семиречья.* — В. В. Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, — ПКСОСК за 1898 г., т. II, стр. 74—175; то же: отд. отт., стр. 1—102; изд. 2: Фрунзе, 1943. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 21—106.]

Бартольд, *Очерк истории туркменского народа.* — В. В. Бартольд, *Очерк истории туркменского народа*, — сб. «Туркмения», т. I, Л., 1929, стр. 1—69. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 545—623.]

Бартольд, *Памяти В. В. Радлова.* — В. В. Бартольд, *Памяти В. В. Радлова. 1837—1918*, — ИРГО, т. LIV, вып. 1, 1919, стр. 164—189. [Наст. изд., т. IX.]

Бартольд, *Персидская надпись.* — В. В. Бартольд, *Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче*, СПб., 1911 (Анийская серия, № 5). [Наст. изд., т. IV, стр. 313—338.]

Бартольд, *Пизанец Исол.* — В. Бартольд, *Пизанец Исол*, — ЗВОРАО, т. VI, 1892, стр. 327—329. [Наст. изд., т. V, стр. 233—235.]

Бартольд, *Самаркандский дирхем.* — В. Бартольд, *Из минц-кабинета при СПб. Университете. I. Неизданный самаркандский дирхем*, — ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 01—04. [Наст. изд., т. IV, стр. 343—345.]

Бартольд, *Система счисления.* — В. Бартольд, *Система счисления орхонских надписей в современном диалекте*, — ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. 0171—0173. [Наст. изд., т. V, стр. 363—364.]

Бартольд, *Сообщение в ВОРАО.* — [В. Бартольд, *Сообщение о двух арабских надписях и персидской рукописи, полученных от В. А. Каллаура*; сделано на заседании ВОРАО 11 марта 1899 г.], — ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. IV.

Бартольд, *Султан Синджар.* — В. Бартольд, *Султан Синджар и гузы. (По поводу статьи К. А. Иностранцева)*, — ЗВОРАО, т. XX, 1912, стр. 046—049. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 449—468.]

Бартольд, *Томсен и история Средней Азии.* — В. Бартольд, *Томсен и история Средней Азии*, — в кн. «Памяти В. Томсена. К годовщине со дня смерти», Л., 1928 (АН СССР, Очерки по истории знания. IV), стр. 1—13. [Наст. изд. т. IX.]

Бартольд, *Турецкий эпос.* — В. Бартольд, *Турецкий эпос и Кавказ*, — «Язык и литература», т. V, 1930, стр. 1—18. [Наст. изд., т. V, стр. 473—485.]

Бартольд, *Туркестан.* — В. Бартольд, *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, ч. I. *Тексты*, СПб., 1898; ч. II, *Исследование*, СПб., 1900. [Наст. изд., т. I.]

Бартольд, *Улугбек.* — В. В. Бартольд, *Улугбек и его время*, Пг., 1918 (ЗРАН, ОИФ, т. XIII, № 5). [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 23—196.]

Бартольд, *Хафизи-Абру.* — В. В. Бартольд, *Хафизи-Абру и его сочинения*, — «Ал-Музаффарийя», стр. 1—28. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд — Смирнов, *Отзыв о трудах Н. Я. Марра.* — [В. В. Бартольд и Я. И. Смирнов], *Отзыв В. В. Бартольда и Я. И. Смирнова о трудах Н. Я. Марра по исследованию древностей Ани*, — ЗВОРАО, т. XXIII, 1916, стр. 373—411. [Наст. изд., т. IV, стр. 202—235.]

Баскаков, *Введение.* — Н. А. Баскаков, *Введение в изучение тюркских языков*, М., 1962.

Баскаков, *О происхождении этнонима «кыргыз».* — Н. А. Баскаков, *К вопросу о происхождении этнонима «кыргыз»*, — СЭ, 1964, № 2, стр. 92—93.

Батманов, Арагачи, Бабушкин, *Современная и древняя енисеика.* — И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин, *Современная и древняя енисеика*, Фрунзе, 1962.

Баҳр ал-асрā̄р. — *Баҳр ал-асрāр фӣ манāкиб ал-аҳйāр*, рук. Ind. Off. № 1496 (№ 575 по новому каталогу).

Бейхаки, изд. Морлея. — *The Tárikh-i Baihaki* containing the life of Masaúd, son of Sultán Mahmúd of Ghaznín. Being the 7th, 8th, 9th, and part of the 6th and 10th Vols. of the Táríkh-i Ál-i Saboktakeen. By Abu 'l Fazl al-Baihaqi. Ed. by the late W. H. Morley, and printed under the supervision of W. Nassau Lees, Calcutta, 1862 (BI, vol. 32).

Бекмаханов, *Присоединение.* — Е. Б. Бекмаханов, *Присоединение Казахстана к России*, М., 1957.

Беленицкий, *Вопросы.* — А. М. Беленицкий, *Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пянджикентских храмов*, — в кн. «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, стр. 25—82.

Березин, *Булгар на Волге.* — И. Березин, *Булгар на Волге, С рисунками булгарских древностей и надписей*, — УЗКУ, 1852, кн. III, стр. 74—160; то же: отд. отт., Казань, 1853.

Березин, *Очерк внутреннего устройства.* — И. Березин, *Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева*, — ТВОРАО, ч. VIII, 1864, стр. 387—494; то же: отд. отт.

Бернштам, *Архитектурные памятники Киргизии.* — А. Н. Бернштам, *Архитектурные памятники Киргизии*, М.—Л., 1950.

Бернштам, *Гуннский могильник Ноин-Ула.* — А. Н. Бернштам, *Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение*, — ИАН СССР, ООН, 1937, № 4, стр. 947—968.

Бернштам, *Древнетюркские рунические надписи.* — А. Н. Бернштам, *Древнетюркские рунические надписи из Ферганы*, — ЭВ, XI, 1956, стр. 54—58.

Бернштам, *Древнетюркский документ.* — А. Н. Бернштам, *Древнетюркский документ из Согда.* (*Предварительное сообщение*), — ЭВ, V, 1951, стр. 65—75.

Бернштам, *Из истории гуннов.* — А. Н. Бернштам, *Из истории гуннов I в. до н. э. Ху-хань-е и Чжи-чжи шаньюи*, — СВ, т. I, 1940, стр. 51—77.

Бернштам, *О древнейших следах джекания.* — А. Бернштам, *О древнейших следах джекания в тюркских языках Средней Азии*, — в сб. «Памяти академика Н. Я. Марра (1864—1934)», М.—Л., 1938, стр. 17—24.

Бернштам, *Согдийская колонизация.* — А. Н. Бернштам, *Согдийская колонизация Семиречья*, — КСИИМК, вып. VI, 1940, стр. 34—43.

Бернштам, *Социально-экономический строй.* — А. Н. Бернштам, *Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков*, М.—Л., 1946.

Бертельс, *Навои.* — Е. Э. Бертельс, *Навои. Опыт творческой биографии*, М.—Л., 1948.

Бертельс, *Невāи и ʿАттāр*. — Е. Э. Бертельс, *Невāи и ʿАттāр*, — в кн. «Мир-Али-Шир. Сборник к пятисотлетию со дня рождения», Л., 1928, стр. 24—82.

Бируни, *ал-Āсāр ал-бāкийа*, изд. Захау. — *Chronologie orientalischer Völker* von Albêrûnî. Hrsg. von Dr. C. E. Sachau, Leipzig, 1878.

Бируни, *ал-Āсāр ал-бāкийа*, пер. Захау. — *The Chronology of ancient nations*. An English version of the Arabic text of the Athâr-ul-bâkiya of Albîrûnî, or «Vestiges of the Past», collected and reduced to writing by the author in A. H. 390—1, A. D. 1000. Transl. and ed., with notes and index, by C. E. Sachau, London, 1879.

Бируни, *Индия*, изд. Захау. — Alberuni's *India. An account of the religion, philosophy, literature, chronology, astronomy, customs, laws and astrology of India about A. D. 1030*. Ed. in the Arabic original by E. Sachau, London, 1887.

Бируни, *Индия*, пер. Захау. — Alberuni's *India. An account of the religion, philosophy, literature, geography, chronology, astronomy, customs, laws and astrology of India about A. D. 1030*. An English Edition, with Notes and Indices, by E. C. Sachau, vol. I—II, London, 1888 (Trübner's Oriental Series) [new ed.: London, 1910].

Бируни, *Кāнӯн*. — Abu Rayhan Muhammad Ahmad el-Biruni, *Al-Qanunu'l-Masʿudi* (*Canon Masudicus*). Ed. by the Bureau from the oldest extant mss. under the auspices of the Ministry of Education, Government of India. Publ. by the Dairatu 'l-Maʿarif Osmania, vol. I—III, Hyderabad, 1954—1955.

Бичурин, *Историческое обозрение*. — Иакинф [Н. Я. Бичурин], *Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени*, СПб., 1834.

Бичурин, *История первых четырех ханов. . .* — см. *Юань-ши*.

Бичурин, *Собрание сведений*. — *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Сочинение монаха Иакинфа, ч. I—III, СПб., 1851.

Бичурин, *Собрание сведений*, изд. 2. — Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Редакция текста, вступит. статьи, комментарий А. Н. Бернштама и Н. В. Кюнера, т. I—III, М.—Л., 1950—1953.

Боголюбский, *Происхождение*. — С. Н. Боголюбский, *Происхождение и преобразование домашних животных*, М., 1959.

Боровков, *Лексика тефсира*. — А. К. Боровков, *Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII вв.*, М., 1963.

Боровков, *Очерки*. — А. К. Боровков, *Очерки по истории узбекского языка*. (*Определение языка хикматов Ахмада Ясеви*), — СВ, т. V, 1948, стр. 229—250.

Браун, *Разыскания*. — Ф. Браун, *Разыскания в области гото-славянских отношений*. I. *Готы и их соседи до V века. Первый период: готы на Висле*, СПб., 1899 (отд. отт. из Сб. ОРЯС, т. LXIV, кн. 12).

Брегель, *Хорезмские туркмены*. — Ю. Э. Брегель, *Хорезмские туркмены в XIX веке*, М., 1961.

Будагов, *Руководство*. — Л. Будагов, *Практическое руководство турецко-татарского адербиджанского наречия*, М., 1857.

Будагов, *Словарь*. — Л. Будагов, *Сравнительный словарь турецко-татарских наречий*, т. I—II, СПб., 1869—1871.

Булгаков, *«Книга путей и государств»*. — П. Г. Булгаков, *«Книга путей и государств» Ибн Хордадбеха* (*К изучению и датировке редакций*), — ПС, вып. 3 (66), 1958, стр. 127—136.

Бундари, изд. Хаутсма. — *Histoire des Seljoucides de l'Irâq* par al-Bondârî d'après Imâd ad-dîn al-Kâtib al-Isfahânî. Texte arabe publié d'après les Mss. d'Oxford et de Paris par M. Th. Houtsma, Leide, 1889 (RTHS, vol. II).

Вайнштейн, *Об этногенезе кетов*. — С. И. Вайнштейн, *К вопросу об этногенезе кетов*, — КСИЭ, вып. XIII, 1951, стр. 3—7.

Вайнштейн, *Тувинцы-тоджинцы.* — Вайнштейн, *Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки*, М., 1961.

Вакф-наме. — *Вакф-наме*, рук. Аз. муз. е 574 ag (ИНА В 670).

Валидов, *Восточные рукописи.* — А.-З. Валидов, *Восточные рукописи в Ферганской области*, — ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. 303—320.

Валидов, *Лутфий.* — А.-З. Валидов, *Джагатайский поэт Лутфий и его диван* (*сборник стихотворений*), Казань, 1914.

Валидов, *Мешхедская рукопись.* — А. З. Валидов, *Мешхедская рукопись Ибну-ль-Факиха*, — ИРАН, сер. VI, т. XVIII, 1924, стр. 237—251.

Валиханов, *Сочинения.* — Ч. Ч. Валиханов, *Сочинения.* Под ред. Н. И. Веселовского, СПб., 1904 (ЗИРГО по отд. этногр., т. XXIX).

Василевич — Левин, *Типы оленеводства.* — Г. М. Василевич, М. Г. Левин, *Типы оленеводства и их происхождение*, — СЭ, 1951, № 1, стр. 63—87.

А. Васильев, *Готы в Крыму.* — А. Васильев, *Готы в Крыму*, — ИРАИМК (ИГАИМК), т. I, 1921, стр. 247—344; т. V, 1927, стр. 179—282.

В. Васильев, *Вопросы.* — В. Васильев, *Вопросы и сомнения*, — ЗВОРАО, т. IV, 1889, стр. 379—381.

В. Васильев, *История и древности.* — В. П. Васильев, *История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века с приложением перевода китайских известий о Киданях, Джурджитах и Монголо-Татарах*, — ТВОРАО, ч. IV, 1859, стр. 1—235.

В. Васильев, *К хронологии.* — В. Васильев, *К хронологии Чингисхана и его преемников*, — ЗВОРАО, т. IV, 1890, стр. 375—378.

В. Васильев, *Китайские надписи.* — В. П. Васильев, *Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне*, — СТОЭ, вып. III, 1897, стр. 1—36.

Васильевский, *Русско-византийские исследования.* — В. Г. Васильевский, *Труды*, т. III, *Русско-византийские исследования, Жития свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского.* Введение и греческие тексты с переводом. Славяно-русский текст, Пг., 1915 (Летопись занятий Археограф. комиссии. 1882—1884 гг. Вып. 9).

Вассаф, бомбейское изд. — [= 1852-53] كتاب مستطاب وصاف الحضرة ' بمبئى ' ۱۲٦۹

Вассаф, рук. — *Та'рӣх-и Вассāф*, рук. Аз. муз. 567 bis (ИНА С 387); рук. ГПБ V, 3, 24 (ПНС 69).

Вейденбаум, *Путеводитель по Кавказу.* — Е. Вейденбаум, *Путеводитель по Кавказу*, Тифлис, 1888.

Вельяминов-Зернов, *Материалы для истории Крымского ханства.* — [В. В. Вельяминов-Зернов], *Материалы для истории Крымского ханства*, извлеченные, по распоряжению Императорской Академии наук, из Московского Главного архива Министерства Иностранных дел. Издал В. В. Вельяминов-Зернов, СПб., 1864.

Вельяминов-Зернов, *Памятник в Башкирии.* — В. В. Вельяминов-Зернов, *Памятник с арабско-татарскою надписью в Башкирии*, — ТВОРАО, ч. IV, 1859, стр. 257—284.

Веселовский, *Бадаулет Якуб-Бек.* — Н. И. Веселовский, *Бадаулет Якуб-Бек, аталык Кашгарский*, — ЗВОРАО, т. XI, 1897, стр. 88—103.

Веселовский, ЖМНП, ч. CCCIII [стр. 224—227]. — Н. И. Веселовский, [рец. на:] Автобиография Тамерлана. Перев. с тюркского Н. Лыкошина, Ташкент, 1894, — ЖМНП, ч. CCCIII, 1896, январь, отд. 2, стр. 224—227.

Веселовский, *Орхонские открытия.* — Н. И. Веселовский, *Орхонские открытия*, — ЖМНП, ч. CCXCII, 1894, апрель, отд. 4, стр. 59—72.

Вестберг, *К анализу восточных источников.* — Ф. Вестберг, *К анализу восточ х источников о восточной Европе*, — ЖМНП, н. с., ч. XIII, 1908, февраль, отд. 2, стр. 364—412; ч. XIV, март, отд. 2, стр. 1—52.

Витт, *Лошади Пазырыкских курганов.* — В. О. Витт, *Лошади Пазырыкских курганов,* — СА, т. XVI, 1952, стр. 163—205.

Владимирцов, *Монголо-ойратский эпос.* — Б. Я. Владимирцов, *Монголо-ойратский героический эпос,* Пб.—М., 1923.

Владимирцов, *Общественный строй монголов.* — Б. Я. Владимирцов, *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм,* Л., 1934.

Владимирцов, *Отюкен.* — Б. Я. Владимирцов, *По поводу древнетюркского Ötüken yïš,* — ДАН-В, 1929, стр. 133—136.

Владимирцов, *Хотоны.* — Б. Я. Владимирцов, *Турецкий народец хотоны,* — ЗВОРАО, т. XXIII, 1916, стр. 265—277.

Владимирцов, *Чингис-хан.* — Б. Я. Владимирцов, *Чингис-хан,* Берлин—Петербург—Москва, 1922.

Владимирцов, *Этно-лингвистические исследования.* — Б. Я. Владимирцов, *Этнолингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах,* — сб. «Северная Монголия», II, Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году, Л., 1927, стр. 1—42.

Воробьев, *Казанские татары.* — Н. И. Воробьев, *Казанские татары (этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода),* Казань, 1953.

Ворожейкина, *Доисламские верования.* — З. Н. Ворожейкина, *Доисламские верования киргизов в XVI в. (по рукописи «Зия ал-Кулуб»),* — сб. «Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока», М., 1961, стр. 182—189.

Вязигин, *Стена Антиоха Сотера.* — С. А. Вязигин, *Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы,* — «Труды ЮТАКЭ», т. I, Ашхабад, 1949, стр. 260—275.

Вяткин, *Батыр Срым.* — М. П. Вяткин, *Батыр Срым,* М.—Л., 1947.

Гаврилов, *Среднеазиатский поэт Хувайдо.* — М. Ф. Гаврилов, *Среднеазиатский поэт и суфий Хувайдо,* Ташкент, 1927.

Галкин, *Сурханская долина.* — Галкин, ген. шт. полк., *Военно-статистический очерк средней и южной частей Сурханской долины. 1889 г.,* — СМА, вып. LVII, 1894, стр. 364—384.

М. Галкин, *Материалы.* — М. Н. Галкин, *Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю,* СПб., 1869.

Гардизи, изд. Мухаммеда Назима. — *Kitab Zainu'l Akhbar.* Composed by Abu Sa'id 'Abdu'l-Ḥayy b. aḍ-Ḍahhak b. Maḥmud Gardizi about 440 A. H., ed. by Muhammad Nazim, London, 1928 (E. G. Browne memorial series, I).

Гарибн, *Дӣвāн.* — Гарибн, *Дӣвāн,* гамбург. рук. № 15.

Гарнати, изд. Феррана. — *Le Tuḥfat al-albāb* de Abū Ḥāmid al-Andalusī al-Ġarnāṭī édité d'après les Mss. 2167, 2168, 2170 de la Bibliothèque nationale et le Ms. d'Alger, par G. Ferrand, Paris, 1925 (Extrait du JA, t. 207, 1925, pp. 1—148, 193—304).

Гафуров, *О причинах возвышения и падения Саманидов.* — Б. Г. Гафуров, *О причинах возвышения и падения Саманидов,* — СВ, 1958, № 1, стр. 51—55.

Гафуров, *Строительство коммунизма и национальный вопрос.* — Б. Г. Гафуров, *Строительство коммунизма и национальный вопрос,* — в кн. «Вопросы строительства коммунизма в СССР», М., 1959, стр. 88—104.

Гевонд. — *История халифов* вардапета Гевонда, писателя VIII в. Перевод с армянского [и предисловие] К. Патканьяна, СПб., 1862.

Генинг — Халиков, *Ранние болгары.* — В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков, *Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник),* М., 1964.

Георгий Мерчул, изд. Марра. — Георгий Мерчул, *Житие св. Григория Хандзтийского.* Грузинский текст. Введение, издание, перевод Н. Марра с дневником по-

ездки в Шавшию и Кларджию, СПб., 1911 (Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, кн. 7. — Изд. фак-та вост. яз. СПб. университета, № 5).

Гияс ад-дин Али, изд. Зимина. — *Дневник похода Тимура в Индию* Гияс-ад-дина Али. С приложением соответствующих отрывков из «Зафер-намэ» Низам-ад-дина Шами. Изд. Л. А. Зимина под ред. В. В. Бартольда, Пг., 1915 (Тексты по истории Средней Азии. Вып. I).

Гиппократ, изд. Джонса. — Hippokrates, With an English translation by W. H. S. Jones [and E. T. Withington], vol. I—III, London, 1923—1927 (The Loeb classical library).

Говорт, *Чингис-хан.* — Г. Говорт, *Чингис-хан.* Пер. с англ. Н. Гр., Ташкент, 1911.

Гордлевский, *Государство Сельджукидов.* — В. А. Гордлевский, *Государство Сельджукидов Малой Азии*, М.—Л., 1941 (ТИВАН, т. 39).

Грач, *Древнетюркские изваяния.* — А. Д. Грач, *Древнетюркские изваяния Тувы. По материалам исследований 1953—1960 гг.*, М., 1961.

Греков, *Волжские болгары.* — Б. Д. Греков, *Волжские болгары в IX—X веках*, — ИЗ, т. 14, 1945, стр. 3—37.

Греков — Калинин, *Булгарское государство.* — Б. Д. Греков, Н. Ф. Калинин, *Булгарское государство до монгольского завоевания*, — «Материалы по истории Татарии», вып. I, Казань, 1948, стр. 97—184.

Греков — Якубовский, *Золотая Орда.* — Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда и ее падение*, М.—Л., 1950.

Грен, *Учебник.* — *Учебник истории Древнего Востока.* Сост. А. Н. Грен, Киев, 1899.

Григорьев, *Восточный Туркестан* — см. Риттер — Григорьев.

Григорьев, *Караханиды.* — *Караханиды в Мавераннагре, по Тарихи Мунеджжимбаши* в османском тексте, с переводом и примечаниями В. В. Григорьева, — ТВОРАО, ч. XVII, 1874, стр. 189—258.

Григорьев, *Саки.* — В. В. Григорьев. *О скифском народе Саках.* Историческая монография, написанная к двадцатипятилетнему юбилею Императорского Русского археологического общества. СПб., 1871.

Гродеков, *Война в Туркмении.* — Н. И. Гродеков, *Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880—1881 гг.*, т. I—IV, СПб., 1883—1884.

Грум-Гржимайло, *Историческое прошлое.* — Г. Е. Грум-Гржимайло, *Историческое прошлое Бэй-шаня в связи с историей Средней Азии*, СПб., 1898.

Грум-Гржимайло, *Описание путешествия.* — Г. Е. Грум-Гржимайло и М. Е. Грум-Гржимайло, *Описание путешествия в Западный Китай*, т. I—III, СПб., 1896—1907.

Грязнов, *Вопросы сложения кочевых обществ.* — М. П. Грязнов, *Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири*, — КСИЭ, вып. XXIV, 1955, стр. 19—29.

Гусейнов, *Сирийские источники.* — Р. А. Гусейнов, *Сирийские источники XII—XIII вв. об Азербайджане*, Баку, 1960.

Дагестани, *Āсāр-и Дāғистāн.* — كتاب آثار داغستان تاليفى ميرزا حسن افندى بن الحاج عبد الله افندى القادرى الداغستانى ' ناشرى جناب مستطاب حاجى زين العابدين طاغيوف امرى شريف...' باكوبه' شركت مطبعه‌سى ' ١٩٠٣.

Дагестани, *Книга Асари-Дагестан.* — *Книга Асари-Дагестан.* (*Исторические сведения о Дагестане*). Составил Мирза Гасан-Эфенди сын Гаджи Абдулла-Эфенди Алкадари Дагестани. Пер. А. Гасанова, — СМОМПК, вып. 46, 1929, стр. 14—193.

Даль, *Словарь.* — [В. И. Даль], *Толковый словарь живого великорусского языка.* 3-е, испр. и значительно дополн. издание под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ, т. I—IV, СПб., М., 1903—1909.

Дас, *Путешествие.* — С. Ч. Дас, *Путешествие в Тибет.* Пер. с англ. под ред. В. Котвича, СПб., 1904.

Даулетшах, изд. Брауна. — *The Tadhkiratu 'sh-Shu'ará* (*«Memoirs of the Poets»*) of Dawlatsháh bin 'Alá'u 'd-Dawla Bakhtísháh al-Ghází of Samarqand. Ed. in the original Persian with prefaces and indices by E. G. Browne, London—Leide, 1901 (PHT, vol. I).

Дербенд-нāме. — *Derbend-nâmeh, or the History of Derbend*; transl. from a select Turkish version and published with the texts and with notes, illustrative of the history, geography, antiquities &c. &c. occurring throughout the work, by Mirza A. Kazem-Beg, St.-Pbg., 1851.

Дербенд-нāме, рук. — *Дербенд-нāме*, рук. ГПБ Dorn 541.

Джалилов, *Согд.* — А. Джалилов, *Согд накануне арабского нашествия и борьба согдийцев против арабских завоевателей в первой половине VIII в.*, Сталинабад, 1961 (ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XXX).

Джахиз, *Манāкиб ал-атрāк*, изд. Ван Флотена. — *Tria opuscula* auctore Abu Othman Amr ibn Bahr al-Djahiz Basrensi quae edidit G. van Vloten (opus posthumum), Lugduni Batavorum, 1903.

Джемаль Карши. — Джемаль Карши, *Мулхакāт ас-Сурāх*, рук. Аз. муз. 430а (ИНА В 514).

Джувейни, изд. Казвини. — *The Ta'ríkh-i-Jahán-gushá* of 'Alá'u 'd-Dín 'Aṭá Malik-i-Juwayní (composed in A. H. 658=A. D. 1260). Ed. with an introduction, notes and indices from several old MSS. by Mírzá Muḥammad ibn 'Abdu'l-Wahháb-i-Qazwíní, pt I, containing the history of Chingíz Khán and his successors, Leyden — London, 1912; pt II, containing the history of Khwárazmsháh dynasty, Leyden — London, 1916; pt III, containing the history of Mangú Qá'án, Hulágú and the Ismá'ílís, Leyden — London, 1937 (GMS, XVI, 1—3).

Джувейни, изд. Росса. — *Ta'rīkh-i-Jahān-Gushāy* of Juwayni. Being a facsimile of a manuscript dated A. H. 690 belonging to Wahīd-ul-Mulk. With an introduction by E. Denison Ross, vol. III, London, 1931 (James G. Forlong Fund, vol. 10).

Джувейни, рук. — Джувейни, *Та'рūх-и джахāнгушāй*, рук. ГПБ IV, 2, 34 (ПНС 233).

Джузджани, изд. Нассау-Лиса. — *The Tabaqát-i Násiri* of Aboo 'Omar Minháj al-dín 'Othmán, ibn Siráj al-dín al-Jawzjani. Ed. by W. Nassau Lees and Mawlawis Khadim Hosain and 'Abd al-Hai, Calcutta, 1864.

Джузджани, пер. Раверти. — *Ṭabaḳāt-i-Nāṣirī: A General History of the Muḥammadan Dynasties of Asia, including Hindūstān, from A. H. 194* [*810 A. D.*] *to A. H. 658* [*1260 A. D.*] *and the Irruption of the Infidel Mughals into Islām.* By the Maulānā, Minhāj-ud-Dīn, Abū-'Umar-i-'Usmān. Transl. from Original Persian Manuscripts. By H. G. Raverty, vol. I—II, London, 1881 (BI, NS, vol. 272—273); Index, Calcutta, 1897.

Диваев, *Баксы.* — А. А. Диваев, *Из области киргизских верований. Баксы, как лекарь и колдун.* (*Этнографический очерк*), — ИОАИЭК, т. XV, вып. 3, 1899, стр. 307—341. [Дополнение редакции — стр. 341—344.]

Динавери. — Abû Ḥanîfa ad-Dînawerî, *Kitâb al-aḥbâr aṭ-ṭiwâl.* Publié par V. Guirgass, Leide, 1888.

Дмитриева, *Хуастуанифт.* — Л. В. Дмитриева, *Хуастуанифт.* (*Введение, текст, перевод*), — сб. «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, стр. 214—232.

Долбежев, *В поисках развалин Бишбалыка.* — Б. В. Долбежев, *В поисках развалин Бишбалыка*, — ЗВОРАО, т. XXIII, 1916, стр. 77—121.

Дыренкова, *Умай.* — Н. П. Дыренкова, *Умай в культе турецких племен*, — сб. «Культура и письменность Востока», III, Баку, 1928, стр. 134—139.

Дьяконов, *История Мидии.* — И. М. Дьяконов, *История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э.*, М.—Л., 1956.

Евтюхова, *Каменные изваяния.* — Л. А. Евтюхова, *Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии*, — в кн. «Материалы и исследования по археологии Сибири», т. I, М., 1952 (МИА, № 24), стр. 72—120.

Егоров, *Современный чувашский язык.* — В. Г. Егоров, *Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении*, ч. I, Чебоксары, 1954.

Жданко, *Очерки.* — Т. А. Жданко, *Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родо-племенная структура и расселение в XIX—начале XX века*, М.—Л., 1950 (Труды Ин-та этнографии, н. с., т. IX).

Жизнеописание Сюань Цзана, пер. Жюльена. — *Histoire de la vie de Hiouen-thsang et de ses voyages dans l'Inde, depuis l'an 629 jusqu'en 645*, par Hoeï-li et Yen-thsong; suivie de documents et d'éclaircissements géographiques tirés de la relation originale de Hiouen-thsang; traduite du chinois par S. Julien, Paris, 1853.

Жирмунский, *Огузский героический эпос.* — В. М. Жирмунский, *Огузский героический эпос и «Книга Коркута»*, — в кн. *Китāб-и Деде Коркут*, пер. Бартольда, изд. 2, стр. 131—258.

Жирмунский, *Следы огузов.* — В. М. Жирмунский, *Следы огузов в низовьях Сыр-Дарьи*,— «Тюркологический сборник», I, М.—Л., 1951, стр. 93—102.

Жуковский, *Колыбельные песни.* — В. А. Жуковский, *Колыбельные песни и причитания оседлого и кочевого населения Персии*, — ЖМНП, ч. CCLXI, 1889, январь, отд. 2, стр. 93—126.

Жуковский, *Развалины Старого Мерва.* — В. А. Жуковский, *Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва*, СПб., 1894 (МАР, вып. 16).

Зайончковский, *Хадисы.* — А. Зайончковский, *Старейшие арабские хадисы о тюрках (VIII—XI вв.)*, — «Тюркологический сборник. К шестидесятилетию Андрея Николаевича Кононова», М., 1966, стр. 194—201.

Закария Казвини. — Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwini's *Kosmographie*. I. T. كتاب عجايب المخلوقات *Die Wunder der Schöpfung*. Aus den Handschriften der Bibliotheken zu Berlin, Gotha, Dresden und Hamburg hrsg. von F. Wüstenfeld, Göttingen, 1849; II. T. كتاب آثار البلاد *Die Denkmäler der Länder*. Aus den Handschriften des Hn. Dr. Lee und der Bibliotheken zu Berlin, Gotha und Leyden hrsg. von F. Wüstenfeld, Göttingen, 1848.

Залеман, *Легенда про Хаким-Атà.* — К. Г. Залеман, *Легенда про Хаким-Атà*, — ИАН, сер. V, т. IX, 1898, стр. 105—150.

Зарубин, *Список народностей Туркестанского края.* — И. И. Зарубин, *Список народностей Туркестанского края*, Л., 1925 (РАН, Труды КИПС, 9).

Засыпкин, *Архитектура Средней Азии.* — Б. Н. Засыпкин, *Архитектура Средней Азии*, М., 1948.

З̧афар-нāме — см. Шереф ад-дин Йезди.

Захаби, рук. — Захаби, *Та'рӣх̮ ал-ислāм*, рук. Кёпрюлю (Стамбул) 1081.

Захария Ритор, изд. Ланда. — Zachariae episcopi Mitylenes aliorumque *Scripta historica graece plerumque deperdita.* Syriace edidit J. P. N. Land, Lugduni Batavorum, 1870 (Anecdota syriaca. Collegit, edidit, explicuit J. P. N. Land, t. III).

Захария Ритор, пер. Пигулевской — Н. В. Пигулевская, *Сирийские источники по истории народов СССР*, М.—Л., 1941 (ТИВАН, т. 41).

Захарова, *Двенадцатилетний животный цикл.* — И. В. Захарова, *Двенадцатилетний животный цикл у народов Центральной Азии*, — «Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана», Алма-Ата, 1960 (ТИИАЭ АН КазССР, т. 8), стр. 32—65.

Захир ад-дин Мар'аши. — Sehir-eddin's *Geschichte von Tabaristan, Rujan und Masanderan*. Persischer Text, hrsg. von B. Dorn, St.-Pbg., 1850 (Muhammedanische Quellen zur Geschichte der südlichen Küstenländer des Kaspischen Meeres, hrsg., übers. und erläutert von B. Dorn. I. T.).

Захири — см. Халиль аз-Захири.

Заходер, *Каспийский свод.* — Б. Н. Заходер, *Каспийский свод сведений о Восточной Европе*, [т. I], *Горган и Поволжье в IX—X вв.*, М., 1962; т. II, *Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне*, М., 1967.

Зибберштейн, *Путевые замечания*, изд. Вяткина. — М. П. Вяткин, *Путевые записки лекаря Зибберштейна*, — ИА, т. I, 1936, стр. 223—258.

Златкин, *Джунгарское ханство.* — И. Я. Златкин, *История Джунгарского ханства (1635—1758)*, М., 1964.

Золотарев, *Население Поволжья.* — Д. А. Золотарев, *Население Поволжья. Этнографический очерк Поволжья*, — в кн. «Поволжье», изд. 2, Л., 1926, стр. 99—136.

Зуев, *Китайские известия.* — Ю. А. Зуев, *Китайские известия о Суябе*, — ИАН КазССР, сер. ист., археол. и этногр., 1960, вып. 3 (14), стр. 87—96.

Зуев, *Термин кыркун.* — Ю. А. Зуев, *Термин кыркун. К вопросу об этническом происхождении кыргызов по китайским источникам*, — ТИИ АН КиргССР, т. IV, 1958, стр. 169—175.

Ибн Арабшах, *'Аджā'иб ал-маķдӯр*, изд. Мангера. — Ahmedis Arabsidae *Vitae et rerum gestarum Timuri, qui vulgo Tamerlanes dicitur, historia*. Latine vertit, ed adnotationes adjecit S. H. Manger, t. I—II, Leovardiae, 1767—1772.

Ибн Арабшах, *'Аджā'иб ал-маķдӯр*, каирск. изд. — كتاب عجائب المقدور فى اخبار تيمور تاليف شهاب الدين احمد بن محمد بن عبد الله الدمشقى الانصارى المعروف بابن عرب شاه ، القاهرة ، ١٢٨٥ [1868-69 =].

Ибн Арабшах, *Фāкихат ал-хулафā'*. — *Liber arabicus* فاكهة الخلفاء و مفاكهة الظرفاء *seu Fructus imperatorum et iocatio ingeniosorum* auctore Ahmede filio Mohammedis cognominato Ebn-Arabschah quem primum e codicibus ed. et adnotationibus criticis instruxit G. G. Freitag, pars I—II, Bonnae, 1832—1852.

Ибн Арабшах, *Фāкихат ал-хулафā'*, егип. изд. — فاكهة الخلفاء و مفاكهة الظرفاء للعلامة الاديب والفهامة الاريب الشيخ احمد بن محمد بن عرب شاه الحنفى . . . ، مصر ، ١٣١٢ [1898-99 =].

Ибн ал-Асир, булак. изд. 1301/1883-84. — تاريخ الكامل للعلامة ابى الحسن على بن ابى الكرم محمد بن محمد بن عبد الكريم بن عبد الواحد الشيبانى المعروف بابن الاثير الجزرى الملقب بعز الدين ، الجزء ١—١٢ ، [بولاق] ، ١٣٠١.

Ибн ал-Асир, изд. Торнберга. — Ibn-el-Athiri *Chronicon quod perfectissimum inscribitur*, ed. C. J. Tornberg, vol. I—XIV, Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1851—1876.

Ибн Баттута. — *Voyages d'Ibn Batoutah*, texte arabe, accompagné d'une traduction par C. Defrémery et B. R. Sanguinetti, t. I—IV, Paris, 1853—1858 (Collection d'ouvrages orientaux publiée par la Société asiatique).

Ибн Мискавейх, изд. Амедроза—Марголиуса. — *The concluding portion of the Experiences of the Nations* by Miskawaihi, Office-holder at the Courts of the Buwaihid Sultans, Mu'izz al-daulah, Rukn al-daulah, and 'Adud al-daulah. Arabic text, ed. by H. F. Amedroz, vol. I. *Reigns of Muqtadir, Qahir and Radi*, Oxford, 1920 (*Eclipse*, vol. I); vol. II, *Reigns of Muttaqi, Mustakfi, Muti' and Ta'i'*, Oxford, 1921 (*Eclipse*, vol. II). Translation from the Arabic by D. S. Margoliouth, vol. I. *Reigns of Muqtadir, Qahir and Razi*, Oxford, 1921 (*Eclipse*, vol. IV); vol. II. *Reigns of Muttaqi, Mustakfi, Muti' and Ta'i'*, Oxford, 1921 (*Eclipse*, vol. V.)

Ибн Муханна, изд. Риф'ата. — ابن محنا ، حلية الانسان و حلبة اللسان ، استانبول ، ١٣٣٠—١٣٤٠ [1912—1921-22].

Ибн Русте, изд. де Гуе. — *Kitâb al-a'lâk an-nafîsa VII* auctore Abû Alî Ahmed ibn Omar ibn Rosteh et *Kitâb al-boldân* auctore Ahmed ibn abî Jakûb ibn Wâdhih al-Kâtib al-Jakûbî, [ed. M. J. de Goeje], edit. 2, Lugduni Batavorum, 1892 (BGA, VII). [Ибн Русте — стр. 1—229.]

Ибн Русте, изд. Хвольсона. — *Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах* Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского Музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон, СПб., 1869.

Ибн Тейфур, изд. Келлера. — *Sechster Band des Kitâb Baġdâd* von Aḥmad ibn abî Ṭâhir Ṭaifûr. Hrsg. und übers. von H. Keller, T. I: Arabischer Text; T. II: Deutsche Übersetzung, Leipzig, 1908.

Ибн Фадлан, изд. Ковалевского (1939). — *Путешествие Ибн Фадлана на Волгу.* Перевод и комментарий [А. П. Ковалевского] под ред. И. Ю. Крачковского, М.—Л., 1939.

Ибн Фадлан, изд. Ковалевского (1956). — А. П. Ковалевский, *Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг.* Статьи, переводы и комментарии, Харьков, 1956.

Ибн Фадлан, изд. Тогана. — A. Z. W. Togan, *Ibn Fadlan's Reisebericht*, Leipzig, 1939 (Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes, Bd XXIV, N 3).

Ибн ал-Факих. — *Compendium libri Kitâb al-Boldân* auctore Ibn al-Fakîh al-Hamadhânî quod edidit, indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje, Lugduni-Batavorum, 1885 (BGA, V).

Ибн Хаукаль. — *Viae et regna. Descriptio ditionis moslemicae* auctore Abu'l-Kásim Ibn Haukal. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1873 (BGA, II).

Ибн Хордадбех. — *Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik* (*Liber viarum et regnorum*) auctore Abu'l-Kasim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khordâdhbeh et *Excerpta e Kitâb al-Kharâdj* auctore Kodâma ibn Dja'far quae cum versione gallica edidit, indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje, Lugduni-Batavorum, 1889 (BGA, VI) [Ибн Хордадбех: текст — стр. 2—183; перевод — стр. 1—144].

Ибрагимов — Храковский, *Материалы.* — С. Ибрагимов и В. С. Храковский, *Материалы из истории образования казахского языка,* — ИАН КазССР, сер. ист., археол. и этногр., 1959, вып. 2 (10), стр. 94—100.

Иванов, *Кара-калпаки.* — П. П. Иванов, *Кара-калпаки,* — СЭ, т. IV, 1940, стр. 23—54.

Иванов, *Новые данные.* — П. П. Иванов, *Новые данные о каракалпаках,* — СВ, т. III, 1945, стр. 59—79.

Иванов, *Очерки.* — П. П. Иванов, *Очерки по истории Средней Азии* (*XVI—середина XIX в.*), М., 1958.

Идриси, пер. Жобера. — *Géographie* d'Edrisi traduite de l'arabe en français d'après deux manuscrits de la Bibliothèque du Roi et accompagnée de notes par A. Jaubert, t. I—II, Paris, 1836—1840.

Иловайский, *Разыскания.* — Д. Иловайский, *Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю,* изд. 2, М., 1882.

Ильясов, *Пережитки.* — С. Ильясов. *Пережитки патриархально-родовых и феодально-буржуазных отношений у киргизов до проведения сплошной коллективизации,* — ТИЯЛИ КиргФАН СССР, вып. I, 1945, стр. 131—146.

Иностранцев, *Коркуд.* — К. Иностранцев, *Коркуд в истории и легенде,* — ЗВОРАО, т. XX, 1912, стр. 040—046.

Иностранцев, *Туркестанские оссуарии.* — К. Иностранцев, *Туркестанские оссуарии и астоданы,* — ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. 0166—0171.

Иностранцев — Смирнов, *Материалы для библиографии.* — *Материалы для библиографии мусульманской археологии.* Из бумаг бар. В. Г. Тизенгаузена. [Издали К. А. Иностранцев и Я. И. Смирнов], — ЗВОРАО, т. XVI, 1906, стр. 079—0145, 0213—0416.

Истахри. — *Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae* auctore Abu Isháḳ al-Fárisí al-Istakhrí. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1870 (BGA, I).

История монголов по армянским источникам. — *История монголов по армянским источникам.* Перевод и объяснения К. П. Патканова. Вып. 1, заключающий в себе извлечения из трудов Вардана, Стефана Орбелиана и Конетабля Сембата, СПб., 1873; вып. 2, заключающий в себе извлечения из истории Киракоса Гандзакеци, СПб., 1874.

История таджикского народа. — *История таджикского народа*, т. I—III, М., 1963—1965.

История Татарской АССР. — *История Татарской АССР*, т. I (*С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции*), Казань, 1955; т. II (*От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней*), Казань, 1960.

Казахско-русские отношения. — *Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках.* (*Сборник документов и материалов*), Алма-Ата, 1961.

Казем-бек, *Грамматика.* — [Казем-бек], *Грамматика турецко-татарского языка*, составленная Мирзою Александром Казем-Беком, Казань, 1839.

Калашев, *Пословицы.* — Н. Д. Калашев, *Пословицы ширванских татáр.* (*Шемахинский и Геокчайский уезды, Бакинской губ.*), — СМОМПК, вып. XXIV, 1898, отд. III, стр. 1—214.

Каллаур, *Камень.* — В. А. Каллаур, *Камень с древне-тюркской надписью из Аулиеатинского уезда*, — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 79—83.

Каллаур, *Новая находка.* — В. А. Каллаур, *Новая археологическая находка в Аулиеатинском уезде*, — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 265—271.

Карамзин, *История государства Российского.* — Н. М. Карамзин, *История государства Российского.* Печатано под набл. проф. П. Н. Полевого, изд. Е. Евдокимова, т. I—XII, СПб., 1892.

Каргер, *Кетский язык.* — Н. К. Каргер, *Кетский* (*енисейско-остяцкий*) *язык*, — в сб. «Языки и письменность народов Севера», ч. III, М.—Л., 1934, стр. 223—238.

Катанов, УЗКУ, год LXV, кн. 4 [стр. 1—31]. — Н. Катанов, [рец. на:] Описание путешествия в Западный Китай. Составлено Г. Е. Грум-Гржимайло, при участии М. Е. Грум-Гржимайло. Т. I. Вдоль Восточного Тяньшаня. . . С.-Петербург, 1898, — УЗКУ, год LXV, 1898, кн. 4, отд. 3, стр. 1—31.

Катанов, *Этнографический обзор.* — Н. Катанов, *Этнографический обзор турецко-татарских племен*, — УЗКУ, год LXI, 1894, кн. 3, отд. 1, стр. 186—206.

Катаринский, *Башкирско-русский словарь.* — [В. Катаринский], *Башкирско-русский словарь*, Оренбург, 1899.

Каховский, *Происхождение чувашского народа.* — В. Ф. Каховский, *Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории*, Чебоксары, 1965.

Кедрин. — Georgii Cedreni *Compendium historiarum* [a mundo condito usque ad annum 1067] cui subjiciuntur Excerpta ex Breviario Joannis Scylitzae Curopalatae. Accurante et denio recognocente J.-P. Migne, t. I—II, Parisii, 1864 (Patrologiae graecae, t. CXXI—CXXII).

Киселев и др., *Древнемонгольские города.* — *Древнемонгольские города.* Авторский коллектив: С. В. Киселев, А. А. Евтюхова, Л. Р. Кызласов, Н. Я. Мерперт, В. П. Левашова, М., 1965.

Киселев, *Древняя история Южной Сибири.* — С. В. Киселев, *Древняя история Южной Сибири*, М., 1949; изд. 2: М., 1951.

Китāб ал-аġāнӣ. — كتاب الاغانى للامام ابن الفرج الاصبهانى؛ الجزء ١—٢١، مصر، ١٣٢٣ [= 1905-06].

Китāб-и Деде Коркут, изд. Бартольда. — В. Бартольд, *Китаби-Коркуд*, *I*, — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 203—218; *II* — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 175—193; *III* — ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 037—059; *IV* — ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 1—38.

Китāб-и Деде Коркут, пер. Бартольда, изд. 2. — *Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос.* Пер. В. В. Бартольда. Издание подготовили В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов, М.—Л., 1962 (Литературные памятники).

Китāб-и Деде Коркут, изд. Риф'ата. — كتاب دده قورقود، على لسان طائفهٔ اوغوزان، مستنسخی کلیسلی معلم رفعت، استانبول، ۱۳۳۲ [= 1913-14].

Клавихо, изд. Срезневского. — Рюи Гонзалес де Клавихо, *Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг.* Подлинный текст с переводом и примечаниями, составленными под ред. И. И. Срезневского, СПб., 1881 (Сб. ОРЯС, т. XXVIII, № 1).

Клюкин, *Новые данные.* — И. А. Клюкин, *Новые данные о племени тардушей и толисов*, — ВДВАН, 1932, № 1—2, стр. 91—98.

Кляшторный, *Древнетюркские памятники.* — С. Г. Кляшторный, *Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии*, М., 1964.

Кляшторный, *Из истории борьбы народов Средней Азии.* — С. Г. Кляшторный, *Из истории борьбы народов Средней Азии против арабов* (*по руническим текстам*), — ЭВ, IX, 1954, стр. 55—64.

Кляшторный, *Кангюйская этно-топонимика.* — С. Г. Кляшторный, *Кангюйская этно-топонимика в орхонских текстах*, — СЭ, 1951, № 3, стр. 54—63.

Кляшторный, *Согдийцы в Семиречье.* — С. Г. Кляшторный, *Согдийцы в Семиречье*, — СЭ, 1959, № 1, стр. 7—11.

Кляшторный, *Согдийцы в Центральной Азии.* — С. Г. Кляшторный, *Согдийцы в Центральной Азии* (*по руническим текстам*), — ЭВ, XIV, 1961, стр. 29—31.

Кляшторный, *Тоньюкук.* — С. Г. Кляшторный, *Тоньюкук—Ашидэ Юаньчжэнь*, — «Тюркологический сборник. К шестидесятилетию Андрея Николаевича Кононова», М., 1966, стр. 202—205.

Кляшторный, *Яксарт—Сыр-Дарья.* — С. Г. Кляшторный, *Яксарт — Сыр-Дарья*, — СЭ, 1953, № 3, стр. 189—190.

Ковалевский, *Чуваши и булгары.* — А. П. Ковалевский, *Чуваши и булгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана*, Чебоксары, 1954.

Козлов, *Кам.* — П. К. Козлов, *Кам и обратный путь*, СПб., 1906 (Монголия и Кам. Труды экспедиции Имп. Русск. Геогр. Общества, совершенной в 1899—1901 гг. под руководством П. К. Козлова. Изд. ИРГО, т I, ч. 2).

Козубский, *История Дербента.* — Е. И. Козубский, *История города Дербента*, Темир-Хан-Шура, 1906.

Козьмин, *Хакасы.* — Н. Н. Козьмин, *Хакасы. Историко-этнографический очерк Минусинского края*, Иркутск, 1925.

Козьмин, *Хозяйство и народность.* — Н. Н. Козьмин, *Хозяйство и народность.* (*Производственный фактор в этнических процессах*), — «Сибирская живая старина», № 7, 1928, стр. 1—22.

Коковцов, *К сиро-турецкой эпиграфике.* — П. К. Коковцов, *К сиро-турецкой эпиграфике Семиречья*, — ИАН, сер. VI, т. III, 1909, стр. 773—796.

Коковцов, *Новый еврейский документ.* — П. Коковцов, *Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X веке*, — ЖМНП, н. с., ч. XLVIII, 1913, ноябрь, отд. 2, стр. 150—172.

Кононов, *Опыт.* — А. Н. Кононов, *Опыт анализа термина* тӯрк, — СЭ, 1949, № 1, стр. 40—47.

Корнилов, *Кашгария.*— Корнилов, ген. шт. полк., *Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания.* Под ред. начальника штаба Туркестанского военного округа ген.-лейт. Сахарова, Ташкент, 1903.

Корш, *Классификация турецких племен.* — Ф. Е. Корш, *Классификация турецких племен по языкам,* — ЭО, кн. LXXXIV—LXXXV, 1910, № 1—2, стр. 114—127 [Доклад на XII съезде естествоиспытателей и врачей в Москве (1909—1910 гг.). Подсекция этнографии.] Изложение доклада см. ЖС, год XIX, вып. I—II, стр. 185—186.

Костенко, *Туркестанский край.* — Л. Ф. Костенко, *Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа,* т. I—III, СПб., 1880 (Материалы для географии и статистики России).

Котвич, ЗВОРАО, т. XV [стр. 046—050]. — В. Котвич, [рец. на:] Известия Восточного Института, под ред. А. Позднеева, т. II, вып. IV, Владивосток 1901, — ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 046—050.

Крачковская — Крачковский, *Древнейший арабский документ.* — В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский, *Древнейший арабский документ из Средней Азии,* — Согд. сб., стр. 52—90.

Крачковский, *Арабская географическая литература.* — И. Ю. Крачковский, *Арабская географическая литература.* М.—Л., 1957 (Избранные сочинения, т. IV).

Крачковский, ЗВОРАО, т. XIX [стр. 0102—0113]. — И. Крачковский, [рец. на:] كتاب الالفاظ الفارسية المعرّبة تاليف السيد آدّى شير رئيس اساقفة سعود الكلدانى ' بيروت ' سنة ١٩٠٨ ' صفحاته ١٩٤, — ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. 0102—0113.

Кримський, *Історія Туреччини.* — А. Кримський, *Історія Туреччини. . . Звідки почалася Османьска держава, як вона зростала й розвивалася і як досягла апогею своеі слави й могутности,* Київ, 1924 (Укр. АН. Збірн. іст.-філ. від., № 10).

Крымский, *История Турции.* — А. Крымский, *История Турции и ее литературы,* т. I—II [т. I. *От возникновения до начала расцвета,* М., 1916; т. II. *От расцвета до начала упадка,* М., 1910] (ТВЛИВЯ, т. XXVIIIA, XXIX, № 1).

Кудама. — *Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik* (*Liber viarum et regnorum*) auctore Abu'l-Kâsim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khordâdhbeh et *Excerpta e Kitâb al-Kharâdj* auctore Kodâma ibn Dja'far quae cum versione gallica edidit, indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje, Lugduni-Batavorum, 1889 (BGA, VI) [Кудама: текст — стр. 184—266; перевод — стр. 144—208].

Культелеев, *Уголовное обычное право казахов.* — Т. М. Культелеев, *Уголовное обычное право казахов.* (*С момента присоединения Казахстана к России до установления Советской власти*), Алма-Ата, 1955.

Куник—Розен, *Известия.* — *Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах,* ч. 1—2, СПб., 1878—1903 [ч. 1, Статьи и разыскания А. Куника и В. Розена (Прил. к ЗИАН, т. XXXII, № 2); ч. 2, Разыскания А. Куника].

Кутадгу билик, изд. Вамбери. — *Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik.* Uigurische Text mit Transcription und Übersetzung nebst einem uigurisch-deutschen Wörterbuche und lithografirten Facsimile aus dem Originaltexte des Kudatku Bilik von H. Vámbéry, Innsbruck, 1870.

Кутадгу билик, изд. Радлова. — *Das Kudatku Bilik* des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun, hrsg. von W. Radloff, T. I. *Der Text in Transcription,* St.-Pbg., 1891; T. II. *Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo,* St.-Pbg., 1900—1910.

Кутуби, *'Уйӯн ат-тавāрӣх.* — Кутуби, *'Уйӯн ат-тавāрӣх,* рук. Кёпрюлю (Стамбул) 1121.

Кызласов, *Новая датировка.* — Л. Р. Кызласов, *Новая датировка памятников енисейской письменности,* — СА, 1960, № 3, стр. 152—161.

Кызласов, *О датировке памятников.* — Л. Р. Кызласов, *О датировке памятников енисейской письменности,* — СА, 1965, № 3, стр. 38—49.

Кызласов, *О назначении древнетюркских изваяний.* — Л. Р. Кызласов, *О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей,* — СА, 1964, № 2, стр. 27—39.

Кычанов, *Из истории тангутско-уйгурских войн.* — Е. И. Кычанов, *Из истории тангутско-уйгурских войн в первой половине XI века,* — в кн. «Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана», Алма—Ата, 1962 (ТИИАЭ АН КазССР, т. 15), стр. 146—153.

Лаврентьевская летопись. — *Летопись по Лаврентиевскому списку.* Изд. Археологической комиссии, СПб., 1872.

Левонд — см. Гевонд.

Левшин, *Описание.* — А. Левшин, *Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких Орд и степей,* ч. I. *Известия географические*; ч. II. *Исторические известия*; ч. III. *Этнографические известия,* СПб., 1832.

Лерх, *Бухара.* — П. Л[ерх], *Бухара,* — «Русский энциклопедический словарь», издаваемый И. Н. Березиным, отд. I, т. IV, СПб., 1874, стр. 463—464.

Лившиц, *Согдийские документы.* — *Согдийские документы с горы Муг. Чтение. Перевод Комментарий.* Вып. II. *Юридические документы и письма.* Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица, М., 1962.

Лигети, ВЯ, 1955, № 5 [стр. 133—140].— Л. Лигети, [рец. на:] Г. Д. Санжеев, Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I, М., 1953, — ВЯ, 1955, № 5, стр. 133—140.

Лигети, *О монгольских и тюркских языках.* — Л. Лигети, *О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана,* — AO Bud., т. IV, 1955, стр. 93—117 [резюме на фр. яз.: стр. 114—117].

Лэн-Пуль, *Мусульманские династии.* — С. Лэн-Пуль, *Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями* Перевел с английского с примечаниями и дополнениями В. Бартольд, СПб., 1899.

Магакия, пер. Патканова. — *История монголов* инока Магакии, XIII века. Перевод и объяснения К. П. Патканова, СПб., 1871.

Макдиси. — *Descriptio imperii moslemici* auctore Schamso'd-dîn Abu Abdollâh Mohammed ibn Ahmed ibn abî Bekr al-Bannâ al-Basschârî al-Mokaddasi. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1877; ed. 2 : 1906 (BGA, III).

Макризи, *Та'рӣх,* пер. Катрмера. — *Histoire des Sultans mamlouks de l'Egypte,* écrite en arabe par Taki-eddin-Ahmed-Makrizi, traduite en français, et accompagnée de notes philologiques, historuques, géographiques par M. E. Quatremère, t. I—II, Paris, 1837—1845.

Макризи, *Х̱итат,* изд. Вьета. — Taqî el-Dîn Aḥmad ibn ʿAlî ibn ʿAbd-el-Qâdir ibn Muḥammad el-Maqrîzî, *El-Mawâʿiz wa'l-Iʿtibâr fî dhikr el-Khitat wa'l-Âthâr.* Édité par G. Wiet, t. I—V, Le Caire, 1911—1927 (MIFAO, XXX, XXXIII, XLVI, XLIX, LIII).

Максимов, *Происхождение оленеводства.* — А. Н. Максимов, *Происхождение оленеводства,* — «Уч. зап. Российской ассоциации научн-исслед. институтов обществ. наук. Институт истории», т. VI, М., 1928, стр. 3—37.

Макшеев, *Карта Рената.* — А. Макшеев, *Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом, во время его плена у калмыков, с 1716 по 1733 год,* — ЗИРГО по общ. геогр., т. XI, 1888, стр. 105—145.

Маллицкий, *Несколько страниц.* — Н. Маллицкий, *Несколько страниц из истории Ташкента за последнее столетие,* — ПТКЛА, год III, 1897—1898, стр. 158—177.

Малов, *Древнетюркская письменность Монголии.* — С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии,* М.—Л., 1959.

Малов, *Енисейская письменность.* — С. Е. Малов, *Енисейская письменность тюрков*, М.—Л., 1952.

Малов, ЖС, XXI [стр. 214—220]. — С. Е. Малов, [рец. на:] C. G. E. Mannerheim, A visit to Sarö and Shera Yögurs, Helsingfors, 1911 (JSFOu, XXVII), — ЖС, год XXI, 1912, стр. 214—220.

Малов, *Ибн Муханна.* — С. Е. Малов, *Ибн Муханна о турецком языке*, — ЗКВ, т. III, вып. 2, 1928, стр. 221—248.

Малов, *Памятники.* — С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования*, М.—Л., 1951.

Малов, *Таласские эпиграфические памятники.* — С. Е. Малов, *Таласские эпиграфические памятники*, — «Материалы Узкомстариса», вып. 6—7, М.—Л., 1936, стр. 17—38.

Малов, *Турецкие числительные.* — С. Е. Малов, *К изучению турецких числительных*, — в сб. «Академия наук СССР — академику Н. Я. Марру. XLV», М.—Л., 1935, стр. 271—277.

Малов, *Язык желтых уйгуров.* — С. Е. Малов, *Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика*, Алма-Ата, 1957.

Малявкин, *Уйгурское Турфанское княжество.* — А. Г. Малявкин, *Уйгурское Турфанское княжество в XIII веке*, — в кн. «Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана», Алма-Ата, 1962 (ТИИАЭ АН КазССР, т. 15), стр. 61—67.

Мандельштам, *Материалы.* — А. М. Мандельштам, *Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э.* Сталинабад, 1957 (ТИИАЭ АН ТаджССР, т. LIII).

Мандельштам, *Характеристика тюрок.* — А. М. Мандельштам, *Характеристика тюрок IX в. в «Послании Фатху б. Хакану» ал-Джахиза*, — ТИИАЭ АН КазССР, т. I, Археология, 1956, стр. 227—252.

Марко Поло, изд. Потье. — *Le Livre de Marco Polo*, *citoyen de Venise conseiller privé et commissaire impérial de Khoubilaï-Khaân*; rédigé en français sous la dictée en 1298 par Rusticien de Pise; publié pour la première fois d'après trois manuscrits inédits de la Bibliothèque impériale de Paris, présentant la rédaction primitive du Livre, . . . accompagnée des variantes, de l'explication des mots hors d'usage, et de Commentaires géographiques et historiques, tirés des écrivains orientaux, principalement chinois, par M. G. Pauthier, pt. I—II, Paris, 1865.

Марко Поло, изд. Юла (2). — *The Book of Ser Marco Polo*, *the Venetian*, *concerning the kingdoms and marvels of the East.* Newly transl. and ed., with notes, maps and other illustrations, by H. Yule, 2d ed., revised, vol. I—II, London, 1875.

Марко Поло, изд. Юла (3). — *The Book of Ser Marco Polo*, *the Venetian*, *concerning the kingdoms and marvels of the East.* Newly transl. and ed. with notes, by H. Yule, 3d ed., revised throughout in the light of recent discoveries by H. Cordier (of Paris). With a memoir of Henry Yule by his daughter A. F. Yule, vol. I—II, London, 1903.

Марко Поло, пер. Минаева. — И. П. Минаев, *Путешествие Марко Поло.* Перевод старофранцузского текста. Изд. ИРГО под ред. действит. члена В. В. Бартольда, СПб., 1902 (ЗИРГО по отд. этногр., т. XXVI).

А. Марков, *Инвентарный каталог.* — А. Марков, *Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа*, СПб., 1896.

А. Марков, *Каталог.* — А. Марков, *Каталог джелаиридских монет*, СПб., 1897 (Собрание восточных монет Имп. Эрмитажа).

Г. Марков, *Очерк.* — Г. Е. Марков, *Очерк истории формирования северных туркмен*, [М.], 1961.

Марр, *Батум*, *Ардаган*, *Карс.* — Н. Я. Марр, *Батум*, *Ардаган*, *Карс. Исторический узел межнациональных отношений Кавказа*, Пг., 1922.

Марр, *Еще о слове «челеби».* — Н. Марр, *Еще о слове «челеби».* (*К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии*), — ЗВОРАО, т. XX, 1912, стр. 99—151.

Марр, *Кавказский культурный мир.* — Н. Марр, *Кавказский культурный мир и Армения*, — ЖМНП, н. с., ч. LVII, 1915, июнь, отд. 2, стр. 280—330.

Марр, *Розен и христианский Восток.* — Н. Марр, *Барон В. Р. Розен и христианский Восток*, — ЗВОРАО, т. XVIII, 1908, прил., стр. 8—30.

В. Массон — Ромодин, *История Афганистана.* — В. М. Массон и В. А. Ромодин, *История Афганистана*, т. I—II, М., 1964—1965.

М. Массон, *Исторический этюд.* — М. Е. Массон, *Исторический этюд по нумизматике джагатаидов.* (*По поводу Таласского клада монет XIV в.*), — «Труды САГУ», н. с., вып. CXI, Ист. науки, кн. 25, Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957, стр. 41—108.

М. Массон, *К истории открытия рунических надписей.* — М. Е. Массон, *К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии*, — «Материалы Узкомстариса», вып. 6—7, М.—Л., 1936, стр. 5—15.

Мас'уди, *Мурӯдж.* — Maçoudi, *Les Prairies d'or.* Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, t. I—IX, Paris, 1861—1877. (Collection d'ouvrages orientaux publiée par la Société asiatique).

Мас'уди, *Танбӣх.* — *Kitâb at-tanbîh wa'l-ischrâf* auctore al-Masûdî. . ., [ed. M. J. de Goeje], Lugduni-Batavorum, 1894 (BGA, VIII).

Материалы по истории Башкирской АССР. — *Материалы по истории Башкирской АССР*, ч. I, М.—Л., 1936; т. III, М.—Л., 1949; т. IV, ч. 1—2, М., 1956; т. V, М., 1960.

«Материалы по истории каракалпаков». — «Материалы по истории каракалпаков. Сборник», М.—Л., 1935 (Труды Ин-та востоковедения, т. VII).

Матусовский, *Географическое обозрение.* — З. Матусовский, *Географическое обозрение Китайской империи*, СПб., 1888.

Махмуд б. Вели — см. *Баҳр ал-асрāр.*

Махмуд Кашгарский. — كتاب ديوان لغات الترک مؤلفى : محمود ابن الحسين بن محمد الكاشغرى · تاريخ تأليفى ۴٦٦ سنهٔ هجريه ، [مصحح كايسلى معلم رفعت] ، جلد ١—٣ ، استانبول ، ١٣٣٣—١٣٣٥ [= 1915—1917].

Межов, *Библиография Азии.* — В. И. Межов, *Библиография Азии. Указатель книг и статей об Азии на русском языке и одних только книг на иностранных языках, касающихся отношений России к Азиатским государствам*, т. I—III, СПб., 1891—1894.

Мелиоранский, *Араб филолог о монгольском языке.* — *Араб филолог о монгольском языке.* Арабский текст издал и снабдил переводом, глоссариями, комментарием П. М. Мелиоранский, — ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 75—172.

Мелиоранский, *Араб филолог о турецком языке.* — П. М. Мелиоранский, *Араб филолог о турецком языке*, СПб., 1900.

Мелиоранский, ЗВОРАО, т. XIV [стр. VI—VII]. — [П. М. Мелиоранский, Изложение сообщения о брошюре Г. Хута «Erste Probe der Entzifferung der Mahaban-Inschriften»], — ЗВОРАО, т. XIV, 1902, стр. VI—VII.

Мелиоранский, *Значение.* — П. Мелиоранский, *К вопросу о значении и происхождении слов «väläb» (чалап) и «väläbi» в турецком языке*, — ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 036—043.

Мелиоранский, *О Кудатку Билике.* — П. Мелиоранский, *О Кудатку Билике Чингиз хана*, — ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. 015—023.

Мелиоранский, *Об орхонских памятниках.* — П. М. Мелиоранский, *Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями*, — ЖМНП, ч. CCCXVII, 1898, июнь, отд. 2, стр. 263—292.

Мелиоранский, *Памятник в честь Кюль-Тегина.* — П. Мелиоранский, *Памятник в честь Кюль-Тегина,* — ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 1—144.

Мелиоранский, *По поводу находки.*— П. Мелиоранский, *По поводу новой археологической находки в Аулиеатинском уезде,* — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 271—272.

Менандр Протектор. — Menander Protector, *Fragmenta,* — FHG, vol. IV, 1851, pp. 200—269.

Мервези. — *Sharaf al-Zamān Ṭāhir Marvazī on China, the Turcs and India.* Arabic text (circa A. D. 1120) with an English translation and commentary by V. Minorsky, London, 1942 (James G. Forlong Fund, vol. XXII).

Мерверруди. — *Taríkh-i Fakhru'd-Dín Mubáraksh//áh being the historical introduction to the Book of Genealogies* of Fakhru'd-Dín Mubárakshâh Marvar-rúdí completed in A. D. 1206. Ed. from a unique Manuscript by E. Denison Ross, London, 1927 (James G. Forlong Fund, vol. IV).

Миллер, *История Сибири.* — Г. Ф. Миллер, *История Сибири,* т. I—II, М.—Л., 1937—1941.

Миллер, *Описание Сибирского царства.* — [Г. Ф. Миллер], *Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе, по сии времена;* сочинено Г. Ф. Миллером, 2-м тиснением, СПб., 1787.

Минорский, *История Ширвана и Дербенда.* — В. Ф. Минорский, *История Ширвана и Дербенда X—XI веков,* М., 1963.

Минорский, *Куда ездили древние русы?* — В. Ф. Минорский, *Куда ездили древние русы?* — в сб. «Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы», М., 1964, стр. 19—28.

Миʻрāдж-нāме. — *Mirâdj-Nâmeh,* publié pour la première fois d'après le manuscrit ouïgour de la Bibliothèque nationale, traduit et annoté par A. Pavet de Courteille Paris, 1882 (PELOV, IIe sér., vol. VI).

Мирхонд, *История хорезмшахов,* изд. Дефремери. — *Histoire des sultans du Kharezm* par Mirkhond; texte persan, accompagné de notes historiques, géographiques et philologiques [par Defrémery], à l'usage des élèves de l'Ecole royale et spéciale des langues orientales vivantes, Paris, 1842 (Chrestomathies orientales, [II]).

Мирхонд, *История Чингиз-хана,* изд. Жобера. — *Vie de Djenghiz-Khan,* par Mirkhond; (Texte persan [publ. par A. Jaubert]). A l'usage des élèves de l'Ecole royale et spéciale des langues orientales vivantes, Paris, 1841 (Chrestomathies orientales, [I]).

Михаил Сириец, *Хроника.* — *Chronique* de Michel le Syrien patriarche jacobite d'Antioche (1166—1199). Editée pour la première fois et traduite en français par J.-B. Chabot, t. I, Paris, 1899.

Монгайт, *Абу Хамид ал-Гарнати.* — А. Л. Монгайт, *Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли 1150—1153 гг.,* — «История СССР», 1959, № 1, стр. 169—181.

Мосхейм. — Lavrentii Moshemii *Historia Tartarorum ecclesiastica.* Adjecta est Tartariae Asiaticae secundum recentiores geographos in mappa delineatio, Helmstadt, 1741.

Мугинов, *Описание.* — А. М. Мугинов, *Описание уйгурских рукописей Института народов Азии,* М., 1962.

Муджмал ат-тавāрӣх̮. — *Муджмал ат-тавāрӣх̮ ва-л-ḳиṣаṣ,* рук. Нац. б-ки Ancien fonds persan 62.

Муʻин ад-дин Натанзи, изд. Обена. — منتخب التواريخ معينى (تاليف ٨١٦ و ٨١٧ هجرى قمرى) منسوب بـه معين‌الدين نطنزى ومعروف بـه «آنونيم اسكندر» بتصحيح ژان اوبن ' تهران ' ١٣٣٦ خورشيدى [= 1957].

Муʻин ад-дин Натанзи, рук. — Муʻин ад-дин Натанзи, рук. Аз. муз. 566bc (ИНА С 381); рук. Брит. муз. Or. 1566.

Мункуев, *Китайский источник.* — Н. Ц. Мункуев, *Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая.* Пер. и исследование, М., 1965.

Мункуев, *Основные китайские источники.* — Н. Ц. Мункуев, *Основные китайские источники по истории Монголии* (*XIII—XIV вв.*), — сб. «Современная историография стран Зарубежного Востока», вып. I (Китай), М., 1963, стр. 156—194.

Мурзаев, *Природа Синьцзяна.* — Э. М. Мурзаев, *Природа Синьцзяна и формирование пустынь Центральной Азии*, М., 1966.

Мухаббат-нāме — см. Хорезми, *Мухаббат-нāме.*

Мухāкамат ал-луғатайн. — محاكمة اللغتين· مؤلفى ميرعلى شير نوائى ‘ استانبول ‘ ١٣١٥ (كتابخانهٔ اقدام ‘ ١٢) [1899 =].

Мухаммед б. Хиндушах, изд. Али-заде. — Мухаммад ибн Хиндӯшах Нахчиванӣ, *Дастӯр ал-кāтиб фӣ та'йӣн ал-марāтиб.* (*Руководство для писца при определении степеней*). Крит. текст, предисл. и указатели А. А. Али-заде, т. I, ч. 1, М., 1964 (ПЛНВ, Тексты, Большая серия, IX).

Мухаммед б. Хиндушах, рук. — Мухаммед б. Хиндушах, лейден. рук. № 574.

Мухаммед-Вефа Керминеги, *Тухфат ал-хāнӣ.* — Мухаммед-Вефа Керминеги, *Тухфат ал-хāнӣ*, рук. Аз. муз. с 581b (ИНА С 523).

Мухаммед-Риза. — *Ассеб о-Ссейяр или Семь планет содержащий историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана I-го до Менгли-Гирей хана II-го, т. е. с 871/1466 по 1151/1737 г.* Сочинение Сейида Мухаммеда Ризы, издано Имп. Казанским университетом под наблюдением Мирзы Казембека, Казань, 1832.

Мухаммед-Хайдер. — *The Tarikh-i-Rashidi* of Mirza Muhammad Haidar, Dughlát. *A History of the Moghuls of Central Asia.* An English version ed., with commentary, notes, and map by N. Elias. The translation by E. Denison Ross, London, 1895.

Мухаммед Хорезми. — *Das Kitāb ṣūrat al-arḍ* des Abū Ǧaʿfar Muḥammad Ibn Mūsā al-Ḫuwārizmī. Hrsg. nach dem handschriftlichen Unikum der Bibliothèque de l'Université et régionale in Strassburg (cod. 4247) von H. v. Mžik, Leipzig, 1926 (BAHG, Bd III).

Мэнгу юму цзи, пер. Попова. — *Мэн гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях.* Перевод с китайского П. С. Попова, СПб., 1895.

Мэн Хун — см. В. П. Васильев, *История и древности.*

Мюллер, *История ислама.* — А. Мюллер, *История ислама с основания до новейших времен*, т. I—IV, пер. с нем. под ред. Н. А. Медникова, СПб., 1895—1896.

Наделяев, *Выступление.* — В. М. Наделяев, [*Выступление на совещании*], — в кн. «Вопросы методов изучения истории тюркских языков. Стенограмма координационного совещания по вопросам методов изучения истории тюркских языков, состоявшегося в Ашхабаде 19—22 октября 1959 г.», Ашхабад, 1961, стр. 193—197.

Наджип, *Современный уйгурский язык.* — Э. Н. Наджип, *Современный уйгурский язык*, М., 1960.

Надписи на могильных камнях. — *Надписи на древних могильных камнях в селении Узгенте Андижанского уезда*, — ПТКЛА, год II, 1897, прил. к прот. засед. 16 октября 1897, стр. 5—7.

Наливкин, *История Кокандского ханства.* — В. П. Наливкин, *Краткая история Кокандского ханства*, Казань, 1886.

Народы Восточной Азии. — *Народы Восточной Азии.* Под ред. Н. Н. Чебоксарова и др., М.—Л., 1965 (Народы мира. Этнографические очерки).

Народы Сибири. — *Народы Сибири*, М.—Л., 1960 (Народы мира. Этнографические очерки).

Народы Средней Азии. — *Народы Средней Азии и Казахстана*, I—II, М., 1962—1963 (Народы мира. Этнографические очерки).

Насонов, *Монголы и Русь.* — А. Н. Насонов, *Монголы и Русь* (*история татарской политики на Руси*), М.—Л., 1940.

Неваи, *Муха̄камат ал-лугатайн* — см. *Муха̄камат ал-лугатайн.*

Нершахи, изд. Шефера. — *Description topographique et historique de Boukhara* par Mohammed Nerchakhy, suivie de textes relatifs à la Transoxiane. Texte persan publié par Ch. Schefer, Paris, 1892 (PÉLOV, IIIe sér., vol. XIII).

Нершахи, пер. Фрая. — *The history of Bukhara.* Translated from a Persian abridgment of the Arabic original by Narshakhī R. N. Frye, Cambridge, Mass., 1954 (The Mediaeval Academy of America. Publication № 61).

Несеви, *Сӣрат Джела̄ль ад-дӣн.* — *Histoire du sultan Djelal ed-Din Mankobirti prince du Kharezm*, par Mohammed en-Nesawi. [I], Texte arabe publié d'après le manuscrit de la Bibliothèque nationale par O. Hudas, Paris, 1891; [II], Traduit de l'arabe par O. Hudas, Paris, 1895 (PÉLOV, IIIe sér., vol. IX—X).

Несефи, *Ḳандӣйа*, рук. — Омар ибн Мухаммед ан-Несефи ас-Самарканди, *Кита̄б ал-ḳанд фӣ та'рих Самарḳанд*, рук. Аз. муз. 574 ag (ИНА В 677); рук. ун-та (ЛГУ) 859.

Низам ад-дин Шами, изд. Тауэра. — *Histoire des conquêtes de Tamerlan intitulée Ẓafarnāma* par Niẓāmuddīn Šāmī avec des additions empruntées au Zubdatu-t-tawārīḫ-i Bāysunġurī de Ḥāfiẓ-i Abrū. Edition critique par F. Tauer, t. I: *Texte persan du Ẓafarnāma*, Praha, 1937; t. II: *Introduction, commentaire, index*, Praha, 1956 (MAOr, vol. V).

Низам ад-дин Шами, рук. — Низам ад-дин Шами, *Ẓафар-на̄ме*, рук. Брит. муз. Add. 23980.

Низам ал-мульк, изд. Шефера. — *Siasset Namèh. Traité de Gouvernement.* Composé pour le sultan Melik-Châh par le vizir Nizam oul-Moulk. *Texte persan* édité par Ch. Schefer, Paris 1891; *Supplément*, Paris, 1897; *Traduit* par Ch. Schefer, Paris, 1893 (PÉLOV, IIIe sér, vol. VII, pt. 1—2; vol. VIII).

Низами Арузи, *Чаха̄р маḳа̄ла*, изд. Казвини. — *Chahár Maqála* (*«The Four Discourses»*) of Aḥmad ibn 'Umar ibn 'Alí an-Niẓámí al-'Arúḍí as-Samarqandí, ed., with introduction, notes and indices, by Mírzá Muḥammad ibn 'Abdu 'l-Wahháb of Qazwín, Leyden — London, 1910 (GMS, XI, 1).

Низами Арузи, *Чаха̄р маḳа̄ла*, пер. Баевского—Ворожейкиной. — Низами Арузи Самарканди, *Собрание редкостей или Четыре беседы.* [Пер. с перс. С. И. Баевского и З. Н. Ворожейкиной. Под ред. А. Н. Болдырева], М., 1963.

Низами Арузи, *Чаха̄р маḳа̄ла*, пер. Брауна. — *Revised translation of the Chahár Maqála* (*«Four Discourses»*) of Niẓámí-i-'Arúḍí of Samarqand, followed by an abridged translation of Mírzá Muḥammad's notes to the Persian text by E. G. Browne, London, 1921 (GMS, XI, 2).

Нияз-Мухаммед, *Та'рӣх-и Ша̄хрухӣ.* — *Таарих Шахрохи. История владетелей Ферганы.* Сочинение Моллы Ниязи Мухаммед бен Ашур Мухаммед, хокандца, изданная Н. Н. Пантусовым, Казань, 1885.

Олеарий, пер. Барсова. — [А. Олеарий], *Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах*, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием. Перевел с немецкого П. Барсов. Изд. ИОИДР при Моск. университете, М., 1870.

Ольденбург, *Очерки преподавания восточных языков.* — С. Ф. Ольденбург, *Очерки преподавания восточных языков во Франции, Англии и Германии*, — ЖМНП, ч. CCXCIII, 1894, июнь, отд. 2, стр. 255—275.

Ольденбург, *Памяти В. П. Васильева.* — С. Ольденбург, *Памяти Василия Павловича Васильева*, — ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. 047—049.

Ольденбург, *Первый Всесоюзный тюркологический съезд.* — С. Ф. Ольденбург, *Первый Всесоюзный тюркологический съезд. (26 февраля—6 марта 1926 г.)*, — «Научный работник», 1926, № 3, стр. 11—16.

Омари, извлеч. в пер. Катрмера. — [E]. Quatremère, *Notice de l'ouvrage qui a pour titre: Mesalek alabsar fi metalek alamsar* مسالك الابصار في ممالك الامصار. *Voyages des yeux dans les royaumes des différents contrées. (Manuscrit arabe de la Bibliothèque du Roi, № 583)*, — Notices et extraits, t. XIII, pt. 1, 1838, pp. 151—384.

Описание тюркских рукописей ИНА, I. — Л. В. Дмитриева, А. М. Мугинов, С. Н. Муратов, *Описание тюркских рукописей Института народов Азии.* Под ред. А. Н. Кононова, I, М., 1965.

Осада Геок-Тепе. — *Осада и штурм текинской крепости Геок-Тепе (с двумя планами)*, СПб., 1882.

Очерки истории Каракалпакской АССР. — *Очерки истории Каракалпакской АССР*, т. I (*С древнейших времен до 1917 г.*), т. II (*1917—1963 гг.*), Ташкент, 1964.

Очерки по истории Башкирской АССР. — *Очерки по истории Башкирской АССР*, т. I, ч. 1—2, Уфа, 1956—1959; т. II, Уфа, 1966.

Ошанин, *Долихоцефалия у туркмен.* — Л. В. Ошанин, *Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен и возможные пути ее происхождения. Опыт обоснования теории скифско-сарматского происхождения туркменского народа на краниологических и этнологических данных*, — «Изв. Средазкомстариса», вып. 1, Ташкент, 1926, стр. 131—182.

Ошанин, *Дополнительные данные.* — Л. В. Ошанин, *Некоторые дополнительные данные к гипотезе скифо-сарматского происхождения туркмен*, — «Изв. Средазкомстариса», вып. 3, Ташкент, 1928, стр. 85—97.

Палладий, *О магометанах.* — Палладий, *О магометанах в Китае*, — ТЧРДМ, т. IV, 1866, стр. 437—460.

Палладий, *Старинные следы христианства.* — Палладий, архимандрит, *Старинные следы христианства в Китае, по китайским источникам*, — «Восточный сборник» [изд. Мин-ва иностр. дел], т. I, СПб., 1877, стр. 1—64.

Пальмов, *Очерк истории калмыцкого народа.* — Н. Пальмов, *Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России*, — «Ойратские известия», Астрахань, 1922, № 1—2, стр. 1—137.

Пальмов, *Этюды.* — Н. Н. Пальмов, *Этюды по истории приволжских калмыков*, Астрахань, ч. I, *XVII и XVIII века*, 1926; ч. II, *XVIII век*, 1927; ч. III—IV, *Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам*, 1929; ч. V, *Дела земельные*, 1932.

Патканов, *О приросте населения.* — С. К. Патканов, *О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен*, СПб., 1911.

Переломов, *Империя Цинь.* — Л. С. Переломов, *Империя Цинь — первое централизованное государство в Китае (221—202 гг. до н. э.)*, М., 1962.

Петров, *К этимологии термина «кыргыз».* — К. И. Петров, *К этимологии термина «кыргыз»*, — СЭ, 1964, № 2, стр. 81—91.

Петровский, *Башня «Бурана».* — Н. Петровский, *Башня «Бурана» близ Токмака*, — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 351—354.

Петрусевич, *Туркмены.* — Петрусевич, *Туркмены между старым руслом Аму-Дарьи (Узбоем) и северными окраинами Персии*, — ЗКОИРГО, кн. XI, вып. 1, 1880, стр. 1—80.

Петрушевский, *Земледелие.* — И. П. Петрушевский, *Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков*, М.—Л., 1960.

Петрушевский, *Очерки.* — И. П. Петрушевский, *Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв.*, Л., 1949.

Петрушевский, *Рашид-ад-дин.* — И. Петрушевский, *Рашид-ад-дин и его исторический труд*, — в кн.: Рашид ад-дин, пер. в изд. ИВАН, I, кн. 1, стр. 7—37.

Плано Карпини, изд. д'Авезака. — *Relations des Mongols ou Tartares* par le frère Jean du Plan de Carpin de l'ordre des Frère-Mineurs. . . Première édition complète publiée d'après les manuscrits de Leyde, de Paris, et de Londres et précédée d'une notice sur les anciens voyages de Tartarie en général, et sur celui de Jean du Plan de Carpin en particulier, par M. D'Avezac, — «Recueil de voyages et de mémoires, publié par la Société de géographie», t. IV, Paris, 1839, pp. 397—779.

Плано Карпини, пер. Риша. — Johann de Plano Carpini, *Geschichte der Mongolen und Reisebericht 1245—1247*, übersetzt und erläutert von F. Risch, Leipzig, 1930 (Veröffentlichungen des Forschungsinstituts für vergleichende Religionsgeschichte an der Universität Leipzig, hrsg. von H. Haas, II. Reihe, H. 11).

Плано Карпини, пер. Рокхилла. — *The journey of William of Rubruck to the eastern parts of the world, 1253—55, as narrated by himself, with two accounts of the earlier journey of John of Plan de Carpine.* Transl. from the Latin, and ed., with an Introductory Notice, by W. W. Rockhill, London, 1900 (HS, 2d series, IV), pp. 1—39.

Плетнева, *Печенеги, торки и половцы.* — С. А. Плетнева, *Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях*, — МИА, № 62, 1958 (Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. I), стр. 151—226.

Повесть временных лет. — [А. А. Шахматов], *Повесть временных лет*, т. I, Вводная часть. Текст. Примечания. Издание Археографической комиссии, Пг., 1916.

Погорельский — Батраков, *Экономика кочевого аула.* — П. Погорельский и В. Батраков, *Экономика кочевого аула Киргизстана*, М., 1930.

Позднеев, *Лекции.* — А. М. Позднеев, *Лекции по истории монгольской литературы*, читанные ординарным профессором С.-Петербургского Университета А. М. Позднеевым [в 1895—1898 гг.], т. I—III, СПб. (т. III — Владивосток), 1896—1908 (литогр.).

Позднеев, *Монголия и монголы.* — [А. Позднеев], *Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892—1893 гг. А. Позднеевым*, т. I—II, СПб., 1896—1898.

Позднеев, *О древнем памятнике.* — А. М. Позднеев, *О древнем китайско-монгольском историческом памятнике Юань-чао-ми-ши*, — ИРАО, т. X, вып. 3—6, 1884, стлб. 245—259.

Поливанов, *Идеографический мотив.* — Е. Д. Поливанов, *Идеографический мотив в формации орхонского алфавита*, — «Бюлл. САГУ», 1929, № 9, стр. 177—181.

Поливанов, *Ту-кюэ.* — Е. Д. Поливанов, *«Ту-кюэ» китайской транскрипции — турецкое* توركلر, — ИАН, 1927, стр. 691—698.

Пономарев, *Куман — половцы.* — А. Пономарев, *Куман — половцы*, — ВДИ, 1940, № 3—4 (12—13), стр. 366—370.

Попов, *Яса Чингис-хана.* — П. Попов, *Яса Чингис-хана и Уложение Монгольской династии Юань-чао-дянь-чжан*, — ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. 0150—0163.

Поппе, *Чувашский язык.* — Н. Н. Поппе, *Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам*, — ИРАН, (I) т. XVIII, 1924, стр. 289—314; (II) т. XIX, 1925, № 1—5, стр. 23—42; № 9—11, стр. 405—426.

Пославский, *Поездка на Атрек.* — И. Т. Пославский, *Из поездки на р. Атрек и р. Гюрген. (Путевой очерк)*, — ПТКЛА, год V, 1900, стр. 184—192.

Потанин, *Очерки.* — Г. Н. Потанин, *Очерки северо-западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876—1877 годах по поручению ИРГО*, вып. I—IV, СПб., 1881—1883.

Потанин, *Поминки по Чингис-хане.* — Г. Н. Потанин, *Поминки по Чингис-хане*, — ИИРГО, т. XXI, 1886, стр. 303—315.

Потанин, *Тангутско-Тибетская окраина.* — [Г. Н. Потанин], *Тангутско-Тибетская окраина Китая и центральная Монголия. Путешествие Г. Н. Потанина, 1884—1886*, т. I—II, СПб., 1893.

Поярков—Ладыгин, *Салары.* — Ф. Поярков и В. Ладыгин, *Салары.* (*Этнографический очерк*), — ЭО, кн. XVI, 1893, № 1, стр. 1—43.

Равенди, изд. Икбаля. — *The Râḥat-uṣ-Ṣudûr wa Âyat-us-Surûr*, *being a history of the Saljûqs* by Muḥammad ibn 'Alí ibn Sulaymán ar-Ráwandí. Ed. with notes, glossary and indices by Muḥammad Iqbál, Leyden — London, 1921 (GMS NS, II).

Равенди, турец. пер. — см. *Тавāрӣх̮-и Āл-и Сельджӯк.*

Радлов, *К вопросу об уйгурах.* — В. В. Радлов, *К вопросу об уйгурах.* (*Из предисловия к изданию Кудатку-Билика*), СПб., 1893 (прилож. к ЗИАН, т. LXXII, № 2).

Радлов, *Образцы.* — [В. В. Радлов], *Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири и Дзунгарской степи*, собраны В. В. Радловым, ч. I—IV, СПб., 1866—1872. (Наречия тюркских племен, живущих в южной Сибири и Дзунгарской степи. Отд. I).

Радлов, *Разбор.* — В. Радлов, *Разбор древне-тюркской надписи на камне, найденном на урочище Аиртам-ой в Кенкольской волости Аулиеатинского уезда*, — ЗВОРАО, т. XI, 1889, стр. 85—86.

Радлов, *Словарь.* — В. В. Радлов, *Опыт словаря тюркских наречий*, т. I—IV. СПб., 1893—1911.

Радлов, *Титулы.* — В. Радлов, *Титулы и имена уйгурских ханов*, — ЗВОРАО, т. V, 1891, стр. 265—270.

Радлов, *Ярлыки Токтамыша.* — В. Радлов, *Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга*, — ЗВОРАО, т. III, 1889, стр. 1—40.

Райт, *Краткий очерк.* — В. Райт, *Краткий очерк истории сирийской литературы.* Пер. с англ. К. А. Тураевой, Под ред. и с дополнениями П. К. Коковцова. С приложением обзора коллекции нитрийских рукописей Британского музея и специальной карты, СПб., 1902.

Рамстедт, *К вопросу о кайтаках.* — Г. И. Рамстедт, *К вопросу о кайтаках*, — ЭО, кн. 88—89, 1911, № 1—2, стр. 239—240.

Рамстедт, *Отчет.* — [Г. И. Рамстедт], *Отчет д-ра Г. И. Рамстедта за 1903 год*, — ИРКСА, № 2, 1904, стр. 11—14.

Рамстедт, *Этимология имени Ойрат.* — Г. И. Рамстедт, *Этимология имени Ойрат*, — «Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина», СПб., 1909 (ЗИРГО по отд. этногр., т. XXXIV), стр. 547—558.

Расовский, *О роли Черных Клобуков.* — Д. Расовский, *О роли Черных Клобуков в истории древней Руси*, — «Seminarium Kondakovianum», I, стр. 93—109.

Распопова, *Гончарные изделия согдийцев.* — В. И. Распопова, *Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины*, — ТКАЭЭ, т. IV, 1960, стр. 138—163.

Рафаэль дю Ман, изд. Шефера. — P. Raphaël du Mans, *Estat de la Perse en 1660*, publié avec notes et appendice par Ch. Schefer, Paris, 1890 (PÉLOV, IIe sér., vol. XX).

Рашах̮āт. — Фахр ад-дин Али Сафи, *Рашах̮āт 'айн ал-хайāт*, рук. Аз. муз. а 581* (ИНА С 515); рук. ун-та (ЛГУ) № 293.

Рашид ад-дин, изд. Березина, I—III. — *Сборник летописей. История монголов*, сочинение Рашид Эддина. [I]. *Введение: о турецких и монгольских племенах. Перевод* с персидского, с введением и примечаниями, И. Н. Березина, СПб., 1858 (ТВОРАО ч. V); [то же], *персидский текст*, с предисловием и примечаниями, И. Н. Березина, СПб., 1861 (ТВОРАО, ч. VII); [II]. *История Чингизхана до восшествия его на престол.* Персидский текст, с предисловием и примечаниями И. Н. Березина; русский перевод с предисловием и примечаниями И. Н. Березина, СПб., 1868 (ТВОРАО, ч. XIII); [III]. *История Чингиз-хана от*

восшествия его на престол до кончины. Персидский текст в издании И. Н. Березина; русский перевод с примечаниями И. Н. Березина, СПб., 1888 (ТВОРАО, ч. XV).

Рашид ад-дин, изд. Блоше. — *Djami el-tévarikh. Histoire générale du monde* par Fadl Allah Rashid ed-Din. *Tarikh-i moubarek-i Ghazani. Histoire des Mongols* éditée par E. Blochet, t. II. Contenant l'histoire des empereurs mongols successeurs de Tchinkkiz Khaghan, Leyde — London, 1911 (GMS, XVIII, 2).

Рашид ад-дин, изд. Катрмера. — *Histoire des Mongols de la Perse* écrite en persan par Raschid-eldin. Publiée, traduite en français, accompagnée de notes et d'un mémoire sur la vie et les ouvrages de l'auteur par M. Quatremère, t. I, Paris, 1836 (Coll. orient.).

Рашид ад-дин, пер. в изд. ИВАН. — Рашид ад-дин, *Сборник летописей*, т. I, кн. 1, пер. с персидского Л. А. Хетагурова, редакция и примечания А. А. Семенова, М.—Л., 1952; т. I, кн. 2, пер. с персидского О. И. Смирновой, примечания Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой, редакция А. А. Семенова, М.—Л., 1952; т. II, пер. с персидского Ю. П. Верховского, примечания Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова, редакция И. П. Петрушевского, М.—Л., 1960; т. III, пер. с персидского А. К. Арендса, под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского, М.—Л., 1946.

Рашид ад-дин, рук. — Фазлаллах Рашид ад-дин, *Джāми' ат-тавāрӣх*, рук. Аз. муз. а566 (ИНА D 66); рук. Публ. б-ки (ГПБ) V, 3, 1 (ПНС 46).

Ренат, *Карта.* — *Carte de la Dzoungarie dressée par le suédois Renat pendant sa captivité chez les Kalmouks de 1716—1733.* Edition de la Société Impériale Russe de Géographie, St.-Pbg., 1881.

Риттер — Григорьев, *Восточный Туркестан.* — К. Риттер, *Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею. Восточный или Китайский Туркестан.* Перевел, с присовокуплением критических примечаний, и дополнил по источникам, изданным в течение последних тридцати лет, В. В. Григорьев, вып. I, Перевод и примечания; вып. II, Дополнения. Отдел I — историко-географический, СПб., 1869—1873.

Розен, *Август Мюллер.* — В. Р. Розен, *Август Мюллер. Некролог,* — ЗВОРАО, т. VII, 1893, стр. 329—334.

Розен, *Дополнительная заметка.* — В. Розен, *Дополнительная заметка о слове челеби,* — ЗВОРАО, т. V, 1891, стр. 304—307.

Розен, *Еще два слова о «челеби».* — В. Розен, *Еще два слова о «челеби»,* — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 310—312.

Розен, ЗВОРАО, т. I [стр. 228—230]. — В. Розен, [рец. на:] Ислам, его происхождение и сущность по сравнению с христианством. Опыт историко-апологетического исследования. Н. Боголюбского. Самара, 1885, — ЗВОРАО, т. I, 1887, стр. 228—230.

Розен, ЗВОРАО, т. II [стр. 283—301]. — В. Р[озен], [рец. на:] М. Машанов. Очерк быта арабов в эпоху Мухаммеда, как введение к изучению ислама. Часть I. Очерк религиозного быта арабов-язычников в эпоху Мухаммеда. Казань 1885 (=Миссионерский противомусульманский сборник. Выпуск XVII), — ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 283—301.

Розен, ЗВОРАО, т. XVI [стр. XXXI]. — [Сообщение о докладе В. Розена о книге: J. Marquart, Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge, Berlin, 1903], — ЗВОРАО, т. XVI, 1906, стр. XXXI.

Розен, *Пролегомена.* — В. Розен, *Пролегомена к новому изданию Ибн-Фадлана,* — ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 39—73.

Ромаскевич, *Новый словарь.* — А. А. Ромаскевич, *Новый чагатайско-персидский словарь,* — «Мир-Али-Шир. Сборник к пятисотлетию со дня рождения», Л., 1928, стр. 83—99.

Рубрук, изд. Бизли. — *The texts and versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis as printed for the first time by Hakluyt in 1598 together with some shorter pieces.* Ed. by C. R. Beazley, London, 1903 (HS, extra series, I) [Рубрук — стр. 144—234].

Рубрук, изд. Мишеля Райта. — *Itinerarium Willelmi de Rubruk*, — «Recueil de voyages et de mémoires, publié par la Société de géographie», t. IV, Paris, 1839, pp. 213—396.

Рубрук, пер. Рокхилла. — *The journey of William of Rubruck to the eastern parts of the world, 1253—55, as narrated by himself, with two accounts of the earlier journey of John of Plan de Carpine.* Transl. from the Latin, and ed., with an Introductory Notice, by W. W. Rockhill, London, 1900 (HS, 2d series, IV), pp. 40—282.

Руденко, *Башкиры.* — С. И. Руденко, *Башкиры. Историко-этнографические очерки*, М.—Л., 1955.

Руднев, *Следы древних городов.* — Н. Руднев, *Следы древних городов по Сыр-Дарье*, — ПТКЛА, год V, 1900, стр. 57—62.

Рустамов, *Узбекская поэзия.* — Э. Р. Рустамов, *Узбекская поэзия в первой половине XV века*, М., 1963.

Садовский, *Краткие заметки.* — К. Садовский, *Краткие заметки о Карсской области*, — СМОМПК, вып. III, 1883, отд. I, стр. 315—350.

Сам'ани, изд. Марголиуса. — *The Kitāb al-Ansāb* of 'Abd al-Karīm ibn Muḥammad al-Sam'ānī reproduced in facsimile from the manuscript in the British Museum Add. 23, 355, with an introduction by D. S. Margoliouth, Leyden — London, 1912 (GMS, XX).

Сам'ани, рук. — Абу Са'д Абд ал-Керим Мухаммед ас-Сам'ани, *Китāб ал-ансāб*, рук. Аз. муз. 543а (ИНА С 361).

Самойлович, *Богатый и бедный.* — А. Н. Самойлович, *Богатый и бедный в тюркских языках*, — ИАН СССР, ООН, 1936, № 4, стр. 21—66.

Самойлович, *Запретные слова.* — А. Самойлович, *Запретные слова в языке казак-киргизской замужней женщины*, — ЖС, год XXIV, 1915, вып. I—II, стр. 161—168.

Самойлович, ЗВОРАО, т. XXI [стр. 0152—0161]. — А. Самойлович, [рец. на:] Н. А. Караулов, Краткий очерк грамматики горского языка «болкар». (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XLII, 1912 г.), — ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. 0152—0161.

Самойлович, *К истории среднеазиатско-турецкого языка.* — А. Н. Самойлович, *К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка*, — «Мир-Али-Шир. Сборник к пятисотлетию со дня рождения», Л., 1928, стр. 1—23.

Самойлович, *Кӧр-Молла.* — А. С[амойлови]ч, *Туркменский поэт-босяк Кӧр-Молла, и его песня о русских.* (*Этнографический набросок*), — ЖС, год XVI, вып. IV, 1907, стр. 215—225.

Самойлович, *Легенда о Коркуде.* — А. Н. Самойлович, *Легенда о Коркуде и Кӧр-оглы*, — ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. IV—V (изложение сообщения).

Самойлович, *Литература турецких народов.* — А. Самойлович, *Литература турецких народов*, — «Литература Востока» [сб. статей], вып. I, Пб., 1919, стр. 34—49.

Самойлович, *Материалы*, I—III. — А. Самойлович, *Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе, I*, — ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. 01—030; *II—III* — ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. 127—154.

Самойлович, *Мусульманская печать.* — А. Самойлович, *Мусульманская периодическая печать*, — МИ, т. I, 1912, стр. 257—287.

Самойлович, *Не «идол», а «племя».* — А. Н. Самойлович, *Не «идол», а «племя»*, — СЭ, 1935, № 6, стр. 44—46.

Самойлович, *Об изменениях в животном цикле.* — А. Самойлович, *Об изменениях*

в 12-летнем животном цикле у некоторых турецких племен, — ИТУАК, № 49, 1913, стр. 133—138; отд. отт.: Симферополь, 1912.

Самойлович, *Очерки*. — А. Н. Самойлович, *Очерки по истории туркменской литературы*, — сб. «Туркмения», т. I, Л., 1929, стр. 123—167.

Самойлович, *Печать русских мусульман*. — А. Самойлович, *Печать русских мусульман*, — МИ, т. I, 1912, стр. 463—490.

Самойлович, *Собрание*. — А. Самойлович, مجمع ۳۰ شعرا شاهی پیرو فیروز. *Собрание 30 царских поэтов, сопутствующих Фируз'у. Хива. 1909 г.* [Сообщение о книге], — ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. 0198—0209.

Самойлович, *Собрание стихотворений Бабура*. — А. Самойлович, *Собрание стихотворений Императора Бабура*, ч. I, Текст. (С тремя факсимиле), Пг. 1917.

Самойлович, *Среднеазиатско-турецкие надписи*. — А. Самойлович, *Среднеазиатско-турецкие надписи на глиняном кувшине из Сарайчика*, — ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. 038—047.

Самойлович, *Старейшие упоминания*. — А. Н. Самойлович, *Старейшие упоминания арабов в турецкой литературе*, — ДАН-В, 1927, стр. 155—156.

Самойлович, *Три туркменских сказки*. — А. Самойлович, *Три туркменских сказки. (В русском переводе)*, — «Кауфманский сборник», стр. 118—128.

Сахаров, *Оседание кочевых хозяйств*. — М. Г. Сахаров, *Оседание кочевых и полукочевых хозяйств Киргизии*, М., 1934.

Сведения о черных татарах. — Лин Кюнь-и и П. И. Мункуев, «*Краткие сведения о черных татарах*» *Пэн Да-я и Сюй Тина*, — ПВ, 1960, № 5, стр. 133—158.

Сейфи. — Сейфи, лейденская рук. № 917.

Секкаки. — Секкаки, *Дӣва́н*, рук. Брит. муз. Or. 2079.

Семенов, *К вопросу о происхождении Саманидов*. — А. А. Семенов, *К вопросу о происхождении Саманидов*, — ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XXVII. Сборник статей, посвященных истории и культуре периода формирования таджикского народа и его государственности (IX—X вв. н. э.), Сталинабад, 1954, стр. 3—11.

Семенов, *Очерки*. — А. А. Семенов, *Очерки из истории присоединения вольной Туркмении* (*1881—1885 гг.*). *По архивным данным*, Ташкент, 1909 (отд. отт. из ТВ, 1909, № 83—168).

Семенов, *Персидская новелла*. — А. А. Семенов, *Персидская новелла о Мир-Али-Шире «Неваи»*, — «Бюлл. САГУ», вып. 13, 1926, стр. 177—186.

Серебренников, *Происхождение чуваш*. — Б. А. Серебренников, *Происхождение чуваш по данным языка*, — сб. «О происхождении чувашского народа», Чебоксары, 1957, стр. 28—47.

Сказание об Едигее, изд. Мелиоранского. — *Сказание об Едигее и Токтамыше*. Киргизский текст по рукописи, принадлежавшей Ч. Ч. Валиханову, издал П. М. Мелиоранский, СПб., 1905 (ЗИРГО по отд. этногр., прилож. к т. XXIX).

А. Смирнов, *Волжские булгары*. — А. П. Смирнов, *Волжские булгары*, М., 1951 (Труды ГИМ, вып. XIX).

А. Смирнов, *Спорные вопросы*. — А. П. Смирнов, *Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар*, — «Историко-археологический сборник к 60-летию А. В. Арциховского», М., 1962, стр. 160—174.

В. Смирнов, *Крымское ханство до XVIII в.* — В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века*, СПб., 1887.

В. Смирнов, *Крымское ханство в XVIII столетии*. — В. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты в XVIII в. до присоединения его к России*, — ЗООИД, т. XV, 1889, стр. 152—403; то же: отд. отт., Одесса, 1889.

В. Смирнов, *Мнимый султан*. — В. Смирнов, *Мнимый турецкий султан, именуемый у европейских писателей XVI в. Calepinus Cyriscelebes. (К вопросу о происхождении и значении слова* چلبی *— челеби*), ЗВОРАО, т. XVIII, 1908, стр. 1—71.

В. Смирнов, *Образцовые произведения*. — В. Д. Смирнов, *Образцовые произведения*

османской литературы в извлечениях и отрывках, [изд. 2], СПб., 1903 (Изд. фак-та вост. яз. СПб. университета, № 15).

В. Смирнов, *Очерк турецкой литературы.* — В. Д. Смирнов, *Очерк истории турецкой литературы*, — в кн. «Всемирная история литературы. . .», под ред. В. Ф. Корша, т. IV, [СПб., 1891], стр. 425—554; то же: отд. отт., СПб., 1892.

Е. Смирнов, *Древности.* — Е. Т. Смирнов, *Древности в окрестностях г. Ташкента*, — ПТКЛА, год I, 1896 (прилож. к проток. от 22 января 1896 г.); то же: «Средняя Азия. Научно-литературный сборник статей по Средней Азии», под ред. Е. Т. Смирнова, Ташкент, 1896, стр. 111—136.

Е. Смирнов, *Развалины города Канки.* — Е. Смирнов, *Развалины города Канки*, — ПТКЛА, год V, 1900, стр. 164—184.

Е. Смирнов, *Султаны.* — *Султаны Кенисара и Садык. Биографические очерки султана Ахмеда Кенисарина.* Обработано для печати и снабжено примечаниями Е. Т. Смирновым, Ташкент, 1889.

К. Смирнов, *Древние всадники.* — К. Ф. Смирнов, *Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей*, — СА, 1961, № 1, стр. 46—72.

К. Смирнов, *Хозяйство ранних сарматов.* — К. Ф. Смирнов, *Производство и характер хозяйства ранних сарматов*, — СА, 1964, № 3, стр. 45—63.

Современный аул. — *Современный аул Средней Азии.* (*Социально-экономический очерк*). Под ред. Б. Б. Карп и М. Е. Суслова, вып. X. Загорная волость (Каракол-Нарынского округа Киргизской АССР), Ташкент, 1927.

Сокровенное сказание, пер. Кафарова. — *Старинное монгольское сказание о Чингисхане.* [Перевел с китайского, с примечаниями, архим. Палладий], — ТЧРДМ, т. IV, СПб., 1866, стр. 3—258.

Спиридонов, *Легенда о Хор-Хуте.* — П. С. Спиридонов, *Один из вариантов легенды о Хор-Хуте*, — ПТКЛА, год XIII, 1909, стр. 18—19.

Список народностей СССР. — *Список народностей Союза Советских Социалистических Республик*, составленный под ред. И. И. Зарубина, Л., 1927 (АН СССР, Труды КИПС, 13).

Сталь-Гольстейн, *Сюань-Дзан.* — А. фон-Сталь-Гольстейн, *Сюань-Дзан и результаты современных археологических исследований*, — ЗВОРАО, т. XX, 1912, стр. 09—022.

Струнин, *Тысячелетие.* — Д. Д. Струнин, *Тысячелетие из жизни татар*, составлено по одноименному сочинению Е. Паркера, — ПТКЛА, год II, 1897, прилож. к прот. от 17 февр. 1897 г., стр. 1—67.

Сутра Золотого блеска. — *Suvarṇaprabhāsa.* (*Сутра Золотого блеска*). Текст уйгурской редакции. Издали В. В. Радлов и С. Е. Малов, I—II, СПб., 1913 (Bibliotheca Buddhica. XVII).

Сыма Цянь, пер. Шаванна. — *Mémoires historiques* de Se-Ma Ts'ien, traduits et annotés par E. Chavannes, t. I—V, Paris, 1895—1905.

Сюань Цзан, пер. Била. — *Si-Yu-Ki. Buddhist records of the Western world.* Transl. from the Chinese of Hiuen Tsiang (A. D. 629) by S. Beal, vol. I—II, London, 1906 (Trübner's Oriental Series).

Сюань Цзан, пер. Жюльена. — *Mémoires sur les contrées occidentales*, traduits du sanscrit en chinois, en l'an 648, par Hiouen-thsang, et du chinois en français, par S. Julien, t. I—II, Paris, 1857—1858 (Voyages des pèlerins bouddhistes. II—III).

Таʿашшуḳ-нāме. — *Таʿашшуḳ-нāме*, рук. Брит. муз. Add. 7914, лл. 273б—289б.

Табари. — *Annales* quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, series I, t. I—VI, 1879—1890; series II, t. I—III, 1881—1889; series III, t. I—IV, 1879—1890; *Introductio, glossarium, addenda et emendanda*, 1901; *Indices*, 1901.

Табари, пер. Нёльдеке. — *Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden.* Aus

der arabischen Chronik des Tabari übers. und mit ausführlichen Erläuterungen und Ergänzungen versehen von Th. Nöldeke, Leyden, 1879.

Тавāрӣх-и Āл-и Сельджӯк, рук. — *Тавāрӣх-и Āл-и Сельджӯк*, рук. Аз. муз.590ba (ИНА D 166).

Та'рӣх-и Вассāф — см. Вассаф.

Та'рӣх-и Рашӣдӣ — см. Мухаммед-Хайдер.

Та'рӣх-и Шāхрухӣ — см. Нияз-Мухаммед.

Таскин, *Опыт дешифровки.* — В. С. Таскин, *Опыт дешифровки киданьской письменности*, — НАА, 1963, № 1, стр. 127—147.

Тенишев, *Отчет.* — Э. Р. Тенишев, *Отчет о поездке к уйгурам, саларам и сарыг-югурам*, — ИАН СССР, ОЛЯ, т. XX, 1961, вып. 2, стр. 180—184.

Тенишев — Тодаева, *Язык желтых уйгуров.* — Э. Р. Тенишев, Б. Х. Тодаева, *Язык желтых уйгуров*, М., 1966.

Терентьев, *История завоевания Средней Азии.* — М. А. Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. I—III, СПб., 1906.

Терещенко, *Самодийские языки.* — Н. М. Терещенко, *Самодийские языки*, — сб. «Младописьменные языки народов СССР», М.—Л., 1959, стр. 380—399.

«Территория и население Бухары и Хорезма». — Сб. «Территория и население Бухары и Хорезма», ч. 1, Бухара; ч. 2, Хорезм, Ташкент, 1926 (Материалы по районированию Средней Азии, кн. 1—2).

Тизенгаузен, ЗВОРАО, т. VII [стр. 366—369]. — В. Т[изенгаузен], [рец. на:] D. Juan de Dios de la Rada y Delgado. Catálogo de monedas arabigas españolas que se conservan en el Museo Arqueológico Nacional. Madrid, 1892, — ЗВОРАО, т. VII, 1893, стр. 366—369.

Тизенгаузен, *К вопросу о слове челеби.* — В. Тизенгаузен, *К вопросу о слове челеби*, — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 307—310.

Тихонов, *Восстание 1864 г.* — Д. Тихонов, *Восстание 1864 г. в Восточном Туркестане. Восстание в Кучаре*, — СВ, т. V, 1948, стр. 155—172.

Тихонов, *Некоторые вопросы.* — Д. И. Тихонов, *Некоторые вопросы внутренней политики Якуб-бека*, — УЗИВАН, т. XVI, 1958, стр. 109—137.

Тихонов, *Уйгурские исторические рукописи.* — Д. И. Тихонов, *Уйгурские исторические рукописи конца XIX и начала XX в.*, — УЗИВАН, т. IX, 1954, стр. 146—174.

Тихонов, *Характер народно-освободительных движений.* — Д. И. Тихонов, *Характер народно-освободительных движений в Синьцзяне в XIX в. и первой трети XX в.*, — СВ, т. VI, 1949, стр. 336—347.

Тихонов, *Хозяйство.* — Д. И. Тихонов, *Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X—XIV вв.*, М.—Л., 1966.

Токарев, *Ранние формы религии.* — С. А. Токарев, *Ранние формы религии и их развитие*, М., 1964.

Толстов, *Города гузов.* — С. П. Толстов, *Города гузов.* (*Историко-этнографические этюды*), — СЭ, 1947, № 3, стр. 55—102.

Толстов, *Новогодний праздник «каландас».* — С. П. Толстов, *Новогодний праздник «каландас» у хорезмийских христиан начала XI века (В связи с историей хорезмийско-хазарских отношений). Из историко-этнографических комментариев к ал-Бируни*, — СЭ, 1946, № 2, стр. 87—108.

Толстов, *По древним дельтам.* — С. П. Толстов, *По древним дельтам Окса и Яксарта*, М., 1962.

Толстов, *По следам.* — С. П. Толстов, *По следам древнехорезмийской цивилизации*, М., 1948.

Трофимова, *Этногенез.* — Т. А. Трофимова, *Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии*, М.—Л., 1949 (Труды Ин-та этнографии, н. с., т. VII).

Туманский, ЗВОРАО, т. IX [стр. 300—303]. — А. Туманский, [рец. на:] Древности

Закаспийского края. Развалины Старого Мерва. В. А. Жуковского. . . СПб. 1894, — ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 300—303.

Туманский, *Новооткрытый персидский географ.* — А. Г. Туманский, *Новооткрытый персидский географ X столетия и известия его о славянах и руссах,* — ЗВОРАО, т. X, 1897, стр. 121—137.

Туманский, *По поводу «Китаби Коркуд».* — А. Туманский, *По поводу «Китаби Коркуд»,* — ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 269—272.

Тураев, ЖМНП, ч. CCCXXVI [№ 11, отд. III, стр. 147—154]. — Б. А. Тураев, [рец. на:] Учебник истории Древнего Востока. Составил А. Н. Грен, Киев, 1899, — ЖМНП, ч. CCCXXVI, 1899, ноябрь, отд. Критика и библиография, стр. 147—154.

Тураев, ХВ, т. III [стр. 215—216]. — В. Т[ураев], [рец. на:] J. Marquart, Die Benin-Sammlung des Reichsmuseums für Völkerkunde in Leiden. . . Leiden. Brill. 1913, — ХВ, т. III, 1915, стр. 215—216.

Тынышпаев, *Материалы.* — М. Тынышпаев, *Материалы к истории киргиз-казакского народа.* (Читаны в Туркестанском отделе РГО в 1924 и 1925 гг.), Ташкент, 1925.

Умняков, *В. В. Бартольд.* — И. И. Умняков, *В. В. Бартольд* (*По поводу 30-летия профессорской деятельности*), — «Бюлл. САГУ», вып. 14, Ташкент, 1926, стр. 175—202.

Умняков, *«История» Фахрэддина Мубаракшаха.* — И. Умняков, *«История» Фахрэддина Мубаракшаха,* — ВДИ, 1938, № 1 (2) стр. 108—115.

Умняков, *Самая старая турецкая карта мира.* — И. И. Умняков, *Самая старая турецкая карта мира,* — «Труды Самаркандского гос. пед. ин-та им. А. М. Горького», т. I, вып. 1, 1940, стр. 103—131.

Унковский, *Посольство.* — *Посольство к Зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы.* Документы, изданные с предисловием и примечаниями Н. И. Веселовского, СПб., 1887 (ЗИРГО по отд. этногр., т. X, вып. 2).

Утби — Манини. — شرح اليمينى المسمى بالفتح الوهبى على تاريخ ابى نصر العتبى للشيخ المنينى ' [١٢٦٨] [= 1869].

Ухтомский, *Из области ламаизма.* — Э. Ухтомский, *Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет,* СПб., 1904.

Фалев, *Введение.* — [П. А. Фалев], *Введение в изучение тюркских литератур и наречий.* Лекции, читанные проф. П. А. Фалевым в 1921 г. в Туркестанском Восточном Институте, Ташкент, 1922.

Фалев, *Народная словесность у ногайцев.* — П. А. Фалев, *Записи произведений народной словесности у ногайцев Ставропольской губ. в связи с ранее опубликованным материалом,* — ЗВОРАО, т. XXIII, 1916, стр. V—VI.

Фалев, *Старо-османский перевод.* — П. Фалев, *Старо-османский перевод «крымской» поэмы,* — ЗКВ, т. I, 1925, стр. 139—160.

Фармаковский, *Горит.* — М. В. Фармаковский, *Горит из кургана Солохи,* — ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 23—48.

Фарханг-и Джахāнгӣрӣ. — [Lucknow, 1293] فرهنگ جهانگيرى

Федоров-Давыдов, *Кочевники Восточной Европы.* — Г. А. Федоров-Давыдов, *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники,* М., 1966.

Феофилакт Симокатта. — Theophylacti Simocattae *Historiarum. Libri octo,* recognovit T. Bekkerus, Bonnae, 1834 (CSHB).

Феофилакт Симокатта, *История.* — Феофилакт Симокатта, *История.* Пер. С. П. Кондратьева, М., 1957.

Фихрист. — *Kitâb al-Fihrist.* Mit Anmerkungen hrsg. von G. Flügel, nach dessen Tode besorgt von J. Roediger und A. Müller, Bd I: den Text enthaltend, von J. Roediger, Leipzig, 1871; Bd II: die Anmerkungen und Indices enthaltend, von A. Müller, Leipzig, 1872.

Фойгт, *Обозрение.* — К. Фойгт, *Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в имп. Казанском университете за десятилетие с 1842 по 1852 год*, Казань, 1852.

Халиль аз-Захири. — Khalîl eḍ-Ḍâhiry, *Zoubdat Kachf el-Mamâlik. Tableau politique et administratif de l'Egypte, de la Syrie et du Ḥidjâz sous la domination des sultans Mamloûks du XIIIe au XVe siècle.* Texte arabe, publié par P. Ravaisse, Paris, 1894 (PÉLOV, IIIe sér., vol. XVI).

Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-ḳулӯб*, изд. Ле Стрэнджа. — *The geographical part of the Nuzhat-al-qulūb* composed by Ḥamd-Allāh Mustawfī of Qazwīn in 740 (1340). Ed. by G. Le Strange, Leyden—London, 1915; transl. by G. le Strange, Leyden—London, 1919 (GMS, XXIII, 1—2).

Хамдаллах Казвини, *Та'рӣх̮-и гузӣде*, изд. Брауна. — *The Ta'ríkh-i-Guzída or «Select History»* of Ḥamdu'lláh Mustawfí-i-Qazwíní compiled in A. H. 730 (A. D. 1330), and now reproduced in fac-simile from a manuscript dated A. H. 857 (A. D. 1453), with an introduction by E. G. Browne. Vol. I, containing the text, Leyden — London, 1910 (GMS, XIV, 1).

Хафиз-и Таныш, *'Абдуллā-нāме.* — Хафиз-и Таныш, *'Абдуллā-нāме*, рук. Аз. муз. 574 age (ИНА D 88).

Хвольсон, *Дополнения и поправки.* — Д. Хвольсон, *Дополнения и поправки к статьям «Несторианские надписи из Семиречья»*, — ЗВОРАО, т. I, 1887, стр. 303—308.

Хвольсон, *Несторианские надписи.* — Д. Хвольсон, *Несторианские надписи из Семиречья*, — ЗВОРАО, т. I, 1887, стр. 217—221.

Хвольсон, *Предварительные заметки.* — Д. Хвольсон, *Предварительные заметки о найденных в Семиреченской области сирийских надгробных надписях*, — ЗВОРАО, т. I, 1887, стр. 84—109.

Хибат ал-х̮аḳā'ик, изд. Неджиба Асыма. — هبة الحقايق، استانبول، ١٣٣۴ [= 1915-16].

Хилаль ас-Саби, *Вузарā'.* — *The historical remains of Hilâl al-Sâbi. First part of his Kitab al-Wuzara (Gotha Ms. 1756) and fragment of his History 389—393 A. H. (B. M. Ms, add. 19360).* Ed. with notes and glossary by H. F. Amedroz, Leyden, 1904.

Хондемир, тегеран. изд. — كتاب مستطاب حبيب السيّر مرقوم رقم.. غياث الدين بن همام الدين الشهير بخواند امير..، جلد ١—٣، طهران، ١٢٧٠—١٢٧١ [= 1853—1855].

Хорезми, *Мафāтӣх̮.* — *Liber Mafâtîh al-olûm explicans vocabula technica scientiarum tam arabum tam peregrinorum* auctore Abû Abdallah Mohammed ibn Ahmed ibn Jûsof al-Kâtib al-Khowarezmi. Ed., indices adjecit G. van Vloten, Lugduni-Batavorum, 1895.

Хорезми, *Мух̮аббат-нāме*, изд. Наджипа. — Хорезми, *Мух̮аббат-нāме.* Изд. текста, транскрипция, пер., исслед. Э. Н. Наджипа, М., 1961 (ПЛНВ, Тексты, Малая серия, IV).

Хорезми, *Мух̮аббат-нāме*, изд. Щербака. — А. И. Щербак, *Огуз-нāме. Мух̮аббат-нāме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности*, М., 1959. [*Мух̮аббат-нāме:* стр. 111—170.]

Храковский, *Шараф ал-Заман.* — В. Храковский, *Шараф ал-Заман Тахир Марвази Глава о тюрках*, — ТСВ АН КазССР, т. I, 1959, стр. 208—218.

Ҳудӯд ал-'ālам. — *Ҳудӯд ал-'ālем. Рукопись Туманского.* С введением и указателем В. Бартольда, Л., 1930.

Худуд ал-'ālам, пер. Минорского.— *Ḥudūd al-'Ālam. 'The Regions of the World'. A Persian Geography 372 A. H. — 982 A. D.* Transl. and explained by V. Minorsky. With the preface by V. V. Barthold (†1930) transl. from the Russian, London, 1937 (GMS NS, XI).

Чан-чунь, пер. Кафарова. — *Си ю цзи, или описание путешествия на Запад.* [Перевел с китайского, с примечаниями, архимандрит Палладий], — ТЧРДМ, т. IV, СПб., 1866, стр. 259—436.

Черников, *О термине «ранние кочевники».* — С. С. Черников, *О термине «ранние кочевники»,* — КСИИМК, вып. 80, 1960, стр. 17—21.

Чжао Жу-гуа. — *Chao Ju-Kua. His Work on the Chinese and Arab trade in the twelfth and thirteenth centuries, entitled Chu-fan-chï*, transl. from the Chinese and annotated by F. Hirth and W. W. Rockhill, St.-Pbg., 1911.

Численность и расселение народов мира. — *Численность и расселение народов мира.* Под ред. С. И. Брука, М., 1962 (Народы мира. Этнографические очерки).

Чуйская долина. — *Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». 1938—1941.* Сост. под руков. А. Н. Бернштама, М.—Л., 1950 (МИА, № 14).

Шаджарат ал-атрāк, пер. Майлса. — *The Shajrat ul-Atrak, or genealogical tree of the Turks and Tatars*; transl. and abridged by Col. Miles, London, 1838.

Шаджарат ал-атрāк, рук. — *Шаджарат ал-атрāк*, рук. Брит. муз. Or. 8106; рук. Брит. муз. Add. 26190.

Шаниязов, *Узбеки-карлуки.* — К. Шаниязов, *Узбеки-карлуки.* (*Историко-этнографический очерк*), Ташкент, 1964.

Шаскольский, *Норманская теория.* — И. П. Шаскольский, *Норманская теория в современной буржуазной науке*, М.—Л., 1965.

Шейх Сулейман. — شیخ سلیمان افندی ' لغات چغتای و ترکی عثمانی ' استانبول ' ۱۲۹۸ [= 1880-81].

Шейх Сулейман, изд. Куноша. — Šejχ Sulejman Efendi's *Čagataj-Osmanisches Wörterbuch.* Verkürzte und mit deutscher Übersetzung versehene Ausgabe. Bearbeitet von Dr. I. Kúnos, Budapest, 1902 (Publications de la Section Orientale de la Société Ethnographique Hongroise).

Шер, *Каменные изваяния.* — Я. А. Шер, *Каменные изваяния Семиречья*, М.—Л., 1966.

Шереф ад-дин Йезди. — *The Zafarnámah* by Mauláná Sharfuddín [sic] 'Alí of Yazd. Ed. by Maulawí Muḥammad Ilahdad, vol. I—II, Calcutta, 1887—1888.

Шереф ад-дин Йезди, изд. Аббаси. — ظفر نامه ' تاریخ عمومی مفصّل ایران در دورهٔ تیموریان لمولانا شرف الدین علی یزدی از روی نسخی که در عصر مصنف نوشته شده ' بتصحیح واهتمام محمدعباسی ' جلد ۱—۲ ' تهران ' ۱۳۳۶ ش [= 1957].

Шу'ури, *Фарханг.* — فرهنگ شعوری المسمی بلسان العجم ترکی فی اللغة الفارسیة ' جلد ۱—۲ ' قسطنطینیة ' ۱۱۵۵ [= 1742-43].

Шушарин, *Древнерусское государство.* — В. П. Шушарин, *Древнерусское государство в западно- и восточноевропейских средневековых памятниках*, — сб. «Древнерусское государство и его международное значение», М., 1965, стр. 420—452.

Щербак, *Грамматика староузбекского языка.* — А. М. Щербак, *Грамматика староузбекского языка*, М.—Л., 1962.

Щербак, *Грамматический очерк.* — А. М. Щербак, *Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана*, М.—Л., 1961.

Щербак, *О характере лексических взаимосвязей.* — А. М. Щербак, *О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков,* — ВЯ, 1966, № 3, стр. 21—35.

Щербак, *Огуз-нāме.* — А. М. Щербак, *Огуз-нāме. Мух̮аббат-нāме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности,* М., 1959, стр. 13—110.

Эвлия Челеби, *Сийāх̮ат-нāме.* — اوليا چلبى محمد ظلمى ابن درويش، اوليا چلبى سياحتنامه‌سى، استانبول، جلد ١—١٣١۴؛ جلد ٢—١٣١۴؛ جلد ٣—١٣١۴؛ جلد ۴—١٣١۵؛ جلد ۵—١٣١۵؛ جلد ٦—١٣١٨؛ جلد ٧—1928؛ جلد ٨—1928.

Юань-чао би-ши — см. *Сокровенное сказание.*

Юань-ши, пер. Бичурина. — *История первых четырех ханов из дома Чингисова*, переведено с китайского монахом Иакинфом, СПб., 1829.

Юдин, *Некоторые источники.* — В. П. Юдин, *Некоторые источники по истории восстания в Синьцзяне в 1864 году,* — в кн. «Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана», Алма-Ата, 1962 (ТИИАЭ АН КазССР, т. 15), стр. 171—196.

Юдин, *О родоплеменном составе могулов.* — В. П. Юдин, *О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами,* — ИАН КазССР, СОН, 1965, вып. 3, стр. 52—65.

Юсупов, *Введение.* — Г. В. Юсупов, *Введение в булгаро-татарскую эпиграфику*, М.—Л., 1960.

Я'куби, *Китāб ал-булдāн.* — *Kitâb al-a'lâk an-nafîsa VII* auctore Abû Alî Ahmed ibn Omar ibn Rosteh et *Kitab al-boldân* auctore Ahmed ibn abî Jakûb ibn Wâdhih al-Kâtib al-Jakûbî, [ed. M. J. de Goeje], edit. 2, Lugduni Batavorum, 1892 (BGA, VII) [Я'куби — стр. 231—373].

Я'куби, *Та'рӣх̮.* — Ibn Wādhih qui dicitur al-Ja'qubi, *Historiae.* Ed. M. Th. Houtsma, pars 1, historiam ante-islamicam continens; pars 2, historiam islamicam continens, Lugduni Batavorum, 1883.

Якубовский, *Ибн-Мискавейх.* — А. Якубовский, *Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332 г.=943/4 г.,* — ВВ, т. XXIV, 1926, стр. 63—92.

Якубовский, *К вопросу о топографии.* — А. Ю. Якубовский, *К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX и X веках,* — СА, т. X, 1948, стр. 255—270.

Якубовский, *О русско-хазарских отношениях.* — А. Ю. Якубовский, *О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв.,* — ИАН СССР, СИФ, т. III, 1946, № 5, стр. 461—472.

Якубовский, *Проблема.* — А. Ю. Якубовский, *Проблема социальной истории Востока в трудах академика В. В. Бартольда,* — ВЛУ, 1947, № 12, стр. 62—79.

Якубовский, *Развалины Сыгнака.* — А. Якубовский, *Развалины Сыгнака (Сугнака),* — «Сообщения ГАИМК», т. II, 1929, стр. 123—159.

Якубовский, *Турфанское княжество.* — А. Ю. Якубовский, *Арабские и персидские источники об уйгурском Турфанском княжестве в IX—X вв.,* — ТОВЭ, т. IV, 1947, стр. 423—443.

Якубовский — Большаков, *Борьба.* — А. Ю. Якубовский, О. Г. Большаков, *Борьба народов Средней Азии против арабского завоевания,* — в кн. *Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв.*, М., 1958, стр. 419—432.

Якут, *Му'джам.* — *Yacut's geographisches Wörterbuch* aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg, Paris, London und Oxford. . . hrsg. von F. Wüstenfeld, Bd I—VI, Leipzig, 1866—1873.

Янина, *Новые данные.* — С. А. Янина, *Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в.*, — «Труды Куйбышевской археологической экспедиции», т. IV, М., 1962 (МИА, № 111), стр. 179—204.

Abel-Rémusat, *Nouveaux mélanges asiatiques.* — Abel-Rémusat, *Nouveaux mélanges asiatiques, ou recueil de morceaux de critique et de mémoires relatifs aux religions, aux sciences, aux coutumes, à l'histoire et à la géographie des nations orientales*, t. I—II, Paris, 1829.

Abel-Rémusat, *Recherches.* — Abel-Rémusat, *Recherches sur les langues tartares, ou Mémoires sur différents points de la grammaire et de la littérature des Mandchous, des Mongols, des Ouigours et des Tibetains*, t. I, Paris, 1820.

Abel-Rémusat, *Sur peuples du Tibet.* — Abel-Rémusat, *Sur quelques peuples du Tibet et de la Boukharie, tiré de l'ouvrage de Matouan-lin, et traduit du chinois*, — в кн.: Abel-Rémusat, *Nouveaux mélanges asiatiques*, t. I, Paris, 1829, pp. 186—257.

Abel-Rémusat, *Tha-tha-toung-'o.* — Abel-Rémusat, *Tha-tha-toung-'o. Ministre ouigour*, — в кн.: Abel-Rémusat, *Nouveaux mélanges asiatiques*, t. II, Paris, 1829, pp. 61—63.

Altheim, *Geschichte der Hunnen.* — F. Altheim, *Geschichte der Hunnen*, Bd I—II, Berlin, 1959—1960.

Amasia. — *Amasia*, — EI, I, S. 341—342.

Annales Bertiniani. — *Annales Bertiniani.* Rec. G. Waitz, Hannoverae, 1883.

Annales Ecclesiastici. — *Annales Ecclesiastici* ab anno MCXCVIII. ubi desinit Cardinalis Baronius, auctore Odorico Raynaldo. . ., I—XXXVIII, [ed. G. D. Mansi et D. Georgius], Lucae, 1738—1759.

Arendt, *Synchronistische Regententabellen.*— C. Arendt, *Synchronistische Regententabellen zur Geschichte der chinesischen Dynastien*, — MSOS, Abt. 1, Jg. II, 1899, S. 152—250; Jg. III, 1900, S. 1—164; Jg. IV, 1901, S. 114—170.

Arnold, *Indien.* — T. W. Arnold, *Indien*, — EI, II, S. 510—526.

Asmussen, *X^uastvānīft.* — J. P. Asmussen, *X^uastvānīft. Studies in Manichaeism* [transl. by N. Haislund], Copenhagen, 1965 (Acta theologica Danica, vol. VII).

Assemani *Bibliotheca Orientalis.* — *Bibliotheca Orientalis Clementino-Vaticana in qva Manuscriptos Codices Syriacos, Arabicos, Persicos, Turcicos, Hebraicos, Samaritanos, Armenicos, Aethiopicos, Graecos, Aegypticos, Ibericos & Malabaricos, jussu et munificentia Clementis XI. Pontificis Maximi. Ex Oriente conquisitos, comparatos, avectos, et Bibliothecae Vaticanae addictos.* Recensuit, digessit, & genuina scripta à spuriis secrevit, addita singulorum auctorum vita, J. S. Assemanus, t. I, *De Scriptoribus Syris Orthodoxis*, Romae, 1719; t. II, *De Scriptoribus Syris Monophysitis*, Romae, 1721; t. III, *De Scriptoribus Syris Nestorianis*, pars 1—2, Romae, 1725—1728.

Babinger, *Ḳorḳud Dede.* — F. Babinger, *Ḳorḳud Dede*, — EI, II, S. 1155—1156.

Babinger, *Naqschbendī-Orden.* — F. Babinger, *Zur Frühgeschichte des Naqschbendī-Ordens*, — DI, Bd XIII, 1923, S. 105—107.

Bang, *Beiträge zur Erklärung.* — W. Bang, *Beiträge zur Erklärung des komanisches Marienhymnus.* Mit einem Nachwort von F. C. Andreas, — GGN, 1910, S. 61—78.

Bang, *Inschriften.* — W. Bang, *Zu den köktürkischen Inschriften*, — «T'oung Pao», vol. IX, 1898, pp. 117—141.

Bang, *Der Komanische Marienpsalter.* — [W. Bang], *Der Komanische Marienpsalter nebst seiner Quelle* hrsg. von W. Bang, — в кн.: W. Bang und J. Marquart, *Osttürkische Dialekstudien*, Berlin, 1914 (AKGWG, N. F., Bd XIII, № 1), S. 239—276 [III. Kap.]

Bang, *Ueber Kommunionshymnus.* — W. Bang, *Ueber einen Komanischen Kommunionshymnus*, — BARB, 1910, № 5 (mai), pp. 230—289.

Bang, *Vorwort*. — W. Bang, *Vorwort*. — в кн.: J. Marquart, *Die Chronologie der alttürkischen Inschriften*, Leipzig, 1898, S. V—VII.

Bang, *Zum Vokalismus*. — W. Bang, *Zum Vokalismus*, — в кн.: W. Bang und J. Marquart, *Osttürkische Dialektstudien*, Berlin, 1914 (AKGWG, N. F., Bd XIII, № 1), S. 1—24 [I. Kap.]

Bang, *Zur Erklärung*. — W. Bang, *Zur Erklärung der köktürkischen Inschriften*, — WZKM, Bd XII, 1898, S. 34—54.

Bang, *Zur Kritik*. — W. Bang, *Zur Kritik des Codex Cumanicus*, Louvain, 1910.

Bang und Marquart, *Osttürkische Dialektstudien*. — W. Bang und J. Marquart, *Osttürkische Dialektstudien*, Berlin, 1914 (AKGWG, N. F., Bd XIII, № 1).

Barhebraei *Chronicon Syriacum*. — Bar-Hebraei *Chronicon Syriacum*. E Codicibus Bodleianis, descriptum coniunctim ediderunt P. J. Bruns et G. G. Kirsch, Lipsiae, 1789 [=t. I, сирийский текст]; Gregorii Abulpharagii sive Bar Hebraei *Chronicon Syriacum*. E Codicibus Bodleianis descripsit maximam partem vertit notasque illustravit P. J. Bruns, edidit ex parte vertit notasque adiecit G. G. Kirsch, Lipsiae, 1789 [=t. II, латин. перевод].

Barthold, *'Abd Allāh*. — W. Barthold, *'Abd Allāh b. Iskandar*, — EI, I, S. 26—27. [Наст. изд. т. II, ч. 2, стр. 487—488.]

Barthold, *'Abd al-Razzāḳ*. — W. Barthold, *'Abd al-Razzāḳ Kamāl al-Dīn b. Isḥāḳ al-Samarḳandī*, — EI, I, S. 67—68.

Barthold, *Abū 'l-Khair*. — W. Barthold, *Abū 'l-Khair*, — EI, I, S. 101—102. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 489—490.]

Barthold, *Ākhal Tekke*. — W. Barthold, *Ākhal Tekke*, — EI, I, S. 242—243. [Наст. изд., т. III, стр. 341.]

Barthold, *Allān*. — W. Barthold, *Allān*, — EI, I, S. 327—328. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 866—867.]

Barthold, *Die alttürkischen Inschriften*. — W. Barthold, *Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen*, — в кн.: W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, Zweite Folge, St.-Pbg., 1899, S. 1—29 (разд. паг.). [Наст. изд., т. V, стр. 284—311.]

Barthold, *Aral-See*. — W. Barthold, *Aral-See*, — EI, I, S. 436—437. [Наст. изд., т. III, стр. 331—333.]

Barthold, *Arghūn*. — W. Barthold, *Arghūn*, — EI, I, S. 447. [Наст. изд., т. VII.]

Barthold, *Arrān*. — W. Barthold, *Arrān*, — EI, I, S. 478—479. [Наст. изд., т. III, стр. 334—335.]

Barthold, *Awliyā-Atā*. — W. Barthold, *Awliyā-Atā*, — EI, I, S. 538. [Наст. изд., т. III, стр. 340.]

Barthold, *Bāghče Sarāi*. — W. Barthold, *Bāghče Sarāi*, — EI, I, S. 584—585. [Наст. изд., т. III, стр. 368—370.]

Barthold, *Baihaḳī, Abu 'l-Faḍl*. — W. Barthold, *Baihaḳī, Abū 'l-Faḍl Muḥammed b. Ḥusain*, — EI, I, S. 616—617. [Наст. изд., т. VIII.]

Barthold, *Baihaḳī, Abū 'l-Ḥasan*. — W. Barthold, *Baihaḳī, Abū 'l-Ḥasan 'Alī b. Zaid*, — EI, I, S. 615—616. [Наст. изд., т. VIII.]

Barthold, *Balāsāghūn*. — W. Barthold, *Balāsāghūn*, — EI, I, S. 638—640. [Наст. изд., т. III, стр. 355—357.]

Barthold, *Balkhān*. — W. Barthold, *Balkhān*, — EI, I, S. 649. [Наст. изд., т. III, стр. 358—359.]

Barthold, *Balkhash*. — W. Barthold, *Balkhash*, — EI, I, S. 649—650. [Наст. изд., т. III, стр. 360—361.]

Barthold, *Bardha'a*. — W. Barthold, *Bardha'a*, — EI, I, S. 683. [Наст. изд., т. III, стр. 372—373.]

Barthold, *Barmakiden*. — W. Barthold, *Barmakiden*, — EI, I, S. 691—693. [Наст. изд., т. VI, стр. 669—674.]

Barthold, *Bātū-Khān*. — W. Barthold. *Bātū-Khān*, — EI, I, S. 709—712. [Наст. изд., т. V, стр. 496—500.]
Barthold, *Berke*. — W. Barthold, *Berke*, — EI, I, S. 737—739. [Наст. изд., т. V, стр. 503—507.]
Barthold, *Bishbaliķ*. — W. Barthold, *Bishbaliķ*, — EI, I, S. 758—760. [Наст. изд., т. III, стр. 374—377].
Barthold, *Bughrā-Khān*. — W. Barthold, *Bughrā-Khān*, — EI, I, S. 803—804. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 506—508.]
Barthold, *The Bughra Khan mentioned in the Qudatqu Bilik*. — W. Barthold, *The Bughra Khan mentioned in the Qudatqu Bilik*, — BSOS, vol. III, pt 1, 1923, pp. 151—158. [Наст. изд., т. V, стр. 419—424.]
Barthold, *Bukhārā*. — W. Barthold, *Bukhārā*, — EI, I, S. 809—816. [Наст. изд., т. III, стр. 378—393.]
Barthold, *Bulghār*. — W. Barthold, *Bulghār*, — EI, I, S. 819—825. [Наст. изд., т. V, стр. 509—520.]
Barthold, *Burāķ Ḥādjib*. — W. Barthold, *Burāķ Ḥādjib*, — EI, I, S. 827—828. [Наст. изд., т. VII.]
Barthold, *Burāķ-Khān*. — W. Barthold, *Burāķ-Khān*, — EI, I, S. 828—830. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 509—512.]
Barthold, *Burhān*. — W. Barthold, *Burhān*, — EI, I, S. 831—832. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 515—518.]
Barthold, *Čaghāniyān*. — W. Barthold, *Čaghāniyān*, — EI, I, S. 845—846. [Наст. изд., т. III, стр. 558—559.]
Barthold, *Čaghatāi-Khān*. — W. Barthold, *Čaghatāi-Khān*, — EI, I, S. 846—849. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 538—544.]
Barthold, *Čimkent*. — W. Barthold, *Čimkent*, — EI, I, S. 891. [Наст. изд., т. III, стр. 563—564.]
Barthold, *Čingiz-Khān*. — W. Barthold, *Čingiz-Khān*, — EI, I, S. 892—898. [Наст. изд., т. V, стр. 614—627.]
Barthold, *Čū*. — W. Barthold, *Čū*, — EI, I, S. 917—919. [Наст. изд., т. III, стр. 567—570.]
Barthold, *Daghestan*. — W. Barthold, *Daghestan*, — EI, I, S. 924—929. [Наст. изд., т. III, стр. 408—418.]
Barthold, *Derbend*. — W. Barthold, *Derbend*, — EI, I, S. 979—985. [Наст. изд., т. III, стр. 419—430.]
Barthold, *Farghāna*. — W. Barthold, *Farghāna*, — EI, II, S. 64—69. [Наст. изд., т. III, стр. 527—538.]
Barthold, *Gandja*. — W. Barthold, *Gandja*, — EI, II, S. 136—137. [Наст. изд., т. III, стр. 405—407.]
Barthold, *Gardīzī*. — W. Barthold, *Gardīzī*, — EI, II, S. 137—138. [Наст. изд., т. VIII.]
Barthold, *Ghāzān*. — W. Barthold, *Ghāzān*, — EI, II, S. 158. [Наст. изд., т. VII.]
Barthold, *Ghuzz*. — W. Barthold, *Ghuzz*, — EI, II, S. 178—179. [Наст. изд., т. V, стр. 524—526.]
Barthold, *Girāy*. — W. Barthold, *Girāy*, — EI, II, S. 181—182. [Наст. изд., т. V, стр. 522—523.]
Barthold, *Gūrkhān*. — W. Barthold, *Gūrkhān*, — EI, II, S. 195. [Наст. изд., т. V, стр. 527.]
Barthold, *Gök-Tepe*. — W. Barthold, *Gök-Tepe*, EI, II, S. 184. [Наст. изд., т. III, стр. 399.]
Barthold, *Ḥaidar Mīrzā*. — W. Barthold, *Ḥaidar Mīrzā*, — EI, II, S. 232—233. [Наст. изд., т. VIII.]
Barthold, *Die historische Bedeutung*. — W. Barthold, *Die historische Bedeutung der*

alttürkischen Inschriften, — в кн.: W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, Neue Folge, St.-Pbg., 1897, S. 1—36 (разд. паг.).

Barthold, *Īlek-Khāne*. — W. Barthold, *Īlek-Khāne*, — EI, II, S. 496. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 519—520.]

Barthold, *Ili*. — W. Barthold, *Ili*, — EI, II, S. 499. [Наст. изд., т. III, стр. 433—434.]

Barthold, *Irtish*. — W. Barthold, *Irtish*, — EI, II, S. 559. [Наст. изд., т. III, стр. 435—436.]

Barthold, *Issik-Kul*. — W. Barthold, *Issik-Kul*, — EI, II, S. 593—594. [Наст. изд., т. III, стр. 437—439.]

Barthold, *Ḳara Khitai*. — W. Barthold, *Ḳara Khitai*, — EI, II, S. 789—791. [Наст. изд., т. V, стр. 541—545.]

Barthold, *Karluk*. — W. Barthold, *Karluk*, — EI, II, S. 820—821. [Наст. изд., т. V, стр. 546—547.]

Barthold, *Ḳarshī*. — W. Barthold, *Ḳarshī*, — EI, II, S. 830. [Наст. изд., т. III, стр. 450.]

Barthold, *Kāshghar*. — W. Barthold, *Kāshghar*, — EI, II, S. 844. [Наст. изд., т. III, стр. 456—457.]

Barthold, *Ḳashḳāi*. — W. Barthold, *Ḳashḳāi*, — EI, II, S. 846—847.

Barthold, *Ḳazaḳ*. — W. Barthold, *Ḳazaḳ*, — EI, II, S. 896. [Наст. изд., т. V, стр. 534.]

Barthold, *Ḳazān*. — W. Barthold, *Ḳazān*. — EI, II, S. 896—897. [Наст. изд., т. III, стр. 440—442.]

Barthold, *Khāḳān*. — W. Barthold, *Khāḳān*, — EI, II, S. 938. [Наст. изд., т. V, стр. 601.]

Barthold, *Khaladj*. — W. Barthold, *Khaladj*, — EI, II, S. 939. [Наст. изд., т. V, стр. 602.]

Barthold, *Khānbalīk*. — W. Barthold, *Khānbalīk*, — EI, II, S. 964. [Наст. изд., т. III, стр. 540—541.]

Barthold, *Khwārizm*. — W. Barthold, *Khwārizm*, — EI, II, S. 974—978. [Наст. изд., т. III, стр, 544—552.]

Barthold, *Khwārizmshāh*. — W. Barthold, *Khwārizmshāh*, — EI, II, S. 980—981. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 535—537.]

Barthold, *Khoḳand*. — W. Barthold, *Khoḳand*, — EI, II, S. 1035—1037. [Наст. изд., III, стр. 462—466.]

Barthold, *Kimäk*. — W. Barthold, *Kimäk*, — EI, II, S. 1085. [Наст. изд., т. V, стр. 548.]

Barthold, *Ḳipčaḳ*. — W. Barthold, *Ḳipčaḳ*. — EI, II, S. 1099. [Наст. изд., т. V, стр. 549—550.]

Barthold, *Ḳrīm*. — W. Barthold, *Ḳrīm*, — EI, II, S. 1162—1163. [Наст. изд., т. III, стр. 467—469.]

Barthold, *Ḳuldja*. — W. Barthold, *Ḳuldja*, — EI, II, S. 1193—1194. [Наст. изд., т. III, стр. 470—471.]

Barthold, *Mangīshlak*. — W. Barthold, *Mangīshlak*, — EI, III, S. 264—265. [Наст. изд., т. III, стр. 479—480.]

Barthold, *Russische Arbeiten über Ostasien*. — W. Barthold, *Russische Arbeiten über Ostasien*, — MSOS, Jg. I, 1898, Abt. 1, S. 187—210.

Barthold, *Russische Arbeiten über Westasien*. — W. Barthold, *Russische Arbeiten über Westasien. Jahresbericht für 1900*, — MSOS, Jg. IV, 1901, Abt. 2, S. 175—201.

Barthold, *Sarāy*. — W. Barthold, *Sarāy*. — EI, IV, S. 168—169. [Наст. изд., т. III, стр. 483—484.]

Barthold, *Sart*. — W. Barthold, *Sart*, — EI, IV, S. 187—188. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 527—529.]

Barthold, *Shaibāniden.* — W. Barthold, *Shaibāniden,* — EI, IV, S. 294—295. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 545—548.]

Barthold, *Sîr-Daryā.* — W. Barthold, *Sîr-Daryā,* — EI, IV, S. 481—483. [Наст. изд., т. III, стр. 491—493.]

Barthold, *Soghd.* — W. Barthold, *Soghd,* — EI, IV, S. 511. [Наст. изд., т. III, стр. 487—488.]

Barthold, *Sughdāk.* — W. Barthold, *Sughdāk,* — EI, IV, S. 543. [Наст. изд., т. III, стр. 489—490.]

Barthold, *Tādjīkī.* — W. Barthold, *Tādjīkī.* (*Sprache der Tādjīk*), — EI, IV, S. 648. [Наст. изд., т. VII.]

Barthold, *Tashkent.* — W. Barthold, *Tashkent,* — EI, IV, S. 745—746. [Наст. изд., т. III, стр. 499—502.]

Barthold, *Tirmidh.* — W. Barthold, *Tirmidh,* — EI, IV, S. 860—862. [Наст. изд., т. III, стр. 504—508.]

Barthold, *Toghuzghuz.* — W. Barthold, *Toghuzghuz,* — EI, IV, S. 872—873. [Наст. изд., т. V, стр. 563—564.]

Barthold, *Ṭokhāristān.* — W. Barthold, *Ṭokhāristān,* — EI, IV, S. 874. [Наст. изд., т. III, стр. 514—515.]

Barthold, *Toḳtamîsh.* — W. Barthold, *Toḳtamîsh,* — EI, IV, S. 874—876. [Наст. изд., т. V, стр. 565—568.]

Barthold, *Turkestan.* — W. Barthold, *Turkestan down to the Mongol invasion,* transl. from the original Russian and revised by the author with the assistance of H. A. R. Gibb, London, 1928 (GMS NS, V); 2d ed.: London, 1958.

Barthold, *Türken.* — W. Barthold, *Türken* (*Historisch-etnographische Übersicht*), — EI, IV, S. 969—978. [Наст. изд., т. V, стр. 575—594.]

Barthold, *Zu Islam, XIII, S. 74.* — W. Barthold, *Zu Islam XIII, S. 74. Note 2.* [*Th. Nöldeke*], — DI, Bd XIV, 1925, S. 111.

Barthold, *Zu Islam XIII, S. 106.* — W. Barthold, *Zu Islam XIII, S. 106* [к статье: F. Babinger, *Zur Frühgeschichte des Naqschbendī-Ordens*], — DI, Bd XIV, 1925, S. 112.

Barthold, *Zur Geschichte des Christentums.* — W. Barthold, *Zur Geschichte des Christentums in Mittel-Asien bis zur mongolischen Eroberung.* Berichtigte und vermehrte deutsche Bearbeitung von R. Stübe, Tübingen, 1901.

Barthold — Frye, *Bukhārā.* — W. Barthold, R. Frye, *Bukhārā,* — EI², I, pp. 1293—1296.

Battal, *İbn-ü Mühenna lûgati.* — A. Battal, *İbn-ü Mühenna lûgati,* İstanbul, 1934.

Bazin, *Appartenances linguistiques.* — L. Bazin, *Appartenances linguistiques des envahisseurs altaiques de la Chine du Nord aux IVe et Ve siècles A. D.,* — «Cahiers d'histoire mondiale», vol. I, 1953, № 1, pp. 129—138.

Bazin, *Les dates de rédaction.* — L. Bazin, *Les dates de rédaction du «Divan» de Kašgari,* — AO Bud., t. VII, 1957, № 1, pp. 21—25.

Bazin, *Recherches.* — L. Bazin, *Recherches sur les parles T'o-pa,* — «T'oung Pao», vol. XXXIX, 1950, pp. 228—329.

Belin, *Notice.* — M. Belin, *Notice biographique et littéraire sur Mir Ali-Chîr-Névâïi, suivie d'extraits tirés des œuvres du même auteur,* — JA, sér. 5, t. XVII, 1861, pp. 175—256, 281—357.

Benzing, *Das Tschuwaschische.* — J. Benzing, *Das Tschuwaschische,* — PhTF, t. I, S. 695—751.

Blau, *Ueber Volkstum und Sprache der Kumanen.* — O. Blau, *Ueber Volkstum und Sprache der Kumanen,* — ZDMG, Bd XXIX, 1876, S. 556—587.

Blochet, *Inscriptions.* — E. Blochet, *Les inscriptions turques de l'Orkhon,* — «Revue archéologique», sér. 3, vol. XXXII, 1898, pp. 356—382; vol. XXXIII, 1898, pp. 352—365.

Blochet, *Introduction.* — E. Blochet, *Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din*, Leyden—London, 1910 (GMS, XII).

Blochet, *Le nom de Turc.* — E. Blochet, *Le nom de Turc dans l'Avesta*, — JRAS, 1915, pp. 305—309.

Bombaci, *Storia.* — A. Bombaci, *Storia della letteratura turca*, Milano, 1956 (Storia delle letterature di tutto il mondo).

Boodberg, *Marginalia.* — P. A. Boodberg, *Marginalia to the histories of the Northern Dynasties*, — HJAS, vol. 4, 1939, pp. 230—283.

Bretschneider, *On the knowledge.*— E. Bretschneider, *On the knowledge possessed by the ancient Chinese of the Arabs and Arabian colonies, and other western countries, mentioned in Chinese books*, London, 1871.

Bretschneider, *Researches.* — E. Bretschneider, *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century*, vol. I—II, London, 1888; 2d ed.: 1910.

Brockelmann, *Altturkestanische Volkspoesie*, I—II. — C. Brockelmann, *Altturkestanische Volkspoesie*, I,— «Hirth Anniversary volume», London, [1922] (AM, Introductory volume), pp. 1—22; II — AM, vol. I, 1924, pp. 24—44.

Brockelmann, *Altturkestanische Volksweisheit.* — C. Brockelmann, *Altturkestanische Volksweischeit*, — «Festschrift für F. Hirth», Berlin, 1920, S. 50—73 (OAZ, Jg. 8).

Brockelmann, *al-Baihaḳī.* — C. Brockelmann, *al-Baihaḳī*, — EI, I, S. 615.

Brockelmann, GAL. — Brockelmann, *Geschichte der arabischen Litteratur*, Bd I—II, Weimar — Berlin, 1898—1902 Supplementbände I—III, Leiden, 1937—1942; Zweite, den Supplementbänden angepasste Aufl., Bd I—II, Leiden, 1943—1949.

Brockelmann, *Ibn Baṭṭūṭa.* —C. Brockelmann, *Ibn Baṭṭūṭa*, — EI, II, S. 391.

Brockelmann, *Katalog.* — *Katalog der orientalischen Handschriften der Stadtbibliothek zu Hamburg mit Ausschluss der hebräischen.* Teil I. *Die arabischen, persischen. . . Handschriften* beschrieben von C. Brockelmann, Hamburg, 1908.

Brockelmann, *Mitteltürkischer Wortschatz.* — C. Brockelmann, *Mitteltürkischer Wortschatz nach Maḥmūd al-Kāšγarīs Dīvān luγāt at-Turk*, Budapest — Leipzig, 1928 (Bibliotheca Orientalis Hungarica. I).

Browne, *A Literary History.* — E. G. Browne, *A Literary History of Persia*, vol. I. *From the Earliest Times until Firdawsí*, Cambridge, 1902; vol. II. *From Firdawsí to Sa'dí*, Cambridge, 1906; [vol. III]. *A History of Persian Literature under Tartar dominion* (*A. D. 1265—1502*), Cambridge, 1920; [vol. IV]. *A History of Persian Literature in Modern times* (*A. D. 1500—1924*), Cambridge, 1924.

Cahun, *Introduction.*— L. Cahun, *Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405*, Paris, 1896.

Capus, *La musique chez les Khirghizes.* — Capus, *La musique chez les Khirghizes et les Sartes de l'Asie Centrale*, — «Revue d'Ethnographie», Paris, 1885.

Castrén, *Ethnologische Vorlesungen.* — A. Castrén's *Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker nebst samojedischen Märchen und tatarischen Heldensagen.* Hrsg. von A. Schiefner, St.-Pbg., 1857 (Nordische Reisen und Forschungen von Dr. A. Castrén).

Chardin, *Voyages.* — [J. Chardin[, *Voyages du chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient. Enrichis de figures en taille-douce, qui représentent les antiquités et les choses remarquables du païs.* Nouvelle édition, t. I—IV, Amsterdam, 1735.

Chavannes, *Le cycle turc.* — E. Chavannes, *Le cycle turc des douze animaux*, — «T'oung Pao», sér, 2, vol. VII, 1907, pp. 51—122.

Chavannes, *Documents.* — *Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux.* Recueillis et commentés par E. D. Chavannes, St.-Pbg., 1903 (СТОЭ, VI).

Chavannes, *Les livres chinois.* — E. Chavannes, *Les livres chinois avant l'invention du papier*, — JA, sér. 10, t. V, 1905, pp. 5—75.

Chavannes, *Notice.* — E. Chavannes, *Notice sur Gabriel Deveria*, — JA, sér. 9, t. XIV, 1899, pp. 375—387.

Chavannes, *Les pays d'occident.* — E. Chavannes, *Les pays d'occident d'après le Heou Han chou*, — «T'oung Pao», 2 sér., vol. VII, 1907, pp. 149—234.

Chavannes, RHR, t. XLV, [pp. 123—124]. — E. Chavannes, [рец. на:] W. Barthold, *Zur Geschichte des Christentums in Mittel-Asien bis zur mongolischen Eroberung...* Deutsche Bearbeitung... von R. Stübe. Tübingen — Leipzig, [1901], — RHR, t. XLV, 1902, pp. 123—124.

Chavannes — Pelliot, *Un traité*, I—II. — *Un traité Manichéen retrouvé en Chine*, traduit et annoté par Ed. Chavannes et P. Pelliot, pt. I — JA, sér. 10, t. XVIII, 1911, pp. 499—617; pt. II — JA, sér. 11, t. I, 1913, pp. 99—199, 261—394; то же: отд. отт., pt. I—II. Paris, 1911—1913 [I — pp. 1—121, II — pp. 123—360].

Die Chroniken der Stadt Mekka, Bd III. — كتاب الاعلام باعلام بيت الله الحرام *Geschichte der Stadt Mekka und ihres Tempels* von Cuṭb ed-Dîn Muhammed Ben Ahmed el-Nahrawâli. Nach den Handschriften zu Berlin, Gotha und Leyden... hrsg. von F. Wüstenfeld, Leipzig, 1857 (Die Chroniken der Stadt Mekka, Bd III).

Clauson, *A hitherto unknown manuscript.* — G. L. M. Clauson, *A hitherto unknown Turkish manuscript in «Uighur» characters*, — JRAS, 1928, pp. 99—130.

Clauson, *The Muhabbat-nama.* — G. Clauson, *The Muhabbat-nama of Xwārazmi*, — CAJ, vol. VII, 1962, pp. 241—255.

Clauson, *A note on Qapqan.* — G. Clauson, *A note on Qapqan*,— JRAS, 1956, pt 1—2, pp. 73—77.

Clauson, *Turk, Mongol, Tungus.* — G. Clauson, *Turk, Mongol, Tungus*, — AM, NS, vol. VIII, 1960, pt 1, pp. 105—123.

Clauson, *Turkish and Mongolian studies.* — G. Clauson, *Turkish and Mongolian studies*, London, 1962 (Prize Publication Fund, vol. XX).

Codex cumanicus, ed. Kuun. — *Codex cumanicus. Bibliothecae ad templum divi Marci Venetiarum.* Primum ex integro edidit, prolegomenis notis et compluribus glossariis instruxit G. Kuun, Budapestini, 1880; *Additamentorum ad Codicem cumanicum*, Novam Seriem. Scripsit C. G. Kuun, Budapestini, 1883.

Codex Cumanicus, ed. Grønbech.— *Codex Cumanicus. Cod. Marc. lat.* DXLIX. In faksimile hrsg. mit einer Einleitung von K. Grønbech, Kopenhagen, 1936 (Monumenta linguarum Asiae Maioris. I).

Constantinus Porphyrogenitus, *De administrando imperio.* — Constantinus Porphyrogenitus, *De administrando imperio.* Greek text ed. by Gy. Moravcsik, English transl. by R. J. H. Jenkins, Budapest, 1949 (Magyar görög Tanulmanyok, 29).

Cordier, *Histoire.* — H. Cordier, *Histoire générale de la Chine et de ses relations avec le pays étrangers depuis les temps les plus anciens jusqu'à la chute de la dynastie Mandchoue*, vol. I—IV, Paris, 1920.

Cunningham, *Coins of the Kushâns.* — A. Cunningham, *Coins of the Kushâns, or Great Yue-ti*, — NC (III series, № 45), vol. XII, pt I., 1892, pp. 40—89, 97—159.

Cunningham, *Verification.* — A. Cunningham, *Verification of the itinerary of the Chinese pilgrim, Hwan Thsang, through Afghanistan and India, during the first half of the seventh century of the Christian Era*, — JASB, vol. XVII, pt II, 1848, pp. 13—62.

Dabbs, *Discovery.* — J. A. Dabbs, *History of the discovery and exploration of Chinese Turkestan*, The Hague, 1963 (Central Asiatic Studies. A monograph series, devoted to the culture, history, and languages of Central Asia and its peoples. Ed. by K. Jahn and J. R. Krueger, VIII).

Dabry de Thiersant, *Le mahométisme en Chine.* — P. Dabry de Thiersant, *Le mahométisme en Chine et dans le Turkestan Oriental*, t. I—II, Paris, 1878.

Dames, *Afghānistān.* — M. Longworth Dames, *Afghānistān*, — EI, I, S. 155—183.

Dames, *Ghalzai.* — M. Longworth Dames, *Ghalzai*, — EI, II, S. 145—147.

Deguignes, *Histoire générale des Huns.* — J. Deguignes, *Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols, et des autres Tartares occidentaux*, t. I—IV, Paris, 1756—1758.

Denifle, *Die päpstlichen Registerbände.* — H. Denifle, *Die päpstlichen Registerbände des 13. Jhs. und das Inventar derselben von J. 1339*,— ALKG, Bd II, 1886, S. 1—105.

Deny, *Ecriture ouïgoure.* — J. D[eny], *A propos d'un traité de morale turc en écriture ouïgoure*, — RMM, t. LX, 1925, pp. 189—234.

Diez, *Denkwürdigkeiten.* — H. F. Diez, *Denkwürdigkeiten von Asien in Künsten und Wissenschaften, Sitten, Gebräuchen, Alterthümern, Religion und Regierungsverfassung* aus Handschriften und eigenen Erfahrungen gesammelt, T. I—II, Berlin, 1911.

Donner, *Sur l'origine.* — O. Donner, *Sur l'origine de l'alphabet turc du Nord de l'Asie*, — JSFOu, t. XIV, 1896, N 1, pp. 1—71; t. XV, 1896, N 1, pp. 21—46.

Dorn, *Auszüge*, I—IV. — B. Dorn, *Auszüge aus vierzehn morgenländischen Schriftstellern, betreffend das Kaspische Meer und angränzende Länder*, — Mél. As., t. VI, 1873, pp. 627—669 [I]; pp. 685—716 [II]; t. VII, 1876, pp. 19—44 [III]; pp. 53—92 [IV].

Dorn, *Beiträge.* — B. Dorn, *Beiträge zur Geschichte der kaukasischen Länder und Völker, aus morgenländischen Quellen. I. Versuch einer Geschichte der Schirwanschahe. II. Geschichte Schirwans unter den Statthaltern und Chanen von 1538—1820, vorzüglich nach persischen Quellen*, — «Mémoires», VI-e sér., sciences politiques, histoire et philologie, t. IV, 1841, pp. 523—602; t. V, 1845, pp. 317—434.

Dorn, *Catalogue.* — [B. Dorn], *Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale Publique de St. Pétersbourg*, St.-Pbg., 1852.

Dostojevskij, *Barthold.* — M. Dostojevskij, *W. Barthold zum Gedächtnis. Versuch einer Charakteristik*, — WI, Bd XII, 1931, N 3, S. 89—136.

Douglas, *The life.* — [R. K. Douglas], *The life of Jenghiz Khan.* Transl. from the Chinese. With an introduction. By R. K. Douglas, London, 1877.

Du Cange, *Glossarium Graecitatis.* — Carolo du Fresne Du Cange, *Glossarium ad scriptores mediae & infimae Graecitatis. . .*, t. I—II, Lugduni, 1688.

Dubley-Buxton, *Turks.* — L. H. D[ubley]-B[uxton], *Turks*, — EB (ed. 1929), vol. 22, pp. 623—625.

Dunlop, *The history.* — D. M. Dunlop, *The history of the Jewish Khazars*, Princeton, 1954 (Princeton Oriental Series, vol. 16).

Eberhard, *Conquerors and rulers.* — W. Eberhard, *Conquerors and rulers. Social forces in Medieval China.* 2d, rev. ed., Leiden, 1965.

Eckmann, *Die kiptschakische Literatur.* — J. Eckmann, *Die kiptschakische Literatur*, — PhTF, t. II, S. 275—304.

Eckmann, *Die tschaghataische Literatur.* — J. Eckmann, *Die tschaghataische Literatur*, — PhTF, t. II, S. 304—402.

Edkins, *Note.* — J. Edkins, *Note on the Ephthalites A. D. 450*, — JCBRAS, NS, vol. XXII, 1888, pp. 227—229.

Eichhorn, *Materialien.* — N. Eichhorn, *Materialien zum Auftreten iranischer Kulte in China*, — «Die Welt des Orients», Bd II, 1959, H. 5—6, S. 531—541.

Eichwald, *Reise.* — E. Eichwald, *Reise auf dem Caspischen Meere und in den Caucasus. Unternommen in den Jahren 1825—1826*, Bd I—II, Stuttgart und Tübingen, Berlin, 1834—1838.

Elliot, *The History of India.* — H. M. Elliot, *The History of India, as told by its own historians. The Muhammadan period*, vol. I—VIII, London, 1867—1877.

Ethé, *Neupersische Litteratur.* — H. Ethé, *Neupersische Litteratur,* — GIPh, Bd II, S. 212—370.

Fallmerayer, *Geschichte des Trapezunt.* — J. Ph. Fallmerayer, *Original-Fragmente, Chroniken, Inschriften und andere Materiale zur Geschichte des Kaiserthums Trapezunt,* Abt. I—II, Münich, 1827 (ABAW, III Classe, Bd III, Abt. III; Bd IV, Abt. II).

Ferdinand, *Preliminary notes.* — K. Ferdinand, *Preliminary notes on Hazāra culture* (*The Danish scientific mission to Afghanistan 1953—1955*), København, 1959 (Historisk-filosofiske meddelelser udgivet at Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, Bind 37, nr. 5).

Fischel, *Ibn Khaldūn and Tamerlane.* — W. J. Fischel, *Ibn Khaldūn and Tamerlane. Their historic meeting in Damascus, 1401 A. D. (803 A. H.): a study based on arabic manuscripts of Ibn Khaldūn's «Autobiography», with a translation into English, and a commentary,* Berkeley and Los Angeles, 1952.

Fleischer, *Catalogus.* — *Catalogus librorum manuscriptorum qui in Bibliotheca Senatoria Civitatis Lipsiensis asservantur* (*Codices arabici persici turcici* descripti ab H. O. Fleischer), Grimae, 1838.

Foy, *Studien.* — K. Foy, *Studien zur osmanischen Syntax,*— MSOS, Jg. II, 1899, Abt. 2, S. 105—136.

Frähn, *Die ältesten Nachrichten.* — *Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgharen, aus Ibn-Foszlan's Reiseberichte.* Der Text kritisch berichtigt, mit treuer Übersetzung begleitet und den nöthigen Erläuterung versehen von Ch. M. Frähn, — «Mémoires», VI-e sér., sciences politiques, histoire et philologie, t. I, 1832, pp. 527—587.

Frähn, *Arabische Inschrift zu Gelathi.* — Ch. M. Frähn, *Über die Arabische Inschrift des eisernen Thorflügels zu Gelathi. 1833,* — в кн.: E. Eichwald, *Alte Geographie des Caspischen Meeres, des Kaukasus und des südlichen Russlands. Nach Griechischen, Römischen und andern Quellen erläutert,* Berlin, 1838, S. 230—238 (Beilage 2).

Frähn, *Drei Münzen.* — [Ch. M. Frähn], *Drei Münzen der Wolga-Bulgharen aus dem X. Jahrhundert n. Ch. erläutert von Ch. M. Frähn,* — «Mémoires», VI-e sér., sciences politiques, histoire et philologie, t. I, 1832, pp. 171—204.

Frähn, *Ibn-Foszlan's Berichte.* — *Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit.* Text und Übersetzung mit kritisch-philologischen Anmerkungen; nebst drei Beilagen über sogenannte Russen-Stämme und Kiew, die Warenger und das Warenger-Meer und das Land Wisu, ebenfalls nach arabischen Schriftstellern, von Ch. M. Frähn, St.-Pbg., 1823.

Frähn, *Die Inschriften von Derbend.* — *Die Inschriften von Derbend,* erklärt von Ch. M. Frähn. 1827, — в кн.: E. Eichwald, *Reise auf dem Caspischen Meere und in den Kaukasus,* Bd II, 1. Abt., Stuttgart, 1838, S. 204—229, (Beilage 1).

Frähn, *Opusculorum postumorum, I—II.* — Ch. M. Fraehnii *Opusculorum postumorum,* Pars I—II. Edidit B. Dorn, Petropoli, 1855—1877. [Pars prima. *Nova supplementa ad recensionem Numorum Muhammedanorum Academiae imp. Scient. Petropolitanae. Additamentis editoris aucta subjunctis eusdem de Fraehnii vita, operibus impressis et bibliotheca relationibus,* 1855; Pars secunda. *Adnotationes in varia Opera numismatica continens,* 1877.]

Frähn, *Veteres memoriae.* — Ch. M. Frähn, *Veteres memoriae ex Ibn-Foszlano, Ibn-Haukal et Schems-ed-dino Damasceno. Arabice et latine,* — «Mémoires», V-e sér., t. VIII, 1822, pp. 577—620.

Fragmenta. — *Fragmenta historicorum arabicorum.* T. I, *continens partem tertiam operis Kitâbo 'l-Oyun wa'l-hadâïk fi akhbâri 'l-hakâïk,* quem ediderunt M. J. de Goeje et P. de Jong; t. II, *continens partem sextam operis Tadjaribo 'l-Omami,* auctore Ibn Maskowaih, cum indicibus et glossario, quem edidit M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1869—1871.

Franke, *Beiträge*. — O. Franke, *Beiträge aus chinesischen Quellen zur Kenntnis der Türkvölker und Skythen Zentralasiens*, Berlin, 1904 (Aus dem Anhang zu d. APAW vom Jahre 1904).

Franke, *Geschichte*. — O. Franke, *Geschichte des chinesischen Reiches*, Bd. I—II, Berlin, 1936—1937.

Freytag, *Lexicon*. — G. W. Freytagii *Lexicon arabico-latinum praesertium ex Djeuharii Firuzabadiique et aliorum Araborum operibus adhibitis Golii quoque et aliorum libris confectum. Accedit index vocum latinorum locupletissimus*, t. 1—4, Halis Saxonum, 1830—1837.

Gabain, *Alttürkische Datierungsformen*. — A. v. Gabain, *Alttürkische Datierungsformen*, — UAJ, Bd XXVII, 1955, H. 3—4, S. 191—203.

Gabain, *Alttürkische Grammatik*. — A. v. Gabain, *Alttürkische Grammatik*. Mit Bibliographie, Lesestücken und Wörterverzeichnis, auch Neutürkisch, 2. verb. Aufl., Leipzig, 1950 (Porta linguarum orientalium, XXIII).

Gabain, *Alttürkische Schreibkultur*. — A. v. Gabain, *Alttürkische Schreibkultur und Druckerei*, — PhTF, t. II, S. 171—191.

Gabain, *Komanische Literatur*.— A. v. Gabain, *Die komanische Literatur*, — PhTF, t. II, S. 243—251.

Gabain, *Die Sprache des Codex Cumanicus*. — A. v. Gabain, *Die Sprache des Codex Cumanicus*, — PhTF, t. I, S. 46—73.

Gabain, *Das uigurische Königreich*. — A. v. Gabain, *Das uigurische Königreich von Chotscho. 850—1250*, Berlin, 1961 (SBAW Berl., Jg. 1961, № 5).

Gabelentz, *Ueber die Sprache der Hazâras*. — H. C. von der Gabelentz, *Ueber die Sprache der Hazâras und Aimaks*, — ZDMG, Bd XX, 1866, S. 326—335.

Gauthiot, *Essai*. — R. Gauthiot, *Essai de Grammaire Sogdienne*, avec préface de A. Meillet. Première partie. *Phonétique*, Paris, 1914—1923 (Mission Pelliot en Asie Centrale. Série petit in-octavo, t. I).

Gibb, *The Arab conquests*. — H. A. R. Gibb. *The Arab conquests in Central Asia*, London, 1923 (James G. Forlong Fund, vol. II).

Giles, *Chinese geographical text*. — L. Giles, *A Chinese geographical text of the ninth century*, — BSOS, vol. VI, pt 4, 1930, pp. 825—846.

de Goeje, *De Muur*.— M. J. de Goeje, *De Muur van Gog en Magog*,— VMAW, 3 Reeks, Deel V, 1888, S. 87—124.

Goldziher, *Aus der Theologie*. — I. Goldziher, *Aus der Theologie des Fachr al-dīn al-Rāzī*,— DI, Bd III, 1912, S. 213—247.

Goldziher, *Muhammedanische Studien*. — I. Goldziher, *Muhammedanische Studien*, T. I—II, Halle, 1888—1890.

Gombosz, *Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter*. — Z. Gombosz, *Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache*, Helsinki, 1912 (MSFOu, XXX).

Gordlevsky, *Choğa Aḥmed Jasevi*. — W. Gordlevsky, *Choğa Aḥmed Jasevi*, — «Festschrift G. Jacob», S. 57—67.

Grønbech, *Komanisches Wörterbuch*. — K. Grønbech, *Komanisches Wörterbuch. Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus*, Kopenhagen, 1942 (Monumenta linguarum Asiae Maioris. Subsidia. Vol. I).

de Groot, *Die Hunnen der vorchristlichen Zeit*. — *Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens*. 1. T. Übers. und erläutert von J. J. M. de Groot, Berlin — Leipzig, 1921.

Grünwedel, *Bericht*. — A. Grünwedel, *Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902—1903*, München, 1905 (ABAW, I. Klasse, Bd XXIV, Abt. 1).

Gutschmid, *Bemerkungen*. — A. v. Gutschmid, *Bemerkungen zu Tabarîs Sasanidengeschi-*

chte, übersetzt von Th. Nöldeke, — в кн.: A. v. Gutschmid, *Kleine Schriften*, Bd III, Leipzig, 1892, S. 134—172.

Gutschmid, *Geschichte Irans.* — A. v. Gutschmid, *Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden...* Mit einem Vorwort von Th. Nöldeke, Tübingen, 1888.

Györffy, *Die Rolle des buyuruq.* — G. Györffy, *Die Rolle des buyuruq in der alttürkischen Gesellschaft,* — AO Bud., t. XI, 1960, S. 169—179.

Hamilton, *Les Ouïghours.* — J. R. Hamilton, *Les Ouïghours à l'époque des Cinq dynasties d'après les documents chinois,* Paris, 1955 (Bibliothèque de l'Institut des hautes études chinoises. Vol. X).

Hamilton, *Toquz-oγuz.* — J. Hamilton, *Toquz-oγuz et on-uyγur,* — JA, t. CCL, 1962, pp. 23—63.

Hammer-Purgstall, *Geschichte der Chane der Krim.* — [J.] Hammer-Purgstall, *Geschichte der Chane der Krim unter osmanischer Herrschaft. Aus türkischen Quellen zusammengetragen mit der Zugabe eines Gasels Schahingerai's. Als Anhang zur Geschichte des osmanischen Reiches,* Wien, 1856.

Hammer-Purgstall, *Geschichte der Goldenen Horde.* — J. Hammer-Purgstall, *Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland,* Pesth, 1840.

Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches.* — J. v. Hammer, *Geschichte des Osmanisches Reiches grossentheils aus bisher unbenützten Handschriften und Archiven.* 2. verb. Ausg., Bd I—IV, Pest, 1834—1836.

Hančar, *Das Pferd.* — F. Hančar, *Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit,* Wien—München, 1956 (Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik, Bd II).

Hansen, *Zur soghdischen Inschrift.* — O. Hansen, *Zur soghdischen Inschrift auf dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgasun,* — JSFOu, vol. XLIV, 1930, pt. 3, pp. 3—39.

M. Hartmann, *Das Buchwesen in Turkestan.* — M. Hartmann, *Das Buchwesen in Turkestan und die türkischen Drucke der Sammlung Hartmann,* — MSOS, Jg. VII, 1904, Abt. 2, S. 69—103.

M. Hartmann, *Der čaghataische Diwan.* — M. Hartmann, *Der čaghataische Diwan Hüwēdā's,* — MSOS, Jg. V, 1902, Abt. 2, S. 132—155.

M. Hartmann, *Chinesisch-Turkestan.* — M. Hartmann, *Chinesisch-Turkestan,* Halle, 1908.

M. Hartmann, *Der islamische Orient.* — M. Hartmann, *Der islamische Orient.* Berichte und Forschungen, Bd I, Berlin, 1905; Bd II, *Die arabische Frage mit einem Versuche der Archäologie Jemens,* Leipzig, 1909; Bd III, *Unpolitische Briefe aus der Türkei,* Leipzig, 1910.

M. Hartmann, *Die metrische Form.* — M. Hartmann, *Die metrische Form des Qudatqu Bilik,* — OLZ, Bd V, 1902, Sp. 349—351.

M. Hartmann, OLZ, 1903, № 5, 6. — M. Hartmann, [рец. на:] W. Barthold, Turkestan w epochu mongolskago našestwija (Turkestan zur Zeit des Mongoleninfalls). I. Texte. II. Untersuchungen, — OLZ, Jg. VI, 1903, № 5, Sp. 207—213; № 6, Sp. 246—249.

M. Hartmann, *Qusaij.* — M. Hartmann, *Qusaij,* — ZA, Bd XXVII, 1912, S. 43—49.

R. Hartmann, *Baibars II.* — R. Hartmann, *Baibars II,* — EI, II, S. 613—614.

R. Hartmann, *Balkh.* — R. Hartmann, *Balkh,* — EI, I, S. 647—648.

R. Hartmann, *al-Furāt.* — R. Hartmann, *al-Furāt* [*Euphrat*], — EI, II, S. 124—126.

Haussig, *Quelle.* — H. W. Haussig, *Die Quelle über die zentralasiatische Herkunft der europäischen Awaren,* — CAJ, vol. II, 1956, pp. 21—43.

Henning, *The date.* — W. B. Henning, *The date of the Sogdian Ancient Letters,* — BSOAS, vol. XII, pt 3—4, 1948, pp. 601—615.

Henning, *Mitteliranisch.* — W. B. Henning, *Mitteliranisch,* — HOr, Abt. I, Bd IV. Iranistik, Abschnitt 1. Linguistik, Leiden — Köln, 1958, S. 20—130.

d'Herbelot, *Bibliothèque orientale.* — [B.] d'Herbelot, *Bibliothèque orientale, ou Dictionnaire universel contenant généralement Tout ce qui regarde la connoissance des peuples de l'Orient. . .*, Paris, 1697.

d'Herbelot, *Bibliothèque orientale* (1777). — [B.] d'Herbelot, *Bibliothèque orientale, ou dictionnaire universel contenant tout ce qui fait connoître les peuples de l'Orient. . .*, t. I—IV, La Haye, 1777—1779.

Herrmann, *Seidenstraßen.* — A. Herrmann, *Die alten Seidenstraßen zwischen China und Syrien. Beiträge zur alten Geographie Asiens*, I. Abt., Berlin, 1910 (Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie. Hrsg. von W. Sieglin, H. 21).

Hertzberg, *Geschichte der Byzantiner.* — G. F. Hertzberg, *Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches bis gegen Ende des sechzehnten Jahrhundert*, Berlin, 1833.

Herzfeld, *Archeologische Mitteilungen*, V. — *Archeologische Mitteilungen aus Iran*, hrsg. von. E. Herzfeld, Bd V, Berlin, 1933.

Herzfeld, *Khorasan.* — E. Herzfeld, *Khorasan. Denkmalsgeographische Studien zur Kulturgeschichte des Islam in Iran*, — DI, Bd XI, 1921, S. 107—174.

Hirth, *The ancient history.* — F. Hirth, *The ancient history of China to the end of the Chóu dynasty*, New York, 1911.

Hirth, *China and the Roman Orient.* — F. Hirth, *China and the Roman Orient: researches into their ancient and mediaeval relations as represented in old Chinese records*, Leipsic and Munich, 1885.

Hirth, *The mystery of Fu-lin.* — F. Hirth, *The mystery of Fu-lin*,— JAOS, vol. XXX, 1909, pp. 1—31; vol. XXXIII, 1913, pp. 193—208.

Hirth, *Nachworte.* — F. Hirth, *Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen*, — в кн.: W. Radloff, *Die alttürkischen Insçriften der Mongolei*, Zweite Folge, St.-Pbg., 1899, S. 1—140 (разд. паг.).

Hirth, *Sinologische Beiträge.* — F. Hirth, *Sinologische Beiträge zur Geschichte der Türk-Völker. 1. Die Ahnentafel Attila's nach Johannes von Thurocz*, — ИАН, сер. V, т. XIII, № 2, 1900, стр. 221—261; то же: Mél. As., t. XI, 1901, pp. 571—611.

Hirth, *Ueber die chinesischen Quellen.* — F. Hirth, *Ueber die chinesischen Quellen zur Kenntniss Centralasien unter der Herrschaft der Sassaniden etwa in der Zeit 500 bis 650*, — WZKM, Bd X, 1896, S. 225—241.

Hirth, *Ueber Wolga-Hunnen.* — F. Hirth, *Ueber Wolga-Hunnen und Hiung-nu*, — SBAW München, Bd II, 1899, S. 245—278.

Houtsma, *Ein alttürkisches Gedicht.* — M. Th. Houtsma, *Ein alttürkisches Gedicht*, — ZDMG, Bd XLIII, 1889, S. 69—98.

Houtsma, GGA, 1899, N 5 [S. 384—390].— M. Th. Houtsma, [рец. на:] Marquart J., Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. . . Leipzig, 1898, — GGA, 1899, № 5, S. 384—390.

Houtsma, *Die Ghuzenstämme.* — M. Th. Houtsma, *Die Ghuzenstämme*, — WZKM, Bd II, 1888, S. 219—233.

Howorth, *History of the Mongols.* — H. H. Howorth, *History of the Mongols from the 9th to the 19th century*, pt I. *The Mongols proper and the Kalmuks*; pt II. *The so-called Tartars of Russia and Central Asia.* Division I—II; pt III. *The Mongols of Persia*; pt IV. *Supplement*, London, 1876—1927.

Howorth, *The northern frontagers*, pt VIII. — H. H. Howorth, *The northern frontagers of China*, pt VIII, *The Kirais and Prester John*, — JRAS, 1899, pp. 361—432.

Hrbek, *Arabico-slavica*, I. — J. Hrbek, *Arabico-slavica, I. Abū Hamid al-Andalusi und sein Werk «Mu'rib»*, — AOr, t. XXIII, 1955, str. 109—135.

Huart, *'Abbās Mīrzā.* — C. Huart, *'Abbās Mīrzā*, — EI, I, S. 13.

Huart, *Abū 'l-Ghāzī.* — C. Huart, *Abū 'l-Ghāzī Behādur Khān*,— EI, I, S. 92.

Huart, *Aḳ-Ḳoyunlu.* — C. Huart, *Aḳ-Ḳoyunlu*, — EI, I, S. 237.

Huart, *Bāber.* — C. Huart, *Bāber*, — EI, I, S. 569.

Huart, *Bulgarien.* — C. Huart, *Bulgarien,* — EI, I, S. 818—819.
Huart, *Diyār Bekr.* — C. Huart, *Diyār Bekr,* — EI, I, S. 1024.
Huart, *Fatḥ-ʻAlī-Shāh,* — C. Huart, *Fatḥ-ʻAlī-Shāh,* — EI, II, S. 87—88.
Huart, *Ḳara-Ḳoyunlu.* — C. Huart, *Ḳara-Ḳoyunlu,* — EI, II, S. 793—794.

Ivanov, *Notes.* — W. Ivanov, *Notes on the ethnology of Khurasan,* — GJ, vol. LXVII, 1926, № 2, pp. 143—161.

Jenkinson, *Reys.* — [A. Jenkinson], *Reys van Anthony Jenkinson, Op Orde van de Engelse, Moscovise Maat-schappy, om een weg door Tartarie naar Catay.* Te ontdekken, in het Jaar 1558. . ., Leyden, 1707.
Jensen, *Die Schrift.* — H. Jensen, *Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart.* 2. neubearb. und erweit. Aufl., Berlin, 1958.
Jisl, *Vorbericht.* — J. Jisl, *Vorbericht über archäologische Erforschung des Jahres 1958,* — UAJ, Bd XXXII, 1960, H. 1—2, S. 65—77.
Jorga, *Geschichte des Osmanischen Reiches.* — N. Jorga, *Geschichte des Osmanischen Reiches. Nach den Quellen dargestellt,* Bd I—V, Gotha, 1908—1913 (Allgemeine Staatengeschichte. I. Abt. Geschichte der europäischen Staaten. 37. Werk).
Julien, *Documents historiques.* — *Documents historiques sur les Tou-kioue (Turcs), extraits du Pien-i-tien, et traduits du chinois,* par S. Julien, — JA, sér. 6, t. IV, 1864, pp. 200—242, 391—430, 453—477.
Julien, *Mélanges.* — S. Julien, *Mélanges de géographie asiatique,* t. I, Paris, 1864.
Justi, *Iranisches Namenbuch.* — F. Justi, *Iranisches Namenbuch,* Marburg, 1895.

Karutz, *Unter Kirgisen.*— R. Karutz, *Unter Kirgisen und Turkmenen. Aus dem Leben der Steppe,* Berlin, [S. a.] (Wege zum Wissen, [14]).
Kastren, *Versuch.*— A. Kastren, *Versuche iner jennissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen ausgennanten Sprachen,* St.-Pbg, 1858.
Kiessling, *Hunni.* — Kiessling, *Hunni,* — PW, Bd VIII, T. 2, 1913, Sp. 2583—2615.
Kirsch, *Chrestomathia Syriaca.* — Georgii Guilielmi Kirschii *Chrestomathia Syriaca cum Lexico.* Denuo edidit Georgius Henricus Bernstein. Pars prior. Chrestomathia ex codicibus manuscriptis emendata et aucta, Lipsiae, 1832; pars posterior. Lexicon penitus novatum: Lexicon Syriacum Chrestomathiae Kirschianae denuo editae accommodatum a G. H. Bernstein, Lipsiae, 1836.
Klaproth, *Abhandlung.* — *Abhandlung über die Sprache und Schrift der Uiguren. Nebst einem Wörterverzeichnisse und anderen uigurischen Sprachproben, aus dem Kaiserlichen Übersetzungshofe zu Peking.* Hrsg. von J. Klaproth, Paris, 1820.
Klaproth, *Inscriptions de Bolghari.* — J. Klaproth, *Notice et explication des Inscriptions de Bolghari,* — JA, sér. 2, t. VIII, 1831, pp. 483—503.
Kljachtornij, *A propos des mots.* — S. G. Kljachtornij, *A propos des mots Soγd bärčäkär buqaraq ulus de Kultéghin,* — CAJ, vol. III, 1958, № 4, pp. 245—251.
Kljaštornyj, *Die chinesischen Nachrichten.*— S. Kljaštornyj, *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken,* — UAJ, Bd XXXIV, 1962, H. 1—2, S. 155—156.
Komroff, *Contemporaries of Marco Polo.* — *Contemporaries of Marco Polo consisting of the travel record to the eastern parts of the world of William of Rubruck (1253—1255), the journey of John of Plan de Carpini (1245—1247) and the journal of friar Odoric (1318—1330),* ed. by M. Komroff, London, 1929 (Travellers Library, № 123).
Köprülü, *Çagatay edebiyatı.* — F. Köprülü, *Çagatay edebiyatı,* — İA, c. 3, ss. 270—323.
Köprülü, *Kay kabîlesi.* — M. F. Köprülü, *Kay kabîlesi hakkında yeni notlar,* — TTKB, VIII, 1944, S. 421—435.

Köprülü, *La métrique.* — M. F. Köprülü, *La métrique arūẓ dans la poésie turque,* — PhTF, t. II, pp. 252—266.

Köprülü, *Türk dili ve edebiyatı.* — M. F. Köprülü, *Türk dili ve edebiyatı hakkında araştırmalar,* İstanbul, 1934.

Köprülüzade, *Oğuz.* — M. F. Köprülüzade, *Oğuz etnolojisine dair tarihi notlar,* — TM, I, 1925, S. 185—212.

Köprülü-Zade, *Sakkākī.* — F. Köprülü-Zade, *Sakkākī,* — EI, IV, S. 87.

Köprülü-Zade, *Salur.* — F. Köprülü-Zade, *Salur,* — EI, IV, S. 127—128.

Kotwicz, *Les tombeaux.* — W. Kotwicz, *Les tombeaux dits «kereksur» en Mongolie,* — RO, t. VI, 1929, str. 1—11.

Kotwicz—Samoïlovitch, *Le monument turc.* — W. Kotwicz et A. Samoïlovitch, *Le monument turc d'Ikhe-khuchotu en Mongolie centrale,* — RO, t. IV, 1928, str. 60—107. [I. *Description du monument.* — W. Kotwicz (str. 60—92); II. *Essai de déchiffrement de l'épitaphe* — A. Samoïlovitch (str. 92—107).]

Kramers, *Kirmān.* — J. H. Kramers, *Kirmān,* — EI, II, S. 1105—1110.

Kramers, *Mamlūken.* — J. H. Kramers, *Mamlūken,* — EI, III, S. 235—241.

Kremer, *Mittelsyrien.* — A. v. Kremer, *Mittelsyrien und Damascus. Geschichtliche, ethnografische und geografische Studien während eines Aufenthaltes daselbst in den Jahren 1849, 1850 u. 1851,* Wien, 1853.

Kuan-ši-im-Pusar. — *Kuan-ši-im Pusar. Eine türkische Übersetzung des XXV. Kapitels der chinesischen Ausgabe des Saddharmapuṇḍarīka.* Hrsg. und übersetzt von W. Radloff, St.-Pbg., 1911 (Bibliotheca Buddhica. XIV).

Kurat, *Kuteybe.* — A. N. Kurat, *Kuteybe bin Müslim'in Hᵛarizm ve Semerkand'i zabti,* — AÜDTCFD, c. VI, 1948, № 4, ss. 387—430.

Land, *Anecdota syriaca* — см. Захария Ритор, изд. Ланда.

Langlès, *Notice.* — [L.] Langlès, *Notice des livres Tatars-Mantchoux de la Bibliothèque nationale. Première partie. Dictionarium Latino-Sinico-Mantchou* [*Dictionnaire Latin, Chinois et Mantchou*]; *3 vol. in-fol* (*Tatar, № 1*). — Notices et extraits, t. V, An VII [1798/99], pp. 581—606.

Le Coq, *Chuastuanift.* — A. v. Le Coq, *Chuastuanift, ein Sündenbekenntnis der manichäischen Auditores. Gefunden in Turfan* (*Chinesisch-Turkistan*), Berlin, 1911 (Aus dem Anhang zu den APAW, 1910).

Le Coq, *Kurze Einführung.* — A. v. Le Coq, *Kurze Einführung in die uigurische Schriftkunde,* — MSOS, Jg. XXII, 1919, S. 93—109.

Le Coq, *Sprichwörter und Lieder.* — A. v. Le Coq, *Sprichwörter und Lieder aus der Gegend von Turfan. Mit einer dort aufgenommenen Wörterliste,* Leipzig—Berlin, 1911 (Baessler-Archiv, Beiheft I).

Leech, *A vocabulary.* — R. Leech, *Epitome of the grammars of the Brahuiky, the Balochky and the Panjábi languages, with vocabularies of the Baraky, the Pashi, the Laghmani, the Cashgari, the Teerhai, and the Deer dialects,* — JASB, vol. VII, 1838, pp. 538—556, 608—620, 711—732, 780—787 [*A vocabulary of the language of the Moghal Aimaks*: pp. 785—787].

Lerch, *Khiwa.* — P. Lerch, *Khiwa oder Kharezm. Seine historischen und geographischen Verhältnisse,* St.-Pbg., 1873.

Lexicon Šahnâmianum. — 'Abdulqâdiri Baġdâdensis *Lexicon Šahnâmianum cui accedunt eiusdem auctoris in Lexicon Šâhidianum commentariorum turcici particula prima, arabici excerpta.* Ad fidem codicum manuscriptorum recensuit annotationibus indicibus instruxit edidit C. Salemann, t. I, pars 1, *Lexicon Šahnâmianum continens,* Petropoli, 1895.

Ligeti, *A propos des éléments «altaiques».* — L. Ligeti, *A propos des éléments «altaiques» de la langue hongroise,* — ALH, t. XI, 1961, pp. 15—42.

Liu Mau-tsai, *Die chinesischen Nachrichten.* — Liu Mau-tsai, *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken* (*T'u-küe*), Buch I, Texte; Buch II, Anmerkungen. Anhänge. Index, Wiesbaden, 1958 (Göttinger asiatische Forschungen, Bd 10).

Macartney, *On the Greek sources.* — C. A. Macartney, *On the Greek sources for the history of the Turks in the sixth century,* — BSOAS, vol. XI, pt 2, 1944, pp. 266—275.

Manandian, *Beiträge.* — A. Manandian, *Beiträge zur albanischen Geschichte.* Inaugural Dissertation. . ., Leipzig, 1887.

Mansuroğlu, *Das Karachanidische.* — M. Mansuroğlu, *Das Karachanidische,* — PhTF, t. II, S. 87—112.

Margoliouth, *al-Buḥturī.* — D. S. Margoliouth, *al-Buḥturī,* — EI, I, S. 805—807.

Marquart, *Analekten.* — J. Marquart, *Kultur- und sprachgeschichtliche Analekten,* — UJ, Bd IX, H. 1, 1929, S. 68—103.

Marquart, *Die Chronologie.* — J. Marquart, *Die Chronologie der alttürkischen Inschriften,* Leipzig, 1898.

Marquart, *Ein arabischer Bericht.* — J. Marquart, *Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Länder aus dem 10. Jahrhundert,* — UJ, Bd IV, 1924, H. 3—4, S. 261—334.

Marquart, *Ērānšahr.* — J. Marquart, *Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i,* Berlin, 1901 (AKGWG, N. F., Bd III, № 2).

Marquart, *Ǧuwainī's Bericht.* — J. Marquart, *Ǧuwainī's Bericht über die Bekehrung der Uiguren,* — SBAW Berl., Bd XXVII, 1912, S. 486—502.

Marquart, *Historische Glossen.* — J. Marquart, *Historische Glossen zu den alttürkischen Inschriften,* — WZKM, Bd XII, 1898, S. 157—200.

Marquart, *Komanen.* — J. Marquart, *Über das Volkstum der Komanen,* — в кн.: W. Bang und J. Marquart, *Osttürkische Dialektstudien,* Berlin, 1914 (AKGWG, N. F., Bd XIII, № 1), S. 25—238.

Marquart, *Die nichtslawischen Ausdrücke.* — J. Marquart, *Die nichtslawischen (altbulgarischen) Ausdrücke in der Bulgarischen Fürstenliste,* — «T'oung Pao», [2 sér.], vol. XI, 1910, pp. 649—680.

Marquart, *Skizzen.* — J. Marquart, *Skizzen zur geschichtlichen Völkerkunde von Mittelasien und Sibirien,* — «Festschrift für Friedrich Hirth zu seinem 75. Geburtstag 16. April 1920», Berlin, 1920 (OAZ, Jg. 8), S. 289—299.

Marquart, *Streifzüge.* — J. Marquart, *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840—940),* Leipzig, 1903.

Marvin, *Merv.* — Ch. Marvin, *Merv, the queen of the World and the scourge of the man stealing turcomans with an exposition of the Khorassan question,* London, 1881.

Maspero, *Le royaume de Champa,* I—II.— G. Maspero, *Le royaume de Champa,* — «T'oung Pao», [2 sér.] [I] — t. XI, 1910, pp. 125—136, 165—220, 319—350, 489—526, 547—566; [II] — t. XII, 1911, pp. 53—87, 236—258, 291—315, 451—482, 589—626.

Melioranskij, *Aḥmed Jesewī.* — P. Melioranskij, *Aḥmed Jesewī,* — EI, I, S. 217.

Menges, *Der Titel,* — K. H. Menges, *Der Titel* كورخان *der Qara-Qytaj,* — UAJ, Bd XXIV, H. 3—4, 1952, S. 84—88.

Mikkola, *Die Chronologie.* — J. J. Mikkola, *Die Chronologie der Türkischen Donaubulgaren,* — JSFOu, t. XXX, № 3, 1914, pp. 1—25.

Minorsky, *Lur-i Buzurg.* — V. Minorsky, *Lur-i Buzurg,* — EI, III, S. 50—52.

Minorsky, *Sāwa.* — V. Minorsky, *Sāwa,* — EI, IV, S. 195—197.

Minorsky, *Tabrīz.* — V. Minorsky, *Tabrīz,* — EI, IV, S. 631—642.

Minorsky, *Tamīm.* — V. Minorsky, *Tamīm ibn Baḥr's journey to the Uyghurs,* — BSOAS, vol. XII, pt 2, 1948, pp. 275 — 305.

Minorsky, *Tāt.* — V. Minorsky, *Tāt,* — EI, IV, S. 755—759.
Minorsky, *The Turkish dialect.* — V. Minorsky, *The Turkish dialect of the Khalaj,* — BSOAS, vol. X, pt 2, 1942, pp. 417—437.
Moravcsik, *Byzantinoturcica.* — G. Moravcsik, *Byzantinoturcica,* 2. Aufl., Bd I—II, Berlin, 1958.
Mordtmann, *Dhu 'l-Ḳadr.* — J. H. Mordtmann, *Dhu 'l-Ḳadr,* — EI, I, S. 1000—1002.
Mostaert—Cleaves, *Les lettres.* — A. Mostaert et F. W. Cleaves, *Les lettres de 1289 et 1305 des ilkhan Arγun et Öljeitü à Philippe le Bel,* Cambridge, Mass., 1962 (Harvard-Yenching Institute. Scripta mongolica. Monograph series. I).
Müllenhoff, *Deutsche Altertumskunde.* — K. Müllenhoff, *Deutsche Altertumskunde,* Bd I—V, Berlin, 1870—1900 [Bd III, 1892].
A. Müller, *Der Islam.* — A. Müller, *Der Islam im Morgen- und Abendland,* Bd I—II, Berlin, 1885—1887.
F. Müller, *Ein Doppelblatt.* — F. W. K. Müller, *Ein Doppelblatt aus einem manichäischen Hymnenbuch (Maḥrnâmag),* — APAW, 1912, Abh. V, S. 1—40.
F. Müller, *Ein iranisches Sprachdenkmal.* — F. W. Müller, *Ein iranisches Sprachdenkmal aus der nördlichen Mongolei,* — SBAW Berl., Bd XXVII, 1909, S. 726—730.
F. Müller, *Uigurica.*— F. W. K. Müller, *Uigurica,* [I], Berlin, 1908 (aus den APAW, 1908); II, Berlin, 1911 (aus den APAW, 1910); III. *Uigurische Avadāna-Bruchstücke (I—VIII),* Berlin, 1922 (aus den APAW, 1920, Nr. 2); IV, Berlin, 1931 (aus den SBAW Berl., 1931, XXIV).

Németh, *A Turkish word in Curtius Rufus?* — J. Németh, *A Turkish word in Curtius Rufus?* — «Hirth anniversary volume», London, 1922 (AM, Introductory volume), pp. 274—279.
Nöldeke, DI, Bd XIV [S. 156—158]. — Th. Nöldeke, [рец. на:] Hans Dernschwam's Tagebuch einer Reise nach Konstantinopel und Kleinasien (1553/55) nach der Urschrift im Fugger-Archiv hrsg. und erläutert von F. Babinger, München und Leipzig, 1923 (Studien zur Fugger-Geschichte, hrsg. von J. Strieder. H. 7),— DI, Bd XVI, 1925, S. 156—158.
Nöldeke, *Geschichte der Perser und Araber. . .* — см. Табари, пер. Нёльдеке.
Nöldeke, *Orientalische Skizzen.* — Th. Nöldeke, *Orientalische Skizzen,* Berlin, 1892.
Nöldeke, ZDMG, Bd XLIV [S. 520—528]. — Th. Nöldeke, [рец. на:] Syrisch-nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie, herausgegeben und erklärt von D. Chwolson. . ., St.-Pbg., 1890, — ZDMG, Bd XLIV, 1890, S. 520—528.
Nöldeke, ZDMG, Bd XLVI [S. 761—768]. — Th. Nöldeke, [рец. на:] Siasset Naméh. . . Texte persan édité par Charles Schefer. Paris, 1891, — ZDMG, Bd XLVI, 1892, S. 761—768.
Nöldeke, ZDMG, Bd LVI [S. 427—436]. — Th. Nöldeke, [рец. на:] Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenacʻi. . . von J. Marquart, Berlin, 1901 (AKGWG, Phil—hist. Klasse, NF, Bd III, № 2), — ZDMG, Bd LVI, 1902, S. 427—436.
Nöldeke, *Zur Ausbreitung.* — Th. Nöldeke, *Zur Ausbreitung des Schiitismus,* — DI, Bd XIII, 1923, S. 70—81.

O'Donovan, *The Merv Oasis.* — E. O'Donovan, *The Merv Oasis. Travels and adventures east of the Caspian during the years 1879—80—81 including five months' residence among the Tekkés of Merv,* vol. I—II, London, 1882.
d'Ohsson, *Histoire des Mongols.* — C. d'Ohsson, *Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-khan jusqu'à Timour bey ou Tamerlan,* t. I—IV, La Haye et Amsterdam, 1834—1835; ed. 2: 1852; ed 3: 1892; reprint: Tientsin, 1940.
Olearius. — Adam Olearii *Ausführliche Beschreibung der kundbaren Reyse nach Muscow und Persien. . .,* 4. Aufl., Schleswig, 1671.

Oppert, *Presbyter Johannes.* — G. Oppert, *Der Presbyter Johannes in Sage und Geschichte. Ein Beitrag zur Völker- und Kirchenhistorie und zur Heldendichtung des Mittelalters*, Berlin, 1864; 2. Aufl.: 1870.

Orkun, *Yazıtları.* — H. N. Orkun, *Eski türk yazıtları*, c. I—IV, İstanbul, 1936—1941.

Pahlavi texts. — *Pahlavi texts.* Translated by E. W. West, pt I—III, Oxford, 1880—1882—1885 (SBE, vol. V, XVIII, XXIV).

Parker, *Some new facts.* — E. H. Parker, *Some new facts about Marco Polo's book* [рец. на:] «The Book of Ser Marco Polo». 3d ed., revised by H. Cordier, with a memoir of H. Yule by his daughter, London, 1903. — AQR, 3d series, vol. XVII, № 33—34, 1904, pp. 125—149.

Parker, *A thousand years.* — E. H. Parker, *A thousand years of the Tartars*, Shanghai—Hongkong, 1895.

Parker, *The Turko-Scythian tribes.* — E. H. Parker, *The Turko-Scythian trybes*, — «China Review», vol. XX, 1892—1893, № 1, pp. 1—24; № 2, pp. 109—125.

Pauthier, *Inscription nestorienne.* — G. Pauthier, *De l'authenticité de l'inscription nestorienne de Si-ngan-fou relative à l'introduction de la religion chrétienne en Chine dès le VIIe siècle de notre ère*, Paris, 1857 (Études orientales, № 1).

Pauthier, *Inscription syro-chinoise.* — *L'inscription syro-chinoise de Si-ngan-fou, monument nestorien élevé en Chine l'an 781 de notre ère, et découvert en 1625; Texte chinois accompagné de la prononciation figurée, d'une version latine verbale, d'une traduction française de l'Inscription et des commentaires chinois auxquels elle a donné lieu, ainsi que de notes philologiques et historiques* par G. Pauthier, Paris, 1858 (Études orientales, № 2).

Pelliot, *A propos des Comans.* — P. Pelliot, *A propos des Comans*, — JA, sér, 11, t. XV, 1920, pp. 125—185.

Pelliot, *Le «Cha tcheou tou [tou] fou t'ou king».* — P. Pelliot, *Le «Cha tcheou tou [tou] fou t'ou king» et la colonie sogdienne de la région du Lob Nor*, — JA, sér, 11, t. VII, 1916, pp. 111—123.

Pelliot, *Chrétiens.* — P. Pelliot, *Chrétiens d'Asie centrale et d'Extrême-Orient*, — «T'oung Pao», vol. XV, 1914, pp. 623—644.

Pelliot, *Les Mongols et la Papauté.* — P. Pelliot, *Les Mongols et la Papauté. Documents nouveaux édités, traduits et commentés*, — ROC, sér. 3, t. III (XXIII), 1922—1923, № 1—2, pp. 3—30; t. IV (XXIV), 1924, № 3—4, pp. 225—335; t. VIII (XXVIII), 1932, № 1—2, pp. 3—84.

Pelliot, *Neuf notes.* — P. Pelliot, *Neuf notes sur des questions d'Asie Centrale*,—«T'oung Pao», vol. XXVI, 1929, pp. 202—265.

Pelliot, *Notes critiques.* — P. Pelliot, *Notes critiques d'histoire kalmouke.* Texte; Tableaux généalogiques, Paris, 1960 (Oeuvres posthumes de Paul Pelliot, VI).

Pelliot, *Notes on Marco Polo.* — P. Pelliot, *Notes on Marco Polo*, I, Paris, 1959 (Ouvrage posthume).

Pelliot, *Notes sur le «Turkestan».* — P. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan» de M. W. Barthold*, — «T'oung Pao», vol. XXVII, 1930, pp. 12—56.

Pelliot, *Origine.* — P. Pelliot, *L'origine de T'ou-kiue, nom chinois des Turks*, — «T'oung Pao», vol. XVI, 1915, pp. 687—689.

Pelliot, *Le titre mongol.* — P. Pelliot, *Le titre mongol du Yuan tch'ao pi che*, — «T'oung Pao», vol. XIV, 1913, pp. 131—132.

Pelliot, *La version ouïgoure.* — P. Pelliot, *La version ouïgoure de l'histoire des princes Kalyāṇamkara et Pāpamkara*,— «T'oung Pao», vol. XV, 1914, pp. 225—272.

Pelliot, *Vocabulaire mongol des Ḳaitak.* — P. Pelliot, *Le prétendu vocabulaire mongol des Ḳaitak du Daghestan*, — JA, t. CCX, 1927, pp. 279—294.

Pertsch, *Die türkischen Handschriften.* — [W. Pertsch], *Die türkischen Handschriften der Herzoglichen Bibliothek zu Gotha*, verzeichnet von W. Pertsch, Wien, 1864 (Die Orientalischen Handschriften der Herzoglichen Bibliothek zu Gotha. . . verzeichnet von W. Pertsch, T. II).

Pestalozza, *Il manicheizmo.* — U. Pestalozza, *Il manicheizmo presso i Turchi occidentali ed orientali* (*rilievi I chiarimenti*), — RRIL, ser. II, vol. LXVII, 1937, fasc. XI—XV, pp. 417—497.

Pognon, *Note.* — Pognon, *Note de m. Pognon*, — JA, sér. 8, t. XIX, pp. 153—155. (Annexe № 1, au procès-verbal de la séance du 8 janvier 1892).

Poppe, *Altaisch und Urtürkisch.* — N. Poppe, *Altaisch und Urtürkisch*, — UJ, Bd VI, 1926, S. 94—121.

Poppe, AM, vol. I [pp. 775—782]. — N. Poppe, *Die Tschuwassischen Lautgesetze.* [Besprechung von G. J. Ramstedt, Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen. JSFOu, t. XXXVIII, 1. Helsinki, 1922—1923.], — AM, vol. I, 1924, pp. 775—782.

Poppe, *Introduction.* — N. Poppe, *Introduction to Altaic linguistics*, Wiesbaden, 1965 (Ural-Altaische Bibliothek, T. XIV).

Poppe, *On some Altaic loanwords.* — N. Poppe, *On some Altaic loanwords in Hungarian*, — в кн.: «American Studies in Uralic Linguistics», Bloomington, 1960, pp. 139—147.

Poppe, *Die tschuwassische Sprache.* — N. Poppe, *Die tschuwassische Sprache in ihrem Verhältnis zu den Türksprachen*, — KCsA, II, 1926, S. 65—83.

Poppe, *Die türkischen Lehnwörter.* — N. Poppe, *Die türkischen Lehnwörter im Tschuwassischen*, — UJ, Bd VII, 1927, S. 151—167.

Potthast, *Regesta.* — A. Potthast, *Regesta Pontificum Romanorum*, vol. I—II, Berolini, 1874—1875.

Pritsak, *Bulgarische Fürstenliste.* — O. Pritsak, *Die Bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren*, Wiesbaden, 1955 (Ural-Altaische Bibliothek, T. I).

Pritsak, *Die Karachaniden.* — O. Pritsak, *Die Karachaniden*, — DI, Bd XXXI, 1954, S. 17—68.

Pritsak, *Das Karaimische.* — O. Pritsak, *Das Karaimische*, — PhTF, t. I, S. 318—340.

Pritsak, *Kāšġarīs Angaben.* — O. Pritsak, *Kāšġarīs Angaben über die Sprache der Bolgaren*, — ZDMG, Bd 109 (N. F., Bd 34), 1959, S. 92—116.

Pritsak, *Von den Karluk.* — O. Pritsak, *Von den Karluk zu den Karachaniden*, — ZDMG, Bd 101 (N. F., Bd 26), 1951, S. 270—300.

Pritsak, *Mahmud Kâşgarî kimdir?* — O. Pritsak, *Mahmud Kâşgarî kimdir?* — TM, c. X, 1953, ss. 243—246.

Pritsak, *Die 24 Ta-ch'ĕn.* — O. Pritsak, *Die 24 Ta-ch'ĕn. Studie zur Geschichte des Verwaltungsaufbaus der Hsing-nu Reiche*, — «Oriens extremus», Jg. I, 1954, S. 178—202.

Puech, *Le manichéisme.* — H.-Ch. Puech, *Le manichéisme. Son fondateur — sa doctrine*, Paris, 1949 (Publications du Musée Guimet. Bibliothèque de diffusion. T. 56).

Pulleyblanck, *The Chinese name.* — E. G. Pulleyblanck, *The Chinese name for the Turks*, — JAOS, vol. 85, 1965, pp. 121—125.

Pulleyblank, *The consonantal system.* — E. G. Pulleyblank, *The consonantal system of old Chinese*, — AM, NS, vol. IX, 1962, pp. 58—144, 206—265.

Pulleyblank, *Some remarks.* — E. G. Pulleyblank, *Some remarks on the Toguz-oghuz problem*, — UAJ, Bd XXVIII, 1956, pp. 35—42.

Quatremère, *Chrestomathie.* — [E.] Quatremère, *Chrestomathie en turk oriental contenant plusieurs ouvrages de l'emir Ali-Schir, des extraits des mémoires du sultan Baber, du Traité du Miradj, du Tezkiret-el-avlia et du Bakhtiar-nameh*, publiés, accompagnés d'une traduction française, d'un mémoire sur la vie d'Ali-Schir et de notes grammaticales, philologiques et autres, 1er fasc., Paris, 1841.

Radloff, *Alttürkische Studien*, I—VI. — W. Radloff, *Alttürkische Studien*, — ИАН, сер. VI, (I) — т. III, 1909, № 18, стр. 1213—1220; (II—III) — т. IV, 1910, № 3, стр. 217—228; № 13, стр. 1025—1036; (IV—V) — т. V, 1911, № 5, стр. 305—326; № 6, стр. 427—452; (VI) — т. VI, 1912, № 12, стр. 747—778.

Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*. — W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, Lief. I—III, St.-Pbg., 1894—1895; Neue Folge, St.-Pbg., 1897; Zweite Folge, St.-Pbg., 1899.

Radloff, *Altuigurische Sprachproben*. — W. Radloff, *Altuigurische Sprachproben aus Turfan*, — в кн.: *Nachrichten über die von der Kaiserlich Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan*, H. I, St.-Pbg., 1899, S. 55—83.

Radloff, *Aus Sibirien*. — W. Radloff, *Aus Sibirien. Löse Blätter aus meinem Tagebuche*, Leipzig, 1884; 2. Ausg., Bd I—II, 1893.

Radloff, *Chuastuanit*. — W. Radloff, *Chuastuanit, das Bussgebet der Manichäer*. Hrsg. und übersetzt von W. Radloff, St.-Pbg., 1909.

Radloff, *Ethnographische Uebersicht*. — W. Radloff, *Ethnographische Uebersicht der Türkenstämme Sibiriens und der Mongolei*, Leipzig, 1883.

Radloff, *Nachträge zum Chuastuanit*. — W. Radloff, *Nachträge zum Chuastuanit* (*Chuastuanvt*), *dem Bussgebete der Manichäer* (*Hörer*), — ИАН, сер. VI, т. V, 1911, стр. 867—896.

Radloff, *Proben* — см. Радлов, *Образцы*.

Radloff, *Das türkische Sprachmaterial*. — W. Radloff, *Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus. Manuscript der Bibliothek der Markus-Kirche in Venedig*. Nach der Ausgabe der Grafen Kuun (Budapest, 1880), St.-Pbg., 1887 («Mémoires», VII-e sér., t. XXXV, № 6).

Radloff, *Uigurische Inschrift*. — W. Radloff, *Über ein neu aufgefundene uigurische Inschrift*, — «Bulletin», nouv. série, t. III (XXXV), 1892—1894, pp. 327—328; то же: Mél. As., t. X, 1892, pp. 387—389.

Ramstedt, *Mogholica*. — G. J. Ramstedt, *Mogholica. Beiträge zur Kenntnis der Moghol-Sprache in Afghanistan*, Helsingfors, 1905 (JSFOu, t. XXIII, № 4).

Ramstedt, *Stellung des Tschuwassischen*. — G. J. Ramstedt, *Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen*, — JSFOu, t. XXXIII, 1922—1923, pp. 1—34.

Ramstedt, *Über die Zahlwörter*. — G. J. Ramstedt, *Über die Zahlwörter der altaischen Sprachen*, — JSFOu, t. XXIV, 1907, pp. 1—24.

Ramstedt, *Zwei uigurische Runeninschriften*. — *Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei*. Aufgefunden und mit Transkription, Übersetzung und Bemerkungen veröffentlicht von G. J. Ramstedt, — JSFOu, t. XXX, 1913—1918, pp. 1—65 (разд. паг.).

Ramusio, *Viaggi*. — [G. B. Ramusio], *Delle navigationi et viaggi*, raccolto gia da M. Gio. Battista Ramusio, et con molti et vaghi discorsi da lui in molti luoghi dichiarato et illustrato, vol. I—III, Venetia, 1559—1564 [I — 1563; II — 1559; III — 1564]

Reclus, *Géographie universelle*. — É. Reclus, *Nouvelle géographie universelle, la terre et les hommes*. T. V. *L'Europe Scandinave et Russe*, Paris, 1880.

Redhouse, *Lexicon*. — J. W. Redhouse, *A Turkish and English lexicon shewing in English the significations of the Turkish terms*, Constantinople, 1890; New ed.: *A Turkish and English lexicon*. New impr., Constantinople, 1921.

Reinaud, *Relation*. — *Relation des voyages faits par les arabes et les persans dans l'Inde et à la Chine dans le IX*e *siècle de l'ère chrétienne*. Texte arabe. . . publié avec des corrections et additions et accompagné d'une traduction française et d'éclaircissements par M. Reinaud, t. I—II, Paris, 1845.

Retowski, *Die Münzen der Gireï*. — O. Retowski, *Die Münzen der Gireï*, — ТМНО, т. II, 1901, стр. 241—308; т. III, 1905, стр. 10—107; 187—330.

Rieu, *Pers. MSS.* — Ch. Rieu, *Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum*, vol. I—III, London, 1879—1883.

Rien, *Turkish MSS.* — Ch. Rieu, *Catalogue of the Turkish manuscripts in the British Museum*, London, 1888.

Richthofen, *China.* — F. F. v. Richthofen, *China. Ergebnisse eigener Reisen und darauf gegründeter Studien*, Bd I—IV und Atlas, Berlin, 1877—1883.

H. Ritter, *Aserbeidschanische Texte.* — H. Ritter, *Aserbeidschanische Texte zur nordpersischen Volkskunde*, — DI, Bd XI, 1921, S. 181—212.

H. Ritter, DI, Bd XIX- [S. 42—49]. — H. Ritter, [рец. на:] Мир-Али-Шир. Сборник к пятисотлетию со дня рождения. Изд. Академии наук, Ленинград, 1928, — DI, Bd XIX, 1930, S. 42—49.

Robertson, *The Káfirs.* — G. S. Robertson, *The Káfirs of the Hindu-Kush*, London, 1896.

Rockhill, *The Land of the Lamas.* — W. W. Rockhill, *The Land of the Lamas. Notes of a journey through China, Mongolia and Tibet.* With maps and illustrations, London, 1891.

Rosen, *Les manuscrits persans.* — [V. Rosen], *Les manuscrits persans de l'Institut des langues orientales. . .* décrits par V. Rosen, St.-Pbg., 1886 (Collections scientifiques, t. III).

Ross, *The genealogies.* — E. D. Ross, *The genealogies of Fakhr-ud-Dín, Mubárak Sháh*, — «'Ajab-nama», pp. 392—413.

Roux, *Le nom du chaman.* — J.-P. Roux, *Le nom du chaman dans les textes turco-mongols*, — «Anthropos», t. LIII, 1958, pp. 133—142.

Roux, *La religion.* — J. P. Roux, *La religion des Turcs de l'Orkhon des VIIe et VIIIe siècles*, — RHR, t. CLXI, 1962, pp. 1—24.

Roux, *Tängri.* — J. P. Roux, *Tängri. Essai sur le ciel-dieu des peuples altaïques*, — RHR, t. CXLIX, 1956, pp. 49—82, 197—230; t. CL, 1956, pp. 27—54, 173—212.

Ruska, *Sarakhs.* — J. Ruska, *Sarakhs*, — EI, IV, S. 169.

Sachau, *Ein Verzeichnis.* — E. Sachau, *Ein Verzeichnis Muhammedanischer Dynastien*, Berlin, 1923 (APAW, Jg. 1923, phil.-hist. Klasse, № 1).

Salemann, *Die Seldschukischen Verse.* — C. G. H. Salemann, *Noch einmal die Seldschukischen Verse*, — Mél. As., t. X, 1894, pp. 173—245.

Salemann, *Zur Kritik.* — C. Salemann, *Zur Kritik des Codex Comanicus*, — ИАН, сер. VI, т. IV, 1910, стр. 943—957.

Samolin, *Some notes.* — W. Samolin, *Some notes on the Awar problem*, — CAJ, vol. III, 1957, pp. 62—65.

Sbaralea, *Bullarium Franciscanum.* — I. H. Sbaralea, *Bullarium Franciscanum Romanorum pontificum constitutiones, epistolas ac diplomata continens tribus ordinibus Minorum, Clarissarum et poenitentium. . . concessa.* Incepit I. H. Sbaralea, t. I—IV, Romae, 1759—1768.

Schacht, *Zwei Veröffentlichungen.* — J. Schacht, *Zwei Veröffentlichungen zur türkisch-bulgarischen Fürstenliste.* [Рец. на:] 1. J. J. Mikkola, *Die Chronologie der türkischen Donaubulgaren* (JSFOu, t. XXX—3); 2. V. N. Zlatarski, *Die bulgarischen Zeitrechnung* (JSFOu, t. XL—2), — ZSPh, Bd II, 1905, S. 268—274.

Schaeder, *Türkische Namen.* — H. Schaeder, *Türkische Namen der Iranier*, — WI, Sonderband, 1941, S. 1—33.

Schechter, *An unknown Khazar document.* — S. Schechter, *An unknown Khazar document*, — «Jewish quarterly review», NS, vol. 3, 1912—1913, pp. 181—219.

Schefer, *Chrestomathie persane.* — *Chrestomathie persane à l'usage des élèves de l'Ecole spéciale des langues orientales vivantes*, publiée par Ch. Schefer, t. I—II, Paris, 1883—1885 (PÉLOV, IIe sér., vol. VI—VII).

Schlegel, *Chinesische Inschrift.* — G. Schlegel, *Chinesische Inschrift auf dem uigurischen Denkmal in Kara Balgasun*, Helsingfors, 1896 (MSFOu, t. IX).

Schlottmann, *Ueber die Bedeutungen.* — K. Schlottmann, *Über die Bedeutungen der türkischen Verbalformen,* — ZDMG, Bd XI, 1857, S. 1—49.

F. Schmidt, *Über Rubruk's Reise.* — F. M. Schmidt, *Über Rubruk's Reise von 1253—55,* Berlin, 1885.

I. Schmidt, *Würdigung.* — I. J. Schmidt, *Würdigung und Abfertigung der Klaprothschen sogenannten Beleuchtung und Widerlegung seiner Forschungen im Gebiete der Geschichte der Völker Mittel-Asiens,* Leipzig, 1826.

Schott, *Über die ächten Kirgisen.* — W. Schott, *Über die ächten Kirgisen,* — APAW, 1865, S. 429—474.

Schreiber, *Das Volk der Hsien-pi.* — G. Schreiber, *Das Volk der Hsien-pi zur Han-Zeit,* — «Monumenta Serica», vol. XII, Tokyo, 1947, pp. 145—203.

Schurmann, *The Mongols of Afghanistan.* — H. F. Schurmann, *The Mongols of Afghanistan. An ethnography of the Moghôls and related peoples of Afghanistan,* The Hague, 1962.

Schwarz, *Turkestan.* — F. v. Schwarz, *Turkestan, die Wiege der indo-germanischen Völker. Nach fünfzehnjährigen Aufenthalt in Turkestan dargestellt,* Freiburg im Breisgau, 1900.

Schwentner, *Tocharische Bibliographie.* — E. Schwentner, *Tocharische Bibliographie, 1890—1958,* Berlin, 1959.

Sédillot, *Prolégomènes.* — *Prolégomènes des Tables astronomiques d'Oulug-Beg.* Publiés avec notes et variantes, et précédés d'une introduction; par L. P. E. A. Sédillot, Paris, 1847; Traduction et commentaire, par L. P. E. A. Sédillot, Paris, 1853 (Chrestomathie persane, publiée sous les auspices de M. le Ministre des l'instruction publique, t. I—II).

Seldjuken. — *Seldjuken,* — EI, IV, S. 222—228.

Senkowski, *Supplément.* — J. Senkowski, *Supplément à l'Histoire générale des Huns, des Turcs et des Mogols, contenant un abrégé de l'histoire de la domination des Uzbèks dans la Grande Bukharie, depuis leur établissement dans ce pays jusqu'à l'an 1709, et une continuation de l'histoire de Kharèzm, depuis la mort d'Aboul-ghazi-khan jusqu'à la même époque,* St.-Pbg., 1824.

Severtzow, *Études.* — N. Severtzow, *Etudes de géographie historique sur les anciens itinéraires à travers le Pamir. Ptolemée, Hiouen-Thsang, Song-Juen, Marco-Polo,* — «Bulletin de la Société de géographie», sér. 7, t. XI, Paris, 1890, pp. 417—467, 553—610.

Shaw, *Sketch.* — R. B. Shaw, *A sketch of the Turki language as spoken in Eastern Turkistan (Kàshghar and Yarkand.).* Pt II, *Vocabulary, Turki-English,* Calcutta, 1880 (Extra № to Pt I of JASB).

Shiratori, *L'origine.* — K. Shiratori, *Sur l'origine des Hiong-nou,* — JA, t. CCII, 1923, pp. 71—81.

Shiratori, *Über die Sprache der Hiung-nu.* — K. Shiratori, *Sinologische Beiträge zur Geschichte der Türk-Völker. II. Über die Sprache der Hiung-nu und der Tunghu-Stämme,* — ИАН, сер. V, т. XVII, 1902, стр. 01—033; то же: Mél. As., t. XII, 1906, pp. 1—33.

Shiratori, *Über die Sprache des Hiung-nu-Stammes.* — K. Shiratori, *Über die Sprache de Hiung-nu-Stammes und der Tung-nu-Stämme,* Tokio, 1900.

Shiratori, *Über den Wu-sun.* — K. Shiratori, *Über den Wu-sun Stamm in Centralasien,* — KSz, t. III, 1902, pp. 103—140.

Sinor, *Introduction.* — D. Sinor, *Introduction à l'étude de l'Eurasie Centrale,* Wiesbaden, 1963.

Sinor, *Qapqan.* — D. Sinor, *Qapqan,* — JRAS, 1954, pt 3—4, pp. 174—184.

Skrine — Ross. *The Heart of Asia.* — F. H. Skrine and E. D. Ross, *The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times,* London, 1899.

Sobernheim, *Baibars I.* — M. Sobernheim, *Baibars I*, — EI, I, S. 611—613.

Sobernheim, *Barḳūḳ.* — M. Sobernheim, *Barḳūḳ*, — EI, I, S. 690.

Spuler, *Die Mongolen in Iran.* — B. Spuler, *Die Mongolen in Iran. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit. 1220—1350*, 2. erweit. Aufl., Berlin, 1955.

Stein, *Ancient Khotan.* — A. Stein, *Ancient Khotan. Detailed report of archeological explorations in Chinese Turkestan*, vol. I, Text; vol. II, Plates, Oxford, 1907.

Stein, *A third journey.* — A. Stein, *A third journey of exploration in Central Asia, 1913—16*, — GJ, vol. XLVIII, 1916, pp. 97—130, 193—229; то же: отд. отт.

Streck, *Ḳaiṣarīya.* — M. Streck, *Ḳaiṣarīya*, — EI, II, S. 708—710.

Stübe, *Tschinghiz-Chan.* — R. Stübe, *Tschinghiz-Chan, seine Staatsbildung und seine Persönlichkeit*, — «Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Literatur», hrsg. von J. Ilberg, 11. Jg., Bd XXI, Leipzig, 1908, S. 532—541.

Sykes, *Through deserts.* — E. Sykes and P. Sykes, *Through deserts and oasis of Central Asia*, London, 1920.

Tallgren, *Collection Tovostine.* — A. M. Tallgren, *Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minousinsk. Conservées chez le Dr. Karl Hedman a Vasa. Chapitres d'archéologie Sibérienne*, Helsingfors, 1917.

Terrien de Lacouperie, *Beginnings of writing.* — A. E. J. B. Terrien de Lacouperie, *Beginnings of writing in Central and Eastern Asia, or notes on 450 embryowriting and scripts*, London, 1894.

Thomsen, *Alttürkische Inschriften.* — V. Thomsen, *Alttürkische Inschriften aus der Mongolei in Übersetzung und mit Einleitung*, [übers. von H. H. Schaeder], — ZDMG, Bd 78 (N. F., Bd 3), 1924, S. 121—175.

Thomsen, *Déchiffrement des inscriptions.* — V. Thomsen, *Déchiffrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'Iénissei. Notice préliminaire*, — «Bulletin de l'Académie Royale des Sciences et des Lettres de Danemark» pour l'année 1893, pp. 285—299.

Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon.* — [V. Thomsen], *Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées* par V. Thomsen, Helsingfors, 1896 (MSFOu, t. V).

Thomsen, *Le système.* — V. Thomsen, *Sur le système des consonnes dans la langue ouigoure*, — KSz, II, 1901, pp. 241—259.

Thomsen, *Samlede Afhandlinger*, III. — V. Thomsen, *Samlede Afhandlinger*, Bd III, København, 1922.

Thomsen, *Turcica.* — V. Thomsen, *Turcica. Etudes concernant l'interprétation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibérie*, Helsingfors, 1916 (MSFOu, t. XXXVII).

Tomaschek, *Die Nachrichten Herodot's.* — W. Tomaschek, *Kritik der ältesten Nachrichten über den Skythischen Norden.* II. *Die Nachrichten Herodot's über den Skythischen Karawanenweg nach Innerasien*, — SBAW Wien, Bd CXVII, 1888, S. 1—70.

Tomaschek, *Sogdiana.* — W. Tomaschek, *Centralasiatische Studien.* I. *Sogdiana*, — SBAW Wien, Bd LXXXVII, 1877, S. 67—184.

Tomaschek, *Über das arimaspische Gedicht.* — W. Tomaschek, *Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden.* I. *Über das arimaspische Gedicht des Aristeas*, — SBAW Wien, Bd CXVI, 1888, S. 715—780.

Tomaschek, WZKM, Bd III [S. 103—108]. — W. Tomaschek, [рец. на:] M. J. de Goeje, De Muur van Gog en Magog, bijdrage van. — Amsterdam 1888, — WZKM, Bd III, 1889, S. 103—108.

Tomaschek, ZÖG, Jg. XXVIII [S. 674—686]. — W. Tomaschek, [рец. на:] Geschichte der Bulgaren. Von C. J. Jireček. Prag 1876, — ZÖG, Jg. XXVIII, 1877, S. 674—686.

Trinkler, *Afghanistan.* — E. Trinkler, *Afghanistan. Eine landeskundliche Studie. Auf Grund des vorhandenen Materials und eigener Beobachtung*, Gotha, 1928 (Ergänzungsheft Nr 196 zu «Petermanns Mitteilungen»).

Turan, *On iki hayvanlı türk takvimi.* — O. Turan, *On iki hayvanlı türk takvimi*, İstanbul, 1941.

Vámbéry, *Čagataische Sprachstudien.* — H. Vámbéry, *Čagataische Sprachstudien, enthaltend grammatikalischen Umriss, Chrestomathie und Wörterbuch der čagataischen Sprache*, Leipzig, 1867.

Vámbéry, *Das Türkenvolk.* — H. Vámbéry, *Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen*, Leipzig, 1885.

Vámbéry, *Uigurische Sprachmonumente* — см. *Кутадгу билик*, изд. Вамбери.

Van Vloten, *Recherches.* — G. van Vloten, *Recherches sur la domination arabe, le chiitisme et les croyances messianiques sous le Khalifat des Omayades*, Amsterdam, 1894 (Verhandelingen der Koninklijke Akademie van wetenschappente Amsterdam. Afdeeling Letterkunde, Deel I, № 3).

Vivien de St.-Martin, *Les Huns Blancs.* — Vivien de St.-Martin, *Les Huns Blancs ou Ephtalites des historiens byzantins*, Paris, 1849.

Vivien de St.-Martin, *Mémoire analytique.* — L. Vivien de Saint-Martin, *Mémoire analitique sur la carte de l'Asie Centrale et de l'Inde construite d'après le Si-Yu-Ki (Mémoires sur les contrées occidentales) et les autres relations chinoises des premiers siècles de notre ère, pour les voyages de Hiouen-thsang dans l'Inde depuis l'année 629 jusqu'en 645*, — в кн.: *Mémoires sur les contrées occidentales. . .* par Hiouen-thsang, [traduits]. . . par S. Julien, t. II, Paris, 1858, pp. 251—428.

Vullers, *Lexicon.*— J. A. Vullers, *Lexicon Persico-Latinum etymologicum cum linguis maxime cognatis Sanscrita et Zendica et Pehlevica comparatum. . .*, t. I—II, Bonnae, 1855—1864.

Wadding, *Annales Minorum.* — L. Wadding, *Annales Minorum.* Ed. I. M. Forsera, vol. I—XIX, Romae, 1731—1745.

Walīdī, *Ḫwārezmische Sätze.* — A.-Z. Walīdī, *Ḫwārezmische Sätze in einem arabischen Fiqh-Werke*, — «Islamica», vol. III, fasc. 2, 1927, S. 190—213.

Wassiliev, *Notice.* — W. Wassiliev, *Notice sur les ouvrages en langues de l'Asie Orientale qui se trouvent dans la Bibliothèque de l'Université de Saint-Pétersbourg*, — Mél. As., t. II, 1856, pp. 562—607.

Watters, *The shadow.* — T. Watters, *The shadow of a pilgrim; or, notes to The Ta-t'ang Hsö-Yü-chi of Yan-Chwang*, — «China Review», [I] — vol. XVIII, 1889—1890, pp. 327—347; [II] — vol. XIX, 1891, pp. 107—126.

Westberg, *Beiträge.* — F. Westberg, *Beiträge zur Klärung orientalischer Quellen über Osteuropa. (Erste Hälfte des Mittelalters)*, — ИАН, сер. V, т. XI, 1899, стр. 211—245, 275—314; то же: Mél. As., t. XI, 1901, pp. 291—364.

Widengren, *Mani.* — G. Widengren, *Mani and Manichaeism*, London, 1965.

Wittek, *Eine türkische Fürstin.* — P. Wittek, *Eine türkische Fürstin auf dem Wandgemälde von Ḳuṣajr ʿAmra*, — DI, Bd XIV, 1925, S. 402—406.

Wittfogel — Fêng Chia-shêng, *Liao.* — K. A. Wittfogel and Fêng Chia-shêng, *History of Chinese society Liao (907—1125)*, Philadelphia, 1949 (Transactions of the American Philosophical Society, NS, vol. 36).

Wolff, *Geschichte der Mongolen.* — [O. Wolff], *Geschichte der Mongolen oder Tataren, besonders ihres Vordringens nach Europa, so wie ihrer Eroberungen und Einfälle in diesem Welttheile*, kritisch bearbeitet von O. Wolff, Breslau, 1872.

Wright, *Syriac literature.*— W. Wright, *A short history of Syriac literature*, London, 1894.

Wüstenfeld, *Vergleichungs-Tabellen.* — *Vergleichungs-Tabellen der Muhammedanischen und Christlichen Zeitrechnung, nach dem ersten Tage jedes Muhammedanischen Monats berechnet* und im Aufgabe und auf Kosten der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft hrsg. von Dr. F. Wüstenfeld, Leipzig, 1854.

Wylie, *History of the Heung-noo.* — A. Wylie, *History of the Heung-noo in their relation with China. Translated from the Tseen-Han-shoo. Book 94 etc.*, — JAI, vol. III, 1874, pp. 401—452; vol. V, 1876, pp. 41—80.

Wylie, *Notes.* — A. Wylie, *Notes on Chinese literature. With introductory remarks on the progressive advancements of the art; and a list of translations from the Chinese, into various European languages*, Shanghai, 1867.

Yule, *Cathay.* — [H. Yule], *Cathay and the way thither; being a collection of medieval notices of China*, transl. and ed. by H. Yule. With a preliminary essay on the intercourse between China and the western nations previous to the discovery of the Cape route, vol. I—II, London, 1866 (HS, [№ XXXVI—XXXVII]); 2d ed.: vol. I—IV, London, 1913—1916 (HS, 2d ser., № XXXIII, XXXVII, XXXVIII, XLI).

Zajączkowski, *Husrev-u Šīrīn.* — A. Zajączkowski, *Poemat irański Ḫusrev-u-Šīrīn w wersji osmańsko-tureckiej Šeyḫī* (Ms. Paris, Bibliothèque Nationale, A. F. Turc 322), Warszawa, 1963 (Zakład Orientalistyki Polskiej Akad. Nauk. Prace orientalistyczne, t. 13).

Zajączkowski, *Die karaimische Literatur.* — A. Zajączkowski, *Die karaimische Literatur*, — PhTF, t. II, S. 693—801.

Zajączkowski, *Najstarsza wersja turecka*, I—III. — A. Zajączkowski, *Najstarsza wersja turecka Husräw u Šīrīn Quṭba*, Cz. 1—3, Warszawa, 1958—1961 (Zakład Orientalistyki Polskiej Akad. Nauk. Prace orientalistyczny, t. 6, 8, 9) [Cz. 1, *Text*, 1958; cz. 2, *Faksimile*, 1958; cz. 3, *Słownik*, 1961].

Zambaur, *Manuel.* — E. Zambaur, *Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de l'Islam*, Hanovre, 1927.

Zeuner, *A history of domesticated animals.* — F. E. Zeuner, *A history of domesticated animals*, London, 1963.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН [1]

[1] Во всех указателях звездочкой отмечены номера страниц, на которых данное слово встречается в сносках.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ[1]

[1] Курсивом показана точная транскрипция (транслитерация), преимущественно терминов арабского и персидского происхождения; когда в тексте такой транскрипции нет, она дается в скобках после транскрипции Бартольда.

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ СОЧИНЕНИЙ

Содержание

Статьи из «Энциклопедии ислама»

Приложения

Научное издание

Бартольд
Василий Владимирович

РАБОТЫ
ПО ИСТОРИИ И ФИЛОЛОГИИ
ТЮРКСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ
НАРОДОВ

Редактор
Ю.Э.Брегель

Художник
Э.Л.Эрман

Подписано к печати 25.09.02
Формат 70×100 $^{1}/_{16}$
Печать офсетная
Усл. п. л. 66,5. Усл. кр.-отт. 66,75
Уч.-изд. л. 52,95. Тираж 1000 экз.
Изд. № 8058. Зак. № 6841

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Для заметок